This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

P Slav 605.25

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

BOUGHT WITH INCOME
FROM THE BEQUEST OF
HENRY LILLIE PIERCE
OF BOSTON

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1900.

АЛЕКСАНДРЪ БАТЕНБЕРГЪ

ПЕРВЫЙ КНЯЗЬ БОЛГАРІИ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1900.

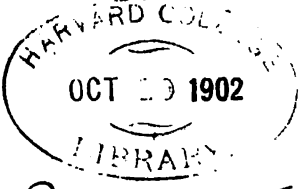
ЯНВАРЬ.— ФЕВРАЛЬ.— МАРТЪ.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза", Бол. Подъяч., 39.
1900.

F Slav 605.25
~~Slav 25.10~~



Pierce fund.
(Vols 101-104).
& Supplement-1900

4867
24

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXI-й. ЯНВАРЬ. 1900 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Ссора между И. А. Гончаровымъ и И. С. Тургеневымъ въ 1859 и 1860 гг. Акад. Л. Н. Майкова. 5—23
II. Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа. 25—56
III. Записка М. М. Сперанскаго о вѣроятностяхъ войны съ Франціей послѣ Тильзитскаго мира. Сообщ. Н. Ѳ. Дубровинъ. 57—65
IV. Некрологи Пушкина въ нѣмецкихъ газетахъ 1837 года. М. А. Веневитинова. 67—95
V. Графъ А. А. Аракчеевъ: 1) Графъ Аракчеевъ нѣжный сынъ, дамскій кавалеръ, шутникъ и защитникъ артиллеріи. Сообщ. Н. Ѳ. Дубровинъ. 2) Графъ Аракчеевъ и князь С. С. Голицынъ. Сообщ. И. А. Шляпкинъ. 97—106
VI. Въ Болгаріи (Воспом. офицера генеральнаго штаба). П. Д. Паренсова. 107—127
VII. Суворовскій мостъ. Академика И. И. Янжула. 129—132
VIII. Отрывки изъ записокъ бывшаго инженера. Б. Н. 133—166
IX. Въ защиту А. А. Чацкаго. Ф. А. Витберга. 167—170
X. Изъ архива А. В. Никитенко (Письма къ нему: гр. Д. А. Толстаго, О. В. Булгарина, А. Ѳ. Пигемскаго и кн. Гр. Волконскаго). 171—186
XI. Изъ дневника П. Г. Дивова (1832 годъ). 187—194
XII. Изъ воспоминаній стараго педагога. (Оконч.). А. Н. Овсянникова. 195—224
XIII. Графъ Менихъ въ Сибири. Сообщ. П. М. Майковъ. 225—228
XIV. Бурбоны въ изгнаніи въ Митавѣ и въ Варшавѣ. Перев. В. В. Тимощукъ. 229—257
XV. Записки графа Л. Л. Беннигсена о войнѣ съ Наполеономъ 1807 года. Сообщ. П. М. Майковъ. 259—272
XVI. Замѣтка о дуэли А. С. Пушкина. Евг. Лицкаго. 273—275
XVII. Записная книжка „Русской Старины“: Мирное условіе между княгиней К. И. Лобановою-Ростовскою и Г. В. Герановымъ, (стр. 24).—Письмо М. И. Глинки—С. П. Шевыреву. 22 ноября 1831 г. (66).—Замѣтка о пребываніи А. С. Пушкина въ Оренбургѣ. Сообщ. М. Л. Юдинъ. (96)—Наблюденіе за приверженцами А. Суворова и Домбровскаго (128).—Ѳедосѣй Мануковъ (Дѣдъ Суворова). Сообщилъ Г. К. Рѣпинскій (258).—Рескриптъ импер. Александра I—бар. Кампенгаузену. 14 мая 1817 г. (276).
XVIII. Библіографическ. листокъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ: Александръ Батенбергъ, первый князь Болгаріи. Грав. И. Холмицкій.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1900 г.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, 29.
1900.

1-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го января 1900 г.

Библіографическій листокъ.

Записки старой смолянки (Императорскаго В. О. Б. Д.) В. П. Быковой. 1833—78 г. Ч. I, съ 30 иллюстр. Ч. II, съ 20 иллюстр. Примѣчанія и изданіе свящ. К. Зн—скаго. Спб. 1898—1899 гг.

Варвара Петровна Быкова родилась въ 1820 г. Получила воспитаніе въ Императорскомъ воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ, или, какъ въ то время было принято называть это заведеніе, въ „Смольномъ монастырѣ". Окончивъ полный курсъ въ 1836 г., Варвара Петровна съ апрѣля 1846 по августъ 1858 г. служила воспитательницею въ этомъ заведеніи, исполняя свои обязанности „съ отмѣннымъ усердіемъ и отличнымъ успѣхомъ". Въ 1858 г. она съ сестрою своею, Анною Петровною, назначенною начальницею дѣвичьяго института Восточной Сибири,—уѣхала въ Иркутскъ и до 1877 г. была дѣятельною помощницею сестры по управленію институтомъ. Въ 1877 г., по выходѣ въ отставку, сестры Быковы переѣхали въ Саратовъ, а въ 1881 г. въ Петербургъ, гдѣ Варвара Петровна и умерла 22-го октября 1886 года.

Обнимая собою періодъ времени почти въ 50 лѣтъ, записки Варвары Петровны Быковой заключаютъ въ себѣ много интереснаго. Самимъ авторомъ эти записки не были подготовлены къ изданію. „Большая часть ихъ, видимо,—говоритъ о. К. Знаменскій въ предисловіи къ первой части,—на разу по написаніи не прочитана, годы и числа рѣдко гдѣ проставлены. При томъ же рукописи четыре раза путешествовали изъ Петербурга въ Иркутскъ, а потому во многихъ мѣстахъ помѣтки карандашемъ и тушью совершенно стерлись, и возстановить ихъ первоначальный текстъ во многихъ случаяхъ невозможно".

Для ознакомленія съ содержаніемъ записокъ В. П. Быковой, мы приведемъ нѣсколько выдержекъ. Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ она открытіе 30-го августа 1834 г. памятника императору Александру I, на которомъ она присутствовала въ числѣ прочихъ воспитанницъ столичныхъ институтовъ: „Солнце освѣщало чудную картину: 120 тысячъ войскъ, по одному слову императора, собравшихся изъ разныхъ концовъ Россіи и стройно, безмолвно расположившихся на площади.

„Передъ войскомъ виднѣлся царь-исполинъ, могучій двигатель всѣхъ силъ своего обширнаго царства, нашъ царь-красавецъ, нашъ царь-отецъ! Когда, въ концѣ молебствія, запѣли: „вѣчная память" Александру Благословенному, то государь, а за нимъ и все войско преклонили колѣна. Это умилительное зрѣлище поразило и растрогало меня до глубины сердечной. Поразило тѣмъ болѣе, что я не была къ нему подготовлена. Въ эти торжественныя минуты что-то чудное совершилось во мнѣ: хотѣлось плакать, и душа была переполнена неизъяснимымъ блаженствомъ. Коленопреклоненный государь среди сотней тысячъ своего народа. Ангелъ на памятникѣ съ сіяющимъ крестомъ, парящій надъ простертой предъ нимъ всею силою, трогательное пѣніе церковнаго клира,—вся эта чудная картина, полная жизни, чувства и поэзіи, произвела на меня сильное впечатлѣніе".

Въ 1836 г. сестры Быковы вончили курсъ. 1-го марта „смолянокъ", удостоенныхъ шифра, повезли къ Зимнiй дворецъ. Ихъ ввели въ кабинетъ императрицы. Она сидѣла въ большомъ креслѣ; на ней было бѣлое платье, на плечахъ голубая косынка съ бѣлымъ пухомъ и чепчикъ на головѣ, по правую руку она пригласила сѣсть „бабушку" [1]. Послѣ весьма краткаго предисловія, прочитаннаго Г. Н. Вилламовымъ, „смолянки", вызываемыя по старшинству, подходили къ императрицѣ и опускались на колѣни. Государыня собственноручно прикалывала золотой шифръ каждой изъ нихъ. Послѣ этой церемоніи,—говоритъ В. П. Быкова,—мы опять перешли въ Георгіевскую залу и увидали столъ, накрытый на одиннадцать приборовъ. Бабушка помѣстилась съ нами, а императрица, великіе князья и великія княжны размѣстились вокругъ насъ, угощая и бѣгая безпрестанно съ одного мѣста на другое. Великіе князья, съ дозволенія происходившей любви къ намъ императрицы, сами брали у лакеевъ блюда и разносили кушанья за столами. Въ упоеніи блаженствомъ, мы и не замѣтили, какъ вошелъ императоръ.—„Здравствуйте, здравствуйте! очень радъ, что вижу васъ въ этихъ мундирахъ, что случается очень рѣдко. Je suis bien fâché de ne pas voir fair les honneurs, je sais pressé, mais voyez cette figure", — сказалъ императоръ и, приложивъ ручку вел. кн. Ольги Николаевны къ своему, добавилъ: „Elle me remplacera".—„А ты пошелъ!"—прибавилъ онъ, обращаясь къ наслѣднику, мощно ударивъ его въ спину, и съ той минуты Александръ Николаевичъ былъ нашимъ кавалеромъ во всѣ путешествіе по двору.

Состоя, съ 1846 г., классною дамою въ Смольномъ монастырѣ, В. П. Быкова все свое свободное время посвящала чтенію, и въ запискахъ ея встрѣчаются отзывы о многихъ писателяхъ, русскихъ и иностранныхъ. Вотъ что говоритъ она о Пушкинѣ: „Милый Пушкинъ! Чудный Пушкинъ! Мало жилъ ты! Какъ допустили до поединка!.. Неразумная жена, не умѣла цѣнить своего геніальнаго мужа! Безумный и Пушкинъ! Да, безумный, но прекрасный въ своемъ безуміи.." „О Пушкинъ, геній!!! И современниками такъ и понятъ. Перечитываю я и „Онѣгина"—строгаго спутника Пушкина. Задумываюсь надъ

[1]) Такъ звали воспитанницы Смольнаго института свою начальницу, графиню Ю. Ф. Адлербергъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1900 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и разсказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 1 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

Ссора между И. А. Гончаровымъ и И. С. Тургеневымъ

въ 1859 и 1860 годахъ.

П. В. Анненковъ въ одной изъ своихъ статей, посвященныхъ воспоминаніямъ объ И. С. Тургеневѣ [1]), коснулся того «литературнаго недоразумѣнія», которое разыгралось между авторомъ «Обломова» и авторомъ «Дворянскаго Гнѣзда» и «Наканунѣ» вслѣдъ за появленіемъ названныхъ произведеній на свѣтъ и порвало на нѣсколько лѣтъ дружескія отношенія этихъ двухъ корифеевъ нашей литературы. По словамъ Анненкова, это столкновеніе немало огорчило Тургенева, и чтобы разобраться въ немъ, Иванъ Сергѣевичъ потребовалъ третейскаго суда, ибо «во всемъ этомъ дѣлѣ усмотрѣлъ намѣреніе объявить успѣхъ «Дворянскаго Гнѣзда» и «Наканунѣ» пріобрѣтеннымъ неправильно».Изложеніемъ хода суда Анненковъ и намѣревался ограничиться, но на дѣлѣ его повѣствованіе—какъ впрочемъ и слѣдовало ожидать—переступило эти узкіе предѣлы: автору воспоминаній неизбѣжно пришлось коснуться причинъ размолвки. Такимъ образомъ разсказъ его составился изъ двухъ неравныхъ частей: введенія, въ которомъ Анненковъ кратко упоминаетъ о возникновеніи разлада между двумя романистами, и затѣмъ довольно подробнаго описанія самаго суда. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ общемъ разсказъ Анненкова заслуживаетъ большого довѣрія; Павелъ Васильевичъ былъ не только близкимъ свидѣтелемъ всего происшествія, но и близкимъ пріятелемъ, отчасти повѣреннымъ обоихъ противниковъ, а затѣмъ явился однимъ изъ членовъ того суда, который разбиралъ дѣло, и составъ котораго былъ опредѣ-

[1]) Шесть лѣтъ переписки съ И. С. Тургеневымъ 1856—1865—въ Вѣстникѣ Европы 1885 г., № 3.

тературѣ и обществѣ; но самый характеръ и условія ихъ успѣха были различные, и въ этомъ обстоятельствѣ, по моему мнѣнію, скрывается зародышъ того столкновенія, которое произошло между ихъ авторами.

Успѣхъ «Дворянскаго Гнѣзда» былъ по истинѣ чрезвычайный, почти неслыханный со времени изданія «Мертвыхъ Душъ»; объ этомъ хорошо помнятъ очевидцы и единогласно свидѣтельствуютъ всѣ тогдашніе критики. Одинъ изъ нихъ, П. В. Анненковъ, взялся даже объяснить причины этого явленія и сдѣлалъ это довольно удачно. Среди свойственнаго автору туманнаго многословія, въ его разборѣ встрѣчается нѣсколько любопытныхъ замѣчаній, которыя стоитъ привести, какъ голосъ современника, искренно расположеннаго къ Тургеневу, но вмѣстѣ съ тѣмъ стоявшаго, по своему литературному развитію, гораздо выше его заурядныхъ поклонниковъ. Поразительной успѣхъ «Дворянскаго Гнѣзда» Анненковъ объяснялъ не только художественными достоинствами исполненія, но и тѣмъ, что авторъ, создавая романъ, глубже зачерпнулъ его содержаніе изъ недръ русской жизни и отнесся къ ней съ большею симпатіей, чѣмъ то было обычно въ тогдашней литературѣ. «Черезъ рядъ болѣе или менѣе удачныхъ опытовъ», говорилъ Анненковъ,—«г. Тургеневъ дошелъ наконецъ до простой, многозначительной драмы, какая является въ «Дворянскомъ Гнѣздѣ» и какихъ тысячи втихомолку разыгрываются по разнымъ угламъ нашего отечества, дошелъ до лицъ и характеровъ, нисколько незапятнанныхъ грубымъ авторскимъ произволомъ, а взятыхъ изъ неисчислимой движущейся толпы такъ называемаго образованнаго общества, гдѣ они укрываются отъ лѣниваго наблюденія; словомъ, онъ изобразилъ такое событіе, которое оказалось связаннымъ тончайшими нитями съ нашею современностью, съ сердцами всего настоящаго или лучше, всего отживающаго поколѣнія. Таковъ былъ результатъ смѣлаго и вмѣстѣ дружелюбнаго отношенія къ жизни. Мудрено ли, что общество, узнавъ наконецъ въ яркой картинѣ одну изъ тайнъ собственнаго существованія, встрѣтило картину съ увлеченіемъ и восторгомъ, которыми оно обыкновенно награждаетъ людей, открывающихъ ему дорогу къ самосознанію, къ оцѣнкѣ и къ суду надъ собою?» [1])

Роману Гончарова труднѣе было овладѣть читателемъ. Начать съ того, что съ «Обломовымъ» общество знакомилось медленно, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и въ этой медленности уже заключались поводы къ болѣе спокойному, болѣе холодному сужденію о романѣ, чѣмъ то, какое почти внезапно сложилось въ обществѣ относительно «Дворянскаго Гнѣзда». Затѣмъ, самые пріемы Гончаровскаго письма, неторопливые,

[1]) Анненковъ, П. Воспоминанія и критическіе очерки. Отд. II. С.-Пб. 1874, стр. 197 и 198. Первоначально статья Анненкова появилась въ Русскомъ Вѣстникѣ 1859 г. № 16 (августъ).

чуждые прихотливой эфектности, достигающіе яркаго изображенія лишь богатствомъ, полнотою красокъ и тщательностью отдѣлки, не располагали къ быстрому усвоенію впечатлѣнія. Наконецъ, нельзя забыть и того, что «Обломовъ» не былъ для читателя совершенною новостью, что еще за десять лѣтъ до появленія всего романа напечатанъ былъ тотъ знаменитый отрывокъ изъ него—«Сонъ Обломова», который навсегда остался лучшею его частью.

О томъ, какъ принятъ былъ романъ Гончарова читателями въ 1859 году, сохранились также свидѣтельства современниковъ—А. А. Григорьева и Н. А. Добролюбова, и эти показанія тѣмъ болѣе достойны вниманія, что они принадлежатъ двумъ критикамъ, взглянувшимъ на романъ съ совершенно противоположныхъ точекъ зрѣнія и оцѣнившихъ его очень различно. Вотъ что говоритъ по этому поводу строгій противникъ сухого догматическаго міровоззрѣнія Гончарова Григорьевъ: «Явился наконецъ давно жданный «Обломовъ». Прежде всего, онъ не сказалъ ничего новаго. Все его новое высказано было гораздо прежде въ «Снѣ Обломова»—я разумѣю все существенно новое, такое, что возбуждаетъ толки, возбуждаетъ вражды и симпатіи. Успѣхъ «Обломова»—что ни говорите—былъ уже спорный, вовсе не то, что успѣхъ «Обыкновенной исторіи». Да оно такъ и должно было быть. Эпоха другая—сознаніе выросло. «Обыкновенная исторія» польстила требованію минуты, требованію большинства, чиновничества, моральнаго мѣщанства. «Обломовъ» ничему не польстилъ и опоздалъ по крайней мѣрѣ пятью или шестью годами... Въ «Обломовѣ» Гончаровъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ въ «Обыкновенной исторіи», и построенъ его «Обломовъ» по такимъ же сухимъ догматическимъ темамъ, какъ «Обыкновенная исторія». Въ подробностяхъ своихъ онъ—если хотите—еще выше «Обыкновенной исторіи», психологическимъ анализомъ еще глубже; но наше сознаніе, сознаніе эпохи, шло впередъ, а сознаніе автора «Обыкновенной исторіи» застряло въ Японіи. Польстилъ «Обломовъ» только весьма небольшому кружку людей, которые вѣрятъ еще тому, что врагъ нашъ въ дѣлѣ развитія—наша собственная натура, наши существенно бытовыя черты, и что все спасеніе для насъ заключается въ выдѣлкѣ себя по какой-то узенькой теоріи... Воззрѣнія этого небольшого кружка тоже далеко отстали отъ вопросовъ эпохи» [1]).

Въ этомъ отзывѣ есть, конечно, извѣстная доля субъективности: Григорьевъ изображаетъ успѣхъ «Обломова» лишь въ той мѣрѣ, въ какой самъ питалъ сочувствіе къ автору этого произведенія; но есть тутъ и много правды: успѣхъ этотъ въ моментъ появленія романа былъ

[1]) Сочиненія Аполлона Григорьева, т. II. С.-Пб., 1876 г., стр. 420. Статья, изъ которой приведена выписка, была первоначально напечатана въ Русскомъ Словѣ 1859 г. № 8 (августъ).

сомнѣній на счетъ успѣха «Обломова» съ особенною силой пробудились въ душѣ Гончарова подозрѣнія касательно отношеній Тургенева къ его произведеніямъ, и онъ не имѣлъ достаточно силы духа, чтобы побороть ихъ, а напротивъ сталъ припоминать свои старые переговоры съ Иваномъ Сергѣевичемъ и выискивать его вины.

Надобно сказать, что Тургеневъ и Гончаровъ были знакомы между собою еще съ половины сороковыхъ годовъ, но коротко сошлись они лишь въ половинѣ пятидесятыхъ, послѣ возвращенія Гончарова изъ Японіи (февраль 1855 г.). Съ тѣхъ поръ они часто видались въ Петербургѣ, гдѣ жилъ постоянно Иванъ Александровичъ, и куда Иванъ Сергѣевичъ пріѣзжалъ почти ежегодно: съ 1856 года онъ началъ часто отлучаться на западъ и между прочимъ провелъ тамъ время съ половины этого года до весны 1858 Гончаровъ тоже ѣздилъ туда лѣтомъ 1857 и 1858 годовъ, и въ первую изъ этихъ поѣздокъ, лѣчась на водахъ, кажется, въ Маріенбадѣ, усердно и съ увлеченіемъ работалъ надъ окончательною отдѣлкой «Обломова». Если не ошибаюсь, въ теченіе этой поѣздки онъ видѣлся за границей и съ Тургеневымъ. Въ то время дружескія связи ихъ были на столько тѣсны, что они не только читали другъ другу свои уже написанныя, но еще не напечатанныя произведенія, но и сообщали на общій судъ программу сочиненій, только что задуманныхъ; такъ, по всему вѣроятію, не позже 1857 года Гончаровъ показывалъ Тургеневу программу романа, которому предполагалось дать заглавіе: «Эпизоды изъ жизни Райскаго», и который былъ впослѣдствіи названъ «Обрывомъ», а Тургеневъ въ 1858 году прочелъ Гончарову «Дворянское Гнѣздо» и далъ понятіе о содержаніи романа «Наканунѣ». Выслушавъ «Дворянское Гнѣздо», Гончаровъ высказалъ автору мысль о сходствѣ этого произведенія съ сюжетомъ задуманнаго имъ «Райскаго», и Тургеневъ—какъ утверждалъ впослѣдствіи Иванъ Александровичъ—не только согласился съ этимъ замѣчаніемъ, но и рѣшился исключить изъ своего романа одно мѣсто, слишкомъ живо напоминавшее одну изъ сценъ въ будущемъ романѣ Гончарова. «Я успокоился», говорилъ впослѣдствіи Гончаровъ, припоминая это обстоятельство. Но когда «Дворянское Гнѣздо» было напечатано и своимъ громаднымъ успѣхомъ заслонило успѣхъ начавшаго печататься «Обломова», Гончаровъ не выдержалъ и снова затѣялъ счеты съ Тургеневымъ. Впрочемъ, эта попытка личныхъ объясненій не имѣла рѣшительнаго характера и не привела еще къ разрыву между старыми пріятелями, такъ что когда Тургеневъ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1859 года, собрался съѣздить въ свое Спасское, Гончаровъ пришелъ проводить его на Николаевскую станцію, и они разстались болѣе или менѣе дружески; но вслѣдъ затѣмъ сомнѣнія снова овладѣли Гончаровымъ, и онъ рѣшился возобновить свои объясненія на письмѣ. Письмо Ивана Александровича къ Тургеневу было

помѣчено 28-мъ марта. Предъ его отправленіемъ Гончаровъ снялъ съ него копію, которую оставилъ у себя, а впослѣдствіи передалъ С. С. Дудышкину. Вотъ она въ томъ видѣ, какъ оказалась въ бумагахъ послѣдняго:

Письмо къ Тургеневу.

28-го марта 1859.

. . . . . .

. . . . . .

А propos—о дипломатахъ и дипломатіи. Садясь въ вагонъ у Знаменья на станціи и прощаясь со мной, вы мнѣ сказали: «Надѣюсь, теперь вы убѣдились (по поводу нашего разговора на канунѣ), что вы не правы», и потомъ прибавили вашъ обыкновенный refrain: «Спросите у NN: когда я говорилъ ему о томъ-то и о томъ-то». Вы могли говорить объ этомъ очень давно, и все это ничего не значитъ. У меня и въ бумагахъ есть коротенькая отмѣтка о дѣдѣ, отцѣ и матери героя. Но говорить о четырехъ портретахъ предковъ (изъ письма) вы не могли. Впрочемъ, все это ничего не значитъ: я знаю, что внутренно вы совершенно согласны со мной.

Съ большой досадой пошелъ я домой. «За кого же онъ меня считаетъ?»—думалъ я,—«за ребенка, за женщину или за юношу, какъ назвалъ меня вечеромъ въ тотъ день Анненковъ?» Мнѣ и хочется теперь сказать вамъ: Нѣтъ, я убѣжденъ въ томъ, въ чемъ самъ убѣдился, что̀ вижу и знаю, что̀ меня удивляетъ, волнуетъ и заставляетъ поздно раскаяваться, и мнѣ свидѣтельства свидѣтелей не нужно. Нашъ споръ былъ тонокъ, деликатенъ и подлежалъ только суду нашихъ двухъ совѣстей, а не NN, не П П. Ужели вы, явясь на этотъ споръ съ блестящей свитой, могли бы быть покойны и довольны собой потому только, что NN или П П сказали бы: «Вы не правы. Какъ это можно: Тургеневъ не правъ! Кто смѣетъ подумать? Это ложь» и т. д., и т. д. А между тѣмъ вы въ самомъ дѣлѣ были бы не правы? Я не понимаю этого. Еслибъ весь міръ назвалъ меня убійцей и лгуномъ, а я бы не былъ убійцей и лгуномъ, я бы не смутился; точно также, еслибъ весь міръ сдѣлалъ меня своимъ идоломъ, да если бы во мнѣ завелся маленькій червячекъ,—кончено дѣло: я бы пропалъ. Нѣтъ! Если я на канунѣ спорилъ осторожно и оставилъ арену, не дойдя до конца, не высказавшись весь, такъ это потому, что есть предметы слишкомъ нѣжные, до которыхъ трудно касаться,—отъ того, что у меня, у «жестокаго человѣка», есть мягкость тамъ, гдѣ у другихъ ея не бываетъ... Мнѣ было неловко, я конфузился—только не отъ своей неправоты... Правда ваша послѣ этого, что ваши хитрости «сшиты на живую нитку», когда вы

мою мягкость и неловкость приняли за «убѣжденіе въ неправомъ спорѣ». Нѣтъ, не повѣрилъ я вамъ и въ томъ, когда вы такъ «натурально» увѣряли меня, что будто литературное ваше значеніе вовсе не занимаетъ васъ, что вы касаетесь ея такъ, мимоходомъ, а что живетъ въ васъ «старая мечта, старая любовь», и по ней тоскуете вы, по неосуществленію ея. Простите, мнѣ послышались въ этихъ словахъ стихи:

И знаетъ Богъ, и видитъ свѣтъ:
Онъ, бѣдный гетманъ двадцать лѣтъ...

Дипломатъ, дипломатъ! Нѣтъ! Давно и страстно стремились вы— скажу къ чести вашей — къ вашему призванію и къ вашему значенію: не сознаваться въ этомъ было бы или постыднымъ равнодушіемъ, или fatuité. Скажу болѣе: вы смотрите еще выше, и конечно, подыметесь очень высоко, если пойдете с в о и м ъ путемъ, если окончательно уясните, опредѣлите сами себѣ свои свойства, силы и средства. Вы скользите по жизни поверхностно, это — правда; но по литературной стезѣ вы скользите менѣе поверхностно, нежели по другому. Я, напримѣръ, рою тяжелую борозду въ жизни, потому что другія свойства заложены въ мою натуру и въ мое воспитаніе. Но оба мы любимъ искусство, оба—смѣю сказать—понимаемъ его, оба тщеславны, а вы, сверхъ того, не чужды въ вашихъ стремленіяхъ и нѣкоторыхъ страстей..., которыхъ я лишенъ по большей цѣльности характера, по другому воспитанію и еще... не знаю почему,—по лѣни, вѣроятно, и по скромности мнѣ во всемъ на роду написанной доли. У меня есть упорство, потому что я обреченъ труду давно, я моложе васъ, тронутъ былъ жизнью и отъ того затрогиваю ее глубже, отъ того служу искусству, какъ запряженный волъ, а вы хотите добывать призы, какъ на course au clocher.

Если смѣю выразить вамъ взглядъ мой на вашъ талантъ искренно, то скажу, что вамъ данъ нѣжный, вѣрный рисунокъ и звуки, а вы порываетесь строить огромныя зданія или цирки и хотите дать драму. Свое свободное, безгранично отведенное вамъ пространство хотите вы сами насильственно ограничить тѣсными рамками. Вамъ, какъ орлу, суждено нестись надъ горами, областями, городами, а вы кружитесь надъ селомъ и хотите сосредоточиться надъ прудомъ, надъ невидимыми для васъ сверху внутренними чувствами, страстями семейной драмы. Хотите спокойно и глубоко повѣствовать о лицѣ, о чувствѣ, которыхъ по быстротѣ полета не успѣли разглядѣть, изучить и окунуться сами въ его грусть и радость. Въ этомъ непониманіи своихъ свойствъ лежитъ вся, по моему мнѣнію, ваша ошибка. Скажу очень смѣлую вещь: сколько вы не пишите еще повѣстей, и драмъ, вы не опередите вашей «Иліады», вашихъ «Записокъ охотника»: тамъ нѣтъ ошибокъ; тамъ вы просты, вы-

соки, классичны, тамъ лежатъ перлы вашей музы: рисунки и звуки во всемъ ихъ блистательномъ совершенствѣ! А «Фаустъ», а «Дворянское Гнѣздо», а «Ася» и т. д.? И тамъ радужно горятъ ваши линіи и раздаются звуки. За то остальное, за то созданіе—его нѣтъ, или оно скудно, призрачно, лишено крѣпкой связи и стройности, потому что для зодчества нужно упорство, спокойное, объективное обозрѣваніе и постоянный трудъ, терпѣніе, а этого ничего нѣтъ въ вашемъ характерѣ, слѣдовательно, и въ талантѣ. «Дворянское Гнѣздо»... Про него я самъ ничего не скажу, но вотъ мнѣніе одного господина, на дняхъ высказанное въ одномъ обществѣ. Этотъ господинъ былъ подъ обаяніемъ впечатлѣнія и между прочимъ сказалъ, что когда впечатлѣніе минуетъ, въ памяти остается мало; между лицами нѣтъ органической связи, многія изъ нихъ лишнія, не знаешь, зачѣмъ разсказывается исторія барыни (Варвары Павловны), потому что, очевидно, автора занимаетъ не она, а картинки, силуеты, мелькающіе очерки, исполненные жизни, а не сущность, не связь и не цѣлость взятаго круга жизни; но что гимнъ любви, сыгранный нѣмцемъ, ночь въ коляскѣ и у кареты и ночная бесѣда двухъ пріятелей—совершенство, и они-то придаютъ весь интересъ и держатъ подъ обаяніемъ, но вѣдь они могли бы быть и не въ такой большой рамкѣ, а въ очеркѣ, и дѣйствовали бы живѣе, не охлаждая промежутками... Сообщаю вамъ эту рецензію учителя (онъ—учитель) не потому, чтобъ она была безусловная правда, а потому, что она хоть отчасти подтверждаетъ мой взглядъ на ваши произведенія. Летучіе быстрые порывы, какъ извѣстный лирическій порывъ Мицкевича, населяемые также быстро мелькающими лицами, событіями отрывочными, не доказанными, не допѣтыми (какъ Лиза въ «Гнѣздѣ»), лицами жалкими и скорбными звуками или радостными кликами,—вотъ гдѣ ваша не побѣдимая и не подражаемая сила. А чуть эта же Лиза начала шевелиться, обертываться всѣми сторонами, она и поблѣднѣла. «Но Варвара Павловна»—скажутъ—«полный, законченный образъ». Да, пожалуй, но какой внѣшній! У какихъ писателей не встрѣчается онъ! Вы простите, если напомню романъ Paul de Kock «La Cocu», гдѣ такой же образъ выведенъ, но еще трогательный: тамъ онъ извлекаетъ слезы. Вамъ, кажется, дано (по крайней мѣрѣ такъ до сихъ поръ было, а теперь—говорятъ—вы вышли на новую дорогу) не оживлять фантазіей дѣйствительную жизнь, а окрашивать фантазію дѣйствительною жизнію, по временамъ, мѣстами, чтобы она была не слишкомъ призрачна и прозрачна. Лира и лира—вотъ вашъ инструментъ. Поэтому я было обрадовался, когда вы сказали, что предметомъ задумываемаго вами произведенія избираете восторженную дѣвушку, но вспомнилъ, что вы—вѣдь дипломатъ: не хотите ли обойти или прикрыть этимъ эпитетомъ другой (нѣтъ ли тутъ еще гнѣзда, продолженія его, то-есть, одного

ятельности и озаглавленной «Лучше поздно, чѣмъ никогда» [1]). Совсѣмъ въ другомъ родѣ отвѣтъ Тургенева. Между тѣмъ какъ авторъ «Обломова» строго обдумалъ и взвѣсилъ каждую строку, каждое слово своего посланія, авторъ «Дворянскаго Гнѣзда» набросалъ свой отвѣтъ однимъ легкимъ взмахомъ руки. Не входя ни въ какія подробности, онъ ограничивается лишь краткимъ объясненіемъ по поводу обвиненій, взведенныхъ на него Гончаровымъ, да и объ этомъ щекотливомъ предметѣ старается говорить какъ можно менѣе. Тургеневъ, очевидно, избѣгалъ ссоры, замѣчая, съ одной стороны, преувеличенную придирчивость своего корреспондента, а съ другой—пожалуй, чувствуя, что упрекъ Гончарова можетъ имѣть нѣкоторое, впрочемъ только призрачное основаніе: не даромъ же, еще при первомъ личномъ объясненіи Иванъ Сергѣевичъ имѣлъ слабость или неосторожность упомянуть о своей невольной, безсознательной впечатлительности: упоминаніе, которымъ Гончаровъ, какъ видно изъ его письма, воспользовался очень искусно. Какъ бы то ни было, вотъ что̀ содержалось въ письмѣ Тургенева:

Отвѣтъ Тургенева.

7-го апрѣля 1859.

Не могу скрыть, любезнѣйшій Иванъ Александровичъ, что берусь за перо на сей разъ противъ обыкновенія съ меньшимъ удовольствіемъ, чтобы отвѣчать вамъ, потому что какое удовольствіе писать человѣку, который считаетъ тебя присвоителемъ чужихъ мыслей (plagiaire), лгуномъ (вы подозрѣваете, что въ сюжетѣ моей новой повѣсти опять есть закорючка, что я вамъ только хотѣлъ глаза отвесть) и болтуномъ (вы полагаете, что я разсказалъ Анненкову нашъ разговоръ). Согласитесь, что какова бы ни была моя «дипломатія», трудно улыбаться и любезничать, получая подобныя пилюли. Согласитесь также, что за половину—что̀ я говорю!—за десятую долю подобныхъ упрековъ вы бы прогнѣвались окончательно. Но я—назовите это во мнѣ, чѣмъ хотите, слабостью или притворствомъ,—я только подумалъ: «Хорошаго же онъ о тебѣ мнѣнія» и только удивился тому, что вы еще кое-что нашли во мнѣ, что̀ любить можно. И на томъ спасибо!

Скажу безъ ложнаго смиренія, что я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что̀ говорилъ «учитель» о моемъ «Дворянскомъ Гнѣздѣ». Но что̀ же прикажете мнѣ дѣлать? Не могу же я повторять «Записки Охотника» ad infinitum! А бросить писать тоже не хочется. Остается сочинять такія повѣсти, въ которыхъ, не претендуя ни на цѣльность, ни на крѣпость характеровъ, ни на глубокое и всестороннее проникновеніе въ

[1]) И. А. Гончаровъ. Четыре очерка. С.-Пб. 1881.

жизнь, я бы могъ высказать, что̀ мнѣ приходитъ въ голову. Будутъ прорѣхи, сшитыя бѣлыми нитками, и т. д. Какъ этому горю помочь? Кому нуженъ романъ въ эпическомъ значеніи этого слова, тому я не нуженъ; но я столько же думаю о созданіи романа, какъ о хожденіи на головѣ: что̀ бы я ни писалъ, у меня выйдетъ рядъ эскизовъ. E sempre bene! Но вы вѣдь и въ этомъ сознаніи увидите дипломатію: думаетъ же Толстой, что я и чихаю, и пью, и сплю—ради фразы. Берите меня, каковъ я есмь, или совсѣмъ не берите; но не требуйте, чтобъ я передѣлался, а главное — такимъ Талейраномъ, что уу! А, впрочемъ, довольно объ этомъ. Вся эта возня ни къ чему не ведетъ: всѣ мы умремъ и будемъ смердѣть послѣ смерти.

Здѣсь у насъ наступила весна, снѣгъ сошелъ почти весь, но какъ-то некрасиво, безжизненно. Дни сырые, холодные, сѣрые; поля обнажились и желтѣютъ мертвенной желтизной. Въ лѣсу, однако, трава уже пробивается. Дичи мало. Я надѣюсь къ 20-му числу здѣсь все кончить; 24-го—я въ Петербургѣ (29-го, вы знаете, я уѣзжаю). Мы увидимся въ Петербургѣ, а можетъ быть, и за границей, хотя мнѣ, вѣроятно, присовѣтуютъ другія воды, нежели вамъ. Желаю, чтобы пребываніе ваше въ Маріенбадѣ было также благотворно во всѣхъ отношеніяхъ, какъ въ 57-мъ году. Поклонитесь отъ меня всѣмъ хорошимъ знакомымъ и милой **. Сегодня я узналъ о смерти Бозіо и очень пожалѣлъ о ней. Я видѣлъ ее въ день ея послѣдняго представленія: она играла «Травіату»; не думала она тогда, разыгрывая умирающую, что ей скоро придется исполнить эту роль не на шутку. Прахъ и тлѣнъ, и ложь—все земное! До свиданья, несправедливый человѣкъ! Жму вамъ руку.

Я и забылъ главное: письмо къ графу Кушелеву о переводѣ Соляникова; я завтра же напишу къ нему, хотя я—признаюсь—нисколько не надѣюсь на этого... мецената.

Мягкій, примирительный тонъ этого письма, по видимому, обезоружилъ Гончарова, и онъ смѣнилъ гнѣвъ на милость. Вскорѣ за его полученіемъ появилась майская книжка Современника съ хвалебною статьей Добролюбова объ «Обломовѣ», и Гончаровъ, прочтя ее, воспрянулъ духомъ. Успѣхъ выпалъ наконецъ на его долю, и удовлетворенный имъ, Иванъ Александровичъ готовъ былъ теперь простить Тургеневу его провинности. Между тѣмъ, въ двадцатыхъ числахъ апрѣля, возвратился въ Петербургъ изъ деревни самъ Тургеневъ и сталъ спѣшно собираться за границу; 30-го апрѣля друзья давали ему прощальный обѣдъ, въ которомъ принялъ участіе и Гончаровъ [1]). Обѣдъ,

[1]) Записки и дневникъ А. В. Никитенка, т. II, стр. 152.

условіи, чтобы судъ не обратился къ слѣдственной процедурѣ, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ—юридическихъ доказательствъ не существуетъ ни у одной изъ обѣихъ сторонъ, и чтобы судьи выразили свое мнѣніе только по вопросу: признаютъ ли они за нимъ, Гончаровымъ, право на сомнѣніе, которое можетъ зародиться и отъ внѣшняго, поверхностнаго сходства произведеній и помѣшать автору свободно разработывать свой романъ. На одно замѣчаніе Тургенева Гончаровъ отвѣчалъ съ достоинствомъ: «На ваше предположеніе, что меня безпокоятъ ваши успѣхи, позвольте улыбнуться, и—только» [1]).

«Эксперты, послѣ выбора ихъ, собрались наконецъ 29-го марта 1860 въ квартирѣ И. А. Гончарова; это были С. С. Дудышкинъ, А. В. Дружининъ и П. В. Анненковъ—люди, сочувствовавшіе одинаково обѣимъ сторонамъ и ничего такъ не желавшіе, какъ уничтожить и самый предлогъ къ нарушенію добрыхъ отношеній между лицами, имѣвшими одинаковое право на уваженіе къ ихъ авторитетному имени. Послѣ изложенія дѣла, обмѣна добавленій сторонами—замѣчанія экспертовъ всѣ сводились къ одному знаменателю. Произведенія Тургенева и Гончарова, какъ возникшія на одной и той же русской почвѣ, должны были тѣмъ самымъ имѣть нѣсколько схожихъ положеній, случайно совпадать въ нѣкоторыхъ мысляхъ и выраженіяхъ, что̀ оправдываетъ и извиняетъ обѣ стороны. И. А. Гончаровъ, казалось, остался доволенъ этимъ рѣшеніемъ экспертовъ. Не то, однако же, случилось съ Тургеневымъ. Лицо его покрылось болѣзненною блѣдностью; онъ пересѣлъ на кресло и дрожащимъ отъ волненія голосомъ произнесъ слѣдующее (я помню каждое его слово, какъ и выраженіе его физіономіи, ибо никогда не видѣлъ его въ такомъ возбужденномъ состояніи): «Дѣло наше съ вами, Иванъ Александровичъ, теперь кончено; но я позволю себѣ прибавить къ нему одно послѣднее слово. Дружескія наши отношенія съ этой минуты прекращаются. То, что̀ произошло между нами, показало мнѣ ясно, какія опасныя послѣдствія могутъ являться изъ пріятельскаго обмѣна мыслей, изъ простыхъ, довѣрчивыхъ связей. Я остаюсь поклонникомъ вашего таланта, и вѣроятно, еще не разъ мнѣ придется восхищаться имъ, вмѣстѣ съ другими, но сердечнаго благорасположенія, какъ прежде, и задушевной откровенности между нами существовать уже не можетъ съ этого дня». И кивнувъ всѣмъ головой, онъ вышелъ изъ комнаты. Засѣданіе наше тѣмъ самымъ было прекращено.

---

[1]) По видимому, этотъ отвѣтъ Гончарова показался Анненкову очень сильнымъ и убѣдительнымъ; однако, сдѣланный выше подборъ мелкихъ фактовъ и ихъ сопоставленіе по времени могутъ, къ сожалѣнію, убѣдить въ противномъ, а именно, что успѣхи Тургенева дѣйствительно приводили автора „Обломова“ въ тревогу.

«Позже они помирились—въ 1864, при похоронахъ одного изъ экспертовъ, именно А. В. Дружинина. Во время самой заупокойной обѣдни, на Смоленскомъ кладбищѣ, передъ раскрытымъ гробомъ журналиста, произошло это примиреніе, которое, къ сожалѣнію, все же не могло возстановить вполнѣ прежнихъ добрыхъ ихъ отношеній».

Дѣйствительно, всепримиряющее время успокоило двухъ писателей, которые сами, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ссоры, поняли, что продолжать ее безъ конца не возможно. Они не только возобновили личныя сношенія, но даже вступили въ переписку другъ съ другомъ. Но внутренно они перестали сочувствовать одинъ другому: Тургеневъ очень строго осуждалъ «Обрывъ», а Гончаровъ избѣгалъ говорить о новыхъ произведеніяхъ автора «Дыма» и «Нови», и жестко отзывался о неискренности его личнаго характера. Такъ было до самой смерти Тургенева, котораго Гончаровъ пережилъ на восемь лѣтъ.

Л. Майковъ.

Мирное условіе между княгинею К. И. Лобановою-Ростовскою и Г. В. Гераковымъ [1]).

Я, нижеподписавшаяся, княгиня Клеопатра Лобанова-Ростовская, урожденная графиня Безбородко, обязуюсь:

1) Никогда не говорить о лѣтахъ нижеподписавшагося Гавріила Васильевича Геракова, и не доказывать ему, что ему не пятьдесятъ лѣтъ, такъ какъ онъ всѣхъ увѣряетъ: но ровно пятьдесятъ семь.

2) Не спорить съ нимъ, когда онъ говоритъ о службѣ, о законахъ, о нравственности прежняго вѣка и о развратности нынѣшняго (всегдашняя слабость старыхъ людей). Не спорить съ нимъ ни о сочиненіяхъ, ни объ исторіи (въ коей онъ иногда и ошибается, доказательство нашъ споръ послѣдній объ одной статьѣ въ Светонѣ и въ Тацитѣ).

3) Не только не бранить, но обязуюсь и не говорить правды о его знакомыхъ обоего пола лицахъ.

Княгиня Клеопатра Ильина жена Лобанова-Ростовскаго, урожденная графиня Безбородко.

А онъ нижеподписавшійся, обязуется:

I. Не говорить про свои лѣта.

II. Никого не бранить.

III. О Наполеонѣ ничего не говорить.

IV. Иностранцевъ, а особливо французовъ не ругать.

V. Не критиковать и не бранить все теперешнее и не выхваливать все прошедшее.

Сіе наше условіе обязуемся хранить свято и ненарушимо. Княгиня Клеопатра Лобанова-Ростовская, урожденная графиня Безбородко.

---

[1]) Условіе писано рукою княгини Лобановой, но безъ даты.

Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

XIII [1]).

1845 годъ.

Закавказскій край и его управленіе.—Баронъ Ганъ, его командировка на Кавказъ для соображеній по введенію новаго управленія въ краѣ.—Главноуправляющій на Кавказѣ генералъ Головинъ.—Мѣры, принятыя правительствомъ для улучшенія администраціи въ Закавказьи.—Отозваніе Головина и назначеніе главноуправляющимъ генерала Нейдгардта.—Князь Воронцовъ намѣстникъ Кавказа.—Статсъ-секретарь Позенъ и его дѣятельность.—Отъѣздъ императрицы на зиму въ Палермо.

Борьба на Кавказѣ ознаменовала все почти царствованіе императора Николая не только рядомъ непрерывныхъ военныхъ дѣйствій, которыя, среди всѣхъ доблестныхъ подвиговъ и чудесъ храбрости, болѣе или менѣе состояли именно только въ борьбѣ, а не въ рѣшительномъ преоборенiи, но и рядомъ непрерывныхъ переворотовъ въ лицахъ и въ учрежденіяхъ существовавшаго тамъ гражданскаго порядка. Проходили годы въ колебаніяхъ, опытахъ, соображеніяхъ, предположеніяхъ, и за всѣмъ тѣмъ, послѣ истекшихъ изъ нихъ мѣръ, когда все казалось уже рѣшеннымъ и оконченнымъ, дѣло возвращалось къ прежней точкѣ, т. е. къ убѣжденію, что необходимо отмѣнить и бросить все сдѣланное и приступить вновь къ другимъ соображеніямъ, которыя, въ свою очередь, имѣли опять тотъ же исходъ. Законъ, не успѣвшій не только укорениться сознательно въ народѣ, но даже и сдѣлаться ему вполнѣ извѣст-

[1]) См. „Русскую Старину“, декабрь 1899 г.

нымъ, уступалъ мѣсто новому, котораго вскорѣ постигала та же участь; правители смѣнялись одинъ за другимъ; издерживались огромныя суммы на множество комитетовъ, коммиссій, экспедицій, чиновниковъ и проч.; сыпались, наконецъ, щедрыя награды, и все это обращалось, болѣе или менѣе, въ одни результаты личные, между тѣмъ какъ горячо желаемая правительствомъ польза для края оставалась все недостигнутою. Исторія этихъ колебаній, этого, такъ сказать, ощупыванія, вмѣстѣ съ исторіею лицъ, принимавшихъ въ немъ участіе и падшихъ его жертвами, представляетъ много любопытныхъ подробностей, изъ числа которыхъ не всѣ, по свойству ихъ, могли сохраниться въ оффиціальныхъ бумагахъ.

По присоединеніи Грузіи къ Россіи, она была образована въ видѣ губерніи и въ ней введены общій порядокъ русскаго управленія и одинаковыя съ прочими губерніями должностныя мѣста и лица. Впослѣдствіи, однако же, съ перемѣною главныхъ мѣстныхъ начальниковъ, система сія мало-по-малу подверглась измѣненіямъ, и въ Грузіи, равно какъ и въ прочихъ нашихъ Закавказскихъ владѣніяхъ, установилось почти столько же различныхъ формъ правленія, сколько было тамъ уѣздовъ, округовъ и пр. По окончаніи въ 1829 году войны противъ турокъ, главноуправлявшій тогда этимъ краемъ, генералъ-фельдмаршалъ графъ Паскевичъ-Эриванскій, впослѣдствіи князь Варшавскій, приступивъ къ разсмотрѣнію гражданскаго учрежденія Грузіи и другихъ Закавказскихъ провинцій, нашелъ въ немъ, кромѣ разнообразія въ организаціи, совершенную неопредѣлительность правъ и обязанностей начальствующихъ лицъ, смѣшеніе законовъ русскихъ съ туземными обычаями, наконецъ, крайнюю неуравнительность въ податяхъ и неустройство въ финансовомъ управленіи. Для отвращенія сихъ неудобствъ князь Варшавскій въ рапортѣ императору Николаю отъ 24-го апрѣля 1830 г. признавалъ лучшимъ и дѣйствительнѣйшимъ средствомъ: ввести во всѣхъ Закавказскихъ провинціяхъ русскій образъ управленія и русскіе законы, и для сего: 1) раздѣлить эти провинціи на двѣ губерніи: Грузинскую, изъ 10-ти уѣздовъ, съ губернскимъ городомъ Тифлисомъ, и другую, наименовавъ ее по высочайшему усмотрѣнію, изъ 8-ми уѣздовъ, съ губернскимъ городомъ Старою Шамахою, или Баку, и одну область, Армянскую, съ областнымъ городомъ Эриванью; 2) губернскія присутственныя мѣста установить тоже и съ тѣми же названіями, какъ въ Россіи, соединивъ только, во второй губерніи и въ Армянской области, палату уголовную съ гражданскою; 3) мѣста уѣздныя составить также по образцу русскихъ, но для примирительнаго разбора тяжебъ между магометанами по ихъ законамъ учредить суды вродѣ медіаторскихъ (маріатъ), изъ туземцевъ; 4) во всѣхъ другихъ мѣстахъ, губернскихъ и уѣздныхъ, руководствоваться во всемъ нашими законами, не

основываясь уже ни въ какомъ случаѣ на законахъ грузинскихъ, или на обычномъ правѣ; 5) судъ военный въ гражданскихъ дѣлахъ отмѣнить.

Проектъ этотъ по высочайшей волѣ былъ сообщенъ ревизовавшимъ въ то время Закавказскій край сенаторамъ: графу Кутайсову и Мечникову, которые во всемъ согласились съ мнѣніемъ князя Варшавскаго. На общемъ ихъ съ нимъ совѣщаніи предположено было еще сверхъ того: 1) учредить верховное закавказское правительство (въ Тифлисѣ), изъ главноуправляющаго, закавказскаго военнаго губернатора и пяти непремѣнныхъ членовъ, съ обязанностями, правами и властію департаментовъ Сената, и съ переносомъ въ общее собраніе сего послѣдняго только вопросовъ законодательныхъ; 2) раздѣлить уѣзды на земскіе округи и на волости; 3) сдѣлать нѣкоторыя, не весьма важныя, мѣстныя измѣненія и дополненія противъ общаго губернскаго устройства. Сіи предположенія внесены были 22-го мая 1831 года въ Государственный Совѣтъ съ тѣмъ, чтобы онъ представилъ мнѣніе свое «въ самомъ непродолжительномъ времени, и, если можно, до начатія ваканціонныхъ дней (т. е. до 15-го іюня)».

Несмотря на столь положительное высочайшее повелѣніе, дѣло это оставалось въ Совѣтѣ безъ движенія цѣлые два года. На вопросъ о томъ государя, въ маѣ 1833 г., государственный секретарь Марченко отвѣчалъ, что дѣло о преобразованіи управленія Закавказскаго края, съ присоединенными къ нему впослѣдствіи вопросами, такъ трудно и обширно, что департаментъ законовъ «при многихъ другихъ своихъ занятіяхъ, не могъ еще привесть его къ окончанію». Государь на это отозвался (8-го мая, черезъ статсъ-секретаря Танѣева), «что дѣло сіе откладывать никакъ нельзя: ибо весь край отъ сего въ ожиданіи и напряженіи, и кончить оное тѣмъ удобнѣе, что имѣется въ виду представленіе сенаторовъ, очевидцевъ положенія того края, и бывшаго тамъ начальника князя Варшавскаго; а потому его величество изволитъ находить, что должно симъ дѣломъ заняться немедленно и никакъ не откладывая».

Вслѣдствіе того, департаментъ законовъ (Васильчиковъ, Кушниковъ, Сперанскій, Энгель) немедленно приступилъ къ исполненію высочайшей воли и еще въ томъ же маѣ представилъ мнѣніе свое, котораго главныя черты заключались въ слѣдующемъ:

1) Раздѣленіе края принять въ предположенномъ Паскевичемъ видѣ, назвавъ вторую губернію Дагестанскою.

2) Признавъ необходимымъ учрежденіе въ Закавказскомъ краѣ высшаго мѣста, какъ для суда, такъ и для управленія, не смѣшивать, однако, сихъ двухъ властей во-едино, а раздѣлить ихъ на два установленія: а) главный закавказскій судъ для окончательнаго рѣшенія

преобразованія, и при томъ дѣло застигло его за 2.600 верстъ отъ всѣхъ матеріаловъ. Онъ отвѣчалъ, что, не имѣвъ дотолѣ въ виду, въ чемъ именно заключаются сіи преобразованія, не могъ сообразить, предварительно на мѣстѣ, что̀ изъ начертаннаго въ проектѣ можетъ быть для каждой провинціи и области полезно, или неудобно, а «безъ сихъ соображеній и нарочитаго собранія необходимыхъ мѣстныхъ свѣдѣній, не можетъ дать теперь же безошибочнаго и вполнѣ удовлетворительнаго объясненія». Затѣмъ, изобразивъ трудность учредить управленіе, свойственное краю и духу его обитателей и вмѣстѣ примѣненное къ общимъ постановленіямъ; необходимость упрочить сперва краю совершенное спокойствіе и безопасность, дѣйствуя, между тѣмъ, непрестанно на измѣненіе закоренѣлыхъ вредныхъ обычаевъ частными улучшеніями; необходимость также, для полнаго и подробнаго положенія, привести прежде въ извѣстность права, преимущества, обычаи и законы каждой провинціи; наконецъ, затрудненія и неудобства, которыми въ такомъ краѣ, каковъ Закавказскій, грозитъ слишкомъ рановременное введеніе предполагаемыхъ учрежденій, сколь ни были бы они полезны, баронъ Розенъ полагалъ: весь проектъ сообразить сперва на мѣстѣ.

Департаментъ законовъ (Васильчиковъ, Сперанскій, Энгель), вмѣстѣ съ приглашенными министрами (Канкринъ, Дашковъ, Блудовъ), нашелъ, съ своей стороны, что такому мѣстному соображенію должны подлежать только раздѣленіе и разграниченіе Закавказскаго края и назначеніе городовъ или мѣстъ для разныхъ степеней управленія; все же прочее—учрежденіе управленія и суда, бывъ основано на началахъ болѣе единообразныхъ и сближенныхъ съ общими нашими установленіями, можетъ быть окончено и здѣсь.

Въ отношеніи къ первой части дѣла департаментъ сдѣлалъ, на заключеніи особаго Комитета, одно существенное замѣчаніе, именно, что, въ видахъ правительственныхъ и экономическихъ, въ краѣ семъ не должно быть болѣе двухъ губерній, съ сохраненіемъ древнихъ именованій ихъ частей, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ внесены въ императорскій титулъ (Грузія, Армянская область и проч.) и перемѣна могла бы имѣть даже невыгодное вліяніе на умы обитателей.

Обратясь за тѣмъ ко второй части, департаментъ или, лучше сказать, Сперанскій с а м ъ составилъ новый проектъ образованія главнаго управленія и главнаго суда, болѣе подробный, нежели внесенный изъ особаго Комитета, но согласный съ нимъ въ основаніяхъ, и затѣмъ положилъ: 1) предоставить тому же Комитету сочинить, на сихъ началахъ, полное Положеніе объ устройствѣ означенныхъ частей и 2) утвердивъ также всѣ заключенія Комитета касательно управленій подчиненныхъ, предоставить барону Розену начертать Положеніе о раздѣ-

ленін края на области, уѣзды или округи и объ устройствѣ въ нихъ управленія, соображаясь съ общимъ учрежденіемъ о губерніяхъ, и проектъ свой сообщить равномѣрно сему Комитету.

Общимъ собраніемъ Совѣта и государемъ сіе заключеніе принято было безъ всякой перемѣны и, вслѣдствіе того, передано военному министру къ исполненію 31-го мая 1835 года.

Спустя годъ дѣло отъ военнаго министра опять пришло въ Государственный Совѣтъ, но въ новомъ видѣ и со вновь возникшими вопросами. Съ одной стороны на требованіе военнаго министра о скорѣйшемъ окончаніи Положеній объ устройствѣ губернскихъ и уѣздныхъ управленій и о раздѣленіи Закавказскаго края, баронъ Розенъ, обѣщая исполнить сіе въ возможной поспѣшности, присовокуплялъ, что введеніе предполагаемаго устройства главнаго управленія и главнаго суда, при сохраненіи въ прочихъ частяхъ прежняго, несоотвѣтственнаго имъ порядка дѣла, рѣшительно невозможно, а при томъ всѣ проекты сіи, составляя одно цѣлое, должны и въ исполненіе приведены быть совокупно. Съ другой стороны, министры—тѣ же самые министры, которые, въ 1835 году, въ департаментѣ законовъ подписали образованіе главнаго управленія и главнаго суда, въ Комитетѣ своемъ хотя и составили, на тѣхъ же началахъ, подробный проектъ, но сопроводили его разными сомнѣніями и возраженіями. Главнѣйшее состояло въ томъ, что если главное управленіе поставить на одинаковую степень власти съ 1-мъ департаментомъ Сената, то, при такой независимости управленія краемъ отъ центральныхъ государственныхъ властей (министерствъ) послѣдуютъ разныя важныя неудобства. Въ отвращеніе ихъ, Комитетъ предлагалъ учредить главное управленіе за Кавказомъ по примѣру дѣйствующихъ въ Сибири.

Департаментъ законовъ, вновь занявшись подробно всѣмъ дѣломъ, посвятилъ ему, совокупно съ приглашенными министрами, четыре длинныхъ засѣданія (14-го августа, 16-го и 20-го ноября 1836 г. и 22-го января 1837 г.). При такомъ новомъ пересмотрѣ департаментъ согласился съ барономъ Розеномъ въ томъ, что удобнѣе отложить еще на нѣкоторое время окончаніе новаго образованія, нежели приведеніемъ въ дѣйствіе одной лишь его части возродить новыя затрудненія и сложные вопросы, и съ министрами—въ неудобствѣ отдѣльности закавказскаго управленія; но не принялъ мысли, чтобы ввести тамъ образъ управленія, подобный сибирскому,—по различію мѣстныхъ обстоятельствъ. Отклонивъ, однакоже, отъ себя рѣшительное заключеніе по предмету, такимъ образомъ снова обратившемуся въ вопросъ, и признавъ, что нужныя для рѣшенія его данныя нельзя собрать иначе, какъ на мѣстѣ, департаментъ остановился на томъ, «чтобы, не приступая ни къ какимъ преждевременнымъ образованіямъ, соединить пред-

варительное разсмотрѣніе и обработку дѣла сего въ одной точкѣ, дабы правительство, съ полною увѣренностью, что мѣстныя потребности всѣ уже раскрыты и охранены, могло обратиться потомъ къ разрѣшенію дѣла въ видахъ высшихъ—государственныхъ». Но гдѣ и какъ учредить сію точку, объ этомъ долго было разсуждаемо, ибо предоставить главному мѣстному начальнику судить о томъ, въ какой степени самъ онъ будетъ впредь зависѣть отъ государственныхъ властей, казалось, очевидно, невозможнымъ. Наконецъ, сочли всего удобнѣе, для окончательнаго разсмотрѣнія предположеній объ устройствѣ Закавказскаго края и для составленія Положеній о его раздѣленіи и объ управленіи разныхъ частей, отправить на мѣста особую коммиссію, вслѣдствіе чего и было положено: 1) Такую коммиссію составить, подъ предсѣдательствомъ одного сенатора, изъ четырехъ членовъ отъ подлежащихъ министерствъ; 2) Передать въ нее всѣ бывшія дотолѣ какъ здѣсь, такъ и на мѣстахъ, соображенія объ устройствѣ Закавказья; 3) Коммиссію подчинить упомянутому выше особому Комитету изъ четырехъ министровъ, котораго существованіе продлить до совершеннаго окончанія дѣла; 4) Комитету предоставить снабдить коммиссію инструкціею на основаніи принятыхъ, при сужденіяхъ въ немъ и въ департаментѣ законовъ, началъ и право разрѣшать ея вопросы и могущіе возникнуть между нею и главнымъ мѣстнымъ начальствомъ споры или недоразумѣнія; 5) Начертаніе основаній, которыя будутъ приняты коммиссіею для совершенія возложеннаго на нее дѣла, по разсмотрѣніи ихъ въ семъ Комитетѣ, предварительно представить, черезъ Государственный Совѣтъ, на высочайшее утвержденіе и такимъ же образомъ внести въ Совѣтъ, въ свое время, окончательно составленные проекты.

Общее собраніе Совѣта вполнѣ согласилось съ департаментомъ законовъ, выразивъ только яснѣе мысль, что предметъ коммиссіи долженъ заключаться не въ ревизіи прошедшаго или настоящаго, а въ однихъ соображеніяхъ о будущемъ управленіи краемъ. Все сіе облечено было въ форму указа Сенату, который подписанъ государемъ 17-го марта 1837 года.

Отсюда началась новая эпоха дѣла. Для изложенія относящагося къ ней, надобно возвратиться нѣсколько назадъ.

Въ десятыхъ годахъ слушалъ курсъ въ Дерптскомъ (Юрьевскомъ) университетѣ знатный и, по провинціальнымъ размѣрамъ, богатый курляндецъ, баронъ Павелъ Васильевичъ Ганъ. Въ 1814 году онъ вступилъ въ военную службу, но очень скоро смѣнилъ ее на дипломатическую, въ которой служилъ съ отличіемъ, состоя почти исключительно при нашихъ заграничныхъ миссіяхъ. Потомъ, быстрымъ переворотомъ его поприща, онъ, въ 1824 году, вдругъ назначенъ былъ курляндскимъ губернаторомъ; но какъ тутъ ему трудно было властвовать надъ своими едино-

земцами, бывшими съ нимъ большею частью на ты, то его вскорѣ перемѣстили на ту же должность въ Лифляндію. И здѣсь, однако, частью продолжались такія же непріятности съ дворянствомъ, а частью постигла его немилость тогдашняго генералъ-губернатора Остзейскихъ губерній, маркиза Паулуччи, и Ганъ, въ первыхъ годахъ царствованія императора Николая, вышелъ, наконецъ, въ чистую отставку. Въ этомъ положеніи наступила очень интересная эпоха его жизни: отставной губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, съ Анненскою лентою, женатый, отецъ семейства, Ганъ, бросивъ на время и родину, и виды честолюбія, отправился на скамьи Гейдельбергскаго университета, гдѣ, нѣсколько лѣтъ сряду, «штудировалъ» какъ бы молодой студентъ; послѣ чего, объѣхавъ не только всю образованную Европу, но также Турцію и Грецію, воротился восвояси искать снова счастья въ службѣ. Подъ *осень* 1836 года его опредѣлили членомъ совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, и всѣ думали, что ему готовится опять губернаторское мѣсто, какъ вдругъ, 5-го декабря того же года, спустя только нѣсколько мѣсяцевъ отъ поступленія его вновь на службу, онъ былъ пожалованъ, неожиданно для всѣхъ, въ тайные совѣтники и сенаторы.

Баронъ Ганъ былъ настоящимъ выраженіемъ, настоящимъ типомъ современной эпохи. Съ большимъ образованіемъ, съ необыкновенною искательностью и еще большею ловкостью, съ особеннымъ даромъ пріятной бесѣды, онъ соединялъ въ себѣ все то, что въ человѣкѣ, посвятившемъ себя публичной жизни, составляетъ истинное искусство— стать выше толпы. Угодный всѣмъ высшимъ и сильнымъ, любимый всѣми равными, умѣвшій въ особенности снискать расположеніе къ себѣ старушекъ большаго свѣта, которыя были всегда самыми жаркими его заступницами, Ганъ имѣлъ, однако, два важные недостатка. Съ одной стороны, онъ былъ чрезвычайно надмененъ съ людьми, стоявшими ниже его, разумѣется, когда не было ему причины дорожить ихъ мнѣніемъ, или ждать отъ нихъ чего-либо въ будущемъ. Съ другой стороны, его никакъ нельзя было назвать человѣкомъ дѣловымъ. Онъ зналъ многое въ теоріи, но очень мало былъ знакомъ съ практикою, и самая теорія его вращалась болѣе въ сферѣ западныхъ, несвойственныхъ намъ идей. Учившись въ Германіи и служивъ исключительно по дипломатической части и въ Остзейскомъ краѣ, онъ былъ очень несвѣдущъ въ русскихъ законахъ, въ русскомъ бытѣ, въ формахъ и подробностяхъ дѣловой нашей жизни; самый языкъ нашъ зналъ очень несовершенно, какъ иностранецъ, выучившійся ему въ зрѣлыхъ лѣтахъ, и вообще, по всему направленію ума своего, болѣе былъ способенъ къ дѣятельности дипломатической или придворной, нежели къ практической администраціи или къ законодательнымъ соображеніямъ.

Это отступленіе прямо входитъ въ нашъ предметъ. Когда состоя-

лось Положеніе Совѣта о командированіи въ Закавказскій край особой коммиссіи, предсѣдателемъ ея, вмѣсто какого-нибудь опытнаго и извѣданнаго въ дѣлахъ лица, тогдашній министръ юстиціи, Дашковъ, предпочелъ назначить одного изъ самыхъ младшихъ сенаторовъ, и выборъ его, по совѣщанію съ княземъ Чернышевымъ, палъ на барона Гана.

Коммиссія отправилась въ Тифлисъ въ маѣ 1837 года и, по прибытіи туда, тотчасъ открыла свои дѣйствія. Естественно, что въ такомъ краѣ, гдѣ вѣсъ правителя въ глазахъ народа зависитъ еще болѣе, чѣмъ въ Европѣ, отъ степени видимой довѣренности къ нему государя, одного прибытія сей коммиссіи уже было достаточно, чтобы поколебать власть главноуправляющаго и породить интриги. Если высшимъ властямъ извѣстно было, что цѣль коммиссіи заключается единственно въ устройствѣ будущаго, а отнюдь не въ ревизіи прошедшаго и настоящаго, то не могли этого знать ни подчиненныя лица, ни жители. Они полагали, напротивъ, что сенаторъ присланъ для обнаруженія существующихъ безпорядковъ и злоупотребленій, а баронъ Ганъ нисколько не старался разсѣять въ нихъ это убѣжденіе, зная, что баронъ Розенъ стоитъ на невыгодномъ счету въ Петербургѣ, и предвидя, что ему нельзя будетъ долго удержаться на мѣстѣ. Предвидѣніе это, дѣйствительно, вскорѣ и сбылось. Лѣтомъ [1]) 1837 года, когда коммиссія была уже въ полномъ ходу, императоръ Николай, въ первый еще разъ въ продолженіе своего царствованія, лично посѣтилъ Закавказье и остался недоволенъ столько же состояніемъ военной части, сколько и всѣмъ устройствомъ гражданскимъ. «Посѣщеніе Закавказскаго края государемъ,—какъ выразился Ганъ въ одномъ изъ послѣдующихъ своихъ рапортовъ,—пробудило со всѣхъ сторонъ надежды, дало голосъ заглушеннымъ дотолѣ жалобамъ, подняло завѣсу, закрывавшую множество злоупотребленій, поселило ужасъ въ виновныхъ, тѣсно между собою соединенныхъ общею имъ опасностью». Ганъ, съ своей стороны, удалясь отъ прямой цѣли своей посылки, ревностно способствовалъ обнаруженію этихъ злоупотребленій. Дѣйствовавъ сперва черезъ сопровождавшаго государя генералъ-адъютанта графа Орлова, а потомъ, во время пребыванія государя въ Тифлисѣ, достигнувъ и нѣсколькихъ личныхъ докладовъ, онъ умѣлъ совершить, между прочимъ, одинъ истинно дипломатическій подвигъ. Доложивъ государю, что считаетъ долгомъ раскрыть разныя мѣстныя неустройства и злоупотребленія, дошедшія до него при исполненіи его порученія, онъ просилъ, чтобы дозволено ему было представить эти обвиненія непремѣнно въ личномъ присутствіи барона Розена, такъ какъ онъ, Ганъ, не имѣетъ ничего сокрытаго и желаетъ дѣйствовать во всемъ совершенно гласно. Желаніе его со-

[1]) Императоръ Александръ II исправилъ: „Осенью“.

вершилось, и вмѣстѣ съ нимъ былъ призванъ къ аудіенціи и Розенъ. Ганъ читалъ свои замѣчанія, а государь тутъ же требовалъ по нимъ объясненій отъ Розена, который не умѣлъ или не могъ отвѣчать почти ни на одну обвинительную статью, и, между тѣмъ, невольно долженъ былъ отдать справедливость деликатности и правдушію поступка своего противника. Результатомъ этой аудіенціи и разныхъ личныхъ неудовольствій государя была смѣна, въ концѣ 1837 года, Розена и замѣщеніе его генераломъ Головинымъ, дотолѣ предсѣдательствовавшимъ въ правительственной коммиссіи внутреннихъ дѣлъ царства Польскаго. Управленіе сего послѣдняго, какъ увидимъ ниже, не только не принесло пользы, но еще увеличило запутанность и неустройства [1]).

Въ этотъ промежутокъ времени Ганъ и его коммиссія продолжали дѣйствовать, по настоящему ихъ порученію, съ быстротою столь необыкновенною, что сіе одно уже почти могло служить доказательствомъ малоосновательности ихъ занятій. Тѣ труды, для которыхъ баронъ Розенъ признавалъ необходимымъ собрать разнородныя и многосложныя мѣстныя свѣдѣнія, и для которыхъ особый комитетъ и Государственный Совѣтъ предназначали весьма продолжительное время, труды эти совершены были людьми новыми, едва имѣвшими время взглянуть на мѣстность, столь отличающуюся отъ всѣхъ другихъ частей Россіи, менѣе, нежели въ восемь мѣсяцевъ. Уже 4-го февраля 1838 года Ганъ донесъ военному министру, что коммиссіею составлены подробные и полные проекты объ управленіи краемъ по разнымъ его частямъ, вслѣдствіе чего просилъ дозволенія закрыть коммиссію и возвратить ея чиновниковъ въ Петербургъ немедленно по прибытіи въ Тифлисъ генерала Головина и по передачѣ ему проектовъ для представленія о нихъ его мнѣнія. Побужденіями къ такому закрытію коммиссіи Ганъ выставлялъ: 1) что новому главноуправляющему въ странѣ, ему незнакомой, обширной, составленной изъ элементовъ самыхъ разнородныхъ, можно будетъ обстоятельно узнать край и его нужды только по прошествіи значительнаго времени; 2) что прежде всего ему предлежать будетъ открыть истину, уничтожить происки и смуты, установить повсемѣстно порядокъ, воздержать и наказать преступныхъ, а во всемъ этомъ присутствіе на мѣстахъ коммиссіи служило бы лишь помѣхою; 3) что заставить коммиссію ждать въ Тифлисѣ замѣчаній на ея проекты со стороны генерала Головина значило бы только терять время, а между тѣмъ цѣль точно также достигнется, если она, вмѣстѣ съ своими проектами, сообщитъ Головину и всѣ принятыя въ основаніе ихъ данныя,

---

[1]) Императоръ Александръ II написалъ: „Напротивъ того, память о Розенѣ и доселѣ сохраняется во всемъ Кавказскомъ краѣ, и всѣ отдаютъ справедливость благородному его характеру“.

а послѣдній, съ своей стороны, при внесеніи въ Комитетъ личнаго его мнѣнія, представитъ и всѣ полученные имъ матеріалы, послѣ чего проекты могутъ быть пополнены или исправлены въ Петербургѣ столь же удобно, какъ и въ Тифлисѣ, наконецъ 4) что дальнѣйшее существованіе коммиссіи въ Тифлисѣ не могло бы обойтись безъ многихъ неудобствъ и непріятностей, тѣмъ огорчительнѣйшихъ, что они не вознаградятся ни усовершенствованіемъ, ни ускореніемъ порученнаго ей дѣла. За симъ, что касается лично до себя, то, получивъ, между тѣмъ, новое порученіе заняться образованіемъ финансовой части за Кавказомъ, Ганъ просилъ дозволенія воротиться въ Петербургъ тогда, когда соберетъ нужныя для предположеній по сей части свѣдѣнія.

Представленіе сіе было принято въ Петербургѣ съ одобреніемъ, и вслѣдствіе того, военнымъ министромъ объявлена, 22-го февраля 1838 года, высочайшая воля: 1) Коммиссіи передать свои проекты генералу Головину, при которомъ оставить, впредь до повелѣнія, одного изъ ея членовъ (полковника Вронченко); всѣхъ же прочихъ чиновниковъ ея, кромѣ четырехъ, нужныхъ еще барону Гану, отправить въ Петербургъ; 2) самому Гану оставаться въ Тифлисѣ до окончанія особо-возложеннаго на него порученія по финансовой части; 3) Головину, по разсмотрѣніи проектовъ коммиссіи, возвратить ихъ ей вмѣстѣ съ своими замѣчаніями, послѣ чего она откроетъ вновь свои засѣданія уже въ Петербургѣ и обработаетъ дѣло окончательно.

На основаніи сей высочайшей воли баронъ Ганъ воротился въ Петербургъ уже въ октябрѣ 1838 года и, вслѣдъ за тѣмъ, представилъ Комитету проектъ Положенія объ управленіи Закавказскимъ краемъ, со всѣми къ нему штатами, формами и проч., и съ отзывомъ Головина. За это представленіе одного еще только проекта Гану (6-го декабря 1838 года) пожалованъ былъ, не только мимо короны къ Анненской его звѣздѣ, но и мимо 2-го Владиміра, орденъ Бѣлаго Орла. Но когда приступили къ разсмотрѣнію проекта, то Комитетъ хотя и призналъ трудъ коммиссіи «соотвѣтствующимъ тѣмъ обязанностямъ, какія были на нее возложены», однако нашелъ, что предположенное ею развитіе вдругъ всѣхъ частей гражданскаго за Кавказомъ управленія «не можетъ быть выполнено съ успѣхомъ, и на первый разъ необходимо даровать сему краю особенное устройство, по возможности примѣненное къ общему губернскому учрежденію, въ большей лишь соотвѣтственности настоящему гражданскому состоянію края, дѣйствительнымъ нуждамъ и понятіямъ жителей». Въ сихъ видахъ Комитетъ положилъ: составивъ вторую особую коммиссію изъ прибывшаго въ то время въ Петербургъ Головина, самого барона Гана и статсъ-секретаря Позена, поручить ей сочиненіе новаго проекта, на основаніи преподанныхъ отъ Комитета и

удостоенныхъ, предварительно, высочайшаго одобренія главныхъ началъ.

Эта вторая петербургская коммиссія, при желаніи государя видѣть скорѣйшее совершеніе дѣла, окончила его въ нѣсколько недѣль. Прежніе проекты Гана оказались совершенно неудовлетворительными, и всѣ, отъ начала до конца, были передѣланы Позеномъ. Государь призналъ вполнѣ заслуживающимъ награды этотъ трудъ, и Позену, менѣе нежели черезъ годъ послѣ полученія Анненской ленты, пожалованъ былъ орденъ Владиміра 2-й степени. Но при семъ случаѣ не обошли наградами и Головина и опять также Гана; первому дали брилліанты къ Александру, а послѣднему—очень лестный благодарственный рескриптъ. Это дало поводъ одному изъ нашихъ острослововъ примѣнить къ Гану извѣстный стихъ французской трагедіи: «Je t'aimais coupable: qu'aurais-je fait innocent» [1]).

Сущность окончательнаго проекта второй коммиссіи, внесеннаго въ Государственный Совѣтъ черезъ Закавказскій комитетъ, заключалась въ слѣдующемъ:

1) Весь Закавказскій край раздѣленъ на Грузино-Имеретинскую губернію, съ 11-ю уѣздами, и на Каспійскую область, съ 7-ю округами, изъ числа которыхъ два образуютъ Дербентскій военный округъ.

2) Высшее управленіе состоитъ изъ главноуправляющаго, съ генералъ-губернаторскими правами, тифлисскаго военнаго губернатора и Совѣта, образованнаго на-подобіе существующихъ въ Сибири. Прежнее предположеніе объ учрежденіи за Кавказомъ главнаго суда совсѣмъ отмѣнено, какъ не соотвѣтственное ни общей нашей судебной системѣ, ни видамъ правительства о скорѣйшемъ сближеніи Закавказья съ Россіею.

3) Мѣстныя управленія Грузино-Имеретинской губерніи и Каспійской области примѣнены, по возможности, къ существующимъ въ губерніяхъ внутреннихъ.

4) Въ окружномъ управленіи главное начальство надъ городскою и земскою полиціями сосредоточено въ одномъ лицѣ. Уѣздные суды и магистраты замѣнены окружными судами. Округъ Дербентскій подчиненъ военно-окружному начальнику, съ особенною властью.

5) Все гражданское судопроизводство подчинено общему русскому порядку, съ очень немногими лишь изъятіями и съ сокращеніемъ, для поддержанія въ жителяхъ большаго довѣрія къ нашему судопроизводству, аппелляціонныхъ сроковъ. Сверхъ того, для магометанъ, во всѣхъ

---

[1]) Я тебя любилъ виновнаго: что бы я сдѣлалъ если бы ты былъ невиненъ?

дѣлахъ семейныхъ, брачныхъ и проч., сохраненъ духовный судъ Шаро.

Къ составленному, на сихъ основаніяхъ, учрежденію приложены были еще проекты штатовъ и разныхъ частныхъ положеній.

Несмотря на обширность, всѣ эти проекты, въ существѣ, представляли такъ мало новыхъ мыслей и такъ были сближены съ общимъ губернскимъ учрежденіемъ, что разсмотрѣніе ихъ въ такомъ видѣ не могло нисколько затруднить Государственнаго Совѣта. Департаментъ законовъ, въ которомъ не было уже ни одного изъ прежнихъ членовъ и особенно не было его души—Сперанскаго [1]), кончилъ все дѣло въ два засѣданія, пригласивъ къ нимъ, по высочайшей волѣ, и сенатора барона Гана. Признавъ, что всѣ важнѣйшіе вопросы разрѣшены Комитетомъ «весьма удовлетворительно», и одобривъ, вслѣдствіе того, внесенные проекты, департаментъ остановился только на нѣсколькихъ, самыхъ второстепенныхъ подробностяхъ, которыя, по согласію министровъ, тутъ же и были исправлены. Въ общемъ собраніи Совѣта все это было пройдено еще скорѣе, именно въ одно засѣданіе, такъ что указъ, со всѣми приложеніями, былъ подписанъ государемъ 10-го апрѣля и обнародованъ, черезъ Сенатъ, 3-го мая 1840 года, съ повелѣніемъ привести все сіе въ полное дѣйствіе съ 1-го января 1841 года [2]).

Такимъ образомъ, дѣло это, послѣ десятилѣтнихъ усилій, наконецъ, казалось, пришло къ своему совершенію. Но, при наступленіи эпохи исполненія, судьбамъ его предлежало опять во всемъ измѣниться.

Головинъ, уже и въ кратковременное дотолѣ управленіе свое Закавказьемъ, умѣлъ обличить свою малоспособность, а участіе его здѣсь въ совѣщаніяхъ коммиссіи и комитета еще болѣе ее обнаружило. Потерявъ всякое уваженіе тамъ, онъ лишился всякаго довѣрія и здѣсь. Если и удерживались еще уволить его, чтобы не колебать края слишкомъ скорою смѣною главныхъ начальниковъ, то всѣ, однакоже, были убѣждены, что довѣрить такому лицу введеніе, въ столь важномъ для Россіи краѣ, новаго образованія невозможно, и потому признали за благо отправить туда при немъ, въ видѣ полупомощника и полументора—опять того же барона Гана, какъ изучившаго уже край и положившаго основу новому его устройству. Вмѣстѣ съ симъ Ганъ, какъ бы въ задатокъ новыхъ его дѣйствій, сверхъ полученныхъ уже имъ двухъ наградъ, 14-го апрѣля 1840 года, то-есть менѣе четырехъ лѣтъ послѣ

---

[1]) Департаментъ составляли тогда (въ мартѣ 1840 года): Блудовъ, Лавинскій, Гурьевъ и Перовскій. Исправлявшій прежде должность статсъ-секретаря Теубель былъ замѣненъ Масловымъ.

[2]) Вмѣстѣ съ симъ упраздненъ и прежній Закавказскій комитетъ; но въ замѣнъ его, для надзора за введеніемъ въ дѣйствіе новаго учрежденія, образованъ новый, изъ тѣхъ же самыхъ лицъ, съ прибавкою лишь Гана и Позена.

назначенія его членомъ совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ и едва черезъ три года послѣ производства въ тайные совѣтники, былъ пожалованъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Оба преобразователя Закавказья уѣхали къ своему назначенію, въ началѣ лѣта 1840 года, Головинъ нѣсколько прежде Гана. Послѣдній окружилъ себя цѣлымъ легіономъ молодыхъ людей изъ самыхъ аристократическихъ и сильныхъ нашихъ фамилій, отправлявшихся при немъ учиться, но болѣе еще—заимствоваться его счастьемъ.

Сначала все шло въ добромъ порядкѣ и подъ личиною наружнаго согласія. Ганъ дѣйствовалъ съ обыкновенною своею ловкостью и изворотливостью, а Головинъ—съ робостью человѣка неопытнаго, малосвѣдущаго и при томъ неувѣреннаго въ своемъ положеніи. Новое образованіе введено было къ назначенному сроку (1-го января 1841 года) во всѣхъ частяхъ и на всемъ пространствѣ края. Донося непрестанно о томъ, «съ какою радостью и съ какимъ единодушнымъ восторгомъ» жители принимаютъ даруемое имъ новое устройство, Ганъ, въ январѣ 1841 года, прислалъ, наконецъ, нарочнаго съ представленіемъ, не благоугодно ли будетъ государю дозволить предстать предъ себя особой депутаціи отъ сихъ жителей, для принесенія благоговѣйной ихъ благодарности. Императоръ Николай вообще не жаловалъ подобныхъ изъявленій; но, по живому участію въ судьбахъ Закавказья, принялъ ходатайство Гана особенно милостиво и велѣлъ отвѣчать, что, допуская такую депутацію въ видѣ изъятія на сей только разъ, будетъ ее ожидать. Она, дѣйствительно, прибыла, и составлявшія ее лица были награждены чинами и орденами. Самъ баронъ Ганъ, окончивъ свое порученіе, воротился въ Петербургъ въ маѣ 1841 года и не долго ожидалъ новаго воздаянія: въ слѣдующемъ іюнѣ, опять прежде окончательнаго разсмотрѣнія его дѣйствій, онъ получилъ Александровскую ленту, а въ октябрѣ—«во вниманіе къ оказаннымъ имъ по устройству Закавказскаго края услугамъ»—35 тыс. руб. сер. на уплату долговъ. Въ томъ же октябрѣ государь соизволилъ на докладъ князя Васильчикова о помѣщеніи новаго нашего члена въ департаментъ законовъ, но отозвался при этомъ, что онъ, то-есть Ганъ, можетъ статься, вскорѣ опять понадобится для посылки за Кавказъ. Недѣлю спустя самъ Ганъ объяснилъ мнѣ то, что̀ казалось въ этомъ отзывѣ загадочнымъ. Ему предложено было, черезъ Чернышева, мѣсто генералъ-губернатора за Кавказомъ, но въ подчиненіи главноуправляющему Головину. Цѣль этого назначенія, по личнымъ качествамъ Головина, понять было не трудно: не желали его смѣнять, но между тѣмъ не могли оставить безъ пѣстуна. Ганъ, однако, стремился совсѣмъ къ другому: ему хотѣлось сдѣлаться не блюстителемъ надъ Головинымъ, а, съ перемѣною фрака на военный мундиръ, полнымъ его преемникомъ;—замыселъ, котораго онъ не откры-

вѣстіе паденія; что несомнѣнно также паденіе Головина, такъ какъ вся экспедиція направляется наиболѣе противъ образа исполненія новаго устройства на мѣстахъ, слѣдственно, противъ мѣстнаго начальства; наконецъ, что останется въ выигрышѣ одинъ Ганъ, такъ какъ и Чернышевъ, и Позенъ очень къ нему расположены, да и всѣ проекты были составлены послѣднимъ; слѣдственно, при мѣстной самимъ имъ ревизіи, вѣрно, найдены будутъ хорошими и на дѣлѣ. Но изъ всѣхъ этихъ предвидѣній сбылось только одно: паденіе Головина. Чернышевъ, по возвращеніи, снова вступилъ въ управленіе своимъ министерствомъ, а Ганъ упалъ, и упалъ—при всей своей ловкости—безвозвратно. Вотъ подробности:

Цѣль ревизіи Закавказскаго края, по данной Позену инструкціи, заключалась въ томъ, чтобы удостовѣриться на мѣстѣ: какимъ успѣхомъ сопровождается практическое дѣйствіе новаго учрежденія и, если оно оказывается гдѣ-либо неудобнымъ, то причины сего неудобства кроются ли въ самомъ учрежденіи, или въ образѣ исполненія?

Головинъ, который прежде уже доносилъ о неудобствахъ новаго устройства, на ближайшій о семъ вопросъ Позена отвѣчалъ, что они суть болѣе общія для всего края, нежели мѣстныя для нѣкоторыхъ его частей; что неудобства сіи не обнаруживались, однако, дотолѣ такими явленіями, которыя бы требовали мѣръ чрезвычайныхъ, и что сущность ихъ заключается въ умноженіи числа чиновниковъ, въ ограниченіи власти полицейскаго разбора и въ многосложности и неопредѣленности формъ. Признавъ затѣмъ, что ревизія всего края должна быть подчинена одному общему плану, Позенъ произвелъ ее частью самъ, а частью черезъ командированныхъ отъ себя чиновниковъ. Въ отчетѣ своемъ государю, весьма искусно написанномъ, онъ изобразилъ принятыя къ этой ревизіи предварительныя мѣры, самое ея производство и состояніе, въ какомъ найдена каждая часть. Относительно къ главной цѣли ревизіи, отчетъ его представлялъ слѣдующіе общіе выводы:

1) Новое учрежденіе введено повсемѣстно и во время ревизіи было въ полномъ дѣйствіи. Имъ отвращены прежніе произволъ, разнообразіе и безотчетность во всѣхъ частяхъ управленія, и неоспоримо, что, въ основныхъ началахъ, оно имѣетъ важныя преимущества противъ прежняго порядка. При самомъ введеніи его не было со стороны жителей никакихъ затрудненій: они приняли его, если не съ полнымъ сознаніемъ его превосходства, то съ надеждою, какъ залогъ будущаго ихъ благосостоянія. Съ того времени учрежденіе дѣйствовало безостановочно и, говоря собственно объ исполненіи предписанныхъ имъ формъ, дѣйствіе его, за немногими изъятіями, должно считать успѣшнымъ.

2) Но на другой вопросъ: общій порядокъ гражданскаго управленія внутреннихъ губерній, на которомъ основано помянутое учрежденіе,

достигаетъ ли, въ примѣненіи своемъ къ многоразличнымъ племенамъ закавказскимъ, основной цѣли правительства, то-есть доставляетъ ли жителямъ всѣ желаемыя выгоды?—должно, къ сожалѣнію, отвѣчать отрицательно. Механизмъ управленія, съ умноженіемъ мѣстъ и съ отдѣленіемъ суда отъ полиціи, сдѣлался довольно сложнымъ. Чиновниковъ при прежнемъ управленіи было 704, а при новомъ ихъ 1.311. Судебныхъ дѣлъ находилось въ производствѣ: въ 1839 году—2.461, а въ 1841 году—4.846. На расходы края, сверхъ весьма значительныхъ издержекъ по военному вѣдомству, надлежало, ко всѣмъ мѣстнымъ доходамъ, прибавить еще прямо изъ казны до 1.567.000 р. сер. въ годъ. Между тѣмъ, управленіе, стоющее столь значительныхъ издержекъ, не удовлетворяетъ гражданскимъ потребностямъ жителей ни въ дѣлахъ полиціи, ни въ дѣлахъ суда, ни въ дѣлахъ хозяйства. Они оставили тѣ надежды, которыя имѣли при введеніи новаго учрежденія; забыли даже всѣ стѣсненія и злоупотребленія прежняго управленія и, приписывая тягости, ощущаемыя ими въ гражданскомъ быту, новому учрежденію, во многихъ мѣстахъ словесно, а въ иныхъ и письменно, просили о возстановленіи прежняго порядка.

Причины сей неудовлетворительности кроются совокупно: *въ самомъ учрежденіи, въ образѣ его исполненія* и въ неимѣющихъ съ ними прямой связи *особенныхъ обстоятельствахъ*. Недостатки самаго учрежденія заключаются въ слѣдующемъ: а) Начертанные имъ распорядокъ и формы не довольно соглашены съ степенью гражданственности жителей, которые, въ каждомъ почти племени, имѣютъ свои различныя понятія, вѣрованія, привычки и образъ жизни. Посему общее устройство Закавказья должно заключаться въ единствѣ власти и цѣли, но отнюдь не въ единствѣ средствъ, къ достиженію послѣдней опредѣляемыхъ; б) въ учрежденіи нѣтъ никакихъ наказовъ или подробныхъ инструкцій для дѣйствія мѣстныхъ исполнительныхъ властей. Отъ сего все управленіе заключается въ письмоводствѣ, прямаго же дѣйствія нѣтъ и, начиная съ высшихъ степеней управленія до низшихъ полицейскихъ мѣстъ, все оно ограничивается форменною передачею бумагъ и подчиненіемъ всѣхъ частей общему порядку русскихъ губерній, откуда чиновники прибыли на службу. Эта безконечная переписка, утомительная и для европейца, нестерпима для азіатца, привыкшаго къ суду скорому, хотя бы и не всегда справедливому; в) слишкомъ ограничена власть, особенно по взысканіямъ. Самъ главноуправляющій не можетъ ни дѣйствовать противъ нарушителей порядка безъ юридическихъ доказательствъ преступленія, ни даже отрѣшать ненадежныхъ людей безъ предварительнаго слѣдствія; но въ томъ краѣ собраніе формальныхъ доказательствъ во многихъ случаяхъ рѣшительно невозможно, а слѣдствія, не обнаруживая обыкновенно ничего, слу-

жатъ лишь новымъ, крайнимъ обремененіемъ для жителей. Губернаторъ и начальникъ области лично не имѣютъ никакой почти власти, а права начальниковъ уѣздныхъ, городничихъ и участковыхъ засѣдателей опредѣлены въ весьма немногихъ лишь случаяхъ, и жители, разсуждая обо всемъ по своимъ понятіямъ, заключаютъ, что они новымъ учрежденіемъ преданы въ руки мелкихъ чиновниковъ; г) порядокъ тяжебнаго судопроизводства удовлетворителенъ, но законы наши бываютъ иногда недостаточны къ разрѣшенію случаевъ, возникающихъ отъ иныхъ условій гражданской жизни. Въ уголовномъ судопроизводствѣ законы относительно собранія уликъ и самые роды наказаній не соотвѣтствуютъ своей цѣли; д) управленіе экономическое, устроенное по примѣру внутреннихъ губерній, не можетъ дѣйствовать съ успѣхомъ, потому что самыя статьи доходовъ за Кавказомъ не подчинены еще общимъ началамъ, въ Россіи существующимъ.

Недостатки, при исполненіи вкравшіеся, суть: а) устраненіе, при первомъ распредѣленіи мѣстъ, лицъ военнаго званія отъ занятія должностей по гражданскому управленію, что̀ наполнило всѣ мѣста незначительными гражданскими чиновниками, къ которымъ жители не имѣютъ довѣрія; б) неудачный выборъ на многія мѣста,—послѣдствіе вышеизложеннаго же правила. Перемѣщенія, удаленія и слѣдствія въ свою очередь много повредили успѣху новаго учрежденія. Въ управленіи участковомъ, ближайшемъ къ народу, перемѣны были такъ часты, что въ иныхъ участкахъ, при ревизіи, находился уже шестой чиновникъ; наконецъ в) отсутствіе, со стороны губернскаго и областнаго начальства, послѣ введенія учрежденія и отъѣзда барона Гана, дѣятельнаго личнаго надзора за ходомъ новаго управленія. Наконецъ, о с о б е н н ы я о б с т о я т е л ь с т в а, независящія отъ учрежденія, но въ народномъ понятіи съ нимъ смѣшавшіяся и потому усилившія общее противъ него неудовольствіе, суть: а) розыскъ объ отношеніяхъ помѣщичьихъ крестьянъ къ ихъ владѣльцамъ, предписанный съ самыми благотворными видами, но произведенный мѣстными начальствами слишкомъ небрежно и возбудившій опасенія и неудовольствіе въ помѣщикахъ; б) отнятіе у агаларовъ, въ трехъ татарскихъ дистанціяхъ, ихъ крестьянъ, съ замѣною пожизненнымъ денежнымъ доходомъ,—мѣра, принятая съ чрезвычайнымъ неудовольствіемъ не только агаларами но и самыми крестьянами; в) предварительныя соображенія о распространеніи сего и на бековъ Каспійской области. Слухъ о томъ до такой степени взволновалъ все населеніе, что оно могло быть успокоено только положительнымъ увѣреніемъ въ его неосновательности; г) усиленіе денежной и городской повинности на содержаніе полиціи,—что̀ дало поводъ къ самымъ настоятельнымъ жалобамъ почти во всѣхъ городахъ и д) повѣрка камеральнаго описанія, возбудившая общую

мысль, что она дѣлается въ видахъ усиленія налоговъ, мысль, поддерживаемую и чиновниками, которые, дѣйствуя не всегда безкорыстно при подобныхъ описаніяхъ, увеличиваютъ черезъ то неудовольствіе противъ новаго учрежденія, составляющаго, въ понятіи народа, причину всѣхъ новыхъ мѣръ, по какой бы части онѣ ни предпринимались.

Далѣе Позенъ, изъяснивъ, что тѣ частные недостатки и неудобства, которыхъ исправленіе не выходило изъ предѣловъ власти его и мѣстнаго начальства, исправлены уже на мѣстѣ, всѣ прочіе, замѣченные имъ недостатки о б щ і е раздѣлилъ на требовавшіе высочайшаго разрѣшенія, на такіе, которые требовали еще предварительнаго ближайшаго соображенія, и, наконецъ, на такіе, которые подлежали неотложному разрѣшенію и исполненію на мѣстахъ, чтобы дать гражданскому управленію сколь можно успѣшный ходъ и изгладить произведенное имъ на жителей непріятное впечатлѣніе.

Сверхъ того, по инструкціи вмѣнено было Позену въ обязанность представить заключеніе: удобно ли ввести за Кавказомъ новую финансовую систему (барона Гана), имѣвшуюся въ виду правительства? «О сущности и недостаткахъ дѣйствовавшей дотолѣ системы государственныхъ доходовъ на Кавказомъ—писалъ вслѣдствіе того Позенъ—нельзя сказать ничего новаго, послѣ важныхъ и обширныхъ изысканій въ историческомъ и статистическомъ отношеніяхъ, представленныхъ барономъ Ганомъ. Въ прямомъ смыслѣ тамъ нѣтъ никакой системы: *ибо* источники доходовъ, размѣръ налоговъ, порядокъ взиманія, правила учета—все такъ разнообразно, неуравнительно и мало ограждено постановленіями, что нѣтъ никакой возможности сдѣлать правильное заключеніе, сколько именно извлекается изъ народа разными податями и повинностями и соразмѣрны ли платежи съ средствами платящихъ. При такомъ положеніи дѣла, по мнѣнію его, надлежало обратить неукоснительно вниманіе:

1) На сокращеніе расходовъ въ такой степени, чтобы они покрывались по крайней мѣрѣ мѣстными доходами и казна отпускала суммы только на военныя потребности.

2) На приведеніе въ правильность оборотовъ Грузино-Имеретинской казенной палаты и казначейства главноуправляющаго. На первой къ 1842 году считалось въ долгу до 680.000 р. сер., и въ теченіе года долгъ сей безпрестанно увеличивался назначеніемъ новыхъ расходовъ, безъ ассигнованія на нихъ новыхъ суммъ. По казначейству главноуправляющаго оказывался также недостатокъ на удовлетвореніе расходовъ и на уплату долговъ до 111.000 р. сер.

3) На опредѣленіе размѣра податей поселянъ бывшей армянской области, который былъ положенъ въ 1836 году, въ видѣ опыта, на 6-ть лѣтъ.

всюду, какъ и прежде, и не показывать никакого вида неудовольствія или сокрушенія, а отъ вопросовъ отъигрываться общими мѣстами, такъ какъ оффиціально ему ничего не было извѣстно или сообщено.

Истинныя причины столь сильнаго гнѣва государя остались не вполнѣ разгаданными. Подъ рукою многіе знали, что благодарственная депутація была—дѣломъ Гана; что о ней не нашлось въ актахъ дворянства никакого постановленія и что въ числѣ депутатовъ находились, между прочимъ, даже становые приставы. Но до свѣдѣнія государя едвали что-нибудь изъ этого дошло. Позенъ слышалъ еще на мѣстахъ, что одинъ изъ членовъ прежней коммиссіи, оставшійся въ Тифлисѣ членомъ совѣта главнаго управленія, поставлялъ Гана въ извѣстность о всѣхъ дѣйствіяхъ новой экспедиціи и даже сообщалъ ему втайнѣ копіи съ важнѣйшихъ бумагъ: эта переписка была, будто бы, вскрываема на почтѣ и, дойдя до государя, сдѣлалась главнымъ источникомъ его неудовольствія. Но Ганъ самъ клялся мнѣ, что ничего подобнаго не было; что съ упомянутымъ чиновникомъ онъ, во все время, обмѣнялся однимъ лишь письмомъ, относительно перемѣны службы послѣдняго, и что онъ слишкомъ долго служилъ по дипломатической части, чтобы довѣрять какія-либо тайны свои—почтѣ. Наконецъ, что́ касается донесеній Чернышева и Позена, письменныхъ и словесныхъ, если они и должны были навести нѣкоторое сомнѣніе на счетъ искусства и опытности Гана, то отнюдь не могли породить мысли о его надменности, заносчивости, или лживыхъ дѣйствіяхъ. Оба, любя Гана, гласно и тайно старались, напротивъ, всячески его поддержать. Самый рапортъ Позена, на которомъ послѣдовала страшная резолюція, упоминалъ о Ганѣ всего только дважды, и то́ съ косвенною похвалою, и замѣчаніе о финансовомъ его проектѣ (выше мною выписанное) показывало лишь разномысліе между ними, но разномысліе, въ которомъ еще оставалось рѣшить: кто изъ двухъ правъ. Итакъ, поводъ къ гнѣву государя должно было искать, вѣроятно, въ какихъ-нибудь тайныхъ наговорахъ, а въ этомъ отношеніи и самъ Ганъ и Позенъ подозрѣвали главнѣйше двухъ изъ высшихъ военныхъ чиновниковъ Кавказскаго корпуса. Съ обоими Ганъ не сошелся въ своихъ экспедиціяхъ; оба были здѣсь въ зиму съ съ 1841 на 1842 годъ, оба имѣли по нѣскольку аудіенцій у государя и оба вездѣ гласно порицали всѣ дѣйствія Гана за Кавказомъ. Къ этому, можетъ статься, присоединилось и впечатлѣніе, оставленное частыми непріязненными бумагами Головина, наконецъ, и неудовлетворительное положеніе Закавказья, положеніе, отнесенное государемъ преимущественно къ винѣ Гана, хотя всѣ начертанія его составлены были въ точности по даннымъ отъ Государственнаго Совѣта началамъ и всѣ при томъ, впослѣдствіи, передѣлывались здѣсь Позеномъ. Какъ бы то ни было, политическое существованіе барона Гана съ этой минуты

прекратилось. Онъ провлачилъ его еще нѣсколько лѣтъ въ званіи члена Государственнаго Совѣта, но, видя, при всякомъ случаѣ, продолжающееся къ нему нерасположеніе и потерявъ надежду оправдаться въ обвиненіяхъ, которыя никогда не были ему объявлены, въ 1846 году отпросился въ годовой отпускъ, а въ 1847 году прислалъ просьбу объ отставкѣ, по которой и былъ тотчасъ уволенъ отъ службы.

Между тѣмъ и Головинъ, съ своей стороны, въ самомъ поводѣ и въ результатѣ экспедиціи Чернышева и Позена не могъ не усмотрѣть несомнѣнныхъ признаковъ, что и ему не удержаться на своемъ мѣстѣ. Предваряя событія, онъ, еще въ бытность этой экспедиціи за Кавказомъ, подалъ просьбу объ увольненіи отъ должности и вмѣстѣ изъявилъ,—хотя и негласно,—надежду, что его назначатъ членомъ Государственнаго Совѣта. Но государь, въ то время, слышать объ этомъ не хотѣлъ, и Головинъ въ октябрѣ 1842 года былъ просто уволенъ въ отпускъ на годъ, для поправленія разстроеннаго здоровья, а главноуправляющимъ на его мѣсто назначенъ командиръ 6-го пѣхотнаго корпуса Нейдгардтъ [1]).

Еще передъ симъ, при первой аудіенціи Позена, чрезъ нѣсколько дней послѣ его возвращенія изъ Закавказья, государь сказалъ ему, что онъ «не только удовлетворилъ, но и превзошелъ его ожиданія», и вообще осыпалъ его милостями и ласками. Потомъ, при другомъ опять личномъ докладѣ, ему поручено было написать общую программу о будущемъ ходѣ и порядкѣ разсмотрѣнія всѣхъ предположеній касательно Закавказскаго края, и результатомъ этой программы былъ указъ 30-го августа 1842 года, которымъ повелѣвалось:

1) Прежній Закавказскій комитетъ, какъ совершившій уже свое дѣло, упразднить [2]).

2) Затѣмъ, для предварительнаго разсмотрѣнія и соображенія всѣхъ вообще дѣлъ по управленію Закавказскимъ краемъ, подлежащихъ высочайшему разрѣшенію, учредить другой новый комитетъ, а для обработки всѣхъ предположеній по устройству края, быть временному отдѣленію въ составѣ собственной канцеляріи государя, подъ именемъ VI-го и подъ управленіемъ статсъ-секретаря Позена.

3) Всѣ тѣ дѣла и случаи, въ порядкѣ исполнительномъ, которые,

[1]) Впослѣдствіи Головинъ былъ опредѣленъ сенаторомъ въ Москву, а въ 1845 году генералъ-губернаторомъ Остзейскихъ губерній, въ заключеніе же карьеры, по замѣнѣ его въ послѣдней должности княземъ Суворовымъ, пожалованъ въ члены Государственнаго Совѣта.

[2]) Это была тонкость Чернышева и Позена. Имъ хотѣлось охранить Гана передъ публикою и не выразить по крайней мѣрѣ гласно, что онъ исключается изъ комитета, а потому они предпочли сказать, что самый комитетъ упраздняется, хотя въ новомъ остались всѣ прежніе члены, съ прибавкою лишь, по особой высочайшей волѣ, наслѣдника цесаревича и графа Бенкендорфа.

не требуя новыхъ законодательныхъ мѣръ, превышаютъ власть министровъ, представлять къ высочайшему разрѣшенію черезъ упомянутый комитетъ.

4) Производство дѣлъ, требующихъ новыхъ законодательныхъ мѣръ, сосредоточить въ VI-мъ отдѣленіи собственной канцеляріи, откуда, обработываясь подъ ближайшимъ надзоромъ его величества, они будутъ обращаться въ тотъ же комитетъ, или для окончательнаго постановленія, или же для предварительнаго только соображенія и внесенія потомъ въ Государственный Совѣтъ.

Въ введеніи указа сказано было, что все сіе дѣлается «въ видахъ скорѣйшаго водворенія въ Закавказскомъ краѣ прочнаго устройства, соотвѣтствующаго его обстоятельствамъ и дѣйствительнымъ потребностямъ его жителей, и дабы дать болѣе единства и быстроты всѣмъ мѣрамъ, предпринимаемымъ по управленію симъ краемъ въ порядкѣ законодательномъ и исполнительномъ».

На семъ основаніи VI-е отдѣленіе было открыто 8-го, а комитетъ—10-го сентября 1842 года, и—все пошло съ начала...

Но Закавказскій край имѣлъ, кажется, назначеніемъ убивать всѣ репутаціи и всѣ карьеры. Погубивъ Ермолова, Розена, Головина, Гана, Граббе и множество лицъ второстепенныхъ, онъ вскорѣ долженъ былъ уничтожить еще и Нейдгардта и самого Позена.

Кратковременнаго управленія Закавказьемъ достаточно было, чтобы убѣдить Нейдгардта, человѣка болѣзненнаго и не бывшаго никогда прежде въ дѣлахъ государственныхъ, что онъ не въ силахъ долѣе нести лежавшаго на немъ бремени. Неудачи и въ военныхъ дѣйствіяхъ и въ администраціи побудили его просить увольненія. Его просьбу приняли въ Петербургѣ не безъ удовольствія и не далѣе какъ 1-го января 1845 года онъ былъ назначенъ членомъ военнаго совѣта, а впослѣдствіи уволенъ въ отпускъ и осенью того же года умеръ, въ Москвѣ отъ холеры. Въ преемники ему предназначенъ, сперва, командовавшій своднымъ кавалерійскимъ корпусомъ генералъ-отъ-артиллеріи Герштенцвейгъ; но когда онъ самъ рѣшительно отклонилъ этотъ постъ, выборъ государя остановился на знаменитомъ нашемъ воинѣ и государственномъ мужѣ, князѣ (тогда еще графѣ) Михаилѣ Семеновичѣ Воронцовѣ, въ то время новороссійскомъ (генералъ) губернаторѣ. Въ собственноручномъ письмѣ, исполненномъ милости и довѣрія, императоръ Николай предложилъ ему это мѣсто на самыхъ пріятныхъ и почетныхъ условіяхъ, именно, съ титуломъ намѣстника и главнокомандующаго отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ [1]), съ сохраненіемъ и прежняго званія, съ правомъ жить по временамъ, по собственному его усмотрѣнію,

[1]) Предшественники его имѣли только титулъ командировъ.

томъ или другомъ краѣ. Боялись только одного, что престарѣлый ветеранъ не приметъ важнаго, но слишкомъ затруднительнаго поста, сулившаго огромные труды и заботы при весьма загадочныхъ еще лаврахъ, и, съ историческимъ, популярнымъ въ цѣлой Европѣ именемъ своимъ, предпочтетъ проблематической славѣ тотъ заслуженный покой, которымъ онъ наслаждался. Высшія чувства патріотизма и преданности къ государю подавили въ немъ, однако же, всякое колебаніе. Шестидесятичетырехлѣтній старецъ, обладавшій и морально, и матеріально, всѣмъ, что только можетъ льстить человѣческому тщеславію и славолюбію, рѣшился принести себя въ жертву общему благу и принялъ сдѣланный ему вызовъ. Можно сказать, что вся Россія рукоплескала этому выбору, и князь, по прибытіи его въ первыхъ дняхъ 1845 года въ Петербургъ, сдѣлался предметомъ общаго благоговѣнія и безчисленныхъ овацій, частныхъ и публичныхъ. Но съ тѣмъ вмѣстѣ должно было окончиться и поприще Позена.

Михаилъ Павловичъ Позенъ былъ человѣкъ умный, даже необыкновенно умный, и вмѣстѣ добрый, благородный и благонамѣренный. Но онъ имѣлъ противъ себя два важныхъ обстоятельства: во-первыхъ, свое происхожденіе, внушавшее недовѣрчивость къ нему въ общественномъ мнѣніи, особенно между аристократіею; во-вторыхъ, нажитое имъ значительное состояніе, котораго добросовѣстные источники — нѣсколько смѣлыхъ спекуляцій, участіе въ золотыхъ промыслахъ, въ винныхъ откупахъ и пр.—весьма лишь немногимъ были въ точности извѣстны, такъ что масса, всегда подозрительная и часто несправедливая, относила его богатства къ корыстнымъ дѣйствіямъ по службѣ. Если завистливая толпа могла еще сколько-нибудь перенести неслыханную, по происхожденію и роду Позена, карьеру его, то уже никакъ не могла она простить ему внезапнаго его обогащенія. Позенъ, въ противуположность Гану, имѣлъ несравненно болѣе враговъ, чѣмъ друзей. Между тѣмъ, бывъ приближенъ, по покровительству князя Чернышева, къ лицу государя, сопровождавъ его нѣсколько разъ въ его путешествіяхъ, удовлетворивъ всѣмъ ожиданіямъ результатами кавказской своей экспедиціи, онъ, черезъ назначеніе его, наконецъ, къ завѣдыванію временнымъ отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи, сталъ, казалось, твердою уже ногою въ милости царской. Дѣйствительно, во все время управленія Нейдгардта, Позенъ былъ душою Кавказскаго комитета и всѣхъ принятыхъ по этому краю новыхъ мѣръ, имѣлъ нерѣдко личные доклады у государя и велъ дѣла къ совершенному его удовольствію. Вдругъ пріѣхалъ вызванный сюда, по случаю новаго своего назначенія, новороссійскій генералъ-губернаторъ.

Воронцовъ, воспитанный въ Англіи, почти лучше знавшій по-англійски, нежели по-русски, и вообще болѣе походившій на англій-

*

скаго лорда, чѣмъ на русскаго вельможу, при всѣхъ огромныхъ его достоинствахъ, былъ напитанъ многими идеями, малосвойственными духу нашихъ установленій и нашей національной жизни. Сверхъ того, его окружали разные люди, состоявшіе при немъ, частію въ теченіе многихъ лѣтъ и уже черезъ сіе одно пріобрѣвшіе особенное надъ нимъ вліяніе. Эти довѣренныя лица проводили цѣлый день въ кабинетѣ князя, въ сюртукахъ, съ сигарами во рту, такъ сказать, на распашку, и присутствовали даже обыкновенно при всѣхъ его пріемахъ и аудіенціяхъ. Но тотъ же Воронцовъ, вѣжливый со всѣми и каждымъ почти до самоуниженія, панибратствовавшій съ близкими къ нему, искавшій, казалось, такой же популярности, къ какой стремился нѣкогда Ермоловъ, тотъ же Воронцовъ, когда дѣло шло о его правахъ, о его власти, о чемъ-нибудь для него существенномъ, становился въ высшей степени щекотливъ и заносчивъ, такъ что поступки его доходили до дерзости, даже до забвенія обыкновенныхъ условій учтивости. Это доказали многократныя дѣйствія его противъ министра финансовъ графа Канкрина, противъ Сената и противъ министровъ юстиціи; это же самое долженъ былъ испытать теперь на себѣ и Позенъ.

Дѣла по Закавказью сосредоточивались, какъ уже сказано выше, въ VI-мъ отдѣленіи собственной канцеляріи; слѣдственно, начальнику его, тотчасъ по пріѣздѣ сюда Воронцова, предлежало поставить себя въ непосредственныя и ближайшія съ нимъ соотношенія. Но репутація, данная Позену завистливыми его врагами и всячески поддержанная приближенными Воронцова, страшившимися опаснаго соперничества, сдѣлала то, что онъ съ самаго начала не сошелся съ Позеномъ. Послѣдній былъ принятъ чрезвычайно холодно и, послѣ трехъ посѣщеній, съ своей стороны, государевъ статсъ-секретарь и тайный совѣтникъ не удостоился даже получить на обмѣнъ визитной карточки. Между тѣмъ, онъ имѣлъ приказаніе отъ государя составить, вмѣстѣ съ Воронцовымъ, проектъ инструкціи въ формѣ высочайшаго рескрипта, которымъ опредѣлялись бы права и власть новаго не бывшаго у насъ прежде (кромѣ царства Польскаго) сана намѣстника. Послѣ предварительнаго словеснаго соглашенія въ главныхъ началахъ, Позенъ составилъ этотъ проекъ и отослалъ къ Воронцову, который возвратилъ его, съ предположенными имъ измѣненіями, черезъ одного изъ своихъ чиновниковъ. Въ проектѣ Позена, между прочимъ, сказано было, что намѣстникъ дѣйствуетъ въ Закавказьѣ съ властію, предоставленною въ обыкновенномъ порядкѣ министрамъ. Воронцовъ, основывавшись на письмѣ государя, обѣщавшемъ ему, въ случаѣ принятія новой должности, неограниченную власть, замѣнилъ сказанное мѣсто тѣмъ, что намѣстникъ разрѣшаетъ собственною властію всѣ дѣла, восходящія въ обыкновенномъ порядкѣ къ министрамъ. Позенъ замѣтилъ чиновнику,

что эту редакцію надо бы исправить, такъ какъ къ министрамъ восходятъ и дѣла законодательныя, и такія изъ административныхъ, о которыхъ, не имѣя власти сами ихъ рѣшать, они должны представлять государю. На другой день Позену назначена была личная о семъ предметѣ работа у Воронцова, въ присутствіи и Чернышева, по званію предсѣдателя Кавказскаго комитета. Едва они сѣли, какъ Воронцовъ, обратясь къ Чернышеву, сказалъ:

— Я очень радъ, что вы здѣсь, потому что вы тотчасъ поставите меня въ оборонительное противъ этого господина (указавъ на Позена) положеніе.

И тутъ новый намѣстникъ сталъ жаловаться, что Позенъ, при разсмотрѣніи перемѣнъ въ рескриптѣ, сказалъ присланному чиновнику: «Да что жъ! развѣ онъ (Воронцовъ) хочетъ царской власти?» Отсюда родилась жаркая сцена, при которой Позенъ увѣрялъ и клялся, что не только не думалъ говорить этихъ словъ, но не имѣлъ къ тому и малѣйшаго повода, приписавъ упомянутую поправку въ рескриптѣ совсѣмъ не намѣренной, а одной невольной ошибкѣ въ редакціи. Воронцовъ отвѣчалъ, что знаетъ своего чиновника 17 лѣтъ и не можетъ не повѣрить его слову. Напослѣдокъ, на очной ставкѣ, данной тутъ же по усиленному настоянію Позена, тотъ чиновникъ нѣсколько измѣнилъ прежнее свое показаніе, приведя слышанныя имъ слова въ такомъ видѣ: «вѣдь это будетъ царская власть». Но Позенъ продолжалъ утверждать, что не сказалъ и этого и вообще ничего подобнаго, и, наконецъ, послѣ продолжительнаго пренія, объявилъ, что все это происшествіе и еще болѣе настоящая сцена ставятъ его въ невозможность оставаться долѣе въ такихъ служебныхъ отношеніяхъ, гдѣ, при частой дѣловой перепискѣ, ожидающей его съ намѣстникомъ, внушенія и наговоры чиновниковъ всегда могутъ давать иной толкъ его словамъ, такъ что, будучи только исполнителемъ и передавателемъ высочайшей воли, онъ легко можетъ невинно пострадать. Дѣйствительно, возвратясь домой, онъ тотчасъ послалъ Чернышеву просьбу объ увольненіи его въ отставку, можетъ быть въ тайномъ чаяніи, что его будутъ удерживать и уговаривать. Но судьба его была уже рѣшена вступленіемъ въ неравный бой съ Воронцовымъ. Государь могъ принять это состязаніе только въ двоякомъ видѣ: или какъ оппозицію противъ сановника, стоявшаго въ то время, въ глазахъ и правительства и всей публики, на высшей степени гражданскаго величія, или какъ неблагодарность за все, чего онъ, Позенъ, достигъ до тѣхъ поръ по милости государя, а неблагодарность, въ понятіяхъ и чувствахъ императора Николая, была самымъ чернымъ изъ всѣхъ пороковъ. Указъ объ увольненіи Позена согласно его просьбѣ, вовсе отъ службы, былъ не-

которую велѣлъ перевезти въ Сицилію, въ подарокъ князю Бутерѣ. Во-первыхъ, князя Бутеры въ то время уже нѣсколько лѣтъ не было на свѣтѣ; во-вторыхъ, государь точно подарилъ его вдовѣ церковь, но какую? Походную, ту, которая привезена была въ ея виллу отсюда для императрицы.

Государь возвратился въ Петербургъ 30-го декабря, въ 9-мъ часу утра, оставя императрицу на зиму въ Палермѣ. Послѣ свиданія съ своими дѣтьми, онъ тотчасъ посѣтилъ княгиню Бутеро, для изъявленія ей благодарности, своей и императрицы, за ея виллу въ Палермѣ, а въ часъ былъ уже на разводѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записка М. М. Сперанскаго о вѣроятностяхъ войны съ Франціею послѣ Тильзитскаго мира [1]).

ОБЩЕЕ ОБОЗРѢНІЕ ДѢЛА.

Періодъ первый.

Отъ Тильзитскаго мира до Эрфуртскаго свиданія.

Вѣроятность новой войны между Россіею и Франціею возникла почти вмѣстѣ съ Тильзитскимъ миромъ. Самый миръ заключалъ въ себѣ почти всѣ элементы войны. Ни Россіи съ точностію его сохранить, ни Франціи вѣрить его сохраненію не возможно.

---

[1]) Писана или въ концѣ 1811 г., или въ самомъ началѣ 1812 года. Въ сочин. «Жизнь графа Сперанскаго» М. А. Корфъ говоритъ: Когда ходъ событій перемѣнилъ чувства къ Наполеону императора Александра, онъ разсудилъ отправить въ Парижъ графа Карла Васильевича Нессельрода, уже начинавшаго пріобрѣтать значеніе въ дипломатическомъ мірѣ. Сперва Нессельродъ былъ посланъ не надолго, съ порученіемъ по предполагавшемуся тогда внѣшнему займу. Но Сперанскій, желая воспользоваться такою поѣздкою довѣреннаго, умнаго и скромнаго молодаго человѣка и для другой важнѣйшей цѣли предложилъ присоединить къ гласно заявленной цѣли его командировки и секретную дипломатическую миссію. Это совершенно совпадало съ мыслями государя, который не имѣлъ особаго довѣрія къ тогдашнему нашему послу при французскомъ дворѣ, князю Александру Борисовичу Куракину, а еще менѣе желалъ открыться министру иностранныхъ дѣлъ, графу Румянцову, извѣстному своею наклонностью къ императору французовъ.—Нессельродъ былъ оставленъ въ Парижѣ совѣтникомъ посольства, и между нимъ и Сперанскимъ установилась, съ вѣдома и по точной волѣ государя, постоянная переписка, которая была ведена въ глубокой тайнѣ и отъ Куракина и отъ Румянцова сдѣлалась, впослѣдствіи, однимъ изъ главныхъ источниковъ свѣдѣній вѣрнѣйшихъ и полезнѣйшихъ и много способствовала къ раскрытію заранѣе истинныхъ намѣреній Франціи».

Достовѣрность всякаго мира можетъ быть твердо основана на трехъ только положеніяхъ:

1) На относительной слабости одной изъ воюющихъ державъ.

2) На выгодахъ мира.

3) На характерѣ государей.

Тильзитскій миръ не довольно ослабилъ Россію, чтобъ не могла она помышлять о новой войнѣ.

Выгоды сего мира не столь были важны, чтобъ вознаградить потерю коммерческихъ ея сношеній.

Слѣдовательно, одинъ характеръ государя доставлялъ всю достовѣрность, все ручательство мира.

Франція совершенно знала и не скрывала сего положенія вещей [1]).

Слѣдовательно, самый простой разсчетъ благоразумія запрещалъ ей полагаться на Тильзитскій миръ. Страхомъ оружія надлежало поддержать слабость трактатовъ.

Франція точно и слѣдовала сему правилу.

Съ самымъ почти Тильзитскимъ миромъ началось образованіе и сооруженіе Варшавскаго герцогства. Силы ея, въ Пруссіи и въ Германіи расположенныя, не ослабѣвали; сколь ни настоятельны были нужды испанской войны, Франція всѣмъ жертвовала, чтобъ сохранить по всей возможности сѣверную воинскую ея систему.

Слѣдовательно, Тильзитскій миръ для Франціи всегда былъ миръ вооруженный.

Отсюда возникли два главныя политическія мнѣнія, раздѣлившія въ сіе время всю почти Европу.

Одни разсуждали, что, окончивъ испанскую войну, Наполеонъ обратится паки на твердую землю и довершитъ то, что было не окончено въ континентальной его системѣ. Основываясь на семъ, они предлагали предупредить войну, которую считали неизбѣжною, и составить новую коалицію [2]).

Другіе напротивъ находили, что точнымъ и продолжительнымъ исполненіемъ принятыхъ обязательствъ, есть еще надежда сохранить миръ, и что, впрочемъ, изъ всѣхъ системъ оборонительныхъ, война

---

[1]) Послы ея, начиная съ Савари, всегда здѣсь твердили, что миръ сдѣланъ съ императоромъ, но не съ Россіею. Прим. М. Сперанскаго.

[2]) Извѣстно, что сіе мнѣніе было господствующимъ тогда въ Вѣнѣ. Его держался Меттерних; отъ Меттерниха перешло оно къ графу Толстому, который и безъ того уже былъ къ нему преклоненъ. Въ семъ разумѣ писалъ графъ Марковъ. Сіе мнѣніе здѣсь было почти общее. Въ Берлинѣ не смѣли надѣяться, но помышляли о томъ же. Прим. М. Сперанскаго.

союзная въ настоящемъ положеніи державъ есть самая ненадежная, и что по сему лучше ожидать войны вѣроятной, нежели входить въ связи, которыя привлекутъ ее достовѣрно.

Первое мнѣніе превозмогло въ Вѣнѣ; второе въ Петербургѣ. Сіе было поводомъ Эрфуртскаго свиданія.

Періодъ второй.

Отъ Эрфуртской конвенціи до Вѣнскаго мира.

Эрфуртское свиданіе произвело ту существенную перемѣну въ вѣроятностяхъ войны, что оно дало ей на время другое направленіе.

Подъ предлогомъ общаго мира, Франція искала только удостовѣриться въ Россіи, и достигла сей цѣли.

Тщетно Шварценбергъ домогался здѣсь перемѣнить сіе положеніе: оно было принято невозвратно.

Періодъ сей можно считать самымъ благопріятнѣйшимъ въ сношеніяхъ нашихъ съ Франціею.

Благопріятство сіе основано было не на словахъ, но на самомъ коренномъ началѣ всякаго мира,—на невозможности воевать.

Россія вела войну съ Турціею и оканчивала войну финляндскую. Франція имѣла на рукахъ войну испанскую и начинала австрійскую.

Слѣдовательно, въ обоюдномъ положеніи сихъ державъ существовало твердое ручательство взаимнаго ихъ довѣрія.

Положеніе сіе вскорѣ измѣнилось; Россія окончила финляндскую войну въ сентябрѣ; а Франція австрійскую—въ октябрѣ.

Періодъ третій.

Отъ Вѣнскаго мира до настоящаго времени.

Вѣнскій миръ двѣ важныя сдѣлалъ перемѣны въ нашемъ съ Франціею положеніи.

1) Усилилъ герцогство Варшавское всею западною Галиціею и частію восточной.

2) Соединилъ двѣ воюющія державы родственнымъ союзомъ.

Отсюда вѣроятности войны, кои въ предъидущемъ періодѣ утихли, снова возродились.

Двѣ системы тогда представлялись вѣроятными: 1) Раздѣлъ Пруссіи между Саксоніею и Вестфаліею. 2) Возстановленіе Польши съ согласіемъ Австріи.

Страхи сіи питаемы были разными происшествіями:

1) Движеніемъ французскихъ войскъ къ сѣверу.

2) Присоединеніемъ Рима и Голландіи.

3) Отказомъ въ польской конвенціи.

4) Отказомъ въ займѣ.

Страхіи сіи, всегда политику нашу болѣе или менѣе колебавшіе, положеніемъ испанской войны и турецкихъ нашихъ дѣлъ начинали утоляться, какъ вдругъ паки и съ новою силою они возникли избраніемъ Бернадота на шведское наслѣдство. Казалось, тогда все уже было къ нападенію на насъ готово.

Но прошли два, три мѣсяца, и дѣла шведскія такъ прояснились, что тамъ, гдѣ ожидали бѣдъ, можно теперь считать на нѣкоторое даже содѣйствіе.

Между тѣмъ Наполеонъ издалъ примѣчательный свой декретъ объ истребленіи англійскихъ товаровъ.

Всѣ боялись, что онъ настоятельно будетъ требовать, чтобъ и Россія приняла сіе правило, и предвѣщали уже неминуемую войну.

Ни настоятельнаго требованія, ни войны однако же не послѣдовало.

Вскорѣ потомъ присоединены Ганзейскіе города, и, вмѣстѣ съ другими областями, Франція завладѣла Ольденбургомъ.

Въ теченіе всего сего времени поляки и здѣсь и въ Парижѣ не переставали твердить о войнѣ. Съ обѣихъ сторонъ стращали сильными приготовленіями, коихъ однако же въ самомъ дѣлѣ въ сіе время ни съ той, ни съ другой стороны еще не было.

Французскія силы въ Германіи ограничивались до сего времени почти тѣмъ самымъ ополченіемъ, которое для вооруженнаго мира Франція всегда считала необходимымъ.

Наша политика долгое время состояла въ одномъ молчаніи; нельзя однако же намъ было не готовиться по крайней мѣрѣ изъ далека къ войнѣ.

Первымъ нашимъ пріуготовленіемъ можно почесть вооруженіе и устроеніе крѣпостей.

Вслѣдъ за тѣмъ къ концу 1810 года сдѣланы разныя перемѣны въ расположеніи войска, и количество ихъ на границѣ умножено.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ политикѣ нашей приняты двѣ важныя мѣры: 1) Изданъ тарифъ на 1811 годъ и 2) Вскорѣ потомъ протестація Ольденбургская.

Съ сего времени можно полагать начало четвертому періоду въ сношеніяхъ нашихъ съ Франціею.

Періодъ четвертый.

Настоящее положеніе.

Тарифъ 1811 года, лишившій Францію 35 м. въ торговомъ ея балансѣ, хотя не возбудилъ явныхъ и формальныхъ подозрѣній, но былъ для нея, безъ сомнѣнія, весьма огорчителенъ. Для Наполеона онъ доказывалъ двѣ важныя истины:

1) Что Россія послѣ четырехъ-лѣтняго молчанія начинаетъ познавать свои силы и дѣйствовать съ нѣкоторою независимостью.

2) Что первый сей шагъ предзнаменуетъ и другіе.

Въ другихъ обстоятельствахъ нѣтъ сомнѣнія, что не допустилъ бы онъ сея мѣры. Но на сей разъ онъ по необходимости долженъ былъ скрыть свое негодованіе [1]).

Ольденбургская протестація должна была произвести или еще и усилить тѣ же самыя впечатлѣнія.

Изъ сего сами собою должны были родиться въ умѣ его (Наполеона) слѣдующія заключенія:

I. Тильзитскій миръ есть миръ вооруженный. Вся достовѣрность его основывается на страхѣ.

II. Страхъ сей по мѣрѣ приращенія внутреннихъ силъ Россіи ослабѣваетъ, и Россія начинаетъ дѣйствовать.

III. Съ окончаніемъ турецкой войны она можетъ совершенно перемѣнить сію систему. Протестація Ольденбургская послужитъ ей достаточнымъ къ сему предлогомъ; слѣдовательно,

IV. Франція должна готовиться къ войнѣ и усиливать свои вооруженія; но между тѣмъ

V. Вызвать Россію къ объясненію.

VI. Затруднять сколь можно турецкій миръ, какъ эпоху совершеннаго отпаденія Россіи.

Заключенія сіи столь просты и естественны, что каждый на мѣстѣ Наполеона точно то же бы сдѣлалъ.

Вся сила извѣстной бумаги [2]) состоитъ въ сихъ почти заключеніяхъ.

Истинный разумъ Наполеоновой рѣчи 15-го августа въ семъ же самомъ заключается.

Какія средства употреблены были съ нашей стороны, чтобъ перемѣнить, или уничтожить сіи заключенія?

---

[1]) Извѣстно что тарифъ сей онъ называлъ *une mesure hostile* (враждебная мѣра). Прим. М. Сперанскаго.

[2]) О какой бумагѣ говоритъ Сперанскій, намъ не извѣстно. Ред.

1) Словесныя увѣренія.

Увѣренія сіи, сами по себѣ ничтожныя, сверхъ того имѣютъ два разные смысла: одинъ для насъ, другой для Франціи. Когда Россія увѣряетъ, что она не начнетъ войны и что Наполеонъ долженъ придти искать насъ, въ Россіи сіе значитъ, что мы ничего не сдѣлаемъ, не только чтобъ начать, но чтобъ и возбудить войну; а во Франціи сіе значитъ, что конечно Россія не объявитъ войны, но отставъ отъ континентальной системы послѣ турецкаго своего мира, она все употребитъ, чтобъ для Франціи войну сдѣлать неизбѣжною.

2) Предположеніе о посылкѣ въ Парижъ уполномоченнаго.

Здѣсь множество всегда представлялось затрудненій:

а) Выборъ лица.

б) Трудность и почти невозможность опредѣлить инструкціями истинную черту его дѣйствія, и особливо словесныхъ изъясненій съ многоглаголивымъ Наполеономъ.

Впрочемъ, если способъ сей послѣ 15-го августа и представлялъ нѣкоторыя удобства, то нынѣ, когда уже заявлено послу, что посылка сія отсрочена до турецкаго мира, она была бы или ничтожна, или можетъ быть и вредна.

3) Прусскій дворъ вѣроятно желалъ вмѣшаться въ сіи объясненія и быть посредникомъ. Весьма благоразумно сдѣлано, если отклонено сіе притязаніе.

4) То же должно сказать и о Вѣнскомъ дворѣ, если съ его стороны сдѣланы какія-либо къ тому повѣстки.

Изъ сего слѣдуетъ, что доселѣ никакихъ способовъ къ истинному объясненію дѣла не было принято.

Между тѣмъ смута каждый день возрастаетъ. Она питается:

а) Дѣйствительнымъ вооруженіемъ.

б) Еще болѣе слухами и извѣстіями о вооруженіи.

в) Происками и даже самымъ усердіемъ поляковъ, кои здѣсь распространяютъ разные слухи о конституціяхъ и о намѣреніи правительства возстановить Польшу.—Естественно простираются сіи слухи до самаго Парижа; а тамъ подзорчивый министръ полиціи и столько же подозрѣвающій Наполеонъ всегда преклонны имъ вѣрить.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Изъ краткаго обозрѣнія настоящаго положенія дѣлъ происходятъ слѣдующія о немъ понятія:

I. Тильзитскій миръ, по самому существу его, есть для Франціи миръ вооруженный.

II. Франція никогда не считала и не могла считать, чтобъ миръ съ нашей стороны былъ чистосердеченъ, и чтобъ коммерческія наши съ Англіею сношенія были дѣйствительно закрыты. Но должно было по необходимости предпочитать слабый миръ опасной войнѣ.

III. Для сохраненія мира Франція въ самой простой и здравой политикѣ всегда была обязана содержать на сѣверѣ ополченіе.

IV. Сила сего ополченія должна по необходимости измѣняться и быть соразмѣрною: 1) Положенію Россіи въ отношеніи къ турецкой войнѣ; 2) военнымъ ея пріуготовленіямъ, 3) политическому ея съ Франціею поведенію и возникающимъ ея притязаніямъ.

V. Въ настоящемъ положеніи сихъ трехъ обстоятельствъ Франція должна была по всей необходимости усилить свои вооруженія, ибо:

1) Турецкая наша война съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ мы приняли оборонительное положеніе и открыли негоціаціи, предвѣщала скорый конецъ.

2) Притязанія, или, лучше сказать, тонъ нашъ съ Франціею перемѣнился двумя сильными мѣрами.

3) Пріуготовленія наши къ войнѣ, хотя въ началѣ своемъ они вызваны были движеніемъ французскихъ войскъ, тѣмъ не менѣе суть дѣйствительны.

VI. Изъ сего слѣдуетъ, что ополченіе Франціи изъясняется само собою однимъ положеніемъ Россіи и образомъ ея поведенія, и что нѣтъ никакой причины, для изъясненія сего, искать и составлять наступательныя системы. Неосновательность сихъ системъ доказывается:

1) Поведеніемъ Наполеона. Если бы въ намѣреніяхъ его было сдѣлать войну наступательную: онъ старался бы усыплять Россію, а не грозить ей; онъ не хвалился бы своими вооруженіями, но старался бы скрывать ихъ.

2) Податливостью его на объясненія Въ наступательной войнѣ надлежало бы не искать объясненій, но стараться удалять ихъ, и даже притворяться, что нѣтъ къ нимъ никакого предлога, такъ какъ и нѣтъ никакого намѣренія къ войнѣ. Здѣсь могутъ возразить, что вызовъ на сіи объясненія могъ быть нуженъ для того, чтобъ на насъ впослѣдствіи обратить всю тяжесть начала войны. Предположеніе странное; какъ будто Наполеонъ можетъ озабочиваться мнѣніемъ прусскаго или вѣнскаго двора о началѣ войны, и какъ будто можетъ быть кто-нибудь виноватъ, начиная съ нимъ войну.

3) Не можно согласить съ обыкновеннымъ его благоразуміемъ, чтобъ, не окончивъ испанской войны, онъ бросился въ другую. Презирать Россію онъ не можетъ. Все поведеніе его съ нею съ самаго Тильзитскаго мира и самая извѣстная бумага доказываютъ сіе неоспоримо. Начать войну на Вислѣ и окончить ее на Днѣпрѣ нельзя ни въ шесть

мѣсяцевъ, ни въ годъ. Впрочемъ, если бы въ Парижѣ и были на сей счетъ какія-либо заблужденія, то изъясненія французскихъ пословъ могли давно ихъ разсыпать. Слѣдовательно:

VII. Истинный разумъ французскихъ военныхъ пріуготовленій состоитъ не въ безразсудной предпріимчивости новыхъ побѣдъ, но въ томъ весьма благоразумномъ разсчетѣ, чтобъ предохранить Тильзитскій миръ отъ совершеннаго его разрушенія и продолжить настоящій вещей порядокъ до окончанія дѣлъ испанскихъ. Слѣдовательно,

VIII. Нѣтъ никакой вѣроятности, чтобъ Франція начала войну, если Россія строго будетъ держать себя въ настоящемъ положеніи.

Изъ сего происходятъ слѣдующія правила поведенія для Россіи.

I. Способы отрицательные.

1) Не входить ни въ какія связи ни съ Прусскимъ дворомъ, ни съ Вѣнскимъ. Они не могутъ желать войны и слѣдовательно не будутъ содѣйствовать ея приближенію; а сего для Россіи уже довольно. Всякая дальнѣйшая съ ними связь усилитъ только подозрѣнія, а въ случаѣ войны не принесетъ намъ никакой пользы.

2) Не заводить Швецію въ англійскую систему; не поощрять ее къ тому, но и не удерживать. Если мы будемъ ее поощрять, то сіе будетъ для Франціи явнымъ предзнаменованіемъ и нашего отпаденія.

3) Стараться пресѣкать слухи о перемѣнахъ и конституціяхъ въ Польшѣ. Перемѣны сіи естественно обнаруживаютъ разумъ, въ коемъ мы хотимъ дѣйствовать.

4) Стараться уронить слухи о неизбѣжности войны. Если въ Петербургѣ войну считаютъ неизбѣжною, то въ Парижѣ естественно должны заключать, что мы готовы уже оставить Францію. Война дѣйствительно можетъ сдѣлаться неизбѣжною въ Парижѣ для того, что въ Петербургѣ ее считаютъ таковою; а въ Петербургѣ для того, что такъ думаютъ въ Парижѣ.

5) Не раздроблять политику на многія части. Кромѣ другихъ неудобствъ симъ умножаются толки, гаданія и слухи, симъ правительство даетъ себѣ видъ нѣкотораго безпокойства и смущенія, которое всегда изъясняется къ войнѣ.

II. Средства положительныя.

6) Искать всѣхъ случаевъ изъясняться съ Франціею, не отправляя туда нарочнаго. Весьма жалко, что рѣчь 15-го августа прошла почти безъ вниманія. Но другой случай легко предстать можетъ, если захо-

тять имъ пользоваться. Подъ именемъ изъясненія здѣсь не разумѣются сіи обычныя фразы дружбы и гармоніи, отъ коихъ бы надлежало и совсѣмъ воздержаться. Основаніемъ изъясненія должно быть прямое, простое, сильное, но умѣренное изображеніе настоящаго вещей положенія и его послѣдствій. Цѣль его должна состоять въ томъ, что двѣ великія державы не могутъ начать войну ни за тарифъ, ни за Ольденбургъ. Изъясненія сіи легко могутъ быть сдѣланы чрезъ пословъ. Своеручное письмо можетъ быть еще болѣе бы сему пособило. Но все сіе должно быть сдѣлано кстати при первомъ удобномъ случаѣ, а не безъ повода.

7) Сими средствами, кажется, можно удалить войну. Но никакими нельзя отвратить ея на долгое время. Тильзитскій миръ по существу своему есть миръ невозможный не потому, чтобъ Россія не могла выдержать торговыхъ его послѣдствій, но потому, что она не можетъ никогда представить Франціи достаточнаго ручательства въ точномъ его сохраненіи. Слѣдовательно, удаляя войну, должно однакоже непрестанно къ ней готовиться. Должно готовиться не умноженіемъ войскъ, которое всегда опасно, но расширеніемъ арсеналовъ, запасовъ, денегъ, крѣпостей и воинскихъ образованій.

Сообщ. **Н. Дубровинъ.**

болѣе прогремѣла по Европѣ, чѣмъ это оправдывалось знаніемъ Россіи за границею.

Возвращаясь къ выпискѣ изъ письма Мельгунова къ Шевыреву и къ вызванной ею нашей задачѣ, мы должны оговориться. Ограничивъ наше лѣтнее пребываніе Берлиномъ и окрестностями Франкфурта на Майнѣ, мы поневолѣ должны были удовлетвориться розысками старыхъ нѣмецкихъ журналовъ и газетъ лишь въ библіотекахъ названныхъ двухъ городовъ. Впрочемъ, и здѣсь нашли мы достаточный матеріалъ, при чемъ обратили вниманіе на слѣдующія нѣмецкія повременныя изданія, относящіяся къ февралю и марту мѣсяцамъ 1837 года, а именно на газеты Всеобщую («Allgemeine Zeitung»), Королевскую привилегированную Берлинскую, такъ называемую Фоссову («Königliche priviligierte Berlinische Zeitung»), Франкфуртскій журналъ («Frankfurter Journal»), Вѣдомости Франкфуртскаго главнаго почтамта (Frankfurter-Ober-Postamts Zeitung»), Листы для занятія словесностью («Blätter für literarische Unterhaltung») и Дидаскалію («Didaskalia»). Къ сожалѣнію, мы не имѣли достаточно времени, чтобы исчерпать всю нѣмецкую періодическую прессу 1837 года, и поневолѣ должны были удовольствоваться случайно попавшимся подъ руки матеріаломъ. Даже въ Берлинской императорской библіотекѣ мы могли найти почти лишь одни изданія, выходившія въ Берлинѣ. Другія провинціальныя газеты пришлось бы съ трудомъ розыскивать въ мѣстныхъ городскихъ и университетскихъ библіотекахъ. На этомъ основаніи собранный нами матеріалъ мы предлагаемъ далеко не въ полномъ, соотвѣтствующемъ нашей задачѣ, видѣ и желаемъ лишь подать примѣръ къ дальнѣйшимъ изысканіямъ въ области иностранной журнальной библіографіи о Пушкинѣ [1]).

Большинство предлагаемаго нами матеріала заключается въ корреспонденціяхъ, получавшихся нѣмецкими газетами изъ Россіи. Нѣкоторыя нѣмецкія статьи о Пушкинѣ, при томъ изъ числа наиболѣе любопытныхъ, заимствованы однако изъ другаго источника, именно изъ газетъ французскихъ и англійскихъ. Обращаемъ на это особенное вниманіе въ виду необходимости прослѣдить журнальную литературу 1837 года о Пушкинѣ и по французскимъ и англійскимъ изданіямъ. Вообще иностранные некрологи Пушкина далеко у насъ еще не собраны и лишь случайныя и крайне недостаточныя данныя изъ этой области встрѣчаются въ библіографическихъ трудахъ о Пушкинѣ,

---

[1]) Считаемъ долгомъ засвидѣтельствовать нашу искреннюю признательность настоятелю Берлинской посольской церкви о. протоіерею А. П. Мальцеву, приватъ-доценту С.-Петербургскаго филологическаго института Ф. Э. Видеману и корреспонденту Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ Іосифу Беру во Франкфуртѣ на Майнѣ. Содѣйствію этихъ лицъ мы обязаны наиболѣе интересными выписками изъ нѣмецкихъ газетъ 1837 года.

Межова, Драганова, а равно и въ каталогахъ Пушкинскихъ выставокъ и Лицейскаго музея. Прежде, чѣмъ обратиться къ извѣстіямъ нѣмецкихъ газетъ о смерти Пушкина, посмотримъ, какъ отнеслась къ этому событію газетная литература въ Россіи. Оказывается, что русскіе журналы первоначально ограничились самымъ краткимъ сообщеніемъ о смерти Пушкина, не касаясь ея повода, т. е. дуэли, и лишь издававшаяся въ Петербургѣ «Сѣверная Пчела» упомянула, безъ дальнѣйшаго объясненія, о «непродолжительныхъ предсмертныхъ страданіяхъ поэта» [1]). Литературныя Прибавленія къ «Русскому Инвалиду» впервые 30-го января отозвались, при вѣсти о смерти Пушкина, извѣстными горячими строками, начинающимися восклицаніемъ: «Солнце нашей поэзіи закатилось». «Петербургскія Вѣдомости» въ № 24-мъ отъ 31-го января помѣстили лишь слѣдующее извѣстіе: «Вчера 29-го января въ пятомъ часу по полудни скончался Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Русская литература не терпѣла столь важной потери со времени смерти Карамзина». Въ Москву эта грозная вѣсть достигла лишь черезъ нѣсколько дней и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» отъ 6-го февраля № 11 было повторено петербургское сообщеніе 31-го января. Лишь «Сѣверная Пчела», а за нею и французскій «Петербургскій Журналъ» («Journal de S.-Pétersbourg») отъ 2-го февраля, № 13, оцѣнивая всю тяжесть понесенной русскою литературою утраты, вкратцѣ упомянули о предсмертныхъ страданіяхъ Пушкина. Нѣмецкая «Петербургская газета» («S.-Petersburger Zeitung») въ № 25 отъ 31-го января ограничилась лишь указаніемъ на то, что Пушкинъ былъ какъ будто внезапно вырванъ смертью въ полномъ расцвѣтѣ своихъ творческихъ силъ. Конечно, цензурныя условія того времени не позволяли газетамъ упоминать объ истинныхъ причинахъ насильственной смерти Пушкина, которыя сдѣлались оффиціально извѣстными русскому обществу лишь черезъ два съ половиною мѣсяца, изъ приговора о разжалованіи и высылкѣ за границу Дантеса за «вызовъ на дуэль и убійство камеръ-юнкера Пушкина». Приговоръ этотъ, высочайше утвержденный 18-го марта, былъ опубликованъ лишь 12-го апрѣля въ № 81 «Сѣверной Пчелы» и 15-го апрѣля въ № 94 «Русскаго Инвалида». Такимъ образомъ, истинныя причины смерти Пушкина никакъ не могли достигнуть до Западной Европы иначе, какъ изъ источниковъ не цензурныхъ, т. е. отъ спеціальныхъ корреспондентовъ иностранныхъ газетъ. Мы останавливаемся на этомъ обстоятельствѣ въ виду того, что иностранныя газеты гораздо ранѣе русскихъ заговорили о дуэли Пушкина, хотя

[1]) См. юбилейное изданіе Н. К. Невзорова, директора Петербургской 7-й гимназіи: „Къ біографіи А. С. Пушкина, матеріалы изъ архивовъ и другихъ малоизвѣстныхъ источниковъ". С.-Петербургъ, 1899 г., стр. 15—16.

Вышеприведенная статья «Всеобщей Газеты» отъ 5-го марта открыла собою цѣлый рядъ сообщеній нѣмецкихъ газетъ о подробностяхъ дуэли Пушкина, заимствованныхъ частью отъ собственныхъ корреспондентовъ изъ Петербурга и «съ русской границы», а частью переведенныхъ изъ французскихъ журналовъ. Уже черезъ два дня, именно 7-го марта, та же «Всеобщая Газета» въ приложеніи къ своему № 105 (на стр. 417) отвела два столбца двумъ корреспонденціямъ, одной съ русской границы отъ 19-го февраля, а другой изъ Петербурга отъ 22-го февраля. Воспроизводимъ вполнѣ эти обѣ статьи, озаглавленныя: «Александръ фонъ-Пушкинъ».

«Съ русской границы отъ 19-го февраля.

«Русская литература понесла большую потерю (einen grossen Verlust) со смертью своего знаменитаго поэта Александра фонъ-Пушкина, о которой мы вкратцѣ сообщали третьяго дня. Въ одномъ вопросѣ, касавшемся женщинъ, Пушкинъ счелъ себя глубоко оскорбленнымъ со стороны эмигрировавшаго изъ Франціи карлиста, барона Д'Антесъ-Геекерена, офицера лейбъ-гвардіи Кавалергардскаго полка, усыновленнаго голландскимъ посланникомъ барономъ фонъ-Геекереномъ. Желая отомстить своему оскорбителю, Пушкинъ отвѣчалъ письмомъ, написаннымъ въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ, и въ которомъ намекнулъ на обстоятельства, неудобныя для разглашенія. Это письмо послужило поводомъ къ вызову на дуэль. Смертельно пораженный въ нижнюю часть живота первымъ выстрѣломъ своего противника, Пушкинъ присѣлъ послѣ своего паденія и могъ еще настолько прицѣлиться (und Herrn d'Anthès so auf's Korn nahm), что конечно и баронъ Д'Антесъ не оставилъ бы поля сраженія безъ смертельной раны, если бы пуля, задѣвъ пуговицу на его мундирѣ, не отскочила въ руку, которую раздробила своимъ ударомъ. Узнавъ о томъ, что раненъ смертельно, Пушкинъ бросилъ свой пистолетъ въ голову противника. Привезенный домой, Пушкинъ скончался лишь послѣ страдальческой борьбы со смертью, продолжавшейся 48 часовъ. Передъ смертью онъ получилъ отъ императора Николая записку, писанную карандашемъ, въ которой его величество обезпечивалъ его супругѣ пожизненную пенсію, а къ самому Пушкину обращался съ отеческимъ увѣщаніемъ объ исполненіи предсмертныхъ обязанностей истиннаго христіанина. Несчастный противникъ Пушкина находится въ рукахъ правосудія и подвергнутъ строгимъ мѣрамъ отвѣтственности. Впрочемъ, есть надежда, что онъ будетъ помилованъ императоромъ, такъ какъ секундантъ Пушкина уже прощенъ (bereits die Kaiserliche Verzeihung geworden ist); что же касается до секунданта барона Д'Антеса, то онъ исчезъ и тѣмъ избѣжалъ всякаго пре-

слѣдованія (hat sich aus dem Staube gemacht) [1]). Въ виду того, что Пушкинъ былъ очень любимъ значительнымъ большинствомъ русскаго народа, здѣсь опасаются тѣхъ послѣдствій, которыми этотъ случай долженъ отразиться на тяжеломъ и, можетъ быть, невыносимомъ общественномъ положеніи, ставшемъ удѣломъ отца убійцы русскаго поэта. (Die Stellung des Vaters seines Gegners durch diesen unglücklichen Fall sehr schwierig, vielleicht unhaltbar werden dürfte)».

Петербургъ 22-го февраля.

«Александръ фонъ-Пушкинъ, знаменитѣйшій изъ новѣйшихъ русскихъ поэтовъ (der gefeierste Dichter der neuen russischen Litteratur), скончался въ неполномъ возрастѣ 37-ми лѣтъ. Его отецъ еще живъ и владѣетъ въ Псковской губерніи имѣніемъ, въ которое было отвезено тѣло покойнаго по совершеніи здѣсь надъ его прахомъ послѣдняго торжественнаго церковнаго обряда, въ присутствіи толпы молящихся (nachdem sie (die Leiche) hier unter solennem Gepränge den Segen der Kirche erhalten hatte). Въ день его отпѣванія (Beisetzung) можно было судить о томъ сочувствіи всего здѣшняго общества (allgemeine Theilnahme im hiesigen Publikum), которое было возбуждено его смертью, главнымъ образомъ вслѣдствіе литературной славы, пріобрѣтенной покойнымъ во всей Россіи. На церковную службу, назначенную въ Конюшенной церкви, собрались безчисленныя толпы изъ всѣхъ слоевъ общества (zahllose Menschenschaaren aus allen Ständen). Большинство изъ нихъ знало Пушкина только по славѣ его имени (nur dem Rufe nach). Среди молящихся можно было замѣтить какъ самыхъ важныхъ особъ (die distinguirtesten Personen), такъ и многихъ иностранныхъ дипломатовъ. Мы не сомнѣваемся, что подробный его некрологъ и свѣдѣнія о его жизни скоро появятся въ русскихъ газетахъ [2]).

«За послѣднія десять лѣтъ жизни покойнаго намъ не извѣстно ни одного выдающагося поэтическаго произведенія его пера (kein ausgezeichnetes Dichtungswerk mehr von seiner Feder). Всѣ тѣ классическія сокровища (Die klassichen Werke), которыми ему обязана Россія, явились плодомъ его творчества въ предъидущую пору его жизни (aus einer früheren Epoche seines Lebens hervorgegangen). Предпринятое имъ за годъ до смерти періодическое изданіе, подъ названіемъ «Современники»

---

[1]) Тотчасъ послѣ дуэли Д'Аршьякъ поспѣшилъ уѣхать изъ Петербурга за границу. Ср. только что изданную фондомъ Пушкинскаго лицейскаго общества книгу: „Дуэль Пушкина“ и т. д., С.-Петербургъ, 1900.

[2]) Здѣсь редакція нѣмецкой газеты дѣлаетъ подстрочную выноску, въ которой обращается къ своимъ петербургскимъ корреспондентамъ съ просьбою доставить ей изложеніе русскихъ некрологовъ и выдержки изъ нихъ (einen passenden Nekrolog zu senden).

(Die Zeitgenossen—sic), отличалось болѣе полемическимъ характеромъ, чѣмъ литературнымъ содержаніемъ, и въ немъ не появилось ни одного произведенія (keinen Aufsats), могущаго быть достойнымъ генія такого великаго поэта. По общераспространенному слуху (allgemeinen Vornehmen nach), въ послѣдніе годы жизни онъ трудился надъ очеркомъ исторіи Петра Великаго (mit dem Entwurf einer Geschichte Peters des Grossen), но незаконченные еще отрывки этого труда не могли быть обнародованы (zur Publicität kommen) вслѣдствіе его внезапной смерти».

Затѣмъ, слѣдуя хронологическому порядку нашего изложенія, надлежитъ упомянуть о перепечаткѣ «Вѣдомостями Франкфуртскаго почтамта» (отъ 7-го марта, № 67, приложеніе) той части сообщенія «Всеобщей Газеты» отъ 5-го марта, которая основана на извѣстіяхъ французскихъ газетъ. Ясно, что эти послѣднія послужили источникомъ для обоихъ нѣмецкихъ изданій, хотя и неодновременно появившихся въ двухъ городахъ.

Выше мы имѣли случай упомянуть о томъ, что русскія газеты, сообщая первоначальное извѣстіе о смерти Пушкина, умолчали о его дуэли и упомянули, и то далеко не всѣ, лишь о его предсмертной болѣзни. Слухъ о болѣзни проникъ и во Франкфуртъ, гдѣ было напечатано вышеприведенное сообщеніе въ №№ отъ 24-го февраля. Когда же распространился слухъ о дуэли Пушкина, то обѣ франкфуртскія газеты, «Франкфуртскій Журналъ» въ № 68 и «Вѣдомости почтамта» въ № 69, поспѣшили помѣстить въ одинъ и тотъ же день, именно 9-го марта, поправку къ прежнему своему сообщенію и въ слѣдующихъ строкахъ выяснили истину о причинахъ смерти Пушкина.

«Знаменитый русскій поэтъ умеръ вовсе не отъ болѣзни, какъ можно было предполагать на основаніи сообщеній петербургскихъ газетъ, но, какъ пишутъ намъ, палъ жертвою поединка, который обратилъ на себя въ русской столицѣ величайшее вниманіе, какъ вслѣдствіе поводовъ, приведшихъ къ дуэли, такъ и по ея результатамъ. Соперникомъ Пушкина былъ его собственный своякъ, пріемный сынъ голландскаго посланника въ Петербургѣ барона фанъ-Геккерена, служащій офицеромъ въ Кавалергардскомъ полку императорской гвардіи. Жена поэта, сестра которой состоитъ замужемъ за барономъ Д'Антесъ фанъ-Геккереномъ, считается одною изъ выдающихся красавицъ сѣверной столицы. Несчастный поединокъ на пистолетахъ, стоившій жизни одному изъ даровитѣйшихъ людей, былъ вызванъ побужденіями ревности. Поэтъ такъ былъ возбужденъ въ своемъ гнѣвѣ, что несмотря на смертельную рану, полученную въ нижнюю часть брюшной полости, выпустилъ зарядъ изъ своего собственнаго пистолета, которымъ въ свою очередь смертельно ранилъ своего соперника».

Далѣе «Вѣдомости Франкфуртскаго главнаго почтамта» въ продолженіи статьи передаютъ уже знакомое намъ извлеченіе изъ «Всеобщей Газеты» отъ 7-го марта объ арестѣ убійцы Пушкина и о судьбѣ секундантовъ дуэли. Кромѣ того, въ приложеніи къ № 69 той же «Франкфуртской Газеты» отъ 9-го марта находимъ перепечатку петербургской корреспонденціи отъ 22-го февраля, помѣщенной во «Всеобщей Газетѣ» отъ 7-го марта.

За первою статьею о Пушкинѣ, помѣщенною во «Всеобщей Газетѣ» отъ 7-го марта (особое къ ней приложеніе № 105), послѣдовало ея продолженіе, которому отведено около $2^1/_2$ столбцовъ въ соединенныхъ, 113-мъ и 114-мъ, особыхъ приложеніяхъ къ номеру газеты отъ 12-го марта. Эта вторая статья исключительно посвящена передачѣ отзывовъ о Пушкинѣ, напечатанныхъ во французской, англійской и нѣмецкой прессахъ.

«О жизни и о печальной, преждевременной кончинѣ Пушкина»,—такъ начинается эта статья, загадочно, какъ увидимъ далѣе, озаглавленная A. M. (sic) ф. Пушкинъ. Второй очеркъ (A. M. v. Puschkin, Zweiter Artikel)—«мы сообщаемъ еще нѣкоторыя отрывочныя черты, кидающія извѣстное освѣщеніе на его положеніе среди литературы и общества. Нижеслѣдующая статья, принадлежащая перу Леве Веймарса (Löwe Weimars), помѣщена въ «Журналѣ Преній» (Journal des Dèbats). Авторъ ея, какъ извѣстно, лишь недавно возвратился изъ Петербурга, гдѣ былъ гостепріимно принятъ въ высшихъ слояхъ тамошняго свѣта и гдѣ, безъ сомнѣнія, имѣлъ случай лично познакомиться съ поэтомъ [1]). Вотъ его слова.

«Россія потеряла своего, по праву знаменитѣйшаго, писателя, Пушкина, только-что погибшаго на дуэли съ своимъ своякомъ, барономъ Д'Антесъ. Это прискорбное событіе поразило ужасомъ все петербургское общество, гдѣ Пушкинъ имѣлъ многихъ искреннихъ поклонниковъ и нѣкоторыхъ благородныхъ и истинныхъ друзей. Намеки клеветы и безымянныя письма еще прежде служили и будутъ еще впослѣдствіи служить причиной гибели многихъ доблестныхъ людей (muthigen Männern); эти же поводы привели и Пушкина къ смерти какъ разъ въ ту пору его жизни, когда онъ трудился надъ созданіемъ главнаго своего произведенія, именно: Исторіи Петра Великаго. Умирая, онъ тре-

[1]) Баронъ Леве Веймарсъ, французскій литераторъ и дипломатъ (род. 1801†1854 г.), кромѣ нѣкоторыхъ, написанныхъ имъ, книгъ, сотрудничалъ въ лучшихъ французскихъ журналахъ и, между прочимъ, писалъ фельетоны въ газетѣ „Temps“. Министръ Тьеръ, въ началѣ 30-хъ годовъ, посылалъ его съ порученіемъ въ Россію. Леве Веймарсъ окончилъ жизнь на дипломатическомъ поприщѣ французскаго консула въ Багдадѣ, а затѣмъ въ Южной Америкѣ (См. „Nouvelle Biographie Universelle, publiée par Firmin Didot frères“. Paris, tome 31, p. 465—467).

бовалъ предать забвенію тѣ поводы, которые заставили его прибѣгнуть къ насилію, такъ злополучно окончившему его жизнь; исполняя его предсмертное желаніе, мы умалчиваемъ о нихъ и, ограничиваясь лишь указаніемъ, что онъ счелъ себя оскорбленнымъ и потому долженъ былъ прибѣгнуть къ самозащитѣ, мы хотимъ только привести нѣкоторыя подробности, касающіяся его высокаго духа, его жизни и характера. М. А. [1]) фонъ-Пушкинъ родился въ маѣ 1799 г. Пятеро изъ его предковъ участвовали своими подписями въ призваніи династіи Романовыхъ на престолъ Россіи; мать его приходилась внукою того негритянскаго князька, который былъ подаренъ Петру Великому и котораго Пушкинъ напоминалъ нѣкоторыми унаслѣдованными родовыми чертами. Петръ Великій, не пожелавшій принять отъ отца молодаго Ганнибала значительный выкупъ за сына, самъ полюбилъ юношу, приблизилъ его къ себѣ и Ганнибалъ Пушкинъ (sic) умеръ въ чинѣ гроссмейстера (sic) артиллеріи [2]). Окончивъ свое образованіе въ 1817 году въ Петербургскомъ (sic) лицеѣ, Мусинъ Александръ фонъ-Пушкинъ (sic) вынесъ оттуда юношескій пылъ, который посвятилъ служенію идеямъ либерализма, въ то время поощряемаго самимъ императоромъ Александромъ. Ставъ, по своему таланту, во главѣ той партіи, къ которой примкнулъ, Пушкинъ началъ писать стихотворенія въ явно революціонномъ направленіи, и вскорѣ его перу стали приписывать всѣ противоправительственныя сатиры и пѣсни.

«Для предупрежденія дальнѣйшихъ и большихъ проступковъ съ его стороны, а равно и въ виду защиты отъ несправедливыхъ нареканій, къ которымъ онъ давалъ поводы, императоръ Александръ прикомандировалъ Пушкина къ управленію Бессарабіей, гдѣ Пушкинъ сталъ серьезно заниматься политикой и ограничился воспѣваніемъ въ стихахъ лишь исключительно посѣщаемыхъ имъ мѣстностей этого края. За время его отсутствія, его петербургскіе друзья издали его поэму Русланъ и Людмила, дѣйствіе которой происходитъ при дворѣ Владиміра и принадлежитъ къ той сказочной эпохѣ, которая у русскихъ играетъ ту же роль, какъ время трубадуровъ и менестрелей, воспѣвшихъ св. Граала и столъ короля Артура. Прослуживъ недолгое время въ Бессарабіи и совершивъ поѣздку на Кавказъ, Пушкинъ былъ переведенъ въ Одессу подъ начальство тамошняго генералъ-губернатора, графа Воронцова.

---

[1]) Буквы М. А. какъ въ этомъ мѣстѣ, такъ и въ заглавіи статьи, являющіяся загадочною вставкою передъ фамиліею поэта, объясняются дальнѣйшими строками, гдѣ онъ называется несвойственнымъ русскому языку и перековерканнымъ иностранцемъ именемъ Мусинъ Александръ фонъ-Пушкинъ. Тутъ недостаетъ только графскаго титула, упомянутаго въ первомъ, краткомъ, некрологѣ.

[2]) Т. е. фельдцейхмейстера.

Пребываніе въ Бессарабіи дало ему матеріалъ для прелестной поэмы изъ быта цыганъ, въ которой онъ съ невыразимымъ очарованіемъ описываетъ мягкіе нравы (die Sittenmilde) и естественное отвращеніе отъ насилія (Abneigung von gewaltthätigen Geistern), отличающія это кочевое племя. Подъ вліяніемъ сочиненій Байрона, постоянно возимыхъ имъ съ собою подъ сѣдломъ, Пушкинъ написалъ также Кавказскаго Плѣнника, изящное (köstliches) произведеніе въ стихахъ, раздѣленное на двѣ пѣсни; въ этой поэмѣ онъ описываетъ оригинальную природу Крыма и Бахчисарайскій источникъ (sic). Съ этого времени слава его прочно установилась и имя его пронеслось по всей Россіи. Новые доносы опять возбудили противъ Пушкина неудовольствіе императора Александра, который сослалъ его въ небольшое, принадлежавшее поэту, помѣстье. Здѣсь провелъ онъ около двухъ лѣтъ, которыя посвятилъ усердному и основательному изученію русской исторіи. Пушкинъ любилъ говорить о ней, при чемъ его прекрасная поэтическая рѣчь отражала въ себѣ какъ будто близкія сношенія съ древними царями, среди которыхъ онъ обращался съ такою же непринужденностію, съ какою Ганнибалъ, черномазый любимецъ Петра Великаго, относился къ своему повелителю. Здѣсь же, въ тиши и уединеніи Псковскаго помѣстья, онъ сочинилъ множество мелкихъ стихотвореній, которыя русскія женщины знаютъ и читаютъ наизусть, подобно стихамъ Шиллера въ устахъ германской молодежи. Благодаря немилости, которая постигла Пушкина, русская литература обогатилась первыми шестью пѣснями Онѣгина (поэма въ родѣ Донъ-Жуана, но болѣе серьезная, съ явными слѣдами разрыва съ вліяніемъ Байрона) и главнымъ произведеніемъ русскаго поэта, его трагедіею Борисъ Годуновъ (sic). Въ этихъ своихъ твореніяхъ Пушкинъ создалъ тотъ русскій языкъ, которымъ теперь всѣ говорятъ и пишутъ, и оказалъ своему отечеству ту же заслугу, какую французы признаютъ за своимъ Мальербомъ, и за которую вскорѣ получилъ награду. По пріѣздѣ на коронацію въ Москву, императоръ Николай вызвалъ Пушкина изъ деревни, въ которой онъ жилъ въ одинокомъ, но не безнадзорномъ изгнаніи, и бесѣдовалъ съ нимъ въ своемъ кабинетѣ. Эта бесѣда была отмѣчена свойственными русскому государю сердечностью и живостью, глубоко тронувшими поэта. Откровенный, простой и чуткій ко всему благородному, Пушкинъ въ своемъ разговорѣ, кажется, вполнѣ понравился императору и сразу разсѣялъ всѣ внушенныя противъ себя предубѣжденія. Съ этой поры Пушкинъ дѣлается предметомъ всеобщаго вниманія, благодаря своему таланту, самобытности своего языка и необычайнымъ, полнымъ поэзіи, приключеніямъ своей молодости. Совершивъ добровольцемъ въ свитѣ фельдмаршала Паскевича походъ въ Азіятскую Турцію, объѣхавъ области внутренней Россіи для изученія мѣстнаго

французъ сталъ предпочитать г-жу Пушкину ея сестрѣ, своей собственной женѣ. Узнавъ объ этомъ злополучномъ обстоятельствѣ, Пушкинъ послалъ вызовъ оскорбителю своей чести и оба свояка стрѣлялись въ окрестностяхъ столицы, по англійскому обычаю, на пистолетахъ, съ барьеромъ въ десять шаговъ, при чемъ каждый изъ нихъ имѣлъ право дать первый выстрѣлъ. Оба были ранены: г. фонъ-Антесъ легко, а Пушкинъ смертельно. Послѣдній прожилъ еще достаточно, чтобы успѣть продиктовать письменное заявленіе, въ которомъ онъ обвинялъ поведеніе голландскаго посланника и его пріемыша, француза. Всѣ русскіе громко оплакиваютъ свою утрату и глубоко возмущены противъ убійцы Пушкина (gegen den Urheber seines Todes), смерть котораго принята императоромъ очень близко къ сердцу».

«Ганноверская Газета» также помѣстила у себя, полученную изъ Берлина, статью о Пушкинѣ, по которой петербургскія изданія, умолчавъ о дуэли поэта, ограничились лишь извѣстіемъ о его смерти. Затѣмъ, эта статья содержитъ еще слѣдующія подробности: «Супруга Пушкина, на сестрѣ которой женатъ баронъ Д'Антесъ-фонъ-Геккеренъ, считается одной изъ извѣстнѣйшихъ красавицъ сѣверной столицы. Причиною несчастнаго поединка на пистолетахъ, стоившаго жизни одному изъ даровитѣйшихъ писателей (einem der begabtesten Männer), оказалась ревность. Поэтъ такъ былъ возбужденъ гнѣвомъ, что, пораженный на смерть въ нижнюю часть живота, онъ все-таки выпустилъ изъ пистолета пулю въ противника, которому нанесъ также тяжелую рану. Во всѣхъ отношеніяхъ свободный въ образѣ своихъ мыслей, Пушкинъ, передъ смертью, подчинился, однако, требованіямъ греческой вѣры и примирился съ церковью по личному совѣту императора. Такимъ же высочайшимъ повелѣніемъ наложенъ, тотчасъ по кончинѣ поэта, арестъ (in Beschlag genommen) на всѣ его посмертныя бумаги, обнародованіе которыхъ могло бы набросить сомнительную тѣнь на лучи его славы (auf seinen Nachruhm)».

Въ изложенную статью «Всеобщей Газеты» вошли три разнородныхъ источника: некрологъ Леве-Веймарса, выписка изъ «Morning Chronicle» и извлеченіе изъ «Ганноверской Газеты». Всѣ эти источники, несмотря на вообще достаточно достовѣрный характеръ сообщаемыхъ данныхъ, въ частностяхъ страдаютъ недоразумѣніями, ошибками и явными неправильностями, какъ напримѣръ обозначеніе Пушкина фамиліею Мусинъ и Ганнибала фамиліей Пушкина, помѣщеніе Александровскаго лицея въ Петербургѣ, смѣшеніе «Кавказскаго Плѣнника» съ «Бахчисарайскимъ фонтаномъ», ошибка въ правописаніи имени Годуновъ, смѣшеніе псковской деревни Пушкина съ его наемной дачей въ окрестностяхъ Петербурга и т. д. Всѣ эти погрѣшности Леве-Веймарса, отмѣченныя нами словомъ (sic), конечно, будутъ исправлены

нашими русскими читателями, какъ происходящія отъ поверхностнаго отношенія французскаго писателя къ Россіи. Леве-Веймарсъ былъ лично знакомъ съ Пушкинымъ и получилъ отъ него, въ подарокъ, французскій переводъ народныхъ пѣсенъ [1]). Поэтому, въ его воспоминаніяхъ о Пушкинѣ «Всеобщая Газета» пріобрѣла драгоцѣнныя свѣдѣнія о русскомъ поэтѣ.

Послѣднюю статью «Всеобщей Газеты» о Пушкинѣ, въ видѣ второй петербургской корреспонденціи, помѣченной 22-мъ февраля, находимъ мы въ № 74 отъ 15-го марта, на страницѣ 592 «Приложенія». Помѣщая эту корреспонденцію, редакція сопровождаетъ ее слѣдующимъ подстрочнымъ замѣчаніемъ:

«Хотя мы уже привели на нашихъ столбцахъ нѣсколько сообщеній о несчастномъ событіи, о которомъ идетъ рѣчь въ настоящемъ письмѣ, но оно доставлено намъ изъ такого достовѣрнаго источника (aus so guter Quelle), что мы считаемъ долгомъ и его предать гласности».

«Въ государствѣ,—такъ начинается петербургская корреспонденція,—не пользующемся никогда достаточно оцѣниваемымъ счастьемъ имѣть въ лицѣ своего государя человѣка, одареннаго самыми достойными монарха добродѣтелями (mit den grössten Herrscherstugenden begabten Monarchen zu besitzen), самыя обыденныя трагическія событія, отражающіяся скорбью на каждомъ чувствительномъ сердцѣ, способны оказать благодѣтельное вліяніе на всѣ подвластные народы. Пушкинъ, величайшій поэтъ Россіи, погибъ на горе его родины, музъ и поклонниковъ его дарованій, всего на 38-мъ году отъ рожденія. Его супруга, молодая, прелестная женщина, отличающаяся безупречнымъ поведеніемъ, любившая своего мужа и взаимно нѣжно имъ любимая, стала предметомъ вниманія со стороны молодаго офицера изъ императорской гвардіи. Самъ Пушкинъ, можетъ быть, и не замѣтилъ бы признаковъ этого ухаживанья, не опаснаго ни по его довѣрію къ чистому образу мыслей его жены, ни по вполнѣ всегда приличному поведенію съ ней этого офицера; но его ревность и уязвленное чувство собственнаго достоинства (Ehrgefühl) были возбуждены полученными имъ безымянными письмами, наполненными намеками оскорбительной клеветы. Женившись на сестрѣ г-жи Пушкиной, молодой человѣкъ, какъ-будто, возстановилъ тѣмъ всеобщее уваженіе къ семейной чести своего свояка и свояченицы; по крайней мѣрѣ, вопросъ казался исчерпаннымъ. Но безымянные пасквили не прекращались и, поддерживая взаимное раздраженіе, привели дѣло къ развязкѣ, разрѣшившейся катастрофою во вкусѣ произведеній Виктора Гюго или Бальзака. Почтенная особа, пользующаяся здѣсь высокимъ уваженіемъ, была тотчасъ же отправлена

[1]) См. „Русскій Архивъ", 1885 г., кн. I, стр. 451 и далѣе.

императоромъ къ Пушкину, котораго судьба напомнила типы Отелло и Дона Гутіерре [1]), и который съ рѣдкимъ самообладаніемъ переносилъ сильнѣйшія физическія и нравственныя страданія. Названной особѣ было поручено склонить Пушкина къ исполненію, передъ смертью, христіанскихъ обязанностей и къ примиренію съ Богомъ. Пушкинъ трогательно послѣдовалъ этому указанію. При этомъ государь приказалъ увѣрить Пушкина, что судьба его безпримѣрно несчастной супруги и его четырехъ, оставляемыхъ сиротами, дѣтей будетъ вполнѣ обезпечена. Обѣщаніе это было исполнено со стороны извѣстнаго своимъ великодушіемъ императора, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, приказалъ предать огню, съ запрещеніемъ никогда никому не упоминать о содержаніи ихъ, всѣ тѣ сочиненія геніальнаго поэта, въ которыхъ могло бы оказаться что-нибудь направленное противъ правительства или даже служащее къ умаленію его собственной славы, какъ писателя (gegen die Regierung oder gegen wen immer etwas seinem Ruhme nachtheiliges). Отпѣваніе тѣла совершилось при возвышенномъ настроеніи (auf eine erhebende Weise gefeiert). Всѣ, кто ни находился въ церкви, всѣ были поглощены волненіемъ и скорбью, въ томъ числѣ важнѣйшія придворныя особы, первые сановники, иностранные послы и дипломаты, а равно и всѣ прочіе свидѣтели церемоніи. Эта живая скорбь, соединенная съ глубокимъ презрѣніемъ къ невѣдомому клеветнику, и, сверхъ всего, искреннѣйшая признательность къ монарху, всегда готовому, по всеобщему гордому сознанію, явиться отцомъ и помощникомъ всѣхъ, постигнутыхъ незаслуженнымъ несчастьемъ,—вотъ тѣ ощущенія, которыя одушевляютъ теперь Петербургъ, и которыя, безъ сомнѣнія, будутъ раздѣлены остальною Россіею, какъ только она узнаетъ объ этихъ событіяхъ».

Къ тѣмъ словамъ, гдѣ упоминается объ обезпеченіи государемъ осиротѣлаго семейства Пушкина, авторъ статьи прибавилъ слѣдующія, помѣщенныя въ подстрочномъ примѣчаніи, свѣдѣнія: «Ежегодная пенсія составляетъ 5.000 рублей на долю вдовы и 6.000 руб. дѣтямъ. Императоръ приказалъ простить 300.000 руб. лежащаго на имѣніи долга казнѣ и напечатать всѣ сочиненія Пушкина въ роскошномъ изданіи, которое обойдется въ 40.000 рублей и барышъ отъ котораго назначенъ въ пользу вдовы».

«Франкфуртскій Журналъ» («Frankfurter Journal») отъ среды 15-го марта, въ прибавленіи къ № 74, напечаталъ свою корреспонденцію изъ Россіи. Эта корреспонденція, заключающая собою рядъ собственно нѣмецкихъ некрологовъ Пушкина, посвящена не столько подробностямъ

---

[1]) Донъ Гутіерре—главное лицо въ комедіи Кальдерона „Врагъ своей чести".

о русскомъ поэтѣ, сколько прославленію императора Николая I-го и заявленію о прогрессѣ Россіи въ его царствованіе. Тѣмъ не менѣе, статья эта не лишена интереса по своему полемическому тону, направленному противъ руссофобскихъ инсинуацій французской прессы. Но, въ своихъ нападкахъ на послѣднюю, сама «Нѣмецкая Газета» является повинною въ невѣжествѣ о Россіи и не дѣлаетъ никакой оговорки относительно именованія русскаго поэта Мусинымъ-Пушкинымъ. Вотъ, что мы читаемъ въ корреспонденціи «Франкфуртскаго Журнала», помѣченной съ русской границы отъ 4-го марта.

«Мы опять имѣемъ новый обращикъ того малаго довѣрія къ иностраннымъ журналамъ, котораго они достойны въ своихъ сообщеніяхъ о томъ, что происходитъ въ Россіи. Недавно убитый на дуэли поэтъ Мусинъ-Пушкинъ (sic) оказывается тѣмъ самымъ лицомъ, о которомъ французскія газеты извѣщали, что онъ былъ изгнанъ изъ Россіи (sic) за либеральный образъ своихъ мыслей. Однако, какимъ бы оттѣнкомъ ни отличались политическія идеи этого выдающагося генія, тѣмъ не менѣе великодушіе императора Николая пролило щедрыя благодѣянія на его осиротѣвшую семью. Не только вдова его обезпечена пожизненною пенсіею въ 11.000 рублей, но казна взяла еще на себя всѣ долги, числящіеся на его имѣніи. Кромѣ того, на счетъ государя предпринимается роскошное изданіе всѣхъ сочиненій Пушкина. Подобное же признаніе заслугъ писателя, переходящее въ благодѣяніе его наслѣдникамъ, проявилось со стороны государя при самомъ началѣ его царствованія, когда вдова умершаго историка Карамзина получила ежегодную пенсію въ 5.000 рублей. Если же обратить вниманіе на все то, что совершено Николаемъ со времени его вступленія на престолъ, какъ-то на многія учебныя заведенія, вызванныя къ жизни въ разныхъ частяхъ государства, на учрежденіе университета въ Кіевѣ, а равно и на великодушнѣйшій способъ обезпеченія этихъ заведеній средствами, то получится настоящая мѣрка для оцѣнки по достоинству тѣхъ презрительныхъ нападокъ на Россію, которыми такъ часто преисполнены вышеназванныя (т. е. французскія) газеты. Приведенные факты служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ явнымъ доказательствомъ тѣхъ значительныхъ успѣховъ, которые въ послѣднее десятилѣтіе достигнуты Россіею на пути образованія и научнаго развитія».

III.

Послѣдняя, заимствованная изъ «Франкфуртскаго Журнала», выписка можетъ послужить намъ переходомъ ко второму роду нѣмецкихъ

некрологовъ Пушкина, именно къ пространнымъ статьямъ о его біографіи и литературной дѣятельности, а отчасти и къ характеристикѣ его личности, какъ поэта и вообще человѣка. Такихъ статей мы нашли двѣ. Одна изъ нихъ помѣщена въ № 92 «Листовъ для занятій словесностью» («Blätter für literarische Unterhaltung», I, S. 371), а другая въ повременномъ изданіи «Дидаскалія», въ № 75 отъ 16-го марта. Обѣ онѣ въ общихъ чертахъ основаны на одномъ и томъ же источникѣ, именно на сообщеніи о Пушкинѣ, напечатанномъ во французской газетѣ «Время» («Temps»), подписанномъ неполнымъ именемъ Г. Лам... (G. Lam...) и принадлежащемъ перу какого-то французскаго путешественника по Россіи [1]). «Литературные Листы», называя свой французскій источникъ и воспроизводя его, повидимому въ полномъ видѣ, предпосылаютъ ему нѣсколько вступительныхъ словъ отъ имени редакціи «Листовъ». «Дидаскалія» же поступаетъ иначе и ограничивается лишь сокращеннымъ пересказомъ статьи Г. Лам..., но прибавляетъ нѣкоторыя извѣстія о происхожденіи Пушкина и о послѣднихъ годахъ его жизни.

Прежде, чѣмъ перейти къ изложенію сообщеній обоихъ нѣмецкихъ изданій, считаемъ нужнымъ остановиться на вопросѣ о томъ, чье имя можетъ скрываться подъ буквами Г. Лам... и, къ сожалѣнію, должны сознаться въ нашемъ неуспѣхѣ разоблачить этотъ анонимъ. «Листы для занятій словесностью» воспроизводятъ, какъ мы уже сказали, почти полный текстъ своего французскаго источника и потому мы беремъ его за основу нашихъ розысканій. Текстъ этотъ прерывается на разсказѣ объ несостоявшемся участіи Пушкина въ экспедиціи для истребленія саранчи. Обстоятельство это, какъ извѣстно, относится къ началу 1824 года [2]). О дальнѣйшей судьбѣ Пушкина Г. Лам... ограничивается указаніемъ, что написанныя имъ въ ссылкѣ стихотворенія дали поводъ къ его прощенію и возвращенію въ столицы. О пребываніи поэта въ Одессѣ, равно какъ и въ Михайловскомъ, въ статьѣ ничего не говорится, а всѣ подробности пріурочены къ кишиневскому періоду жизни Пушкина. Въ числѣ этихъ подробностей указаны двѣ дуэли съ двумя французами-эмигрантами въ русской военной службѣ. Кромѣ того, авторъ разсказываетъ о страсти Пушкина къ картамъ, о его каррикатурахъ, о его сношеніяхъ съ Инзовымъ и Крупенскимъ. Однимъ словомъ, статья эта написана лицомъ, знавшимъ Пушкина

---

[1]) Въ каталогѣ Russica Императорской публичной библіотеки мы не нашли подходящаго указанія для опредѣленія неизвѣстнаго автора, скрывшаго свое имя подъ буквами G. Lam...

[2]) См. напримѣръ, „Альбомъ пушкинской выставки 1880 г.“, Біографическій очеркъ А. С. Пушкина, составленный Венкштерномъ, стр. 65—67.

лишь въ Кишиневѣ и Одессѣ, а затѣмъ, какъ онъ самъ говоритъ, потерявшимъ его изъ вида.

Воспоминанія Вигеля [1]) и замѣчанія И. П. Липранди на статью П. И. Бартенева о Пушкинѣ въ Южной Россіи [2]) перечисляютъ всѣхъ французовъ, жившихъ въ Кишиневѣ во время Пушкина. Это были, по словамъ Вигеля, бывшій каторжникъ Флери, шевалье де-Карро, бывшій якобинецъ Рене, старикъ-эмигрантъ де-Сиво (Sivault) и баронъ Ріуфъ-де-Торанъ, женатый на молдаванкѣ Бальшъ. Къ этому списку Липранди прибавляетъ нѣсколько другихъ именъ, а именно: Рипе, литературно образованнаго гувернера сыновей князя Кантакузина, затѣмъ Фонтона-де-Верайонъ, служившаго офицеромъ въ русскомъ генеральномъ штабѣ, какого-то графа Олизара и, наконецъ, приживалку Раевскихъ, Фурнье [3]). Прочіе, упоминаемые Липранди, французы, какъ-то Кюрто, Рено и швейцарецъ Тарданъ, встрѣчались съ Пушкинымъ не въ Кишеневѣ, а въ Аккерманѣ и Одессѣ [4]). Изъ всѣхъ названныхъ лицъ не оказывается ни одного, имя котораго соотвѣтствуетъ подписи Лам... въ газетѣ «Temps». Но, не найдя слѣдовъ автора французской статьи, мы можемъ сдѣлать нѣкоторыя догадки относительно тѣхъ французовъ, разсказы которыхъ о Пушкинѣ могли послужить ему матеріалами. Свои свѣдѣнія Г. Лам... собралъ отъ своихъ соотечественниковъ въ Кишеневѣ. Это несомнѣнно по самой неточности и поверхностному характеру этихъ свѣдѣній. Природные русскіе, какъ увидимъ далѣе, не смѣшали бы Крупенскаго съ Круцинскимъ или Крицинскимъ, назвали бы прямо Инзова исправляющимъ должность Бахметьева, бессарабскаго генералъ-губернатора, не впали бы далѣе въ указываемыя ошибки въ разсказахъ о дуэляхъ Пушкина и не отнесли бы исторію по поводу саранчи ко времени его пребыванія въ Кишиневѣ. Но кто же были тѣ лица, которыя сообщили Г. Лам... данныя для его статьи? Рѣшеніе этого вопроса даетъ намъ поводъ остановиться на именахъ двухъ французовъ: Рипе и Фурнье. О первомъ, гувернерѣ молодыхъ князей Кантакузиныхъ, Липранди отзывается слѣдующимъ образомъ: «Рипе, человѣкъ съ высокими достоинствами, литераторъ и непохожій на обыкновенныхъ французовъ того края, сблизился съ Пушкинымъ, и знакомство это продолжалось впослѣдствіи все время въ Одессѣ» [5]). Этотъ отзывъ даетъ намъ право предполагать, что отъ

---

[1]) Изданы приложеніемъ къ „Русскому Архиву". Тѣ мѣста, которыми мы пользуемся, находятся въ VI-й части „Воспоминаній" (Москва, 1892 г., стр. 180—182).

[2]) „Русскій Архивъ", 1866 г.

[3]) „Русскій Архивъ", 1866 г., стр. 1236, 1250, 1258, 1490—1481.

[4]) Тамъ же, стр. 1271—1272.

[5]) Тамъ же, стр. 1236.

Рипе Г. Лам... получилъ главнѣйшія свѣдѣнія о Пушкинѣ и, въ томъ числѣ, и объ его отвѣтѣ на назначеніе въ командировку для истребленія саранчи. Послѣднее обстоятельство относится уже къ пребыванію Пушкина въ Одессѣ. Вторымъ источникомъ французской статьи въ газетѣ «Temps» могли, вѣроятно, служить разсказы Фурнье. Липранди лишь вскользь упоминаетъ о лицѣ, носившемъ это имя, и не сообщаетъ другихъ данныхъ о его общественномъ положеніи, кромѣ того, что онъ былъ приживалкою въ семьѣ Раевскихъ. На одной изъ Раевскихъ былъ женатъ М. Ѳ. Орловъ, и къ нему въ Кишиневъ Фурнье привезъ часть его библіотеки. Липранди при этомъ замѣчаетъ, что Фурнье оказался старымъ знакомымъ Пушкина, котораго могъ раньше видѣть у Раевскихъ въ Каменкѣ или въ Крыму. На этомъ, вѣроятно, основаніи Фурнье поспѣшилъ повидать Пушкина въ Кишиневѣ и, пріѣхавъ къ нему вмѣстѣ съ Орловымъ, засталъ его сидящимъ на постели безъ всякой одежды [1]). Разсказъ о такой, необычайной для пріема гостей, обстановкѣ могъ оправдать обвиненіе Пушкина въ цинизмѣ, которое возводитъ на него Г. Лам... Впрочемъ, свидѣтелемъ подобной безцеремонности былъ не одинъ Фурнье, но и Вельтманъ, по словамъ котораго Пушкинъ, «пробуждаясь отъ сна, сидѣлъ голый въ постелѣ и стрѣлялъ изъ пистолета въ стѣну» [2]).

Какъ бы то ни было, если мы не можемъ установить имени автора той статьи, которую въ нѣмецкомъ переводѣ воспроизводятъ «Листы для занятій словесностью», то мы можемъ съ нѣкоторою достовѣрностью предположить, кто были тѣ французы, чьи указанія послужили матеріаломъ для названной статьи. Частныя неточности въ подробностяхъ послѣдней дадутъ намъ поводъ къ дальнѣйшимъ замѣчаніямъ и поправкамъ. Обратимся же къ самой статьѣ, озаглавленной «Александръ Пушкинъ».

«Критика уже болѣе 15 лѣтъ привыкла считать Пушкина первымъ русскимъ поэтомъ, а его соотечественники часто называли его русскимъ Байрономъ. Даже англійскіе критики, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями, вообще не стѣсняются согласиться съ такимъ эпитетомъ и допускаютъ, что Пушкинъ, особенно въ самый кипучій періодъ его творчества, именно, когда онъ писалъ свои стихотворныя повѣсти, несомнѣнно подражалъ великому англійскому писателю, но, даже при всемъ подражаніи, сохранялъ все-таки извѣстную самобытность. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ сожалѣть о томъ, что русскій поэтъ далеко не выполнилъ своего назначенія и не оставилъ по себѣ какого-нибудь крупнаго произведенія. Впрочемъ, это обстоятельство объясняется своеобразными осо-

[1]) „Русскій Архивъ", 1866 г., стр. 1480—1481.

[2]) Л. Н. Майковъ, „Пушкинъ", Спб., 1899 г., стр. 124

бенностями, свойственными личности Пушкина. Похищенный смертью въ полной силѣ возраста, утративъ жизнь по собственной винѣ, Пушкинъ не оставилъ намъ плода своихъ зрѣлыхъ лѣтъ. Ему не суждено было полнотою своего творчества доставить утѣшеніе его соотечественникамъ, которые съ восторгомъ внимали его первымъ опытамъ въ пору его юности. Преждевременная смерть поэта и связанныя съ нею подробности кладутъ особый отпечатокъ на слѣдующіе заключительные стихи изъ «Евгенія Онѣгина», въ которыхъ можно было до того усматривать только пустыя безсодержательныя фразы въ стилѣ Байроновскаго настроенія:

Блаженъ, кто праздникъ жизни рано
Оставилъ, не допивъ до дна
Бокала полнаго вина,
Кто не дочелъ его романа
И вдругъ умѣлъ разстаться съ нимъ,
Какъ я съ Онѣгинымъ моимъ [1]).

«Кромѣ только-что названной повѣсти въ стихахъ, составляющей совмѣстное подражаніе Чайльдъ-Гарольду и Донъ-Жуану, Пушкинъ написалъ еще «Бориса Годунова», который появился въ свѣтъ въ 1831 году и представляетъ собою въ высшей степени своеобразную драму; дѣйствіе ея, обнимая 14 лѣтъ, происходитъ то въ Москвѣ, то въ Краковѣ и даже во многихъ другихъ мѣстахъ; по формѣ и обработкѣ темы, драму эту можно сравнить съ произведеніемъ Граббе «Наполеонъ» [2]).

---

[1]) Глава 8-я, стр. LI, стихи 10—14.

Glückselig, wer vom Mahl des Lebens
Sich früh erhob, den Becher Wein,
Der ihm gegönt war, nicht geleert
Bis auf den matten, trüben Grund;
Der den Roman des eignen Lebens
Nicht bis zur letzten Zeile las,
Und rasch davon sich konnte trennen,
Wie ich mich jetzt von diesem Buch.

Нѣмецкій нерѣмованный текстъ этихъ стиховъ заимствованъ изъ неизвѣстнаго намъ перевода. Впервые, „Евгеній Онѣгинъ“ появился на нѣмецкомъ языкѣ въ 1840 г., въ рѣмованномъ переводѣ Липперта, но тамъ выписанное мѣсто передано совсѣмъ иначе и занимаетъ лишь 7 строкъ.

[2]) Христіанъ-Дитрихъ Граббе, нѣмецкій драматическій писатель (род. 1801 г. † 1836 г.), отвергалъ традиціонныя формы драмы и съ успѣхомъ ввелъ на театръ народныя массы. Изъ числа его многочисленныхъ, но крайне своеобразныхъ, произведеній замѣчательны: „Герцогъ Теодоръ Готландскій“ и величественный (grandios) очеркъ, озаглавленный „Наполеонъ или сто дней“, появившійся въ печати въ 1831 г. въ Франкфуртѣ на Майнѣ (Meyer's Conversations-lexicon).

Затѣмъ, насколько намъ извѣстно о послѣднихъ годахъ жизни русскаго поэта, онъ не написалъ ничего замѣчательнаго и крупнаго въ области поэзіи (Keine grössere selbstständige Arbeit), кромѣ мелкихъ стихотвореній, разсѣянныхъ по отдѣльнымъ повременнымъ изданіямъ».

«Въ послѣднее время смерть Пушкина вызвала въ печати, особенно въ его отечествѣ, многочисленные о немъ отзывы. Къ этимъ отзывамъ присоединилъ свой голосъ и одинъ французскій путешественникъ, помѣстившій, за подписью Г. Лам . . . , въ газетѣ «Temps» нѣсколько свѣдѣній о личности и краткую характеристику поэта, съ которымъ онъ былъ когда-то лично знакомъ. Нѣкоторыя частности, сообщаемыя этимъ французомъ, являются въ такомъ явномъ противорѣчіи, какъ съ собственными намеками Пушкина на самого себя въ послѣднемъ отдѣлѣ Онѣгина, такъ и съ отзывами о немъ, распространившимися послѣ его смерти, что мы не можемъ удержаться отъ нижеслѣдующаго извлеченія изъ указаннаго источника».

«По рожденію и по связямъ Пушкинъ принадлежалъ къ представителямъ русской знати. Начавъ свое образованіе въ петербургской академіи (sic) и заявивъ себя выдающимися успѣхами, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ уже съ раннихъ лѣтъ развилъ въ себѣ тѣ недостатки, которые впослѣдствіи такъ отразились на бурномъ теченіи его жизни. Независимый и рѣзкій въ своихъ сужденіяхъ, онъ не переносилъ никакого противорѣчія. Въ постоянномъ страхѣ за предѣлы своей воздержности въ разговорѣ и въ творчествѣ, руководимыхъ его взглядомъ на чувство собственнаго достоинства, онъ сталъ рано и съ успѣхомъ упражняться въ обращеніи со всякаго рода оружіемъ и сдѣлался опаснымъ бреттёромъ».

«Его первые стихотворные опыты относились къ области басенъ (Fabeln—sic), заслужившихъ выдающійся успѣхъ. Лучшей формы выраженія не могъ найти Пушкинъ для безнаказаннаго метанія стрѣлъ насмѣшки и презрѣнія; муза сообщила его стиху прелесть (Reiz), а его слогу изящество (Vorzüge), къ которымъ его родной языкъ до того считался совсѣмъ неспособнымъ».

«Пушкинъ едва достигъ 20-ти лѣтъ отъ роду, когда въ театрѣ узналъ объ убійствѣ Коцебу. Пораженный этою вѣстью, онъ разразился дерзкими выходками противъ царской ложи, вслѣдствіе чего онъ попалъ подъ слѣдствіе, и ему грозила ссылка въ Сибирь [1]). Но, щадя его талантъ и молодость, а равно и вслѣдствіе просьбы его родныхъ, Александръ сослалъ его въ Бессарабію, гдѣ назначилъ ему мѣстопребываніемъ главный городъ Кишиневъ. Городъ этотъ очень

[1]) Или, по крайней мѣрѣ въ Соловецкій монастырь. (См. у Венкштерна, loco citato, стр. 49).

невеликъ, всѣ дома въ немъ одноэтажные, а губернаторъ живетъ въ зданіи, считающемся рѣдкостнымъ чудомъ зодчества, такъ какъ имѣетъ второй этажъ и своей соломенной крышей возвышается надъ всѣми прочими постройками» [1]).

«Пушкинъ нашелъ въ бессарабскомъ военномъ губернаторѣ пріятеля своей семьи, который предложилъ изгнаннику свой кровъ и свою хлѣбъ-соль [2]). Здѣсь же подружился онъ съ вице-губернаторомъ Крупинскимъ (sic—вмѣсто Крупенскимъ) [3]), грекомъ по происхожденію, женатымъ на русской. Въ домѣ этого Крупинскаго я и познакомился съ своеобразнымъ (bizarre) русскимъ писателемъ».

«Пушкинъ былъ невысокъ ростомъ. Короткіе вьющіеся волосы окаймляли его лицо, всегда исполненное ума, часто сіявшее геніальностью, но на которомъ иногда появлялось выраженіе противной и дикой (abstossender und wilder) иронія. Онъ былъ ученъ, какъ можетъ быть русскій, которымъ онъ былъ душою и плотію (Er war ein gelehrter, aber ein russischer und durch und durch Russe). Онъ никогда не покидалъ предѣловъ своего отечества и зналъ объ остальныхъ краяхъ Европы только по разсказамъ либо своихъ земляковъ, либо иностранныхъ уроженцевъ тѣхъ краевъ. Тѣмъ не менѣе онъ говорилъ съ рѣдкимъ совершенствомъ по-нѣмецки и по-французски, былъ знакомъ съ нашими классическими писателями и вообще имѣлъ глубокія познанія (Sein Wissen überhaupt tief).

«Пушкинъ очень остроумно рисовалъ каррикатуры. Съ кускомъ мѣла въ рукѣ, онъ каждый вечеръ обходилъ карточные столы и на ихъ углахъ чертилъ портреты партнеровъ. Эти насмѣшливыя изображенія служили предметомъ безпрестанной потѣхи присутствующихъ. Затѣмъ онъ самъ садился къ столу и вставалъ изъ-за него лишь около 10 часовъ для ужина, а поужинавъ, опять игралъ вплоть до утра [4]). Жизнь его дѣлилась между страстью къ картамъ и къ поединкамъ».

«Его напускной цинизмъ доходилъ до безстыдства. Своихъ гостей онъ принималъ лежа въ постелѣ безъ всякой одежды. Противорѣчіемъ въ характерѣ этого, проникнутаго рѣзкимъ національнымъ духомъ, русскаго человѣка было то, что онъ не обращалъ никакого вниманія

---

[1]) Описывая Кишиневъ того времени, Липранди отзывается о немъ съ большею выгодою („Русскій Архивъ“, 1866, стр. 1215—1219).

[2]) Здѣсь конечно рѣчь идетъ объ Инзовѣ, замѣнявшемъ Бахметьева.

[3]) Ср. Мѣсяцесловъ съ росписью чиновныхъ особъ, 1820—1823 годовъ, гдѣ списки служащихъ въ провинціи помѣщены во вторыхъ частяхъ ежегодныхъ изданій. Правителемъ канцеляріи губернатора былъ Крицинскій.

[4]) О его каррикатурномъ талантѣ и его страсти къ картамъ ср. указанія П. И. Бартенева и Липранди въ „Русскомъ Архивѣ“ 1866 года, стр. 1157, 1160, 1161, 1238, 1458.

на религію и съ особеннымъ усердіемъ старался казаться атеистомъ. Онъ называлъ Вольтера и Руссо слабыми умами потому, что они признавали существованіе Бога.

«Изъ числа его многочисленныхъ дуэлей я особенно припоминаю двѣ. Въ первой изъ нихъ его противникомъ былъ французскій эмигрантъ баронъ Э . . . [1]), который, боясь преимуществъ Пушкина во владѣніи пистолетомъ и пользуясь правомъ выбрать оружіе, предложилъ стрѣляться на ружьяхъ. Секунданты разразились громкимъ хохотомъ по поводу такого новаго способа дуэли, и такъ какъ Пушкинъ легко поддавался смѣху, то дѣло окончилось примиреніемъ. Но вѣроятно, чтобъ вознаградить себя за происшедшее разочарованіе, Пушкинъ на слѣдующій же день сталъ приставать къ другому французу, полковнику русской службы Л . . . Послѣ четырехъ выстрѣловъ, по два съ каждой стороны, давшихъ промахъ, секунданты прекратили поединокъ, но противники не хотѣли на этомъ остановиться, въ особенности Пушкинъ, который, удивляясь и стыдясь своей неловкости, не могъ утѣшиться, что и эта вторая дуэль окончилась пустяками [2])».

«Въ это время Азію постигло нашествіе саранчи, которая проникла и въ Бессарабію. Губернаторъ собралъ мужиковъ и солдатъ, которые должны были стучать въ мѣдную посуду и бить въ барабаны, чтобы шумомъ пугать и прогонять насѣкомыхъ. Въ случаѣ же, если шумъ не подѣйствуетъ, то для пожиранія саранчи были припасены свиньи. Губернаторъ поручилъ Пушкину начальство надъ этой экспедиціей, но по-

---

[1]) Изъ числа кишиневскихъ столкновеній и дуэлей Пушкина ни П. И. Бартеневъ, ни Липранди не называютъ его соперниковъ именами, которыя начинались бы съ буквы Э, а тѣмъ менѣе французскихъ эмигрантовъ съ такими именами, какъ мы выше видѣли, вовсе не было въ Кишиневѣ. Если даже предположить, что имя барона Э., вслѣдствіе особенностей правописанія, можетъ быть отнесено къ бывшему французскому офицеру Дегильи (можетъ быть D'Eguilly), съ которымъ дуэль Пушкина не состоялась въ 1821 г., то такому предположенію противорѣчатъ какъ выбранное оружіе (сабля), такъ и подробности письма Пушкина къ этому французу (ср. Анненковъ „Пушкинъ въ Александровскую эпоху", Спб., 1874 г. стр. 192—193).

[2]) Сообщаемый Г. Лам . . . разсказъ о второй дуэли Пушкина страдаетъ явными несообразностями. Подробности, именно четыре промаха, относятся, повидимому, къ поединку Пушкина съ Старовымъ, а французъ, полковникъ русской арміи Л., вѣроятно никто иной, какъ И. П. Липранди, который участвовалъ въ дуэли въ качествѣ совѣтника и распорядителя и котораго, по его иностранной фамиліи, Г. Лам... должно быть принялъ за француза (ср. „Русскій Архивъ" 1866 г. стр. 1165—1197 и 1416—1421). Впрочемъ въ настоящемъ случаѣ французскій авторъ, можетъ быть, имѣетъ въ виду столкновеніе Пушкина съ русскимъ, фамилія котораго начинается съ буквы Л., именно съ Лановымъ (тамъ же стр. 1425—1426). Во всякомъ случаѣ Г. Лам... явно путаетъ подробности своихъ показаній.

слѣдній отклонилъ отъ себя оказываемую ему честь, ссылаясь на то, что онъ не умѣетъ ни убивать насѣкомыхъ, ни пасти свиней [1]). Этотъ случай послужилъ ему темой для каррикатуръ, возбуждавшихъ всеобщій смѣхъ. Въ концѣ своей статьи французъ сообщаетъ, что онъ потерялъ Пушкина изъ виду съ тѣхъ поръ, какъ новыя произведенія, написанныя поэтомъ въ изгнаніи, послужили ему поводомъ къ возвращенію въ Петербургъ».

Вторая статья, помѣщенная въ нѣмецкомъ журналѣ «Дидаскалія» (№ 75 отъ 16-го марта), озаглавлена: «Русскій поэтъ Пушкинъ».

«На дняхъ», — такъ начинается эта статья,—«Россія утратила одного изъ величайшихъ поэтовъ. Еще одна новая жертва увеличила собою списокъ погибшихъ отъ страсти къ дуэлямъ. Шальная пуля поразила украшеніе русской литературы въ пору его расцвѣта. Пушкинъ принадлежалъ къ одной изъ знатнѣйшихъ, хотя и не особенно древнихъ, дворянскихъ фамилій Россіи. Петръ Великій получилъ въ подарокъ отъ одного татарскаго хана (sic) молодаго невольника, который скоро вошелъ въ милость къ царю, постепенно повышался въ своемъ служебномъ положеніи и умеръ фельдцейхмейстеромъ. Нашъ поэтъ приходится ему правнукомъ (Urenkel). Уже въ ранней юности Пушкинъ обратилъ на себя вниманіе громаднымъ талантомъ, но успѣхъ, доставленный ему его первыми стихотвореніями, неблагопріятно повліялъ на его характеръ. Придирчивый и рѣзкій въ своемъ обращеніи, онъ не могъ выносить противорѣчія и, такъ какъ послѣдняя черта влекла за собою частыя ссоры, то вскорѣ его стали бояться, какъ бреттёра. Первые его стихотворные опыты заключались въ басняхъ, которыя имѣли большой успѣхъ, такъ какъ подъ ихъ невинной внѣшностью скрывалась самая ѣдкая сатира. Въ этой сатирѣ онъ никого не щадилъ и этому былъ обязанъ своей ссылкою въ Бессарабію. Здѣсь онъ всецѣло посвятилъ себя служенію музамъ, сдѣлался творцомъ русскаго литературнаго слога, до тѣхъ поръ находившагося въ явномъ пренебреженіи, и предавался непрерывному поэтическому творчеству. Каждое новое его произведеніе встрѣчалось новымъ восторгомъ его соотечественниковъ. Онъ вернулся въ блестящій свѣтъ столицъ лишь со времени московской коронаціи нынѣшняго императора. Николай прекратилъ его ссылку и, признавая его заслуги, приблизилъ его къ своему двору. Но вскорѣ Пушкинъ опять вернулся къ прежнему образу жизни. Поединки и карточная игра, казалось, были его главнѣйшими потребностями. Онъ игралъ каждый вечеръ вплоть до утра, при чемъ пере-

---

[1]) Пушкина послалъ на саранчу не губернаторъ, т. е. Инзовъ, а намѣстникъ Новороссіи графъ Воронцовъ, при томъ дѣло происходило не въ Бессарабіи, а въ Одессѣ въ 1824 году.

рывами въ игрѣ пользовался лишь для того, чтобы карандашомъ (sic), употребляемымъ въ Россіи для карточныхъ записей, рисовать, съ большимъ, присущимъ ему талантомъ, каррикатуры партнеровъ. Затѣмъ, отдохнувъ нѣсколько часовъ, онъ вставалъ и занимался сочиненіемъ стиховъ. Вся его жизнь проходила по вполнѣ русскому шаблону; однако онъ стремился познакомиться съ чужими краями, но этому желанію не суждено было исполниться. По-нѣмецки и по-французски говорилъ онъ съ рѣдкою чистотою и бѣглостію. Лишь одною чертою отличался онъ отъ остальныхъ своихъ соотечественниковъ: онъ былъ, или по крайней мѣрѣ притворялся, самымъ невѣрующимъ атеистомъ. Онъ считалъ Вольтера и Руссо слабыми умами, потому, что они признавали существованіе Бога. Его частыя дуэли служили среди общества безпрестанною темой для ежедневныхъ разговоровъ. Разъ онъ поссорился съ однимъ французскимъ эмигрантомъ, который, имѣя право выбрать оружіе и признавая опытность своего противника, вздумалъ драться не иначе, какъ на ружьяхъ. Это предложеніе возбудило такой смѣхъ, что дѣло закончилось примиреніемъ, но на слѣдующій день состоялась вторая дуэль, при чемъ оба противника неоднократно дали промахи. Пушкинъ былъ крайне огорченъ тѣмъ, что оба раза, одинъ за другимъ, онъ долженъ былъ покинуть мѣсто поединка безъ всякаго результата».

«Находясь въ изгнаніи (sic), Пушкинъ женился на красавицѣ, которую необычайно любилъ. Когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ ней и ея сестрой, то послѣдняя вышла за мужъ за одного француза (Дантесъ, D'Anthès), котораго усыновилъ голландскій посланникъ, опредѣливъ его въ русскую военную службу. Но потребовалось немного времени, чтобы между обѣими четами возникло несогласіе. Пушкинъ получилъ нѣсколько анонимныхъ писемъ, обращавшихъ его вниманіе на то, что молодой французъ предпочитаетъ своей женѣ ея красавицу-сестру. Случилось ли брошенному подозрѣнію оправдаться въ дѣйствительности, или самъ Пушкинъ вслѣдствіе своей пылкости вызвалъ оскорбленіе, но въ концѣ концовъ дѣло между обоими свояками дошло до поединка. Французъ стрѣлялъ первый и ранилъ на смерть своего противника, который однако имѣлъ въ себѣ еще достаточно силъ, чтобы приподняться и, выпустивъ зарядъ въ Дантеса, прострѣлить ему пулею руку. Пушкина принесли домой, гдѣ черезъ сутки онъ скончался. Не задолго до своей смерти, онъ обратился къ государю съ просьбою обезпечить свою семью, оставляемую въ бѣдности. Императоръ, вмѣсто отвѣта, послалъ къ нему своего духовника, чтобы спросить, продолжаетъ ли онъ отрицать Бога. Пушкинъ объявилъ, что раскаялся и освободился отъ всѣхъ сомнѣній. Получивъ это извѣстіе, государь приказалъ ему объявить, что онъ жалуетъ его вдовѣ пенсію въ 10.000 р.

и принимаетъ его дѣтей на воспитаніе въ казенныя учрежденія. Пушкинъ умеръ, утѣшенный этою милостію».

«Пушкинъ былъ невеликъ ростомъ, имѣлъ курчавые волосы и выразительное лицо, искаженное оттѣнкомъ иронiи. Онъ написалъ очень много такого, что̀ сохранилось въ памяти народа и получило широкое распространеніе. Онъ сочинилъ также піэсу въ стихахъ подъ заглавіемъ Фаустъ».

Мы не будемъ останавливаться на неточностяхъ только-что изложенной статьи въ виду того, что на эти неточности мы уже обратили вниманіе въ примѣчаніяхъ къ полному тексту сообщенія Г. Лам... Что же касается до неправильнаго обозначенія Ганнибала рабомъ, подареннымъ Петру Великому какимъ-то татарскимъ ханомъ, то эта ошибка вполнѣ очевидна для русскихъ читателей. Слова о приближеніи императоромъ Николаемъ Пушкина къ своему двору несомнѣнно преувеличиваютъ придворное значеніе нашего поэта. Г. Лам... относитъ женитьбу Пушкина къ эпохѣ его ссылки. Этотъ анахронизмъ, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что свадьба состоялась не въ Петербургѣ, а въ Москвѣ, которую французскій авторъ вѣроятно счелъ опальнымъ городомъ. Любопытную черту въ нѣмецкомъ текстѣ статьи представляетъ упоминаніе о Пушкинскомъ Фаустѣ. Этою чертою сотрудникъ «Дидаскаліи», повидимому, желалъ привести произведеніе Пушкина въ связь съ сокровищами нѣмецкой литературы и тѣмъ какъ будто оправдать всемірное значеніе русскаго писателя.

IV.

Мы исчерпали нашъ матеріалъ. По его случайности и неполнотѣ мы считаемъ преждевременнымъ дѣлать изъ него окончательные выводы, для чего потребовалось бы полное изслѣдованіе не однихъ нѣмецкихъ, но и всѣхъ по возможности некрологовъ Пушкина въ современныхъ французскихъ, англійскихъ и другихъ газетахъ. Но и то, что удалось намъ собрать, даетъ поводъ къ нѣкоторымъ общимъ заключеніямъ. Смерть великаго русскаго писателя, какъ оказывается, не произвела въ Германіи особенно сильнаго впечатлѣнія. Нѣмецкая литература не имѣла полнаго понятія о всемъ значеніи Пушкина не только въ объемѣ его европейской славы, но даже и въ отношеніи его заслугъ передъ Россіею. Пушкинъ обратилъ въ 1837 году вниманіе нѣмецкихъ газетъ не столько своими произведеніями, сколько подробностями своей дуэли, а въ этомъ обстоятель-

ствѣ всего болѣе отразилось положеніе Пушкина въ высшемъ петербургскомъ обществѣ. Любопытство нѣмцевъ было несомнѣнно возбуждено скандальными подробностями романическихъ похожденій Дантеса. Это подтверждается и тѣмъ соображеніемъ, что убійца Пушкина былъ французъ, и потому преимущественно соотечественники послѣдняго занялись разъясненіемъ сплетенъ о дуэли и ея причинахъ. Нѣмецкія газеты разсказывали о смерти Пушкина съ чужаго голоса, заимствуя свѣдѣнія со столбцовъ французскихъ повременныхъ изданій. При всемъ желаніи углубиться въ выясненіе полнаго значенія печальнаго для русской словесности событія, нѣмецкая журнальная пресса едва вышла изъ границъ сообщенія о великосвѣтскомъ скандалѣ, случившемся въ Петербургѣ. Такое отношеніе легко можетъ быть объяснено превратнымъ, недостаточнымъ знакомствомъ съ Россіей со стороны Западной Европы и, вслѣдствіе того, малымъ распространеніемъ извѣстности Пушкина, какъ поэта, за границей [1]). Лишь появленіе въ 1838 г. первыхъ трехъ томовъ посмертнаго изданія его сочиненій вызвало въ лицѣ Варнгагена фонъ-Энзе первую, у нѣмцевъ да и вообще въ Западной Европѣ, справедливую оцѣнку его поэтическаго творчества [2]). Но эта нѣмецкая критика относится уже къ позднѣйшему времени, выходящему за предѣлы 1837 г., которыми ограничивается область нашей задачи. Можно почти утвердительно сказать, что въ 1837 году трагическая судьба русскаго поэта явилась самымъ дѣйствительнымъ средствомъ на пути проникновенія его произведеній въ область западно-европейскихъ литературъ. Указатели Межова и Драганова [3]), а равно и другіе источники ярко свидѣтельствуютъ о томъ, что большинство, при томъ самыхъ крупныхъ, твореній Пушкина было переведено на иностранные языки лишь послѣ его кончины. Первые переводы появились почти исключительно въ Россіи. Лишь въ 1840-хъ годахъ изданы были за границей на нѣмецкомъ языкѣ «Евгеній Онѣгинъ» и нѣкоторыя другія стихотворенія въ переводѣ Липперта. Полное собраніе сочиненій Пушкина до сихъ поръ, какъ кажется,

---

[1]) Значительная заслуга въ разсѣяніи тумана, господствовавшаго въ Германіи относительно Россіи и ея литературы, должна быть признана за книгою Кенига „Literarische Bilder aus Russland", составленной при участіи Н. А. Мельгунова. Книга эта вышла лѣтомъ 1837 года, и появленіе ея вызвано было ошибками и неточностями нѣмецкихъ некрологовъ Пушкина (Ср. уже указанную выше статью А. И. Кирпичникова въ „Русской Старинѣ" 1898 г., ноябрь, стр. 321—323 и 325, примѣч.).

[2]) Статья Варнгагена появилась въ Берлинскомъ журналѣ „Jahrbücher für Wissenschaftliche Kritik" 1838 г. и была тотчасъ переведена Катковымъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" (1839 г., т. III, кн. 5, Критика, стр. 1—36, подъ заглавіемъ: „Отзывъ иностранца о Пушкинѣ").

[3]) Въ „Русскомъ Историческомъ Вѣстникѣ" 1899 г., № V.

не появилось ни на одномъ иностранномъ языкѣ. Труды Боденштедта, обнимая собою лишь поэмы, вышли въ свѣтъ въ 1854 году, то-есть 17 лѣтъ послѣ смерти Пушкина.

Незначительная извѣстность Пушкина, какъ писателя, за границей, въ особенности при его жизни, объясняетъ и то явленіе, что нѣмецкіе некрологи 1837 года, основанные впрочемъ на французскихъ данныхъ, могли приписывать великому русскому поэту сочиненіе б а с е н ъ и сравнивать «Бориса Гудунова» съ забытымъ произведеніемъ какого-то Граббе.

Предпринятая нами задача, исполненная, какъ видятъ читатели, лишь по случайному матеріалу, убѣждаетъ насъ въ недостаточномъ и отчасти въ превратномъ знакомствѣ Западной Европы въ 1837 году съ произведеніями и біографіей Пушкина. Наши выводы, по всей вѣроятности, должны подтвердиться дальнѣйшими розысканіями въ области, обратившей на себя наше вниманіе. Въ этой области особеннаго труда заслуживаютъ некрологи Пушкина, появившіеся во французскихъ газетахъ 1837 года. Мы старались выше объяснить тотъ преимущественный интересъ къ подробностямъ дуэли Пушкина, который былъ возбужденъ во Франціи національностію его убійцы. Русскіе путешественники посѣщаютъ Парижъ особенно охотно и часто. Полнѣйшее собраніе французскихъ газетъ за прошлое время несомнѣнно должно найтись лишь въ парижскихъ библіотекахъ или въ редакціяхъ самыхъ старинныхъ французскихъ повременныхъ изданій, какъ напримѣръ «Temps», «Journal des Débats» и т. д. Изученіе по этимъ газетамъ 1837 года некрологовъ Пушкина не только дастъ матеріалъ для исторіи распространенія за границей славы нашего великаго писателя, но послужитъ указаніемъ для рѣшенія вопроса о постепенномъ развитіи въ ходѣ познаній и понятій Западной Европы о нашемъ отечествѣ. Мы заканчиваемъ наше сообщеніе въ полной надеждѣ, что предпринятые нами первые шаги найдутъ дальнѣйшихъ послѣдователей.

М. Веневитиновъ.

Замѣтка о пребываніи А. С. Пушкина въ Оренбургѣ.

Въ «Русской Старинѣ» (1882 г., № 1, стр. 225 и 226), было помѣщено отношеніе нижегородскаго военнаго губернатора Бутурлина—казанскому военному губернатору о полицейскомъ надзорѣ за А. С. Пушкинымъ.

Точно такое же и дословное отношеніе было отправлено 9-го октября 1833 г. Бутурлинымъ и оренбургскому военному губернатору В. А. Перовскому. Послѣдній отвѣчалъ ему 24-го октября 1833 г., за № 204.

«На отношеніе вашего превосходительства, отъ 9-го сего октября, № 337, объ учрежденіи секретнаго полицейскаго надзора за поведеніемъ и образомъ жизни титулярнаго совѣтника Пушкина, во время пребыванія его въ Оренбургской губерніи, имѣю честь отвѣтствовать вамъ, милостивый государь, что сіе отношеніе ваше получено мною черезъ мѣсяцъ по отбытіи отсюда г. Пушкина въ свою деревню Нижегородской губерніи, а потому хотя во время кратковременнаго пребыванія его въ Оренбургѣ [1]) и не было за нимъ полицейскаго надзора, но какъ онъ останавливался въ моемъ домѣ, то я тѣмъ лучше могу удостовѣрить, что поѣздка его въ Оренбургскій край не имѣла другаго предмета, кромѣ нужныхъ ему историческихъ изысканій.

«Прошу ваше превосходительство принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности».

Сообщилъ **М. Л. Юдинъ.**

---

[1]) Пушкинъ былъ въ Оренбургѣ 18-го—20-го сентября 1833 г.

Графъ А. А. Аракчеевъ.

I.

Графъ Аракчеевъ, нѣжный сынъ, дамскій кавалеръ, шутникъ и защитникъ артиллеріи.

1.

Письмо Аракчеева артиллеріи маіору, Максиму Ѳедоровичу Ставицкому.

1-го ноября 1803 г. № 26.

Письмо и посылку вашу, присланную изъ Астрахани, отъ 8-го октября, я имѣлъ удовольствіе получить. Мѣхъ вашъ я отошлю къ моей родительницѣ, дабы онъ легкостію своею нечувствительно согрѣвалъ ослабѣвшіе отъ старости члены ея; она будетъ онымъ довольна, видя сыновнее попеченіе, а я останусь вамъ благодарнымъ за доставленіе онаго.

При семъ увѣдомляю васъ о братцѣ вашемъ Петрѣ Ѳедоровичѣ, который по дружбѣ своей прожилъ у меня въ Петербургѣ болѣе мѣсяца и поѣхалъ опять благополучно прошлаго мѣсяца въ свой Вендень.

2.

Изъ письма графа Аракчеева генералъ-маіору Ивану Терентьевичу Сназину.

12-го ноября 1803 г. № 54.

....Я надѣюсь, что ваше превосходительство хотя нынѣшней зимой пріѣдетъ къ намъ въ Петербургъ вмѣстѣ и съ ея превосходительствомъ.

Причемъ скажу вамъ чистосердечно, что вы такъ углубились въ одну экономію и позабыли совсѣмъ, что имѣвши молодую (и какъ слышалъ) прекрасную жену, непремѣнно должно и нужно быть каждый годъ въ Петербургѣ для доставленія ей всѣхъ удовольствій и веселостей и для занятія модныхъ обращеній, ловкой развязности и любезной разсѣянности. Примите мой дружескій совѣтъ и бросьте ваши четверики. Чинъ и достатокъ запрещаютъ заниматься оными.

3.

Письмо Аракчеева полковнику Петру Ѳедоровичу Ставицкому.

18-го ноября 1803 г. № 81.

По письму твоему, любезный другъ, отъ 2-го ноября, мною полученному, узналъ я, что вы пріѣхали благополучно къ ожидающему васъ предмету (женѣ), котораго я долженъ поблагодарить за приготовленную для меня спальню. Мужъ изъ похода, а жена изъ лагеря опять вступить должны скорымъ шагомъ подъ предводительствомъ Амура, вооруженнаго крѣпко натянутымъ лукомъ и съ наполненнымъ стрѣлами колчаномъ, на зимнія квартиры, т. е. въ вашу спальню, гдѣ любовь и счастіе да пребудутъ неразлучно съ вами. Сего желаетъ тотъ, который безпрерывно до половины своей жизни любилъ васъ нелицемѣрно.

4.

Аракчеевъ защитникъ русской артиллеріи.

Прусскій генералъ Гнейзенау, будучи въ началѣ 1812 года въ Ригѣ, составилъ свои замѣтки о русской арміи, при чемъ объ артиллеріи онъ написалъ слѣдующее:

«Россійская артиллерія находится въ превосходномъ состояніи; въ ней замѣчается даже роскошь. Во всей Европѣ не возможно найти подобной упряжи. Но кажется, изъ нея не извлекаютъ всевозможную пользу, хотя эта упряжь и существуетъ неизмѣнно, даже въ мирное время. Лошади не достаточно пріучены къ своему роду службы и рвутся при спускѣ съ горъ. Чистота отдѣлки повозокъ, лафетовъ, передковъ и блескъ упряжи доказываютъ слишкомъ очевидно, что все дѣлается болѣе для глаза, нежели для сущности дѣла.

«Маневрировать съ артиллеріею въ трудныхъ мѣстностяхъ, показать случайности, которыя могутъ встрѣтиться въ дорогѣ и въ сраженіяхъ, опрокидывать орудія и ящики, чтобы ихъ умѣли быстро поднять; нагружать зарядные ящики камнями, дабы не портить снарядовъ; преду-

преждать и предвидѣть всѣ случайности; дѣлать маневры сіи преимущественно съ 12-ти ф. орудіями, потому что они представляютъ болѣе затрудненій; научать оберъ-офицеровъ быстро находить выгодныя позиціи для употребленія орудій и сообразоваться съ дистанціями; особенно же внушать имъ никогда не стрѣлять на дальнія разстоянія, дабы не тратить понапрасну зарядовъ,—таковы главные предметы, коимъ слѣдуетъ обучать для полевой службы, которая повидимому наиболѣе можетъ быть нужна для этой арміи».

Рига, 20-го мая 1812 г.

На эту характеристику артиллеріи было отправлено Гнейзенау слѣдующее замѣчаніе неизвѣстнаго [1]):

«Нѣкто изъ служащихъ въ россійско-императорской артиллеріи имѣлъ случай читать меморіалъ вашего превосходительства, писанный 20-го мая 1812 г. въ Ригѣ о россійской арміи, и сдѣлалъ изъ него выписку замѣчаній вашихъ на счетъ россійской артиллеріи. Чтобы привести теперь на память замѣчанія сіи, я прилагаю здѣсь означенную выписку и прошу васъ, милостивый государь, принять во вниманіе оныхъ и мои замѣчанія, краткія впрочемъ потому, что они основываются не на догадкѣ руководствовавшей васъ въ 1812 году, а на опытахъ, безпримѣрной въ лѣтописяхъ, войны, и бывъ слишкомъ ясны, не требуютъ дальнихъ истолкованій.

1) Статья о лошадяхъ. Въ замѣну всякаго возраженія на нее, довольно личныхъ вашихъ наблюденій во время пребыванія въ союзной арміи. Кажется, мы имѣемъ право сдѣлать вопросъ: гдѣ въ два года останавливала россійская артиллерія при движеніяхъ прочія войска? а многократные переходы Богемскихъ и Саксонскихъ горъ доказываютъ сами собою способность русскихъ канонировъ управлять своими лошадьми.

2) Ваше превосходительство, видя чистую и пропорціальную отдѣлку у россійской артиллеріи лафетовъ, передковъ и прочаго, рѣшительно заключаете, что они отдѣлываются для одного вида, а не для прочности. Во всякое другое время потребовались бы продолжительныя математическія на статью сію объясненія, въ слѣдствіе коихъ пропорція россійскаго дерева основана для каждой части, а нынѣ довольно отдать ее на новое ваше заключеніе и оставаться въ полномъ увѣреніи, что и ваше превосходительство въ прочности оной увѣрились по·

---

[1]) На черновомъ отпускѣ этого замѣчанія рукою графа Аракчеева написано: „По вступленіи россійской арміи въ Парижъ, сдѣланъ былъ г. Гнейзенау отвѣтъ на его статью, касавшуюся до артиллеріи, и отосланъ къ нему въ Парижъ черезъ городскую почту".

Я желалъ бы исправить въ томъ же меморіалѣ нѣкоторые другіе ошибочные взгляды, которые опытъ заставилъ меня отвергнуть въ послѣдствіи, напр.: относительно употребленія пикъ въ кавалеріи. Таковыя ошибки доказываютъ, что только опытность въ состояніи произнести окончательно свое сужденіе въ военномъ дѣлѣ и что только основываясь на опытѣ должно разсматривать, одобрять или отвергать теоріи, составленныя въ уединеніи кабинета.

Впрочемъ, милостивый государь, деликатность, съ какою вы меня критиковали, требуетъ глубочайшей отъ меня признательности и оставляетъ во мнѣ одно сожалѣніе, что я остаюсь обязаннымъ неизвѣстному за столь благородный поступокъ.

Если вы, милостивый государь, принадлежите къ доблестной россійской націи, которой угнетенная Европа обязана освобожденіемъ отъ ига, тяготѣвшаго надъ нею, то примите вмѣстѣ съ симъ выраженіе того уваженія, коимъ я одушевленъ къ ней. Безъ ея народнаго духа, безъ ея ненависти къ иноземному угнетенію и безъ благородной стойкости великодушнаго ея монарха, просвѣщенный міръ погибъ бы отъ деспотизма дерзновеннаго тирана.

Я прошу васъ, милостивый государь, не скрываться долѣе отъ меня подъ прикрытіемъ анонима и вѣрить, что я почту за большое одолженіе, если вы откроете мнѣ свое имя. Гдѣ бы то ни было вы можете быть увѣрены въ моей благодарности, какъ равно и въ моемъ желаніи дать вамъ тому доказательство. Генералъ-лейтенантъ графъ Гнейзенау.

Сообщилъ **Н. Дубровинъ.**

II.

Графъ Аракчеевъ и князь С. С. Голицынъ. (1812—1814 гг.) [1]).

(Посвящается Н. К. Шильдеру).

Письма графа Аракчеева—С. С. Голицыну.

1.

10-го ноября 1813 г., Франкфуртъ-на-Майнѣ.

Благодарю васъ за напамятованіе обо мнѣ и буду стараться платить вашему сіятельству тою дружбою, какую я имѣю къ вамъ.

---

[1]) Покойный оберъ-егермейстеръ князь Борисъ Ѳедоровичъ Голицынъ передалъ нижеподписавшемуся, въ 1890 г., разныя архивныя бумаги послѣ смерти

Присланное ваше письмо въ С.-Петербургъ отправлено съ первымъ курьеромъ; прося и впредь, если угодно, то оное препоручать мнѣ исполнять. Радуюсь, что вы подружились съ королемъ и его фамиліею; но остерегаю васъ, дабы у васъ не вышло какихъ любовныхъ дѣлъ, и дабы не заставили васъ жениться на дочери. Тогда вы отъ насъ высоко уйдете. Съ истиннымъ почтеніемъ, и проч.

P. S. Мнѣ сказывали здѣсь, что въ Берлинѣ можно много достать картинокъ самыхъ любовныхъ; прошу мнѣ купить ихъ, если онѣ тамъ есть, и доставить ко мнѣ, но видовъ Берлина не присылайте, ибо я ихъ имѣю, а равно и всѣ анекдоты Фридрихъ Великаго; а если всѣ виды подсдама (Потсдама) и санъсуси (Санъ-Суси), то прошу купить.

княгини Н. С. Голицыной († 7-го мая 1890 г.). Княгиня Наталья Степановна, старая благодѣтельница нашего семейства, родилась 13-го ноября 1794 г. и была дочерью знаменитаго московскаго генералъ-губернатора Степана Степановича Апраксина и Екатерины Владиміровны, чудесный портретъ которой, кисти Лебренъ, всегда висѣлъ въ ея спальнѣ и потомъ перешелъ къ ея душеприказчику, тоже покойному Викт. Вл. Апраксину. Сама княгиня представляла въ молодости очень начитанную и красивую женщину, у которой въ гостиной бывали А. С. Пушкинъ, И. А. Крыловъ, гр. В. А. Соллогубъ и др. Въ ея селѣ Гриневѣ доселѣ существуетъ обширная библіотека, которая усердно пополнялась при помощи ея компаніонокъ, двухъ сестеръ, Алекс. Гавр. и Мар. Гавр. Стуковыхъ; были тамъ и письма вышеуказанныхъ корнѳеевъ нашей литературы, но они пропали еще въ 80-хъ годахъ.

Данныя о молодости Натальи Степановны находятся въ „Дневникѣ бабушки“ Д. Д. Благово. Въ 1821 г., будучи фрейлиной, она вышла замужъ за князя Сергѣя Сергѣевича, адресата печатаемыхъ писемъ, который скончался 14-го марта 1833 г., въ Петербургѣ. Вмѣстѣ съ мужемъ путешествовала она по Франціи, получала приглашенія на придворные балы короля Луи-Филиппа, дважды путешествовала по Италіи и вывезла изъ-за границы цѣлую галлерею этрусскихъ вазъ и картинъ, переданныхъ мною, по ея завѣщанію, въ Императорское общество поощренія художествъ.

Домъ княгини Голицыной находился на мѣстѣ нынѣшняго дома кн. Барятинской и дворца его императорскаго высочества великаго князя Михаила Николаевича и представлялъ изъ себя истый боярскій домъ XIX вѣка. Бабушка моя, Е. М. Ревви († 1880 г.), разсказывала мнѣ о веселости и проказахъ Пушкина въ дѣвичьей, о Крыловѣ, съѣдавшемъ по три блюда макаронъ и въ грязныхъ, чуть не смазныхъ, сапогахъ засыпавшемъ на бархатныхъ диванахъ княгини, и о привидѣніи похоронъ императора Александра I, которыя они видѣли изъ оконъ Голицынскаго дома, тотъ же разсказъ передается и про призрачныя похороны императора Павла I. О сношеніяхъ ея съ гр. П. Ю. Литтой, М. П. Сумароковой, княземъ Лобановымъ и др. сохранились кое-какія данныя въ ея архивѣ, равно какъ и о ея широкой благотворительности, которая особенно усилилась послѣ смерти близкаго къ ней человѣка, племянника ея мужа, С. Ѳ. Голицына, нечаянно застрѣлившагося на охотѣ 21-го сентября 1849 года. Въ кабинетѣ покойной княгини сохранялся шкаф-

2.

20-го мая 1814 г., Парижъ.

Надѣясь на дружбу вашу, обращаюсь къ вашему сіятельству съ просьбою: всѣ письма мои, кои будутъ къ вамъ доставляемы въ Берлинъ, подъ вашимъ адресомъ, хранить у себя до моего пріѣзда. Чѣмъ самымъ и обяжете признательною къ вамъ благодарностью.

При семъ случаѣ благодарю за всѣ письма ваши, мною полученныя, и увѣдомляю, что я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ братцемъ вашимъ, доставляющимъ вамъ сіе письмо мое.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть и проч.

чикъ съ кускомъ сосны, возлѣ которой послѣдовала смерть князя. Еще раньше прекратились и ея придворныя отношенія, хотя она и была впослѣдствіи кавалерственной дамой св. Екатерины; домъ ея былъ купленъ для постройки дворца, а сама княгиня переселилась на Милліонную, въ домъ Арендта (нынѣ его императорскаго высочества великаго князя Владиміра Александровича), гдѣ и занимала весь второй этажъ, и скончалась въ 1890 году отъ воспаленія легкихъ. Тамъ стоялъ, среди прочихъ рѣдкостей, и гипсовый бюстъ князя С. С. Голицына, работы А. Н. Оленина, разбитый, по волѣ князя Б. Ѳ., въ 1890 году.

Бумаги разнаго содержанія въ великой аккуратности были сохраняемы покойной и теперь, частью, находятся у нижеподписавшагося, частью переданы редакціи „Русской Старины», а нѣкоторые автографы героевъ 1812 г.— Н. К. Шильдеру.

Теперь сообщу, что мнѣ извѣстно о князѣ С. С. Голицынѣ, къ которому Аракчеевъ писалъ нижепомѣщенныя письма, и котораго, вѣроятно по ошибкѣ, назвалъ два раза Сергѣемъ Ѳедоровичемъ (который скончался въ 1810 году генераломъ-отъ-инфантеріи).

Князь Сергѣй Сергѣевичъ Голицынъ родился 17-го февраля 1783 года и былъ сыномъ флигель-адъютанта Екатерины II, генерала-отъ-инфантеріи, члена Государственнаго Совѣта и кавалера ордена Андрея Первозваннаго, С. Ѳ. Голицына (1749—1810 гг.) и Варв. Вас. Энгельгардтъ (1761—1815 гг.), писательницы и племянницы князя Потемкина-Таврическаго.

Самъ князь С. С. Голицынъ былъ флигель-адъютантомъ императора Александра I, генералъ-маіоромъ и егермейстеромъ 3-го класса.

Въ 1813 г., 1-го января, русскія войска перешли Нѣманъ, 16-го февраля въ Калишѣ былъ заключенъ договоръ съ прусскимъ королемъ, а 26-го марта армія выступила изъ Калиша, направляясь на Дрезденъ; 4—6 октября состоялась Лейпцигская „битва народовъ“, а 7-го октября плѣнный король саксонскій, по распоряженію императора Александра I, былъ отправленъ въ Берлинъ (Н. К. Шильдеръ—„Императоръ Александръ“, Спб., 1897 г., т. III, стр. 383), состоять при которомъ былъ назначенъ князь Голицынъ. Въ нашихъ бумагахъ сохранились разные billets-doux и сувениры, свидѣтельствующіе о томъ, что намеки Аракчеева были не безосновательны.

Въ 1814 году, въ ноябрѣ, князь С. С. Голицынъ уже былъ въ Варшавѣ.

И. Ш.

3.

4-го іюля 1814 г., Лейпцигъ.

Полагалъ-было по своей волѣ возвращаться въ Россію и тогда думалъ пожить въ Берлинѣ, но нынѣ, по приказанію государя императора, долженъ ѣхать за нимъ прямо въ Россію, то и лишился видѣть Берлинъ и вашего сіятельства, но не менѣе того адресуюсь съ моею *просьбою*: во-первыхъ, изъ Касселя пришлютъ на ваше имя маленькую посылочку, одинъ садовый инструментъ, то прошу оную при оказіи прислать ко мнѣ въ С.-Петербургъ; во-вторыхъ, посылаю къ вашему сіятельству при семъ письмѣ тридцать шесть червонцевъ, прося васъ заказать мнѣ въ Берлинѣ, на фарфоровой фабрикѣ, дюжину дессертныхъ тарелокъ съ берлинскими живописными видами, а снизу велѣть сдѣлать надпись онаго вида; если надобно еще прибавить денегъ, то прошу меня увѣдомить, и я оные къ вамъ доставлю, а какъ зготовятъ оныя, прошу приказать хорошенько уложить и при оказіи доставить ко мнѣ въ С.-Петербургъ. У меня заказаны въ Вѣнѣ и Дрезденѣ по дюжинѣ съ тамошними видами, то хочется и берлинскаго фарфору имѣть дюжину.

Вы обяжете меня чрезвычайно симъ одолженіемъ.

4.

23-го августа 1814 г., С.-Петербургъ.

Письма вашего сіятельства, отъ 15-го и 18-го іюля, я получилъ, за которыя и приношу вамъ мою благодарность; модель Кассельскую я получилъ исправно; по просьбамъ вашимъ докладывалъ государю императору и прилагаю вамъ оффиціальный отвѣтъ.

За тарелки приношу мою благодарность и препровождаю къ вашему сіятельству восемь червонцевъ, изъ коихъ прошу доплатить назначенную вами прибавку по 12 грошей за тарелку и, уложивъ ихъ хорошенько, при одной оказіи доставить въ С.-Петербургъ, а на остальныя деньги прошу васъ покорно купить мнѣ въ Берлинѣ, у компаніи Stobwasser пять корзинокъ: четыре Fruchtkörbe Durchbrochen mit Erdbeeren... Länge 12½ Zol: Breite (g). 9 Zole [1]); цѣна за каждую 3 таллера и 16 грошей, и одну Blumenkörbe ovale Durchbrochene hohe Form mit Einzatz, hoch 15 Zol [2]): цѣною 8 таллеровъ и 16 грошей; и сдѣ-

---

[1]) Корзинки для фруктовъ, сквозныя съ земляникой, длина 12½ дюймовъ, ширина 9 дюймовъ (вѣроятно фарфоръ).

[2]) Корзинки для цвѣтовъ, овальныя, сквозныя, высокія, съ вкладной чашкой высотой 15 дюймовъ.

лайте одолженіе, какъ можно лучше уложить и прислать при хорошей окказіи не спѣша.

Простите меня, что я васъ много безпокою, вы сами мнѣ оное позволили; и я съ истиннымъ почтеніемъ пребуду навсегда, и проч.

Червонцы я полагаю въ 3 таллера и 4 гроша.

5.

29-го ноября 1814 г., с. Грузино.

Извините меня, ваше сіятельство, что я такъ долго не отвѣчалъ вамъ на ваши письма; причина оному отсутствіе мое изъ С.-Петербурга и приключившаяся мнѣ жестокая болѣзнь, отъ которой я чуть не умеръ, а теперь еще такъ слабъ, что самъ не въ состояніи писать.

Увѣдомляютъ меня изъ С.-Петербурга, что по дружбѣ вашей дессертныя тарелки получены, но жаль очень, что вы повѣрили оныя дурному курьеру, который одну разбилъ, а у всѣхъ прочихъ обтеръ золото; прошу васъ, любезнаго друга, заказанныя корзинки хорошенько ко мнѣ доставить.

Съ истиннымъ почтеніемъ и всегдашнею преданностью честь имѣю быть и проч.

Сообщилъ **И. А. Шляпкинъ.**

ВЪ БОЛГАРІИ.

(Воспоминанія офицера генеральнаго штаба).

Одно высокопоставленное въ Русской арміи лицо спросило рущукскаго митрополита Григорія, пріѣхавшаго въ 1878 году въ Санъ-Стефано: „скажите, ваше высокопреосвященство, неужели и болгары окажутся впослѣдствіи такими же неблагодарными относительно насъ, какими выказали себя румыны и сербы".

Митрополитъ отвѣтилъ: „Болгары будутъ относительно васъ тѣмъ, чѣмъ вы сами ихъ сдѣлаете".

I.

Санъ Стефанскій договоръ и его послѣдствія.—Формированіе Сѣвернаго и Южнаго отрядовъ.—Стоянка въ Варнѣ.—Оккупаціонныя войска въ Болгаріи.—Императорскій комиссаръ кн. Дондуковъ-Корсаковъ.—Организація управленія Болгаріею.—Начальники отдѣловъ.—Моя поѣздка въ Тырново. Предложеніе принять должность болгарскаго военнаго министра.—Избраніе Александра Батенберга княземъ Болгаріи.—Поѣздка его и депутатовъ болгарскаго народа въ Ливадію для представленія императору Александру II.—Путешествіе Батенберга по Европѣ. Прибытіе его въ Болгарію.—Принятіе мною должности военнаго министра.—Отъѣздъ изъ Тырнова кн. Дондукова-Корсакова.—Пріемъ болгарами своего князя.—Митрополитъ Григорій.—Его пастырское посланіе къ народу до войны и поведеніе послѣ заключенія мира.

Кончилась Русско-Турецкая война 1877—78 годовъ. 19-го февраля 1878 г. былъ заключенъ Санъ-Стефанскій миръ, оказавшійся, ко всеобщему удивленію не миромъ, а какимъ-то преддверіемъ къ Берлинскому конгрессу, на которомъ Болгарію урѣзали и закрѣпили Берлинскимъ трактатомъ.

Русскія войска занимали тогда сѣверную и южную Болгарію. Главная квартира находилась въ Санъ-Стефано съ главнокомандующимъ, графомъ Э. И. Тотлебеномъ и начальникомъ штаба арміи, свѣтлѣйшимъ княземъ А. К. Имеретинскимъ, а къ сѣверу отъ Балканъ былъ расположенъ восточный отрядъ (бывшій Рущукскій), состоявшій изъ 12-го и 13-го армейскихъ корпусовъ, 2-й пѣхотной и 2-й резервной ди-

визій съ разными прикомандированными къ нимъ частями. Приказомъ по войскамъ дѣйствующей арміи отъ 26-го апрѣля 1878 года № 74-й къ восточному отряду присоединенъ 14-й армейскій корпусъ и весь отрядъ переименованъ въ Сѣверный. Временно командующимъ этимъ отрядомъ былъ назначенъ командиръ 12-го армейскаго корпуса генералъ-адъютантъ П. С. Ванновскій, продолжавшій въ то же время командовать и 12-мъ корпусомъ.

Извѣстно, что передъ объявленіемъ нами войны Турціи, трудами нашего канцлера князя Горчакова и австро-венгерскаго министра графа Андраши, произошло соглашеніе между Россіей и Австріей относительно дѣйствій; но князь Бисмаркъ, устраненный отъ этихъ переговоровъ, успѣлъ уничтожить практическое значеніе и продолжительность этого соглашенія. Послѣ свиданія князя Бисмарка съ графомъ Андраши въ Зальцбургѣ въ сентябрѣ 1877 года, тотчасъ послѣ нашихъ неудачъ подъ Плевною, Вѣнскій дворъ началъ обнаруживать стремленіе освободиться отъ принятыхъ на себя передъ нами обязательствъ, а по подписаніи предварительныхъ условій нашего мира съ Турціей и вовсе отрекся отъ нихъ.

Такимъ образомъ отношенія наши къ Австріи весной 1878 года не только были натянуты, но обострились даже настолько, что обѣ стороны приготовлялись къ войнѣ, въ которой Сѣверный отрядъ нашей арміи за Дунаемъ долженъ былъ, соединившись съ нашими войсками, находившимися въ Румыніи, образовать Южную армію и дѣйствовать противъ Австріи съ юга, наступая въ Трансильванію въ то время, когда другая армія, формируемая на Волыни, должна была наступать съ востока. Предполагалось назначить генералъ-адъютанта Гурко командующимъ южной арміей съ генераломъ Нагловскимъ въ должности начальника штаба.

Въ описываемое время я совсѣмъ оправился отъ контузій, полученныхъ при штурмѣ Правецкихъ укрѣпленныхъ позицій 2-го ноября 1877 года, и, произведенный въ апрѣлѣ 1878 года въ генералъ-маіоры, пріѣхалъ изъ Петербурга въ Санъ-Стефано, гдѣ проживали безъ дѣла генералъ-адъютантъ Гурко и генералъ-маіоръ Нагловскій, пріютившіе меня въ занимаемомъ ими чудесномъ домѣ, на самомъ берегу Мраморнаго моря, у пристани. Рѣшено было, что если война будетъ и назначенія Гурко и Нагловскаго состоятся, —назначить меня помощникомъ начальника штаба арміи, т. е. генералъ-квартирмейстеромъ Южной арміи, а для того, чтобы ко времени пріѣзда Гурко и Нагловскаго къ арміи имѣть уже подробныя о ней свѣдѣнія и при томъ отъ лица, которое предназначено занять мѣсто въ штабѣ этой арміи, просили графа Тотлебена командировать меня въ Силистрію къ генералъ-адъютанту Ванновскому. Приказаніемъ по войскамъ дѣйствующей арміи 8-го іюня

1878 г. № 87-й я былъ назначенъ временно исправляющимъ должность начальника штаба Сѣвернаго отряда.

Война съ Австріей не состоялась, и мы мирно проживали въ Силистріи, а затѣмъ двинулись въ Варну, останавливаясь на нѣкоторое время въ Рущукѣ и Шумлѣ.

Вступленіе наше въ Варну было довольно своеобразно, какъ и многое въ только-что окончившейся войнѣ. По заключеніи Санъ-Стефанскаго мира всѣ крѣпости сѣверной Болгаріи были очищены турецкими войсками и заняты нашими безпрепятственно; только Варна упорствовала, и переѣхавшій въ нее изъ Шумлы старикъ Фазли-паша, принадлежавшій къ старо-турецкой партіи, не хотѣлъ впускать насъ въ крѣпость. Главнокомандующій послалъ генерала Столыпина принять крѣпость, но Фазли-паша, подъ разными предлогами, уклонялся отъ этого. Переговоры съ этимъ упрямымъ туркомъ затруднялись еще и тѣмъ, что Фазли-паша бывалъ доступенъ для переговоровъ только утромъ, а затѣмъ, подъ вліяніемъ ракіи [1]), становился невмѣняемъ и недоступенъ. Наконецъ, генералу Столыпину удалось уговорить пашу впустить въ крѣпость, 22-го іюля, одну нашу роту, съ которой прибыло и православное духовенство. Въ одномъ изъ бастіоновъ крѣпостной ограды отслужили передъ ротой торжественный молебенъ о здравіи государыни императрицы Маріи Александровны, и въ Петербургъ посланы телеграммы, въ которыхъ Столыпинъ, въ этотъ высокоторжественный день, говоря древнимъ языкомъ, кланялся Варной, но затѣмъ, послѣ молебна, рота была выведена, и Фазли-паша опять заперся. Когда гораздо позже этого событія, командующій Сѣвернымъ отрядомъ избралъ своею резиденціею Варну и прибылъ туда, то насъ долго не хотѣли впускать въ городъ и наконецъ послѣ многихъ скучнѣйшихъ переговоровъ впустили генералъ-адъютанта Ванновскаго, меня со штабомъ и разрѣшили поставить часовыхъ у командующаго отрядомъ, а мнѣ дозволено было размѣстить въ городѣ чиновъ штаба, писарей и конныхъ вѣстовыхъ казаковъ.

Сидѣнье въ Варнѣ было довольно тоскливое; единственнымъ интереснымъ дѣломъ за это время былъ эпизодъ незаконнаго захвата румынами форта Арабъ-Табіи возлѣ Силистріи, заставившій двинуть туда войска наши подъ начальствомъ начальника 12-й кавалерійской дивизіи генерала Винберга. Сущность этого дѣла, въ свое время надѣлавшаго много шума, заключалось въ слѣдующемъ. Граница Добруджи, поступавшей въ собственность Румыніи, не была точно опредѣлена; было только указано, что она должна была пройти въ извѣстномъ разстояніи восточнѣе Силистріи; между тѣмъ Силистрія представляла изъ

[1]) Рисовая водка.

себя съ одной стороны обыкновенный населенный пунктъ-городъ, а съ другой стороны—крѣпость съ вынесенными далеко въ сторону фортами, изъ числа коихъ Арабъ-Табія была крайнимъ восточнымъ и при томъ весьма сильнымъ фортомъ. Спорный пунктъ заключался въ рѣшеніи вопроса, что́ считать Силистріей: городъ или крѣпость съ выдвинутыми фортами. Международная разграничительная коммиссія, опредѣлявшая границу, порѣшила считать разстояніе отъ Силистріи-города, и, такимъ образомъ, фортъ Арабъ-Табія, господствовавшій надъ окружающей мѣстностью, въ томъ числѣ и надъ городомъ, переходилъ во власть Румыніи. Русскій уполномоченный въ коммиссіи протестовалъ, и дѣло должно было перейти на разрѣшеніе конференціи пословъ. Въ описываемое время фортъ Арабъ-Табія былъ занятъ незначительной нашей командой изъ числа войскъ, расположенныхъ въ Силистріи. Румыны, основываясь на рѣшеніи разграничительной коммиссіи и считая его окончательнымъ, потребовали отъ нашего офицера очищенія форта и конечно получили отказъ. Тогда, не долго думая, румыны двинули на Арабъ-Табію значительную пѣхотную часть, и наша команда должна была выйти.

Въ концѣ концовъ дѣло это кончилось мирно, румыны очистили Арабъ-Табію, которая осталась Болгаріи.

Наконецъ, 27-го января 1879 года подписанъ былъ въ Константинополѣ нашимъ посломъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ окончательный миръ съ Турціей, и съ 6-го февраля началась эвакуація нашихъ войскъ; въ концѣ февраля выѣхалъ изъ Адріанополя главнокомандующій графъ Тотлебенъ, проѣхалъ черезъ Балканы и Шумлу, прожилъ нѣсколько дней съ своимъ штабомъ въ Варнѣ и 2-го марта высадился въ Одессѣ.

Этимъ закончилось существованіе русской дѣйствующей арміи за Дунаемъ; въ Болгаріи остались только оккупаціонныя войска, и съ этого времени 12-й армейскій корпусъ, и. д. начальника штаба котораго я былъ назначенъ, вступилъ въ составъ оккупаціонныхъ войскъ, подъ главнымъ начальствомъ князя А. М. Дондукова-Корсакова, проживавшаго въ Тырновѣ и соединявшаго въ себѣ должности императорскаго коммиссара въ Болгаріи и командующаго оккупаціонными войсками. Распорядительнымъ органомъ по войскамъ былъ штабъ оккупаціонныхъ войскъ, а таковыми же органами по управленію Болгаріей были: канцелярія и отдѣлы управленія императорскаго коммиссара. Начальники отдѣловъ носили это названіе, я думаю, только изъ скромности нашей, въ сущности же это были министры, такъ какъ, по вступленіи на княженіе князя Александра Батенберга, всѣ отдѣлы были переименованы въ министерства, и болгары, замѣнившіе нашихъ начальниковъ отдѣловъ, сдѣлались министрами.

При князѣ Дондуковѣ начальникомъ канцеляріи былъ генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Михаилъ Алексѣевичъ Домонтовичъ, внутрен-

нимъ отдѣломъ, т. е. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Болгаріи завѣдывалъ генералъ-маіоръ Петръ Аполлоновичъ Грессеръ (впослѣдствіи петербургскій градоначальникъ), отдѣломъ финансовъ тайный совѣтникъ Константинъ Андреевичъ Бухъ, юстиціи — сенаторъ Сергѣй Ивановичъ Лукьяновъ, народнаго просвѣщенія и исповѣданій профессоръ Харьковскаго университета Маринъ Степановичъ Дриновъ (родомъ болгаринъ) и военнымъ отдѣломъ генералъ-маіоръ Василій Григорьевичъ Золотаревъ. У нѣкоторыхъ начальниковъ отдѣловъ были помощники; такъ во внутреннемъ отдѣлѣ помощникомъ былъ Владиміръ Петровичъ Рогге, впослѣдствіи бакинскій губернаторъ, а въ юстиціи—Василій Михайловичъ Качановскій, занимавшій потомъ важный постъ въ Варшавѣ, при генералъ-адъютантѣ Гурко. Золотаревъ, будучи начальникомъ военнаго отдѣла, вѣдалъ только организаціонной и административной частями, войско же, носившее названіе «Болгарскаго земскаго войска», подчинено было въ командномъ отношеніи генералу Шелейховскому, носившему названіе начальника Земскаго войска, подчиненнаго начальнику военнаго отдѣла. При генералѣ Шелейховскомъ состоялъ штабъ Болгарскаго Земскаго войска съ начальникомъ штаба, генеральнаго штаба полковникомъ Липранди. Дѣятельность всѣхъ отдѣловъ императорскаго коммиссара была поистинѣ изумительна. Въ короткое время, можно сказать подъ гулъ боевыхъ выстрѣловъ, изъ хаоса воздвигалось зданіе будущаго самостоятельнаго княжества и при томъ еще конституціоннаго, съ представительнымъ правленіемъ. Побуждаемые и направляемые энергичной и талантливой рукой князя Дондукова-Корсакова, чуждаго рутины, съ свѣтлымъ и широкимъ взглядомъ на вещи, образованнаго, крайне доступнаго и простаго въ обращеніи, начальники отдѣловъ управленія императорскаго коммиссара были положительно творцами всѣхъ отраслей существованія новаго будущаго государства и при томъ при какой ужасающей обстановкѣ: война, неурядица мѣстная, неурядица тыла нашей арміи, въ районѣ котораго приходилось имъ работать, необходимость въ качествѣ гражданскихъ властей края удовлетворять различнымъ требованіямъ арміи, полное отсутствіе хотя бы слѣдовъ государственности въ населеніи, остатки турецкаго владычества и разореніе, причиненное войной. До сихъ поръ еще нѣтъ, кажется, документальнаго описанія этого поистинѣ смутнаго времени и колоссальной работы императорскаго коммиссара съ его помощниками; оно еще ждетъ своего историка.

Впослѣдствіи я сдѣлаю очеркъ результатовъ дѣятельности русскаго управленія въ Болгаріи на основаніи оффиціальнаго документа,—записки начальника отдѣла просвѣщенія М. С. Дринова. Я считаю необходимымъ остановиться на выдающейся дѣятельности управленія императорскаго коммиссара особенно потому, что при дальнѣйшемъ изложеніи мнѣ прій-

дется описывать тѣ коренныя перемѣны, которыя первое военное министерство при князѣ Александрѣ Батенбергѣ вынуждено было сдѣлать въ организаціи вооруженныхъ силъ княжества, при чемъ придется естественно коснуться причинъ, вызвавшихъ эти перемѣны, а также указать на недостатки военной организаціи, созданной военнымъ отдѣломъ при князѣ Дондуковѣ. Я долженъ заранѣе оговориться, что, разсматривая, въ своемъмѣстѣ, недостатки этой организаціи, я постараюсь быть объективнымъ; мною отнюдь не будетъ руководствовать желаніе указать, что сдѣланное прежде было худо, такъ какъ на эти недостатки вліяла прежде всего краткость времени, бывшая въ распоряженіи современныхъ дѣятелей, а также обстановка, совершенно измѣнившаяся по уходѣ изъ Болгаріи русскаго управленія. Несомнѣнно, что не безъ вліянія на дѣла была и нѣкоторая разница во взглядахъ бывшаго управленія военнымъ отдѣломъ и перваго болгарскаго министерства. Здѣсь же я добавлю только, что во время русскаго управленія Болгаріей, когда во главѣ военнаго отдѣла стоялъ генералъ Золотаревъ, никто не заикался о болгарской постоянной арміи; разрѣшалось говорить только и создавать «народную милицію». Представители европейскихъ правительствъ, ревниво слѣдившіе за успѣхами русскаго управленія будущаго княжества, косо смотрѣли и на эту первобытную форму войска, готовы были недопустить его образованія и усердно рекомендовали жандармерію для внутренняго порядка [1]). При подобныхъ давленіяхъ военный отдѣлъ императорскаго коммиссара вынужденъ былъ ограничиться милиціонной формой, давъ войску названіе Болгарскаго Земскаго войска. По вступленіи княжества въ самостоятельную жизнь, сразу обнаружилась невозможность сохранить эту милиціонную организацію, пришлось перейти къ постоянной арміи, со всѣми необходимыми для ея существованія учрежденіями, а слѣдовательно произвести капитальную ломку прежняго порядка. Тѣмъ не менѣе великость заслуги бывшаго военнаго отдѣла этой ломкой вовсе не умаляется; напротивъ: военный отдѣлъ положилъ, въ короткое и бурное время, солидный фундаментъ будущей военной силы княжества, онъ далъ въ руки послѣдующихъ дѣятелей готовое тѣло, цѣльный организмъ, который можно было передѣлывать въ новыя формы, сообразно требованіямъ измѣнившейся обстановки.

Я зашелъ нѣсколько впередъ, а потому возвращаюсь къ прерванному разсказу.

Въ концѣ марта 1879 года получилъ я телеграмму отъ генерала Золотарева, сообщавшаго мнѣ, что князь Дондуковъ требуетъ моего пріѣзда въ Тырново. О причинѣ вызова въ телеграммѣ не упоминалось.

---

[1]) Une bonne gendarmerie pour maintenir l'ordre.

Путешествіе въ Тырново было чрезвычайно пріятной прогулкой. Чудная, теплая погода, ѣзда въ хорошей коляскѣ отъ Рущука, живописной долиной Янтры, съ парящими въ облакахъ орлами, составляли истинное наслажденіе.

Въ Тырновѣ засѣдало тогда созванное на 10-е февраля 1879 года учредительное «Народное Собраніе», разсматривавшее препровожденный ему русскимъ правительствомъ проектъ органическаго статута Болгарской конституціи [1]). Городъ былъ полонъ необычайнаго оживленія и при томъ радостнаго. Война кончена, и недавнія еще тягости ея забыты, турки изгнаны навсегда и хотя Болгарія урѣзана и расчленена трудами Европы и податливостью нашихъ представителей на Берлинскомъ конгрессѣ, но все же болгары вступали въ самостоятельную жизнь, становились государствомъ. Всеобщему ликованію способствовала необычайная любовь болгаръ къ князю Дондукову-Корсакову, популярность котораго среди народа была необыкновенная: въ параллель съ ней могла идти развѣ только популярность графа Николая Павловича Игнатьева, творца С.-Стефанскаго договора и цѣлокупной Болгаріи. Внѣ всякаго сомнѣнія то, что если бы болгарамъ была предоставлена полная свобода выбрать себѣ правителя по уходѣ русскихъ, то выборъ ихъ въ первое время палъ бы или на графа Игнатьева, или на князя Дондукова.

Отыскавъ Золотарева, я узналъ, что меня вызвали для того, чтобы предложить мѣсто будущаго военнаго министра Болгаріи.

Это было настолько неожиданно, что поставило меня совершенно въ тупикъ.

Съ одной стороны предложеніе это было весьма заманчиво во многихъ отношеніяхъ: работать на созданіи молодой вооруженной силы, вылить ее въ форму, согласующуюся съ моими воззрѣніями, въ то время уже достаточно установившимися и утвердившимися благодаря опыту мирной и боевой службы,—все это было задачею великою и благородною. Всегдашнее мое увлеченіе славянскимъ вопросомъ, знаніе Болгаріи, симпатіи къ болгарамъ и обширное знакомство съ массою болгаръ во время войны, а въ особенности до войны—все это вмѣстѣ взятое, влекло меня къ рѣшенію принять предложеніе. Къ тому же будущая работа моя значительно облегчалась присутствіемъ въ болгарскомъ войскѣ многихъ русскихъ офицеровъ, лично мнѣ извѣстныхъ, а также оставленіемъ на службѣ русскихъ унтеръ-офицеровъ. Къ тому же

[1]) Органическій статутъ былъ выработанъ въ 1878 году совѣтомъ управленія императорскаго коммиссара, передѣланъ въ Петербургѣ коммиссіей статсъ-секретаря князя Урусова и въ исправленномъ видѣ былъ возвращенъ князю Дондукову, для внесенія на разсмотрѣніе Тырновскаго Народнаго Собранія (учредительнаго).

мнѣ было сообщено, что служба моя въ Болгаріи будетъ зачтена за службу въ Россіи, и что я не обязываюсь никакимъ срокомъ относительно возвращенія домой.

На бѣду, въ Тырновѣ и посовѣтоваться было не съ кѣмъ. Князь Дондуковъ, генералъ Золотаревъ, старинный мой знакомый полковникъ Лѣсовой (предназначенный на должность начальника артиллеріи болгарскаго войска) и другіе русскіе уговаривали принять предложеніе; знакомые мнѣ болгары: Драганъ Цанковъ, Начевичъ, Геровъ, Даскаловъ и другіе, конечно,—тоже, но всѣ они не могли быть безпристрастными совѣтниками. Съ другой же стороны война, а главнымъ образомъ сидѣнье въ Болгаріи послѣ войны такъ надоѣли, что я, да и всѣ мы рвались домой. Шутка сказать: я уѣхалъ изъ Петербурга, оставивъ тамъ молодую жену и малютку-дочь въ ноябрѣ 1876 г., а теперь уже мартъ 1879 года и, хотя я побывалъ два раза за это время дома, но первый пріѣздъ, когда меня привезли контуженнаго домой, и считать нельзя; второй же разъ я пріѣхалъ на короткій срокъ въ январѣ 1879 года, все же остальное время жилъ съ семьей врозь. Весьма важный для меня вопросъ, кто будетъ княземъ Болгаріи, съ кѣмъ мнѣ придется служить и кого слушать, не былъ еще рѣшенъ, по крайней мѣрѣ намъ, простымъ смертнымъ, это не было извѣстно. Въ печати и въ разговорахъ упоминали о принцѣ Вольдемарѣ датскомъ, и мнѣ почему-то имя это казалось очень симпатичнымъ; хотя я никогда не видѣлъ принца, но думалось, что братъ нашей цесаревны не можетъ быть нехорошимъ выборомъ; къ тому же онъ датчанинъ, а не нѣмецъ. Къ сожалѣнію, объ его кандидатурѣ скоро перестали говорить, вѣроятно потому, что стало извѣстнымъ, что братъ будущей русской императрицы и сынъ царствующаго датскаго короля не будетъ допущенъ по Берлинскому трактату въ князья Болгаріи. Затѣмъ называли кандидатами: принца Рейса, бывшаго у насъ въ Петербургѣ германскимъ посломъ, а въ то время находившагося въ таковой же должности при Портѣ Оттоманской, и принца Александра Батенберга. Ни того, ни другаго я не зналъ и ничего о нихъ узнать не могъ. Принца Батенберга видѣлъ раза два, мелькомъ во время войны и въ Бухарестѣ, когда онъ былъ съ визитомъ у великаго князя Николая Николаевича Младшаго.

Колеблясь принять то или другое рѣшеніе, я провелъ въ Тырновѣ дня два и, наконецъ, къ великому и нескрываемому неудовольствію князя Дондукова и таковому же огорченію Золотарева, стремившагося домой и озабоченнаго найти поскорѣй себѣ преемника, порѣшилъ отказаться. Золотаревъ однако не терялъ надежды убѣдить меня, сказавъ, что будетъ телеграфировать мнѣ, кто будетъ избранъ княземъ, и что къ тому времени, приблизительно черезъ мѣсяцъ, я, можетъ быть, передумаю. Я уѣхалъ, и князь Дондуковъ, не разсчитывая на меня, велѣлъ предло-

жить мѣсто военнаго министра рущукскому губернатору, генеральнаго штаба генералъ-маіору Акимову.

Вернувшись въ Варну и явившись къ генералу Ванновскому, я доложилъ обо всемъ, со мной бывшемъ, и не безъ нѣкотораго торжества сказалъ, что отказался. Вдругъ, къ великому моему изумленію, Петръ Семеновичъ говоритъ мнѣ: «напрасно»... и затѣмъ началъ развивать свою мысль, упирая главнымъ образомъ на то, что̀ уже и мнѣ приходило въ голову въ Тырновѣ: чѣмъ я буду по возвращеніи въ Россію. Оставаться начальникомъ штаба 12-го корпуса я не могъ, такъ какъ это мѣсто было занято генералъ-маіоромъ Косычемъ, временно командированнымъ въ Одессу, въ коммиссію генералъ-адъютанта Глинки-Маврина, учрежденную для разбора дѣйствій пресловутой компаніи Грегера, Горвица и Когана по довольствію дѣйствующей арміи; я же былъ только исправляющимъ должность начальника штаба, слѣдовательно, судьба могла забросить Богъ знаетъ куда. Затѣмъ П. С. Ванновскій проводилъ параллель между службой и работой, которыя вообще предстояли мнѣ въ Россіи, и той созидательной, творческой, полной захватывающаго интереса, работой, которая ожидала меня въ Болгаріи. Разговоры на эту тему возобновлялись часто и кончились тѣмъ, что черезъ мѣсяцъ, когда я получилъ новую телеграмму отъ генерала Золотарева съ вопросомъ о моемъ рѣшеніи и съ извѣщеніемъ, что избранъ принцъ Батенбергъ—я отвѣтилъ согласіемъ.

Въ концѣ апрѣля или первыхъ числахъ мая мы вернулись въ Россію, и я съѣздилъ изъ Кіева въ Петербургъ для окончательныхъ семейныхъ переговоровъ; тамъ было рѣшено, чтобы я съѣздилъ въ Ливадію и переговорилъ бы съ графомъ Д. А. Милютинымъ относительно будущаго. По возвращеніи въ Кіевъ, тогдашній кіевскій генералъ-губернаторъ и командующій войсками генералъ-адъютантъ М. Ив. Чертковъ просилъ о дозволеніи мнѣ пріѣхать въ Ливадію, но 17-го мая полученъ былъ отвѣтъ графа Д. А. Милютина слѣдующаго содержанія: «князь Дондуковъ убѣдительно проситъ ускорить пріѣздъ генералъ-маіора Паренсова. Пріѣздъ его сюда значительно замедлитъ прибытіе въ Софію и особенной пользы принести не можетъ. Насчетъ служебнаго положенія своего въ будущемъ онъ не долженъ имѣть никакихъ сомнѣній».

Понятно, что разговаривать было нечего, надо было собираться: я собрался и поѣхалъ.

Генералъ-адъютантъ Чертковъ, прощаясь со мной и говоря о будущемъ моемъ положеніи, ставилъ особенно на видъ то обстоятельство, что князь Александръ Батенбергъ родной племянникъ нашей императрицы, очень любимъ императоромъ Александромъ II, что государь называетъ князя уменьшительнымъ именемъ «Сандро» и что въ этой родственной близости князя къ нашему царственному дому коренится ру-

чательство добрыхъ отношеній Болгаріи къ Россіи, залогъ успѣха моей дѣятельности и моего собственнаго благополучія. Долженъ сказать правду: генералъ-адъютантъ Чертковъ не выказалъ при этомъ прозорливости и не былъ пророкомъ; именно эта родственность и не послужила ни ко благу Россіи, ни Болгаріи, а также и ни къ моему благополучію.

Покуда происходило со мной все вышеописанное, въ Тырновѣ совершалось слѣдующее:

16-го апрѣля болгарское учредительное собраніе закрыло свою сессію по подписаніи депутатами выработанной конституціи княжества.

Передъ закрытіемъ собранія князь Дондуковъ произнесъ блестящую рѣчь, въ которой между прочимъ сказалъ: «Будущее покажетъ, насколько составленная вами конституція соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ потребностямъ страны и служитъ выраженіемъ истинныхъ стремленій болгарскаго народа; но горячее искреннее побужденіе, руководившее патріотизмомъ вашимъ, увѣренъ, въ томъ состоитъ, чтобы новая конституція послужила оплотомъ благоразумной свободы и законности, а слѣдовательно залогомъ счастія, благоденствія и нравственнаго преуспѣянія дорогой родины вашей. Да блюдетъ же и охраняетъ каждый изъ васъ основные законы вашей самобытности, радуясь о настоящемъ и съ полной надеждою и вѣрою взирая на предстоящую вамъ новую, свѣтлую будущность».

17-го апрѣля, передъ открытіемъ Народнаго собранія для избранія князя, былъ отслуженъ молебенъ по случаю дня рожденія государя императора; затѣмъ князь Дондуковъ открылъ собраніе и пригласилъ приступить къ избранію князя Болгаріи. Единогласно былъ избранъ принцъ Александръ Батенбергъ подъ именемъ Александра I-го.

По оглашеніи этого избранія ликованію народа не было предѣловъ. Многочисленная толпа съ музыкой и пѣніемъ «Марицы», на рукахъ отнесли князя Дондукова изъ его квартиры въ домъ Народнаго собранія, которое, при громкихъ кликахъ, восторженно благодарило князя за его управленіе Болгаріей. На обратномъ пути князя Дондукова домой народъ выпрягъ лошадей изъ коляски, на рукахъ увезъ его за городъ, гдѣ на полѣ собралось болѣе 20 тысячъ жителей Тырнова и окрестностей. Воздухъ оглашался кликами: «да живѣй царь Александръ, да живѣй князь Александръ, да живѣй Россія, да живѣй Болгарія!»

Такъ радостно привѣтствовала Болгарія неизвѣстнаго еще ей князя, привѣтствовала его, видя въ немъ русскаго ставленника.

Принцъ Александръ Батенбергъ былъ сыномъ Александра Гессенскаго, роднаго брата императрицы Маріи Александровны. Мать новоизбраннаго князя была полька, дочь бывшаго при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ военнымъ министромъ польскихъ войскъ, генерала графа Гауке, убитаго мятежниками въ Варшавѣ, въ возстаніе 1830—1831 гг. Имя графа Гауке, въ числѣ другихъ именъ, помѣщено

на памятникѣ, поставленномъ по повелѣнію императора Николая I-го въ Варшавѣ, на Саксонской площади, съ надписью: «Вѣрнымъ полякамъ». Дѣти графа Гауке, сынъ и дочери, были призрѣны государемъ; одна изъ нихъ, бывши фрейлиной императрицы, вышла замужъ за принца Александра Гессенскаго, получила титулъ княгини Батенбергъ и осталась католичкой, при томъ весьма ревностной. Изъ другихъ дочерей, насколько намъ извѣстно, одна была замужемъ за генераломъ русской службы барономъ Штакельбергомъ (командовалъ Кирасирскимъ ея величества полкомъ, а впослѣдствіи 2-й гвардейской кавалерійской дивизіей).

Какъ бы въ противовѣсъ поведенія по отношенію къ Россіи генерала графа Гауке, заплатившаго жизнью за вѣрность присягѣ и для искупленія этого грѣха родителя, сынъ его, флигель-адъютантъ полковникъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго Его Величества полка, подъ именемъ Боссака, предводительствовалъ шайками мятежниковъ во время возстанія 1863 года въ царствѣ Польскомъ, затѣмъ бѣжалъ за границу, участвовалъ въ Франко-Прусской войнѣ 1870 года, состоя въ отрядѣ гарибальдійцевъ, и былъ убитъ подъ Дижономъ.

Князь Александръ Батенбергъ былъ вѣроисповѣданія лютеранскаго, образованіе получилъ въ Германіи, въ кадетскомъ корпусѣ, служилъ въ гессенскихъ драгунахъ и потомъ въ прусской лейбъ-гвардіи (Guardes de Corps) въ чинѣ лейтенанта (поручика). Передъ избраніемъ, которое, къ слову сказать, было намѣчено заранѣе, но рѣшеніе о чемъ хранилось подъ спудомъ дипломатической тайны, онъ занимался въ Дармштадтѣ и Югенгеймѣ политическими науками и обучался умѣнію править славянской страной подъ руководствомъ гессенскаго тайнаго совѣтника Менгеса. При вступленіи на княжество ему было 22 года, а извѣстіе объ избраніи своемъ принцъ Батенбергъ получилъ въ Берлинѣ на обѣдѣ, который давалъ русскій посолъ иностраннымъ дипломатамъ и прочимъ министрамъ, по случаю дня рожденія государя императора, 17-го апрѣля стараго стиля. 26-го апрѣля князь Александръ выѣхалъ въ Ливадію, куда отправилась болгарская депутація для поднесенія новому князю акта объ его избраніи. Депутація эта состояла изъ слѣдующихъ лицъ: митрополита варненскаго и преславскаго Симеона, филиппопольскаго вице-губернатора Бурмова-Стоянова [1]), доктора Каракаловскаго, президента апелляціоннаго суда въ Софіи Стоилова, виддинскаго землевладѣльца Цанкова и муллы изъ Шумлы Хаджи-эффенди. Во главѣ этой депутаціи князь, 11-го мая, пред-

[1]) Бурмова-Стоянова обыкновенно называли просто Бурмовъ: онъ впослѣдствіи былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и президентомъ Совѣта министровъ.

ставлялся государю, уже какъ князь Болгаріи и принесъ благодарность его величеству, какъ, сказалъ онъ, «освободителю нашего народа».

Произведенный въ генералъ-маіоры русской службы и назначенный шефомъ 15-го стрѣлковаго баталіона [1]) князь выѣхалъ изъ Ливадіи для посѣщенія европейскихъ дворовъ. Въ Вѣнѣ онъ произвелъ очень благопріятное впечатлѣніе особенно послѣ обѣщанія, даннаго графу Андраши, настаивать на самомъ точномъ соблюденіи Берлинскаго трактата.

Въ Берлинѣ князю оказана была встрѣча какъ владѣтельной особѣ; ему сохранили его чинъ и зачислили à la suite въ лейбъ-гвардію (Guarde de Corps).

Такимъ образомъ, князь Александръ сразу очутился: прусскимъ поручикомъ, русскимъ генераломъ и княземъ Болгаріи.

Газеты: «Daily Telegraphe», «Globe» и др. поспѣшили оповѣстить Европѣ, что князь Александръ положитъ въ основаніе своей политики Берлинскій трактатъ, что выполненіе его по духу и по буквѣ будетъ его задачей и что трактатъ этотъ имѣетъ въ князѣ лучшаго своего друга. Князь былъ persona grata, въ особенности въ Вѣнѣ; почва ему была подготовлена еще отцомъ его, принцемъ Александромъ Гессенскимъ, который, служа прежде въ австрійскихъ войскахъ, отличился при Сольферино. Хорошія отношенія съ Габсбурскимъ домомъ сохранились и по выходѣ принца изъ австрійской службы, и избраніе сына его въ князья Болгаріи было встрѣчено въ Вѣнѣ сочувственно. Одинъ изъ австрійскихъ государственныхъ людей, впервые познакомившійся съ княземъ, по пріѣздѣ его въ Вѣну, приведенный въ восторгъ его внѣшностью и любезностью, выразился о немъ такъ: «mais ce qu'il y a de mieux en lui c'est qu'heureusement ce n'est pas l'homme qu'il faudrait pour les aspirations panbulgares» [2]).

Въ Парижѣ князь былъ принятъ президентомъ Греви, но пріемъ этотъ не оставилъ въ князѣ пріятнаго впечатлѣнія, главнымъ образомъ, потому, что Греви познакомилъ его съ своей женой, весьма простой женщиной, на которой Греви женился, будучи еще мелкимъ адвокатомъ и то послѣ нѣсколькихъ лѣтъ гражданскаго сожительства. Князь Александръ былъ всегда тщеславенъ, а избраніе въ князья Болгаріи еще увеличило это свойство. Онъ съ негодованіемъ вспоминалъ о Гревн, говоря: «il a eu l'audace de me présenter à sa femme» [3]). Въ Лондонѣ не

---

[1]) 15-й стрѣлковый баталіонъ былъ въ составѣ 4-й стрѣлковой бригады, особенно отличившейся въ минувшую войну и, между прочимъ, въ 1-мъ забалканскомъ походѣ генерала Гурко, въ которомъ принялъ участіе и князь Александръ.

[2]) Но лучшее въ немъ то, что, по счастью, это человѣкъ вовсе не подходящій для болгарскихъ стремленій.

[3]) Онъ взялъ на себя смѣлость представить меня своей женѣ.

произошло ничего особеннаго; въ то время князь Александръ не былъ еще связанъ близкими узами родства съ виндзорскимъ дворомъ. Впослѣдствіи же, когда братъ его женился на принцессѣ Беатриссѣ, дочери королевы Викторіи, и когда отношенія князя къ Россіи были совсѣмъ испорчены, онъ не преминулъ примкнуть къ политикѣ Великобританіи. Побывавъ въ Римѣ, князь Александръ изъ Бриндизи поѣхалъ въ Константинополь представиться своему сюзерену — султану. По поводу этого представленія было много толковъ; обсуждался и костюмъ, въ которомъ князь представится султану, и въ особенности интересовались тѣмъ, надѣнетъ ли князь феску, какъ знакъ подчиненія падишаху. Но все обошлось благополучно; князь прямо съ парохода проѣхалъ во дворецъ султана въ военной формѣ, фески надѣвать не пришлось, и представленіе это имѣло видъ визита султану.

23-го іюня князь прибылъ въ Варну въ сопровожденіи своей свиты и русскаго флигель-адъютанта полковника А. А. Шепелева, выѣхавшаго по высочайшему повелѣнію къ нему на встрѣчу въ Бриндизи и приподнесшаго ему отъ государя императора значительный денежный кушъ на первые расходы. На встрѣчу князю въ Варну выѣхалъ изъ Софіи князь Дондуковъ.

Пріѣхавъ въ половинѣ іюня въ Софію и представившись князю Дондукову, я вступилъ во временное завѣдываніе военнымъ отдѣломъ княжества, принявъ его отъ генерала Золотарева, впредь до утвержденія меня княземъ Александромъ въ должности военнаго министра. Изъ русской службы я былъ уволенъ въ отставку «по прошенію».

Управленіе военнымъ отдѣломъ, будущимъ военнымъ министерствомъ, мнѣ врученное, въ отношеніи личнаго состава, по откомандированіи отъ него всѣхъ лицъ, возвращавшихся въ Россію, представилось въ слѣдующемъ видѣ: строевой и инспекторской частью завѣдывалъ генеральнаго штаба капитанъ Соловьевъ; хозяйственной—генеральнаго штаба капитанъ Ясенскій; полковникъ Лѣсовой былъ начальникомъ артиллеріи и капитанъ Саранчовъ—начальникомъ инженерной части. Изъ этого видно, что собственно военное министерство, какъ административный органъ, состояло изъ меня, Соловьева и Ясенскаго. Послѣдній былъ только-что назначенъ и съ положеніемъ войска знакомъ не былъ, а Соловьевъ, вслѣдствіе серьезной болѣзни, получилъ еще отъ Золотарева обѣщаніе быть уволеннымъ въ отпускъ въ Россію, такъ что военное министерство de facto состояло изъ меня, Ясенскаго и нѣсколькихъ писарей. Должность начальника Болгарскаго земскаго войска, занимаемая генераломъ Шелейховскимъ, была упразднена, равно какъ его штабъ и вся организація войска, управленіе всѣми его отраслями, равно какъ и высшее командованіе имъ послѣ князя сосредоточилось въ одномъ военномъ министрѣ. Такое безпомощное положеніе привело

меня въ ужасъ, который все увеличивался по мѣрѣ того, какъ я знакомился съ дѣйствительнымъ положеніемъ войска.

Положеніе это было слѣдующее. Во время русскаго управленія Болгаріей, т. е. при существованіи начальника Болгарскаго земскаго войска и его штаба, въ войскѣ было: 21 пѣшая дружина, 8 батарей артиллеріи, 4 конныхъ сотни, 1 саперная рота дѣйствующая, 1 учебная саперная рота и нѣсколько орудій осадной артиллеріи. Численность всѣхъ этихъ частей простиралась до 21.000, не считая русскихъ кадровъ, которые для всего войска состояли изъ 394 офицеровъ (въ томъ числѣ 1 штабъ- и 35 оберъ-офицеровъ болгарскаго происхожденія) и 2.694 нижнихъ чиновъ. Войско, благодаря содѣйствію полеваго управленія дѣйствующей арміи, обставлялось въ матеріальномъ отношеніи вполнѣ удовлетворительно и обезпечивалось изъ русскихъ источниковъ продовольствіемъ, обмундированіемъ и проч. наравнѣ съ русскими войсками и по русскимъ нормамъ (табелямъ). Дружины были въ 1.000 человѣкъ, сотни въ 150. Въ каждой дружинѣ русскій кадръ состоялъ по штату изъ командира дружины, 4 ротныхъ командировъ, 4 субалтернъ-офицеровъ, 1 адъютанта и до 70 унтеръ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ учителей. Въ каждой сотнѣ: 2 русскихъ офицера и 12 нижнихъ чиновъ, въ батареяхъ также по 2 русскихъ офицера и по 40 русскихъ нижнихъ чиновъ.

Воинская повинность была общеобязательною для всѣхъ гражданъ въ возрастѣ отъ 20—30 лѣтъ, при чемъ по закону (но только по буквѣ)—безъ различія вѣры и національности. Срокъ дѣйствительной службы 2-хъ-годичный. Система отбыванія воинской повинности была принята территоріальная-милиціонная; каждый округъ долженъ былъ выставить людей только въ дружину своего округа, при чемъ дружины были расположены въ центральныхъ пунктахъ своихъ округовъ.

Для образованія болгарскихъ офицеровъ въ Софіи открыто было пѣхотное юнкерское училище на 250 человѣкъ съ 2-хъ-годичнымъ курсомъ. Первый выпускъ былъ уже сдѣланъ въ маѣ 1879 года, при чемъ этотъ выпускъ былъ, конечно, скороспѣлый, такъ какъ вновь выпущенные офицеры не успѣли пройти полнаго курса училища, кромѣ того, по высочайшему государя императора повелѣнію, на русскій счетъ принято въ Елисаветградское юнкерское училище около 90 молодыхъ болгаръ, и нѣсколько болгарскихъ офицеровъ отправлено въ наши военныя академіи: генеральнаго штаба, артиллерійскую и инженерную. Предположено также послать 40 человѣкъ въ разныя техническія школы въ Россіи, въ томъ числѣ и на Тульскій оружейный заводъ.

При такомъ сильномъ кадрѣ русскихъ чиновъ и при соотвѣтственной организаціи главнаго управленія войскомъ, болгарскія дружины, сотни и батареи, сформированныя въ августѣ и сентябрѣ 1878 года,

уже черезъ 8 мѣсяцевъ явились достаточно сплоченными и обученными. Съ уходомъ же русскихъ войскъ положеніе круто измѣнилось къ худшему.

Кадровые нижніе чины были отчислены; осталось самое незначительное число, по два и одному унтеръ-офицеру на дружину; многіе отличные офицеры не пожелали остаться въ войскѣ, и ихъ пришлось замѣнять иногда не вполнѣ соотвѣтственными. Самый же жестокій ударъ войску былъ нанесенъ тѣмъ, что въ маѣ 1879 года, т. е. именно тогда, когда ушли русскіе кадры, былъ объявленъ новый рекрутскій наборъ, по счету третій; изъ каждой дружины въ 1.000 человѣкъ было сразу уволено въ запасъ по 700 человѣкъ, и къ оставшимся 300, прослужившимъ всего 8 мѣсяцевъ и сравнительно мало подготовленнымъ, было прибавлено по 300 новобранцевъ.

Эта неудачная мѣра, имѣвшая цѣлью поскорѣй увеличить число запасныхъ (резервистовъ) въ населеніи, сразу расшатала части войскъ, а отсутствіе надежныхъ кадровъ унтеръ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ ставило русскихъ офицеровъ-командировъ въ крайне тяжелое положеніе относительно обученія и воспитанія войска.

Въ то же время обнаружилось еще и слѣдующее: благодаря отсутствію точныхъ статистическихъ данныхъ о количествѣ населенія по губерніямъ и округамъ и тому обстоятельству, что каждый округъ долженъ былъ поставлять людей для своей дружины, выходило, что въ однихъ округахъ число молодыхъ людей, призванныхъ на службу, значительно превышало потребность, въ другихъ же округахъ, съ слабымъ населеніемъ, или гдѣ напримѣръ турецкій элементъ превышаетъ христіанскій—людей не доставало. Такъ было въ Тырновѣ, Видинѣ, Османъ-Базарѣ и т. д. Въ первомъ изъ поименованныхъ округовъ число призванныхъ доходило до 1.000, вмѣсто требуемыхъ 300, а въ послѣднихъ двухъ недоставало до 300 человѣкъ. Надо замѣтить, что хотя по закону воинская повинность была общеобязательная, безъ различія вѣроисповѣданій, но на дѣлѣ рѣшено было, на первое время, мусульманъ не брать (просто по невозможности исполнить это на дѣлѣ); вслѣдствіе этого во всѣхъ восточныхъ округахъ людей недоставало. Такое положеніе дѣлъ ставило меня, только-что пріѣхавшаго, въ крайне затруднительное положеніе, ибо по закону нельзя было назначать новобранцевъ въ другіе округа, а только въ свой. Я тогда уже рѣшилъ, что съ территоріальной системой придется разстаться, но до пріѣзда князя и реформированія министерства ничего предпринять не могъ.

Осаждаемый со всѣхъ сторонъ разными вопросами, которые по существу своему требовали немедленнаго разрѣшенія, не имѣя возможности удовлетворить хотя бы малой части этихъ вопросовъ, я подумывалъ даже немедленно уйти, но стало совѣстно, и я остался.

23-го іюня князь Дондуковъ выѣхалъ изъ Софіи въ Варну на встрѣчу князю Александру. Провожали его необычайно торжественно и безусловно искренно. Утромъ, въ соборѣ былъ отслуженъ митрополитомъ Мелетіемъ молебенъ, а когда князь Дондуковъ приложился ко кресту, митрополитъ высказалъ ему горячую благодарность отъ имени всего народа, присовокупивъ, что имя князя Дондукова-Корсакова будетъ неразрывно связано съ освобожденіемъ и устроеніемъ Болгаріи. При выходѣ князя изъ церкви, митрополитъ велъ его подъ-руку, а народъ цѣловалъ его мундиръ. Густая толпа провожала коляску князя, распѣвая «Марицу» и бросая въ коляску цвѣты. Весь поѣздъ остановился у моста черезъ Искеръ, гдѣ князь былъ встрѣченъ духовенствомъ и софійскимъ городскимъ совѣтомъ; тутъ было приготовлено угощеніе и сказано много рѣчей, изъ коихъ лучшая безспорно принадлежала Стамбулову, впослѣдствіи знаменитому диктатору и ярому врагу Россіи. Въ рѣчи своей Стамбуловъ, между прочимъ, указалъ на совпаденіе трехъ именъ: императора Александра, князя Александра и князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова, что̀ какъ бы соотвѣтствовало тремъ частямъ великой цѣлокупной Болгаріи,—Болгаріи, Ѳракіи и Македоніи,—къ несчастію болгаръ расчлененныхъ врагами славянства. Другомъ славянъ и Болгаріи счелъ нужнымъ выказать себя и англійскій консулъ Пальгревъ, надѣвшій болгарскую шапку и провожавшій князя верхомъ.

Князь Дондуковъ отвѣчалъ на всѣ эти рѣчи, предупредивъ, что онъ говоритъ какъ частное лицо. Въ рѣчи своей онъ поблагодарилъ болгаръ за сердечное къ нему отношеніе, говорилъ о симпатіяхъ Россіи къ Болгаріи, совѣтовалъ болгарамъ всегда обращаться къ Россіи, въ увѣренности, что она никогда не оставитъ своею помощью страну, ею же освобожденную и родственную. Князь совѣтовалъ болгарамъ идти въ будущемъ по легальному пути, не прибѣгая къ насилію, совѣтовалъ работать дружно на благо родины.

Представители населенія поднесли ему адресъ и дипломъ на званіе почетнаго гражданина города Софіи.

24-го іюня князь Дондуковъ былъ уже въ Варнѣ и встрѣчалъ тамъ князя Александра, прибывшаго туда на русскомъ пароходѣ «Константинъ», конвоируемомъ другимъ нашимъ пароходомъ «Владиміръ».

Встрѣча новаго князя, понятно, была торжественна; на одной изъ арокъ въ городѣ была надпись: «Здравствуй и дерзай, княже. Народъ съ тобою».

Надо впрочемъ отмѣтить, что встрѣча въ другихъ городахъ, по сравненію съ Варной, была торжественнѣе, и восторгъ народа выражался сильнѣе; это объясняется составомъ населенія Варны, въ которой болгары были въ меньшинствѣ, преобладающій элементъ составляли греки, а затѣмъ турки. Греки были сдержанны, а турки покорно молчаливы.

25-го іюня князь прибылъ въ Рущукъ, а 26-го въ Тырново. Свидѣтели всѣхъ этихъ торжествъ въ то время заявляли единогласно, что встрѣча въ Тырновѣ, по сравненію съ Рущукомъ и Варною, отличалась тѣмъ, что въ Тырновѣ во всемъ старались выдвинуть на первый планъ выраженіе признательности и благодарности Россіи. Такъ, надъ тропомъ, приготовленнымъ для князя, красовался портретъ государя императора; при провозглашеніи многолѣтія въ соборѣ прежде всѣхъ поминалось имя Царя Освободителя и уже потомъ князя; на всѣхъ аркахъ выше всего стояли надписи: «да здравствуетъ русскій царь» или «да живѣй Россія» и т. п. Преданность къ Россіи и благодарность ей были особенно сильны въ сельскомъ населеніи и въ небольшихъ центрахъ; у селяковъ (крестьянъ) долго еще царило твердое убѣжденіе, что настоящій царь Болгаріи—нашъ государь, а что князь только правитель, поставленный русскимъ царемъ Мнѣ самому случалось, значительно позже описываемаго времени, на вопросъ, заданный крестьянину (селяку): кто у васъ князь?—получать всегда одинъ и тотъ же, твердый отвѣтъ: царь Александръ; про князя же Александра они говорили, что нашъ государь прислалъ своего «момче» [1]) править Болгаріей.

Упомянувъ объ особенностяхъ встрѣчъ въ Тырновѣ, слѣдуетъ замѣтить, что еще въ Рущукѣ митрополитъ Григорій въ привѣтственной рѣчи князю высказалъ, что онъ долженъ помнить, кому онъ «обязанъ престоломъ и хранить свято союзъ съ Россіей».

Въ газетѣ «La Turquie», издававшейся въ Константинополѣ на французскомъ языкѣ, въ № отъ 11-го іюня 1877 года, т. е. почти наканунѣ Систовской переправы, было напечатано посланіе митрополита Григорія къ своей паствѣ и озаглавлено такъ: «Lettre pastorale adressée par l'Archêveque bulgare de Roustchouk Mgr. Grégoire au clergé et aux ouailles de Son diocèse» [2]). Оригиналъ посланія былъ написанъ по-болгарски, и въ виду его важности я привожу его весь.

Православный митрополитъ, совѣтовавшій въ 1879 году князю Александру «хранить свято союзъ въ Россіей», въ 1877 году взывалъ къ своей православной паствѣ такъ:

«Милосердый Господь, правящій судьбами народовъ и царствъ, упрочилъ славу и могущество Оттоманской имперіи, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ ея существованія, ко благу, спокойствію и благоденствію тѣхъ народовъ, кои находятся подъ сѣнью ея благодѣтельнаго правленія. Желая испытать силу и глубину нашей любви къ нему, всемилостивый Господь часто посылаетъ своимъ избраннымъ испытанія.

---

[1]) Момче—мальчикъ, ребенокъ мужскаго пола.

[2]) Пасторское посланіе архіепископа болгарскаго Григорія, въ Рущукѣ къ духовенству и прихожанамъ его прихода.

Оттоманская имперія не впервые уже подвергается подобнаго рода испытаніямъ, но она всегда выходила изъ нихъ побѣдительницей, полная новыхъ силъ для дальнѣйшаго своего развитія, для упроченія своей славы и своего могущества.

«Между тѣмъ какъ его императорское величество султанъ Абдулъ-Гамидъ-ханъ, нашъ всемилостивѣйшій монархъ и отецъ (да продлитъ Господь его жизнь и да упрочитъ онъ могущество его имперіи), употребляетъ всѣ старанія къ тому, чтобы водворить принципы равенства и братской любви и обезпечить спокойствіе, счастіе и благоденствіе всѣхъ своихъ подданныхъ безъ различія вѣроисповѣданія и національности, имперіи угрожаетъ непріятель, который, подъ личиною великодушія, старается уничтожить эти благія и великодушныя начинанія, надѣясь достигнуть такимъ образомъ своихъ разрушительныхъ цѣлей, направленныхъ противъ Оттоманской имперіи и ея подданныхъ.

«Но Господь не допуститъ нынѣ, какъ и всегда, чтобы справедливость была попрана и чтобы восторжествовали столь пагубные замыслы. Правительство его императорскаго величества выйдетъ изъ этого затруднительнаго положенія еще болѣе сильнымъ, ко славѣ Оттоманской имперіи и къ благоденствію и радости ея подданныхъ. Чтобы достигнуть этого результата, мы всѣ должны сплотиться вокругъ престола его величества, проникнуться чувствами любви и преданности къ нему и быть готовыми на всевозможныя жертвы.

«На болгарскомъ народѣ лежитъ, по преимуществу, эта священная обязанность, ибо монархи Оттоманской имперіи, по своей справедливости и по своему благоволенію къ болгарамъ, всегда исполняли всѣ ихъ законныя требованія.

«Итакъ, возлюбленныя дѣти наши во Христѣ, мы призываемъ васъ доказать на дѣлѣ любовь и преданность, которыя вы питаете къ нашему монарху. Прежде всего, какъ христіане и покорныя дѣти православной церкви, мы должны возносить къ милосердному Богу горячія молитвы о здравіи и долголѣтіи его императорскаго величества султана Абдулъ-Гамидъ-хана, во-вторыхъ, мы призываемъ васъ молиться въ домахъ вашихъ и церквахъ о томъ, чтобы Господь даровалъ силы и побѣду храброму и доблестному оттоманскому воинству, дабы, отразивъ нападеніе враговъ, оно водворило миръ и спокойствіе на прочныхъ началахъ.

«Такъ какъ враги имперіи и ея подданныхъ употребятъ, безъ сомнѣнія, всѣ усилія къ тому, чтобы нарушить спокойствіе болгаръ и возбудить распри и отчужденіе между нами и нашими мусульманскими соотечественниками, съ цѣлью поколебать, такимъ образомъ, благоволеніе къ намъ императора, то мы убѣдительно совѣтуемъ вамъ отклонять всѣ внушенія людей злонамѣренныхъ, не слушать ихъ льстивыхъ и

зловредныхъ совѣтовъ, а равно не довѣрять всѣмъ слухамъ, распространяемымъ съ цѣлью внушить вамъ страхъ передъ событіями, которыя должны совершиться неминуемо и поколебать вашу увѣренность въ томъ, что вы пользуетесь полнѣйшей безопасностью.

«Имѣйте полное довѣріе къ правительству, которое никогда не отказывало и, несмотря на теперешнее затруднительное положеніе дѣлъ, никогда не откажетъ принять самыя строгія мѣры къ тому, чтобы обезпечить вашу жизнь, ваше имущество и честь вашу [1]).

«Любите другъ друга, живите въ мирѣ и согласіи съ вашими мусульманскими сосѣдями, ибо они намъ также братья, сыны одной съ нами родины. Какъ вѣрные подданные султана, радѣя о славѣ и спокойствіи нашей общей родины, будьте готовы на всякую жертву, чтобы упрочить эту славу и спокойствіе имперіи. Слѣдуя этимъ совѣтамъ, мы будемъ достойные сыны отечества и государства и дадимъ императорскому правительству возможность съ честью и славою выйти изъ теперешнихъ затруднительныхъ обстоятельствъ и упрочить на всемъ пространствѣ имперіи миръ и тишину, столь необходимые для развитія и благоденствія его подданныхъ.

«Да услышитъ Господь мои молитвы и да сохранитъ Онъ султана и его имперію!»

Этотъ же митрополитъ Григорій, сдѣлавшійся софійскимъ митрополитомъ послѣ Мелетія, сосланнаго въ Рыльскій монастырь, держалъ себя крайне вызывающимъ образомъ по отношенію къ генералу Л. Н. Соболеву, бывшему министромъ внутреннихъ дѣлъ княжества. Когда распоряженіями болгарскихъ министровъ Мелетія схватили и, не давъ возможности собраться въ дорогу, посадили верхомъ и увезли съ жандармами, генералъ Соболевъ, возмущенный такимъ насиліемъ, распорядился вернуть Мелетія въ Софію на нѣсколько дней, чтобы дать ему возможность привести въ порядокъ его дѣла. Григорій явился къ Соболеву и въ дерзкихъ выраженіяхъ порицалъ распоряженіе нашего генерала. Въ разговорѣ по этому поводу генералъ Соболевъ сказалъ: «я не знаю государства, гдѣ митрополитовъ ссылаютъ съ жандармами».

— А я знаю,—возразилъ Григорій,—это Россія [2]).

Изъ сказаннаго видно, что одинъ изъ выдающихся болгаръ, и при томъ высокаго духовнаго сана, мѣнялъ свои рѣчи и взгляды смотря по

---

[1]) Такимъ образомъ болгарскій митрополитъ расходился во взглядахъ на болгаръ съ самими турками, которые видѣли въ болгарахъ райю, существо низшее, котораго имущество, жизнь и честь вовсе не стояли на одной высотѣ съ оттоманами.

[2]) Смот. „Русская Старина“ 1886 г. сентябрь: „Къ новѣйшей исторіи Болгаріи“ Соболева.

обстоятельствамъ. Будучи изъ личныхъ видовъ туркофиломъ, Григорій не постѣснился сдѣлаться руссофиломъ, когда наша взяла, а затѣмъ, когда князь Александръ уже не считалъ нужнымъ болѣе скрывать свои антирусскія чувства, Григорій снова вернулъ себѣ свой первоначальный видъ руссофоба.

Къ сожалѣнію, онъ былъ не одинъ. Симеонъ, митрополитъ преславскій (шумленскій), былъ того же направленія; но будучи ловче, тоньше, воспитаннѣе, лавировалъ искуснѣе и попалъ даже во главу депутаціи, посланной въ Ливадію, для врученія князю Александру акта объ его избраніи.

26-го іюня князь отправился въ Тырновскій соборъ для слушанія молебствія передъ принесеніемъ присяги и былъ встрѣченъ тамъ блаженнымъ Анфимомъ, бывшимъ экзархомъ и много пострадавшимъ въ турецкихъ тюрьмахъ за Болгарію. Изъ собора князь направился въ Народное собраніе, гдѣ и принесъ торжественную присягу согласно формы, утвержденной болгарской конституціей, слѣдующаго содержанія: «Клянусь Всемогущимъ Богомъ свято и неуклонно соблюдать конституцію и законы княжества и во всѣхъ моихъ мѣропріятіяхъ имѣть въ виду единственно пользу и благо страны, въ чемъ да поможетъ мнѣ Богъ».

Князь Дондуковъ уѣхалъ въ Россію, при чемъ князь болгарскій назначилъ его шефомъ 9-й Тырновской дружины, получившей названіе Дондуковской; тогда же рѣшено было послать благодарственную депутацію отъ болгаръ государю императору. Объ отправленіи этой депутаціи князь Александръ телеграфировалъ государю уже изъ Плевны такъ: «Народное собраніе избрало депутацію, состоящую изъ бывшаго экзарха, одного архіепископа и четырехъ свѣтскихъ своихъ членовъ и поручило ей повергнуть къ стопамъ вашего императорскаго величества выраженіе чувствъ почтительной преданности и глубочайшей признательности всего болгарскаго народа за отмѣнныя благодѣянія, коими ваше величество столь великодушно изволили осыпать Болгарію. Присоединяясь отъ всего сердца къ единодушнымъ пожеланіямъ моего народа, я уполномочилъ эту депутацію отправиться въ Петербургъ къ 25-му іюля и просилъ князя Дондукова-Корсакова представить ее вашему императорскому величеству. Я также просилъ князя выразить вамъ, государь, съ моей стороны, все благоговѣніе, которымъ я проникнутъ къ августѣйшей особѣ вашего величества, и увѣрить васъ въ моей неизмѣнной признательности за милостивое покровительство, коимъ вы удостоиваете меня и мой народъ, въ минуту, когда мы вступаемъ въ новую эру нашего политическаго существованія. Господь да покровительствуетъ вашему величеству и да сохранитъ ваши драгоцѣнныя дни для счастія народовъ русскаго и болгарскаго».

Мы привели эту телеграмму цѣликомъ, признавая за ней значені

какъ за первой телеграммой, посланной княземъ болгарскимъ послѣ принесенія имъ присяги и совершившагося de facto вступленія въ княженіе и правленіе [1]). Если бы не было послѣдующихъ событій, приведшихъ Болгарію къ постепенному отчужденію отъ Россіи, то въ телеграммѣ этой ничего особеннаго не замѣтно; но при дальнѣйшемъ изложеніи, когда обрисуется отношеніе князя къ Россіи, невольно броситься въ глаза, что съ самаго вступленія своего на болгарскую землю князь Александръ, во всѣхъ своихъ поступкахъ, рѣчахъ, разговорахъ тщательно отдѣлялъ государя отъ Россіи, систематически игнорируя послѣднюю.

Такъ и въ приведенной выше телеграммѣ о Россіи не упоминалось, а кажется, многострадальная Плевна представляла изъ себя благодарную почву для воспоминанія о Россіи, пролившей не мало крови своихъ сыновъ именно на поляхъ Плевненскихъ,—крови, которая послужила въ то время къ благополучію князя Александра, изъ маленькаго неизвѣстнаго принца, затерянаго на страницахъ «Альманаха Готы», превратившагося во владѣтельнаго князя и поставившаго свой тронъ на нашихъ костяхъ и крови. Но князь всегда дѣлалъ совершенно обратное тому, что̀ дѣлали и дѣлаютъ наши цари: онъ тщательно и умышленно, подчеркивая даже, какъ увидимъ впослѣдствіи, отдѣлялъ государя отъ Россіи, «обожая»—какъ онъ самъ выражался,—перваго и закрывая глаза, а впослѣдствіи—ненавидя—вторую.

1-го іюля, въ воскресенье, совершился торжественный въѣздъ князя въ Софію.

П. Паренсовъ

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Собственно первая по счету телеграмма князя болгарскаго государю была изъ Тырнова, но она касалась только назначенія князя Дондукова шефомъ дружины.

Наблюденіе за приверженцами А. Суворова и Домбровскаго.

Рескриптъ императора Павла I--генералу Розенбергу.

30-го ноября 1797 г.

Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи Розенбергъ. Опредѣливъ васъ кіевскимъ военнымъ губернаторомъ, на мѣсто генералъ-фельдмаршала графа Салтыкова 2-го, соизволяю, чтобъ вы немедленно отправились къ назначенному вамъ мѣсту и, по прибытіи вступя въ отправленіе его должности, имѣли попеченіе: 1-е, о скорѣйшемъ окончаніи судовъ надъ тѣми, о коихъ производились у него слѣдствія; 2-е, о недопущеніи распространяться заразительной болѣзни; 3-е, о наблюденіи за всѣми тѣми, которые по дѣлу Домбровскаго въ окружностяхъ тамошнихъ открываться или существовать могутъ, и 4-е, бдительное смотрѣніе за чиновниками, бывшими при фельдмаршалѣ Суворовѣ, содержащимися въ Кіевѣ; да и въ общѣ о приведеніи въ точное исполненіе всего того, что отъ меня возложено было на предмѣстника вашего.

Также наблюденіе имѣть за пріѣзжающими и праздно-проживающими.

СУВОРОВСКІЙ МОСТЪ [1]).

Кому не извѣстенъ знаменитый переходъ Суворова, осенью 1799 г., чрезъ С.-Готардъ въ Швейцарію, гдѣ покинутая на произволъ судьбы своими союзниками австрійцами русская армія была окружена французами въ Муотаталь? Отсюда Суворовъ со своей арміей, стремясь къ соединенію съ русскимъ отрядомъ, находившимся въ Глярусѣ, минуя Швицъ, занятый сильнымъ войскомъ непріятеля, сдѣлалъ по истинѣ удивительный переходъ чрезъ большую возвышенность Прагельпассъ и Клёнталь къ Глярусу. До сихъ поръ чрезъ этотъ утомительный, то болотистый, то каменистый перевалъ проложена лишь жалкая тропа, и указатели для путешественниковъ по Швейцаріи единогласно признаютъ трудности восьмичасоваго пути между указанными пунктами Клёнталь и Муотаталь.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось провести часть лѣта въ Брунненѣ, на берегу озера Четырехъ Кантоновъ и въ нѣсколькихъ верстахъ разстоянія отъ мѣста описанной картины военныхъ дѣйствій Суворова. Въ нѣмецкомъ путеводителѣ Майера нѣсколько разъ обра-

---

[1]) Редакція получила эту статью при слѣдующемъ письмѣ почтеннаго академика Ив. Ив. Янжула:

Милостивый Государь
Николай Ѳедоровичъ.

Полагая, что всякая мелочь, сколько-нибудь могущая служить для исторической характеристики, имѣетъ значеніе, когда касается такихъ великихъ личностей, какъ нашъ народный герой генералиссимусъ князь А. В. Суворовъ Италійскій, позволяю себѣ сообщить вамъ одно небольшое воспоминаніе изъ моихъ путешествій по Швейцаріи, съ просьбой, если вы найдете въ немъ нѣкоторый интересъ—помѣстить на страницахъ редактируемаго вами почтеннаго изданія.

щалъ мое вниманіе Прагельпассъ съ указаніемъ о знаменитомъ переходѣ Суворова съ русской арміей и «Суворовскій мостъ» (Suworow Brücke), черезъ рѣку Муоту, гдѣ 19-го и 20-го сентября 1799 г. происходило побѣдоносное для русскаго оружія сраженіе съ французами, при чемъ мостъ переходилъ нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки, и затѣмъ, наши, преслѣдуя разбитаго непріятеля, временно заняли Швицъ и самый Брунненъ.

Въ прекрасное лѣтнее утро вмѣстѣ съ однимъ профессоромъ Кіевскаго университета мы доѣхали изъ Бруннена до Швица на почтовомъ долижансѣ, позавтракали тамъ и отправились пѣшкомъ въ селеніе Муоталь (верстъ 5 разстоянія) отыскивать упомянутый «Суворовскій мостъ» и осмотрѣть его окрестности. Долина, въ которой расположены Швицъ и Муоталь, представляетъ собой обширную лощину, окруженную съ трехъ сторонъ горами, которыя постепенно съуживаются къ вершинѣ трехъугольника, гдѣ находится именно селеніе Муоталь. На заднемъ фасѣ этой долины лежатъ отроги горы Риги, а впереди виднѣется ея вершина Шейдекъ. Слѣва, прямо противъ Швица, находится маленькое полузасыпанное (въ 1806 году) Ловерцельзее (во времена Суворова оно было гораздо больше, чѣмъ нынѣ), куда французы отступили 20-го сентября послѣ пораженія ихъ русскими подъ начальствомъ Ребиндера и Милорадовича, и виденъ проходъ къ Цугскому озеру; непосредственно Швицъ лежитъ у подошвы двухъ остроконечныхъ горъ Большаго и Малаго Митэ. Дальше по направленію къ Муотенской долинѣ слѣва возвышаются Глернскія Альпы, справа—Штосъ и Фрональпъ, а надъ нимъ цѣлая стѣна Урнскихъ Альповъ—мѣсто знаменитаго перехода нашей арміи въ 1799 г. Повсюду долина прорѣзана нынѣ прекрасными шоссе, изъ которыхъ многихъ во времена Суворова навѣрное не существовало. Мы быстро и легко дошли до Муоталь, но наши разспросы къ работавшимъ въ полѣ крестьянамъ о «Суворовскомъ мостѣ» встрѣчали лишь недоумѣніе; они не могли намъ сообщить, гдѣ именно по рѣкѣ Муотѣ этотъ мостъ находится, пока мы не встрѣтили наконецъ почтеннаго старика, протестантскаго пастора, какъ оказалось, изъ какой-то ближней деревни, кажется, Ибахъ. Пасторъ любезно удовлетворилъ наше любопытство. Онъ вызвался проводить насъ до моста, при чемъ, узнавши нашу національность и причину любопытства, вступилъ охотно въ продолжительную бесѣду и сообщилъ рядъ любопытныхъ воспоминаній изъ разсказовъ его стараго дѣда, которые съ дѣтства сохранились въ памяти почтеннаго пастора.

Дѣдъ его, по словамъ разскащика, также бывшій священникомъ въ томъ же самомъ приходѣ, хорошо помнилъ въ дѣтствѣ русскихъ и ихъ сраженіе съ французами и много и часто разсказывалъ ему о русскихъ. Вотъ что передалъ намъ этотъ пасторъ изъ воспоминаній своего

дѣда совершенно согласно съ тѣмъ, что̀ приводится по этому поводу въ извѣстномъ трудѣ Д. А. Милютина [1]). «Русскіе пришли въ ужасномъ видѣ послѣ страшныхъ трудностей своего геройскаго перехода черезъ Альпы: оборванные, грязные, многіе почти босые, страшно голодные, они были встрѣчены жителями, по разсказамъ пастора, съ предубѣжденіемъ и ужасомъ. Знакомые съ насиліемъ и произволомъ французскихъ солдатъ, жители прятали, по словамъ его, все, что̀ только могли, и ждали всего непріятнаго. Между тѣмъ оказалось, что дисциплина въ Суворовской арміи была такъ велика, что, по буквальному выраженію пастора, «русскіе не украли ни одной курицы у крестьянъ», за все платили деньгами, были очень любезны, ласкали дѣтей, которыя сначала ихъ очень боялись. Голодны они были настолько, что въ первый день прихода они не успѣвали варить картофель и капусту, которую любили, и грызли ихъ сырыми! Во время двухдневнаго сраженія мостъ чрезъ Муоту и всѣ окрестности его были усѣяны тѣлами людей и лошадей; будто-бы по мѣстамъ сама вода краснѣла отъ крови. Когда русскіе чрезъ Прагель ночью ушли въ Клёнталь, то французы долго не хотѣли этому вѣрить и идти вслѣдъ за ними не рѣшились».

«Суворовскій мостъ», къ которому насъ привелъ почтенный пасторъ, оказался по внѣшности обыкновеннымъ швейцарскимъ крытымъ мостомъ и при томъ новѣйшей постройки; старый настоящій «Суворовскій мостъ» лежалъ, по его словамъ, шаговъ двадцать вверхъ по теченію, и уже мѣсто его нахожденія, какъ мы убѣдились, успѣло совершенно зарости кустарникомъ,—вотъ и все, что̀ собственно намъ удалось услышать и узнать по поводу «Суворовскаго моста» отъ мѣстныхъ жителей этого пункта Швейцаріи.

Въ другой разъ мнѣ удалось быть, по другую сторону Прагельпасса, въ очаровательномъ Клёнталѣ, гдѣ русская армія, чрезъ узкій проходъ послѣ ея перехода изъ Муота, пробивалась въ жаркихъ схваткахъ съ французами въ Глярусъ. Тамъ мнѣ пришлось слышать нѣсколько разъ воспоминанія о русскихъ, особенно, когда туземцы узнавали, что видятъ предъ собою русскаго. Воспоминанія эти всѣ вращались вокругъ кладовъ, находимыхъ послѣ русскихъ. Разсказывали, что существуетъ упорное повѣріе, что Суворовъ, будто-бы, не имѣя возможности, такъ какъ много лошадей пало при переходѣ черезъ Прагель, везти всю артиллерію и обозъ, приказалъ побросать въ Клёнтальское озеро ящики съ деньгами или казну, которыхъ жители ищутъ на днѣ этого прекраснаго озера. Старая женщина въ гостиницѣ въ началѣ Клёнталя увѣряла меня, что она сама видѣла нѣсколько русскихъ монетъ, найденныхъ, будто-бы, въ озерѣ.

---

[1]) „Исторія войны 1799 г.“ т. II, стр. 277 и дал.

Много писалось, особенно послѣднее время, по поводу устройства памятника русскимъ воинамъ, павшимъ на С.-Готардѣ и въ сраженіяхъ на Чортовомъ мосту и его окрестностяхъ, но ничего не сообщалось о Муотаталь и «Суворовскомъ мостѣ [1])», который прославился не менѣе героизмомъ русскихъ войскъ,—поэтому льстимъ себя надеждой, что немногіе результаты нашей прогулки въ Муотаталь, сообщенные выше, не совсѣмъ безполезны и могутъ имѣть нѣкоторый интересъ, какъ мѣстное свидѣтельство о важномъ эпизодѣ нашей военной исторіи, которымъ мы по справедливости имѣемъ право гордиться.

Иванъ Янжулъ.

[1]) См. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ № 267, 30-го сентября.

Отрывки изъ записокъ бывшаго инженера.

(Характеристика тогдашнихъ нравовъ).

I.

Въ апрѣлѣ 1842 г. скончался графъ Толь. До назначенія новаго главноуправляющаго, корпусомъ путей сообщенія управлялъ генералъ Девятнинъ.

Стали говорить о назначеніи къ намъ графа Петра Андреевича Клейнмихеля, и, конечно, всѣ мы интересовались узнать, что это за личность. Мы приходили въ ужасъ отъ того, что о немъ разсказывали. Встрѣтившись разъ съ однимъ изъ его подчиненныхъ, чиновникомъ Короваевымъ, я спросилъ его: правда ли то, что разсказываютъ про графа Клейнмихеля?

— Не вѣрьте ничему. Это—я вамъ скажу—добрѣйшая, благороднѣйшая душа. Повѣрите ли, не разъ случалось, что онъ по утру выругаетъ меня послѣдними словами, а вечеромъ ничего не помнитъ и шутитъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Ну, а вы-то помните?

— Гм.... конечно; но дѣло въ томъ, что кого графъ выругаетъ напрасно, того непремѣнно наградитъ. Иной и нарочно напрашивается на крѣпкое словцо.

И вотъ, 11-го августа 1842 г. добрѣйшая, благороднѣйшая душа назначенъ къ намъ въ начальники.

Съ перваго же дня сталъ онъ ломать все старое и заводить новые порядки.

Въ короткое время преобразованы: канцелярія, штабъ, департаменты и учебныя заведенія, и учрежденъ новый департаментъ желѣзныхъ дорогъ. Вслѣдъ за тѣмъ вышло положеніе объ округахъ, введен-

ное на три года, въ видѣ опыта, и просуществовавшее почти безъ измѣненія до настоящаго времени.

Если прибавить къ этому дневные приказы графа Клейнмихеля по корпусу, выходившіе цѣльными тетрадями и содержавшіе въ себѣ всѣ его замѣчанія и распоряженія по работамъ—то нельзя не подивиться изумительной дѣятельности и способностямъ человѣка, не только не готовившаго себя въ инженеры, но получившаго самое поверхностное образованіе во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ.

Облеченный довѣріемъ къ нему государя, при неограниченной власти, графъ Петръ Андреевичъ дѣлалъ всѣ преобразованія по корпусу, не внося ихъ въ Государственный Совѣтъ, а докладывая прямо государю, и никто не смѣлъ протестовать противъ этого.

За преобразованіями пошли перемѣны въ личномъ составѣ служащихъ. Каждый день приносилъ новость. Увольнялись безъ прошеній и безъ объясненія причины; набирались въ корпусъ инженеровъ армейскіе офицеры; смѣнялись достойные и замѣщались ничтожествами. Памятна смѣна двухъ лучшихъ генераловъ, Девятнина и Готмана. Вмѣсто Девятнина Клейнмихель взялъ въ товарищи Рокасовскаго; вмѣсто Готмана директоромъ института назначилъ армейскаго генерала Энгельгардта.

Это послѣднее назначеніе страшно оскорбило служившихъ при институтѣ, привыкшихъ имѣть директорами людей ученыхъ, такихъ, какъ Базенъ, Потье, Готманъ. Слѣдующій случай былъ поводомъ къ этому странному назначенію.

Былъ при институтѣ ротный офицеръ Кострица, нелюбимый и презираемый кадетами. Звали они его «зеленымъ осломъ», и вотъ однажды шалуны нарисовали на доскѣ мѣломъ осла и подписали «зеленый оселъ». Дошло до Клейнмихеля; произведено строгое слѣдствіе; четверыхъ виновныхъ посадили въ карцеръ, и скоро вышло рѣшеніе: «Разжаловать въ солдаты, высѣчь передъ фрунтомъ и сослать на Кавказъ». Приговоръ привелъ въ исполненіе Рокасовскій. Разжалованнымъ надѣли солдатскія шинели, и затѣмъ Рокасовскій сказалъ: «Теперь вы солдаты, и васъ высѣкутъ». На это одинъ изъ несчастныхъ, Грошопфъ, возразилъ: «За что же двойное наказаніе?» При этихъ словахъ сдѣлалось движеніе между кадетами, но тутъ выскочилъ впередъ Севастьяновъ (помощникъ директора) и, вытаращивъ глаза, закричалъ: «Смирно!! это воля помазанника Божія!» Кадеты присмирѣли. Приговоренныхъ высѣкли; Грошопфа вдвое.

Клейнмихель рѣшилъ смѣнить Готмана. Нужно было назначить новаго директора. Онъ послалъ за другомъ своимъ, генераломъ Клингенбергомъ, директоромъ Павловскаго корпуса, и просилъ рекомендовать кого-нибудь. Клингенбергъ призадумался.

— Давай кого хочешь, лишь бы построже. Нужно подтянуть институтъ; тамъ страшная вольница!

Клингенбергъ вспомнилъ, что на-дняхъ пріѣхалъ въ Петербургъ генералъ Энгельгардтъ искать какого-нибудь мѣста.

— Возьми Энгельгардта. Онъ командуетъ юнкерами въ Новгородскомъ корпусѣ и держитъ ихъ круто.

— Пришли его, братецъ, сегодня.

Вечеромъ приходитъ Энгельгардтъ—маленькій, рыжій и лысый. Происходитъ слѣдующая сцена, описываемая со словъ чиновника Иванова, бывшаго личнымъ ея свидѣтелемъ.

— Здравствуйте, генералъ. Хотите служить у меня?

— Почту за счастье, ваше сіятельство.

— Ну, такъ завтра я васъ сдѣлаю директоромъ института.

Энгельгардтъ остолбенѣлъ.

— Да, какъ же это, ваше сіятельство?

— Очень просто: будете директоромъ, и только.

— Помилуйте, ваше сіятельство.....я вѣдь не кончилъ третьяго класса въ гимназіи.

— Экая мнѣ важность твоя гимназія! Я буду директоромъ, а ты будешь исполнять то, что я прикажу. А главное—строгость и строгость! Кадеты распущены! Заразились вольнодумствомъ, французскимъ духомъ. Я выбью этотъ духъ!

— Ваше сіятельство, позвольте подумать.

— Нечего тутъ думать, и что думать? Чего ты боишься? Ш—са знаешь?

— Директора института? Знаю.

— Дуракъ?

— Не могу знать, ваше сіятельство.

— Ну, такъ я знаю: дуракъ, набитый дуракъ, а вотъ же директоръ. А. Ш—ха знаешь?

— Знаю, директоръ.

— Оселъ?

— Должно быть такъ, ваше сіятельство.

— Я тебѣ говорю: оселъ. А рыжую собаку С—ера знаешь?

— Слыхалъ о немъ, ваше сіятельство.

— Ну, этотъ уже совершенный болванъ. И вотъ же всѣ три директоры, и отличные директоры. Нечего тебѣ бояться. Завтра же доложу о тебѣ государю.

— Слушаю, ваше сіятельство.

На завтра Энгельгардтъ былъ директоромъ института. Помощникомъ ему данъ штабсъ-капитанъ л.-гв. Литовскаго полка Гогель, женатый

на родной сестрѣ жены Энгельгардта, человѣкъ умный и порядочно образованный.

Назначеніе Энгельгардта обидѣло всѣхъ служившихъ при институтѣ. Не обидѣлся одинъ Севастьяновъ и на слѣдующій день въ 7 часовъ утра отыскалъ своего новаго начальника, на чердакѣ одной изъ петербургскихъ гостиницъ. Явившись къ нему, онъ просилъ позволенія представить подчиненныхъ. И вотъ въ 11 часовъ утра собрались они въ институтскомъ залѣ. Вошелъ Энгельгардтъ; неловко раскланялся и, подойдя къ подполковнику Соболевскому, сконфуженный и красный, какъ ракъ, сталъ что-то бормотать, чего никто не разслышалъ. Затѣмъ перешелъ онъ въ офицерскіе классы и тутъ уже развязнѣе обратился къ офицерамъ съ рѣчью, прося ихъ быть съ нимъ откровенными и, имѣя нужду, обращаться прямо къ нему или къ его помощнику.

Энгельгардтъ, помня наставленіе Клейнмихеля, принялся круто за обучающихся офицеровъ. Въ числѣ разныхъ строгостей, онъ ввелъ одну, которая возмутила офицеровъ. Онъ приказалъ всѣхъ опаздывавшихъ къ перекличкѣ арестовать при институтѣ на воскресенье. Арестантская помѣщалась подъ кабинетомъ Энгельгардта, и арестованные, числомъ иногда болѣе 20-ти, шумѣли днемъ и ночью, кричали, пѣли и не давали покоя директору. Тогда онъ объявилъ въ дневномъ приказѣ, что если офицеры не будутъ вести себя чинно, то онъ будетъ сажать ихъ на хлѣбъ и на воду. Пришелъ самъ и велѣлъ при себѣ читать приказъ. Когда дошло до хлѣба и воды, офицеры вскрикнули: «Никогда этого не будетъ». И затѣмъ одинъ, Августиновичъ, подскочивъ къ Энгельгардту, сталъ его ругать и замахнулся.

Другіе, схвативъ шляпы, бросились въ дверь съ крикомъ и бранью. Бунтъ былъ въ полной формѣ. Когда Энгельгардтъ побѣжалъ съ жалобою къ Клейнмихелю, тотъ его выругалъ и прогналъ.

Вечеромъ Клейнмихель потребовалъ къ себѣ Августиновича; весьма благообразнаго мальчика. Тотъ сказалъ ему смѣло, что онъ и его товарищи не могли перенести сдѣланнаго имъ оскорбленія и прибавилъ:

— Вы сами, ваше сіятельство, на нашемъ мѣстѣ, поступили бы, какъ мы.

— Какъ ты смѣешь это говорить, негодный поросенокъ. Пошелъ вонъ!

Но когда онъ ушелъ, Клейнмихель сказалъ окружающимъ:

— Славный мальчикъ. И по дѣломъ этой рыжей собакѣ.

Несмотря на то Августиновичъ былъ сосланъ на Кавказъ.

Но не поздоровилось и Энгельгардту. Клейнмихель запретилъ ему опредѣлять малѣйшее наказаніе офицерамъ и не принималъ его иначе, какъ вмѣстѣ съ Гогелемъ.

Вслѣдъ за тѣмъ случилось происшествіе, которое еще болѣе возмутило Клейнмихеля.

Одинъ изъ обучающихся офицеровъ, Янковскій [1]) идя по узкому тротуару, въ Морской, съ опущенною внизъ головою, по случаю мятели, наткнулся на высокаго роста офицера, который толкнулъ его такъ сильно плечомъ, что Янковскій слетѣлъ съ тротуара. Оба остановились.

— Это что такое?

— А что?

Офицеръ разстегнулъ шинель и показалъ генеральскій эполетъ. Янковскій приложился къ шляпѣ и сказалъ:

— Извините, ваше превосходительство.

— На главную гауптвахту!

Янковскій пришелъ на гауптвахту и просилъ арестовать себя.

Дежурный офицеръ сказалъ, что на главную гауптвахту посылаетъ только государь.

— Ну, такъ, вѣроятно, это былъ государь.

— Да развѣ вы не знаете государя императора?

— Не знаю.

Государь послалъ за Клейнмихелемъ и разсказалъ ему о случившемся. Тотъ пришелъ въ ужасъ; потребовали Янковскаго въ кабинетъ государя.

— Какъ ваша фамилія?

— Янковскій.

— Что, графъ? Не говорилъ я вамъ, что это полякъ? Знаете ли, молодой человѣкъ, что́ я могу съ вами сдѣлать? Знаете ли вы, что я могу васъ раздавить какъ червяка?

— Знаю, ваше величество.

— Знаете? Такъ знайте же, что вы слишкомъ ничтожны—и я васъ прощаю.

Янковскій поклонился и ушелъ. Клейнмихель сказалъ ему шепотомъ: «подождите въ пріемной». Выйдя изъ кабинета, онъ зашипѣлъ:

— Что ты сдѣлалъ, несчастный! Что ты сдѣлалъ! Повѣсить тебя—мало! Колесовать, четвертовать—мало! Знаешь ли ты, что́ теперь ожидаетъ тебя?

— Какъ не знать, ваше сіятельство. Мнѣ нельзя служить, и я выйду въ отставку.

— Въ отставку? Дамъ я тебѣ отставку! Нѣтъ, я тебя на службѣ въ гробъ уложу!

На слѣдующій день Клейнмихель пріѣхалъ въ институтъ, собралъ офицеровъ и съ пѣною во рту сталъ ихъ ругать:

— Бунтовщики! Каторжники! Начали ослушаніемъ начальству

[1]) Въ запискахъ Корфа онъ названъ Янкевичемъ. См. „Русск. Старину“ 1899 г., № 12, стр. 513.

и кончили преступленіемъ, противъ кого? противъ священной особы государя императора!.. Знаете ли вы, что такое государь? Понимаете ли вы, кто онъ такой?..... Я объ одномъ жалѣю, что государь императоръ вырвалъ у меня изъ рукъ этого негодяя... Я бы изорвалъ его въ куски!

Энгельгардту и тутъ досталось:

— Ты не генералъ; ты глупая, кислая баба! Ты не умѣешь держать этихъ мерзавцевъ! Но я задамъ вамъ всѣмъ! Я вамъ покажу, что такое графъ Клейнмихель!

II.

Преобразовывая все по вѣдомству путей сообщенія, графъ Клейнмихель задумалъ и преобразованіе института. Онъ потребовалъ отъ институтскаго начальства проектъ новой учебной системы, указавъ, чтобы впредь принимались въ институтъ не старше 12-ти лѣтъ; на томъ основаніи, что, по его мнѣнію, только изъ дѣтей можно образовать послушныхъ и преданныхъ слугъ правительству. Сверхъ того, порѣшивъ уничтоженіе строительнаго отряда путей сообщенія, онъ приказалъ: впредь выпускать изъ института: болѣе способныхъ — въ инженеры, а негодныхъ — въ инженеры-архитекторы (!!). Составленіе проекта лежало на обязанности Севастьянова, завѣдывавшаго учебною частью; но это было ему не по силамъ, и онъ, вмѣсто требуемаго проекта, составилъ саженную таблицу росписанія уроковъ (!) и представилъ ее Энгельгардту. Какъ ни несвѣдущъ былъ въ этомъ дѣлѣ Энгельгардъ, однакожъ понялъ, что это что-то не такъ. Призвавъ къ себѣ секретаря конференціи института (имъ былъ капитанъ Ястржембскій), онъ спросилъ его мнѣніе. Тотъ прямо сказалъ, что за эту таблицу достанется отъ графа и Энгельгардту, и Севастьянову, и конференціи. Энгельгардтъ поручилъ Ястржембскому составить проектъ. Уломать Севастьянова не было возможности, и проектъ представленъ за подписью одного Энгельгардта. Графъ прочелъ внимательно; быстро взглянулъ на Энгельгардта и спросилъ:

— Кто писалъ проектъ?

— Конференція института.

— Вижу; но въ конференціи кто?

— Одинъ изъ профессоровъ, капитанъ Ястржембскій.

— Скажи ему «спасибо». Проектъ составленъ дѣльно.

Черезъ нѣсколько дней вышло «Положеніе о новой учебной системѣ въ институтѣ». По этому «Положенію», курсъ раздѣлялся на общій и спеціальный. Для общаго—назначались четыре класса, для спеціаль-

наго—два инженерные и два архитекторскіе. Къ прежнимъ курсамъ прибавлены статистика и законовѣдѣніе, и къ языкамъ французскому и нѣмецкому—англійскій.

Приведеніе въ исполненіе новой учебной системы возложено на полковника Языкова. Севастьяновъ сдѣланъ членомъ совѣта.

Яковъ Александровичъ Севастьяновъ управлялъ учебною частью въ институтѣ съ 1836 по 1842 гг., и управлялъ самымъ несчастнымъ образомъ. Онъ сдѣлалъ много зла институту, и совершенною своею недѣятельностью, и страстью выпускать на службу какъ можно болѣе офицеровъ. Подъ вліяніемъ этой страсти, онъ негодовалъ на профессоровъ, ставившихъ дурныя отмѣтки воспитанникамъ, и всячески способствовалъ переводу ихъ изъ класса въ классъ. Ученіе шло дурно, и въ семь лѣтъ управленія Севастьянова выпущено на службу много офицеровъ, не заслуживавшихъ званія инженера. А между тѣмъ Севастьяновъ былъ убѣжденъ, что сдѣлалъ много для пользы института. Помнится, разъ, на званомъ вечерѣ у Ф. И. Таубе, за ужиномъ, Севастьяновъ сталъ нахально хвастать своими подвигами.

— Подумаешь, что̀ сдѣлалъ въ семь лѣтъ для института: прогналъ французовъ; водворилъ русскій духъ; выпустилъ на службу 400 офицеровъ! Вѣдь это баталіонъ солдатъ!

Сидѣвшій насупротивъ его молодой профессоръ, болѣе другихъ сознававшій вредъ, причиненный Севастьяновымъ, не выдержалъ и сказалъ:

— Въ томъ-то и бѣда, что вы выпустили на службу солдатъ, вмѣсто инженерныхъ офицеровъ.

Бѣшеный Севастьяновъ схватилъ ножъ и черезъ столъ кинулся на дерзкаго. Тотъ уклонился.

— Завтра же иду къ графу, и тебѣ лобъ забреютъ за эти слова.

— Лобъ бреютъ сумасшедшимъ, а я не рѣзалъ себѣ горла.

Намекъ былъ на то, что Севастьяновъ однажды рѣзался, въ припадкѣ бѣлой горячки, отъ невоздержной жизни.

Эти слова поразили его какъ громомъ. Онъ упалъ на стулъ въ изнеможеніи.

Всѣ были возмущены этою грязною сценою.

Было время, что Я. А. Севастьяновъ имѣлъ нѣкоторыя заслуги по институту. Въ молодости своей онъ перевелъ весьма дѣльное руководство начертательной геометріи, Потье, и потомъ, сдѣлавшись профессоромъ, издалъ многотомное—весьма посредственное—сочиненіе о начертательной геометріи и ея приложеніяхъ. Но этимъ и ограничилась его ученая дѣятельность. Съ тѣхъ поръ онъ пересталъ заниматься и хвасталъ тѣмъ, что ничего не читаетъ. Какъ профессоръ, онъ отличался самымъ усыпительнымъ изложеніемъ

своего предмета; какъ начальникъ учебной части, онъ былъ ниже всякой посредственности. Онъ положительно ничѣмъ не занимался. Отъ скуки дома приходилъ въ инспекторскую и все время пробавлялся пошлыми шутками. Утро проходило еще кое-какъ, но послѣ обѣда онъ былъ невыносимъ и нерѣдко безобразенъ.

Клейнмихель, сдѣлавъ его членомъ совѣта, вздумалъ было дать ему порученіе и пожалѣлъ объ этомъ. Случилась остановка судоходства на Цнѣ. Клейнмихель призываетъ Севастьянова и обращается къ нему съ слѣдующими словами:

— Генералъ, я дамъ вамъ важное порученіе. На Цнѣ обмелѣлъ караванъ съ хлѣбомъ, назначеннымъ въ Петербургъ. Вы отправитесь немедленно въ Тамбовъ и возстановите судоходство. Я на васъ надѣюсь и посылаю васъ, какъ самого себя.

Севастьяновъ ничего не понялъ; онъ удержалъ только въ памяти, что Клейнмихель посылаетъ его какъ самого себя.

Вечеромъ присылаетъ Клейнмихель узнать, уѣхалъ ли Севастьяновъ. Онъ спалъ послѣ обѣда. Отвѣчали, что сейчасъ уѣзжаетъ; послали за лошадьми, уложили и отправили.

Севастьяновъ ѣхалъ не торопясь. Просиживалъ на станціяхъ по нѣсколько часовъ и пріѣхалъ въ Тамбовъ, когда уже мѣстные инженеры распорядились сами и отправили караванъ. Пробывъ нѣкоторое время въ Тамбовѣ, онъ воротился и явился къ Клейнмихелю, который поблагодарилъ его за исполненіе порученія. Ослѣпленный ласковымъ пріемомъ, Севастьяновъ сказалъ:

— Ваше сіятельство, отправляя меня, сказали, что посылаете меня какъ самого себя, и я твердо это помнилъ. Вы—правая рука государя; вы—царскій глазъ, и я смотрѣлъ на все, какъ смотрѣли бы вы. Въ проѣздъ мой въ Тамбовъ и обратно, я обнаружилъ много безпорядковъ, много злоупотребленій и считаю долгомъ моимъ представить докладныя записки: вамъ, министру внутреннихъ дѣлъ и министру юстиціи. Я составлю эти записки по моей записной книжкѣ.

Клейнмихель увидѣлъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и сказалъ:

— Это хорошо; это дѣло. Но записки министрамъ предварительно покажите мнѣ.

Севастьяновъ вышелъ въ восторгѣ и зашелъ въ институтъ, гдѣ было нѣсколько офицеровъ. Онъ разсказалъ имъ о своемъ разговорѣ съ Клейнмихелемъ, и одинъ изъ нихъ шутя спросилъ:

— Да какіе это безпорядки и злоупотребленія вы открыли?

— Какіе? А такіе, что за нихъ три губернатора на смѣну; десять исправниковъ и шесть городничихъ подъ судъ и въ Сибирь.

— Господи! Да какъ же вы успѣли обнаружить это проѣздомъ?

— Какъ? А вотъ какъ. Пріѣдешь въ городъ, на станцію. Смотритель, есть самоваръ?

— Есть, ваше превосходительство.

— Подавай сюда. А другой есть?

— Найдется, ваше превосходительство.

— Подавай и другой. Зови всѣхъ: ямщиковъ, мужиковъ, купцовъ. Садитесь, братцы, и кушайте. Вотъ и пьютъ чай. Ну, и спрашиваешь: А что, братцы, каковъ у васъ городничій?

— Мошенникъ, ваше превосходительство.

— Городничаго сюда. Господинъ городничій, вы мошенничаете?

— Виноватъ, ваше превосходительство (трясется, бестія!).

— Хорошо, братъ! Въ записную книжку: такого-то числа, въ проѣздъ мой, и проч.—Ступайте!

— Ну, а исправникъ каковъ?

— Живодеръ, ваше превосходительство.

— Исправника сюда. Господинъ исправникъ, вы мошенничаете?

— Виноватъ, ваше превосходительство (трясется, каналья, какъ осиновый листъ).

— Хорошо, братъ! Такого-то числа, въ проѣздъ мой, и проч. Такъ вотъ какъ все открылъ! Небось, ловко!

— Ужъ какъ ловко! Уму непостижимо!

— То-то и есть. А вы вѣдь ничего не открыли. Вы, разумники, только нули ставить кадетамъ мастера!

Между тѣмъ, Клейнмихель не совсѣмъ былъ покоенъ. Онъ позвалъ Языкова и велѣлъ добыть записную книжку Севастьянова. Языковъ отправляется и застаетъ Севастьянова за стаканомъ пунша. Дипломатъ Языковъ начинаетъ осторожно, доводитъ разговоръ до записной книжки и выражаетъ желаніе взглянуть на нее. Севастьяновъ смекнулъ.

— Ахъ ты іезуитъ! Ишь, что вздумалъ. Небось, хочешь надуть. Дудки! Вотъ-те записная книжка.

И при этомъ дѣлаетъ выразительный жестъ.

Языковъ возвращается къ Клейнмихелю ни съ чѣмъ. Тотъ отпускаетъ ему крѣпкое словцо и посылаетъ за своимъ докторомъ.

— Поѣзжай къ Севастьянову, и во что бы ни стало, достань его записную книжку.

Докторъ застаетъ Севастьянова въ мундирѣ и въ шарфѣ, готовящагося ѣхать въ совѣтъ.

— Какъ ваше здоровье, ваше превосходительство?

— Плохо, докторъ: голова тяжела.

— Ну, это съ дороги. Вамъ нужно отдохнуть.

— Да, братъ, отдохнуть. Некогда; нужно ѣхать къ министрамъ.

— Ну, что-жъ, это можно сдѣлать и завтра, и послѣ завтра, а, между тѣмъ, я совѣтовалъ бы вамъ принять успокоительное лѣкарство.

— Плевать мнѣ на ваши лѣкарства. У меня свое лѣкарство на всѣ болѣзни.

— Какое же это, ваше превосходительство?

Севастьяновъ тащитъ доктора въ уголъ и показываетъ шкатулку.

— Это что жъ такое?

Севастьяновъ открываетъ шкатулку.

— Вотъ что!—бритвы! Это, братъ, панацея противъ всѣхъ болѣзней.

— Да, это хорошее средство, только въ крайнихъ случаяхъ. А вамъ нужны успокоительныя капли, послѣ волненія съ дороги.

— Ну, пожалуй, прописывай.

— Эти капли часто требуются, и я ихъ имѣю при себѣ.

— Ну, чортъ съ тобою, давай. И проглатываетъ весь пузырекъ. Это было самое сильное слабительное.—Докторъ уѣхалъ, а Севастьяновъ не успѣлъ уже съѣздить въ совѣтъ, такъ сильно подѣйствовало лѣкарство. Когда докторъ пріѣхалъ вечеромъ, Севастьяновъ лежалъ въ постели.

— А я въ вамъ, генералъ, съ порученіемъ отъ графа. Онъ проситъ васъ сегодня привезти ему какую-то записную книжку.

Слабымъ голосомъ Севастьяновъ отвѣчаетъ:

— Да, какъ же я поѣду. Вотъ развѣ что: возьмите книжку и свезите графу.

Клейнмихель нахохотался, читая «Записную книжку», и далъ себѣ слово не давать порученій Севастьянову.

III.

Графъ Клейнмихель ежегодно осматривалъ работы, дѣлалъ распоряженія на мѣстѣ, казнилъ и награждалъ, и обо всемъ писалъ подробно въ приказахъ по корпусу. Эти приказы остались интереснымъ памятникомъ и его дѣятельности, и его страшнѣйшаго произвола. Въ свое время, эти приказы читались всѣми, и ихъ можно было находить въ столичныхъ кондитерскихъ.

Завѣдывавшіе работами дрожали въ ожиданіи посѣщенія грознаго и своенравнаго начальника. Никто не могъ быть увѣреннымъ, что уцѣлѣетъ. Одно неосторожное слово, одинъ необдуманный отвѣтъ—часто губили человѣка.

Слѣдующее описаніе одного изъ путешествій графа Петра Андреевича дастъ понятіе о томъ, какъ онъ осматривалъ работы.

Это было въ 1849 году. Строилось шоссе отъ Острова, черезъ Витебскъ и Могилевъ до Бобруйска. Весною графъ предписалъ: работы кончить и шоссе открыть къ 1-му сентября. Отдавая приказаніе, онъ не спросилъ мѣстное начальство: есть ли возможность кончить работы къ назначенному сроку. Приказано—и должно быть исполнено. На дѣлѣ это оказалось невозможнымъ. Участокъ шоссе отъ Опочки до Городка, которымъ завѣдывалъ маіоръ Конради, не могъ быть конченъ, по причинѣ значительныхъ осадковъ земляного полотна, на болотистыхъ мѣстахъ. Клейнмихель, въ полной увѣренности, что приказаніе его не можетъ быть неисполненнымъ, въ августѣ мѣсяцѣ отнесся къ витебскому генералъ-губернатору, князю Голицыну, о переводѣ почтовыхъ лошадей на шоссе. Князь слыхалъ, что остается еще много работъ, и послалъ чиновника удостовѣриться на мѣстѣ, будетъ ли кончено шоссе къ 1-му сентября. Чиновникъ отнесся письменно къ Конради и получилъ отвѣтъ, что шоссе къ назначенному сроку не будетъ кончено. Голицынъ, ненавидѣвшій Клейнмихеля, поспѣшилъ представить въ подлинникѣ отзывъ Конради—министру почтъ, графу Адлербергу, бывшему тогда съ государемъ въ Варшавѣ.

Адлербергъ пріостановилъ переводъ лошадей на шоссе и доложилъ государю объ опрометчивомъ распоряженіи Клейнмихеля. Государь, на обратномъ пути изъ Варшавы, послѣ кончины великаго князя Михаила Павловича, встрѣтившись съ Клейнмихелемъ въ Островѣ, сдѣлалъ ему замѣчаніе.

Въ мрачномъ настроеніи ѣхалъ Клейнмихель осматривать новое шоссе. На встрѣчу ему выѣхали изъ Могилева начальникъ округа генералъ-маіоръ Четвериковъ и начальникъ отдѣленія подполковникъ Ястржембскій. Послѣдній, пріѣхавъ въ Витебскъ, озаботился пріисканіемъ квартиры для Клейнмихеля и съ этою цѣлью отправился къ князю Голицыну.

Случилось, что въ то самое время пріѣхалъ изъ Варшавы флигель-адъютантъ Лошкаревъ и привезъ извѣстіе, что государь пожаловалъ Андрея князю Горчакову, графу Адлербергу и Лидерсу, а старшему ихъ—Клейнмихелю—не пожаловалъ. Изъ этого можно было заключить о немилости государя къ Клейнмихелю, и Голицынъ былъ въ восторгѣ. Когда Ястржембскій сказалъ ему, за чѣмъ пришелъ, онъ отвѣчалъ небрежно:

— У меня нѣтъ квартиры для вашего графа. Не важная птица: помѣстится и въ гостиницѣ.

Ястржембскій отвѣчалъ:

— Хорошо, ваше сіятельство. Я пріищу и найму на свой счетъ квартиру, но вы позволите доложить объ этомъ графу Петру Андреевичу.

Съ тѣмъ и ушелъ.

Голицынъ спохватился и прислалъ полиціймейстера сказать, что Клейнмихель можетъ занять губернаторскій домъ.

Между тѣмъ, Клейнмихель пріѣхалъ въ Опочку. На площади ожидалъ его Четвериковъ съ офицерами и множество народа. Клейнмихель, выйдя изъ кареты и увидѣвъ Конради, подскочилъ къ нему, какъ разъяренный левъ, и закричалъ:

— Это Конради! Это тотъ Конради, который осмѣлился донести, что шоссе не будетъ кончено, тогда какъ я приказалъ, чтобы оно было кончено!.. Да какъ ты смѣлъ входить въ переписку съ постороннимъ вѣдомствомъ! Я жъ тебѣ этого не забуду.

Между Опочкою и Невелемъ на станціи Зарѣчье, назначенъ былъ обѣдъ. Графъ пріѣхалъ и сѣлъ за столъ съ Четвериковымъ, полковникомъ Серебряковымъ и подрядчикомъ Лярскимъ. Подали супъ. Вдругъ отворяется дверь, и входитъ Конради, съ подвязанною заячьею шкуркою щекою. Конради страдалъ тикомъ; день былъ сырой и холодный. Вошелъ и остановился у дверей. Клейнмихель вздрогнулъ. Обратившись къ Лярскому, онъ сказалъ со злостью: «Что-жъ, проси, когда пришелъ», Лярскій указалъ стулъ; Конради сѣлъ. Клейнмихель взглянулъ на него, бросилъ ложку и ушелъ въ другую комнату. Оттуда закричалъ: «Четвериковъ!» Тотъ побѣжалъ.

— Чтобъ его я больше не видѣлъ! Эдакая противная рожа! И еще морду подвязалъ зайцемъ! Передать шоссе Ястржембскому.

— Ваше сіятельство, Конради очень хорошій офицеръ.

— Ну, у тебя всѣ хороши, и самъ ты хорошъ! Сунь его куда хочешь; только отсюда—вонъ! Сдѣлай его своимъ товарищемъ—членомъ правленія, или какимъ хочешь чортомъ. Только отсюда—вонъ! Немедленно вонъ!

Судьба Конради рѣшилась.

Въ Невелѣ былъ ночлегъ. Отъ Невеля до Городка, во многихъ мѣстахъ шоссе не было кончено, и Клейнмихелю пришлось тащиться шагомъ по песчанымъ объѣздамъ. Сидя въ каретѣ съ Серебряковымъ, онъ бѣсился, ругалъ Четверикова и Конради и толкалъ своего безвиннаго сосѣда.

Обѣдъ былъ въ Городкѣ. Здѣсь его встрѣтилъ подполковникъ Ястржембскій.

— Здравствуй, мой профессоръ. Какъ же ты тутъ поживаешь [1]).

— Слава Богу, хорошо, ваше сіятельство.

— Я радъ, что начальникъ округа очень тобою доволенъ. А шоссе кончилъ?

---

[1]) Ястржембскій былъ назначенъ начальникомъ отдѣленія изъ профессоровъ института.

— Кончилъ, ваше сіятельство!

— Спасибо. А Конради не кончилъ. Ты примешь отъ него шоссе.

За столомъ сидѣлъ мрачный. Жаловался на нездоровье и ничего не ѣлъ. Видимо былъ огорченъ тѣмъ, что не получилъ Андрея.

Четвериковъ, прерывая молчаніе, сказалъ, что пришла мебель для новыхъ станцій.

— Гдѣ заготовляли мебель?

— Въ Москвѣ!

— Вѣрно, дрянь. Гдѣ я ее увижу?

— Между Витебскомъ и Оршею!

Въ Витебскъ пріѣхали вечеромъ. Голицынъ не встрѣтилъ графа, какъ то обыкновенно дѣлывалъ; пріѣхалъ черезъ четверть часа и поздоровался весьма развязно, какъ бы съ ровнымъ себѣ. Графъ сказалъ, что одинъ день пробудетъ въ Витебскѣ. Вѣжливость заставила Голицына пригласить его къ себѣ обѣдать.

Къ обѣду графъ пріѣхалъ въ сюртукѣ, извиняясь нездоровьемъ, почти ничего не ѣлъ и не пилъ. Когда лакей обносилъ вино, онъ прикрылъ рукою свою рюмку. Когда потомъ другой подошелъ съ другимъ виномъ, Голицынъ остановилъ его, сказавъ:

— Не нужно, онъ не пьетъ.

За обѣдомъ, Голицынъ нарочно завелъ разговоръ о пребываніи государя въ Варшавѣ и заставилъ Лошкарева разсказать, кому пожаловали Андрея. Клейнмихель молчалъ. Подали шампанское, и Голицынъ, едва приподнявшись со стула, предложилъ тостъ, такъ что мало кто и разслышалъ: «Здоровье графа Клейнмихеля».

Всѣ эти мелочи были замѣчены графомъ и его подчиненными, и онъ и они тотчасъ послѣ обѣда уѣхали.

Къ Четверикову собрались его офицеры и съ негодованіемъ говорили о выходкахъ Голицына, какъ вдругъ влетаетъ Серебряковъ, съ крикомъ:

— Ура! Графъ получилъ Андрея! Сейчасъ фельдъ-егерь привезъ собственноручный рескриптъ государя.

Радость была неописанная. Четвериковъ поскакалъ къ Голицыну. Онъ засталъ его въ кабинетѣ, въ халатѣ, передъ каминомъ и пріѣхалъ въ то именно время, когда Голицынъ и его адъютанты подтрунивали надъ Клейнмихелемъ.

— Извините, князь, что я пріѣзжаю въ такое время. Я хотѣлъ подѣлиться съ вами радостнымъ для насъ извѣстіемъ.

— Что такое, генералъ?

— Графъ Петръ Андреевичъ получилъ Андрея.

— Напрасно безпокоились, генералъ. Вашъ графъ не получилъ

Андрея. Получили: князь Горчаковъ, графъ Адлербергъ и Лидерсъ, а Клейнмихель не получилъ, да и не получитъ.

— Вы ошибаетесь, князь. Сейчасъ фельдъ-егерь привезъ собственноручный рескриптъ государя императора.

— Что такое?.. Собственноручный?!

— Точно такъ, ваше сіятельство.

— Да что жъ вы не сказали прямо! Человѣкъ! Николай! Мундиръ и шарфъ! Коляску поскорѣе... Ахъ, Боже мой, Боже мой, какъ бы не опоздать!..

Четвериковъ предложилъ своего извозчика, и на немъ, кое-какъ усѣвшись, толстый Голицынъ поскакалъ... Онъ влетѣлъ, запыхавшись, бросился на грудь къ Клейнмихелю... и зарыдалъ.

— Ваше сіятельство!.. ваше сіятельство!.. какъ я счастливъ!.. какъ счастливъ!.. что эту великую милость государя вы получили въ моемъ городѣ!.. Когда пришло фальшивое извѣстіе... я былъ въ отчаяніи... я не вѣрилъ... я не хотѣлъ вѣрить... и слава Богу, я не ошибся...

Клейнмихель позволилъ обнимать себя и цѣловать въ грудь и какъ медвѣдь лапами обнималъ Голицына, который продолжалъ хныкать.

— Успокойтесь, успокойтесь, князь. Благодарю, благодарю... Садитесь, пожалуйста.

— Боже мой, какъ я счастливъ! И правда ли, что государь прислалъ собственноручный рескриптъ?

— Правда, правда!.. Я только-что воротился отъ васъ, гдѣ вы меня такъ любезно угостили, какъ докладываютъ, что фельдъ-егерь привезъ письмо отъ государя. Ну, думаю, вѣрно, государь нашелъ какую-нибудь неисправность на шоссе отъ Острова къ Петербургу. Вскрываю конвертъ; темно. Подошелъ къ окошку: маленькая бумажка и на ней карандашемъ собственноручный рескриптъ государя императора!.. Тутъ я не выдержалъ!.. Слезы брызнули изъ глазъ... Господа! Вы меня знаете: я твердъ, и меня не проймешь, но тутъ... въ три ручья слезы!.. Такая милость, такое вниманіе, и въ какое время—когда государь опечаленъ потерею брата!.. Да, господа, не важны для меня награды—я ими осыпанъ; но важна милость царская, особое вниманіе ко мнѣ государя, вниманіе—котораго я не достоинъ!.. Вотъ я и теперь плачу.

— Вы недостойны? Вы, графъ, недостойны? Да вся Россія порадуется вмѣстѣ съ нами, узнавъ о вашей наградѣ,—говорилъ Голицынъ.

— Благодарю, благодарю, князь.

— Ваше сіятельство, позвольте взглянуть на рескриптъ.

Клейнмихель показалъ. Дрожащею рукою взялъ Голицынъ бумажку, перекрестился и поцѣловалъ.

— Ваше сіятельство, у меня къ вамъ покорнѣйшая просьба. Подарите намъ завтрашній день; позвольте отслужить въ соборѣ благо-

дарственный молебенъ и потомъ моимъ сослуживцамъ поздравить васъ.

— Хорошо, хорошо, я останусь еще на одинъ день въ Витебскѣ.

На слѣдующій день, въ 10 часовъ утра, церковь была переполнена. Голицынъ, въ шарфѣ, ожидалъ у входа. Для Клейнмихеля разостланъ былъ великолѣпный коверъ съ правой стороны, передъ Царскими вратами. Въ половинѣ одиннадцатаго вошелъ графъ Петръ Андреевичъ, слегка кивнулъ головою Голицыну, который низко поклонился, и сталъ у колонны съ лѣвой стороны. Одѣтъ онъ былъ въ старомъ сюртукѣ, безъ эполетъ. Голицынъ указалъ приготовленное для него мѣсто, но графъ остался на своемъ, а Голицынъ позади его. Молебенъ служилъ архіерей. По пропѣтіи многолѣтія «боляринуПетру», преосвященный вышелъ съ крестомъ. Клейнмихель не трогался съ мѣста, поднявъ голову вверхъ и осматривая фрески въ куполѣ. Голицынъ подошелъ и указалъ на ожидавшаго преосвященнаго. Клейнмихель сказалъ: «Вижу, вижу» и не торопясь подошелъ къ кресту.

Изъ собора всѣ отправились на квартиру Клейнмихеля. Онъ вошелъ съ Голицынымъ; всѣ низко поклонились.

— Благодарю, благодарю, господа.

Высунулся впередъ предсѣдатель казенной палаты Рубцовъ, съ рѣчью. Отхаркавшись и обтеревъ потъ съ лица, онъ началъ:

— Ваше сіятельство!.. Ваше сіятельство... Мы такъ счастливы... Ваше сіятельство... Тутъ онъ оборвался, и Клейнмихель, видя, что рѣчь не удалась, поблагодарилъ.

— Очень вамъ благодаренъ, господа. Очень радъ, что въ Витебскѣ получили извѣстіе о царской милости.

Подбѣжалъ Голицынъ.

— Ваше сіятельство, осчастливьте моихъ сослуживцевъ: позвольте имъ взглянуть на рескриптъ.

— Съ удовольствіемъ. Серебряковъ, принеси рескриптъ.

И, взявъ въ руки бумажку, обошелъ всѣхъ, показывая. Чиновники всматривались, и всѣ низко кланялись Клейнмихелю.

IV.

Выѣздъ въ Оршу назначенъ на слѣдующій день.

— Ну, теперь, все пойдетъ хорошо,—сказалъ Четвериковъ:—графъ счастливъ и всѣмъ останется доволенъ.

— Ну, теперь станетъ онъ насъ лупить,—отвѣчалъ Ястржембскій.— До сихъ поръ онъ былъ полумертвый и ничего не замѣчалъ. Теперь ожилъ и задастъ намъ.

*

Такъ и случилось.

Въ 6 часовъ утра у заставы дожидались: начальникъ округа, начальникъ отдѣленія и заставный офицеръ.

Подъѣхала карета. Графъ вышелъ; къ нему подошелъ заставный офицеръ съ рапортомъ. Онъ былъ въ шляпѣ и не зналъ, что въ послѣднее время военно-рабочимъ офицерамъ даны кивера. Графъ взглянулъ и спросилъ:

— Это что за форма?

Офицеръ молчитъ.

— Вы не знаете своей формы?

— Не знаю, ваше сіятельство.

— Хорошо!

Обращаясь къ начальнику отдѣленія:

— Вы не знаете формы для рабочихъ ротъ?

— Не знаю, ваше сіятельство.

— Прекрасно!

Начальнику округа:

— Вы не знаете формы рабочихъ офицеровъ?

— Не знаю, ваше сіятельство.

— Отлично! Превосходно! Отправьте офицера на гауптвахту. Держать его тамъ, пока не узнаетъ и не сдѣлаетъ себѣ новую форму.

Сказалъ, сѣлъ въ карету и ускакалъ. Въ Погребенку пріѣхалъ въ проливной дождь. На крыльцѣ дожидался съ рапортомъ толстый дистанціонный офицеръ, поручикъ Воронецъ, въ лѣтней, бѣлой формѣ. Клейнмихель выскочилъ изъ кареты; Воронецъ загородилъ ему входъ и брякнулъ, со всей силы, по-солдатски: «Вашему сіятельству»... Графъ, котораго дождь мочилъ, не далъ ему кончить, бросился въ дверь и сказалъ: «Дурракъ!».

Послѣ обѣда, къ которому не пригласилъ Воронца, графъ отправился дальше. Лило, какъ изъ ведра, а какъ Клейнмихель не сказалъ Воронцу надѣть рабочую форму, то бѣднякъ вынужденъ былъ въ шарфѣ, бѣлыхъ брюкахъ и въ шляпѣ ѣхать на перекладной. Онъ пріѣхалъ въ Гришаны промокшій до нитки.

Въ Гришанахъ случилась возмутительная сцена: тамъ была разставлена мебель, полученная изъ Москвы. Клейнмихель вошелъ, взглянулъ и сказалъ:

— Это новая мебель? Кто заготовлялъ?

— Маіоръ Штральманъ.

— Довольно скверная мебель.

Подошелъ къ креслу.

— Это стулъ? Это не стулъ, а стульчакъ: такъ и хочется сѣсть.

Подошелъ къ дивану.

— Какая гадость! Какая мерзость!

Хотѣлъ отодвинуть диванъ: не подается. Это его взбѣсило:

— Отвратительная мебель; и, конечно, эта дрянь дорого стоитъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство,—отвѣчалъ Четвериковъ:—для семи домовъ всего—4.500 р.

— Бумажками?

— Нѣтъ, серебромъ.

— 4.500 р. за эту гадость! Да вы съ Штральманомъ съ ума сошли! И для какого чорта было дѣлать орѣховую мебель!

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство, мебель березовая, выкрашенная подъ-орѣхъ.

Тутъ уже графъ потерялъ всякое самообладаніе.

— Какъ! березовая? въ моихъ домахъ, березовая мебель!!. Вонъ эту мерзость! Я не принимаю эту мебель. Отдать ее Четверикову и Штральману. Вонъ ее, сію же минуту!

Вскочилъ въ карету и уѣхалъ.

— Что? Павелъ Филипповичъ,—сказалъ Ястржембскій,—не говорилъ я вамъ? Охилъ звѣрь, и съѣстъ онъ насъ съ вами.

Въ Оршѣ былъ ночлегъ, и обиженный Четвериковъ не пошелъ за графомъ. Онъ прислалъ просить его съ офицерами къ чаю. Спохватившись, что далеко зашелъ, графъ сталъ шутить.

— Ай да Павелъ Филипповичъ, ай да мебельщикъ! Я доложу о тебѣ государю. А когда выстрою себѣ домъ въ Почепѣ, попрошу тебя меблировать.

Вотъ какъ обращался Клейнмихель съ подчиненными, и съ кѣмъ же, съ Четвериковымъ, лучшимъ изъ инженерныхъ генераловъ тогдашняго времени.

Да, не церемонился Клейнмихель и не задумывался надъ послѣдствіями: «гнулъ, не-парилъ, сломилъ—не тужилъ».

На слѣдующій день былъ обѣдъ въ Локутяхъ. Подъѣзжая за каретою графа, Четвериковъ съ Ястржембскимъ увидѣли на крыльцѣ губернатора Гамалѣя и помощника Четверикова, полковника Станевича. Увидѣвъ послѣдняго, Четвериковъ всплеснулъ руками. «Такъ и есть: Станевичъ сглупилъ». Дѣло въ томъ, что Станевичу слѣдовало дожидаться Клейнмихеля въ Могилевѣ, а онъ пріѣхалъ въ Локути на встрѣчу, какъ къ знакомому, разсчитывая на то, что Клейнмихель обласкалъ его въ Бѣлозерскѣ (въ 1846 году). Фамиліярность эта не понравилась Клейнмихелю; онъ подалъ руку губернатору, а Станевича оставилъ безъ вниманія. За столомъ Клейнмихель говорилъ со всѣми—съ Станевичемъ ни слова. Послѣ обѣда Станевичъ, любившій поѣсть, пошелъ въ смотрительскую доканчивать обѣдъ и занялся арбузомъ. Между тѣмъ, подали

лошадей, и графъ вышелъ на крыльцо. Надѣвая перчатки, онъ обратился къ Четверикову:

— Ты скажи этому толстопузому (Станевичу), что я давно собираюсь обрубить ему брюхо, а ужь волосы-то и подавно обрублю. Ишь какую отростилъ гриву. Выѣхалъ на встрѣчу старому знакомому! Да я его въ бараній рогъ скручу!..

Сказалъ, вскочилъ въ карету и уѣхалъ. Мы были поражены, какъ громомъ. Гамалѣя побѣжалъ въ смотрительскую:

— Болеславъ Фердинандовичъ, вы тутъ арбузъ кушаете, а тамъ графъ на васъ собакъ вѣшаетъ. И все это изъ-за волосъ—и точно у васъ сзади волосы слишкомъ длинны.

Между тѣмъ, Четвериковъ съ Ястржембскимъ ѣхали за графомъ и были увѣрены, что Станевичъ больше не покажется и подастъ въ отставку. Но они ошиблись. Пока они доѣхали до Могилева, по новому шоссе, Станевичъ успѣлъ опередить проселкомъ, и когда Клейнмихель, пріѣхавъ, вошелъ въ залъ дворянскаго собранія, Станевичъ стоялъ во главѣ офицеровъ, не только обстриженный, а чуть не выбритый. Клейнмихелю это понравилось. Подойдя къ нему и подавая руку, графъ сказалъ:

— Здравствуй, Станевичъ; какъ поживаешь?

Всѣ остолбенѣли. Кому было удивляться—Станевичу или Клейнмихелю?

На слѣдующій день, передъ отъѣздомъ въ Бобруйскъ, Клейнмихель, прощаясь съ Станевичемъ, сказалъ:

— Прощай, Станевичъ. Служи, какъ служилъ. Я тобою доволенъ. А форму нужно соблюдать. Вотъ и теперь у тебя темлякъ не по формѣ.

Скоро послѣ того, Станевичъ сдѣланъ начальникомъ округа и произведенъ въ генералъ-маіоры.

На дорогѣ въ Бобруйскъ, въ одномъ мѣстѣ остановилась карета Клейнмихеля.—Оказалось, что переднее колесо не вертится оттого, что гайка завинчена слишкомъ крѣпко. Долго возились, пока ее отвинтили. Графъ злился и толкалъ своего товарища въ каретѣ Серебрякова.

— Что жъ ты сидишь? Я зачѣмъ тебя вожу съ собою? Не можешь досмотрѣть, чтобъ подмазали экипажъ, какъ слѣдуетъ.

Пока возились съ гайкою, графъ увидалъ стоявшаго офицера Гюнтера.

— Что это за офицеръ?

— Подпоручикъ Гюнтеръ.

— Красивый малый. Хорошій офицеръ?

— Хорошій.

Онъ позвалъ его къ себѣ.

— Вы гдѣ воспитывались?

— Въ инженерномъ училищѣ.

— Отчего же перешли въ корпусъ путей сообщенія?

— Чтобъ имѣть счастье служить подъ начальствомъ вашего сіятельства.

Отвѣтъ понравился. Гюнтеръ произведенъ въ поручики.

Въ Бобруйскѣ Клейнмихель просидѣлъ три дня на почтовой станціи, дожидаясь присылки знаковъ Андрея, безъ которыхъ не хотѣлось ему ѣхать въ Брестъ и Варшаву. Ожидалъ напрасно. Да и оффиціальнаго рескрипта не дождался въ Бобруйскѣ. Напротивъ, прислали изъ Петербурга, прося возвратить бумажку, написанную государемъ карандашемъ, которая была заслана по ошибкѣ. Государь отдалъ ее дежурному флигель-адъютанту для отсылки Танѣеву, а флигель-адъютантъ, прочитавъ адресъ: «Клейнмихелю», послалъ съ фельдъ-егеремъ въ Витебскъ. Стало быть, слезы умиленія Клейнмихеля были напрасны, потому, что государь не имѣлъ и мысли посылать ему собственноручный рескриптъ.

Три дня пребыванія съ Клейнмихелемъ въ Бобруйскѣ были невыносимо тяжелы для Четверикова и его товарища. Наконецъ—назначенъ выѣздъ. Передъ самымъ выѣздомъ пріѣхалъ изъ Чернигова начальникъ работъ кіевскаго шоссе, подполковникъ Борейша. Шоссе строилось губернскимъ комитетемъ. Графъ спросилъ Борейшу:

— Вы зачѣмъ пріѣхали?

— Доложить вашему сіятельству, что комитетъ не можетъ выполнить контракта.

— Это что за извѣстіе?

— Въ смѣтахъ проставлены цѣны на камень по всей линіи взятыя изъ одного уѣзда, за неполученіемъ отъ другихъ. Теперь оказывается, что по другимъ уѣздамъ цѣны гораздо выше.

— А кто составлялъ смѣты?

— Я, ваше сіятельство.

— Ну, такъ вы и будете отвѣчать.

— За что же мнѣ отвѣчать, ваше сіятельство?

— Что такое? Ступайте вонъ! Вы болѣе не начальникъ работъ.

Борейша ушелъ. Обращаясь къ Четверикову, Клейнмихель сказалъ:

— Послать эстафету въ Лепель за Тимоѳеевымъ. Онъ будетъ вмѣсто этого католическаго попа (Борейши).

— Ваше сіятельство, Тимоѳеевъ не годится.

— Не твое дѣло. Я никогда не ошибаюсь въ моемъ выборѣ.

Тимоѳеевъ назначенъ. Борейша сошелъ съ ума. Потомъ нѣсколько оправился и вышелъ въ отставку.

Наступилъ выѣздъ. На крыльцѣ Четвериковъ вздумалъ было сказать комплиментъ Клейнмихелю.

— Жаль, ваше сіятельство, что вы такъ скоро насъ оставляете.

— Не ври, Павелъ Филипповичъ. И ты, и всѣ вы теперь думаете: слава Богу, что, наконецъ, уѣзжаетъ эта собака.

V.

Слѣдующій разсказъ заимствованъ мною изъ записокъ отставнаго инженеръ-полковника Я—га, бывшаго начальника отдѣленія въ Могилевскомъ округѣ.

Въ 1850 году мнѣ предстояло окончить шоссе отъ Могилева до Довска, построить шоссе въ Могилевѣ, перестроить плотину въ Бобруйскѣ и устроить шоссе по городамъ Городку и Невелю. На всѣ эти работы я повезъ проекты и смѣты въ Петербургъ.

Графъ Клейнмихель принялъ меня отлично и сказалъ, что прикажетъ департаменту проектовъ и смѣтъ немедленно разсмотрѣть мои соображенія. При этомъ онъ объявилъ мнѣ, что въ маѣ государь поѣдетъ въ Бобруйскъ.

— Смотри, чтобъ у тебя все было въ исправности.

— Шоссе у меня будетъ въ исправности, но...

— Что такое но?

— Станціи у меня неисправны.

— Что̀ такое? Почему неисправны?

— Потому, что мнѣ не отпускаютъ денегъ на содержаніе станціонныхъ домовъ.

— Развѣ я тебѣ долженъ давать деньги? На то есть правленіе.

— Я много разъ просилъ правленіе.

— И что̀ же?

— Оно представило вашему сіятельству, но вы не дали никакого отвѣта.

— Вѣрно, представленіе было сдѣлано глупо.

— Не могу знать, но безъ денегъ я не въ состояніи привести станціи въ порядокъ. У меня ихъ 27.

Клейнмихель вскочилъ съ мѣста и, подбѣжавъ ко мнѣ, съ сжатыми кулаками и съ пѣною во рту, закричалъ:

— Такъ я тебѣ скажу, что если государь найдетъ малѣйшую неисправность въ станціонныхъ домахъ, я тебя подъ судъ упеку—и ты пропадешь.

Сказавъ это, онъ сталъ ходить по кабинету большими шагами. Я молчалъ. Клейнмихель подскочилъ ко мнѣ снова.

— Ну, что жъ ты скажешь?

— Я скажу, что если ваше сіятельство не дадите средствъ на содержаніе станцій, то государь императоръ найдетъ ихъ въ неисправности.

Клейнмихель призадумался.

— Сколько тебѣ нужно денегъ?

— Вотъ записка, изъ которой вы изволите усмотрѣть, сколько денегъ я просилъ у правленія и сколько разъ писалъ объ этомъ.

Клейнмихель вырвалъ изъ рукъ записку и, не читая, написалъ на ней: «Департаменту хозяйственныхъ дѣлъ: отпустить немедленно испрашиваемую сумму». Затѣмъ, бросая мнѣ записку, онъ сказалъ:

— На! Деньги получишь. Но если станціи будутъ неисправны—ты солдатъ!

— Станціи будутъ въ совершенной исправности!

Буря прошла. Нужно было воспользоваться случаемъ.

— Ваше сіятельство, у меня къ вамъ покорнѣйшая просьба.

— Что такое?

— Въ прошломъ году вы изволили забраковать мебель въ станціонныхъ домахъ. Правленіе поручило мнѣ заготовить новую, и я осмѣлюсь покорнѣйше васъ просить утвердить образцы и цѣны.

— Ну, такъ! все долженъ дѣлать я. Пожалуй, составь рисунки и пріищи поставщика.

— Мнѣ рекомендовали какого-то Гассе, но я не знаю его.

Гассе, ставившій мебель для Московской желѣзной дороги, ставилъ ее и для графа.

— Гассе? Это очень хорошій поставщикъ; но ты торгуйся, потому что онъ страшно деретъ.

Я ушелъ и на слѣдующій день представилъ рисунки мебели и цѣны, выпрошенныя Гассе. Графъ одобрилъ рисунки, а съ цѣнъ сбавилъ немного. Я просилъ утвердить рисунки подписью.

— Это зачѣмъ?

— Департаменту нужно будетъ знать, что вы одобрили.

— Вѣдь ты скажешь?

— Я полагаю, этого будетъ недостаточно.

— Ну, пожалуй.

Подписалъ.

— Ваше сіятельство, позволите показать вамъ образцы мебели?

— Ну, ужь ты, братецъ, хочешь, чтобъ я все за тебя дѣлалъ. Впрочемъ, пожалуй, привези въ воскресенье утромъ.

Я привезъ и разставилъ въ залѣ. Графъ вышелъ и сталъ разсматривать.

— Зачѣмъ обиты ручки диванов?

— Чтобы проѣзжающему можно было прилечь.

— Такъ лучше подушки.

— Подушки, не прикрѣпленныя къ дивану, могутъ быть ута

— А ты-то зачѣмъ. Карауль. Впрочемъ, пусть будетъ по-твое

Въ это время вошла графиня, одѣтая въ церковь.

— Погоди, матушка. Видишь, занятъ. Все долженъ дѣлать Вѣдь эти господа и мебель выбрать не умѣютъ.

На слѣдующій день меня пригласили въ департаментъ прое и смѣтъ, и тамъ, въ одно засѣданіе, разсмотрѣли и утвердили вс проекты на нѣсколько сотъ тысячъ, потому что Клейнмихель прик все кончить въ одно засѣданіе.

Я надѣялся немедленно воротиться домой, но случилось инач

Черезъ два дня присылаетъ за мною графъ.

— Что ты это мнѣ представилъ? Смѣта на работы по городу гилеву въ 350 тысячъ? Тогда какъ Четвериковъ въ прошломъ на мѣстѣ, завѣрилъ меня, что работы обойдутся не дороже 15 сячъ.

— Если генералъ Четвериковъ завѣрилъ васъ въ этомъ, то сдѣлалъ это гадательно, потому что тогда еще и линія шоссе не назначена. Вы сами ее указали, и Четвериковъ не могъ знать, в обойдутся работы.

— Я не дамъ тебѣ болѣе полутораста тысячъ.

— Деньги даются не мнѣ. Съ торговъ, конечно, работы возь дешевле 350 тыс., но за какую сумму, этого я не знаю.

— Я тебѣ повторяю, что болѣе 150-ти тысячъ не дамъ, и ты дашь подписку, что работы не обойдутся дороже.

— Подобной подписки я дать не могу.

— Недашь?

— Не могу дать, ваше сіятельство.

— Ну, такъ я тебя не отпущу изъ Петербурга, пока не дашь писки.

— Въ этомъ ваша воля.

— Прощайте.

Шесть недѣль продержалъ меня Клейнмихель въ Петербургѣ. дневно я навѣдывался въ канцелярію и всякій день тотъ же от

— Его сіятельство ждетъ отъ васъ подписки.

Наконецъ, терпѣніе мое лопнуло. Наступала весна; я имѣлъ въ проѣздъ государя и сидѣлъ безъ дѣла. Я обратился къ писарю-до чику Леонову и просилъ его пособить мнѣ въ этомъ дѣлѣ.

— Приходите завтра въ канцелярію ровно въ 9 часовъ. В время графъ будетъ въ уборной и увидитъ васъ въ окошко.

Я пришелъ и видѣлъ Клейнмихеля, стоявшаго у окна. Ушелъ Леоновъ съ бумагами.

— Чего таскается этотъ господинъ въ канцелярію?

— Онъ ждетъ позволенія отправиться въ Могилевъ.

— Чорта съ два! Скажи ему, что не уѣдетъ, пока не дастъ подписки.

Леоновъ посовѣтовалъ мнѣ написать письмо къ графу. Я написалъ, объяснивъ необходимость возвращенія въ Могилевъ, въ виду ожидаемаго проѣзда государя. Леоновъ снесъ письмо и, возвратившись, улыбался.

— Ну, что?

— Ничего-съ.

— Однакожъ?

— Изволили разсердиться—изорвали письмо и бросили подъ столъ. Но это хорошій признакъ.

Въ часъ потомъ Леоновъ понесъ опять бумаги и, воротившись, сказалъ:

— Можете ѣхать.

— Какъ такъ? Позволилъ?

— Да-съ, изволили разрѣшить.

— Да какъ же это случилось?

— Ну, это все равно. Можете ѣхать.

— Однакожъ, я желалъ бы знать.

— Ну, что жъ. Изволили сказать: а эта каналья опять въ канцелярію. Скажи ему, что можетъ убираться къ чорту.

Я такъ обрадовался, что прямо изъ канцеляріи отправился за почтовыми лошадьми и уѣхалъ, ни съ кѣмъ не простившись.

Я воротился и дѣятельно принялся за приведеніе въ порядокъ шоссе и станцій.

6-го мая ожидали проѣзда государя черезъ Оршу. Я пріѣхалъ туда въ 5 часовъ утра и осмотрѣлъ переправу черезъ Днѣпръ. Дѣло въ томъ, что весенній ледоходъ поломалъ съѣзды къ переправѣ, и исправить ихъ не было возможности до спада воды. Я промѣрилъ глубину воды. До поломанныхъ частей оставалось еще 16 вершковъ, паромъ сидѣлъ въ водѣ на 8 вершковъ, и хотя вода падала всякій день на 4 вершка, но можно было надѣяться, что если государь пріѣдетъ сегодня, то переправимъ его благополучно. Въ то время, какъ я осматривалъ переправу, прискакалъ курьеръ съ письмомъ отъ Четверикова: «Ради Бога озаботьтесь переправою. Сейчасъ получилъ извѣстіе, что въ Яновѣ (около Ковно) дилижансъ упалъ въ воду съ подломившимися примостками къ парому».

Я осмотрѣлъ тщательно припаромки, сдѣлалъ распоряженіе не

правлять только почту и держать паромъ въ готовности у права
рега Днѣпра, и отправился по шоссе, по направленію къ Витебск
четвертой верстѣ отъ Орши я встрѣтилъ фельдъ-егеря, котор
вопросъ мой отвѣчалъ, что государь ѣдетъ вслѣдъ за нимъ. Я
тился поспѣшно и отправился къ парому. И что жъ я увидѣлъ? П
въ трехъ саженяхъ отъ берега и подойти не можетъ. Изъ воды
чатъ три бруса отъ поломанныхъ съѣздовъ!.. Я крикнулъ: «
бать...» Никакой возможности—вода уноситъ людей. Попробовал
дернуть брусья—невозможно: низкіе концы въ водѣ крѣпко дер
болтами. Къ счастью, случились на берегу солдаты, задержанные
правою.

— Братцы, пособите.

И я бросилъ имъ кошелекъ съ деньгами.

Они раздѣлись, бросились въ воду и зацѣпили, веревками,
торчавшихъ брусьевъ. Затѣмъ, съ припаромка начали дергать ве
то въ ту, то въ другую сторону. Съ большимъ трудомъ выде
одинъ брусъ. Въ это время раздалось «ура!» Значитъ, государь
ѣхалъ къ заставѣ, гдѣ перемѣняли лошадей. Другой брусъ дер
еще крѣпче. Его выдернули, когда прискакалъ городничій и сы
что государь велѣлъ ѣхать по городу шагомъ. Третій брусъ выде
въ то мгновеніе, когда на поворотѣ шоссе показались выносныя л
государя. Раздѣтые солдаты не успѣли надѣть рубашекъ и спрят
подъ припаромкомъ. Паромъ подошелъ, и ямщики, видя, что все г
стали спускаться по съѣзду. Я стоялъ на паромѣ. Въ это время
пришла страшная мысль: съ припаромка дергали веревками со
изо всей силы; припаромокъ лежалъ на клиньяхъ, которые подб
или ослабляли, смотря по высотѣ воды. Мнѣ пришло на мысль
если клинья вышли съ своихъ мѣстъ, припаромокъ, при ударѣ к
можетъ рухнуть... а у берега три сажени глубины!.. Задержать эки
государя не было времени... Я перекрестился мысленно, поручилъ
жену и дѣтей, и устремилъ взоръ на колеса экипажа. И вотъ они
ряютъ—и припаромокъ летитъ въ воду!... У меня потемнѣло въ
захъ... Я очнулся и вижу передъ собою государя въ экипажѣ, и
ромѣ.

Не припаромокъ упалъ, а я самъ, отъ испуга, покачнулся на
и меня поддержалъ мой офицеръ, Воронецъ, а мнѣ показалось
припаромокъ падаетъ.

Должно быть, я былъ блѣденъ, какъ мертвецъ, и государь, вѣрн
замѣтилъ. Онъ меня ласково спросилъ:

— Помѣстятся ли на паромъ всѣ мои экипажи?

Слышу и отвѣчать не въ состояніи: у меня языкъ сухъ, как

дошва. Государь повторилъ вопросъ. Я выжалъ слюну, чтобы смочить языкъ и хриплымъ голосомъ отвѣчалъ:

— Помѣстятся.

— Такъ, распорядитесь.

Я отошелъ, уставилъ всѣ экипажи и воротился на мѣсто.

Тогда начался разговоръ, продолжавшійся болѣе четверти часа, потому что Днѣпръ былъ въ разливѣ и вѣтеръ противный.

— Вы начальникъ шоссе?

— Точно такъ, ваше императорское величество.

— Отъ какого пункта?

— Отъ Опочки до Бобруйска?

— Отъ Опочки я ѣхалъ, какъ по садовой дорожкѣ. Прекрасное шоссе и отлично содержится.

Я поклонился.

— Что это за большое каменное строеніе въ Оршѣ, на поворотѣ къ парому?

Я понялъ вопросъ. Государь спрашивалъ о домѣ, забракованномъ Клейнмихелемъ, и вмѣсто котораго подрядчикъ, на свой счетъ, строилъ новую станцію. Отвѣтъ былъ затруднительный. Сказать правду значило сказать, что Клейнмихель самоуправно распорядился. Клейнмихель получилъ бы замѣчаніе, но, конечно, не простилъ бы мнѣ. Чтобъ имѣть время обдумать отвѣтъ, я спросилъ:

— Въ какомъ мѣстѣ, ваше императорское величество?

— А вотъ на первомъ поворотѣ, бѣлое, большое строеніе?

— Этотъ домъ предназначался на почтовую станцію перваго разряда.

— И что же?

— Графъ Петръ Андреевичъ, осматривая работы, нашелъ постройку неудовлетворительною, и тогда подрядчикъ просилъ оставить домъ въ его собственность, а вмѣсто него строитъ новую станцію.

— Что жъ подрядчикъ сумасшедшій? Вѣрно, жидъ?

— Никакъ нѣтъ. Подрядчикъ—Бенкендорфъ.

— Какой Бенкендорфъ?

— Двоюродный племянникъ графа Александра Христофоровича.

— Стало быть, подрядчикъ разоренъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше императорское величество, онъ отдаетъ домъ въ наемъ.

— Да кто найметъ такой домъ въ Оршѣ?

— Онъ нанятъ подъ присутственныя мѣста.

Государь посмотрѣлъ на сидѣвшаго подлѣ него наслѣдника и покачалъ головою.

— Почему здѣсь паромная переправа? Мнѣ помнится, я утвердилъ здѣсь мостъ?

Опять отвѣтъ былъ затруднительный. Дѣйствительно, государь повелѣлъ построить мостъ въ Оршѣ. Но Клейнмихель, пріѣхавъ на мѣсто, сказалъ: «Не нужно моста, довольно будетъ и паромной переправы».

Я отвѣчалъ:

— Переправа устроена временно. Мостъ предполагается устроить въ другомъ мѣстѣ. Его не строятъ по значительности потребной на это суммы.

— А сколько будетъ стоить мостъ?

— Тысячъ триста.

— Что такъ дорого?

— Дно Днѣпра каменистое, и мостъ приходится строить на каменныхъ устояхъ.

— Ну, триста тысячъ слишкомъ много для Орши.

Мы подъѣзжали къ берегу. Государь спросилъ:

— Что, и дальше идетъ шоссе?

— До самаго Бобруйска.

— И станціи готовы?

— До Могилева и станціи построены.

— Ого! Это хорошо. А шоссе укатано?

— Никакъ нѣтъ, ваше императорское величество. Шоссе открыто только осенью прошлаго года, и проѣзда почти никакого нѣтъ.

— Какъ такъ? Вѣдь это кіевскій и одесскій тракты?

— Точно такъ; но кромѣ почтовой гоньбы другой ѣзды здѣсь нѣтъ.

— А обозы?

— Обозы идутъ на Шкловъ, по грунтовой дорогѣ. Запретить нельзя. Мы дѣлаемъ, что можемъ: взимаемъ шоссейный сборъ; но возчики сборъ платятъ, а по шоссе не ѣдутъ.

— Нужно перекопать грунтовую дорогу.

— Это сдѣлать нельзя. Дорога соединяетъ Шкловъ съ Могилевомъ и съ Оршею.

— Это не хорошо. А впрочемъ, какая кому охота своими боками укатывать шоссе.

У самаго берега я отошелъ сказать перевозчикамъ, чтобы не разгоняли паромъ. Когда я возвратился, государь спросилъ:

— Какъ ваша фамилія?

— Я назвалъ себя. Государь, обращаясь къ наслѣднику, сказалъ вполголоса:

— Я говорилъ, что это полякъ.

Отправляясь въ путь, онъ сказалъ мнѣ:

— Спасибо. Прощайте.

Въ ночь пріѣхалъ государь въ Могилевъ. На переправѣ черезъ Днѣпръ явился къ нему губернаторъ съ рапортомъ. Государь сказалъ ему строго:

— У васъ безпорядокъ. У васъ объѣзжаютъ шоссе по грунтовой дорогѣ.

Когда, воротившись домой, я разсказалъ Четверикову объ опасности, какой подвергалъ государя на переправѣ, Четверикову сдѣлалось дурно. Онъ потребовалъ стаканъ холодной воды.

— Боже мой, Боже мой! Какъ это можно было подвергать государя такой опасности! Какъ же вамъ было не броситься, не остановить лошадей!

— Легко вамъ это говорить; а было ли время не только сдѣлать, а и подумать о томъ, что вы говорите.

Клейнмихель никогда не узналъ объ этомъ происшествіи. А досталось бы мнѣ!

VI.

Несмотря на строгости графа Петра Андреевича Клеймихеля, злоупотребленія по корпусу путей сообщенія не прекращались. Они бывали даже и въ округѣ, управляемомъ такимъ человѣкомъ, какимъ былъ Четвериковъ.

Павелъ Филипповичъ Четвериковъ управлялъ XI-мъ округомъ съ 1846 по 1850 годъ, и оставилъ послѣ себя память самаго честнаго, самаго благороднаго человѣка. Это былъ очень способный и необыкновенно трудолюбивый человѣкъ, но чудакъ и страшнѣйшій педантъ. Онъ мучилъ своихъ подчиненныхъ, и своею аккуратностью, и тѣмъ, что, работая самъ по цѣлымъ ночамъ, никому изъ нихъ не давалъ покоя. Обыкновенно онъ садился за серьезную работу въ 10 часовъ вечера и всю ночь разсылалъ курьеровъ то затѣмъ, то за другимъ. Работалъ до 6-ти часовъ утра, потомъ, отдохнувъ, шелъ въ правленіе; въ пять часовъ обѣдалъ, ложился отдыхать и въ 10 часовъ опять за ночную работу.

При Четвериковѣ производились огромныя шоссейныя работы: отъ Малоярославца до Бобруйска (500 верстъ); отъ Опочки до Довска (450 верстъ); отъ Рославля до Витебска (225 верстъ). Главнымъ подрядчикомъ былъ Александръ Александровичъ Вонлярлярскій; онъ имѣлъ милліонные подряды, сорилъ деньгами на всѣ стороны, позволялъ наживаться своимъ управляющимъ и кончилъ самъ почти нищетою.

Главнымъ его управляющимъ былъ Ѳедоръ Богдановичъ Гуюсъ—проныра и весьма ловкій нѣмецъ. Онъ составилъ себѣ огромное состояніе, пользуясь безграничнымъ довѣріемъ Лярскаго и милостями графа Клейнмихеля. Начальниками работъ у Лярскаго были два брата: Николай и Дмитрій Никитины. Какъ попали Никитины въ управляющіе работами—уму не постижимо. Можно объяснить это только слабостью характера Четверикова и желаніемъ Лярскаго и Гуюса имѣть начальниковъ работъ, которые бы имъ ни въ чемъ не мѣшали. Бездарность Никитиныхъ была всѣмъ извѣстна. Особеннымъ ничтожествомъ отличался Николай.

До назначенія своего въ Могилевъ Четвериковъ былъ въ Смоленскѣ, въ слѣдственной коммиссіи по дѣлу о постройкѣ шоссе отъ Смоленска до Соловьева перевоза. Въ Смоленскѣ онъ познакомился съ Никитиными, и карточная игра сблизила его съ ними. Четвериковъ имѣлъ хорошее состояніе. Ему съ братьями и сестрами отецъ оставилъ 1.000 душъ и 700 тысячъ капитала въ ломбардныхъ билетахъ. Деньги эти хранились у Павла Филипповича. До прибытія въ Смоленскъ, Четвериковъ не игралъ вовсе въ карты. Когда смоленскіе шулера узнали, что у Четверикова 700 тысячъ, они порѣшили обобрать его. Онъ бывалъ на вечерахъ, гдѣ происходила игра, но картъ въ руки не бралъ. Какъ-то разъ уговорили его поставить карту. Онъ поставилъ 25 руб. и выигралъ. Поставилъ другую и выигралъ; третію—тоже. Кончилось тѣмъ, что онъ въ тотъ вечеръ выигралъ 1.000 руб. Съ тѣхъ поръ Четвериковъ сталъ играть и въ короткое время проигралъ всѣ 700 тысячъ. И вотъ въ это время онъ сблизился съ Никитиными, записными игроками, и когда его сдѣлали начальникомъ округа, онъ, по просьбѣ Лярскаго, сдѣлалъ Никитиныхъ управляющими работами. Оба брата положительно ничего не дѣлали: пили, играли въ карты и обирали Лярскаго, который впрочемъ мало о томъ заботился. Въ особенности отличался Николай, такъ что наконецъ Гуюсу не достало терпѣнія, и онъ порѣшилъ избавиться отъ грабителя. Пошла интрига. Борисовъ, помощникъ Никитина, сдѣлалъ на него грязный, но слишкомъ глупый доносъ, который не подѣйствовалъ на Четверикова. Тогда Гуюсъ рѣшился дѣйствовать самъ, открыто. Онъ пришелъ къ Четверикову, сталъ жаловаться на Никитина и даже прослезился. Четвериковъ поддался, но на просьбу Гуюса, назначить вмѣсто Никитина Борисова, не соглашался. Послалъ за Никитинымъ. Четвериковъ принялъ его чрезвычайно строго. Въ длинной рацеѣ онъ укорялъ его въ неспособности, совершенной недѣятельности, въ безобразномъ поведеніи и наконецъ въ безсовѣстномъ грабительствѣ. Никитинъ стоялъ и слушалъ. Но когда надоѣла ему эта длинная проповѣдь, онъ обратился къ лакею:

— Никита, дай пожалуйста трубочку.

Четвериковъ еще болѣе горячится. Никитинъ преспокойно куритъ. Кончилъ генералъ.

— Вы к... к... кончили (онъ сильно заикался), ваше превосходительство?

— Кончилъ и повторяю: что если вы не исправитесь, вамъ не миновать солдатской лямки.

— Хорошо. Теперь же я вамъ скажу. Вы знаете, что когда меня назначали директоромъ работъ, у меня не т...олько не было гр...гроша за душою, но было 10 тысячъ долгу. Теперь же благодаря Бога у меня чт...тыреста пятьдесятъ тысячъ. Но этого мнѣ мало: мнѣ нуженъ мил... ліонъ, и я надѣюсь на милость Господню.

Четвериковъ остолбенѣлъ.

— Отойдите! отойдите отъ меня! Мнѣ страшно!

— Нечего пугаться, Павелъ Филипповичъ; дѣло это... житейское. Черезъ два года у меня будетъ милліонъ.

— Какъ вы смѣете мнѣ это говорить!

— Да, к...какъ же мнѣ не говорить. Вы знаете, у меня пять человѣкъ дѣтей. Богъ послалъ мнѣ случай, и я обязанъ имъ воспользоваться. Если этого не сд... сдѣлаю, дѣти скажутъ: вотъ подлецъ папенька, могъ нажить состояніе и не нажилъ. А Лярскаго вы напрасно жалѣете: онъ мотъ и все промотаетъ. Не оберу его я, оберетъ Гуюсъ, да Борисовъ.

— Остановитесь! Довольно! Вы больше не начальникъ работъ. Подавайте въ отставку, или я васъ выгоню.

— Напрасно вы горячитесь, Павелъ Филипповичъ. Что жъ я, пожалуй, выйду въ отставку, да вы пожалѣете, и Гуюсъ пожалѣетъ. Вѣдь Борисовъ облупитъ Лярскаго почище моего.

— Не ваше дѣло. Убирайтесь и сейчасъ же просите объ отставкѣ.

— Хорошо, только пожалѣете.

На слѣдующій день Никитинъ подалъ въ отставку, по болѣзни. Докторъ выдалъ ему свидѣтельство на десять болѣзней, одна другой серьезнѣе. Четвериковъ позвалъ Гуюса и объявилъ ему, что вмѣсто Никитина будетъ Ястржембскій. Гуюсъ струсилъ; онъ все разсчитывалъ на Борисова.

Никитинъ уѣхалъ. Прошеніе его осталось на столѣ у Четверикова.

Прошли двѣ недѣли. Никитинъ опять явился.

— Я раздумалъ, Павелъ Филипповичъ, и полагаю остаться на службѣ, да и вы должны на это согласиться. Вѣдь у меня дѣла въ такомъ безпорядкѣ, что самъ чортъ ихъ не разберетъ. Для приведенія въ порядокъ нужно по крайней мѣрѣ десять тысячъ, а кто захочетъ ихъ пожертвовать? А я пожертвую.

— Вы точно жертвуете десять тысячъ?

— Непремѣнно пожертвую, ваше превосходительство.

— Ну, такъ берите назадъ свое прошеніе, и чортъ съ вами!

Никитинъ остался.

Ничего не было отвратительнѣе братьевъ Никитиныхъ. Оба отличались глупостью, грязною жизнію и страшнымъ цинизмомъ. У обоихъ была страсть разсказывать сальные анекдоты, и они не стѣснялись разсказывать ихъ публично. Ихъ плоскія выходки иногда смѣшили; чаще всего возмущали. Помнится, разъ на вечерѣ у Бенкендорфа хозяинъ познакомилъ Никитина (Николая) съ помѣщикомъ Гриневичемъ.

— Полковникъ Никитинъ—предсѣдатель уголовной палаты Гриневичъ.

Никитинъ подалъ руку и сказалъ:

— Вы видали когда-нибудь такого пѣтуха?

И показываетъ рукою на сажень отъ полу.

— Никогда не видалъ.

— И я н... никогда не видалъ. И, сказавъ это, повернулся и ушелъ.

— Что онъ сумасшедшій,—спросилъ Гриневичъ.

— Нѣтъ, только шутникъ.

И такой человѣкъ былъ при Клейнмихелѣ начальникомъ работъ отъ Малоярославца до Бобруйска.

VII.

Въ 1850 году Четвериковъ былъ переведенъ изъ Могилева въ Кіевъ. На его мѣсто назначенъ Станевичъ.

Болеславъ Фердинандовичъ Станевичъ управлялъ XI-мъ округомъ семь лѣтъ. Это былъ весьма способный человѣкъ, хорошій инженеръ и энергическій администраторъ; но хитрый, самолюбивый, злой и мстительный человѣкъ. Онъ воспитывался въ бывшемъ Виленскомъ университетѣ, а оттуда поступилъ въ институтъ путей сообщенія. Первоначально служилъ въ управленіи Динабургскаго шоссе. Клейнмихель сдѣлалъ его директоромъ Бѣлозерскаго канала и, по окончаніи этого канала, произвелъ въ полковники и назначилъ помощникомъ Четверикова, а въ 1850 году—начальникомъ Могилевскаго округа. Въ 1854 г. онъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ 1856 году вышелъ въ отставку.

Служба при Станевичѣ была невыносима.

Разскажу одинъ эпизодъ изъ исторіи XI-го округа, который обрисуетъ вполнѣ Станевича.

Это было въ 1858 году.

Лярскій кончалъ свои подряды и, несмотря на то, что имѣлъ милліонныя работы, въ XI-мъ округѣ, выходилъ ни съ чѣмъ: все перешло къ его управляющимъ: Гуюсамъ, Свидзинскимъ и къ управляющимъ работами.

Станевичъ подалъ Лярскому мысль поправить дѣла. Онъ посовѣтовалъ ему подать претензію на казну за нѣкоторыя измѣненія въ утвержденныхъ проектахъ мостовъ на Московско-Варшавскомъ шоссе. Лярскій считалъ эту претензію столь ничтожною, что не хотѣлъ затѣвать процесса. Но Зиловъ, повѣренный Лярскаго, уговорилъ, и претензія подана въ XI-й округъ. Правленіе отказало. Лярскій вошелъ съ жалобою къ Клейнмихелю, и тотъ, истребовавъ объясненіе отъ Станевича, тоже отказалъ. Это только и нужно было дѣльцамъ такимъ, какъ Станевичъ и Зиловъ. Лярскій ѣдетъ въ Петербургъ и находитъ случай заинтересовать своимъ дѣломъ государя.

Государь принялъ Лярскаго.

— Ты, я слышалъ, разоренъ.

— До нищеты, ваше императорское величество.

— Тебя разорилъ Клейнмихель.

— Графъ Петръ Андреевичъ ни въ чемъ не виноватъ. Онъ рѣшилъ такъ, какъ представилъ начальникъ округа, полковникъ Станевичъ.

— Что за человѣкъ Станевичъ?

— Честнѣйшая личность, но педантъ по службѣ и помѣшанъ на охраненіи казеннаго интереса.

Государь принялъ отъ Лярскаго записку. Въ ней жаловался Лярскій на то, что правленіе задерживаетъ выдачу слѣдующихъ ему денегъ за работы и поставки, и просилъ о справедливомъ разсчетѣ за постройку мостовъ.

Государь спросилъ Клейнмихеля, почему Лярскому не выдаютъ денегъ за работы и поставки. Клейнмихель, основываясь на донесеніи Станевича, отвѣчалъ, что никакія деньги Лярскому не причитаются. Прошло нѣсколько дней, и государь, встрѣтивъ Лярскаго, упрекнулъ его въ томъ, что онъ ему неправильно доложилъ, будто бы ему слѣдуютъ деньги изъ правленія. Тогда Лярскій показалъ только-что полученное имъ отъ его повѣреннаго увѣдомленіе о томъ, что Станевичъ, сдѣлавъ донесеніе Клейнмихелю о томъ, что Лярскому не слѣдуютъ никакія деньги, вслѣдъ затѣмъ, по просьбѣ повѣреннаго, выдалъ ему 200 тысячъ. Государь повелѣлъ немедленно послать коммиссію, для разслѣдованія дѣла на мѣстѣ. Въ этотъ же день посланы: начальникъ штаба генералъ-маіоръ Мясоѣдовъ и полковники баронъ Дельвигъ и Серебряковъ. Но коммиссію опередила эстафета отъ Лярскаго къ Станевичу,

и въ нѣсколько часовъ все было улажено. По шнуровой книгѣ выписаны въ расходъ 200 тысячъ, будто бы данныя помощнику начальника округа полковнику Сычевскому, для разсчета на мѣстѣ по Витебско-Рославльскому шоссе, а тотъ донесъ, что эти деньги выдалъ повѣренному Лярскаго за работы и поставки. Такимъ образомъ, все о б ъ я с н и л о с ь. Но Клейнмихель, получивъ это объясненіе, заподозрилъ Станевича и, призвавъ къ себѣ Гуюса, успѣвшаго уже втереться къ нему въ милость, спросилъ:

— Ты знаешь Станевича?

— Какъ самого себя.

— Мошенникъ онъ?

— Честнѣйшая, благороднѣйшая личность, и преданнѣйшій человѣкъ вашему сіятельству.

— Говорятъ, у него милліонъ состоянія?

— Клевета, ваше сіятельство. Я лучше другихъ знаю его состояніе; у него всего 500 тысячъ!

— Только-то? а выдумали милліонъ!

Между тѣмъ, государь требовалъ положительнаго отвѣта по претензіи Лярскаго за мосты. Клейнмихель вытребовалъ Станевича въ Петербургъ, и вотъ тутъ-то выказалъ Станевичъ всю свою изворотливость. По цѣлымъ днямъ онъ работалъ, доказывая, что претензія Лярскаго не только несправедливая, но мошенническая. По ночамъ, засѣвъ съ повѣреннымъ Лярскаго, Зиловымъ, онъ опровергалъ свои собственные доводы. Клейнмихель леталъ безпрестанно къ государю съ новыми доказательствами. Государь опровергалъ ихъ доводами Лярскаго. Дѣло длилось.

Разъ Станевичъ приходитъ къ Клейнмихелю и говоритъ:

— Будьте покойны, ваше сіятельство. У меня есть средство уничтожить претензію Лярскаго. Я завелъ въ округѣ порядокъ, по которому подрядчикъ или его повѣренный расписывается на копіяхъ квитанцій въ томъ, что разсчетомъ остался доволенъ. Копіи квитанцій, выданныхъ Лярскому, находятся въ Рославлѣ, у Борисова; надобно ихъ вытребовать, и тогда мы заставимъ замолкнуть Лярскаго.

— Ради Бога, посылай сейчасъ къ Борисову курьера.

— Курьера посылать нельзя. Борисовъ ненадеженъ. Онъ можетъ подмѣнить копіи и представить безъ росписокъ. Нужно послать надежнаго человѣка, который бы накрылъ Борисова.

— Кого же послать?

— Со мною есть чиновникъ, на котораго можно положиться вполнѣ.

— Посылай его сію же минуту.

Дѣло состояло въ томъ, что у Борисова дѣйствительно были копіи квитанцій съ расписками, и ихъ нужно было уничтожить.

Чиновникъ поскакалъ—и копіи были подмѣнены.

Станевичъ былъ въ восторгѣ. Съ грустнымъ лицомъ, онъ пришелъ къ Клейнмихелю.

— Все пропало, ваше сіятельство; на копіяхъ росписокъ нѣтъ! или ихъ вовсе не было, по небрежности Никитина (котораго мѣсто занялъ Борисовъ), или, что вѣрнѣе, ихъ успѣлъ подмѣнить Борисовъ.

Клейнмихель въ отчаяніи: онъ ужъ было увѣрилъ государя, что представитъ копіи квитанцій съ расписками. Государь, выслушавъ его, спрашиваетъ:

— Увѣренъ ли ты въ Станевичѣ?

— Какъ въ самомъ себѣ.

— Ну, мнѣ кажется, что онъ тебя обманываетъ. Если это окажется, быть ему солдатомъ.

Призвавъ къ себѣ Лярскаго, государь выразился еще сильнѣе.

— Станевичъ плутъ, и я его уничтожу.

Лярскій упалъ на колѣни.

— Государь, откажите мнѣ въ моей справедливой просьбѣ; оставьте меня нищимъ, но не негодуйте на Станевича. Хотя онъ, повинуясь графу Клейнмихелю, и старается мнѣ вредить, но я ручаюсь за его безукоризненную честность.

Государь повелѣлъ разсмотрѣть дѣло въ совѣтѣ путей сообщенія. Совѣтъ призналъ претензію Лярскаго несправедливою.

Вышло рѣшеніе: «Совѣту—строгій выговоръ. Лярскаго — разсчитать».

Клейнмихель чуть не задохнулся. Станевичъ былъ въ отчаяніи, но, по краткомъ размышленіи, сказалъ:

— Успокойтесь, ваше сіятельство. Вѣдь государь повелѣлъ: «разсчитать» Лярскаго, а разсчитывать будемъ мы. Я его разсчитаю такъ, что онъ пожалѣетъ, что затѣялъ дѣло.

— Пожалуйста, спаси меня отъ этого мошенника.

И вотъ Станевичъ съ Зиловымъ садятся на всю ночь для разсчета.

Когда Лярскій затѣвалъ дѣло, онъ разсчитывалъ, при лучшемъ его исходѣ, получить много-много 50 тысячъ. Станевичъ съ Зиловымъ насчитали 950 тысячъ. Даже долго колебались, не хватитъ ли милліонъ двѣсти пятьдесятъ тысячъ? но подумали, что это уже слишкомъ!

Изъ 950 тысячъ Станевичъ получилъ 200 тысячъ. Жизнь въ Петербургѣ, въ теченіе шести недѣль, и подмазываніе обошлось ему въ 50 тысячъ.

Станевичъ составилъ на службѣ огромное состояніе, купилъ Вѣтку (близъ Гомеля) и 700 душъ въ Кіевской губерніи, на имя жены.

По вступленіи въ управленіе генерала Чевкина, Станевичу былъ сдѣланъ запросъ изъ штаба: «въ чемъ состоитъ его имѣніе, когда и за какую сумму оно куплено». Онъ отвѣтилъ, что купилъ частью въ долгъ, частью на приданое жены—и вслѣдъ затѣмъ вышелъ въ отставку. Онъ умеръ въ 1859 г.

Б. Н.

Въ защиту А. А. Чацкаго.

Извѣстно, какъ громилъ знаменитый Александръ Андреевичъ Чацкій [1]) господствовавшій въ тогдашнемъ обществѣ «нечистый духъ пустаго, рабскаго, слѣпаго подражанія», какъ соглашался даже прослыть отъявленнымъ старовѣромъ за свою нелюбовь къ господствовавшей въ то время въ нашемъ обществѣ привязанности ко всему иноземному, какъ желалъ даже хоть у китайцевъ «нѣсколько занять премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ». Извѣстно также, какъ доставалось ему впослѣдствіи отъ нашихъ критиковъ за эти его «ретроградныя» выходки. А между тѣмъ, попадающіеся въ тогдашнихъ литературныхъ произведеніяхъ и въ тогдашней періодической печати факты вполнѣ объясняютъ гнѣвъ Чацкаго.

Не упоминая о раннихъ протестахъ противъ пустой подражательности, достаточно будетъ напомнить только то, что говорили писатели болѣе близкіе ко времени Чацкаго.

Карамзинъ, напримѣръ, еще въ концѣ прошлаго столѣтія (въ 1792 г.) въ повѣсти своей «Наталья боярская дочь», стараясь пробудить въ своихъ соотечественникахъ любовь ко всему русскому, съ увлеченіемъ восклицалъ: «Кто изъ насъ не любитъ тѣхъ временъ, когда русскіе были русскими, когда они въ собственное свое платье наряжались, ходили своей походкой, жили по своему обычаю, говорили своимъ языкомъ и по своему сердцу, т. е. говорили такъ, какъ думали?»—Черезъ десять лѣтъ, въ статьѣ своей: «О случаяхъ и характерахъ въ россійской исторіи, которые могутъ быть предметомъ художествъ», онъ писалъ: «Должно пріучить россіянъ къ уваженію собственнаго; должно показать, что оно можетъ быть предметомъ вдохновеній артиста и сильныхъ дѣйствій искусства на сердце».

[1]) Въ „Горѣ отъ ума".

Объ этой же необходимости «пріучить россіянъ къ уваженію собственнаго» чрезвычайно рѣзко говорилъ и другой тогдашній писатель, графъ Ѳ. В. Растопчинъ.

«Долго ли быть намъ обезьянами?», спрашиваетъ онъ въ одной изъ своихъ статей. «Не пора ли опомниться, приняться за умъ, сотворить молитву и, плюнувъ, сказать французу: згинь ты, дьявольское навожденіе!» (Соч., изд. Смирдина, стр. 8). По словамъ Растопчина, у французовъ и у воспитанныхъ ими русскихъ франтовъ «всему свое названіе: Богъ помочь—Bonjour; отецъ—monsieur; старуха мать—maman; холопъ—mon ami; Москва—ridicule; Россія—fi donc».

О тогдашнихъ легкомысленныхъ свѣтскихъ обычаяхъ Богатыревъ остроумно выражается: «Мать есть примѣръ, покровъ и наставникъ для дочери. А дочь благовоспитанная есть лучшее украшеніе матери. Но иныя, по несчастію, что нынче дѣлаютъ? притравливаютъ ихъ къ пороку и, теряя свое право, теряютъ и дочерей. Дочь съ матерью, точно какъ съ мадамой [1]): обѣ налегкѣ, подъ краской. Дочь мигаетъ, мать моргаетъ; одна танцуетъ, другая вальсируетъ; одна ищетъ женишка, другая пастушка; одна съ ума сходитъ, другая въ себя не приходитъ.—Господи помилуй, да будетъ-ли этому конецъ!» (стр. 127).

Эта остроумная картина тогдашнихъ нравовъ многимъ показалась преувеличенною и многихъ разсердила. Между прочимъ, натуральныя дамы (въ другомъ мѣстѣ названныя Кузнецкими, по пристрастію къ Кузнецкому мосту) разгнѣвались за картину моднаго одѣянія. Но Растопчинъ отвѣтилъ на эти упреки: «Меня на вѣку уже много разъ сквозь строй языками гоняли, а загонять не могутъ. Живъ по милости Божіей». А на совѣтъ перемѣниться возразилъ: «Я не червякъ, бабочкой быть не могу; а нынѣ хотя вѣкъ и баснословный, но и самъ чортъ не превратитъ меня изъ русскаго въ иноземца. Ну, что за бѣда? побранятъ да перестанутъ; а я опять за перо».

Что эти рѣзкія выходки тогдашнихъ писателей не были плодомъ пустаго и фальшиваго «патріотничанья», а вызывались дѣйствительными фактами, лучше всего можетъ быть доказано тѣми свѣдѣніями, какія мы находимъ въ тогдашнихъ газетахъ. Мнѣ случилось просматривать разныя газеты за много лѣтъ, съ 1812 по 1836 г. Изъ нихъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, подъ рубрикой: «Отъѣзжающіе за границу», попадаются такія извѣстія:

«Наталья Владиміровна, супруга Дѣйствительнаго Камергера Давыдова, съ двумя малолѣтними дѣтьми, при ней: докторъ Замстагъ съ женою, австрійскіе подданные; англичанка Елизавета Гетнерлей; лифляндцы: Гертруда Реймерсъ, Георгій Бекманъ; русскіе: Марья

[1]) Т. е. точно съ гувернанткой, а не съ матерью. *Ф. В.*

Плетнева, Семенъ Хлоповъ и Яковъ Смирновъ». (1814, № 35, стр. 882).

«Генералъ-маіорша княгиня Зинаида Александровна Волконская, урожденная княжна Бѣлосельская, съ сыномъ княземъ Александромъ Никитичемъ 7 лѣтъ; при нихъ гувернеръ итальянецъ Барбери, француженка Эмели Негро, кухмистеръ итальянецъ Францъ, художникъ Федоръ Бруни и крѣпостной человѣкъ Иванъ Артамоновъ». (1819, № 64, стр. 1615).

«Кн. Ник. Серг. Гагаринъ съ супругою кн. Маріей Алексѣевной, съ тремя малолѣтними дѣтьми и воспитанницей англичанкой Генріетой Ивановной Томпсонъ; при нихъ иностранка, уроженка города Люневиля, Цецилія Дитіе, докторъ Ганноверскій уроженецъ Адольфъ Мейерштейнъ, нянюшка лифляндская уроженка Марья Вальдштейнъ, камеръ-юнгфера австрійская подданная Христина Ломмеръ, люди: французскій подданный Жанъ Баптистъ Мишель Бонне, Дерптскій мѣщанинъ Андреасъ Вильденштаубъ и крѣпостные: Алексѣй Филоновъ и Мавра Абрамова» (1825, № 34, стр. 1251).

«Въ Германію и Швейцарію д. ст. сов. графиня Елена Алексѣевна Зотова, урожденная княжна Куракина, съ нею дочь ея кн. Нат. Ник. Голицына. При нихъ: дворянка дѣвица Прасковья Карновичева, дворянка дѣвица Авдотья Попова, великобританская подданная Анна Браунъ, французская уроженка Фани Ніель, служители: горничная крѣпостная женщина Мавра Федорова съ сыномъ Николаемъ Федоровымъ, вольноотпущенная дѣвушка Александра Кулашева, крѣпостная дѣвушка Наталья Холоднова, крѣпостной человѣкъ Иванъ Сергѣевъ, австрійскій подданный камердинеръ Левъ Петцы, шведскій уроженецъ лакей Іоганъ Берминъ». (1835, № 67, стр. 3367).

«Въ Германію, Италію и Францію отставной гвардіи поручикъ Иванъ Гавриловичъ Рюминъ съ супругой Олимпіадой Александровной и дѣтьми Гавріиломъ и Екатериной, при немъ великобританская подданная Елена Пинкертонъ и французская подданная Елиза Рамюсъ, Саксонскій подданный Ернестъ Рессингъ и крѣпостная дѣвушка Екатерина Иванова». (1836, № 30, стр. 879).

Изъ этихъ примѣровъ, взятыхъ на пространствѣ двадцати лѣтъ, мы видимъ, что изъ 37-ми человѣкъ, ѣхавшихъ съ нашими барами за границу, было 22 иностранца разныхъ національностей: французы, англичане, австрійцы, итальянцы, ганноверцы, саксонцы, шведы, лифляндцы! И все это не случайные участники путешествія, а люди, принадлежащіе къ домашнему штату тогдашнихъ нашихъ баръ: всѣ эти иноземцы занимали въ русскихъ семействахъ различныя должности: домашнихъ докторовъ, гувернеровъ и гувернантокъ, камеръ-юнгферъ, камердинеровъ, лакеевъ, кухмистеровъ.

И это только въ пяти семействахъ, свѣдѣнія о которыхъ сохранились случайно, только по тому, что они ѣхали за границу. Но самая эта случайность служитъ лучшимъ доказательствомъ обычности и общераспространенности этого печальнаго явленія.

Какъ ни мелки и ни ничтожны, повидимому, приводимые факты, они могутъ служить однако неопровержимымъ фактическимъ поясненіемъ къ тому, что говорила литература и что, безъ такихъ подтверждающихъ примѣровъ, легко можетъ быть принято за голосъ партіи, за голосъ «отсталыхъ сторонниковъ невѣжественной старины».

Возвращаясь къ рубрикѣ «отъѣзжающихъ за границу», должно отмѣтить еще одну любопытную подробность: въ ней отъѣзжающими въ европейскія страны и города показаны лица привилегированныхъ сословій, а въ Іерусалимъ «для поклоненія гробу Господню»—купцы, мѣщане, крестьяне, отставные солдаты и проч.

Ф. Витбергъ.

Изъ архива А. В. Никитенко.

(Письма къ нему графа Д. А. Толстаго, Ѳ. В. Булгарина, А. Ѳ. Писемскаго и князя Григ. Волконскаго) [1]).

Письма графа Дм. Андр. Толстаго—А. В. Никитенко.

1.

12-го апрѣля 1834 г.

Препровождая у сего листокъ издаваемой мною игрушки, я беру смѣлость покорнѣйше васъ просить разрѣшить выпускъ оной въ продажу. Игрушка сія будетъ издана въ видѣ книжки, все изъ однѣхъ и тѣхъ же фигуръ, кои усмотрите вы на приложенномъ листкѣ. Заглавіе ея будетъ состоять изъ сихъ словъ: L'Ambigu magique à l'usage de ceux qui n'ont pas la berluë. Она должна появиться на слѣдующей недѣлѣ.

Повторяя мою просьбу о разрѣшеніи выпуска оной и сколь возможно поспѣшнѣйшее приложеніе печати, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью вашъ, милостивый государь, покорнѣйшій слуга гр. Дм. Толстой.

2.

Суббота.

Съ вашего согласія, почтеннѣйшій Александръ Васильевичъ, я передалъ В. И. Опочининой, что вы готовы прочесть ей статью о Ростопчиной. Вчера она поручила мнѣ просить васъ къ ней сегодня вечеромъ. Въ случаѣ вашего согласія, я заѣду за вами въ $8^1/_2$ ч. и отправимся къ ней вмѣстѣ. Никакого общества у ней не будетъ, за исключеніемъ

[1]) См. „Русскую Старину“ ноябрь 1899 г.

жены ея брата, слѣдовательно, можно вдоволь начитаться и наговориться. Ежели вы откажете, я выведу заключеніе, что чувство изящнаго мало развито въ профессорѣ эстетики,—упрекъ, который всего болѣе можетъ быть вамъ непріятенъ, а потому вполнѣ увѣренъ провести съ вами сегодняшній вечеръ.

Съ душевною преданностію и искреннимъ почтеніемъ имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою гр. Дмитрій Толстой.

Письма Ѳ. В. Булгарина—А. В. Никитенко.

1.

31-го октября 1834 г. Карлово, близъ Дерпта.

Прилагая при семъ письмо А. Ф. Смирдина, обращаюсь къ вамъ со всею искренностью и довѣренностью, которую питаю къ вамъ въ душѣ моей.

Увѣряю васъ Богомъ и честью, что въ Чухинѣ не думалъ я ни о какой личности, а лица изображалъ общими чертами! Въ лицѣ Тумакина изображенъ мною—ханжа; въ лицѣ князя Ольгердова—мелкость характера, подвергающагося всегда чужому вліянію. Незнакомецъ, есть человѣкъ добрый, но совершившій невольное преступленіе. Онъ бѣгствомъ укрылся отъ наказанія законнаго, но совѣсть и страхъ преслѣдуютъ его повсюду и дѣлаютъ несчастнымъ среди богатства. Вотъ нравственная цѣль романа! Цѣль эта—есть математическое доказательство, что хотя человѣкъ и можетъ укрыться отъ кары, но не избѣжитъ наказанія совѣсти. Прочія мелкія вводныя лица такъ незначительны, что не стоитъ объ нихъ и упоминать. Пара подъячихъ, которыхъ я уже столько разъ описывалъ, пара полицейскихъ агентовъ или сыщиковъ, которые должны быть во всякомъ гражданскомъ обществѣ. Свѣтовидовъ есть олицетвореніе благороднаго человѣка и поэта, меланхолика. Никакъ не могу догадаться, что бы могло возбудить въ васъ сомнѣніе! Вы, вѣрно, читали «Семейство Холмскихъ», «Черную женщину» Греча. Тамъ есть и ханжи и всякая всячина. У Греча даже военные люди, которыхъ наши романисты представляли всегда образцами благородства, изображены, какъ слѣдуетъ, такими же людьми, какъ и мы, статскіе, и даже подлецы выбраны изъ военнаго сословія. Ужели я одинъ такъ несчастенъ, что мои характеры не могутъ показаться въ публику. Исключить фразу, мысль, выраженіе,—другое дѣло; но выкинуть лица изъ романа значитъ изорвать романъ и заставить автора написать другой. Вы сами

авторъ и знаете, что сшивать романъ послѣ выпуска нѣсколько лицъ совершенно невозможно.

Почтеннѣйшій Александръ Васильевичъ! Нѣтъ въ мірѣ человѣка, который бы болѣе уважалъ васъ! Это доказалъ я при всякомъ случаѣ, гдѣ была о васъ рѣчь. Не повѣрите, какъ больно сердцу моему, что такой умный и благородный человѣкъ, какъ вы, сомнѣвается въ чистотѣ моихъ намѣреній и причиняетъ разстройство въ дѣлахъ Смирдина и моихъ! Я лучше согласился бы пролежать въ горячкѣ, чѣмъ испытать это горе! Клянусь вамъ счастіемъ моихъ дѣтей, что кромѣ нравственной цѣли не имѣю я никого въ виду. Живу я въ удаленіи отъ людей и общества, и не хочу задѣвать никого. Но писать нельзя иначе, какъ изображая характеры возможные, а такимъ образомъ въ мірѣ всегда найдется что-нибудь похожее. Въ романѣ, кажется мнѣ, главное дѣло цѣль, мысли и правила, и въ этомъ отношеніи если я и погрѣшилъ, то, вѣрно, самъ не зная какъ, потому что я посвятилъ себя служенію истины и добрымъ нравамъ, а потому ни за что не соглашусь написать, не только напечатать, что-либо вредное обществу. О политикѣ же нѣтъ и помину!

Вторая часть Чухина будетъ развязка. Зло покроетъ стыдомъ злыхъ, добро доставитъ добрымъ величайшую награду, наслажденіе души. Впрочемъ, я бы чрезвычайно благодаренъ былъ вамъ, еслибъ вы посвятили мнѣ полчаса времени и написали, какъ вы желаете, чтобъ я дорисовалъ лица, которыя ввергли васъ въ сомнѣніе. Вторая часть еще въ работѣ, и я могу дать такой цвѣтъ лицамъ, какой вамъ угодно. Не есть ли это вѣрнѣйшее доказательство, что у меня нѣтъ никакой личности, и что лица мои суть только пружины для нравственной завязки и развязки романа? Умоляю васъ и заклинаю всѣмъ священнымъ для васъ, даже памятью покойнаго, нашего общаго несчастнаго друга, не откажите въ моей просьбѣ и откройте мнѣ вашъ образъ мыслей, чтобы я могъ ему послѣдовать и тѣмъ разсѣять всѣ ваши сомнѣнія. Душа моя передъ вами!

Прошу васъ покорнѣйше, подпишите первую часть Чухина и отдайте Смирдину. Пусть онъ печатаетъ, не выдавайте билета на пропускъ. Я самъ явлюсь къ вамъ со 2-ю частью, и если и тогда бѣдный мой Чухинъ вамъ не понравится и покажется вреднымъ, тогда я приму на себя издержки за печатаніе 1-й части и предамъ огню обѣ части, а примусь за другое сочиненіе, ибо не постигаю, какъ можно будетъ склеить обдуманный романъ, выбросивъ изъ машины пружины. Во второй части дѣлайте, что угодно для поясненій и дискульпацій. Я впередъ на все согласенъ, ибо имѣю къ вамъ неограниченную довѣренность и люблю васъ душевно.

Рекомендованный вами Фроловъ былъ и бываетъ у меня. Спросите:

какъ я принялъ его, какъ только онъ произнесъ ваше имя! Вѣрьте, Александръ Васильевичъ, что у васъ нѣтъ человѣка, который бы такъ васъ зналъ и любилъ, какъ пребывающій съ душевнымъ уваженіемъ Ѳ. Булгаринъ.

2.

17-го іюня 1835 г. Мыза Карлово.

Ѳаддей Булгаринъ проситъ покорнѣйше почтеннаго цензора, которому достанется читать рукопись 2-й части «Записокъ Чухина», о нижеслѣдующемъ:

1) Еслибъ какое мѣсто показалось ему сомнительнымъ, то не иначе вымарывать, какъ прочитавъ главу до конца, ибо каждое предложеніе развернуто у меня впослѣдствіи и выведено въ пользу истины, нравственности, религіи и существующаго порядка вещей въ Россіи. Затѣмъ предложеніе не должно быть принимаемо отдѣльно, но въ общности съ послѣдствіемъ.

2) Всѣ поправки почтеннаго цензора принимаю безспорно, хотя въ сочиненіи моемъ, кажется, нѣтъ ничего такого, что бъ не могло быть сказано всенародно. Но прошу покорнѣйше не исключать цѣлыхъ періодовъ. И такъ, уже оглядываясь на всѣ четыре стороны при сочиненіи этого романа, я исключилъ все, что только могло возбудить не только двусмысліе, но даже сомнѣніе въ строгихъ судьяхъ нашей зачахлой литературы!

3) Было время тяжкое, во время Магницкаго и Аракчеева, но ни одна моя статья въ то время не была запрещена даже Красовскимъ, и всѣ романы прошли безъ помарокъ и безъ преслѣдованій! Ужели я сдѣлался хуже? Господи Боже! хочу только правды и никогда не шелъ противъ видовъ правительства, что до сихъ поръ было имъ признано.

Почтенные господа цензоры, будьте справедливы! И для васъ есть потомство!

3.

11-го января 1839 г.

Г. Гебгардъ сказывалъ мнѣ, что вамъ угодно, чтобъ «Возраженіе» на статью проф. Чижова не было напечатано. Любя и уважая васъ искренно, я готовъ всегда исполнить ваши желанія и, получивъ статью, посылаю ее къ вамъ.

Что касается до моего личнаго мнѣнія, то я думаю, что г. Чижовъ поступаетъ не великодушно (чтобъ не сказать болѣе), обругавъ цѣлую страну, честную и добрую, а потомъ укрываясь за покровитель-

ство товарищей, какъ за каменную стѣну! Мнѣ, какъ литератору, стыдно за Чижова. Честный и благородный человѣкъ, высказавъ свое мнѣніе, не боится никакихъ возраженій! Это то же, что поступокъ г. Сенковскаго съ критикою «Энциклопедическаго Лексикона»! Неужели гг. профессорамъ можно все бранить, а ихъ нельзя разоблачать? Пишу къ вамъ откровенно, ибо уважаю васъ, какъ человѣка истинно высокоблагороднаго!

Статью сообщилъ мнѣ Наркизъ Отрѣшковъ, и я совѣтую вамъ не исправлять ея, потому что малороссы намѣрены довести дѣло, хотя бы до государя. Кажется мнѣ, что г. Чижовъ вездѣ проиграетъ, ибо съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ русская грамота, подобнаго ругательства на цѣлый народъ не видывали на Руси.

Я съ роду даже не видалъ г. Чижова, и послѣ этого поступка и не желаю имѣть этой чести, я говорю по чувству справедливости. Я самъ критикъ и сатирикъ и скорѣй бы повѣсился, чѣмъ сдѣлалъ одинъ шагъ для воспрепятствованія писать противъ меня! Пишу я, пусть пишутъ и противъ меня, что угодно, такова логика моего чувства!

Высказавъ мое мнѣніе, я вовсе уклоняюсь отъ этого дѣла, сдѣлалъ, что вы желали—и баста!

Прошу васъ покорнѣйше, при свиданіи съ Фрейгангомъ (изъ дружбы къ Н. И. Гречу и ко мнѣ) припомнить вашему товарищу (разумѣется, только по цензурному комитету), что я и Гречъ не рабы г. Фрейганга, не отданы ему въ услуженіе, и что мы не беззащитные сироты, которыхъ можно угнетать въ угоду кому-нибудь, а что́ г. Фрейгангъ дѣлаетъ съ нами, это ужасъ! Только-что принесли къ нему «Пчелу», тотчасъ за красныя чернила и пошелъ чертить, не обращая вниманія на конецъ и выводы. Этого не бывало и при Магницкомъ. Терпѣнье истощается. Съ душевною преданностью и любовью весь вашъ Ѳ. Булгаринъ.

4.

30-го декабря 1842 г.

Я прежде намѣревался прочесть описаніе сраженія на публичномъ чтеніи въ пользу Казани, но нѣкоторыя изъ моихъ пріятельницъ и пріятелей убѣдили меня прочесть романтическій отрывокъ изъ историческихъ и романтическихъ очерковъ изъ «Жизни Суворова». А потому посылаю вамъ «Дѣтскій возрастъ Суворова» для процензированія, а если это нужно, то и для показанія министру, ибо говорятъ, что самъ министръ якобы просматриваетъ статьи для этого публичнаго чтенія! Прошу покорно о скорѣйшемъ исполненіи этого дѣла, чтобъ за мною не остановилось предпріятіе и съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же

преданностью, честь имѣю быть вашимъ покорнымъ слугою Ѳ. Булгаринъ.

Квартира: На Невскомъ проспектѣ, за Аничковымъ мостомъ, въ домѣ купца Ѳедора Меняева, № 93.

5.

31-го декабря 1842 г.

Вы меня чрезвычайно обяжете, если скоро возвратите процензированную статью: Дѣтство Суворова—назначенную для публичнаго чтенія въ пользу Казани. Общество, занимающееся составомъ чтенія, не даетъ мнѣ покоя и говоритъ, что за мною только остановка. Вотъ въ сію минуту штурмуетъ меня генералъ Скобелевъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю быть, вашъ покорный слуга Ѳ. Булгаринъ.

6.

30-го апрѣля 1844 г

Почтеннѣйшій Александръ Васильевичъ!

Покойный графъ Ростопчинъ сказалъ весьма справедливо: «on ne fait pas du fromage dans le pays des antropophages», а еще ближе къ цѣли сказалъ знаменитый Клингеръ сказочнику Музеусу, пріѣхавшему въ Россію на жительство, по приглашенію императрицы Маріи Ѳеодоровны: «In Russland muss man nicht schreiben, aber bloss verdauen», т. е. въ Россію ѣздятъ не для того, чтобъ писать, но чтобъ упражняться въ пищевареніи! А мы, глупцы, пишемъ! Для потѣхи покажу вамъ нѣсколько корректурныхъ листовъ «Пчелы», подписанныхъ первыми членами сената—Германдады, Крыловымъ и Фрейгангомъ! Это уже такъ мило, что и сердиться нельзя! Тщательно храню я эти листы для исторіи нашей литературной эпохи. Но развѣ съ одной стороны горе? Понимаетъ ли наша публика дѣло? Вотъ вашъ хозяинъ Спасской мызы [1]) пришелъ ко мнѣ объявлять свое неудовольствіе за напечатаніе его имени въ фельетонѣ «С. Пчелы», и сообщилъ нѣкоторыя поправки насчетъ цѣны и проч. Пишу къ вамъ объ этомъ для того, чтобы вы видѣли, въ какомъ положеніи я нахожусь! Не будь милости Божьей, царской милости, то хоть прочь бѣги! Ничѣмъ, никому и никогда угодить нельзя! Между тѣмъ, я одинъ изъ первыхъ воспользуюсь омнибусомъ, чтобъ навѣстить васъ на дачѣ и пожать вамъ дружески руку. После смерти П. А. Корсакова—вы остались одинъ человѣкъ въ цензурѣ. Да хранитъ васъ Господь отъ всѣхъ злыхъ навожденій и да поможетъ переносить тяжкое бремя, о чемъ умоляетъ Всевышняго вѣрно и искренно любящій васъ и преданный вамъ Ѳ. Булгаринъ.

[1]) Беклешовъ.

7.

21-го ноября 1844 г., Карлово.

Да прольетъ Богъ въ душу вашу и въ сердца членовъ нашего семейства ту радость и наслажденіе, какія ощущалъ я при чтеніи вашего письма, исполненнаго благородства и деликатности! Клянусь вамъ честью и счастіемъ дѣтей моихъ, что слезы невольно выступили у меня! Эти слезы драгоцѣннѣе всего въ мірѣ! Какъ рѣдко встрѣчался я въ жизни съ такими людьми, какъ вы! Нетерпѣливо ожидаю той минуты, въ которую прижму васъ къ сердцу съ моею солдатскою дерзостью.

Насчетъ моего Чухина, честь имѣю увѣдомить, что таинственный незнакомецъ не есть вовсе политическое лицо и не имѣетъ никакихъ политическихъ теорій, о которыхъ даже нѣтъ и помину въ цѣломъ романѣ. О политикѣ и правленіи нѣтъ рѣшительно ни одного слова въ романѣ. Таинственное лицо есть тотъ самый человѣкъ, о которомъ упоминается, что онъ убилъ свою любовницу и сосланъ въ Сибирь. На повѣрку выйдетъ, что онъ не убилъ своей любовницы, что она была его законная жена, съ которою онъ обвѣнчался тайно, что эта жена была презлое твореніе, и однажды она бросилась къ нему, чтобъ вцѣпиться въ волосы, онъ толкнулъ ее, она упала, (ударилась?) объ уголъ виском, и духъ вонъ! Но какъ свидѣтелей при этомъ не было, и всѣ улики были противъ него, то онъ и долженъ былъ подвергнуться наказанію. Въ Сибири странствующій докторъ далъ ему зелья, онъ заснулъ, его почли мертвымъ, и докторъ вывезъ его за границу. Несчастный долженъ скрываться подъ чужимъ именемъ. Княгиня—дочь его. Вся эта запутанность выдумана мною, чтобъ какъ-нибудь занять читателя. Ни политики, ни даже сатиры нѣтъ тутъ вовсе, а просто сказка сказкой. И такъ, на этотъ счетъ будьте совершенно спокойны. Цѣль нравственная и поучительная.

Касательно фразъ и словъ—ваша полная воля! Дѣлайте, что почитаете лучшимъ. Спорить и прекословить не буду.

Отъ васъ зависитъ отдать I-ю часть Смирдину, или подождать до моего пріѣзда, который не можетъ быть прежде половины декабря, ибо у насъ нѣтъ и надежды на зимній путь. Тепло, мокро и грязь по-уши.

Вашъ Фроловъ—премилый малый, но ужасно слабъ здоровьемъ и уже покашливаетъ. Латынь и нѣмецкій языкъ срѣжутъ его, и я боюсь, чтобъ излишнее прилежаніе не свело его въ могилу. Жаль!

Почтеннѣйшій и благороднѣйшій Александръ Васильевичъ! Вѣрьте душѣ моей: во всякомъ случаѣ, вы найдете во мнѣ человѣка, который за васъ постоитъ жизнью, честью и имѣньемъ. Я не умѣю ни любить,

ни ненавидить въ половину и не перемѣнчивъ въ связяхъ душевныхъ. По несчастью, мало осталось на свѣтѣ людей, которыхъ я люблю вполнѣ!

Съ душевною преданностью и истиннымъ уваженіемъ честь имѣю быть вашимъ покорнымъ слугою Ѳ. Булгаринъ.

8.

2-го января 1845 г.

Отецъ и командиръ
Александръ Васильевичъ!

Дай Богъ вамъ въ Новомъ году того, чего я вамъ желаю. Болѣе и себѣ не хочу!

Сотворите послѣднюю благостыню и благословите на выходъ въ свѣтъ мои бѣдныя Воспоминанія, которыя васъ такъ измучили. Я приготовилъ и облегчилъ все, стоитъ только перевернуть страницы и повѣрить, хотя и слово мое твердо. За сто милліоновъ не согласился бы вставить одно слово, зачеркнутое цензурой, ибо это была бы фальшь. Душевно привѣтствую и обнимаю васъ.

NB. Если, паче чаянья, «Пчелы» вамъ не принесутъ, какъ всегда бываетъ въ началѣ года непорядокъ, пожалуйста, дайте знать. Я своей рукой вписалъ васъ.

9.

6-го мая 1845 г.

Почтенный и добрый Александръ Васильевичъ!

Надѣлали вы мнѣ хлопотъ! Велѣли публиковать на субботу вашу книгу у Ольхина и Иванова — народъ началъ требовать, и нѣтъ ни одного экземпляра въ лавкахъ. Вѣдь законъ таковъ: когда книгопродавецъ публикуетъ, то долженъ прежде купить у васъ или взять на коммиссію, а когда авторъ публикуетъ на счетъ книгопродавца, то долженъ прежде положить у него въ лавкѣ экземпляры. Мнѣ не весьма понравилась музыка, которую распѣвала публика: «да что это «Пчела» вретъ!» Ради Бога, положите хоть десятокъ экземпляровъ въ лавкѣ Ольхина, о чемъ проситъ истинно васъ любящій и уважающій, quand même... Ѳ. Булгаринъ.

10.

15-го октября 1845 г.

Почтеннѣйшій и добрѣйшій
Александръ Васильевичъ!

Если бъ вы знали, сколь важно для меня въ моихъ семейныхъ дѣлахъ скорый выходъ въ свѣтъ моихъ «Воспоминаній», то по душев-

ной добротѣ вашей и по всегдашней ко мнѣ благосклонности, не взирая на многочисленность вашихъ занятій—прочли бы скоро мою рукопись. Прилагаю окончаніе 1-й части, умоляю поспѣшить! Имѣй я весь манускриптъ въ рукахъ—въ двѣ недѣли было бы напечатано.

Отче мой, не оставь меня вскуе!

Съ душевнымъ уваженіемъ и искреннею преданностію есмь навсегда вѣрный Ѳ. Булгаринъ.

11.

28-го октября 1845 г.

Отецъ и командиръ
Александръ Васильевичъ!

Я былъ жестоко боленъ. Теперь выздоравливаю. Ольхинъ, мой полномочный посолъ, сказалъ мнѣ, что вы хотѣли возвратить рукопись въ понедѣльникъ.

Благоволите же назначить, въ которомъ часу явиться мнѣ къ вамъ! Ой, нужно, нужно, нужно!

Отче! я передъ вами аки овца—не спорю и не прекословлю, но смиренно протягиваю выю. Дѣлайте, что хотите, я вамъ вѣрю и безъ консультаціи комитета, гдѣ одинъ голосъ премудраго Крылова испортитъ дѣло, какъ ложка дегтя въ бочкѣ меду! А милый мой Фрейгангъ!

Господи, вскуе мя создалъ еси! Душевно преданный Ѳ. Булгаринъ.

12.

29-го октября 1845 г.

Отецъ и командиръ
Александръ Васильевичъ!

Въ понедѣльникъ «званъ быхъ и пріидохъ»—съ утра посылалъ посланца, а ввечеру самъ явился, хотя и зналъ, что услышу роковое: дома нѣтъ!

Сжалься, ахъ, отецъ родной!
Надъ несчастнымъ сиротой.
Прекрати мои стенанья
Возврати „Воспоминанья“!

Много ли у васъ? Всего—пять главъ, не болѣе 6-ти печатныхъ листовъ! Въ часъ можете прочесть. Ужели тамъ такъ много страшнаго? Этого я и не подозрѣвалъ, хотя и ремесло и положеніе наше постигнулъ.

Ради Бога, назначьте $^1/_4$ часа на свиданіе. И этого много! Пяти минутъ довольно. Какъ прикажете, такъ и будетъ сдѣлано безъ малѣйшаго возраженія. Я—питомецъ школы Александра Лукича Крылова et consorté.

*

13.

3-го ноября 1845 г.

Отецъ и командиръ
Александръ Васильевичъ!

У меня такая система, что послѣ каждой правды я помѣщаю облегчительныя обстоятельства: circonstance attenuante, слѣдовательно, если вы прочтете полное изложеніе какого дѣла, то оно представится вамъ въ другомъ видѣ. Зная вашу благонамѣренность и просвѣщеніе, я убѣжденъ, что вы такъ и дѣлаете, но простите мнѣ, какъ прощаетъ докторъ больному: что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ!

На мѣсто исключенныхъ мѣстъ препровождаю замѣтки, которыя прошу покорнѣйше пересмотрѣть, и при семъ честь имѣю препроводить 1-ю главу 2-й части.

Вчера я никакъ не могъ быть у васъ къ крайнему моему сожалѣнію и какъ въ теченіе цѣлой недѣли вы заняты и не принимаете, то я въ отчаяніи! Нельзя ли вамъ назначить мнѣ свиданіе на недѣлѣ, вечеркомъ, только на 10 минутъ, чѣмъ крайне меня обяжете.

Съ истиннымъ уваженіемъ и душевною привязанностью вашъ покорный слуга Ѳ. Булгаринъ.

14.

22-го ноября 1845 г.

Отецъ и командиръ
Александръ Васильевичъ!

Въ моихъ «Воспоминаніяхъ» въ XIII главѣ сказано было, что въ началѣ царствованія императора Александра—первымъ щеголемъ въ гвардіи былъ тогдашній плацъ-маіоръ Иванъ Савичъ Горголи. Вы изволили вымарать имя, отчество и фамилію и оставили только заглавныя буквы. Я видался съ И. С. Горголіемъ и спросилъ его, не противно ли ему будетъ, если я скажу, что онъ въ свое время былъ первымъ щеголемъ? Онъ рѣшительно отвѣчалъ, что, напротивъ, на старости лѣтъ это будетъ ему даже пріятно, а потому, если вы позволите, то я впишу его фамилію. Впрочемъ, это—маловажность, которую я помѣстилъ только для потѣхи добраго старика, потому что онъ самъ любитъ объ этомъ разсказывать.

Знаю, какъ вы заняты и что вамъ некогда переписываться съ авторами, но какъ я безъ спроса не смѣю прибавить ни одного слова послѣ цензуры, то и прошу вашего разрѣшенія на этомъ же письмѣ:

Можно
или
Нельзя.

Зачеркните одно изъ этихъ словъ и баста!

Истинно уважающій и душевно любящій васъ Ѳ. Булгаринъ.

15.

28-го ноября 1845 г.

Отецъ и командиръ

Александръ Васильевичъ!

Право, не постигаю той удивительной вольности, которою пользуются «Отеч. Записки», и той неприкосновенности, которою обезпеченъ г-нъ Краевскій! Крыловъ (цензоръ) былъ сегодня у меня и показалъ мнѣ исключенія изъ статьи объ «Отеч. Запискахъ»! Я рѣшился перенесть судъ повыше и всеподданнѣйше просить моего личнаго благодѣтеля, царя православнаго, разрѣшить: почему Краевскому позволено печатно поносить меня самымъ гнуснымъ образомъ, топтать мое имя въ грязь, употреблять самыя низкія выраженія,—а мнѣ запрещено даже защищаться! Дѣло это должно принять самый серьезный оборотъ, потому что у меня собраны акты. Наконецъ, вывели меня изъ терпѣнья!

Прошу покорнѣйше о возвращеніи метрики моей или свидѣтельства о крещеніи. Я сообщилъ вамъ вмѣстѣ съ корректурными листами. Во всемъ покорялся вашей волѣ, скорблю, что долженъ надоѣдать вамъ—но что же дѣлать. Вольно же вамъ быть честнымъ, умнымъ и благороднымъ человѣкомъ!

16.

29-го ноября 1845 г.

Отецъ и командиръ

Александръ Васильевичъ!

Хоть вовсе запретите предисловіе, но только разрѣшите дѣло, чтобъ я могъ выдать книжку вмѣстѣ съ «Библіотекой для Чтенія». Ужъ когда такъ суждено, что каждая ракалія можетъ ругать меня и поносить, когда въ «Иллюстраціи» можно печатать, что я поддѣлываю къ себѣ письма артистовъ (въ «Пчелѣ» на той же недѣлѣ было напечатано письмо Рубини), когда Вяземскій можетъ печатать такъ же на меня эпиграммы, а Бѣлинскій лаяться, какъ собака, въ «Отечественныхъ Запискахъ», а мнѣ безъименно даже нельзя сказать, что на меня клевещутъ, пусть будетъ такъ! Ужъ теперь дѣло только въ механизмѣ! Ради Бога рѣшите,—это предисловіе! Ужели даже нельзя сказать, на какихъ правахъ я говорю о современности, что критика и лай меня не сбили съ толку? Вычеркните, что угодно, оставьте два слова, запретите вовсе печатать, только разрѣшите! Объ этомъ слезно умоляетъ душевно преданный вамъ Ѳ. Булгаринъ.

17.

4-го декабря 1845 г.

Отецъ и командиръ

Александръ Васильевичъ!

Сегодня, въ цензурный вторникъ, отправился я въ цензурный комитетъ и пустился чрезъ Неву, не скажу съ опасностью жизни, но съ не-

пріятностью, потому-что мостки чинили въ срединѣ, и мы должны были пробираться вокругъ, по льду. Нѣтъ комитета! Биржа—есть и все, что составляетъ присутствіе—есть, а комитета—нѣтъ!

Нѣкто, мнѣ вовсе незнакомый, Николай Ивановичъ Анисимовъ, сжалился надо мной, провѣрилъ рукопись съ книгой, и внялъ моей просьбѣ—отправить къ вамъ билетъ на выпускъ книги—для отдачи билета мнѣ, если вы найдете, что въ рукописи все исправно. Но явился другой человѣкъ, объявилъ, что онъ секретарь комитета и не соглашается на это! День мой пропалъ!

Такъ ли было въ старину въ цензурѣ? Мы выдавали въ свѣтъ книжки и брали билеты—мѣсяца два позже! Тогда еще вѣрили честному слову!

У насъ съ Ольхинымъ заключено условіе, что кто будетъ виноватъ, если «Библіотека для Чтенія» и «Воспоминанія» не выйдутъ вмѣстѣ, тотъ платитъ другому 4.000 руб. сер. Виноватъ ли я, что не было комитета, когда есть сообщеніе съ Васильевскимъ островомъ?

Я облегчилъ вамъ весь трудъ: положилъ замѣтки въ книгѣ, гдѣ опущены вычернутыя мѣста, и загнулъ страницы въ рукописи, гдѣ мѣста вычеркнуты. Въ четверть часа можно повѣрить!

Отецъ и командиръ, не задерживайте, ради Бога, и всего для васъ святаго, здѣсь идетъ дѣло о 4.000 руб. сер.

Вы, вѣрно, ужаснетесь множеству замѣтокъ, какъ и я ужаснулся! Не обвиняю васъ! Время!!! А мы, дураки и скоты, плакали во времена Магницкаго и Рунича! Да это былъ золотой вѣкъ литературы въ сравненіи съ нынѣшнимъ! Не завидую я мѣсту Уварова въ «Исторіи»! А исторія живетъ, видитъ и пишетъ на мѣди! Имя Торквемадо, въ сравненіи съ именемъ Уварова, есть то же, что имя Людовика XIV въ сравненіи съ именемъ Омара! Набросилъ на все тѣнь, навелъ страхъ и ужасъ на умы и сердца—истребилъ мысль и чувство... Поневолѣ вспомнишь первую страницу изъ жизни Агриколлы—Тацита: «хотѣли бы лишить насъ способности мыслить, какъ лишили средствъ говорить, если бы можно было заставить человѣка не думать, какъ можно заставить его молчать?»

Вовсе не гнѣваюсь на васъ смотря на этотъ букетъ замѣтокъ, напротивъ, зная васъ, столько же сожалѣю объ васъ, какъ и о себѣ! Amen!

18.

3-го января 1847 г.

Разнеслись по городу и дошли до меня слухи, что вы пришли въ соблазнъ отъ 3-й и 4-й части романа: «Счастье лучше богатырства», говорите, что онъ долженъ быть запрещенъ и хотите войти съ докла-

домъ къ министру, если уже не вошли. Честь имѣю васъ увѣдомить, что все сказанное въ начертаніи характера журналиста Вампирова взято изъ вашего изображенія современной литературы (въ «Библіотекѣ для Чтенія»), гдѣ литераторы представлены хуже каторжниковъ, и если вы полагаете, что изъ 63 милліоновъ ни одинъ не долженъ струсить, и что это вредно для блага Россіи, то я думаю, что не весьма полезно для государя и отечества и пропущенное вами въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1844 года, № 2, смѣсь, стр. 98), въ которыхъ имя ваше было выставлено въ числѣ сотрудниковъ: «Богъ на крестѣ, освѣщающій свободу и равенство не однихъ римскихъ гражданъ, но и всѣхъ людей, какъ членовъ одного семейства, присущаго Его божественности— и вотъ, что побѣдило древній міръ и не перестаетъ развиваться и оплодотворяться въ мірѣ новомъ». Такихъ, и еще посильнѣе мѣстъ, пропущенныхъ вами въ «Отечественныхъ Запискахъ», еще нѣсколько есть, а потому и удивляюсь, что вамъ вдругъ вздумалось сдѣлать изъ меня человѣка злонамѣреннаго, пишущаго противъ правительства! Если въ «Мертвыхъ душахъ» губернаторъ и проч. можетъ быть подлецомъ, почему же негодяй не можетъ струсить въ моемъ романѣ, и почему у меня не можетъ быть подлеца-литератора?

Я долженъ буду защищаться, представить на видъ все пропущенное вами въ «Отечественныхъ Запискахъ», которыя помѣщали болѣе, нежели журналы, гдѣ свобода книгопечатанія, и вы все утверждали своею подписью. Скажу вамъ откровенно: горе литературѣ, когда цензора издаютъ журналы или сотрудничаютъ въ нихъ, точно такъ же, какъ горе коммерціи, когда таможенные занимаются торговлею.

Съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью честь имѣю быть вашимъ покорнымъ слугой Ѳаддей Булгаринъ.

19.

18-го января 1847 г.

Пересмотрѣлъ я статью очесами великаго Торквемады, перваго инквизитора всѣхъ Испаній, стараго и новаго свѣта, вооружась при томъ смѣлостью А. И. Фрейганга и понятіями цензора же Крылова, и передъ Богомъ и людьми не вижу больше ничего, что бъ могло быть подвержено толкованію самыхъ ухищренныхъ фарисеевъ. Вы говорите мнѣ, что въ статьѣ собрано все дурное. Помилуйте, отецъ и командиръ! Прекрасные характеры Филонова, профессора русской словесности, директора департамента, учителя Бидермана, дочери и жены его, всѣхъ офицеровъ и самаго героя—дуренъ одинъ Вампировъ! Цѣль—самая благонамѣренная. Гоголь сознался публично, что въ его «Мертвыхъ душахъ» нѣтъ ни одного утѣшительнаго образа, въ «Синей ассигнаціи»,

Гребенка — похабства въ академической газетѣ, а у меня всегда все чисто и съ цѣлью добра—и это первый разъ въ 27 лѣтъ, что вы, умный и благородный цензоръ, такъ жестоко взяли меня въ тиски! Что тутъ дурнаго, что героя принимаютъ въ полку холодно, и упрекаютъ, что онъ изъ статскихъ? Вѣдь это старина, а нынѣ уже 36 лѣтъ никого не принимаютъ прямо изъ статскихъ въ офицерскомъ чинѣ. Попечитель справедливо замѣтилъ, что неужели всѣ русскіе должны быть представлены Ахиллесами и ни одному не позволено струсить даже на бумагѣ. Лишая всю Россію одного изъ человѣческихъ ощущеній, отнимается пружина у драмы и романа! Но я и трусость исключилъ изъ трусости! Будьте прежнимъ Александромъ Васильевичемъ Никитенко и взгляните на предметъ вашимъ просвѣщеннымъ глазомъ! Право, мнѣ непостижимо, что̀ вы находите въ трактирной сценѣ? Я и ее измѣнилъ, и поставилъ толпу шалуновъ, исключилъ саблю и кровопролитіе. Какъ писать романъ изъ жизни, не касаясь житейскаго? Ужели это вредно церкви, престолу, нравственности и спокойствію гражданъ! Мнѣ, право, плакать хочется! Подумаю, что бъ сталось съ моимъ «Выжигинымъ», за котораго государь еще упрекалъ меня, что я слишкомъ прикрылъ дѣло!

Умоляю, взгляните вашимъ глазомъ на трудъ стараго и опытнаго литератора! Ужели я полѣзу въ петлю изъ-за фразы или картины? Посему, къ убѣжденію, что это ни вамъ, ни мнѣ не принесетъ неудовольствія, я исправилъ все, гдѣ можетъ быть даже тѣнь сомнѣнія.

Съ прежнимъ чувствомъ любви и уваженія есмь вамъ вѣрный и преданный Ѳ. Булгаринъ.

Письма А. Ѳ. Писемскаго—А. В. Никитенко.

1.

5-го іюля 1855 г.

Пользуясь вашимъ обязательнымъ дозволеніемъ, обращаюсь съ покорнѣйшею просьбою заступиться за мой разсказъ: «Плотничья артель», который сегодня долженъ быть представленъ отъ Волкова министру при рапортѣ. Рапортъ этотъ написанъ совершенно въ мою пользу, только Бога ради, не задержали бы его. Разсказъ долженъ печататься въ августовской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ».

Смѣю увѣрить, что разсказъ мой цензуренъ, а только придирчивость г. Фрейганга видитъ въ немъ мѣста, которыя будто-бы противорѣчатъ правиламъ цензуры.

2.

25-го ноября 1855 г. (?)

Пользуясь вашей добротой, я рѣшаюсь обратиться къ вамъ съ моей покорнѣйшей просьбой. Я слышалъ, что открывается нѣсколько цензорскихъ мѣстъ и потому, не имѣю ли возможности поступить туда и я. Состоя въ настоящее время безъ жалованья по министерству удѣловъ и живя въ Петербургѣ однимъ литературнымъ трудомъ, я крайне нуждаюсь въ службѣ и до сихъ поръ не имѣю въ виду никакого мѣста. Объ участіи вашемъ по этому дѣлу я хотѣлъ васъ просить еще въ прошлый разъ у Тургенева, но посовѣстился и теперь рѣшаюсь обратиться письменно. Министерству очень удобно сдѣлать цензоровъ изъ литераторовъ, предоставя такъ сказать цензурный судъ объ нихъ изъ среды же ихъ самихъ.

Если есть надежда на полученіе мнѣ этой должности, то, Бога ради, не оставьте меня совѣтомъ, какъ и что мнѣ дѣлать: идти ли мнѣ прямо къ министру, или къ товарищу министра, или просить кого-нибудь прежде? За полученіемъ отвѣта я сегодня лично бы явился къ вамъ, на вашу пятницу, но читаю свой новый романъ у Абрама Сергѣевича (Норова). Не обяжете ли меня письменнымъ отвѣтомъ, или когда назначите, я самъ явлюсь.

Еще разъ прося извиненія, что утруждаю моей просьбой, пребываю съ истиннымъ моимъ уваженіемъ покорнѣйшій слуга Алексѣй Писемскій.

Адресъ мой. На Итальянской, близъ Литовки, въ домѣ Износлова, Алексѣю Ѳеофилактовичу Писемскому.

Князь Григорій Волконскій—А. В. Никитенко.

15-го февраля 1843 г.

Любезнѣйшій Александръ Васильевичъ!

Послѣ сообщеннаго вамъ мною (въ засѣданіи 4-го февраля), приказанія господина министра о недопущеніи впредь псевдонима «Дворянина Кукареку»; послѣ даннаго вамъ мною предписанія насчетъ предварительнаго сообщенія цензорамъ объявленій всякаго рода

при концѣ журналовъ, мнѣ кажется, что не слѣдовало бы дозволить объявленія сновъ въ 7-мъ номерѣ (14-го февраля) «Литературной Газеты».

Душевно преданный вамъ князь Григорій Волконскій.

Сообщ. **С. А. Никитенко.**

Изъ дневника П. Г. Дивова [1]).

1832 г.

Январь. Новый годъ начался при дворѣ маскарадомъ. 1-го января министръ финансовъ Канкринъ и военный министръ гр. Чернышевъ получили Андрея Первозваннаго.

Поговариваютъ о войнѣ; если державы не придутъ къ соглашенію относительно Бельгіи, то война будетъ неизбѣжна.

Января 6-го. При дворѣ былъ пріемъ и обычный парадъ по случаю водоосвященія.

Января 11-го. Такъ какъ я не былъ въ прошедшемъ году ни раза на спектакляхъ въ Эрмитажѣ, то рѣшилъ отправиться туда сегодня. Давали новую французскую пьесу «La demoiselle» и нѣмецкій фарсъ «Домашній врачъ». Императоръ прибылъ съ императрицей въ $7^1/_2$ часовъ; 70—80 дамъ и дѣвицъ украшали скамьи по правую и по лѣвую стороны. Въ театральное зало собралось до 500 человѣкъ. Всѣ дамы были причесаны по послѣдней модѣ очень оригинально, но ихъ безобразили торчавшіе кверху букеты цвѣтовъ (подражаніе китайской прическѣ).

Января 12-го. Я поздравилъ вице-канцлера съ предстоящимъ бракомъ его дочери съ графомъ Хрептовичемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я поздравилъ его съ вѣроятнымъ умиротвореніемъ Бельгіи и замѣтилъ, что слишкомъ большая поспѣшность въ рѣшеніяхъ императора затруднительна; кажется, онъ вполнѣ согласенъ со мною.

Января 19-го. У вице-канцлера былъ балъ, который удостоили

---

[1]) См. „Русскую Старину“ декабрь 1899 г.

своимъ посѣщеніемъ императоръ, императрица и великая княгиня Елена Павловна. Я пріѣхалъ, по старому обычаю, въ бѣлыхъ чулкахъ и чувствовалъ себя въ этомъ костюмѣ не очень ловко, такъ какъ всѣ прочіе приглашенные статскіе были въ штанахъ и черныхъ чулкахъ, это скорѣе походило на похороны, чѣмъ на балъ.

Февраля 1-го. Сегодня объявленъ новый указъ о преобразованіи Сената. 2-го числа происходили первыя засѣданія въ департаментахъ Сената, а 5-го числа было общее собраніе, на которомъ новый министръ юстиціи Дашковъ выказалъ много такта въ умѣньи согласовать мнѣнія. Въ тотъ же день онъ и министръ внутреннихъ дѣлъ присягали по случаю вступленія въ новую должность. Дашковъ присягнулъ какъ слѣдуетъ, но министръ внутреннихъ дѣлъ, Блудовъ, имѣлъ видъ преступника, сидящаго на скамьѣ подсудимыхъ, и еле-еле выговорилъ формулу сенатской присяги.

Февраля 17-го. Сегодня праздновали столѣтіе со дня учрежденія кадетскаго корпуса. Я былъ приглашенъ на это торжество, какъ бывшій воспитанникъ этого заведенія. Торжество началось съ того, что маленькіе кадетики были выстроены передъ памятникомъ фельдмаршала гр. Румянцева Задунайскаго (воспитывавшагося въ этомъ корпусѣ). Великій князь Михаилъ Павловичъ, начальникъ военно-учебныхъ заведеній, отдалъ честь императору, который пріѣхалъ въ сопровожденіи военныхъ, дипломатовъ и генераловъ. Затѣмъ его величество принялъ командованіе и велѣлъ отдать честь императрицѣ, пріѣхавшей въ парадной каретѣ. Она проѣхала по фронту, привѣтствуемая троекратнымъ «ура!», и встала параллельно памятнику. Тогда кадеты прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо кареты и памятника, крича «ура!». Послѣ парада ихъ императорскія величества и ихъ высочества отправились въ корпусную церковь, гдѣ была отслужена литургія, а затѣмъ молебенъ, во время котораго пропѣли вѣчную память императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, основавшей корпусъ въ 1732 г. Церковная церемонія окончилась освященіемъ новаго знамени съ надписью о столѣтнемъ юбилеѣ. Затѣмъ всѣ перешли въ наше бывшее конференцъ-зало, гдѣ по приказанію великаго князя были разставлены столы съ роскошнымъ завтракомъ. За завтракомъ императоръ обратился ко мнѣ, замѣтивъ, что я забылъ, вѣроятно, ружейные пріемы, на что я отвѣчалъ, что если его величество прикажетъ, то онъ увидитъ, что я съумѣю съ этимъ справиться, не ударивъ лицомъ въ грязь; тогда онъ обратился къ великому князю, сказавъ, что онъ можетъ взять меня въ рекруты, такъ какъ я знаю ружейные пріемы. По окончаніи завтрака, спускаясь съ лѣстницы, чтобы ѣхать въ Зимній дворецъ, куда мы были приглашены на обѣдъ, я встрѣтилъ великаго князя, къ которому обратился съ просьбою позволить намъ, старымъ кадетамъ, выразить ему

нашу благодарность за пріемъ, намъ оказанный; онъ обнялъ меня, сказавъ, что это не стоитъ благодарности. Во дворцѣ насъ посадили по старшинству выпуска изъ корпуса. Я сидѣлъ третьимъ по лѣвую руку отъ государя. Великій князь Михаилъ Павловичъ сидѣлъ по правую его руку. Напротивъ императора сидѣла императрица и великая княгиня Елена Павловна, имѣя по правую руку австрійскаго посла и посланниковъ датскаго, шведскаго, виртембергскаго и французскаго. Рядомъ съ великой княгиней посадили митрополита, далѣе князя Паскевича и т. д. За обѣдомъ государь предложилъ только одинъ тостъ за храброе россійское воинство. Послѣ обѣда государь подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что намъ не удастся, вѣроятно, праздновать двухсотлѣтія корпуса. Я отвѣчалъ, что для блага Россіи надобно желать, чтобы его величество могъ отпраздновать этотъ юбилей; но я, со своей стороны, увѣренъ, что не проживу такъ долго. Вечеромъ былъ спектакль въ Эрмитажѣ, на который были приглашены одни воспитанники корпуса. Праздникъ закончился блистательной иллюминаціей. На транспарантѣ выдѣлялся вензель императрицы Анны Іоанновны—основательницы корпуса, и 1732 годъ, а на другомъ транспарантѣ—вензель государя и 1832 г.

Февраля 20-го. Великій князь Михаилъ Павловичъ, вмѣсто того чтобы позволить намъ (старымъ кадетамъ) пріѣхать поблагодарить его, счелъ за лучшее пригласить на обѣдъ меня, г. Философова и Кушникова. Пріѣхавъ къ четыремъ часамъ, я былъ принятъ милостиво; великій князь представилъ насъ великой княгинѣ. Кромѣ 20 человѣкъ бывшихъ воспитанниковъ разныхъ военно-учебныхъ заведеній, были приглашены къ обѣду: наслѣдникъ цесаревичъ со своимъ воспитателемъ ген. Мердеромъ, генералы: кн. Шаховской, Бистромъ и графъ Головкинъ. За столомъ, накрытымъ въ видѣ подковы, мы усѣлись въ слѣдующемъ порядкѣ: по правую руку отъ великой княгини сидѣлъ наслѣдникъ, по лѣвую—графъ Головкинъ, напротивъ сѣлъ воспитатель Мердеръ, Опочининъ, сенаторъ Озеровъ. Великій князь взялъ меня подъ руку и повелъ вмѣстѣ съ Кушниковымъ на конецъ стола, гдѣ онъ посадилъ меня по правую руку отъ себя. За обѣдомъ онъ говорилъ о разныхъ предметахъ и спросилъ меня между прочимъ, въ какомъ родѣ оружія я служилъ; я отвѣчалъ, что никогда не былъ военнымъ, но что судьба привела меня быть свидѣтелемъ 5 морскихъ сраженій и возстанія въ Варшавѣ въ 1794 г. Я передалъ ему разговоръ, который я имѣлъ по этому поводу съ его отцомъ, императоромъ Павломъ; выслушавъ мои замѣчанія насчетъ артиллеріи, императоръ сказалъ, что намѣренъ преобразовать ее въ томъ видѣ, въ какомъ она находится нынѣ. Послѣ обѣда, десерта и т. п. Опочининъ, Полетика, Кушниковъ и я составили кружокъ около великой княгини, которая сѣла у камина, а мы помѣстились возлѣ нея. Говорили объ исторіи Романовыхъ. Покуда мы разговаривали, приготовили два

зала, изъ коихъ въ одномъ два балетныхъ танцора должны были исполнить мимическую сцену съ танцами изъ балета «Deserteur», а въ другомъ залѣ должны были показывать китайскія тѣни. Великій князь пригласилъ на вечеръ до 50 воспитанниковъ артиллерійскаго училища, 1-го и 2-го корпуса и т. д., такъ что на спектаклѣ было около 150 зрителей. Здѣсь присутствовали также великія княжны и великій князь Константинъ Николаевичъ. Послѣ 7 часовъ пріѣхалъ императоръ. По окончаніи представленія, всѣхъ угощали чаемъ. Императоръ пробылъ до 9 часовъ. Послѣ его отъѣзда всѣ спустились въ арсеналъ, гдѣ его высочество забавлялся съ кадетами 1-го корпуса, которые вертѣли его взадъ и впередъ въ креслѣ по его командѣ. Онъ пригласилъ меня сѣсть въ этотъ кружокъ и когда мы встали, чтобы уходить, велѣлъ одному кадету сдѣлать на караулъ мнѣ и Кушникову. Затѣмъ мы поднялись по его приглашенію въ большое зало, гдѣ всѣ воспитанники выстроились по корпусамъ и маршировали по его командѣ. Это продолжалось до 11 часовъ, когда дѣтямъ велѣно было отдыхать. Я сидѣлъ все время возлѣ великой княгини, которая была ко мнѣ весьма милостива, такъ же, какъ ея супругъ. Около полуночи дѣти разошлись по корпусамъ; великій князь, поцѣловавъ меня сказалъ: «прощай, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ».

Въ теченіе этого длиннаго вечера, проведеннаго у великаго князя, я замѣтилъ, что онъ придаетъ особенное значеніе фехтовальному искусству, ибо всѣ его похвалы и поощренія относились къ тѣмъ кадетамъ, которые лучше другихъ знали ружейные пріемы и военную маршировку.

Апрѣля 4-го. По случаю нездоровья императрицы baise-main былъ отмѣненъ и при дворѣ не было никакихъ собраній.

Апрѣля 17-го. Сегодня впервые праздновался день рожденія наслѣдника цесаревича Александра Николаевича, но онъ не былъ на выходѣ, такъ какъ не выходитъ изъ своей комнаты, страдая отъ послѣдствій паденія съ лошади. Императоръ, императрица и ихъ императорскія высочества были у обѣдни.

Мая 1-го. Императору представлялись депутаты царства Польскаго. Ихъ привезли въ придворныхъ каретахъ. Они произнесли рѣчь, выражая свою покорность и свое раскаяніе по поводу мятежа. Министръ внутреннихъ дѣлъ Блудовъ отвѣчалъ имъ соотвѣтственной обстоятельствамъ рѣчью, въ которой говорилось, что его величество сожалѣетъ о томъ, что ему пришлось прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ для водворенія порядка, и что онъ постарается возстановить благоденствіе страны. Въ обществѣ не одобряютъ того, что этихъ поляковъ возили во дворецъ въ придворныхъ каретахъ; по-моему это несправедливо, нужно было обставить это нѣкоторымъ блескомъ, чтобы показать ихъ покорность.

Мая 4-го. Появился указъ объ упраздненіи главнаго штаба воен-

наго вѣдомства; вся власть сосредоточена въ лицѣ военнаго министра.

Мая 10-го. Газеты сообщаютъ о перемѣнѣ министерства въ Англіи; Грей и К° подали прошеніе объ отставкѣ, и король принялъ его. Паденіе министерства, вызванное биллемъ о реформахъ, который былъ отвергнутъ или измѣненъ палатою пэровъ, вызоветъ нѣкоторое волненіе въ странѣ, но разрушитъ планы англійскихъ и французскихъ революціонеровъ. Такъ какъ король упорствуетъ въ своемъ желаніи провести билль, то лордъ Веллингтонъ и его приверженцы не хотѣли нанести окончательнаго удара министерству, и король возстановилъ прежнее министерство де-Грея, давъ ему необходимыя полномочія для проведенія этого билля, т. е. давъ ему право созвать новую палату пэровъ, что чрезвычайно не нравится англійской аристократіи. Послѣ принятія билля Грей, по всей вѣроятности, выйдетъ въ отставку, но англичане проклянутъ его со временемъ за то, что онъ заставилъ ихъ поддержать его проектъ.

Іюнь. Я слышалъ, что финансы вел. кн. Михаила Павловича разстроены, что у него 500 тыс. р. долгу; императоръ хочетъ уплатить этотъ долгъ, просмотрѣвъ предварительно счеты, и это поручено оберъ-егермейстеру Васильчикову. Великій князь чрезвычайно добръ, онъ оказываетъ пособіе многимъ офицерамъ; одни адъютанты получаютъ отъ него до 95 тыс. въ годъ. Содержаніе конюшни на 120 лошадей обходится около 250 тыс.; это слишкомъ много при доходѣ въ 900 тыс.

Въ первыхъ числахъ іюня гр. Поццо-ди-Борго пріѣхалъ изъ Парижа, чтобы познакомиться съ императоромъ. Его приняли какъ нельзя лучше. Я не былъ съ нимъ знакомъ и никогда не видалъ его; тѣмъ не менѣе, цѣня его способности и услуги, имъ оказанныя, я отлитографировалъ его портретъ. Онъ остановился у гр. Литты. Я заѣхалъ къ нему нѣсколько дней спустя по его пріѣздѣ, но не засталъ его дома. Заѣхавъ вторично 15-го числа, я былъ принятъ графомъ весьма привѣтливо. Мы бесѣдовали о дѣлахъ Франціи. Я поздравилъ его съ тѣмъ, что онъ не былъ въ Парижѣ во время тамошней сумятицы. Я спросилъ, какого онъ мнѣнія о гр. Медемѣ, который назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ на время его отсутствія. Онъ отвѣчалъ, что это человѣкъ умный, что онъ съумѣлъ втереться всюду, даже и въ тѣ дома, гдѣ онъ, Поццо-ди-Борго, не бываетъ, такъ какъ онъ совершенно не играетъ въ карты. Говоря о дѣлахъ Франціи, онъ сказалъ мнѣ, что волненія въ этой странѣ не прекратятся; это точно какъ въ природѣ, хотя солнце и заходитъ каждый день, но съ его закатомъ жизнь не прекращается; оно взойдетъ снова по утру, и жизнь начнется по-прежнему. Онъ сказалъ мнѣ, что ему 62 года, но онъ выглядитъ старше. Онъ говоритъ спокойно; его французскій выговоръ напоминаетъ не-

много итальянца. Относительно Бонапарта онъ высказалъ, что не считаетъ его человѣкомъ чистосердечнымъ, и что даже возстановленіе религіи было дѣломъ неискреннимъ, хотя ему необходимо было это сдѣлать въ своихъ собственныхъ интересахъ. Относительно императора Александра I графъ былъ того мнѣнія, что государь слишкомъ поддавался своимъ порывамъ и считалъ людей менѣе испорченными, каковы они на самомъ дѣлѣ. Когда гр. Литта прервалъ нашъ разговоръ, войдя по обыкновенію съ шумомъ и трескомъ, Поццо-ди-Борго замолчалъ; новою темою для нашего разговора послужилъ памфлетъ на Польшу. Авторъ хотѣлъ напечатать его въ Парижѣ. Я вставилъ свое слово, сказавъ, что если петербургская цензура не позволяетъ его печатать, то нѣтъ никакого основанія печатать этотъ памфлетъ въ иномъ мѣстѣ; при томъ, чѣмъ меньше будутъ писать, тѣмъ лучше. Литта какъ будто покровительствуетъ автору. Поццо высказалъ, что въ этомъ памфлетѣ интересенъ историческій очеркъ, но что онъ не берется печатать его; «въ такомъ случаѣ,—сказалъ Литта,—сохраните рукопись у себя въ томъ видѣ, какъ она есть».

Іюня 25-го. Мнѣ разрѣшенъ высочайшимъ указомъ отпускъ на 4 мѣсяца. Указъ подписанъ 1-го іюня, но министръ юстиціи Дашковъ устроилъ дѣло такъ, что отпускъ будетъ считаться лишь съ 15 іюня, а такъ какъ его величество разрѣшилъ мнѣ отпускъ съ сохраненіемъ содержанія, то Дашковъ желаетъ, чтобы это осталось тайною для другихъ. Это нелѣпо, ибо государь въ правѣ дать мнѣ то, въ чемъ онъ отказываетъ другимъ. Я уѣхалъ изъ Петербурга 25-го іюня и отправился черезъ Бѣлоруссію и Волынь въ мое имѣніе Песекъ (Piesec). Урожай въ этомъ году былъ хорошій, но я произвелъ перемѣны въ управленіи моимъ имѣньемъ, назначивъ помощника управляющаго главнымъ управляющимъ на мѣсто дурака, рекомендованнаго мнѣ Дубецкимъ. Пріѣхавъ въ Каменецъ, я познакомился съ мѣстными властями. Губернаторъ, Лубяновскій, человѣкъ умный, всѣми любимъ. Дворяне любятъ его за то, что, производя слѣдствіе, во время мятежа, онъ не прибѣгалъ къ крутымъ мѣрамъ и, допросивъ до 2.000 человѣкъ, спасъ ихъ отъ вполнѣ заслуженной ими, быть можетъ, кары. Мѣщане, купечество и народъ любятъ его за справедливость и дѣятельность.

Архіепископъ—честный человѣкъ, а архимандритъ Ѳеофанъ—человѣкъ въ высшей степени умный. Всѣ эти лица отнеслись ко мнѣ весьма пріязненно. Чтобы избѣгнуть затруднительнаго положенія, которое вызываютъ обыкновенно выборы, я пробылъ въ Каменцѣ всего одинъ день и выѣхалъ оттуда 27-го числа до начала засѣданій. Я направился на Брестъ и въ мое имѣніе Крынки въ Литвѣ. Урожай и тамъ былъ хорошій. Я былъ не особенно доволенъ главнымъ управляющимъ Шиманскимъ, но приходилось терпѣть его, не имѣя другаго въ виду. Я

пробылъ въ Крынкахъ всего нѣсколько дней и слышалъ въ это время о разбояхъ въ Бѣлостокскихъ лѣсахъ, которые были подавлены дѣятельнымъ вмѣшательствомъ гродненскаго гражданскаго губернатора Муравьева. Пріѣхавъ въ Гродно, я не засталъ тамъ губернатора, который уѣхалъ въ Лиду, чтобы закрыть нѣсколько монастырей. Я познакомился съ тамошнимъ вице-губернаторомъ кн. Давыдовымъ, только-что вступившимъ въ исполненіе своихъ обязанностей. Кажется, этотъ князь хорошо справится съ своимъ дѣломъ. Онъ передалъ мнѣ свой разговоръ съ императоромъ, который свидѣтельствуетъ, что его величество сожалѣетъ объ упраздненіи коллегій и что Комитетъ министровъ ему не нравится. Я уѣхалъ изъ Гродно 8-го сентября въ Вильно, гдѣ увидѣлъ генералъ-губернатора кн. Долгорукова; онъ сказалъ мнѣ, что число упраздненныхъ монастырей доходитъ до 50 и что ему приказано закрыть даже нѣкоторыя приходскія церкви въ Вильно. Онъ уже говорилъ объ этомъ съ епископомъ, который поморщился, поплакалъ и въ концѣ концовъ подписалъ объ этомъ актъ; но на слѣдующій день былъ у него вторично, чтобы взять свое согласіе назадъ. Монахи изъ упраздненныхъ монастырей, принимавшіе участіе въ повстаніи, были тотчасъ разосланы по другимъ монастырямъ. Этотъ князь, кажется, не большой мастеръ своего дѣла. Я очень хвалилъ ему благоразумныя мѣры гродненскаго гражданскаго губернатора (котораго я въ глаза не видалъ), учредившаго полицейскій надзоръ во всѣхъ мѣстечкахъ, и коснулся вопроса о кагалахъ въ этихъ мѣстечкахъ и городахъ, которые, злоупотребляя довѣріемъ своихъ собратьевъ-израильтянъ, воровали деньги и были виновны въ непоступленіи налоговъ.

Уѣхавъ изъ Гродно 8-го сентября, я направился на Вилькомiръ и Динабургъ. Я видѣлъ шоссе, проводимое изъ Ковно въ Динабургъ, которое уже порядкомъ подвинулось. Въ Динабургѣ производились огромныя крѣпостныя работы. Эти прекрасные верки начаты императоромъ Александромъ; нынѣ царствующій императоръ дѣятельно подвигаетъ работы. Я остановился у коменданта, ген.-лейт. Гельвига; я былъ обязанъ этимъ вниманіемъ саперному генералу Руперту, съ которымъ я познакомился по пути.

Уѣзжая изъ Динабурга въ Ригу, я слышалъ на первой станціи Кокгузенъ (имѣніе камергера Левенштерна), что разбойники хотѣли угнать всѣхъ почтовыхъ лошадей съ этой станціи и что они бѣжали за Двину. Говорятъ, что они неистовствовали въ Курляндіи, гдѣ воровали, грабили, и т. д. Въ Ригѣ, тамошній губернаторъ, генералъ, бар. фонъ-деръ-Паленъ подтвердилъ мнѣ эти печальные слухи; онъ жаловался на то, что не можетъ подавить эти безпорядки вслѣдствіе недостатка войскъ въ Курляндіи, что министръ финансовъ отнялъ у него казаковъ для борьбы съ контрабандистами и что онъ писалъ военному министру,

но тотъ ограничился одними обѣщаніями. Я пріѣхалъ въ Ригу 15-го сентября, а выѣхалъ оттуда 16-го. Въ Ригѣ довольно плохой театръ праздновалъ въ это время 50-лѣтній юбилей своего существованія; по этому случаю дали «Emilia Galott», игранную въ первый годъ существованія театра; во время представленія на сценѣ былъ увѣнчанъ бюстъ основателя театра гр. Фельтенгофа.

Дорога изъ Риги въ Петербургъ единственная, по которой можно ѣхать съ удовольствіемъ. Я проѣзжалъ тутъ 13 лѣтъ тому назадъ и нашелъ большія улучшенія въ почтовыхъ гостиницахъ.

Я прибылъ въ Петербургъ 21-го сентября.

Октября 13-го. Въ 11½ часовъ вечера пушечные выстрѣлы возвѣстили жителямъ столицы о рожденіи великаго князя Михаила Николаевича, 4-го сына императора Николая.

Октября 15-го. При дворѣ былъ выходъ, и отслужено благодарственное молебствіе по случаю рожденія великаго князя Михаила.

Ноября 8-го. Совершенъ обрядъ крещенія новорожденнаго великаго князя Михаила Николаевича. Я былъ во дворцѣ вмѣстѣ съ прочими лицами. По этому случаю Сакену пожалованъ титулъ князя, а Бенкендорфу и Кутузову—графскій титулъ. Бенкендорфъ вполнѣ достоинъ этой награды, такъ какъ онъ не отравлялъ жизнь государя доносами, которыхъ по роду своей службы онъ могъ бы дѣлать сколько угодно. Княгиня Бѣлосельская и княгиня Волконская, супруга министра двора, пожалованы статсъ-дамами.

Изъ воспоминаній стараго педагога.

Нѣсколько страницъ изъ пережитаго и передуманнаго.

VII [1]).

Мой отъѣздъ на службу въ Нижній.—Провинціальная глушь и безжизненность этого города.—Памятникъ Минину и Пожарскому.—Клубы и карты.—Нижегородскій Александровскій дворянскій институтъ.—Директорство Розинга.—Учительская корпорація и г. Сциборскій, пособникъ и руководитель Розинга.—Юбилей института.—Рѣчь моя о воспитаніи.—Частные мои уроки и случай съ чтеніемъ Домостроя.—Ревизія Сахарова.—Моя неблагонамѣренность.—А. С. Гацискій.—Мой отъѣздъ изъ Нижняго и переходъ на службу въ Петербургъ.

Въ 1867 году я получилъ должность преподавателя исторіи и географіи въ Нижегородскомъ Александровскомъ мужскомъ институтѣ, основанномъ въ 40-хъ годахъ съ исключительною цѣлью облегчить дворянамъ, за сравнительно небольшую плату, помѣщеніе ихъ дѣтей въ пансіонѣ.

Послѣ пятилѣтнихъ непрерывныхъ трудовъ, пришлось разстаться съ университетскою жизнью, а жилось тогда и при скудныхъ матеріальныхъ средствахъ привольно и хорошо и, несмотря на истекшій тридцатилѣтній періодъ времени, съ чувствомъ глубокой сердечной благодарности вспоминаешь свое прошлое студенческое житье, зарю своей молодости. Волей-неволей приходилось окунуться въ суровую житейскую обстановку. Съ чувствомъ неизъяснимаго горя, въ чудный, ясный день, сѣлъ я на пароходъ и отправился вверхъ по Волгѣ, къ мѣсту своей службы.

Лѣтъ тридцать тому назадъ Нижній Новгородъ былъ однимъ изъ самыхъ грязныхъ и бѣдныхъ провинціальныхъ городовъ. Только три-четыре улицы были мощеныя, и всѣ онѣ сходились на площадь (Благо-

[1]) См. „Русскую Старину“ іюль 1899 г.

вѣщенскую) передъ Кремлемъ. По преданію, на этой площади, перед церковью Благовѣщенія, знаменитый Мининъ сдѣлалъ свое воззван Сторона крѣпости, обращенной къ площади, окаймлена бульварчик съ тощими, чахлыми деревьями. На эту площадь выходитъ лицев фасадъ губернской гимназіи, почтовая контора и городской театр Бокъ-о-бокъ съ почтовой конторой стоитъ Александровскій дворянск институтъ, по архитектурѣ одно изъ красивѣйшихъ зданій въ город На эту же площадь, съ нижнихъ частей Волги и устья Оки, ид два съѣзда, въ концѣ одного стоитъ водопроводъ, дающій прекрасну родниковую воду; на башнѣ водопровода надпись: «На горах встанутъ воды». На Благовѣщенской же площади расположен центральный резервуаръ, окруженный постоянно грязью и лужа Все то, что лежитъ на окраинахъ города, за предѣлами трехъ-четыре улицъ, представляло собою въ то время непролазную грязь. Досча тротуары около изломанныхъ тумбъ были опасною ловушкою, та какъ на многихъ изъ нихъ доски провалились. Напрасно любопытн путешественникъ сталъ бы искать какихъ-нибудь достопримѣчатель ностей въ этомъ захолустномъ городѣ,—ихъ нѣтъ.... не смотря 600-лѣтнее существованіе города, бывшаго до временъ Василія I великокняжескою столицею. Правда, въ соборѣ обрѣтаются гробн нижегородскихъ удѣльныхъ князей, но, говорятъ, надписи не соотв ствуютъ могиламъ усопшихъ, а подобраны случайно. Даже гробн знаменитаго Минина была тридцать лѣтъ тому назадъ въ полн забвеніи въ темномъ склепѣ Преображенскаго собора и только по велѣнію наслѣдника, въ бозѣ почившаго императора Александра I эта гробница получила сѣнь и перенесена въ соборъ: ее осѣняютъ самыя хоругви, которыя были съ Мининымъ и Пожарскимъ. Кремлѣ стоитъ небольшой вышины обелискъ съ бронзовою надпис Гражданину Минину благодарные потомки.

Издали, въ лѣтнее время, Нижній, какъ и Ярославль, городъ к сивый, но, съ закрытіемъ навигаціи, онъ принимаетъ видъ города б людnаго, крайне грязнаго, города, въ которомъ жизнь торговая и м мышленная совершенно парализована пресловутою ярмаркою и м ніемъ Москвы. Съ наступленіемъ зимы, городъ погружался въ мерт сонъ: чиновничество, вмѣстѣ съ купечествомъ, разбредалось по клуб для карточной игры. Дворянство имѣло въ собственномъ домѣ с клубъ, купечество тоже, разночинцы тоже не отстали отъ дворян купцовъ и открыли свой клубъ подъ названіемъ: «Клубъ всѣ сословій или Соединенный». Въ этомъ клубѣ, въ основу у вольствій, клалось пиво и водка, а потому непьющему человѣку вс грозила опасность получить оскорбленіе дѣйствіемъ, такъ сл экспромптомъ, по ошибкѣ, невзначай.

Первое время моего пребыванія въ Нижнемъ-Новгородѣ,—а прожилъ я въ немъ четыре года,—онъ наводилъ на меня невыразимую тоску и уныніе. Когда въ зимнія лунныя ночи, проходя по улицамъ, услышишь заунывные звуки часоваго колокола въ Кремлѣ, то какой-то невыразимый страхъ овладѣваетъ душою, какъ будто идешь не въ людномъ городѣ, не посреди живыхъ людей, а въ проходахъ между саркофагами.

Сторона города, обращенная къ Волгѣ, между Кремлемъ и Печерскимъ монастыремъ, называемая «откосомъ», въ лѣтнее время служила мѣстомъ прогулки для чистой публики, но и тутъ нельзя было вполнѣ отдохнуть душою, такъ какъ на самомъ лучшемъ центральномъ мѣстѣ стоялъ кабачекъ, называемый почему-то ресторанъ. Трое-четверо еврейчиковъ съ флейтами и скрипками оглашали воздухъ неистовыми звуками.

Нижегородское дворянство умѣло поставить свой клубъ, что называется, на хорошую ногу. Здѣсь всегда былъ превосходный дешевый буфетъ, приличіе и трезвость, отличная читальня и библіотека, гдѣ были всѣ журналы, газеты и лучшія книги, а главное удобство—полная тишина.

Такова была обстановка, въ которую я попалъ съ небольшимъ тридцать лѣтъ тому назадъ, и послѣ кипучей студенческой дѣятельной жизни, волей-неволей приходилось втягиваться въ провинціальный омутъ. Молодаго учителя, разумѣется, много еще поддерживала нравственно служба, подготовка къ урокамъ, но въ общемъ было крайне тяжело при невольномъ воспоминаніи о недавнемъ прошломъ, о той благораживающей обстановкѣ, въ которой пришлось быть въ продолженіе пяти-лѣтъ, подъ сѣнью университетскаго креста.

Странное дѣло, что въ 60-хъ и въ 70-хъ годахъ, въ разгаръ великихъ реформъ покойнаго императора Александра II и при такомъ просвѣщенномъ министрѣ народнаго просвѣщенія, какъ графъ Д. А. Толстой, возможно было замѣщеніе должности директора въ Нижегородскомъ Александровскомъ дворянскомъ институтѣ г. П. Н. Розингомъ. Отъявленный карточный игрокъ, глубоко невѣжественный человѣкъ, чуждый всякой педагогики, не читавшій даже газетъ, г. Розингъ былъ когда-то преподавателемъ естественныхъ наукъ, и все преподаваніе этого важнаго предмета у него сводилось къ диктовкамъ преимущественно изъ ботаники Шаховскаго. Преподаваніе имъ велось безъ всякихъ наглядныхъ пособій: атласовъ, гербаріевъ и какихъ-либо чертежей на классной доскѣ. Въ началѣ восьмаго часа вечера г. Розингъ регулярно уходилъ въ клубъ и, несмотря ни на какую погоду, надѣвалъ на ноги высокія галоши, а на голову—высокій цилиндръ. Въ клубѣ онъ обыкновенно оставался до самаго закрытія его. Сдѣлавшись

директоромъ, онъ не измѣнилъ своихъ привычекъ. Онъ приходилъ въ институтскую канцелярію, курилъ папиросы «мериланда легкаго» и бесѣдовалъ съ писарями, отъ времени до времени подписывая бумаги. На его счастье попался письмоводитель «тертый калачъ», и г. Розингъ слѣпо довѣрялъ ему веденіе письмоводства. Какъ же могло случиться появленіе г. Розинга на директорскомъ мѣстѣ? какими соображеніями руководились, назначая его на такую должность? Дѣло объясняется очень просто. Дворянскій институтъ былъ подъ высшимъ наблюденіемъ губернскаго предводителя дворянства, который совмѣщалъ въ лицѣ своемъ и званіе почетнаго опекуна института. Въ началѣ 60-хъ годовъ такимъ почетнымъ опекуномъ и въ то же время губернскимъ предводителемъ былъ богатый помѣщикъ А. А. Турчаниновъ, имѣвшій сотни тысячъ годоваго дохода (впослѣдствіи, однако, разорившійся). Турчаниновъ былъ большой баринъ, отставной кавалергардъ, съ большими связями въ Петербургѣ, помѣщикъ, имѣвшій нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ и богатые заводы на Уралѣ; жилъ онъ въ Петербургѣ на широкую ногу; къ тому же онъ былъ замѣчательно красивъ собою. Но дѣла его мало-по-малу разстраивались; онъ вышелъ въ отставку и единогласно былъ выбранъ въ губернскіе предводители. Какъ ни былъ ограниченъ г. Розингъ, однако съумѣлъ пріобрѣсти благосклонность Турчанинова и, будучи инспекторомъ, однажды, въ день именинъ Турчанинова, самовольно повелъ воспитанниковъ для поздравленій, но жестоко поплатился за это: онъ былъ уволенъ по представленію директора А. В. Тимоѳеева. Но Турчаниновъ не покинулъ Розинга въ бѣдѣ: Тимоѳеевъ былъ переведенъ въ другой городъ, а Розингъ получилъ мѣсто директора, да еще вдобавокъ, по высочайшему повелѣнію, и уже въ непродолжительное время ясно оказались послѣдствія этого роковаго назначенія: заведеніе пришло въ конечный упадокъ. Педагогическіе совѣты были сплошнымъ курьезомъ; большинство воспитателей при пансіонѣ были иностранцы; вдобавокъ, на всеобщее посмѣшище воспитанникамъ отданъ былъ надзиратель старикъ, И. А. Геллеръ. Учительская корпорація имѣла двухъ прекрасныхъ учителей: преподавателя В. В. Малинина и преподавателя нѣмецкаго языка А. А. Аллендорфа. Малининъ былъ человѣкъ безусловно полезный для заведенія: онъ поддерживалъ его репутацію въ общественномъ мнѣніи; это былъ человѣкъ энергичный, всесторонне образованный, не опускавшій рукъ и вынесшій много житейскихъ невзгодъ. Онъ не сидѣлъ безъ дѣла: то участвовалъ въ музыкально-литературныхъ вечерахъ, устраивавшихся въ институтѣ по его иниціативѣ: тутъ онъ выступалъ музыкантомъ, играя на концертинѣ; отъ времени до времени онъ читалъ публичные курсы по физикѣ, всегда собиравшіе массу публики, съ жадностью смот-

рѣвшей на его физическіе опыты. Этотъ человѣкъ былъ дѣйствительно отраднымъ явленіемъ въ провинціальномъ городѣ.

А. А. Аллендорфъ былъ въ то же время библіотекаремъ и привелъ библіотеку въ большой порядокъ. Вотъ люди, которыхъ пріятно вспомянуть добрымъ словомъ, люди, смягчавшіе всю неприглядность институтскаго житья.

Меня поразило одно явленіе въ учебномъ персоналѣ: это законоучитель института. Мало того, что онъ былъ франтовато одѣтъ, ходилъ въ крахмальномъ бѣльѣ, подстриженный, но, къ моему удивленію, онъ постоянно бѣлился и румянился. Это былъ человѣкъ высокаго роста и красивый. Въ алтарѣ онъ вѣшалъ зеркало, передъ которымъ находилъ возможность постоянно причесываться и вертѣться во время богослуженія. Это тѣмъ болѣе было неумѣстно, что свидѣтели всего этого были воспитанники, исполнявшіе разныя обязанности при церковной службѣ.

Такова-то была обстановка, при которой приходилось мнѣ начинать мою учебную дѣятельность. Разбитый параличемъ, окончательно разорившійся, Турчаниновъ сошелъ со сцены, и предводителемъ дворянства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опекуномъ института выбранъ былъ М. Б. Прутченко, одинъ изъ блестящихъ мировыхъ посредниковъ. Онъ дѣлалъ все, отъ него зависѣвшее, къ упорядоченію какъ учебной, такъ и воспитательной части въ институтѣ, къ устраненію нелѣпаго управленія заведеніемъ пресловутымъ Розингомъ.

Кто же былъ настоящимъ заправилою? Учебное заведеніе было многолюдное, имѣло пансіонъ, большія денежныя средства.

Но къ счастію г. Розинга появился Б. А. Сциборскій, бывшій преподаватель русскаго языка въ Аракчеевскомъ кадетскомъ корпусѣ. Личность этого Сциборскаго не лишена въ своемъ родѣ значенія. Попалъ онъ въ Нижній Новгородъ одновременно съ переводомъ туда Аракчеевскаго корпуса въ срединѣ 60-хъ годовъ, когда кадетскіе корпуса переименовывались въ военныя гимназіи. Болѣе неудачнаго мѣста для корпуса во всѣхъ отношеніяхъ трудно было выбрать, какъ именно Нижній Новгородъ, съ его крайне дурнымъ, суровымъ климатомъ, съ отсутствіемъ садовъ, мѣстъ для прогулокъ и, къ тому же, помѣщеніе корпуса было передѣлано изъ старыхъ казармъ, насквозь пропитанныхъ всевозможными бактеріями. Тогдашнему директору корпуса, П. И. Носовичу, пришлось потратить много трудовъ и энергіи для устройства помѣщенія. Склоны горъ, на которыхъ стоитъ корпусъ, обращены къ устью Оки и были сплошь покрыты навозомъ, всякимъ мусоромъ, оврагами; пришлось разсаживать передъ корпусомъ тощія деревца, которыя плохо принимались, такъ какъ грунтъ земли засоренъ былъ камнемъ, кирпичемъ и пр.

Учебный и воспитательскій персоналъ въ корпусѣ былъ самый разнокалиберный: тутъ были офицеры Артиллерійской академіи или генеральнаго штаба, истинное украшеніе корпуса; въ немъ же служили разные педагогическіе маеусаилы и, наконецъ, категорія людей, статскихъ, во всѣхъ отношеніяхъ случайныхъ, занесенныхъ въ корпусъ по волѣ капризной судьбы, разныхъ неудачниковъ, съ темнымъ прошлымъ. Къ числу такихъ личностей принадлежалъ и милѣйшій г. Сциборскій. Себя онъ величалъ питомцемъ главнаго Педагогическаго института, якобы товарищемъ Добролюбова, сотрудникомъ журнала «Современникъ» по отдѣлу «Внутреннее обозрѣніе». Насколько послѣднее было вѣрно, судить не берусь, но сильно въ этомъ сомнѣваюсь. Это былъ человѣкъ хитрый, пронырливый, въ то же время крайне сдержанный, съ большимъ самообладаніемъ, крайне двуличный,— все это навѣвало на него какой-то покровъ таинственности, лишало его въ глазахъ товарищей всякаго довѣрія и возбуждало рядъ подозрѣній. Г. Сциборскій перешелъ на службу въ Александровскій дворянскій институтъ. Онъ вполнѣ понялъ новую обстановку и, разгадавъ директора, сдѣлался его правою рукою. Годичные директорскіе отчеты, посылаемые въ округъ, составлялись и писались г. Сциборскимъ. Онъ съ учительствомъ совмѣстилъ и воспитательство. Лишенный всякаго благородства, онъ не постыдился организовать въ каждомъ классѣ шпіонство. Омерзительное его поведеніе дѣйствовало самымъ растлѣвающимъ образомъ на среду воспитанниковъ, такъ какъ все въ немъ было ложно, фальшиво, неблагородно. Пресмыкательствомъ передъ Розингомъ, угодливостью Сциборскій выслуживалъ разныя денежныя подачки не въ примѣръ прочимъ, а въ этомъ онъ болѣе, чѣмъ кто-либо, нуждался, несмотря на двойной окладъ жалованья и квартиру. Нужда эта вызывалась необходимостью уплачивать карточные долги, такъ какъ все, свободное отъ службы, время проходило у Сциборскаго въ клубѣ, за зеленымъ столомъ. Сциборскій былъ человѣкъ грамотный, отъ природы неглупый и служилъ Розингу двойнымъ секретаремъ: и приватнымъ, и оффиціальнымъ. Не знаю, подозрѣвали ли въ Казани о настоящемъ авторѣ отчетовъ. Когда въ педагогическихъ совѣтахъ поднимались мало-мальски жгучіе вопросы, Сциборскій всячески уклонялся отъ какихъ бы то ни было преній, только язвительно улыбался. Человѣкъ подобнаго закала могъ быть очень опасенъ, но, къ счастью института, Сциборскій проигрался и, получивъ большіе прогоны, отправился въ Омскій кадетскій корпусъ, оттуда переѣхалъ въ Иркутскъ, гдѣ получилъ мѣсто директора гимназіи; изъ Иркутска—въ Череповецъ директоромъ учительской семинаріи и, въ заключеніе, умеръ въ какомъ-то городишкѣ западнаго края, однако на директорскомъ мѣстѣ.

Мое положеніе, какъ преподавателя, было не изъ легкихъ: двадцать два недѣльныхъ урока по исторіи и географіи требовали большаго напряженія силъ. Нужно было тщательно изучить среду воспитанниковъ, въ которой приходилось дѣйствовать, приспособлять курсъ къ степени развитія учащихся. Первымъ моимъ шагомъ было знакомство съ библіотекой института: въ ней оказалось много прекрасныхъ пособій и весьма даже рѣдкихъ. Изъ бывшихъ учениковъ по институту вышло нѣсколько профессоровъ и прекрасныхъ докторовъ медицины. Въ теченіе четырехъ лѣтъ моего пребыванія въ Нижнемъ я усердно работалъ надъ подготовкою къ урокамъ. Только въ учительской дѣятельности, видя сочувствіе къ себѣ воспитанниковъ, я находилъ истинную для себя отраду. Въ городѣ я имѣлъ знакомыхъ—два-три семейныхъ дома, гдѣ не играли въ карты, а напротивъ, посвящали досужное время пѣнію, музыкѣ и спорамъ. Таково было семейство судебнаго слѣдователя Д. Ф. Гельшерта, человѣка живаго и даровитаго. Отъ времени до времени у него появлялся декабристъ Ив. А. Анненковъ, проживавшій въ Нижнемъ.

Одинъ разъ въ мѣсяцъ въ губернской гимназіи собирались соединенные педагогическіе совѣты изъ учителей мужскаго института и самой гимназіи; предсѣдателями на этихъ совѣтахъ былъ по очереди одинъ изъ директоровъ института или гимназіи; протоколы собраній составлялись поочередно то секретаремъ института, то гимназіи. Когда наступила очередь директора института Розинга предсѣдательствовать въ соединенномъ совѣтѣ, то несчастный карточный игрокъ разыгрывалъ печальную роль, совершенно стушевался, и руководительство попадало, по обыкновенію, въ руки тогдашняго директора гимназіи, К. И. Садокова.

Достойно сожалѣнія, что въ Нижнемъ Новгородѣ не было открыто Педагогическое общество, такъ какъ въ небольшомъ сравнительно городѣ было до восьми разныхъ учебныхъ заведеній. Между воспитателями въ Аракчеевской военной гимназіи выдавались люди далеко недюжинные; таковъ былъ, напримѣръ, Я. И. Гердъ, впослѣдствіи перешедшій въ Москву, Аршауловъ, перешедшій въ Финляндію главнымъ начальникомъ всѣхъ русскихъ учебныхъ заведеній.

Въ 1869 году 30-го августа исполнилось ровно 25 лѣтъ со времени основанія Александровскаго дворянскаго института. Юбилейную рѣчь совѣтъ института поручилъ составить мнѣ. Темою я выбралъ вопросъ о воспитаніи по системѣ знаменитаго философа Герберта Спенсера. Въ настоящее время этотъ знаменитый трактатъ вышелъ въ трехъ изданіяхъ. Какъ извѣстно, Спенсеръ отвергаетъ теорію наказаній, а признаетъ теорію естественныхъ реакцій, производимыхъ самою природою.

Теорія воспитанія Спенсера въ то время, въ 60-хъ годахъ, была совершенною новостью. Тогдашній управляющій контрольной палаты, высоко-образованный человѣкъ, Керберъ, съ искренною, глубокою симпатіею благодарилъ меня за рѣчь. По этому случаю я не могу не вспомнить одинъ фактъ, наглядно рисующій пониманіе родителями круга своихъ обязанностей по отношенію къ дѣтямъ. Давалъ я уроки въ одномъ богатомъ купеческомъ домѣ. Глава дома—человѣкъ безусловно добрый, никакихъ средствъ не жалѣлъ дать своей единственной дочери блестящее воспитаніе и образованіе. Меня просили прочитать рядъ лекцій по русской исторіи, преимущественно со временъ эпохи Іоанна Грознаго. Дѣло пошло очень удачно. Ученица, уже взрослая дѣвушка, оказалась очень талантливой, воспріимчивой. На одномъ урокѣ рѣчь шла объ обязанностяхъ родителей къ дѣтямъ, словомъ, о Домостроѣ попа Сильвестра, рекомендующаго возлагать раны на дѣтей. Этотъ литературный памятникъ, отраженіе своего суроваго вѣка, общеизвѣстный фактъ. Но здѣсь со мною случилось нѣчто невѣроятное: когда я кончилъ свою лекцію и вышелъ изъ классной комнаты въ столовую къ чаю, то родной братъ хозяина бросился мнѣ на шею и искренно меня благодарилъ за тѣ добрые совѣты, которые я внушалъ его племянницѣ относительно повиновенія и послушанія родителямъ и мужу. Словомъ, мораль Домостроя пришлась какъ нельзя больше по сердцу этому купцу-милліонеру: онъ былъ видимо въ восторгѣ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1870 года одинъ изъ моихъ хорошихъ знакомыхъ, пріобрѣвшій громкую извѣстность, какъ секретарь статистическаго комитета и какъ публицистъ, Александръ Серафимовичъ Гацискій получилъ изъ г. Казани извѣстіе отъ сестры своей, что въ Нижній отправляется на ревизію учебныхъ заведеній окружной инспекторъ И. А. Сахаровъ. Я уже говорилъ объ этомъ Сахаровѣ, какъ объ инспекторѣ 1-й гимназіи и вообще какъ о человѣкѣ, но здѣсь, по данному поводу, считаю не лишнимъ опять остановить вниманіе читателя. Этотъ замѣчательный сыщикъ, въ своемъ родѣ россійскій Лекокъ, представлялъ изъ себя нѣчто выдающееся, какъ продуктъ мѣстныхъ ненормальныхъ условій жизни провинціальнаго захолустья; человѣкъ, лишенный всякаго образованія, нигдѣ и ничему не учившійся, онъ своею пронырливостью, необыкновенною угодливостью, пресмыкательствомъ передъ всякимъ, власть и силу имѣющимъ, сильно укрѣпился въ Казанской учебной администраціи и, вдобавокъ, пріобрѣлъ репутацію дѣловаго чиновника. Это былъ тертый калачъ во всѣхъ отношеніяхъ, имѣвшій себѣ на службѣ большое состояніе, нѣсколько каменныхъ домовъ съ обширными пристройками для магазиновъ, и все на лучшихъ улицахъ; имѣніе это было благопріобрѣтное и цѣнилось въ сотни тысячъ рублей. Всѣ попечители Казанскаго учебнаго округа,

начиная съ Мусина-Пушкина, суроваго деспота, и кончая г. Шестаковымъ, въ тридцатилѣтній промежутокъ времени, съ 1846 по 1876 годъ, оказывали ему неизмѣнное довѣріе. Сахаровъ былъ лишенъ всякаго образованія и, кромѣ Булгаринской газеты «Пчела», да сочиненій Загоскина и Марлинскаго, ничего другаго не читалъ. А между тѣмъ, онъ достигъ крупнаго чина, имѣлъ на груди двѣ звѣзды. Въ 1876 году исполнилось тридцатипятилѣтіе его службы, и Сахарову, во что бы то ни стало, хотѣлось удержаться еще пятилѣтіе и заполучить владимірскую звѣзду. И онъ удержался еще пять лѣтъ, хотя звѣзды и не получилъ. Начиная съ 1866 г., послѣ печальнаго 4-го апрѣля, Сахаровъ, какъ знаменитый сыщикъ, былъ постоянно въ командировкахъ для розысковъ, рыскалъ сѣрымъ волкомъ для искорененія нигилизма. Плоды его омерзительной дѣятельности вскорѣ оказались въ многочисленныхъ увольненіяхъ лучшихъ учителей Казанскаго округа, при чемъ нѣкоторые были отставлены безъ подачи прошенія, т. е., по-просту говоря, были ошельмованы; нѣкоторые изъ такихъ несчастныхъ были приняты въ государственный контроль знаменитымъ реформаторомъ Татариновымъ; другіе нашли убѣжище въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ, у К. К. Грота и, наконецъ, въ военныхъ гимназіяхъ у Н. В. Исакова.

Словомъ, для И. А. Сахарова открылось широкое поле дѣятельности, гдѣ онъ былъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ. Эта педагогическая ищейка время для такъ называемыхъ ревизій выбирала въ періодъ навигаціи и только рѣдко зимою, когда проѣзды были очень дороги, а всеконченно—для Сахарова было очень важно удержать нѣсколько сотенъ рублей, выданныхъ ему по генеральскому чину на прогоны. Еще къ счастью, что въ Казани, мѣстопребываніи Сахарова, были добрые люди, предупреждавшіе своихъ знакомыхъ въ разныхъ гимназіяхъ округа своевременно о предполагаемыхъ ревизіяхъ Сахарова. Получивъ подобное увѣдомленіе, мѣстное начальство раскладывало по корридорамъ свѣжіе просмоленные маты, всюду происходила чистка мѣдныхъ ручекъ, по классамъ сторожа проносили ароматныя курильницы, натирали воскомъ полы, у досокъ приготовлялись новыя губки, мѣлки, словомъ, гимназія принаряжалась, такъ какъ всѣ хорошо понимали, на что будетъ сосредоточено вниманіе невѣжественнаго Сахарова. И только благодаря этому обстоятельству въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ удержалась администрація. Я ни сколько не измышляю, рисуя такъ дѣятельность знаменитаго сыщика, столь памятнаго до сихъ поръ въ Казани. Своимъ внезапнымъ появленіемъ на ревизіи онъ наводилъ на нѣкоторыхъ просто паническій ужасъ, разумѣется, преимущественно на людей семейныхъ, разсчитывающихъ на полученіе пенсіи: отъ такого ревизора педагоги не ждали великодушія, а напротивъ, были убѣждены, что ревизія

не обойдется безъ обычныхъ жертвъ, и что эти жертвы нужны для Сахарова, чтобы оправдать необходимость въ своей сыскной дѣятельности. Невѣжественный человѣкъ, ничего не понимающій въ методахъ преподаванія, Сахаровъ тѣмъ не менѣе бывалъ очень опасенъ и ударъ могъ направить въ сторону, гдѣ его всего менѣе ожидали, гдѣ всего менѣе предвидѣли возможность Сахаровскаго вниманія.

Такого рода ревизоръ предполагался въ декабрѣ 1870 года для нижегородскихъ учебныхъ заведеній. Всѣ знали, что для Сахарова въ 1871 году возникалъ роковой вопросъ объ оставленіи его на службѣ сверхъ 35-ти лѣтъ, и поэтому онъ долженъ чѣмъ-нибудь да отличиться въ Нижнемъ. Наибольшая опасность грозила преимущественно учителямъ словесности и исторіи; математика была наименѣе уязвима, напротивъ, въ исторіи или словесности, и въ устныхъ и письменныхъ отвѣтахъ учениковъ, и въ подборѣ учебныхъ пособій, люди, подобные Сахарову, всегда могли розыскать, пронюхать слѣды либерализма, зловредность направленія. Сахаровъ, какъ Грибоѣдовскій Фамусовъ, въ душѣ былъ убѣжденъ, что—

„Ученье—вотъ чума, ученость—вотъ причина,
Что нынче пуще, чѣмъ когда,
Безумныхъ развелось людей, и дѣлъ, и мнѣній".

Въ Нижнемъ Новгородѣ, въ Александровскомъ мужскомъ институтѣ директоромъ былъ все еще П. Н. Розингъ. Разсчитывать на его защиту интересовъ учебнаго заведенія, на какую-либо его поддержку, разумѣется, было нелѣпо, и потому Сахарову ничего не стоило вырвать двухъ-трехъ преподавателей, подозрѣваемыхъ имъ въ нигилизмѣ. Такъ и вышло. Ревизоръ обошелъ всѣ классы, былъ на урокахъ у всѣхъ преподавателей, наговорилъ даже много любезностей, а лично мнѣ обѣщалъ прислать изъ Казани сочиненіе знаменитаго греческаго историка Ѳукидида (исторія Пелопонезской войны), вышедшее еще въ 30-хъ годахъ въ изданіи И. Глазунова.

Ревизія, казалось, кончалась весьма благополучно, а все то хорошо—говоритъ пословица,—что̀ хорошо кончается.

Почти наканунѣ своего отъѣзда Сахаровъ, въ сопутствіи одного изъ воспитателей Александровскаго института, въ то время, когда воспитанники разбрелись уже по спальнямъ, произвелъ тщательный обыскъ въ классныхъ шкапахъ, въ столахъ и пр., и въ столѣ воспитанника IV класса Д—о отыскалъ толстую тетрадь и узналъ, что это историческія записки, будто бы диктуемыя мною,—такъ ему объяснилъ воспитатель В. И. И—овъ. Тетрадь была секвестрована, повидимому, тщательно прочтена, и записки найдены зараженными сплошнымъ либерализмомъ. Воспитанникъ Д—о внесъ въ свои записки нѣкоторые монологи

изъ знаменитой трагедіи Шекспира: «Юлій Цезарь», между прочимъ внесены были и рѣчи Брута и Антонія на римскомъ форумѣ.

Извѣстенъ всѣмъ монологъ Брута: «Будьте только терпѣливы до конца, римляне, сограждане мои и друзья, выслушайте мое оправданіе и не нарушайте молчанія. Если между вами есть хоть одинъ искренній другъ Цезаря, я скажу ему, что я любилъ Цезаря не меньше, чѣмъ онъ. Но отчего же Брутъ возсталъ противъ Цезаря? Я отвѣчу ему:— не оттого, что я мало любилъ Цезаря, а оттого, что я любилъ Римъ болѣе, чѣмъ его. Что было бы для насъ лучше: видѣть Цезаря живымъ и всѣмъ умереть рабами, или видѣть его мертвымъ и остаться жить свободными людьми».

Въ той же тетради воспитанника Д—о понадергано было нѣсколько выписокъ изъ популярной и всѣмъ извѣстной книги Шера «Исторія германской цивилизаціи», которую, между прочимъ, я никогда и нигдѣ не рекомендовалъ учащимся для внѣкласснаго чтенія, считая ее книгой совершенно непригодной, кромѣ развѣ одной главы о рыцарствѣ, рыцарскихъ замкахъ.

Пословица говоритъ: синица море зажгла. Для Сахарова уже вполнѣ было достаточно и подобной одной тетради, чтобы создать обвинительный актъ, набросить тѣнь на направленіе преподаванія исторіи.

Въ январѣ 1871 года директоръ института Розингъ получилъ бумагу изъ округа и предупредилъ меня, что я немедленно буду уволенъ отъ должности преподавателя, если не перемѣню неблагонамѣреннаго направленія. Словомъ, моя пѣсенка въ Нижнемъ была спѣта, какъ преподавателя, и директоръ каждую минуту могъ найти меня неблагонамѣреннымъ и уволить, что было заурядnымъ явленіемъ въ Казанскомъ округѣ за время управленія имъ П. Д. Шестакова. Постоянныя перемѣщенія, увольненія по прошенію и безъ прошенія лицъ учебнаго персонала во многихъ случаяхъ происходили отъ этой педагогической фуріи, карающей Немезиды, И. А. Сахарова. Мое увольненіе, человѣка одинокаго, несемейнаго, молодаго, не могло еще внести въ мою жизнь такого несчастія, причинить столько горя, сколько могъ испытать это семейный человѣкъ.

Ревизія Сахарова поставила мнѣ въ обвиненіе знакомство воспитанниковъ съ трагедіей Шекспира «Юлій Цезарь». Но зналъ ли Сахаровъ и его присные, какое огромное оживленіе въ преподаваніе исторіи вноситъ поэтическій элементъ, словомъ, примѣненіе поэзіи, которая дѣйствительно можетъ вдохновить юную душу, которая помогаетъ пониманію великихъ историческихъ событій, дѣлаетъ для насъ пріятнымъ историческое изложеніе. Сага, легенды, поэзія даютъ пищу не одному сердцу, но заставляютъ работать и нашу голову, и дав-

но бы слѣдовало гг. преподавателямъ исторіи обратить особенное вниманіе на эту сторону дѣла. Шекспиръ былъ величайшій поэтъ всѣхъ временъ и всѣхъ вѣковъ, и чудная его трагедія «Юлій Цезарь» останется навсегда перломъ исторической поэзіи.

Я покидалъ Нижній и передъ отъѣздомъ просилъ дозволенія проститься съ воспитанниками, моими бывшими учениками, но разрѣшенія не послѣдовало подъ предлогомъ, что это можетъ вызвать безпорядокъ. Разставаясь съ Нижнимъ Новгородомъ, я могу здѣсь помянуть добрымъ словомъ извѣстнаго секретаря нижегородскаго статистическаго комитета, Александра Серафимовича Гацискаго, одного изъ самыхъ полезныхъ, симпатичныхъ дѣятелей въ провинціальной прессѣ. Онъ умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и смерть его вызвала всестороннее сожалѣніе во всѣхъ слояхъ нижегородскаго общества. Его статистическіе сборники и масса другихъ печатныхъ работъ по прошлой и текущей жизни Нижняго Новгорода, его корреспонденціи въ газетѣ «Недѣля» отличались правдивостью, дѣловитостью, добросовѣстностью. Благодаря его иниціативѣ, въ концѣ 70-хъ годовъ основанъ былъ въ Нижнемъ комитетъ грамотности. Благодаря печатнымъ же трудамъ Гацискаго и правительство, и общество получило цѣнныя свѣдѣнія о положеніи тяжеломъ, безвыходномъ нижегородскихъ кустарей, закабаленныхъ кулаками, разными скупщиками, міроѣдами, забитыхъ и обездоленныхъ ужасающей нищетою, и это при 18-ти часовой каторжной работѣ. Въ настоящее время уже кое-что сдѣлано въ пользу кустарей; на нихъ обращено вниманіе земства, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земства даютъ кустарямъ временныя пособія на покупку матеріаловъ, организуются артели, оказываютъ имъ содѣйствіе къ сбыту ихъ произведеній безъ посредства скупщиковъ, устраиваютъ ремесленныя школы, музеи и выставки кустарныхъ издѣлій, находящихъ всегда себѣ покупателей (въ Петербургѣ въ Соляномъ Городкѣ), и этотъ бѣдный, забытый и забитый, захудалый кустарь мало-по-малу получаетъ гражданскія права.

Заслуга покойнаго Гацискаго, собирателя цѣнныхъ матеріаловъ промышленной жизни нижегородскаго Поволжья, навсегда останется памятною. Этотъ скромный литературный труженикъ, отзывчивый на все честное, хорошее и полезное, проникнутъ былъ искреннею симпатіею ко всему обездоленному, обиженному, обойденному, и, въ теченіе своей жизни, Гацискій оставался вѣренъ самому себѣ. Миръ праху твоему, честный труженикъ!

VIII.

Пріѣздъ мой въ Петербургъ.—Н. А. Деммертъ.—И. Т. Осининъ—начальникъ женскихъ гимназій.—Разношерстность педагогическаго персонала.—Классныя дамы.—Ученицы.—Преподаватель В. С. Куторга.—Похороны его.—Неудачная попытка Осинина къ изданію „Педагогическаго листка“ женскихъ гимназій.

Нужно было покориться судьбѣ и съ вечернимъ поѣздомъ направиться въ Москву. Я былъ нравственно такъ потрясенъ всѣмъ, происшедшимъ со мною за послѣдніе дни, что счелъ необходимымъ остановиться въ Москвѣ на нѣсколько дней и отдохнуть. Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ, погода была прекрасная. Въ Гончарной улицѣ, въ домѣ Дрябина, жилъ извѣстный литераторъ Николай Александровичъ Деммертъ. Онъ завѣдывалъ земскимъ отдѣломъ въ журналѣ «Отечественныя Записки», и его дѣловыя статьи всегда служили предметомъ особеннаго вниманія. Это былъ человѣкъ очень симпатичный, глубоко преданный интересамъ земства. Онъ имѣлъ имѣніе совмѣстно съ своимъ братомъ въ Чистопольскомъ уѣздѣ Казанской губерніи, былъ мировымъ посредникомъ, затѣмъ предсѣдателемъ уѣздной земской управы, но вслѣдствіе рѣзкихъ столкновеній съ купцомъ Плаксинымъ, хлѣбнымъ тузомъ, Деммертъ оставилъ службу по земству и переселился Петербургъ. Редакція «Отечественныхъ Записокъ» очень цѣнила Деммерта, и онъ до самой кончины своей былъ постояннымъ сотрудникомъ. Онъ обладалъ большимъ юморомъ, былъ прекрасный собесѣдникъ-разсказчикъ, и въ его квартирѣ, состоявшей всего изъ одной большой меблированной комнаты, ежедневно скоплялась масса газетъ и брошюръ, разныхъ корреспонденцій со всѣхъ концовъ Россіи, присылаемыхъ въ газету «Голосъ», имѣвшую, какъ извѣстно, одного и того же редактора съ журналомъ «Отечественныя Записки». Отъ Деммерта я узналъ весьма печальное извѣстіе, что я не одинъ эмигрировалъ изъ Казанскаго учебнаго округа, но что, къ сожалѣнію, есть между уволенными учителями, пріѣхавшими въ Петербургъ искать счастья, люди многосемейные и, въ ожиданіи мѣста, живущіе впроголодь. Деммертъ имѣлъ большія знакомства въ литературныхъ кружкахъ и, по мѣрѣ возможности, устраивалъ земляковъ-казанцевъ, какъ только могъ. Впослѣдствіи я встрѣчалъ у него цѣлый рядъ бывшихъ преподавателей, ищущихъ мѣстъ. Деммертъ предупреждалъ меня, съ перваго же моего визита къ нему, чтобъ я былъ крайне остороженъ, такъ какъ начальникъ женскихъ гимназій олицетворенное двуличіе и, подъ видимою наружною добротою, скрываетъ полнѣйшее безсердечіе, эгоизмъ и непомѣрное тщеславіе, и что учители петербургскихъ женскихъ гимназій самые несчаст-

ные пролетаріи, съ ничтожными окладами, занятые урокодательствомъ до девяти часовъ вечера (разумѣется—частныхъ); затѣмъ, что въ лицѣ начальника женскихъ гимназій И. Т. Осинина, какъ и въ лицѣ казанскаго попечителя Шестакова, олицетворяется реакціонное направленіе, наступившее послѣ 1866 года. Все это не мѣшало намотать на усъ.

Начальникъ женскихъ гимназій И. Т. Осининъ жилъ въ Стремянной улицѣ, въ домѣ извѣстнаго артиста Самойлова, какъ разъ рядомъ съ домомъ Курча, гдѣ помѣщалась Маріинская женская гимназія, впослѣдствіи переведенная въ нынѣшнее ея помѣщеніе, къ Пяти Угламъ, въ домъ Коммерческаго училища. Время было каникулярное, Осининъ жилъ на дачѣ въ Павловскѣ, но нѣсколько разъ въ недѣлю пріѣзжалъ въ городъ для текущаго дѣлопроизводства. Помощниковъ у него въ то время не было, и онъ управлялъ единолично женскими гимназіями подъ главенствомъ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго и его товарища статсъ-секретаря Н. А. Шторха. Осининъ принялъ меня очень благосклонно, хотя и съ оговоркой, что въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ, по принятому обычаю, я буду исправляющимъ должность, но что это только одна формальность. Я былъ пораженъ прежде всего наружностью моего новаго начальника. Это былъ бѣлокурый, съ небольшими баками, гладко и чисто выбритый, съ голубыми глазами, краснощекій, изящно одѣтый мужчина; говорилъ онъ, хотя былъ русскій, говоромъ иностранца: оказалось, что онъ былъ сыномъ псаломщика, при нашемъ посольствѣ въ Копенгагенѣ, что дало ему возможность практически изучить европейскіе языки и рѣзко выдвинуло его въ Петербургской духовной академіи. Митрополитъ Григорій конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, нуждаясь въ переводчикахъ богословскихъ книгъ, давалъ постоянно работу студенту духовной академіи Осинину. По окончаніи курса въ академіи, онъ былъ оставленъ какъ баккалавръ на каѳедру сравнительнаго богословія иностранныхъ исповѣданій. Ему, что называется, повезло. Покойная императрица Марія Александровна, по рекомендаціи графини А. Д. Блудовой и Т. Б. Потемкиной, поручила Осинину читать лекціи по исторіи великой княжнѣ Маріи Александровнѣ, нынѣ герцогинѣ Саксенъ-Кобургъ-Готской, а послѣ увольненія Н. А. Вышнеградскаго, онъ дѣлается начальникомъ женскихъ гимназій, совмѣщая и должность экстраординарнаго профессора духовной академіи.

Какъ начальникъ, Осининъ былъ человѣкъ исключительный. Имѣя на рукахъ шесть—семь гимназій, изъ которыхъ одна помѣщалась въ Царскомъ Селѣ, занимая въ то же время профессорскую каѳедру въ академіи, Осининъ являлся въ женскія гимназіи не болѣе раза въ недѣлю. Дѣло въ томъ, что самъ Осининъ бралъ на себя обузу преподаванія педагогики и психологіи въ старшихъ классахъ гимназій: волей-

неволей ему приходилось разбрасываться. Пріѣзды его въ гимназіи были, съ налету, на короткое время, экспромптомъ; впопыхахъ, скорымъ шагомъ онъ входилъ въ два—три класса, отдавая нѣсколько минутъ на выслушиваніе уроковъ, скороговоркой, запинаясь, дѣлалъ тутъ же на урокѣ кое-какія замѣчанія, что было уже совсѣмъ безтактно, затѣмъ приходилъ къ главной надзирательницѣ. Здѣсь ему сообщались всѣ текущія новости по женской гимназіи, дѣлались характеристики преподавателей, классныхъ дамъ, словомъ, бѣднаго Осинина вводили въ міръ гимназическихъ дрязгъ, сплетень, всевозможныхъ инсинуацій. Осинину не было возможности пріобрѣсти самому самостоятельность во взглядахъ и мнѣніяхъ: онъ слишкомъ мало отдавалъ себя гимназіямъ, не имѣя времени, и смотрѣлъ на все черезъ чужія очки, и потому отъ такого начальника ждать безпристрастія было трудно, и положеніе преподавателя обусловливалось симпатіею къ нему или антипатіею главной надзирательницы, а иногда и классной дамы. Правда, въ женскихъ гимназіяхъ существуютъ еще инспектора, но они, занятые урокодательствомъ, являются какими-то почетными надзирателями уже преимущественно за учителями; а эти учителя въ тогдашнихъ женскихъ гимназіяхъ,—то было въ началѣ 70-хъ годовъ,—представляли изъ себя самую разношерстную толпу: между ними можно было встрѣтить чуть не столѣтнихъ старцевъ, педагоговъ-ветерановъ, живущихъ небольшими пенсіями; въ ряду учителей были приватъ-доценты Петербургскаго университета, преподаватели духовной семинаріи, морскаго корпуса, петербургскихъ женскихъ институтовъ, словомъ, была громадная разношерстность, а это отражалось въ самую дурную сторону на всемъ складѣ жизни и внутренней, и внѣшней тогдашнихъ женскихъ гимназій. Педагогическихъ совѣтовъ или учебныхъ комитетовъ не было, и если они происходили, то по какимъ-нибудь экстреннымъ случаямъ, напр. передъ экзаменами, послѣ окончанія ихъ и т. п.

Къ довершенію всего, гг. педагоги дѣлали все, что имъ угодно: напр., преподаватель нѣмецкаго языка въ IV классѣ дѣвочкамъ 14—15 лѣтъ задаетъ тему для сочиненія: «Объ экономическомъ значеніи желѣзныхъ дорогъ». Преподаватель географіи ставилъ ученицу спиною къ классной доскѣ, на которой висѣла географическая карта, и быстро, безъ передышки, заставлялъ пересчитывать всѣ рѣки Европы. Учитель исторіи воспитанницамъ гимназіи читалъ по цѣлымъ мѣсяцамъ «Исторію цивилизаціи въ Германіи» Шера, книгу, какъ извѣстно, совсѣмъ не педагогическаго содержанія и заключающую въ себѣ много скабрезностей. Кромѣ того, всѣ предметы въ женскихъ гимназіяхъ были крайне съужены въ своихъ программахъ, представляли какіе-то отрывки, обрѣзки; библіотеки учебныхъ пособій были ниже всякой критики, да и въ количественномъ отношеніи недостаточны при многолюдіи гимназій; а между тѣмъ, боль-

шинство ученицъ были дѣвушки бѣдныя, лишенныя возможности достать хорошую книгу внѣ гимназіи. Самыя помѣщенія женскихъ гимназій на частныхъ квартирахъ во всѣхъ отношеніяхъ были неудобны: иные классы были очень малы, съ плохою вентиляціею, напротивъ, въ другихъ классахъ было помѣщеніе большое, но зимою былъ холодъ отъ оконъ. Классныя дамы, въ вѣдѣніи которыхъ непосредственно находились ученицы, получая 25-ти-рублевое мѣсячное жалованье, при необходимомъ условіи быть одѣтой прилично и по формѣ, представляли изъ себя типъ какихъ-то несчастныхъ, забитыхъ, отверженныхъ и испуганныхъ существъ; только нѣкоторыя изъ нихъ допускались къ урокодавательству въ низшихъ классахъ, да и то за ничтожное вознагражденіе, и эти бѣдныя, несчастныя труженицы относились крайне добросовѣстно къ дѣтямъ.

Если ученицы выносили изъ женскихъ гимназій знаніе новыхъ языковъ, то чаще всего благодаря своимъ класснымъ дамамъ, ихъ дополнительнымъ урокамъ передъ началомъ классныхъ занятій, и вотъ этихъ-то бѣдныхъ труженицъ женскихъ гимназій держали въ черномъ тѣлѣ, въ матеріальномъ убожествѣ. Любой канцелярскій служитель, простой писарь безъ всякаго образовательнаго ценза, разсчитываетъ на вниманіе къ своимъ трудамъ, даже на повышеніе, на награды къ большимъ праздникамъ и пр., и пр. Классныя же дамы, нерѣдко кончившія съ шифромъ въ институтѣ или съ золотою медалью, вплоть до полученія пенсіи за 25-ти лѣтнюю добросовѣстную работу, на склонѣ своей жизни, оставались все тѣми же беззащитными, обойденными, бѣдными труженицами. Мнѣ пришлось знать двухъ классныхъ дамъ, изъ которыхъ одна, А. П. Я., изъ скуднаго своего заработка помогала еще брату-студенту, а другая, Е. Н. У:, поддерживала мать-старушку, а между тѣмъ, естественно хотѣлось бы сходить въ концертъ, въ театръ, развлечься, и развѣ только изрѣдка перепадали кое-какіе дешевые уроки въ вечернее время. Въ то же время начальство возлагало на нихъ непосильныя обязанности: кромѣ поддержанія внѣшняго порядка въ классѣ, на нихъ лежали обязанности воспитательницъ, руководительницъ, всестороннее знаніе отдѣльныхъ ученицъ, ихъ семейнаго и общественнаго положенія, и за весь этотъ трудъ, въ концѣ концовъ, держали бѣдную труженицу впроголодь. Не нужно упускать изъ виду, что встрѣчались такіе многолюдные классы, гдѣ было болѣе сорока ученицъ и гдѣ общее руководительство являлось дѣломъ далеко не легкимъ.

Преподаваніе въ женскихъ гимназіяхъ идти успѣшно не могло: ничтожный гонораръ былъ одной изъ главныхъ причинъ перемѣны учителей; у каждаго учителя женская гимназія была, что называется, съ боку-припеку, и ее нещадно бросали въ случаѣ открытія вакансій въ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ учительскій трудъ оплачивался въ два

или полтора раза больше. Такъ, женскіе институты, помимо хорошей поурочной платы, даютъ солидныя пенсіи своимъ учителямъ, именно средніе оклады; если жалованье учителя было, скажемъ, полторы тысячи въ годъ, то оно послѣ 25-ти-лѣтія обращалось въ пенсію, пенсія же преподавателя женскихъ гимназій съ небольшимъ 500 руб. Вотъ причина, почему не дорожили женскими гимназіями, вотъ причина, почему былъ крайне неустойчивъ наличный составъ преподавателей, постоянная замѣна однихъ учителей другими. Это дурно отражалось на общей системѣ ученія.

Считаю здѣсь умѣстнымъ сообщить нѣсколько наблюденій, вынесенныхъ мною въ продолженіе четырехлѣтней моей дѣятельности въ женской гимназіи. Нигдѣ такъ рѣзко не демократизировалась сословная жизнь, какъ именно среди учащихся въ женскихъ гимназіяхъ; рядомъ съ дочерью милліонера-купца или чиновничьяго туза сидѣла дочь парикмахера, швейцара или кучера, и трудно было подмѣтить какую-нибудь существенную разницу или особенность между той или другой,—такъ все было естественно и просто, развѣ только одна наружность,—полнота и здоровье съ одной стороны, малокровіе и болѣзненность съ другой, проводили черту между богатствомъ и бѣдностью, невольно заставляли вспомнить о подвальныхъ этажахъ, гдѣ ютится петербургская бѣднота, голытьба, и о великолѣпныхъ домахъ богатаго купечества съ саженными зеркальными стеклами. Только въ ненастную погоду, по окончаніи классовъ, однѣ ученицы, наклонивши бокъ къ портфелю съ книгами, шлепали по грязи подъ дождемъ, между тѣмъ, другія счастливицы садились въ шикарныя дрожки въ сопровожденіи гувернантокъ, боннъ и пр. Ученицы были очень воспріимчивы къ разсказу и къ чтенію учителей, относились съ рѣдкою добросовѣстностью къ занятіямъ; преподаватель могъ быть увѣренъ, что его слово не падетъ на безплодную почву. Мои разсказы изъ средневѣковой французской литературы, преимущественно изъ учебника Деможо, успѣвали записывать слово въ слово. Покойный принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій былъ немало удивленъ, услышавъ на моемъ урокѣ разсказъ изъ знаменитой германской поэмы «Нибелунги», на самомъ патетическомъ мѣстѣ,—плачъ Кримгильды надъ прахомъ Зигфрида. Принцъ спросилъ главную надзирательницу, Э. И. Райскую, нѣмецъ я или русскій. Повторяю, только такое добросовѣстное отношеніе, какое я видѣлъ въ женской гимназіи со стороны ученицъ, та симпатія и доброжелательство со стороны ихъ и давали мнѣ возможность расширять рамки историческаго курса. И до сихъ поръ, послѣ 25-ти-лѣтней давности, воспоминанія о моемъ учительствѣ въ женскихъ гимназіяхъ (Маріинской и Александровской) остаются для меня самыми отрадными. Я находилъ поддержку, сочувствіе со стороны классныхъ дамъ, всякое содѣйствіе

со стороны мѣстной администраціи,—инспектора и главной надзирательницы.

Въ заключеніе моихъ воспоминаній о женскихъ гимназіяхъ не могу здѣсь не вспомнить тѣхъ грандіозныхъ, великолѣпныхъ похоронъ, которыя были устроены ученицами Маріинской женской гимназіи (въ 1873 г.) преподавателю словесности Владиміру Степановичу Куторгѣ. Покойный Владиміръ Степановичъ былъ сыномъ знаменитаго профессора-натуралиста С.-Петербургскаго университета, автора знаменитой книги: «Исторія земной коры». Владиміръ Степановичъ умеръ отъ чахотки и, несмотря на свою болѣзнь, съ безпримѣрною въ наше время добросовѣстностью и въ то же время съ глубокимъ знаніемъ, относился къ дѣлу: можно сказать, онъ увлекался своимъ дѣломъ и увлекалъ въ то же время учениць. Словомъ, это былъ благородный идеалистъ. Онъ находилъ возможность въ выпускномъ (I-мъ) классѣ знакомить учениць съ англійскими романистами Теккереемъ и Диккенсомъ, и извѣстный романъ Теккерея: «Ярмарка тщеславія» или «Базаръ житейской суеты» служилъ предметомъ класснаго всесторонняго разбора, другими словами, давался методъ, какъ надо относиться, пользоваться такими произведеніями знаменитыхъ англійскихъ романистовъ.

Похоронная процессія растянулась болѣе чѣмъ на версту. День былъ солнечный. Огромная вереница каретъ съ ученицами тянулась по направленію къ Смоленскому кладбищу. Здѣсь-то пришлось сказать послѣднее прости доброму товарищу-сослуживцу, талантливому труженику, такъ рано, безвременно сошедшему въ могилу. И много же было пролито слезъ!

Таково было отношеніе учениць къ своимъ учителямъ. Не забудемъ, что всѣ почти женщины-врачи, практикующія въ настоящее время, праздновавшія 25-ти-лѣтіе окончанія своего курса, всѣ ученицы женскихъ гимназій; не забудемъ также, что изъ 300 слишкомъ городскихъ школъ въ Петербургѣ двѣ трети учительскаго персонала ученицы женскихъ гимназій. Кажется, послѣднее обстоятельство много говоритъ въ пользу этихъ учебныхъ заведеній, а между тѣмъ ихъ общественное значеніе значительно умаляется отъ недостатка денежныхъ средствъ, сильно вредящаго правильной постановкѣ учебнаго дѣла.

И. Т. Осининъ, какъ извѣстно, былъ вторымъ по счету начальникомъ петербургскихъ женскихъ гимназій. Его прошлое для большинства было неизвѣстно; научныхъ или педагогическихъ сочиненій за нимъ не числилось. Происхожденіе изъ духовнаго званія, профессорская карьера въ духовной академіи могли послужить только второстепенною причиною его назначенія. Онъ былъ настолько безтактенъ, что, сдѣлавшись начальникомъ гимназій, старался представить все, сдѣланное Н. А. Вышнеградскимъ, въ дурномъ видѣ. Между тѣмъ, тотъ же самый Оси-

нинъ, въ продолженіе своего 15-ти-лѣтняго управленія, существенно полезнаго ничего не сдѣлалъ, а напротивъ, много полезнаго, намѣченнаго Вышнеградскимъ, затормозилъ, и къ тому же, нѣкоторыя гимназіи, благодаря Осинину, какъ-бы въ насмѣшку, получили инспекторовъ, стоявшихъ внѣ всякой критики и только вслѣдствіе своей житейской изворотливости, подленькихъ подходцевъ и разныхъ увертокъ добившихся инспекторскихъ мѣстъ. Самъ Осининъ, человѣкъ безусловно безхарактерный и не имѣвшій царя въ головѣ, всецѣло подчинился двумъ-тремъ личностямъ, которыя вертѣли имъ, какъ умѣли, и, разумѣется, себя не забывали.

Въ началѣ 70-хъ годовъ, когда я уже служилъ въ женской гимназіи, бѣдный Осининъ попалъ въ когти И. Ѳ. Рашевскаго, человѣка неоспоримо умнаго и большаго практика. Рашевскій былъ, какъ извѣстно, первымъ директоромъ Петровскаго училища петербургскаго купечества. Пока Осининъ слушался Рашевскаго, дѣло шло еще сносно, но лишь только онъ вступалъ на самостоятельную почву въ какомъ-нибудь дѣлѣ, какъ попадался впросакъ. Такъ, онъ задумалъ издавать педагогическій журналъ при петербургскихъ женскихъ гимназіяхъ подъ заглавіемъ: «Педагогическій листокъ петербургскихъ женскихъ гимназій». Предварительно Осининъ задумалъ учредить коммиссію, подъ своимъ предсѣдательствомъ, для выработки новаго педагогическаго органа. Коммиссія собиралась по вечерамъ у него на квартирѣ, подъ его личнымъ предсѣдательствомъ, и, къ моему удивленію, я попалъ въ члены ея. Но съ первыхъ же засѣданій обнаружилась полнѣйшая педагогическая нищета и гг. членовъ, а, главное, самого предсѣдателя. Редакція «Педагогическаго листка» попала сперва въ руки И. Ѳ. Рашевскаго, а потомъ А. Н. Бетхера, и вотъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ сталъ выходить листа въ два печатныхъ, съ пунсовой обложкой, ни для кого ненужный пресловутый «Листокъ», прекратившій, къ счастью, въ скоромъ времени свое существованіе и попавшій въ руки частному антрепренеру съ небольшой казенной субсидіей, В. Д. Спиовскому, такъ что въ данномъ случаѣ добрѣйшій Осининъ потерпѣлъ полнѣйшую неудачу. Лучшія педагогическія силы устранили себя отъ участія въ «Листкѣ», а самъ редакторъ Рашевскій, заваленный многочисленными казенными и частными уроками, не имѣлъ свободнаго времени редактировать «Педагогическій листокъ женскихъ гимназій», постепенно зачахнувшій.

Умѣстнымъ считаю здѣсь огласить слѣдующій прискорбный случай, кажется, мало кому извѣстный. Въ Маріинской гимназіи, по рекомендаціи добрѣйшаго Ореста Ѳедоровича Миллера, короткое время былъ преподавателемъ словесности магистръ Лобановъ, человѣкъ еще молодой, но крайне болѣзненный, едва передвигавшій ноги. Онъ былъ

страстнымъ поклонникомъ древней русской письменности и въ одномъ изъ старшихъ классовъ попросилъ ученицъ выучить наизусть нѣсколько строкъ изъ знаменитой поэмы XII вѣка: Слово о полку Игоревѣ:

„Не лѣпо ли ны бяшеть, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславича? Начати же ся той пѣсни по былинамъ сего времене, а не по замышленію Бояню. Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашеться мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, сизымъ орьломъ подъ облаки".

Нѣсколько дней спустя появляется письмо за подписью родителя въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ рѣзко указывается на безпорядки и на недостатокъ досмотра въ женскихъ гимназіяхъ, допускающихъ нелѣпое зубреніе памятниковъ древне-русской письменности. Этого было вполнѣ достаточно, чтобъ побудить Осинина прискакать въ Маріинскую гимназію и въ сборной учительской комнатѣ, въ присутствіи учителей, буквально наброситься на больнаго ученаго, человѣка почтеннаго, магистра Лобанова. Видъ Осинина былъ просто ужасенъ: захлебываясь отъ гнѣва, съ выпученными глазами, онъ разразился упреками, выговорами, словомъ, сцена была самая тяжелая, самая грубая и безтактная. Бѣдный Лобановъ окончательно растерялся и все говорилъ тихимъ голосомъ: «Ваше превосходительство..., ваше превосходительство..., виноватъ»... Лобановъ ушелъ изъ гимназіи и больше не появлялся въ ней. Отъ всей этой сцены мнѣ сдѣлалось такъ дурно, что я до конца уроковъ просидѣлъ въ сборной учительской. Вотъ, думалось мнѣ, и хваленый Петербургъ, окно въ Европу, служителя правды и истины растаптываютъ, и за что же? А со стороны Осинина подобный поступокъ былъ вполнѣ послѣдователенъ, такъ какъ внѣшней сторонѣ дѣла онъ отдавалъ предпочтеніе передъ чѣмъ-либо другимъ, была бы лишь только тишь да гладь, не было бы только какой-либо компрометтирующей для женской гимназіи огласки. Осининъ, разумѣется, хорошо зналъ, что Лобановъ человѣкъ безъ связей, безъ протекцій и къ тому же сильно нуждающійся. А вотъ преподавателю нѣмецкаго языка В—у, за его тему, данную дѣвочкамъ 14—15 лѣтъ, «Объ экономическомъ значеніи желѣзныхъ дорогъ», не попало ничего, потому что сей ученый мужъ поступилъ въ гимназію по личной рекомендаціи товарища главно-управляющаго IV Отдѣленіемъ.

IX.

Служба моя въ учительской семинаріи Воспитательнаго дома.—Особенности этого заведенія.—Трудность положенія преподавателей.—Причина моего выхода изъ семинаріи.—С.-Петербургское педагогическое общество въ семидесятыхъ годахъ.—Его дѣятельность и заслуги.

Одинъ мой хорошій знакомый просилъ меня взять уроки въ учительской семинаріи при Воспитательномъ домѣ. Это заведеніе настолько характерное, исключительное, настолько своеобразное, что заслуживаетъ вниманія. Извѣстно, что питомцы Воспитательнаго дома, достигая школьнаго возраста, поступаютъ въ мѣстныя сельскія школы подъ непосредственное наблюденіе врачебнаго персонала. Затѣмъ начальство Воспитательнаго дома, такъ называемый начальникъ округа [1]),—ежегодно человѣкъ тридцать самыхъ лучшихъ изъ окончившихъ курсъ питомцевъ переводитъ въ учительскую семинарію въ Петербургѣ, съ трехклассным учебнымъ курсомъ, приготовляя изъ нихъ будущихъ учителей сельскихъ школъ вѣдомства Воспитательнаго дома. Эта семинарія въ настоящее время переведена изъ Петербурга въ Павловскъ, гдѣ покойный великій князь Константинъ Николаевичъ подарилъ ей большой земельный участокъ; но въ началѣ 70-хъ годовъ она помѣщалась въ одномъ изъ флигелей Воспитательнаго дома, въ двухъ-этажномъ каменномъ домѣ, выходящемъ тремя окнами на Мойку, а главный ея фасадъ былъ обращенъ на внутренній дворъ. Нижній этажъ былъ занятъ мужской семинаріей, верхній—женской. Непосредственнымъ начальникомъ семинаріи былъ тайный совѣтникъ Безобразовъ; семинаріей завѣдывалъ И. Д. Б—въ. Уроки были полуторачасовые. Начинался курсъ съ 1-го сентября. Предметы занятій: русскій языкъ, ариѳметика, географія и, разумѣется, законъ Божій. Каждый изъ трехъ классовъ имѣлъ класснаго надзирателя, называемаго репетиторомъ. Одинъ классъ отъ другаго отличался цвѣтомъ рубашекъ; обувью служили смазные сапоги. Корридоры въ семинаріи были выстланы плитами изъ финляндскаго гранита; въ классахъ горѣли газовые рожки. Это освѣщеніе и ароматъ отъ смазныхъ сапогъ дѣлали атмосферу просто невыносимой. Въ общей сложности воспитанниковъ было около 70-ти. Въ старшемъ классѣ попадались ребята лѣтъ по 18—19; нѣкоторые изъ нихъ, къ своему несчастію, попадали еще младенцами на вскормленіе петербургскимъ или новгородскимъ чухнамъ, а потому имъ впослѣдствіи въ школѣ непомѣрно трудно давалась русская грамота, да и вообще они отличались какою-то тупостью, забитостью, угрю-

[1]) Въ то время былъ тайный совѣтникъ В. М. Безобразовъ.

мостью. Преподавателямъ такого заведенія, какъ учительская семинарія, да еще при Воспитательномъ домѣ, нужно было много положить труда и усилій, много умѣнья, чтобы приспособить, приноровить, сдѣлать вполнѣ доступнымъ учебный матеріалъ; а эта задача была не изъ легкихъ, тѣмъ болѣе, учебники навязаны были по русской исторіи—Иловайскій, по географіи—Бѣлоха. Въ каждомъ изъ означенныхъ руководствъ была масса словъ, вполнѣ непонятныхъ для учащихся; требовалось немало затрачивать времени, чтобы ученики дѣйствительно сознательно, а не пассивно, не въ зубрежку усвоивали знанія, а главное, требовалось большое искусство подобрать хорошую книжку для внѣкласснаго чтенія, какъ необходимое разумное подспорье къ увеличенію общаго развитія.

Когда я представлялся тайному совѣтнику Безобразову, онъ меня предупредилъ, чтобы во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ я обращался лично къ нему, а не къ инспектору, и что онъ послѣднимъ крайне недоволенъ. Это меня очень озадачило, поставивъ въ позицію между кошкой и мышкой. Впослѣдствіи времени оказалось, что Безобразовъ былъ безусловно правъ и что болѣе дурнаго педагога во всемъ Петербургѣ трудно было найти. Дѣло въ томъ, что задача осложнялась обстоятельствомъ, отчасти не зависящимъ отъ инспектора,—это полнымъ неразвитіемъ учениковъ, крайнею мужиковатостью; начитанности они никакой не имѣли; на большинствѣ лежалъ отпечатокъ какой-то забитости, сонливости. И вотъ, для такого-то учебнаго заведенія требовался дѣйствительно инспекторъ-педагогъ, а не полицейскій чиновникъ, какимъ на дѣлѣ оказался г. Б—въ.

Слѣдующій фактъ, совершившійся на моихъ глазахъ и на моемъ же урокѣ, дастъ до извѣстной степени понятіе о личности этого присяжнаго педагога. Кто-то сообщилъ ему, что одинъ изъ питомцевъ семинарія, во время рекреаціи, отломилъ рѣшетку отъ окна подвальнаго этажа. Подозрѣніе Б—ва пало на воспитанника средняго класса, Гонцова, подозрѣніе, оказавшееся по разслѣдованіи совершенно пустымъ, но для Б—ва было достаточно и этого, чтобы буквально ворваться въ классъ, да еще во время урока, съ бранью наброситься на мнимаго виновника, поставивъ ему на видъ, что онъ будетъ немедленно исключенъ, что онъ забылъ, что ѣстъ казенный хлѣбъ и что былъ вспоенъ и вскормленъ казенною кормилицею, что онъ безъ роду, отца и матери, а потому и долженъ смотрѣть на семинарію, какъ на родную мать, и что онъ донесетъ о его дерзкомъ поступкѣ высшему начальству. Бѣдный беззащитный мальчикъ былъ совсѣмъ уничтоженъ, а главное,—до-нельзя испуганъ, видя разсвирѣпѣвшаго инспектора.

Положеніе мое было не изъ легкихъ: я былъ глубоко оскорбленъ и какъ человѣкъ, и какъ учитель. Шелъ урокъ географіи. Я всталъ съ

кресла, взялъ шляпу и направился къ выходной двери. Б—въ, повидимому, никакъ не ожидалъ этого.

— Что съ вами, куда вы? Еще остается полчаса до конца урока.

Я сказалъ, что ѣду домой и не буду болѣе продолжать занятій въ семинаріи.

— Это какъ вамъ угодно,—сказалъ Б—въ:—но вы не имѣете права отказываться и покидать учебное заведеніе въ срединѣ года: теперь всѣ учители заняты, и трудно замѣстить вашу должность.

Я молча поклонился воспитанникамъ и немедленно уѣхалъ. Нѣсколько времени спустя ко мнѣ явился курьеръ и устно мнѣ передалъ, что Безобразовъ желаетъ поговорить со мною по поводу случившагося. Я не поѣхалъ, такъ какъ впередъ могъ предвидѣть, что поставлю себя въ неловкое положеніе передъ Безобразовымъ, какъ начальникомъ, въ положеніе обвинителя Б—ва. Нужно замѣтить, что никто не могъ болѣе имѣть права на вѣжливое и деликатное обращеніе, какъ именно воспитанники Воспитательнаго дома, не имѣющіе ни кола, ни двора, не знающіе, что̀ такое родительскія попеченія, ласка, участіе, словомъ,— не знающіе отправленій сердца, и человѣкъ мало-мальски развитой не могъ дозволить себѣ той грубой выходки, безтактности, которую допустилъ Б—въ. Положеніе этихъ бѣдныхъ питомцевъ дѣйствительно было безотрадно. За трехгодичный кусокъ казеннаго хлѣба, говорятъ, очень черстваго и дурнаго, ученики семинаріи обязаны были прослужить безъ жалованья въ сельскихъ школахъ Воспитательнаго дома шесть лѣтъ, ежегодно получая ничтожнѣйшее пособіе на платье и обувь. Можно ли было, спрашивается, возвысить голосъ противъ такого несчастнаго, обойденнаго, безправнаго существа. Не даромъ, Е. А. Б—въ, разъ жаловался мнѣ, что его смѣшиваютъ съ Ив. Б—мъ, инспекторомъ учительской семинаріи при Воспитательномъ домѣ. Евгеній Александровичъ былъ долгое время преподавателемъ исторіи въ Александровскомъ лицеѣ; онъ скончался недавно уже въ преклонныхъ лѣтахъ, оставивъ память въ ученикахъ своихъ, какъ о прекрасномъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкѣ и преподавателѣ.

Пришло время годичныхъ экзаменовъ, и инспекторъ Б—въ сообщилъ, что кромѣ обычныхъ экзаменовъ будутъ еще экзамены парадные, напоказъ, въ присутствіи всѣхъ опекуновъ и, разумѣется, Шторха. Это была для меня большая новость. О такой экзаменаціонной фальсификаціи я зналъ только по наслышкѣ, что она происходила въ женскихъ институтахъ. За нѣсколько дней до экзамена Б—въ просилъ сообщить ему тѣ вопросы, которые будутъ заранѣе предложены воспитанникамъ для предварительной подготовки къ предстоявшимъ экзаменамъ, т. е., иными словами, каждый выходилъ съ своими билетами. Я

сказалъ Б—ву, что отказываюсь отъ подобной сдѣлки и ручаюсь за воспитанниковъ и ихъ добросовѣстность.

— Что же, вы хотите насъ зарѣзать, утопить!—воскликнулъ Б—въ: разъ, если начальство это желаетъ, вы должны исполнить.

Я отвѣчалъ, что обманывать я не буду, выставлять товаръ лицомъ, что это вдвойнѣ преступно, такъ какъ мы готовимъ изъ воспитанниковъ будущихъ учителей и хорошій же примѣръ подаемъ имъ. Б—въ болѣе не настаивалъ. Въ назначенный день явилась масса людей въ орденахъ, во всѣхъ регаліяхъ, въ мундирахъ, пріѣхалъ и Осининъ, тогдашній начальникъ женскихъ гимназій. На каждый предметъ выбиралось трое учениковъ: послѣдній по успѣхамъ, средній и одинъ изъ лучшихъ. По географіи ученики у меня отвѣчали очень хорошо и осмысленно, по исторіи—значительно слабѣе.

Статсъ-секретарь Шторхъ особенно покровительствовалъ учительской семинаріи при Воспитательномъ домѣ, интересовался всѣми сторонами ея внутренней и внѣшней жизни. Въ самомъ дѣлѣ, это заведеніе было единственнымъ разсадникомъ учительскаго персонала для школъ питомцевъ вѣдомства Воспитательнаго дома. Однажды во время моего урока, именно географіи, пріѣхалъ Шторхъ и вызвалъ на объясненіе тутъ же, въ классѣ, инспектора.

— Я получилъ отъ васъ,—началъ Шторхъ, обращаясь, къ нему—докладную записку о необходимости расширенія курса въ семинаріи. Я не тормозъ и не гаситель просвѣщенія, но думаю, что расширеніе программъ не есть еще гарантія успѣшнаго веденія дѣла. Личныя мои наблюденія надъ учениками нашей семинаріи привели меня къ заключенію, что методы преподаванія въ ней крайне неудовлетворительны и въ особенности по русскому языку. Не развитой и полуграмотный учитель есть прямая язва. Необходимо соединенными усиліями всѣхъ преподавателей сдѣлать учениковъ грамотными, поднять общій уровень ихъ развитія, принимая во вниманіе ту среду, изъ которой наши ученики вышли, и ту обстановку, въ которую они попадутъ, какъ учителя сельскихъ школъ, важно вдвойнѣ сдѣлать изъ нихъ относительно образованныхъ людей, а не оставлять ихъ дикарями среди дикарей. Прошу извинить меня за рѣзкость высказаннаго и съ тѣмъ вмѣстѣ пожелать вамъ, насколько возможно, достигнуть положительныхъ результатовъ, чего, къ моему огорченію, я еще не вижу.

Фактъ, не лишенный значенія, что Б—въ былъ составителемъ многихъ руководствъ по разнымъ предметамъ и, между прочимъ, по педагогикѣ. Въ журналѣ Семья и Школа появилась критика г. В. Сланскаго (въ первыхъ книжкахъ за 1874 г.), фактически доказавшая полнѣйшую несостоятельность Б—ва и его отсталость.

Большое оживленіе вносило въ педагогическую жизнь въ 70-хъ го-

дахъ С.-Петербургское педагогическое общество. Огромная зала 2-й классической гимназіи едва вмѣщала всѣхъ, желавшихъ присутствовать на субботнихъ засѣданіяхъ. Уже немного осталось теперь въ живыхъ тѣхъ почтенныхъ дѣятелей, по мысли которыхъ было образовано общество въ октябрѣ 1859 года. Общество просуществовало 20 лѣтъ и въ 1869 году, въ январѣ мѣсяцѣ, преобразовано изъ педагогическаго собранія графомъ Толстымъ. Первымъ предсѣдателемъ былъ П. Г. Рѣдкинъ, вице-предсѣдателемъ А. С. Вороновъ. Въ числѣ членовъ мы встрѣчаемъ К. Д. Ушинскаго, В. Я. Стоюнина, извѣстныхъ педагоговъ; Н. Я. Раевскаго, недавно скончавшагося въ должности директора реальнаго училища; Скопина, И. Ѳ. Рашевскаго, профессора Люгебиля,— которые составляли совѣтъ общества. Общество находилось подъ непосредственнымъ покровительствомъ министра народнаго просвѣщенія. Дѣлами общества управлялъ совѣтъ. Я считаю здѣсь нелишнимъ, какъ бывшій сочленъ этого общества въ теченіе почти десяти лѣтъ, дать фактическія свѣдѣнія о дѣятельности этого полезнаго учрежденія. Члены собирались для того, чтобы сообщить другъ другу свои педагогическія наблюденія, узнать мнѣнія сочленовъ о текущихъ вопросахъ. Между членами были профессора, были учители народныхъ школъ, были преподаватели самыхъ разнообразныхъ учебныхъ предметовъ, были директора и инспектора гимназій и реальныхъ училищъ, были заслуженные педагоги, какъ напр: Невѣровъ, бывшій попечитель Кавказскаго округа, Рѣдкинъ, извѣстный профессоръ, Г. П. Галаганъ, основатель лицея. Въ числѣ почетныхъ членовъ видимъ такихъ людей, какъ Н. И. Пироговъ, медицинская знаменитость, А. В. Головнинъ, бывшій министръ народнаго просвѣщенія, создатель университетскаго устава 1863 года, Э. Д. Нарышкинъ, пожертвовавшій милліоны на открытіе разныхъ филантропическихъ учрежденій въ Тамбовской губерніи, графъ С. Г. Строгановъ, знаменитый попечитель Московскаго округа 30-хъ и 40-хъ годовъ.

Несмотря на разнообразіе занятій членовъ Педагогическаго общества, существовало очень важное связующее начало, соединявшее всѣхъ членовъ общества въ одну семью, это сознаніе того, что служили одному дѣлу,—образованію и воспитанію подростающаго поколѣнія. Но это важное дѣло не могло имѣть успѣха безъ единодушія членовъ, сознавалась необходимость разъяснить себѣ теоретически различные педагогическіе вопросы, создать общіе принципы, какъ основаніе практической дѣятельности.

Рефераты общества были всегда интересны и не только для членовъ его, но и для всѣхъ мало-мальски интеллигентныхъ людей.

Въ засѣданіяхъ общества можно было получить фактическія свѣдѣнія о лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ, о лѣтнихъ съѣздахъ народ-

ныхъ учителей. Нѣкоторые члены Педагогическаго общества лично руководили этими курсами и съѣздами по рекомендаціи многоуважаемаго предсѣдателя Рѣдкина. Не нужно забывать, что въ то время, въ концѣ 60-хъ и въ 70-хъ годахъ, народное образованіе возбуждало интересъ всѣхъ классовъ общества. Народной школѣ посвящали свои силы, свои труды одинаково и учебная администрація, и земскіе дѣятели, и педагоги. Исторія никогда не забудетъ дѣятельности на нивѣ народнаго образованія такихъ людей, какъ графъ Л. Н. Толстой, баронъ Н. А. Корфъ [1]) и др.

Несмотря на серьезность рефератовъ, видимую ихъ сухость, число гостей въ Педагогическомъ обществѣ не оскудѣвало. Это служило лучшимъ доказательствомъ, что къ дѣятельности общества очень сочувственно относилась интеллигентная часть столичнаго общества, интересующаяся текущими его занятіями.

Предсѣдателю Рѣдкину приходилось получать отъ губернскихъ земскихъ управъ неоднократныя заявленія о пріисканіи руководителей для предстоящихъ лѣтнихъ педагогическихъ курсовъ. Въ то же время изъ провинціи получались письма частныхъ лицъ, предлагающихъ на разсмотрѣніе общества свои труды.

Въ настоящее время въ Петербургѣ существуетъ общество попеченія о малолѣтнихъ дѣтяхъ. Это общество владѣетъ тремя домами, двумя усадьбами (въ Петербургской губ. и въ Финляндіи) и капиталомъ до двухсотъ тысячъ рублей. Оно, какъ извѣстно, имѣетъ цѣлью оказывать всякаго рода помощь бѣднымъ, больнымъ дѣтямъ, защищать ихъ отъ злоупотребленій со стороны другихъ лицъ. Въ вѣдѣніи этого общества находится нѣсколько убѣжищъ для дѣтей, оставшихся безъ пристанища, лѣчебница для больныхъ дѣтей, дѣтская амбулаторія, школа садоводства, «ясли» Богдановскія, Братскія, Забалканскія и др.; оно имѣетъ сельскія колоніи для дѣтей-идіотовъ, дѣтскія столовыя, спеціальные пріюты для дѣвочекъ, словомъ, дѣятельность общества разрослась до грандіозныхъ размѣровъ.

Но знаетъ ли читатель, что первая мысль о созданіи этого общества всецѣло принадлежитъ нашему бывшему Педагогическому обществу, что первыми его организаторами, бросившими сѣмя на благодарную почву, были К. К. Сентъ-Илеръ и другіе члены? Еще въ 1877 году выработанъ былъ уставъ общества попеченія о малолѣтнихъ дѣтяхъ. Первымъ казначеемъ въ обществѣ былъ Н. А. Вейтцель, а членами ревизіонной коммиссіи — пишущій эти строки и В. В. Григорьевъ, бывшій директоръ коллегіи Павла Галагана. Предсѣдательницею была графиня С. С. Игнатьева, супруга бывшаго кіевъ-

[1]) О дѣятельности Н. А. Корфа см. „Русскую Старину“ 1894 г. № 4—11; 1895 г. № 1. Ред.

скаго генералъ-губернатора, за нею—Е. А. Нарышкина и, въ настоящее время, Е. В. Сабурова.

Да, всегда нужно помнить съ благодарностью, чьей иниціативѣ обязано своимъ существованіемъ столь полезное, высокогуманное общество.

Здѣсь не мѣсто распространяться о двадцатипятилѣтней дѣятельности С.-Петербургскаго педагогическаго общества, но не могу умолчать, что его дѣятельностью интересовался весь интеллигентный Петербургъ. Между прочимъ, когда С. К. Кавелина дѣлала свои возраженія по поводу реферата г. Сиповскаго о преподаваніи исторіи, то извѣстно, что среди публики присутствовалъ И. С. Тургеневъ. Осенью 1874 года К. К. Сентъ-Илеръ далъ толчекъ необыкновенному оживленію, предложивъ на обсужденіе вопросъ о баллахъ, о полезности или вредности ихъ въ принципѣ, о возможности замѣны ихъ чѣмъ-либо другимъ. Нѣкоторые выдающіеся педагоги: А. Н. Страннолюбскій, С. И. Миропольскій, Е. С. Волковъ, баронъ Косинскій, И. Ѳ. Рашевскій высказались противъ балловъ; другіе, какъ извѣстный математикъ Евтушевскій, отстаивали современную систему отмѣтокъ. Еще никогда не происходило такихъ горячихъ преній, такихъ громкихъ, единодушныхъ аплодисментовъ въ особенности С. И. Миропольскому: рѣчь его была дѣйствительно убѣдительна и, къ тому же, была произнесена съ блестящимъ краснорѣчіемъ. Онъ назвалъ баллы болячкою на нашемъ воспитательномъ организмѣ. Чѣмъ же замѣнить баллы? На этотъ вопросъ г. Миропольскій отвѣчаетъ, что ихъ слѣдуетъ замѣнить прекраснымъ обученіемъ, которое удовлетворяло бы требованіямъ современной дидактики, слѣдуетъ учить такъ, чтобы методъ былъ развивающимъ, а обученіе—воспитывающимъ. Г. Миропольскій привелъ слова знаменитаго чешскаго педагога XVII вѣка, Коменскаго, что для того, чтобы былъ успѣхъ въ ученіи, нужно, чтобъ это ученіе было естественно, отвѣчало природѣ разумнаго существа, потому что природа его такова, что сама хочетъ ученія. Зачѣмъ усилія? Посмотрите на птицу,—она сама, безъ всякихъ балловъ, выучивается летать, потому что ея природа стремится къ этой цѣли. Слѣдуетъ только устранить неблагопріятныя условія, которыя мѣшаютъ свободно обнаружиться естественнымъ проявленіямъ природы человѣка, и вы, безъ всякихъ балловъ, достигнете этой цѣли: какъ птица выучивается летать, такъ и ребенокъ выучивается читать легко, безъ принужденія, надо умѣть только понять и удовлетворить собственныя стремленія его природы. На вопросъ же, чѣмъ замѣнить баллы, г. Миропольскій отвѣчалъ: замѣнить ихъ тѣмъ преподаваніемъ, которое отвѣчаетъ самой природѣ дитяти, которое не нуждается ни въ какихъ внѣшнихъ средствахъ. Нужно замѣтить, что г. Миропольскій былъ ревизоромъ духовныхъ учебныхъ заведеній и, разумѣется, по своей

обязанности встрѣчалъ массу учителей въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, наблюдалъ за ходомъ преподаванія и пришелъ къ заключенію, что хорошіе учителя не имѣютъ надобности въ баллахъ, которые нужны только тогда, когда учитель не понимаетъ своего призванія. На возраженіе, что балловъ нельзя отвергать потому, что они играютъ важную роль въ учебныхъ заведеніяхъ, г. Миропольскій замѣчаетъ, что вѣдь когда-то и розги играли важную роль въ учебныхъ заведеніяхъ, но никто изъ педагоговъ въ настоящее время не стоитъ за нихъ. Правъ былъ г. Миропольскій, когда говорилъ, что, быть можетъ, въ то время, когда въ засѣданіяхъ обсуждался вопросъ о баллахъ, рѣшенія его нетерпѣливо ожидали въ отдаленныхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества и что то или другое рѣшеніе этого вопроса непремѣнно должно отразиться на ходѣ воспитательнаго и учебнаго дѣла вообще.

Весьма оригинально было мнѣніе о возможности оцѣнки знаній баллами извѣстнаго педагога, преподавателя математики въ морскомъ училищѣ, А. Н. Страннолюбскаго. Оно настолько цѣнно и до нашихъ дней, что я позволяю себѣ сдѣлать небольшую выдержку. «Выставляя баллы,—говоритъ г. Страннолюбскій,—мы явнымъ образомъ нарушаемъ справедливость. Это мнѣніе я основываю на слѣдующихъ соображеніяхъ: баллъ есть число, которое выражаетъ извѣстную величину, а посредствомъ его мы мѣряемъ, такъ сказать, разныя нравственныя свойства учениковъ, будетъ ли это трудъ, прилежаніе, знаніе или что угодно—этотъ вопросъ не важенъ. Само собою разумѣется, никто не станетъ спорить о томъ, что посредствомъ балла мы выражаемъ числомъ извѣстную величину, нѣкоторыя нравственныя свойства ученика; я думаю, что всѣ знающіе, что такое число, къ чему оно служитъ, согласятся съ тѣмъ, что числомъ нельзя выразить нравственныя свойства человѣка, потому что это такая величина, которая не можетъ быть измѣрена, ибо нѣтъ данныхъ, на которыхъ могло бы основаться это измѣреніе. Въ самомъ дѣлѣ, что же требуетъ измѣреніе? Если мы обратимся къ первымъ страницамъ ариѳметики, то увидимъ, что прежде всего оно требуетъ какой-нибудь постоянной единицы, которая при всѣхъ измѣреніяхъ оставалась бы постоянно, неизмѣняющейся; а тутъ, въ данномъ случаѣ, есть ли такая единица? Когда учитель ставитъ баллъ, кто и что служитъ ему единицей кромѣ его личнаго мнѣнія, которое можетъ мѣняться не только съ годами, но даже въ зависимости отъ настроенія въ одинъ и тотъ же день, слѣдовательно, тутъ нѣтъ такой единицы. Въ самомъ ученикѣ? Но найти такого ученика, который никогда не измѣнялся бы въ своихъ нравственныхъ свойствахъ, невозможно, даже нелѣпо было бы желать имѣть такого ученика, который бы служилъ средствомъ измѣренія успѣховъ всѣхъ про-

чихъ учениковъ, потому что это значило бы остановить развитіе этого ученика. Слѣдовательно, если нѣтъ постоянной единицы, измѣреніе невозможно, поэтому будетъ произволъ со стороны учителя, учитель будетъ ставить баллы по личному усмотрѣнію».

Заслуживаетъ искренняго сожалѣнія, что такой серьезный вопросъ, какъ вопросъ о баллахъ, не былъ окончательно резюмированъ, въ чемъ вина падаетъ, конечно, на предсѣдателя общества, который въ заключеніе преній прямо выразился, что вопросъ о баллахъ, повидимому, постигаетъ такая же судьба, какая постигла вопросъ о древнихъ языкахъ, т. е. что онъ ничѣмъ не кончится.

Въ январскомъ засѣданіи 1876 г. неутомимый Миропольскій прочелъ рефератъ объ обязательномъ обученіи; при этомъ онъ пришелъ къ выводамъ, что вопросъ объ обязательномъ обученіи въ Россіи совсѣмъ не новое явленіе, что исторически оно существовало и прежде, что потребность обязательнаго обученія являлась въ эпоху реформъ, когда особенно пробуждалась потребность образованія, напр. при Петрѣ Великомъ, при Екатеринѣ II-й и, наконецъ, въ эпоху освобожденія крестьянъ Александромъ II-мъ, когда вопросъ объ обязательномъ начальномъ обученіи поднятъ земствомъ (26 земствъ).

Рефератъ г. Миропольскаго также вызвалъ въ обществѣ горячія пренія и нѣсколько новыхъ рефератовъ на эту же тему (г.г. Булгакова и Абрамова).

Въ концѣ 70-хъ годовъ Педагогическое общество было закрыто, и педагогическій музей Соляного Городка съ его предсѣдателемъ, генераломъ Коховскимъ, сдѣлался центромъ, около котораго сосредоточились постепенно и члены бывшаго Педагогическаго общества. Неоспоримо, что оно ждетъ безпристрастнаго историка; многіе его дѣятели сошли въ могилу, оставшіеся въ живыхъ находятся не у дѣлъ. Этому обществу приписываютъ слишкомъ много наклонностей къ фразѣ, къ пустословію. Но такъ ли это было? Правда, пренія выходили далеко за казенныя рамки; въ засѣданіяхъ общества не было той равномѣрности, благонравія и тишины, которая присуща такимъ научнымъ учрежденіямъ, какъ Географическое общество, Вольно-Экономическое общество и т. п. Здѣсь не было сухости, чорствости, формализма, словомъ, той субординаціи, которая и до сихъ поръ въ Петербургѣ отнимаетъ всякую охоту отъ посѣщенія нѣкоторыхъ собраній съ ихъ мертвящей скукой. Напротивъ, члены бывшаго Педагогическаго общества были люди слишкомъ живые, съ дѣйствительнымъ педагогическимъ призваніемъ. Педагогическое общество со стороны публики пользовалось огромною симпатіею и, за недостаткомъ мѣста, въ иныя засѣданія трудно было попасть, не заручившись заранѣе рекомендательнымъ билетомъ отъ членовъ общества. Насколько это общество по своей дѣя-

тельности было симпатично, доказывается слѣдующимъ фактомъ: въ деревнѣ Волково былъ сельскимъ учителемъ выдающійся во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, это—В. Я. Абрамовъ. Цѣлыхъ 25 лѣтъ онъ несъ тяжелыя обязанности преподавателя земской школы. Оставивъ институтъ инженеровъ путей сообщенія, гдѣ онъ былъ студентомъ, г. Абрамовъ весь отдался учительской дѣятельности за ничтожное вознагражденіе, и это какъ разъ въ то горячее время, когда шла усиленная постройка желѣзныхъ дорогъ и инженеровъ-путейцевъ брали нарасхватъ. Идеалистъ Абрамовъ, почувствовавъ педагогическое призваніе, всецѣло отдался дорогому для его сердца дѣлу и выработалъ изъ себя превосходнаго сельскаго учителя. Не такъ давно праздновался въ Петербургѣ рѣдкій 25-ти-лѣтній юбилей Абрамова. Вотъ этотъ самый г. Абрамовъ въ темныя ночи дождливой осени приходилъ каждый разъ въ засѣданія Педагогическаго общества. Какъ много этотъ фактъ говоритъ за полезность бывшаго Педагогическаго общества.

А. Овсянниковъ.

Графъ Минихъ въ Сибири.

(Письмо декабриста А. А. Бригена къ декабристу А. Е. Розену) [1]).

15-го ноября 1833 г., Пелымъ.

Третьяго дня получилъ я, почтеннѣйшій А. Е. [2]), ваше письмо отъ 25-го октября. Съ почтою же, которая отходитъ сегодня, вамъ отвѣчаю, чтобы опять имѣть скорѣе удовольствіе выманить у васъ нѣсколько строкъ, которыя во всякое время были для меня чрезвычайно пріятны, а въ настоящемъ моемъ уединеніи — неоцѣненны. Я много хожу, большую часть дня провожу въ поляхъ, вечеръ же съ двумя свѣчами сижу за *моими* книгами: признаюсь, что сіи вечера составляютъ пріятнѣйшее время моего пребыванія въ Пелымѣ.

Прочитавъ въ «Сѣверной Пчелѣ», что портретъ славнаго Миниха отыскали въ церкви Св. Петра въ Петербургѣ, прочитавъ сіе, я не могъ удержаться, чтобы не схватить шапку и отправиться поклониться тому мѣсту, гдѣ стоялъ домъ, въ коемъ знаменитый изгнанникъ, покоритель Данцига и Очакова, здѣсь 20 лѣтъ прожилъ. На священномъ семъ пепелищѣ теперь мирно ростетъ и завивается капуста; все мѣсто бывшаго острога, въ коемъ онъ безвыходно заключался, занято огородами, видно только основаніе одной печи, на остатки коей я всегда съ почтеніемъ взираю, ибо душевно уважаю мужа, который оказалъ столь великія и безсмертныя услуги отечеству. Бывъ самъ воспитанъ въ Петровскомъ училищѣ, я помню, какъ бывало суровыя черты упомянутаго портрета на насъ, мальчиковъ, не менѣе страху нагоняли, какъ и самый нашъ суровый и строгій директоръ Вейсъ. Я засталъ здѣсь 110 лѣтняго

[1]) Баронъ Андрей Евгеніевичъ Розенъ, печатая свои записки, только поминаетъ объ этомъ письмѣ („Отечественныя Записки" 1876 года, № 8, тр. 503), но не приводитъ подробнаго и любопытнаго его содержанія. Р е д.

[2]) Баронъ Андрей Евгеніевичъ Розенъ.

старика, который у Миниха живалъ въ услуженіи, отъ него много узналъ какъ о самомъ Минихѣ, такъ и о его супругѣ. Низменный домъ, въ коемъ онъ жилъ, былъ обнесенъ высокою стѣною изъ срубовъ; по угламъ стояли четыре высокія башни, съ бойницами, а надъ воротами въ острогѣ возвышалась 5-я башня. Пелымскіе жители его только тогда видѣли, когда онъ съ супругою прогуливался по стѣнамъ, коихъ каждый фасъ простирался на 30 саженъ. Кажись, не великъ лоскутъ земли, но довольно великъ, если вспомнишь, что каждому изъ насъ отмѣряютъ только три шага для постояннаго жилища, когда, по словамъ Фамусова, «придется лѣзть въ тотъ ящикъ, гдѣ ни встать, ни сѣсть».

Вы желаете, чтобъ я вамъ сообщилъ тѣ свѣдѣнія, кои я здѣсь на мѣстѣ могъ собрать въ подробности о знаменитомъ Минихѣ. Готовъ исполнить ваше желаніе, но признаюсь вамъ, что запасъ мой по сей части довольно скуденъ; впрочемъ все, что могъ вывѣдать отъ моего старикашки, здѣсь вамъ передаю.

Минихъ жилъ въ Пелымѣ не въ ссылкѣ, но въ заточеніи, вмѣстѣ съ супругой своей, которая безъ выхода при немъ находилась и съ нимъ возвратилась въ Россію. Онъ былъ роста средняго, полголовы ниже меня, дородной наружности, хотя и суровой, но пріятной, имѣлъ волоса темные съ просѣдью, мало говорилъ, когда же говорилъ, то картавилъ, казался всегда равнодушнымъ, иногда и веселымъ, по-русски изъяснялся хорошо, но выговоръ имѣлъ иностранный; съ супругой же своей, которая по-русски говорила крайне худо, говорилъ онъ всегда на своемъ языкѣ, вѣроятно по-нѣмецки, читалъ и писалъ, много работалъ въ маленькомъ саду, который въ острогѣ развелъ, гдѣ любилъ сѣять разныя травы и цвѣты; также собственными руками насадилъ много деревъ, кои въ послѣдствіи переросли и самыя башни острога, но къ сожалѣнію ни одного изъ сихъ деревъ не существуетъ. Прислуги при немъ находилось весьма много, отъ 15 до 20 человѣкъ обоего пола; они состояли частію изъ собственныхъ къ нему пріѣхавшихъ людей, изъ коихъ многіе здѣсь похоронены, частью же изъ наемныхъ пелымцевъ,—въ числѣ коихъ былъ и мой старикъ Казанцевъ. Сія многочисленная дворня объясняется тѣмъ, что Минихъ держалъ много рогатаго скота, для коего откупалъ луга и своими работниками собиралъ сѣно; часто для сего же предмета дѣлалъ такъ называемыя помочи, т. е. приглашалъ нѣсколько десятковъ мужиковъ и бабъ на свою работу и потомъ вмѣсто платы ихъ угощалъ; сіе заведеніе и по нынѣ здѣсь существуетъ. Въ семъ случаѣ накрывали столы на дворѣ острога, и Минихъ съ супругой своею, которая никогда ни на шагъ отъ него не отходила, съ высоты стѣны острожной, привѣтствовалъ своихъ гостей, приказывалъ ихъ подчивать, смотрѣлъ на ихъ пляски и прочія ихъ забавы и громко отъ всей души смѣялся, глядя на ихъ

проказы. Въ острогѣ кромѣ низменнаго дома и маленькой караулки не было никакого другаго строенія. Въ семъ домѣ жилъ Минихъ съ частію своей прислуги, другая же часть оной жила по квартирамъ въ г. Пелымѣ. Скотъ и птицы помѣщались въ срубахъ, изъ коихъ состояли стѣны. Днемъ всѣ имѣли свободный пропускъ въ острогѣ, но по пробитіи вечерней зори ворота онаго запирались; самого же Миниха изъ онаго не выпускали. Для его караула находилась здѣсь особенная гарнизонная команда, съ двумя или тремя офицерами, изъ коихъ одного Минихъ иногда приглашалъ къ себѣ играть въ карты. Команда же сія дѣлала здѣсь великіе безпорядки: грабежи въ домахъ и разныя насилія, такъ что многіе пелымскіе жители, бросивъ свои дома, разбѣжались кто куда зналъ. Бабъ и дѣвокъ зарывали часто на нѣсколько дней по уши въ землю. Графиня Минихъ была женщина чрезвычайно добрая, росту высокаго и сухощавая; она очень любила, снабдивъ хорошимъ приданымъ, выдавать крестьянскихъ дѣвушекъ замужъ и обыкновенно сама наряжала ихъ подъ вѣнецъ; такимъ образомъ облагодѣтельствовала она здѣсь многія семейства. Нынѣшняго года умерла здѣсь старушка Пономарева, которая жила у ней въ прислугахъ.

Въ день отъѣзда своего изъ Пелыма Минихъ въ дорожномъ экипажѣ (это было зимою) три раза объѣхалъ Пелымъ, спускаясь же на рѣку, простился съ жителями, которые въ большомъ числѣ при спускѣ собрались, сими словами: «Простите, мои пелымцы, вотъ и старикъ Минихъ со своею старухой отъ васъ уѣзжаютъ».—«Прости, отецъ ты нашъ родной», закричалъ ему народъ во слѣдъ, многіе стали на колѣни. Двухъ пелымцевъ увезъ онъ съ собою, изъ коихъ одинъ возвратился и года два тому назадъ здѣсь умеръ въ глубокой старости. Любилъ онъ также здѣшняго казака Панова, который стоялъ всегда за его стуломъ во время его обѣда и чистилъ ему сапоги. Еще забылъ я вамъ сказать, что здѣсь онъ по большей части ходилъ въ тепломъ халатѣ и много прохаживался по стѣнамъ своего острога. Вотъ все, что я знаю о пелымскомъ житьѣ славнаго Миниха, одного изъ знаменитѣйшихъ людей, которые бывали въ Россіи и о комъ Манштейнъ сказалъ: «я былъ адъютантомъ строгаго Миниха и чувствовалъ себя важнѣе и болѣе, нежели теперь, когда самъ генералъ» Онъ (т. е. Минихъ) былъ человѣкъ необыкновенно дѣятельный и свѣдущій по многимъ частямъ и исполненный жизни даже въ самыхъ преклонныхъ лѣтахъ. Прямо изъ Пелымскаго острога судьбѣ угодно было бросить его въ самыя бурныя треволненія политическія: онъ и тутъ себѣ не измѣнилъ и тутъ онъ показалъ себя великимъ; онъ жилъ еще пять лѣтъ. Въ Пелымѣ писалъ онъ планъ войны противъ турокъ и о способѣ покорить сію державу.

Прежде Миниха находился здѣсь регентъ герцогъ Биронъ также въ

*

заточеніи, но не долго, онъ здѣсь пробылъ только 4 мѣсяца и былъ увезенъ не знаю куда. Тюрьма, въ которой онъ заключался, существуетъ еще и по нынѣ, только на другомъ мѣстѣ и въ видѣ избы; она имѣетъ до 8 аршинъ въ ширину и длину и была несоразмѣрной вышины, едва-ли не въ девять аршинъ, такъ что видомъ походила болѣе на низкую башню, нежели на домъ. Кругомъ сія тюрьма была обнесена тыномъ, одной съ ней вышины; пространство же между стѣнами тюрьмы и тыномъ было едва-ли болѣе сажени, такъ что сіе жилище Бирона по всей справедливости можетъ назваться темницею, а посему и не мудрено, что она послѣ Петербургскаго дворца показалась тѣснымъ бывшему регенту Имперіи и что онъ съ досады на таковую квартиру два раза оную поджигалъ.

Вотъ, любезнѣйшій А. Е., историческія преданія о Пелымѣ; кажется, что теперь здѣсь я единственный хранитель оныхъ, ибо со смерти Казанцева не стало болѣе современныхъ свидѣтелей эпохи Миниха; нынѣшніе же жители мало заботятся о томъ, что было прежде. Но пора и мнѣ позаботиться о томъ, чтобы положить конецъ моей болтовнѣ. Вы сами виноваты въ томъ, что меня подстрекнули; желалъ бы, чтобы, разсердясь на меня за безконечность моего письма, вы бы въ скоромъ времени мнѣ отплатили таковымъ же. Въ ожиданіи сей вашей мести, прошу васъ засвидѣтельствовать.....[1]) и сказать нашимъ товарищамъ, что еслибы я имѣлъ крылья, то вмѣсто письма самъ бы прилетѣлъ въ Курганъ ихъ всѣхъ обнять. Простите, да не позабывайте душевно вамъ преданнаго гиперборейца.

Сообщ. **П. Майковъ.**

[1]) Точки въ оригиналѣ.

Бурбоны въ изгнаніи въ Митавѣ и въ Варшавѣ [1]).

Людовикъ XVIII, король французскій (р. 1755 г. † 1824 г.), братъ Людовика XVI, носившій во время его царствованія титулъ графа Прованскаго, а потомъ во время эмиграціи принявшій титулъ графа де-Лилль, избѣгнулъ печальной участи, постигшей королевскую семью во время революціи. Въ 1791 г. онъ бѣжалъ за границу одновременно съ Людовикомъ XVI, и съ тѣхъ поръ жилъ то въ Брюсселѣ, то въ Кобленцѣ, то въ Веронѣ, то въ Бланкенбургѣ, то въ Митавѣ, то въ Варшавѣ, то снова въ Митавѣ, изгоняемый по требованію французскаго правительства или принимаемый, вслѣдствіе враждебныхъ отношеній съ нимъ.

Отрывочныя свѣдѣнія о двукратномъ пребываніи Людовика XVIII въ Митавѣ и о его жизни въ Варшавѣ разсѣяны въ разныхъ мемуарахъ и запискахъ: «Vie privée et politique de Louis XVIII» de Beauchamp, «Les bourbons et la Russie pendant la révolution française» Pingaud, «La jeunesse de la duchesse d'Angoulême» de St.-Amand и пр., но обстоятельнаго, связнаго разсказа о его пребываніи въ этихъ двухъ городахъ до сихъ поръ не появлялось.

Изданное въ Варшавѣ въ прошедшемъ году сочиненіе извѣстнаго польскаго писателя Краусгара, подъ заглавіемъ: «Bourboni na wygnaniu w Mitawie i Warszawie» восполняетъ этотъ пробѣлъ. Съ любезнаго разрѣшенія автора мы предлагаемъ здѣсь переводъ этого сочиненія.

Ред.

---

[1]) Bourboni na wygnaniu w Mitawie i Warszawie. Szkic historyczny 1798—1805, przez Alexandra Kraushara. Warszawa, 1899.

I.

Графъ Прованскій. — Его супруга. — Бѣгство изъ Парижа. — Скитаніе по Европѣ. — Покушеніе на жизнь Людовика XVIII. — Благосклонный отвѣтъ Павла I на просьбу Людовика XVIII.

Графъ Прованскій, одинъ изъ братьевъ несчастнаго короля Людовика XVI, носившій при его жизни титулъ Monsieur, бѣжалъ во время революціи изъ Парижа вмѣстѣ съ королевской семьею, но ему удалось избѣгнуть катастрофы, постигшей короля въ Вареннѣ, и онъ прибылъ благополучно въ Брюссель. Впослѣдствіи онъ принималъ участіе во всѣхъ интригахъ, которыя эмигранты вели, при помощи европейской коалиціи, противъ революціонной французской республики.

Современники отзываются неодобрительно о характерѣ, способностяхъ и взглядахъ гр. Прованскаго, которому суждено было вступить въ 1815 г. на французскій престолъ подъ именемъ Людовика XVIII. По ихъ словамъ (Mémoires de Bagère, изд. Карно, 1842 г., т. I, 359), это былъ человѣкъ не энергичный, лѣнивый, изнѣженный, неспособный ни къ какому серьезному труду, искавшій развлеченія въ азартныхъ играхъ и въ лукулловскихъ пиршествахъ, вслѣдствіе чего, будучи отъ природы склоненъ къ тучности, онъ съ лѣтами чрезвычайно растолстѣлъ и страдалъ подагрою, къ которой онъ былъ расположенъ смолоду.

Онъ имѣлъ обо всемъ самыя поверхностныя свѣдѣнія, несмотря на то, что читалъ много, чтобы имѣть возможность вести разговоръ о разныхъ предметахъ, и благодаря прекрасной памяти поражалъ иногда слушателя цитатами изъ ученыхъ сочиненій; впрочемъ, любимымъ и даже почти единственнымъ его занятіемъ было чтеніе историческихъ сочиненій и изученіе классиковъ. Онъ придавалъ огромное значеніе строгому соблюденію придворнаго этикета, любилъ окружать себя свитою гвардейцевъ, былъ любезенъ съ дамами, но относился къ нимъ платонически.

Отъ брака гр. Прованскаго съ Маріей-Жозефиной, дочерью герцога савойскаго, не было дѣтей. Между супругами не существовало любви и согласія, и Madame, женщина хитрая и неискренняя, не была любима прочими членами королевской семьи.

Въ придворномъ кругу своего брата, короля Людовика XVI, графъ Прованскій не игралъ никакой роли; и онъ и его супруга относились къ королю и къ королевѣ Маріи-Антуанетѣ съ завистью и недоброжелательствомъ. Не сходясь съ королевской семьей, Madame жила особнякомъ въ прекрасномъ паркѣ Montreuil, занимаясь сельскимъ и домашнимъ хозяйствомъ и разведеніемъ птицъ.

Графъ Прованскій разстался съ королевской семьей на вѣки 20-го іюня 1791 г. [1]). Выѣхавъ одновременно съ королемъ изъ Парижа, онъ

[1]) Всѣ даты приведены по новому стилю

получилъ приказаніе отправиться чрезъ Лонгве и Бельгію въ Монмеди, гдѣ и долженъ былъ встрѣтиться съ прочими Бурбонами, бѣжавшими изъ Франціи.

Поступивъ гораздо осмотрительнѣе Людовика XVI, онъ не сѣлъ въ одну карету со своей женою и отправился совершенно инымъ путемъ, въ сопровожденіи одного гр. д'Авари; благодаря этому ему удалось благополучно избѣжать погони и пробраться въ Германію.

Остановившись въ Кобленцѣ, въ замкѣ, предоставленномъ въ его распоряженіе его дядей по матери, курфирстомъ тревирскимъ, онъ началъ здѣсь съ помощью принца Конде свою будущую воинствующую политику. Въ скоромъ времени онъ перебрался во владѣнія короля прусскаго, въ Гаммъ, не далеко отъ Дюссельдорфа. Когда Людовикъ XVI погибъ на гильотинѣ, онъ торжественно объявилъ себя регентомъ и сформировалъ свой личный штатъ, а въ исходѣ 1793 г. отправился въ Туринъ, гдѣ его жена нашла пріютъ у своего отца, Виктора Амедея III.

Пребываніе регента въ Туринѣ не согласовалось съ политическими видами короля сардинскаго; это побудило Людовика переселиться въ Верону. Тутъ, по смерти дофина, малолѣтняго Людовика XVII, гр. Прованскій возвѣстилъ всѣмъ прочимъ державамъ, что par la grace de Dieu (по милости Божіей) онъ наслѣдуетъ престолъ Бурбоновъ, подъ именемъ Людовика XVIII.

Супруга претендента осталась въ Туринѣ, гдѣ она получала отъ мужа еженедѣльно письма, на которыя впрочемъ не спѣшила отвѣчать. Марія-Жозефина и тутъ вела, по обыкновенію, замкнутый образъ жизни, живя совершенно особнякомъ въ обществѣ одной изъ давнишнихъ своихъ приближенныхъ, бывшей впослѣдствіи замужемъ за Gourbillon, которую всѣ придворные и самъ Людовикъ XVIII не долюбливали.

Не долго пришлось Людовику XVIII пробыть въ Веронѣ. Венеціанская республика, опасаясь столкновенія съ побѣдоносной французской республикой, просила претендента оставить ея территорію.

— Я удалюсь,—сказалъ изгнанникъ посланному,—но съ однимъ условіемъ, чтобы мнѣ дали золотую книгу венеціанскаго дворянства, въ которую я впишу собственноручно свое имя и то, что меня изгоняютъ тѣ самые люди, которымъ предокъ мой, Генрихъ IV, даровалъ республику.

Венеціанское правительство не исполнило этого требованія, но выпроводило претендента изъ Венеціи. 20-го апрѣля 1796 г. онъ отправился въ Ригель, къ арміи эмигрантовъ, находившейся подъ командою принца Конде, но Австрія, не сочувствовавшая претенденту, воспротивилась его пребыванію въ лагерѣ. Послѣ кратковременнаго путешествія Людовикъ XVIII прибылъ въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года въ мѣ-

стечко Диллингенъ, принадлежавшее курфирсту тревирскому, и остановился въ харчевнѣ. Ища прохлады, такъ какъ день былъ томительно жаркій, онъ подошелъ къ открытому окну, какъ вдругъ въ него былъ сдѣланъ изъ-за угла выстрѣлъ, пуля попала ему въ лобъ и, слегка ранивъ его, ударилась въ стѣну. Полагали, что покушеніе было произведено крестьяниномъ-нѣмцемъ, у котораго французскіе эмигранты при проходѣ попортили посѣвы.

Несчастный изгнанникъ не зналъ, куда приклонить голову. Курфирстъ саксонскій, принцы Ангальтъ, Дессау и Ольденбургскій отказали ему въ гостепріимствѣ. Одинъ только принцъ Брауншвейгскій дозволилъ ему побыть временно въ мѣстечкѣ Бланкенбургѣ, гдѣ претендентъ на французскій престолъ поселился въ домѣ вдовы пивовара. Его свита, въ числѣ которой были князья и герцоги: de-Guiche, де-Граммонъ, де-Виллекьеръ, де-Флёри, де-Коссъ Бриссакъ и гр. д'Авари, размѣстились въ мѣстечкѣ, а супруга претендента съ трудомъ нашла себѣ пріютъ въ пассавскомъ аббатствѣ, въ Баваріи, куда ее приняли съ условіемъ, что она будетъ жить на свои собственныя средства.

Въ Бланкенбургѣ претендентъ узналъ о переворотѣ 18 фрюктидора [1]) 1797 г., который надолго уничтожилъ всякую надежду Бурбоновъ на возстановленіе ихъ на престолѣ. Договоръ, заключенный въ Кампо-Форміо 17-го октября 1797 г., упрочилъ правительство директоріи, и ни одно европейское государство не рѣшалось поддерживать претендента. Нѣмецкіе князья ставили принцу Брауншвейгскому въ вину услугу, оказанную имъ эмигрантамъ, а король прусскій рѣшительно потребовалъ удаленія Людовика XVIII изъ Бланкенбурга. Тщетно просилъ изгнанникъ дать нѣсколько дней отсрочки, чтобы онъ могъ гдѣнибудь найти убѣжище въ зимнюю пору.

Находясь въ столь отчаянномъ положеніи, Людовикъ XVIII обратился къ императору Павлу I съ просьбою оказать эмигрантамъ пріютъ въ Россіи.

Въ отвѣтъ на эту просьбу къ Людовику XVIII былъ посланъ генералъ-адъютантъ гр. Шуваловъ съ извѣщеніемъ, что императоръ разрѣшаетъ имъ прибыть въ Россію и предлагаетъ поселиться въ замкѣ, принадлежавшемъ нѣкогда герцогамъ курляндскимъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1798 г. Людовикъ XVIII прибылъ въ Митаву, куда вслѣдъ за нимъ отправились его придворные и люди ему преданные, которые образовали его придворный штатъ и, живя вмѣстѣ съ нимъ на готовыхъ хлѣбахъ, окружали своего монарха внѣшними знаками королевскаго достоинства.

Императоръ Павелъ заинтересовался не только судьбою Людо-

---

[1]) 4-го сентября 1797 г., когда были арестованы роялистическіе депутаты. В. Т.

вика XVIII, но повелѣлъ принять на содержаніе Россіи и армію принца Конде. Онъ хотѣлъ отплатить этимъ за гостепріимство, оказанное ему Людовикомъ XVI въ Версалѣ въ 1782 г., когда онъ путешествовалъ по Европѣ подъ именемъ графа Сѣвернаго.

Въ то время звѣзда Бурбоновъ сіяла еще полнымъ блескомъ. Дворы Версаля и Шантильи соперничали между собою во вниманіи къ высокому гостю. Какъ трагична была судьба, постигшая ихъ нѣсколько лѣтъ спустя! Людовикъ XVI, Марія-Антуанета, madame Елисавета погибли на гильотинѣ, юный дофинъ умеръ голодною смертью въ Тамплѣ, два брата короля были въ изгнаніи. Только дочери короля, Madame Royale, Маріи Терезіи удалось спастись; директорія согласилась отпустить ее въ Вѣну въ обмѣнъ на плѣнныхъ французскихъ депутатовъ, выданныхъ австрійцамъ измѣнникомъ генераломъ Дюмурье.

II.

Людовикъ XVIII въ Митавѣ.—Замокъ.—Королевскій дворъ.—Старанія дипломатіи.—Положеніе Европы.—Побѣды Бонапарта.—Показная роскошь митавскаго двора.—Просьбы о денежномъ пособіи.—Островъ Мальта.—Вторая коалиція.—Надежды короля.

Людовикъ XVIII прибылъ въ Митаву со своимъ племянникомъ, герцогомъ Ангулемскимъ, 18-го марта 1797 г. Благодаря великодушію могущественнаго покровителя, ихъ въѣздъ въ городъ былъ обставленъ очень торжественно. Мѣстные жители толпами привѣтствовали изгнанниковъ; въ бывшемъ замкѣ герцоговъ курляндскихъ ихъ встрѣтилъ отрядъ гвардіи.

Императоръ Павелъ признавалъ своего гостя «королемъ Франціи и Наварры» и дозволилъ ему окружить себя свитою французскихъ дворянъ и гвардейцевъ, начальникомъ которыхъ былъ назначенъ графъ д'Ожеръ (Auger), одинъ изъ приближенныхъ Людовика XVI, вступившій въ армію Конде.

Роскошный курляндскій замокъ, въ которомъ, за три года до пріѣзда Людовика XVIII, жилъ еще послѣдній изъ ленныхъ герцоговъ курляндскихъ, сдѣлался резиденціей Бурбоновъ; онъ былъ тщательно обставленъ, на-подобіе версальскаго дворца, всѣми аттрибутами королевской власти. Присутствіе придворныхъ кавалеровъ до-революціонной эпохи, стоявшіе шпалерами гвардейцы, которые сопровождали короля при торжественномъ шествіи его въ дворцовую церковь; пышность ихъ одѣянія, соблюденіе самыхъ мелкихъ требованій придворнаго этикета, интриги, зависть и заискиваніе ласковаго взгляда и слова этого короля—безъ королевства, этого монарха—безъ монархіи, который жилъ подачками

европейскихъ правительствъ, покровительствовавшихъ Бурбонамъ,—все это далеко не соотвѣтствовало истинному положенію изгнанника, который, пользуясь на взглядъ всѣми удобствами жизни, то и дѣло докучалъ дворамъ просьбами объ оказаніи ему денежнаго вспомоществованія.

Въ самомъ дѣлѣ, содержаніе цѣлой арміи придворныхъ, сторонниковъ и дипломатическихъ представителей въ главнѣйшихъ столицахъ Европы требовало чрезвычайныхъ расходовъ. Послами Людовика XVIII были: въ Лондонѣ—князь д'Аркуръ, въ Вѣнѣ—ла-Фаръ, епископъ нансійскій и маркграфъ де-Боннэ, въ Мадридѣ—князь д'Аврэ, въ Лиссабонѣ—принцъ де-Куаньи (de Coigny), въ Неаполѣ—графъ де-Частеллюсъ и ксендзъ де-Жонсъ, въ Петербургѣ—маркграфъ де-ла-Ферте и де-Караманъ, въ Гамбургѣ—де-Товенэ, въ Римѣ—де-Вернегъ. Митавѣ суждено было сдѣлаться центромъ происковъ дипломатическихъ интригановъ, изъ коихъ многіе, подъ личиною преданности королю, находились на жалованьи у приверженцевъ республики.

Людовикъ XVIII велъ дипломатическую корреспонденцію при помощи графа д'Авари и Сенъ-Пріеста. Послѣдній, бывшій нѣкогда министромъ при французскомъ дворѣ, отличался большою опытностью въ дѣлахъ и имѣлъ многочисленныя связи на берегахъ Невы. Онъ завидовалъ расположенію короля къ графу д'Авари и не терпѣлъ его участія въ дѣлахъ. Переписку съ монархами Людовикъ XVIII велъ собственноручно. Предметомъ ея были постоянныя сѣтованія короля на его положеніе и на вѣчный недостатокъ денегъ и просьбы объ оказаніи ему помощи войскомъ для того, чтобы двинуться съ вооруженными силами къ границѣ Франціи.

Въ тотъ годъ, когда претендентъ прибылъ въ Митаву, Бонапартъ одержалъ блистательныя побѣды подъ Пирамидами и подъ Абукиромъ, а республиканскія войска, воевавшія съ Англіей, готовились къ набѣгу на Ирландію, гдѣ имъ было суждено понести большое пораженіе. Равновѣсіе Европы было поколеблено. Апостольская столица осталась безъ папы, неаполитанскій престолъ былъ низвергнутъ, король піемонтскій изгнанъ; такая же судьба постигла принцевъ тосканскаго, моденскаго и пармскаго. На мѣстѣ подвластныхъ италіанскихъ княжествъ возникли маленькія республики, побѣдоносная Франція овладѣла Бельгіей, Голландіей, Швейцаріей, собиралась воевать съ Испаніей, принудила Пруссію заключить миръ и сокрушила весь политическій строй Германіи.

Монархи смотрѣли съ тревогою на возраставшій въ Европѣ демагогическій духъ и сознавали необходимость сплотиться для спасенія своихъ троновъ. Но ихъ удерживали весьма серьезныя личныя соображенія и боязнь мести со стороны побѣдоносной французской республики. При этихъ тревожныхъ обстоятельствахъ, митавскій изгнанникъ велъ

довольно неприглядную и ничѣмъ необезпеченную жизнь, не имѣя ни малѣйшей надежды, что положеніе его измѣнится къ лучшему хотя бы въ отдаленномъ будущемъ.

Несмотря на щедрую денежную помощь, которую Людовикъ XVIII получалъ отъ императора Павла, митавскій дворъ постоянно нуждался въ деньгахъ. Пенсіи въ 200.000 рублей [1]), которую Людовикъ XVIII получалъ ежегодно, не хватало на покрытіе расходовъ по содержанію многочисленной свиты и приближенныхъ короля. Хотя Испанія также присылала ежегодно королю 90.000 франковъ и таковую же сумму королевѣ, однако Людовикъ XVIII, въ письмахъ своихъ къ императору Павлу, то и дѣло просилъ его ходатайствовать у дворовъ—англійскаго, прусскаго и австрійскаго объ оказаніи ему денежной помощи. Австрія хранила на эти просьбы упорное молчаніе, Пруссія считала достаточнымъ платоническое сочувствіе къ Бурбонамъ, Англія ссылалась на то, что ея щедрой помощью пользовались графъ д'Артуа, его сыновья, принцы Конде и Орлеанскіе, не считая арміи эмигрантовъ, для которой въ Лондонѣ было учреждено особое бюро вспомоществованій.

Соблюденіе нѣкоторой экономіи въ обиходѣ митавскаго двора лишило бы Людовика XVIII необходимаго для его цѣлей внѣшняго блеска' повлекло бы за собою необходимость удалить нѣкоторыхъ духовныхъ особъ, въ числѣ которыхъ кардиналъ Монморенси исполнялъ обязанности милостыннаго священника, имѣя помощниками трехъ простыхъ священниковъ; въ Митавѣ находился, между прочимъ, и ксендзъ Эджвортъ де-Фирмонъ, почтенный капелланъ, родомъ изъ графства Миддельссекскаго, который былъ для претендента живымъ звеномъ, связывавшимъ королевскую семью съ воспоминаніями о несчастьяхъ, испытанныхъ Бурбонами. Онъ напутствовалъ Людовика XVI въ послѣднія минуты его жизни и запечатлѣлъ его казнь историческими словами: «Сынъ св. Людовика, ступай на небо!» Спасаясь отъ преслѣдованія черни во время террора, онъ спрятался у президента Рамбо, зятя Малерба (оба они окончили впослѣдствіи жизнь на гильотинѣ), затѣмъ бѣжалъ изъ Франціи въ Бланкенбургъ и вмѣстѣ съ королемъ пріѣхалъ въ Митаву, гдѣ онъ принялъ на себя обязанность духовника и постояннаго собесѣдника изгнанниковъ.

Людовику XVIII было необходимо окружить себя множествомъ сановниковъ и дипломатовъ, которые содѣйствовали бы его тайнымъ цѣлямъ и происканъ въ разныхъ столицахъ Европы, поддерживали бы сношенія съ сторонниками Бурбоновъ и подготовили бы войну съ фран-

---

[1]) По высочайшему указу отъ 6-го іюля 1718 г., королю французскому на содержаніе его съ семействомъ и принадлежащими ему людьми было опредѣлено выдавать по 200 т. р. ежегодно. Ред.

цузской республикой, которая могла быть ускорена вслѣдствіе тайныхъ сношеній Барраса съ генералами Пишегрю и Дюмурье, которыя велись при участіи Англіи и Австріи.

Осада острова Мальты французами дала императору Павлу поводъ объявить французской республикѣ войну, возбудившую въ митавскомъ дворѣ самыя радужныя надежды. Павелъ I, будучи еще великимъ княземъ, находился, какъ извѣстно, въ близкихъ сношеніяхъ съ мальтійскимъ орденомъ. Учредивъ, по вступленіи на престолъ, русскій отдѣлъ этого ордена, онъ возстановилъ въ Польшѣ достоинство великаго пріора, значительно увеличилъ доходы ордена въ Россіи и въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1797 г. объявилъ себя его покровителемъ.

Когда французы осадили Мальту, кавалеры мальтійскаго ордена обратились къ императору Павлу съ просьбою о покровительствѣ, и онъ не только не отказалъ имъ въ этомъ, но объявилъ себя въ 1798 году гросмейстеромъ ордена. Когда, вслѣдъ за тѣмъ, французы высадились въ Египтѣ, Турція, вмѣстѣ съ Англіей и Россіей, объявила Франціи войну, которая, вслѣдствіе заключенія коалиціи между Англіей, Швеціей, Пьемонтомъ и Неаполемъ, должна была уничтожить плоды всѣхъ одержанныхъ Бонапартомъ побѣдъ и помочь митавскимъ изгнанникамъ возвратить утраченный ими престолъ.

Императоръ Павелъ, въ знакъ своего сочувствія къ Людовику XVIII, прислалъ ему въ 1798 г. орденскіе знаки св. Анны 1-й ст., мальтійскій крестъ и нѣсколько дипломовъ in blanco для роздачи ихъ приверженцамъ короля. Взамѣнъ этого, онъ принялъ отъ Людовика XVIII орденъ св. Лазаря, который былъ врученъ ему присланнымъ нарочно съ этой цѣлью въ Петербургъ Эджвортомъ де-Фирмонъ. Павелъ I заявилъ ему, что русскія войска выступятъ вскорѣ въ походъ противъ французской республики, подъ предводительствомъ Суворова, и что помянутая коалиція будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока Бурбоны не возвратятся во Францію, пока папа не вернется въ Римъ и въ Неаполѣ и Туринѣ не будутъ возстановлены на престолѣ ихъ законные властители. По полученіи столь благопріятнаго извѣстія, первымъ шагомъ Людовика XVIII было обратиться къ императору Павлу съ просьбою, чтобы онъ исходатайствовалъ у вѣнскаго двора принцессѣ Маріи Терезіи (Madame Royale) позволеніе пріѣхать въ Митаву, гдѣ она должна была обвѣнчаться съ племянникомъ короля, герцогомъ Ангулемскимъ, упрочивъ этимъ бракомъ престолъ въ семействѣ Бурбоновъ.

III.

Герцоги Ангулемскій и Беррійскій.—Madame Royale.—Ея сиротство и освобожденіе.—Пребываніе въ Вѣнѣ.—Вмѣшательство императора.—Пріѣздъ принцессы въ Митаву.—Бракосочетаніе съ принцемъ Ангулемскимъ.

Изъ ближайшихъ родственниковъ Людовика XVIII въ Митавѣ находился его племянникъ, Людовикъ Антонъ де-Бурбонъ, герцогъ Ангулемскій (родился въ Версалѣ 6-го августа 1775 г.), сынъ графа д'Артуа. Послѣдній, живя въ Англіи, принималъ живое участіе въ происках роялистовъ и считался душою и руководителемъ всѣхъ заговоровъ, направленныхъ противъ французской республики. Послѣ взятія Бастиліи, принцъ Ангулемскій бѣжалъ изъ Франціи въ Туринъ, вскорѣ вступилъ въ армію принца Конде и затѣмъ отправился въ Голирудъ, мѣстопребываніе своего отца, а оттуда въ Бланкенбургъ и вмѣстѣ съ дядею прибылъ въ Митаву, гдѣ и поселился съ нимъ.

Его братъ, герцогъ Беррійскій, разъѣзжалъ между тѣмъ по Европѣ и старался вербовать своему дядѣ сторонниковъ, которые помогли бы ему завоевать обратно французскій престолъ. Личность обоихъ братьевъ не представляла собою ничего выдающагося: герцогъ Ангулемскій, не получившій основательнаго образованія, отличался однако здравымъ сужденіемъ и дѣйствовалъ благоразумно; но герцогъ Беррійскій былъ нрава вспыльчиваго, необузданнаго и дѣйствовалъ энергично въ интересахъ эмигрантовъ.

Вопросъ о бракѣ герцога Ангулемскаго съ осиротѣвшей дочерью Людовика XVI, Маріей Терезіей Шарлоттой де-Бурбонъ, былъ рѣшенъ еще въ то время, когда эта послѣдняя представительница династіи Капетовъ томилась въ Тамплѣ, ожидая своего освобожденія.

Принцесса Марія Терезія, Madame Royale, родилась въ Версалѣ, 19-го декабря 1778 г. и уже въ дѣтствѣ испытала не мало несчастій.

Въ ужасную ночь съ 5-го на 6-е октября 1780 года, когда парижская чернь ворвалась въ Версаль, королева Марія Антуанетта схватила малютку, спавшую спокойно въ своей кроваткѣ, и спрятала ее отъ разсвирѣпѣвшей толпы въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ дворца.

На слѣдующій день, чернь съ торжествующими криками отвела королевскую семью изъ Версаля въ Тюильри, откуда она отправилась вскорѣ въ тюрьму и на эшафотъ. Въ августѣ мѣсяцѣ 1792 года, еще крошечнымъ ребенкомъ, Марія Терезія была свидѣтельницею гибели родныхъ; заключенная вмѣстѣ съ ними въ Тампль, гдѣ она пробыла съ 13-го августа 1792 г. по 18-е декабря 1795 г., она лишилась отца, матери, брата, тетки Елисаветы и перенесла горе безнадежнаго одиночества. Нравственныя страданія усугублялись надоѣдливымъ приста-

ваніемъ и насмѣшками стерегшихъ ее тюремщиковъ. Она была выпущена изъ тюрьмы только въ концѣ 1795 г.

— Я была бы гораздо счастливѣе,—говорила она—если бы я могла раздѣлить участь моихъ родныхъ, а не быть осужденной оплакивать ихъ судьбу.

Директорія, послѣ долгихъ переговоровъ, согласилась выдать ее австрійскому двору, въ замѣнъ за взятыхъ въ плѣнъ депутатовъ Конвента, предательски оставленныхъ въ 1793 г. Дюмурье въ лагерѣ нѣмецкихъ гусаръ.

Принцесса Марія Терезія прибыла въ Вѣну 9-го января 1796 г. Ей было въ то время семнадцать лѣтъ. Ея красота, привѣтливость, пріятныя манеры и испытанныя ею несчастія вызвали къ ней всеобщее сочувствіе. Несмотря на сравнительную свободу, которой принцесса пользовалась при австрійскомъ дворѣ, она стремилась къ своему дядѣ въ Митаву, желая исполнить послѣднюю волю родителей, которые предназначили ее въ жены принцу Ангулемскому. Австрійскій дворъ не сочувствовалъ этому браку и мечталъ видѣть ее супругою эрцгерцога Карла, чтобы соединить, въ интересахъ династическихъ, корону Франціи и Наварры въ рукахъ потомка Габсбурговъ, такъ какъ салическій законъ, устраняющій женщинъ отъ престола, въ Австріи не соблюдался.

Усиленныя просьбы Людовика XVIII, за котораго ходатайствовалъ въ Петербургѣ де-Сенъ-Пріестъ, побудили императора Павла принять участіе въ этомъ бракѣ. Переговоры, возникшіе въ 1797 году между Австріей и Россіей по случаю образованія второй коалиціи противъ Франціи, были причиною, что вмѣшательство императора увѣнчалось успѣхомъ. 3-го мая 1799 г. принцесса выѣхала изъ Вѣны и мѣсяцъ спустя была на русской границѣ, гдѣ ее ожидалъ уже посланный королемъ на встрѣчу камергеръ де-Виллекьеръ (de Villequiers).

За день до встрѣчи Madame Royale съ дядею, совершился торжественный въѣздъ въ Митаву супруги Людовика XVIII, которую для приличія онъ желалъ имѣть возлѣ себя, чтобы еще болѣе увеличить блескъ своего двора.

Вызывая свою супругу въ Митаву, король предъявилъ ей одно требованіе, чтобы она не привозила съ собою неразлучной съ нею г-жи де-Гурбильонъ, такъ какъ ее не терпѣли всѣ его приближенные.

Прошло уже восемь лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ супруги разстались Когда королева прибыла въ Митаву 3-го іюня 1799 г. въ сопровожденіи принцессы де de la Tour d'Auvergne и ея дочери, принцессы Нарбонской; г-жа де-Гурбильонъ также пріѣхала съ королевой, но остановилась временно въ городскомъ предмѣстьи.

На слѣдующій день, рано утромъ, король выѣхалъ на встрѣчу своей

племянницѣ Маріи Терезіи, которая уже ожидала его на первой почтовой станціи отъ Митавы. Увидавъ приближавшійся экипажъ, она выбѣжала на большую дорогу и бросилась своему дядѣ въ ноги. «Громкое рыданіе свидѣтельствовало о долго сдерживаемыхъ чувствахъ,—говоритъ графъ де-Сенъ-Пріестъ, описывая эту встрѣчу,—герцогъ Ангулемскій также омочилъ слезами руку своей двоюродной сестры, а король, представляя ему будущую супругу, благословилъ ихъ на бракъ». Радостные крики мѣстныхъ жителей и придворныхъ привѣтствовали принцессу по пути въ замокъ. Король представилъ ее своей супругѣ; затѣмъ, подведя принцессу къ ксендзу Эджворту-де-Фирмонъ и представляя ей преданныхъ ему гвардейцевъ, онъ сказалъ:

— Вотъ небольшая горсточка защитниковъ тѣхъ, кого мы оплакиваемъ...

Увидавъ ксендза де-Фирмонъ, принцесса не могла удержаться отъ истерическихъ рыданій.

— Позвольте мнѣ выплакать предъ вами свое горе,—сказала она,—слезы облегчатъ меня.

«Королевская семья обѣдала за отдѣльнымъ столомъ,—пишетъ де-Трессанъ;—мы имѣли счастье представиться Madame только въ пятомъ часу. Прекрасныя, очаровательныя черты ея благороднаго лица напоминали намъ красивую наружность ея несчастныхъ родителей».

Шесть дней спустя послѣ пріѣзда принцессы въ Митаву, было совершенно торжественно бракосочетаніе ея съ принцемъ Ангулемскимъ.

Людовикъ XVIII, горячо желая обезпечить себѣ дальнѣйшую благосклонность императора Павла, единственнаго покровителя и защитника изгнанниковъ, обратился къ нему съ нижеслѣдующимъ письмомъ:

«Мой братъ и кузенъ! Въ виду приближающагося торжества бракосочетанія племянника моего съ моей племянницею, я не могу не вспомнить того, что обязанъ этому событію единственно покровительству вашего императорскаго величества. Глубочайшая признательность повелѣваетъ мнѣ сохранить потомству воспоминаніе о вашемъ доброжелательствѣ ко мнѣ, поэтому я прошу позволенія, чтобы брачный актъ хранился въ архивѣ вашей имперіи, въ мѣстѣ, какое вашему императорскому величеству благоугодно будетъ указать, дабы онъ былъ такимъ образомъ вѣчнымъ доказательствомъ великодушнаго гостепріимства и покровительства, коими семейство мое пользовалось въ своемъ несчастьи со стороны вашего императорскаго величества. Я весьма желалъ бы также, чтобы ваше императорское величество скрѣпили этотъ документъ своею подписью и чтобы она была залогомъ счастья для молодой четы. Высказывая это желаніе, я боюсь, чтобы ваше императорское величество не сочли меня назойливымъ; исполненіе же этой просьбы увѣн-

чало бы оказанныя уже мнѣ милости и снискало бы вашему императорскому величеству глубочайшую мою признательность».

Въ томъ же духѣ писала императору Павлу и Madame Royale. Благодаря его за все, что русскій дворъ сдѣлалъ для изгнанниковъ, она всенижайше просила его оказать имъ дальнѣйшее покровительство.

Разрѣшеніе папы, необходимое для того, чтобы бракъ между столь близкими родственниками имѣлъ законную силу, было получено изъ Рима еще 3-го февраля 1796 года.

Бракосочетаніе совершилось 19-го іюня 1799 г. въ одной изъ залъ митавскаго замка. Молодыхъ благословилъ на бракъ кардиналъ Монморенси-Лаваль, великій милостынникъ французскаго королевства. Алтарь былъ убранъ зеленью, лиліями и розами. При обрядѣ присутствовали: курляндское дворянство, мѣстное католическое духовенство и знатнѣйшіе изъ мѣстныхъ жителей, губернаторы: гражданскій Дризенъ и военный Ферзенъ, православный священникъ и лютеранскій пасторъ. Людовикъ XVIII, сопровождаемый свитою гвардейцевъ и придворныхъ, подвелъ невѣсту къ алтарю. Возлѣ налоя принцессы стоялъ ксендзъ Эджвортъ-де-Фирмонъ; серьезная, историческая фигура духовника Людовика XVI придавала этой торжественной церемоніи трогательный характеръ.

Во время свадебнаго пира, на которомъ присутствовали придворные сановники и между ними Гильерми, депутатъ генеральныхъ штатовъ, Людовикъ XVIII обратился къ присутствующимъ съ слѣдующей рѣчью:

—. Это торжество и праздникъ всѣхъ французовъ; счастье мое было бы полно, если бы я могъ видѣть здѣсь всѣхъ тѣхъ, которые подобно вамъ выказали неизмѣнную преданность королю, моему брату!

Въ отвѣтъ на благосклонное письмо императора Павла, поздравившаго его съ бракосочетаніемъ принцессы, Людовикъ XVIII возобновилъ увѣреніе въ безпредѣльной признательности за оказанныя ему милости, не предчувствуя, что рука, оказавшая ему столько благодѣяній, подпишетъ вскорѣ указъ объ изгнаніи Бурбоновъ изъ Россіи.

Императоръ Павелъ подписалъ актъ о бракосочетаніи и изъявилъ согласіе, чтобы онъ хранился въ сенатскихъ архивахъ. Шатобріанъ, вспоминая объ этомъ фактѣ, присовокупляетъ: «Такимъ образомъ въ чужой странѣ, среди чужой религіи, совершилось бракосочетаніе, однимъ изъ свидѣтелей котораго былъ иноземный капелланъ, сопровождавшій Людовика XVI на казнь. Иноземный сенатъ принялъ на храненіе актъ бракосочетанія, которому не было мѣста въ томъ хранилищѣ, гдѣ находится актъ о вѣнчаніи великой княжны россійской Анны и короля французскаго Генриха I»...

Несмотря на внѣшній блескъ королевскаго двора, пустота королев-

ской казны не позволила молодой четѣ воспользоваться пріятнымъ обычаемъ,—получивъ свадебные подарки, отдарить ихъ такими вещами, которыя по цѣнности своей соотвѣтствовали бы положенію новобрачныхъ.

Графиня д'Артуа прислала своей невѣсткѣ дорожный приборъ, а передъ отъѣздомъ изъ Вѣны она получила отъ императрицы ея портретъ, осыпанный бриллiантами. Эрцгерцогъ Альбертъ подарилъ ей два рабочихъ столика стоимостью въ десять тысячъ гульденовъ. Дочь Людовика XVI не получила никакого приданаго. Она могла сдѣлать только самые скромные подарки приближеннымъ, раздѣлявшимъ съ нею несчастіе, въ числѣ коихъ была Генріетта де-Шуази, дочь барскаго конфедерата, который, дѣйствуя 2-го февраля 1772 г. во главѣ отряда, взялъ краковскій замокъ и храбро оборонялся двѣ недѣли противъ войскъ, осаждавшихъ городъ подъ предводительствомъ Суворова.

IV.

Придворная жизнь въ Митавѣ.—Посѣщеніе Филиппа Орлеанскаго.—Отъѣздъ герцога Ангулемскаго.—Торжество Бонапарта.—Поворотъ въ русской политикѣ.—Изгнаніе графа Карамана.—Предвѣстники несчастья.

Жизнь при митавскомъ дворѣ текла, повидимому, мирно и спокойно, прерываемая время отъ времени посѣщеніемъ роялистовъ и нѣкоторыхъ лицъ, руководившихъ дипломатическими переговорами, которые велись въ Европѣ съ цѣлью помочь Бурбонамъ вновь овладѣть престоломъ. Рядъ успѣшныхъ дѣйствій второй коалиціи противъ республиканскихъ войскъ возбудилъ вначалѣ надежды сторонниковъ Людовика XVIII и придавалъ имъ энергію.

Въ домашнемъ кругу митавскій изгнанникъ окружалъ себя всѣмъ блескомъ королевскаго величія; отслушавъ обѣдню въ дворцовой церкви, онъ давалъ аудіенцію своимъ министрамъ. У дверей его кабинета всегда стояли на часахъ два гвардейца, кавалеры ордена св. Людовика, съ обнаженными шпагами. Курляндскій губернаторъ представлялъ пріѣзжихъ иностранцевъ церемоніймейстеру, который докладывалъ о нихъ монарху. Король носилъ мундиръ голубаго цвѣта съ пунцовымъ воротникомъ. Онъ говорилъ правильно, но высокопарнымъ слогомъ на языкахъ: латинскомъ, французскомъ, англійскомъ и италіанскомъ, которыми владѣлъ въ совершенствѣ. Лица, приглашенныя къ королевскому столу, сидѣли обыкновенно возлѣ герцога Ангулемскаго, который, помѣщаясь рядомъ съ королемъ, «говорилъ рѣдко, не любя вмѣшиваться въ разговоръ». Возлѣ молодой герцогини Ангулемской сидѣлъ обыкновенно кардиналъ Монморенси, «глухой, какъ пень, но обладавшій необычайнымъ аппетитомъ». Король любилъ занимать присутствующихъ разска-

зами о несчастіяхъ, испытанныхъ Людовикомъ XVI, показывалъ имъ послѣднее письмо, писанное ему Маріей-Антуанетой изъ Тампля, и большую печать французскаго королевства, которую удалось спасти при бѣгствѣ изъ Тюильри.

Днемъ, королевская семья совершала прогулки въ окрестные замки, вечера проводила у принцессы де-Гюишъ (de Guiche), у которой пили чай. Чашки были фаянсовыя, чайникъ металлическій; королевская касса все болѣе и болѣе пустѣла.

Однообразная жизнь прерывалась иногда пріѣздомъ знатныхъ гостей. Въ 1799 г., Митаву посѣтилъ великій князь Константинъ Павловичъ; вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ тайно сынъ герцога Орлеанскаго, Филиппъ; онъ явился подъ именемъ Гоффмана къ губернатору Дризену, который отвезъ его въ замокъ; его встрѣча съ королемъ, сначала весьма церемонная, окончилась сердечно; герцогъ горько плакалъ и просилъ короля простить его и забыть прошлое [1]).

Кромѣ этихъ лицъ, въ Митаву пріѣхалъ вскорѣ больной фельдмаршалъ Суворовъ, готовившійся къ походу противъ Франціи.

— Я надѣюсь, ваше величество, — сказалъ онъ Людовику XVIII, привѣтствуя его,—что въ Италіи немного придется истратить пороха для того, чтобы прогнать оттуда враговъ вашего королевскаго величества; я такъ увѣренъ въ побѣдѣ, что назначаю вашему королевскому величеству свиданіе въ будущемъ году въ Германіи.

Надежда окрыляла въ то время не только приближенныхъ короля, но и бывшихъ измѣнниковъ республики, въ томъ числѣ Дюмурье, который въ началѣ 1799 г. посѣтилъ Митаву, проѣздомъ въ Петербургъ, и просилъ аудіенціи у короля.

Людовикъ XVIII готовъ былъ забыть вину Дюмурье, но герцогиня Ангулемская, чувствуя себя не въ силахъ видѣть измѣнника, долго

---

[1]) Графъ де-Гардуино, адъютантъ Людовика XVIII; описываетъ въ своемъ дневникѣ таинственность, какою было обставлено посѣщеніе молодаго герцога Орлеанскаго. Узнавъ отъ Дризена о пріѣздѣ юноши въ Митаву, Людовикъ XVIII поспѣшно оставилъ партію виста, за которой онъ проводилъ обыкновенно вечеръ, и пошелъ въ свою спальню. „Едва король успѣлъ войти въ свою спальню,—пишетъ де-Гардуино,—какъ двери были заперты. Лакей, бывшій во второй комнатѣ, открылъ дверь кабинета; когда король вошелъ туда, графъ д'Авари тщательно притворилъ дверь, но все же Потенъ, лакей, успѣлъ разглядѣть очень красиваго молодаго человѣка, высокаго роста, съ прекрасными волосами, въ дорожномъ платьѣ, который, обливаясь слезами, бросился къ ногамъ короля. Послѣдній остался съ нимъ наединѣ, а графъ д'Авари послалъ за губернаторомъ и велѣлъ принести закуску съ королевскаго стола.

„Вскорѣ пріѣхалъ Дризенъ, взялъ молодаго человѣка съ собой и повезъ его въ занимаемый имъ домъ, гдѣ карета этого мнимаго нѣмецкаго негоціанта была уже подана, и онъ тотчасъ же уѣхалъ обратно въ Полангенъ".

не соглашалась присутствовать при аудіенціи, данной генералу; наконецъ, она уступила просьбамъ и, стараясь скрыть слезы въ присутствіи человѣка, причинившаго столько зла династіи Бурбоновъ, выслушала изъявленіе его преданности и твердаго намѣренія загладить прошлое.

Супруга Людовика XVIII, королева Марія-Жозефина, и въ Митавѣ жила особнякомъ, навѣщая, украдкою отъ короля, свою наперсницу г-жу де-Гурбильонъ. Она тяготилась нуждою, которую ей приходилось терпѣть, и суровымъ климатомъ Россіи, и выражала желаніе ѣхать на воды въ Пирмонтъ; ей удалось исполнить это желаніе только въ мартѣ мѣсяцѣ 1800 г., когда «графъ Прованскій» получилъ изъ Испаніи денежное вспомоществованіе.

Въ одно время съ королевою уѣхалъ изъ Митавы и герцогъ Ангулемскій, вступившій, съ разрѣшенія императора Павла, въ ряды войскъ, сражавшихся съ французской республиканской арміей. Подъ ихъ знамена вступилъ также и герцогъ Беррійскій; такимъ образомъ, герцогиня Ангулемская осталась одна съ королемъ-изгнанникомъ и проводила съ нимъ время въ полномъ одиночествѣ, такъ какъ и графъ де-Сенъ-Пріестъ уѣхалъ изъ Митавы въ Вѣну, чтобы склонить австрійскій дворъ принять болѣе горячее участіе въ судьбѣ Бурбоновъ. Въ то время державы Европы относились къ митавскому изгнаннику совершенно равнодушно, и одинъ только Павелъ I покровительствовалъ Людовику XVIII и поддерживалъ въ немъ надежду, которая уже начинала оставлять его.

Въ началѣ 1800 г., представителемъ французскаго короля въ Петербургѣ, хотя и не оффиціальнымъ, былъ маркграфъ де-ла-Ферте-Меленъ; въ январѣ мѣсяцѣ онъ получилъ неожиданно отъ императора письмо, въ которомъ Павелъ I называлъ его посланникомъ французскаго короля. Людовикъ XVIII, тронутый этимъ знакомъ благоволенія, обратился къ императору письменно съ просьбою дозволить ему послать въ Петербургъ своего повѣреннаго, въ званіи посланника. Получивъ на это разрѣшеніе, Людовикъ XVIII представилъ двухъ кандидатовъ: графа де-Шуазель-Гуфье и маркграфа Ламберта; но когда въ Петербургѣ было получено письмо съ этимъ предложеніемъ, императоръ, безо всякаго повода, приказалъ выслать обоихъ кандидатовъ изъ Петербурга. Тогда король представилъ другихъ лицъ, прося императора самому избрать изъ нихъ посланника. Выборъ палъ на гр. де-Карамана. Ему было назначено императоромъ ежегодное жалованье и пожалованъ орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго; словомъ, ему былъ оказанъ такой почетъ, что въ Митавѣ уже льстили себя надеждою, что Бурбонамъ удастся вернуться во Францію, если исходъ кампаніи, которая велась въ Италіи и въ Швейцаріи, будетъ соотвѣтствовать ожиданіямъ коалиціи.

Между тѣмъ, неожиданный оборотъ дѣлъ разрушилъ эти мечты.

Императоръ Павелъ, разсердившись на вѣнскій дворъ за его измѣнчивую политику, приказалъ Суворову уйти съ войскомъ изъ Швейцаріи и возвратиться въ Россію. Это повело къ распаденію второй коалиціи; когда же, послѣ переворота 18 брюмера [1]), Бонапартъ сдѣлался властителемъ Франціи, и рядъ рѣшительныхъ побѣдъ, одержанныхъ французскими войсками подъ Монтебелло и Маренго, въ новой войнѣ, начатой Франціей, подъ предводительствомъ консула Бонапарта, отдалъ снова южную Италію въ руки французовъ, и Австрія была вынуждена заключить миръ, то въ образѣ мыслей императора Павла совершилась перемѣна въ пользу революціонной Франціи, и политика петербургскаго двора приняла оборотъ неблагопріятный Бурбонамъ.

Побѣды Наполеона и его личность стали предметомъ искренняго восхищенія императора Павла I. Онъ видѣлъ въ геніальномъ генералѣ Бонапартѣ представителя тѣхъ принциповъ, которые считалъ необходимыми въ своемъ государствѣ для правильнаго его развитія и для укрѣпленія основъ самодержавія; въ представителѣ же Бурбоновъ онъ видѣлъ человѣка жалкаго, безпомощнаго, безсильнаго, вѣчно домогавшагося денежной помощи, что̀ не соотвѣтствовало величію и достоинству царскаго званія. Свое преклоненіе передъ Бонапартомъ-побѣдителемъ императоръ выражалъ тѣмъ, что пилъ публично за его здоровье и украсилъ свой дворецъ изображеніями побѣдъ, одержанныхъ консуломъ подъ Пирамидами и Маренго. Бонапартъ съ своей стороны съумѣлъ воспользоваться доброжелательнымъ къ нему настроеніемъ императора Павла. Онъ приказалъ отправить къ императору русскихъ плѣнныхъ, находившихся во Франціи, одѣвъ ихъ въ новые мундиры, и подарилъ ему занятый французскимъ войскомъ и осажденный англичанами островъ Мальту. Императоръ, обрадованный этимъ пріобрѣтеніемъ, которое придавало новый блескъ званію великаго магистра мальтійскаго ордена, приказалъ Спренгпортену отправиться во Францію и, взявъ отрядъ освобожденныхъ русскихъ плѣнныхъ, принять островъ во владѣніе Россіи. Между тѣмъ, англичане овладѣли Мальтою, вслѣдствіе чего на англійскія суда, стоявшія въ россійскихъ портахъ, было наложено амбарго, а Швеція и Данія, по требованію Россіи, присоединились 26-го декабря 1800 г. къ вооруженному нейтралитету противъ Англіи.

Этотъ неожиданный оборотъ русской политики не предвѣщалъ митавскому двору ничего добраго.

19-го января 1801 года въ кабинетъ къ королю вошелъ графъ д'Авари.

---

[1]) 9-го ноября 1799 г., генералъ Бонапартъ ниспровергнулъ директорію и въ качествѣ перваго консула республики взялъ въ свои руки бразды правленія. В. Т.

— Ваше величество,—сказалъ онъ, съ разстроеннымъ видомъ,— сейчасъ прибылъ въ Митаву нашъ посланникъ графъ де-Караманъ, который получилъ отъ императора Павла приказаніе немедленно выѣхать изъ столицы.

— Что же сдѣлалъ графъ, чтобы навлечь на себя гнѣвъ россійскаго монарха и чтобы мнѣ было нанесено такое оскорбленіе?

— Я не знаю. Если ваше королевское величество прикажете, то графъ де-Караманъ тотчасъ явится сюда.

Но графъ де-Караманъ также не умѣлъ объяснить истинной причины постигшей его немилости.

Король рѣшилъ тотчасъ написать императору почтительное письмо.

«Мой братъ и кузенъ! писалъ онъ. Глубоко пораженный неожиданнымъ пріѣздомъ графа де-Карамана, я тщетно старался узнать у него причину постигшей его немилости. Онъ могъ только подтвердить мнѣ чувства глубочайшей преданности, какія онъ питаетъ къ вашему императорскому величеству, и полученное имъ приказаніе выѣхать изъ столицы. Находясь въ томительной неизвѣстности, объятый страхомъ передъ послѣдствіями, какія можетъ имѣть охлажденіе въ доброжелательныхъ для меня чувствахъ вашего императорскаго величества, и передъ не менѣе прискорбными слѣдствіями, какія можетъ имѣть для меня высылка моего посланника изъ Петербурга, я прошу ваше императорское величество простить графу де-Караману то, въ чемъ онъ могъ невольно провиниться, и если это невозможно, то избрать изъ числа моихъ подданныхъ вмѣсто него другаго представителя».

Графъ д'Авари отправилъ это письмо на имя графа Ростопчина, съ просьбою вручить его императору, но письмо произвело совершенно иное впечатлѣніе, нежели ожидалъ король.

— Какъ!—воскликнулъ императоръ, прочитавъ письмо; — они требуютъ отчета въ моихъ дѣйствіяхъ? Развѣ я не воленъ поступать такъ, какъ я хочу?

По повелѣнію императора, его секретарь написалъ въ Митаву:

«Императоръ приказалъ отвѣтить мнѣ, во избѣжаніе необходимости высказать королю непріятныя вещи. Напрасно ваше королевское величество заступаетесь за графа де-Карамана. Онъ интриганъ и далъ императору большой поводъ къ неудовольствію. Мой монархъ желаетъ быть хозяиномъ у себя дома. Ему прискорбно, что ему приходится напомнить королю, что гостепріимство—добродѣтель, но не обязанность».

Этотъ сухой и лаконичный отвѣтъ не предвѣщалъ митавскому двору ничего добраго; послѣдствія его не замедлили дать себя почувствовать.

Въ Митаву каждый день прибывали подъ военнымъ конвоемъ иностранцы, высылаемые изъ Россіи. Къ нимъ никого не допускали и ни-

кому изъ нихъ не позволяли входить въ какія-либо сношенія со дворомъ. Между ними были посланники: датскій и сардинскій, особенно славившіеся своей ненавистью къ Бонапарту и преданностью Бурбонамъ. Эти дипломаты были высланы точно такимъ же образомъ, какъ англійскій посланникъ и гр. де-Караманъ. Они были первыми вѣстниками бѣдствія, постигшаго вскорѣ самого Людовика XVIII и его семью.

V.

Письмо Бонапарта къ императору Павлу.—Повелѣніе эмигрантамъ выѣхать изъ Россіи.—Печальная годовщина.—Совѣщаніе изгнанниковъ.—Письмо Людовика XVIII къ королю прусскому.

Поспѣшное рѣшеніе императора Павла, воспретившаго Людовику XVIII и его приближеннымъ дальнѣйшее пребываніе въ Митавѣ, было вызвано письмомъ консула Бонапарта отъ 21-го декабря 1800 г., который писалъ Павлу:

«Я тщетно старался въ теченіе двѣнадцати мѣсяцевъ обезпечить спокойствіе Европы. Война продолжается безъ перерыва и безъ всякаго повода, поддерживаемая единственно происками англійской дипломатіи. Если бы ваше императорское величество соблаговолили назначить сюда посланника, снабженнаго надлежащими полномочіями, то сухопутныя и морскія державы успокоились бы въ теченіе двадцати четырехъ часовъ. Ежели Англія, германскій императоръ и прочія державы убѣдятся въ томъ, что наши народы стремятся къ одной цѣли, то оружіе выпадетъ у нихъ изъ рукъ и народы благословятъ ваше императорское величество за то, что дальнѣйшее кровопролитіе и борьба партій будутъ прекращены.

«Если эти чувства найдутъ откликъ въ сердцѣ вашего императорскаго величества, на что̀ я надѣюсь, зная вашу справедливость и великодушіе, то я полагаю, что было бы необходимо и вполнѣ цѣлесообразно точно опредѣлить границы различныхъ государствъ и объявить всѣмъ державамъ Европы, что Франція и Россія заключили миръ и приняли на себя взаимно извѣстныя обязательства для того, чтобы достигнуть умиротворенія всѣхъ державъ».

Отвѣтомъ на это письмо было назначеніе въ Парижъ посланника, которому повелѣно было принять участіе въ переговорахъ, начатыхъ въ Берлинѣ между французскимъ посланникомъ Бернонвиллемъ и Крюденеромъ, и довести ихъ до конца; вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ повелѣлъ выслать изъ Митавы Людовика XVIII, союзника и приверженца англійской политики.

14-го января 1801 г. митавскій военный губернаторъ, генералъ Ферзенъ, испросивъ по утру аудіенцію у короля, предъявилъ ему только-что полученный имъ отъ гр. Палена приказъ слѣдующаго содержанія: «Сообщите господину Людовику XVIII, что императоръ повелѣваетъ ему безотлагательно выѣхать къ женѣ въ Киль и поселиться тамъ вмѣстѣ съ нею».

Король выслушалъ это повелѣніе, повидимому, равнодушно и съ чувствомъ собственнаго достоинства отвѣчалъ:

— Императоръ ошибается, совѣтуя мнѣ отправиться къ королевѣ въ Киль. Королева находится тамъ временно, до начала лѣчебнаго сезона въ Пирмонтѣ, гдѣ въ настоящее время года нельзя жить. Мое безвыходное положеніе нисколько меня не тревожитъ. Я привыкъ страдать, у меня хватитъ мужества перенести несчастье; я прошу только выдать мнѣ паспорты. Но куда же дѣнется моя племянница? Въ Европѣ нѣтъ уголка, въ которомъ мы могли бы теперь найти пріютъ...

Помолчавъ немного, онъ прибавилъ:

— Прошу васъ придти за отвѣтомъ часа черезъ два.

Оставшись одинъ, король призвалъ гр. д'Авари и, переговоривъ съ нимъ, написалъ императору письмо, которое онъ передалъ Ферзену Было рѣшено до полученія отвѣта хранить все въ тайнѣ отъ окружающихъ, и главнымъ образомъ отъ герцогини Ангулемской, которую королю хотѣлось избавить отъ непріятности путешествовать въ зимнюю пору безъ всякихъ средствъ.

На слѣдующій день король написалъ о случившемся графу д'Артуа; изъ его приближенныхъ объ этомъ знали только д'Авари и де-Караманъ. Къ довершенію бѣды, несмотря на обѣщаніе, данное гр. Паленомъ, пенсія, которую король получалъ ежемѣсячно отъ императорскаго двора, не была выслана за январь мѣсяцъ. Король послалъ нарочнаго въ Ригу, гдѣ, по увѣренію вице-губернатора, эти деньги были уже получены.

До 20-го января отъ императора не было никакого отвѣта, но въ этотъ день Ферзенъ получилъ новый, рѣшительный приказъ, коимъ королю повелѣвалось немедленно выѣхать изъ Митавы; ему были присланы паспорты и возвращено нераспечатаннымъ его письмо къ императору...

Ферзенъ, сообщившій королю это роковое извѣстіе, былъ глубоко тронутъ при видѣ Людовика XVIII, который залился слезами.

Онъ вспомнилъ, что это была годовщина смерти брата, и что герцогиня Ангулемская находилась въ этотъ моментъ въ дворцовой церкви, гдѣ, оплакивая отца, она проводила обыкновенно весь этотъ день въ молитвѣ.

— Возможно ли прервать молитву сироты въ столь торжественный день?—спросилъ король Ферзена.

Губернаторъ согласился отложить ихъ отъѣздъ до слѣдующаго дня, принявъ отсрочку на свою собственную отвѣтственность.

Нельзя было долѣе медлить, надобно было сообщить герцогинѣ Ангулемской о новомъ несчастьи, постигшемъ семью; король отправился къ ней въ сопровожденіи д'Авари и де-Карамана; двери въ церковь были заперты; ихъ отворилъ преданный ей камердинеръ Клери. Герцогиня стояла на колѣняхъ передъ своимъ духовникомъ, ксендзомъ Эджвортъ де-Фирмонъ. Увидавъ короля и какъ бы предчувствуя грозившее ей несчастье, она со слезами бросилась въ его объятія. Молодая женщина выслушала роковую вѣсть спокойно и, поблагодаривъ Бога за то, что несчастье постигло однихъ изгнанниковъ, а не Францію, она объявила, что не разстанется съ королемъ и всегда и вездѣ будетъ его опорой и утѣшеніемъ.

Затѣмъ она спросила, можно ли ей провести нѣсколько времени въ молитвѣ за упокой отца, или же ей необходимо немедленно выѣхать изъ Митавы; получивъ отъ Ферзена отвѣтъ, что она можетъ повременить отъѣздомъ, она стала снова молиться.

Между тѣмъ по городу разнеслась вѣсть объ отъѣздѣ изгнанниковъ. Передъ дворцомъ собрались толпы народа всѣхъ сословій. Многіе почтительно цѣловали королю руку; курляндское дворянство изъявило готовность оказать ему всевозможныя услуги и устроить торжественные проводы. Митавскій губернаторъ, Арсеньевъ, полагая, что приказъ императора касался и королевской гвардіи, приказалъ гвардейцамъ готовиться къ отъѣзду. Съ трудомъ удалось убѣдить его отмѣнить это рѣшеніе, въ виду того, что королевскіе гвардейцы, нося русскій мундиръ, числились въ русскомъ войскѣ.

Король обратился къ нимъ на прощанье съ торжественной прокламаціею, въ которой, поблагодаривъ ихъ за вѣрную службу, выразилъ желаніе, чтобы они и впредь сохранили къ нему тѣ же чувства и были признательны русскому императору за покровительство, оказанное королю и его семьѣ. Затѣмъ онъ поручилъ принцу д'Омонъ успокоить приближенныхъ, которыхъ онъ не могъ взять съ собою, обнадеживъ ихъ, что они будутъ получать жалованье по-прежнему до тѣхъ поръ, пока не присоединятся къ королевской свитѣ.

Трудно было рѣшить, гдѣ король могъ бы найти пристанище; онъ долго совѣщался объ этомъ съ своими приближенными. Объ Испаніи нечего было и думать, въ виду ея отношеній къ французскому правительству; скорѣе можно было разсчитывать на Швецію и Данію, но суровое время года не позволяло думать о поѣздкѣ въ эту страну до наступленія весны. Австрія едва-ли согласилась бы принять изгнанниковъ и хотя Людовикъ XVIII надѣялся, что король обѣихъ Сицилій не отказалъ бы ему въ гостепріимствѣ, но, въ виду враждебнаго на-

строенія къ нему французовъ, поѣздка въ эту страну была бы сопряжена съ большими опасностями. На Англію нельзя было разсчитывать, такъ какъ она представляла собою, по словамъ Бонапарта, гнѣздо всевозможныхъ интригъ и происковъ, волновавшихъ Европу. На Пруссію также было мало надежды вслѣдствіе ея хорошихъ отношеній къ французской республикѣ, однако Людовикъ XVIII рѣшилъ послать де-Карамана въ Берлинъ съ письмомъ къ королю прусскому, въ которомъ онъ просилъ дозволить изгнанникамъ поселиться временно въ предѣлахъ Пруссіи.

Самъ король рѣшилъ отправиться въ Клайпеды и ожидать тамъ отвѣта Фридриха Вильгельма III.

«Государь, братъ мой!—писалъ ему Людовикъ XVIII. Графъ де-Лилль вынужденъ выѣхать изъ Митавы со своей семьею и дворомъ въ теченіе 24-хъ часовъ. Я надѣюсь, что ваше величество не откажете ему временно въ пріютѣ въ вашемъ королевствѣ; я не знаю въ настоящую минуту, куда мнѣ ѣхать; надѣюсь, что ваше королевское величество войдете въ мое бѣдственное положеніе и не допустите, чтобы я остался въ суровую зимнюю пору бездомнымъ скитальцемъ. Чувства вашего королевскаго величества служатъ мнѣ въ томъ наилучшей порукой. Бываютъ несчастья, которыя вызываютъ сочувствіе даже со стороны враговъ. Льщу себя надеждою, что не одно это несчастье даетъ мнѣ право на сочувствіе вашего королевскаго величества».

VI.

Выѣздъ изъ Митавы.—Дневникъ Гардуино.—Новыя хлопоты.—Фрауенбергъ.—Дрогенъ.—Баронъ Зассъ.—Французская Антигона.—На границѣ Пруссіи.—Полангенъ.—Въ Клайпедахъ.—Кролевецъ.—Въ Берлинѣ.—Отъѣздъ въ Варшаву.—Приключеніе подъ Пултускомъ.—Самоубійство духовника герцогини.

22-го января 1801 г. изгнанники выѣхали изъ Митавы; имъ приходилось ѣхать въ самое суровое время года, въ чужой странѣ, гдѣ путешественники не могли найти въ то время никакихъ удобствъ, гдѣ не было гостиницъ, въ которыхъ можно было бы остановиться и отдохнуть.

Еще не были готовы паспорты, какъ королю и его племяннику подали экипажи. Съ ними ѣхали Эджвортъ де-Фирмонъ, герцогиня де-Серентъ, графъ д'Авари, Гардуино и два лакея; остальная свита помѣстилась на простыхъ телѣгахъ. Былъ сильный морозъ; до прусской границы пришлось ѣхать по огромнымъ сугробамъ снѣга, въ страшную мятель, которая останавливала лошадей и залѣпляла имъ глаза снѣгомъ.

Подробности этого путешествія описаны однимъ изъ приближенныхъ короля, Гардуино, въ письмахъ къ сестрѣ и въ дневникѣ, который хра-

нится въ рукописи въ національной библіотекѣ въ Парижѣ и былъ изданъ, къ сожалѣнію, неполностью.

Приводимъ нѣкоторые отрывки изъ этого дневника:

«Мы выѣхали изъ Митавы въ четвергъ, 22-го января въ $3^1/_2$ часа по полудни. Первую ночь провели въ Добленѣ у барона де-Койтъ (de Koyt), который, не бывъ предупрежденъ о пріѣздѣ его королевскаго величества, все-таки рѣшился принять насъ въ своемъ замкѣ. Въ тотъ же вечеръ прибылъ гонецъ съ паспортами и письмомъ отъ Ферзена, который просилъ его отнестись съ сочувствіемъ къ королю въ постигшемъ его несчастьи».

«23-го января. Выѣхали въ 8 часовъ, утра, обѣдали въ Бекокѣ. Въ 2 часа отправились далѣе въ Фрауенбургъ. Ночевали на почтовой станціи. Телѣга, на которой везли нашу кухонную посуду, опрокинулась. Поваръ Ларю сломалъ себѣ ключицу и былъ отвезенъ въ Митаву».

«Надобно знать эту страну,—пишетъ авторъ дневника въ письмѣ къ сестрѣ,—и ея обычаи, чтобы составить себѣ хотя приблизительное понятіе объ атмосферѣ, наполненной дымомъ и испареніями пива и водки, въ которой намъ пришлось провести ночь. Плохая избенка, въ которой я помѣстился, находилась рядомъ съ помѣщеніемъ, походившимъ на курятникъ, въ которомъ ночевала наша обожаемая принцесса.

— Если бы я это знала,—сказала она мнѣ на другое утро,—я была бы спокойнѣе. Я боялась всю ночь, чтобы пьяная толпа не выломила дверь въ мою комнату. Мы окружены здѣсь злодѣями...

Глубоко огорченный, подавляя слезы, я молчалъ.

— Не сокрушайтесь обо мнѣ,—сказала она,—я горюю только о несчастьи насъ окружающихъ».

«24-го января. Рано утромъ прибылъ посланный съ письмомъ отъ Генріона, который сообщалъ намъ, что митавскій вице-губернаторъ, Арсеньевъ, несмотря на обѣщаніе, данное королю, отказался выдать сто тысячъ рублей, подъ предлогомъ, что имъ не получено отъ своего двора новыхъ инструкцій. Этотъ неожиданный отказъ въ выдачѣ денегъ поставилъ де-Жибервилля (нашего казначея) въ самое затруднительное положеніе и доставилъ ему не мало хлопотъ, такъ какъ, разсчитывая на эти 100.000 руб., онъ сдѣлалъ заемъ у одного банкира въ Ригѣ, взявъ у него 3.604 дуката съ обязательствомъ уплатить ихъ 24-го января. Между тѣмъ пенсію королю не выдали, а банкиръ, не получивъ денегъ, сталъ высказывать свое неудовольствіе въ оскорбительныхъ для короля выраженіяхъ. Генріонъ и Жибервилль совѣтовали во избѣжаніе дальнѣйшихъ непріятностей возвратить эти 3.604 дуката. Тогда графъ д'Аварэ объяснилъ Генріону, что такъ какъ король, согласно повелѣнію императора, долженъ былъ безотлагательно выѣхать изъ Россіи, то, не имѣя денегъ, онъ былъ вынужденъ прибѣгнуть къ займу; полагаясь на слова

Арсеньева, онъ уполномочилъ на это князя де-Виллекьеръ, не думая, что могутъ встрѣтиться какія-либо затрудненія въ выдачѣ обѣщанной пенсіи. Эта новая, совершенно неожиданная непріятность еще болѣе увеличила безъ того весьма грустное положеніе короля. Чтобы спасти свою честь, онъ уже рѣшилъ не ѣхать далѣе, чего впрочемъ онъ и не могъ бы сдѣлать, не имѣя этихъ 3.604 дукатовъ, часть которыхъ была уже израсходована. Д'Авари совѣтовалъ, если означенныя деньги не будутъ получены, чтобы король заявилъ оффиціально, что заемъ сдѣланъ съ его разрѣшенія, и чтобы онъ далъ свое царское слово въ томъ, что долгъ будетъ уплаченъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

«Мы выѣхали въ 8 часовъ изъ Фрауенбурга въ Шрунденъ. На полупути насъ застигла такая сильная снѣжная мятель, что экипажи не могли двигаться.

«Несмотря на сильный морозъ и мятель, король былъ вынужденъ пройти съ полмили пѣшкомъ, по глубокимъ снѣжнымъ сугробамъ [1]). Принцесса Ангулемская, опираясь на руку Эджворта, шла вслѣдъ за нимъ, я же велъ или, лучше сказать, несъ г-жу де-Серентъ, такъ какъ несчастная, полубольная дама, продрогши, несмотря на то, что король далъ ей свою шубу, не имѣла силъ идти далѣе.

«Экипажи и остальная свита плелись потихоньку по выбоинамъ дороги. Въ полустанкѣ Дрогенъ гренадерскій капитанъ Трусевичъ не дозволилъ путешественникамъ остановиться, и они были вынуждены двинуться далѣе въ Имагенъ.

«Харчевня въ этомъ мѣстечкѣ была до такой степени тѣсна, что королю пришлось ночевать въ одной избѣ съ Эджвортомъ и съ д'Авари. Въ другой избенкѣ, шириною въ восемь и длиною въ двѣнадцать шаговъ, ночевали: герцогиня Ангулемская, г-жа де-Серентъ, г-жа Гюэ и служанка Паулина. Эта изба была не жилая; чтобы приспособить ее какъ-нибудь для ночлега, въ виду страшной стужи, въ нее поставили небольшую печь и такъ жарко натопили, что мы провели ночь гораздо хуже, чѣмъ была памятная ночь въ курятникѣ...

«На четвертый день путешествія короля ожидала радушная встрѣча въ Гайдекенѣ, въ домѣ барона Засса, гдѣ все было приготовлено для его пріема.

«Надобно замѣтить, что баронъ часто бывалъ въ Митавѣ и пользовался расположеніемъ Людовика XVIII. Его сынъ предложилъ свои услуги проводить путешественниковъ до границы, что̀ и было принято ими съ благодарностью.

---

[1]) Эта сцена подала поводъ къ гравюрѣ, которая была секретно распространена въ Парижѣ и изображала герцогиню Ангулемскую, ведущую по снѣжнымъ сугробамъ Литвы Людовика XVIII, опирающагося на ея руку; подъ гравюрой подпись: „l'Antigone française" (S. Armand, стр. 291).

«По мѣрѣ приближенія къ прусской границѣ наша тревога возрастала. Боясь осмотра,—пишетъ Гардуино въ своемъ дневникѣ,—король потребовалъ отъ меня портфель, данный мнѣ на храненіе еще 24-го іюня 1796 г. въ Ригелѣ, и передалъ его герцогинѣ Ангулемской, которая спрятала его подъ платье. Мы опасались болѣе всего, чтобы насъ не разлучили съ герцогиней, такъ какъ у нея не было паспорта.

«Въ этомъ случаѣ, хотя мы и были плохо вооружены, но мы рѣшили защищаться до послѣдней возможности и не допустить, чтобы у насъ отняли наше сокровище. Посовѣтовавшись, король велѣлъ де-Флёри поѣхать впередъ съ барономъ Зассомъ и разузнать, въ какомъ положеніи находятся дѣла въ Палангенѣ—прусскомъ пограничномъ мѣстечкѣ. Если бы дѣло приняло неблагопріятный для насъ оборотъ, то было условлено, что Флёри, выѣхавъ намъ на встрѣчу, подойдетъ къ лѣвой дверцѣ экипажа, въ противномъ случаѣ онъ долженъ былъ подойти къ правой сторонѣ. Герцогиня, услыхавъ это, воскликнула:

— Боже мой, неужели мнѣ суждено будетъ сообщить вамъ дурную вѣсть?

— Постой, дитя мое,—возразилъ король,—несчастье должно быть только моимъ удѣломъ; поэтому, князь, въ случаѣ неблагопріятныхъ вѣстей, подойдите къ правымъ дверцамъ...

«Мы прибыли въ Полангенъ въ половинѣ пятаго по полудни. Наши опасенія не сбылись. Все обошлось благополучно. Пограничная стража была выстроена подъ ружьемъ и отдала путешественникамъ монаршія почести; король остановился одинъ на границѣ для смѣны лошадей. Тутъ простился съ нами молодой баронъ Зассъ, котораго король благодарилъ самымъ трогательнымъ образомъ за оказанную любезность.

«Король намѣревался переночевать 6-го января въ Клайпедахъ, но когда мы подъѣхали къ морскому берегу, то поднялась такая страшная мятель, что король, сжалившись надъ замерзшими на козлахъ возницами, рѣшилъ переночевать въ Ниммерштадтѣ, на первой прусской почтовой станціи, въ полумилѣ отъ Полангена. Мы провели тутъ пренепріятную ночь въ грязной и тѣсной харчевнѣ. Въ этомъ мѣстечкѣ король снялъ съ себя всѣ ордена, приказавъ мнѣ сдѣлать то же. Онъ поѣхалъ далѣе инкогнито подъ именемъ графа де-Лилль; герцогиня Ангулемская приняла имя маркграфини де-Миллерей».

«27-го января. Король приказалъ мнѣ и де-Флёри отправиться въ Клайпеды, для приготовленія ночлега. Путешественники прибыли въ это мѣстечко къ ночи. Къ этому времени мы приготовили имъ помѣщеніе въ домѣ г-жи Клейнъ. Такъ какъ изъ Берлина не было еще получено никакого распоряженія относительно пріема королевской семьи, то гостепріимство, оказанное намъ мѣстнымъ комендантомъ, де-Туменомъ, превзошло всѣ наши ожиданія. Де-Туменъ заявилъ, что ему нѣтъ

дѣла до политики, что онъ готовъ оказать королю всевозможный почетъ и полагаетъ, что берлинскій дворъ одобритъ его за это.

«Тщетно старался Флёри отговорить его, настаивая на томъ, чтобы онъ не дѣлалъ этого по крайней мѣрѣ по отношенію къ графу де-Лилль.

— Хорошо,—сказалъ де-Туменъ,—но во всякомъ случаѣ герцогиня королевское высочество, поэтому я прикажу поставить у ея дверей караулъ.

— Я на это согласенъ,—отвѣчалъ Флёри,—но съ условіемъ, чтобы солдаты не были при оружіи...

«Этотъ доблестный прусскій офицеръ дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы помочь намъ и чтобы доказать свое живѣйшее сочувствіе къ несчастію, постигшему короля.

«Въ Клайпедахъ король сердечно привѣтствовалъ датскаго консула, Лорка, о которомъ онъ слышалъ много хорошаго отъ эмигрантовъ, въ особенности въ то время, когда онъ только-что пріѣхалъ въ Митаву. Лоркъ представилъ своего зятя, Консенсуса, былъ радушно принятъ герцогиней и на слѣдующій день обѣдалъ у короля».

«4-го февраля. Маркграфиня де-Миллерей, никогда не видавшая ни одного корабля, отправилась со мною на «Фортуну», гдѣ ее встрѣтили восторженными криками. Владѣлецъ судна, Авеланъ, отсутствовалъ, насъ приняла его жена, пригласившая на корабль знатнѣйшихъ дамъ мѣстечка. Герцогиня пила кофе и кушала печенье; она просила всѣхъ дамъ принять участіе въ бесѣдѣ, но г-жа Авеланъ угостила присутствующихъ въ капитанской каютѣ, послѣ того какъ герцогиня окончила пить кофе.

«Герцогиня провела на кораблѣ съ полчаса и очаровала всѣхъ своимъ привѣтливымъ обхожденіемъ. Опираясь на руку консула Лорка, она осмотрѣла корабль во всѣхъ подробностяхъ; когда она сѣла наконецъ въ карету, чтобы ѣхать обратно, то экипажъ судна проводилъ ее громкими криками».

«8-го февраля. Мы съ нетерпѣніемъ ожидали письма изъ Митавы. Въ письмахъ, полученныхъ Эджвортомъ, сообщалось прискорбное извѣстіе, что всѣ эмигранты получили приказаніе выѣхать изъ Митавы.

«Это извѣстіе подтвердилось, когда въ Клайпеды пріѣхали неожиданно гвардеецъ де-Балансъ, г-жа де-Морамберъ и кавалеры: де-ля-Феръ (de la Faire) и де-Рошъ (des Roches). Оказалось, что 26-го января Ферзенъ просилъ командовавшаго отрядомъ французской гвардіи, гр. де-Монтшаль (de-Montchal) сообщить его подчиненнымъ, что согласно полученному изъ Петербурга приказанію они обязаны въ 24 часа выѣхать изъ Митавы и отправиться за границу. Это относилось ко всѣмъ безъ исключенія французамъ. Нѣсколько гвардейцевъ прибыло въ Клайпеды въ то время, когда король собирался выѣзжать оттуда. Прощаясь съ преданными ему людьми, онъ обратился къ нимъ съ торжественной рѣчью.

«9-го февраля. Въ 9-ть часовъ вечера въ комнату, которую занималъ король, были введены пятеро прибывшихъ гвардейцевъ.

— Господа, — сказалъ имъ Людовикъ,—чувство радости, которое я испытываю при видѣ васъ, соединяется въ настоящую минуту съ грустью. Провидѣніе ниспосылаетъ мнѣ съ нѣкоторыхъ поръ испытанія; къ числу ихъ принадлежитъ и болѣзнь, которой я страдаю (тутъ слезы прервали рѣчь короля). Однако я не теряю надежды, что въ будущемъ провидѣніе будетъ ко мнѣ милостивѣе. Если я потеряю мужество, то я буду искать поддержки въ васъ, господа. Вы видите (онъ указалъ на свою грудь), на мнѣ нѣтъ орденовъ. Не имѣя ни королевства, ни власти, я могу дать вамъ только совѣтъ. Лучше всего было бы вамъ отправиться въ Кролевецъ, чтобы не подавать повода къ недоразумѣніямъ, которыя можетъ вызвать ваше пребываніе здѣсь. Я завелъ переговоры съ цѣлью облегчить вамъ возможность отправиться въ Гамбургъ, гдѣ каждый изъ васъ легко можетъ устроиться и что-либо предпринять.

«Эта рѣчь, произнесенная съ чувствомъ, произвела на всѣхъ огромное впечатлѣніе. Отвѣтивъ королю на его вопросъ о томъ, что дѣлаютъ прочіе ихъ товарищи, гвардейцы удалились. Въ слѣдующіе дни, по мѣрѣ того какъ прибывали эмиграммы, повторялась та же сцена прощанья. Я присутствовалъ при этихъ трогательныхъ свиданіяхъ и слышалъ, какъ король, заливаясь слезами, говорилъ кавалеру до-Монтлузену:

— Другъ мой, когда совѣсть чиста, надобно смѣло идти на встрѣчу непріятелю.

«Эмигранты сообщили намъ, что жители Митавы отнеслись весьма сочувственно къ ихъ бѣдственному положенію, не боясь послѣдствій ослушанія строгаго приказа,—не оказывать гвардейцамъ ни малѣйшей помощи при ихъ отъѣздѣ. Хотя скудныя средства Людовика XVIII не позволяли ему оказать помощи эмигрантамъ, но онъ приказалъ мнѣ изыскать средства, чтобы обезпечить каждому гвардейцу ежегодную пенсію въ 600 ливровъ.

«11-го февраля герцогиня Ангулемская поручила г. д'Агу (Agoult) роздать сто дукатовъ наиболѣе нуждающимся.

«12-го февраля г. д'Агу выѣхалъ въ Кролевецъ, чтобы нанять корабль для перевозки гвардейцевъ въ Гамбургъ. Надежда выручить необходимую сумму денегъ отъ продажи различныхъ вещей и домашней утвари, оставленной нами въ Митавѣ, не осуществилась. Денегъ у короля совсѣмъ не было. Герцогиня предложила продать ея брилліанты; король согласился и поручилъ г-жѣ де-Серентъ заняться этимъ дѣломъ. Между тѣмъ пришлось занять у Лорка двѣ тысячи дукатовъ въ счетъ будущихъ благъ.

«23-го февраля. Когда всѣ бывшіе въ Клайпедахъ французы уѣхали, королевское семейство отправилось изъ этого мѣстечка въ Кролевецъ.

«По прибытіи въ этотъ городъ, король и герцогиня обратились къ Фридриху Вильгельму III письменно съ просьбою дозволить имъ поселиться въ Пруссіи. Помимо этого Гардуино было приказано составить записку, съ цѣлью получить отъ англійскаго кабинета вспомоществованіе для гвардейцевъ».

Въ воспоминаніяхъ объ эмигрантахъ бывшаго королевскаго резидента при берлинскомъ дворѣ, А. Дампмартена [1]), описаны колебанія Фридриха Вильгельма, который, получивъ письмо Людовика XVIII, не зналъ, слѣдовало ли ему, при данныхъ обстоятельстахъ внять голосу человѣколюбія, рискуя въ то же время подвергнуться большимъ непріятностямъ со стороны Франціи, или же ему слѣдовало предоставить Людовика XVIII его судьбѣ?

— Приму Бурбоновъ,—сказалъ онъ послѣ долгаго размышленія.—Мнѣ повелѣваетъ это долгъ чести и человѣколюбія.

Присутствовавшая при этомъ королева Луиза, которая заливалась слезами, читая трогательное письмо, полученное ею отъ герцогини Ангулемской, бросилась въ объятія своего супруга.

«Министры, призванные во дворецъ,—пишетъ Дампмартенъ,—уговаривали короля, чтобы онъ не подвергалъ государство опасности. Но онъ остался твердъ и не измѣнилъ принятаго имъ рѣшенія. Гр Гаугвицъ выпросилъ позволеніе посовѣтоваться съ французскимъ посланникомъ, и король обѣщалъ не принимать окончательнаго рѣшенія до его возвращенія.

«Генералъ Бернонвиль, видя тревогу Гаугвица, сказалъ съ солдатской откровенностью:

— Я не получалъ отъ своего правительства никакихъ инструкцій относительно столь непредвидѣннаго дѣла; тѣмъ не менѣе я скажу вамъ, что первый консулъ ничего не будетъ имѣть противъ, если вашъ монархъ окажетъ въ своемъ государствѣ пріютъ французской королевской семьѣ. Но я надѣюсь, что вашъ король не подумаетъ этимъ признать правъ претендента и пренебречь обязательствами, принятыми имъ на себя по отношенію къ республикѣ. Дружескія отношенія, существующія между обоими государствами, требуютъ, чтобы представитель Бурбоновъ отказался отъ королевскаго титула.

«Графъ Гаугвицъ ничего не отвѣтилъ, но когда эти слова были переданы королю, то изъ Берлина было тотчасъ послано два гонца, одинъ въ Кролевецъ съ согласіемъ короля на просьбу Людовика XVIII и съ приказаніемъ предложить королевской семьѣ поселиться въ Варшавѣ, а другой—въ Варшаву съ приказаніемъ передать въ распоряженіе эмигрантовъ одинъ изъ тамошнихъ дворцовъ».

---

[1]) „Mémoires de A. H. Dampmaritin". Paris 1825 т. II, стр. 545.

Возвращаемся къ дневнику Гардуино:

«По недостатку почтовыхъ лошадей, я не могъ сопровождать королевскую семью и рѣшилъ выѣхать изъ Кролевца 24-го февраля, навѣстивъ передъ отъѣздомъ, по желанію герцогини Ангулемской, ея духовника, ксендза Магіе. Я засталъ его въ постели, больнымъ. Онъ чрезвычайно измѣнился.

— У меня сильная лихорадка,—сказалъ онъ.—Я въ отчаяніи и не знаю, буду ли я въ состояніи встать съ постели.

«Я успокоилъ его и посовѣтовалъ ему выпить что-либо подкрѣпляющее и, не предчувствуя ничего худаго, оставилъ больнаго.

«27-го февраля. Король выѣхалъ изъ Кролевца въ 7 часовъ утра и остановился для обѣда въ Крейцбургѣ. Ночь провели въ Гейльсбергѣ. Тамошняя гостиница для пріѣзжающихъ была дотого тѣсная, что герцогинѣ и г-жѣ де-Серентъ пришлось принять предложеніе господъ Стутергеймъ и провести у нихъ ночь. Я помѣстился въ какомъ-то шинкѣ.

«28-го февраля. Король выѣхалъ въ 7 часовъ утра и остановился въ Густадѣ. Ночевали въ Гогенштейнѣ. Отслушавъ обѣдню въ небольшомъ костелѣ, мы поѣхали въ Нейденбургъ и переночевали въ Млавѣ.

«2-го марта. Король выѣхалъ въ Цѣхановъ, гдѣ онъ обѣдалъ. На ночь поѣхали въ Пултускъ. Не доѣзжая одной мили отъ этого мѣстечка, въ 5 часовъ вечера, повозка, въ которой ѣхалъ король, повстрѣчалась съ экипажемъ одной дамы-польки, ѣхавшей по направленію къ Цѣханову, и, зацѣпившись за него, опрокинулась въ ровъ. Лица, сидѣвшія въ повозкѣ, упали на переднее сидѣнье, стекло въ дверцахъ разбилось и, если бы путешественникамъ не удалось выскочить, то вода, бывшая во рву, могла залить карету. Къ счастью, никто не ушибся, только король, боясь промочить ноги, долженъ былъ довольно долго простоять въ лодкѣ, пока не подъѣхала слѣдовавшая за ними карета, въ которой сидѣли де-Флёри и ксендзъ Эджвортъ; король и герцогиня пересѣли въ эту карету. Дама была весьма огорчена случившимся, хотя она и не знала, какія сановитыя особы сдѣлались жертвою этого печальнаго случая. Она усиленно просила позволенія отвезти путешественниковъ въ своемъ экипажѣ въ Пултускъ. Усадивъ, наконецъ, въ свою карету маркграфиню де-Миллерей и г-жу де-Серентъ, она была поражена, услыхавъ отъ нихъ, что случай свелъ ее такъ неожиданно съ королемъ Франціи и съ его племянницей. Простуда могла имѣть весьма опасныя для путешественниковъ послѣдствія, такъ какъ король еще въ Кролевцѣ страдалъ приступомъ подагры, а герцогиня Ангулемская была простужена. Поэтому было рѣшено переночевать въ Пултускѣ и послать меня впередъ въ Варшаву къ ксендзу Деламаръ, который уѣхалъ туда ранѣе,

и выбрать вмѣстѣ съ нимъ подходящее помѣщеніе для королевской семьи.

«Въ моментъ выѣзда изъ Пултуска, Эджвортъ получилъ изъ Кролевца извѣстіе о кончинѣ духовника герцогини.

«Изъ письма г. де-Шуази, мы узнали нѣкоторыя подробности этой катастрофы.

«Въ тотъ же вечеръ, когда я навѣщалъ больнаго,—пишетъ Гардуино,—ксендзъ подозвалъ одного изъ служителей и велѣлъ ему узнать, скоро ли будутъ готовы лошади.

«Часъ спустя, слуга, войдя въ комнату, увидѣлъ, что ксендзъ лежитъ блѣдный какъ смерть. На его крикъ сбѣжались всѣ жившіе въ домѣ. Позвали доктора, который, откинувъ простыню, увидалъ ножъ въ груди больнаго, истекавшаго кровью. Когда ножъ вынули, ксендзъ испустилъ духъ. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвелъ этотъ несчастный случай. Духовникъ короля и ближайшій его наперсникъ лишилъ себя жизни въ чужой странѣ, и никто не зналъ, чѣмъ было вызвано это самоубійство. Его не хотѣли хоронить по христіанскому обряду, но консулъ Лоркъ уладилъ это дѣло, уважая чувства короля. Вѣроятно, несчастье, которое ксендзу пришлось испытать, вызвало у него нервное разстройство, и этотъ достойный человѣкъ, бывшій совѣтникъ короля, утѣшавшій его въ изгнаніи, лишилъ себя жизни въ припадкѣ меланхоліи...

«4-го марта. Король, выѣхавъ изъ Пултуска со своей племянницей, переѣхали на паромѣ черезъ Наревъ и остановились обѣдать въ Непорѣчьи, въ 4-хъ миляхъ отъ Пултуска. Въ шестомъ часу вечера, они прибыли въ Прагу, предмѣстье Варшавы».

Перев. **В. В. Тимощукъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ѳедосѣй Мануковъ.

(Дѣдъ Суворова).

Авторъ книги «Генералиссимусъ князь Суворовъ», А. Ѳ. Петрушевскій, касаясь родныхъ Суворова, говоритъ, что дѣдъ послѣдняго по матери, Ѳедосѣй Мануковъ почти неизвѣстенъ; знаемъ только, что онъ былъ дьякъ, что по указу Петра Великаго онъ описывалъ Ингерманландію по урочищамъ; въ 1715 г., во время празднованія свадьбы князя-папы, участвовалъ въ потѣшной процессіи; въ 1737 г. былъ петербургскимъ воеводою и въ концѣ года судился за злоупотребленія по службѣ.

Между тѣмъ, въ Полномъ Собраніи Законовъ содержатся свѣдѣнія, пополняющія нѣсколько этотъ отзывъ. Такъ, изъ Полнаго Собранія видно, что Мануковъ состоялъ дьякомъ Помѣстнаго приказа, съ 1704 по 1711 годъ. Въ первомъ изъ этихъ годовъ онъ былъ командированъ для переписи дворовъ и крестьянъ въ Московскомъ уѣздѣ (т. IV, стр. 266); въ 1709 и 1710 гг. онъ, въ качествѣ того же дьяка, помѣчалъ памяти объ опредѣленіи работниковъ къ городовому строенію въ С.-Петербургѣ (т. IV, стр. 467, 531 и 546). Въ 1711 году онъ уже былъ ландрихтеромъ С.-Петербургской губерніи и въ этомъ званіи описывалъ земли въ Ингерманландіи (т. IV, стр. 839 и 840; т. XII, стр. 101, 202, 400, 517 и 818), а въ 1719 году опредѣленъ въ помощь полковнику Феофилатьеву, назначенному воеводою городовъ отъ Невы по Лугу и Нарову (т. V, стр. 701); въ 1720 году онъ назначенъ членомъ коммиссіи по сочиненію Уложенія (т. VI, стр. 230); въ 1734 году—упоминается въ званіи вице-президента вотчинной коллегіи (т. IX, стр. 399); въ 1736 году онъ назначенъ воеводою въ С.-Петербургъ (т. IX, стр. 834), а въ слѣдующемъ году его имя встрѣчается въ опредѣленіи Сената, по дѣлу Ширимана съ Масловымъ о долгѣ по непротестованному векселю, и именно по этому дѣлу онъ, вмѣстѣ съ президентомъ коммерцъ-коллегіи графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ и другими «товарищами», подавалъ свое мнѣніе (т. X, стр. 260).

Сообщилъ Г. К. Рѣпинскій.

Записки графа Л. Л. Беннигсена
о
войнѣ съ Наполеономъ 1807 года.

XVI [1]).

Сосредоточеніе войскъ враждующихъ армій.—Дѣйствія противъ корпуса маршала Нея.—Движенія на р. Алле.—Сраженія въ окрестностяхъ Гутштадта.

По отъѣздѣ государя императора изъ Бартенштейна, армія нѣкоторое время пребывала въ занятыхъ ею позиціяхъ безъ всякой перемѣны; даже въ продолженіе многихъ дней не происходило ничего сколько-нибудь замѣчательнаго. Только по-прежнему продолжались ежедневно мелкія стычки казаковъ съ французскими аванпостами, иногда въ свою очередь нападавшими и на нашихъ часовыхъ, но большею частью безъ успѣха.

16-го (28-го) мая мы получили извѣстіе изъ Данцига, что генералъ графъ Калькрейтъ принужденъ былъ вступить въ переговоры о сдачѣ крѣпости, а 18-го (30-го) числа узнали, что онъ ее очистилъ и вывелъ всѣ прусскія и русскія войска изъ Данцига еще 15-го (27-го) мая. Въ то же время, я получилъ рапортъ графа Каменскаго о благополучномъ его прибытіи со своимъ отрядомъ въ Пиллау 16-го (28-го) числа,—вслѣдствіе чего я послалъ ему приказаніе оставить, вмѣстѣ съ прусскимъ баталіономъ г. Беккера, еще два баталіона русской пѣхоты съ артиллеріею въ Пиллау для обороны Нерунга и укрѣпленій. Графъ Каменскій это исполнилъ, оставивъ по баталіону отъ Тобольскаго и По-

[1]) См. „Русскую Старину“ декабрь 1899 г.

лоцкаго пѣхотныхъ полковъ. Кромѣ того, я предложилъ ему по возможности поспѣшать своимъ прибытіемъ чрезъ Кёнигсбергъ въ Хейлигенбейль, гдѣ съ ввѣренными ему войсками онъ долженъ былъ поступить въ отрядъ генералъ-лейтенанта Лестока. По его прибытіи по этому назначенію, я отозвалъ въ главную армію дивизію подъ начальствомъ генерала Олсуфьева, находившуюся ранѣе въ отрядѣ генерала Лестока.

Генералъ-лейтенантъ Тучковъ опасно заболѣлъ первною горячкою, и я послалъ принять начальство надъ его корпусомъ, находившимся на Наревѣ, генералъ-лейтенанта графа Толстаго, на мѣсто котораго былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ князь Горчаковъ. Въ то же время, князь Багратіонъ сообщилъ, что по его осмотру 2-й егерскій полкъ чрезвычайно ослабъ, вслѣдствіе потерь, понесенныхъ въ зимнюю кампанію отъ болѣзней, въ немъ господствовавшихъ, поэтому 21-го мая (2-го іюня), я приказалъ отвести этотъ полкъ для отдыха въ Гердауенъ.

Послѣ сдачи Данцига, мы ежедневно получали извѣстія о движеніи французскихъ войскъ, направленныхъ Наполеономъ на Пассаргу съ цѣлью по возможности болѣе сосредоточить свою армію. Въ составъ этихъ войскъ входили всѣ принимавшіе участіе въ осадѣ Данцига числомъ 30.000 человѣкъ; кромѣ того, корпусъ маршала Мортье, недавно прибывшій изъ Помераніи и вся резервная кавалерія подъ начальствомъ великаго герцога Бергскаго, стоявшая до этого въ окрестности Страсбурга. Всѣ резервныя войска французской арміи, стоявшія въ ея тылу въ разныхъ мѣстахъ, стали подходить къ ней, такъ что не было никакого сомнѣнія въ томъ, что Наполеонъ намѣревается начать военныя дѣйствія противъ русской арміи.

При такихъ обстоятельствахъ, я не долженъ былъ терять времени, чтобы также и со своей стороны сосредоточить находившіяся въ моемъ распоряженіи войска.

Я уже выше упоминалъ о довольно смѣломъ положеніи корпуса маршала Нея. Поэтому, стараясь всегда предупредить замыслы непріятеля, я хотѣлъ разстроить хотя бы часть этого корпуса до начала военныхъ дѣйствій. Къ тому же маршалъ Ней находился всѣхъ ближе отъ моихъ войскъ, и я былъ лишенъ возможности сдѣлать какое-либо передвиженіе безъ того, чтобы маршалъ Ней не узналъ о немъ немедленно. Чтобы лучше скрыть мои дѣйствительные замыслы и вселить въ непріятелѣ предположенія, не намѣреваюсь ли я подняться вверхъ по рѣкѣ Алле и направить свои удары на правое его крыло,— я приказалъ податься влѣво всѣмъ войскамъ моимъ, стоявшимъ на правомъ берегу Алле. Генералъ-лейтенантъ Платовъ перешелъ изъ Пассенгейма въ Мальшевенъ, генералъ-маіоръ Кноррингъ занялъ опять Вартенберъ съ своимъ отрядомъ, а на его мѣсто въ Зеебургѣ сталъ

съ отрядомъ войскъ князь Горчаковъ. На бывшей позиціи князя Горчакова въ Либенбергѣ, Стернбергѣ, Стольценгагенѣ и Зузенбергѣ, сталъ со второю дивизіею генералъ-лейтенантъ Остерманъ.

На правомъ берегу Алле, для постепеннаго сосредоточенія моихъ войскъ и приближенія ихъ къ мѣсту предполагаемыхъ атакъ незамѣтнымъ для французовъ образомъ, я сдѣлалъ слѣдующія распоряженія. Кавалерія праваго крыла подъ командою генералъ-лейтенанта Уварова, состоявшая изъ полковъ: Елисаветградскаго гусарскаго и драгунскихъ Курляндскаго, С.-Петербургскаго, Рижскаго и Литовскаго, была собрана въ окрестностяхъ Райнау и Реймерсвальда. Третья пѣхотная дивизія сосредоточилась въ Сетанѣ и Кёнигинѣ, четырнадцатая—подошла къ Гейльсбергу, а дивизіи 7-я и 8-я—заняли Штейнкикау и Мигененъ. Генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ съ тремя кирасирскими полками, двумя польскими, составлявшими кавалерію лѣваго крыла, перешелъ изъ Гесселя въ Бишофстейнъ.

Вся тяжелая и конная артиллерія получили приказаніе двинуться къ Гейльсбергу, гдѣ и были распредѣлены по дивизіямъ. Его императорское высочество великій князь Константинъ Павловичъ перевелъ свою главную квартиру въ Кивиттенъ; гвардія и другія войска, входившія въ составъ 1-й дивизіи, подъ его начальствомъ, назначенныя составлять резервъ, сосредоточились въ этой же мѣстности. Авангардъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Багратіона, остался по-прежнему въ Лаунау. Отданъ былъ строжайшій приказъ наблюдать съ величайшею внимательностью на всѣхъ аванпостахъ и караулахъ, чтобы никто не могъ проникнуть чрезъ нашу цѣпь постовъ, съ цѣлью тѣмъ лишить французовъ возможности получить какія-либо извѣстія о передвиженіяхъ нашихъ войскъ на правомъ берегу Алле.

21-го мая (2-го іюня) я съ главною моею квартирою перешелъ въ Гейльсбергъ.

Движенія нашихъ войскъ на правомъ берегу р. Алле не замедлили имѣть послѣдствіе, какъ это видно, изъ слѣдующаго сообщенія маршала Даву къ маршалу Нею:

Посылаю вамъ, дорогой маршалъ, донесенія къ генералу Морану отъ его эмиссаровъ. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ донесеніе изъ Зеебурга, такъ какъ оно, повидимому, указываетъ на намѣреніе непріятеля сдѣлать покушеніе на нашъ правый флангъ. Достовѣрность сего подтверждается движеніями казаковъ по всей нашей линіи, происходящими уже нѣсколько дней, а также рекогносцировкою, сдѣланною сегодня утромъ русскою пѣхотою у Килларена, гдѣ она была отражена съ потерею. Съ другой стороны, генералъ Заіончекъ сообщаетъ мнѣ, что нѣкоторые его отряды видѣли русскую пѣхоту впереди его, со стороны Пассенгейма.

Дѣйствительно, направляясь на Вольфсдорфъ и Гутштадъ съ главными моими силами, я разсчитывалъ нанести рѣшительный ударъ кор-

пусу маршала Нея. Прибавлю еще къ этому, что въ общемъ планѣ атаки не имѣлось другой цѣли, какъ только захватить корпусъ Нея, двинуться еще далѣе до первыхъ постовъ корпуса маршала Даву и затѣмъ немедленно возвратиться въ мою укрѣпленную позицію въ Гейльсбергѣ. Слишкомъ значительная разница въ силахъ не позволяла мнѣ и думать о болѣе обширныхъ наступательныхъ дѣйствіяхъ съ моей стороны.

22-го мая (3-го іюня) великій князь Константинъ Павловичъ перевелъ свою главную квартиру въ Гейльсбергъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и войска состоявшаго подъ его начальствомъ резерва расположились бивуакомъ около этого города. Остальныя войска занимали тѣ же позиціи, что и наканунѣ. 26-го мая я сдѣлалъ слѣдующее небольшое движеніе впередъ. Генералъ-лейтенантъ князь Горчаковъ получилъ приказаніе покинуть со своимъ корпусомъ Пассенгейнъ вечеромъ и придвинуться къ р. Алле въ окрестностяхъ Клингерсвальда, но не дѣлать ни малѣйшей перемѣны въ расположеніи цѣпи его аванпостовъ. То же самое приказаніе было отдано и относительно цѣпи аванпостовъ авангарда, бывшаго подъ начальствомъ князя Багратіона, который оставался весь этотъ день въ занимаемой имъ позиціи. Кромѣ того я приказалъ ему еще значительно усилить бдительность аванпостовъ, чтобы непріятель не могъ получить какихъ-либо указаній о движеніяхъ, совершаемыхъ нашими войсками. Я предписалъ генералу Платову оставить отрядъ казаковъ, достаточный для содержанія аванпостной цѣпи впереди расположенія французскихъ войскъ между Вилленбергомъ и Ѣдвабно, а самому съ войсками, ему ввѣренными, прибыть подъ вечеръ въ окрестности Альтъ-Вартенберга. Генералъ-маіоръ Кноррингъ долженъ былъ выступить въ то время съ его отрядомъ изъ Вартенберга и присоединиться къ генералу Платову, подъ главнымъ начальствомъ котораго ему и надлежало находиться. Седьмая и 8-я дивизіи, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Дохтурова, заняли позиціи близъ Вормдитта, гдѣ присутствіе ихъ не могло быть обнаружено французами.

Кавалерія праваго, а также и лѣваго крыла, вмѣстѣ съ 3-й, 14-й и 2-й дивизіями, двинулись къ Анкендорфу, куда и прибыли вечеромъ и заняли позиціи, прикрытыя этою деревнею и высотами. Великій князь расположилъ свой резервъ бивуаками между Фреймаркомъ и Бенерномъ; въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ была и главная квартира его высочества. Къ вечеру этого дня я прибылъ съ моею главною квартирою въ Анкендорфъ и отдалъ главнымъ начальникамъ отдѣльныхъ частей слѣдующія приказанія въ отношеніи атаки, которую слѣдовало произвести на другой день:

24-го мая (6-го іюня) различные отряды войскъ выступаютъ съ позиціи ровно въ три часа утра. Генералъ-лейтенантъ Дохтуровъ, командуя войсками праваго фланга, состоящими изъ 7-ой и 8-ой дивизій, двинется изъ Вормдитта

и направится на Ломиттенъ, гдѣ и произведетъ нападеніе на посты корпуса маршала Сульта, стоящіе на правомъ берегу Пассарги, принудитъ ихъ перейти рѣку и займетъ самъ находящійся тутъ мостъ, а также всѣ мѣста, гдѣ французы могли бы переправиться чрезъ рѣку. Затѣмъ съ остальными своими войсками генералъ Дохтуровъ долженъ занять позицію, съ которой могъ бы воспрепятствовать маршалу Сульту явиться на помощь маршалу Нею

Генералъ-лейтенантъ князь Горчаковъ долженъ подойти къ рѣкѣ Алле, повыше Гутштадта, съ величайшею поспѣшностью устроить въ наиболѣе удобномъ мѣстѣ мостъ на лодкахъ и, пройдя по мосту, атаковать войска маршала Нея съ тыла или съ праваго фланга, а затѣмъ немедленно перенести свою атаку на городъ Гутштадтъ. Овладѣвъ городомъ, онъ будетъ дѣйствовать противъ непріятеля одновременно съ княземъ Багратіономъ. Генералъ-лейтенанту князю Багратіону было приказано поставить ночью его резервъ между Зехерномъ и Петерсвальде и, не обращая вниманія на батареи, устроенныя французами впереди лѣса (простирающагося позади обоихъ названныхъ селеній), двинуться со всѣми своими войсками чрезъ Гронау и Альткирхъ, сильно и рѣшительно атаковать все, что онъ встрѣтитъ на пути, взявъ съ собою весь свой резервъ, чтобы имѣть себѣ поддержку при атакахъ вездѣ, гдѣ это потребуется. Князю Багратіону было сообщено, что князь Горчаковъ получилъ приказаніе вести атаку на Гутштадтъ, что ему слѣдуетъ поэтому продолжать, не останавливаясь, движеніе на Нейендорфъ и сдѣлать нападеніе на французовъ, стоящихъ въ Глотау и Кнопенѣ. По общей диспозиціи князю Багратіону было извѣстно, что главная наша армія будетъ дѣйствовать на правомъ флангѣ.

Я предложилъ его высочеству великому князю двинуться съ его резервомъ изъ Фреймарка и Беннерна при самомъ выступленіи войскъ нашего центра и направиться чрезъ Соммерфельдъ и Лаутервальдъ на Петерсдорфъ, гдѣ его высочеству предстояло выбрать удобную для себя позицію, имѣя въ виду главное свое назначеніе поддерживать различныя атаки другихъ отрядовъ, гдѣ это потребуется. Генералу Платову было предписано избрать между Алленштейномъ и Гутштадтомъ мѣсто удобное для переправы чрезъ рѣку Алле съ его летучимъ отрядомъ и отрядомъ генерала-маіора Кнорринга и дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ въ тылу непріятеля, обративъ впрочемъ главное вниманіе на то, чтобы прервать всякое сообщеніе между корпусами маршаловъ Нея и Даву. Я приказалъ направить достаточное число понтоновъ какъ къ корпусу генерала Платова, такъ и князя Горчакова.

Генералъ-лейтенанту Лестоку назначено было произвести на нѣкоторыхъ мѣстахъ аванпостной линіи корпуса Бернадота нѣсколько фальшивыхъ атакъ, чтобы отвлечь его вниманіе отъ главнаго мѣста нашей атаки.

Главный отрядъ, или отрядъ центра получилъ приказаніе двинуться изъ Аренсдорфа въ Вольфсдорфъ и для этого выступить тремя колоннами въ три часа утра. Одна колонна—правая, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Сакена, состоявшая изъ кавалеріи праваго крыла, предводительствуемой генераломъ Уваровымъ, а также 3-й пѣхотной дивизіи направлялась на Дитрихсдорфъ. Вторая или серединная подъ начальствомъ генерала Олсуфьева шла на Вельдехенъ и Петерсдорфъ. Третья или лѣвая колонна, въ составъ которой входила кавалерія лѣваго крыла, а также 8-я пѣхотная дивизія подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта графа Остермана, направлялась на Соммерфельдъ, Лаутервальдъ и Петерсвальдъ подъ общимъ начальствомъ генерала князя Голицына 5-го.

Съ этою колонною выступилъ и я, чтобы находиться ближе къ дѣлу и скорѣе получать донесенія о результатахъ производимыхъ атакъ. Они должны были начаться атаками князей Багратіона и Горчакова.— Необходимо было, чтобы всѣ три колонны прибыли безъ замедленія къ назначенному имъ мѣсту и безъ всякаго недоразумѣнія. Въ этихъ видахъ, когда въ минуту выступленія войскъ пришелъ ко мнѣ генералъ Уваровъ, находившійся съ кавалеріею во главѣ колонны генерала Сакена, я повторилъ ему словесно отданное уже приказаніе и сказалъ: «вы направитесь отсюда прямо въ Вольфсдорфъ и остановитесь въ равнинѣ, которую встрѣтите въ этой сторонѣ». Генералъ Уваровъ мнѣ на это отвѣтилъ: «я не начальникъ колонны, соблаговолите повторить это приказаніе также генералу Сакену». Хотя Сакенъ уже получилъ данный о томъ приказъ, я тѣмъ не менѣе пригласилъ его къ себѣ и повторилъ въ присутствіи всей моей свиты: «Вы направитесь, генералъ, прямо въ Вольфсдорфъ безъ всякой остановки. Прибывъ въ Вольфсдорфъ, вы остановитесь въ равнинѣ, которую найдете въ той сторонѣ, и будете меня ожидать». Эти послѣднія слова: «вы будете меня ожидать»—выражали, конечно, то, что, по моему разсчету движенія колоннъ, генералъ Сакенъ долженъ былъ придти на условленное мѣсто нашей встрѣчи ранѣе меня. Дѣйствительно, его колоннѣ предстояло пройдти болѣе короткій путь, нежели лѣвой. Со всѣми другими генералами арміи (о точной исполнительности которыми отдаваемыхъ мною приказаній—не могу достаточно нахвалиться), я могъ бы и не вдаваться въ такія предосторожности. Но съ этимъ генераломъ мнѣ слѣдовало поступать иначе, какъ это можно было судить и по прошлому: я надѣялся, повторивъ ему точно и ясно приказаніе объ его движеніи, лишить его всякой возможности уклониться отъ исполненія своего дѣла, но всѣ мои предосторожности оказались тщетными...

Генералъ-лейтенантъ Лестокъ произвелъ съ ввѣренными ему войсками демонстраціи на различныхъ мѣстахъ противъ корпуса маршала Бернадота. Онъ выдвинулъ войска своего праваго фланга противъ Браунсберга, Питтелькена, Стигенена и на дорогу въ Шальмой, и приказалъ генералу Рембову атаковать мостовое укрѣпленіе у Вуксена чрезъ Пассаргу,ославъ, чтобы поддержать его, 400 стрѣлковъ и два баталіона русской пѣхоты подъ начальствомъ полковника Михельсона.

Здѣсь постепенно разгоралось дѣло болѣе серьезное, нежели это слѣдовало. Войска кинулись на приступъ и овладѣли двумя ретраншементами, но третій взять не могли и увидѣли, что, продолжая столь горячо атаку, потеряютъ людей гораздо болѣе, нежели это слѣдовало въ дѣлѣ, которое по назначенію своему имѣло только характеръ демонстраціи и предназначалось для отвлеченія вниманія непріятеля отъ другихъ мѣстъ. Поэтому генералъ Рембовъ прекратилъ атаку и къ вечеру занялъ по-

зицію позади Вуксена. Полковникъ Михельсонъ и многіе другіе храбрые офицеры были тяжело ранены въ этомъ дѣлѣ. Потеря непріятеля была также довольно значительна, такъ какъ генералъ Рембовъ открылъ дѣло огнемъ изъ 31-го орудія, и самъ маршалъ Понте-Корво (Бернадотъ), прибывъ на одно изъ мѣстъ атаки, былъ раненъ и принужденъ оставить свой корпусъ, который былъ переданъ маршалу Виктору. Генералъ-лейтенантъ Дохтуровъ выступилъ въ назначенное ему время тремя колоннами. Первая двинулась подъ начальствомъ генералъ-маіора Энгельгардта, чрезъ деревню Корбсдорфъ, и должна была выбить французовъ изъ прилегавшаго къ деревни лѣса. Вторая колонна, съ генералъ-лейтенантомъ Эссеномъ 3-мъ во главѣ, направилась на Ольберсдоффъ, чтобы оттѣснить находившагося тутъ непріятеля. Третья колонна, которою командовалъ генералъ-маіоръ Пассекъ, шла въ резервѣ, чтобы подкрѣплять первыя двѣ колонны при ихъ атакахъ. Французы, выбитые изъ лѣса близъ Корбсдорфа генераломъ Энгельгартомъ, собрались и выстроились впереди деревни Ольберсдорфъ. Въ это время появился генералъ Дохтуровъ съ колонною генерала Эссена 3-го вмѣстѣ съ резервомъ. Французы отступили въ свои ретраншаменты впереди Ломиттена. Генералъ Дохтуровъ немедленно повелъ атаку, выставивъ свою артиллерію на возвышенность, господствовавшую надъ этими укрѣпленіями. Скоро четыре редута, прикрывавшіе мостовое укрѣпленіе чрезъ Пассаргу, очутились въ нашихъ рукахъ, но самое мостовое укрѣпленіе мы взять не могли,—въ немъ было слишкомъ много войска и много артиллеріи. Дохтуровъ, видя, что французы все усиливаются въ этомъ мѣстѣ свѣжими войсками, подходившими въ четырехъ колоннахъ съ другой стороны Пассарги, послалъ къ его высочеству великому князю за подкрѣпленіями. Его высочество, по устному докладу присланнаго отъ Дохтурова офицера о положеніи, въ которомъ находится отрядъ генерала Дохтурова,-ни колеблясь нисколько о томъ, что̀ надлежитъ дѣлать, отправилъ ни минуты не медля генералъ-маіора Хитрово съ двумя баталіонами лейбъ-Егерскаго полка подъ начальствомъ полковника Сенъ-При, съ третьимъ баталіономъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго и двумя эскадронами Уланскаго его высочества полка съ надлежащимъ числомъ орудій, приказавъ какъ можно поспѣшнѣе присоединиться къ отряду генерала Дохтурова. Это приказаніе его высочества было въ точности исполнено генераломъ Хитрово. Быстрое распоряженіе великаго князя всего болѣе содѣйствовало успѣху атакъ нашихъ въ этомъ мѣстѣ.

Около половины перваго часа дня генералъ Хитрово прибылъ со своимъ отрядомъ къ генералу Дохтурову, который приказалъ ему снова атаковать лѣсъ и ретраншементъ. Генералъ Хитрово отрядилъ для этого полковника Сенъ-При съ двумя баталіонами лейбъ-Егерскаго полка,

командовать авангардомъ его отряда, состоявшимъ первоначально изъ казачьяго Атаманскаго полка въ тысячу человѣкъ. Прибывъ съ главными своими силами къ Бергфриду, генералъ Платовъ нашелъ, что лѣвый берегъ рѣки Алле уже очищенъ отъ французовъ генераломъ Иловайскимъ 5-мъ, и приказалъ немедленно устроить мостъ изъ лодокъ. Графъ Строгановъ, не дожидаясь постройки моста, переправился съ авангардомъ чрезъ рѣку вплавь. Генералъ Платовъ послалъ генералу Иловайскому приказаніе подкрѣпить авангардъ однимъ изъ своихъ полковъ. Съ двумя полками казачьими графъ Строгановъ двинулся впередъ и, достигнувъ дороги, ведущей изъ Гутштадта въ Кветцъ, встрѣтилъ большой непріятельскій вагенбургъ, сопровождаемый отрядомъ въ 1.000 человѣкъ какъ пѣхоты, такъ и кавалеріи. Намѣреваясь атаковать его съ разныхъ сторонъ, графъ Строгановъ раздѣлилъ свои два полка на нѣсколько частей и самъ съ частью Атаманскаго кинулся на главную часть конвоя и быстро его разсѣялъ, взявъ не мало плѣнныхъ. Въ числѣ послѣднихъ находился полковникъ Мюрэ, одинъ подполковникъ, 45 офицеровъ и 491 рядовыхъ, всѣ повозки и экипажи, въ томъ числѣ карета самаго маршала Нея, его походная канцелярія съ чиновниками, много экипажей другихъ генераловъ, 25 особъ женскаго пола, всякаго рода маркитанты съ различными припасами, скотъ и т. п.,— все это досталось въ руки лихихъ казаковъ. Въ то время какъ старались разобраться въ этой богатой добычѣ и направить ее къ себѣ, графъ Строгановъ замѣтилъ, что отрядъ французской пѣхоты, уже отрѣзанной, направляется на Бухвальдъ. Онъ отрядилъ казачій полкъ Иловайскаго, подъ начальствомъ его командира Милюкова, настичь непріятеля. Это было скоро исполнено наилучшимъ образомъ; отрядъ французовъ былъ совершенно разсѣянъ, потерявъ много убитыхъ.

Генералъ Платовъ тѣмъ временемъ занялъ позицію около деревни Полеркенъ, чтобы наблюдать за окрестностями Алленштейна и препятствовать войскамъ корпуса маршала Даву явиться на помощь къ маршалу Нею. Съ этою же цѣлью генералу Иловайскому было приказано прикрывать съ его отрядомъ лѣвую сторону этой позиціи и двинуть свои развѣдочные посты къ Алленштейну. Графъ Строгановъ также находился тутъ съ своимъ авангардомъ. Генералъ-лейтенантъ князь Горчаковъ по данному приказанію подошелъ въ 3 часа утра къ рѣкѣ Алле и противъ деревни Швабенъ, командовавшій понтонною ротою капитанъ Ховенъ спустилъ на рѣку нѣсколько лодокъ, на которыхъ перевезли на противоположный берегъ отрядъ егерей. Тѣмъ временемъ занялись устройствомъ моста, который и былъ скоро оконченъ. Но генералъ Бороздинъ съ своимъ драгунскимъ полкомъ и генералъ Иловайскій 2-й съ казачьимъ полкомъ, не дожидаясь наводки моста, переправились отчасти въ бродъ, отчасти вплавь на тотъ берегъ и оттѣс-

ними отдѣльные посты 2-хъ дивизій маршала Нея, находившіеся еще въ этихъ мѣстахъ, послѣ чего оба генерала вмѣстѣ съ отрядомъ егерей заняли позиціи близъ деревни Швабенъ, чтобы прикрывать переходъ по мосту всего отряда

Изъ размѣщенія войскъ корпуса маршала Нея, какъ это можно заключить изъ рапорта его военному министру отъ 8-го мая, усматривается, что онъ имѣлъ только одну бригаду своей второй дивизіи, стоявшую выше Гутштадта, именно 50-й линейный полкъ въ Глоттау и 59-й въ Кнопшенѣ, содержавшіе посты на лѣвомъ берегу Алле отъ Бергфрида до Гутштадта. Въ то время какъ князь Багратіонъ началъ свою атаку, эта бригада прибѣжала на помощь первой дивизіи, оставивъ только отдѣльные мелкіе посты на рѣкѣ, единственно для предупрежденія о нашемъ приближеніи другихъ частей войскъ, расположенныхъ далѣе. Князь Горчаковъ воспользовался этимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ и двинулся прямо на Гутштадтъ, гдѣ оставался первый баталіонъ 31-го полка, имѣвшій около тысячи человѣкъ и расположенный на правомъ берегу рѣки Алле. Противъ этого баталіона былъ оставленъ княземъ Горчаковымъ небольшой отрядъ между лѣсомъ Штольцхагеномъ и городомъ, дѣлавшій демонстраціи противъ баталіона съ цѣлію удержать оный на мѣстѣ. Князь Горчаковъ пустилъ впереди себя генералъ-маіора Рахманова съ отрядомъ, атаковавшаго немедленно городъ. Генералъ-маіору Кретовичу было поручено овладѣть воротами со стороны предмѣстья Коссенъ. Все это было исполнено чрезвычайно быстро. Городъ былъ занятъ.

Генералу Багратіону предстояло скрыть свое первое движеніе, чтобы французы не были предувѣдомлены слишкомъ заблаговременно о его движеніи. Съ этою цѣлію, оставивъ цѣпь аванъ-постовъ впереди Зехерна и Петерсвальде, поддерживаемую 26-мъ егерскимъ полкомъ, князь Багратіонъ съ остальнымъ своимъ авангардомъ, числомъ около 9.000 человѣкъ, направился изъ Лаунау на Мавернъ и оттуда, прикрываясь лѣсами и оврагами, перешелъ въ Гронау. Приближаясь къ этому послѣднему мѣсту, онъ принужденъ былъ двигаться по открытой мѣстности и былъ замѣченъ французами, которые не замедлили дать нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ въ видѣ сигнала, дабы ближайшія ихъ войска спѣшили къ мѣсту, которому грозила опасность. Князь Багратіонъ быстро двинулся на Альтъ-Кирхъ, атаковалъ французовъ на двухъ пунктахъ занимаемой ими очень выгодной позиціи, скоро заставилъ ихъ отступить и занялъ значительную часть находившагося тутъ лѣса. Въ это время къ правому флангу французовъ, защищавшихся одно время чрезвычайно упорно и храбро, подошелъ генералъ Багговутъ, съ другой же стороны приближалась часть кавалеріи князя Голицына. Французы, усмотрѣвъ, что имъ грозитъ усиленная атака съ обоихъ флан-

говъ, рѣшились скорѣе очистить занимаемую позицію и отступить по направленію въ Кветцъ. Ихъ преслѣдовалъ Гродненскій гусарскій полкъ, къ которому постепенно присоединилась вся кавалерія нашего лѣваго крыла. Князь Багратіонъ со всѣмъ авангардомъ дошелъ до окрестностей Кветца, куда наша колонна центра, подъ начальствомъ генерала Сакена, должна была придти гораздо ранѣе прибытія маршала Нея съ его корпусомъ.

Достаточно бросить взглядъ на карту, чтобы увидѣть, что отступленіе на Кветцъ являлось маршалу Нею единственнымъ средствомъ спасенія съ остатками его корпуса. При этомъ отступленіи его очень задерживалъ князь Багратіонъ, постоянно на него нападавшій. Это не дозволяло Нею быстро отступать. Между тѣмъ генералъ Сакенъ, вопреки самымъ точнымъ приказаніямъ, не разъ повтореннымъ, остановился за милю недоходя Вольфсдорфа, гдѣ приказалъ кавалеріи слѣзть съ лошадей, а пѣхотѣ—сдѣлать привалъ. Одинъ изъ офицеровъ моей свиты, усмотрѣвъ, что генералъ Сакенъ остановилъ свою колонну, сообщилъ мнѣ объ этомъ. Я немедленно послалъ нѣсколькихъ офицеровъ, одинъ за другимъ, къ генералу Сакену съ приказаніями двинуться впередъ. Но онъ не обращалъ на это никакого вниманія, пока генералъ Уваровъ не убѣдилъ его идти впередъ. Сакенъ тогда тронулся съ мѣста, но съ такою медлительностію, что не подошелъ во-время, какъ было назначено. Я не думаю, чтобы можно было привести другой примѣръ подобнаго образа дѣйствія и подобнаго неповиновенія со стороны генерала.

Тѣмъ временемъ мнѣ дали знать, что на нашемъ лѣвомъ флангѣ показалась непріятельская колонна, уже отступающая; это были французскія войска, сражавшіяся съ нашимъ авангардомъ, которыя маршалъ Ней постепенно отправлялъ назадъ. Прождавъ самымъ безполезнымъ образомъ генерала Сакена и упустивъ уже возможность прибыть въ Кветцъ р а н ѣ е маршала Нея, я направилъ кавалерію подъ начальствомъ князя Голицына на дорогу въ Лингнау, чтобы приблизиться къ непріятелю. Дѣйствительно, эта деревня была еще занята французами. Я приказалъ ихъ атаковать нашей 13-й пѣхотной дивизіи. Французы нѣкоторое время очень упорно оборонялись, но тѣмъ не менѣе были выбиты и принуждены отступить въ лѣсъ, гдѣ долго происходила оживленная перестрѣлка. Наши войска кинулись въ штыки на французовъ и совершенно ихъ разбили. Генералъ Роге былъ взятъ въ плѣнъ, раненый въ ногу, а съ нимъ вмѣстѣ 5 офицеровъ и 231 солдатъ.

Во время этихъ атакъ, рѣшавшихъ исходъ всего сраженія въ нашу пользу, прибылъ и генералъ Сакенъ въ Вольфсдорфъ, гдѣ у меня былъ оставленъ одинъ изъ моихъ адъютантовъ, чтобы передать ему приказаніе слѣдовать со всею пѣхотою за мною. Французы снова подверглись нападенію нашей кавалеріи, были разбиты и разсѣяны.

Такимъ образомъ непріятельская бригада была совершенно уничтожена, но главныя силы корпуса Нея, понеся значительныя потери, успѣли прибыть въ Кветцъ, гдѣ они должны были (по предварительному плану) наткнуться на наши войска. Не стану уже говорить о причинѣ, помѣшавшей этому.

Его высочество великій князь, исполнившій съ величайшею точностію всѣ распоряженія, сдѣланныя въ отношеніи резерва, прибылъ по моему приглашенію, со всѣми войсками, при немъ еще находившимися, въ окрестности Глоттау, гдѣ его высочество лично присутствовалъ при послѣднихъ стычкахъ этого дня.

Князь Багратіонъ съ авангардомъ дошелъ до Кветца, который былъ все еще занятъ непріятельскимъ арріергардомъ. Онъ скоро вытѣснилъ французовъ изъ Кветца и преслѣдовалъ ихъ почти до самаго Анкендорфа. День уже склонялся къ вечеру; войска были утомлены, и я приказалъ имъ стать на позицію, правое крыло которой примыкало къ озеру Саванна, а лѣвое—простиралось до самаго Глоттау. Князь Горчаковъ остановился передъ Гутштадтомъ, а генералъ Платовъ въ позиціи удобной для наблюденія окрестностей Алленштейна.

Ночью не было возможности узнать въ точности, на что рѣшится маршалъ Ней и какое онъ намѣренъ предпринять движеніе. Можно было предполагать, что онъ переправится чрезъ Пассаргу съ остатками своего корпуса (что ему слѣдовало сдѣлать). Желая въ этомъ удостовѣриться, я подвинулъ ближе къ этой рѣкѣ нѣсколько передовыхъ отрядовъ и скоро узналъ, что маршалъ Ней съ своимъ корпусомъ занимаетъ еще выгодную позицію позади Анкендорфа. Я отправился немедленно впередъ, чтобы осмотрѣть позицію и удостовѣриться, не получилъ ли ночью маршалъ Ней подкрѣпленія изъ корпуса маршала Даву или отъ быстро приближавшихся изъ-подъ Данцига войскъ, о которыхъ были еще наканунѣ получены нѣкоторыя свѣдѣнія. Лишь только я убѣдился, что имѣю передъ собою единственно войска маршала Нея, я приказалъ князю Горчакову какъ можно скорѣе приблизиться и атаковать высоту, находившуюся на правомъ флангѣ французовъ, на которой маршалъ Ней поставилъ артиллерію. Багратіонъ же долженъ былъ атаковать деревню Анкендорфъ.

Пока наши войска направлялись на оба фланга непріятельской позиціи, его императорское высочество подошелъ съ резервомъ, развернулъ его впереди центра позиціи французовъ, чтобы защищать переходъ по болоту и поддерживать наши войска во всѣхъ пунктахъ, по мѣрѣ необходимости; великій князь исполнилъ это съ величайшимъ хладнокровіемъ, находясь подъ непрерывнымъ огнемъ непріятельской артиллеріи.

Опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ р. Пассарги, маршалъ Ней быстро сталъ покидать занимаемую имъ позицію.

Арріергардъ же его защищалъ нѣкоторое время деревню Анкендорфъ, а затѣмъ немного и деревню Хейлигенталь, но князь Багратіонъ такъ рѣшительно на него напалъ, что этотъ арріергардъ принужденъ былъ скоро покинуть деревню и направился къ лѣсу (прилегающему къ р. Пассаргѣ), который защищала густая толпа застрѣльщиковъ. Скоро подошла наша пѣхота и вытѣснила арріергардъ изъ этого лѣса.

Тѣмъ временемъ маршалъ Ней успѣлъ переправить свой корпусъ чрезъ рѣку по плавучему мосту изъ лодокъ. Подъ прикрытіемъ артиллерійскихъ батарей войска маршала Нея быстро совершили эту переправу, при чемъ потеряли очень немного плѣнныхъ.

Послѣ этого дѣла нашъ авангардъ остался на Пассаргѣ. Князь Горчаковъ со своимъ корпусомъ былъ направленъ въ тотъ же день въ окрестности Гутштадта. Генералъ Дохтуровъ получилъ приказаніе съ 7-ю и 8-ю дивизіями и отрядомъ первой дивизіи оставить Ломиттенъ и приблизиться къ главной арміи; онъ всталъ въ 5 верстахъ отъ нашего праваго фланга въ деревнѣ Варлакъ. Прочія дивизіи, а также кавалерія были поставлены въ позиціи впереди Хейлигенталя; резервъ же подъ начальствомъ его высочества—сталъ впереди Анкендорфа.

Можно легко себѣ сообразить, какое впечатлѣніе на всю армію произвелъ образъ дѣйствія генерала Сакена въ этомъ дѣлѣ и что ощущалъ каждый изъ насъ. Поэтому въ тотъ же вечеръ онъ уѣхалъ изъ арміи. Я ему далъ на проѣздъ билетъ и бумагу къ его императорскому величеству объ образѣ его дѣйствія. Государь императоръ приказалъ ему немедленно прибыть въ Петербургъ, гдѣ и былъ назначенъ надъ нимъ военный судъ.

Сообщилъ **П. Майковъ**.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Замѣтка о дуэли А. С. Пушкина.

Изданіе военно-суднаго дѣла о Пушкинѣ, сдѣланное П. М. фонъ-Кауфманомъ [1]), восполняетъ существенный пробѣлъ въ «документальной» Пушкинской литературѣ и само по себѣ не лишено значительнаго интереса. Оно не только проливаетъ свѣтъ на военно-судебную процедуру за полустолѣтіе до нашего времени, но отъ него вѣетъ, въ косвенномъ отраженіи, духомъ тѣхъ бытовыхъ и общественныхъ условій, взглядовъ и нравовъ, въ которыхъ разыгралась печальная драма жизни и творчества величайшаго нашего поэта. Это изданіе важно не столько новизною матеріала, сколько своей цѣнностью, тѣмъ, что въ немъ собраны воедино документы, извѣстные прежде или въ отрывочномъ видѣ, или въ цитатахъ, разбросанныхъ въ различныхъ сочиненіяхъ изслѣдователей-спеціалистовъ. Собственно «дѣло» состоитъ изъ трехъ производствъ: 1) канцеляріи Аудиторіатскаго департамента о преданіи военному суду поручика Кавалергардскаго ея величества полка барона Геккерена, 2) военно-судной коммиссіи, учрежденной при лейбъ-гвардіи конномъ полку и 3) переписка Аудиторіатскаго департамента. Государь, несомнѣнно, обладалъ по дѣлу Пушкина свидѣтельствами болѣе цѣнными, чѣмъ тѣ, которыя были въ распоряженіи судебныхъ коммиссій. Дантесъ, давая показаніе о происшедшей между имъ и Пушкинымъ въ ноябрѣ 1836 года ссорѣ, окончившейся примиреніемъ, когда поэтъ узналъ о намѣреніи Дантеса жениться на Е. Н. Гончаровой, и объ оскорбительномъ для его чести письмѣ на имя старика Геккерена (т. е. отъ 26-го января 1837 г.), говоритъ: «Все сіе можетъ подтвердиться письмами, находящимися у его императорскаго величества». Коммиссія

[1]) Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ. Подлинное военно-судное дѣло 1837 г. Издано въ пользу фонда пушкинскаго лицейскаго общества. Спб. 1900 г.

постановила: «представить по командѣ о всеподданнѣйшемъ испрошеніи у его императорскаго величества писемъ, на которыя подсудимый ссылается въ доказательство своего объясненія», и къ засѣданію 9-го февраля въ распоряженіи коммиссіи были два письма Пушкина, сообщенныя графомъ Нессельроде,—отъ 17-го ноября 1836 г. и отъ 26-го января 1837 г. Нѣкоторые изслѣдователи склонны видѣть въ черновыхъ клочкахъ, найденныхъ при разборкѣ бумагъ Пушкина, въ корзинѣ подъ столомъ, набросокъ, относящійся къ 21-му ноября, письма, отправленнаго только значительно позже (т. е. 26-го января, какъ указано выше) къ Геккерену. Но судя по этимъ клочкамъ, напечатаннымъ въ «Русской Старинѣ» за 1880 г. (№ 7), письмо это носило значительно иной характеръ, чѣмъ отправленное въ январѣ, и считать его прототипомъ послѣдняго нѣтъ сколько-нибудь серьезныхъ основаній. Письмо отъ 17-го ноября читается такъ:

«Безъ колебаній пишу то, что могу заявить на словахъ. Я вызвалъ г. Жоржъ Геккерена на дуэль, и онъ принялъ вызовъ безъ объясненій. Я же и прошу гг. свидѣтелей этого дѣла не отказать смотрѣть на этотъ вызовъ, какъ на несуществующій, послѣ того, какъ я узналъ, по всеобщей молвѣ, что г. Жоржъ Геккеренъ рѣшился объявить о своемъ намѣреніи вступить въ бракъ съ г-жею Гончаровою послѣ дуэли. У меня нѣтъ никакого повода приписать это рѣшеніе соображеніямъ, недостойнымъ порядочнаго человѣка. Прошу васъ, графъ, сдѣлать изъ этого письма употребленіе, какое найдете нужнымъ. Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи. Пушкинъ» [1]).

Это письмо важно въ томъ отношеніи, что оно подтверждаетъ правдивость извѣстнаго разсказа графа Соллогуба о первой ссорѣ Пушкина съ Дантесомъ, кончившейся примиреніемъ, а съ другой стороны, какъ справедливо замѣтилъ Б. В. Никольскій («Историч. Вѣстникъ» 1898 г., ноябрь), оно раскрываетъ неточность и лживость даннаго Дантесомъ на судѣ показанія, будто бы иниціатива отказа отъ дуэли принадлежала Пушкину, а не Дантесу, который на самомъ дѣлѣ самъ, чрезъ посредство Геккерена, сдѣлалъ первый шагъ къ тому, чтобы избѣжать поединка. Съ точностью не выяснено коммиссіей, исчерпывается ли то, на что ссылался Дантесъ, двумя вышеупомянутыми письмами, или онъ подразумѣвалъ нѣчто большее. Возможно и то, что, ссылаясь на нихъ, Дантесъ никакъ не предполагалъ, что документы, бывшіе въ рукахъ императора, будутъ переданы въ распоряженіе суда и, такимъ образомъ, изобличатъ лживость его показанія. Судъ, впрочемъ, не остановился на этомъ, какъ и вообще на нравственной сторонѣ всего дѣла, заботясь лишь о томъ, чтобы обставить его возможно полнѣе и точнѣе

[1]) Оригиналъ написанъ по-французски.

съ формальной стороны. Можетъ имѣть мѣсто и догадка о томъ, кѣмъ были доставлены письма государю: не старикомъ ли Геккереномъ, который, естественно, могъ желать предупредить рѣшеніе суда и, съ помощью ихъ, представить дѣло императору въ желаемомъ свѣтѣ?

Интересны показанія Данзаса и князя Вяземскаго; оба были близки къ Пушкину, хотя и не въ одинаковой степени, оба знали поэта, «за человѣка правдиваго», какъ говоритъ Данзасъ, въ безусловной правотѣ котораго у нихъ не являлось ни тѣни сомнѣнія. Ихъ показанія даютъ впрочемъ болѣе матеріала для характеристики ихъ собственной личности, особенно Данзаса, этого отличнаго товарища, боеваго офицера, получившаго золотую саблю «за храбрость», не побоявшагося принять на себя завѣдомо отвѣтственную роль посредника въ дѣлѣ чести.

Отмѣчая полную полезность настоящаго изданія, не можемъ не выразить сожалѣнія, что редакція его не взяла на себя труда освѣтить, хотя бы въ общихъ чертахъ, послѣдовательное развитіе Пушкинскаго «дѣла» данными, извѣстными изъ другихъ источниковъ и существенно восполняющими, по своему внутреннему, культурно-историческому характеру, тѣ «документальные» факты, которые, повидимому, съ детальной точностью воспроизведены въ интересующей насъ книгѣ. Отсутствіе такого рода руководящаго очерка едва-ли сдѣлаетъ «подлинное военно-судное дѣло 1837 г.» достояніемъ многочисленной публики, для которой оно могло бы предназначаться, если судить по благотворительной цѣли изданія. Но историки литературы и любители оцѣнятъ, несомнѣнно, его внутреннее достоинство не менѣе, чѣмъ и безусловное изящество и чисто-художественный интересъ приложенныхъ къ книгѣ нѣсколькихъ автографическихъ снимковъ.

Евг. Ляцкій.

*

Рескриптъ императора Александра I—барону Кампенгаузену.

14-го мая 1817 г. Царское Село.

Баронъ Балтазаръ Балтазаровичъ! Сколь ни желательно для пользы службы, чтобы вступили вы въ отправленіе должностей довѣренности моею на васъ возложенныхъ, но болѣзненное состояніе, въ коемъ вы находитесь, убѣждаетъ меня сверхъ воли согласиться на просимый вами новый отпускъ. Удовлетворивъ желанію вашему и въ доказательство особеннаго вниманія моего оставивъ при васъ все содержаніе, я желаю, чтобы въ отпускѣ семъ обрѣли вы какъ наискорѣе совершенное здоровье и вступивъ въ должность принесли новыя государству услуги.

Пребываю вамъ благосклонный.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровин

нимъ часто; здѣсь, мнѣ кажется, безпрестанно высказывается самъ онъ, и я съ душевнымъ томленіемъ слѣжу за его поэтической исповѣдью"... „Клеветники великаго поэта пусть прочтутъ его „Молитву" и пусть тогда попробуютъ говорить, что Пушкинъ былъ бездушенъ и не признавалъ Бога. Вспомните, что было въ первые годы молодости, когда поэтъ, по обычаю того времени, былъ пропитанъ философіею и нигилизмомъ XVIII вѣка. За это и нельзя его судить. Всѣ мы, на его мѣстѣ, были бы такіе же. Его, несчастнаго, съ пеленокъ вели полнымъ путемъ къ погибели. Кто удерживалъ его? Кто, кромѣ няни, указывалъ ему настоящую дорогу?"

По поводу чрезмѣрной строгости нашей цензуры 40-хъ и начала 50-хъ годовъ мы читаемъ въ запискахъ, между прочимъ, слѣдующее: „Много смѣшныхъ анекдотовъ ходятъ по городу, напр. будто бы въ одной повѣсти какая-то турчанка говоритъ: клянусь Пророкомъ. Цензоръ приписалъ: „Лже"—и вышло: „клянусь Лжепророкомъ". Еще кто-то привелъ слова Сенеки. Цензоръ, вѣрно сильный знаніемъ исторіи и классиковъ, сдѣлалъ выноски, написавъ: „по высочайшему повелѣнію запрещено не только приводить цитаты французскихъ коммунистовъ, но даже и упоминать имена ихъ". И это цензура? Ужасно. Еще: въ газетахъ измѣщали о пропажѣ собаки, кличка которой „Тиранъ". „Тирана" вычеркнули и написали: „Фиделька".

О смерти императора Николая Павловича въ запискахъ В. П. Быковой подъ 20-мъ февраля 1855 года, между прочимъ, говорится: „Еще за три дня до смерти видѣлъ это на улицахъ народъ. Въ воскресенье онъ прощался съ солдатами, отправляющимися въ походъ; застудилъ гриппъ и все-таки поѣхалъ во вторникъ въ манежъ. Когда говорилъ ему Карель [1]), что солдату въ его положеніи велѣли бы лечь въ постель, онъ отвѣчалъ: „а мнѣ, императору русскому, нельзя, мнѣ нужно ѣхать". И поѣхалъ онъ. Домой вернулся съ Александромъ Николаевичемъ въ саняхъ, слегъ и больше не вставалъ. Въ Петербургѣ никто и не зналъ объ опасномъ его положеніи, а потому всѣ были крайне поражены, когда вдругъ, въ пятницу, 18-го числа, разнеслась молва: „Государь опасно боленъ. Наслѣдникъ велѣлъ молиться по всѣмъ церквамъ". Черезъ два часа послѣ того услышана была горестная вѣсть: Государь скончался.

Во второй части записокъ старой смолянки, относящихся ко времени дѣятельности В. П. Быковой въ Иркутскомъ женскомъ институтѣ, такъ же, какъ и въ первой,—мы находимъ не мало интереснаго. Напримѣръ о 14-мъ декабря 1825 г. она, между прочимъ, говоритъ: 14-е декабря произвело на меня сильное впечатлѣніе... Въ этотъ страшный день мы долго ждали отца къ обѣду. Уже смеркалось, а его все не было. Мачиха стала безпокоиться, послала человѣка къ графу (Комаровскому), и только вечеромъ пріѣхалъ самъ отецъ съ словами: „бунтъ"... Онъ самъ, въ качествѣ адъютанта графа Комаровскаго, находился на Сенатской площади во время стрѣльбы; самъ видѣлъ, какъ Каховскій ранилъ Милорадовича, какъ митрополитъ (Серафимъ) два раза ѣздилъ уговаривать бунтовщиковъ. Разсказывалъ со слезами умиленія, какъ государь, остановившись предъ войскомъ, сказалъ: „Стрѣляйте въ меня!"... Насъ рано уложили въ постель, но подъ давленіемъ чего-то ужаснаго, отзывавшагося на родителяхъ, мы долго не спали, прислушиваясь ко всякому шороху. Мы слышали, какъ папа разсказывалъ, что солдаты Московскаго полка останавливаютъ проѣзжающихъ и проходящихъ вопросомъ: „за Константина или за Николая?" и кто за Николая—того убиваютъ(?). Помню толкованіе носившаго намъ воду мужичка: „бунтуютъ баре за жену царя Константина—Конституцію".

По поводу Нечаевскаго дѣла, подъ 11-мъ августа 1871 г., записано, между прочимъ, слѣдующее: ...Газеты наполнены прокламаціями Бакунина, его агента Нечаева, цѣлымъ катехизисомъ революціонеровъ и изложеніемъ суда надъ виновными. Холодъ ужаса охватываетъ при чтеніи ихъ адской программы. Для того, чтобы свободнѣе дѣйствовать, они отрекаются отъ всякихъ святыхъ чувствъ, отъ благороднаго образа мыслей, отъ всего, поднимающаго человѣка на извѣстный нравственный уровень. Все знаніе естественныхъ наукъ они сводятъ къ единственной цѣли разрушенія... Страшно становится за человѣчество!..

О франко-германской войнѣ 1870 г. Варвара Петровна отзывается въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Ну, нѣмцы! Ну, Бисмаркъ!—Пять милліардовъ французской контрибуціи и отнятіе Лотарингіи и Эльзаса!.. Просто язычники-римляне, да и только! А туда же призываютъ имя Бога милосердаго и Христа Спасителя, отдававшаго Себя за враговъ и за спасеніе рода человѣческаго... Сколько крови пролито, а сколько сожжено, истреблено, ограблено! Сколько сиротъ, вдовъ и калѣкъ!—Это настоящій походъ „Аттилы XIX вѣка".

По приведеннымъ нами выдержкамъ можно судить, насколько интересны записки В. П. Быковой, подъ указаннымъ выше заглавіемъ. Какъ полезное и назидательное чтеніе,—онѣ, безспорно, заслуживаютъ самаго широкаго распространенія.

Н. Н-ш-ъ.

---

[1]) Лейбъ-медикъ государя, молодой ассистентъ Мандта, главнаго доктора при его величествѣ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1900 г.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.– въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ три книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☛ Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „**Русская Старина**", Фонтанка, д. № 145. кв. № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и повѣствованія о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя негодными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ Можно получать въ конторѣ редакціи **Русскую Старину** на слѣдующіе годы: 1876—1880, по 8 рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1899 по 9 рублей.

Въ конторѣ редакціи имѣется въ продажѣ книга:

„**М. И. СЕМЕВСКІЙ**", основатель историческаго журнала „**Русская Старина**". Его жизнь и дѣятельность. 1837–1892 г. Съ прил. 17-ти портрет. М. И. Семевскаго и факс. его письма. Цѣна 3 рубля. Для подписчиковъ „**Русской Старины**" 2 рубля.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXI-й. ФЕВРАЛЬ. 1900 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Императоръ Николай I и Польша въ 1825—1831 гг. Н. К. Шильдера . . . 277—306
II. Вновь найденный черновой набросокъ стихотворенія Пушкина «Альфонсъ». Сообщ. Ив. Кубасовъ. 309—315
III. Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа. . . . . 317—354
IV. Къ біографіи графа Л. Н. Толстаго. (Просьба объ увольненіи въ отставку и экзаменный листъ). Сообщилъ М. А. Яжулъ. 355—357
V. Въ Болгаріи. (Воспом. офицера генеральнаго штаба). П. Д. Паренсова. . . 359—381
VI. Пушкинъ и Гоголь. В. П. Шенрока. . . . . 383—392
VII. Иванъ Никитичъ Скобелевъ. Ив. Кубасова. 393—413
VIII. Николай Полевой и его отношенія къ цензурѣ. Н. К. Козмина. . . . . 415—432
IX. Листки изъ дневника Маріи Карловны Мердеръ. Сообщ. Алексѣй Мердеръ. . . . . 433—443
X. Бурбоны въ изгнаніи въ Митавѣ и въ Варшавѣ. Перев. В. В. Тимощукъ. 445—475
XI. Петербургъ въ 1831—1832 гг. (По письмамъ провинціала). Сообщ. В. И. Срезневскій . . . . 477—490
XII. Изъ семинарскихъ нравовъ 70-хъ годовъ. Н. И. Соловьева. . . . . 491—500
XIII. Записки графа Л. Л. Беннигсена о войнѣ съ Наполеономъ 1807 года. Сообщ. Н. М. Майковъ. 501—516
XIV. Записная книжка „Русской Старины“: Афиша въ помѣщичьемъ домѣ. Сообщ. князь А. Л. Голицынъ (стр. 307—308). — Письмо Н. И. Дмитріева Н. П. Свиньину. 13 сент. 1833 г. (316). — Порученіе имп. Павла охранять войска отъ вредныхъ сочиненій и пропаганды — Рескриптъ имп. Павла I — ген. Розенбергу. 4 янв. 1799 г. (358). — Два указа имп. Александра I-го ген.-отъ-инфантеріи А. Г. Розенбергу. 7 апр. 1801 г. и 21 авг. 1802 г. Сообщилъ Н. А. Шлиппинъ. (382). — О дозволеніи иностранцамъ присутствовать на Бородинскихъ маневрахъ только съ разрѣшенія графа Бенкендорфа. 6 авг. 1839 г. (414). — Указъ имп. Павла I бар. Васильеву. 6 іюля 1798 г. — Письмо графа фонъ-деръ-Палена ген. бар. Ферзену. 30 дек. 1800 г. (444). — Предложеніе воздвигнуть памятникъ имп. Александру I. 4 декабря 1825 г. (476).
XV. Библіографическ. листокъ (на обертке).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ: Людовикъ XVIII-й Бурбонъ. Грав. И. Хелминскій.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1900 г.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, 29.
1900.

II-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го февраля 1900 г.

Библіографическій листокъ.

Два года изъ жизни А. С. Пушкина (1824—1826). Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ. Рѣчь въ торжественномъ собраніи Императорскаго Юрьевскаго университета 26-го мая 1899 г. орд. проф. Е. В. Пѣтухова. Юрьевъ. 1899 г.

Въ ряду изданій, посвященныхъ Пушкинскимъ торжествамъ, по справедливости, должна быть отмѣчена и рѣчь г. Пѣтухова, подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ,—въ которой онъ касается 1824—26 годовъ,—времени пребыванія Александра Сергѣевича въ Михайловскомъ. Пушкинъ явился въ Михайловское 9-го августа 1824 года. Уже болѣе четырехъ лѣтъ, со времени первой ссылки изъ Петербурга на югъ весной 1820 г., онъ находился въ опалѣ, являясь въ глазахъ правительства человѣкомъ подозрительнымъ. Много пережилъ поэтъ за это время полукоченой жизни на Кавказѣ и въ Крыму, въ Кишиневѣ и Одессѣ; много потратилъ душевныхъ силъ,—говоритъ Е. В. Пѣтуховъ,—на случайныя впечатлѣнія и встрѣчи, вдали отъ широкаго круга друзей, отъ столичнаго общества, отъ литературныхъ центровъ; но талантъ его зрѣлъ, кипучія молодыя силы бродили и нуждались въ новой обстановкѣ, которая дала бы возможность поэту сосредоточиться въ себѣ и выступить въ той великой роли, на какую онъ имѣлъ право по размѣрамъ своего геніальнаго дарованія. Такимъ именно мѣстомъ явилось для Пушкина Михайловское.

Въ отношеніи поэтическаго творчества поэта эти два года были весьма счастливы и принесли обильные плоды. Тутъ, въ тиши уединенія, въ глубокомъ сосредоточеніи, на свободѣ зрѣли творческіе замыслы поэта и облекались въ рядъ поэтическихъ созданій, въ которыхъ впервые обнаружилась настоящая зрѣлость геніальнаго дарованія Пушкина. На первомъ мѣстѣ среди произведеній этой эпохи, безспорно, стоитъ «Борисъ Годуновъ»; другимъ обширнымъ поэтическимъ трудомъ былъ «Евгеній Онѣгинъ» [1]).

Въ рѣчи проф. Пѣтухова подробно указаны всѣ произведенія, написанныя поэтомъ во время пребыванія его въ Михайловскомъ.

Изложивъ въ общихъ чертахъ факты и обстоятельства личной жизни и поэтической дѣятельности А. С. Пушкина за эти два года, авторъ въ заключеніе говоритъ: «Если мы примемъ во вниманіе, какая участь почти навѣрное ожидала бы мыслящаго поэта при заговорѣ 14-го декабря 1825 г., будь онъ въ какомъ-нибудь людномъ центрѣ въ это тревожное время, то мы можемъ благословить судьбу, сохранившую намъ тѣмъ самымъ Пушкина отъ вѣроятной и преждевременной гибели».

Н. К-ш-ъ.

Дѣйствія Нижегородской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи. Сборникъ статей, сообщеній, описей и документовъ. Т. III. Нижній Новгородъ.

Разсматриваемый нами томъ Сборника состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: въ 1-й вошли статьи и рефераты (числомъ 7) членовъ архивной коммиссіи; во 2-й—описи архивныхъ дѣлъ, и въ 3-й копіи отдѣльныхъ документовъ.

Изъ перваго отдѣла наибольшаго вниманія заслуживаетъ статья А. Ѳ. Можаровскаго: «Къ исторіи переписей въ Руси; перепись состава Нижегородской духовной семинаріи въ 1766 г.» Перепись эта учинена была по именному ея императорскаго величества указу, отъ 17-го февраля 1766 г.,—«къ желаемому Ея Императорскимъ Величествомъ о пользахъ и выгодахъ духовенства распоряженію съ настоящимъ основаніемъ». Она имѣетъ значеніе и въ настоящее время какъ матеріалъ для исторіи Нижегородской епархіи вообще, тѣмъ болѣе, что въ этой переписи подробно указываются городъ, пятина, станъ, село, названіе церкви, санъ и должность отца каждаго воспитанника, гдѣ и кѣмъ кто служитъ. Для ознакомленія съ переписью приводимъ запись подъ № 79: Въ Школѣ Грамматикѣ. *Павловской Пятницы*: Села Павлова соборной церкви іерея Ильи Васильева сынъ Димитрій Богомоловъ псалмы хорошо, прочее туповато читаетъ, и пишетъ нехудо, 11-ти лѣтъ.—Свидѣтельство Его Преосвященства: «читаетъ туго, пишетъ нехудо».

Въ статьѣ В. К. Магницкаго сообщаются интересныя данныя о чувашахъ, татарахъ и мишаряхъ (мещера, мещеряки, «можары»). Относительно чувашъ авторъ приходитъ къ заключенію, что ихъ въ историческихъ актахъ слѣдуетъ искать подъ именемъ, главнымъ образомъ, татаръ и, частію черемисъ, такъ какъ въ рукописныхъ земельныхъ грамотахъ, хранящихся среди чувашъ, предки владѣльцевъ

[1]) Начатъ, какъ извѣстно изъ собственныхъ указаній Пушкина,—въ 1822 и оконченъ въ 1831 году.

ЛЮДОВИКЪ XVIII БУРБОНЪ.

Императоръ Николай I и Польша.

1825 — 1831 гг. [1]).

I.

Когда разыгрался мятежъ 14-го декабря, и былъ открытъ повсемѣстный заговоръ въ Россіи, цесаревичъ Константинъ Павловичъ утѣшалъ себя сначала надеждою, что поляки къ этому дѣлу непричастны и останутся въ сторонѣ. Намеки въ подобномъ смыслѣ встрѣчаются въ письмѣ его къ императору Николаю отъ 25-го декабря 1825 года, и цесаревичъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ: «Благодареніе Богу, до настоящаго времени среди этихъ гнусныхъ открытій не скомпрометировано имя кого бы то ни было изъ тѣхъ, которыхъ мой покойный благодѣтель соблаговолилъ ввѣрить моему начальствованію. Здѣсь все спокойно и удивлено и возмущено петербургскими ужасами» [2]).

Вскорѣ, однако, цесаревичу пришлось разочароваться въ своихъ надеждахъ, возлагавшихся на поляковъ. Ближайшее разслѣдованіе заговора въ Петербургѣ открыло слѣдъ сношеній и переговоровъ между членами русскихъ тайныхъ обществъ и представителями подобныхъ же обществъ, существовавшихъ въ Польшѣ.

Пестель и Бестужевъ-Рюминъ не замедлили выдать своихъ польскихъ собратій головою, представивъ даже, можетъ быть, установив-

[1]) Изъ приготовляемаго къ печати сочиненія: „Императоръ Николай I.— Его жизнь и царствованіе", въ четырехъ томахъ, которая въ непродолжительномъ времени будетъ издана А. С. Суворинымъ.

[2]) „Grâce à Dieu dans ces détestables découvertes il n'y a pas eu un seul nom de ceux que feu mon bienfaiteur a daigné soumettre à mon commandement, qui soit compromis. Ici tout est tranquille et dans l'étonnement et dans l'indignation des horreurs de Pétersbourg".

шіяся между ними сношенія въ преувеличенномъ видѣ [1]). Цесаревичъ пытался, насколько могъ, выгородить виновныхъ поляковъ въ глазахъ императора и писалъ, 7-го (19-го) января 1826 года, государю:

«У насъ до настоящаго времени все, слава Богу, совершенно спокойно, и, полагаясь на Его милость, надѣюсь, что такъ оно и продолжится. Благоволите разрѣшить мнѣ, дорогой братъ, представить вамъ одно замѣчаніе по поводу всѣхъ сдѣланныхъ вамъ показаній: мнѣ кажется, что эти несчастные русскіе, оказавшись по своему поведенію недостойными этого имени и видя, что до настоящаго времени среди скомпрометированныхъ нѣтъ ни одного поляка, за отсутствіемъ доказательствъ, пытаются набросить на нихъ подозрѣнія поляковъ; мой долгъ велитъ мнѣ обратить на это ваше вниманіе въ виду того, чтобы тѣ, которые пользовались покровительствомъ покойнаго императора, не сдѣлались жертвами интриги, подозрѣній и сомнѣній. Замѣтьте при этомъ, что всѣ сдѣланныя показанія заставляютъ подразумѣвать, что я задержанъ здѣсь, что я долженъ бы пріѣхать въ Петербургъ и т. д., и многое другое въ томъ же родѣ. Повторяю вамъ, дорогой братъ, отъ глубины привя-

---

[1]) На основаніи показаній Пестеля, условія соглашенія съ членами польскихъ тайныхъ обществъ заключались будто бы въ слѣдующемъ:

1) Независимость Польши съ уступкою провинцій, отъ нея къ Россіи присоединенныхъ.

2) Взаимное содѣйствіе на случай внѣшней войны.

3) Одинаковый образъ правленія.

4) Полякамъ поступить съ цесаревичемъ такъ, какъ русскіе поступятъ съ великими князьями.

5) Поляки должны увѣдомлять о всѣхъ сношеніяхъ съ иностранными обществами и никакихъ съ ними условій, безъ предварительнаго согласія южнаго общества, не заключать.

Князь Сергѣй Волконскій, принимавшій участіе въ этихъ переговорахъ, показалъ, что, сколько помнитъ, содержаніе условій было слѣдующее:

1) Революція должна быть произведена общими силами.

2) Поляки обязывались заточить всѣхъ тѣхъ членовъ императорской фамиліи, которые будутъ находиться въ Польшѣ.

3) Они не должны начинать никакихъ дѣйствій безъ сношенія съ русскими обществами.

4) Они обязаны увѣдомлять о всѣхъ сношеніяхъ своихъ съ иностранными обществами.

5) Русскія общества обѣщали Польшѣ независимость и уступку завоеванныхъ областей, сколько будетъ справедливо и возможно.

Карта Россіи, приложенная къ Русской Правдѣ Пестеля, разрисованная имъ красками, съ точнымъ обозначеніемъ будущей границы съ Польшею, не оставляетъ никакого сомнѣнія насчетъ того, какимъ образомъ авторъ этого сочиненія намѣренъ былъ распорядиться достояніемъ Россіи.

Варшавскій слѣдственный комитетъ пришелъ къ заключенію, что окончательнаго договора или соглашенія между представителями русскихъ и польскихъ тайныхъ обществъ не было заключено.

занности, питаемой мною къ вамъ, что мое присутствіе здѣсь болѣе импонируетъ имъ, какъ русскимъ, такъ и полякамъ. Обдумайте это и вы поймете справедливость того, что я говорю» [1]).

Черезъ день, 9-го (21-го) января, цесаревичъ, въ дополненіе къ сказанному имъ въ предшествовавшемъ письмѣ, просилъ императора Николая прислать въ Варшаву довѣренное лицо, которое могло бы засвидѣтельствовать, что въ Польшѣ все спокойно, и дѣла идутъ какъ въ царствованіе покойнаго императора; въ показаніяхъ арестованныхъ цесаревичъ продолжалъ видѣть «одну грубую интригу, сшитую бѣлыми нитками, которую не трудно разобрать съ перваго раза» [2]). Армія, завѣрялъ цесаревичъ, одушевлена наилучшимъ духомъ.

Впрочемъ, защищая поляковъ отъ привлеченія къ отвѣтственности за принадлежность къ тайнымъ обществамъ, цесаревичъ заступался также за одного русскаго, подполковника л.-гв. Гродненскаго полка Лунина. О немъ Константинъ Павловичъ писалъ Ф. П. Опочинину, для доклада государю:

«Статься можетъ, что онъ, находясь въ неудовольствіи противу правительства, могъ что-либо насчетъ онаго говорить, какъ сіе случается не съ однимъ имъ,—даже его императорское величество изволитъ припомнить, что и мы иногда между собою, сгоряча, не обдумавшись, бывали, въ подобныхъ случаяхъ, невсегда умѣренными—но это еще не означаетъ какого-либо вреднаго направленія. Винить его въ томъ, что онъ зналъ о тайномъ обществѣ и не донесъ тогда правительству, хотя можно, но надобно принять въ соображеніе и то, что въ оное, какъ

---

[1]) „Chez nous jusqu'à ce jour tout est parfaitement tranquille, grâce à Dieu, et j'espère de sa bonté que cela continuera à l'être. Veuillez me permettre de vous faire une observation, cher frère, au sujet de toutes les dépositions qui vous ont été faites, qu'il me semble que ces malheureux russes, s'étant conduits comme indignes de ce nom et ne voyant jusqu'à ce jour aucun polonais de compromis, cherchent à faire, par faute de preuves, des soupçons sur eux; c'est de mon devoir de vous le faire observer, afin que ceux, sur qui la protection de feu l'Empereur reposait, ne deviennent pas la victime de l'intrigue, du soupçon et du doute; remarquez de plus que toutes les dépositions faites font sous-entendre que je suis retenu ici, que je dois arriver à Pétersbourg etc. etc. et toutes sortes de choses semblables. Je vous le répète, cher frère, du fond de l'attachement que je vous porte, que ma présence ici leur en impose plus, tant russes que polonais. Réfléchissez-y et vous verrez la rectitude de ce que j'avance". (Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 7-го (19-го) января 1826 года).

[2]) „Envoyez, sous quelque prétexte, ou en courier ici quelqu'un, ou bien quelques-uns de marquant, qui en revenant prouveront que personne ne bouge et que tout est ici comme du règne de feu l'Empereur; c'est une intrigue trop grossière et cousue de fil blanc, pour ne pas s'en apercevoir du premier abord". (Изъ письма цесаревича отъ 9-го января 1826 года).

теперь открылось, столько входило двоюродныхъ и троюродныхъ братьевъ и другихъ родственниковъ его» [1]).

Подобную точку зрѣнія трудно было удержать надолго, въ виду дальнѣйшихъ разоблаченій, добытыхъ въ Петербургѣ, въ особенности, послѣ допроса арестованнаго князя Яблоновскаго.

28-го января (9-го февраля) 1826 года императоръ Николай заговорилъ уже въ письмѣ къ брату о «mesures de rigueur» и прислалъ ему необходимыя полномочія, чтобы онъ могъ дѣйствовать вполнѣ по своему усмотрѣнію, не выходя изъ обычной колеи (sans sortir du train ordinaire). «Конечно»,—прибавилъ государь,—нужно дѣйствовать съ величайшею мягкостью, чтобы не дать пищи недовольнымъ, но мнѣ кажется, что еще болѣе запаздывать карою было бы преступною слабостью съ нашей стороны; впрочемъ, скажу еще разъ: полная свобода вамъ дѣйствовать такъ, какъ вы найдете необходимымъ» [2]).

Цесаревичъ призналъ невозможнымъ продолжать бездѣйствіе въ прежнемъ смыслѣ, и 7-го (19-го) февраля учрежденъ былъ въ Варшавѣ Слѣдственный Комитетъ для открытія тайныхъ обществъ, существовавшихъ какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ областяхъ, присоединенныхъ отъ прежней Польши къ имперіи. Комитетъ состоялъ изъ десяти членовъ, пяти русскихъ и пяти поляковъ, а именно: предсѣдателя сената графа Станислава Замойскаго, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Новосильцова, сенаторовъ и воеводъ графа Станислава Грабовскаго и Франциска Грабовскаго, исправлявшаго должность военнаго министра, генерала Гауке, генералъ-лейтенанта Куруты, дивизіоннаго генерала Раутенштрауха, барона Моренгейма, генералъ-маіора Кривцова и капитанъ-командора Колзакова [3]).

---

[1]) Письмо цесаревича Константина Павловича къ Ф. П. Опочинину отъ 26-го января (7-го февраля) 1826 года. Вскорѣ однако цесаревичу пришлось отправить Лунина въ Петербургъ.

[2]) „Voici l'espèce d'interrogatoire fait à Antoine Jablonovsky; vous y verrez, si la chose n'est pas de nature, surtout vue d'ici, à exiger des mesures de rigueur; or voici ce que j'ai fait: d'abord voici un office par lequel, sans sortir du train ordinaire, je vous munis des pleins-pouvoirs nécessaires, m'en remettant entièrement à vos décisions là-dessus; mais je crois la chose trop précise et ne doute pas qu'elle ne le devienne encore plus par les notions locales que vous pourrez avoir et saurez tenir de Jablonovsky. Il faut sûrement user de la plus grande douceur, pour ne pas donner prise aux mécontents, mais je crois que tarder encore de sévir serait une faiblesse criminelle de notre part; au reste, encore une fois liberté parfaite à vous d'agir selon ce que vous trouverez nécessaire". (Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 28-го января (9-го февраля) 1826 года).

[3]) Въ нижеприводимомъ письмѣ цесаревича къ Ф. Н. Опочинину отъ $^{7}/_{19}$ февраля 1826 года въ числѣ членовъ слѣдственнаго комитета упомянутъ министръ юстиціи Соболевскій, а генералъ Раутенштраухъ названъ секрета-

Въ дополненіе къ оффиціальнымъ донесеніямъ цесаревичъ писалъ императору Николаю 9-го (21-го) февраля:

«Я дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ такъ, какъ поступилъ бы при жизни покойнаго императора и согласно приказаніямъ, которыя онъ давалъ мнѣ, то-есть во всякихъ важныхъ случаяхъ заставлять поляковъ дѣйствовать самихъ; слѣдственный комитетъ составленъ изъ всѣхъ наиболѣе выдающихся и именитыхъ людей страны; это довѣріе заставитъ замолчать крикуновъ, прекратитъ слухи и тому подобныя вещи, порождающія безпокойство въ умахъ, и всѣ убѣдятся въ чемъ дѣло. Никто не былъ арестованъ иначе, какъ на основаніи требованій самого комитета, и, слѣдовательно, я остаюсь совершенно въ сторонѣ и не могу быть обвиненъ въ лицепріятіи и пропзволѣ, я становлюсь исполнителемъ, а не источникомъ приказаній. Все это крайне необходимо, чтобы придать еще болѣе важности всему, что дѣлается. Я почти увѣренъ, что эти господа окажутся болѣе суровыми и строгими, чѣмъ мы были бы сами» [1]).

Между тѣмъ удалось захватить бумаги генерала Княжевича; въ нихъ найдены были копіи писемъ, которыми обмѣнялись императоръ Александръ и Костюшко, послѣ занятія Парижа въ 1814 году [2]). Цесаревичъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы въ мысляхъ, высказанныхъ тогда государемъ польскому патріоту, найти новые аргументы для оправданія цѣлей, которыми задались члены польскихъ тайныхъ обществъ. 15-го (27-го) февраля 1826 года Константинъ Павловичъ писалъ императору Николаю:

«Бумаги, найденныя у генерала Княжевича, являются подтвержде-

---

ремъ. Между тѣмъ на донесеніи слѣдственнаго комитета цесаревичу отъ 23-го декабря 1826 (3-го января 1827 г.) года подписи Соболевскаго, среди подписей прочихъ членовъ комитета, не имѣется, а подпись генерала Раутенштрауха значится на ряду съ подписями членовъ.

[1]) „J'ai agi dans cette occasion comme je l'eus fait du temps de feu l'Empereur et d'après les ordres qu'il m'avait donnés, c'est à dire de faire agir les Polonais, eux-mêmes, dans tout cas grave; la commission d'enquête est composée de tous les personnages les plus marquants et les plus notables du pays, cette confiance fera taire les clabaudeurs, les on-dit et autres choses semblables, qui donnent de l'inquiétude aux esprits, et tout le monde se persuadera de ce qui en est. Personne n'a été arrêtée que d'après la réquisition du comité lui-même, par conséquent je suis absolument de côté et ne peux pas être taxé de partialité et d'arbitraire; je deviens l'exécuteur et non l'ordonnateur des ordres. Ceci est très nécessaire pour tout, afin de prouver de plus la gravité des faits et donner un aplomb à tout ce qui se fait; je suis presque certain que ces messieurs seront encore plus rigides et plus sévères que nous l'eussions été nous mêmes". (Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 9-го (21-го) февраля 1826 года).

[2]) Н. Шильдеръ: Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе. Часть 3-я.

ніемъ того, что я постоянно говорилъ вамъ, дорогой братъ, по поводу обѣщаній, на которыхъ поляки основывали свои надежды; это копіи переписки генерала Костюшки, и кто можетъ поручиться, что не существуетъ другихъ, распространенныхъ среди поляковъ? Прочтите конецъ письма покойнаго императора [1]) и вы найдете въ немъ разгадку всего «національнаго общества (société nationale)». Что же вы хотите, чтобы имъ говорили въ опроверженіе ихъ поступковъ и ихъ намѣреній послѣ столь положительныхъ обѣщаній, на которыхъ они основывали свои надежды; посудите сами безпристрастнымъ образомъ о положеніи вещей. Я увѣренъ, что, быть можетъ, къ концу царствованія императора было многое, отъ чего бы онъ отказался, но было слишкомъ поздно, и обѣщаніе, разъ ужъ оно было дано при наличіи всевозможныхъ неоспоримыхъ документовъ, не могло быть взято обратно. Сверхъ того, вся совокупность обстоятельствъ положительно доказала бы цѣль покойнаго императора, направленную къ обезпеченію успѣха задачи, которую онъ поставилъ себѣ; и не далѣе какъ во время своего послѣдняго пребыванія онъ дважды положительно высказывалъ это намъ, моей женѣ и мнѣ; та же рѣчь была повторена имъ множеству лицъ, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ.

«Нашъ слѣдственный комитетъ работаетъ своимъ порядкомъ и, я скажу болѣе, работаетъ хорошо, съ усердіемъ и настойчивостью. Поляки вообще возмущены и огорчены самымъ чувствительнымъ образомъ тѣмъ, что между ихъ соотечественниками могли встрѣтиться такія лица, которыя вступили въ прямыя сношенія съ вашими революціонерами. Комитетъ прилагаетъ всѣ усилія, чтобы открыть ихъ всѣхъ, и общественное мнѣніе высказывается въ крайне здравомъ смыслѣ, говоря, что если русскій долженъ быть наказанъ одинъ разъ, то полякъ долженъ быть наказанъ въ десять разъ болѣе, само-собою разумѣется, въ томъ случаѣ, если они состояли въ связи съ революціонерами, чтобы все поставить верхъ дномъ, или даже еслибъ они руководствовались личными побужденіями, чтобы дѣйствовать такимъ образомъ повсюду; большаго нельзя требовать отъ нихъ послѣ обѣщаній, которыя были даны имъ столь положительнымъ образомъ. Уныніе—всеобщее, и всѣ съ огорченіемъ видятъ, что событія по справедливости принудили дѣйствовать со строгостью въ отношеніи части ихъ соотечественниковъ, между тѣмъ какъ

[1]) Письмо императора Александра къ Костюшкѣ отъ 3-го (15-го) мая 1814 года: „Un peu de temps encore, avec une marche sage, et les Polonais recouvreront leur patrie, leur nom et j'aurai la jouissance de les convaincre qu'oubliant le passé, celui qu'ils croyaient leur ennemi, sera celui qui réalisera leurs voeux. Combien il me sera satisfaisant, général, de vous voir mon aide, dans ces travaux salutaires! Votre nom, votre caractère, vos talents seront mes meilleurs appuis". (Н. Шильдеръ: „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе". Т. 3-й).

они надѣялись на противное, что свидѣтельствуетъ о хорошемъ духѣ, одушевляющемъ ихъ. Я прилагаю всѣ усилія, чтобы успокоить ихъ, и неустанно повторяю, что нѣсколько паршивыхъ овецъ не могутъ вліять на остальныхъ, разъ онѣ будутъ отдѣлены отъ нихъ, и что стадо останется прекраснымъ, и что оно таково, какимъ должно быть» [1]).

Императоръ Николай въ отвѣтъ на доводы, приводимые цесаревичемъ въ пользу и въ извиненіе поляковъ, отвѣчалъ брату 20-го февраля (4-го марта):

«Содержаніе вашего послѣдняго письма доставило мнѣ величайшее удовольствіе въ виду тѣхъ извѣстій, которыя вы сообщаете мнѣ относительно настроенія умовъ, господствующаго въ Варшавѣ; признаюсь, что у меня никогда не было ни малѣйшаго безпокойства на этотъ счетъ, ни сомнѣній относительно впечатлѣнія, которое должно было произвести на людей разсудительныхъ, вѣрныхъ и любящихъ порядокъ извѣстіе

[1]) „Les papiers trouvés chez le général Kniazeviz viennent à l'appui de ce que je vous disais constamment, cher frère, au sujet des promesses, sur lesquelles les polonais fondaient leur espoir; ce sont des copies de la correspondance du général Kostiusko, et qui peut répondra qu'il n'en existe de répandues entre d'autres polonais? Lisez la fin de la lettre de feu l'Empereur et vous y verrez la clef de toute la société nationale; que voulez vous que l'on leur dise, après des promesses aussi positives et sur lesquelles ils fondaient leur espoir, de contraire à leur vue et leurs démarches; jugez-en vous-même de la position des choses et avec impartialité. Je suis certain que peut-être vers la fin du règne de l'Empereur il y avait bien des choses sur lesquelles il était revenu, mais c'était trop tard, et la promesse étant une fois donnée, avec tous les documents authentiques, ne pouvait être retractée; en plus, toute la marche des choses prouverait positivement le but de feu l'Empereur pour assurer le résultat qu'il s'était promis, et pas plus tard qu'à son dernier séjour il nous l'a dit positivement à deux reprises, à ma femme et à moi; le même discours a été répété à tout plein de personnes, des militaires et des civils.

„Notre comité d'enquête va son train et je dirai plus, va bien, avec zèle et vigueur. Les polonais, en général, sont indignés et peinés au vif de ce qu'il a pu se trouver de leurs compatriotes en rapports directs avec les révolutionnaires de chez vous; le comité fait tout son possible pour les découvrir tous et la voix publique se prononce dans un très bon sens en disant que si le russe doit être puni une fois, le polonais doit l'être dix fois, bien entendu, s'ils ont trempé avec les révolutionnaires pour mettre tout en dessus dessous, ou bien même s'ils avaient des vues personnelles pour en faire de même de tous côtés; l'on ne peut pas exiger davantage d'eux, après les promesses que l'on leur a données si positivement. La consternation est générale et tout le monde voit avec peine que les événements ont forcé avec raison d'agir avec sévérité contre les individus de leur nation ayant espéré le contraire, ce qui prouve le bon esprit qui les anime; je fais tout mon possible pour les calmer et je ne cesse de leur répéter que quelques brebis galeuses ne peuvent pas influer sur le reste, une fois qu'elles en seront séparées, et que le troupeau restera beau et qu'il est tel qu'il doit l'être". (Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 15-го (27-го) февраля 1826 года).

о происках, направленныхъ къ ниспроверженію его подъ прикрытіемъ чувства, крайне почтеннаго, но обмануться на счетъ котораго могутъ, конечно, только немногіе, такъ какъ громадная разница желать ли чего-либо почти обѣщаннаго (presque promise) или же предупреждать (prévenir) правительство въ его мѣропріятіяхъ путемъ тайныхъ и, слѣдовательно, преступныхъ (coupable) средствъ. Такимъ образомъ, при установленныхъ вами порядкахъ, они могли бы видѣть въ этомъ лишь полное довѣріе со стороны правительства и,—будучи польщены въ своемъ національномъ самолюбіи,—усмотрѣть доказательство, что правительство не слабѣетъ въ виду опасности, а принимаетъ мѣры, чтобы предупредить и пресѣчь зло прежде, чѣмъ оно разовьется; нужно было быть съумасшедшимъ, чтобы не быть довольнымъ этимъ, и, конечно, ужъ не я подумалъ бы, что они могутъ быть таковыми; прибавьте къ этому чувство благодарности, которымъ они обязаны нашему ангелу! Что же касается тѣхъ, которые неизбѣжно, хотя и въ небольшомъ числѣ, будутъ неповинно смѣшаны съ истинными виновниками, мнѣ кажется, что въ интересахъ каждаго порядочнаго человѣка желать, чтобы рано или поздно съ него было снято всякое подозрѣніе; поэтому знать, что тебя подозрѣваютъ, и не имѣть возможности оправдаться, по крайней мѣрѣ, на мой взглядъ, невыносимое чувство. Мы арестуемъ не для того, чтобы искать жертвъ, а для того, чтобы оправдать оклеветанныхъ. Все, что вы сдѣлали для слѣдствія, превосходно и можетъ имѣть лишь наилучшія послѣдствія» [1]).

[1]) „Le contenu de votre dernière lettre m'a fait le plus grand plaisir par les nouvelles que vous me donnez sur l'esprit qui règne à Varsovie; j'avoue que je n'ai jamais eu la moindre inquiétude là-dessus, ni doute sur l'effet que devait produire sur des êtres raisonnables, fidèles et aimant l'ordre, la nouvelle des menées tendantes à le renverser sous le masque d'un sentiment fort respectable, mais dont certainemant peu de monde peut être la dupe, car entre désirer une chose presque promise, ou bien prévenir le gouvernement dans ses mesures, d'une manière occulte et par conséquent coupable, est une énorme différence. Ainsi, avec le mode établi par vous, ils ne pourraient qu' y voir confiance entière du gouvernement, et tout en flattant l'amour propre national, la preuve que le gouvernement ne faiblit pas à la vue du danger, mais se met en garde pour prévenir et couper le mal avant l'explosion; il faudrait être fou pour ne pas être content de cela et certainement ce ne sera pas moi qui croirai qu'ils puissent l'être; ajoutez-y le sentiment de reconnaissance qu'ils doivent à notre ange! Quant à ceux qui, nécessairement, quoiqu'en petit nombre, seront innocemment confondus avec les vrais coupables, j'observe qu'il est de l'intérêt de tout homme d'honneur de désirer d'être disculpé tôt ou tard de toute suspicion, or savoir que l'on est soupçonné et ne pas avoir la faculté de se justifier, est, quant à moi, un sentiment insupportable. Nous arrêtons, non pour chercher des victimes, mais pour chercher à justifier les calomniés. Tout ce que vous avez fait pour l'enquête est parfait et ne peut qu'avoir les meilleures suites". (Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 20-го февраля (4-го марта) 1826 года).

Независимо отъ сообщенія императору Николаю своего мнѣнія по дѣламъ царства Польскаго и по поводу учрежденнаго варшавскаго слѣдственнаго комитета, цесаревичъ писалъ о тѣхъ же вопросахъ въ еще болѣе откровенныхъ выраженіяхъ своему другу Ф. П. Опочинину, съ просьбою сообщать содержаніе этихъ писемъ государю «pour fixer son opinion».

Приведемъ здѣсь наиболѣе существенную часть письма цесаревича отъ 5-го (17-го) февраля 1826 года:

«Изъ прочитанныхъ мною показаній Яблоновскаго,—писалъ Константинъ Павловичъ,—я усматриваю лишь естественныя послѣдствія того положенія, въ которомъ находится эта страна, и тѣхъ рѣчей, которыя были произнесены съ высоты престола, во время бывшихъ здѣсь трехъ сеймовъ; кромѣ того, всѣ эти господа видятъ, что старая Финляндія была присоединена къ новой, а не новая къ старой; теперь спрашиваю я васъ, какъ хотите вы, чтобы подобный примѣръ не вскружилъ имъ голову? Имъ всѣмъ были хорошо извѣстны слова и образъ мыслей покойнаго императора, потому что онъ и не скрывалъ ихъ передъ ними и даже, наконецъ, въ послѣднее время высказывалъ ихъ, какъ статскимъ, такъ и военнымъ лицамъ. Говоря чистосердечно, можете ли вы ихъ въ томъ упрекнуть? Войдите въ ихъ положеніе и предположите, что Россія подверглась бы такому же раздѣлу, какъ Польша; какой въ такомъ случаѣ былъ бы вашъ собственный образъ дѣйствій и взглядъ? Доложите все это императору, такъ какъ желтый и малиновый цвѣтъ у васъ не такъ на виду, какъ здѣсь, равно какъ и въ Литвѣ. Развѣ они слѣпы и глухи? Предположенія покойнаго императора были мнѣ извѣстны; однимъ словомъ, я прошу подумать немного о прошломъ и поставить себя на занимаемое мною мѣсто. Тогда увидятъ затруднительное положеніе, въ которомъ я нахожусь, чтобы дѣйствовать; впрочемъ, умѣя только повиноваться, я именно буду поступать такъ же, какъ и прежде, съ тѣмъ же усердіемъ и тою же преданностью. Императоръ, при восшествіи своемъ на престолъ, обѣщалъ манифестомъ, даннымъ этой странѣ, слѣдовать по стопамъ покойнаго императора, и привелъ этимъ всѣхъ въ восторгъ; теперь же увидятъ, быть можетъ, иное. Истина должна быть высказана, и я высказываю ее такою, какою она представляется моему сужденію, и буду ее повторять, пока мнѣ это позволятъ и пока желаютъ ее отъ меня выслушивать. Если я получу приказаніе молчать, я подчинюсь со всею покорностію, которая, какъ вамъ извѣстно, свойственна мнѣ со дня рожденія. Прочтите все сказанное здѣсь императору; ему необходимо это знать, чтобы установить свое мнѣніе» [1]).

[1]) „D'après ce que je lis dans les dépositions de Jablonovsky, je n'aperçois rien autre qu'une suite naturelle de la position de ce pays-ci et des dis-

Черезъ день цесаревичъ Константинъ Павловичъ, въ перепискѣ съ Опочининымъ, снова возвратился къ затронутому имъ вопросу; къ письму отъ 7-го (19-го) февраля онъ прибавилъ слѣдующія собственноручныя строки [1]).

---

cours tenu du haut du trône lors des trois diètes qui ont eu lieu. De plus tous ces messieurs voient la vieille Finlande réunie à la nouvelle et non la nouvelle à la vieille, et je vous le demande, comment est-ce que vous voulez qu'un exemple pareil ne leur tourne pas les têtes? Les paroles et les idées de feu l'Empereur leur étaient connues à tous, puisqu'il ne leur a pas caché et même en dernier lieu en l'ayant manifesté tant aux civils qu'aux militaires. En bonne foi, pouvez vous le leur reprocher? Mettez-vous à leur place et supposez que la Russie soit devenue état de partage comme la Pologne; qu'auriez vous fait et pensé vous-même? Mettez tout ceci sous les yeux de l'Empereur, ce que les couleurs jaunes et cramoisies ne sont pas en évidence comme ici ainsi qu'en Lithuanie. Sont-ils donc aveugles et sourds? Les projets de feu l'Empereur m'étaient connus; en un mot je prie que l'on réfléchisse un peu sur tout le passé et que l'on se mette à ma place ici. L'on verra la difficulté dans laquelle je me trouve pour agir. Au reste ne sachant qu'obéir, je le ferai présentement, comme je le faisais par le passé avec le même zèle et le même dévouement. L'Empereur à son avénement au trône et par son manifeste à ce pays-ci a promis de marcher sur les traces de feu l'Empereur, ce qui a charmé tout le monde; maintenant l'on y verra peut-être autre chose. La vérité doit être dite et je la dis telle qu'elle se présente à ma judiciaire et jusqu'à ce que l'on me permettra de la dire et que l'on voudra l'entendre de moi. Si je recevrai l'ordre de me taire, je m'y soumettrai avec toute l'obéissance que vous me connaissez depuis que j'existe. Lisez tout ceci à l'Empereur; il est nécessaire qu'il le sache pour fixer son opinion". (Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ Ф. П. Опочину отъ 5-го (17-го) февраля 1826 года).

[1]) „D'après les intentions de l'Empereur et les ordres qui me furent communiqués par le comte Grabowski à cet effet, je viens d'être revêtu de pouvoirs pour ainsi dire dictatoriaux et discrétionnaires pour commencer les enquêtes dans ce pays-ci depuis les déclarations du prince Jablonovsky. Vous sentirez vous-même et je vous prie de fixer l'attention de Sa Majesté à ce sujet, que ma position dans ce pays devient des plus délicates et des plus difficiles par les circonstances elles-mêmes. Ne sachant qu'obéir et me réglant sur les intentions (instructions?) que feu mon bienfaiteur m'avait données quant à ce pays et la marche à y suivre, j'ai cru bien faire d'instituer à l'instar de Pétersbourg une commission d'enquête, dont je me réserve la direction et la surveillance; et comme les individus qui pourraient y être appelés, être interrogés et arrêtés même seraient des sujets de l'empire et du royaume, ainsi que des russes, j'ai nommé pour y siéger, M. M. Nowosiltzow, Kourouta, Kriwzow, Kolsakow et Morenheim, membres russes, le comte Zamoiski, président du sénat, Sobolewski, ministre de la justice, comte Grabowski, ministre des cultes, Haucke, ministre de la guerre, le palatin comte Grabowski et le général Rautenstrauch, pour tenir la plume. Il y a ici des hommes de toutes les couleurs, de toutes les opinions, et tous revêtus de fonctions publiques. Leur façon de faire les démasquera et fermera la bouche aux dires et aux clabauderies du monde, et ils verront clair alors ce qui en est et quel est le but des perturbateurs de l'ordre

«Согласно намѣреніямъ императора и повелѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ по этому поводу графомъ Грабовскимъ, я облеченъ властью, такъ сказать, диктаторскою и неограниченною, чтобы приступить къ разслѣдованіямъ въ этой странѣ, руководствуясь показаніями князя Яблоновскаго. Вы поймете сами, и я попрошу васъ обратить вниманіе его величества на то, что положеніе мое въ этой странѣ становится весьма щекотливымъ и, сверхъ того, благодаря обстоятельствамъ, весьма труднымъ. Умѣя только повиноваться и примѣняясь къ инструкціямъ, даннымъ мнѣ покойнымъ благодѣтелемъ моимъ насчетъ этой страны и образа въ ней дѣйствія, мнѣ казалось полезнымъ учредить здѣсь по примѣру Петербурга слѣдственный комитетъ, направленіе и наблюденіе за которымъ я предоставляю себѣ; а такъ какъ между лицами, которыхъ коммиссія будетъ призывать, допрашивать и даже арестовывать, могутъ быть подданные имперіи и королевства, а также русскіе, то я назначилъ членами комитета: Новосильцова, Куруту, Кривцова, Колзакова и Моренгейма, какъ русскихъ, а затѣмъ: графа Замойскаго, президента сената, Соболевскаго, министра юстиціи, графа Грабовскаго, министра духовныхъ дѣлъ, Гауке, военнаго министра, воеводу графа Грабовскаго и генерала Раутенштрауха, въ качествѣ секретаря. Такимъ образомъ, въ комитетѣ соединены люди разныхъ оттѣнковъ, разныхъ убѣжденій и всѣ занимающіе общественныя должности. Ихъ образъ дѣйствій сниметъ съ нихъ личину и заставитъ умолкнуть толки и сплетни свѣта; тогда они увидятъ, въ чемъ дѣло, и какую цѣль преслѣдуютъ люди, стремящіеся къ ниспроверженію установленнаго порядка. Наибольшая гласность и наибольшее довѣріе къ этимъ господамъ заставятъ ихъ дѣйствовать и поражать виновныхъ.—C'est un iudicium delegate mixtum. Всѣ секретныя слѣдствія противны общественному мнѣнію и духу времени, а такъ какъ мы живемъ здѣсь при конституціонномъ порядкѣ вещей, то все и останется на почвѣ закона. Сообщите мнѣ, что скажетъ императоръ; я не могъ лучше дѣйствовать при моемъ взглядѣ на вещи» [1]).

établi. La plus grande publicité et la plus grande confiance dans ces messieurs les forcera d'agir et de frapper les coupables, c'est un iudicium delegate mixtum. Toutes les enquêtes secrètes (sont) contraires à l'opinion et à l'esprit du siècle, et comme nous sommes ici sous un ordre de choses constitutionnel, le tout reste en règle. Dites moi ce que vous dira l'Empereur; je n'ai pas pu mieux agir d'après ma façon de voir". (Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ Ф. П. Опочинину отъ 7-го (19-го) февраля 1826 года).

[1]) Цесаревичъ приложилъ къ своему письму списокъ лицъ, арестованныхъ по распоряженію комитета, учрежденнаго для изысканія тайныхъ обществъ:

Графъ Солтыкъ—сенаторъ, каштелянъ царства польскаго.

12-го (24-го) февраля цесаревичъ продолжалъ:

«Скажу вамъ теперь, что комитетъ, о которомъ я васъ предувѣдомлялъ въ прошедшемъ письмѣ, что я учредилъ здѣсь по предоставленной мнѣ власти государемъ императоромъ дѣйствовать неограниченно, насчетъ открытій тайныхъ обществъ, началъ свои засѣданія съ прошедшаго понедѣльника. Объ арестованныхъ, по сіе время, лицахъ препровождаю при семъ списокъ; далѣе кто будетъ, буду васъ увѣдомлять. О сю пору, при всемъ неутомимомъ стараніи и изысканіи комитета, ничего еще не открывается между поляками какъ nationalité.— Сіе самое поставляетъ меня въ обязанность повторить еще вамъ, что я уже писалъ отчасти, что надобно войти въ тонкость всѣхъ обстоятельствъ и поводовъ, которые были даны полякамъ питать въ себѣ этотъ духъ. Я ихъ ни мало не защищаю: пускай что угодно будетъ съ ними сдѣлаютъ; но долгъ мой есть поставить на видъ всю истинную правду и обстоятельства, которыя мнѣ ближе всѣхъ извѣстны, ибо и мое положеніе въ теперешнее время на счетъ сего весьма есть критическое. Покойному государю императору угодно было не только дать имъ питаться надеждою, но десять лѣтъ сряду словами и дѣяніями своими вкоренялъ и внушалъ въ нихъ сію мысль; и по сему самому что же мнѣ оставалось дѣлать, какъ исполнять волю государя и съ оною сообразоваться. Я поставлю вамъ въ свидѣтели: Василія Сергѣевича Ланскаго, который теперь въ С.-Петербургѣ, и Николая Николаевича Новосильцова, что я имъ говорилъ тогда, когда первые дошли сюда слухи на счетъ возстановленія царства Польскаго,—что по-моему бы лучше прислать сюда губернаторовъ и вице-губернаторовъ, и даже поименовывалъ таковыхъ [1]). Къ открытію перваго сейма, бывшаго въ 1818 г.,

---

Гржимало — рекетмейстеръ въ государственномъ совѣтѣ царства польскаго.

Плихта—секретарь въ канцеляріи онаго же совѣта.

Кожуховскій—библіотекарь сего же совѣта.

Дембекъ—каноникъ, начальникъ типографіи, употребляемой правительствомъ.

Прондзинскій—подполковникъ польской квартирмейстерской части.

Кршижановскій—подполковникъ лейбъ-гвардіи польскаго Конно-Егерскаго полка.

Мицельскій—адъютантъ его императорскаго высочества цесаревича, онаго же полка капитанъ.

Малаховскій—(Густавъ) сынъ сенатора, каштеляна царства польскаго, онъ служилъ прежде чиновникомъ въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Лелевель—сеймовый посолъ Станиславовскаго обвода.

[1]) Въ 1814 году цесаревичъ Константинъ Павловичъ писалъ графу В. Ф. Васильеву: „Le duché de Varsovie doit exister comme il est sans augmentations, et doit être gouverné par un russe à la russe“.

я ничего не зналъ, какая приготовляется рѣчь; статсъ-секретарь Каподистріо, въ то время, на счетъ оной мнѣ сказалъ: «посмотрите, что будетъ; она не только на одну Польшу, но на Россію и на всю Европу сдѣлаетъ вліяніе.» —Я также поставляю въ свидѣтели его императорское высочество великаго князя Михаила Павловича, бывшаго во время сейма въ Варшавѣ въ 1818 году, что, пріѣхавши съ государемъ императоромъ отъ развода, когда мы входили съ нимъ по круглой лѣстницѣ въ его комнаты, я осмѣлился его императорскому величеству отвѣчать на счетъ его предположенія и представительнаго правленія. На что государь императоръ даже съ нѣкоторымъ гнѣвомъ изволилъ мнѣ отозваться. Потомъ, во всѣхъ случаяхъ, изволилъ мнѣ всегда твердить: «развѣ ты не понимаешь, что не имъ даютъ вмѣсто желтыхъ красные воротники, а вамъ вмѣсто красныхъ желтые». Сверхъ того, во всѣхъ польскихъ губерніяхъ, присоединенныхъ къ Россіи, государь императоръ изволилъ назначить губернаторовъ и вице-губернаторовъ изъ поляковъ; впослѣдствіи для всѣхъ сихъ губерній мундиры даны были съ малиновыми воротниками, и, наконецъ, во время послѣдняго пребыванія въ Варшавѣ, всего Литовскаго корпуса генераламъ, адъютантамъ и другимъ чинамъ, вмѣсто краснаго цвѣта, приказалъ имѣть на воротникахъ и прочемъ обмундированіи малиновый, и даже угодно было, чтобы и шитье генеральское на мундирахъ было бы золотое, но такое же самое, какъ у польскихъ генераловъ; я уже упросилъ его императорское величество оставить прежнее, и въ доказательство сего, что его было такое намѣреніе, вѣрно цѣлъ и хранится еще въ гардеробѣ въ С.-Петербургѣ воротникъ генеральскій, который онъ приказалъ сдѣлать на образецъ съ шитьемъ золотымъ на малиновомъ сукнѣ по образцу польскаго. Словомъ сказать, государь императоръ не только во всѣхъ своихъ рѣчахъ къ сеймамъ бывшимъ и дѣйствіяхъ, но даже въ разговорахъ во многихъ случаяхъ съ польскими какъ статскими, такъ и военными чинами откровенно изволилъ изъяснять свои на счетъ ихъ намѣренія, слѣдовательно, что же мудренаго, что у нихъ вскружились головы на чувствахъ nationalité. Имъ сіе безпрестанно внушалось, они привыкли къ сей мысли и полагали, что сіе есть положительное; винить же ихъ за это, кажется, не можно; кто бы такой, будучи на ихъ мѣстѣ, не пожелалъ сего? Въ нихъ эта мысль общая; развѣ всѣхъ ихъ можно за оную истребить? А между тѣмъ, они хвастаются и весьма дорожатъ тѣмъ, что у нихъ съ самыхъ древнихъ временъ, даже въ исторіи, нѣтъ примѣра, чтобы были въ Польшѣ цареубійцы. Впрочемъ, я повторяю вамъ еще, что я далекъ отъ той мысли, чтобы защищать виновныхъ поляковъ; но только долгъ истины и обязанности моей побуждаетъ меня все сіе объяснить и просить васъ доложить его импе-

раторскому величеству: не благоугодно ли будетъ обратить особенное свое на оное вниманіе.

«Рѣчи на сеймахъ, при открытіи и закрытіи государемъ, препровождаются при семъ. Онѣ служатъ доказательствомъ моимъ словамъ. Многіе думали и думаютъ, что это воля государя, чтобъ готовить умы. Еще же имъ кружитъ головы Финляндія и ея соединеніе въ одно. Vous n'avez qu'en juger vous-même de ce qui en est».

Относительно того, что примѣръ Финляндіи служилъ для поляковъ соблазномъ, цесаревичъ снова писалъ Опочинину въ письмѣ отъ 22-го февраля (6-го марта):

«Прошу доложить его императорскому величеству, что всѣ поляки однѣхъ мыслей, и, сколько мнѣ случалось слышать, желаніе ихъ есть общее соединеніе отошедшихъ провинцій, но чтобы предпринимать какія для сего произвольныя дѣйствія, они отъ сего весьма далеки и никакъ не одобряютъ таковыхъ намѣреній; а, напротиву, весьма оныя съ прискорбіемъ хулятъ, ибо сіе могло быть мыслію только какого-нибудь князя Яблоновскаго и ему подобныхъ; но поводы, данные имъ, а наболѣе примѣръ утверждаетъ ихъ въ ихъ желаніи; они видѣли, что, когда новая Финляндія была присоединена къ Россіи и сдѣлано было, подобно царству Польскому, великое княжество Финляндское, то не новую Финляндію присоединили къ старой, а старую къ новой. Слѣдовательно, и они питаютъ такую же надежду. Я совсѣмъ далекъ выводить на счетъ сего какое-либо мое собственное заключеніе, но только когда таковой примѣръ мнѣ выставятъ на видъ, прошу разрѣшить меня, что мнѣ на оное отвѣчать».

Когда Опочининъ прочелъ императору Николаю письмо цеса ревича государь пожалъ плечами и сказалъ: «ахъ!» Опочининъ сообщилъ Константину Павловичу объ эпизодѣ, сопровождавшемъ чтеніе письма, и получилъ въ отвѣтъ слѣдующія строки:

«На статью, въ которой описываете, что при чтеніи письма моего касательно мнѣній поляковъ и ихъ сравненія положенія ихъ съ финнами, государь императоръ изволилъ пожать плечами и сказать: «ахъ!»— скажу, что хотя этотъ «ахъ!» весьма справедливъ, но поляки, имѣя предъ своими глазами примѣръ Финляндіи, какой давать имъ отвѣтъ, когда выставляютъ на видъ оный?» [1]).

Прямаго отвѣта на поставленный столь категорическимъ образомъ вопросъ, цесаревичъ не получилъ, и онъ замолкъ по поводу сравненія, настойчиво проводимаго имъ между Финляндіею и Польшею. За то въ перепискѣ стали появляться намеки на дряхлость: «Старъ уже сталъ

---

[1]) Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ Ф. П. Опочинину отъ 12-го (24-го) марта 1826 г.

и дряхлъ», писалъ Константинъ Павловичъ Опочинину, «кости болятъ;—пора меня въ какую-нибудь Цурукантскую крѣпость въ плацъ-маіоры, а если будетъ особенная милость, то въ коменданты». Въ письмахъ же къ государю, цесаревичъ заговорилъ также о старости и сталъ нерѣдко называть себя ветераномъ и инвалидомъ.

II.

Перейдемъ теперь къ польскому вопросу, какъ его понималъ въ то время императоръ Николай.

Царствованіе императора Александра I-го далеко отодвинуло насъ отъ екатерининскихъ воззрѣній на польскій вопросъ или, вѣрнѣе сказать, на значеніе, которое въ этомъ вопросѣ играютъ области, доставшіяся намъ по тремъ раздѣламъ Рѣчи Посполитой; цѣлая пропасть раздѣляетъ политическія воззрѣнія двухъ столь различныхъ между собою эпохъ русской исторіи. Достаточно припомнить всю опредѣленность взглядовъ императрицы Екатерины II-й на историческое право, принадлежащее Россіи на эти земли, чтобы оцѣнить коренное измѣненіе, послѣдовавшее въ позднѣйшихъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ. Взгляды императрицы съ полною яркостью выразились въ медали, которая появилась послѣ втораго раздѣла Польши съ надписью: «отторженная возвратихъ». Подобная медаль не могла бы занять мѣсто въ лѣтописяхъ царствованія императора Александра; она служитъ наглядным выраженіемъ политическаго антагонизма, существовавшаго между бабушкою и внукомъ.

Еще опредѣленнѣе и яснѣе Екатерина II выразила свои мысли, по поводу разбираемаго вопроса, въ письмѣ къ Гримму отъ 5-го апрѣля 1795 года. Когда политическій противникъ Россіи, прусскій министръ Герцбергъ высказывалъ мнѣніе о принадлежности западнаго края къ Польшѣ, императрица писала:

«Эта скотина Герцбергъ заслуживаетъ, чтобы его порядкомъ побили,—у него столько же познаній въ исторіи, какъ у моего попугайчика (Cette pécore de Hertzberg seule mérite d'être tapée d'importance: il n'a pas plus de connaissances en fait d'histoire que ma perruche). Онъ смѣетъ говорить, что Россія не могла доказать своихъ правъ, присоединяя Полоцкъ; онъ могъ бы сказать, что Россія не придаетъ никакого значенія устарѣлымъ доказательствамъ, ибо Полоцкъ былъ отданъ Владиміромъ I старшему изъ двѣнадцати его сыновей Изяславу, отъ котораго произошли князья Полоцкіе».

Переходя затѣмъ къ образованію литовскаго княжества, императрица продолжала:

«Пятый сынъ Ольгерда Ягеллонъ сталъ въ 1386 году королемъ Польши, принявъ латинство и женившись на Ядвигѣ, королевѣ польской. Онъ-то именно и присоединилъ Литву къ Польшѣ, но глупый, невѣжественный министръ ничего этого не знаетъ; высокомѣріе дѣлаетъ его глупымъ и грубымъ, какъ померанскій быкъ. Онъ не знаетъ, что не только Полоцкъ, но и вся Литва производила во всѣхъ судахъ всѣ дѣла свои на русскомъ языкѣ, что всѣ акты литовскихъ архивовъ писались на русскомъ языкѣ и русскими буквами, что лѣтосчисленіе въ нихъ велось по нашему греко-церковному обычаю отъ сотворенія міра, при чемъ греческіе церковные индикты служили постоянно закономъ. Это доказываетъ, что до XVII вѣка не только въ Полоцкѣ, но и во всей Литвѣ греческое исповѣданіе было господствующимъ, и что его исповѣдывали князья и великіе князья, что даже всѣ церкви, особливо же соборы, строились алтаремъ на востокъ, по обычаю восточной церкви. Если вамъ нужны еще доказательства, можете потребовать— правду доказать не трудно. Сверхъ того Полоцкъ и Литва разъ двадцать переходили изъ рукъ въ руки, и ни одного договора не было заключено безъ того, чтобъ та или другая сторона не требовала части или цѣлаго, смотря по обстоятельствамъ. Глупый государственный министръ можетъ быть при случаѣ еще болѣе побитъ за свое незнаніе... Оселъ! [1]).

Когда же Гриммъ сообщилъ Екатеринѣ, что поляки совѣтуютъ ей принять титулъ королевы польской, императрица отвѣчала ему 16-го сентября 1795 года: «При раздѣлѣ я не получила ни одной пяди польской земли. Я получила то, что сами поляки не переставали называть Червонною Русью: кіевское воеводство, Подолію и Волынь; Литва же никогда не была коренною частію Польши, равно какъ и Самогитія. Такимъ образомъ, не получивъ ни пяди польской земли, я не могу принять и титулъ королевы Польской» [2]).

Императоръ Александръ I-й, относившійся вообще критически и съ недоброжелательствомъ ко всѣмъ начинаніямъ своей бабки, усвоилъ себѣ съ молодыхъ лѣтъ совершенно иную точку зрѣнія на этотъ вопросъ. Она выразилась окончательно въ рѣшеніи государя принять въ 1815 году титулъ короля польскаго; вмѣстѣ съ тѣмъ на Вѣнскомъ конгрессѣ изъ обрѣзковъ Варшавскаго герцогства создано было конститу-

---

[1]) Сборникъ И. Р. И. О. т. 33 й, стр. 620. В. А. Бильбасовъ: Екатерина II и Гриммъ „Рус. Стар." 1893 г., т. 77-й, стр. 521. Въ заключеніе письма отъ 5-го апрѣля 1795 года Екатерина писала: „Vous voyez que dans cette dissertation la politesse a cédé à l'envie de vous faire rire; au reste, les dissertations des pédants ne sont pas toujours polies quand la colère ou le zèle les emporte, comme vous le savez très bien, et moi, je me suis ferrée à glace sur tout cela en maniant archives et chroniques, comme vous ne l'ignorez pas non plus".

[2]) Сборникъ И. Р. И. О., т. 33-й, стр. 647.

ціонное королевство Польское, которое одинъ польскій писатель, Мохнацкій, признаетъ «настоящей политической змѣей за пазухою самодержавной Россіи».

Въ разговорѣ съ Лагарпомъ въ Вѣнѣ въ октябрѣ 1814 г. императоръ Александръ высказалъ своему бывшему наставнику мысли, которыми намѣревался руководствоваться при рѣшеніи польскаго вопроса. «Невозможно», сказалъ государь, «чтобы полякъ забылъ, что онъ принадлежитъ къ народу, нѣкогда бывшему независимымъ. Я чувствую, что, родись я полякомъ, я думалъ бы точно также. Поэтому слѣдуетъ ожидать, что поляки будутъ пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы вернуть свое политическое существованіе какъ народа; такимъ образомъ, мнѣ придется осудить себя въ отношеніи ихъ на постоянную недовѣрчивость, принимать, быть можетъ, инквизиторскія мѣры, которыя усилятъ ихъ недовольство, не приводя къ успокоительнымъ результатамъ. Въ ихъ глазахъ я буду притѣснителемъ, противъ котораго они могутъ не возмутиться, помня великодушіе, съ которымъ я простилъ все; но они будутъ считать себя свободными отъ всякой благодарности въ отношеніи моихъ преемниковъ. По моему мнѣнію, лучше ужъ немедленно и по собственному побужденію дать имъ то, чего они такъ горячо желаютъ; это совмѣститъ въ себѣ одновременно и справедливость и хорошую политику. (Il est impossible qu'un polonais oublie qu'il appartient à une nation jadis indépendante. Je sens, que né polonais, je penserais de même. On doit donc s'attendre que les polonais profiteront de toutes les occasions, pour recouvrer leur existence politique, comme nation; ainsi il faudra me condamner, à leur égard, à une perpétuelle défiance, prendre peut-être des mesures inquisitoriales, qui accroîtront leur mécontentement, sans avoir de résultats tranquillisants. A leurs yeux je serai un oppresseur, contre lequel il est possible qu'ils ne s'insurgent pas, en se rappelant la générosité avec laquelle j'ai tout pardonné; mais ils se regarderont comme déliés de toute reconnaissance à l'égard de mes successeurs. Il vaut mieux, ce me semble, leur accorder tout de suite, et de bonne grâce, ce qu'ils désirent avec tant d'ardeur; il y a là justice et bonne politique à la fois)» [1]).

Но Александръ, создавая вновь королевство Польское, не доволь-

[1]) Въ перепискѣ Лагарпа съ Стапферомъ встрѣчаются еще слѣдующіе отзывы императора Александра о Польшѣ: „Comment" me disait chaleureusement en 1814 Alexandre I-r, „un homme de bien renoncerait-il à avoir une patrie? Si j'avais été polonais, j'aurais cédé à la tentation à laquelle ils ont succombé. Mon intention est de leur rendre de cette patrie tout ce que je pourrai, de leur donner une constitution que je me réserve de développer à mesure qu'ils m'inspireront plus de confiance". Aus Philipp Stapfers Briefwechsel (Quellen zur Schweizer Geschichte), Basel, 1891. B. 2, p. 449.

ствовался подобнымъ отступленіемъ отъ основныхъ началъ екатерининской политики; онъ, не стѣсняясь, при разныхъ случаяхъ, высказывалъ полякамъ свое непреклонное намѣреніе дать королевству внутреннее расширеніе, возвративъ ему губерніи имперіи, нѣкогда входившія въ составъ Рѣчи Посполитой. Въ этихъ видахъ послѣдовало объединеніе въ военномъ отношеніи, а именно, цесаревичъ Константинъ Павловичъ, носившій званіе главнокомандующаго польскою арміею, командовалъ также Литовскимъ корпусомъ, мундирамъ котораго были присвоены польскіе цвѣта; составъ офицеровъ также былъ преимущественно польскій. Сверхъ сего, Литва и западныя губерніи подчинены были негласно цесаревичу и въ гражданскомъ отношеніи. Подобныя мѣропріятія должны были утвердить въ польскихъ умахъ убѣжденіе, что присоединеніе къ Польшѣ такъ называемаго «забраннаго края» составляетъ только вопросъ времени. Поэтому неудивительно, что дѣятельность тайныхъ обществъ направлена была къ той же цѣли, клонившейся именно къ осуществленію намѣченнаго правительствомъ исправленія признанной Александромъ исторической несправедливости; усердно работая въ этомъ духѣ, общества подготовляли почву для великаго переворота, въ теченіе многихъ лѣтъ настойчиво возвѣщавшагося съ высоты престола.

Такимъ образомъ императоръ Александръ, въ порывѣ великодушнаго увлеченія, по выраженію М. Ф. Орлова, «посѣялъ вѣтры»; расточая щедрою рукою обѣщанія, которымъ, вслѣдствіе внезапной кончины государя, не суждено было перейти въ жизнь, онъ невольно предоставилъ своему преемнику печальную участь «пожинать бурю», которая въ 1831 году привела къ тому, что императоръ Николай нашелся вынужденнымъ написать цесаревичу Константину Павловичу: Qui des deux doit périr, car il paraît que périr il faut, est-ce la Russie ou la Pologne. Décidez vous-même?» [1])

Но возвратимся къ 1826 году. Нужно сказать, что императоръ Николай Павловичъ сразу поставилъ спорный вопросъ въ настоящія рамки. Воцарившійся молодой государь не замедлилъ произнести свой приговоръ надъ бывшими дотолѣ въ ходу мечтаніями въ выраженіяхъ рѣзкихъ, можетъ быть, даже суровыхъ, но за то вполнѣ ясныхъ, не допускавшихъ превратныхъ толкованій. Спорный вопросъ распадался на двѣ части. Съ одной стороны императоръ Николай твердо рѣшился строго соблюдать и поддерживать въ царствѣ Польскомъ дарованную предшественникомъ его конституцію и слово свое сдержалъ ненарушимо, въ чемъ отдаютъ ему теперь справедливость даже недоброжелатели его изъ польскаго лагеря.

---

[1]) Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 3-го (15-го) января 1831 года.

Такъ, одинъ польскій историкъ пишетъ:

«Наши историки, смотрящіе на вещи лишь сквозь призму 1831 г., говорятъ о презрѣніи и непоборимомъ отвращеніи императора Николая къ конституціонному устройству Польши. Въ этой оцѣнкѣ можетъ заключаться доля правды, такъ какъ характеръ государя съ трудомъ поддавался малѣйшему раздѣлу власти; тѣмъ не менѣе, въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ своего царствованія императоръ Николай не только пальцемъ не затронулъ учрежденій Польши, но не переставалъ выполнять свои обязанности конституціоннаго короля лучше, чѣмъ его предшественникъ.... Въ концѣ концовъ, быть можетъ, это былъ все-таки государь, наиболѣе подходящій для того, чтобы приспособить поляковъ къ условіямъ ихъ существованія и заставить ихъ утратить много дурныхъ привычекъ, усвоенныхъ ими въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ» [1]). Но, съ другой стороны, свято соблюдая ненарушимость польской конституціи, императоръ Николай, вмѣстѣ съ тѣмъ, провелъ рѣшительную грань между Польшею и Россіею и не ратификовалъ загадочныхъ обѣщаній, которыя расточаемы были при разныхъ случаяхъ Александромъ I-мъ».

Основной взглядъ государя на этотъ спорный вопросъ лучше всего выразился въ слѣдующихъ строкахъ письма Николая Павловича къ цесаревичу:

«Честный человѣкъ среди нихъ самихъ (поляковъ) отдастъ мнѣ справедливость, сказавъ: «я ненавижу его, потому что онъ не исполняетъ нашихъ желаній, но я уважаю его, потому что онъ насъ не обманываетъ (Je le hais parce qu'il n'accomplit pas nos voeux, mais je l'estime parce qu'il ne nous trompe pas»).

На этой почвѣ произошло полное разногласіе въ мнѣніяхъ между Константиномъ Павловичемъ и государемъ. Цесаревичъ упорно отстаивалъ александровскую точку зрѣнія, усвоенную имъ во время десятилѣтняго пребыванія своего въ Варшавѣ, и полагалъ справедливымъ исправить историческую несправедливость, якобы совершенную Екатериною II; императоръ же являлся защитникомъ русской государственной точки зрѣнія и признавалъ для русскаго монарха невозможнымъ какое бы то ни было посягательство на цѣлость имперіи.

Не желая, чтобы поляки оставались въ недоумѣніи на счетъ взглядовъ правительства, императоръ Николай даровалъ Литовскому корпусу мундиры съ русскими цвѣтами, а затѣмъ предписалъ измѣненія въ порядкѣ комплектованія этого корпуса, не назначая для сего мѣстныхъ уроженцевъ, но русскихъ рекрутъ. Какъ эти мѣропріятія ни огорчали цесаревича, онъ долженъ былъ покориться волѣ своего державнаго брата, тщетно пытаясь въ продолженіе двухъ лѣтъ убѣдить его въ превосходствѣ прежней, александровской политики.

[1]) Lisicki: Le marquis Wielopolski.—Vienne, 1880. T. I, p. 86.

Разница во взглядахъ обоихъ братьевъ на польскій вопросъ отразилась всего лучше въ перепискѣ ихъ, получившей временно полемическій оттѣнокъ. Приведемъ изъ нея выдержки, относящіяся къ разбираемому вопросу и могущія служить для освѣщенія этой любопытной страницы русской исторіи.

«Я остаюсь при глубокомъ убѣжденіи», писалъ императоръ Николай, «что продолжать питать и поддерживать идеи, которыя завѣдомо невозможно осуществить вслѣдствіе неудобствъ, крайне важныхъ и влекущихъ серьезныя послѣдствія, значило бы совершенно не выполнять нашъ долгъ, какъ русскихъ. Вы сами высказали это Грабовскому: «будьте полякомъ, что же касается меня, я—русскій и останусь русскимъ». Я же говорю: «будьте полякомъ, а я самъ буду тѣмъ и другимъ». Такимъ образомъ, я долженъ былъ бы перестать быть русскимъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, если бы я вздумалъ вѣрить, что возможно отдѣлить Литву отъ Россіи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Поэтому оставимъ все въ его настоящемъ положеніи, не пойдемъ далѣе этого, будемъ сопротивляться тѣмъ, которые пожелали бы идти далѣе, и, по крайней мѣрѣ, сохранимъ въ войскахъ сознаніе, которое вы такъ хорошо поддерживали въ нихъ до сихъ поръ, что они русскіе. Вотъ какъ я далеко зашелъ въ спорѣ, крайне важномъ, но разъ я, не предполагая, зашелъ такъ далеко, увлеченный сердцемъ, которое постоянно раскрывается на распашку, когда обращается къ вамъ, я прибавлю, что полагалъ бы крайне полезнымъ, на сколько только возможно, скрещивать русскихъ въ средѣ офицеровъ съ литовцами» [1]).

---

[1]) „Ma conviction intime me reste que de continuer à nourrir et soutenir des idées prouvées impossibles à réaliser par des inconvénients d'une importance et d'une conséquence majeure, serait manquer à tous nos devoirs de russes. Vous l'avez dit à Grabowski vous-même: „Soyez polonais, quant à moi je suis et resterai russe", et moi je dis: „Soyez polonais et moi, je serai l'un et l'autre"; or je devrais cesser d'être russe à mes propres yeux, si je voulais croire qu'il fût possible de séparer la Lithuanie de la Russie, proprement dite. Ainsi, laissons les choses sur le pied actuel; n'allons pas au delà, tenons tête à ceux qui veulent aller au delà, et laissons du moins dans la troupe l'esprit que vous avez si bien maintenu, jusqu'ici, qu'ils sont russes. Me voilà bien loin dans une discussion fort importante, et puisque m'y voilà sans m'en douter, entraîné par le coeur qui s'ouvre toujours quand il s'adresse à vous, j'ajouterai, que je suppose fort utile de croiser dans la troupe tant que possible des russes parmi les officiers avec les lithuaniens. Les corps des cadets sont là pour cet objet. N'allez pas croire que j'écrive à la dictée de quelqu'influence; c'est tellement pur que ce n'est qu'avec Опочининъ que j'en ai jamais parlé". (Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 14-го (26-го) марта 1827 года).

Цесаревичъ написалъ по поводу мыслей, высказанныхъ государемъ, слѣдующее возраженіе:

«Что касается Литвы, то это тема слишкомъ длинная для письма и, въ особенности, для письма, нацарапаннаго и сочиненнаго мною. Благоволите разрѣшить мнѣ изложить мои мысли въ отдѣльномъ мемуарѣ, который я пришлю вамъ, какъ только онъ будетъ готовъ; но что я позволю себѣ высказать здѣсь, это то, что душою и сердцемъ я былъ, есмь и буду, пока буду живъ, русскимъ, но не однимъ изъ тѣхъ слѣпыхъ и глупыхъ русскихъ, которые держатся правила, что имъ—все позволено, а другимъ—ничего. «Матушка наша Россія беретъ добровольно, наступя на горло»—эта поговорка въ очень большомъ ходу между нами и постоянно возбуждала во мнѣ отвращеніе. Единственная положительная наука здѣшняго міра это—математика, а она доказываетъ, что, когда данныя невѣрны, выводы тоже дѣлаются невѣрными; неправое дѣло никогда не станетъ правымъ; это были бы лишь палліативы, болѣе вредные, чѣмъ что бы то ни было другое...» [1]).

«Нѣтъ поляка, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ, который не былъ бы убѣжденъ въ истинѣ, что его отечество было захвачено (spolié), а не завоевано (conquis) Екатериною въ продолженіе трехъ произошедшихъ раздѣловъ, которая поступила такъ въ мирное время и безъ объявленія войны, прибѣгнувъ при этомъ ко всѣмъ наиболѣе постыднымъ средствамъ, которыми побрезгалъ бы каждый честный человѣкъ. Одно лишь царство Польское было завоевано (est de bonne prise), и это было освящено договорами послѣ войны и явилось слѣдствіемъ заключенія мира; это чувствуется всѣми и цѣлымъ свѣтомъ; завоеваніе есть плодъ побѣды, тогда какъ захватъ—постыдный грабежъ, который рано или поздно падетъ на голову грабителя» [2]).

---

[1]) „Quant à l'article de la Lithuanie, c'est une autre thèse qui est trop longue pour une lettre et surtout griffonnée et rédigée par moi. Veuillez me permettre de consigner mes idées dans un mémoire que je vous enverrai dès qu'il sera fait; mais ce que je me permettrai de dire ici, c'est que j'étais, suis et serai russe tant que je vivrai, de coeur et d'âme, mais pas un de ces russes aveugles et imbéciles qui ont pour principe qu'il leur est tout permis et aux autres rien. Матушка наша Россія беретъ добровольно, наступя на горло,—c'est un proverbe très usité entre les nôtres qui m'a fait toujours horreur. La seule science positive de ce bas—monde, ce sont les mathématiques et elles prouvent que lorsque les données sont fausses—les résultats le deviennent; une cause injuste ne deviendra jamais juste, ce ne serait que des palliatifs plus nuisibles qu'autre chose". (Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 30-го марта (11-го апрѣля) 1827 года).

[2]) „Au reste, il n'y a pas de polonais de quel parti qu'il ne soit, qui ne fût persuadé de la vérité que leur pays a été spolié et non conquis par l'Impératrice Catherine durant les trois partages qui ont eu lieu et qui l'a fait durant

Но еще до полученія записки, обѣщанной цесаревичемъ, императоръ Николай въ письмѣ отъ 24-го октября (5-го ноября) 1827 года снова коснулся вопроса, которому не переставалъ придавать первостепенное значеніе.

«Моя совѣсть побуждаетъ меня, дорогой Константинъ», писалъ государь, «вернуться къ предмету, слишкомъ важному и въ виду лежащей на мнѣ отвѣтственности, и для будущаго, чтобы я не рѣшился еще поговорить съ вами объ этомъ, рискуя встрѣтить съ вашей стороны противоположный взглядъ. Все время, пока я буду находиться на посту, на который вы и нашъ покойный ангелъ поставили меня, я не могу, не долженъ дѣлать ничего непослѣдовательнаго; въ виду этого я совершилъ бы одну изъ непростительнѣйшихъ непослѣдовательностей, если бы нисколько не заботился, чтобы мои поступки отвѣчали моимъ мыслямъ въ вопросѣ, составляющемъ одну изъ важнѣйшихъ сторонъ моихъ обязанностей. Пока я существую, я никоимъ образомъ не могу допустить, чтобы идеи о присоединеніи Литвы къ Польшѣ могли быть поощряемы, такъ какъ, по моему убѣжденію, это вещь неосуществимая, и которая могла бы повлечь за собою для имперіи самыя плачевныя послѣдствія.

«Все это не мѣшаетъ мнѣ быть столь же хорошимъ полякомъ, какъ и хорошимъ русскимъ; я доказалъ и при каждомъ случаѣ

---

la paix et sans déclaration de guerre et en y ayant employé tous les moyens les plus honteux, et dont chaque âme honnête aurait répugné. Le seul royaume de Pologne est de bonne prise et sanctionné par des traités après une guerre et à la suite de la paix; ceci est senti par tout le monde et par l'univers entier, la conquête est le fruit de la victoire, lorsque la spoliation est un larcin honteux et qui tôt ou tard rejaillit sur le spoliateur". (Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 30-го ноября (12-го декабря) 1827 года).

Цесаревичъ вообще выражался всегда крайне рѣзко, когда ему случалось въ разговорѣ и въ письмѣ коснуться политической дѣятельности Екатерины II Такъ, напримѣръ, 2-го іюня 1812 года Константинъ Павловичъ писалъ графу В. Ф. Васильеву:

„Les circonstances présentes ne sont qu'une suite de la fin du règne Catherine, qui, très brillant en scéneries, n'a été rien autre chose, comme l'on dit vulgairement, que de la poudre aux yeux; vu que le partage de la Pologne a été l'exemple et le signal d'enfreindre tout ce qui a été sacré jusqu'alors dans le monde, comme traité, serment, fidélité du peuple envers son souverain, et sous le dehors de la justice appuyée par des bayonnettes et des canons, dans une époque, où le jacobinisme rompt par la guillotine tous les susdits freins". („Русскій Архивъ" 1881 года. Книга 1-я, стр. 129). Такимъ образомъ, по мнѣнію цесаревича, оказывается, что императрица Екатерина, своею политикою въ Польшѣ, вызвала проявленіе якобинизма въ Европѣ, увѣнчавшееся движеніемъ Наполеоновской Франціи противъ Россіи; 1812 годъ поставленъ въ прямую связь съ царствованіемъ Екатерины II!!

буду доказывать это строгимъ и вѣрнымъ соблюденіемъ и охраненіемъ привилегій, которыя нашъ покойный ангелъ даровалъ королевству; но, пока я живъ, я не могу потерпѣть ни малѣйшей попытки сверхъ этого, направленной ко вреду имперіи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Вслѣдствіе этого я не могу питать, а еще менѣе—поощрять какія-либо подобныя надежды;... поэтому необходимо, чтобы часть вашего комплектованія была набрана въ русскихъ губерніяхъ, и чтобы, въ обмѣнъ, часть комплектованія изъ литовскихъ губерній была размѣщена по прочимъ корпусамъ арміи. Къ несчастію, старые русскіе офицеры вашего корпуса исчезаютъ, а большинство молодежи—поляки; черезъ десять лѣтъ полки будутъ русскими лишь по названію, а въ сущности будутъ польскими; поэтому пора подумать предотвратить это. Итакъ, я предлагаю вамъ сохранить, напримѣръ, рекрутъ гродненскихъ, волынскихъ, бѣлостокскихъ и минскихъ, а виленскихъ и подольскихъ предоставить остальной арміи; въ обмѣнъ я предложу вамъ псковскихъ и тверскихъ и пр. или же какихъ-либо другихъ по вашему выбору. Въ слѣдующій разъ мы возьмемъ другія губерніи, чтобы народности перекрещивались.

«Мнѣ тяжело затрогивать эту струну, но это мой долгъ передъ Богомъ и передъ вами, такъ какъ я никогда не буду въ состояніи обманывать васъ, хотя бы приходилось рисковать временно причинить вамъ неудовольствіе» [1]).

---

[1]) „Ma conscience m'oblige, cher Constantin, à revenir à un article trop important pour ma responsabilité et pour l'avenir, pour que je ne prenne la résolution de vous en parler encore, au risque de vous trouver d'une opinion contraire. Tant que je suis au poste, où vous et feu notre ange m'avaient placé, je ne puis, ni ne dois rien faire d'inconséquent; or, j'en commetrai une des plus impardonnables en ne veillant point à ce que mes démarches soient conformes à ma pensée dans un point des plus graves de mes fonctions. Je ne puis admettre aucune possibilité, tant que j'existe, à ce que des idées de réunion de la Lithuanie à la Pologne puissent être encouragées, car, dans ma conviction, c'est une chose infaisable et qui ne pourrait qu'entraîner les suites les plus funestes pour l'Empire. Cela ne m'empêche pas d'être tout aussi bon polonais que je suis bon russe; je l'ai prouvé et je le prouverai en toute occasion par la stricte et fidèle observation et garantie des privilèges que feu notre ange a accordée au royaume; mais toute tentative au delà, au détriment de l'Empire proprement dit, tant que j'existe, je ne puis la souffrir; en conséquence je ne puis nourrir aucun espoir pareil, encore moins l'encourager. Le moment actuel devient d'autant plus essentiel et important qu'une partie du noyau russe, qui compose les régiments du corps (composé) de lithuaniens (les) quitte: en recomplétant le corps uniquement de Lithuanie, c'est dire à chacun que je persiste dans ce point dans les vues p r o b a b l e s de notre ange. Ce serait mentir que de me les supposer ou que je les fasse subsister; il est de rigueur donc qu'une partie de votre complétement soit prise parmi les provinces russes et, qu'en échange, une partie de celui des provinces lithuaniennes passe dans les autres corps de l'armée. Les vieux officiers russes de votre corps disparaissent

Между тѣмъ записка цесаревича была окончательно выработана; препровождая ее къ государю 31-го октября (12-го ноября) 1827 года. Константинъ Павловичъ писалъ между прочимъ слѣдующее:

«Благоволите позволить мнѣ представить вамъ прилагаемую при семъ записку, внушенную мнѣ моею вѣрностью моимъ государямъ въ теченіе минувшихъ тридцати двухъ лѣтъ. Долгій опытъ, безпрерывныя наблюденія во все продолженіе моей службы, отсутствіе какихъ бы то ни было личныхъ видовъ, однимъ словомъ, одни лишь откровенность и прямодушіе нашли въ ней свое выраженіе съ ясностью, какую только я могъ вложить въ нее; прочтите ее со вниманіемъ, милостиво, съ благоволеніемъ и снисходительностью. Покойный императоръ пріучилъ меня время отъ времени посылать ему подобныя записки и оставался доволенъ ими. Истина изложена въ ней такою, какою я понимаю ее; я не подчиняю истину мелочной и узкой политикѣ, а излагаю взгляды широкіе, великодушные, благородные и чистые, которые предъ лицемъ всего міра покажутъ вамъ, чѣмъ долженъ быть государь великой имперіи. Впрочемъ, если я ошибся, если мой поступокъ покажется вамъ смѣлымъ или неумѣстнымъ, благоволите простить мнѣ его и признать въ немъ лишь проявленіе усердія и преданности вашей августѣйшей особѣ; это послужитъ мнѣ предупрежденіемъ для будущаго не пользоваться правомъ, пріобрѣтеннымъ при нашемъ покойномъ императорѣ, и которому онъ приказывалъ и совѣтовалъ держаться. Много разъ онъ бранилъ меня за то, что я пользовался имъ со слишкомъ большою скромностью, и не позднѣе еще какъ во время гнусной семеновской исторіи, когда онъ былъ огорченъ тѣмъ, что не поступилъ такъ, какъ я совѣтовалъ. Но не принимайте меня за самонадѣяннаго, осмѣливающагося давать вамъ совѣты; какъ я далекъ отъ подобной мысли! Но чувства, излагаемыя брату и идущія изъ преданнаго сердца, не суть совѣты, а дань, воздаваемая ненарушимой привязанности, питаемой къ нему. Однимъ словомъ, прочтите записку и поступите какъ вамъ за-

---

malheureusement et la plupart des jeunes sont polonais; dans dix ans les régiments ne seraient russes que de nom et polonais dans le fait; il est donc temps d'y obvier. Je vous propose donc de garder p. ex. les recrues de Grodno, Volhynie, Bialostock et Minsk et de céder ceux de Wilna et de Podolie au reste de l'armeé; je vous proposerai en échange ceux de Pskow et Twer etc. ou bien d'autres à votre choix. Une autre fois nous changerons de gouvernement, pour que les races se croisent.

„Il m'est pénible de toucher cette corde, mais c'est mon devoir devant Dieu et devant vous, car jamais je ne pourrai vous tromper au risque de vous déplaire momentanément; veuillez me donner votre réponse le plus tôt possible et par courrier, car le temps presse". (Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 24-го октября (5-го ноября) 1827 года).

благоразсудится, а я выполнилъ долгъ моей совѣсти, безупречной и чистой передъ Богомъ, вами и людьми» [1]).

12-го (24-го) ноября императоръ Николай отвѣчалъ цесаревичу по поводу затронутыхъ имъ политическихъ вопросовъ и писалъ:

«Я смотрѣлъ бы почти такъ же, какъ вы, дорогой Константинъ, на предметъ вашей записки, если бы мы не исходили изъ различныхъ точекъ зрѣнія. Ни Пруссія, ни Австрія совершенно не имѣютъ Польши, за исключеніемъ ихъ владѣній въ Познани и Галиціи; обѣ эти провинціи слились съ государствами, которымъ онѣ принадлежатъ; по крайней мѣрѣ, въ Пруссіи, за исключеніемъ названія, не замѣтно никакого различія между этой и прочими провинціями королевства, и, мнѣ кажется, до настоящаго времени то же самое въ Галиціи. Литва и пр. русская провинція; она не можетъ возвратиться къ Польшѣ, потому что это значило бы посягать на цѣлость территоріи имперіи,—примѣръ того, что было испробовано съ Выборгскою губерніею, влечетъ уже за собою до того важныя неудобства, что возможно возвращеніе ея къ имперіи въ собственномъ смыслѣ слова. Исходя изъ этого начала, я вижу, что въ Австріи и Пруссіи повсюду существуетъ одна и та же форма, и я не вижу особенной формы для войскъ этихъ провинцій (т. е. Галиціи и Познани), входящихъ въ составъ остальной арміи. У насъ же для войскъ Литовскаго корпуса существуетъ особая форма; до тѣхъ поръ,

---

[1]) „Maintenant, cher et excellent frère, veuillez me permettre de vous présenter le mémoire ci joint et que ma fidélité à mes maîtres durant 32 ans passés m'a suggéré. Une expérience longue, des observations continues durant tout le cours de mes services, aucune vue personnelle—en un mot, rien autre que ma franchise et ma loyauté y sont énoncées avec autant de clarté que j'ai pu seulement y mettre; lisez-le avec attention, avec bonté, bienveillance et indulgence. Feu l'Empereur m'avait accoutumé de lui en adresser de temps à autre et en était content. La vérité y est telle que je la vois; je ne la soumets pas à une petite et rétrécie politique, mais j'y expose des vues grandes, magnanimes, nobles et pures et qui vous montreront à la vue du monde ce que doit être le souverain d'un grand empire. Au reste, si je m'étais trompé, si ma démarche vous paraissait osée ou déplacée, veuillez me le pardonner et n'y reconnaître qu'un zèle et un dévouement pour votre auguste personne; cela me servira d'avis pour l'avenir de ne pas user d'un droit acquis sous feu notre Empereur et qu'il m'avait recommandé et ordonné d'avoir; maintes fois il m'avait grondé d'en avoir usé avec trop de discrétion et, pas plus tard qu'à l'infâme affaire Sémenovski, où il était peiné de n'avoir pas agi d'après mes conseils. N'allez pas me croire un présomptueux d'oser vous en donner,—bien loin de moi une idée semblable, mais exposer à un frère les sentiments d'un coeur dévoué ne sont pas des conseils, mais un tribut que l'on rend à l'attachement inviolable qu'on lui porte. En résumé, lisez le mémoire et faites en ce qui bon vous semble et j'aurai rempli les devoirs de ma conscience pure et nette devant Dieu, vous et les hommes". (Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 31-го октября (12-го ноября) 1827 года).

пока ее носятъ русскіе, это не представляетъ никакого значенія, такъ какъ, какой бы цвѣтъ ни заставили ихъ носить, они останутся русскими; но дѣло обстоитъ иначе съ поляками, въ глазахъ которыхъ этотъ цвѣтъ пріобрѣтаетъ значеніе, клонящееся къ поддержанію въ нихъ надежды, отнынѣ немыслимой, возвратиться къ королевству, отдѣлившись отъ имперіи. Поэтому мой долгъ, какъ честнаго человѣка, ослаблять эту надежду, насколько только могу я и во всякомъ случаѣ не поощрять ея явно, упорствуя при первомъ же представившемся наглядномъ случаѣ (occasion ostensible) въ системѣ, раздѣлять которую не могу.—Вотъ, дорогой Константинъ, моя откровенная и прямодушная исповѣдь, какою она была бы передъ Богомъ.

«Вѣрность Литовскаго корпуса была образцовая, и вотъ новое право для васъ на признательность со стороны отечества; но, дорогой Константинъ, мнѣ пріятнѣе тотчасъ же знать, кто недовольные, чѣмъ создавать ихъ, безпрерывно обманывая ихъ неосуществленіемъ надежды, неблагоразумно поддерживаемой и поощряемой. Поляки, разсѣянные въ русскихъ войскахъ, будутъ столь же хорошими солдатами, каковыми они были постоянно; дворяне станутъ служить по преимуществу, быть можетъ, въ королевствѣ, или же не будутъ служить. И вотъ, черезъ двадцать лѣтъ, съ Божьей помощью, этотъ порядокъ вещей смягчится, такъ какъ впечатлѣнія будутъ менѣе непосредственны, менѣе тяжелы. Если я ошибаюсь, повторяю, я предпочитаю заранѣе знать, на кого я могу полагаться, и честный человѣкъ среди нихъ самихъ отдастъ мнѣ справедливость, сказавъ: я ненавижу его, потому что онъ не исполняетъ нашихъ желаній, но я уважаю его, потому что онъ насъ не обманываетъ» [1]).

---

[1]) J'en viens à des reproches vis-à-vis de vous, cher, bon et excellent Constantin. Pourquoi m'injuriez-vous en mettant des doutes à ce que je puisse jamais recevoir des avis de votre part autrement que comme des marques palpables d'intérêt et de cette amitié, à laquelle je tiens tant et qui fait réellement mon bonheur! Si je suis quelquefois d'un avis différent du vôtre, faut-il en déduire que les vôtres puissent jamais cesser de m'être chers et souvent précieux parce qu'ils m'éclairent? Ainsi, j'espère que voilà qui est dit pour l'avenir.

„Je jugerais à peu près comme vous, cher Constantin, l'objet de votre mémoire, si nous ne partions de points de raisonnement différents. La Prusse, ni l'Autriche n'ont point de Pologne, excepté leurs possessions de Posen et de Galicie; ces deux provinces sont fondues dans les deux états auxquels elles appartiennent, et du moins en Prusse, outre le nom, aucune différence n'est perceptible entre cette province et les autres du royaume et, je crois, qu'en Galicie c'était de même jusqu'à ce moment. La Lithuanie etc. est province russe, elle ne peut retourner à la Pologne parce que ce serait attenter à l'intégrité du territoire de l'empire; exemple qui a été pour le gouvernement de Wibourg et qui entraîne déjà de graves inconvénients, au point qu'il est possible qu'il retourne à l'empire proprement dit. Partant de ce principe, je vois qu'en Autriche et en

Насколько искренни были слова императора Николая, что онъ считаетъ себя обязаннымъ быть столь же хорошимъ русскимъ, какъ и хорошимъ полякомъ, можно видѣть изъ просьбы, съ которою обратился въ то время государь къ цесаревичу:

«Позвольте, дорогой Константинъ»,—писалъ императоръ Николай 23-го ноября (5-го декабря) 1827 года,—«чтобы, въ качествѣ отца, я выразилъ вамъ желаніе, котораго вы, тоже какъ отецъ, не отвергнете и, быть можетъ, простите мнѣ мою назойливую нескромность. Я дѣлаю, что могу, чтобы привить моему первенцу привычку къ языкамъ, знаніе которыхъ необходимо для него; поэтому-то, помимо русскаго, онъ знаетъ французскій и нѣмецкій языки настолько, что можетъ говорить на нихъ, и учится польскому и англійскому; необходимо, чтобы, въ особенности, польскій языкъ былъ, по возможности, настолько же близко знакомъ ему, какъ и русскій; онъ можетъ пріобрѣсти подобную легкость лишь подъ вліяніемъ необходимости и привычки быть обязаннымъ постоянно говорить на немъ. Чтобы достичь этой цѣли, я осмѣливаюсь просить васъ приказать избрать *стараго солдата*, надежнаго, хорошо знающаго свое дѣло солдата-фронтовика и умѣющаго говорить лишь по-польски. Я желалъ бы, чтобы этотъ ветеранъ состоялъ бы при моемъ мальчикѣ въ качествѣ *дядьки*, какъ при немъ уже состоитъ одинъ

Prusse le même uniforme subsiste partout, et je ne vois pas de particulier pour les troupes de ces provinces qui font partie du reste de l'armée. Chez nous, un uniforme particulier existe pour ce corps; tant que ce sont des *russes* qui le portent, il n'est d'aucune conséquence, car telle couleur qu'on leur fasse porter, ils resteront russes; il en est autrement des polonais, aux yeux desquels cette couleur acquièrt une signification qui tend à soutenir en eux l'espoir, désormais impossible, de retourner au royaume, en se détachant de l'empire. Il est donc de mon devoir, comme honnête homme, d'atténuer cet espoir tant que je puis, et au moins de ne pas l'encourager évidemment, en persistant à la première occasion *ostensible* dans un système que je ne puis partager.

„Voilà, cher Constantin, ma confession franche et loyale, telle que je la ferais devant Dieu.

„La fidélité du corps de Lithuanie a été exemplaire et c'est un nouveau titre pour vous à la reconnaissance de la patrie; mais, cher Constantin, j'aime mieux savoir qui sont les mécontents tout de suite que de les créer en les trompant toujours par le non-accomplissement d'espoir imprudemment soutenu et encouragé. Des polonais répandus dans la troupe russe seront aussi bons soldats qu'ils furent toujours; les nobles iront de préférence servir, peut-être, dans le royaume, ou bien ne serviront pas; eh bien, dans vingt ans, avec l'aide de Dieu, cet état de chose s'atténuera, car les impressions seront moins vives, moins rudes. Si je me trompais, je le répète, j'aime mieux savoir d'avance sur qui je puis compter, et l'honnête homme parmi eux-mêmes me rendra justice en disant: je le hais parce qu'il n'accomplit pas nos voeux, mais je l'estime, parce qu'il ne nous trompe pas". (Изъ письма императора Николая къ цесаревичу отъ 12-го (24-го) ноября 1827 года).

изъ его здѣшняго полка, который, наблюдая за нимъ въ продолженіе его игръ, въ то же время упражняетъ его и заставляетъ его продѣлывать все, какъ должно. Имѣя съ тою же цѣлью возлѣ себя поляка, онъ, самъ того не подозрѣвая, пріобрѣтетъ привычку говорить по-польски. Простите, что я обращаюсь къ вамъ съ подобною просьбою, и усмотрите въ ней лишь полное довѣріе, съ которымъ я отношусь къ вашей дружбѣ и къ вашимъ милостямъ ко мнѣ и къ нашимъ мальчуганамъ» [1]).

Что же касается цесаревича, то нельзя не замѣтить, что было время, когда онъ, по отношенію къ польскому вопросу, проводилъ совершенно иную точку зрѣнія, чѣмъ ту, которую онъ защищалъ съ такимъ упорствомъ въ 1826 году и въ послѣдующіе затѣмъ годы.

Сообщая въ 1814 году графу В. Ф. Васильеву слухъ, что къ герцогству Варшавскому будутъ присоединены Литва, Подолія и проч., цесаревичъ замѣтилъ: «Кажется, по законамъ нашимъ коренныхъ, родоваго имѣнія отдавать нельзя», а затѣмъ продолжалъ: «Хотятъ законовъ, а начинаютъ посягательствомъ на уже существующіе. Герцогство Варшавское должно существовать, какъ оно есть, безъ приращеній, и должно управляться русскимъ, на русскій образецъ (à la russe), но составлять отдѣльную часть. Я это дѣло взялъ бы на себя. Но лучше было бы раздѣлить ее согласно съ прежнимъ раздѣломъ. Сохрани Богъ, подъ какимъ бы то ни было предло-

---

[1]) „Permettez, cher Constantin, qu'à titre de papa je vous exprime un voeu que vous, comme père aussi, ne me refuserez pas et me pardonnerez, peut-être, mon indiscrétion importune. Je fais ce que je puis pour donner à mon aîné l'habitude des langues, qui lui sont nécessaires; c'est ainsi qu'outre le russe, il sait le français et l'allemand au point de pouvoir les parler et apprend le polonais et l'anglais; il faut que le polonais surtout lui soit aussi familier, s'il se peut, que le russe; il ne peut acquérir cette facilité que par la nécessité et l'habitude constantes de devoir le parler. Pour parvenir à ce but, j'ose vous supplier de faire le choix d'un vieux soldat, sûr, sachant bien son affaire comme soldat de front et ne sachant que le polonais. Je désirerais que ce vétéran fut près de mon garçon à titre de дядька, comme il en a un déjà de son régiment d'ici qui, tout en le surveillant pendant ses jeux, l'exerce et lui fait faire les choses comme il le faut. Ayant donc pour le même but un polonais près de lui, il acquerra l'habitude de parler le polonais, sans qu'il s'en doute. Pardonnez moi de vous adresser une demande pareille et n'y voyez que la confiance entière que je mets dans votre amitié et dans vos bontés pour moi et nos bambins". (Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 23-го ноября (5-го декабря) 1827 года).

30-го ноября (12-го декабря) цесаревичъ по этому поводу отвѣчалъ государю: „Quant à l'envoi et au choix du soldat polonais comme дядька pour notre cher petit Alexandre, j'ai déjà donné mes ordres pour en chercher un. J'ose vous supplier de me donner un peu de temps, afin que le choix corresponde parfaitement à votre attente sous tous les points de vue possibles".

гомъ, производить раздробленіе Россіи. Къ несчастью, въ Финляндіи мы уже совершили нѣчто подобное, являющееся дѣломъ смѣшнымъ въ немалой степени. Какая слава для насъ, что то, чего не могъ сдѣлать непріятель, мы сдѣлаемъ сами; это исторія пеликана наизнанку (c'est l'histoire du pélican à rebours). Такимъ образомъ оказывается, что иногда пародіи нравятся болѣе, чѣмъ оригиналы» [1]).

Но съ тѣхъ поръ какъ цесаревичъ писалъ эти строки, прошло болѣе десяти лѣтъ, и въ это время онъ долженъ былъ сообразоваться съ волею государя и стоять на стражѣ системы, остроумно названной въ 1814 году исторіею пеликана наизнанку. Неудивительно, что въ 1826 году цесаревичъ послѣ дѣятельности, продолжавшейся цѣлое десятилѣтіе въ извѣстномъ направленіи, признавалъ уже невозможнымъ для себя отступить назадъ; поэтому онъ упорно отстаивалъ взгляды Александра I, намѣревавшагося «сдѣлать изъ поляковъ своихъ венгерцевъ». «Я внутренно убѣжденъ»,—писалъ цесаревичъ,—«что тѣ, которые хотятъ и любятъ выставлять поляковъ не тѣмъ, чѣмъ они есть, воздадутъ имъ должное» [2]).

Въ то время, когда процессъ надъ участниками польскихъ тайныхъ обществъ не былъ еще оконченъ, генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ сдѣлалъ слѣдующую характеристику политическаго положенія дѣлъ по отношенію къ польскому вопросу. Онъ писалъ 26-го февраля 1827 года барону Дибичу:

«Теперь дѣло въ томъ, чтобы знать, какой исходъ получитъ судъ

---

[1]) „L'on veut des lois et l'on commence par empiéter sur celles qui existent. Le duché de Varsovie doit exister comme il est, sans augmentations, et doit être gouverné par un russe à la russe, mais faire corps séparé. J'en ferais bien mon affaire. Mais le mieux serait de le partager d'après l'ancien partage. Préserve le ciel de faire des démembrements de la Russie sous aucun prétexte! Malheureusement, nous en avons fait un en Finlande qui n'est pas des moins ridicules. Quelle gloire pour nous que ce que l'ennemi n'a pu faire, nous le feront nous-mêmes, c'est l'histoire du pélican à rebours. Aussi l'on voit que quelquefois les parodies plaisent davantage que les originaux". („Русскій Архивъ" 1882 года. Книга 1-я. Стр. 159).

[2]) Письмо цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 20-го ноября (2-го декабря) 1827 года: „Je ne vous parle plus ici des polonais et de vos vues,—ce n'en est pas le temps,—je me flatte de l'espoir qu'ils auront mériter au champ d'honneur votre estime et votre approbation et j'en ai la conviction intérieure et que ceux, qui veulent et aiment à les faire passer pour ce qu'ils ne sont pas, leur rendront justice. L'idée de feu l'Empereur était d'en faire ses hongrois et j'aime à me persuader qu'ils sauront justifier cette attente".

Въ 1835 году Лагарпъ писалъ Стапферу: „C'était d'une nationalité hongroise dont il s'agissait pour eux (т. е. для поляковъ)". (Aus Stapfers Briefwechsel. B. 2. p. 455).

надъ поляками; публика говоритъ объ этомъ мало, но злонамѣренные ожидаютъ и надѣются найти пищу для критики. Съ этимъ связывается вопросъ о національности, и каждый оттѣнокъ будетъ схваченъ съ поспѣшностью. Это шагъ довольно трудный, потому что онъ послужитъ законной основой для бо́льшихъ или меньшихъ надеждъ, которыя могутъ быть возбуждены въ Польшѣ, для бо́льшаго или меньшаго удара, нанесеннаго самолюбію Россіи. Этотъ великій польскій вопросъ,—камень преткновенія, о который разбилась любовь русскихъ къ императору Александру; мы болѣе чѣмъ ясно почувствовали и увидѣли это во время слѣдствія [1]). Я понимаю лучше, чѣмъ публика, всѣ почти непреодолимыя затрудненія, окружающія нашего монарха, но нужно, чтобы онъ постоянно былъ проникнутъ цѣлью сглаживать ихъ, избѣгая ломки, и видоизмѣнять чрезмѣрно большія притязанія со стороны метрополіи, показывая видъ, что онъ какъ бы раздѣляетъ ея воззрѣнія. Это прекрасное дѣло составитъ силу царствованія и послужитъ основой спокойствія для будущихъ царствованій» [2]).

Н. Шильдеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Насколько встревожилось русское общество намѣреніемъ императора Александра дать внутреннее расширеніе королевству Польскому на счетъ Россіи, можно видѣть изъ того, что произошло въ средѣ будущихъ декабристовъ при полученіи извѣстія объ этомъ въ Москвѣ въ 1817 году. Якушкинъ, въ пылу негодованія, вызвался на цареубійство! Испуганные товарищи удержали его отъ этого преступнаго намѣренія. На этой почвѣ, въ смыслѣ протеста, сошлись мыслями и самые крайніе консерваторы и передовые люди, примкнувшіе къ тайному обществу.

[2]) „Maintenant il s'agit de savoir, comment sera terminé le jugement des polonais; le public en parle peu, mais les malveillants attendent et espèrent trouver matière à la critique. L'histoire de la nationalité s'y rattache et chaque nuance sera saisie avec empressement. C'est un pas assez difficile, d'autant, qu'il fera loi pour le plus ou moins d'espérance à donner à la Pologne, pour le plus ou moins d'atteinte portée à l'amour propre de la Russie. Cette grande question de la Pologne est l'écueil contre lequel s'est brisé l'amour des russes pour l'Empereur Alexandre; nous ne l'avons que trop senti, que trop vu par l'enquête. Je conçois, mieux que le public, toutes les difficultés presqu'insurmontables, qui entourent notre maître, mais il faut que son but tende toujours à les aplanir sans les rompre, et à modifier les trop grandes prétentions de la mère-patrie, en paraissant en partager l'opinion. Ce bel ouvrage sera la force du règne, et basera la tranquillité des règnes futurs". („Военно-Ученый Архивъ". Отд. 1. № 1048).

А Ф И Ш А.

Сево 18 11-го мая 28 году
въ Сурьяннѣ Болховскаго уѣзду.
Сево числа
опосля обеду по особливому сказу
крепосными людьми прапорщика Алексѣя Денисовича, совмесно съ крепосными брата его Маера Петра Денисовича при участіи духовнаво хора Александры Денисовны Юрасовскихъ на домовомъ театрѣ Сурьянинскомъ
представлено будетъ:
«Разбойники средиземнаго моря»
или
«Благодѣтельный алжирецъ»
большой пантомимный балетъ въ 3 дѣйствіяхъ, соч. Г. Глушковскаго, съ сраженіями, маршами и великолепнымъ спектаклемъ.

Сія піэса имѣетъ роли наполненныя отмѣнною пріятностью и полнымъ удовольствіемъ почему на санктъ-петербурскихъ и московскихъ театрахъ часто играна и завсегда благосклонно публикою принимаема была. Особливо хороши декораціи: наружная часть замка Бей, пожаръ и сраженія. Музыка г. Шольца, въ коей Васильевъ, бывшей крепосной человекъ графа Каменскаго играть будетъ на скрипке соло соч. Шольца; танцовать будутъ (вершить прышки, именуемыя антраша) въ балете: Антоновъ Васька, Хромина Васютка и Зюрина Донька втроемъ (pas de trois); Картавая Аниска—соло; Антоновъ Васька, Родинъ Филька, Зюринъ Захарка и Деминъ Ванька вчетверомъ (pas de quatre); Зюринъ Захарка, Петровъ Сидорка, Хроминъ Карпушка втроемъ (pas de trois); Хромина Васютка и Зюрина Донька вдвоемъ (pas de deux)
за симъ дано будетъ:
«Ярманка въ Бердичеве»
или
«Завербованой жидъ».

Препотешной разнохарактерной, комической пантомимной дивертисманъ, съ принадлежащими къ оному разными танцами, аріями, мазуркою, русскими, тирольскими, камаринскими, литовскими, казацкими и жидовскими плясками,

за симъ

крепосной Петра Денисовича Юрасовскаго Тришка Барковъ на глазахъ у всехъ проделаетъ слѣдующія удивительныя штуки:

Въ дутку уткой закричитъ, въ туже дутку какъ на музыке играть будетъ, бросивъ дутку, пустымъ ртомъ соловьемъ засвищетъ, заиграетъ бытто на свирели, забрешетъ по собачьи, кошкой замяучитъ, медведемъ зареветъ, коровой и телкомъ замычитъ, курицей закудахчетъ, пѣтухомъ запоетъ и заквохчетъ, какъ ребенокъ заплачетъ, какъ подшибленая собака завизжитъ, голоднымъ волкомъ завоетъ, словно голубъ заворкуетъ и совою кричать приметца. Двѣ дутки въ ротъ положетъ и на нихъ сразу играть будетъ, тарелкою на палкѣ, а сею последнею уставя въ свой носъ—крутить будетъ, изъ зубовъ шляпу вверхъ подкинетъ и сразу ее безъ рукъ на голову наденетъ, палкой артикулы делать будетъ бытто мажоръ, палку на палке концомъ держать будетъ и прочее сему подобное проделаетъ. Въ заключеніе горящую паклю голымъ ртомъ есть приметца и при семъ ужасномъ фокусе не только рта не испортитъ, въ чемъ любопытный опосля убедитца легко можетъ, но и грустнаго вида не выкажетъ.

За симъ разскажетъ нѣсколько прекуріозныхъ разсказовъ изъ разныхъ сочиненій, наполненныхъ отменными выдершками,

а взаключеніе всево:

духовный хоръ крепостныхъ людей Александры Денисовны Юрасовской исполнитъ нѣсколько партикулярныхъ пѣсенъ и припевовъ

за симъ

уважаемые гости съ фамиліями своими почтительнейше просютца къ ужыну въ садъ въ конецъ липовой алеи, туды, гдѣ въ своемъ месте стоитъ аранжирея.

Алексей Денисовичъ Юрасовскій.
Маеръ Петръ Денисовичъ Юрасовскій.

11 Мая 1828 году.

Сообщилъ князь А. Л. Голицынъ

Вновь найденный черновой набросокъ стихотворенія Пушкина „Альфонсъ“.

Предлагаемый вниманію читателей черновой набросокъ одного изъ стихотвореній А. С. Пушкина найденъ нами въ бумагахъ семейнаго архива Брюлловыхъ. Владѣлецъ этого архива Владимиръ Александровичъ Брюлловъ, съ отмѣнною любезностью позволивъ намъ просмотрѣть бережно хранимыя имъ драгоцѣнности своего архива, изъявилъ полную свою готовность подѣлиться съ публикой имѣющимися въ его рукахъ любопытными документами на страницахъ «Русской Старины». Для начала мы сочли удобнымъ выдѣлить изъ этого богатаго собранія два черновые наброска, принадлежащіе рукѣ великаго поэта. Одному изъ нихъ и посвящаемъ настоящую замѣтку.—Вопросъ о томъ, какъ могли попасть рукописи А. С. Пушкина въ бумаги Брюлловыхъ, разрѣшается довольно просто, если вспомнить отношенія, существовавшія между А. С. Пушкинымъ и К. П. Брюлловымъ: поэтъ могъ передать художнику свой автографъ лично, такъ какъ эти два свѣтила русскаго искусства были долгое время между собой пріятелями. Какъ рано началось знакомство Пушкина съ Брюлловымъ, точно опредѣлить не можемъ, но во всякомъ случаѣ еще въ началѣ 30-хъ годовъ, когда нашъ художникъ былъ коротко знакомъ съ такими писателями, какъ Н. В. Гоголь [1]), В. А. Жуковскій [2]) и др., Пушкинъ былъ съ нимъ и его братомъ (Александромъ Павловичемъ) въ самыхъ хорошихъ и даже близ-

[1]) См. „Истор. Вѣстн.“ 1881 г. № 1, стр. 136—138.

[2]) Въ архивѣ Брюлловыхъ есть двѣ записки этого поэта, писанныя къ братьямъ Брюлловымъ въ самомъ дружескомъ тонѣ.

кихъ отношеніяхъ на «ты». Прежде всего Пушкина привлекалъ къ Брюллову, разумѣется, могучій талантъ художника, кисть котораго не разъ будила дремавшее вдохновеніе въ душѣ поэта, и оно откликалось на нихъ глубоко прочувствованными строфами. Такъ, подъ впечатлѣніемъ «Послѣдняго дня Помпеи» Пушкинъ набросалъ величественную картину знаменитаго изверженія Везувія, начинающуюся словами: «Везувій зѣвъ открылъ—дымъ хлынулъ клубомъ» [1]) и т. д.; картина «Распятіе», на первой выставкѣ которой для наблюденія за порядкомъ были поставлены часовые, внушила ему столь извѣстное стихотвореніе какъ: «Когда великое свершалось торжество» [2]) и пр. Пушкинъ живо интересовался работами Брюллова и не разъ говоритъ о нихъ, въ своихъ письмахъ, между прочимъ онъ сохранилъ для насъ слѣдующій любопытный отзывъ А. А. Перовскаго о картинѣ Брюллова «Нашествіе на Римъ Гензериха»: «Былъ я у Перовскаго, который показывалъ мнѣ недоконченныя картины Брюллова. Брюлловъ, бывшій у него въ плѣну [3]), отъ него убѣжалъ и съ нимъ поссорился. Перовскій показывалъ мнѣ «Взятіе Рима Гензерихомъ» (которое стоитъ «Послѣдняго дня Помпеи»), приговаривая: «Замѣть, какъ прекрасно подлецъ этотъ нарисовалъ этого всадника, мошенникъ этакой! Какъ онъ умѣлъ это, свинья, выразить свою канальскую, геніальную мысль, мерзавецъ онъ, бестія! Какъ нарисовалъ онъ эту группу.... Умора» [4]). Н. А. Рамазановъ передаетъ также, что когда Пушкинъ, зайдя въ студію Брюллова, увидѣлъ эскизъ для этой картины и замѣтилъ автору его, что картина, написанная по этому эскизу, можетъ стать выше «Послѣдняго дня Помпеи», Карлъ Павловичъ отвѣтилъ: «Сдѣлаю выше Помпеи»... [5]) Говорятъ, что Пушкинъ разъ какъ-то предложилъ Брюллову сюжетъ для картины изъ жизни Петра Великаго; Карлъ Павловичъ тотчасъ началъ живо объяснять ему имъ самимъ избранный сюжетъ изъ жизни этого монарха, при

---

[1]) Сочиненія Пушкина, Спб. 1887, т. II, стр. 184, ср. ibid.,—томъ V, стр. 334, прим.

[2]) Сочиненія Пушкина, т. II, стр. 186.

[3]) Дѣло въ томъ, что не успѣлъ К. П. Брюлловъ пріѣхать въ Москву (въ декабрѣ 1835 года) и зайти къ своему товарищу по академіи И. Т. Дурнову, какъ А. А. Перовскій, узнавъ о его прибытіи, самъ перевезъ багажъ художника къ себѣ на квартиру, а потомъ, выражаясь словами Пушкина, „заполонилъ“ и самого Брюллова, который, впрочемъ, скоро отдѣлался отъ такой услужливости (См. между прочимъ, объ этомъ у Пушкина т. VII, стр. 399).

[4]) См. письмо Пушкина къ женѣ изъ Москвы отъ 11-го мая 1835 года (Сочин., т. VII, стр. 402).

[5]) См. Н. А. Рамазановъ „Матеріалы для исторіи художествъ въ Россіи“, кн. I, М. 1863, стр. 115—186.

чемъ объяснилъ такъ, что, по свидѣтельству Маковскаго, просто написалъ картину: поэтъ «былъ пораженъ огненною рѣчью художника» [1]).

Сойдясь близко съ Брюлловымъ, Пушкинъ не разъ просилъ геніальнаго портретиста написать портретъ съ него и его жены. Карлъ Павловичъ исполнилъ первую просьбу поэта, чему свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что фамилія Александра Сергѣевича помѣщена въ собственноручномъ, Брюллова, спискѣ лицъ, съ которыхъ этотъ художникъ писалъ портреты [2]). Можетъ быть это тотъ самый портретъ Пушкина, который находился на послѣдней Пушкинской выставкѣ въ Москвѣ [3]). Такимъ образомъ, свидѣтельство Т. Г. Шевченка (передаваемое имъ со словъ Карла Павловича), будто-бы самъ Пушкинъ отказалъ Брюллову писать съ него портретъ [4]), можно считать невѣрнымъ, тѣмъ болѣе, что оно отчасти противорѣчитъ и письмамъ Пушкина [5]). Но вторую просьбу поэта—написать портретъ съ его жены—Брюлловъ, судя по всѣмъ даннымъ, не исполнилъ, и Т. Г. Шевченко, можетъ быть, правъ, говоря, что «Брюлловъ безцеремонно отказалъ поэту» на томъ основаніи, что Наталья Николаевна «была косая» [6]). Между тѣмъ какъ Пушкинъ весьма хотѣлъ имѣть портретъ своей жены, писанный К. П. Брюлловымъ, о чемъ говорятъ и его письма [7]). Но мы имѣемъ прекрасный акварельный портретъ Натальи Николаевны—невѣсты Пушкина, сдѣланный Александромъ Павловичемъ Брюлловымъ, который также былъ хорошо знакомъ съ поэтомъ, высоко цѣнилъ его талантъ, и вотъ какую характеристику его далъ въ своемъ разговорѣ съ Далемъ: «Читая Пушкина, кажется, видишь, какъ онъ жжетъ молніемъ выжигу изъ обносковъ: въ одинъ ударъ тряпье въ золу, и блеститъ чистый слитокъ золота» [8]).

Но не одно уваженіе таланта К. П. Брюллова влекло къ нему другого великаго художника и связывало ихъ узами чисто-дружескихъ отноше-

---

[1]) Ibidem, стр. 187.

[2]) См. фототипическій снимокъ съ этого списка, приложенный въ брошюрѣ М. Желѣзнова „Неизданныя письма К. П. Брюллова“ 1867 г. заграничное изданіе.

[3]) См. „Каталогъ“ этой выставки, стр. 7, № 11.

Кстати упомянемъ, что преданіе долгое время приписывало работѣ К. П. Брюллова портретъ юноши-поэта, гравюра котораго была впервые приложена къ 1-му изданію „Кавказскаго Плѣнника“ (Спб. 1822) и повторялась много разъ впослѣдствіи.

[4]) См. „Поэмы, повѣсти и разсказы Т. Г. Шевченки на русск. языкѣ“ Кіевъ, 1888 г., стр. 306 (автобіограф. повѣсть „Художникъ“).

[5]) „Портретъ мой Брюлловъ напишетъ на-днях“, сообщалъ онъ В. Нащокину отъ 29-го января 1832 г. (см. Сочиненія Пушкина, т. VII, стр. 301).

[6]) См. Т. Г. Шевченко, цит. сочин., стр. 306.

[7]) См. Сочиненія Пушкина, т. VII, стр. 295, 399.

[8]) См. Л. Н. Майковъ, „Пушкинъ“. Спб. 1899, стр. 421.

*

ній. Вниманіе такого тонкаго цѣнителя всего прекраснаго, какимъ былъ А. С. Пушкинъ, приковывалъ къ себѣ и нравственный обликъ К. П. Брюллова, его поэтически настроенная душа, вѣчно витавшая въ области «возвышенно прекрасныхъ» образовъ, рвавшаяся всегда въ Италію, которая представлялась этому горячему поклоннику античнаго не иначе, какъ страной идеаловъ красоты. Пушкинъ подружился съ Брюлловымъ, желалъ его видѣть у себя, «зазывалъ к ъ с е б ѣ въ Петербургъ» (т. VII, стр. 403) и въ письмахъ къ женѣ наказывалъ ей принять этого «истиннаго художника» и «добраго малаго» (ibid., стр. 399). А когда тотъ, по выраженію Пушкина, «скрѣпя сердце», боясь «климата и неволи», собирался покинуть Москву и «хандря» готовился къ отъѣзду, поэтъ «утѣшалъ и ободрялъ» его [1]). Правда, минуты, въ которыя Пушкинъ чертилъ цитуемое нами письмо, были одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ минутъ его жизни; онъ самъ былъ въ настроеніи, заставившемъ его воскликнуть: «чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи съ душою и талантомъ» [2]), но такова была сила любви нѣжной души поэта, что онъ забывалъ свои муки и хандру, видя хандру и страданія близкихъ его сердцу...

И Брюлловъ цѣнилъ и помнилъ такое отношеніе къ нему Пушкина: уважая въ немъ человѣка, онъ любилъ его и какъ поэта, и поучался изъ его вдохновенныхъ строкъ [3]), когда не могъ уже слушать «дивныхъ пѣсенъ» изъ устъ самого поэта—своего пріятеля, котораго ему на много суждено было пережить.

Фактъ такихъ отношеній достаточно основателенъ, чтобъ предположить, что Пушкинъ могъ передать лично К. П. Брюллову набросокъ, о которомъ мы сейчасъ будемъ говорить. Но можно думать и то, что художникъ получилъ его на память отъ В. А. Жуковскаго, подъ редакціей котораго онъ и появился впервые въ печати.

Найденный нами набросокъ стиховъ написанъ на хорошей почтовой бумагѣ большаго формата съ золотымъ обрѣзомъ, исподволь синеватой, перегнутой въ форму почтоваго листа малаго формата. Года не означено; подписи нѣтъ. Набросокъ представляетъ не что иное, какъ стихотвореніе, напечатанное впервые въ 1841 году [4]) и выдаваемое обыкновенно за н а ч а л о п о э м ы: «А л ь ф о н с ъ». Въ посмертномъ изданіи оно не отнесено къ какому-либо опредѣленному году; П. В.

---

[1]) См. письмо Пушкина къ женѣ отъ 18-го мая 1836 г. (сочин., т. VII, стр. 404).

[2]) Ibidem.

[3]) Ср. Т. Г. Шевченко—цит. сочин.

[4]) Посмертное изданіе, Спб. 1841, т. IX, отдѣлъ мелкихъ стихотвореній, стр. 205—206.

Анненковъ относитъ его къ неизвѣстному году [1]), П. А. Ефремовъ—къ 1832 году [2]); предположеніе послѣдняго, если не вѣроятно, то—судя по почерку рукописи—не невозможно. Въ собраніяхъ сочиненій Пушкина стихотвореніе это, обыкновенно перепечатывающееся съ изданія 1841 года, заключаетъ въ себѣ 41 строку, но рукопись (вмѣстѣ съ зачеркнутыми поэтомъ стихами) представляетъ 51 строку, которыя мы возстановляемъ слѣдующимъ образомъ:

Альфонсъ садится на коня;
Ему [3]) хозяинъ держитъ стремя,
„Сеньоръ! послушайтесь меня:
Пускаться въ путь теперь не время,
Въ горахъ опасно, ночь близка,
Другая вента далека,
Останьтесь здѣсь: готовъ вамъ ужинъ,
Въ каминѣ разложенъ огонь;
Постеля есть [4]),—покой вамъ нуженъ,
А [5]) къ стойлу тянется вашъ конь".
— „Мнѣ путешествіе [6]) привычно
И днемъ, и ночью—былъ бы путь",
Тотъ отвѣчаетъ [7])—„Неприлично
Бояться мнѣ чего-нибудь [8]).
Я дворянинъ [9]): ни чортъ, ни воры
Не могутъ удержать меня,
Когда спѣшу на службу я".
И донъ-Альфонсъ коню далъ шпоры,
И ѣдетъ рысью. Передъ нимъ
Одна [10]) идетъ дорога [11]) въ горы
Ущельемъ тѣснымъ и глухимъ [12]).
Вотъ [13]) выѣзжаетъ онъ въ долину ...

---

[1]) Сочин. Пушкина. Спб. 1855, т. II, стр. 196—198.
[2]) Сочин. Пушкина, М. 1882, т. III, стр. 241—242.
[3]) Это слово приписано сверху строки.
[4]) Первоначально было: „Постель мягка".
[5]) Первоначально было: „и".
[6]) Первоначально было: „мнѣ путешествовать".
[7]) Первоначально было: „Но онъ, нахмурясь".
[8]) Первоначально 13-я—14-я строки предшествовали 11-й—12-й; затѣмъ слѣдовалъ зачеркнутый стихъ: „Я долженъ переѣхать горы", а первоначально было: „Мнѣ должно переѣхать горы".
[9]) Первоначально было: „И ѣду я", затѣмъ поправлено и зачеркнуто: „Я офицеръ".
[10]) Первоначально было: „И дичь, и глушь"; затѣмъ поправлено и зачеркнуто: „Его угрюмая".
[11]) Зачеркнуто: „прямо".
[12]) Первоначально было: „Идетъ ущеліемъ глухимъ".
[13]) Варіантъ: „и".

Какую жъ видитъ онъ картину? [1])
Кругомъ пустыня, дичь и голь [2]),
А въ сторонѣ торчитъ глаголь [3]),
А на глаголѣ томъ два тѣла
Висятъ. Закаркавъ, отлетѣла
Ватага черная воронъ,
Лишь только [4]) къ нимъ подъѣхалъ онъ [5]).
То были трупы двухъ гитановъ,
Двухъ славныхъ братьевъ [6])-атамановъ,
Давно повѣшенныхъ и тамъ
Оставленныхъ въ примѣръ ворамъ [7]).
Дождями небо ихъ мочило,
А солнце знойное сушило [8]),
Пустынный вѣтеръ ихъ качалъ,
Клевать ихъ воронъ прилеталъ.
И шла молва въ простомъ народѣ,
Что обрываясь по ночамъ,
Они до утра, на свободѣ
Гуляли, мстя своимъ врагамъ [9]).

---

[1]) Первоначально было: „И видитъ страшную (варіантъ „скверную") картину".

[2]) Первоначальный порядокъ строкъ 22—24: 24, 22, 23.

[3]) Первоначально было: „Высокой въ сторонѣ глаголь".

[4]) Послѣ этого слова было еще слово „близко".

[5]) Первоначально было: „Какъ мимо ихъ проѣхалъ онъ". Затѣмъ въ рукописи находятся слѣдующія восемь зачеркнутыхъ строкъ:

Альфонсъ взглянулъ,—сквозь сумракъ ночи
Еще страшнѣй ихъ страшный видъ:
Языкъ наружѣ, лѣзутъ очи
Вонъ изо лба... Храпитъ, дрожитъ
Альфонсовъ конь и, пятясь, бокомъ
Прошелъ ихъ мимо, и потомъ
Понесся рѣзво легкимъ скокомъ
Съ своимъ безстрашнымъ сѣдокомъ.

При этомъ въ первой изъ зачеркнутыхъ строкъ находятся слѣдующія поправки: „и при лунѣ", „легкій", „близкій"; въ шестой—вмѣсто „прошелъ ихъ" первоначально было: „проѣхалъ"; въ седьмой—вмѣсто „рѣзво" первоначально было: „въ горы", затѣмъ: „далѣ"; вмѣсто „легкимъ"—первоначально было: „рѣзвымъ";—въ восьмой—вмѣсто „безстрашнымъ" первоначально было: „отважнымъ".

[6]) Первоначально было: „Разбитой шайки".

[7]) Первоначально было: „Оставленныхъ въ примѣръ другимъ".

[8]) Передъ 34-мъ—35-мъ стихами, приписанными сбоку, въ рукописи находится зачеркнутый стихъ: „Они лишь путниковъ пугали".

[9]) Послѣ этого стиха въ рукописи находится варіантъ пятаго зачеркнутаго стиха (см. прим. къ стиху 29-му): „Альфонсовъ конь всхрапѣлъ и бо(комъ). Затѣмъ послѣ этого стиха поставлена черта (—) и набросанъ еще одинъ зачеркнутый стихъ: „И донъ-Альфонсъ далече скачетъ" (ср. два послѣдніе

Итакъ, автографъ поэта, давая болѣе правильное чтеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ позволяетъ привести неизвѣстные доселѣ варіанты и десять зачеркнутыхъ поэтомъ строкъ. Безъ сомнѣнія, Пушкинъ имѣлъ намѣреніе обработать это стихотвореніе, въ пользу чего говорятъ позднѣйшія поправки, находящіяся въ автографѣ.

Въ заключеніе скажемъ, что стихотвореніе это подвергалось не разъ критикѣ со стороны содержанія. Такъ П. В. Анненковъ былъ невысокаго мнѣнія о немъ и, повидимому, склонялся считать его однимъ изъ слабыхъ юношескихъ опытовъ поэта (т. II его изданія, стр. 228), въ то время какъ П. А. Ефремовъ, приписывая такой взглядъ упомянутаго издателя неосмотрительности его, высоко ставитъ содержаніе «Альфонса», облеченное въ «прелестный твердый стихъ» (см. т. III его изд., стр. 444, прим.). В. Г. Бѣлинскій въ одномъ мѣстѣ своей извѣстной статьи о Пушкинѣ относитъ его къ числу «особенно замѣчательныхъ» [1]), а въ другомъ—къ числу «лучшихъ» [2]).

Сообщилъ **Ив. Кубасовъ.**

стиха съ 2-ю и 3-ю строками 5-й строфы стихотворенія „Бѣсы", писаннаго въ 1830 году:

„Кони чуткіе храпятъ;
Вонъ ужъ онъ далече скачетъ"...)

[1]) В. Г. Бѣлинскій „Сочиненія", т. V, М. 1885, стр. 316.
[2]) Ibid., т. VIII, стр. 412.

Къ исторіи русской литературы тридцатыхъ годовъ.

Письмо Ив. Ив. Дмитріева П. П. Свиньину.

13-го сентября 1833 г. Москва.

Намъ не должно, милостивый государь Павелъ Петровичъ, извиняться другъ предъ другомъ. Я и самъ опоздалъ сообщить вамъ выписку изъ письма князя Вяземскаго еще отъ 14-го августа. Вы напрасно его обвиняли въ недоброхотствѣ. Вотъ что онъ между прочимъ пишетъ о васъ: «я отдалъ Дмитрію Николаевичу Блудову записку вашу и онъ, кажется, готовъ исполнить по возможности желанія ваши. Я даже слышалъ, что П. П. Свиньинъ былъ уже послѣ отъѣзда вашего нѣсколько разъ у него. Впрочемъ слышно, что Свиньинъ одинъ изъ главныхъ редакторовъ журнала Смирдина и можетъ быть уже не будетъ заниматься службою»—и здѣсь ни слова не выключено и не прибавлено.

Смирдинъ же на дняхъ бывъ у меня говорилъ, что дѣйствующими редакторами будутъ Гречъ и Сеньковской, и что самъ Полевой обѣщалъ служить ему своимъ издѣльемъ. И такъ по всему кажется, что журналъ будетъ блестящій по своей силѣ и знаменитости ума русскаго XIX столѣтія. Добро пожаловать. Мы готовы читать.

Заключаю свидѣтельствомъ вамъ и милостивой государынѣ Надеждѣ Аполлоновнѣ искренняго моего почтенія, съ коимъ навсегда имѣю честь пребыть и проч.

Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

XIV [1]).

1846.

Рескриптъ наслѣднику цесаревичу.—Кончина принца Нидерландскаго и помолвка великой княжны Ольги Николаевны.—Балъ у великой княгини Маріи Николаевны съ профессорами, академиками и горными офицерами.—Графъ Юрій Александровичъ Головкинъ.—Запрещеніе домино и венеціановъ для военныхъ на маскарадахъ.—Депутація лифляндскаго дворянства.—Графиня Бобринская.—Кончина князя Любецкаго.—Возвращеніе императрицы изъ Палермо.—Обрученіе и бракосочетаніе великой княгини Ольги Николаевны.—Особенности покупки имѣнія „Славянка".—Базаръ русскихъ издѣлій.—50-тилѣтній юбилей шефства императора Николая въ Конно-гвардейскомъ полку.—Кончина и похороны великой княжны Маріи Михайловны.—Переправа черезъ покрытый льдомъ Нѣманъ.—Память государя.

Отъѣзжая изъ Россіи въ Палермо, государь облекъ наслѣдника цесаревича такою властію, что за границу посылались только проекты указовъ, требовавшіе высочайшаго подписанія, и меморіи Общаго Собранія Государственнаго Совѣта. Все прочее разрѣшалъ цесаревичъ, и министры докладывали ему, каждый по своей части, на томъ же основаніи, какъ его родителю. Но эта, такъ сказать, передача самодержавной власти, бывъ приведена въ дѣйствіе не манифестомъ или указомъ, а однимъ циркулярнымъ отношеніемъ ко всѣмъ министрамъ отъ I-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи, не была извѣстна, по крайней мѣрѣ оффиціально, ни Сенату, ни вообще мѣстамъ и лицамъ подвѣдомственнымъ. По всѣмъ дѣламъ, требовавшимъ высочайшихъ повелѣ-

[1]) См. „Русскую Старину" январь 1900 г.

ній, они объявлялись, какъ всегда, именемъ государя, что̀ было, однакожъ, какъ говорятъ французы, тайною комедіи. Всѣ знали, что государь въ Палермѣ, и между тѣмъ повелѣнія отъ него по докладамъ и представленіямъ возвращались черезъ нѣсколько дней, а иногда въ тотъ же самый день.

Вслѣдъ за обратнымъ пріѣздомъ государя въ Петербургъ, наслѣдникъ цесаревичъ удостоенъ былъ ордена св. Владиміра 1-й степени—первой выслуженной имъ награды. Государь собственноручно написалъ весь рескриптъ карандашемъ и, велѣвъ потомъ переписать, прислалъ августѣйшему своему сыну, вмѣстѣ съ этою копіею, обратившеюся, черезъ высочайшую на ней подпись, въ оригиналъ, и черновой свой подлинникъ [1]). Вотъ слова этого царственнаго акта:

«Любезнѣйшему сыну моему, государю наслѣднику цесаревичу!

«Отъѣзжая за границу для сопутствованія государыни императрицы, родительницы вашей, поручилъ я вамъ управленіе большаго числа дѣлъ государственныхъ, въ томъ полномъ убѣжденіи, что вы, постигая мою цѣль, мое къ вамъ довѣріе, покажете Россіи, что вы достойны вашего высокаго званія.

«Возвратясь нынѣ по благословенію Божію, удостовѣрился я, что надежды мои увѣнчались къ утѣшенію родительскаго моего, нѣжно васъ любящаго сердца.

«Въ вящшее доказательство моего удовольствія жалуемъ васъ кавалеромъ ордена св. Равноапостольнаго Великаго Князя Владиміра первой степени, коего надпись: «польза, честь и слава» укажетъ и впредь вамъ, на что Промыслъ Всевышняго васъ призываетъ для Россіи».

21-го января у графа Воронцова-Дашкова давался домашній спектакль, на которомъ обѣщалъ присутствовать и государь. Но почти передъ самымъ началомъ принесли къ хозяину записку отъ наслѣдника цесаревича, извѣщавшаго, что ни онъ, ни государь не могутъ пріѣхать, по случаю внезапнаго извѣстія о кончинѣ сына принцессы Фридерики Нидерландской, сестры императрицы. Этому принцу, единственному сыну, было только 9-ть лѣтъ отъ роду, и всѣ очень полюбили его въ предшедшее лѣто, которое онъ проводилъ, вмѣстѣ съ своими родителями, въ Петергофѣ. Государь, съ обыкновенною нѣжностію своихъ чувствъ, отозвался, что не можетъ принять участія въ увеселеніяхъ въ самый день полученія этого извѣстія, зная, сколько оно огорчитъ отсут-

---

[1]) Императоръ Александръ II замѣтилъ: „Оригинальный рескриптъ у меня хранится одинъ, черноваго никогда не видалъ и прислалъ его вечеромъ 31-го декабря 1845 г. съ своею собственною лентою и звѣздою“.

ствующую императрицу [1]). За этимъ печальнымъ извѣстіемъ послѣдовало на другой день радостное. Въ письмахъ изъ Палермы увѣдомляли государя о помолвкѣ великой княжны Ольги Николаевны съ наслѣднымъ принцомъ Виртембергскимъ. Государь познакомился съ нимъ въ Венеціи, гдѣ и происходили предварительные намеки и переговоры. Извѣстіе было разнесено по городу въ особыхъ прибавленіяхъ къ газетамъ; но какъ оно до вечера не вездѣ еще могло огласиться, то многіе очень были озадачены засвѣтившеюся вдругъ по улицамъ иллюминаціею.

28-го января, въ день рожденія великаго князя Михаила Павловича, былъ балъ у великой княгини Маріи Николаевны, первый семиоффиціальный, потому что запросто у нея уже и прежде нерѣдко танцовали. Я сказалъ семиоффиціальный отъ того, что всѣхъ статскихъ звали не въ мундирахъ, а въ мундирныхъ фракахъ. Личный составъ бала былъ, смотря съ точки обыкновенныхъ придворныхъ и свѣтскихъ собраній, довольно оригиналенъ. Кромѣ собственно лицъ танцующихъ, высшихъ придворныхъ чиновъ, членовъ Государственнаго Совѣта, статсъ-секретарей и т. п., между этими привычными гостями встрѣчались, немножко какъ лица безъ образа, профессора Академіи художествъ, академики Академіи наукъ и офицеры корпуса горныхъ инженеровъ. Всѣ они были званы по служебнымъ отношеніямъ герцога Лейхтенбергскаго, котораго и личные вкусы особенно привлекали къ ихъ кругу. Впрочемъ, балъ въ этихъ новыхъ, свѣжихъ, блестящихъ чертогахъ былъ истинно великолѣпенъ. Ужинали въ часъ, но танцы продолжались до пятаго.

Въ первыхъ числахъ февраля 1845 [2]) года пришло въ Петербургъ извѣстіе о кончинѣ въ Харьковѣ попечителя тамошняго учебнаго округа, оберъ-камергера и члена Государственнаго Совѣта графа Юрія Александровича Головкина. Онъ былъ однимъ изъ умнѣйшихъ людей,—въ смыслѣ французскаго homme d'esprit—и пріятнѣйшихъ собесѣдниковъ своей эпохи, и императоръ чрезвычайно любилъ его общество, такъ что когда графъ жилъ еще въ Петербургѣ, онъ почти ежедневно обѣдалъ во дворцѣ. Говорили, что ему при смерти было далеко за 90 лѣтъ; не знаю, на сколько это справедливо; по крайней мѣрѣ видъ его отнюдь не показывалъ такой старости. Извѣстно только, что онъ состоялъ въ службѣ съ 1782 года, а въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника съ 1804 года. Камергеромъ онъ былъ еще при Екатеринѣ (1792), сенаторомъ (1797) и оберъ-церемоніймейстеромъ (1799) при Павлѣ, а

---

[1]) Потомъ этотъ спектакль повторился для государя и царской фамиліи, въ общемъ опять нашемъ присутствіи.

[2]) Такъ въ оригиналѣ.

Александровскую ленту получилъ въ 1801 году (съ 1834 онъ былъ и Андреевскимъ кавалеромъ). Происходивъ изъ той вѣтви своей фамиліи, которая выселилась изъ Россіи еще при Петрѣ Великомъ, графъ Головкинъ, съ кореннымъ русскимъ именемъ, былъ родомъ—голландецъ, а религіею—реформатъ и по-русски не только писалъ, но и говорилъ очень дурно. Когда онъ, въ царствованіе Павла, присутствовалъ въ 1-мъ департаментѣ Сената, императоръ, разгнѣвавшись по одному дѣлу на этотъ департаментъ, приказалъ отрѣшить всѣхъ сенаторовъ—кромѣ Головкина, о которомъ въ указѣ сказано было, что онъ изъемлется отъ отвѣтственности за малымъ знаніемъ русскаго языка. Я самъ, долго сидѣвъ съ нимъ въ Комитетѣ призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ, котораго онъ былъ предсѣдателемъ, могу засвидѣтельствовать, что имя свое онъ всегда подписывалъ «Юрья». Послѣ него осталось около 12.000 душъ, изъ числа которыхъ 8.000 въ 1845 году были имъ обращены въ маіоратъ, составленный въ пользу внука его по дочери, находившейся въ замужествѣ за управлявшимъ нѣкогда министерствомъ иностранныхъ дѣлъ княземъ Александромъ Николаевичемъ Салтыковымъ. Сверхъ того, продавъ остальное свое имѣніе, графъ, давно уже вдовый, еще при жизни передалъ два милліона въ руки жившей съ нимъ долгое время самой простой женщины, жены ламповщика одного изъ петербургскихъ театровъ. Не смотря на все это огромное состояніе, въ домѣ, въ минуту его смерти, не нашлось ни копѣйки, такъ что для похоронъ пришлось заложить—брильянтовый оберъ-камергерскій ключъ.

Военные генералы и офицеры въ прежнее время не могли являться на публичныхъ маскерадахъ иначе, какъ безъ шпагъ и въ домино или венеціанахъ сверхъ мундировъ; и этому правилу всегда подчинялъ себя и царь. 12-го февраля 1846 г., по случаю маскерада, даннаго въ пользу инвалидовъ, объявлено приказаніе, чтобы впредь на маскерадахъ военные были въ однихъ мундирахъ, но непремѣнно при шпагахъ. Съ тѣхъ поръ венеціаны и домино перешли въ область преданія, и маскерады стали, для военныхъ, отличаться отъ обыкновенныхъ баловъ лишь тѣмъ, что на первыхъ они должны были носить на головѣ каски

По случаю разныхъ неустройствъ въ Лифляндіи предназначенъ былъ пересмотръ отношеній въ семъ краѣ помѣщиковъ къ крестьянамъ и для сего, въ 1846 году, учреждены въ Петербургѣ два комитета, одинъ приготовительный, а другой высшій, изъ членовъ Государственнаго Совѣта; сверхъ того, для участія въ этомъ дѣлѣ вызваны были изъ Лифляндіи губернскій предводитель дворянства и нѣсколько депутатовъ.

Въ мартѣ государь пожелалъ видѣть этихъ депутатовъ, и они были потребованы во дворецъ. При аудіенціи ихъ присутствовали, кромѣ наслѣдника цесаревича, министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Перовскій, графъ П. П. Паленъ, въ качествѣ предсѣдателя высшаго изъ упомянутыхъ комитетовъ, генералъ-адъютантъ баронъ Мейендорфъ, въ званіи предсѣдателя евангелической генеральной консисторіи, генералъ-адъютантъ баронъ Ливенъ и, наконецъ, генералъ-губернаторъ остзейскихъ губерній Головинъ, какъ оффиціальный **вводитель** депутаціи. Государь, сказавъ, при представленіи ея, что, вѣроятно, не всѣ члены равно сильны въ русскомъ языкѣ, спросилъ, какъ они желаютъ, чтобъ онъ съ ними говорилъ, т. е. по-французски, или по-нѣмецки? На такое милостивое предложеніе, они отвѣчали, что предпочитаютъ языкъ нѣмецкій, и государь, попросивъ въ шутку ихъ снисхожденіе къ своей малоопытности въ немъ, произнесъ длинную и превосходную рѣчь, отъ которой, разумѣя и содержаніе ея и дикцію, всѣ пришли въ совершенный восторгъ. Сущность этой рѣчи состояла въ томъ, что, желая улучшить и болѣе упрочить состояніе лифляндскихъ крестьянъ, государь обѣщаетъ, однако, державнымъ своимъ словомъ, охранить при этомъ, какъ всегда, и привилегіи мѣстнаго дворянства. Спустя нѣсколько дней, государь призвалъ снова передъ себя, въ секретную аудіенцію, уже одного губернскаго предводителя Лиліенфельда; но содержаніе этой второй аудіенціи, относившейся, вѣроятно, до происходившихъ въ то время въ Лифляндіи религіозныхъ волненій, осталось тайною, вслѣдствіе положенной государемъ на Лиліенфельда печати молчанія.

Спустя нѣсколько времени кто-то изъ лицъ, присутствовавшихъ при первой аудіенціи, напечаталъ въ Эльбергфельдской газетѣ подробный отчетъ о всемъ ея ходѣ и всю рѣчь государя вмѣстѣ съ бывшими на нее отвѣтами. Изъ Эльбергфельдской газеты эта статья перешла въ Кёльнскую и наконецъ въ «Journal des Débats» (5-го іюля 1846); но, не знаю почему, хотя все тутъ напечатанное дѣлало лишь честь нашему правительству, эти нумера газетъ не были пропущены нашею цензурою.

28-го марта скончалась одна изъ почетнѣйшихъ, умнѣйшихъ и наиболѣе любимыхъ дамъ высшаго нашего круга, графиня Софья Александровна [1]) Бобринская, дочь лифляндскаго ландрата Унгернъ-Штернберга. Замужество съ сыномъ императрицы Екатерины открыло ей доступъ ко двору, а высшія качества и плѣнительный умъ не замедлили всѣхъ къ ней привязать. Ее въ особенности удостоивала сво-

---

[1]) Императоръ Александръ II поправилъ: „Анна Карловна“.

его расположенія императрица Марія Ѳеодоровна, а потомъ этимъ же расположеніемъ отличалъ ее и императоръ Николай, очень часто посѣщавшій старушку, хотя она не была ни статсъ-дамою, ни даже кавалерственною дамою, и называвшій ее всегда «Mütterchen» [1]). Все знатное, сильное, имѣвшее притязаніе на высшій тонъ, стекалось въ великолѣпный ея домъ, на концѣ Галерной улицы, почти единственный, гдѣ еще держалась бесѣда безъ неизбѣжной, какъ въ другихъ, помощи танцевъ и картъ, хотя впрочемъ и у нея бывали по временамъ балы, украшавшіеся присутствіемъ императорской фамиліи. Положеніе графини при дворѣ было какъ бы исключительное, потому что безъ всякаго, какъ я уже сказалъ, придворнаго званія, не имѣвъ особеннаго значенія и по генералъ-маіорскому чину покойнаго своего мужа, она не только въ домашнемъ придворномъ быту, но и на всѣхъ церемоніальныхъ выходахъ, обѣдахъ и пр., шла въ уровень съ статсъ-дамами [2]). Мужъ ея, умершій лѣтъ за тридцать прежде нея, былъ человѣкъ малозначущій, такъ что и Екатерина только обогатила его, но не рѣшилась вывести въ люди. Въ ея царствованіе онъ былъ лишь бригадиромъ, и уже императоръ Павелъ пожаловалъ его въ генералъ-маіоры. Не могу, хотя и не совсѣмъ здѣсь кстати, не коснуться любопытной исторіи его рожденія, разсказанной мнѣ графомъ Блудовымъ, который, по имѣвшимся въ его рукахъ бумагамъ и актамъ, все на свѣтѣ знаетъ и помнитъ. Плодъ тайной любви съ Григоріемъ Орловымъ, Бобринскій носимъ былъ императрицею подъ сердцемъ въ кратковременное царствованіе Петра III-го. Тогдашнія огромныя фижмы представляли полную возможность скрывать ея положеніе, но надо было приготовиться и къ минутѣ развязки. Петръ III часто входилъ къ императрицѣ въ теченіе дня и могъ случайно придти и въ эту минуту, а онъ безъ того уже помышлялъ о расторженіи брака съ нею, какъ она съ своей стороны замышляла о низверженіи его съ престола, къ чему, однако, не все еще было продуготовлено. Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ Екатерина призвала къ себѣ одного изъ своихъ приверженцевъ, графа Гендрикова.

— Ты часто увѣрялъ,—сказала она,—что готовъ пожертвовать для меня и состояніемъ, и жизнію. Теперь настало время испытать тебя, хотя рѣчь идетъ не о жизни и не о состояніи, а только о части послѣдняго, за которую мнѣ не трудно тебя вознаградить.

Гендриковъ повторилъ свои клятвы въ безпредѣльной преданности, и тогда Екатерина открыла ему свое положеніе и свой планъ. У него былъ домъ на Петербургской сторонѣ, изъ оконъ котораго былъ виденъ

---

[1]) Императоръ Александръ II поправилъ „Tante“.

[2]) Императоръ Александръ II написалъ: „Вздоръ“.

Зимній дворецъ. Условились, что при извѣстномъ сигналѣ изъ послѣдняго Гендриковъ тотчасъ зажжетъ свой домъ, такъ какъ императоръ присутствовалъ на каждомъ пожарѣ въ столицѣ. Такъ и сдѣлалось. Петръ поскакалъ на пожаръ, а между тѣмъ Екатерина благополучно разрѣшилась сыномъ.

Тѣло графини отвезли въ деревню; на выносѣ его въ Петровскую лютеранскую церковь присутствовали и государь и наслѣдникъ цесаревичъ.

11-го мая русская земля лишилась опять одного доблестнаго сына. Скончался, на 69-мъ году отъ роду, князь Ксаверій Францевичъ Друцкой-Любецкій, человѣкъ историческій по своимъ судьбамъ и, при всѣхъ его странностяхъ и недостаткахъ, чрезвычайно примѣчательный среди обширнаго поля нашей прозаической посредственности. Въ сочиненіи моемъ: «Императоръ Николай въ совѣщательныхъ собраніяхъ» [1]) помѣщена подробная его біографія и характеристика; но, говоря тамъ о немъ преимущественно съ дѣловой стороны, я не довольно, можетъ статься, отдалъ справедливости душевнымъ его качествамъ. Онъ былъ человѣкъ въ высшей степени добрый, благородный, безпритязательный, надежный другъ, наконецъ и правдивый судья, умѣвшій примирять правосудіе съ добродушіемъ. У насъ, гдѣ, и предумышленно и безъ намѣренія, все такъ скоро забывается, еще при жизни Любецкаго мало кто помнилъ, что ему собственно Россія обязана уничтоженіемъ простонароднаго лажа на монету—важнѣйшая заслуга въ его политической карьерѣ. Онъ умеръ истиннымъ христіаниномъ, въ полной памяти, съ совершеннымъ спокойствіемъ духа, съ молитвою на устахъ.

— J'entrevois déjà l'éternité,—были послѣднія слова его къ окружавшимъ его женѣ и дѣтямъ—le passage n'est nullement pénible; il n'a de douloureux que la séparation avec vous!

Передъ тѣмъ, онъ наставлялъ дѣтей въ любви и почтеніи къ матери, взаимной дружбѣ между собою и преданности отечеству, прибавляя, что лишь при строгомъ исполненіи этихъ совѣтовъ умирающаго отца они найдутъ счастіе и покой въ жизни. Онъ требовалъ также непремѣнно, чтобы послѣ смерти тѣло его было вскрыто, какъ для пользы науки, такъ и для личной пользы его дѣтей: ибо всегда думалъ, что болѣзнь его есть наслѣдственная и что врачи, ближе ознакомясь съ нею черезъ осмотръ его внутренностей, найдутъ, можетъ статься, дѣйствительнѣйшія средства къ предохраненію отъ нея его потомства. Медикамъ не очень хотѣлось приступать къ исполненію этой воли покойнаго, но вдова на томъ настояла.

---

[1]) См. „Сборникъ император. русск. историческ. общества“, т. 98.

На отпѣваніи тѣла въ большой римско-католической церкви присутствовали наслѣдникъ цесаревичъ и великій князь Михаилъ Павловичъ. Государь находился въ то время въ Варшавѣ.

Послѣ Любецкаго осталось 3.300 душъ въ литовскихъ губерніяхъ, слѣдственно самыхъ бѣдныхъ, и—550.000 руб. сер. долгу. Новое доказательство, въ случаѣ если бы кто въ томъ усомнился, что на совѣсти покойнаго не лежало никакого безчестнаго дѣла. Извѣстно, что, кромѣ многолѣтняго нахожденія министромъ финансовъ въ царствѣ Польскомъ, онъ былъ употребленъ по важнымъ ликвидаціоннымъ дѣламъ въ Австріи и Франціи, которыя человѣку съ менѣе чистыми правилами могли бы доставить милліоны.

Императрица возвратилась изъ Палермы въ началѣ лѣта 1846 года, обновленная въ силахъ. Государь ѣздилъ къ ней на встрѣчу въ Варшаву. 7-го іюня они, вмѣстѣ, впервые пріѣхали изъ Петергофа прямо въ Казанскій соборъ. Обѣдъ былъ приготовленъ, на всякій случай, и въ Зимнемъ дворцѣ, и на Елагиномъ острову, и императорская чета предпочла ѣхать на послѣдній. Вечеромъ городъ загорѣлся иллюминаціею, выходившею изъ ряда обыкновенныхъ, при очаровательной лѣтней ночи, ослаблявшей, правда, своимъ свѣтомъ блескъ огней, но за то такой тихой, что шкалики горѣли, какъ въ комнатѣ. Въ 11-мъ часу показалась на Невскомъ проспектѣ императрица съ великою княжною Ольгою Николаевною, въ закрытой каретѣ. Народъ тѣснился вокругъ нея толпами, съ криками «ура!», мѣстами, передъ нѣкоторыми табачными магазинами, стояли пѣсельники изъ рабочихъ и пѣли народный гимнъ. Все это вмѣстѣ имѣло какой-то особенный, необычный чопорному Петербургу характеръ. Государь на улицахъ не показывался, предоставя весь почетъ этой встрѣчи одной императрицѣ.

25-го іюня въ день рожденія государя, происходило обрученіе, а 1-го іюля, въ день рожденія императрицы и вмѣстѣ 29-ти-лѣтія брачнаго ея союза, вѣнчаніе великой княжны Ольги Николаевны съ наслѣднымъ принцомъ Виртембергскимъ. Оба празднества совершились въ Петергофѣ, но съ тѣмъ же торжествомъ и по тому же церемоніалу, какъ обыкновенно дѣлалось и въ столицѣ. Изъ иностранныхъ принцевъ прибыли на эти празднества: наслѣдный принцъ прусскій, сынъ шведскаго короля Оскаръ и, отъ датскаго двора, одинъ изъ принцевъ Глюксбургъ-Зондерсгаузенскихъ.

Въ день обрученія предназначенный церемоніаломъ парадный балъ, по случаю жары и общаго утомленія, былъ отмѣненъ; но вечеромъ загорѣлась обворожительная, совсѣмъ новая иллюминація одного верхняго сада. Ее устраивалъ, по примѣру бывшей въ Варшавѣ для встрѣчи императрицы, нарочно выписанный сюда полякъ. На деревьяхъ было раз-

вѣшено, въ формѣ виноградныхъ лозъ, 52.000 разноцвѣтныхъ стеклянныхъ фонарей, и сверхъ того садъ горѣлъ множествомъ пальмовыхъ деревьевъ и колоннъ, увѣнчанныхъ корзинами съ цвѣтами. Для выдѣлки этихъ фонарей были остановлены всѣ работы на казенномъ заводѣ, и за всѣмъ тѣмъ послѣднія три тысячи поспѣли только въ самый день иллюминаціи.

Въ день бракосочетанія, 1-го числа, были иллюминованы верхній садъ и въ нижнемъ каналъ, на концѣ котораго горѣлъ шифръ императрицы, а 2-го числа—весь садъ. Потомъ слѣдовали всякій день праздники, то въ Петербургѣ, то въ Красномъ Селѣ, парадный балъ въ Дворянскомъ собраніи и наконецъ 11-го (день тезоименитства великой княгини) иллюминація въ городѣ и на Елагиномъ. Въ этотъ же день (т. е. 1-го) излился потокъ милостей на служащихъ какъ при дворѣ, такъ и по всѣмъ вѣдомствамъ. Здѣсь не мѣсто ихъ исчислять, но изъ нихъ двѣ были особенно примѣчательны, какъ очень рѣдкія.

Бывшая воспитательница великой княгини и августѣйшихъ ея сестеръ, статсъ-дама Баранова (вдова дѣйствительнаго статскаго совѣтника) возведена съ потомствомъ въ графское достоинство, что̀ представило, кажется, второй лишь примѣръ пожалованія у насъ титула дамѣ: первый былъ на воспитательницѣ сестеръ государевыхъ Ливенъ, пожалованной, также во вдовствѣ, сперва въ графини и потомъ въ княгини. Помощница новой графини, фрейлина Акулова, награждена орденомъ св. Екатерины 2-й ст., что̀ было уже едва-ли не первымъ примѣромъ: ибо хотя княжнѣ Волконской въ сей же день, а графинѣ Орловой-Чесменской еще прежде пожалованъ былъ тотъ же орденъ, но онѣ обѣ имѣли высшее званіе камеръ-фрейлинъ.

Новобрачная чета вскорѣ оставила Петергофъ и Россію. Переселяясь на жительство въ Штутгардтъ, она 28-го августа отправилась въ Штетинъ, водою, на двухъ пароходахъ.

Въ сентябрѣ 1846 года, вся наша публика была очень занята одною исторіею, которая ходила по городу, прикрашенная, разумѣется, тысячью вымысловъ и ложныхъ толковъ. Вотъ истинный ходъ и сущность этой исторіи, по самымъ достовѣрнымъ источникамъ.

Пользовавшаяся въ то время у насъ большою, хотя и не совсѣмъ лестною репутаціею, вдова флигель-адъютанта графа Самойлова, скитаясь по чужимъ краямъ, вышла наконецъ за какого-то италіанца, что̀, лишивъ ее правъ русскаго подданства, поставило въ необходимость продать состоявшія за нею въ Россіи недвижимыя имущества. Въ числѣ ихъ главнѣйшее, Графская Славянка, неподалеку отъ Павловска, имѣніе истинно царское, досталось ей по наслѣдству изъ рода Скавронскихъ. Государь, пожелавъ купить это имѣніе для себя, велѣлъ

графу Перовскому, управлявшему (за отсутствіемъ князя Волконскаго) министерствомъ удѣловъ, сторговать его у повѣреннаго Самойловой. Но какъ сей послѣдній запросилъ слишкомъ высокую цѣну, то Перовскій, въ увѣренности, что на такое большое имѣніе не легко найдется другой покупщикъ, предпочелъ отложить покупку до публичныхъ торговъ, которые должны были послѣдовать по истеченіи законнаго срока. Между тѣмъ, мать оберъ-церемоніймейстера графа Воронцова-Дашкова, управлявшая всѣми его дѣлами, стала торговать Славянку для своего сына и, условившись въ цѣнѣ, дала 150.000 р. задатку. Воронцовы, и особенно молодая вострухa (жена графа), о которой я не разъ уже говорилъ, были въ восхищеніи имѣть такую чудесную мызу подъ самою столицею, съ совсѣмъ уже устроеннымъ и даже меблированнымъ дворцомъ и съ богатѣйшими угодьями, а старуха-мать радовалась своей сдѣлкѣ, тѣмъ болѣе, что продавецъ принималъ въ счетъ покупной суммы 3.000 душъ въ Бѣлоруссіи, нѣсколько уже лѣтъ не дававшихъ дохода и стоившихъ только денегъ на ихъ прокормленіе. Государь объ этомъ ничего не зналъ. Вдругъ, за обѣдомъ въ Петергофѣ, кто-то сказалъ, что акціи Царскосельской желѣзной дороги должны значительно подняться въ цѣнѣ.

— Отчего?—спросилъ царь.

— Оттого, что Воронцовы купили Славянку, и теперь, при ихъ открытомъ образѣ жизни, всѣ будутъ къ нимъ туда ѣздить.

Государь промолчалъ, но послѣ обѣда приказалъ Перовскому тотчасъ кончить дѣло о покупкѣ Славянки для двора, за предложенную Воронцовыми сумму, съ возвращеніемъ послѣднимъ ихъ задатка. Тутъ старуха Воронцова рѣшилась написать государю частное письмо по-французски, въ которомъ, изложивъ всѣ обстоятельства, изъяснила, что какъ ею заключена уже запродажная запись и данъ задатокъ, то дѣло, по закону, должно считать конченнымъ и неприкосновеннымъ для третьей стороны. На это, по высочайшей волѣ, отвѣтствовано было, тоже по-французски, отказомъ, съ ссылкою на другой законъ, по которому государь имѣлъ бы право, какъ родственникъ Скавронскихъ, выкупить Славянку, и съ изъясненіемъ, что, не обращаясь къ этому праву, онъ оставляетъ имѣніе за собою и потому, что первый на него торговался, и для блага крестьянъ, которыхъ положеніе будетъ выгоднѣе въ рукахъ удѣла, чѣмъ въ частной крѣпостной зависимости.

Какъ бы то ни было, но молодая Воронцова ужасно разгнѣвалась на такой исходъ дѣла и уже никогда, наперекоръ своему добряку-мужу, не могла простить императору Николаю разрушенія розовыхъ ея надеждъ на привольную жизнь въ Славянкѣ.

12-го октября 1846 года, открылось въ Петербургѣ совсѣмъ новое учрежденіе: «Энциклопедическій базаръ русскихъ мануфактурныхъ издѣлій», соединившій въ себѣ постоянную выставку съ огромною, такъ сказать, лавкою. Это была компанія почти всѣхъ русскихъ фабрикантовъ, которые хотѣли, добротою произведеній и умѣренностью цѣнъ, внушить довѣріе къ нашей мануфактурной промышленности и, вмѣстѣ, открыть глаза нашей публикѣ, доказавъ, что мы нерѣдко покупаемъ въ дорогихъ иностранныхъ магазинахъ русскія издѣлія, подъ видомъ и по цѣнамъ иностранныхъ. Компанія, въ главѣ которой стоялъ извѣстный московскій фабрикантъ Гучковъ, расположила огромные свои склады въ тѣхъ залахъ Энгельгардтова дома (на Невскомъ проспектѣ), гдѣ помѣщалось прежде Дворянское собраніе, а потомъ Соединенный клубъ. Все было устроено со вкусомъ и даже роскошью; на все установлены опредѣленныя цѣны; вѣжливость и предупредительность продавцовъ были чрезвычайныя; стеченіе публики, и при томъ самой высшей, такое, что въ обширныхъ залахъ происходила настоящая давка. Государь посѣтилъ этотъ магазинъ тотчасъ въ первый день, обворожилъ, какъ обыкновенно, всѣхъ своею привѣтливостью и обѣщалъ опять пріѣхать съ цѣлою семьею. Вронченко, восхищенный тѣмъ, что все это устроилось во время его управленія министерствомъ финансовъ, въ первый день почти не выходилъ оттуда и подарилъ компаніи образъ святителя Николая въ позолоченной рамкѣ и золотую солонку. Впрочемъ, приведенію въ исполненіе этого грандіознаго предпріятія противупоставлялись сначала всѣ возможныя препоны и интриги. Магазинъ, извѣстный въ Петербургѣ подъ именемъ «Англійскаго», больше всѣхъ страшившійся его соперничества, предлагалъ купить у Гучкова всѣ товары разомъ и за наличныя деньги, если онъ откажется отъ участія въ этой компаніи; но Гучковъ отозвался, что лучше броситъ пожертвованные имъ на нее 300.000 р. въ воду, нежели лишитъ своей помощи такое русское дѣло. Съ другой стороны, министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Перовскій, враждовавшій въ это время противъ Вронченко, самовластно, подъ предлогомъ, что Гучковъ—старообрядецъ, запретилъ открытіе магазина, хотя и не существовало закона, который давалъ бы къ сему поводъ. Вронченко нашелся вынужденнымъ войти по сему случаю съ особымъ докладомъ, и единственно положительная воля государя дала возможность осуществить дѣло.

7-го ноября минуло 50 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ императоръ Николай, въ санѣ великаго князя, былъ назначенъ шефомъ л.-гв. Коннаго полка. Этотъ юбилей праздновался особеннымъ образомъ. Сперва, въ часъ, былъ въ Михайловскомъ манежѣ благодарственный молебенъ и

разводъ [1]), на которомъ государь самъ командовалъ полкомъ въ качествѣ полковаго командира. Передъ разводомъ [2]) людямъ объявили, что государь жалуетъ каждому рядовому по 3 р., каждому унтеръ-офицеру по 10 р., каждому вахмистру по 50 р. и, наконецъ, вахмистру лейбъ-эскадрона 100 р. Потомъ въ 4 часа былъ торжественный обѣдъ въ мраморномъ аванзалѣ [3]) Зимняго дворца, съ приглашеніемъ къ нему, кромѣ всѣхъ офицеровъ Конногвардейскаго полка, и всѣхъ ветерановъ, служившихъ въ немъ 50 лѣтъ тому назадъ. Ихъ нашлось еще до двѣнадцати, въ томъ числѣ князь Васильчиковъ и его братъ, графъ Нессельродъ, государственный контролеръ Хитрово, оберъ-шенкъ Рибопьеръ, сенаторъ Даниловъ (изъ сдаточныхъ рекрутъ, бывшій въ то время полковымъ писаремъ) и проч. Васильчиковъ, однако, не явился за совершенно уже разрушавшимся въ это время здоровьемъ его, а Рибопьеръ—за пребываніемъ въ своихъ имѣніяхъ. Нашлись еще и два рядовыхъ той эпохи, состоявшіе, во время празднованія юбилея, сторожами въ какихъ-то казенныхъ мѣстахъ. Каждому изъ нихъ государь велѣлъ дать по 150 р., и они сидѣли также за обѣденнымъ столомъ, между другими ветеранами, смѣша всѣхъ колоссальнымъ аппетитомъ и соотвѣтственною жаждою, хотя ѣли и пили все, что̀ подавалось болѣе, можетъ быть, изъ дисциплинарнаго чувства, не смѣя—отказаться. Въ полкъ государь прислалъ на обѣдъ деньги, и, наконецъ, вечеромъ, всѣ люди отправлены были на его счетъ въ существовавшій здѣсь въ то время циркъ Гверра. Полковый адъютантъ Анненковъ и другой офицеръ [4]), графъ Крейцъ, пожалованы во флигель-адъютанты.

Кончина великой княжны Маріи Михаиловны, послѣдовавшая въ Вѣнѣ въ ночь съ 6-го на 7-е ноября, поразила царственный домъ нашъ новою печалью. 13-го ноября, еще до манифеста, разнесли по городу афишки объ отмѣнѣ всѣхъ спектаклей на три дня, а потомъ наложенъ былъ трехмѣсячный трауръ; при дворѣ ограничились однѣми панихидами въ Царскомъ Селѣ, въ которомъ пребывала еще въ то время императорская фамилія, а для публики совершена была панихида въ Казанскомъ соборѣ, на которую пригласительныя повѣстки разнесли отъ полиціи, по обыкновенію—на другой день. Между тѣмъ, еще прежде полученія печальнаго извѣстія, по письмамъ объ отчаянномъ положеніи больной, отправился въ Вѣну наслѣдникъ цесаревичъ. Послѣ кончины великой княжны августѣйшая матерь ея съ младшею дочерью осталась въ Вѣнѣ, а великій князь Михаилъ Павловичъ вы-

---

[1]) Императоръ Александръ II исправилъ: „церковный парадъ“.
[2]) Императоръ Александръ II написалъ: „парадомъ“.
[3]) Императоръ Александръ II написалъ: „въ Гербовомъ залѣ“.
[4]) Императоръ Александръ II прибавилъ: „командиръ—лейбъ-эскадрона“.

ѣхалъ оттуда въ Петербургъ [1]), куда повезли и тѣло усопшей. Тутъ пришла вѣсть, что великій князь занемогъ въ Варшавѣ, и государь, чуждый всякаго утомленія—онъ только незадолго передъ тѣмъ возвратился изъ Москвы, а лѣтомъ ѣздилъ на встрѣчу императрицѣ въ Варшаву—24-го ноября въ ночь снова полетѣлъ въ этотъ городъ. Вдругъ, на разсвѣтѣ 29-го ноября, жители Петербурга были крайне удивлены и частью испуганы, при видѣ развѣвающагося надъ Зимнемъ дворцомъ флага,—знакъ, что государь уже опять въ Петербургѣ, не докончивъ, видно, предположенной поѣздки. Тотчасъ пошли разспросы, догадки и, натурально, прикрасы и выдумки. Вотъ что случилось въ самомъ дѣлѣ, по разсказу мнѣ тогда же графа Орлова, сидѣвшаго въ одномъ съ государемъ экипажѣ.

Выѣхавъ отсюда по прекрасному санному пути, въ первый разъ въ жизни государевой въ закрытой кибиткѣ, они у Вилькомиръ, за недостаткомъ снѣга, принуждены были пересѣсть въ слѣдовавшіе за ними лѣтніе экипажи. Прежде того, у Динабурга и потомъ у Янова, наши путешественники благополучно переправились черезъ не ставшія еще рѣки, на паромахъ, а у Ковенской заставы, куда прибыли 26-го числа въ 11-ть часовъ темной ночи, были встрѣчены полиціймейстеромъ, который, на вопросъ государя, отвѣчалъ, что и черезъ Нѣманъ, также еще не ставшій, переправа совершенно безопасна.

— Вслѣдствіе того,—продолжалъ Орловъ,—мы проѣхали черезъ городъ прямо къ рѣкѣ, гдѣ, въ присутствіи губернатора и всѣхъ мѣстныхъ властей, отпрягли у насъ лошадей, и коляску съ поднятымъ верхомъ, въ которой мы сидѣли, свезли, на рукахъ, на паромъ. Такъ я думалъ въ темнотѣ, но вышло иначе. Отъ берега шаговъ на 60 рѣка была покрыта льдомъ и на этотъ ледъ настлали доски, а паромъ причалили къ тому мѣсту, гдѣ онъ кончался. Едва протащили насъ десять шаговъ, какъ вдругъ доски заскрипѣли, ледъ проломился, и коляска начала погружаться. Заднія колеса стали твердо на дно, но переднія, не доставая уже до него, страшно колыхались, а везшіе насъ люди ушли въ воду почти по горло. Первымъ дѣломъ было велѣть скорѣе спустить вверхъ коляски, чтобы, при напорѣ воды и льда и сильномъ вѣтрѣ, ее не опрокинуло съ поднятымъ верхомъ на бокъ, въ какомъ случаѣ мы, съ нашею тучностью, могли бы тотчасъ погибнуть. Когда, послѣ большихъ усилій, эта первая операція удалась, представился второй вопросъ: какъ выбраться изъ коляски, въ которую уже сильно плескала вода? Придумали положить, съ края коляски на удержавшійся кругомъ ледъ, нѣсколько досокъ, по которымъ мы, наконецъ, и вышли на бе-

[1]) Императоръ Александръ II написалъ: „въ Варшаву, а послѣ двухнедѣльнаго пребыванія въ Петербургъ“.

регъ, но также съ большими усиліями и сильно промокнувъ, особенно же вымочивъ себѣ ноги. Случись все это еще шаговъ десять далѣе, гдѣ рѣка уже глубже, и Богъ знаетъ, что̀ сдѣлалось бы съ нами! Увидѣвъ на берегу стоявшаго еще тутъ губернатора (Калкатина), государь закричалъ на него:

— Вы губернаторъ?

— Къ несчастью, ваше величество!

Этотъ отвѣтъ такъ понравился государю, что онъ оставилъ губернатора безъ взысканія, но полиціймейстера тутъ же велѣлъ арестовать за неосновательное донесеніе о безопасности переправы и тому же подвергнулъ мѣстныхъ чиновниковъ путей сообщенія за дурное ея состояніе, не принявъ отговорки, что о проѣздѣ его дано было знать только за пять часовъ.

— Потому,—сказалъ онъ,—что переправа должна быть не для одного меня, а для всѣхъ проѣзжихъ.

Самую же переправу, состоявшую до тѣхъ поръ въ завѣдываніи управленія царства Польскаго, онъ сейчасъ рѣшилъ передать въ вѣдѣніе графа Клейнмихеля. Съ берега мы поднялись назадъ, въ Ковенскій дворецъ, и государь поручилъ мнѣ наблюсти, чтобы въ ночь переѣздъ былъ изготовленъ. Дѣйствительно, къ разсвѣту прорубили ледъ и паромъ причалили къ берегу. Но между тѣмъ государь, уступая моимъ убѣжденіямъ, передумалъ. Впереди, въ царствѣ Польскомъ, насъ ожидало еще нѣсколько переправъ, и при томъ нельзя было предвидѣть, въ какомъ положеніи мы найдемъ рѣки на возвратномъ пути, а государю хотѣлось быть въ Петербургѣ непремѣнно 3-го или уже по крайней мѣрѣ 4-го декабря.

— Братъ—сказалъ онъ—убѣдится, что въ порывѣ желанія обнять его, я сдѣлалъ 1.500 верстъ (считая взадъ и впередъ) и былъ остановленъ только стихіями!

— Мы повернули назадъ. По пріѣздѣ сюда, онъ велѣлъ мнѣ съѣздить тотчасъ къ князю Васильчикову, графу Нессельроду и князю Чернышеву, чтобы передать имъ дѣло въ настоящемъ видѣ и черезъ то предупредить какія-нибудь ложныя разглашенія на счетъ политическихъ обстоятельствъ. Впрочемъ, государь совершенно здоровъ и не чувствуетъ никакихъ дурныхъ послѣдствій отъ ножной ванны въ ноябрской водѣ.

Наслѣдникъ цесаревичъ свидѣлся съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ на дорогѣ, въ Тешенѣ, а съ великою княгинею въ Вѣнѣ и возвратился въ ночь съ 1-го на 2-е декабря. Михаилъ Павловичъ оставался въ Варшавѣ, больной болѣе духомъ, нежели тѣломъ, и пріѣхалъ въ Петербургъ 4-го числа. Государь тотчасъ навѣстилъ его и упросилъ переѣхать на житье къ себѣ въ Аничкинъ дворецъ. Тѣло

усопшей великой княжны было привезено въ Чесму 10-го, въ сопровожденіи фрейлины княжны Львовой, шталмейстера покойнаго графа Гендрикова и генерала Ильи Бибикова. Великій князь, съ своей стороны, отозвавшись, что его сердцу слишкомъ тяжело было бы присутствовать во второй разъ при погребеніи дочери (она уже была отпѣта въ Вѣнѣ), удалился на всѣ дни печальныхъ обрядовъ въ Новгородскій кадетскій корпусъ [1]).

Государь ѣздилъ къ панихидѣ въ Чесму и 10-го вечеромъ, и 11-го утромъ. Печальный кортежъ тронулся оттуда въ 4 часа послѣ обѣда того же дня. Гробъ везли въ огромной каретѣ, запряженной десятью лошадьми попарно; за нимъ слѣдовали нѣсколько генераловъ верхомъ, потомъ дамы съ дежурными кавалерами и наконецъ военный конвой, состоявшій изъ конной артиллеріи и конныхъ піонеровъ. По непрочности еще невскаго льда, назначено было навести, для переѣзда кортежа въ крѣпость, Воскресенскій мостъ; но, за неисправностію подрядчика, скрывшагося въ послѣднюю минуту отъ всѣхъ поисковъ, принуждены были ѣхать кругомъ, черезъ мосты Исакіевскій и Тучковъ. При ужаснѣйшей погодѣ (9° морозу съ такою мятелью, которая залѣпляла глаза) [2]), кортежъ, въ таинственной своей мрачности, двигался, медленною рысью, по темнымъ Петербургскимъ улицамъ, безъ факеловъ или другихъ внѣшнихъ погребальныхъ принадлежностей. Изъ членовъ царской фамиліи не было при немъ никого, но государь ожидалъ въ крѣпости со всѣми сыновьями и самъ поднялъ гробъ изъ кареты на катафалкъ, при которомъ находилось такое же дежурство, какъ у тѣла великой княгини Александры Николаевны. 12-го числа публика допускалась къ гробу отъ 7-ми до $10^1/_2$ часовъ утра и потомъ снова отъ часа до 8-ми вечера.

Но родительское сердце не утерпѣло.... Великій князь Михаилъ Павловичъ вернулся изъ Новгорода и въ 9 часовъ утра 13-го числа пріѣхалъ дать послѣднее цѣлованіе родному гробу. На это время всѣ, не исключая и дежурства (я находился въ его числѣ), были выведены изъ церкви. Послѣ уединеннаго своего прощанія, великій князь отправился на нѣсколько дней въ Павловскъ, а въ крѣпости надъ тѣломъ архіепископъ курскій Иліодоръ началъ литургію, въ присутствіи особъ первыхъ четырехъ классовъ и гвардіи штабъ-и оберъ-офицеровъ. Вслѣдъ за литургіею прибылъ государь съ наслѣдникомъ цесаревичемъ, тремя

[1]) Императоръ Александръ II прибавилъ: „Сначала, а потомъ въ Павловскъ, въ любимый свой Константиновскій дворецъ".

[2]) За этимъ послѣдовала немедленно оттепель, такъ размывшая подъемъ у крѣпости, что, вмѣсто прямаго пути, всѣ кареты, пріѣзжавшія потомъ къ тѣлу, отъ спуска у Мраморнаго дворца должны были прокладывать новый проѣздъ, по кочкамъ и рытвинамъ, къ домику Петра Великаго.

остальными своими сыновьями (императрица простилась съ гробомъ, который стоялъ все время закрытымъ, еще наканунѣ за паникодою) и, въ присутствіи ихъ и всѣхъ тѣхъ же особъ, совершена была послѣдняя панихида митрополитомъ с.-петербургскимъ и новгородскимъ Антоніемъ, съ четырьмя другими архіереями. Къ склепу, устроенному за могилою великой княгини Александры Николаевны, гробъ понесли самъ государь съ сыновьями и генералъ-адъютантами. Во время надгробной литіи, государь, стоявшій въ головахъ возлѣ митрополита, плакалъ на взрыдъ и кровь такъ приливала ему въ голову, что страшно было смотрѣть. Тяжкія потери брата, одна въ слѣдъ за другою, не могли не растравить вновь собственной его сердечной раны, едва затянувшейся. По окончаніи всей церемоніи, снявъ флеръ съ своей каски, онъ вручилъ его дежурному камеръ-пажу Лашкареву, съ словами: «Вотъ тебѣ на память. Надѣюсь, впрочемъ, что ты и безъ того будешь помнить этотъ день: ты, вѣрно, въ первый разъ въ жизни видѣлъ царя въ слезахъ!..» [1]).

Когда бо́льшая часть публики уже оставила церковь, въ ней случилось трагикомическое происшествіе. Молодой лейбъ-гусарскій офицеръ Шеншинъ, спѣша назадъ въ церковь, чтобъ объявить сестрѣ своей, фрейлинѣ, что отыскалъ ея карету, второпяхъ, не замѣтивъ остававшейся еще открытою могилы, полетѣлъ въ нее стремглавъ и съ трудомъ былъ оттуда поднятъ, весь выпачканный посыпаннымъ на гробъ пескомъ.

Подъ исходъ 1846 года князь Васильчиковъ уже совсѣмъ истаялъ въ предвѣстіе предсмертной своей болѣзни. 2-го декабря ему сдѣлалось такъ худо, что послали предварить государя и графа Левашова (его зятя и ближайшаго къ нему человѣка). Государь тотчасъ пріѣхалъ [2]) вмѣстѣ съ наслѣдникомъ цесаревичемъ и долго сидѣлъ у умиравшаго. Потомъ ему опять немного отдало, и онъ самъ пожелалъ исповѣдываться и пріобщиться. Вслѣдъ затѣмъ государь работалъ съ графомъ Киселевымъ и, по словамъ послѣдняго, казался крайне разстроеннымъ. Во время доклада, онъ нѣсколько разъ перерывалъ его, возвращаясь все къ болѣзни Васильчикова и отирая слезы.

— И я, говорилъ онъ, и всѣ вы только съ его смертію почувствуете, какъ онъ намъ былъ необходимъ и какую оставитъ послѣ себѣ незамѣнимую пустоту.

---

[1]) Императоръ Александръ II написалъ: „Это выдумка, ибо я все время былъ при государѣ и ничего подобнаго не слышалъ“.

[2]) Императоръ Александръ II прибавилъ: „Въ то самое утро воротившись изъ Варшавы“.

Спустя нѣсколько дней, князю опять сдѣлалось лучше, по крайней мѣрѣ, такъ, что миновалась минутная опасность, и онъ даже почувствовалъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы вступить снова въ исправленіе своей должности.

Императоръ Николай обладалъ чудесною памятью, въ особенности на лица, имена и фамиліи. Въ декабрѣ 1846 г. онъ посѣтилъ Пажескій корпусъ, гдѣ дежурнымъ камеръ-пажомъ случился въ то время одинъ изъ моихъ племянниковъ. Государь обратился къ нему съ вопросомъ:

— Какъ фамилія?

— Корфъ.

— Что ты, сынъ члена Совѣта?

— Никакъ нѣтъ, ваше величество.

— Чей же?

— Умершаго полковника лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона.

— Не Николаемъ ли его звали?

— Точно такъ, ваше величество.

— Славный былъ человѣкъ; желаю, чтобъ ты шелъ по его слѣдамъ.

А надо знать, что этотъ полковникъ Николай (братъ моей жены) умеръ въ 1831 г., т. е. за пятнадцать лѣтъ передъ тѣмъ.

XV.

1847 годъ.

Образованіе инспекторскаго департамента гражданскаго вѣдомства.—Кончина и похороны князя Васильчикова.—Рожденіе великаго князя Владиміра Александровича.—Особенность характера императора Николая I.—Князь Николай Андреевичъ Долгоруковъ.—Болѣзнь государя.—Майскій парадъ и подметное письмо.—Назначеніе М. А. Корфа временно-управляющимъ II отдѣленіемъ Собственной канцеляріи.—Колокола Исаакіевскаго собора.—Красносельскій лагерь.—Исторія генералъ-лейтенанта Тришатнаго.—Омнибусы.—Пріѣздъ невѣсты великаго князя Константина Николаевича.—Порученіе барону Корфу прочитать курсъ законовѣдѣнія великому князю Константину Николаевичу.—Присяга великаго князя.—Болѣзнь государя.—Лекція о престолонаслѣдіи.—Отмѣтка государя на запискѣ о лекціяхъ.

Въ исходѣ 1846 года, учрежденъ былъ инспекторскій департаментъ гражданскаго вѣдомства—установленіе, не имѣвшее дотолѣ ничего соотвѣтственнаго въ нашей администраціи, и это новое дѣло, которое, при своемъ рожденіи, было совсѣмъ не популярнымъ и встрѣчено

даже общимъ неудовольствіемъ, началось, какъ бы нарочно, рядомъ ошибокъ.

Въ первомъ высочайшемъ приказѣ по гражданскому вѣдомству, вышедшемъ 1-го января 1847 года, оказалось ихъ цѣлыхъ три, а именно: объ одномъ камеръ-юнкерѣ сказано было, что онъ переименовывается (вмѣсто жалуется) въ камергеры; другой чиновникъ названъ служащимъ въ канцеляріи небывалаго лифляндскаго военнаго генералъ-губернатора (вмѣсто рижскаго военнаго губернатора), и наконецъ, третій произведенъ въ чинъ со старшинствомъ съ 31-го сентября—числа, котораго не существуетъ въ календарѣ.

Здоровье князя Васильчикова, нѣсколько, какъ я уже говорилъ, оправившагося къ концу 1846 года, съ первыхъ дней слѣдующаго начало быстро клониться къ совершенному разрушенію. 30-го января, на балѣ у графа Закревскаго, государь сказалъ мнѣ, что былъ утромъ у князя и нашелъ его очень плохимъ.

— Бѣдный нашъ Иларіонъ Васильевичъ,—прибавилъ онъ,—всякій разъ какъ я его увижу, раздираетъ мое сердце.

— Однако, государь,—сказалъ я,—навѣстивъ его на-дняхъ, я остался нѣсколько довольнѣе его положеніемъ.

— Не знаю, лучшаго въ немъ развѣ только то, что воротился голосъ, но онъ въ какой-то апатіи, которая не обѣщаетъ ничего хорошаго.

— И между тѣмъ, ваше величество, все говоритъ съ жаромъ о государственныхъ дѣлахъ: думаю, что это будетъ послѣднимъ его словомъ даже на смертномъ одрѣ.

— Да, да, душевно жаль бѣднаго; такого уже мнѣ не нажить, даже еслибъ и лѣта позволяли думать о новыхъ дружбахъ.

Спустя нѣсколько дней, въ положеніи больнаго произошелъ опять нѣкоторый и даже очень замѣтный поворотъ къ лучшему. Государь, получивъ о томъ бюллетень (ему присылали ихъ по два раза въ день), поспѣшилъ съ нимъ къ императрицѣ и тутъ показывалъ его всѣмъ приближеннымъ, съ слезами на глазахъ, радуясь, какъ ребенокъ. Но дѣло уже было рѣшено невозвратно.

Предсмертныя страданія продолжались очень долго, почти недѣлю. Врачи по нѣсколько разъ собирали всѣхъ членовъ семейства къ постели умиравшаго, въ предвидѣніи его кончины; но онъ всякій разъ снова оживалъ. Даже и этой чистой душѣ трудно было разстаться съ земною ея оболочкой! Весь, можно сказать, городъ былъ въ ожиданіи, въ смутной тревогѣ. По Литейной почти не было проѣзда; ряды экипажей непрерывно тянулись къ подъѣзду его дома, какъ въ день его юбилея; передняя и пріемныя комнаты были постоянно наполнены людьми, являвшимися узнавать о развязкѣ. Интересы разсчетливаго эгоизма,

разумѣется, уже умолкли передъ открывавшимся гробомъ; но всѣ болѣе или менѣе сочувствовали умиравшему, а для иныхъ эта нескончаемая агонія приняла даже почти характеръ физіологической задачи...

Государь заѣзжалъ навѣдываться раза по два и по три въ день; наслѣдникъ цесаревичъ и великій князь Михаилъ Павловичъ также; съ угасшимъ послѣднимъ лучемъ надежды, всѣ желали скорѣйшаго окончанія страданій. Оно послѣдовало 21-го февраля въ 10-мъ часу вечера.

Для императора Николая, по чувствамъ его, эта потеря была тѣмъ же, что потеря Лефорта для Петра Великаго. Князь Васильчиковъ былъ единственный человѣкъ въ Россіи, который во всякое время и по всѣмъ дѣламъ имѣлъ свободный доступъ и свободное слово къ своему монарху, человѣкъ, котораго императоръ Николай не только любилъ, но и чтилъ, какъ никого другаго; одинъ, въ которомъ онъ никогда не подозрѣвалъ скрытой мысли, которому довѣрялся вполнѣ и безъ утайки, какъ прямодушному и благонамѣренному совѣтнику, почти какъ ментору; одинъ, можно сказать, котораго онъ считалъ и называлъ своимъ *другомъ*! Съ Васильчиковымъ исчезло, въ этомъ отношеніи, совершенно типическое и исключительное лицо, которое уже не могло болѣе возобновиться въ то же царствованіе.

Желая предварить сухія газетныя объявленія, я въ ту же ночь написалъ и рано утромъ послалъ государю, при коротенькомъ письмѣ, слѣдующую некрологическую статью:

«21-го февраля, въ 10-мъ часу по полудни, послѣ продолжительной болѣзни, окончилъ полезную и славную жизнь свою, на 70-мъ году ея теченія, предсѣдатель Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ, генералъ-отъ-кавалеріи, генералъ-адъютантъ, князь Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ. Совершивъ обширный почти 55-ти-лѣтній кругъ службы, на полѣ битвъ и въ совѣтахъ царскихъ, заплативъ долгъ отечеству, если только кто-либо сполна заплатить его можетъ, онъ въ правѣ былъ искать покоя и—не искалъ его. Одинъ послѣдній, смертельный недугъ отторгнулъ его отъ дѣлъ; но и среди тяжкихъ страданій духъ его, всѣ помыслы, всѣ желанія, всѣ бесѣды, все еще обращены были къ постоянной цѣли доблестной его жизни: къ славѣ *обожаемаго имъ* [1]) государя и къ благу отечества, на алтарь котораго онъ столько разъ слагалъ бытіе свое и силы. Память и дѣла его принадлежатъ потомству. Россія въ правѣ ожидать и требовать подробнаго его жизнеописанія; но теперь, въ первыя минуты горестной утраты, можетъ и должна лишь глубоко о немъ скорбѣть. Въ князѣ Васильчиковѣ она

[1]) Подчеркнутыя здѣсь и послѣ слова измѣнены были государемъ; о чемъ ниже упомяну.

потеряла не только мужа государственнаго, съ отличнѣйшими качествами души и сердца, съ свѣтлымъ разумомъ, съ знаніемъ государства и націи и съ самыми чистыми намѣреніями, рыцаря правды, чести и общей пользы; она потеряла еще истинно русскаго человѣка, проникнутаго и, такъ сказать, пропитаннаго всѣмъ, что̀ есть лучшаго и благороднѣйшаго въ духѣ русскомъ, съ родовою преданностью тремъ кореннымъ началамъ нашего бытія: православію, самодержавію и народности. Предмѣстники его могли принадлежать всякой странѣ; князь Васильчиковъ могъ родиться только въ Россіи! Заслуги, доблести и чувства его имѣли высокаго цѣнителя въ государѣ императорѣ Николаѣ Павловичѣ, какъ нѣкогда находили себѣ такого и въ августѣйшемъ его предшественникѣ. Сверхъ публичныхъ изъявленій и знаковъ почестей, коими князь былъ почтенъ и возвышенъ, то̀, что наиболѣе было для него драгоцѣнно,—неизмѣнное довѣріе монарха,—сопровождало его до гроба. Участіе и вниманіе его величества въ послѣдніе дни земной жизни умягчили страданія того, для котораго отнынѣ началась другая жизнь,—жизнь въ вѣчности и въ исторіи!

«Князю Васильчикову, въ высокомъ его положеніи, сужденъ былъ удѣлъ, рѣдкій и для частныхъ лицъ: стяжавъ общее уваженіе, общую довѣренность къ своему характеру, онъ—не имѣлъ ни одного врага! Надъ гробомъ его, съ слезами осиротѣвшаго семейства, единодушно соединяются и слезы великой семьи народной, отецъ которой недавно еще говорилъ:—«государи должны благодарить Небо за такихъ людей! [1])».

Государь немедленно возвратилъ мнѣ мою статью, изъявивъ соизволеніе на напечатаніе ея въ газетахъ, но съ тремя собственноручными въ ней поправками.

1) Вмѣсто «обожаемаго имъ государя», онъ написалъ «своего»; 2) вмѣсто «націи»,—«народа» и 3) слова: «предмѣстники его могли принадлежать всякой странѣ» онъ совсѣмъ исключилъ. Я сожалѣлъ о первой изъ этихъ поправокъ: именно обожаніе императора Николая издавна составляло одну изъ отличительныхъ, типическихъ сторонъ покойнаго.

Въ то же утро я поѣхалъ поклониться тѣлу. За неокончаніемъ еще послѣднихъ приготовленій дверь была для всѣхъ заперта; но меня, какъ полудомашняго, впустили. Покойный лежалъ на столѣ, въ своемъ кабинетѣ, гдѣ и скончался, въ мундирѣ гусарскаго своего имени полка, мало измѣнившійся; въ ногахъ читалъ псаломщикъ; вдоль стѣнъ комнаты безмолвно сидѣла семья. Все казалось патріархальнымъ, какъ всегда въ этомъ домѣ; но самъ патріархъ лежалъ съ закрытыми на вѣкъ

[1]) Слова̀, слышанныя мною самимъ отъ императора Николая.

глазами. Мнѣ стало неизъяснимо грустно, и тѣмъ болѣе, что мѣстомъ дѣйствія печальной сцены была та самая комната, въ которой сосредоточивались воспоминанія о всѣхъ долголѣтнихъ и близкихъ отношеніяхъ моихъ къ усопшему...

Государь былъ у тѣла также еще въ то время, когда оно лежало на смертной постели; за нимъ, нѣсколько позже, наслѣдникъ цесаревичъ и великій князь Михаилъ Павловичъ. Къ вечеру все поспѣло. Тѣло переложили въ гробъ и перенесли въ домовую церковь, гдѣ въ 8 часовъ совершена первая торжественная панихида. И на этой и на послѣдующихъ было такое стеченіе, какого мнѣ еще не случалось видѣть ни на одной подобной церемоніи по частномъ лицѣ. Отпѣваніе предполагали совершить въ ближайшей къ дому церкви св. Симеона; но по волѣ государя оно, 26-го числа, происходило въ церкви Преображенія, какъ соборѣ всей гвардіи, которою нѣкогда командовалъ покойный. Литургію совершалъ престарѣлый духовникъ государевъ и оберъ-священникъ гвардіи Музовской, съ придворнымъ духовенствомъ, а послѣднюю панихиду, въ присутствіи государя и великихъ князей, митрополитъ Антоній съ двумя архіереями. Въ перенесеніи гроба съ катафалка на колесницу приняли участіе наслѣдникъ цесаревичъ и великіе князья Константинъ Николаевичъ и Михаилъ Павловичъ. Несмотря на 15° морозу, государь, со всею свитою, ѣхалъ верхомъ за гробомъ отъ Преображенскаго собора до Невскаго проспекта, откуда, пропустивъ еще передъ собою войска, возвратился во дворецъ. Конвой составляли, сверхъ артиллеріи, весь Конногвардейскій полкъ, въ которомъ покойный началъ службу, и весь Образцовый кавалерійскій полкъ, заключающій въ себѣ отряды всѣхъ конныхъ полковъ русской арміи въ память того, что князь носилъ званіе инспектора всей кавалеріи.

Тѣло отвезли въ родовое имѣніе, въ Новгородской губерніи.

Замѣчательно, что, при огромныхъ окладахъ многихъ изъ нашихъ государственныхъ сановниковъ, князь Васильчиковъ, старшій между ними и отнюдь не богатѣйшій, имѣлъ всего служебнаго содержанія только шесть тысячъ рублей въ годъ. Послѣ его кончины это самое содержаніе было оставлено его вдовѣ съ двумя дочерьми, до смерти послѣдней изъ нихъ.

Въ ночь съ 9-го на 10-е апрѣля пушечные выстрѣлы разбудили многихъ жителей Петербурга.—Что такое? спрашивали они. Вѣроятно,—разошлась Нева. Нѣтъ, благодаря ночнымъ морозамъ и холоднымъ днямъ, она въ этотъ годъ простояла до 23-го числа. Дѣло состояло въ томъ, что наслѣднику Богъ далъ третьяго сына, Владиміра. Цесаревна желала разрѣшиться въ Царскомъ Селѣ, чтобы тамъ встрѣтить весну и потому 9-го были уже перевезены туда всѣ вещи, а 10-го хотѣла

переѣхать она сама со всею семьею, какъ вдругъ за ночь явился новорожденный.

30-го апрѣля были крестины по обыкновенному церемоніалу. Трехклассный обѣдъ отличался тѣмъ, что въ это время года всѣмъ гостямъ подавали въ изобиліи малину, землянику и вишни и что, за разъѣздомъ артистовъ италіанской оперы еще въ началѣ Великаго поста, вокальная музыка впервые составлена была изъ однихъ отечественныхъ талантовъ. Въ заключеніе, по программѣ, долженъ былъ еще слѣдовать венгерскій маршъ, подъ дирекціею его сочинителя, извѣстнаго композитора и музыкальнаго критика Берліоза, находившагося въ то время въ Петербургѣ; но обѣдъ, чтобы не слишкомъ утомить императрицу, подавался такъ поспѣшно, что этотъ нумеръ остался неисполненнымъ.

Послѣ крестинъ, когда младенца понесли на половину его родителей, государь, проходя мимо расположеннаго тамъ караула отъ лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка, спросилъ у людей, не хотятъ ли они видѣть новаго своего шефа (имъ назначенъ былъ новорожденный), и, на утвердительный отвѣтъ, велѣлъ обнести его по рядамъ.

По одному дѣлу послѣдовало собственноручное высочайшее повелѣніе. Одинъ изъ министровъ призналъ за нужное войти съ разными возраженіями противъ этого повелѣнія, и при томъ не прямо къ государю, а черезъ Комитетъ министромъ, который принялъ и представилъ его замѣчанія. Государь остался, однако, при прежде изъявленной имъ волѣ. Въ этотъ самый день, когда заключеніе Комитета было имъ разсмотрѣно, графъ Киселевъ обѣдалъ во дворцѣ и нашелъ государя крайне разгнѣваннымъ.

— Ты знаешь,—сказалъ онъ,—какъ я терпѣливъ въ разговорѣ наединѣ и выслушиваю всякій споръ, принимаю всякое возраженіе. Тутъ я, пожалуй, позволю сказать себѣ и дурака, хотя могу этому не повѣрить. Но чтобы назвали меня дуракомъ публично передъ Комитетомъ, или другою коллегіею, этого, конечно, никогда не попущу.

По веснѣ получено было извѣстіе о кончинѣ генералъ-губернатора харьковскаго, полтавскаго и черниговскаго князя Николая Андреевича Долгорукаго, человѣка очень умнаго, но крайне расточительнаго и проживавшаго всегда болѣе, чѣмъ онъ получалъ. Всѣ знали, что дѣла его въ самомъ разстроенномъ положеніи и что, при всемъ умѣ и административныхъ дарованіяхъ, онъ нисколько не отличался особенною строгостію правилъ тамъ, гдѣ дѣло касалось денежныхъ интересовъ; но никто однако же не воображалъ, чтобы онъ могъ кончить такъ, какъ оказалось послѣ его смерти. Уже на смертномъ одрѣ, въ Харьковѣ, онъ призвалъ къ себѣ тамошняго губернатора Муханова и вручилъ ему

два письма къ государю, съ просьбою отправить одно, какъ только онъ умретъ, а другое—нѣсколькими днями позже. Такъ и было сдѣлано. Въ первомъ письмѣ, объясняя горестное положеніе, въ которомъ остается его семья, Долгоруковъ поручалъ ея участь монаршему милосердію. Государь тотчасъ назначилъ его вдовѣ пенсію въ 4 тыс. руб. Но неожиданность заключалась во второмъ письмѣ. Здѣсь Долгорукій сознавался, что стѣсненныя обстоятельства вынудили его прикоснуться къ переходившимъ черезъ его руки казеннымъ суммамъ и что, такимъ образомъ, онъ взялъ изъ нихъ въ послѣднее время и употребилъ на свои надобности 43 тыс. руб. сер. Это послѣднее письмо государь велѣлъ разсмотрѣть въ Комитетѣ министровъ, который опредѣлилъ: 1) на все оставшееся послѣ Долгорукаго имѣніе тотчасъ наложить запрещеніе и 2) для приведенія въ точную извѣстность всего этого дѣла, не довольно выясненнаго въ письмѣ, командировать въ Харьковъ особаго надежнаго чиновника. Государь, соизволивъ на это, не могъ скрыть своего неудовольствія.

— Если,—говорилъ онъ,—такъ поступилъ мой намѣстникъ, генералъ-адъютантъ, членъ, по роду и положенію, высшей нашей аристократіи, то чего же ожидать отъ людей обыкновенныхъ, и какое остается мнѣ имѣть довѣріе къ людямъ равнымъ ему, къ его товарищамъ. Гадко, мерзко, отвратительно.

Послѣ Долгорукаго осталось три брата: Илья,—начальникъ штаба генералъ-фельдцейхмейстера, Василій,—начальникъ штаба одного изъ кавалерійскихъ корпусовъ [1]), расположенныхъ внутри имперіи (впослѣдствіи военный министръ) и Владиміръ,—вице-директоръ Провіантскаго департамента, передъ тѣмъ пожалованный въ флигель-адъютанты. Въ Петербургѣ, во время полученія извѣстія объ этой грустной исторіи, находились только первый и третій. Оба тотчасъ написали государю, что считаютъ священнымъ долгомъ сознанную ихъ братомъ растрату казенныхъ денегъ взять на себя. Государь принялъ этотъ вызовъ съ особеннымъ благоволеніемъ и отозвался, что на мѣстѣ братьевъ поступилъ бы точно такъ же; но самое предложеніе ихъ отклонилъ.

Въ мартѣ, императоръ Николай очень часто жаловался на свое здоровье. Онъ страдалъ сильными приливами крови, головокруженіемъ и колотьемъ въ боку. Постепенно, изъ соединенія этихъ припадковъ, образовалось нѣчто въ родѣ горячки, и мы только піявкамъ [2]) и другимъ

[1]) Императоръ Александръ II исправилъ: „всей резервной кавалеріи въ южныхъ военныхъ поселеніяхъ".

[2]) Императоръ Николай въ шутку называлъ піявокъ—сенатскими секретарями. Если онъ говорилъ: „привѣсить мнѣ полдюжины сенатскихъ секретарей", то камердинеры сейчасъ его понимали. Императоръ Александръ II противъ этого примѣчанія написалъ: „Никогда этого не слыхалъ".

энергическимъ средствамъ обязаны были спасеніемъ его жизни. Мандтъ, уволенный въ заграничный отпускъ, собирался уже ѣхать; но какъ государь къ нему одному имѣлъ полное довѣріе, то онъ долженъ былъ отложить свой отъѣздъ. Дошло до того, что разсмотрѣніе дѣлъ, восходящихъ къ высочайшему лицу, было передано наслѣднику цесаревичу. Издавна преслѣдуемый мыслію, что въ домѣ Романовыхъ никто не бываетъ долговѣченъ, государь говорилъ близкимъ, что болѣзнь его непремѣнно требовала бы лечь въ постель, но онъ не ложится единственно вслѣдствіе убѣжденія, что если ляжетъ разъ, то навѣрное уже не встанетъ. Въ Свѣтлое воскресенье, случившееся въ этомъ году 23-го марта, онъ не былъ въ силахъ явиться къ выходу, что, при его энергіи и желѣзномъ самообладаніи, очень много значило. Повѣстки къ ночной церемоніи были обыкновенныя; но всѣ впередъ уже знали, что на ней не будетъ ни государя, ни императрицы. Вмѣсто нихъ вышли въ церковь только наслѣдникъ цесаревичъ съ великою княгинею Маріею Николаевною (цесаревна находилась въ послѣднемъ періодѣ беременности) и всѣми великими князьями. Выходъ былъ, впрочемъ, по обычному церемоніалу: Государственный Совѣтъ ожидалъ въ церкви, палата и воинство были размѣщены въ своихъ залахъ. Наслѣдникъ вошелъ, ведя сестру свою подъ руку, и потомъ слѣдовалъ за крестами; но надъ всѣмъ лежало какое-то облако грусти, несоотвѣтственное «торжеству изъ торжествъ», и самъ наслѣдникъ казался очень мрачнымъ. Цѣлованія не было. Члены царской семьи, послѣ утрени, приложились къ крестамъ и образамъ и похристосовались съ державшимъ ихъ духовенствомъ, вслѣдъ затѣмъ началась литургія. Государь слушалъ только утреню, сидя въ комнатахъ великой княгини Ольги Николаевны, которыя въ это время занималъ [1]).

Къ концу мѣсяца государь, впрочемъ, сталъ поправляться, и лейбъ-медикъ Рейнгольдъ, также участвовавшій въ лѣченіи, утверждалъ, что вынесенная имъ болѣзнь можетъ быть очень благодѣтельна для его здоровья, если не послѣдуетъ какой-нибудь особенной неосторожности, или не будетъ какихъ-либо внѣшнихъ причинъ раздраженія, въ его положеніи и при его характерѣ часто неизбѣжныхъ. 25-го марта онъ впервые нѣсколько прошелся по Дворцовому бульвару, подъ лучами весенняго солнца; но роль его и въ этотъ день, на праздникѣ Конногвардейскаго полка, опять занималъ наслѣдникъ. Только въ началѣ апрѣля здоровье его совсѣмъ возстановилось.

Годичный парадъ всѣхъ гвардейскихъ войскъ на Царицыномъ лугу, бывавшій при императорѣ Николаѣ обыкновенно въ самыхъ первыхъ

---

[1]) Императоръ Александръ II написалъ: „Находящихся подлѣ его нижняго кабинета“.

днях мая, въ 1847 году, за чрезвычайно дурною погодою, постоянно со дня на день былъ откладываемъ и состоялся только 22-го числа. Наканунѣ графъ Киселевъ имѣлъ свой докладъ, при которомъ государь разсказалъ, что получилъ безъименное письмо, предварявшее, что есть злой умыселъ воспользоваться парадомъ для посягательства на его жизнь.

— Это впрочемъ,—прибавилъ онъ,—для меня не новое, и я уже не впервые получаю подобныя записочки.

Парадъ длился пять часовъ, хотя трудно предположить, чтобы государь, продолжившій его, какъ бы нарочно, долѣе обыкновеннаго, былъ въ это время совершенно спокоенъ.

Въ поѣздку государя въ 1845 году въ Италію папа вручилъ ему записку о неудовольствіяхъ римскаго кабинета на нашъ по дѣламъ римско-католической церкви въ царствѣ Польскомъ и въ западныхъ губерніяхъ. Для предварительныхъ о томъ переговоровъ оставался еще въ Римѣ нѣсколько времени послѣ государя графъ Нессельродъ, а по возвращеніи послѣдняго въ Петербургъ былъ составленъ здѣсь особый комитетъ изъ него и графовъ: Орлова, Киселева, Блудова и Перовскаго, для положенія на мѣру дальнѣйшихъ основаній къ устройству сего дѣла. Затѣмъ окончательная на этихъ основаніяхъ негосіація, при содѣйствіи посланника нашего въ Римѣ Бутенева, возложена была на графа Блудова, служившаго нѣкогда по дипломатической части и управлявшаго прежде дѣлами иностранныхъ исповѣданій въ Россіи. Онъ отправился изъ Петербурга 18-го августа, и завѣдываніе, въ его отсутствіе, II-мъ отдѣленіемъ Собственной его величества канцеляріи поручено было престарѣлому и больному статсъ-секретарю Балугьянскому, но по однимъ лишь текущимъ дѣламъ и съ весьма ограниченною властію.

3-го апрѣля 1847 года я поѣхалъ къ больной моей тещѣ. Вдругъ туда пріѣзжаетъ ко мнѣ фельдъегерь.

— Что такое?

— Пакетъ отъ государя, съ надписью: «весьма нужное».

Въ немъ—письмо на высочайшее имя отъ одной изъ дочерей Балугьянскаго, съ извѣстіемъ, что отецъ ихъ опасно боленъ и находится уже при послѣднемъ издыханіи. На письмѣ надпись ко мнѣ руки государя: «Сейчасъ только узналъ; прошу посѣтить старика и поклониться отъ меня; а ежели скончается, поручаю вамъ принять отдѣленіе въ ваше вѣдѣніе, до возвращенія графа Д. Н. Блудова».

Я тотчасъ поскакалъ къ Балугьянскому, но уже не засталъ его въ живыхъ; вслѣдствіе чего вступилъ въ должность и, донеся о томъ государю, испрашивалъ разрѣшеніе: вступить ли мнѣ во всѣ права Блудова, или, по примѣру Балугьянскаго, ограничиваться только текущею

также, что военному суду, названному генеральнымъ и составленному изъ всѣхъ наличныхъ въ Петербургѣ полныхъ генераловъ, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя генералъ-аудиторіата князя Шаховскаго, велѣно было собираться въ Георгіевскій залъ Зимняго дворца, т. е., съ одной стороны, у подножія трона, отъ котораго, говорили, надлежало бы исходить однѣмъ милостямъ, а съ другой—въ той самой залѣ, которая служитъ главнымъ театромъ празднествъ при брачныхъ церемоніяхъ въ царскомъ домѣ. Особенное сочувствіе возбуждала къ себѣ несчастная семья Тришатнаго, которая, сверхъ тягости постигшаго ее удара, лишена была, черезъ секвестръ имущества, всѣхъ средствъ существованія. Она состояла изъ жены, трехъ дочерей, фрейлинъ высочайшаго двора, и двухъ сыновей, офицеровъ въ гвардейской конной артиллеріи, и первыя уже намѣревались снискивать себѣ хлѣбъ занятіями въ частныхъ домахъ. Но милосердіе государя, разсудившаго, что обвиняемый не есть еще осужденный, все исправило. Тришатному отвели въ крѣпости пять или шесть заново отдѣланныхъ и убранныхъ комнатъ, въ которыя, снявъ стоявшій передъ ними караулъ, перевезли также жену его и дочерей и потомъ, во все продолженіе суда, всю семью содержали на казенный счетъ и даже прислали для нея повара съ придворной кухни.

Судъ начался 26-го апрѣля и собирался каждую субботу. Тришатнаго и Добрышина перевозили черезъ Неву изъ крѣпости во дворецъ, къ допросамъ, каждаго въ особомъ катерѣ. Всѣ члены засѣдали въ парадной формѣ, т. е. въ шитыхъ мундирахъ и лентахъ. Въ продолженіе суда государь однажды сказалъ князю Шаховскому:

— Я очень радъ, что предсѣдателемъ въ этомъ дѣлѣ ты. Ты старикъ, да и я ужъ не молодъ; мы остережемся, чтобъ не запятнать нашей совѣсти какою-нибудь лишнею строгостію, или опрометчивостію, потому что и Тришатный старикъ, такъ чтобы намъ не совѣстно было встрѣтиться съ нимъ на томъ свѣтѣ.

Судъ продолжался весьма долго и окончился, кажется, уже въ августѣ, присужденіемъ, обоихъ подсудимыхъ наравнѣ, къ лишенію чиновъ, знаковъ отличій и дворянства и къ разжалованію въ рядовые. Государь, при конфирмаціи приговора, сдѣлалъ въ немъ ту отмѣну, чтобы Тришатнаго, въ уваженіе къ прежней отличной службѣ, не лишать дворянства и, за раны, производить ему инвалидный окладъ пенсіи по прежнему чину, съ разрѣшеніемъ жить, гдѣ пожелаетъ. Впрочемъ, объ этомъ дѣлѣ Петербургъ столько уже наговорился въ его началѣ, что рѣшеніе прошло почти незамѣченнымъ, и въ это самое время гораздо болѣе было толковъ о французскихъ приговорахъ надъ Тестомъ и Кюбьеромъ, оглашенныхъ въ газетахъ со всѣми по нимъ преніями.

Прежніе огромные и неуклюжіе омнибусы, ѣздившіе по Невскому проспекту четверкою въ рядъ почти всегда пустые, очень скоро прекратили свое существованіе, и Петербургъ опять остался безъ общественныхъ каретъ, пока въ 1847 году начальнику [1]) 1-го кадетскаго корпуса [2]) барону Шлиппенбаху не пришла счастливая мысль возобновить это дѣло, на другихъ совсѣмъ основаніяхъ. Съ воскресенья 20-го апрѣля стали ходить у насъ щегольскіе экипажи новаго устройства подъ названіемъ каретъ Невскаго проспекта, десятимѣстные, запряженные парою и при томъ на лежачихъ рессорахъ, что тогда въ Петербургѣ было еще большою рѣдкостію, потому что кромѣ каретъ, имѣвшихъ особое названіе докторскихъ, всѣ экипажи дѣлались еще на стоячихъ рессорахъ. За проѣздъ съ каждаго пассажира взималось 10 к. Конечными пунктами движенія этихъ каретъ были, съ одной стороны, Пески, съ другой—то мѣсто на Англійской набережной, откуда начинался строившійся въ то время постоянный мостъ черезъ Неву. Онѣ съ самыхъ первыхъ поръ очень полюбились нашей публикѣ и были всегда такъ полны, что съ трудомъ открывалась возможность достать въ нихъ мѣсто. Въ началѣ мая, въ одной изъ такихъ каретъ, вмѣстѣ со всею публикою, прокатился изъ любопытства и государь. Когда, при входѣ его, прочіе, сидѣвшіе въ ней, сжались, онъ извинился передъ ними, что длинными своими ногами занимаетъ много мѣста.

Въ томъ же году, съ воскресенья, 14-го сентября, открылась и другая линія публичныхъ каретъ, отъ Лиговки у конца Бассейной до Покрова въ Коломнѣ, подъ именемъ каретъ Бассейной и Садовой.

8-го октября государь, объѣздивъ часть южной Россіи, возвратился въ Царское Село черезъ Варшаву, откуда ѣхали наслѣдникъ цесаревичъ съ супругою, привезшіе съ собою изъ-за границы нареченную невѣсту великаго князя Константина Николаевича, принцессу Альтенбургскую Александру, и прибывшій къ ней на встрѣчу августѣйшій женихъ. Въ ночь съ 10-го на 11-е всѣ они ночевали въ Лугѣ, а 11-го послѣдовалъ торжественный въѣздъ невѣсты въ Царское Село, котораго, живъ тамъ въ то время, я былъ свидѣтелемъ. Государь съ остальными членами своей семьи встрѣтилъ дорогихъ гостей у выходящихъ на Гатчинское шоссе воротъ Царскосельскаго сада и оттуда, уже съ ними вмѣстѣ, проѣхалъ прямо въ дворцовую церковь. Въ саду была разставлена пѣхота, а на большомъ дворѣ передъ дворцомъ—кавалерія; при входѣ же невѣсты въ церковь происходила пушечная пальба. Мы, т. е. военная свита государева, первые чины двора и принадлежавшіе къ нему

---

[1]) Императоръ Александръ II исправилъ: „директору“.

[2]) Императоръ Александръ II прибавилъ: „генералъ-лейтенанту“.

изъ числа царскосельскихъ жителей, ждали въ залѣ передъ церковью, куда вошли въ слѣдъ за царскою семьею. Тутъ было краткое молебствіе съ многолѣтіемъ, и вросшій почти въ землю отъ старости духовникъ государевъ Музовскій сказалъ принцессѣ нѣсколько привѣтственныхъ словъ. Минута торжественная! Потомъ, въ залѣ и въ сѣняхъ, въ нее ведущихъ, происходили, въ виду нашемъ, представленія принцессѣ всѣхъ, оставшихся еще ей дотолѣ незнакомыми, членовъ новой ея семьи, цѣлованія, обниманія наслѣдникомъ и цесаревною ихъ дѣтей послѣ разлуки съ ними. Все, въ этой домашней картинѣ, дышало радостію; императрица обливалась слезами, государь былъ видимо растроганъ; мало кто и изъ насъ не плакалъ...

На другой день, въ воскресенье, къ придворной обѣднѣ невѣста не являлась, а вечеромъ, послѣ фамильнаго обѣда, были во дворцѣ французскій спектакль и ужинъ, опять въ общемъ нашемъ присутствіи. Въ антрактахъ спектакля императрица сама подводила принцессу къ сидѣвшимъ въ первыхъ рядахъ дамамъ, а послѣ ужина точно также обходила съ нею всѣхъ прочихъ; на слѣдующій же день государь представлялъ ей мужчинъ.

Во вторникъ, 21-го октября, былъ въ Царскомъ Селѣ небольшой балъ у наслѣдника цесаревича. Увидѣвъ меня тутъ, государь взялъ подъ руку и отвелъ въ сторону. Разговоръ, начавшись съ одного важнаго дѣла II-го отдѣленія, слушавшагося наканунѣ въ Государственномъ Совѣтѣ, послѣ минутнаго молчанія, принялъ вдругъ совершенно непредвидѣнный мною оборотъ.

— Знаешь ли что, любезный Корфъ—сказалъ государь—я хочу просить у тебя большой милости. Ты помнишь, что покойный Михайло Михайловичъ (Сперанскій), при концѣ воспитанія Александра Николаевича (наслѣдника), занимался съ нимъ законовѣдѣніемъ; хочешь ли ты много обязать меня, взявшись за это съ Константиномъ Николаевичемъ?

Я стоялъ, какъ пораженный громомъ этою неожиданностію, и едва могъ сказать:

— Государь, такая милость, такое довѣріе... но не знаю, способенъ ли я на это, въ силахъ ли удовлетворить вашимъ ожиданіямъ?

— Ну ужъ это предоставь моей заботѣ; я знаю, кого выбираю, знаю и увѣренъ, что ты будешь дѣйствовать точно такъ же усердно, добросовѣстно и умно, какъ всегда во всѣхъ твоихъ обязанностяхъ, а меня, повторяю, лично и много этимъ обяжешь.

Послѣ того онъ говорилъ еще, по крайней мѣрѣ минутъ съ десять, о свойствахъ великаго князя; о томъ, что будущій воспитанникъ мой исполненъ дарованій, о предубѣжденіи его противъ нововведеній Петра Великаго и любви къ старой, до-Петровской Россіи, о желаніи своемъ, чтобы я старался опровергнуть это предубѣжденіе и показать

великому князю развитіе нашего законодательства и государственнаго устройства преимущественно изъ элементовъ отечественныхъ, и т. п. Но я находился еще въ такомъ волненіи отъ внезапности предложеннаго мнѣ, что слушалъ болѣе наружнымъ видомъ, нежели разумѣніемъ, и отъ того могъ удержать въ памяти только эти главные предметы его бесѣды, безъ словъ, которыми они были выражены.

— Но позвольте же, государь,—спросилъ я, наконецъ—узнать волю вашу о томъ, въ какомъ пространствѣ, въ какихъ предѣлахъ должны быть ограничены эти занятія?

— Я даю тебѣ годъ времени, т. е., разумѣется, учебный годъ, до каникулярнаго времени, когда Костѣ надо будетъ идти въ море. Эта необходимость, къ сожалѣнію, всегда останавливала развитіе его воспитанія; но теперь, когда всѣ настоящіе уроки его уже окончились, онъ будетъ имѣть болѣе досуга для тебя. Что касается до плана, я ни въ чемъ тебя не ограничиваю и не стѣсняю; ты знаешь, что Сперанскій оставилъ записки о своихъ, какъ онъ ихъ называлъ, бесѣдахъ съ Александромъ Николаевичемъ: тебѣ надо будетъ ихъ отыскать; но, впрочемъ, я и тутъ не стѣсняю тебя: дѣлай, какъ разумѣешь лучше.

— Государь—сказалъ я послѣ новыхъ еще милостивыхъ изъявленій его величества,—я глубоко чувствую ваше благосклонное довѣріе, но такъ пораженъ этою неожиданностію, что могу отвѣчать на вашъ милостивый вызовъ только благодарными слезами.

Дѣйствительно, глаза мои и голосъ были полны слезъ; онѣ навернулись и у государя.

— Ну, спасибо, спасибо,—отвѣчалъ онъ, крѣпко пожимая мнѣ обѣ руки. Повторяю, что ты много меня одолжаешь и не тебѣ меня, а мнѣ тебя благодарить. Пожалуйста же, какъ найдешь слѣдъ записокъ Сперанскаго, дай мнѣ тотчасъ знать, и тогда еще переговоримъ.

И такъ, послѣ тридцатилѣтней практической жизни, съ полузабытыми школьными свѣдѣніями, мнѣ предстояло выступить на совсѣмъ чуждую мнѣ педагогическую арену, и въ какихъ обстоятельствахъ! Я вполнѣ чувствовалъ, что отъ этого могли зависѣть и дальнѣйшая моя репутація, и мнѣніе обо мнѣ государя, и судьбы мои и моего семейства, болѣе же всего боялся прирожденной мнѣ робости. Выбора, однако же, не оставалось, и я безропотно покорился персту Божію, во всю жизнь мою ведшему меня, какъ мать ведетъ ребенка, не спрашиваясь безсознательной его воли. Но все это относится уже къ личной моей біографіи и въ подробностяхъ своихъ совсѣмъ здѣсь не у мѣста.

Записки Сперанскаго отысканы были черезъ нѣсколько дней, и государь, принявъ меня 26-го октября, въ Александровскомъ Царскосельскомъ дворцѣ, въ своемъ кабинетѣ, посадилъ рядомъ съ собою, за письменный свой столъ. Разговоръ былъ продолжительный искренній,

довѣрчивый, при томъ—настоящій разговоръ, потому что и мнѣ приходилось говорить много, развивая мысли и планъ, придуманные мною для предстоявшихъ занятій. Возвратясь къ тому же предмету, котораго онъ коснулся и въ первый разъ, государь опять пространно изъяснялся о блестящихъ умственныхъ способностяхъ великаго князя. Я съ моей стороны представлялъ, что, при всемъ моемъ благоговѣніи къ генію и огромнымъ свѣдѣніямъ Сперанскаго, не нахожу возможнымъ слѣдовать, въ моихъ чтеніяхъ, его запискамъ, потому что онъ, начавъ и кончивъ свое образованіе по устарѣвшимъ схоластическимъ системамъ и самъ долгое время бывъ учителемъ, никогда не могъ вполнѣ высвободиться изъ-подъ ихъ вліянія. Далѣе я изъяснялъ, что нахожу точно также невозможнымъ, по краткости времени, да и вовсе ненужнымъ, по предназначенію великаго князя, приготовить изъ него магистра правъ, а имѣю въ виду, передавъ ему изъ области теоріи одни только общія, самыя главныя начала, остановиться преимущественно на практической точкѣ, т. е. на исторической и догматической сторонѣ нашего законодательства, сравнительно съ важнѣйшими иностранными, словомъ, на томъ, что можетъ ему быть пригодно и полезно въ высокомъ призваніи помощника русскаго царя.

— Твое замѣчаніе о Сперанскомъ,—сказалъ государь,—очень справедливо; что онъ былъ однимъ изъ примѣчательнѣйшихъ людей при братѣ Александрѣ и въ мое царствованіе, въ томъ никто не усомнится; но онъ до конца своей жизни немножко школьничалъ и особенно любилъ цыфры и подраздѣленія: разъ, два, три, четыре. Я повторяю, впрочемъ, что нисколько не стѣсняю тебя ни имъ, ни кѣмъ и чѣмъ-нибудь другимъ. Дѣлай, что̀ и какъ хочешь, и я увѣренъ, что все будетъ хорошо, и опять впередъ много, много благодарю. Просилъ бы только, если другія занятія тебѣ позволятъ, начать поскорѣе, потому что время коротко. Условься обо всемъ этомъ съ Литке [1]), а между тѣмъ, чтобы Костя посмотрѣлъ, какъ дѣлаются дѣла̀, я посажу его къ вамъ въ Совѣтъ, разумѣется такъ же, какъ сидѣлъ сперва Александръ Николаевичъ, т. е. безъ голоса, простымъ слушателемъ,

Затѣмъ, когда рѣчь коснулась теоріи пра̀ва, государь говорилъ:

— Совершенно согласенъ съ тобою, что не надо слишкомъ долго останавливаться на отвлеченныхъ предметахъ, которые потомъ или забываются, или не находятъ никакого приложенія въ практикѣ. Я помню, какъ насъ [2]) мучили надъ этимъ два человѣка очень добрые,

---

[1]) Адмиралъ Ѳедоръ Петровичъ Литке, воспитатель великаго князя Константина Николаевича съ самаго его младенчества.

[2]) То-есть его и великаго князя Михаила Павловича, воспитывавшихся вмѣстѣ.

можетъ статься, и очень умные, но оба несносн҃ѣйшіе педанты: покойники Балугьянскій и Кукольникъ. Одинъ толковалъ намъ на смѣси всѣхъ языковъ, изъ которыхъ не зналъ хорошенько ни одного, о римскихъ, нѣмецкихъ и Богъ вѣсть еще какихъ законахъ; другой—что-то о мнимомъ «естественномъ» правѣ. Въ прибавку къ нимъ являлся еще Шторхъ, съ своими усыпительными лекціями о политической экономіи, которыя читалъ намъ по своей печатной французской книжкѣ, ничѣмъ не разнообразя этой монотоніи. И что же выходило? На урокахъ этихъ господъ мы или дремали, или рисовали какой-нибудь вздоръ, иногда собственные ихъ каррикатурные портреты, а потомъ къ экзаменамъ выучивали кое-что въ долбяшку, безъ плода и пользы для будущаго. По-моему, лучшая теорія пра́ва—добрая нравственность, а она должна быть въ сердцѣ независимо отъ этихъ отвлеченностей и имѣть своимъ основаніемъ—религію. Въ этомъ моимъ дѣтямъ тоже лучше, чѣмъ было намъ, которыхъ учили только креститься въ извѣстное время обѣдни, да говорить наизусть разныя молитвы, не заботясь о томъ, что̀ дѣлалось въ душѣ. Моими дѣтьми, благодаря трудамъ почтеннаго человѣка, который занимается съ ними закономъ Божіимъ [1]), я могу въ этомъ отношеніи похвалиться: они всѣ истинно религіозны, безъ ханжества, по чувству.

Наконецъ, при разговорѣ о патріотизмѣ и чувствѣ народности, изъясняясь, сколько, при всей ихъ необходимости, должно однакожъ избѣгать крайностей, государь прибавилъ, что съ этой стороны онъ не можетъ ничего приписать вліянію своихъ учителей, но очень многимъ былъ обязанъ людямъ, въ обществѣ которыхъ жилъ (по тогдашнему оффиціальному названію—кавалеры) Ахвердову, Арсеньеву и Маркевичу (государь назвалъ ихъ всѣхъ по именамъ и отчествамъ), и которые искренно любили Россію, а между тѣмъ понимали, что можно быть самымъ добрымъ русскимъ, не ненавидя, однакожъ, безъ разбору всего иностраннаго.

27-го октября графъ Блудовъ возвратился изъ римской своей миссіи. Спустя нѣсколько дней, государь, приказавъ ему вступить снова въ управленіе II-мъ отдѣленіемъ, отозвался, что впрочемъ онъ найдетъ его въ совершенномъ порядкѣ. 2-го ноября, въ воскресенье, послѣ обѣдни, государь благодарилъ меня, въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ, съ жаркими пожатіями руки, какъ онъ выразился, за о т д а н і е, и кромѣ того долго еще бесѣдовалъ о разныхъ предметахъ, болѣе же всего о новыхъ моихъ занятіяхъ. На вопросъ о томъ, должно ли зна-

---

[1]) Протоіерей Василій Борисовичъ Бажановъ, который, послѣ смерти Музовскаго, назначенъ былъ духовникомъ ихъ величествъ.

комить великаго князя съ конституціонными планами, долго занимавшими императора Александра, государь отвѣчалъ:

— Разумѣется, и непремѣнно. Его надо вводить во все, со всею искренностію, и ничего отъ него не скрывать. Изъ твоихъ разсказовъ онъ увидитъ, что Александръ Павловичъ послѣ самъ убѣдился въ невозможности осуществить свои идеи и отошелъ отъ нихъ, сожалѣя даже, что далъ конституцію Польшѣ.

За тѣмъ 3-го ноября я удостоился получить слѣдующій всемилостивѣйшій рескриптъ: «Баронъ Модестъ Андреевичъ! Повелѣвъ, по возвращеніи статсъ-секретаря графа Блудова, вступить ему, по-прежнему, въ управленіе II-мъ отдѣленіемъ Собственной моей канцеляріи, я съ особеннымъ удовольствіемъ объявляю вамъ совершенную благодарность за всегдашнюю готовность вашу исполнять обязанности, довѣріемъ моимъ на васъ возлагаемыя, и за неутомимое усердіе, оказанное вами въ продолженіе временнаго управленія вашего II-мъ отдѣленіемъ Собственной моей канцеляріи. Пребываю вамъ благосклонный».

Фраза о всегдашней готовности и пр., очевидно, относилась не ко II-му отдѣленію, а къ занятіямъ моимъ съ великимъ княземъ. Это подтвердилось для меня и разсказомъ графа Киселева, который, обѣдавъ наканунѣ во дворцѣ, слышалъ отъ государя «qu'il était très reconnaissant à Korff d'avoir accepté Sa prière de si bonne grâce».—Когда я благодарилъ государя за рескриптъ, онъ заключилъ милостивыя свои изъявленія такъ: «Надѣюсь, что ты всегда и во всемъ, во всякихъ обстоятельствахъ, будешь моимъ!»—«Pas de sottes questions de sa part, je l'espère»—спросилъ онъ, говоря о моемъ ученикѣ, и я, по совѣсти, могъ отвѣчать отрицательно, прибавивъ, что не могу довольно нахвалиться его любознательностію и вниманіемъ.

26-го ноября совершилась торжественная присяга великаго князя Константина Николаевича по случаю достиженія имъ (9-го сентября) узаконеннаго для лицъ императорскаго дома совершеннолѣтія. Церемонія величественная и трогательная! И присягу въ придворномъ соборѣ, и другую, передъ войсками, у подножія трона, въ Георгіевской залѣ, великій князь прочелъ громко, явственно, съ чувствомъ, съ жизнію, несмотря на то, что во второй, которой слова онъ долженъ былъ повторять за священникомъ, ветхій днями и силами Музовскій заставлялъ его дѣлать разныя пространныя разстановки. Въ церкви, послѣ присяги, государь подвелъ его (объ этомъ не было упомянуто въ церемоніалѣ) приложиться къ выставленнымъ тутъ регаліямъ, и вслѣдъ за тѣмъ начались царственныя лобзанія, самыя нѣжныя, посреди слезъ. Взглядъ, съ которымъ великій князь бросился въ объятія старшаго своего брата, наслѣдника цесаревича, былъ такой, что я тутъ же упалъ бы предъ нимъ на колѣни. Царская фамилія присутствовала вся, кромѣ великой княгини Елены Павловны

ей нездоровою. Въ Георгіевской залѣ императрицу, стоявшую на
няхъ трона, окружали великія княгини и дѣти цесаревича, а государь
ь возлѣ присягавшаго. Великіе князья находились всѣ въ строю.
присяги Совѣтъ, Сенатъ, статсъ-секретари, генералъ-и флигель-
танты приносили Константину Николаевичу поздравленія въ Кон-
ой залѣ. Мы стояли огромнымъ полукругомъ, а онъ подходилъ съ
лькими привѣтливыми словами къ каждому, кого зналъ сколько-
ь въ лицо.

- Каково, сказалъ онъ мнѣ потомъ, было господамъ иностраннымъ
матамъ, когда я присягалъ служить противъ всякаго врага
постата, и нѣсколько разъ, восхищаясь словами молебствія, по-
лъ: «C'est une grande et belle journée!»

мѣвъ въ виду переданное мнѣ государемъ предположеніе посадить
аго князя Константина Николаевича въ Государственный Совѣтъ
одной стороны, не зная, когда оно будетъ приведено въ испол-
, а съ другой, предвидя, что, по общему плану нашихъ занятій,
ще не слишкомъ скоро приступимъ къ обозрѣнію исторіи и обра-
ія Совѣта, тогда какъ безъ всякаго ознакомленія съ сими предме-
великому князю неудобно присутствовать даже и простымъ слу-
емъ, я, въ концѣ ноября, написалъ обо всемъ этомъ государю, и
ъ четверть часа записка моя возвратилась съ слѣдующею соб-
норучною его надписью: «Полагаю, что лучше не выходить изъ
матическаго изложенія; присутствіе безъ голоса въ Совѣтѣ не свя-
съ какою-либо эпохою и потому послѣдовать можетъ въ то время,
узнаю, что бесѣды ваши уже дошли до сего предмета».

ъ началѣ декабря государь снова захворалъ, и при томъ такъ, что
декабря, въ день своего тезоименитства, не могъ даже присутство-
у обѣдни. 7-го онъ отважился выѣхать, но отъ этого выѣзда еще
разнемогся. Сдѣлался родъ катарральной болѣзни, сопряженной
азстройствомъ желчнаго отдѣленія, и недугъ тотчасъ принялъ
терь если еще не совершенно опасный, то по крайней мѣрѣ очень
зный. Государь, какъ въ предшедшую зиму, не былъ въ силахъ
о принимать и долженъ былъ бросить всѣ дѣла; несмотря на то,
икакъ не могли уложить въ постель. Хотя съ поникшею головою
большой слабости, онъ постоянно оставался въ креслахъ, въ сюр-
даже въ галстухѣ, и при томъ не въ обыкновенномъ своемъ каби-
въ верхнемъ этажѣ Зимняго дворца, а въ одной небольшой ком-
изъ числа бывшихъ [1]) великой княгини Ольги Николаевны, съ

---

[1]) Императоръ Александръ II написалъ: „изъ числа бывшихъ въ ниж-
этажѣ подлѣ половины великой княгини“.

тремя окнами, каждымъ какъ ворота, двумя дверьми и еще каминомъ [1]). Въ эту комнату, въ нижнемъ этажѣ дворца, побудила государя перебраться нѣжная его деликатность, чтобы не заставлять Мандта, у котораго въ то время болѣла нога, безпрестанно подниматься къ нему на верхъ.

Только съ 15-го декабря, когда у больнаго открылся сильный потъ, его уговорили лечь въ постель. Въ эту болѣзнь, какъ и во всѣ прежнія, масса публики знала о ней только по городскимъ слухамъ; но, по крайней мѣрѣ, для всѣхъ, имѣвшихъ доступъ во дворецъ, въ этотъ разъ выкладываемъ былъ въ передней ежедневный бюллетень. Къ послѣднимъ днямъ года здоровье государя стало ощутительно поправляться; но, вступивъ снова въ дѣла, онъ все еще не могъ не только выѣзжать, но и оставлять своей комнаты. 29-го декабря я былъ позванъ обѣдать къ императрицѣ, въ домашнемъ и самомъ маленькомъ кругу; государь, однако же, и тутъ ни къ столу, ни послѣ не показывался.

Занятія мои съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ происходили постоянно по два раза въ недѣлю. Въ половинѣ декабря предметомъ одной изъ нашихъ бесѣдъ слѣдовало, по моему плану, быть исторіи престолонаслѣдованія въ Россіи, со всѣми его многократными коловратностями и внезапными переворотами. Написавъ очеркъ этой исторіи, со включеніемъ въ него множества неизвѣстныхъ публикѣ подробностей, извлеченныхъ мною изъ государственныхъ актовъ и, касательно событій 1825 года, изъ разсказовъ великаго князя Михаила Павловича и воспоминаній, изустныхъ и письменныхъ, нѣкоторыхъ изъ нашихъ сановниковъ, я, несмотря на полученное мною приказаніе вводить великаго князя во все, со всею искренностію, недоумѣвалъ, какъ эту записку, содержавшую въ себѣ немало очень щекотливыхъ мѣстъ, прочесть ему безъ предварительнаго просмотра государя, о которомъ, во время тогдашней его болѣзни, нельзя было и думать. Посему я рѣшился отослать мою записку къ наслѣднику цесаревичу и испросить его разрѣшенія, можно ли прочитать ее въ такомъ видѣ Константину Николаевичу, или же отложить это до выздоровленія государя, что, впрочемъ, заставило бы меня остановиться въ дальнѣйшихъ нашихъ занятіяхъ, или измѣнить ихъ планъ. Цесаревичъ, вытребовавъ меня къ себѣ и принявъ съ обычною своею милостивою благоволительностію, объявилъ, что хотя, разумѣется, не могъ представить государю моей записки, но разсказывалъ ему ея содержаніе и именемъ его вполнѣ разрѣшаетъ меня прочесть ее великому князю. Въ заключеніе, его высочество спросилъ о днѣ и

---

[1]) Эту комнату, одну изъ самыхъ неудобныхъ во всемъ дворцѣ, императоръ Николай обратилъ потомъ въ свой кабинетъ и вмѣстѣ въ спальню, и въ ней наконецъ послѣдовала его кончина.

часѣ, назначенныхъ для ея чтенія. На отвѣтъ мой, что оно будетъ въ этотъ же самый день (16-го декабря), въ половинѣ перваго—цесаревичъ отозвался, что намѣренъ самъ при немъ присутствовать. Такъ и сдѣлалось. Константина Николаевича записка, служившая, впрочемъ, канвою для болѣе пространныхъ словесныхъ изъясненій, повидимому, чрезвычайно интересовала; но и цесаревичъ благоволилъ слушать ее съ такимъ вниманіемъ, какъ будто бы не видѣлъ уже прежде, хотя предсказыванія его при разныхъ статьяхъ ясно доказывали, что онъ не только все прочелъ, но и прочелъ даже съ особенною внимательностію. Когда я кончилъ, цесаревичъ объявилъ намъ, что онъ имѣетъ одну чрезвычайно любопытную бумагу, относящуюся къ этому же предмету, а именно: воспоминанія о событіяхъ 1825 года, написанныя его родителемъ, въ два пріема, въ 1831 и 1835 годахъ, и что намѣревается ихъ намъ прочесть, что̀ вслѣдъ затѣмъ и исполнилъ. Это—записка высшаго историческаго интереса-излагающая съ большою подробностію не только самые факты, но и личныя ощущенія императора Николая, въ которой, къ сожалѣнію, недостаетъ, однако, нѣсколько листовъ изъ середины, нигдѣ не отысканныхъ [1]). Подлинникъ, тутъ же намъ показанный, написанъ былъ весь собственною рукою императора карандашемъ [2]), но цесаревичъ предпочелъ, для бо̀льшей разборчивости, прочесть намъ всю піесу по копіи, переписанной частію имъ самимъ и частію великою княгинею Маріею Николаевною. Записка эта такъ обширна, что чтенія ея, ничѣмъ не прерывавшееся, заняло болѣе полутора часовъ, а весь сеансъ нашъ продолжился отъ половины перваго до половины четвертаго. При выходѣ, цесаревичъ, пожимая мнѣ руку, благодарилъ, что я «допустилъ его къ нашимъ занятіямъ».

Вслѣдъ почти за этими, навсегда для меня достопамятными часами, наслѣдникъ цесаревичъ также сильно занемогъ. По выложеннымъ бюллетенямъ, онъ страдалъ ревматическими болями и лихорадочными припадками и принужденъ былъ слечь въ постель. Вслѣдствіе этой болѣзни, при продолжавшемся еще нездоровьи и государя, въ Рождество 1847 г. не было ни выхода, ни обычнаго военнаго торжества во дворцѣ. Болѣзнь цесаревича была не продолжительна, но, какъ говорили врачи, сильно подѣйствовала на его нервы. Впрочемъ, къ концу года онъ еще не оставлялъ своей комнаты.

---

[1]) Существенное содержаніе этой записки введено было потомъ въ сочиненіе мое: „14-е декабря 1825 года".

[2]) Впослѣдствіи покойный герцогъ Лейхтенбергскій сказывалъ мнѣ, что этотъ подлинникъ достался ему. Императоръ Александръ II замѣтилъ: „вздоръ, онъ никогда не выходилъ изъ моихъ рукъ".

Никто не обладалъ болѣе императора Николая высокимъ даромъ дѣйствовать не только на воображеніе и на разсудокъ, но и на чувство. Въ этомъ отношеніи искусство его было, можно сказать, волшебное.

Въ послѣднихъ числахъ декабря, я, по общему плану моихъ бесѣдъ съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, прочелъ ему исторію и современное образованіе Государственнаго Совѣта. Такъ какъ здоровье государя въ это время уже нѣсколько поправилось и онъ снова занимался дѣлами, то, въ виду прежде изъявленной имъ мнѣ воли посадить великаго князя слушателемъ въ Совѣтъ, какъ скоро онъ ознакомится съ устройствомъ этого высшаго государственнаго учрежденія, я донесъ письменно о томъ, что мы его прошли. Государь принялъ, однакожъ, мое донесеніе, кажется, въ видѣ общаго отчета о ходѣ нашихъ занятій, ибо, не давъ на этотъ разъ никакого повелѣнія касательно присутствованія великому князю въ Совѣтѣ, ограничился высылкою мнѣ моей докладной записки съ слѣдующею высокопоощрительною, оживившею меня къ новымъ трудамъ надписью: «Съ искреннею благодарностію слышалъ отъ сына и прошу довершить начатое, мнѣ въ одолженіе».

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ БІОГРАФІИ ГРАФА Л. Н. ТОЛСТАГО.

(Просьба объ увольненіи въ отставку и экзаменный листъ).

Печатаемые ниже документы редакція получила при нижеслѣдующихъ строкахъ Михаила Алексѣевича Янжула [1]).

«Въ 1871 году я былъ выпущенъ въ офицеры въ 20-ю артиллерійскую бригаду, въ ту же батарею и ст. Старогладковскую, въ которыхъ 17 лѣтъ тому назадъ служилъ и жилъ графъ Л. Н. Толстой. Станица Старогладковская съ ея типичными миловидными мамучками и удалыми гребенскими казаками и съ «командирскимъ домомъ, окруженнымъ высокими старыми тополями», описанные гр. Толстымъ въ его извѣстной повѣсти «Казаки», знакомы были мнѣ въ теченіе болѣе двухъ десятковъ лѣтъ. Въ мое время въ станицѣ еще свѣжа была память о Львѣ Николаевичѣ (тамъ всѣ его такъ называли); тамъ же указывали и старушку Маріану (героиню повѣсти) и нѣсколькихъ стариковъ-казаковъ, охотниковъ, которые лично знали Льва Николаевича и вмѣстѣ съ нимъ охотились на фазановъ и кабановъ, а одинъ изъ нихъ, какъ извѣстно, въ 1880-хъ годахъ ѣздилъ верхомъ изъ станицы въ Ясную Поляну, чтобы повидать Льва Николаевича. Въ батареѣ я засталъ капитана Фролова (нынѣ умершаго), который зналъ Льва Николаевича еще фейерверкеромъ и говорилъ, между прочимъ, что уже тогда графъ обладалъ замѣчательной способностью разсказчика, увлекавшаго всѣхъ своими разговорами.

Интересна судьба «экземенаторовъ» Л. Н. Толстаго. А. П. Агалинъ оставилъ военную службу и достигъ до званія сенатора.—Жукевичъ-Стошъ въ чинѣ подполковника и батарейнаго командира (19 бригады) умеръ на Кавказѣ въ 1880 или 1881 г. Никита Петровичъ Алексѣевъ—батарейный командиръ графа Льва Николаевича, былъ всѣми любимъ и уважаемъ за свое добродушіе. Онъ слылъ «ученымъ артиллеристомъ, университантомъ», отличался крайней религіозностью, особенно любилъ бывать въ церкви, гдѣ по цѣлымъ часамъ простаивалъ на колѣняхъ, кладя земные поклоны. Къ этому нужно еще прибавить, что у Никиты Петровича не доставало одного уха, которое откусила ему однажды лошадь. Къ странностямъ Никиты Петровича нужно отнести и то еще, что онъ не могъ спокойно видѣть, когда офицеры пили водку, въ особенности же, если дѣлала это молодежь. Между тѣмъ, по обычаю того добраго стараго времени, всѣ офицеры ежедневно обѣдали у батарейнаго командира. И тутъ Левъ Николаевичъ нерѣдко школьничалъ, дѣлая видъ, что онъ собирается пить водку. Тогда Никита

[1]) Приносимъ Михаилу Алексѣевичу глубокую благодарность за доставленіе этихъ интересныхъ документовъ. Ред.

Петровичъ серіознѣйшимъ образомъ начиналъ убѣждать его не дѣлать этого и, по своему обыкновенію, предлагалъ вмѣсто водки конфекты [1])...

УПРАВЛЕНІЕ
НАЧАЛЬНИКА
АРТИЛЛЕРІИ
ОТДѢЛЬНАГО КАВКАЗСКАГО
КОРПУСА.

№ 816.
18 Мая 1853 года.
Г. Тифлисъ.

Командиру батарейной № 4-й батареи 20 Артиллерійской бригады, господину Подполковнику и кавалеру Алексѣеву.

Исправляющаго должность дежурнаго штабъ офицера.

РАПОРТЪ.

Согласно желанія фейерверкера 4-го класса ввѣренной Вамъ батареи Графа Льва Толстаго, и по приказанію Г. Начальника Артиллеріи, имѣю честь донести, что онъ на основаніи 56-й статьи 5-го тома Свода Военныхъ Постановленій можетъ быть уволенъ отъ службы безъ именованія воинскимъ званіемъ, а потому если пожелаетъ этого, то не угодно ли будетъ Вашему Высокоблагородію войти о томъ съ представленіемъ по командѣ къ Г. Начальнику Артиллеріи установленнымъ порядкомъ, для сдѣланія надлежащаго распоряженія.

Капитанъ Мооро.

Согласно этого рапорта предлагаю Его Сіятельству фейерверкеру 4-го класса Графу Толстому увѣдомить меня на семъ же.

Подполковникъ Алексѣевъ.

№ 641.
28 Маія 1853 года.
Ст. Старогладковская.

Не имѣя намѣренія продолжать службу, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Высокоблагородіе войти о томъ съ представленіемъ къ Г-ну Начальнику Артиллеріи, на основаніи означенной въ семъ рапортѣ 56-й ст. 5-го тома Свода Военныхъ Постановленій.

Фейерверкеръ 4-го класса
Графъ Левъ Толстой.

№ 18.
30 Мая 1853 года.
Ст. Старогладковская.

---

[1]) Всѣ эти подробности узналъ я отъ офицеровъ 20-й артиллерійской бригады, М. И. Сулимовскаго и П. Л. Фролова. **М. Я.**

ЭКЗАМЕННЫЙ ЛИСТЪ.

Объ испытаніи въ наукахъ Батарейной № 4-й Батареи 20-й Артиллерійской бригады Фейерверкера 4-го класса Графа Толстаго, удостоиваемаго къ производству въ офицеры по Полевой Артиллеріи.

Генваря 13-го дня 1854 года.

№	Отъ роду лѣтъ.	Вступленіе въ службу.	Состояніе въ настоящемъ чинѣ.	ЭКЗАМЕННЫЙ ЛИСТЪ. ПОЛНЫЕ БАЛЫ.	12	12	12	12	12	12	12	24	12	12	12	144
				НАУКИ ЧИНЪ И ИМЯ.	Россійскій языкъ, умѣнье правильно и отчетливо излагать на немъ мысли.	Ариѳметика вся.	Геометрія вся.	Тригонометрія плоская вся.	Изъ Геодезіи употребленіе инструментовъ для съемки и нивелировки и правила глазомѣрной.	Алгебра возвышеніе въ степени и извлеченіе корней; уравненіе первыхъ двухъ степеней, неопредѣленныя уравненія, прогрессіи, свойство логарифмовъ и ихъ употребленіе, общая теорія уравненія и способы рѣшенія уравненій высшихъ степеней.	Приложеніе Алгебры къ Геометріи. Аналитическая Геометрія въ плоскости и пространствѣ.	Артиллерія: часть матеріальная, часть техническая; стрѣльба, организація Артиллеріи, употребленіе Артиллеріи въ полѣ при атакѣ и оборонѣ крѣпостей.	Фортификація: полевая и общая; понятіе о долговременной; объ атакѣ и оборонѣ крѣпостей.	Основаніе статики и динамики или общія понятія о законахъ равновѣсія и движенія твердыхъ тѣлъ.	Черченіе Артиллерійскихъ чертежей и рисованіе ситуаціи.	ИТОГО.
1	25	1852	1852	Фейерверкеръ 4-го класса. Графъ Левъ Толстой..	12	12	12	11	10	12	11	22	11	10	11	134 Сто тридцать четыре бала. Прапорщикъ Жукевичъ-Стошъ.

Командиръ батареи Подполковникъ Алексѣевъ
Поручикъ Агалинъ.
Прапорщикъ Жукевичъ-Стошъ.

Порученіе императора Павла охранять войска отъ вредныхъ сочиненій и пропаганды.

Рескриптъ императора Павла I—генералу Розенбергу.

4 го января 1799 г.

Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи Розенбергъ. Узнавъ, что находящейся въ Берлинѣ французскій посланникъ аббатъ Сіесъ, между прочими своими вредными затѣями вздумалъ напечатать на русскомъ языкѣ переводъ книги, подъ названіемъ Права человѣка, катехизмъ развратный и другія сочиненія, коихъ развращеніе умовъ есть цѣлью, въ чемъ онъ полагаетъ предуспѣть, разсѣявъ множество экземпляровъ сихъ сочиненій какъ по границѣ, такъ и въ корпусахъ, за оными находящихся. Есть ли сіе точно правда, то вѣрно присланы будутъ многіе люди для употребленія книгъ сихъ и между войсками, подъ командою вашею находящимися, присовокупляя къ сему лесть, обѣщанія, и проповѣдуя пагубную вольность. И для сего, для предупрежденія зла, отъ намѣреній сихъ произойти могущаго, имѣйте крѣпкое смотрѣніе за всѣмъ тѣмъ, что къ развращенію умовъ можетъ подать поводъ, употребляя лазутчиковъ для развѣдыванія происходящаго между офицерами и открытія есть ли кто изъ нихъ, дѣлами или словомъ какимъ, вознамѣрится возстать противу власти начальства, или вводить язву моральную. Есть ли же употребленные по сему дѣлу найдутся быть подданные римскаго императора, то вы относитесь и увѣдомляйте о семъ или начальствующихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сіе случится, или же относитесь и увѣдомляйте для истребованія виновнымъ наказанія къ послу нашему, въ Вѣнѣ пребывающему.

Собственноручная приписка императора: Имянно смотрите за подполковникомъ Ломоносовымъ.

ВЪ БОЛГАРІИ.

(Воспоминанія офицера генеральнаго штаба).

II [1]).

Положеніе Болгаріи при вступленіи русскихъ войскъ.—Устройство гражданскаго управленія послѣ войны.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію начала правленія князя Александра, считаю необходимымъ разсказать то, что представляла изъ себя Болгарія, въ которой, къ тому времени, закончилось русское управленіе и страна вступила на путь самостоятельной жизни. Пользуюсь для этого запиской управлявшаго отдѣломъ юстиціи въ управленіи Императорскаго комиссара, профессора Марина Степановича Дринова, о результатахъ русскаго правленія въ Болгаріи, оффиціальномъ документѣ, составленномъ по приказанію князя Дондукова-Корсакова.

Вслѣдъ за переходомъ русскихъ черезъ Дунай, началась немедленно дѣятельность состоявшаго при главнокомандующемъ дѣйствующей арміей гражданскаго управленія, цѣль котораго заключалась въ томъ, чтобы въ мѣстахъ, занимаемыхъ русскими войсками, замѣнять прежнія власти новымъ управленіемъ. Русскія войска первое время подвигались очень быстро; 14-го іюня они взяли Систово, а 25-го уже были въ Тырновѣ. Гражданское управленіе съ трудомъ поспѣвало за ними со своимъ дѣломъ. Само собою разумѣется, что возникшій съ такой быстротой и при такихъ обстоятельствахъ, гражданскій строй не могъ дать сразу странѣ надлежащее прочное устройство. Завѣдывающій граж-

[1]) См. „Русскую Старину“ январь 1900 г.

данскимъ управленіемъ долженъ былъ заботиться пока лишь о томъ, чтобы освобождаемыя области не оставались безъ всякаго управленія, въ анархическомъ положеніи, а для этого было достаточно возстановить самыя необходимыя функціи прежняго управленія, нѣсколько улучшивъ ихъ и передавъ въ новыя руки. Выработывая и вводя съ лихорадочною поспѣшностью это элементарное, такъ сказать, гражданское устройство, покойный князь Черкасскій въ то же самое время дѣятельно собиралъ свѣдѣнія, необходимыя для созданія гражданскаго быта освобождаемой Болгаріи, во всей его полнотѣ. Съ особеннымъ рвеніемъ занялся онъ этимъ дѣломъ по перенесеніи своей походной канцеляріи въ Тырновъ, гдѣ представилась возможность черпать необходимыя свѣдѣнія непосредственно изъ живаго источника. Полнымъ гражданскимъ строемъ, основаннымъ на началахъ, почерпнутыхъ непосредственно изъ жизни народной, князь Черкасскій думалъ замѣнить элементарное устройство немедленно по окончаніи войны, которая, судя по ея началу, не обѣщала быть слишкомъ продолжительною. Но не въ столь короткое время и не такъ легко должно было совершиться освобожденіе болгаръ. Война вдругъ приняла упорный характеръ, затянулась, участь ея пришлось рѣшать въ зимнюю пору, отличавшуюся необычайной суровостью. Бѣдствія, естественные спутники всякихъ войнъ, въ эту войну приняли колоссальные размѣры, количество раненыхъ и больныхъ воиновъ съ каждымъ днемъ возрастало въ ужасающей прогрессіи; кромѣ того сотни тысячъ мирныхъ жителей забалканской Болгаріи, разоренной и выжженой непріятелемъ, явились искать пріюта на сѣверномъ склонѣ Балканъ, явились въ полунагомъ видѣ, изнеможенными отъ голода и разныхъ болѣзней. Этотъ неожиданный оборотъ дѣла совершенно измѣнилъ первоначальную программу дѣятельности гражданскаго управленія. Оно должно было направить пока всѣ свои дѣйствія на уменьшеніе бѣдствій войны, содѣйствуя съ одной стороны удовлетворенію нуждъ войска и бѣженцовъ, а съ другой—регулируя тягости, ложившіяся, вслѣдствіе этихъ нуждъ, на населеніе. Этому дѣлу главнымъ образомъ долженъ былъ посвятить свою энергію покойный князь Черкасскій, поплатившійся жизнію за свои чрезмѣрные труды. Къ правильному устройству гражданскаго управленія въ Болгаріи можно было приступить лишь черезъ годъ послѣ объявленія войны, именно по заключеніи Санъ-Стефанскаго прелиминарнаго договора [1]).

---

[1]) Надо прибавить, что князь Черкасскій былъ въ очень натянутыхъ отношеніяхъ съ полевымъ штабомъ дѣйствующей арміи. Кажется, главные нелады были у него съ начальникомъ штаба арміи, но несомнѣнно, что и главнокомандующій не особенно благоволилъ къ князю. Характеръ князя Черкасскаго весьма независимый, а особенно тонъ, подъ часъ рѣзкій, не способствовалъ улаженію этихъ отношеній. Все это отражалось конечно на

По Санъ-Стефанскому договору, Болгарія, въ ея приблизительно естественныхъ границахъ, должна была образовать автономное княжество съ христіанскимъ народнымъ правительствомъ и земскимъ войскомъ. Руководствуясь условіями названнаго договора, русское императорское правительство назначило своего коммиссара въ Болгарію, возложивъ на него введеніе въ этой странѣ, въ теченіе 2-хъ лѣтъ, полнаго гражданскаго устройства. При императорскомъ коммиссарѣ учрежденъ былъ совѣтъ, состоявшій изъ 6 членовъ, изъ коихъ одинъ завѣдывалъ канцеляріею коммиссара и дипломатической частью, а остальные управляли каждый особымъ отдѣломъ; такихъ отдѣловъ открыто было пять, именно: военный, внутреннихъ дѣлъ, судебный, финансовый, народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Организованное такимъ образомъ центральное управленіе императорскаго коммиссара, открывъ свои дѣйствія въ концѣ мая 1877 года въ Пловдивѣ [1]), приступило немедленно къ составленію общаго плана предстоящихъ реформъ въ Болгаріи. Въ это время согласно плану, положено было, избѣгая излишней торопливости, вести всѣ преобразовательныя работы въ извѣстной послѣдовательности и, при составленіи главнѣйшихъ положеній, руководствоваться указаніями современной жизни, а также истинными нуждами и потребностями страны.

Для выполненія только-что указанной программы, прежде всего предстояло озаботиться скорѣйшимъ и повсемѣстнымъ водвореніемъ въ занятыхъ уже русскими войсками частяхъ Болгаріи внѣшняго порядка и благоустроенной гражданской администраціи и въ то же время приступить къ призыву новобранцевъ во вновь сформированныя дружины болгарскаго войска; одновременно съ этимъ имѣлось въ виду собрать возможно полныя свѣдѣнія о настоящемъ положеніи дѣлъ по различнымъ отраслямъ управленія въ краѣ. Свѣдѣнія эти должны были послужить матеріаломъ для составленія въ центральномъ управленіи различныхъ положеній. На осуществленіе всего выше изложеннаго полагалось посвятить первый годъ русской оккупаціи и затѣмъ, давъ достаточно окрѣпнуть народному самозванію и войти въ нравы населенія новымъ порядкамъ, приступить къ постепенной замѣнѣ русскихъ чиновниковъ мѣстными уроженцами съ тѣмъ, чтобы ко времени выбора князя въ

дѣлѣ въ неблагопріятномъ смыслѣ. Князь Черкасскій не скрывалъ своего неудовольствія на полевой штабъ, жаловался, что его не слушаютъ, не принимаютъ докладовъ и т. п. Несомнѣнно и то, что тотъ оборотъ, который наступилъ въ войнѣ послѣ Плевненскихъ неудачъ, начиная со 2-й Плевны 18-го іюня, затормозилъ все дѣло гражданскаго устройства края, такъ какъ князь Черкасскій долженъ былъ посвящать много времени нуждамъ арміи и бѣдствующаго населенія.

[1]) Филиппополь.

странѣ было уже готово вполнѣ національное управленіе, сосредоточенное въ рукахъ лучшихъ и способнѣйшихъ ея гражданъ.

Таковы были первоначальныя предположенія, но осуществленіе ихъ, на первыхъ же порахъ, должно было встрѣтить серьезныя преграды, въ значительной мѣрѣ измѣнившія какъ сферу его дѣятельности, такъ и ходъ его занятій. Слухи о Берлинскомъ конгрессѣ заставили русскую власть остановиться на время въ выжидательномъ и неопредѣленномъ положеніи до конца іюля мѣсяца. Состоявшійся къ этому времени берлинскій договоръ вынудилъ администрацію сосредоточить кругъ своей дѣятельности въ одной только сѣверной Болгаріи, и въ ожиданіи прибытія международной коммиссіи въ Пловдивъ, примѣнить къ Сливенской и Пловдивской губерніямъ временный, общій съ сѣверной Болгаріей, гражданскій строй и образовать болгарское земское войско въ составѣ девяти дружинъ и двухъ сотенъ кавалеріи. Наконецъ вмѣсто 2-хлѣтняго срока приходилось все переустройство страны окончить въ теченіе девяти мѣсяцевъ. Послѣднее обстоятельство, сдѣлавшее невозможнымъ полное осуществленіе первоначальной преобразовательной программы, заставило обратить вниманіе на приведеніе въ исполненіе только болѣе важныхъ реформъ. При такой постановкѣ дѣла нѣкоторая поспѣшность въ распоряженіяхъ была неизбѣжна, отчего, весьма естественно, могли происходить недосмотръ и болѣе или менѣе значительныя неполности. Все это имѣлось въ виду и вполнѣ сознавалось исполнителями; а потому, дабы не стѣснять въ будущемъ свободнаго и болѣе широкаго развитія мѣстныхъ учрежденій въ Болгаріи, принято было всѣмъ постановленіямъ, издаваемымъ центральнымъ управленіемъ, придавать характеръ временныхъ правилъ и положеній, могущихъ, на первыхъ порахъ, удовлетворить лишь ближайшимъ нуждамъ и насущнымъ потребностямъ вновь созидаемаго княжества. Такимъ образомъ, въ теченіе послѣднихъ шести мѣсяцевъ, управленію императорскаго коммиссара удалось разработать и большею частію привести въ исполненіе главнѣйшія и существенныя положенія, относящіяся до устройства земскаго войска, администраціи и полиціи, суда, финансовъ и народнаго образованія. Ко дню открытія перваго народнаго болгарскаго собранія положеніе будущаго княжества въ отношеніи управленія его дѣлами вкратцѣ можетъ быть представлено въ слѣдующемъ видѣ [1]).

По отношенію къ гражданскому устройству края, съ открытіемъ дѣйствій центральнаго управленія Болгаріей, прежде всего были приняты мѣры къ введенію гражданской администраціи въ мѣстностяхъ, въ то время еще находившихся въ вѣдомствѣ военныхъ властей, а равно приступлено было къ выработкѣ новыхъ и къ видоизмѣненію и

[1]) Такъ какъ объ организаціи войска было уже говорено выше, то здѣсь оно опускается.

Уополненію уже существовавшихъ положеній, дабы оныя могли вполнѣ соотвѣтствовать возникающимъ условіямъ общественной и государственной жизни.

Въ виду этого рѣшено было, по возможности, разграничить законодѣятельную, судебную и административныя власти и поставить полицію не болѣе какъ въ положеніе исполнительнаго органа; руководствоваться началами децентрализаціи и широкаго самоуправленія по административнымъ, судебнымъ, финансовымъ и земско-хозяйственнымъ учрежденіямъ. Въ силу этого во всѣхъ изданныхъ положеніяхъ ясно и опредѣленно проведены начала общественнаго самоуправленія и народнаго представительства. Выборному началу дано самое широкое примѣненіе отъ низшихъ до высшихъ учрежденій названныхъ вѣдомствъ. Такимъ образомъ управительныя дѣла въ селеніяхъ, околіяхъ (нахіяхъ), городахъ, округахъ и частію въ губерніяхъ сосредоточены были въ рукахъ подлежащихъ совѣтовъ, состоящихъ изъ лицъ, выбранныхъ мѣстнымъ населеніемъ. Въ новыхъ временныхъ положеніяхъ о городскихъ и окружныхъ совѣтахъ, созданный бывшимъ гражданскимъ управленіемъ характеръ существенно измѣненъ. Городскому совѣту предоставлено заниматься лишь городскимъ хозяйствомъ и благоустройствомъ; окружному же совѣту, сверхъ земско-хозяйственныхъ дѣлъ округа, предоставлено также завѣдываніе дѣлами, сопряженными съ интересами казны, какъ въ округѣ, такъ и въ городѣ.

Въ видахъ общественной пользы городскому совѣту предоставлено, съ вѣдома губернатора, устанавливать обязательныя для городскихъ жителей постановленія. Всѣ жалобы на постановленія городскаго и окружнаго совѣтовъ приносятся губернатору, но разсматриваются и рѣшаются не имъ единолично, а въ губернскомъ управительномъ совѣтѣ, составъ котораго ручается какъ за компетентность, такъ и за независимость мнѣній его членовъ. Въ этомъ высшемъ въ губерніи коллегіальномъ административномъ учрежденіи разрѣшаются дѣла и вопросы, касающіеся всѣхъ административныхъ въ губерніи мѣстъ и лицъ. Губернаторъ и окружные начальники, принадлежащіе, какъ органы власти, къ числу лицъ не выборныхъ, назначенныхъ отъ правительства, имѣютъ свои строго опредѣленныя права и обязанности.

При такой организаціи,—говоритъ М. С. Дриновъ,—едва-ли возможно подавленіе самостоятельности низшихъ органовъ управленія высшими. Въ особенности было обращено вниманіе на устройство цѣлесообразной полиціи, ни въ какомъ случаѣ не вмѣшивающейся въ дѣла хозяйственныя и административныя, ввѣренныя общественнымъ управленіямъ. Она ограничена строго полицейскими обязанностями и служитъ только исполнительнымъ органомъ администраціи и суда для огражденія порядка и безопасности гражданъ и исполненія закона.

Дабы оградить общество отъ незаконныхъ поборовъ, вошедшихъ въ прежнее время въ нравы администраціи и полиціи, чинамъ сихъ вѣдомствъ назначено достаточное содержаніе.

Для руководства губернской и окружной администраціи, а равно для мѣстной полиціи изданы всѣ главнѣйшія положенія и инструкціи, которыя и получили полное примѣненіе какъ въ 5 губерніяхъ и 32 округахъ княжества, такъ и въ двухъ губерніяхъ: Сливенской и Пловдивской.

Кромѣ заботъ о правильной постановкѣ административныхъ учрежденій и лицъ, отдѣлъ внутреннихъ дѣлъ занимался разработкой вопросовъ, клонящихся къ обезпеченію народнаго благосостоянія. По этимъ вопросамъ приняты были слѣдующія мѣры.

Обращено вниманіе на устройство тюремной части, которая въ прежнее время находилась въ весьма неудовлетворительномъ положеніи. Уставъ тюремный составленъ, разсмотрѣнъ и утвержденъ. Этимъ уставомъ устраняются прежніе безпорядки и злоупотребленія. Обращено особенное вниманіе, чтобы не было арестовъ произвольныхъ, чтобы заключенные за маловажные проступки не содержались вмѣстѣ съ тяжкими преступниками. Относительно народнаго здравія слѣдуетъ замѣтить, что и эта важная отрасль административнаго управленія приводилась въ порядокъ. Уставы: медицинскій, аптечный и больничный разсмотрѣны и утверждены, по медицинскому уставу [1]), опредѣлено имѣть окружныхъ и губернскихъ врачей, которые завѣдываютъ окружными и губернскими больницами. Содержаніе ихъ значительно увеличено, и главнымъ основаніемъ постановлено, чтобы врачи имѣли нужные дипломы и были бы преимущественно изъ болгаръ. Аптеки устраивались по образцу европейскихъ, и практикующимъ врачамъ запрещено содержать аптеки. Больницы созданы общія, какъ для населенія, такъ и для земскаго войска, на счетъ общихъ доходовъ края, дабы этимъ уничтожить неравномѣрность расходовъ населенія. Кромѣ того вырабатывались положенія о медицинской полиціи.

Занимаясь вышеизложенными организаціонными работами, отдѣлъ внутреннихъ дѣлъ въ то же время заботился объ устройствѣ участи бѣженцовъ, которые и по заключеніи берлинскаго договора постоянно и изъ разныхъ мѣстъ не переставали прибывать въ предѣлы Болгарскаго княжества, въ Сливенскую и Пловдивскую губерніи.

Начатое въ сентябрѣ 1878 года отступленіе русскихъ войскъ изъ южной Ѳракіи вызвало громадный наплывъ бѣженцовъ-христіанъ, которые слѣдовали за отступающими войсками, и число которыхъ къ декабрю 1878 года достигло уже до 50.000 душъ. Всѣ эти бѣженцы по большей части прибывали безъ всякаго имущества, безъ всякихъ средствъ

[1]) Еще въ то время не примѣненному на практикѣ.

къ пропитанію, даже иногда безъ всякой одежды. Чтобы прокормить ихъ и по возможности устроить ихъ участь хотя бы на первое время, были приняты слѣдующія мѣры: прежде всего было сдѣлано надлежащее сношеніе о прекращеніи возвращенія въ Пловдивскую и Сливенскую губерніи турецкихъ бѣженцовъ, такъ какъ всѣ свободныя мѣста и хлѣбные запасы съ турецкихъ полей могли быть необходимы для вновь прибывающихъ бѣженцовъ-христіанъ. Для правильнаго же разселенія бѣженцовъ-христіанъ и распредѣленія между ними пособій, учреждены коммиссіи въ Филиппополѣ, Адріанополѣ и Сливнѣ, въ распоряженіе которыхъ разновременно отпущено полмилліона франковъ, при чемъ для продовольствія бѣженцовъ коммиссіямъ разрѣшено употреблять необходимое количество собраннаго запаснаго хлѣба, а также расходовать на эту цѣль деньги, вырученныя за проданную прежде часть этихъ запасовъ.

Всѣ эти мѣры примѣнены также и къ бѣженцамъ изъ Македоніи, которые въ послѣднее время стали прибывать въ большомъ количествѣ въ пограничные округа Софійской губерніи, гдѣ число ихъ достигало слишкомъ 20.000 человѣкъ. Для устройства ихъ учреждена была въ Софіи центральная коммиссія и особые вспомогательные комитеты въ Самаковѣ, Кюстендилѣ, Джумаѣ и Дубницѣ, въ распоряженіе которыхъ, независимо запасовъ зерна, отпущено также для выдачи первоначальныхъ пособій, 36.000 франковъ; въ распоряженіе этихъ же коммиссій переданы, присланные изъ Россіи, Славянскимъ благотворительнымъ комитетомъ, огромные запасы бѣлья и разнаго рода одежды. На эти коммиссіи возложено было также особенно тщательное наблюденіе за санитарнымъ положеніемъ бѣженцовъ, своевременное оказаніе имъ медицинской помощи и недопущеніе развитія эпидемій, которыя могли быть ими занесены изъ другихъ мѣстъ. Для этого въ Дубницѣ, Кюстендилѣ, Джумаѣ и Самаковѣ открыты пріемные покои и приглашены врачи. Кромѣ всѣхъ вышеизложенныхъ мѣръ къ благоустройству и благосостоянію края рѣшено было передать населенію Болгаріи всѣ конскіе, артиллерійскіе и обозные запасы по эвакуаціи дѣйствующей арміи, равно какъ и лишнихъ лошадей всѣхъ интендантскихъ транспортовъ. Вслѣдствіе этой новой милости государя императора Болгарія получила до 20.000 лошадей русской породы, которыя распредѣлены были поровну между всѣми округами и послужили важнымъ подспорьемъ при весенникъ работахъ населенію, столь нуждавшемуся въ рабочемъ скотѣ.

Управляющій отдѣломъ внутреннихъ дѣлъ занимался также почтовою и телеграфною частями, но эти части не могли еще получить окончательнаго устройства. Проектъ организаціи почтовыхъ учрежденій по переходѣ ихъ въ вѣдѣніе гражданскаго управленія былъ составленъ, разсмотрѣнъ въ совѣтѣ и утвержденъ еще въ сентябрѣ 1878 года, но

неожиданныя обстоятельства, удержавшія дѣйствующую нашу армію на Болгарскомъ полуостровѣ, остановили примѣненіе этого проекта. Вслѣдствіе того, какъ почты, такъ и телеграфы остались въ вѣдѣніи военнаго управленія. Съ разрѣшенія главнокомандующаго приступлено къ осуществленію лишь нѣкоторыхъ предположеній проекта и къ устройству предположенныхъ этимъ проектомъ новыхъ трактовъ. Согласно этому учреждены двѣ почтовыя конторы: въ Софіи и Тырновѣ, одно почтовое отдѣленіе въ Габровѣ, пять станцій съ пріемомъ всякаго рода корреспонденціи: въ Систовѣ, Ломъ-Паланкѣ, Видднвѣ, Берковацѣ и Севліевѣ, а также одна, съ пріемомъ только простой корреспонденціи, въ Татаръ-Базарджикѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ открыты новые почтовые тракты: отъ Софіи черезъ Берковацъ до г. Ломъ-Паланки и отъ Софіи черезъ Орханіе до Плевны.

Матеріалы, собранные трудами образованной покойнымъ княземъ Черкасскимъ юридической коммиссіи, послужили основаніемъ для составленія временныхъ правилъ объ устройствѣ судебной части въ Болгаріи. На основаніи ихъ судебныя установленія подраздѣлены были на суды сельскіе, въ каждомъ селеніи, для разсмотрѣнія опредѣленнаго рода дѣлъ какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ по взаимному соглашенію сторонъ и въ качествѣ судовъ полюбовныхъ или третейскихъ, и на суды общіе, къ числу коихъ относятся суды окружные, суды губернскіе и судъ высшей инстанціи—одинъ для всего княжества. Для дѣлъ торговыхъ, по мѣрѣ потребности, въ главныхъ торговыхъ центрахъ, предназначены суды коммерческіе, съ правомъ обжалованія ихъ рѣшеній въ подлежащій судъ губерніи (апелляціонный) и въ судъ высшей инстанціи Для дѣлъ, въ коихъ интересы управленія или казны приходятъ въ связь или столкновеніе съ интересами должностныхъ или частныхъ лицъ, учреждены суды административные, окружные и губернскіе съ правомъ обжалованія ихъ рѣшеній въ судѣ высшей инстанціи. Для дѣлъ, въ коихъ отношенія частныхъ лицъ опредѣляются духовными законами и правилами, предположены суды духовные, православнаго и другихъ вѣроисповѣданій; но суды эти могли быть введены въ дѣйствіе только съ устройствомъ церковнаго управленія. Наконецъ, для разсмотрѣнія гражданскихъ дѣлъ мусульманъ между собою, оставлены суды кадіевъ; дѣла же полицейскія и уголовныя изъ вѣдомства кадіевъ безусловно изъяты.

Гражданское судопроизводство основано на началахъ гласности. Въ судопроизводствѣ уголовномъ строгое проведеніе обвинительнаго начала представлялось крайне затруднительнымъ и почти невозможнымъ по недостатку лицъ для занятія должностей прокуроровъ, а равно и по отсутствію хорошо подготовленныхъ и способныхъ защитниковъ. Су-

дебное вѣдомство передано исключительно въ руки туземныхъ уроженцевъ.

По мѣрѣ того какъ въ краѣ обезпечивался порядокъ и правосудіе, являлась возможность приступить и къ устройству финансовой части и народнаго кредита. Видоизмѣненіе существовавшихъ прежде налоговъ, съ которыми свыклось населеніе края, было тогда еще не выполнимо, при совершенномъ отсутствіи необходимыхъ для того статистическихъ свѣдѣній и другихъ матеріаловъ, а также краткости срока, которымъ ограничена была организаціонная дѣятельность управленія императорскаго коммиссара.

Въ виду этого финансовой отдѣлъ управленія императорскаго коммиссара, предоставляя будущему народному болгарскому правительству коренное переустройство финансовъ княжества, поставилъ себѣ задачею лишь улучшеніе существовавшихъ налоговъ настолько, чтобы, устранивъ стѣснительность и злоупотребленія при взиманіи ихъ, достичь болѣе правильнаго и равномѣрнаго распредѣленія. Съ этою цѣлью отмѣнены навсегда и повсемѣстно тѣ налоги (бедель и сарачимъ), которые при прежнемъ правительствѣ ложились исключительно на однихъ христіанъ; сложены также всѣ оставшіяся за населеніемъ недоимки по 1877 годъ для губерній: Рущукской, Виддинской и Тырновской; для губерній же Варненской и Софійской, освобожденныхъ позднѣе,— по 1878 годъ.—Еще въ началѣ войны были отмѣнены и сборъ съ десятины натурою и отдача его въ откупъ, а взамѣнъ этой подати установленъ денежный налогъ. Финансовымъ отдѣломъ начаты предварительныя работы къ выработкѣ правильнаго поземельнаго налога, который не могъ быть совершенно оконченъ, по недостатку времени, но тѣмъ не менѣе далъ цѣнный матеріалъ будущему правительству.

Равнымъ образомъ приступлено къ регулированію и другаго прямаго налога подъ общимъ именемъ в е р г и, а также акциза съ табаку и питей; для послѣднихъ уставъ уже былъ разработанъ и утвержденъ.

Бережливость въ расходахъ составляла также одну изъ существенныхъ заботъ управленія, по отношенію къ финансамъ страны. Это и дало возможность, несмотря на неблагопріятныя поступленія сборовъ съ населенія, вслѣдствіе бѣдствій войны, отчислить въ концѣ 1878 г. изъ болгарскихъ доходовъ около милліона рублей въ русское государственное казначейство для возмѣщенія позаимствованныхъ въ началѣ войны изъ онаго суммъ на содержаніе мѣстной администраціи и устройства дружинъ первоначальнаго ополченія. Слѣдуетъ замѣтить, что повсемѣстно въ окружныхъ и губернскихъ городахъ открыты казначейства, въ которыхъ заведена правильная отчетность и бухгалтерія. Къ числу подготовительныхъ работъ, соприкасающихся съ финансовой частью, слѣдуетъ отнести пересмотръ устава земледѣльческихъ кассъ,

и повсемѣстное ихъ возстановленіе въ странѣ. Въ Болгарскомъ княжествѣ было, при турецкомъ правительствѣ, 33 земледѣльческія кассы съ капиталомъ до 10-ти милліоновъ франковъ, но большая часть этихъ кассъ увезена бѣжавшими турками. Финансовый отдѣлъ принялъ всѣ зависящія отъ него мѣры къ скорѣйшему возстановленію этихъ кассъ и уже успѣлъ открыть слѣдующія: семь въ Софійской губерніи, пять въ Тырновской, двѣ въ Рущукской, одну въ Варненской.

Въ видахъ развитія торговли и урегулированія торговаго кредита разработанъ и утвержденъ уставъ народнаго болгарскаго банка, который затѣмъ и открытъ въ Софіи, съ отдѣленіями въ нѣсколькихъ промышленныхъ городахъ княжества.

По части финансоваго управленія особенное вниманіе обращено было на устройство таможенныхъ сборовъ, составлявшихъ довольно крупную статью государственныхъ доходовъ княжества. Улучшеніе таможеннаго дѣла требовалось какъ перемѣнами, происшедшими вслѣдствіе войны, такъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что турецкая система взиманія пошлинъ съ привоза и вывоза, система, усвоенная на первое время и гражданскимъ управленіемъ, оказалась не вполнѣ удовлетворительною. Для скорѣйшаго улучшенія таможеннаго устройства признано полезнымъ выдѣлить эту часть въ особое вѣдомство и поручить завѣдываніе ею особому спеціалисту [1]). Вмѣстѣ съ симъ приступлено къ переводу тарифовъ на болгарскій языкъ и приведенію ихъ въ систему съ сохраненіемъ размѣра пошлинъ, установленныхъ трактатами и не подлежавшихъ измѣненію. Утверждены новые штаты таможень и пограничнаго надзора, которые вводились по Дунаю и берегамъ Чернаго моря, а также по границѣ Сербіи и Македоніи; преподаны однообразныя правила дѣлопроизводства и отчетности кассовой и бухгалтерской; даны формы для статистическихъ вѣдомостей о ходѣ торговли. Составленъ бюджетъ княжеству на предстоящій финансовый годъ, котораго начало оставлено прежнее, 1-е марта.

Поднятіе умственнаго и нравственнаго образованія въ Болгаріи составляло одну изъ существеннѣйшихъ и постоянныхъ заботъ центральнаго управленія. Съ цѣлью придать дѣлу этому надлежащее положеніе, обращено вниманіе на возстановленіе народныхъ школъ, пришедшихъ въ упадокъ во время войны. Содержаніе народныхъ училищъ оставлено на попеченіи самаго населенія. Система эта и прежде практиковалась въ Болгаріи, и ей слѣдуетъ приписать то отрадное явленіе, что, несмотря на свое печальное политическое положеніе, крайне стѣсненное для умственнаго развитія, Болгарія все-таки успѣла обзавестись довольно значительнымъ количествомъ школъ. Вообще,

[1]) Дѣйствительному статскому совѣтнику Тухолкѣ.

признавая, что непосредственное участіе населенія въ матеріальной поддержкѣ народныхъ училищъ слѣдуетъ считать самымъ сильнымъ средствомъ для развитія народнаго просвѣщенія, центральное управленіе не только не сочло нужнымъ отмѣнять прежній способъ содержанія народныхъ школъ въ Болгаріи, но даже узаконило его, предоставивъ населенію право самообложенія въ пользу школъ; изъ общихъ доходовъ края рѣшено помогать народнымъ училищамъ только въ крайнихъ случаяхъ. Предоставивъ такимъ образомъ матеріальную сторону народныхъ училищъ всецѣло попеченію народа, центральное управленіе ограничило свою дѣятельность по отношенію къ нимъ лишь чисто нравственною стороною дѣла, а именно:

1) Устройствомъ учебной части училищъ, страдавшей прежде отсутствіемъ опредѣленной системы и учебнаго плана.

2) Заботою о замѣщеніи учительскихъ должностей людьми, достойными своего званія, и объ огражденіи учителей отъ произвола вліятельныхъ, а иногда невѣжественныхъ членовъ общинъ.

3) Приготовленіемъ учителей для народныхъ школъ. Въ этомъ смыслѣ составленъ и обнародованъ уставъ народныхъ училищъ, по одному на каждую губернію. Было приступлено къ учрежденію правильно организованныхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ коихъ чуствовалась настоятельная потребность. Къ концу управленія императорскаго коммиссара открыты классическія гимназіи въ Софіи и Габровѣ, три реальныхъ училища въ Ломъ-Паланкѣ, Рущукѣ и Габровѣ и два духовныхъ училища въ Самаковѣ и Лѣсковцѣ. Кромѣ того открыты реальныя училища въ Филиппополѣ и Сливнѣ. Какъ въ народныхъ училищахъ, такъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ устроены стипендіи для бѣдныхъ, но отличающихся способностями и успѣхами учениковъ.

Въ учрежденныхъ уже среднихъ учебныхъ заведеніяхъ можно было открыть только низшіе два-три класса, такъ какъ на завершеніе этого дѣла требовалось отъ 4 до 5 лѣтъ. До того времени болѣе подготовленная современная болгарская молодежь должна была заканчивать свое образованіе за границей, вслѣдствіе чего въ бюджетъ внесена для этой цѣли особая статья, съ ассигнованіемъ 60.000 франковъ въ годъ.

Преподаватели для народныхъ школъ и открытыхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній нашлись, и если ученье не получило еще надлежащей постановки, то главнымъ образомъ вслѣдствіе недостатка въ хорошихъ учебникахъ и пособіяхъ; для удовлетворенія этой нужды, а также и для поднятія письменности, пришедшей за послѣдніе два года въ сильный упадокъ, приняты соотвѣтствующія мѣры, къ числу коихъ относятся заботы объ устройствѣ при училищахъ библіотекъ,

которыя предположено снабдить лучшими учебниками, пособіями и книгами на иностранныхъ языкахъ, особенно на русскомъ.

Кромѣ того, въ Софіи, куда стеклось уже и постепенно стекается довольно много интеллигентныхъ болгарскихъ силъ, была открыта публичная библіотека, которая ко времени ухода русскихъ могла похвалиться довольно богатою коллекціею книгъ. Въ эту библіотеку должны были поступить книжныя собранія Браиловскаго книжевнаго дружества, дѣятельность котораго предположено возстановить въ Софіи, въ надеждѣ сосредоточить вокругъ него умственныя силы болгаръ и побудить ихъ къ трудамъ, долженствующимъ поднять народную письменность.

Война съ предшествовавшими ей событіями и произведеннымъ ею переворотомъ въ политической и общественной жизни болгарскаго народа не могла не произвести нѣкотораго замѣшательства во внутреннихъ отношеніяхъ болгарской церкви, замѣшательства, возможно скорѣйшее устраненіе котораго являлось настоятельно необходимымъ; кромѣ того и новая политическая жизнь болгаръ неотложно требовала значительныхъ измѣненій въ созданномъ экзархійскимъ уставомъ церковномъ устройствѣ вообще и въ частности въ устройствѣ духовнаго суда. Съ такою же настоятельностью сказывается и потребность въ улучшеніи состоянія низшаго духовенства, которое, за весьма немногими исключеніями, не можетъ не обращать на себя вниманія какъ скудостью своей подготовки къ высокому своему назначенію, такъ и крайне неблагопріятною обстановкою своего матеріальнаго быта. Управленіе императорскаго коммиссара постоянно сознавало необходимость скорѣйшаго разрѣшенія вопросовъ о церковномъ устройствѣ, но обнародованіе берлинскаго трактата, набросившаго нѣкоторую неопредѣленность на внѣшнія отношенія болгарской церкви, заставило отложить осуществленіе предположеній касательно церковныхъ дѣлъ до выясненія этой неопредѣленности. Вслѣдствіе этого замедлилось желаемое приведеніе церковныхъ дѣлъ въ надлежащій порядокъ, такъ какъ управленіе императорскаго коммиссара не могло рѣшиться взять на себя церковнаго устройства безъ участія и подробнаго обсужденія представителей церкви. Такимъ образомъ пришлось ограничиться лишь. слѣдующею, чисто внѣшнею дѣятельностью:

1) Оказывать посильное содѣйствіе къ возстановленію разрушенныхъ храмовъ и снабженію какъ ихъ, такъ и потерпѣвшихъ церквей нужными для богослуженія предметами. Такихъ церквей въ княжествѣ и Румеліи оказалось до 400. Нужды эти частью удовлетворены благодаря довольно значительнымъ пожертвованіямъ изъ Россіи.

2) Отмѣнена такъ называемая «владычина», и архіереямъ назначено содержаніе изъ общихъ доходовъ государства.

3) Для того чтобы дать Болгаріи въ возможно скорѣйшемъ времени сколько-нибудь подготовленныхъ къ своему назначенію священниковъ и

преподавателей закона Божьяго, открыты два духовныхъ училища въ Самаковѣ и Лѣсковцѣ съ временнымъ, элементарнымъ богословскимъ курсомъ. Въ этихъ училищахъ обучалось до 100 учениковъ, изъ коихъ только меньшей половинѣ оказалось нужнымъ назначить содержаніе отъ правительства.

4) Приняты мѣры къ надлежащей постановкѣ церковнаго богослуженія. Съ этою цѣлью, между прочимъ, обращено особое вниманіе на замѣну новогреческаго церковнаго напѣва новоболгарскимъ (древнерусскимъ) пѣніемъ. Преподаваніе послѣдняго введено въ Самаковскомъ духовномъ училищѣ, Софійской гимназіи и въ Лѣсковцѣ.

5) Въ Софіи учреждено священническое братство съ цѣлью содѣйствовать самообразованію мѣстнаго духовенства, улучшенію церковнаго благочинія и распространенія религіозныхъ знаній въ народѣ. Подобное же братство должно было учредиться и въ Радомірѣ.

Стремясь создать вполнѣ національныя учрежденія въ Болгаріи, временное управленіе было озабочено привлеченіемъ на общественныя и государственныя должности способнѣйшихъ людей изъ мѣстныхъ уроженцевъ. То обстоятельство, что для сформированія вполнѣ знающаго свое дѣло служебнаго персонала, прежде всего необходимы: извѣстный навыкъ и традиціи, усвоиваемыя только въ теченіе довольно продолжительнаго времени, крайне затрудняло временное правленіе при выборѣ людей на тѣ или другія должности, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда требовались спеціальныя знанія или вполнѣ законченное общее образованіе. Тѣмъ не менѣе центральное управленіе успѣло удовлетворительнымъ образомъ разрѣшить и эту весьма важную и трудную задачу. Къ концу дѣятельности императорскаго коммиссара на общественной и государственной службѣ состояло уже болѣе 2.000 мѣстныхъ уроженцевъ, изъ коихъ 768 по назначенію отъ правительства и 1.353 по выборамъ отъ населенія. Русскихъ же, за исключеніемъ офицеровъ въ войскахъ, къ тому же времени осталось около 150 человѣкъ, при чемъ въ судебномъ и учебномъ вѣдомствахъ личный персоналъ былъ почти исключительно туземный, а въ администраціи мѣстный элементъ достигалъ болѣе 800 лицъ.

Передъ окончаніемъ своего управленія императорскій коммиссаръ поручилъ управляющему внутреннимъ отдѣломъ объѣхать страну и произвести ревизію всѣхъ административныхъ учрежденій 5-ти губерній, управляющему судебнымъ отдѣломъ поручилъ обсудить съ предсѣдателями судовъ и членами суда высшей инстанціи общіе вопросы касательно управленія судебной частью, разсмотрѣть составленный въ судебномъ отдѣлѣ наказъ судамъ и подробную инструкцію о порядкѣ совершенія актовъ и договоровъ, приготовить на болгарскомъ языкѣ новое изданіе не отмѣненнаго еще оттоманскаго уголовнаго кодекса и составить про-

грамму для изданія при судѣ высшей инстанціи юридической газеты. Управляющему отдѣломъ народнаго просвѣщенія поручено заняться дополненіемъ устава о народныхъ училищахъ при содѣйствіи инспекторовъ этихъ училищъ, имѣвшихъ возможность достаточно уже ознакомиться съ положеніемъ этого дѣла въ княжествѣ. Ему же поручено было обсудить окончательно вопросъ о духовныхъ училищахъ, о программахъ среднихъ учебныхъ заведеній какъ мужскихъ, такъ и предположенныхъ къ открытію женскихъ.

Пользуясь собраніемъ въ Тырновѣ, императорскій коммиссаръ поручилъ управляющимъ отдѣлами обсудить всѣ эти вопросы съ компетентными лицами, туда съѣхавшимися, и выслушать ихъ замѣчанія и мнѣнія.

III.

Въѣздъ князя болгарскаго въ Софію.—Политическая манифестація болгаръ.—Образованіе министерства.—Характеристика министровъ.—Первые шаги князя болгарскаго и его претензія.—Податливость болгарскихъ министровъ.

Въѣздъ князя болгарскаго въ Софію совершился настолько торжественно, насколько позволяла бѣдность обстановки. Софія представляла изъ себя тогда зарождающійся европейскій городъ; улицы, въ противоположность другимъ городамъ Болгаріи, были прямыя и широкія, что облегчало будущее упорядоченіе города, но ихъ было мало. Самые высокіе дома были въ 2 этажа, да и то таковыхъ было на перечетъ; желѣзныхъ крышъ на домахъ не было ни одной, и даже дворецъ князя, передѣланный изъ прежняго турецкаго конака, былъ крытъ черепицей.

Само собой разумѣется, что городъ былъ разукрашенъ флагами, арками съ подобающими надписями: «Соединеніе—сила», «народъ съ тобою» и т. п.; войска и цехи со значками стояли шпалерами, а у дворца былъ поставленъ почетный караулъ, собрались всѣ офицеры, находившіеся въ городѣ, командиры дружинъ изъ сосѣднихъ городовъ, черезъ которые князь не проѣзжалъ. Тутъ же собрались разныя почетныя лица, и среди нихъ я увидѣлъ и познакомился съ Каравеловымъ, столь извѣстнымъ впослѣдствіи дѣятелемъ оппозиціи, затѣмъ министромъ и наконецъ узникомъ Черной Джаміи (тюрьма), во время Стамбуловскаго диктаторства и террора.

Въ ожиданіи пріѣзда князя я занялся повѣркой знаній своихъ обязанностей карауломъ, выставленнымъ отъ Софійской № 1-й дружины, продѣлывая репетицію; дружинники отлично отвѣчали по-русски: «здравія желаемъ, ваша свѣтлость» и «рады стараться».

При чудной погодѣ, подъ лучами яркаго солнца, князь въѣхалъ

верхомъ, окруженный свитой и конвоемъ, въ который назначена была 1-я сотня болгарской кавалеріи, квартировавшая въ Софіи, переименованная впослѣдствіи въ собственный конвой князя.

У дворца я представилъ князю находившихся тутъ военныхъ, а затѣмъ ему были представлены именитые граждане. Тутъ же являлись князю конные ординарцы и, къ сожалѣнію, весьма неудачно; одинъ солдатъ свалился, а офицеръ чуть не налетѣлъ на князя.

Князь былъ въ то время безусловнымъ красавцемъ; огромнаго роста, замѣчательно стройный, съ чуднымъ румянцемъ на нѣжной кожѣ, еще очень маленькими, изящными усиками, онъ подкупалъ всѣхъ своею внѣшностью; чрезвычайная любезность въ обращеніи и изысканность манеръ довершали хорошее впечатлѣніе; одни только глаза, маленькіе, довольно узкіе, черные не свѣтились ни открытостью, ни добродушіемъ. Взглядъ былъ тревожный, недовѣрчивый, ни на чемъ долго не останавливающійся и довольно хитрый.

Впослѣдствіи всѣ имѣвшіе личныя сношенія съ княземъ и не одни только дружескія, признали, что въ глазахъ князя свѣтилась основная черта его характера—скрытность.

Въ свитѣ князя находились: его гофмаршалъ баронъ Ридейзель, служившій съ княземъ въ одномъ полку (лейбъ-гвардіи), очень вѣжливый, любезный, недалекій нѣмчикъ, всецѣло предавшійся потомъ своимъ дворцовымъ обязанностямъ; личные адъютанты: Корвинъ, тоже сослуживецъ князя въ прусскихъ войскахъ и, кажется, бывшій его эскадронный командиръ, добродушный, хорошій человѣкъ, добрый малый, должно быть, хорошій строевой офицеръ, отлично державшій себя впослѣдствіи и никогда не вмѣшивавшійся въ политику. Изъ русскихъ военныхъ при князѣ состояли: флигель-адъютантъ нашего государя генеральнаго штаба полковникъ Александръ Александровичъ Шепелевъ, замѣчательно даровитый человѣкъ, симпатичный, обладавшій большимъ тактомъ и необычайно сдержанный. Онъ состоялъ при князѣ въ качествѣ военнаго attaché, но въ дѣйствительности долженъ былъ быть и дядькой князя, и окомъ императора. Послѣднее удалось Шепелеву вполнѣ, первое же, роль дядьки—совсѣмъ не удалась, такъ какъ взгляды и направленіе князя были совсѣмъ противуположные Шепелеву.

Русскіе адъютанты были: поручикъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка Ползиковъ, числившійся въ 1-й Софійской дружинѣ болгарскихъ войскъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи однимъ изъ самыхъ приближенныхъ лицъ къ князю, и бывшій конно-гвардеецъ Мосоловъ, командовавшій конвоемъ князя. Кромѣ того было нѣсколько адъютантовъ болгаръ. Гражданскую свиту князя, кромѣ Ридейзеля, составляли: политическій или дипломатическій секретарь, болгаринъ Стоиловъ, бывшій впослѣдствіи при князѣ Фердинандѣ, много лѣтъ, первымъ министромъ послѣ паденія Стамбу-

лова и частный секретарь, молодой человѣкъ Менгесъ, сынъ гессенскаго тайнаго совѣтника. Стоиловъ принималъ очень дѣятельное участіе въ веденіи дѣлъ княжества, присутствуя, по приказанію князя, безъ права голоса, но за то съ большимъ вліяніемъ, въ совѣтѣ министровъ, что, конечно, было и незаконно, и весьма неудобно, а Менгесъ велъ личныя дѣла князя и его частную переписку.

Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ, при чемъ передъ самымъ дворцомъ красовался щитъ съ надписью: «Освободителю Болгаріи Александру II»; проходило много процессій съ факелами, которыя останавливались передъ дворцомъ, говорили рѣчи; князь выходилъ на балконъ, отвѣчалъ нѣсколькими заученными словами, клялся...

Все было хорошо, очень торжественно, со стороны болгаръ—несомнѣнно искренно; но по пословицѣ: ложка дегтю въ бочку меду—появились процессіи съ политическими надписями и намеками на сіяющихъ щитахъ: «Помни Санъ-Стефанскую Болгарію и Кавалу и Солунь», «Помни цѣлокупную [1]) Болгарію».

Эти слова, которыя каждый мыслящій болгаринъ хранилъ въ тайникахъ души своей, высказанныя теперь всенародно, были крайне непріятны князю. Онъ съ перваго дня своего правленія увидѣлъ, что не такъ-то легко провести въ жизнь тѣ обѣщанія, которыя онъ давалъ графу Андраши въ Вѣнѣ, и тѣ завѣренія, на которыя онъ не скупился въ разговорахъ съ австрійскими и лондонскими корреспондентами; онъ увидѣлъ, что придавленный въ теченіе 500-лѣтняго ига, болгарскій народный организмъ еще живъ, что его разбудили, призвавъ къ государственной жизни, что есть народъ, что-то знающій, соображающій и что благодаря установленной формѣ правленія съ этимъ народомъ, въ лицѣ его представителей, придется считаться.

Въ этотъ вечеръ впервые ярко выдвинулся на арену политической народной жизни знаменитый впослѣдствіи Степанъ Стамбуловъ, изгнанный изъ Одессы семинаристъ, а въ Болгаріи—сперва весьма бѣдный, простой депутатъ перваго очереднаго народнаго собранія, при томъ еще незаконно (по молодости лѣтъ) выбранный, замѣчательно одаренный отъ природы, пламенный ораторъ кабаковъ и хановъ [2]), затѣмъ народный трибунъ, ничѣмъ не стѣсняющійся диктаторъ и, наконецъ, тиранъ. Стамбуловъ участвовалъ въ процессіи и несъ щитъ съ надписью: «Помни цѣлокупную Болгарію». Имя его сдѣлалось извѣстно по всей Болгаріи, узналъ о немъ и князь и почуялъ врага. Въ тотъ же день князь познакомился съ другимъ своимъ будущимъ врагомъ, тоже русскимъ воспитанникомъ, окончившимъ курсъ Московскаго университета

[1]) Т. е. цѣльную, нераздѣльную, съ Ѳракіей (Восточной Румеліей) и Македоніей.

[2]) Ханъ—харчевня, заѣзжій или постоялый дворъ.

и бывшимъ учителемъ въ Москвѣ—Каравеловымъ, котораго называли Петко [1]) Каравеловъ, въ отличіе отъ его брата Любена Каравелова, болгарскаго патріота и писателя, въ то время уже умершаго, пользовавшагося большою популярностью среди болгаръ.

Первымъ вопросомъ, подлежавшимъ неотложному рѣшенію, былъ вопросъ о сформированіи министерства. Но кого и куда назначить? Къ тому времени въ Болгаріи было уже нѣсколько лицъ, которыя прежними своими трудами въ дѣлѣ освобожденія пріобрѣли имя и извѣстную репутацію; каждый изъ нихъ, или большинство изъ нихъ, имѣло уже сторонниковъ или единомышленниковъ. Были и такіе, которые за время управленія князя Черкасскаго и князя Дондукова, занимая различныя административныя должности, получили нѣкоторую служебную опытность, такъ сказать, пріобрѣли цензъ. Къ этимъ-то людямъ и обратились взоры тѣхъ, отъ которыхъ зависѣло дѣло,—князя и нѣкоторыхъ его совѣтниковъ русскихъ и болгаръ. Предположено было назначить министрами: Драгана Цанкова, Каравелова, Начевича, Грекова, Бурмова и Дринова. На послѣдняго предполагали возложить обязанность предсѣдателя совѣта министровъ.

Первымъ категорически отказался Дриновъ.

Обратились къ Цанкову и Каравелову. Цанковъ, бывшій тогда губернаторомъ въ Варнѣ, не отвѣчалъ ни на первую, ни на вторую посланныя ему телеграммы [2]), а на третью отвѣтилъ отказомъ. Я помню, что тогда говорили: «Цанковъ навѣрное откажется: онъ самый хитрый изъ всей Болгаріи. Это старая опытная лиса».

Вышло какъ по-писанному; умный и весьма тонкій Цанковъ разсудилъ: «попробуйте прежде вы, другіе, а я посмотрю» и отказался.

Князь ужасно сердился на долгое молчаніе Цанкова, говоря: «c'est un mal-apprіs» (невѣжа) и съ того времени не взлюбилъ его, такъ что, съ первыхъ же дней, князь не взлюбилъ трехъ будущихъ выдающихся дѣятелей: Цанкова, Каравелова и Стамбулова. Они платили ему тѣмъ же.

Каравеловъ отказался подъ предлогомъ, что онъ желаетъ имѣть товарищемъ по министерству Цанкова и безъ него не приметъ должности.

Наконецъ, послѣ многихъ треволненій и колебаній, появился декретъ князя, и министрами назначены: Бурмовъ, Грековъ, Балабановъ, Начевичъ и я.

Предсѣдатель совѣта министровъ и министръ внутреннихъ дѣлъ Ѳедоръ Степановичъ Бурмовъ [3]), уроженецъ г. Габрова, окончилъ курсъ

[1]) Петръ.

[2]) На первыя телеграммы, подписанныя Стоиловымъ, хитрый Цанковъ не отвѣтилъ, объяснивъ впослѣдствіи, что не разобралъ подписи. Въ сущности же онъ обидѣлся тѣмъ, что телеграмма подписана секретаремъ князя, занимавшимъ нештатную и только приближенную къ князю должность.

[3]) Полная его фамилія Бурмовъ-Стояновъ.

въ Кіевской духовной академіи магистромъ, былъ при нашемъ посольствѣ въ Константинополѣ, редакторомъ различныхъ болгарскихъ народныхъ книгъ и газетъ, состоялъ нѣкоторое время при князѣ Черкасскомъ, а затѣмъ былъ вице-губернаторомъ въ Филиппополѣ, а передъ назначеніемъ министромъ былъ софійскимъ губарнаторомъ.

Добрѣйшій человѣкъ, честный, но не обладавшій творчествомъ и мало подготовленный къ той широкой и созидательной дѣятельности, къ которой былъ призванъ; къ тому же, несмотря на значительную дозу упрямства, у него не было достаточной самостоятельности въ характерѣ, что должно было составлять, особенно въ то время, необходимую принадлежность каждаго лица, высокопоставленнаго въ административной іерархіи. Въ силу своей податливости онъ часто пассовалъ и передъ княземъ, и передъ оппозиціей. Въ качествѣ помощника у него остался временно В. П. Рогге.

Министръ юстиціи, Дмитрій Грековъ, еще очень молодой человѣкъ, учился за границей, имѣлъ степень доктора правъ и передъ войной занимался адвокатской практикой въ Браиловѣ. Очень смышленый, тонкій, повидимому, не совсѣмъ чистаго болгарскаго происхожденія, съ Болгаріей онъ былъ мало знакомъ, не проживая въ ней до войны. Я его считалъ однимъ изъ самыхъ умныхъ, а въ особенности самыхъ хитрыхъ изъ министровъ. При немъ тоже остался на нѣкоторое время помощникомъ В. М. Качановскій.

Министръ иностранныхъ дѣлъ, Марко Балабановъ, уроженецъ Калофера въ Восточной Румеліи, получилъ сначала духовное образованіе, а затѣмъ изучалъ право за границей (кажется, въ Парижѣ). Издавалъ въ Константинополѣ газету «Вѣкъ» и занималъ должность при экзархатѣ.

Балабановъ, вмѣстѣ съ Драганомъ Цанковымъ, ѣздилъ передъ войной по Европѣ, депутатомъ отъ народа болгарскаго къ иностраннымъ правительствамъ. Былъ, по занятіи Болгаріи нашими войсками, вице-губернаторомъ въ Тырновѣ, Систовѣ и Рущукѣ, а затѣмъ членомъ верховнаго суда. Хорошее знаніе имъ французскаго языка и неоднократныя путешествія по Европѣ были, вѣроятно, причиной назначенія его на постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Человѣкъ умный, крайне осторожный, весьма сдержанный, даже скрытный, онъ имѣлъ одну весьма непріятную особенность: никогда не смотрѣлъ въ глаза своему собесѣднику.

Министръ финансовъ, Григорій Дмитріевичъ Начевичъ, о которомъ я упоминалъ въ первой части моихъ записокъ [1]), безспорно весьма умный человѣкъ, очень хитрый, съ замѣчательно твердымъ характеромъ

[1]) „Русская Старина“ 1899 года.

и таковой же энергіей. Родился въ Систовѣ, въ богатой купеческой семьѣ, учился за границей, въ 1867—68 годахъ, во время неудавшагося возстанія болгаръ, былъ скомпрометтированъ передъ турецкимъ правительствомъ и бѣжалъ въ Вѣну, проживая то въ этомъ городѣ, то въ Бухарестѣ, состоя торговымъ агентомъ болгарскихъ купцовъ. Дѣятельность его передъ войной очерчена мною раньше. Я всегда съ особымъ сожалѣніемъ читалъ и слышалъ впослѣдствіи, что Начевичъ изъ человѣка, преданнаго Россіи, превратился въ руссофоба. Думаю, что въ этомъ превращеніи немалую роль играли мысли, высказанныя митрополитомъ Григоріемъ и помѣщенныя мною въ эпиграфѣ къ этой части моихъ записокъ.

Должность министра народнаго просвѣщенія временно взялъ на себя Бурмовъ, а затѣмъ на эту должность приглашенъ былъ проживавшій въ Румыніи болгаринъ докторъ Атанасовичъ, личность совершенно безцвѣтная.

Декретъ обнародовали 5-го іюля, и мы вступили въ управленіе своими вѣдомствами. Случилось такъ, что всѣ мы забыли одну формальность, обязательную для конституціонныхъ министровъ: забыли присягнуть конституціи. Конечно, эту забывчивость нельзя было считать важной ошибкой, и отсутствіе присяги, на мой по крайней мѣрѣ взглядъ, не снимало съ насъ нравственнаго обязательства быть вѣрными законамъ страны конституціи, но впослѣдствіи, защищая конституцію отъ нарушеній, мнѣ неоднократно приходилось слышать отъ многихъ изъ моихъ коллегъ: «чего вы стѣсняетесь; вѣдь мы не присягали».

Вновь образованное министерство получило прозваніе консервативнаго, министры названы консерваторами. Получилось это названіе совершенно нечаянно, безъ всякаго внутренняго смысла, произвольно, но тѣмъ не менѣе названіе привилось, явилось какимъ-то знаменемъ; естественно, что разъ какъ явились консерваторы, то въ противуположность имъ, объявились и либералы.

И вотъ Болгарія вступила въ цивилизованную жизнь: конституція, партіи, люди, стоящіе у власти, и оппозиція, а какъ результатъ—борьба партій, стремленіе однихъ удержаться у власти и стремленіе другихъ захватить власть. А что же народъ, что же страна, отечество?

Но объ этомъ, равно какъ и о партіяхъ, рѣчь впереди.

Въ день изданія декрета князь давалъ большой обѣдъ. Были приглашены и бывшіе министры русскіе и новые; были и дипломатическіе агенты, въ томъ числѣ нашъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Петровичъ Давыдовъ, а также полковникъ Шепелевъ. Обѣды у князя, въ началѣ его правленія, были отличные; поваръ-французъ, прекрасное вино и къ тому же въ изобиліи.

Со мной князь былъ изысканно любезенъ, и до этого обѣда я ему

вѣрилъ; ни малѣйшаго сомнѣнія не закрадывалось мнѣ въ душу; я думалъ въ это утро, что хотя работа предстоитъ неимовѣрная по трудности и по обилію ея, но что при содѣйствіи молодаго князя все пойдетъ хорошо.

Кончился обѣдъ, всѣ закурили въ большой входной комнатѣ, игравшей также роль пріемной; я бесѣдовалъ съ Давыдовымъ у окна и увидѣлъ, что въ глубинѣ комнаты князь о чемъ-то очень горячо и жестикулируя разговариваетъ съ министрами, которые довольно сконфуженно кланяются, очевидно выражая согласіе на слова князя. Сцена эта была настолько жива, что не трудно было понять ея смыслъ: какое-то энергичное заявленіе князя и согласіе, или скорѣе подчиненіе этому заявленію, со стороны моихъ товарищей, но подчиненіе, такъ сказать, подневольное и точно вынужденное.

Во время этого разговора, за которымъ я внимательно слѣдилъ издали, князь, очень красный, часто взглядывалъ въ мою сторону; меня удивляло, что какая-то общая бесѣда князя съ его министрами происходитъ въ отсутствіе меня, военнаго министра, но меня не звали, и я не трогался съ мѣста. По окончаніи этой бесѣды, князь очень любезно подошелъ ко мнѣ и къ Давыдову, о чемъ-то поговорилъ и удалился въ свои комнаты. Вслѣдъ за уходомъ князя ко мнѣ подошли всѣ министры, и Балабановъ, по обыкновенію не глядя мнѣ въ глаза, отъ лица всѣхъ обратился ко мнѣ со словами:

— Excéllence, nous avons quelque chose à Vous communiquer [1]).

Тонъ и манера, которыми это было сказано, указывали,' очевидно, что Балабановъ взялъ на себя какую-то миссію для сообщенія мнѣ отъ лица всѣхъ министровъ, меня окружившихъ, и при томъ миссію оффиціальную.

Когда я заявилъ, что готовъ слушать, Балабановъ сообщилъ слѣдующее: князь сказалъ министрамъ, что онъ крайне оскорбленъ тѣмъ, что по конституціи онъ пользуется только титуломъ свѣтлости (Altesse Séréнissime, Durchlaucht), тогда какъ уже по рожденію своему онъ высочество (Altesse, Hoheit), что это очевидный недосмотръ въ конституціи, который онъ переносить не можетъ, и что онъ проситъ ихъ, министровъ, титуловать его высочествомъ. Крайне удивленный слышаннымъ, я спросилъ министровъ, что же они отвѣтили князю? Балабановъ, опять-таки отъ лица другихъ, отвѣтилъ: «nous avons consenti et nous sommes venu vous prier de vous associer à notre consentement [2]).

Я былъ пораженъ и плохо вѣрилъ тому, что слышалъ. Какъ же такъ: нѣсколько дней тому назадъ князь торжественно, въ Тырновѣ, на Крестѣ и Евангеліи клялся свято блюсти законы страны, а тутъ, въ пер-

[1]) Ваше превосходительство. мы имѣемъ нѣчто вамъ сообщить.

[2]) Мы согласились и пришли васъ просить къ намъ присоединиться.

вый же день вступленія въ правленіе, самъ требуетъ отъ своихъ министровъ нарушенія одного изъ основныхъ законовъ? Я искренно вѣрилъ, что это недоразумѣніе, и пробовалъ обсудить дѣло съ моими товарищами, которые, какъ я думалъ, не привыкши въ ихъ прошломъ разговаривать съ высокопоставленными лицами, а тѣмъ болѣе съ принцами, очевидно, спассовали передъ княземъ. Я думалъ даже, что, напомнивъ министрамъ о конституціи, я поддержу ихъ самихъ, дамъ имъ возможность выйти изъ неловкаго положенія, очевидно, вынужденнаго, и съ этою цѣлью, давно уже выучивъ главныя статьи конституціи, высказалъ слѣдующее: «по конституціи княжества, въ главѣ II (о существѣ и предѣлахъ княжеской власти), § 6 гласитъ: «князю болгарскому принадлежитъ титулъ свѣтлости, наслѣднику престола—титулъ сіятельства. Князь присягалъ всенародно конституціи и при этомъ не оговорилъ, что исключаетъ заранѣе что-то изъ конституціи; очевидно, что тутъ недоразумѣніе, которое надо разъяснить князю». Когда же я увидѣлъ, что это на моихъ собесѣдниковъ не дѣйствуетъ, то припомнилъ имъ другіе §§ конституціи, а именно: «§ 14. Князю принадлежитъ право смягченія или отмѣны наказаній въ порядкѣ, опредѣленномъ правилами уголовнаго судопроизводства».

«§ 15. Князю принадлежитъ право помилованія въ дѣлахъ уголовныхъ».

«§ 16. Изложенныя въ ст. 14 и 15 права князя не распространяются на приговоры, по коимъ осуждены министры за нарушеніе конституціи».

— Такимъ образомъ,—говорилъ я,—мы, согласившись на требованіе князя, не только нарушаемъ конституцію, основной законъ страны, но еще вдобавокъ прямо отдаемъ себя подъ судъ за государственное преступленіе, по которому князь даже помиловать не можетъ и что если они, природные болгары, допускаютъ возможность болгарскаго суда надъ ними, то я, русскій подданный и русскій генералъ, не могу допустить и мысли иностраннаго суда надъ собой. Далѣе я напомнилъ § 44 конституціи, въ которомъ сказано: «ни одинъ законъ не можетъ быть изданъ, дополненъ, измѣненъ и отмѣненъ безъ предварительнаго обсужденія и принятія его народнымъ собраніемъ» [1])... Мало того въ главѣ XX (о великомъ народномъ собраніи), въ § 141, п. 2-й сказано, что великое народное собраніе созывается «для измѣненія или пересмотра конституціи» и что созваніе великаго народнаго собранія для этой именно цѣли можетъ быть сдѣлано княземъ (§§ 140 и 141); такъ что изъ сопоставленія этихъ статей возникалъ еще вопросъ: можетъ ли обыкновенное народное собраніе отмѣнить законъ, уже введенный въ конституцію?

[1]) Очереднымъ, т. е. обыкновеннымъ.

Къ сожалѣнію, всѣ эти доводы не убѣдили моихъ товарищей; они все-таки, устами Балабанова, заявили о необходимости исполнить требованіе князя.

Тогда я перешелъ на другую почву. Я говорилъ: «хорошо вамъ, господа, идти на такое дѣло; вы будете разговаривать съ княземъ при докладахъ съ глазу на глазъ, и никто не услышитъ, какъ вы его величаете; чиновники же ваши съ княземъ не разговариваютъ, а у меня каждый солдатъ, стоя на часахъ, отвѣчаетъ на привѣтствіе и на вопросы князя, титулуя его свѣтлостью. Для измѣненія этого порядка я долженъ отдать приказъ, а я не генералъ Примъ и пронунсіяменто дѣлать не могу [1]).

Но, увы! всѣ мои доводы не привели ни къ чему; министры весьма сконфуженно повторяли хоромъ: «nous avons promis» [2]), и затѣмъ Балабановъ уже категорически спросилъ меня, какъ я намѣренъ поступать, на что я отвѣтилъ, что до созыва народнаго собранія и до измѣненія законнымъ путемъ параграфовъ конституціи я ни на какія сдѣлки не пойду и остаюсь при своемъ рѣшеніи. Тогда Балабановъ уже болѣе рѣзко сказалъ: «mais alors, général, il y a divergence entre nous?» [3]); на что и я тоже рѣшительнымъ тономъ отвѣчалъ: «certainement; sur ce point absolument et si c'est necessaire je donne ma demission [4]).

На этомъ мы и разошлись. Понятно, что я былъ весьма взволнованъ; въ первый же день вступленія въ должность—такой казусъ. Выходило, что я не только разошелся со всѣми министрами, но еще вдобавокъ пошелъ противъ князя. Конечно, за меня былъ законъ, но тѣмъ не менѣе положеніе выходило щекотливое.

Прямо изъ дворца пошелъ я къ Давыдову, жившему неподалеку, посовѣтоваться. Александръ Петровичъ въ этомъ вопросѣ былъ вполнѣ на моей сторонѣ, говорилъ, что Баттенберги никогда не были высочествами, что это просто выдумка князя, но тѣмъ не менѣе находилъ, что положеніе дѣйствительно затруднительное и въ особенности потому, что это для князя вопросъ личный. Въ разговорѣ на эту тему я высказалъ, что, конечно, ничего не имѣю противъ того, чтобы князя величали высочествомъ, но съ условіемъ, чтобы эта перемѣна совершена была легальнымъ путемъ. Въ концѣ концовъ мы пришли къ слѣдующему рѣшенію: войско будетъ по-прежнему называть князя свѣтлостью, во всѣхъ бумагахъ, писанныхъ по-болгарски, я тоже буду писать титулъ свѣтлости, въ перепискѣ же и въ разговорахъ на французъ-

---

[1]) Извѣстный испанскій генералъ во время царствованія короля Амедея.

[2]) Мы обѣщали.

[3]) Но тогда, генералъ, между нами разногласіе?

[4]) Конечно, по этому пункту безусловно и если надо, то я подамъ въ отставку.

скомъ языкѣ съ княземъ буду употреблять только Altesse безъ прибавленія Serénissime, тѣмъ болѣе, что на практикѣ эта приставка почти всегда опускается.

Давыдовъ рѣшилъ написать объ этомъ эпизодѣ въ Петербургъ, а я, желая имѣть еще болѣе почвы подъ ногами, телеграфировалъ въ Одессу начальнику окружнаго штаба генералу Крживолоцкому, прося его протелеграфировать мнѣ полное оффиціальное названіе 15-го стрѣлковаго баталіона, шефомъ котораго состоялъ князь, и скоро получилъ отвѣтъ: «15-й стрѣлковый его свѣтлости князя болгарскаго баталіонъ». Изъ этого я увидѣлъ, что въ Россіи князь титулуется оффиціально свѣтлостью, а не высочествомъ.

Я успокоился, но какъ увидимъ далѣе, успокоился только относительно сознанія своей правоты; на практикѣ же вопросъ этотъ доставилъ мнѣ много хлопотъ и непріятностей. Я очутился въ разногласіи съ моими товарищами по министерству и въ оппозиціи князю, а такъ какъ министерство называлось консервативнымъ, то я какъ бы выдѣлился изъ него и очутился неожиданно болгарскимъ либераломъ. Вся исторія эта очень скоро разнеслась по Софіи и такъ какъ въ «Державномъ Вѣстникѣ» [1]) начали печатать различныя распоряженія правительства, при чемъ, для поясненія принимаемыхъ мѣропріятій, печатали иногда доклады министровъ, вызвавшіе то или другое распоряженіе, то скоро вся читающая Болгарія прочитала въ моихъ распоряженіяхъ фразу: «Его свѣтлость князь». Оппозиціи, т. е. людямъ, желавшимъ попасть къ власти, только того и нужно было; либеральныя и радикальныя газеты [2]) подхватили этотъ эпизодъ, перемывая его на всѣ лады, нападая на моихъ товарищей и восхваляя меня, чѣмъ, конечно, оказывали мнѣ медвѣжью услугу и раздражали князя.

П. Паренсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Поправка.

Въ помѣщенной въ январьской книжкѣ статьѣ „Въ Болгаріи“, на стр. 108, строка 30 сверху напечатано: „при штурмѣ Правецкихъ укрѣпленныхъ позицій 2-го ноября“—должно быть 11-го ноября.

---

[1]) Оффиціальный правительственный органъ.

[2]) Газетъ разныхъ оттѣнковъ расплодилось множество

Два указа императора Александра I-го генералу-отъ-инфантеріи А. Г. Розенбергу [1]).

1.

7-го апрѣля 1801 г.

Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи Розенбергъ. Изъявленіе чувствованій вашихъ по случаю вступленія моего на престолъ, я пріемлю съ благоволеніемъ, каковое поручаю вамъ объявить и всѣмъ военнымъ и гражданскимъ чинамъ подъ начальствомъ вашимъ служащимъ. Въ прочемъ увѣряя васъ о всегдашнемъ моемъ уваженіи усердной службы вашей, пребываю вамъ доброжелательный.

2.

24-го августа 1802 г.

Изъ содержанія приложеннаго при семъ письма купца Боголюбцова къ генералъ-прокурору, усмотрите вы доносимыя на Херсонскаго коменданта, плацъ-маіора и городничаго не позволительныя ихъ поступки, то для изслѣдованія истинны всего онаго, по полученіе сего отправтесь сами въ Херсонь, и изыскавъ все обстоятельно донесите мнѣ что вами найдено будетъ.

Сообщ. **И. А. Шляпкинъ.**

[1]) Андрей Григорьевичъ Розенбергъ (1730—1813), сподвижникъ Суворова, впослѣдствіи губернаторъ каменецъ-подольскій, а потомъ херсонскій.

ПУШКИНЪ И ГОГОЛЬ.

I.

Есть въ жизни человѣка золотая пора, которая навсегда оставляетъ самыя свѣтлыя, самыя завѣтныя воспоминанія, не исключая даже тѣхъ случаевъ, когда она полна горя и невзгодъ, потому что красна она не столько сама по себѣ, сколько соединенными съ ней заманчивыми надеждами, дѣвственной чистотой неиспорченнаго чувства и сознаніемъ богатства свѣжихъ неистраченныхъ силъ. Случается, что послѣдующая жизнь складывается и лучше, и удачнѣе, но едва-ли она можетъ быть такъ счастлива, потому что счастье не в н ѣ человѣка, и вотъ на чемъ основано волшебное преимущество даже горемычной молодости. Для русской литературы такой незабвенной и счастливой, несмотря на свою горемычность въ смыслѣ внѣшнихъ условій, такой обаятельной порой молодости и перваго, пышнаго расцвѣта духовныхъ силъ слѣдуетъ считать время Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Бѣлинскаго, то-есть промежутокъ отъ второй половины двадцатыхъ годовъ до конца сороковыхъ, то золотое время, о которомъ можно сказать слегка измѣненными словами Гоголя о Пушкинѣ: «Боже, какой чудный сонъ видѣла русская литература!» Какимъ знаменательнымъ представляется сочетаніе великихъ именъ Пушкина, Гоголя, Лермонтова съ святымъ именемъ Бѣлинскаго!

„Да, были личности!.. Не пропадетъ народъ,
Обрѣтшій ихъ во времена крутыя“.

Тотъ же поэтъ, которому принадлежатъ эти слова, сказалъ о Бѣлинскомъ:

„Молясь твоей многострадальной тѣни,
Учитель, передъ именемъ твоимъ
Позволь смиренно преклонить колѣни“.

А для самого Бѣлинскаго такимъ великимъ и самымъ дорогимъ именемъ во всей, столь горячо любимой имъ русской литературѣ, безъ сомнѣнія, было имя Пушкина.

Еще до начала блестящей критической дѣятельности Бѣлинскаго, Гоголь одинъ изъ первыхъ прекрасно оцѣнилъ Пушкина. Въ своей превосходной критической статьѣ о Пушкинѣ, въ «Арабескахъ», онъ восторженно отозвался о немъ и особенно хорошо выяснилъ вопросъ о народности Пушкина. Мало того, Гоголь какъ бы видѣлъ въ Пушкинѣ прообразъ будущаго истиннаго русскаго человѣка. «Пушкинъ,—говоритъ онъ,—есть явленіе чрезвычайное и, можетъ быть, единственное явленіе русскаго духа: это русскій человѣкъ въ его развитіи. въ какомъ, можетъ быть, онъ явится черезъ двѣсти лѣтъ». Вѣдь съ именемъ нашего величайшаго поэта, прежде всего, связано представленіе объ умственной и вообще духовной мощи. Какъ прекрасно сказалъ о немъ Гоголь, что «исполинскій, покрытый вѣчнымъ снѣгомъ Кавказъ вызвалъ силу души его и разорвалъ послѣднія цѣпи, которыя еще тяготѣли на его свободныхъ мыслихъ». Какъ мѣтко уловилъ здѣсь Гоголь одну изъ прекрасныхъ и существеннѣйшихъ сторонъ духовнаго склада великана нашей поэзіи. Въ самомъ дѣлѣ, если въ жизни и творчествѣ Пушкина есть что-то даже пророческое, какъ утверждалъ Достоевскій, то это глубокое и таинственное, это зерно будущаго сильно чувствуется не только въ его произведеніяхъ, но и во всей его личности и даже въ его внѣшнемъ облакѣ.

Теперь уже ясно, что Пушкинъ неразрывно связанъ со всѣмъ, что̀ есть талантливаго въ позднѣйшей русской литературѣ, и всегда въ ней останется родоначальникомъ всего живаго и замѣчательнаго. Своими вдохновенными, своими безсмертными созданіями и благородствомъ своего мощнаго генія, Пушкинъ навсегда обезпечилъ себѣ первенствующее и почетнѣйшее мѣсто въ русской литературѣ. Все, что̀ ему предшествовало, было, въ сущности, временемъ роста, когда еще неокрѣпшій организмъ формировался и набиралъ силы, а духовное развитіе нуждалось въ постороннемъ руководительствѣ и слѣдованіи лучшимъ иностраннымъ образцамъ.

Бѣлинскій, говоря, что «муза Пушкина была вскормлена и воспитана твореніями предшествовавшихъ поэтовъ», сравнивалъ его съ моремъ, принявшимъ въ себя много рѣкъ большихъ и малыхъ. Но въ это время все, что составляетъ главное богатство и гордость русской литературы, было еще впереди, и тогда естественно было сравнивать Пушкина съ его предшественниками. Для насъ, въ настоящее время, открыта возможность судить объ отношеніи Пушкина къ писателямъ позднѣйшимъ, и несмотря на то, мы не можемъ не признать, что Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Бѣлинскій останутся навсегда въ русской

литературѣ славными представителями той чудной поры, которая никогда не забывается.

Пушкинъ завѣщалъ русской литературѣ, прежде всего, гуманность и великое знамя прогресса, а также служеніе не одной красотѣ, но также и старшей сестрѣ ея—правдѣ, и не только правдѣ художественной, но, въ обширномъ смыслѣ слова, правдѣ высшей и вѣчной, къ которой одинаково призываютъ каждаго и религія, и чувство чести, и величайшія произведенія литературы; правдѣ, которую живо сознаетъ неиспорченная душа народа, и передъ которой беззавѣтно и страстно преклонялись честные люди всѣхъ вѣковъ и странъ.

Гуманность—одна изъ существенныхъ основныхъ стихій поэзіи Пушкина, и если порой душой его овладѣвало раздраженіе, то вскорѣ опять побѣждала любовь, и мы въ правѣ примѣнить къ нему же его прекрасные стихи:

„Въ порывѣ гнѣва и печали
Ты проклялъ насъ, безсмысленныхъ дѣтей,
Разбивъ листы твоей скрижали...
Нѣтъ, ты не проклялъ насъ".

И дорогъ намъ Пушкинъ, и не можемъ мы не повторить о немъ прекрасныхъ словъ Тютчева:

Тебя, какъ первую любовь,
Россіи сердце не забудетъ.

II.

Не забудетъ сердце Россіи и Гоголя, воспоминаніе о которомъ такъ тѣсно связано съ воспоминаніемъ о Пушкинѣ.

Послѣдній, несомнѣнно, является центральной личностью въ новой русской литературѣ, имѣя также глубокое духовное родство съ ея современнымъ реальнымъ направленіемъ. Мы не можемъ ограничиться въ Пушкинѣ признаніемъ одного артистическаго совершенства художественной формы его произведеній, потому что прелесть и звучность стиха и строгая внѣшняя выдержанность плана всегда одухотворялись у него геніальной идеей и глубокимъ чувствомъ, и созданія его отражаютъ необъятный духъ своего творца и безпредѣльную широту его поэтическаго міросозерцанія. По условіямъ своего воспитанія и въ силу впечатлѣній жизни, Пушкинъ сталъ, правда, преимущественно изобразителемъ свѣтлыхъ сторонъ дѣйствительности, но это не лежало непо-

средственно въ природѣ его творчества. Вспомнимъ Мазепу, Орлика, Нулина, Швабрина, Троекурова, Зурина, Зарѣцкаго, Шабашкина, Пиковую даму, вспомнимъ сатирическую «Лѣтопись села Горохина» и явное торжество реализма въ его позднѣйшихъ созданіяхъ, и мы должны будемъ признать, что онъ всесторонне отзывался на впечатлѣнія жизни, безъ чего нельзя было бы признать вполнѣ справедливымъ содержаніе его знаменитаго стихотворенія «Эхо», которое было бы слишкомъ неосновательно понимать въ узкомъ смыслѣ. Но намъ могутъ указать на характеристику поэзіи, сдѣланную Пушкинымъ же въ стихотвореніи «Поэтъ и чернь». Но вѣдь извѣстно, что это стихотвореніе выражаетъ минутное настроеніе и встрѣчаетъ противорѣчіе въ другихъ стихотвореніяхъ поэта.

Пушкинъ съ Гоголемъ, въ сущности параллельно и по одинаковымъ дорогамъ, послѣдовательно и одновременно, совершали поворотъ въ сторону сближенія ихъ творчества съ дѣйствительной жизнью: какъ Пушкинъ въ нѣкоторыхъ изъ первыхъ своихъ повѣстей далеко не тотъ реалистъ, какимъ онъ является въ «Капитанской дочкѣ» и «Станціонномъ смотрителѣ», такъ неодинаковъ реализмъ и «Вечеровъ на хуторѣ» съ одной стороны, «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ»—съ другой.

Уже въ «Евгеніи Онѣгинѣ» мы на каждомъ шагу въ каждомъ незначительномъ штрихѣ чувствуемъ яркое воспроизведеніе самой подлинной, самой повседневной дѣйствительности: здѣсь передъ нами поэтъ съ самаго начала рекомендуетъ своимъ читателямъ, друзьямъ «Людмилы и Руслана», просто добраго своего пріятеля, родившагося на брегахъ Невы; въ другомъ мѣстѣ онъ самъ какъ бы съ досадой перебиваетъ себя словами:

„Тьфу! прозаическія бредни,
Фламандской школы пестрый соръ!
Таковъ ли былъ я, расцвѣтая,
Скажи, фонтанъ Бахчисарая“.

Давно признано, что лучшая эпоха творчества Пушкина совпадаетъ приблизительно съ послѣднимъ десятилѣтіемъ его жизни, когда, отказавшись отъ эффектныхъ сюжетовъ и картинныхъ героевъ, вродѣ «Кавказскаго плѣнника» или «Цыганъ», все больше сталъ обращаться къ обыкновенной жизни. И при томъ вѣдь не только во времена поэмъ въ духѣ Байрона, но уже съ самаго начала поэтической дѣятельности Пушкина главную отличительную черту всего выходившаго изъ-подъ его пера составляла художественная простота, которая и служитъ прекраснѣйшимъ объясненіемъ внутренняго органическаго единства его поэзіи съ прозой. Въ «Евгеніи Онѣгинѣ» же передъ нами проходятъ картины деревенской природы въ разныя времена года: передъ нами и балъ, и зала театра, и кабинетъ свѣтскаго

человѣка, и наконецъ всякія мелочи обыкновенной жизни, вродѣ изображенія съѣзда сосѣдей Ларинныхъ цѣлыми семьями въ возкахъ, въ кибиткахъ, бричкахъ и саняхъ, или народа, зѣвая слушающаго молебенъ въ Троицынъ день. «Графъ Нулинъ», герои «Домика въ Коломнѣ», прозаическій и заурядный Евгеній «Мѣднаго всадника» и еще болѣе заурядный и прозаическій Иванъ Петровичъ Бѣлкинъ, огромное множество лицъ, случаевъ и мелкихъ подробностей въ повѣстяхъ Пушкина служатъ самымъ несомнѣннымъ доказательствомъ сильной наклонности его къ реализму. Все это уже роднитъ Пушкина съ Гоголемъ, и напр. его «Станціонный смотритель» уже близко подходитъ по возбуждаемому имъ чувству къ «Шинели».

Но несомнѣнно, съ другой стороны, что въ произведеніяхъ Пушкина многія лица, взятыя изъ повседневной жизни, большею частію являются не въ одни лишь будничные моменты своей жизни, но иногда даже въ весьма яркомъ и трогательномъ поэтическомъ освѣщеніи, не выходя, впрочемъ, нисколько изъ предѣловъ дѣйствительности. Пошлость Ивана Кузьмича и Ивана Игнатьевича въ «Капитанской дочкѣ» обрисована чрезвычайно ярко въ началѣ повѣсти, и пока они близки къ гоголевскимъ типамъ, но затѣмъ въ рѣшительную минуту они являются героями, какъ у Гоголя только казаки въ «Тарасѣ Бульбѣ»; мельникъ въ «Русалкѣ» во время помѣшательства уже не лишенъ трогательнаго оттѣнка, но Троекуровы, Зурины и Шабашкины такъ и остаются, по самому существу своихъ пошлыхъ личностей, обрисованными только съ пошлой стороны, какъ гоголевскіе Иванъ Ивановичъ или Иванъ Никифоровичъ или, наконецъ, какой-нибудь голова или винокуръ изъ «Майской ночи» Гоголя. Впрочемъ, несомнѣнно, что поэтическая форма большинства произведеній Пушкина, конечно, все же способствовала выбору въ его произведеніяхъ исключительныхъ и величественныхъ личностей и моментовъ, напр. въ Полтавской битвѣ, тогда какъ напр. въ севастопольскихъ разсказахъ Толстаго передъ нами выступаетъ, хотя и во всемъ своемъ трагизмѣ, будничная сторона войны. Въ «Полтавѣ» же поэтическая рамка разсказа побудила Пушкина перемѣнить даже имя героини и опоэтизировать самый характеръ ея отношеній къ Мазепѣ и къ ея родителямъ. Въ «Скупомъ рыцарѣ» и «Моцартъ и Сальери» передъ нами опять исключительныя личности и исключительные сюжеты. Но за вычетомъ этого неизбѣжнаго вліянія поэтической формы, тамъ или здѣсь замѣтнаго въ произведеніяхъ Пушкина,—общее заключеніе наше остается въ силѣ. Но въ прозѣ Пушкина замѣтно уже явное и намѣренное стремленіе къ естественности и простотѣ, особенно въ предисловіи къ повѣстямъ Бѣлкина, гдѣ авторъ разсказываетъ, будто бы для знакомства съ жизнью Ивана Петровича онъ обратился было «къ Марьѣ Алексѣевнѣ Трефи-

линой, ближайшей родственницѣ и наслѣдницѣ Ивана Петровича Бѣлкина»; «но къ сожалѣнію»,—прибавляетъ Пушкинъ,—«ей невозможно было намъ доставить никакого извѣстія о немъ, ибо покойникъ вовсе не былъ ей знакомъ», и затѣмъ передъ нами представлена самая будничная безусловно не эффектная личность. Надо вспомнить, что такъ писалъ Пушкинъ въ то время, когда публика теряла голову отъ грубо размалеванныхъ героевъ Кукольника и Марлинскаго, и ее больше всего на свѣтѣ занимали Аммалатъ-беки и лейтенанты Бѣлозоры.

Въ выборѣ своимъ героемъ Ивана Петровича Бѣлкина Пушкинымъ, очевидно, руководилъ тотъ же художническій инстинктъ и то же стремленіе къ реализму, какъ и Гоголемъ въ «Мертвыхъ душахъ», гдѣ героемъ избранъ человѣкъ не красивой, но и недурной наружности, не слишкомъ тонкій и не слишкомъ толстый, о которомъ нельзя было сказать, чтобы онъ былъ старъ, однако жъ и не такъ, чтобы слишкомъ молодъ. Не подражая другъ другу, Пушкинъ и Гоголь невольно попали, такъ сказать, на одну и ту же дорогу и, еще не подозрѣвая о существованіи Гоголя, Пушкинъ уже пишетъ повѣсти съ простыми сюжетами и простымъ языкомъ: онъ уже создаетъ «Арапа Петра Великаго», «Лѣтопись села Горохина», повѣсти Бѣлкина.

Въ виду вышеизложеннаго, по нашему мнѣнію, падаетъ вопросъ о томъ, какого изъ нашихъ писателей слѣдуетъ собственно считать отцомъ новѣйшей литературы, какъ будто Фонвизинъ, Крыловъ и Грибоѣдовъ и даже, по мѣткому замѣчанію профессора А. Н. Веселовскаго, самъ пѣвецъ «Слова о полку Игоревѣ» не были въ извѣстной степени родоначальниками нашего литературнаго реализма? У Гоголя въ его лучшихъ созданіяхъ реализмъ только полнѣе и ярче выразился. «Множество современныхъ типовъ»,—говоритъ Гончаровъ, этотъ тонкій и проницательный критикъ, умѣвшій просто и безхитростно, но необыкновенно вѣрно судить о литературѣ,—типовъ вродѣ Чичикова, Хлестакова, Собакевича и Ноздрева, окажутся разновидностями развѣтвившагося генеалогическаго дерева Митрофанушекъ и Скотининыхъ». «Фонвизинъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь»,—говоритъ Гончаровъ въ другомъ мѣстѣ, — «стремились къ правдѣ, находили ее въ природѣ, въ жизни и вносили въ свои произведенія». Въ этомъ бѣгломъ перечнѣ Гончаровъ, конечно случайно, пропустилъ такихъ крупныхъ реалистовъ нашей литературы, какъ Грибоѣдовъ и Крыловъ; но случайность эта не безъ причины и весьма характерна; можно было бы, пожалуй, пропустить не только Крылова или Фонвизина, но даже Лермонтова, этого третьяго величайшаго корифея нашей литературы, но Пушкина и Гоголя ни въ какомъ случаѣ.

III.

Пушкинъ и Гоголь неразрывно связаны какъ личными отношеніями, такъ и равносильной и первенствующей славой въ русской литературѣ. Пушкинъ отъ души далъ благословеніе творчеству Гоголя, чего онъ не могъ бы сдѣлать, если бы вполнѣ послѣдовательно считалъ литературу призванной исключительно «для звуковъ сладкихъ и молитвъ», потому что только слѣпой и недальновидный судья, но ужъ никакъ не Пушкинъ, могъ не замѣтить глубокой общественной подкладки и не почувствовать критическаго направленія, которымъ насквозь проникнуты лучшія созданія Гоголя.

Робкій и застѣнчивый, но съ весьма обширными запросами отъ жизни и богатый надеждами, юный малороссъ, заранѣе вообразившій себѣ Петербургъ какимъ-то земнымъ раемъ, по пріѣздѣ въ столицу, терпѣлъ на каждомъ шагу множество разочарованій. А онъ надѣялся найти въ ней широкое поприще для великой цѣли приносить пользу человѣчеству и въ то же время мечталъ о будто бы ожидавшей его тамъ полной чашѣ наслажденій.

Но холодно и безпощадно-сурово встрѣтилъ юношу Петербургъ: вмѣсто почти невообразимаго счастья онъ далъ ему только цѣлый рядъ неудачъ даже тамъ, гдѣ было полное основаніе для надеждъ; такъ Гоголю, всегда славившемуся великимъ мастерствомъ художественнаго чтенія и обладавшему драгоцѣнными сценическими данными, наотрѣзъ было отказано въ пріемѣ на сцену. Потомъ судьба забросила Гоголя въ департаментъ. И вдругъ, словно волшебствомъ, въ его жизни совершается переворотъ: первые литературные опыты быстро открывали ему дорогу въ высшій писательскій кругъ Пушкина, Жуковскаго, Плетнева, и все это были не только замѣчательные писатели, но и рѣдкіе по своимъ нравственнымъ качествамъ люди. Гоголь ожилъ, расцвѣлъ, почувствовалъ себя другимъ человѣкомъ. И въ самомъ дѣлѣ какой былъ счастливый переходъ отъ тоскливо-щемящей канцелярщины! Еще въ Нѣжинѣ Гоголь боготворилъ Пушкина и составилъ себѣ о немъ какое-то лучезарное представленіе, проникнутое тою же горячей юношеской идеализаціей, какъ и все, что̀ казалось ему тогда великимъ и прекраснымъ. Пушкинъ представлялся ему божествомъ, превыше міра и всего земнаго. И если во многомъ Гоголь только обманулся въ своихъ розовыхъ юношескихъ мечтахъ, то здѣсь дѣйствительность чуть-ли не превзошла его ожиданій: Пушкинъ, предметъ самой страстной и горячей его идеализаціи, глубоко привязалъ къ себѣ своего собрата, проявивъ въ отношеніяхъ къ нему много сердечной теплоты и сумѣвъ ему

внушить къ себѣ на всю жизнь такую любовь и благоговѣнiе. Ч
до слова Пушкина казалось Гоголю законнымъ и легко въ ж
было уже для него значительнѣе и дороже. Пушкинъ былъ
ни къ обиженнымъ въ самомъ разцвѣтѣ и всеоружiи своего ген
голю еще предстояло не только завоевать себѣ славу, но пр
пробить себѣ дорогу, и Пушкинъ, быстро оцѣнивъ талантъ своег
знакомаго, отнесся къ нему совершенно отечески, направляя ег
робкие шаги, руководя его чтенiемъ, давая совѣты, просматри
черновыя рукописи. Пушкинъ отъ души смѣялся надъ забавны
нипами повѣстей Гоголя, а послѣ прочтенiя первыхъ главъ «М
душъ», началъ понемногу становиться все сумрачнѣе и сумр
наконецъ произнесъ голосомъ тоски: «Боже, какъ грустна на
сiя!» Безошибочный тактъ благороднаго сердца скоро открылъ П
ключъ къ душѣ скрытнаго малоросса, беззавѣтно къ нему пр
шагося.

Послѣ смерти Пушкина Гоголь писалъ Плетневу: «Все на
нiе моей жизни, все мое высшее наслажденiе исчезло вмѣстѣ с
Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка н
лась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собою. Ч
жетъ онъ, что замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ н
нимое и вѣчное одобренiе свое—вотъ что меня только зан
одушевляло мои силы». «Пушкинъ! какой чудный сонъ видѣлъ я
ни!» восклицалъ онъ впослѣдствiи. Какъ трогательно, что, в
шись въ первый разъ въ Римѣ послѣ смерти Пушкина съ Жуко
они оба въ одно слово произнесли съ грустью имя Пушкина.

Такова была глубокая сердечная связь Гоголя съ Пушкиным
нить прелесть поэзiи Пушкина, русское общество должно на
по примѣру Гоголя глубже понимать поэзiю самой его личности и
съ тѣмъ неразрывное союзничество Пушкина съ другими нашими
нѣйшими художниками, силою своего генiя увлекающими насъ впе
царство свѣта. Тогда только будетъ вполнѣ оцѣнено то, что с
считать въ Пушкинѣ пророческимъ. Чествуя Пушкина, нельз
вать его собратьевъ по духу, и прежде всего того его ученика и
который, съ юныхъ дней возненавидѣвъ порокъ и пошлость, все
потомъ горячо тосковалъ по идеалѣ, котораго сердце обливалось
отъ всего, что повседневно представлялось его наблюдательным
Безъ сильной поддержки и покровительства, съ безтрепетн
ностью, повинуясь одному только голосу правды въ своемъ серд
голь въ своихъ безсмертныхъ созданiяхъ ополчается противъ
принималъ на свои плечи бремя общественнаго раздраженiя.—
когда, послѣ постановки «Ревизора», съ измученной и истерза
душой онъ долженъ былъ бѣжать изъ родины чуть не напишет

ъ съ тѣхъ поръ нищету, по его словамъ, какъ любовницу, и когда
ослѣдствіи, пускай и неудачно, онъ задумалъ иначе и совершенно
въ другомъ духѣ, всенародно высказать то, что наболѣло у него
душѣ. Различно было значеніе и неодинаковъ успѣхъ той и другой
поповѣди Гоголя, но одно несомнѣнно, что здѣсь и тамъ его увле-
а внутренняя задушевная потребность сказать то, что было для
о велико и свято. Его авторская дѣятельность была согрѣта и
душевлена любовью и искреннѣйшимъ желаніемъ принести пользу,
ланіемъ, такъ рано загорѣвшимся въ его душѣ. Вѣдь еще въ одномъ
ошескомъ письмѣ, когда Гоголь оканчивалъ курсъ въ лицеѣ, онъ
алъ своему любимому дядѣ, что «съ самыхъ временъ прошлыхъ, съ
ыхъ лѣтъ почти непониманія, онъ пламенѣлъ неугасимой ревностью
лать жизнь свою нужною для блага государства и кипѣлъ принести
ь малѣйшую пользу».

Жизнь дается нелегко, а избраннымъ людямъ еще труднѣе: имъ
ы могучія крылья и орлиный полетъ, но вмѣстѣ съ благословеніемъ
ше надъ ними сильнѣе, чѣмъ надъ обыкновенными людьми, тяго-
ъ проклятіе Адамово, потому что они страдаютъ не за однихъ себя.
какъ шли бы къ Гоголю во время такого же торжества его соб-
енныя слова, сказанныя имъ по поводу одного юбилейнаго пред-
вленія въ память Мольера: «Куча вѣнковъ вознеслась на головѣ его.
ня обняло какое-то странное чувство. Слышитъ ли онъ, и гдѣ онъ
шитъ это?» Ту же мысль потомъ въ болѣе художественной формѣ
вилъ Гоголь въ «Театральномъ разъѣздѣ»: Побасенки! А вонъ сто-
ъ балконы и перила театровъ; все потряслось снизу до верху, пре-
тясь въ одно чувство, въ одинъ мигъ, въ одного человѣка; всѣ
ди встрѣтились, какъ братья въ духовномъ движеніи, и гремитъ
жнымъ рукоплесканіемъ благодарный гимнъ тому, котораго уже
ьсотъ лѣтъ какъ нѣтъ на свѣтѣ. Слышатъ ли это въ могилѣ
лѣвшія его кости? отзывается ли душа его, терпѣвшая суровое горе
ни?» А сколько суроваго горя было въ жизни самого Гоголя!.. «По-
енки! Но міръ задремалъ бы безъ такихъ побасенокъ, обмелѣла бы
знь, плѣсенью и тиной покрылись бы души!». Вотъ вѣчныя безспор-
права Пушкина и Гоголя на признательность будущихъ поколѣ-
, для которыхъ они будутъ всегда такъ же дороги, какъ Петръ,
ъ Ломоносовъ.

Трудно, но не невозможно будущему творцу памятника Гоголю
вить и дать почувствовать проникнутую глубокой скорбью его
довлетворенность «всей страшной, потрясающей тиной мелочей,
тавшихъ нашу жизнь, всей глубиной холодныхъ, раздробленныхъ
сседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подчасъ
ькая и скучная дорога!» Необходимо выразить глубокое раздумье

на лицѣ Гоголя и вмѣстѣ съ тѣмъ дать зрителю почувствовать съ одной стороны только миновавшую борьбу душевныхъ движеній въ задумавшемся юмористѣ, кончившуюся побѣдой грусти надъ свѣтлымъ настроеніемъ, неразлучнымъ съ чарами творчества,—словомъ, передать то, что Бѣлинскій, говоря о повѣстяхъ Гоголя, называетъ «комическимъ воодушевленіемъ, всегда побѣждаемымъ глубокимъ чувствомъ грусти и унынія» и за что Пушкинъ прозвалъ Гоголя «великимъ меланхоликомъ». Съ другой стороны, кромѣ грусти сердечной, глубокой и сосредоточенной, но отнюдь не переходящей въ отчаяніе, во взорѣ Гоголя, нечего и прибавлять, должна свѣтиться геніальная мысль и выражаться тонкая наблюдательность. Наконецъ, самоуглубленный взоръ Гоголя долженъ говорить о высокомъ духовномъ подъемѣ и о жгучей, мучительной, страдальческой тоскѣ по идеалѣ, чтобы, знаменуя собой сущность лучшей поры творчества Гоголя, памятникъ въ то же время могъ намекать на страстное исканіе имъ истины въ послѣднюю пору жизни.

Вѣнчая Пушкина, русское общество не можетъ забыть и другихъ великихъ представителей русской литературы. Дождавшись памятниковъ Пушкину и Лермонтову, мы не можемъ не желать осуществленія нашей завѣтной мечты, чтобы скорѣе была воздана «мѣдная хвала» и другимъ великанамъ литературы и—на первой очереди—Гоголю и Бѣлинскому.

В. Шенрокъ.

Иванъ Никитичъ Скобелевъ[1].

19-го февраля минувшаго 1899 года исполнилось ровно пятьдесятъ лѣтъ со дня смерти извѣстнаго всей Россіи (и особенно Петербургу) героя отечественной войны Ивана Никитича Скобелева. Этотъ «отецъ и командиръ», какъ онъ называлъ себя и лицъ, къ которымъ питалъ особенное уваженіе,—явленіе примѣчательное и любопытное.

Начавши службу солдатомъ, не получивъ никакого образованія и до конца дней своихъ не будучи въ состояніи ни строки написать по-русски безъ орѳографическихъ ошибокъ (не говоря уже о томъ, что иностранныхъ языковъ онъ не зналъ никакихъ), Иванъ Никитичъ сошелъ въ могилу, оставивъ по себѣ славу храбраго генерала и...оригинальнаго писателя.

Не лишено по этому интереса вспомнить его біографію и разобраться въ литературномъ наслѣдствѣ этого «русскаго инвалида» [2]), до сихъ поръ не нашедшемъ себѣ должной оцѣнки [3]).

---

[1]) Формуляръ И. Н. Скобелева былъ обязательно сообщенъ намъ изъ архива комендантскаго правленія Петербургской крѣпости Г. А. Иванишинымъ при любезномъ содѣйствіи Н. Ѳ. Дубровина, которыхъ и просимъ принять нашу признательность; кромѣ того авторъ считаетъ своимъ долгомъ благодарить В. И. Саитова и Б. Л. Модзалевскаго, со стороны которыхъ онъ пользовался библіографическими и другими цѣнными указаніями.

[2]) Литературный псевдонимъ И. Н. Скобелева.

[3]) Изъ болѣе обширныхъ статей, посвященныхъ оцѣнкѣ дѣятельности И. Н. Скобелева, приходится указать лишь на статью Ѳ. В. Булгарина, помѣщен. въ «Сѣверн. Пчелѣ» за 1850 г. (№ 38), въ томъ же году изданную отдѣльно—Спб. 1850 (перепечат. съ нѣкотор. дополн. въ «Оренбургск. Губер. Вѣд.» 1850 № 18 и 19; въ извлечен.—«Воен. Энциклопед. Словарь» т. XII, 696—697 и др. изд. См., напр., любопытный очеркъ жизни И. Н. Скобелева, составленный для народн. чтенія Д. В. Григоровичемъ въ его книгѣ «Русскіе

I.

Происхожденіе, дѣтство и первые годы службы И. Н. Скобелева.—Участіе въ походахъ противъ Наполеона, въ кампаніяхъ шведской и турецкой.—Административная служба въ столицахъ и провинціи.—Участіе въ усмиреніи польскаго возмущенія.—Пребываніе въ деревнѣ, возвращеніе въ Петербургъ.—Послѣдніе годы жизни Скобелева, литературныя занятія и знакомства.—Кончина.

Корни родословнаго древа Скобелевыхъ затерялись въ нѣдрахъ многомилліоннаго русскаго народа, но нашей исторіи достовѣрно извѣстны два могучіе его отпрыска, служащіе немалымъ украшеніемъ въ вѣнкѣ побѣдъ русскаго оружія: Иванъ Никитичъ—генералъ изъ солдатъ, герой 1812 года и внукъ его—Михаилъ Дмитріевичъ, со смертью котораго (въ 1882 году) пресѣкся родъ Скобелевыхъ, въ мужскомъ колѣнѣ.

Изъ родословной Скобелевыхъ, древностью которой—кстати отмѣтимъ—Иванъ Никитичъ не особенно дорожилъ [1]), извѣстно, что отецъ нашего героя—Никита Скобелевъ былъ однодворецъ, дослужился въ военной службѣ до чина сержанта и умеръ въ крайней бѣдности, когда Иванъ Никитичъ былъ еще мальчикомъ [2]). Лишившись, такимъ образомъ, рано отеческихъ попеченій, онъ всецѣло подчинился вліянію своей матери—Татьяны Михайловны, происходившей изъ дворянской фамиліи Коревыхъ [3]).—Судя по сочиненіямъ ея сына [4]), она дочь какого-то «недостаточнаго офицера временъ Петра I-го» («Бесѣды» часть II, 40), не умѣвшая даже читать по-русски, получившая чисто крестьянское воспитаніе [5]); по другимъ даннымъ [6]), она была простая крестьянка. Глубоко религіозная и чисто русская женщина, не измѣнявшая своимъ крестьянскимъ привычкамъ до самой смерти [7]), она нѣжно любила

знаменитые простолюдины». Спб. 1860, стр. 87—103). Впрочемъ, есть и болѣе поздняя работа М. И. Семевскаго (см. «Русск. Рѣчь» 1861 г., № 95 и 96), но врядъ-ли она заслуживаетъ серьезнаго вниманія безпристрастнаго читателя.

[1]) Онъ выше ставилъ доброе имя, пріобрѣтенное личными заслугами (См. его «Переписка и разсказы». Спб. 1841, стр. 220. (Послѣдующія ссылки буд. дѣлать на это изданіе.) и часто говаривалъ: «Я — родоначальникъ Скобелевыхъ» (См. «Сѣв. Пч.» 1850 № 38).

[2]) См. «Бесѣды русскаго инвалида». Спб. 1838 г., т. II, стр. 39.

[3]) «Русск. Ст.» 1878 г., т. XXII, стр. 527.

[4]) «Переписка и разсказы» цит. изд., стр. 26—31; «Бесѣды» ч. II, стр. 39—49.

[5]) См. письмо И. Н. Скобелева къ Булгарину «Русск. Стар.» 1895, т. 84, стр. 45.

[6]) «Русск. Ст.» 1882 г., т. XXXVI, стр. 196—197.

[7]) Она скончалась въ 1827 г. (см. «Бесѣды» ч. II, стр. 48), похоронена въ имѣніи Ивана Никитича въ Калужской губ., въ селѣ Чернышинѣ («Русск. Стар.» 1878 г., т., XXII, стр. 527).

своего сына, обожавшаго ее и также не покидавшаго своихъ солдатскихъ замашекъ, обнаруживавшихъ его низкое происхожденіе и въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи среди блестящаго высшаго военнаго свѣта. Родился Иванъ Никитичъ въ 1778 году [1]), мѣсто рожденія въ точности опредѣлить трудно [2]), но несомнѣнно, что онъ былъ уроженцемъ Ставропольскаго уѣзда Самарской губерніи [3]). Изъ ранней юности Скобелева извѣстно лишь, что она прошла, во-первыхъ, въ бѣдной обстановкѣ [4]), во-вторыхъ, въ краю, лишенномъ всякой культуры [5]) среди инородцевъ нашей восточной окраины. Послѣдніе-то и приковали къ себѣ вниманіе мальчика, которому при томъ же, какъ сыну сержанта, часто приходилось вращаться въ солдатскомъ обществѣ. Религіозныя наставленія матери, въ которыхъ отводилось много мѣста разъясненіямъ основныхъ началъ вѣры въ связи съ святостью и необходимостью царской службы [6]), съ одной стороны и рано пробудившееся влеченіе къ военнымъ [7]) съ другой—рѣшили участь будущаго героя: четырнадцати лѣтъ Иванъ Никитичъ поступилъ в о л ь н о о п р е д ѣ л я ю щ и м с я на службу въ Первый полевой Оренбургскій полкъ [8]). Выйдя, такимъ образомъ, изъ-подъ родительской опеки и вступивъ въ жизнь, не имѣя ни полушки за душой, ни родства и связей, ни бабушекъ и тетушекъ, не получивъ никакого даже элементарнаго образованія [9]), Иванъ Никитичъ на первый взглядъ врядъ-ли ушелъ бы дальше чина, въ которомъ умеръ его отецъ. Но судьба рѣшила иначе и готовила изъ юноши—«отца и командира» и изъ неуча-солдата, успѣвшаго лишь на 19-мъ году (и то въ силу необходимости) «подхватить на лету изъ всей бѣдной русской азбуки лишь жалкій херъ да скромную ижицу» [10]),—извѣстнаго оригинальнаго писателя.

---

[1]) Согласно формуляру и личнымъ даннымъ о себѣ Ивана Никитича.

[2]) По однимъ указаніямъ село Новиковки Самарск. губ. Ставропольск. уѣзда («Русск. Стар.» 1882 г., т. 36, стр. 433), по другимъ—слобода Кувацкая, Бугул. уѣзда Оренбургск. губ. («Оренб. Губ. Вѣд.» 1850, № 11, стр. 48, пр.).

[3]) Собств. данныя Ивана Никитича («Русск. Ст.» 1890 г., т. 67, стр. 40).

[4]) «Бесѣды», ч. II, стр. 89.

[5]) Въ Оренбургск. губ. «Переписка», стр. 193—195.

[6]) «Бесѣды», ч. II, стр. 41—42.

[7]) «Бесѣды», ч. I, стр. 28—29.

[8]) Говорятъ, что не задолго передъ поступленіемъ на службу онъ по волѣ матери женился «на неровнюшкѣ» (см. «Оренб. Губ. Вѣдом.» 1850, № 11 и «Русск. Стар.» 1878 т. XXII, стр 527).

[9]) Впрочемъ, въ письмѣ къ Ѳ. В. Булгарину Скобелевъ говоритъ, что до поступленія его на службу мать выучила его «читать церковныя книги», но большаго «образованія» дать не могла, ибо сама «до того только дошла» (см. «Русск. Стар.» 1895 г. т. LXXXIV, № 11, стр. 45).

[10]) «Бесѣды», ч. I, стр. XI и 132.

Если вѣрить автобіографическимъ даннымъ самого Ивана Никитича, разсѣяннымъ повсюду въ его сочиненіяхъ, то онъ на первыхъ шагахъ своей службы встрѣтился съ какимъ-то сержантомъ, фигурирующимъ въ произведеніяхъ Скобелева подъ фамиліей Кремнева, который, ставши его дядькой, старался вкоренить въ душу юнаго воина всѣ необходимыя начала военной службы, разъяснить ему высокое значеніе ея и внушить беззавѣтную любовь къ ней. Уроки дядьки не пропали даромъ: скоро въ полку былъ замѣченъ исполнительный, «твердый въ правилахъ службы», молодецъ, умѣвшій къ тому же бойко плясать, слагать и пѣть залихватскія солдатскія пѣсни. Въ 1795 году, т. е. черезъ три года службы Иванъ Никитичъ получилъ уже чинъ сержанта [1]); въ томъ же году по какимъ-то обстоятельствамъ онъ подалъ прошеніе о переводѣ его въ Оренбургскій драгунскій полкъ, куда и былъ вскорѣ зачисленъ въ званіи вахмистра.

Въ 1797 году, онъ былъ въ Уфимскомъ мушкетерскомъ полку, который въ слѣдующемъ году былъ въ Казани, гдѣ императоръ въ концѣ мая мѣсяца производилъ смотръ, и Иванъ Никитичъ, такимъ образомъ, лично видѣлъ государя и даже удостоился его вниманія. Этотъ фактъ имѣлъ важное значеніе въ глазахъ нашего героя: во вниманіи монарха показалось ему знаменіе его прекраснаго будущаго на пути царской службы, къ которой онъ предназначенъ опредѣленіемъ свыше [2]). Онъ удвоилъ свои старанія и они дали благіе результаты: въ 1804 году онъ произведенъ былъ въ первый офицерскій чинъ [3]), а черезъ 2 года мы видимъ Ивана Никитича въ чинѣ подпоручика дѣятельно помогающимъ извѣстному впослѣдствіи герою шведской войны И. М. Эриксону [4]) въ сформированіи 26-го егерскаго полка. Эриксонъ скоро обратилъ вниманіе на офицера изъ солдатъ, приблизилъ его къ себѣ и сдѣлалъ своимъ адъютантомъ [5]), сумѣвшимъ въ короткое время блистательно оправдать довѣріе своего начальника. Къ началу 1807 года полкъ былъ готовъ и въ февралѣ вступалъ уже вмѣстѣ съ другими полками въ Пруссію на защиту короля отъ «общаго врага тишины Европы»; въ маѣ Скобелевъ въ первый разъ принялъ участіе въ сраженіи при Петерсвальдѣ и въ одну недѣлю отвѣдалъ пороховаго дыму въ шести сраженіяхъ, выйдя изъ нихъ невредимымъ и съ перваго же боя зарекомендовавъ себя храбрымъ офицеромъ. И. М. Эриксонъ не замедлилъ представить своего адъютанта къ наградѣ, и Иванъ Никитичъ

---

[1]) См. подроб. «Переписка», стр. 230—231.

[2]) См. «Бесѣды», ч. II, стр. 43—46.

[3]) См. подробности «Бесѣды», ч. I, ст 34—39.

[4]) См. о немъ у Скобелева «Переписка», стр. 197—200, 211—217. Ѳ. В. Булгаринъ—«Воспоминанія» ч. V, стр. 14—16.

[5]) «Переписка», стр. 213—214.

получилъ орденъ св. Анны 4-й степени. Эта кампанія, упрочившая за Скобелевымъ репутацію распорядительнаго, знающаго свое дѣло офицера и храбраго воина, имѣла громадное вліяніе на будущую дѣятельность Ивана Никитича. Онъ сразу понялъ, что война—его стихія, и что силу своей любви къ службѣ, царю и отечеству онъ можетъ доказать только на полѣ брани. Вотъ почему съ этого момента малѣйшій звонъ русскаго оружія, гдѣ бы онъ ни происходилъ, тотчасъ возвращалъ ему прежнее веселье, разудалое настроеніе, нарушавшееся всякій разъ наступавшимъ перемиріемъ; вотъ почему вся послѣдующая жизнь его—нечто иное, какъ рядъ походовъ и самоотверженныхъ подвиговъ, и, наконецъ, вотъ почему даже семидесятилѣтнимъ старцемъ, за два-три мѣсяца до кончины, онъ предлагаетъ царю положить свою жизнь за него на полѣ брани, жизнь, уже безъ того едва державшуюся въ изнуренномъ и искалѣченномъ ранами тѣлѣ. «Мнѣ стыдно»—писалъ онъ государю,—«умереть подъ кровлей: ретивое мое должно перестать биться на поляхъ славы и за васъ, въ примѣръ и науку преемникамъ, иначе—чаша счастія будетъ не полна [1]).

Въ февралѣ 1808 года русскія войска подъ начальствомъ графа Ѳ. Ѳ. Буксгевдена перешли шведскую границу, чтобы наказать кичливаго короля Густава IV-го, отвергшаго предложенный ему Россіей союзъ противъ Англіи. Результатъ похода извѣстенъ: въ два съ половиной мѣсяца войска наши заняли почти всю Финляндію, и въ половинѣ марта императоръ Александръ I-й лично явился въ Борго, а 20-го числа того же мѣсяца послѣдовалъ манифестъ, по которому шведская Финляндія навсегда присоединялась къ Россійской Имперіи [2]). По возвращеніи государя въ Петербургъ, перемиріе повелѣно было прекратить, и военныя дѣйствія продолжались до Фридрихсгамскаго мира (5-го сент. 1809 г.), по которому Финляндія съ Аландскими островами была присоединена къ Россіи.

Скобелевъ участвовалъ въ этомъ побѣдоносномъ движеніи русскихъ войскъ, находясь въ 26-мъ егерскомъ полку подъ начальствомъ того же И. М. Эриксона, и успѣлъ побывать въ двадцати сраженіяхъ. Сраженія въ первой кампаніи дали ему высокую царскую награду—золотую шпагу съ надписью: «за храбрость»; но особенно отличался онъ во второй, когда примкнулъ съ двумя ротами своего полка къ авангарду славнаго Я. П. Кульнева [3]). Участвуя въ каждой схваткѣ, Скобелевъ, съ небольшимъ отрядомъ ударивъ на непріятеля въ штыки (17-го августа при селеніи Сарвикъ), успѣлъ взять въ плѣнъ одного

---

[1]) Письмо отъ 4-го ноября 1848 г. (См. «Рус. Арх.» 1878 г. № I, стр. 231.

[2]) См. Н. К. Шильдеръ «Императоръ Александръ I-й». Спб. 1897 г., II, ст. 226.

[3]) Яковъ Петровичъ Кульневъ (род. въ 1763 г., уб. въ 1812 г.).

шведскаго офицера, 72 рядовыхъ и отбить три зарядныхъ ящика [1]). Говорятъ, Кульневъ расцѣловалъ Скобелева на мѣстѣ сраженія [2]) и тотчасъ представилъ его къ ордену св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Въ сраженіи при Киркѣ Коуртанѣ, налетѣвшее ядро оторвало Скобелеву два пальца правой руки и раздробило третій, кромѣ того онъ былъ сильно контуженъ въ грудь картечью. Наградой за храбрость было производство Скобелева въ штабсъ-капитаны и общее вниманіе всѣхъ участниковъ кампаніи, между прочимъ генерала Н. Н. Раевскаго, который вскорѣ предложилъ Ивану Никитичу поступить въ званіе старшаго дивизіоннаго адъютанта съ исполненіемъ должности бригадъ-маіора въ его корпусъ, дѣйствовавшій въ Болгаріи противъ турокъ. Какъ ни жаль было Скобелеву разстаться съ Эриксономъ, съ которымъ онъ былъ связанъ узами самой теплой симпатіи, но отказаться отъ предложенія Н. Н. Раевскаго было неудобно, и онъ, принявъ его, тотчасъ же отправился въ дѣйствующую армію.

Участвуя почти во всѣхъ сраженіяхъ, Скобелевъ особенно отличился при занятіи Силистріи и Шумлы, за что былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени и по представленію военнаго министра удостоился высочайшаго благоволенія. Но открывшіяся раны и истощеніе силъ въ безпрерывное четырехлѣтнее пребываніе подъ знаменами принудили его на время отказаться отъ дальнѣйшихъ походовъ: съ неохотой онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, по которому былъ уволенъ отъ службы «за ранами и увѣчьемъ съ мундиромъ и жалованьемъ» и вскорѣ отправился для излѣченія въ Петербургъ, куда и прибылъ въ августѣ 1810 года. Едва почувствовавъ себя здоровымъ, Скобелевъ началъ искать какой-нибудь службы, къ чему побуждали его энергія и недостатокъ средствъ. Случайная встрѣча съ государемъ на набережной Невы, какъ разсказываетъ самъ Иванъ Никитичъ [3]), выручила его: онъ получилъ единовременное (въ 1000 рублей) пособіе и мѣсто пристава [4]) въ московской части г. Петербурга Но, конечно, эта чисто-полицейская служба не могла удовлетворить человѣка, чувствовавшаго своимъ призваніемъ войну, почему въ 1812 году Скобелевъ настойчиво началъ хлопотать о принятіи его на военную службу [5]) и хотя первыя старанія его не увѣнчались успѣхомъ, все же онъ добился своего и получилъ важное назначеніе состоять въ чинѣ капитана при

---

[1]) См. подробн. „Переписка“, стр. 175—182.

[2]) „Сѣв. Пчела“ 1850 г., № 38.

[3]) „Бесѣды“, ч. II, стр. 18, 20—27.

[4]) Но не квартальнаго, какъ увѣряетъ г. Липранди (см. «Древняя и Новая Россія“ 1877 г., кн. VII, стр. 169—173).

[5]) Онъ лично обращался къ воен. министру кн. А. И. Горчакову (см. «Русск. Стар.» 1890, т. 67, стр. 41—40).

генералъ-фельдмаршалѣ кн. Кутузовѣ [1]). Не медля ни минуты, онъ тотчасъ же отправился въ дѣйствующую армію, сопровождая шедшій туда военный обозъ.

Иванъ Никитичъ понравился фельдмаршалу, который скоро отличилъ Скобелева въ числѣ окружавшихъ его адъютантовъ, приблизилъ къ себѣ и между прочимъ часто поручалъ ему составленіе бюллетеней и реляцій, успѣху которыхъ въ мнѣніи Кутузова Скобелевъ, по словамъ Ермолова, въ значительной мѣрѣ былъ обязанъ В. А. Жуковскому, сопровождавшему нашу армію въ качествѣ волонтера. Съ нимъ близко сошелся Иванъ Никитичъ, и они жили въ одной палаткѣ, гдѣ «пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ» часто встрѣчалъ вернувшихся изъ-подъ града пуль героевъ съ его пріятелемъ во главѣ и любезно разливалъ имъ чай и наливки, слушая горячіе разсказы «молодцовъ» о только-что происшедшей стычкѣ.

Война 1812 года, родившая сотни героевъ и показавшая, на какіе чудовищные подвиги способны русскіе люди, безъ сомнѣнія, представляла для Скобелева прекрасный случай доказать свой патріотизмъ и смѣлость, не имѣвшую границъ. Правда, изъ частныхъ и отчаянныхъ схватокъ съ непріятелемъ Скобелевъ не вышелъ безъ ранъ, но за то его подвиги не остались и безъ наградъ. Бородинская битва возвела его въ чинъ маіора, а послѣ битвъ при Тарутинѣ, Маломъ Ярославцѣ и Краснымъ на груди его красовались алмазные знаки св. Анны 2-й степени; кромѣ того за особыя отличія онъ произведенъ былъ въ подполковники, затѣмъ вскорѣ въ полковники и переведенъ въ лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ. Кутузовъ сдѣлалъ его своимъ старшимъ адъютантомъ [2]), но, къ сожалѣнію, нашему герою не долго пришлось исполнять порученія своего благодѣтеля, какъ называлъ онъ фельдмаршала, ибо побѣдитель Наполеона скоро скончался, и въ маѣ 1813 года Иванъ Никитичъ сопровождалъ его бренные останки въ Петербургъ для погребенія. Отдавъ послѣдній долгъ своему начальнику, Скобелевъ вновь спѣшилъ въ дѣйствующую армію и въ декабрѣ уже готовилъ въ Дюрбахѣ квартиры для государя и его свиты [3]). Въ январѣ 1814 года Скобелевъ, командуя отрядомъ изъ восьми батальоновъ пѣхоты, роты артиллеріи и Донскаго казачьяго Бѣляева полка, подоспѣлъ къ отбитію вылазки французскаго гарнизона изъ крѣпости Майнца; затѣмъ, соединившись съ арміей, принялъ начальство надъ Рязанскимъ

[1]) О томъ, какъ добился И. Н. Скобелевъ этого назначенія, существуетъ нѣсколько разсказовъ, но въ высшей степени анекдотическаго характера (См. «Воспомин. объ И. Н. Скобелевѣ» Ѳ. В. Булгарина—Спб. 1850; «Р. Арх.» 1888 г., № III, стр. 397, и др.).

[2]) См. «Сцены въ Москвѣ» Спб. 1839 г., стр. 60, прим.

[3]) «Русск. Арх.» 1869 г. стр., 293.

пѣхотнымъ полкомъ, съ которымъ совершилъ вскорѣ по истинѣ геройскій подвигъ подъ Реймсомъ. Дѣло было короткое, но «жестокое», кромѣ котораго, «другаго столь опаснаго и къ смерти близкаго» — какъ признается самъ Иванъ Никитичъ—«я не встрѣчалъ ни прежде, ни послѣ во всю сорока-четырехъ-лѣтнюю мою службу. Можно было забыться, и... пули принять за рой мухъ, а ядра за стаю галокъ»! [1]) Состояло это «дѣло» въ слѣдующемъ: 1-го марта, вслѣдъ за занятіемъ нами Реймса, Наполеонъ искуснымъ маневромъ неожиданно напалъ на русскія войска, дѣйствовавшія подъ только-что занятымъ городомъ, и въ то время какъ всѣ полки успѣли отступить, Скобелевъ съ своимъ отрядомъ рязанцевъ очутился отрѣзаннымъ со всѣхъ сторонъ отъ главнаго корпуса и окруженнымъ французской кавалеріей.

Гибель для полка Скобелева, который онъ построилъ въ каре, была неизбѣжна. Его осыпалъ градъ пуль, и самому Скобелеву «выстрѣлъ изъ непріятельскаго орудія прислалъ фунта въ три визитный билетъ», задѣвши въ правую ногу; а между тѣмъ непріятельская кавалерія надвигалась... Но желаніе не посрамить славы русскаго оружія и во что бы то ни стало спасти находившагося на рукахъ рязанцевъ раненаго генерала графа Э. Ф. Сенъ-Пріеста, исторгнуло изъ груди Скобелева грозное «въ штыки!» и пораженная этой внезапностью кавалерія, «не имѣя на удивленіе и секунды», была сбита, а полкъ спасенъ [2]).

За этотъ геройскій подвигъ Иванъ Никитичъ получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени, полку пожалованы были на кивера знаки отличія. Скоро новый подвигъ Скобелева, когда онъ съ своимъ полкомъ овладѣлъ непріятельской батареей съ шестью орудіями при взятіи горы Монмартръ, подъ Парижемъ (18-го марта), далъ ему новыя награды—орденъ св. Владиміра 3-й ст. и прусскаго—«pour le mérite». Наконецъ, 19-го марта 1814 года французы привѣтствовали въ стѣнахъ своей столицы русскаго императора, миръ въ Европѣ былъ возстановленъ; но прошелъ годъ съ небольшимъ, какъ императоръ Александръ подписываетъ въ Вѣнѣ (9-го мая) манифестъ о поднятіи оружія противъ похитителя французскаго престола всѣми державами, хранящими законъ благочестія и правды [3]), и успѣвшія вернуться на родину русскія войска вновь переходятъ границу. Скобелевъ вторую половину 1815 года провелъ при арміи, совершавшей съ императоромъ Александромъ 1-мъ — какъ выразился нашъ біографъ этого государя — «военную прогулку» по Австріи, Германіи и Франціи. Въ концѣ іюля этого года

[1]) «Бесѣды», ч. II, стр. 11; ср. «Переписка».. стр. 253—280.

[2]) См. подр. у Н. И. Греча «Путевыя письма изъ Англіи, Германіи и Франціи», ч. II. Спб. 1839 г., стр. 166—170.

[3]) Н. К. Шильдеръ, «Императоръ Александръ I-й», т. III. Спб. 1897 г., стр. 320.

государь вступилъ во второй разъ въ Парижъ; черезъ мѣсяцъ близъ Вертю происходилъ Высочайшій смотръ, затѣмъ послѣ церковнаго парада послѣдовала раздача наградъ.

Въ приказѣ, отданномъ по арміи, государь, между прочимъ, возвѣщалъ «обратное шествіе арміи въ любезное отечество». Скобелевъ возвратился съ своимъ полкомъ въ Россію и находился при немъ до 1817 года (получая неоднократно выраженія монаршаго благоволенія за содержаніе полка въ образцовой исправности), когда во вниманіе отличныхъ заслугъ, былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ командиромъ 3-й бригады 2-й гренадерской дивизіи, стоявшей тогда въ Смоленской губерніи.

Въ октябрѣ Скобелевъ былъ уже на мѣстѣ новаго назначенія и принялъ отъ И. Ѳ. Паскевича командованіе бригадой, которая и находилась въ его вѣдѣніи до 1821 года [1]). За это время Скобелеву приходилось бывать въ различныхъ мѣстахъ нашего отечества, между прочимъ во Владимірской губерніи [2]), гдѣ сердце закаленнаго бойца покорила миловидная [3]) дочь одного помѣщика—Надежда Дмитріевна Дурова, на которой онъ не долго думая и женился [4]), получивъ въ приданое 1.000 душъ и хорошее имѣніе. Командованіе Скобелева бригадой не обошлось для него безъ вниманія со стороны начальства; Ивану Никитичу хорошо было извѣстно дѣло дисциплины и «приведенія полковъ въ порядокъ», ибо его роль помощника И. М. Эриксона въ сформированіи 26-го егерскаго полка, участіе въ походахъ и самоличная практика были къ тому отличной школой, давшей осязательные результаты: монаршія благоволенія «за доведеніе полковъ до отличнаго устройства» слѣдовали одно за другимъ, пока въ 1821 году Скобелевъ не былъ назначенъ генералъ-полицеймейстеромъ первой арміи. Съ 1823 и до 1826 года онъ состоялъ по арміи и, какъ значится въ формулярѣ, «имѣлъ обязанности и по высочайшимъ повелѣніямъ былъ употребляемъ по разнымъ порученіямъ».

Этотъ небольшой періодъ въ жизни Скобелева ознаменовался цѣлымъ рядомъ доносовъ, вызванныхъ со стороны Ивана Никитича, очевидно, желаніемъ возвратить къ себѣ прежнее милостивое вниманіе, котораго онъ на нѣкоторое время лишился своимъ заступничествомъ за благонадежность войскъ въ дѣлѣ извѣстнаго бунта Семеновскаго полка [5]). Чувствуя себя въ немилости и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы не

[1]) См. кн. Щербатовъ «Біографія кн. И. Ѳ. Паскевича», т. I, стр. 327, 354.

[2]) См. «Русск. Стар.» 1882 г., т. XXXVI, стр. 196—197.

[3]) «Ист. Вѣст.» 1898 г., № 6, стр. 764.

[4]) Первый бракъ былъ расторгнутъ. (См. «Р. Старину» 1878 г., т. XXII, стр. 527).

[5]) См. подробн. и рапортъ Скобелева въ «Русск. Стар.» 1871 г., т. IV, стр. 667—669.

у дѣлъ, Иванъ Никитичъ и прибѣгнулъ къ рѣшительнымъ, но, какъ ему казалось, вѣрнымъ средствамъ, и въ сравнительно небольшой промежутокъ времени успѣлъ сдѣлать нѣсколько доносовъ...

Изъ нихъ наиболѣе громкую извѣстность имѣютъ доносы на А. С. Пушкина (отъ 17-го января 1824 года изъ Москвы), въ которыхъ Скобелевъ, приводя стихи «на вольность» и другіе, выдаваемые за произведенія нашего поэта, и называя Пушкина вертопрахомъ, рекомендуетъ не больше не меньше, какъ «содрать съ него нѣсколько клочковъ шкуры».

Не будемъ приводить подробностей и выписокъ изъ этихъ печальныхъ произведеній пера почтеннаго воина, о которыхъ не разъ уже говорилось въ печати [1]), равно какъ не будемъ говорить о другихъ его доносахъ отъ 1824 года на своего начальника генералъ-губернатора А. Д. Балашова, кн. А. Н. Голицына, А. А. Закревскаго и др. [2]), считаемъ вполнѣ достаточнымъ лишь замѣтить, что старанія его не пропали даромъ, онъ удостоился даже вниманія графа А. Х. Бенкендорфа, который остался весьма доволенъ и убѣжденіями [3]), и дѣйствіями прежняго героя Отечественной войны въ новой роли соглядатая [4]). Врядъ-ли, кто станетъ отрицать, что путь, выбранный на сей разъ Иваномъ Никитичемъ въ мирѣ, чтобъ заслужить вниманіе начальства, далеко не похожъ на тѣ, которые приводили его къ тому же на театрахъ войны, равно какъ врядъли кто станетъ его и оправдывать. На сей разъ Скобелевъ, выражаясь его языкомъ, «проштыкнулся», и единственнымъ извиненіемъ (но отнюдь, конечно, не оправданіемъ), можетъ служить его фанатическая преданность службѣ, въ основѣ которой лежало слѣпое повиновеніе начальству, неблагосклонное вниманіе котораго къ усердію Скобелева должно было самымъ тяжелымъ бременемъ лежать на душѣ этого служаки. Этимъ именно фанатизмомъ, а также отсутствіемъ образованія у Скобелева, а отсюда близорукостью и можно, кажется намъ, объяснить доносы его на Пушкина: рука, разившая безпощадно в н ѣ ш н и х ъ вра-

---

[1]) См. «Русскую Старину»: 1871 г., т. IV, № 12, стр. 667—673; 1874 г., т. X, стр. 693; 1886 г. т. LII, стр. 581—590; 1899 г., т. XCIX, стр. 318—323; «Ист. Вѣстн. 1880 г., т. II, стр. 663—665 (статья о Пушкинѣ В. Я. Стоюнина); «Р. Арх.» 1881 г., № 1, стр. 183—186.

[2]) См. «Р. Стар». 1886 г., т. 52, стр. 581—590.

[3]) Въ родѣ такихъ: «полиція—спасательная система монархіи и полезнѣйшій бальзамъ къ излѣченію недуговъ ея». (См. «Р. Стар.» 1886 г., т. 52, стр. 584).

[4]) Шефъ жандармовъ записалъ себѣ на память: «...Scobeleff a été chez moi; il me paraît concevoir on ne peut mieux les attributions et l'importance des commissions dont il est chargé. Il m'adressé Freigang avec 7 autres de ses employés; j'en aurai soin et pour le mois de Mai je les enverrai à Moscou»... (См. «Р. Стар.» 1886 г., т. 52, стр. 583).

говъ во имя любви къ отечеству, не дрогнула у Скобелева подвести подъ преслѣдованіе, какъ врага внутренняго, поэта, составляющаго предметъ нашей національной гордости. Не понялъ Скобелевъ (да и не онъ одинъ), что гонимый имъ «вертопрахъ» любитъ отечество не меньше его, не предугадалъ Скобелевъ, что тотъ же самый Пушкинъ чрезъ нѣсколько лѣтъ явится бурнымъ защитникомъ славы и силы русскаго государства, выступитъ, хотя и съ инымъ, чѣмъ Скобелевъ, оружіемъ, бойцомъ «противъ враговъ нашей земли»...

Наконецъ, въ 1828 году «счастье», говоря словами самого Скобелева, «обернулось къ нему лицомъ»: онъ назначается начальникомъ 3-й пѣхотной дивизіи, а въ слѣдующемъ году, получивъ за отличное состояніе полковъ монаршее благоволеніе, возводится въ чинъ генералъ-лейтенанта. Но постоянная напряженная дѣятельность дурно отозвалась на его здоровьи: у него опять открылись раны, и онъ принужденъ былъ взять отпускъ и отправиться на излѣченіе въ свою деревню.

Возмущеніе въ Польшѣ вновь вызвало Скобелева къ боевой дѣятельности. 21-го декабря 1830 года онъ писалъ графу И. И. Дибичу: «Сіятельнѣйшій графъ! При преклонныхъ лѣтахъ [1]) я не столько желаю служить, сколько страшусь остаться праздным въ тѣ минуты, въ которыя истинно преданные монарху подданные, по моему мнѣнію, нужны, и хотя количество ихъ неисчислимо, но чѣмъ больше, тѣмъ, безъ сомнѣнія, лучше. Зная себя въ числѣ готовыхъ положить животъ свой за царя, неспособнымъ сойтить съ пути, по коему, огражденный лестнымъ вниманіемъ трехъ владыкъ, прошелъ я 39 лѣтъ, и не имѣя къ доказательству безпредѣльной благодарности ничего, кромѣ жизни, имѣю счастье предлагать оную» [2]).

Желаніе Скобелева было удовлетворено, и въ мартѣ 1831 года, начальствуя 3-й бригадой гренадерской дивизіи и резервными дивизіями 1-го, 2-го и 3-го корпусовъ, онъ вступилъ въ предѣлы Царства Польскаго. Но слава этого похода (послѣдняго въ жизни Скобелева) была куплена нашимъ героемъ дорогой цѣной. Онъ долженъ былъ покинуть поле битвы въ самый разгаръ кампаніи: 14-го апрѣля, командуя авангардомъ въ сраженіи при Минскѣ, лишь только хотѣлъ-было онъ крикнуть свое любимое «въ штыки!», какъ вдругъ непріятельское ядро раздробило ему лѣвую руку. Черезъ часъ Скобелевъ сидѣлъ на барабанѣ передъ походнымъ лазаретомъ и въ то время, какъ врачи отпиливали ему руку, онъ диктовалъ прощальный приказъ по полку, въ которомъ, между прочимъ, говорилось [3]): «Для меча и штыка къ

[1]) Ивану Никитичу было тогда 52 года.

[2]) «Чтен. въ Общ. Исторіи и Древн.» 1869 г., кн. 2-я, стр. 181—182.

[3]) См. «Молва» 1831 г., № 39, стр. 193—194, статья «Твердость духа русскаго генерала»; «Ист. Вѣстн.» 1898 г., № 6, стр. 770; «Р. Старина» 1892 г., т. 76, стр. 98.

защитѣ правъ батюшки бѣлаго царя и славы святаго намъ отечества, среди храбрыхъ товарищей, и трехъ по милости божіей оставшихся у меня пальцевъ съ избыткомъ достаточно» [1]). Награжденный орденомъ св. Георгія 3-й степени, Скобелевъ отправился для поправленія здоровья въ свою деревню, вернувшись откуда черезъ полгода въ столицу, былъ назначенъ состоять «по военнымъ поселеніямъ». Впрочемъ, въ этой должности онъ пробылъ недолго, и въ маѣ 1832 года мы видимъ Ивана Никитича членомъ генералъ-аудиторіата.

Въ это время Скобелеву было уже 55 лѣтъ, и онъ въ правѣ былъ считать себя инвалидомъ, при томъ инвалидомъ заслуженнымъ, требующимъ покойной и почтенной службы. «Кому я всѣмъ этимъ обязанъ, кромѣ личныхъ достоинствъ?» спрашивалъ себя Скобелевъ и отвѣчалъ: никому, какъ русскимъ солдатамъ, друзьямъ - соратникамъ, своими штыками «приколовшимъ» къ груди его знаки высшаго достоинства и увѣнчавшимъ главу его вѣнкомъ бранной славы [2]). Весьма понятное чувство благодарности къ солдату заговорило въ его сердцѣ, и онъ рѣшилъ подѣлиться своими знаніями, наблюденіями и воспоминаніями съ своимъ другомъ-солдатомъ, и изъ нихъ сдѣлать ему подарокъ. «...Примусь писать»,—сказалъ онъ себѣ,—«исторію собственной жизни съ полной откровенностью, обрисую сцены со всѣми окрестностями и, оградясь законной десятилѣтней древностью, черкну смѣло за цѣлые полвѣка о себѣ и о товарищахъ, хорошее и дурное. Положимъ, что трудъ мой и не принесетъ пользы человѣчеству, по крайности я оставлю по себѣ въ наслѣдство горящую истину о предметахъ, коротко и близко мнѣ извѣстныхъ,—это не бездѣлица» [3]).

Правда, Иванъ Никитичъ былъ не твердъ, даже слабъ въ грамматикѣ, но этому горю оказалось легко помочь: Н. И. Гречъ, съ которымъ онъ успѣлъ познакомиться, и, вѣроятно, еще кое-кто другой вызвались поправлять промахи противъ «непримиримаго врага» [4]) нашего героя, и черезъ нѣсколько времени по высочайшему соизволенію вышла въ 1833 году въ свѣтъ книжка, въ которой,—какъ говоритъ самъ авторъ ея,—«слогъ не хорошъ, происшествія связываются и того хуже, но вѣрность и точность ихъ замѣняютъ собою всѣ недостатки логики и краснорѣчія». Книжка эта, посвященная «друзьямъ-соратникамъ старымъ и малымъ», носила названіе «Подарокъ товарищамъ или Переписка русскихъ солдатъ въ 1812 году, изданная русскимъ инвалидомъ Иваномъ Скобелевымъ». Въ ней, въ формѣ коротенькихъ разсказовъ и переписки

---

[1]) Двухъ пальцевъ правой руки Скобелевъ, какъ мы видѣли, лишился еще въ шведскую кампанію 1809 года.

[2]) Ср. «Переписка», стр. 228.

[3]) «Переписка», стр. 191—192.

[4]) Т. е. грамматики, см. «Переписка», стр. 225.

служилаго рядоваго Ручкина къ отставному солдату Кремневу и отъ послѣдняго къ безногому инвалиду Ранцеву, описаны военныя событія 1812 года или,—выражаясь словами автора,—«козни враговъ, терпѣніе благовѣрнаго царя, благородный порывъ русскаго народа и необыкновенная храбрость русскихъ солдатъ» [1]).

Такимъ-то образомъ Скобелевъ выступилъ на литературное поприще, и—что не менѣе любопытно—былъ встрѣченъ весьма сочувственно публикой и критикой, не говоря уже о томъ, что друзья его, вродѣ Н. И. Греча, постарались превознести «русскаго инвалида» насколько могли. Впрочемъ, критика даже и пріятельская была во многомъ справедлива: любаго читателя могла подкупить оригинальная, безъискусственная простота рѣчи автора «Подарка», та искренность и сила воодушевленія, съ которой онъ описывалъ всѣмъ хорошо памятныя событія, наконецъ, та горячая любовь автора къ простому защитнику отечества, которой согрѣта каждая строка «Переписки». Кромѣ отзыва Греча [2]), въ которомъ пріятель нашего автора поставилъ его выше Бальзака и совершенно вѣрно отмѣтилъ, что «Подарокъ товарищамъ,—«первая народная книга», появились скоро отзывы въ «Московскомъ Телеграфѣ», «Сѣверной Пчелѣ» и въ другихъ журналахъ, не менѣе сочувственные; въ честь И. Н. Скобелева, какъ автора «Подарка», были даже написаны Н. Н. Веревкинымъ слѣдующіе стихи [3]):

«Я прочиталъ твои разсказы
О Бонапартѣ, о войнѣ.
И живы давнія преказы
И буйно кровь кипитъ во мнѣ!
Твой слогъ могучъ, огнистъ и ярокъ,
Какъ схватка коршуна съ орломъ;
И днесь тебѣ за твой подарокъ
Бьетъ войско русское челомъ.
Ты начерталъ ему скрижали
И, удалая голова,
Его шутя очаровали
Твои премудрыя слова.
Солдатъ! Ты понялъ духъ солдатскій
И молвилъ правду напрямки
И грянулъ книжкой залихватской,
И встрепенулись старики.
Въ ней наша Русь, какъ на ладони,
Перводержавная видна:

---

[1]) «Собраніе приказовъ», Скобелева. Нижній Новгородъ, 1836 г., стр. 139.

[2]) «Библіотека для Чтенія» 1834 г., № 1, стр. 170 (см. также «Сочиненія Н. И. Греча", т. 3, стр. 358).

[3]) См. «Сѣв. Пчела» 1833 г., № 207 (перепеч.: «Р. Стар.» 1898 г., № XCVII, стр. 64—65).

Пожаръ Москвы, гроза погони,
Мужикъ, казакъ, морозъ, война,
Бивачный бытъ, порою каша,
А чаще корка, да снѣга.
Безъ крова—сонъ, безъ водки—чаша,
И стыдъ великаго врага.
Гордись! для русскаго народа
Ты милъ, какъ знамя безъ пятна,
Какъ вихрь двѣнадцатаго года,
Какъ чарка добраго вина!
Гордись! Ты войска сталъ кумиромъ
И, въ честь твою, его языкъ
Своимъ отцомъ и командиромъ
Нашъ молодецкій прозвалъ штыкъ».

Популярность Скобелева, уже и безъ того извѣстнаго, какъ человѣкъ, который рядомъ геройскихъ подвиговъ на полѣ брани, штыкомъ проложилъ себѣ дорогу въ генералы, возросла еще болѣе, когда увидѣли въ немъ оригинальнаго писателя. Иванъ Никитичъ былъ весьма польщенъ такимъ пріемомъ его перваго произведенія, написаннаго тремя уцѣлѣвшими пальцами, и готовилъ новый подарокъ своимъ друзьямъ: въ слѣдующемъ же (1834) году въ «Библіотекѣ для Чтенія» [1]), начали одинъ за другимъ появляться небольшіе разсказы за подписью «русскаго инвалида» и, вѣроятно, изъ нихъ скоро составилась бы еще книжечка, но въ этомъ году Скобелевъ получилъ по службѣ должность инспектора резервной пѣхоты, почему долженъ былъ оставить Петербургъ и, такимъ образомъ, прекратить на время свою литературную дѣятельность. Во второй половинѣ этого года Иванъ Никитичъ прибылъ въ Нижній Новгородъ и принялъ полки отъ А. А. Эйлера [2]).

Въ званіи инспектора резервной пѣхоты Скобелевъ пробылъ три года, живя большею частью въ Нижнемъ Новгородѣ. Инспектируя полки и слѣдя за порядкомъ въ нихъ, Иванъ Никитичъ проявилъ много знанія, опытности и любви къ своему дѣлу и поражалъ всѣхъ своимъ зоркимъ недремлющимъ наблюденіемъ и интересомъ даже къ мелочамъ солдатской жизни. Труды его не остались безъ вниманія, и за три года своей инспекторской дѣятельности Скобелевъ успѣлъ получить нѣсколько «особенныхъ» монаршихъ благоволеній, а при осмотрѣ полковъ императоромъ Николаемъ I-мъ въ Казани [3]) удостоился, кромѣ «совершенной благодарности» его величества, награжденія золотой табакеркой, украшенной алмазами и портретомъ государя.

---

[1]) См. «Библіотека для Чтенія» 1834 г., кн. I, стр. 149—158; кн. II, стр. 75—92; кн. IV, № 6, стр. 55—64; № 30, стр. 240—246.

[2]) «Русск. Арх.» 1880 г., II, стр. 397.

[3]) См. «Русск. Вѣстн.» 1875 г., № 9, стр. 141—142.

Памятникомъ инспекторской дѣятельности Скобелева остались его въ высшей степени любопытные приказы [1]) по ввѣреннымъ ему войскамъ,—приказы, въ которыхъ вполнѣ выразился его умственный складъ, взгляды на службу, значеніе ея и тонкое знаніе солдатскаго сердца, о чемъ, впрочемъ, подробнѣе скажемъ ниже; пока же замѣтимъ, что его усердная служба въ качествѣ инспектора должна была прекратиться на третьемъ году: вновь открывшіяся раны, еще сильнѣе дававшія чувствовать старость, заставили инвалида проситься въ отпускъ для поправленія здоровья. Получивъ его Скобелевъ отправился къ себѣ въ деревню [2]), гдѣ и пробылъ до половины 1839 года, пока его опять не потребовали въ Петербургъ.

8-го іюня высочайшимъ приказомъ онъ былъ назначенъ комендантомъ Петропавловской крѣпости, директоромъ Чесменской богадѣльни и вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ комитета о раненыхъ. Это было послѣднимъ служебнымъ назначеніемъ Ивана Никитича, къ отправленію котораго онъ вступилъ съ подкрѣпленными силами послѣ деревенскаго отдыха, оказавшаго на него вообще благотворное вліяніе. Оставивъ суетливую службу въ Нижнемъ Новгородѣ, Скобелевъ удалился въ свои Чернышины, гдѣ предался мирнымъ занятіямъ хозяйственными дѣлами, разнообразя длинные дни обѣдами и вечерами, на которые приглашалъ окрестныхъ сосѣдей-помѣщиковъ, охотно посѣщавшихъ гостепріимнаго и отличавшагося большимъ хлѣбосольствомъ инвалида, который при томъ такъ хорошо и интересно разсказывалъ [3]) про свои минувшіе дни и битвы, въ которыхъ когда-то отличался. Впрочемъ, за удовольствіями деревенской жизни благополучнаго помѣщика, Иванъ Никитичъ не забывалъ и о благополучіи своихъ крестьянъ, для которыхъ, какъ говорится въ одномъ воспоминаніи, онъ былъ отцомъ и благодѣтелемъ: заботился о сиротахъ, помогалъ имъ деньгами и мудрыми совѣтами, наконецъ, выстроилъ имъ хорошую церковь и проч. [4]).

Не забылъ Иванъ Никитичъ и начатыхъ имъ въ Петербургѣ литературныхъ произведеній. Такъ на свободѣ онъ выправилъ первое изданіе своей «Переписки двухъ солдатъ», закончилъ новую и выпустилъ ихъ въ 1838 г. отдѣльной книгой въ 2-хъ частяхъ подъ заглавіемъ «Бесѣды русскаго инвалида или Новый подарокъ товарищамъ»; наконецъ, не безъ литературнаго багажа онъ прибылъ и въ Петербургъ въ 1839 году: у него

---

[1]) Они изданы отдѣльной книгой: «Собраніе приказовъ, отданныхъ инспекторомъ резервной пѣхоты генералъ-лейтенантомъ Скобелевымъ по ввѣреннымъ ему войскамъ, съ 1834 г. по 1836 годъ». Нижній Новгородъ, 1836 г.

[2]) Въ Чернышины (см. выше).

[3]) См. «Записки С. Н. Глинки», Спб., 1895 стр. 310.

[4]) «Калужск. губ. вѣдомости» 1850 г., № 18, стр. 76 (прим.).

заготовлены были разсказы о минувшемъ, но уже въ новой литературной формѣ, именно—драматической. То были двѣ пьесы: «Кремневъ—русскій солдатъ»—(оригинальное драматическое представленіе въ 3-хъ дѣйствіяхъ) [1]) и «Сцены въ Москвѣ въ 1812 году»—народное драматическое представленіе [2]). Послѣднее, да отчасти и первое, собственно, и нельзя назвать пьесами: въ нихъ слишкомъ мало связи между отдѣльными актами, мало дѣйствія и проч., это именно—драматическія сцены изъ Отечественной войны, рядъ небольшихъ картинъ, писанныхъ рукою художника-самоучки, по наброскамъ котораго сразу можно видѣть человѣка, не прошедшаго академической школы, но умѣвшаго по-своему свободно владѣть кистью и увѣренно класть яркія краски, при томъ нерѣдко съ замѣчательной техникой. Но и въ нихъ, этихъ сценахъ, несмотря на скудость вымысла, избитость и даже неумѣстность любовной интриги и проч. недостатки, попадаются очень мѣткія характеристики настроенія той эпохи, когда за оружіе брались подростки (Митя Русоцвѣтовъ въ «Сцен. въ Москвѣ») [3]) съ твердымъ убѣжденіемъ въ необходимости побить общаго врага, когда молодые люди во имя любви къ отечеству забывали свои личныя сердечныя склонности, мужикъ несъ барину свою копѣйку на общее дѣло и поджигалъ свой кровъ подлѣ пылавшаго дома хозяина («Сцены въ Москвѣ») и т. д. Нерѣдко въ этихъ сценахъ встрѣчаются картины прямо прекрасныя по своей художественной простотѣ; вотъ, напримѣръ, какъ авторъ описываетъ устами одного изъ героевъ своего «Кремнева» военныя дѣйствія 1812 года: «Какъ молвилъ нашъ батюшка бѣлый царь одно лишь слово, какъ закипѣла кровь ратная, молодецкая, заворковало сердце русское богатырское... Полетѣли орлы священные, понеслись орлята-друзья славы задушевные, такъ много ли тутъ надобно мудрости?.. Ну, встрѣтились, поздоровались, а подъ Бородинымъ такъ столкнулись, что мать-сыра земля простонала, да, чай, и у самого чорта борода затряслась! Подъ Тарутинымъ попотчивали дорогихъ гостей русскимъ табачкомъ съ чемеричкою, подъ Ярославцемъ—съ чихирькомъ, но подъ Краснымъ, прямо на нашъ солдатскій вкусъ,—съ золкою! А покуда пріятели чихали, политичные люди не дремали и самъ царь-государь потрудился: сосновалъ основу, соткалъ свободу, нарядилъ всю Европу, и тамъ, гдѣ грозный побѣдитель ломалъ голову, какъ бы весь свѣтъ покорить... казакамъ и калмыкамъ нашимъ пришлось лошадей своихъ поить. И мы тамъ были, медъ и вино пили, по

---

[1]) Напечатано въ Спб. въ 1839 г., съ посвященіемъ е. и. в. великому князю Михаилу Павловичу.

[2]) Напечатано въ томъ же году.

[3]) Ср.: Петя Ростовъ—въ романѣ гр. Л. Н. Толстаго «Война и миръ».

усамъ текло, и въ ротъ вдоволь попадало» [1]). Съ большой художественностью описаны Скобелевымъ въ «Сцен. въ Москвѣ» картины знаменитаго пожара, приготовленія къ отъѣзду жителей изъ столицы и проч. [2]). Какъ любопытную черту, отмѣтимъ въ этихъ произведеніяхъ замѣчательное умѣнье Скобелева пользоваться простонароднымъ русскимъ языкомъ, который онъ зналъ превосходно, и проводить оживленные діалоги, придавая каждому разговаривающему лицу особый стиль, особую манеру выражаться [3]).

Оба разсматриваемые нами драматическіе опыта Ивана Никитича, поставленные на сценѣ Александринскаго театра (1839 г.), первое время имѣли шумный успѣхъ. «Кремневъ»,—по словамъ А. И. Вольфа,—«пошелъ сильно въ ходъ, и превосходительный авторъ принужденъ былъ нѣсколько разъ показываться въ директорской ложѣ и раскланиваться съ публикой... Бенефиціантъ Григорьевъ 1-й былъ недуринымъ Кремневымъ, и съ тѣхъ поръ солдатскій типъ сдѣлался его достояніемъ. Каратыгинъ 1-й не погнушался ролью полковника, состоявшей изъ нѣсколькихъ командныхъ словъ» [4]). Въ сезонъ 1839—1840 гг. «Кремневъ» выдержалъ 18 представленій и долго еще держался на сценѣ; такъ, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти автора, напримѣръ, въ сезонъ 1853—1854 гг. онъ три раза былъ поставленъ на сценѣ Александринскаго театра. «Сцены въ Москвѣ» имѣли меньшій успѣхъ (даже въ первое представленіе) [5]).

Говорятъ, что Скобелевъ, польщенный такимъ пріемомъ его драматическихъ произведеній, приготовилъ было драму «Русскіе въ Парижѣ», но что, будто бы, государь не позволилъ ее играть, замѣтивъ, что «можно надоѣсть, если твердить все одно и то же» [6]).

Успѣхъ, которымъ сопровождались произведенія русскаго инвалида, мало-по-малу ввелъ Скобелева въ кругъ нашихъ петербургскихъ литераторовъ и артистовъ, которыхъ притягивала къ нему какъ необыкновенная даровитость этого писателя-самоучки, такъ и самая личность Ивана Никитича, оригинальная по своимъ взглядамъ, привычкамъ и манерамъ, добродушная и словоохотливая. Н. И. Гречъ при-

---

[1]) «Кремневъ», стр. 87—88.

[2]) «Сц. въ Москвѣ», дѣйствіе 1-е.

[3]) Между прочимъ, знаменитое «тае» (въ драмѣ гр. Л. Н. Толстаго—«Власть-тьмы») слышалось на сценѣ Александринскаго театра еще въ 1839 году, изъ устъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ «Кремнева»: староста въ этомъ драматическомъ представленіи также уснащаетъ свою рѣчь безпрестаннымъ «тые».

[4]) А. И. Вольфъ, «Хроника петербургскихъ театровъ». Спб. 1877 г., ч. I, стр. 76.

[5]) «Репертуаръ и Пантеонъ» 1840 г., кн. III, стр. 35—36.

[6]) См. «Записки К. А. Полеваго». Спб., 1883 г., стр. 485—486.

глашалъ его на свои четверги, А. Ѳ. Воейковъ раболѣпствовалъ передъ превосходительнымъ авторомъ, Ѳ. В. Булгаринъ дружески зазывалъ къ себѣ на обѣдъ, П. А. Плетневъ на свои литературные вечера [1]).

Скоро литературныя знакомства Скобелева приняли широкіе размѣры и, хотя ихъ составляли не свѣтила литературы, да и вообще не отличались изысканностью, все же къ чести новичка-автора нужно отнести, что они не были плодомъ заискиваній со стороны русскаго инвалида, а привела ихъ къ нему слава его старыхъ и новыхъ побѣдъ. Кромѣ названныхъ лицъ съ Скобелевымъ были знакомы С. Н. Глинка, Н. В. Кукольникъ, К. А. Полевой, А. В. Никитенко [2]) и мн. др., между прочимъ у П. А. Плетнева съ нимъ познакомился И. С. Тургеневъ, и вотъ какъ онъ описываетъ автора «Кремнева» въ своихъ воспоминаніяхъ: «Извѣстный Скобелевъ, авторъ «Кремнева», всѣмъ тогдашнимъ петербургскимъ жителямъ памятная фигура съ обрубленными пальцами, смышленымъ, помятымъ, морщинистымъ, прямо солдатскимъ лицомъ и солдатскими несовсѣмъ наивными ухватками—тертый калачъ, однимъ словомъ» [3]).—Иванъ Никитичъ, любя бывать на литературныхъ собраніяхъ и вообще вращаться въ мірѣ литературномъ, приглашалъ и къ себѣ въ комендантскую квартиру собратьевъ по новому для него оружію, и за богатой трапезой [4]) его можно было встрѣтить рядомъ съ какимъ-нибудь безногимъ инвалидомъ (вродѣ Непейцына) и представителей литературы въ лицѣ автора «Руки Отечества», или «Ивана Выжигина», «Дома съумасшедшихъ» и т. п. А. В. Никитенко между прочимъ передаетъ, что у Скобелева даже затѣвался разъ какой-то литературный вечеръ.

Жизнь Скобелева въ качествѣ коменданта Санктпетербургской крѣпости была рядомъ отличій, награжденій [5]), рядомъ счастливыхъ лѣтъ «русскаго инвалида», покоющагося на лаврахъ, щедро осыпаемаго, при всеобщемъ вниманіи, царскими милостями. Скобелевъ-

---

[1]) См. Кашперевъ „Памятники нов. русск. исторіи". Спб. 1872, т. 2, стр. 33—102. „Рус. Стар." 1875, XII, стр. 577. Н. И. Гречъ „Записки о моей жизни". Спб. 1886, стр. 427. „Сѣв. Пч." 1850, № 38. «Русск. Арх.» 1869, стр. 1663.

[2]) Кашперевъ «Памятники нов. русск. исторіи» т. I, стр. 396. Записки С. Глинки. Спб. 1895, стр. 310. «Дневникъ» А. В. Никитенки, т. I, стр. 491—492.

[3]) «Литерат. вечеръ у П. А. Плетнева» (См. «Русск. Арх.» 1869 г., стр. 1663 и 1675. Собр. сочин., изд. 1898 г. т. XII, стр. 10 и 13).

[4]) См. «Русск. Стар.» 1882 г., т. 36, стр. 203.

[5]) Въ 1842 г. Скобелевъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго, въ слѣдующемъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи, пожалованъ знакомъ безпорочной службы, маіоратомъ въ Царствѣ Польскомъ (см. «Русск. Ст.» 1893, т. 78, стр. 154); въ 1847-мъ назначенъ шефомъ Рязанскаго полка (формуляръ).

старикъ сумѣлъ воспользоваться плодами своихъ юношескихъ подвиговъ и послѣдніе свои годы, въ вознагражденіе за лишенія, которыя онъ перенесъ въ своей солдатской молодости, провелъ въ роскоши и даже нѣгѣ, принимая гостей въ шелковомъ халатѣ, одѣвая батистовыя рубашки, нося жабо и пр. [1]). Впрочемъ, говоря словами одного неизвѣстнаго поэта [2]), почтившаго смерть Скобелева стихами, онъ творилъ добро и милость и на посту, который, казалось, не требовалъ этого отъ его строгаго исполнителя, особенно въ то время.

Всѣ воспоминанія о Скобелевѣ, какъ комендантѣ, отмѣчаютъ отзывчивость, состраданіе къ несчастнымъ и вообще добрыя качества его души [3]), которыя, собственно, всегда [4]) были присущи Ивану Никитичу, (хотя онъ и былъ иногда чрезмѣрно строгимъ къ ослушавшимся его приказанія или преступившимъ законъ службы [5]). Въ доказательство его доброты можно привести не мало фактовъ: такъ извѣстно, что только благодаря его заступничеству получилъ освобожденіе декабристъ Г. С. Батенковъ [6]), прапорщикъ Браккель [7]) и др.; извѣстны также попеченія его о Чесменской богадѣльнѣ, подарки полкамъ своихъ сочиненій, изданіе послѣднихъ съ благотворитель-

---

[1]) См. «Русск. Арх.» 1888, № III, стр. 244.

[2]) «На смерть Скобелева»—См. «Чтеніе для солдатъ» 1848, кн. 4, стр. 89—90.

[3]) А. О. Смирнова (см. «Русск. Арх.» 1895 г., III, стр. 80), Н. И. Гречъ и многіе другіе называли его «добрѣйшимъ комендантомъ» (см. между прочимъ о немъ, какъ комендантѣ у Н.С. Лѣскова въ разсказѣ «Лѣвша»—собр. сочин., т. II, Спб. 1897, стр. 279).

[4]) Заступничество за семеновцевъ, жизнь въ деревнѣ и пр. Ему даже были посвящены стихи, какъ «благодѣтельному герою» (См. «Русск. Вѣстн.» 1824, кн. I, стр. 84—86).

[5]) См. «Собраніе приказовъ»... X и XIV-й прик 1835 года.

[6]) Н. И. Гречъ «Записки». Спб. 1886, стр. 423. «Русск. Стар.» 1889, т. 63, стр. 423.

[7]) Ходатайствуя за него, Скобелевъ, между прочимъ, писалъ военному министру: «Браккель виновенъ по молодости и по неопытности; но онъ, какъ вижу, сформированъ на благородную стать, съ чувствами возвышенными, похвальными, а посему, быть можетъ, и самъ я подвергаюсь вашему гнѣву, но осмѣливаюсь просить исходатайствовать ему переводъ въ мѣсто менѣе грозное—на гауптвахту»... На это государь сдѣлалъ такую резолюцію: «Старику Скобелеву я ни въ чемъ не откажу. Надѣюсь, что послѣ солдатскихъ увѣщаній виновному изъ Браккеля выйдетъ опять хорошій офицеръ. Выпустить и перевесть въ армейскій полкъ тѣмъ же чиномъ». («Русск. Арх.» 1878, I, стр. 231; см. также «Русск. Ст.» 1870, т. I, стр. 603—605, 1890, т. 66, стр. 356; «Сборникъ Моск. иллюстрирован. газеты» М. 1891, вып. I, стр. 84—87 и др.).

ной цѣлью [1]) и пр. Все это факты, которые не могли не снискать къ Ивану Никитичу искреннихъ симпатій, такъ что авторъ одного некролога Скобелева, помѣщеннаго въ «Московск. Вѣдомостяхъ» (1849 № 25), былъ отчасти справедливъ, отмѣчая, что Иванъ Никитичъ умеръ «къ всеобщему сожалѣнію». Дѣйствительно, Скобелевъ пользовался въ Петербургѣ въ сороковыхъ годахъ самой широкой и лестной популярностью. Но годы его были уже не тѣ, когда земныя радости, слава имѣютъ значительный интересъ, да и интимная сторона жизни нашего ветерана и изнуренное ранами и десятками суровыхъ лѣтъ тѣло, требовавшее усиленныхъ попеченій, не позволяли Скобелеву пользоваться выпавшими на его долю удобствами жизни во всей ихъ полнотѣ: «Любилъ служить—устарѣлъ»,—грустно сознается онъ въ одномъ своемъ сочиненіи, «умѣлъ любить—овдовѣлъ, и моя только грудь да подоплека знаетъ, какъ тошно жить страдальцу безъ любви и безъ дружбы, безъ рукъ и безъ службы»; къ тому же старый инвалидъ, зная, что дни его уже сочтены, ясно предвидѣлъ скорый конецъ ихъ, и мысль, что «смерть, какъ будто-бы въ насмѣшку, пріютится, улыбнется... подманитъ на дистанцію... и дастъ туза» [2]), смущала нерѣдко его покой и настраивала на печальныя размышленія. Соскучившись сидѣть въ своей комендантской квартирѣ, старикъ часто выходилъ подышать весеннимъ воздухомъ въ прилегавшій къ занимаемому имъ дому садъ, бродилъ по его аллеямъ, заходилъ въ бесѣдку, и, подолгу сидя въ ней, предавался воспоминаніямъ о минувшихъ дняхъ, «призывалъ молодецкую старину, леталъ съ нею по слѣдамъ славы», и предъ нимъ проходили тѣни давно знакомыхъ, но уже сошедшихъ въ вѣчность съ поля битвъ героевъ, друзей-соратниковъ... «Въ своихъ сладкихъ мечтахъ, исчисляя ихъ подвиги», старикъ «забывался и дремалъ», согрѣваемый теплымъ дыханіемъ весны [3])...

Но весна 1849 года была для него послѣдней весной: 19-го февраля Иванъ Никитичъ Скобелевъ въ 11¼ утра тихо [4]) скончался; 22-го числа состоялись пышныя, торжественныя похороны [5]), «достойныя—какъ отмѣтилъ въ своей записной книжкѣ гр. П. Х. Граббе—фельдмаршала» [6]). Отдать послѣдній долгъ именитому сановнику,

---

[1]) «Переписка и разсказы»... изд. 1844 года—въ пользу Спб. дѣтской больницы. (Между прочимъ, къ такого рода благотворенію могли побудить Ивана Никитича потери собственныхъ дѣтей, умиравшихъ въ дѣтствѣ отъ различныхъ тяжелыхъ болѣзней).

[2]) «Бесѣды», ч. II, стр. 143.

[3]) Ср. «Бесѣды» ...ч. I, стр. 45.

[4]) См. Русск. Арх.» 1888. № III, стр. 397.

[5]) См. подробности въ «Сѣв. Пчелѣ» 1849, № 42, стр. 165.

[6]) «Рус. Арх.» 1888. № III, стр. 394.

честному воину, доброму христіанину и писателю собрались съ наслѣдникомъ престола во главѣ представители высшей власти, военнаго міра, духовенства и литературы [1]).

Надъ могилой его (въ оградѣ Петропавловскаго собора) стоитъ изящный памятникъ изъ чернаго мрамора; онъ виденъ каждому подходящему къ собору.

Ив. Кубасовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Въ дѣлѣ о «порядкѣ церемоніала погребенія тѣла коменданта С.-Петербургской крѣпости И. Н. Скобелева» находимъ, между прочимъ, слѣдующія подробности. Тѣло покойнаго, одѣтое въ генеральскій мундиръ «съ шефскими эполетами Рязанскаго пѣхотнаго полка», было положено въ богатый обитый малиновымъ бархатомъ гробъ и выставлено въ домовой церкви при комендантской квартирѣ, откуда вечеромъ 21-го числа было торжественно перенесено въ Петропавловскій соборъ и поставлено «на катафалкѣ съ великолѣпнымъ балдахиномъ». При гробѣ безсмѣнно стоялъ почетный караулъ. 22-го числа въ 11 ч. утра прибылъ митрополитъ Никаноръ и высшее духовенство, съ которымъ высокопреосвященный совершалъ заупокойную литургію и обрядъ отпѣванія въ присутствіи наслѣдника цесаревича и е. и. в. великаго князя Михаила Павловича и массы публики. По окончаніи отпѣванія гробъ былъ вынесенъ на рукахъ генераловъ къ мѣсту погребенія, войска по командѣ е. и. в. вел. кн. Михаила Павловича отдали честь...

Громъ военной музыки и грохотъ барабановъ сопровождали въ вѣчность «отца и командира», а троекратный залпъ изъ ружей и изъ шести орудій съ бастіона Петра Великаго возвѣстили жителямъ столицы о преданіи землѣ праха неустрашимаго героя за свою отчизну... («Порядокъ церемоніала»... любезно сообщенъ намъ изъ архива комендантск. правленія Спб. крѣпости Г. А. Иванишинымъ).

О дозволеніи иностранцамъ присутствовать на Бородинскихъ маневрахъ только съ разрѣшенія графа Бенкендорфа.

Секретное отношеніе с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора графа Эссена—с.-петербургскому гражданскому губернатору.

6-го августа 1839 г., № 5761.

Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ, дабы никому изъ иностранцевъ не было выдаваемо паспортовъ на проѣздъ изъ С.-Петербургской губерніи въ село Бородино, безъ предварительнаго о томъ сношенія съ генералъ-адъютантомъ графомъ Бенкендорфомъ.

О таковомъ высочайшемъ повелѣніи честь имѣю увѣдомить ваше превосходительство къ надлежащему исполненію по здѣшней губерніи.

Николай Полевой и его отношенія къ цензурѣ.

Въ жизни всегда есть свои удачники и неудачники; также и на литературномъ поприщѣ. Къ числу литературныхъ неудачниковъ принадлежалъ извѣстный въ свое время издатель лучшаго журнала двадцатыхъ годовъ—Николай Алексѣевичъ Полевой. Выросшій въ крайне неблагопріятной обстановкѣ для образованія ума, онъ, съ величайшими усиліями выйдя на широкую и видную дорогу, сталъ подвергаться всевозможнымъ невзгодамъ, какія только могли выпасть на долю современнаго ему писателя и журналиста. Эти невзгоды уже были предметомъ весьма обстоятельной, на архивныхъ данныхъ основанной, статьи академика М. И. Сухомлинова; мы имѣемъ намѣреніе, съ своей стороны, сдѣлать нѣсколько добавленій къ упомянутымъ розысканіямъ.

Еще въ началѣ своей журнальной дѣятельности Полевой навлекъ на себя неудовольствіе разныхъ лицъ. И близость 14-го декабря, и зависть журналистовъ, раздраженныхъ успѣхомъ издаваемаго Полевымъ «Московскаго Телеграфа», благопріятствовали неудачамъ издателя. Главный же враждебный центръ представляло, повидимому, министерство народнаго просвѣщенія, на обязанности котораго въ то время лежало разсмотрѣніе цензурныхъ дѣлъ. Непріязненно относился къ Полевому и графъ С. С. Уваровъ. «Не льстя никому»—читаемъ въ запискахъ Кс. Ал. Полеваго,—«честно исполняя обязанности журналиста, Николай Алексѣевичъ безпрестанно увеличивалъ число своихъ непріятелей. Въ толпѣ ихъ надобно отмѣтить одного замѣчательнаго по разнымъ отношеніямъ человѣка Сергѣя Семеновича Уварова, который, наконецъ, былъ побудителемъ къ запрещенію «Московскаго Телеграфа». Непріязненное расположеніе его къ издателю этого журнала началось съ того, что онъ признавалъ неслыханною дерзостью многія и иногда колкія замѣ-

чанія Н. А. Полеваго на разныя изданія Академіи наукъ, гдѣ Уваровъ былъ президентомъ. Особенно сердили его безпощадные разборы календаря или мѣсяцеслова, искони издававшагося Академіею» [1]). Между тѣмъ Полевой успѣлъ плохо зарекомендовать себя въ глазахъ Шишкова и Бенкендорфа, почему и не могъ противостоять нападкамъ Уварова. Статья «Взглядъ на русскую литературу 1825 и 1826 годовъ, письмо въ Нью-Іоркъ, къ С. Д. П.» [2]), гдѣ усматривали сочувствіе декабристамъ, рядъ обвинительныхъ записокъ, полученныхъ Бенкендорфомъ и заключающихъ въ себѣ обвиненія Полеваго въ излишнемъ либерализмѣ и распущенности [3]), не только побудили Шишкова отказать ему въ изданіи политической (что представлялось особенно опаснымъ) газеты «Компасъ» и другихъ, просимыхъ имъ, журналовъ, но даже «подтвердить г. Полевому, касательно издаваемаго имъ журнала, чтобы онъ, при выборѣ помѣщаемыхъ въ ономъ статей, дѣйствовалъ съ величайшею осмотрительностью». Проектъ «начертанія Московскаго Телеграфа» на 1832 г., не прошедшій въ Петербургѣ, былъ препровожденъ туда съ такимъ мнѣніемъ князя С. М. Голицына, чтобы программа журнала была ограничена одной литературой, ибо «неоднократно въ ономъ (журналѣ) помѣщались такія статьи, которыя не совсѣмъ-то были одобряемы высшимъ начальствомъ», а «издатель онаго, купецъ Николай Полевой, не пользуется совершенно довѣренностью правительства» [4]).

При той немилости, въ которой находился Полевой у высшаго начальства и журналистовъ, представляютъ особый интересъ касающіяся его цензурныя дѣла, возникшія какъ благодаря происканъ частныхъ, сторонніхъ лицъ, такъ и благодаря его собственной неосмотрительности, прорывавшейся въ кое-какихъ слишкомъ смѣлыхъ для тогдашней поры мысляхъ или даже выраженіяхъ... Не проходило, кажется, года безъ возбужденія въ главномъ или московскомъ цензурныхъ комитетахъ сомнительныхъ вопросовъ относительно московскаго второй гильдіи купца Николая Полеваго...

Еще въ цвѣтущее время изданія «Телеграфа», когда его издатель былъ въ мирныхъ сношеніяхъ съ Вяземскимъ и карамзинистами, въ редакцію «Сѣверной Пчелы» было прислано любопытное письмо, помѣченное февралемъ 1827 года. Нѣкая тамбовская и рязанская помѣщица Иванова «жаловалась на московскаго книгопродавца Ширяева за то, что онъ въ теченіе двухъ лѣтъ, вмѣсто требованныхъ ею: «Мод-

---

[1]) „Записки", изд. 1888, 319.

[2]) „Моск. Тел." 1827, XIII, 5. Сухомлиновъ, „Изслѣд. и статьи", томъ II, 392.

[3]) Сухомлиновъ, ibidem, 382—391.

[4]) Ibidem, 343 и 398.

наго Журнала» и «Московскаго Вѣстника», присылалъ къ ней «Московскій Телеграфъ», и просила господъ издателей обнародовать о таковой усильной распродажѣ «Московскаго Телеграфа». Главный цензурный комитетъ не разрѣшилъ печатаніе письма, какъ относящагося до личной чести Ширяева, но этотъ фактъ, повидимому, очень пришелся по вкусу тайнымъ недоброжелателямъ Полеваго... Ошибка книгопродавца, имѣвшаго большія торговыя дѣла, легко могла быть истолкована какъ дерзкое навязываніе издателемъ его собственнаго журнала. Положимъ, дѣло не было открыто предано гласности; но нельзя не признать, что цензоры, въ числѣ которыхъ были и С. Т. Аксаковъ, спеціально слѣдившій за «Московскимъ Телеграфомъ» и недружелюбно глядѣвшій на успѣхи Полеваго, могли разгласить дѣло въ обществѣ [1])...

Съ 1829 года, со времени появленія рецензіи на «Исторію государства Россійскаго», Полевой нажилъ себѣ много новыхъ враговъ... Отношенія къ Вяземскому охладились, всѣ поклонники историографа перешли во враждебный Полевому лагерь, увеличивая собой число его литературныхъ недоброжелателей... Въ редакцію «Славянина» было препровождено кѣмъ-то слѣдующее «Литературное извѣстіе», не пропущенное въ цензурѣ, но едва-ли оставшееся въ тайнѣ. Оно гласило: «г. Всезнайкинъ, извѣстный своими разсужденіями о санскритскомъ языкѣ, и проч., и проч., и проч., намѣренъ на сихъ дняхъ приступить къ изданію Россійской исторіи—для гостинаго ряда въ 10-ти томахъ. Подписка будетъ вскорѣ приниматься на Апраксиномъ дворѣ, въ мѣняльной лавочкѣ. Г. Всезнайкинъ предварительно хочетъ помѣстить въ «Московскомъ Телеграфѣ» или въ другомъ подобномъ журналѣ рецензію на Карамзина, чтобъ доказать ничтожество исторіи Карамзина и заохотить къ подпискѣ на россійскую исторію для гостинаго ряда. Въ сочиненіи сей исторіи участвуетъ Ксенофонтъ Ничтовичъ, извѣстный знатокъ халдейскаго языка, преподающій теорію романтизма въ заведеніи для умалишенныхъ». Грубая насмѣшка подъ занятіями Полеваго востокомъ, надъ его «Исторіей русскаго народа» и его званіемъ, слишкомъ прозрачный и безцеремонный отзывъ о Ксенофонтѣ Полевомъ—указываютъ на высшую степень раздраженія и полный, необузданный произволъ въ журналистикѣ [2]). И это былъ далеко не единственный случай... Въ томъ же 1829 году была помѣщена въ «Московскомъ Телеграфѣ» [3]) рецензія на альманахъ, издаваемый однимъ изъ мелкихъ современныхъ литераторовъ М. А. Бестужевымъ-Рюминымъ [4]) «Сѣверная

---

[1]) Дѣла цензурнаго комитета, 1827, № 19.

[2]) Дѣла цензурнаго комитета, 1829, № 125.

[3]) „М. Т.“ 1829, № 14, 218—220.

[4]) Этотъ же Бестужевъ издавалъ альманахъ: „Майскій листокъ“, „Сиріусъ“ и журналъ „Сѣверный Меркурій“. Онъ пописывалъ стихи, впрочемъ, неза-

Звѣзда». Рецензія была не безъ колкостей. Въ ней говорилось, что по поводу альманаха можно пародировать начало «Эмиля» Руссо: «Все прекрасно въ рукахъ писателя искуснаго, все плохо, попавшись въ когти писателю бездарному». «По праву береговому, кулачному или какому бы то ни было праву издатель «Сѣверной Звѣзды» навербовалъ себѣ довольно пьесъ весьма хорошихъ; но онъ обставилъ ихъ такъ дурно, что названіе сей книжки совсѣмъ не соотвѣтствуетъ ея достоинству, и «Сѣверная Звѣзда» едва-ли будетъ звѣздою незаходимою». Сомнѣнія въ достоинствахъ альманаха и указаніе на то, что въ немъ «слишкомъ изобильно балласту» и что лучшіе авторы какъ-будто скупятся и не охотно вступаютъ на поприще «Сѣверной Звѣзды», задѣли за живое самолюбіе издателя, написавшаго для того же Воейковскаго «Славянина» невозможную отвѣтную статью, оскорблявшую личность Полеваго. «Я сердечно радъ,—писалъ онъ,—если издатель «Московскаго Телеграфа» дѣйствительно убѣжденъ въ бездарности моей: это обстоятельство нѣкоторымъ образомъ льститъ моему самолюбію, ибо побуждаетъ думать, не имѣю ли я и въ самомъ дѣлѣ дарованій хорошаго писателя. Что же касается до упоминаемаго издателемъ «Московскаго Телеграфа» кулачнаго права, то, безъ сомнѣнія, каждый изъ читателей рецензіи увѣренъ, что слова сіи не должны ко мнѣ относиться, и что я въ семъ правѣ не имѣю ни теоретическихъ, ни практическихъ свѣдѣній. Но если бы вздумалось мнѣ измѣнить своимъ правиламъ, пренебречь своими обязанностями и забыть приличія свѣта, то-есть, если бы вздумалось мнѣ брать лекціи въ семъ правѣ, то, безъ сомнѣнія, я обратился бы въ томъ случаѣ къ издателю «Московскаго Телеграфа», какъ къ человѣку, вѣроятно, имѣющему и практическія свѣдѣнія въ семъ правѣ, если только онъ, купецъ второй гильдіи Полевой, при свойственномъ ему образѣ мыслей и понятій о чести (если издатель «Московскаго Телеграфа» не имѣетъ опредѣленнаго понятія о словѣ: честь, то онъ можетъ о семъ справиться въ словарѣ Академіи россійской, т. VI, стр. 1282), одаренъ необходимыми для сего и тѣлесными способностями». «Я молю Феба объ одномъ только»,—продолжаетъ Бестужевъ»,—не расхвалилъ бы издатель «Московскаго Телеграфа» въ послѣдствіи времени какую-нибудь изъ издаваемыхъ мною книгъ, ибо въ семъ случаѣ я самъ невольно долженъ буду полагать, что расхваленная имъ книга вѣрно не заслуживаетъ вниманія. Что же касается до личностей, обращаемыхъ на меня изд. «Московскаго Телеграфа, то я, изъ христіанской любви къ ближнему, вынужденъ наконецъ посовѣтовать ему быть на будущее время осторожнѣе. Онъ можетъ искать

мѣчательные, и умеръ молодымъ въ 1832 году. См. „Критико-біографическій словарь“ С. А. Венгерова, III, 207.

себѣ по плечу литераторовъ, равныхъ ему и въ свѣдѣніяхъ, и въ дарованіяхъ, и въ образѣ мыслей, и въ образѣ воспитанія, и въ знаніи вышеупомянутаго кулачнаго права. Всякій благомыслящій человѣкъ можетъ согласиться, что на личности за 727 [1]) верстъ отвѣчать невозможно, ибо подобныя наглости требуютъ отвѣта собственноручнаго, а не печатнаго».

Цензурный комитетъ запретилъ печатаніе приведеннаго отвѣта Бестужева, руководствуясь тѣмъ, что нельзя «оскорблять честь какого-либо лица непристойными выраженіями» [2]).

Но не допуская иногда въ печать злобные крики противниковъ Полеваго, цензурный комитетъ руководствовался исключительно своими оффиціальными правилами, нисколько, быть можетъ, не стараясь стать на сторону безпощадно гонимаго журналиста... Этотъ журналистъ не внушалъ особаго довѣрія: только къ началу 1829 года кончилось неблаговидное, съ тогдашней точки зрѣнія, дѣло о переводѣ на русскій языкъ сочиненія Вальтеръ-Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарта». Еще въ январѣ 1828 года было помѣщено въ «Московскомъ Телеграфѣ» письмо изъ Парижа, подписанное буквами Я. Т. [3]). Въ этомъ письмѣ, въ числѣ прочихъ новостей, сообщалось: «Исторія Наполеона», сочиненія Вальтера-Скотта, надѣлала много шуму; противъ нея кричали, писали, бранились»... «Мы читали,—свидѣтельствуетъ Ксенофонтъ Полевой,—разборы ея и кое-какіе отрывки изъ нихъ въ иностранныхъ журналахъ, даже переводили ихъ и печатали въ «Московскомъ Телеграфѣ», и съ понятнымъ любопытствомъ принялись читать ее вполнѣ» [4]). Въ тѣхъ же «воспоминаніяхъ» [5]) на десяти съ лишнимъ страницахъ изложены хлопоты, благодаря которымъ министръ А. С. Шишковъ дозволилъ цензору В. Г. Анастасевичу разсмотрѣть рукопись, содержащую переводъ перваго тома «Исторіи Наполеона», а этотъ послѣдній не нашелъ въ ней ничего подлежащаго запрещенію. Первый томъ былъ представленъ на разсмотрѣніе главнаго цензурнаго комитета, и дѣло разрѣшилось благополучно... Когда же былъ оконченъ переводъ втораго и третьяго томовъ, то рѣшено было, въ виду допущенія къ печати начала сочиненія, представить ихъ на разсмотрѣніе московскихъ цензоровъ, которые сурово отнеслись къ задуманному Полевыми предпріятію... Они забили въ набатъ, крича о запрещеніи книги,—и добились своего, ибо какъ

---

[1]) Статья писана въ С.-Петербургѣ.

[2]) Дѣла цензурнаго комитета, 1829, № 125.

[3]) Яковъ Николаевичъ Толстой, сотрудникъ „Московскаго Телеграфа“, доставлявшій свѣдѣнія о заграничной жизни и литературѣ. „Моск. Телегр.“ 1828, № 1. См. „Русск. Стар.“, 1899, № 9.

[4]) „Записки Кс. Полеваго“, 2 изд., 220.

[5]) Ibidem, 220—230.

разъ въ этотъ моментъ Шишкова смѣнилъ князь К. А. Ливенъ. Строгій новый министръ, узнавъ, что книга изъ числа запрещенныхъ, приказалъ: «во-первыхъ, потребовать отъ цензора Анастасевича объясненія противъ таковаго его поступка (одобренія книги); во-вторыхъ, снестись съ комитетомъ иностранной цензуры о мѣстахъ сочиненія, служившихъ поводомъ къ запрещенію онаго, и потомъ сличить оныя съ одобренною къ напечатанію рукописью; въ-третьихъ, розыскать, какимъ образомъ дошла до рукъ г. Полеваго книга, коея обращеніе въ Россіи воспрещено цензурою».

На грозное распоряженіе министра Анастасевичъ отвѣчалъ, что онъ одобрилъ къ напечатанію только ту часть сочиненія, которая ему казалась невинною, руководствуясь тѣмъ предложеніемъ министра народнаго просвѣщенія, гдѣ говорится, что цензура не имѣетъ никакихъ основательныхъ причинъ запрещать печатаніе «отрывковъ изъ книгъ запрещенныхъ или разсужденій объ оныхъ, переводимыхъ съ иностранныхъ журналовъ, въ Россіи пропущенныхъ, если въ нихъ ничего не заключается противнаго высочайше утвержденнымъ для руководства ея правиламъ; ибо небезъизвѣстно, что въ книгахъ, подвергшихся запрещенію, могутъ, однако, находиться статьи, вовсе запрещенію не подлежащія».

Въ бумагѣ, присланной изъ комитета иностранной цензуры, было сказано: «сочиненіе, о коемъ дѣло настоитъ, цензурою иностранною, на основаніи устава о цензурѣ 10-го іюня 1826 года, запрещено главнѣйше за разныя сужденія, неумѣренно благопріятствующія представительному правленію; за сильныя мѣста насчетъ раздѣла Польши; за предосудительныя выраженія о покойномъ государѣ Александрѣ I, при семъ случаѣ, и другихъ высокихъ особъ, также о царствованіи и кончинѣ Павла I-го, за опасныя разсужденія автора въ оправданіе революціи французской и за многія мысли, противныя духу самодержавнаго правленія». Нѣкоторыя, повидимому, вліятельныя лица пожелали имѣть это сочиненіе, на что̀ и послѣдовало высочайшее соизволеніе, «чтобы за выдачею 9-ти экземпляровъ поименованнымъ въ томъ отношеніи мѣстамъ и особамъ съ подписками онаго сочиненія другимъ не передавать, всѣ прочіе затѣмъ были высланы за границу по принятіи, вслѣдствіе заведеннаго порядка, надлежащихъ мѣръ осторожности».

Положеніе Полеваго было самое щекотливое... Нелюбимый властями и многими товарищами-журналистами, онъ не рѣшился признаться, что получилъ книгу «отъ одного изъ своихъ петербургскихъ корреспондентовъ [1]). «Имѣю честь объяснить,—доносилъ онъ въ московскій цензурный комитетъ,—что запрещеніе сей книги цензурою до нынѣ мнѣ

[1]) „Записки Кс. Полеваго“, 219.

было совершенно неизвѣстно. Экземпляръ французскаго перевода оной, подержанный и неполный, купленъ былъ мною, въ началѣ сего 1828 года, у неизвѣстнаго мнѣ человѣка, котораго нечаянно встрѣтилъ я на Тверскомъ бульварѣ, продающаго разныя старыя и новыя книги, и у котораго, вмѣстѣ съ другими русскими и иностранными книгами и эстампами, былъ и означенный экземпляръ; не находя любопытными другихъ книгъ, которыя продавалъ онъ, я купилъ у него только «Исторію Наполеона», 16 томовъ, парижскаго изданія in 12 (вмѣсто 18-ти, полный экземпляръ составляющихъ) и оные томы всѣ имѣю у себя». При этомъ Полевой просилъ позволить ему продолжать изданіе книги, «законнымъ порядкомъ цензурою одобренной»,—въ случаѣ же запрещенія «учинить удовлетвореніе за наносимый ему убытокъ». Цензору Анастасевичу, согласно его желанію, предоставлено было комитетомъ право, въ виду ходатайства Полеваго о вознагражденіи, «самому сдѣлаться съ издателемъ касательно удовлетворенія въ случаѣ запрещенія сей книги». Всѣ собранныя свѣдѣнія по дѣлу, всѣ справки и объясненія были представлены министру Ливену, «начальническому благоусмотрѣнію котораго предоставлялось окончательное рѣшеніе» [1]). Князь Ливенъ воспретилъ печатаніе перевода; Полевые же не рѣшились даже требовать вознагражденія, ибо «такое взысканіе,—по словамъ Кс. Алексѣевича,—пало бы на невиноватаго цензора». Такого вознагражденія нельзя было допустить, и они принуждены были только вздохнуть о трудѣ, совершенно потерянномъ, о неудовольствіяхъ и убыткахъ, имъ причиненныхъ ихъ предпріятіемъ [2]). Между тѣмъ, немного времени спустя «Жизнь Наполеона» появилась въ печати въ переводѣ де-Шаплета.

Видя, на какомъ счету находился Полевой у людей, власть имущихъ, враги его не дремали и становились болѣе и болѣе дерзкими. Доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что въ декабрѣ 1829 года была запрещена цензурнымъ комитетомъ статья, подъ заглавіемъ: «Извѣстіе объ издателѣ «Московскаго Телеграфа» [3]), въ которой говорилось, «будто бы у Полеваго повредилась мозговая оболочка и разлилась желчь по сердцу».

Между тѣмъ, курсъ Полеваго, какъ журналиста, все понижался и понижался. Въ 1830-мъ году князь Ливенъ неблагопріятно отзывался объ «образѣ мыслей его о высшемъ сословіи», а въ слѣдующемъ году

---

[1]) Дѣла цензурнаго комитета, 1828 г.

[2]) „Записки Кс. Полеваго", 230.

[3]) Она принадлежала къ журналу Олина: „Карманная книжка для любителей русской старины и словесности". Дѣла цензурнаго комитета, 1829 г., № 161.

возникло большое дѣло относительно одной изъ статей С. Руссова [1]), касающейся Полеваго; это дѣло бросало тѣнь на послѣдняго за его яко бы неумѣренныя либеральныя мысли.

Поводомъ къ появленію статей Руссова былъ разборъ «Исторіи Малой Россіи» Д. Н. Бантышъ-Каменскаго, помѣщенный въ №№ 17 и 18 «Московскаго Телеграфа» 1830 г. и, очевидно, писанный Полевымъ. Въ разборѣ, между прочимъ, были напечатаны слѣдующіе отрывки: «Идите отъ Москвы на югъ, и вы увидите, что, постепенно находя измѣненія, за Десною и Семью вы перешли къ народу, совершенно отличному отъ насъ, чистыхъ руссовъ. Языкъ, одежда, обликъ лица, бытъ, жилища, мнѣнія, повѣрья—совершенно не наши! Скажемъ болѣе: на насъ смотрятъ тамъ до нынѣ непріязненно. Имя: москвитянинъ (москаль) показываетъ отчужденіе наше отъ туземцевъ. Имя: казакъ, которымъ гордится туземецъ, говоритъ вамъ, что онъ не считаетъ васъ своимъ землякомъ. Это Малороссія». Далѣе высказывается слѣдующее мнѣніе о Малороссіи и казакахъ: «Пойдемъ далѣе, и скажемъ, что Малороссія, не сдѣлавшись до нынѣ Русью, никогда и не была частью древней Руси, точно такъ же, какъ Сибирь и Крымъ». Или: «Замѣтимъ одно: всѣ казаки были русскіе, но какіе русскіе? Они говорили русскимъ языкомъ и назывались христіанами: два характеристическія и единственныя отличія, въ коихъ заключалась самобытность древнихъ руссовъ, и которыя передали своимъ потомкамъ, убѣжавшіе отъ поганыхъ въ Лукоморье, переселенцы русскихъ областей. Только этимъ принадлежали они къ другимъ руссамъ, имѣя начало, образованіе, бытъ, понятіе о власти, преданія, поэзію свои, новыя и отдаленныя. Не будемъ смѣшивать ни идей, ни событій. Все сказанное нами показываетъ, что почитать казаковъ донскихъ частью древней Руси—не должно. Только языкъ и вѣра сближали ихъ съ Россіею, и, наконецъ, покорили Россіи». Нѣсколько далѣе читаемъ слѣдующія строки: «Но не должно обольщаться ложною мыслью, воображая себѣ предметы не тѣмъ, что они на самомъ дѣлѣ были. Ни швейцаровъ временъ Вильгельма Теля, ни малороссіянъ временъ Наливайки и Хмѣльницкаго, не должно представлять себѣ людьми похожими на жителей Парижа, которые, съ трехъ-цвѣтною кокардою на шляпахъ, брали Бастилію въ 1789-мъ и Лувръ—въ 1830 году, ни даже воинами Вашингтона, умиравшими за гражданскую свободу на Бюркенъ-Гильскомъ полѣ. Шиллеръ, заставивъ своего Макса Пикколомини, своего Позу говорить такъ, какъ говорили юные братья Тугендъ-Бундовъ Германскихъ XVIII-го вѣка, ошибся и обезобразилъ свои прекрасныя

[1]) С. Руссовъ занимался исторіей, былъ поклонникъ Карамзина и врагъ Полеваго. См. „Русск. Стар.“, 1892 г., № 4.

созданія. Только въ Вильгельмѣ Телѣ онъ понялъ, наконецъ, истину событій и поэзію сей истины. Тель, убившій Гейслера, провозгласившій свободу Швейцаріи и съ ужасомъ отступающій отъ Іоанна-цареубійцы—вотъ, гдѣ мы удивляемся поэту, и вотъ, что долженъ понять и историкъ Малороссіи, и поэтъ, который захотѣлъ бы изобразить казаковъ, ихъ Наливайко, ихъ Сагайдачнаго, ихъ Хмѣльницкаго. И не обезображивая истины, они найдутъ въ мѣстныхъ, народныхъ чертахъ—величайшее богатство; поэзія истинныхъ событій неистощима, и никогда ложные вымыслы не сравнятся съ нею!»

С. Руссовъ, совершенно расходясь во взглядахъ съ Полевымъ, оспаривалъ его мнѣнія, изложенныя въ цитированной статьѣ, и приводилъ выдержки изъ послѣдней. «Замѣчанія» Руссова вызвали недоумѣніе цензурнаго комитета. «Какъ антикритика», статья, по мнѣнію комитета, «изложена въ самомъ благопріятномъ духѣ»; но дозволить ее напечатать было затруднительно по слѣдующей причинѣ. «Г. Руссовъ, оспаривая мнѣнія «Московскаго Телеграфа», приводитъ подлинными словами многія мѣста изъ опровергаемой имъ статьи, и мѣста сіи, не столько сами по себѣ, но и вся означенная статья, по духу своему, можетъ имѣть вредное вліяніе на умъ читателей многихъ областей, съ XVII вѣка возвращенныхъ Россіи. Авторъ утверждаетъ, что малороссіяне, бѣлорусцы, казаки и прочіе—не русскіе! Видитъ въ нихъ какую-то особенную народность и мѣстность; называетъ Разина и Пугачева страшными, но тщетными усиліями казачьей свободы. Говоритъ о парижанахъ, подъ трехъ-цвѣтною кокардою бравшихъ, въ 1789 г. Бастилію и въ 1830—Лувръ; а тотчасъ послѣ сего о сѣверныхъ американскихъ штатахъ, сражавшихся за гражданскую свободу, какъ бы сравнивая первыхъ съ послѣдними»...

Послѣ долгаго засѣданія, посвященнаго разрѣшенію возникшаго мудренаго вопроса, комитетомъ постановлено было обратиться къ министру Ливену, отвѣтившему, что, «въ виду желанія Руссова опровергнуть мѣста, не согласныя съ правилами о цензурѣ», и «показать несправедливость оныхъ», «рукопись г. Руссова можетъ быть дозволена къ напечатанію» [1]).

Таково было положеніе Н. А. Полеваго, когда онъ задумалъ собрать всѣ статьи «Новаго Живописца Общества и Литературы», помѣщавшагося въ «Московскомъ Телеграфѣ», съ № 13-го 1829 г. по № 14-й 1831 г., и выпустить ихъ въ свѣтъ особымъ изданіемъ. «Новый Живописецъ» представлялъ собою рядъ сатирическихъ картинъ, выхваченныхъ изъ самой жизни. Эти картины въ драматической формѣ «давали

[1]) Дѣла цензурнаго комитета, 1831 г., № 39.

урокъ шутя», по выраженію ихъ издателя. Сцены изъ жизни вельможъ, чиновниковъ, купцовъ и т. д., указывали на темныя стороны этихъ сословій. «Не знаю, исполнилъ ли «Живописецъ» свое обѣщаніе передъ публикой?—писалъ Н. А. Полевой,—но изъ всѣхъ статей и статеекъ его замѣтно, что онъ не думалъ подражать Жуи и Аддиссону, дѣйствовалъ по-своему и хотѣлъ угождать людямъ добрымъ и благонамѣреннымъ, не страшась въ то же время ни порока, ни глупости. Онъ былъ довольно безстрашенъ, поражая зло и въ кабинетахъ вельможъ и въ гостиныхъ барскихъ; довольно разнообразенъ въ выборѣ предметовъ, говоря и о литературныхъ нелѣпостяхъ, и о томъ, что дѣлается въ свѣтскихъ обществахъ; довольно изобрѣтателенъ и въ изложеніи, употребляя всѣ формы отъ стихотворныхъ гремушекъ до слога приказныхъ. Маленькое желаніе философствовать оказывалось у него по временамъ, то въ мечтаніяхъ по Москвѣ, то совѣтахъ отъ отцовъ дѣтямъ. Наконецъ, практическое знаніе быта общественнаго и литературнаго замѣтно было въ описаніяхъ подъяческихъ уловокъ, пансіонскихъ спекуляцій, и проч. и проч. Вообще «Живописецъ» можно, кажется, помянуть добромъ, ибо онъ желалъ добра [1]).

Но Живописецъ причинилъ Полевому, повидимому, много непріятностей. Хотя Живописецъ и обѣщалъ «не касаться личности, не сказывать именъ, не говорить ничего такого, по чему можно бы было узнать подлинники его портретовъ» [2]), однако «то г-нъ А хмурился, то г-нъ Б бранился, то г-нъ NN кричалъ, что Живописецъ пишетъ пасквили.

Литературное его зеркало заставило даже самыхъ знаменитыхъ литераторовъ торжественно и печатно отпираться отъ сходства, и увѣрять, что образчики стихотворной галиматьи «Живописца» нисколько не походятъ на ихъ галиматью [3]). Такъ «Утро въ кабинетѣ знатнаго барина» («М. Т.» 1830 г., № 10) вызвано, на нашъ взглядъ, двумя фактами: стихотвореніемъ А. С. Пушкина «Къ вельможѣ» (1830, князю Н. Б. Юсупову) [4]) и дѣйствіями московскаго магната (см. «Зап. Кс. Полеваго», 310).

Князь Д. В. Голицынъ, которому жаловался принявшій на свой счетъ упомянутую сцену вельможа, сказалъ тогда Н. А. Полевому: «Надобно избѣгать такого соблазна. Знатныхъ вельможъ въ Москвѣ всего двое—трое; и если вы напишете что-нибудь оскорбительное о знатныхъ московскихъ вельможахъ, то кто-нибудь изъ насъ долженъ

---

[1]) „Новый Живоп. Общ. и Литер.“, 1832 г., I, XXV.
[2]) „Новый Живоп.“, I, XVIII.
[3]) „Новый Живописецъ“ I, XXVI.
[4]) А. Скабичевскій, „Очерки по исторіи цензуры“, 237.

принять это на свой счетъ». Кромѣ того, въ 1832 году главное управленіе цензуры признало, что статью подъ названіемъ: «Утро въ кабинетѣ знатнаго барина» не слѣдуетъ вторично дозволять печатать, такъ какъ она легко можетъ быть примѣнена къ извѣстному лицу, что̀ и дѣйствительно случилось при первомъ изданіи ея въ Москвѣ [1]).

Пушкина же касается слѣдующій отрывокъ, изображающій бесѣду разнѣжившагося сибарита-сластолюбца съ своимъ подчиненнымъ. Вельможѣ подаютъ стихи поэта.

Князь. Какъ! стихи мнѣ? А! это того стихотворца... Что онъ вретъ тамъ?

Подлецовъ. Да, что-то много. Стихотворецъ хвалитъ васъ; говоритъ, что вы мудрецъ: умѣете наслаждаться жизнью, покровительствуете искусствамъ, ѣздили въ какую-то землю только за тѣмъ, чтобы взглянуть на хорошенькихъ женщинъ; что вы пили кофе съ Вольтеромъ и играли въ шашки съ какимъ-то Бомарше...

Князь. Нѣтъ! такъ онъ не даромъ у меня обѣдалъ (беретъ листокъ). Какъ жаль, что по-русски (читаетъ). Не дурно, но что-то много, скучно читать. Вели перевесть это по-французски и переписать экземпляровъ пять, я пошлю кое къ кому, а стихотворцу скажи, что по четвергамъ я приглашаю его всегда обѣдать у себя. Только не слишкомъ вѣжливо обходись съ нимъ; вѣдь, эти люди забывчивы; ихъ надобно держать въ черномъ тѣлѣ [2]).

Такой сатирическій сборникъ, какъ «Новый Живописецъ», не могъ понравиться С. С. Уварову, хотя и отличался многими незаурядными достоинствами.

Между тѣмъ Полевой хотѣлъ поднести его императору Николаю Павловичу.

30-го апрѣля 1832 года Бенкендорфъ послалъ отношеніе къ министру народнаго просвѣщенія князю Ливену, прилагая экземпляръ книги «Новый Живописецъ» для поднесенія государю. Министръ переслалъ книгу на разсмотрѣніе Сергѣю Семеновичу Уварову, который 6-го мая далъ слѣдующій о ней отзывъ:

«Во исполненіе желанія вашей свѣтлости, въ отношеніи вашемъ ко мнѣ отъ 2-го сего мая изъясненнаго, разсматривалъ я книгу подъ заглавіемъ: «Новый Живописецъ», при семъ къ вамъ обращаемую. Я нахожу, что она составлена преимущественно изъ статей, помѣщаемыхъ въ журналѣ: «Московскій Телеграфъ». Я не знаю, будетъ ли сіе перепечатанное изданіе имѣть благотворное вліяніе на нравы общіе, но полагаю, что оно никакой пользы ни языку, ни словесности принести

---

[1]) Дѣла цензурнаго комитета, 1832 г., № 37

[2]) „М. Т.“, 1830 г., № 10, „Новый Живописецъ“, т. 33, 171.

не можетъ. Вообще сію книгу нельзя почитать за сочиненіе новое, а болѣе за спекуляцію книгопродавца; а такъ какъ, по моему мнѣнію, представленіе книги его императорскому величеству должно уважено быть наравнѣ съ высшей наградой для каждаго писателя, а къ сему должно служить поводомъ или важность предмета, или особенное достоинство сочиненія, или имя сочинителя, то я съ моей стороны думаю, что книга «Новый Живописецъ» не имѣетъ никакого права на высочайшее воззрѣніе».

«Вслѣдствіе такого отзыва»,—писалъ князь Ливенъ Бенкендорфу,—я не могу представить сію книгу государю императору, и потому, препровождаю оную къ вамъ, милостивый государь, обратно» [1]).

Въ серединѣ 1832 года Полевой рѣшилъ принять участникомъ по редакціи «Московскаго Телеграфа» брата своего Ксенофонта Алексѣевича. Московскій цензурный комитетъ 14-го іюля 1832 г. донесъ главному управленію цензуры: «Издатель «Московскаго Телеграфа», купецъ Николай Алексѣевъ Полевой, подалъ въ комитетъ прошеніе, въ коемъ прописываетъ, что, предполагая продолжать изданіе «Московскаго Телеграфа» и въ будущемъ 1833 году, безъ всякой въ планѣ онаго перемѣны, имѣетъ онъ, г. Полевой, желаніе съ начала будущаго 1833 года, принять въ участіе по редакціи журнала брата своего роднаго Ксенофонта Алексѣева Полеваго, московскаго 2-й гильдіи купеческаго брата съ полною во всѣхъ отношеніяхъ обязанностію наравнѣ съ нимъ, Николаемъ Полевымъ, такъ, чтобы въ объявленіяхъ публикѣ и въ заглавіи «Телеграфъ» могъ уже означаться: «издаваемый Николаемъ и Ксенофонтомъ Полевыми; а въ случаѣ смерти его, Николая Полеваго, переходилъ бы вполнѣ въ управленіе и собственность означеннаго брата Ксенофонта».

На представленіе комитета послѣдовало предложеніе помощнику попечителя московскаго учебнаго округа, гдѣ говорилось, что о всякомъ новомъ издателѣ журнала цензурные комитеты обязаны представить обстоятельныя свѣдѣнія о способности издателя выполнять принимаемую имъ на себя обязанность; также и о нравственной благонадежности его къ тому.

Помощникъ попечителя сталъ собирать свѣдѣнія о Кс. Полевомъ. Свѣдѣнія доставили городской голова и полиціймейстеръ. Первый извѣщалъ, что «по наведеніи нужныхъ справокъ, оказалось: упомянутый Полевой ни въ какихъ предосудительныхъ для нравственности поступкахъ не замѣченъ». По донесенію втораго,—Полевой замѣченъ въ весьма хорошемъ поведеніи, кротости и трезвости». Эти отзывы и были препровождены начальству. Но отвѣтъ помощника попечителя (Д. П. Го-

[1]) Арх. мин. нар. просв., дѣла канцеляріи министра № 754 (127, 793).

хвастова) былъ найденъ въ Петербургѣ неудовлетворительнымъ. За первымъ запросомъ былъ сдѣланъ второй, такъ какъ «сверхъ удостовѣреній въ отношеніи образа жизни и нравственной благонадежности ищущихъ позволенія издавать журналъ, потребны доказательства способности ихъ издавать повременное сочиненіе».

Тогда московскій цензурный комитетъ увѣдомилъ главное управленіе цензуры о правоспособности Ксеноф. Алексѣевича Полеваго. «Московскій цензурный комитетъ,—читаемъ въ бумагахъ архива,—имѣетъ честь донести, что оный, по разсмотрѣніи представленныхъ г. цензоромъ Цвѣтаевымъ документовъ, свидѣтельствующихъ о занимательности многихъ статей, помѣщаемыхъ Кс. Полевымъ въ журналѣ «Телеграфъ», издаваемомъ братомъ Николаемъ Полевымъ, нашелъ, что статьи сіи доказываютъ способность его, Ксенофонта Полеваго, къ изданію повременнаго сочиненія».

По представленіи всѣхъ требуемыхъ главнымъ управленіемъ данныхъ, дѣло о принятіи въ редакторы Ксенофонта Полеваго, тянувшееся съ 25 іюля 1832 г., окончилось благодаря слѣдующей резолюціи С. С. Уварова, отъ 13-го ноября 1833 года:

«Разсматривавъ за симъ отложенныя до сего времени прошенія разныхъ лицъ относительно изданія журналовъ, главное управленіе цензуры признало невозможнымъ согласиться на принятіе издателемъ «Московскаго Телеграфа» Николаемъ Полевымъ въ участіе по изданію сего журнала брата своего Ксенофонта Полеваго, потому что первоначально дозволеніе на сіе повременное сочиненіе дано было одному Николаю Полевому, на коемъ одномъ должна и впредь оставаться отвѣтственность за редакцію сего журнала» [1]).

Появившаяся за время теченія дѣла въ № 9 «Моск. Телеграфа» 1832 года статья о сочиненіи В. Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарта», а также и назначеніе министромъ народнаго просвѣщенія С. С. Уварова могли косвенно вліять на печальный результатъ ходатайствъ Н. А. Полеваго. Третьяго апрѣля 1834 года послѣдовало высочайшее повелѣніе прекратить изданіе «Московскаго Телеграфа»: статья о драмѣ Кукольника и обвинительный актъ новаго министра послужили тому причиной. На Полеваго начали смотрѣть, какъ на неблагонамѣреннаго человѣка. Высшее начальство стало къ нему прямо во враждебныя отношенія. И вотъ въ это-то время появилось въ «Библіотекѣ для чтенія», въ отдѣлѣ «Литературная лѣтопись», слѣдующее объявленіе отъ редакціи» [2]): «Н. А. Полевой, препровождая въ «Библіотеку для чтенія» статью, напечатанную въ нынѣшней книжкѣ, пишетъ къ намъ обширно

---

[1]) Архивъ мин. нар. просв.. Дѣло № 537 (147, 196).

[2]) „Библіотека для чтенія“ 1837 г., кн. 4, „Лит. лѣтопись“.

о своихъ литературныхъ занятіяхъ, и мы не можемъ не удѣлить любопытству публики нѣкоторыхъ мѣстъ изъ его письма. «Я продолжаю неусыпно труды свои; не знаю однако же, успѣю ли въ нынѣшнемъ году издать осьмой томъ моей «Исторіи русскаго народа», хотя пятый совсѣмъ уже отпечатанъ, шестой печатается, седьмой приготовленъ къ печати. Чѣмъ далѣе иду по пути исторіи отечественной, тѣмъ безмѣрнѣе является мнѣ поприще ея. Я давно извѣстилъ публику, и вы конечно читали мое объявленіе, что, вмѣсто 12 обширныхъ томовъ, трудъ мой уже распространился на четырнадцать томовъ, а между тѣмъ, благодаря содѣйствію многихъ почтенныхъ любителей русской исторіи. объемъ матеріаловъ у меня безпрерывно увеличивается... Статья, нынѣ посылаемая мною для «Библіотеки для чтенія» о принятіи Михаиломъ царскаго престола и коронованіи его въ Москвѣ,—есть отрывокъ изъ VIII тома «Исторіи русскаго народа», и томъ этотъ начинается съ освобожденія Москвы Мининымъ и Пожарскимъ, и заключается 1645 годомъ, кончиною царя Михаила Ѳеодоровича. Здѣсь началось для меня поприще, еще никѣмъ донынѣ не обработанное. Донынѣ не имѣли мы ни одного описанія событій послѣ 1611 года, гдѣ остановился Карамзинъ. Событія съ 1611 до 1645 года занимаютъ въ «Дополненіяхъ» Голикова 221 страницу; въ сочиненіи В. Н Берха 263 страницы; въ исторіи С. Н. Глинки 108 страницъ. Самый объемъ ихъ твореній показываетъ, что все это краткія повѣствованія, а другихъ, кромѣ сихъ трехъ, исключая учебныя книги, у насъ вовсе нѣтъ... Счастливымъ себя почту, если Провидѣніе позволитъ мнѣ издать *первый опытъ полной* исторіи благословеннаго дома Романовыхъ, и если изъ приложеннаго здѣсь отрывка читатели ваши заключатъ, что трудъ мой не совсѣмъ лишенъ достоинствъ историческаго повѣствованія».

Обѣщаніе новыхъ сочиненій со стороны Н. А. Полеваго внушало опасенія министерству, откуда отъ имени министра тотчасъ послано было слѣдующее предписаніе московскому цензурному комитету:

«Усмотрѣвъ изъ четвертой книжки журнала «Библіотека для чтенія» извѣстіе объ издаваемыхъ г. Полевымъ новыхъ сочиненіяхъ своихъ, считаю нужнымъ предложить московскому цензурному комитету поставить цензору, который будетъ разсматривать вышеозначенныя книги, въ обязанность обращать особенное вниманіе на оныя» [1]).

Немного спустя послѣ вышеупомянутыхъ происшествій возникло новое дѣло Полеваго съ цензурой. Еще во второмъ номерѣ «М. Телеграфа» за 1834 годъ было напечатано извѣщеніе о скоромъ выходѣ въ свѣтъ перваго тома «Русской Вивліоѳики». «Нѣкоторые изъ почтенныхъ подписчиковъ «Телеграфа»—напечатано въ извѣщеніи,—спраши-

[1]) Архивъ мин. нар. просв., № 798 (№ 147, 636).

вали издателя: когда выйдетъ первый томъ Русской Вивліоѳики, слѣдующій къ «Телеграфу» 1833 года? Издатель можетъ повторить только то, что сей томъ печатается; около 20-ти листовъ его напечатано, остальные кончатся въ непродолжительномъ времени (всего будетъ 28-ми листовъ), содержаніе сего тома, полагаемъ, будетъ довольно любопытно и разнообразно». Слѣдуетъ перечень документовъ, долженствующихъ войти въ него. «Второй томъ «Вивліоѳики», который будетъ (также безъ всякой особенной платы) разосланъ г-мъ подписчикамъ на «Телеграфъ» 1834 г., заключитъ въ себѣ нѣсколько замѣчательныхъ драгоцѣнностей. Но дабы разнообразить содержаніе его противъ перваго, въ немъ не будутъ печатаны грамоты и акты: онъ составится изъ разныхъ особенныхъ статей, до нынѣ вовсе не извѣстныхъ русской публикѣ, или находящихся въ рукописи у немногихъ». Въ числѣ древнихъ памятниковъ упоминается: «Путешествіе Даніила Поломника», «Житіе св. Бориса и Глѣба», «Путешествіе Никона митрополита за мощами св. Филиппа въ Соловецкій монастырь», «Описаніе событій въ Россіи, составленное гетманомъ Жолкевскимъ», «Дневникъ Сапѣги (sic)», переводъ книги «The Russian Imposter» и др. Въ заключеніе говорится: «каждый томъ Вивліоѳики будетъ продаваться и отдѣльно отъ «Телеграфа», по самый умѣренной цѣнѣ, ибо цѣль издателя «Телеграфа» при составленіи «Вивліоѳики» состоитъ только въ томъ, чтобы доставить всѣмъ любителямъ древностей отечественныхъ средство имѣть въ рукахъ рѣдкіе и любопытные памятники отечественной старины, оставшіеся донынѣ неизвѣстными, изъ числа коихъ нѣкоторые и совершенно могли погибнуть, сохраняясь въ немногихъ ветхихъ спискахъ, по архивамъ и въ частныхъ рукахъ» [1]).

Къ маю мѣсяцу намѣреніе Полеваго осуществилось: «Вивліоѳика» была отпечатана. Это былъ небольшой томъ, носящій заглавіе «Русская Вивліоѳика», или собраніе матерьяловъ для отечественной исторіи, географіи, статистики и древней русской литературы». Здѣсь были помѣщены: Дѣла изъ Албазинскаго архива: грамоты, собранныя въ Курскѣ, грамоты Грознаго, царя Михаила, самозванца, Петра Великаго, грамоты Литовскія, выписки изъ Варшавскаго короннаго архива, грамоты и наказы Сахаровскіе, письмо Суворова и т. д.

Въ «пояснительныхъ замѣчаніяхъ издателя» Полевой толковалъ о цѣли изданія. «Цѣль сего изданія: сохранять отъ погибели древніе и старинные письменные памятники, касающіеся русской исторіи, географіи, статистики, археографіи и литературы; доставлять любителямъ русской исторіи и старины средство печатать и дѣлать извѣстными современникамъ и потомству хранящіеся у разныхъ особъ и въ разныхъ

[1]) „М. Т.“ 1834, № 2, 339—341.

мѣстахъ памятники, могущіе погибнуть и потеряться». «Цѣлью изданія не былъ выборъ замѣчательнѣйшихъ и важнѣйшихъ актовъ, подобныхъ тѣмъ, какіе находятся въ собраніи государ. грамотъ, а все, что только касается старины, предположилъ издатель печатать для того, дабы симъ побудить почтенныхъ соотечественниковъ къ присылкѣ матеріаловъ. При томъ—читаемъ далѣе—для историка все любопытно, а для любящаго свое отечество все драгоцѣнно» [1]). «Русскую Вивліоѳику» предполагалось выдать при «М. Телеграфѣ» безденежно, какъ уже указано выше, а отдѣльной продажей Полевой хотѣлъ только «выручить издержки на бумагу и на печатаніе оной».

Но запрещеніе въ апрѣлѣ «Телеграфа», приложеніемъ къ которому считался этотъ сборникъ, бросило тѣнь и на послѣдній. Изданіе невинныхъ грамотъ и актовъ смутило нѣсколько цензора И. М. Снегирева и онъ донесъ комитету, «что такъ какъ изданіе «М. Телеграфа» по высочайшему повелѣнію запрещено—то онъ, затрудняясь пропустить продолженіе издаваемой при оном журналѣ Древней Вивліоѳики, содержащей въ себѣ древнія грамоты и документы, представляя листъ сего изданія, проситъ комитетъ разрѣшить его въ семъ случаѣ». Московскій цензурный комитетъ, имѣя въ виду съ одной стороны, что сочиненіе, подъ заглавіемъ: Древняя Вивліоѳика (какъ выражается самъ авторъ онаго на стр. 339 и 340 № 2-го «Телеграфа» за сей 1834 годъ) будетъ издаваться при «Телеграфѣ» и гг. подписчикамъ на «Телеграфъ» сего 1834 года будетъ разослано безъ всякой особенной платы, слѣдовательно, оно составляетъ часть «Телеграфа», а посему съ запрещеніемъ «Телеграфа» надлежало бы остановить и цензурованіе «Древней Вивліоѳики», какъ части цѣлаго, уже запрещеннаго сочиненія; но поелику съ другой стороны «Древняя Вивліоѳика», по словамъ издателя (на стр. 341 журнала «Телеграфъ» № 2, 1834 г.), будетъ продаваться и отдѣльно отъ «Телеграфа» и дѣйствительно можетъ составить отдѣльное сочиненіе, заключающее въ себѣ любопытные памятники отечественной старины—посему Московскій цензурный комитетъ сіе обстоятельство, касательно выпуска въ свѣтъ вышеупомянутаго сочиненія «Древняя Вивліоѳика», на основаніи предписанія господина министра народнаго просвѣщенія отъ 22-го марта 1833 года, за № 91, честь имѣетъ представить на благоусмотрѣніе главнаго управленія цензуры, испрашивая по оному разрѣшенія».

Но невинность содержанія древнихъ памятниковъ побѣдила даже непріязнь Уварова, рѣшившаго, что изданіе Древней Вивліоѳики можетъ быть позволено г. Полевому въ видѣ періодическаго изданія; но въ формѣ сочиненія отдѣльнаго, книга сія, подлежа общимъ узаконеніямъ, требуетъ соблюденія цензурныхъ правилъ и вмѣстѣ съ

[1]) „Рус. Вивліоѳика“, поясним. замѣт., 408, 413.

тѣмъ особой осмотрительности со стороны цензора [1]).

Уваровъ, тотчасъ по запрещеніи «М. Телеграфа» предписавшій цензурнымъ комитетамъ не пропускать безъ тщательнаго разсмотрѣнія ничего, написаннаго Полевымъ, воспрепятствовалъ въ іюлѣ 1835 года появиться въ свѣтъ съ именемъ Николая Алексѣевича иллюстрированному изданію, подъ заглавіемъ «Живописное Обозрѣніе». То же самое повторилось, когда, два года спустя, Полевой сдѣлался негласнымъ редакторомъ «Сѣверной Пчелы» и «Сына Отечества». «Уваровъ объявилъ мнѣ явное гоненіе—писалъ Н. А. своему брату изъ Петербурга отъ 5-го ноября 1837 г.,—не принялъ меня, сказалъ, что не позволитъ объявлять имени моего въ журналѣ, какъ сотрудника, не позволитъ даже мнѣ подписывать имени подъ статьями» [2]). «Уваровъ и еще кое-кто»—читаемъ въ другомъ письмѣ отъ 1-го января 1838 г.,—торжествовали, когда полученъ былъ отказъ изъ Москвы (отъ графа Бенкендорфа, котораго Полевой просилъ объ объявленіи его редакторомъ). Если вѣрить Булгарину порядочному лжецу, Уваровъ сказалъ ему: «Вы не знаете Полеваго: если онъ напишетъ «Отче Нашъ», то и это будетъ возмутительно» [3]). Пожалованный Императоромъ Николаемъ (вскорѣ послѣ описанныхъ событій) бриллiантовый перстень за «Дѣдушку Русскаго Флота» и благосклонный отзывъ о «Гамлетѣ», повидимому, нѣсколько охладили вражду Уварова къ Полевому. «Скажу еще, мой милый,—писалъ Н. А. брату,—что послѣднія событія помирили со мной Уварова. Онъ обласкалъ меня, объявилъ другомъ, любимымъ писателемъ своимъ [4]).

Но это расположеніе министра къ опальному писателю было очень кратковременно. Извѣстно, что графъ Бенкендорфъ, въ противоположность Уварову, относился къ Полевому довольно дружелюбно. Онъ отстаивалъ его во время роковаго объясненія съ Уваровымъ по поводу драмы Кукольника, передавалъ ему благоволенія императора Николая, вручалъ высочайше пожалованные перстни и испрашивалъ пособія [5]). И вотъ 13-го сентября 1840 г., графъ обратился къ Уварову со слѣдующимъ письмомъ:

«Литераторъ Николай Полевой, изъявивъ мнѣ желаніе читать публично лекціи о россійской словесности, просилъ исходатайствовать ему на сіе дозволеніе. Предоставивъ г. Полевому обратиться по сему предмету по принадлежности къ вашему высокопревосходительству, покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, прежде чѣмъ изволите

[1]) Архивъ м. н. пр. № 821 (147, 659).
[2]) „Записки Кс. Пол.“, стр. 389.
[3]) „Записки Кс. Полеваго“, 401.
[4]) „Записки, 451“.
[5]) „Записки Кс. Полеваго“, 341, 360, 446, 510.

дать г. Полевому по просьбѣ его какое-либо разрѣшеніе, почтить меня на счетъ оной словеснымъ объясненіемъ».

Отвѣтъ министра былъ уклончивъ и неблагопріятенъ для Полеваго:

«Вслѣдствіе отношенія вашего сіятельства отъ 13-го прошлаго сентября № 4620, по просьбѣ литератора Николая Полеваго, о дозволеніи ему читать публичныя лекціи о россійской словесности, я считаю долгомъ предварительно увѣдомить васъ, милостивый государь, что г. Полевой извѣстенъ по изданію въ прошедшемъ десятилѣтіи журнала «Телеграфъ», на неблагонамѣренное направленіе коего обращено было особое вниманіе и дальнѣйшее изданіе котораго, вслѣдствіе высочайшаго соизволенія, было прекращено.

«Изъ сего, ваше сіятельство, изволите усмотрѣть, что едва-ли удобно дозволить нынѣ г. Полевому чтеніе публичныхъ лекцій, и въ особенности лекцій о русской словесности, долженствующихъ привлечь значительное число слушателей, безъ полнаго убѣжденія въ совершенной благонадежности его образа мыслей. Впрочемъ, если ваше сіятельство имѣете положительныя свѣдѣнія, что г. Полевой перемѣнилъ прежнее свое направленіе и въ хорошемъ образѣ мыслей его нельзя болѣе сомнѣваться, то, на основаніи вашего мнѣнія, можно бы было дозволить ему безпрепятственно просимое чтеніе лекцій».

Не увѣренный въ исчезновеніи либерализма Полеваго, графъ Бенкендорфъ не рѣшился поручиться за Полеваго и принялъ сторону Уварова. Онъ писалъ ему:

«На отношеніе вашего высокопревосходительства отъ 15-го сего ноября № 1286 [1]), имѣю честь отвѣтствовать вамъ, милостивый государь, что, по изложеннымъ въ оном причинамъ, и я согласно съ вашимъ мнѣніемъ полагаю, что литератору Полевому не удобно дозволить читать публичныя лекціи о россійской словесности» [2]).

Въ такихъ условіяхъ общественной жизни протекла литературная дѣятельность Полеваго. Почти каждое благое предпріятіе неудачника-журналиста встрѣчало если не рѣшительный отпоръ, то хотя косвенное противодѣйствіе со стороны иногда черезчуръ строгихъ и не въ мѣру ретивыхъ представленій цензурной власти, а злоба враговъ, торжествовавшихъ побѣду и радовавшихся малѣйшей неудачѣ, проявлялась въ рѣзкой и непристойной формѣ. Все чаще и чаще слышались горькія ноты, какъ въ письмахъ Полеваго за послѣдніе годы, такъ и въ его дневникѣ, и тяжело читать эти жалобныя строки, вылившіеся изъ-подъ пера нравственно и физически изнуреннаго человѣка.

Н. К. Козминъ.

---

[1]) Отвѣтъ С. С. Уварова помѣченъ 15-мъ ноября, письмо же Бенкендорфа относится къ 20-му того же мѣсяца.

[2]) Архивъ м. н. пр., канц. министра, дѣло № 90 (128–609).

Листки изъ дневника Маріи Карловны Мердеръ [1]).

I.

7-го октября, 1834 г. Воскресенье.

Послѣ обѣда великая княжна Ольга Николаевна играла въ шахматы съ княгиней Ливенъ. Великій князь Константинъ Николаевичъ подошелъ къ играющимъ и внимательно слѣдилъ за ходами.

— Знаете ли вы игру?—спросили его.

— Немного,—достаточно для того, чтобы понять, кто выигрываетъ.

— Которому же изъ играющихъ вы болѣе сочувствуете?

— Лѣвому.

— Слѣдовательно, княгинѣ? но почему же?

— Потому, что, современемъ, я буду солдатомъ и предпочитаю правой сторонѣ лѣвую—на ней будетъ мое оружіе...

II.

22-го августа, 1835 г. Четвергъ.

Къ 9-ти часамъ утра я, въ числѣ первыхъ, явилась на половину великой княжны Маріи Николаевны. Собрались: великій князь Александръ

---

[1]) Марія Карловна Мердеръ (родилась въ 1815 г., скончалась въ 1870 г.) была дочь генералъ-адъютанта Мердера, воспитателя въ Бозѣ почившаго императора Александра II, и фрейлина императрицы Александры Ѳеодоровны. Нѣтъ сомнѣнія, что Марія Карловна вела дневникъ, но къ сожалѣнію отъ него сохранились только разрозненные листки, писанные на французскомъ языкѣ и помѣщаемые нынѣ въ переводѣ на страницахъ „Русской Старины“. Въ чьемъ распоряженіи находится полный дневникъ Маріи Карловны, намъ не извѣстно. Ред.

Николаевичъ, его свита, баронессы Наталія и Ольга Фредериксъ и князь Голицынъ. Двинулись къ Дудергофу.

Экспедиція была задумана ея высочествомъ съ вечера. Спросили мнѣнія князя Голицына; онъ отвѣчалъ:

— Государыня, первѣйшій долгъ мой вамъ угождать. Если г-жа Баранова ничего не имѣетъ противъ, то сегодня же будутъ заказаны лошади.

Когда г-жа Баранова изъявила согласіе, великая княжна воскликнула:

— Наконецъ-то!.. Удачно! и, обращаясь въ нашу сторону, прибавила: похоже на чудо!

Ея высочество пожелала взять меня въ свой экипажъ, но г-жа Баранова объяснила, что надо удовольствоваться обществомъ сестрицы и воспитательницы.

Великая княжна съ живостью повернула личико въ мою сторону и, сдѣлавъ гримаску, проговорила:

— Чувствуется приближеніе грозы.

— Пусть не заботитъ васъ бѣлое облачно— оно разойдется,—отвѣчала я.

— Да я объ немъ ни мало не забочусь и помню пословицу: волка бояться—въ лѣсъ не ходить.

Никогда, кажется, пословица не была болѣе кстати. Съ трудомъ удалось мнѣ удержаться отъ смѣха.

Судьбѣ угодно было отвести мнѣ мѣсто въ одномъ экипажѣ съ княземъ Голицынымъ. Жаловаться на это не пришлось—онъ былъ очаровательно любезенъ. Сначала князь счелъ нужнымъ сказать нѣсколько комплиментовъ по поводу моего туалета; затѣмъ темы стали быстро смѣнять одна другую.

Между прочимъ я услышала отъ него слѣдующій разсказъ объ Екатеринѣ II.

Императрица не особенно жаловала женскую прислугу. Гардеробомъ ея завѣдывалъ италіанецъ. Однажды новое платье ея величеству пришлось чрезвычайно по вкусу. Отходя ко сну, императрица высказала пожеланіе быть всегда одѣтой подобнымъ же образомъ. Гардеробмейстеръ, надѣясь угодить, немедленно распорядился заказать двѣнадцать совершенно такихъ же платьевъ. Когда императрицѣ въ шестой разъ поднесли вполнѣ тождественную робу, она съ удивленіемъ спросила, что бы это значило? Узнавъ, что сама была невольною причиною увлеченія управляющаго гардеробомъ, государыня добродушно разсмѣялась, сказавъ: «пусть же думаютъ, что такова моя фантазія, ибо нельзя же бросить на вѣтеръ деньги, потребныя на замѣну изготовленныхъ для меня туалетовъ».

По пріѣздѣ въ Дудергофъ, мы оправили наши костюмы, умылись, перемѣнили обувь и пустились карабкаться на гору.

Многіе изъ обывателей, узнавъ о пріѣздѣ ихъ императорскихъ высочествъ, не пожелали упустить случая на нихъ полюбоваться. Великую княжну Марію Николаевну, въ первую минуту, это не мало обезпокоило, но продолжительность нашей прогулки избавила насъ отъ преслѣдователей.

Въ теченіе четырехъ часовъ обѣгали мы всѣ окрестныя тропинки, мѣстами прокладывая себѣ новыя. Погода стояла великолѣпная; тепло, чудно—въ полномъ смыслѣ слова.—Всѣ мы были въ однихъ кисейныхъ платьяхъ.

Великая княжна дѣлала наблюденія надъ перемѣнами, происшедшими въ растительности за послѣдніе дни. Особенно любовались орѣшникомъ. Великій князь для каждой изъ насъ сорвалъ по вѣткѣ лещины, которыя мы прикрѣпили къ поясамъ, разукрасившись совсѣмъ по-бальному.

Ея высочество попросила меня нарвать ей букетъ полевыхъ цвѣтовъ. Когда цвѣты оказались въ ея рукѣ, она быстро выхватила маргаритку и загадала! Обрывая послѣдній листокъ, великая княжна запрыгала, заплясала, захлопала въ ладоши, подпѣвая: «прекрасно, превосходно! Такъ будемъ тверды!..»

— Какъ! ваше высочество вѣрите гаданью?

— Да,—отвѣчала она, улыбаясь,—въ головѣ моей рядомъ уживается многое! Все въ ней въ перемежку—совершенно такъ же, какъ и въ вашей: смѣхъ и слезы, благоразуміе и сумасбродство; сильныя увлеченія и мелочность; доброта и желаніе посмѣяться надъ ближнимъ, а при первомъ случаѣ, быть можетъ, даже героизмъ. Вѣдь вы также частенько щиплете лепестки цвѣтовъ? Если вы не придаете сему значенія, то зачѣмъ же этимъ занимаетесь сами?

— Государыня—я другое дѣло!

— Отчего же? Полагаю, что у васъ не меньше сердца, чѣмъ у меня. Когда человѣкъ дремлетъ—естественно ждать ежеминутно его пробужденія. Вотъ что твержу я себѣ въ утѣшеніе, не замѣчая, чтобы вы кого-либо любили. Въ душѣ вашей много поэзіи—а въ этихъ случаяхъ любятъ!

— Съ какихъ это поръ ваше высочество стали считать себя ничтожествомъ? Полагаю, имѣются основанія къ тому, чтобы вы были убѣждены въ противномъ.

— Моя красавица—вы становитесь льстецомъ. Деревенскій воздухъ производитъ на васъ дѣйствіе, противное тому, которое испытываютъ обыкновенно другіе. Но убѣдительно прошу:—не стѣсняйтесь! Вы рѣдко высказываетесь, но теперь у меня зарождается надежда имѣть

въ этомъ году искренняго друга. Не случись этого—мнѣ, кажется, угрожала бы опасность видѣть въ васъ лишь льстеца.

Не знаю почему въ словахъ моихъ почудилась ей лесть. То, что я сказала, было, безъ сомнѣнія, ей и ранѣе небезъизвѣстно. Не можетъ она не знать, что уже давно я люблю ее всею душою. Не знаю, что бы я ей не простила. Я окончательно ею очарована.

Прогулка такъ насъ разгорячила, что намъ предложили отдохнуть предъ тѣмъ, какъ сѣсть за столъ, который накрыли въ кабинетѣ императрицы.

Въ теченіе 5-ти минутъ великая княжна оставалась спокойною; затѣмъ, засмѣявшись, воскликнула:

— Какъ глупо молча смотрѣть другъ на друга.

— Кто же мѣшаетъ вамъ бесѣдовать, сказала г-жа Баранова.

— Разговаривать не хочется. А не спѣть ли намъ, друзья мои?

Великій князь отказался, а мы, т. е. великая княжна Александра [1]) Наталія (бар. Фредериксъ) и я запѣли ноктюрнъ Пилати. Насъ заставили трижды повторить. Великая княжна пѣла съ особеннымъ чувствомъ; щечки ея раскраснѣлись—она была очаровательна.

Ея высочество пожелала во что бы то ни стало навѣстить г-жу Демидову.

Дорога предстояла не слишкомъ-то широкая; многочисленные на ней мостики оказались отвратительными и, въ довершеніе всего,—кучеръ успѣлъ выпить лишнее: ему, очевидно, также захотѣлось повеселиться. На одномъ изъ мостовъ безъ перилъ мы повисли надъ канавой. Великому князю удалось схватить сестру за руку и помочь вовремя соскочить въ грязь съ линейки, которая всею тяжестью своею угрожала придавить ножки великой княжнѣ. Наступила ужасная минута трепетнаго ожиданія бѣды, казавшейся неминуемой. Мы всѣ, невольно, осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ. Испугъ имѣлъ для меня послѣдствіемъ сильнѣйшую головную боль, отъ которой не могла избавиться въ теченіе цѣлаго часа. Что же касается ея высочества, то она быстро оправилась.

Въ Таицахъ г-жа Демидова, встрѣчая насъ, казалась нѣсколько смущенной. Смущеніе это еще усилилось послѣ того, когда великая княжна спросила хозяйку о ея супругѣ (онъ оказался на охотѣ). Ольга водила насъ по замку и парку; показала теплицы, угощала фруктами.

Предъ самымъ отъѣздомъ нашимъ въ Дудергофъ вернулся Демидовъ. Казалось, онъ былъ въ совершенномъ отчаяніи, что не удостоился чести лично принимать высокихъ гостей.

Безъ приключеній вернулись мы къ шалэ, гдѣ ждали насъ дорож-

---

[1]) Не великая-ли княжна Александра Николаевна?

ные экипажи, шестерикомъ, и мы тотчасъ сѣли, при чемъ великая княжна настояла на томъ, чтобы я заняла мѣсто въ одномъ съ нею ландо.

По возвращеніи поужинали.

III.

17-го марта 1836 г.

Гуляя съ тётей, мы были свидѣтельницами страшной сцены.

Ледъ на Невѣ едва держится; переправа воспрещена; но, такъ какъ переходъ по льду многимъ значительно сокращаетъ путь, то находятся смѣльчаки, которые, не взирая на опасность, пытаются переправляться. На нашихъ глазахъ одинъ кучеръ, рослый красивый парень, прекрасно одѣтый, дошелъ до средины рѣки, какъ, вдругъ, ледъ подъ нимъ проломился, но къ счастью онъ умѣлъ плавать. Въ эту минуту по набережной проходили малолѣтніе великіе князья Михаилъ и Николай Николаевичи. Взоры ихъ были направлены какъ разъ въ сторону утопавшаго; они тотчасъ же его замѣтили и просили встрѣтившихся мужиковъ помочь несчастному.

Мы остановились около великихъ князей.

Наступила минута тревожной неизвѣстности. Наконецъ, утопающаго удалось-таки вытащить, но полиція его схватила, какъ нарушителя порядка и полицейскихъ распоряженій.

Великіе князья, несмотря на дѣтскій возрастъ (одному было 6, другому—5 лѣтъ), отлично поняли, что спасеннаго ожидаетъ наказаніе, и просили отпустить его. Но полицейскіе вовсе не были расположены выпустить виновнаго.

Тогда одному изъ двухъ придворныхъ лакеевъ, ихъ сопровождавшихъ, было приказано повторить требованіе великихъ князей, что̀ произвело надлежащее дѣйствіе. Спасеннаго смѣльчака отпустили; онъ бросился къ ногамъ своихъ маленькихъ избавителей.

IV.

Однажды утромъ въ 1836 году, государь, въ сопровожденіи любимаго пуделя, отправился пѣшкомъ изъ Царскаго въ Павловскъ. На дорогѣ встрѣтился ему неизвѣстный человѣкъ, который, казалось, принуждалъ бывшую съ нимъ женщину слѣдовать за собою, стыдя тѣмъ, что она, до сихъ поръ, кого-то не видала. Государь невольно обратилъ вниманіе на прохожихъ и спросилъ: на кого же это они собираются смотрѣть. Ему отвѣчали, что хотѣлось бы видѣть императора, но сдѣланная-было ими попытка не удалась, почему жена теперь и упирается,

— Что же думаете вы о государѣ?—спросилъ его величество мужа, добръ ли онъ?

— Полагаю, не очень-то,—отвѣчалъ мужчина.—Больно ужъ мучаетъ солдатъ, которыхъ нельзя не пожалѣть!

— Императоръ, желая дѣлать дѣло хорошо, будучи по природѣ человѣкомъ, не можетъ не ошибаться,—замѣтилъ государь.

— Быть можетъ и такъ, но не всѣ такого мнѣнія.

— Тѣмъ не менѣе, увѣряю васъ, что его величество добръ.

— Не сомнѣваюсь, что по отношенію къ столь важному барину, какъ вы, это и такъ!

— А не хотите ли его видѣть? Если да,—то приходите завтра въ Царское и заявите на подъѣздѣ о вашемъ желаніи.

Неизвѣстный засмѣялся.

— Не такой я дуракъ, чтобы явиться за колотушками!

— Вовсе не за ними,—сказалъ государь,—а для того, чтобы его увидѣть; только приходите, а за успѣхъ я ручаюсь.

— Ладно!

Въ эту минуту порывомъ вѣтра сорвало съ бѣдняги шапку. Государева собака ее подхватила, не выказывая ни малѣйшаго желанія отдать ее владѣльцу. Государь самъ кинулся за собакою и много смѣялся приключенію.

На слѣдующее утро чета явилась. О ней доложили. Царь вышелъ.

Мужчина, какъ говорятъ, портной изъ Павловска, былъ ни живъ, ни мертвъ, что же касается женщины, то она, видимо, предугадала истину. Давъ посѣтителямъ на себя наглядѣться, государь вынулъ изъ кармана 500 рублей и, вручая ихъ женщинѣ, милостиво шутя, просилъ быть о немъ лучшаго мнѣнія и не портить ему репутацію.

V.

18-го декабря 1837 г. Суббота.

Какое горе,—Зимній дворецъ горитъ! Ужасно видѣть чудныя, громадныя окна, подобныя пылающимъ огненнымъ печамъ. Сколько погибшихъ милліоновъ! Потеря, тѣмъ болѣе чувствительная, что дворецъ этотъ одинъ изъ немногихъ памятниковъ столицы, хранившій преданія нѣсколькихъ царствованій. Потеря дотого громадная, что оцѣнить ее представляется невозможнымъ.

Сегодня утромъ, по дорогѣ въ Аничковъ дворецъ, къ великимъ княжнамъ, мы остановили карету, чтобы видѣть ужасную картину разрушенія.

Погода великолѣпная. Солнце ярко блещетъ, но кажется блѣднымъ по сравненію съ пучиною огня.

Всѣ четыре этажа пылаютъ; снопы пламени и клубы дыма вырываются изъ крыши. Но своды, говорятъ, невредимы. Лишь на подъѣздѣ вдовствующей императрицы обрушились украшавшіе его богатые мраморы.

Огонь показался вчера въ 6 час. вечера. Его притушили (онъ появился въ аптекѣ, благодаря желѣзной печи новѣйшей конструкціи), но, какъ теперь несомнѣнно—не переставалъ тлѣть.

Его величество, отъ котораго это скрыли, отбылъ въ театръ смотрѣть танцы г-жи Тальони. Туда же поѣхалъ и князь-министръ. Великія княжны прислали за мною, приглашая провести съ ними вечеръ. Я присутствовала при туалетѣ великой княжны Маріи (Николаевны), которая взяла меня съ собою къ своимъ сестрамъ, гдѣ предполагалось заняться приготовленіемъ сюрпризовъ для раздачи ихъ въ тотъ же вечеръ маленькимъ братьямъ. Великія княжны намѣревались устроить имъ елку, но пришлось дѣло отложить, такъ какъ великую княжну Марію Николаевну увезли въ театръ ея августѣйшіе родители. Играли въ дурачки съ великой княжной Ольгой Николаевной. Въ 9 час. поужинали. Великая княжна пожаловала мнѣ литографію,—вида кабинета Царскосельскаго дворца,—исполненную ею прошлою осенью. Не могу достаточно налюбоваться тщательностью исполненія.

Такъ какъ у меня разболѣлась голова, то я просила разрѣшенія удалиться.

Утромъ я видѣла всѣхъ трехъ великихъ княженъ, онѣ были очень блѣдны.

Великая княжна Александра (Николаевна) сказала моей матушкѣ:

— Вообразите, вчера вечеромъ, въ 9 час. съ минутами, сидя за столомъ, я случайно взглянула во дворъ дворца и вскрикнула: Мы горимъ!—Камердинеръ отвѣчалъ, что это ничего,—выкинуло изъ трубы. Васъ тогда уже не было. Я сказала о томъ г-жѣ Hienboten. Затѣмъ, созвали прислугу, и мнѣ вновь отвѣчали: Ничего, не тревожьтесь! Тогда мы легли. Вы знаете, что государь былъ въ театрѣ. Ему докладываютъ, что дворецъ горитъ. Онъ поднимается съ мѣста, но его тотчасъ же убѣждаютъ остаться на спектаклѣ, увѣряя, что огонь уже потушенъ. Государь съ безпокойствомъ смотритъ въ партеръ и замѣчаетъ уходъ коменданта. Тогда онъ говоритъ матушкѣ:—«Я хочу лично видѣть, что происходитъ».—По дорогѣ, батюшка встрѣчаетъ дядю Михаила (Павловича), узнаетъ, что пожаръ далеко не шуточный, и поручаетъ передать своей супругѣ, чтобы она ѣхала въ Аничковъ дворецъ. Матушка, получивъ это распоряженіе, спрашиваетъ:

— Гдѣ же дѣти?

— Они еще въ Зимнемъ дворцѣ.

— Въ такомъ случаѣ—я ѣду въ Зимній дворецъ!

Карета уже тронулась, когда матушка крикнула: «въ Зимній дворецъ!»

«Тотчасъ же насъ перевезли. Что же касается матушки, то она осталась, чтобы привести въ порядокъ и уложить свои бумаги, затѣмъ сама перенесла ихъ къ Нессельроде, у которыхъ провела часть ночи. У нея достало самообладанія подумать о дѣвицѣ Кутузовой, которой грозила опасность, такъ какъ, будучи больною, она лежала въ верхнемъ этажѣ дворца.

«Мы еще не выѣзжали изъ дворца, когда, могу сказать, на нашихъ глазахъ рухнула чудная Георгіевская зала. Пожаръ распространялся съ поразительною быстротою. Матушка полагаетъ, что ему скорѣе помогали, чѣмъ тушили. Батюшка на своихъ рукахъ вынесъ икону Пречистыя Дѣвы—спустя мгновеніе церковь обрушилась...

«Знаете ли вы, что Саша (наслѣдникъ цесаревичъ) былъ въ эту же ночь на другомъ пожарѣ—въ Галерной гавани, что̀ сопровождалось различными приключеніями. Первоначально онъ сѣлъ въ извозчичьи сани, но лошадь стала на Большомъ мосту; у втораго извозчика лошадь сломала себѣ ногу. Великій князь прошелъ нѣкоторое разстояніе пѣшкомъ и, спѣшивъ встрѣчнаго жандарма, вскочилъ на коня его и уже верхомъ добрался до пожарища.

«Не правда ли удивительно?

«Къ счастью—всѣ мы здоровы; только на батюшку страшно глядѣть: отъ дыма прошлой ночи у него глаза совершенно красны».

У великихъ княженъ мы видѣли ихъ фрейлинъ; изъ нихъ Наталья Бороздина оплакиваетъ свою пропавшую собаку; Сеславина—канарейку. У обѣихъ разстроены нервы.

VI.

27-го марта 1838 года. Понедѣльникъ.

Послѣ жаркой схватки съ докторомъ, я у него вырвала позволеніе ѣхать въ Пасхальную ночь. Великолѣпенъ, поразителенъ видъ стараго (Зимняго) дворца, съ чрезвычайною пышностію перестроеннаго заново, въ теченіе всего одного лишь года.

Весь дворъ собрался въ Эрмитажѣ, откуда и началось шествіе по направленію къ походной церкви. Камеръ-фурьеры впереди, царская семья, статсъ-дамы, фрейлины и т. д.

У походной церкви къ шествію присоединилось духовенство. Въ

храмъ вновь отстроенной части дворца дворъ вступилъ черезъ «фонарикъ», а его величество со священнослужителями и пѣвчими—другимъ ходомъ, послѣ того какъ присутствующіе заняли указанныя мѣста. Зрѣлище было великолѣпное. Началась заутреня, затѣмъ обѣдня. Служба тянулась безконечно. Множество дамъ лишилось чувствъ. По справедливому замѣчанію генерала К., глядя на безчувственныя тѣла, можно было вообразить себя на полѣ битвы. Наконецъ богослуженіе окончилось.

Священникъ со святою водою двинулся къ новымъ аппартаментамъ, чтобы окропить стѣны покоевъ, которые открылись передъ нами величественные, великолѣпные. Эта феерія не поддается описанію...

Эти громадныя люстры; это богатство мрамора... При кажущейся удивительной простотѣ, въ дѣйствительности роскошь необычайная. Галлерея, украшенная наподобіе Альгамбры, отдѣлана съ удивительнымъ вкусомъ: красота ея такова, что любоваться ею можно часами.

Невольно на мысль приходитъ воспоминаніе о ея творцѣ, М-г Alexis, молодомъ испанцѣ, котораго сюда привела жажда золота и славы. Талантъ былъ недюжинный. Въ своемъ портфелѣ онъ принесъ великолѣпную коллекцію рисунковъ арабесокъ. Но смѣрть его не пощадила: ему суждено было умереть вдали отъ всего, что дорого сердцу.

VII.

28-го мая 1838 г. Суббота.

Въ 4 часа я получила записочку отъ баронессы Фредериксъ, которая увѣдомляетъ, что великая княжна Марія Николаевна выразила желаніе видѣть меня сегодня же вечеромъ и приглашаетъ явиться къ 7-ми часамъ, чтобы вмѣстѣ ѣхать въ экипажѣ на прогулку.

Я въ восторгѣ отъ пріема: ея императорское высочество обняла меня, высказавъ удовольствіе по поводу свиданья. Послѣ чаю сѣли въ экипажъ. Великая княжна посадила меня съ собою рядомъ, на переднюю скамейку англійскаго шарабана. Подъѣхавъ къ желѣзной дорогѣ (En arrivant au chemin de fer), я замѣтила, что барьеры, подстриженныя деревья и вообще все устройство напоминаетъ заграницу. Великая княжна сдѣлала гримаску, возразивъ, что въ чужихъ краяхъ не видѣла ничего «чужаго» (qu'elle n'avait vu à l'étranger rien d'étranger), такъ какъ, къ своему счастію, ни минуты не переставала быть въ обществѣ русскихъ. Я убѣдилась, сколь ея высочество, съ тѣхъ поръ какъ мы послѣдній разъ видѣлись, вооружилась противъ всего, что могло бы дать малѣйшій поводъ думать, чтобы она согласилась когда-либо покинуть Россію...

По пріѣздѣ въ Павловскъ, поѣхали на вокзалъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ былъ тамъ. Онъ подошелъ къ экипажу. Его попросили сѣсть съ нами, что̀ имъ и исполнено. Онъ обнялъ великихъ княженъ, сказавъ:

— Медвѣдь смиреннѣйше благодаритъ васъ за честь, которую вы ему оказываете, посѣтивъ его берлогу.

Между прочимъ, онъ разсказалъ, какъ утромъ, за недостаткомъ свободныхъ мѣстъ въ поѣздѣ, ему пришлось помѣститься въ одномъ изъ послѣднихъ вагоновъ съ крестьянами, которые, по его словамъ, были этимъ весьма смущены, не зная, какъ себя вести. Великій князь былъ въ отличномъ расположеніи духа и заставилъ объѣхать свои владѣнія. Для каждаго встрѣчнаго крестьянина находилось у него ласковое слово. Къ чухонцамъ обращался онъ на ихъ родномъ нарѣчіи.

— Дѣлаю это, чтобы дать вамъ хорошій примѣръ—сказалъ онъ великимъ княжнамъ,—надо вамъ знать, дорогія племянницы, что слѣдуетъ быть ласковымъ съ мѣстными жителями.

Онъ много говорилъ о своей матери и отцѣ, сообщивъ, между прочимъ, о намѣреніи поставить усопшей памятникъ на возвышеніи невдалекѣ отъ монумента императору Павлу I.

— Она (императрица Марія Ѳеодоровна),—сказалъ онъ,—дала начало Павловску, все, что здѣсь есть, ее мнѣ напоминаетъ.

Великій князь прибавилъ, что статуя уже изготовлена и временно находится въ его кабинетѣ въ городѣ (Петербургѣ).

Проѣзжая мимо Розоваго павильона, Михаилъ Павловичъ сказалъ:

— Здѣсь матушка дала блестящій праздникъ императору Александру въ 1814 году. Какъ онъ дурно сдѣлалъ, скончавшись въ 1825 году. Вообразите—всѣ бумаги были уже подписаны: я долженъ былъ сдѣлаться инспекторомъ всѣхъ войскъ въ Варшавѣ....Жаль!..

Онъ вздохнулъ и, помолчавъ, прибавилъ:

— О! Варшава, когда подумаю, сколько я тамъ веселился, какія чудныя празднества, сколько прелестныхъ женщинъ... А теперь?!... сказалъ онъ, обращаясь къ великимъ княжнамъ—простите, сударыни, мои племянницы,—но Константинъ былъ для меня болѣе нежели братомъ: онъ былъ моимъ благодѣтелемъ! Я былъ 16-ть разъ въ Варшавѣ, всегда счастливый моимъ пребываніемъ. На мою долю выпало побывать тамъ въ годъ кончины брата Александра, чтобы привезти отреченіе Константина...

Проѣзжая мимо Большаго дворца, великій князь просилъ разрѣшить ему бросить взглядъ на два окна, гдѣ 13-ти лѣтъ отъ роду онъ былъ арестованъ въ теченіе двухъ сутокъ. По пріѣздѣ на желѣзнодорожный вокзалъ, Михаилъ Павловичъ замѣтилъ, шутя:

— Я становлюсь либераломъ и прихожу сюда выкурить сигару среди поселянъ, предоставляя мои сады для прогулки всѣмъ желающимъ...

На границѣ своихъ владѣній великій князь распрощался съ нами и пѣшкомъ отправился домой.

Сообщилъ **Алексѣй Мердеръ.**

Указъ императора Павла I барону Васильеву.

6-го іюля 1798 года.

Господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и государственный казначей баронъ Васильевъ. Повелѣваемъ съ 1-го сего іюля до будущаго впредь нашего соизволенія отпускать его величеству королю французскому изъ казначейства нашего на содержаніе его съ фамиліею и принадлежащими ему людьми по двѣсти тысячъ рублей ежегодно, выдавая сіи деньги при началѣ каждаго полугодоваго срока по ровной части. Пребываемъ вамъ благосклонны.

Письмо графа фонъ-деръ-Палена генералу барону Ферзену.

30-го декабря 1800 г.

Высокоблагородный господинъ баронъ, высокопочтенный генералъ-отъ-инфантеріи и кавалеръ!

Его величество, всемилостивѣйшій нашъ государь, указалъ мнѣ сейчасъ поручить вашему высокопревосходительству слѣдующее: что поелику королева французская теперь расположилась близъ Киля въ мѣстечкѣ Шіерензе, то желаетъ его величество, чтобъ Людовикъ XVIII съ супругою своею соединился, и повелѣваетъ вашему высокопревосходительству внушить искуснѣйшимъ образомъ королю таковую высочайшую волю. Положенный ему его императорскимъ величествомъ пансіонъ не престанетъ ему производиться, не отнимая у него воли употреблять онаго тамъ по произволу. Прошу покорнѣйше ваше высокопревосходительство съ тѣмъ же нарочнымъ, который вручитъ вамъ письмо сіе, какъ о исполненіи вамъ поручаемаго и о впечатлѣніи, каковое оно въ королѣ произведетъ, такъ и о рѣшимости его наискорѣе меня увѣдомить [1]).

[1]) См. „Бурбоны въ изгнаніи въ Митавѣ и въ Варшавѣ", „Русск. Стар." 1900 г., № 1 стр. 235 и 247.

Бурбоны въ изгнаніи въ Митавѣ и въ Варшавѣ.

VII [1]).

Варшава во времена прусскаго владычества.—Тамошнее общество.—Старое и молодое поколѣніе.—Дворецъ Понятовскаго.—Г-жа де-Вобанъ и князь Іосифъ Понятовскій.—Золотая молодежь.

Мемуары, въ которыхъ описывается эпоха, слѣдовавшая за послѣднимъ раздѣломъ Польши, даютъ намъ возможность возсоздать довольно точно картину, которую представляла Варшава во времена прусскаго владычества (1795—1807). Варшава тѣхъ временъ походила въ нѣкоторомъ отношеніи на современную Венецію, гдѣ дворцы дожей, превращенные въ отели, только внѣшнимъ своимъ видомъ напоминаютъ о былomъ величіи. Сравнивая великолѣпный, обширный городъ съ болѣе чѣмъ полумилліоннымъ населеніемъ, раскинувшійся въ настоящее время на берегахъ Вислы, съ Варшавою временъ прусскихъ, невольно приходитъ на мысль, какъ много энергіи и труда пришлось употребить цѣлому ряду поколѣній, чтобы превратить этотъ малолюдный, полуразрушенный и обѣднѣвшій городъ въ одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ центровъ европейской интеллигентной и промышленной жизни.

«Послѣ третьяго раздѣла Польши,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Левъ Потоцкій,—Варшава была въ состояніи физическаго и нравственнаго упадка, какъ послѣ тяжкой болѣзни. Большая часть жите-

[1]) См. „Русскую Старину“ январь 1899 г.

лей уѣхала за границу, или въ свои помѣстья; молодыхъ людей совсѣмъ не было; одни изъ нихъ легли на полѣ брани, другіе были въ плѣну, или, укрываясь отъ преслѣдованія, бѣжали на край свѣта, куда глаза глядятъ.

«Банкиры обанкротились, купцы закрыли свои лавки, не находя покупателей, ремесленники сидѣли безъ дѣла, сложа руки, размышляя о томъ, хватитъ ли у нихъ на завтра хлѣба для жены и дѣтей и откуда его взять, когда его не станетъ. Положеніе этой, нѣкогда могущественной и богатой страны, въ которой было всего въ изобиліи и гдѣ жизнь текла широко, было достойно сожалѣнія».

Это грустное описаніе вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что говоритъ о Варшавѣ Нѣмцевичъ, который въ описываемое время провелъ въ этомъ городѣ два года.

«На улицахъ бродитъ масса нищихъ,—пишетъ онъ,—пріѣзжихъ осаждаютъ либо лѣнтяи, либо люди, видѣвшіе лучшіе дни, но которые, во время всеобщаго бѣдствія лишились своего имущества и не имѣя никакихъ средствъ къ жизни, доведены до крайности и вынуждены просить милостыню. Въ городѣ рѣдко можно встрѣтить прохожаго, еще рѣже попадаются, какъ прежде, великолѣпные экипажи, въ предмѣстьяхъ многіе дома развалились и стоятъ пустые; на улицахъ часто раздается барабанный бой и слышны звуки военной музыки; это проходятъ отряды прусскаго войска, составленные почти исключительно изъ поляковъ. Вотъ караульные ведутъ полуживаго солдата, закованнаго въ цѣпи; на его тѣлѣ видны слѣды розогъ и потоки крови, на плечи у него накинута изорванная куртка; лицо его блѣдно: это дезертиръ. Съ другой стороны бросается въ глаза не менѣе грустное зрѣлище: нѣсколько гусаръ верхами гонятъ передъ собою толпу кантонистовъ; это все рослые, молодцоватые парни; оторванные отъ сохи, отъ своего роднаго крова, они идутъ по улицѣ въ своей крестьянской одеждѣ, съ торбами за плечами, неся въ нихъ свое убогое имущество и пищу.

«Хотя городъ измѣнился до неузнаваемости, хотя въ немъ не осталось и слѣда прежняго оживленія и роскоши, но все же онъ не могъ такъ быстро утратить своего значенія былой столицы. Въ Варшаву по-прежнему съѣзжалось на зиму со всѣхъ сторонъ множество людей, которыхъ влекли туда дѣла, желаніе провести весело время, повидаться съ друзьями, дать образованіе дѣтямъ, или просто побывать въ городѣ, гдѣ весело протекла ихъ молодость. Жителей скоро потянуло снова къ забавамъ, къ развлеченію, явилась потребность въ общественной жизни; мало-по-малу начали отворяться двери тѣхъ домовъ, въ которыхъ собиралось самое избранное общество».

Въ Варшавѣ, утратившей значеніе политическаго центра, не было въ то время политическихъ партій, но въ ней образовалось нѣсколько

кружковъ, въ которыхъ поддерживалась умственная жизнь и которые придавали городу чисто польскій характеръ, несмотря на его внѣшнюю прусскую физіономію.

Представительницами старинныхъ польскихъ фамилій были въ Варшавѣ почтенныхъ лѣтъ дамы, которыя въ виду ихъ преклоннаго возраста не могли уѣхать изъ города; въ тѣсномъ кругу родственниковъ и друзей около нихъ группировалась мѣстная интеллигенція,—хранительница традицій и обычаевъ; въ этихъ кружкахъ велась откровенная бесѣда .и передавались воспоминанія прошлаго. Особенно славился въ этомъ отношеніи домъ старушки Поланецкой, вдовы каштеляна Поланецкаго. По словамъ лицъ, знавшихъ ее близко, это была послѣдняя знатная дама-полька въ старинномъ значеніи этого слова. «Женщина набожная, извѣстная своей благотворительностью, она заботилась о госпиталяхъ и монастыряхъ и раздавала милостыню бѣднымъ жителямъ Варшавы. Ея время было строго распредѣлено, ея жизнь текла, какъ заведенные часы. Отслушавъ по утру обѣдню, она принималась за тканье и вышиванье ризъ и церковнаго облаченія. Возлѣ стола, за которымъ она работала въ залѣ и на которомъ стоялъ мраморный бюстъ Костюшки и были разложены гравюры Смуглевича на сюжеты, заимствованные изъ исторіи Польши, собиралось ежедневно нѣсколько человѣкъ извѣстнѣйшихъ польскихъ фамилій, которыхъ она приглашала поочередно. Самымъ частымъ ея посѣтителемъ былъ Вороничъ, каноникъ варшавскій. Ея домъ былъ недоступенъ для тѣхъ, кто пользовался сомнительной репутаціей, хотя бы этотъ человѣкъ носилъ самую знатную фамилію.

«Въ ея салонѣ молодыя женщины, причесанныя по послѣдней модѣ, и молодые франты въ высокихъ жабо должны были говорить по-польски, такъ какъ сама хозяйка и все ее окружавшее, начиная со старинной мебели и кончая стѣнами, увѣшанными портретами польскихъ дѣятелей, говорило о томъ, что французскіе обычаи не дерзали проникнуть за порогъ этого дома». (Фалковскій, I, 127). Прежними традиціями и прежней жизнью вѣяло также въ домахъ маршалка Малаховскаго, Тадеуша Мостовскаго, графа Александра Ходкевича, Станислава Замойскаго, графа Островскаго, Феликса Любіенскаго, Ѳаддея Чацкаго, Станислава Потоцкаго, Станислава Солтыка, Мартина Бадени и др. лицъ, у которыхъ собирались сливки мѣстной интеллигенціи; въ ихъ салонахъ зародилось общество «Друзей науки». Лица, собиравшіяся въ этихъ домахъ, задались цѣлью поддержать умственную жизнь общества и покровительствовать польской литературѣ и всему польскому. Совершенную противуположность этому избранному кругу, въ которомъ свято хранились традиціи предковъ, народный языкъ и обычаи, представляло офранцуженное общество, собиравшееся въ отелѣ «pod Blachą», въ кото-

ромъ хозяйкою дома была графиня де-Вобанъ, рожденная de-Barbantane, весьма сомнительной репутаціи француженка, вывезенная изъ Вѣны сестрою короля Станислава, Терезіей Тышкевичъ; г-жа Вобанъ пользовалась покровительствомъ молодаго князя Іосифа Понятовскаго, любила все иноземное, вела самую пустую, безсмысленную жизнь, заражая дурнымъ примѣромъ такъ называемую золотую варшавскую молодежь.

Князь Іосифъ Понятовскій, потерявъ вслѣдствіе пережитой катастрофы всякую энергію и охоту къ какой-либо дѣятельности, предался исключительно свѣтской жизни и не выказывалъ ни малѣйшаго желанія вліять на образъ жизни и взгляды своихъ соотечественниковъ. Человѣкъ одинокій, не связанный семьею, владѣлецъ огромнаго состоянія, славившійся своею красотою, привѣтливостью и обходительностью, онъ приглашалъ къ себѣ въ домъ массу молодежи и позволялъ г-жѣ Вобанъ розыгрывать роль Эгеріи [1]) въ этомъ обществѣ, преданномъ всевозможнымъ удовольствіямъ и развлеченіямъ.

«Я не разъ встрѣчалъ его въ городѣ,—пишетъ одинъ изъ его современниковъ, Магіеръ,—пѣшкомъ, въ круглой шляпѣ, съ плащомъ, небрежно перекинутымъ на руку. Не имѣя никакихъ занятій, онъ предавался всецѣло удовольствіямъ. Онъ не воздвигалъ, по примѣру своихъ предковъ, затѣйливыхъ, роскошныхъ зданій; напротивъ, онъ приказалъ задѣлать въ своемъ домѣ всѣ отверстія и двери, чтобы сквозной вѣтеръ не причинилъ вреда слабому здоровью г-жи де-Вобанъ».

Его домъ, напоминавшій въ маломъ видѣ Версаль, былъ обставленъ со всевозможной по тому времени роскошью; воздухъ въ комнатахъ былъ напоенъ ароматомъ eau angélique, кавалеры, расхаживавшіе въ этихъ салонахъ, были одѣты и причесаны по-старинному, съ косами и буклями, такъ какъ въ домѣ «pod Blachą» нравилось все то, что было à l'antique. Дни и ночи проводились тамъ въ шумныхъ собраніяхъ, въ азартныхъ играхъ, веселыхъ пикникахъ и дуэляхъ, происходившихъ въ Лазенкахъ; охотно посѣщался также циркъ, пользовавшійся въ то время большой извѣстностью въ Варшавѣ.

Въ домѣ Понятовскаго было всегда много молодежи; эти любимцы и приспѣшники князя Іосифа, желая потѣшить его, придумали даже для себя особый мундиръ: зеленый фракъ на желтой подкладкѣ съ чернымъ воротникомъ и золочеными пуговками съ изображенной на нихъ лошадкой и надписью: «Jablonna», палеваго цвѣта жилетка, чулки до колѣнъ и полусапожки съ пряжками. Между дамами было не мало замѣчательныхъ красавицъ.

Шумная и пустая жизнь, которая велась въ домѣ Понятовскаго, все

---

[1]) По римскому преданію, жена и совѣтница царя Нумы Помпилія. В. Т.

же не успѣла въ конецъ испортить варшавскую молодежь, которая хранила въ душѣ традиціи великаго сейма и, тяготясь подчасъ этой безцѣльной жизнью, уѣзжала на западъ сражаться подъ знаменами Наполеона. Когда настала эпоха великихъ наполеоновскихъ войнъ, то завѣса окончательно пала съ глазъ легкомысленной варшавской молодежи, и въ войскѣ императора появились тѣ вылощенные кавалеры, которые такъ недавно отличались въ салонахъ г-жи де-Вобанъ особымъ покроемъ своихъ фраковъ.

Эта перемѣна во взглядахъ общества была подготовлена въ тѣхъ польскихъ домахъ, въ которыхъ не въ примѣръ князю Понятовскому хозяева старались окружить себя людьми шляхетными, обладавшими выдающимися качествами. Такимъ тайнымъ антепонистомъ князя былъ графъ Викентій Красинскій, женатый на Маріи Радзивиллъ, падчерицѣ Станислава Малаховскаго. Онъ образовалъ со своимъ братомъ Іосифомъ общество «Друзей», къ которому принадлежали вначалѣ братья Малаховскіе и три брата Любіенскихъ. Они собирались каждый вечеръ яко бы для игры въ карты и вели оживленныя бесѣды о томъ, какъ бы вывести Польшу изъ состоянія косности и экономическаго упадка; они отказались отъ всякихъ излишествъ даже въ нарядахъ; облачились въ черный фракъ съ мѣдными блестящими пуговицами. Когда число этихъ «Друзей» увеличилось, то они начали собираться во дворцѣ Малаховскаго, въ рыцарской залѣ, составили списки членовъ, формулу присяги, раздѣлили членовъ на степени и назначили опредѣленные дни для своихъ засѣданій («Зап. Іосифа Красинскаго», стр. 48).

Не малое вліяніе на польское общество имѣлъ также домъ бывшаго короннаго стольника Станислава Солтыка. Впрочемъ, собиравшееся у него общество интересовалось преимущественно вопросами польской литературы и языка и поэтому имѣло болѣе значительное вліяніе на развитіе литературы, нежели на политическіе взгляды юнаго поколѣнія.

VIII.

Французскіе эмигранты въ Варшавѣ.—Прибытіе королевской семьи.—Гостепріимство, оказанное ей польской аристократіей.—Отель Казановскихъ переходитъ во владѣніе эмигрантовъ.—Лазенки.—Бѣлый домикъ.

Послѣ тихаго курляндскаго городка, куда рѣдко доходили вѣсти о томъ, что дѣлалось на западѣ, Варшава должна была показаться изгнанникамъ весьма шумнымъ городомъ; а сочувственная встрѣча, имъ оказанная, произвела на короля самое пріятное впечатлѣніе. Врожденная полякамъ любовь ко всему французскому усиливалась тѣмъ впечат-

лѣніемъ, которое произвелъ на нихъ гордый представитель павшей династіи, крайне щепетильный относительно всѣхъ требованій внѣшняго этикета; ему вторила и блестящая свита, среди которой особенное вниманіе обращала на себя несчастная дочь Людовика XV и ея духовникъ, ксендзъ Эджвортъ де-Фирмонъ.

Старинное польское гостепріимство заставило на время смолкнуть республиканскій духъ, возбужденный побѣдами французской революціи; и самые ярые поклонники трехцвѣтнаго знамени оказали королевской семьѣ сердечный пріемъ. «Я могъ быть вполнѣ доволенъ пріемомъ, оказаннымъ мнѣ въ Варшавѣ»,—пишетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Людовикъ XVIII. Генералъ Кёлеръ[1]), предупрежденный о моемъ пріѣздѣ, уже ожидалъ меня въ моемъ отелѣ, куда собралась толпа польскихъ шляхтичей, чтобы изъявить мнѣ свое почтеніе, несмотря на то, что я пріѣхалъ инкогнито. Самые знатнѣйшіе изъ мѣстныхъ жителей оказали мнѣ величайшіе знаки уваженія и радушія, желая этимъ утѣшить меня въ моемъ несчастіи или по крайней мѣрѣ облегчить его. Моя семья не была чужою полякамъ; въ Варшавѣ еще не забыли правленія одного изъ потомковъ св. Людовика, моего предка Станислава, память котораго поляки весьма уважаютъ».

Въ Варшавѣ съ 1792 г. проживало множество французскихъ эмигрантовъ, которые, спасаясь отъ террора, господствовавшаго во Франціи, нашли на берегахъ Вислы пріютъ, въ которомъ имъ было отказано въ другихъ странахъ. Въ числѣ ихъ было не мало мучениковъ идеи, горячо преданныхъ павшей династіи; въ Варшаву наѣхали разные дюки, маркграфы и дворяне, лишившіеся своихъ помѣстій и привилегій; между ними встрѣчались и люди недостойные, искатели легкой наживы, нахалы, которые, пріютившись въ польской семьѣ, поселяли въ ней раздоры и портили ея нравы.

Вотъ что говоритъ по этому поводу въ своихъ запискахъ Іосифъ Красинскій: «къ шайкѣ шуллеровъ, прихлебателей и развратниковъ, коихъ было довольно много среди французскихъ эмигрантовъ, принадлежали: chevalier де-Куденъ, демагогъ, якобинецъ, интриговавшій при дворѣ своего собственнаго короля-изгнанника; виконтъ де-Керали, яко бы патріотъ и либералъ, но въ сущности первостепенный негодяй; онъ занимался впослѣдствіи дерганьемъ зубовъ, а его жена шитьемъ бѣлья. Самымъ отъявленнымъ негодяемъ изъ французскихъ эмигрантовъ оказался Petit-Jean; это былъ обманщикъ, интриганъ, сплетникъ; онъ развращалъ молодежь обоего пола. Проникнувъ въ домъ и втершись въ довѣріе хозяевъ, онъ рекомендовалъ имъ гувернера или гувернантку, которыхъ онъ имѣлъ въ запасѣ цѣлыми дюжинами, а затѣмъ переманни-

[1]) Варшавскій губернаторъ.

валъ ихъ на другія мѣста, соблюдая при этомъ свои собственныя цѣли и интересы. Желая, какъ онъ говорилъ, поддержать падающую религію и искоренить зловредную философію, онъ собиралъ деньги, чтобы вызвать въ Польшу траппистовъ—самый строгій монашескій орденъ; но оказалось, что онъ преслѣдовалъ при этомъ тайныя, болѣе выгодныя для себя цѣли; ему хотѣлось овладѣть довѣріемъ добродушныхъ овечекъ, къ которымъ онъ подсылалъ извѣстныхъ ему интригановъ, систематично поселявшихъ раздоръ между женами и мужьями, между родителями и дѣтьми. Искусными пособниками его въ этихъ интригахъ были: Френонъ, 70-ти лѣтняя ханжа; бывшая актриса, вдова одного французскаго журналиста, молодая кающаяся грѣшница Маллеръ и г. Шанонъ, большой мастеръ на происки и интриги. Всѣ трое, дѣйствуя единодушно, развращали сердца дочерей и матерей въ самыхъ богатыхъ домахъ. Шанонъ спаивалъ и обыгрывалъ въ карты молодыхъ людей, а Маллеръ устроивала имъ тайныя свиданія. Въ общемъ эмигранты de la vieille гасе, французскіе дворяне, разсѣянные въ Польшѣ, называли ее страною варварскою, поляковъ—дураками, и не жалѣя остроумія глумились надъ старинными, хорошими обычаями. «Chez nous en France» (у насъ во Франціи)—было ихъ любимою фразою, когда они осмѣивали старо-польскія добродѣтели и обычаи. Передъ ихъ громкимъ «parole d'honneur» (честное слово) блѣднѣла изысканная учтивость мужчинъ: лицемѣрный фарисей chevalier de S-t Ville, мужъ піэтистки Френонъ, и Гриффонъ, жившая въ качествѣ гувернантки въ польскихъ домахъ, внушали молодымъ супругамъ желаніе довершить свое образованіе, нарушая супружескую вѣрность... Это давало поводъ къ сплетнямъ, ссорамъ и пересудамъ»...

Все это было причиною, что не только между поляками, но и въ королевской семьѣ сложилось весьма невыгодное мнѣніе о французскихъ эмигрантахъ. Подъ личиною людей преданныхъ царствовавшей во Франціи династіи скрывались нерѣдко нахалы и бездѣльники, позорившіе репутацію приверженцевъ Бурбоновъ.

Съ появленіемъ въ Варшавѣ королевской семьи, поляки, видя высокія душевныя качества и набожность ея членовъ, измѣнили свое мнѣніе о французахъ и стали сочувственнѣе относиться къ дѣлу, представителемъ котораго, по волѣ судьбы, явился Людовикъ XVIII.

Изъ варшавскихъ улицъ одно только Краковское предмѣстье имѣло видъ красивый, европейскій. Между невзрачными, одноэтажными, нерѣдко деревянными домами на этой улицѣ возвышались роскошныя зданія, можно сказать дворцы Казановскихъ, Потоцкихъ, Сенявскихъ, Чарторыйскихъ, Любомірскихъ, Тарновскихъ и другихъ польскихъ магнатовъ, которые были заброшены своими прежними хозяевами и стояли пустые. На ксендза де-ля-Мара было возложено порученіе выбрать

помѣщеніе для короля и свиты; такъ какъ предназначенный королемъ прусскимъ для Людовика XVIII Лазенковскій дворецъ не могъ быть приготовленъ во́-время, то онъ нанялъ еще до пріѣзда короля для него домъ Василевскаго на Краковскомъ предмѣстьѣ. Этотъ каменный домъ, извѣстный въ текущемъ столѣтіи подъ названіемъ dra Malcza, а впослѣдствіи библіотеки Оргельбранда (въ 1865 г. онъ былъ снесенъ для расширенія улицы и устройства на ней сквера), представлялъ собою въ концѣ XVIII вѣка трехъ-этажное зданіе, обращенное фасадомъ къ памятнику Сигизмунда и стоявшее на углу узенькаго переулка (противъ стараго зданія почты), въ настоящее время также болѣе не существующаго.

По словамъ Магіера (Magier), королевскій дворъ, по прибытіи Людовика XVIII въ Варшаву, состоялъ вначалѣ не болѣе какъ изъ сорока человѣкъ. Король часто сидѣлъ на балконѣ, который выходилъ на улицу. «Онъ былъ дороденъ, часто переминался съ ноги на ногу. Носилъ обыкновенно фракъ, бѣлый жилетъ и панталоны изъ сѣрой саржи (serge gris); страдая подагрой, онъ надѣвалъ бархатныя гамаши. Волосы были у него сзади подвиты и напудрены.

Домоправителемъ Людовика былъ Франциск Гюэ, бывшій камеръ-юнкеръ (officier de la chambre) короля Людовика XVI, не разлучавшійся съ нимъ съ 1789 г. Въ своемъ завѣщаніи, написанномъ 25-го декабря 1792 г., несчастный король поручилъ своему сыну этого преданнаго человѣка, который не покидалъ королевскую семью въ Тамплѣ и перенесъ вмѣстѣ съ нею ея ужасную судьбу. Послѣ казни короля Гюэ служилъ его осиротѣвшей дочери; когда въ Тамплѣ осталась одна Madame Royale, то онъ утѣшалъ ее въ одиночествѣ и затѣмъ, во время директоріи, когда былъ произведенъ обмѣнъ плѣнныхъ, выданныхъ Дюмурье, онъ сопровождалъ принцессу въ Вѣну. Изъ числа прочихъ придворныхъ Людовика XVIII Магіеръ упоминаетъ: де-Перонне́са, камердинера Детурнеля, де-Гросурди, извѣстнаго спортсмена, и князя Монакскаго, устроителя любительскихъ спектаклей, доктора Колиньона и его преемника де-Жиля, гр. de-Damas-Crux, князей де-Грамона и де-Бомона. Послѣдній, по словамъ Магіера, былъ человѣкъ весьма способный, прекрасно рисовалъ и игралъ, танцевалъ и фехтовался. Эти качества снискали ему, какъ говорили, любовь одной петербургской княгини.

Духовникомъ короля и милостыннымъ священникомъ (aumonier du Roy) состоялъ по-прежнему Генрихъ Эссексъ Эджвортъ де-Фирмонъ Рядомъ съ этой свѣтлой личностью не особенно выгодно выдѣлялся ксендзъ де-ля-Риверъ вмѣстѣ съ «вертопрахомъ», ксендзомъ де-Флёри, любителемъ азартныхъ игръ. «Если кого-нибудь представляли этому прелату, пишетъ Магіеръ, онъ то спрашивалъ прежде всего: Est-il

riche? (Богатъ ли онъ?). Де-Флёри, угреватый, худощавый, недурно пѣлъ и охотно предавался возліяніямъ Бахуса».

Въ числѣ эмигрантовъ въ Варшавѣ, также какъ и на Волыни, въ то время, когда тамъ находилась армія принца Конде, находились монахи, со своимъ настоятелемъ Августиномъ de l'Estrange во главѣ; между ними были трапписты: о.о. Коломбинъ, Филиппъ, Амбозій и Урбанъ и мать Марія, настоятельница траппистокъ, съ многими монашенками, которыя помѣстились въ монастыряхъ Базиліанскаго ордена. Съ пріѣздомъ королевскаго двора въ Варшаву, появилось также множество монаховъ ордена «des Pères de l'Oratoire».

«Ихъ можно было встрѣтить,—пишетъ Магіеръ,—въ извѣстномъ ресторанѣ на Подвальной улицѣ, куда собирались военные, служившіе въ распущенной арміи принца Конде. Монахи-эмигранты поступали въ богатые дома наставниками дѣтей. Другіе старались пріютиться въ Польшѣ, кто гдѣ могъ. Одинъ изъ нихъ поступилъ напр.въ богатый домъ въ окрестностяхъ Кракова, гдѣ получилъ мѣсто приходскаго священника и такъ заботился о своихъ прихожанахъ, что научился польскому языку и говорилъ въ своемъ костелѣ проповѣди по-польски. Появились и монахини-траппистки, изгнанныя изъ мѣстечка Сито (Cîteaux), которымъ строгія правила ихъ ордена запрещали говорить; онѣ могли только звонить въ знакъ согласія въ колокольчикъ, привѣшанный у нихъ на шеѣ.

Траппистки были приняты на короткое время въ монастырь св. Казиміра и намѣревались отправиться въ Россію, гдѣ онѣ надѣялись получить вспомоществованіе. Приплыло по Вислѣ также нѣсколько семействъ крестьянъ изъ окрестностей Монбельяра, гдѣ они подверглись преслѣдованію; нѣкоторые изъ нихъ остались на всегда въ Варшавѣ. «Княгиня Понятовская подарила имъ земли въ своихъ помѣстьяхъ».

Незадолго до пріѣзда въ Варшаву Людовика XVIII и герцогини Ангулемской, въ домъ Василевскаго съѣхались прочіе члены королевской семьи. Первымъ прибылъ герцогъ Ангулемскій, за нимъ пріѣхалъ его братъ, герцогъ Беррійскій, который, выѣхавъ изъ Митавы со своимъ гувернеромъ, г. Damas-Crux, жилъ нѣкоторое время въ Дубнахъ, а затѣмъ въ Токачахъ, близъ Владиміра Волынскаго въ домѣ семейства Вильговъ, гдѣ онъ потѣшалъ общество княгини Нассау Зигенъ выходками своего необузданнаго характера. Товарищами его забавъ въ Токачахъ и Сельцѣ, у Чацкихъ, были принцы Конде и Энгіенскій, сдѣлавшійся впослѣдствіи жертвою консула Бонапарта.

Съ увеличеніемъ числа королевской родни, прибывшей въ Варшаву, домъ Василевскаго сдѣлался для нихъ тѣсенъ. Къ тому же, достоинству королевскаго сана не вполнѣ соотвѣтствовало, чтобы Людовикъ XVIII оставался скромнымъ жильцомъ въ частномъ домѣ, въ городѣ, въ которомъ польская аристократія оказала ему такой радушный пріемъ и которую

онъ намѣревался принимать у себя. Сестра короля Станислава, пани Подольская (рожденная Понятовская, вдова гр. Яна Замойскаго) вывела короля изъ затруднительнаго положенія, передавъ ему въ его полное владѣніе дворецъ въ Варшавѣ, который стоялъ на берегу Вислы по близости отъ дома Василевскаго; въ немъ были еще замѣтны слѣды прежняго великолѣпія.

Дворецъ этотъ, принадлежавшій нѣкогда Казановскимъ и находившійся на Краковскомъ предмѣстьѣ, описанъ въ недавнее время г-жею де-Гебріанъ, придворной дамой Маріи Гонзаго, второй женою Владислава IV. Купленный въ 1782 году отъ прежнихъ владѣльцевъ графинею Замойской, жившей постоянно въ Вѣнѣ, онъ былъ ею прекрасно меблированъ, украшенъ необыкновенной величины хрустальными люстрами въ бронзовой оправѣ, мраморными каминами и столами.

9-го сентября 1801 года Людвика Замойская, ея дочь графиня Урсула Мнишекъ и гр. Вандалина Мнишекъ подписали въ Вѣнѣ, въ присутствіи свидѣтелей, дарственную запись, коей означенный дворецъ передавался ими въ полное владѣніе «наихристіаннѣйшему королю французскому Людовику XVIII»; но этотъ актъ былъ очевидно подписанъ только для вида, ибо означенный дворецъ еще въ 1825 г. считался собственностью Замойскихъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что графиня Замойская избрала именно этотъ способъ передачи дворца Людовику XVIII, имѣя въ виду тогдашнія политическія обстоятельства и отношенія Бурбоновъ къ не особенно твердому и легко подчинявшемуся вліянію Франціи прусскому двору. Это было сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы Людовикъ XVIII, какъ варшавскій домовладѣлецъ, не могъ такъ легко быть изгнанъ, какъ простой жилецъ съ мѣста своего постояннаго жительства.

Жить во вновь подаренномъ домѣ было тѣмъ пріятнѣе для королевской семьи, что рядомъ съ нимъ находился костелъ Босыхъ кармелитокъ (св. Терезы). Такъ какъ дочери французской королевы Маріи Лещинской [1]): Людвика и Софія, постригшись въ монахини, сдѣлали денежный вкладъ въ пользу костела Босыхъ кармелитокъ въ Варшавѣ, съ условіемъ, чтобы проповѣди говорились въ немъ на французскомъ языкѣ, то Людовикъ XVIII приказалъ, съ разрѣшенія кармелитокъ, пробить окно въ одной изъ дворцовыхъ стѣнъ, прилегавшихъ къ костелу, и могъ такимъ образомъ ежедневно присутствовать со своей семьею на богослуженіи и слушать проповѣди, которыя ксендзъ Антоній изъ Перпиньяна и епископъ Альбертранъ говорили тутъ въ посту каждое воскресенье на французскомъ языкѣ.

Прусское правительство, со своей стороны, оказывало вниманіе Лю-

[1]) Супруга Людовика XV. В. Т.

довику XVIII, по крайней мѣрѣ въ первое время его пребыванія въ Варшавѣ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1801 г. варшавскій губернаторъ Кёлеръ отдалъ, по приказанію своего монарха, въ распоряженіе Бурбоновъ Бѣлый домикъ (Domek Bealy) въ Лазенкахъ, въ которомъ королевская семья проводила съ тѣхъ поръ лѣтнее время, переѣзжая на зиму въ бывшій отель гр. Замойской. Часть прислуги осталась въ домѣ Василевскаго.

IX.

Придворный этикетъ и финансы.—Аргусовы очи министра Фуше.—Пріѣздъ въ Варшаву шпіона Галлонъ Бойера.—Данная ему инструкція.—Первое донесеніе. — Министръ „малаго двора". — Симпатіи русскаго двора.—Прусская и австрійская политика.—Военный гарнизонъ.—Преклоненіе поляковъ передъ Бонапартомъ.—Извѣстіе о пріѣздѣ королевы въ Варшаву.—Донесеніе Магіера.

Содержаніе двухъ резиденцій, въ Бѣломъ домикѣ, въ Лазенкахъ, и на Краковскомъ предмѣстьи было сопряжено съ большими расходами. Требованія придворнаго этикета не согласовались съ небольшими, сравнительно, средствами, коими располагалъ король-изгнанникъ. Поэтому «министръ финансовъ» Людовика XVIII нерѣдко былъ вынужденъ прибѣгать къ займамъ у варшавскихъ банкировъ, хотя польская аристократія со своей стороны помогала претенденту деньгами.

Несмотря на то, что королевскій дворъ жилъ въ Варшавѣ весьма уединенно и что Людовикъ XVIII проводилъ время исключительно въ кругу своихъ приближенныхъ, густую завѣсу, скрывавшую отъ постороннихъ глазъ домашнюю жизнь короля-изгнанника, приподняли аргусовы очи парижской полиціи съ одной стороны и любопытство варшавянъ—съ другой; благодаря этому мы имѣемъ достаточно данныхъ для характеристики королевской семьи, ея матеріальнаго положенія и жизни въ Бѣломъ домикѣ.

Консулъ Бонапартъ имѣлъ въ лицѣ министра полиціи Фуше неутомимаго сыщика. Ничто не могло укрыться отъ его зоркихъ глазъ. Ему было все извѣстно; онъ зналъ родственныя отношенія всѣхъ извѣстнѣйшихъ лицъ Парижа, ихъ личные интересы и тайны. Проникалъ при помощи своихъ агентовъ въ семьи, прочитывалъ семейныя бумаги, производилъ обыски и высылалъ изъ столицы подозрительныхъ личностей. Власть его распространялась и на чужіе края, гдѣ онъ имѣлъ тайныхъ агентовъ.

Дошла очередь и до Варшавы, куда, въ первое же время по пріѣздѣ Людовика XVIII, Фуше послалъ своего тайнаго агента, нѣкоего Галлонъ

*

Бойера, которому было приказано доносить обо всемъ, что дѣлали изгнанники, и стараться имѣть обстоятельныя свѣдѣнія объ ихъ семейной жизни[1]).

Въ инструкціи, данной Галлонъ Бойеру министромъ Фуше, повелѣвалось обратить особенное вниманіе на внутреннее состояніе польской Пруссіи, преимущественно на образъ жизни графа де-Лилль. Бойеръ долженъ былъ слѣдить за дѣйствіями приближенныхъ графа, раскрывать ихъ интриги, слѣдить за ихъ планами, сообщать свѣдѣнія о лицахъ, имѣвшихъ доступъ къ графу, и извѣщать о томъ, какой имъ оказывали пріемъ въ польскомъ обществѣ. Ему вмѣнено было въ обязанность слѣдить за настроеніемъ умовъ малаго двора (такъ называлъ Фуше приближенныхъ Людовика XVIII), за его надеждами и планами на будущее.

Первыя донесенія Галлонъ Бойера посвящены подробному описанію его труднаго путешествія въ Варшаву, суроваго климата страны и катара, который шпіонъ получилъ, пріѣхавъ въ Польшу въ 24-хъ градусный морозъ.

Осмотрѣвшись въ Варшавѣ, онъ началъ писать свои донесенія и въ первыхъ же отчетахъ описываетъ уже извѣстныя намъ подробности о пребываніи графа де-Лилль во дворцѣ Казановскихъ и въ Бѣломъ домикѣ и о всеобщемъ уваженіи, съ какимъ относились варшавяне къ малому двору.

«Графъ де-Лилль,—пишетъ Галлонъ Бойеръ,—живетъ уединенно, рѣдко бываетъ въ городѣ, а если выѣзжаетъ, то весьма скромно, безъ всякой пышности и безъ свиты. Говорятъ, что онъ вознаграждаетъ себя за эту сдержанность дома, гдѣ онъ держитъ себя, какъ царственная особа. Его постоянно окружаютъ гвардейцы, остатки той гвардіи, которая

---

[1]) Благодаря счастливой случайности въ моихъ рукахъ были весьма любопытные по этому поводу матеріалы, которыми до сихъ поръ никто еще не пользовался.

Свѣдѣнія эти заключаются въ донесеніяхъ шпіона Галлонъ Бойера, который, прибывъ въ Варшаву въ началѣ 1802 г., подъ видомъ писателя и купца (homme des lettres et négociant), въ теченіе двухъ лѣтъ систематично посылалъ оттуда сообщенія не только о домашнемъ образѣ жизни Людовика XVIII и его семьи, но и о настроеніи умовъ въ Варшавѣ, о симпатіяхъ польскаго общества къ Россіи и въ особенности къ личности молодаго императора Александра I, симпатіяхъ, вызванныхъ неискусной политикой Пруссіи, которая старалась искоренить польскій духъ въ тогдашнихъ южныхъ провинціяхъ Пруссіи.

Донесенія Галлонъ Бойера, писанныя четкимъ почеркомъ въ видѣ писемъ, безъ подписи, адресовались постоянно одному и тому же лицу, нѣкоему „M-r Michel à Paris“ и кончались всегда формулою: „j'ai l'honneur de Vous saluer“ (честь имѣю кланяться); они хранятся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ, въ книгѣ подъ № 323 (Польша, со стр. 562 по 612).

Примѣч. автора.

была вмѣстѣ съ Людовикомъ XVI въ Вареннѣ. Публика такъ и называетъ ихъ королевской гвардіей, хотя они не носятъ мундира. Самые близкіе къ графу лица—герцогиня Ангулемская и ея супругъ. Герцогиня всѣми любима въ городѣ; она дѣлаетъ много благодѣяній и раздаетъ милостыню. Графъ каждое утро занимается въ своемъ кабинетѣ со своими министрами. Остальной день посвященъ молитвѣ, чтенію и бесѣдѣ».

Въ концѣ донесенія Галлонъ Бойеръ проситъ адресовать ему письма въ Варшаву на имя: M-r Clément Bérneaux, banquier.

Въ донесеніи, помѣченномъ 18 жерминаля XI года [1]), агентъ описываетъ довольно насмѣшливо министровъ, коими окружилъ себя графъ де-Лилль и относительно которыхъ довольно трудно себѣ представить, въ чемъ собственно состояли ихъ обязанности. «Финансами, т. е. наблюденіемъ за субсидіями, которыя присылали покровительствовавшіе (Бурбонамъ) монархи, завѣдуетъ де-Тувенэ, вызванный изъ Гамбурга вмѣсто д'Авари, которому поручено завѣдывать иностранными дѣлами... Его помощникомъ служитъ ксендзъ де-ля-Маръ, который видимо ведетъ секретную корреспонденцію и часто ѣздитъ во Францію. Иногда политическими дѣлами занимается де-ля-Валеттъ, но онъ уѣзжаетъ на-дняхъ въ Италію. Изъ приближенныхъ графа, де-Флёри и Дамасъ mènent le plus grand train [2]). Они совершенно не интересуются политикой и день и ночь предаются забавамъ и развлеченіямъ. Изъ политическихъ новостей здѣсь много говорятъ о разрывѣ между Франціей и Англіей. Русскій дворъ не сочувствуетъ республикѣ; Дюрокъ былъ принятъ въ Берлинѣ холодно».

Въ послѣдующихъ донесеніяхъ агента мы находимъ замѣтки о долгѣ графа де-Лилль и о его хозяйственныхъ расходахъ.

«Его дворъ состоитъ изъ шестидесяти особъ, содержаніе которыхъ поглощаетъ получаемыя графомъ незначительныя пособія. На столъ графа, на двѣнадцать персонъ, выходитъ ежемѣсячно три тысячи дукатовъ, или круглымъ числомъ 440.000 ливровъ въ годъ. Въ эту цифру входитъ жалованье, получаемое разными лицами».

Изъ текущихъ новостей Галлонъ Бойеръ сообщалъ, между прочимъ, что епископъ виленскій навлекъ на себя неудовольствіе малаго двора тѣмъ, что, уѣзжая въ Парижъ, онъ отказался взять съ собою лакея герцогини Ангулемской, котораго хотѣли послать во Францію съ секретнымъ порученіемъ. Упоминаетъ о пребываніи въ Варшавѣ князя Моденскаго, собиравшагося ѣхать въ Россію, и о пріѣздѣ нѣсколькихъ важныхъ

---

[1]) 1-й мѣсяцъ по календарю 1-й французской республики, съ 12-го марта по 19-е апрѣля. В. Т.

[2]) Живутъ наиболѣе широко.

особъ изъ Англіи и Италіи, которые «по всей вѣроятности остановятся въ Лазенкахъ, гдѣ наблюдать за ними не такъ легко».

Въ донесеніи отъ 6-го флореаля[1]) сообщаются любопытныя замѣчанія о настроеніи умовъ въ войскѣ, стоявшемъ по квартирамъ въ Варшавѣ. «Гарнизонъ состоитъ изъ 11.000 солдатъ и 2-хъ полковъ кавалеріи. Солдаты часто дезертируютъ, такъ какъ Висла уже четыре мѣсяца покрыта льдомъ. Половина гарнизона состоитъ изъ поляковъ. Военные въ здѣшнемъ обществѣ совсѣмъ не бываютъ. Это объясняется національнымъ характеромъ поляковъ и нелюбовью, которую они всегда питали къ нѣмцамъ, съ тѣхъ поръ какъ послѣдніе владычествуютъ въ краѣ. Эта нелюбовь усилилась до такой степени, что дѣти, которыя проходятъ въ школѣ почти всѣ предметы по-нѣмецки, отказываются говорить на этомъ языкѣ.

«Видя подобное настроеніе умовъ и отношеніе трехъ дворовъ къ провинціямъ, которыя достались имъ послѣ раздѣла Польши, политики выводятъ заключенія весьма благопріятныя для Россіи. По ихъ словамъ, Пруссія преслѣдуетъ единственную цѣль вытянуть изъ этихъ провинцій какъ можно больше денегъ, Австрія всѣхъ угнетаетъ, стѣсняетъ развитіе торговли и преслѣдуетъ частныхъ лицъ. Одна Россія управляетъ, какъ разумный хозяинъ, поощряя развитіе знаній и искусствъ и покровительствуя торговлѣ; она уважаетъ старинные обычаи и нравы народа, заботится о частныхъ лицахъ, не гонитъ служащихъ съ ихъ мѣстъ и даже принимаетъ на службу подданныхъ своихъ сосѣдей, если они оказываются людьми способными. Если бы эти соображенія явились результатомъ долголѣтнихъ наблюденій, и если бы слухи о симпатіи къ полякамъ императора Александра и въ особенности великаго князя Константина Павловича оказались справедливы, то этого было бы достаточно, чтобы заставить политиковъ призадуматься. Не имѣя въ этомъ отношеніи никакихъ положительныхъ данныхъ, мнѣ приходится воздержаться отъ дальнѣйшихъ разсужденій по этому поводу...

«Говорятъ, что и г. де-Вобанъ, жена котораго играетъ роль хозяйки въ домѣ князя Іосифа, уѣхалъ въ Парижъ. Графъ де-Лилль сегодня или завтра переѣзжаетъ за городъ».

Въ донесеніи отъ 15-го преріаля [2]), агентъ проситъ выслать ему денегъ для объѣзда границъ. Тутъ же приложенъ счетъ его расходовъ съ роздачами на чай и говорится о необходимости пріобрѣсти карету, «чтобы имѣть успѣхъ въ городѣ, гдѣ всѣ преданы роскоши и тщеславію. Его расходы очень велики. Изъ взятыхъ съ собою изъ Па-

[1]) 8-й мѣсяцъ французскаго революціоннаго календаря, отъ 20-го апрѣля по 19-е мая. В. Т.

[2]) 9-й мѣсяцъ года по календарю первой французской республики съ 20-го мая по 18-е іюня. В. Т.

ижа 4.000 франковъ осталось всего около 1.500! Хорошо еще, что онъ не взялъ съ собою семью».

Донесеніе 1-го мессидора [1]) служитъ отголоскомъ того энтузіазма, съ какимъ поляки относились къ личности Бонапарта. «Имя Бонапарта упоминается съ восторгомъ; всякій считаетъ этого героя призваннымъ отомстить за попранныя права народовъ. Я долженъ признаться съ удовольствіемъ, что эти чувства высказываются такъ откровенно и энергично, что мнѣ часто кажется, будто я нахожусь среди соотечественниковъ.

«Въ одной англійской газетѣ сообщается извѣстіе о тотъ, что берлинскій кабинетъ предложилъ графу де-Лилль отречься отъ престола.

«Сюда пріѣхало два новыхъ эмигранта. Одинъ изъ Англіи—бывшій капитанъ судна, другой изъ Берлина, какой-то инженерный офицеръ. Первый былъ представленъ графу, а другой, позволившій себѣ какую-то выходку противъ французскаго правительства, не былъ принятъ. Король прусскій, ассигновавшій 400.000 на постройку домовъ въ сгорѣвшей части Познани, измѣнилъ свое намѣреніе и назначилъ эту сумму на укрѣпленіе Грудзянска (Grudziązk). Говорятъ, будто Австрія формируетъ 50 тысячный лагерь подъ Львовомъ».

15-го мессидора. «Малый дворъ былъ занятъ на прошлой недѣлѣ отставкою де-Тувенэ, который оставилъ постъ министра финансовъ. Его замѣнитъ де-Граммонъ изъ Лондона».

29-го мессидора. «Между друзьями императора Александра первое мѣсто занимаетъ князь Адамъ Чарторыйскій. Онъ душою и тѣломъ преданъ монарху, коего либерализмъ и высокія чувства онъ превозноситъ. Старая княгиня поддерживаетъ сына въ этихъ чувствахъ; ея нравственное вліяніе на него очень велико. Онъ живетъ въ своемъ имѣніи въ Пулавахъ, которые отошли отъ Австріи».

30-го термидора [2]). «Віельгорскій, служившій въ Германіи, братъ котораго былъ бригаднымъ генераломъ въ польскихъ легіонахъ, назначенъ командующимъ однимъ изъ прусскихъ полковъ. Это показываетъ, что Пруссія, подражая по отношенію къ Польшѣ русской политикѣ, старается этимъ пріобрѣсти расположеніе поляковъ. Что касается австрійскаго правительства, то его дѣла идутъ такъ же, какъ его бумаги, т. е. оно падаетъ все болѣе и болѣе во мнѣніи поляковъ.

«Малый дворъ огорченъ извѣстіемъ, что англійскій король заболѣлъ своей прежней болѣзнью. Его кончина была бы для этого двора невознаградимою потерею.

---

[1]) 10-й мѣсяцъ французскаго календаря первой республики съ 19-го іюня по 18-е іюля. В. Т.

[2]) 11-й мѣсяцъ французскаго революціоннаго календаря, съ 19-го іюля до 18-го августа. В. Т.

«Де-Граммонъ привезъ графу деньги и получилъ за это портфель министра финансовъ.

21-го фруктидора [1]). «Извѣстіе о болѣзни короля англійскаго не подтвердилось. Это снова придало бодрость малому двору. Въ честь графа де-Лилль данъ былъ обѣдъ въ Вилановѣ. На немъ царствовало слишкомъ большое веселье!

«Здѣсь всѣ заняты двумя вещами: приготовленіемъ къ принятію графини де-Лилль, которая извѣстила о своемъ пріѣздѣ, и появленіемъ нѣсколькихъ агентовъ, высланныхъ изъ Италіи. Ксендзъ де-ля-Маръ отправляется за Рейнъ, чтобы завязать тамъ сношенія. Быстрота, съ какою доходятъ сюда изъ Франціи неблагопріятныя для насъ извѣстія, доказываетъ, что центръ интригъ находится въ Парижѣ».

«5-го jour Complimentaire XI. Управляющимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ назначено новое лицо. Мѣсто д'Авари займетъ де-Бонни изъ Вѣны. Онъ былъ членомъ учредительнаго собранія. Это извѣстный интриганъ. Ксендзъ де-ля-Маръ продолжаетъ говорить о своемъ отъѣздѣ. Видимо, тутъ что-то затѣвается. Дѣйствія Пишегрю и Дюмурье возбуждаютъ здѣсь большую радость и надежды.

17-го вандеміера [2]) XII (1803 г.). «Малый дворъ возвратился въ свой дворецъ въ Варшаву. Со дня на день ожидаютъ пріѣзда графини де-Лилль. Здѣсь стараются получать подробныя свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ Парижѣ и Лондонѣ, но тамошніе корреспонденты часто сообщаютъ ложныя извѣстія о ходѣ событій и возбуждаютъ въ маломъ дворѣ напрасныя надежды»...

Личность короля-изгнанника возбуждала любопытство варшавянъ и была предметомъ ихъ оживленныхъ толковъ; но ихъ болѣе интересовала его домашняя жизнь, нежели его политическія сношенія и планы. Въ этомъ отношеніи современники сообщаютъ нѣкоторыя любопытныя подробности.

«Огородники,—пишетъ напримѣръ Магіеръ,—соперничали другъ передъ другомъ, стараясь доставить графу де-Лилль самыя раннія овощи, за которыя они брали большія деньги.

«При дворѣ соблюдался странный обычай подавать 2-го февраля миску свѣжихъ зеленыхъ бобовъ. За обѣдомъ графу подавалось три перемѣны и прекрасный десертъ. Курятники доставляли самую лучшую живность и дичь, и эти предметы чрезвычайно вздорожали, такъ какъ королевскій дворъ платилъ не торгуясь, что бы ни спросили за товаръ.

«Живя въ Лазенкахъ, король бывалъ у обѣдни въ маленькомъ

---

[1]) См. выше.

[2]) Первый мѣсяцъ республиканскаго календаря съ 22-го сентября по 21-е октября. В. Т.

Бельведерскомъ костелѣ, построенномъ Анной Ягеллонъ. Приближенные короля вели тихій образъ жизни, проводя время въ чтеніи и бесѣдѣ. Обращаясь къ королю, его называли всегда «Sire». Онъ хорошо зналъ латинскій и греческій языки, любилъ бесѣдовать съ Станиславомъ Потоцкимъ и слушать, какъ онъ говорилъ наизусть стихи изъ греческихъ или латинскихъ поэтовъ; графъ удивлялся, что поляки такъ сильны въ латинскомъ языкѣ.

«Когда ему бывало скучно, онъ любилъ разсматривать свои драгоцѣнныя вещи и бриліанты, въ роскошной оправѣ, которые онъ хранилъ въ своемъ уборномъ столикѣ».

X.

Французскій театръ въ Варшавѣ.—Народный театръ.—Любительскій театръ.—Споры о народной сценѣ.—Партія графини Тышкевичъ и Солтыкъ.

Наплывъ французскихъ эмигрантовъ въ Варшаву подалъ содержателю труппы странствующихъ актеровъ, Фурежу, мысль основать постоянный французскій театръ въ домѣ, принадлежавшемъ Радзивилламъ, на Краковскомъ предмѣстьѣ.

Въ «Варшавской Газетѣ» 19-го марта 1801 г., появилось извѣстіе, что французскіе актеры пріѣхали изъ Познани, гдѣ они давали представленія въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ и своей игрою въ одной изъ трагедій Фенелона привели публику въ такой восторгъ, что имъ бросили на сцену мѣшокъ со ста дукатами.

Пріѣздъ въ Варшаву французскихъ актеровъ подалъ поводъ къ шумнымъ демонстраціямъ, при чемъ часть публики выражала свои симпатіи къ мѣстной польской труппѣ и къ представленіямъ на польскомъ языкѣ, а другая къ иностранному театру.

Возстаніе, вспыхнувшее въ 1794 г. подъ предводительствомъ Костюшки, и наступившій вслѣдъ за тѣмъ новый порядокъ вещей вынудили Войцеха Богуславскаго, положившаго начало польскому театру, уѣхать изъ Варшавы съ его труппою драматическихъ артистовъ, которая была украшеніемъ Народнаго театра, выстроеннаго въ 1779 году на Красинской площади; въ помѣщеніи бывшаго польскаго театра начала давать представленія нѣмецкая труппа, игравшая въ лѣтнее время во дворцѣ Радзивилловъ.

Впослѣдствіи, бывшіе артисты труппы Богуславскаго образовали, подъ дирекціей нѣкоего Трусколасскаго, товарищество, игравшее въ провинціальныхъ городахъ; когда же Трусколасскій умеръ въ 1797 г.,

то его вдова взяла управленіе труппою въ свои руки и поселилась временно въ бывшемъ домѣ Радзивилловъ.

Когда король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ III посѣтилъ въ 1798 г. со своею супругою вновь пріобрѣтенныя Пруссіей провинціи и пріѣхалъ между прочимъ въ Варшаву, то труппа Трусколасской поставила въ Лазенкахъ оперу подъ названіемъ «Wdzięczni poddani panu» [1]); въ этой оперѣ выступилъ впервые извѣстный впослѣдствіи актеръ Алоизій Жолковскій (отецъ).

Въ 1799 г. для польской сцены настали лучшія времена. Въ Варшаву возвратился послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія Войцехъ Богуславскій; соединивъ привезенную имъ изъ Львова трушу артистовъ съ бывшими артистами театра Трусколасской, онъ образовалъ новое товарищество драматическихъ артистовъ, въ которомъ пріобрѣли извѣстность: Ледоховская, Саломея Дезнеръ и Магдалина Ясинская; а изъ мужчинъ— Кудячъ, Казиміръ Овсинскій, Яковъ Гемпинскій, Жолковскій, Щуровскій и многіе другіе. Дирижеромъ оркестра въ труппѣ Богуславскаго былъ Іосифъ Эльснеръ. Декораціи, написанныя извѣстнымъ художникомъ Антономъ Смуглевичемъ, немало способствовали славѣ польскаго театра.

Въ то же время графиня Тереза Тышкевичъ, рожденная Понятовская, поклонница всего французскаго, устроила во дворцѣ Чарторыйскихъ, на Медовой улицѣ, любительскій театръ и старалась отвлечь лучшее варшавское общество отъ посѣщенія польскихъ спектаклей: ее не пугалъ двусмысленный образъ жизни парижскихъ актрисъ, подборъ пьесъ, которыя содержатель театра, Фурежъ, перенесъ всецѣло изъ парижскихъ предмѣстій въ Варшаву и приспособилъ къ испорченному вкусу офранцуженной варшавской молодежи.

«Неудивительно,—пишетъ въ своемъ дневникѣ Іосифъ Красинскій,— что молодежь стремилась во дворецъ намѣстника, гдѣ за кулисами, въ ложахъ и во всѣхъ углахъ можно было свободно ухаживать за женщинами и гдѣ сыпали деньги пригоршнями, до пресыщенія. Особеннымъ умѣньемъ разжигать страсти отличались: дѣвицы Pitiat, de-Paix, de-Peru, Bernard и замужнія St. Charles (очень хорошая актриса), Фурежъ, жена директора, и многія подобныя имъ женщины, принадлежавшія къ труппѣ этого театра».

Народный театръ Богуславскаго не боялся опаснаго соперничества; его директоръ старался умѣлымъ выборомъ пьесъ и хорошей игрою артистовъ поддержать польскую сцену на должной высотѣ.

Поклонники г-жи де-Вобанъ, желая угодить ей и обществу, собиравшемуся въ ея салонахъ, пріѣзжали въ польскій театръ съ цѣлью мѣшать представленію своимъ крикомъ и шумомъ.

[1]) Благодарные подданные—монарху.

Друзья семейства Солтыкъ, покровительствовавшаго польскому театру, не уступали имъ въ этомъ случаѣ и, явясь на спектакль въ домъ Радзивилловъ, свистомъ и топаньемъ выражали свою антипатію ко всему французскому. Присутствовавшая на одномъ изъ этихъ представленій графиня Тышкевичъ, высунувшись изъ своей ложи, дала знакъ своимъ знакомымъ, чтобы они усиленно хлопали въ ладоши и этимъ заглушили свистки противниковъ.

Однако дѣло не всегда кончалось столь невинными демонстраціями. Иногда партія князя Іосифа позволяла себѣ весьма буйныя выходки, переступая всякія границы приличія; тогда приглашали на помощь прусскихъ солдатъ. Нѣкто Козицкій, во время одного изъ такихъ столкновеній, отсѣкъ капитану Лога саблею носъ.

«Добродушный нѣмецъ,—пишетъ Красинскій,—не потребовалъ даже удовлетворенія, боясь возстановить противъ себя забіякъ, которые то и дѣло вызывали всѣхъ и каждаго на дуэль. Однако этотъ случай пробудилъ скрытую ненависть нѣмецкихъ офицеровъ къ полякамъ, между ними начались столкновенія въ общественныхъ мѣстахъ. Французы, пруссаки и поляки то и дѣло подбивали другъ другу носы въ кондитерскихъ, трактирахъ и загородныхъ садахъ. Дракамъ и ссорамъ не было конца. Князь Іосифъ, которому наскучили эти приключенія, поставилъ на Лазенковскомъ шоссе вооруженную стражу, которая вступала по ночамъ въ драку съ солдатами, нерѣдко побѣждала ихъ и отбирала у нихъ оружіе. Прусское правительство смотрѣло на это равнодушно. Впрочемъ, эти происшествія имѣли и свою хорошую сторону. Общество обратило вниманіе на театръ и стало чаще посѣщать его». Съ тѣхъ поръ объ варшавскія газеты начали писать о польскомъ театрѣ, и это дало толчекъ къ развитію польской драматической критики.

XI.

Принцесса Марія де-Бурбонъ.—Жизнь въ монастырѣ.—Домъ августиновъ.—Трапписты.—Путешествіе въ Россію.—Въ Оршѣ.—Въѣздъ принцессы въ Варшаву.—Постриженіе въ монахини.

Описывая жизнь Людовика XVIII въ Варшавѣ, Магіеръ упоминаетъ о его сестрѣ, «вдовѣ Маріи Антуанетѣ, принцессѣ Бурбонской», которая уже въ преклонныхъ лѣтахъ посвятила себя монашеской жизни, была во Франціи настоятельницею траппистокъ и, пріѣхавъ въ Варшаву, поступила въ одинъ изъ тамошнихъ монастырей.

Эти свѣдѣнія далеко не точны, хотя въ ихъ основѣ и лежитъ истинный фактъ; но они весьма интересны въ томъ отношеніи, что характе-

ризуютъ какъ нельзя лучше замкнутый образъ жизни, который вело въ Варшавѣ королевское семейство. Оно жило такъ замкнуто, что даже слухи о столь важныхъ событіяхъ, происходившихъ въ этой семьѣ, какъ вышеописанное, не только не проникали за стѣны дворца, но о нихъ зачастую не знали даже приближенные короля.

Напрасно стали бы мы искать въ варшавскихъ газетахъ за первые годы текущаго столѣтія напримѣръ извѣстія о томъ, въ какой именно день прибыла въ Варшаву королевская семья и вообще какихъ бы то ни было свѣдѣній, касающихся внутренней жизни. Читателей видимо болѣе интересовали заграничныя политическія извѣстія, нежели мѣстныя событія, увеселенія, зрѣлища и даже вопросы умственной и общественной жизни. Поэтому изъ газетъ легче было узнать о томъ, что дѣлалось въ кабинетѣ консула Бонапарта, или въ Лондонѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ, нежели о томъ, что происходило въ домѣ на Краковскомъ предмѣстьѣ, въ которомъ жилъ Людовикъ XVIII и его семья.

Если бы у насъ не сохранилось отрывочныхъ, хотя и не отличающихся безусловной точностью записокъ Магіера, то намъ не были бы извѣстны многіе факты, касающіеся пребыванія Бурбоновъ въ Варшавѣ; мы не знали бы ничего и о пріѣздѣ въ Варшаву, почти одновременно съ королевской семьею, одной весьма симпатичной личности изъ семьи Бурбоновъ; это была, ошибочно названная Магіеромъ вдовою, монахиня Марія Жозефина (а не Антуанета), которая до постриженія своего и до поступленія въ монастырь бенедиктинокъ носила имя Людвики Аделанды де-Бурбонъ-Конде.

Эта принцесса, дочь Людовика Іосифа Конде и Каролины Готфриды де-Роганъ-Субизъ, родилась въ 1757 г. и уже въ дѣтствѣ выражала желаніе посвятить себя монашеской жизни. Проведя десять лѣтъ въ аббатствѣ de Baumont les Tours, она возвратилась къ своему овдовѣвшему отцу въ Шантильи и была объявлена невѣстою графа д'Артуа, слѣдовательно, могла вступить со временемъ на французскій престолъ. Но этотъ брачный проектъ вызвалъ въ 1771 г. столкновеніе между парламентомъ и министерствомъ Людовика XV, вслѣдствіе чего графъ д'Артуа измѣнилъ свое намѣреніе и женился на Маріи Терезіи Савойской. Принцесса Людвика, оставшись въ Шантильи, замѣнила хозяйку въ домѣ отца и сдѣлала вскорѣ это мѣстопребываніе семейства Конде центромъ умственной жизни, куда стекались самыя выдающіяся личности королевскаго двора. Когда великій князь Павелъ Петровичъ, путешествуя по Европѣ со своею супругою подъ именемъ графа Сѣвернаго, посѣтилъ Шантильи, то между высокими гостями и принцессою возникла сердечная пріязнь, которая была для нея полезна впослѣдствіи.

Французская революція заставила принца Конде искать убѣжища

въ Германіи. Принцесса не могла долѣе жить съ отцомъ, занятымъ сформированіемъ легіоновъ изъ эмигрантовъ, и поселилась въ Фрейбургѣ, гдѣ она приняла окончательно рѣшеніе вступить въ монастырь. Изъ Фрейбурга она отправилась въ Туринъ, гдѣ провела нѣкоторое время въ монастырѣ; а когда Августинъ Летранжъ основалъ въ Швейцаріи, близъ Фрейбурга, монастырь траппистокъ, въ которомъ соблюдались самыя строгія правила, то принцесса поступила туда послушницей, принявъ имя Маріи Жозефины.

Въ 1797 г., когда французскія войска вступили въ Швейцарію, донъ Августинъ отправился въ Петербургъ и получилъ отъ императора Павла дозволеніе поселиться въ Россіи со своими монахами и монахинями. Трапписты были обязаны этимъ принцессѣ, которая просила за нихъ императора Павла письменно, во имя дружественныхъ отношеній, завязавшихся между ними во время пребыванія графа Сѣвернаго въ Шантильи [1]). Согласіе императора было послано съ особымъ курьеромъ въ замокъ Фюрстеймридъ (Fürsteimried) близъ Мюнхена, гдѣ принцесса нашла временно убѣжище вмѣстѣ съ неразлучной своей спутницей и подругой матерью Розаліей (madame de la Rosière). Такъ какъ принцесса просила также императора дозволить ей поселиться въ одномъ изъ базиліанскихъ монастырей въ Россіи, то Павелъ I-й увѣдомилъ ее письмомъ отъ 17-го мая 1799 г., что митрополиту римско-католическихъ церквей въ Россіи Сестренцевичу разрѣшено назначить принцессу настоятельницею траппистокъ, когда она произнесетъ надлежащій обѣтъ (aussitôt qu'elle aura fait ses voeux), а до этого времени ей позволялось жить въ базиліанскомъ монастырѣ въ Оршѣ.

Пріѣхавъ въ этотъ монастырь вмѣстѣ съ матерью Розаліей, принцесса начала готовиться къ искусу, но такъ какъ эта мѣстность не обладала условіями, необходимыми для того, чтобы всецѣло предаться размышленію и исполненію религіозныхъ обязанностей, то она переѣхала, въ январѣ 1800 г., въ Несвижъ.

Узнавъ о прибытіи Людовика XVIII въ Варшаву, принцесса рѣшила поселиться ближе къ роднымъ, тѣмъ болѣе что въ Варшавѣ существовалъ монастырь Panien Sakramentehk, въ которомъ, согласно завѣщанію Маріи Казиміры, сдѣлавшей въ этотъ монастырь денежный вкладъ, монахини, во время своего искуса, должны были заботиться о распространеніи въ Польшѣ французскаго языка.

---

[1]) Отецъ Августинъ просилъ сестру Марію Жозефину обратиться къ императору съ просьбою дать въ его владѣніяхъ пристанище вновь организованной общинѣ траппистовъ. Покорная послушница повиновалась: „Прошу любезнаго графа Сѣвернаго, быть моимъ ходатаемъ у императора Павла»,— писала она („Vie de Louise Adélaide de Bourbon Condé". Paris. 1843 т. I, 129).

Въ числѣ этихъ монахинь находились всегда особы, принадлежавшія къ знатнѣйшимъ польскимъ фамиліямъ, и кромѣ того не менѣе восьми француженокъ.

Въ концѣ царствованія Станислава Августа, монастырь сакраментокъ утратилъ свой прежній блескъ и обѣднѣлъ, такъ какъ, ссудивъ королю за извѣстный процентъ довольно большую сумму денегъ, онъ не получалъ аккуратно процентовъ. Въ довершеніе бѣды, прусское правительство конфисковало монастырскія земли, и монахини были вынуждены арендовать свое собственное имѣніе Мацержицъ (Maciergysz). Такъ какъ при этомъ монастырѣ состояло братство Adoracyi Najświętszego Sakramentu, въ которое принцесса Людвика пожелала вступить, то это побудило ее ходатайствовать у русскаго и прусскаго правительства о разрѣшеніи пріѣхать въ Варшаву.

Въ это время въ Россіи совершилась перемѣна престолонаслѣдія. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1801 г. скончался императоръ Павелъ. 30-го марта принцесса Луиза Аделаида получила отъ молодаго императора Александра I-го сердечное письмо, въ которомъ, называя ее своей «кузиной», онъ изъявлялъ согласіе на ея просьбу и, назначивъ ей опредѣленную пенсію, обѣщалъ выхлопотать ей у прусскаго правительства чрезъ своего посланника въ Берлинѣ позволеніе пріѣхать въ Варшаву.

Король прусскій въ письмѣ отъ 2-го іюля 1801 г. изъявилъ принцессѣ на это свое согласіе, вмѣстѣ съ любезнымъ пожеланіемъ, чтобы монастырское уединеніе, котораго она искала, принесло ей желаемое утѣшеніе, и чтобы гостепріимство прусской монархіи облегчило ей тяжелыя воспоминанія прошлаго.

Королева Луиза приложила къ этому письму отъ себя лично повелѣніе прусскимъ властямъ въ Варшавѣ не препятствовать сестрѣ Розаліи жить вмѣстѣ съ принцессой. «Il est juste, писала королева принцессѣ, qu'au moins vous puissiez déposer vos peines dans le sein de l'amitié!.. [1])

Отбывъ, по пріѣздѣ въ монастырь, трехмѣсячный искусъ въ свѣтскомъ платьѣ, принцесса де-Конде облеклась въ монашеское одѣяніе. Ее благословилъ на это 20-го сентября 1801 г. епископъ варшавскій, Мясковскій, въ присутствіи Людовика XVIII и герцога и герцогини Ангулемскихъ. Пробывъ два года послушницей, Марія Жозефина была пострижена 20-го сентября 1802 года въ присутствіи королевской семьи и сдѣлалась настоятельницей монастыря. (Bartoszewicz: Kościoły warszawskie, стр. 315).

«Обрядъ постриженія былъ совершенъ торжественно, пишетъ Ма-

---

[1]) Справедливость требуетъ, чтобы вы могли по крайней мѣрѣ излить свое горе въ сердце друга.

гіеръ. Ряса и другіе предметы, необходимые при этой церемоніи, стоили дорого и были изготовлены у г-жи Леду (Ledoux), содержавшей магазинъ модъ. Во время обряда, когда принцесса, лежавшая распростертою на полу, была накрыта монашескимъ покровомъ, всѣ присутствовавшіе при этомъ члены королевской семьи и постороннія лица были растроганы до глубины души».

XII.

Перемѣна русской политики.—Побѣды Бонапарта.—Ряды эмигрантовъ рѣдѣютъ.—Нужда при дворѣ Людовика XVIII.—Образъ жизни эмигрантовъ въ Варшавѣ.—Общественные театры.—Флиртъ.—Пріѣздъ въ Варшаву супруги короля.—Споръ о билліардѣ.—Польскій театръ.—Марсельеза, вызвавшая гнѣвъ королевы.

Вступленіе на престолъ императора Александра I ознаменовалось благопріятною для консула Бонапарта перемѣною въ русской политикѣ. Назначивъ въ Петербургъ чрезвычайнымъ посланникомъ своего адъютанта, Дюрока, Наполеонъ хотѣлъ снискать этимъ расположеніе молодаго монарха, чтобы облегчить заключеніе союза между Россіей и Франціей. Попытка эта была сдѣлана еще въ предъидущее царствованіе, хотя посольство Колычева въ Парижъ не принесло ожидаемыхъ результатовъ, вслѣдствіе неспособности посла. Миръ, заключенный въ Люневилѣ, который былъ плодомъ побѣды, одержанной Бонапартомъ при Маренго, доставилъ Франціи небывалое значеніе. Австрія утратила свое вліяніе, положеніе Пруссіи сдѣлалось ненадежно, Франція же заняла въ Европѣ положеніе третейскаго судьи, какъ во времена Людовика XIV. Вся Италія подпала подъ верховную власть Бонапарта.

Онъ объявилъ себя президентомъ Цизальпинской республики, въ которую входили Миланъ, Парма, Модена и Мантуя и часть бывшей Венеціанской республики. Вліяніе Франціи простиралось даже на Неаполь и на Римъ. Германская имперія распалась; Бельгія была присоединена къ Франціи, Голландія лишилась своей независимости. Такая же участь постигла Испанію и Португалію.

Удары, нанесенные легитимизму въ латинскихъ земляхъ, пошатнули надежду французскихъ эмигрантовъ на то, что положеніе европейскихъ государствъ вскорѣ измѣнится къ лучшему; они поняли необходимость покориться судьбѣ и вернуться во Францію. Движеніе это усилилось, послѣ того какъ было обнародовано воззваніе перваго консула, который призывалъ эмигрантовъ подъ знамена республики; только тысяча человѣкъ не получили позволенія возвратиться во Францію.

Отношенія между Россіей и Франціей становились сердечнѣе. Назначеніе посланникомъ въ Парижъ гр. Маркова, въ свитѣ котораго находился прославившійся впослѣдствіи дипломатъ Байковъ, свидѣтельствовало о желаніи Россіи признать существовавшее во Франціи правительство и его вліяніе на европейскія дѣла, а обмѣнъ дружественныхъ нотъ между Талейраномъ и русскимъ министромъ кн. Куракинымъ побудилъ упорствовавшихъ до тѣхъ поръ французскихъ эмигрантовъ: де-Ришелье, де-Ламберта, де-Ланжерона, де-Торси и Шуазеля-Гуфье, хлопотать о томъ, чтобы ихъ имена были вычеркнуты изъ списковъ эмигрантовъ и чтобы ихъ приняли на службу подъ знамена Бонапарта.

Съ грустью видѣлъ Людовикъ XVIII, что ряды бывшихъ приверженцевъ Бурбоновъ быстро рѣдѣли. Изъ распущенной въ Хорватіи арміи Конде едва-ли не всѣ солдаты вернулись во Францію, а французскіе дворяне, подкупленные тѣмъ, что первый консулъ возвратилъ имъ конфискованныя имѣнія, толпами спѣшили въ Парижъ, предлагая свои услуги новому правительству.

Въ числѣ приближенныхъ Людовика XVIII осталось весьма мало преданныхъ ему людей; злой рокъ готовилъ ему новый ударъ.

Графъ д'Авари, пользовавшійся величайшимъ довѣріемъ короля и находившійся при немъ неотлучно, захворалъ. Король, чередуясь съ Гардуино, проводилъ у постели больнаго цѣлые дни, читая ему вслухъ книги и газеты; когда же врачи признали необходимымъ послать его на югъ, то Людовикъ отправилъ его въ сопровожденіи Гардуино въ Италію.

Вскорѣ послѣ отъѣзда этихъ двухъ преданныхъ ему людей, короля постигло большое огорченіе; до свѣдѣнія его дошло, что на приверженцевъ Бурбоновъ произвели сильное впечатлѣніе мѣры, принятыя первымъ консуломъ для того, чтобы снискать расположеніе католическаго духовенства и завязать съ папою переговоры о возстановленіи во Франціи католической церкви; и что это было главною причиною, побудившею ихъ перейти на сторону Бонапарта. Поэтому Людовикъ XVIII обратился къ папѣ съ убѣдительной просьбою не оказывать нравственной поддержки Бонапарту и не лишать легитимизма его единственной опоры, такъ какъ въ умѣ французскаго народа мысль о возстановленіи католической церкви отождествлялась съ идеей о возстановленіи на престолъ Бурбоновъ. Папа отвѣчалъ королю въ отеческомъ тонѣ, что христіанская церковь имѣетъ въ его глазахъ слишкомъ большое значеніе, чтобы онъ могъ подчинять ее династическимъ интересамъ потомковъ святаго Людовика.

Въ довершеніе всего, при дворѣ Людовика XVIII все болѣе и болѣе

началъ ощущаться недостатокъ въ деньгахъ [1]); положеніе было тѣмъ затруднительнѣе, что его приходилось скрывать отъ окружающихъ. Необходимость поддерживать во что бы то ни стало показной блескъ двора и жить, какъ подобаетъ королевскому сану, побудила Людовика XVIII разослать всѣмъ дворамъ, принимавшимъ участіе въ судьбѣ Бурбоновъ, письма съ убѣдительною просьбою оказать ему денежную помощь.

Король прожилъ въ Варшавѣ уже полтора года, не получая отъ русскаго двора пенсіи, которая до тѣхъ поръ выдавалась ему аккуратно; у него не было даже въ Петербургѣ уполномоченнаго, который могъ бы поддержать просьбу, съ которой онъ обратился по этому поводу къ русскому двору. Всѣ старанія посланника королевства Обѣихъ Сицилій въ Петербургѣ герцога де-Серра Капріоли, который ходатайствовалъ отъ имени Людовика XVIII, не увѣнчались успѣхомъ [2]). Средства бур-

---

[1]) Пенсія, которую Людовикъ XVIII получалъ отъ русскаго правительства, была остановлена слѣдующимъ указомъ императора Павла за два мѣсяца до его кончины: „Господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и государственный казначей Державинъ. Опредѣленные по указу нашему отъ 6-го іюля 1798 г. королю французскому на содержаніе его съ фамиліею и принадлежащими ему людьми по 200-ти т. руб. ежегодно повелѣваемъ отпускомъ остановить, и потому какъ удержанное по волѣ нашей изъ числа сей суммы, на нынѣшній годъ назначенной, третное число 66.666 руб. 66 2/3 коп., такъ и проч. затѣмъ 133.333 руб. 33 1/3 коп. причислить къ доходамъ принадлежащимъ казначейству, для остаточныхъ суммъ учрежденному. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. Павелъ. 21-го января 1801 г. С.-Петербургъ. (Арх. Гос. Сов. приложеніе къ протоколамъ 1801 г.). Ред.

[2]) Приводимъ относящуюся къ этой просьбѣ выписку изъ журнала Государственнаго Совѣта 25-го іюля 1801 г. „По части иностранной вице-канцлеръ кн. Куракинъ по высочайшему повелѣнію предложилъ письмо короля французскаго Людовика XVIII къ его императорскому величеству о продолженіи ему и на будущее время пансіона, коего выдача остановлена была указомъ покойнаго государя императора, но паки на текущій годъ разрѣшена нынѣ благополучно царствующимъ государемъ императоромъ; и равномѣрно о ходатайствѣ у короля великобританскаго, дабы и онъ съ своей стороны въ содержаніи Людовика XVIII участвовалъ, согласно съ отзывомъ англійскаго министра въ 1797 г. Государственный Совѣтъ для лучшаго разсужденія о сей матеріи полагаетъ нужнымъ, чтобъ доставлено было отъ министерства свѣдѣніе: 1) объ условіяхъ, на какихъ вызванъ былъ король французскій въ Россію покойнымъ государемъ императоромъ и какія увѣренія получилъ онъ тогда, какъ назначенъ былъ ему пансіонъ, коего онъ продолженія нынѣ испрашиваетъ; 2) въ чемъ состоялъ отзывъ англійскаго министра, на который Людовикъ XVIII въ письмѣ своемъ ссылается (Арх. Гос. Сов. прилож. къ протоколамъ 1801 г.).

1801 г., августа 3-го дня въ собраніи Государственнаго Совѣта: по поводу разсужденія о пенсіи Людовику XVIII читаны высочайшіе именные указы государственнымъ казначеямъ барону Васильеву и Державину: первый, отъ 6-го іюля 1798 г., повелѣвающій производить впредь до высочайшаго соизволенія королю французскому на содержаніе съ его фамиліею по 200 т.

бонскаго двора ограничивались въ 1801 г. 200 тысячъ франковъ, присланныхъ ему изъ Испаніи, и 20 тысячами флориновъ, которыя получила герцогиня Ангулемская какъ наслѣдница Маріи Антуанеты. Между тѣмъ содержаніе нѣсколькихъ десятковъ придворныхъ обходилось ежегодно болѣе 400 тысячъ франковъ.

Де-Тувенэ, заступавшій мѣсто отсутствовавшаго гр. д'Авари, тщетно старался добыть необходимыя для королевскаго обихода средства, занимая деньги у варшавскихъ банкировъ. Тѣ изъ нихъ, у которыхъ раньше были заняты деньги, требовали уплаты долга, а для ихъ удовлетворенія не было никакихъ средствъ.

Недостатокъ средствъ отозвался на всѣхъ приближенныхъ Людовика XVIII. Придворные, предоставленные своей собственной участи, пустились въ подозрительныя спекуляціи, позоря свое имя и честь. Нѣкоторые изъ нихъ занялись торговыми оборотами; покупали разныя вещи или брали ихъ въ долгъ и перепродавали за безцѣнокъ,

---

руб. ежегодно.—Второй, отъ 21-го января нынѣшняго года, коимъ предписывается выдачу сей суммы остановить; третій отъ 22-го марта о возобновленіи выдачи оной суммы на сей годъ. Сверхъ сихъ представлено еще вице-канцлеромъ письмо генерала графа фонъ-деръ-Палена, писанное по волѣ покойнаго государя императора къ митавскому военному губернатору барону Ферзену о внушеніи Людовику XVIII желанія государя, чтобы онъ сблизился съ супругою своею въ Шіерензее, близъ Киля пребывающею, съ увѣреніемъ, что и тамъ получать онъ будетъ то же содержаніе, какое въ Митавѣ ему производилось. Совѣтъ, не видя изъ всѣхъ сихъ бумагъ, чтобы Людовику XVIII дано было увѣреніе или даже обѣщаніе о постоянномъ произвожденіи суммы, которая ему въ Митавѣ отпускалась, не видитъ и обязанности необходимой, чтобы на издержку вовсе безпутную, употреблялась толь значительная сумма, коей выдача и вывозъ за границу для государственной казны составляетъ уже нѣкоторое отягощеніе. Что же касается до просьбы Людовика XVIII о наклоненіи къ участвованію въ его содержаніи и двора Лондонскаго, который, какъ пишетъ онъ, изъявлялъ къ тому въ 1797 г. готовность, на основаніи чего и посланъ былъ нынѣ отъ него туда повѣренный и переговоры шли довольно успѣшно, какъ по слухамъ будто о послѣднемъ повелѣніи государя императора о выдачѣ на сей годъ 200 т. руб. участіе Лондонскаго двора совсѣмъ остыло. Въ семъ обстоятельствѣ почитаетъ Совѣтъ, что просьбу его удовлетворить можно не только въ отношеніи Лондонскаго двора, но пригласить даже къ тому и другіе Бурбонскаго колѣна дворы, равно и Вѣнскій, который особливое долженъ брать участіе въ жребіи племянницы Людовика XVIII, тѣснѣйшими узами родства съ самимъ императоромъ римскимъ связанной, и о участи которой наиболѣе Людовикъ XVIII безпокоится.—Когда же всѣ другіе дворы изъявятъ готовность учредить жребій фамиліи Людовика XVIII и дѣйствительно сдѣлаютъ о томъ прочное положеніе, тогда несомнѣнно и государь императоръ, по сродному великодушію, не откажется принять участіе въ содержаніи сей фамиліи, что и будетъ удобно исполнить безъ отягощенія казны.—(Арх. Гос. Сов., приложеніе къ протоколамъ 1801 г. протоколъ 3-го августа 1801 г.) Ред.

только бы имѣть деньги на расходъ Другіе увлекались азартной игрою. Любимецъ короля, молодой герцогъ де-Флёри былъ по уши въ долгахъ и съ отчаянія поддѣлалъ векселя. Герцоги де-Грамонъ и де-Піеннъ спасли его отъ суда, поручившись за него передъ кредиторами, но король, узнавъ объ этомъ, воспретилъ легкомысленному юношѣ бывать при дворѣ. (E. Daudet).

Въ Варшавѣ, разыгралась въ малыхъ размѣрахъ та же трагикомедія, которую эмигранты переживали на первыхъ порахъ въ Кобленцѣ и Гамбургѣ, гдѣ праздность побудила ихъ къ самымъ безобразнымъ поступкамъ; они шатались по улицамъ, знакомились и сближались съ людьми безо всякаго разбора, лишь бы воспользоваться даровымъ угощеніемъ и перехватить то тамъ, то тутъ денегъ. Они продавали ловкимъ обманщикамъ за безцѣнокъ вещи, которыя имъ удалось захватить съ собою во время бѣгства изъ Парижа, или закладывали ихъ, не имѣя ни малѣйшей надежды выкупить обратно.

«Важныя дамы,—пишетъ Сентъ Арманъ,—которыя старались вначалѣ соблюдать тотъ же тонъ и этикетъ, какъ въ Версалѣ, гдѣ эти остроумныя и гордыя красавицы занимались однѣми интригами, были вынуждены существовать подачками или, въ лучшемъ случаѣ, зарабатывать деньги рукодѣльемъ. Онѣ распродали свои послѣднія драгоцѣнности и кружева. Однѣ изъ нихъ давали уроки, другія открыли лавочки и занялись торговлею. Подъ вечеръ онѣ собирались всѣ вмѣстѣ и, бесѣдуя о своей горькой участи, говорили другъ другу съ грустной улыбкой: «Довольно торговать, будемъ теперь играть роль важныхъ дамъ».

Въ Варшавѣ французскимъ эмигрантамъ жилось привольнѣе и веселѣе; туда наѣхало множество обѣднѣвшихъ французскихъ аристократовъ, которыхъ принимали съ распростертыми объятіями въ самыхъ знатныхъ польскихъ домахъ, такъ какъ они вносили въ общество веселье и оживленіе и съ свойственной французамъ любезностью ухаживали за дамами. Послѣднему много способствовали любительскіе спектакли, которые устраивались время отъ время во дворцѣ Чарторыйскихъ; эти представленія составляли полную противуположность польскому театру и назывались théâtre de société. Затѣя эта зародилась во дворцѣ кн. Іосифа Понятовскаго; къ нему съѣзжались французскіе эмигранты самыхъ громкихъ фамилій и обсуждали у него и составляли программы любительскихъ спектаклей. Варшавская золотая молодежь, принявшая въ свою среду французскихъ герцоговъ, маркграфовъ и графовъ, принимала вмѣстѣ съ ними участіе въ этихъ увеселеніяхъ и считала для себя за высокую честь, если г-жа де-Вобанъ поручала имъ какую-нибудь роль. Главныя роли исполняли: Северина Потоцкая, Тышкевичъ, Валевская и Соболевская и дѣвицы: Фаврь, Цихоцкая и Тренбицкая. Изъ мужчинъ играли: Людвигъ Радзивиллъ, де-Вобанъ, герцогъ де-Граммонъ, герцогъ де-

Флёри, Фрибъ, Раутенштраухъ и Суходольскій, адъютантъ князя Іосифа Понятовскаго. Число актеровъ увеличилось съ пріѣздомъ барона Кицкаго, Покутинскаго, Фр. Потоцкаго, Михаила Грабовскаго и другихъ лицъ. Наплывъ зрителей на эти спектакли былъ такъ великъ, что зачастую не хватало мѣстъ, а за кресло платили по нѣсколько дукатовъ.

Польскія дамы восторгались въ своихъ письмахъ сценическимъ талантомъ и другими качествами эмигрантовъ, которые имѣли успѣхъ не на одномъ только драматическомъ поприщѣ. Онѣ восхищались принцемъ де-Гюишъ, который былъ мужчина изъ себя видный и весьма способный... Онъ часто игралъ въ Лазенкахъ въ фараона съ кн. Константиномъ Чарторыйскимъ; передавали другъ другу по секрету о побѣдахъ «опаснаго» de Vincent; говорили, будто бы де-Тувенэ «стрѣлялся съ отчаянія, что одна вдовушка, въ которую онъ былъ влюбленъ, не хотѣла выйти за него замужъ... впрочемъ, онъ только ранилъ себя, и дама его сердца отдала ему свою руку».

Извѣстный уже намъ герцогъ де-Флёри «пренебрегъ г-жой Цихоцкой (дочь Станислава-Августа) для Поцейовской, женщины, которая была нисколько не красивѣе ея. Цихоцкая плакала, жаловалась, горевала, но герцогъ былъ глухъ на всѣ ея просьбы до тѣхъ поръ, пока она не развелась со своимъ мужемъ, чтобы выйти за него замужъ». (Falkowski: Obrazy I, 173).

Можно удивляться побѣдамъ, которыя одерживалъ герцогъ де-Флёри, такъ какъ онъ былъ «довольно безобразенъ». За то д'Авари пользовался у дамъ репутаціей «очаровательнаго» человѣка, хотя онъ не былъ ни молодъ, ни красивъ.

О виконтѣ д'Агу (Agoult) говорили, что онъ красивъ, но холоденъ съ женщинами, «хотя въ глубинѣ души очень нѣженъ»...

«Это типъ настоящаго романскаго богатыря», писала объ немъ воспитанница Малаховскаго, княжна Марія Радзивиллъ, «такъ какъ, по моему мнѣнію, не можетъ быть лучшаго возлюбленнаго, какъ тотъ, который любитъ разъ въ жизни, посвящаетъ себя всецѣло одной женщинѣ и ко всѣмъ прочимъ относится равнодушно» (Falkowski).

Лицо герцога Беррійскаго, по словамъ той же княжны, «было довольно обыкновенно; онъ любилъ танцовать и охотно принималъ участіе въ пикникахъ».

Сочувствіе, съ какимъ польскіе аристократы относились къ французскимъ эмигрантамъ, не ограничивалось одними словами.

Польскіе магнаты, въ особенности семейство Сапѣги, со свойственной ему щедростью помогало Людовику XVIII въ его стѣсненныхъ обстоятельствахъ; не даромъ онъ отзывается въ своихъ запискахъ съ искренней признательностью о лицахъ, которыя помогали ему въ самую тяжелую пору его жизни.

La mémoire des Polonais et de la Pologne—писалъ король, me sera toujours chère; j'espère, que mes successeurs aquitteront un jour la dette d'honneur, que j'ai contractée envers eux» (т. VII, 361) [1]).

Придворные короля также пользовались денежными пособіями отъ поляковъ и принимали отъ нихъ даже самыя незначительныя суммы; доказательствомъ этого служатъ присланные княгиней Анной Сапѣгой 100 дукатовъ на имя виконта д'Агу, подъ предлогомъ, будто они были присланы ему изъ Франціи (Falkowski: Obrazy, I, 201).

Впрочемъ, болѣе благоразумные люди не раздѣляли увлеченія польскаго общества французскими эмигрантами. Они видѣли въ нихъ много отрицательныхъ сторонъ, свойственныхъ тогдашнему французскому обществу, которое послѣ пережитой имъ катастрофы требовало обновленія и исправленія того, что̀ было одною изъ причинъ политическаго упадка французскаго народа. Въ прекрасномъ историческомъ очеркѣ Ролле, озаглавленномъ «Принцъ Конде» (Ks. Kondeusz Sylw. i Szkice, seryа IX), который посвященъ описанію образа жизни французскихъ эмигрантовъ на Волыни, отразился взглядъ трезвыхъ польскихъ умовъ на вредное вліяніе, которое французы имѣли на польское общество.

«Высокіе эмигранты не возбуждали къ себѣ особеннаго сочувствія, писалъ авторъ. Въ Европѣ пронесся революціонный духъ; у насъ было болѣе людей, сочувствовавшихъ революціонной Франціи, нежели ея бездомной царственной семьѣ. Вмѣстѣ съ королемъ прибыла въ Польшу масса всякаго сброда, подъ названіемъ герцоговъ, графовъ, бароновъ; ихъ наѣхало такое множество, что не было почти ни одного дома, гдѣ бы не оказался французъ капелланъ, гувернеръ, учитель, другъ или совѣтникъ, не говоря уже о разнаго рода слугахъ. Всѣ они учили насъ французскому языку, манерамъ и обычаямъ, и сѣяли плевелы въ юныхъ сердцахъ, не зараженныхъ еще въ царствованіе Станислава Августа. Этому мы обязаны порчѣ нашихъ нравовъ и нашимъ превращеніемъ въ французовъ, но въ французовъ, дезертировавшихъ изъ отечества, которое въ нихъ нуждалось»...

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1803 г. въ Варшаву пріѣхала супруга Людовика XVIII въ сопровожденіи двухъ дамъ, доктора и нѣсколькихъ слугъ. Она давно уже извѣстила короля письмомъ о своемъ пріѣздѣ. Знакомый намъ шпіонъ министра Фуше, Галлонъ Бойеръ объясняетъ тайную цѣль ея пріѣзда. Оказывается, что королева, истративъ пенсію, выданную ей за два года впередъ, и терпя во всемъ недостатокъ, рѣшила ожидать лучшихъ временъ въ обществѣ нелюбимаго ею супруга. Но она не нашла въ Варшавѣ того комфорта, къ которому она привыкла. Помѣщеніе во дворцѣ

[1]) Память о полякахъ и о Польшѣ всегда будетъ мнѣ дорога. Надѣюсь, что мои преемники отплатятъ имъ за меня со временемъ долгъ чести.

оказалось слишкомъ тѣсно. Въ ея распоряженіе были отданы двѣ комнаты и обширная передняя, которая должна была служить пріемной. Въ большомъ залѣ, который она хотѣла обставить какъ должно для пріемовъ, король-изгнанникъ поставилъ для своего развлеченія бильіардъ. Королева потребовала прежде всего, чтобы бильіардъ былъ вынесенъ и чтобы залъ былъ предоставленъ исключительно въ ея распоряженіе. Король, само собою разумѣется, не хотѣлъ сдѣлать ни малѣйшей уступки. Это подало поводъ къ ссорамъ и къ непріятностямъ...

«Миръ или война,—пишетъ Бойеръ,—зависятъ отъ того, будетъ ли бильіардъ вынесенъ или оставленъ на мѣстѣ. Если зеленое сукно будетъ побѣждено,—то королева будетъ имѣть прекрасный залъ для игры ея въ маріонетки. Если же онъ останется, трудно сказать, что̀ можетъ произойти».

Между тѣмъ королева, желая расположить въ свою пользу мѣстныхъ жителей, рѣшила не посѣщать французскихъ спектаклей, которые нравились королю, и бывать исключительно въ народномъ театрѣ, на Красинской площади. Она купила себѣ ложу, «гдѣ, въ ожиданіи лучшаго, могла развлекаться пріятнымъ зрѣлищемъ» и съ удовольствіемъ присутствовала на представленіи оперы «Przerwana ofiara». Опера эта, поставленная впервые 5-го ноября 1802 г., въ переводѣ Богуславскаго, дотого нравилась варшавской публикѣ, что вытѣснила даже изъ Варшавы италіанскую оперу, въ которой пѣли: Деликати, Діаманти, Збіоча и Бертини, привезенные въ 1802 г. антрепренеромъ Чіавакки, и которыхъ охотно слушала мѣстная аристократія.

Польская опера, подъ дирекціей Эльснера, и прекрасные голоса мѣстныхъ талантливыхъ пѣвицъ: Петрахи и Стефани, обратили на себя вскорѣ вниманіе королевскаго двора, и придворные Людовика XVIII стали усердно посѣщать этотъ театръ. Тутъ Магіеръ видѣлъ впервые королеву, которую онъ описываетъ такъ: «это была особа небольшаго роста, худощавая, смуглая и весьма образованная».

Къ сожалѣнію, ей не долго пришлось наслаждаться оперой. Возраставшія все болѣе и болѣе симпатіи къ первому консулу подали поводъ къ демонстраціи, которая чрезвычайно оскорбила монархическія чувства Бурбоновъ.

На одномъ изъ представленій, на которомъ присутствовала королева со своимъ дворомъ, оркестръ Эльснера грянулъ: «Allons, enfants de la patrie!», а публика, вставъ со своихъ мѣстъ, привѣтствовала этотъ революціонный гимнъ восторженными криками.

Весь партеръ и при томъ самая избранная часть публики выразила свои симпатіи къ французской республикѣ. Королева, разгнѣванная и обиженная, поспѣшно удалилась изъ ложи, en jurant qu'elle n'y regarа-

trait plus... (On assure—прибавляетъ шпіонъ,—que même dans la conversation elle se sert d'expressions très énergiques) [1])...

Французскій дворъ пересталъ посѣщать театръ; единственнымъ его развлеченіемъ съ тѣхъ поръ были прогулки въ Саксонскомъ саду и поѣздки въ окрестности Варшавы: въ Вилланово, Мокотовъ, Яблонны, Маримонтъ и Бѣляны. Герцогиня Ангулемская рѣдко бывала въ обществѣ и почти не принимала участія въ развлеченіяхъ, но часто посѣщала монастыри и старые кварталы города и осматривала историческіе памятники Варшавы.

Перев. **В. В. Тимощукъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Она клялась, что болѣе въ ней не появится. Увѣряютъ,—прибавляетъ шпіонъ,—будто она употребляетъ въ разговорѣ весьма энергичныя выраженія.

Предложеніе воздвигнуть памятникъ императору Александру I.

Представленіе сенатора Дмитрія Ланскаго—Правительствующему Сенату.

4-го декабря 1825 г.

Душевная скорбь отъ неожиданной смерти обожаемаго императора Александра Павловича, погрузившая всѣхъ вѣрноподданныхъ россіянъ въ уныніе, возбудила во мнѣ благонамѣренную мысль, которую поставляю священнѣйшимъ долгомъ представить на уваженіе общему собранію Правительствующаго Сената.

Въ ознаменованіе сердечныхъ чувствъ вѣчной признательности нашей къ великимъ дѣяніямъ монарха, увѣнчаннаго безсмертною славою, изображенія которой я не дерзаю коснуться, потому что перо мое не можетъ достойно выразить всего величія оной, и потому не токмо Россіи, но и всему свѣту она извѣстна, приведу на память одинъ смутный 1812 годъ, въ который премудрымъ распоряженіемъ и твердостью духа избавилъ онъ отъ гибели любезнѣйшее отечество наше, приличною для каждаго вѣрноподданнаго обязанностью считаю воздвигнуть народный памятникъ, изображающій августѣйшій видъ и достопамятное 25-тилѣтнее царствованіе его съ нижеслѣдующею надписью:

Александру Благословенному,
Россійскій народъ.

Ежели Правительствующій Сенатъ одобритъ мысль мою, то не разсудитъ ли войти съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, испрашивающимъ соизволенія его императорскаго величества, какъ на приведеніе въ исполненіе усерднаго желанія нашего, такъ и на воззваніе ко всѣмъ состояніямъ народа о добровольномъ участвованіи въ сооруженіи знаменитаго памятника сего.

Сенатомъ сіе представленіе принято съ восторгомъ, только надпись перемѣнена на слѣдующую:

Александру Первому
Россія.

Петербургъ въ 1831—1832 гг.

(По письмамъ провинціала).

Настоящія письма принадлежатъ перу небезъизвѣстнаго въ литературѣ 1830—1840 годовъ дѣятеля Ивана Васильевича Росковшенка. Они писаны въ пору молодости автора къ его университетскому товарищу Измаилу Ивановичу Срезневскому, сначала въ Харьковъ, затѣмъ въ Екатеринославскую губернію. Представляя собою характеристику Петербурга того времени, написанную подъ угломъ зрѣнія наивнаго захолустнаго провинціала, эти письма въ достаточной мѣрѣ любопытны, и, думаю не заслуживаютъ полнаго забвенія.

Иванъ Васильевичъ Росковшенко родился 4-го августа 1809 года въ Лебединскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи въ селѣ Штеповкѣ. Образованіе свое онъ получилъ въ частномъ пансіонѣ Рейпольскаго и затѣмъ на эвико-политическомъ отдѣленіи философскаго факультета харьковскаго университета (1826—1829). Службу Росковшенко началъ въ 1832 году въ Петербургѣ по департаменту министерства юстиціи; затѣмъ до 1837 г. онъ служилъ въ канцеляріи военнаго министерства и въ Св. Синодѣ; съ 1837 по 1839 г. занималъ мѣсто помощника редактора «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія». Своимъ трудолюбіемъ и способностями онъ обратилъ на себя вниманіе министра народнаго просвѣщенія, графа Уварова и, благодаря ему, былъ назначенъ сначала инспекторомъ тифлисской гимназіи и директоромъ закавказскихъ училищъ, потомъ директоромъ тифлисской гимназіи. При отъѣздѣ изъ Петербурга ему было дано порученіе ознакомиться съ положеніемъ учебной части въ Закавказьи и составить проектъ ея преобразованія. Во время службы на Кавказѣ онъ выступилъ горячимъ противникомъ мысли объ устройствѣ университета въ Тифлисѣ и доказывалъ, что учрежденіе особаго закавказскаго университета послужитъ къ обособленію Закавказья и от-

далитъ его отъ Россіи; средство сближенія съ Россіей, напротивъ, онъ видѣлъ въ посылкѣ кавказскихъ уроженцевъ въ русскія образовательныя учрежденія. Это мнѣніе его, какъ извѣстно, было принято; одобренія удостоился и его проектъ преобразованія учебной части. Враждебное отношеніе къ Росковшенку многихъ лицъ администраціи, несмотря на полное къ нему сочувствіе кавказскаго намѣстника, князя М. С. Воронцова, принудило его въ 1848 г. просить перевода изъ Тифлиса. Онъ получилъ мѣсто директора гимназіи сначала въ Каменецъ-Подольскѣ, потомъ въ Ровнѣ (въ 1853 г.) и наконецъ въ 1855 году вышелъ въ отставку. Въ 1859 г. онъ снова вступилъ на служебное поприще, занявъ сначала должность цензора въ Москвѣ, а въ 1865 г. должность предсѣдателя московскаго цензурнаго комитета; въ 1880 г. Росковшенко вышелъ въ отставку окончательно. Онъ умеръ 25-го апрѣля 1889 г. [1]).

Первымъ поэтическимъ опытомъ Росковшенка, появившимся въ печати, было, насколько я знаю, его стихотвореніе «Забвеніе» («Вѣстникъ Европы» 1830. 3). Послѣ переѣзда его въ Петербургъ знакомства съ лицами, причастными къ литературѣ, дали сильное развитіе его литературнымъ занятіямъ. Онъ напечаталъ въ журналахъ, газетахъ и альманахахъ того времени много статей разнообразнаго содержанія, преимущественно историческаго (безъ подписи), много стихотвореній (съ подписью И. Р. и В. Мейстеръ), вступилъ въ число сотрудниковъ Энциклопедическаго словаря Плюшара, наконецъ явился въ печати въ качествѣ переводчика Шекспира; имъ переведены «Ромео и Юлія» («Библ. для Чтен.» 1839. т. 33, стр. 81—228), «Сонъ въ Ивановскую ночь» (ibid. 1841. т. 44, стр. 141—224), сцены изъ «Ричарда III». Къ Шекспиру онъ снова вернулся въ старости и, незадолго до смерти переведя комедію «Виндзорскія проказницы», этимъ закончилъ свою литературную дѣятельность. Въ послѣдній періодъ жизни онъ усердно занимался изученіемъ живописи на западѣ и исторіей Малороссіи.

В. Срезневскій.

Изъ писемъ И. В. Росковшенка.

1.

2-го октября 1831 г.

. . . Почти за 100 верстъ до Петербурга видно уже, что подъѣзжаешь къ столицѣ: въ деревняхъ домы въ два этажа и мелочныя лавки...

---

[1]) О Росковшенкѣ см. „Русскій Архивъ“ 1890 г. № 2, стр. 310–315 «Журналъ мин. нар. пр.» 1898. № 1, стр. 5—6.

Новая московская дорога — шоссе проведено черезъ Царское Село, но, не знаю почему, отъ Москвы и обратно не пропускаютъ никого; а въ Царское Село изъ Питера ѣздить можно; и потому мы съ Большой Ижоры поворотили вправо, ночевали въ Малой Ижорѣ надъ Невою. За 16-ть верстъ отъ С.-Петербурга дорога идетъ по берегу Невы. За 12 верстъ до Петербурга не доѣзжая, уже ѣдемъ тѣмъ же городомъ. Здѣсь Александровская мануфактура составляетъ собою цѣлый городъ, превосходно отстроенный; чугунный заводъ, фарфоровый заводъ, загородные домы и другія зданія. Проѣхавши заставу, на лѣвой сторонѣ находится Александро-Невская лавра. Мы поѣхали Невскимъ проспектомъ до Лиговскаго канала или проспекта. Невскій проспектъ отъ Лиговскаго канала совершенно правиленъ; вдали въ концѣ проспекта представляется вызолоченный шпицъ Адмиралтейства; къ нему сходится нѣсколько улицъ. Мы остановились въ Каретной части или Ямской. Того же дня я былъ у Рубана, моего земляка. Отъ него возвратился уже вечеромъ. Мой товарищъ напѣвалъ пѣсню, я курилъ неподдѣльный Жукова табакъ и насвистывалъ стихи изъ Батюшкова:

Что дѣлать въ горѣ, что начать?
Придется умирать
Въ пустынѣ одному безъ помощи и пр. [1]).

Какъ вдругъ является къ намъ Чижовъ [2]). Съ нимъ пошли мы на Невскій проспектъ. Это было уже ночью. Улица была какъ будто иллюминована; здѣсь находится гибель магазиновъ всякихъ; во время вечера магазины на всѣхъ проспектахъ освѣщаются съ величайшимъ вкусомъ. Во всѣхъ домахъ стекла огромныя, зеркальныя; невольно проходишь нѣсколько часовъ, не чувствуя усталости, и скажешь: очаровательно. Съ какимъ вкусомъ все разложено и разстановлено въ магазинахъ фарфоровыхъ, модныхъ, бронзовыхъ, чайныхъ, въ магазинахъ бюстовъ и проч. Но я описать не могу; если есть или будетъ у тебя лишняя не сотня, а тысяча, пріѣзжай и полюбуйся Питеромъ. Какая разница съ Москвою и въ зданіяхъ и въ чистотѣ, и въ многолюдствѣ: на улицахъ не разойдешься.

. . . Для фрака я купилъ черное сукно по 23 руб. ас. аршинъ, какого не найдешь въ Харьковѣ и за 35. Только работа ужасно дорога; бестія портной до сихъ поръ не несетъ мнѣ и я ни къ кому изъ будущихъ моихъ патроновъ не могу явиться. Шелковую шляпу купилъ за 13 руб. ас. Вотъ что только не нравится: жить здѣсь чрезвычайно дорого, дороже, чѣмъ я себѣ воображалъ; если бы я зналъ, то не оста-

[1]) Изъ стихотворенія: «Странствователь и домосѣдъ».

[2]) Попутчикъ Росковшенка изъ Валдая, студентъ Петербургскаго университета; вѣроятно, это Ѳ. В. Чижовъ, впослѣдствіи адъюнктъ петербургскаго университета, позже извѣстный желѣзно-дорожный дѣятель. См. „Русскую Старину“ 1899 г. № 11. Изъ Архива А. В. Никитенко.

вилъ бы Украины. Мы съ трудомъ нашли квартиру 2 комнаты съ переднею за 30 руб. ас., безъ дровъ и воды, и къ удивленію нашему въ лучшей части города, когда и дальше отъ центра такія квартиры дороже. Со столомъ здѣсь нѣтъ и заведенія отдавать квартиръ. Отдаются однѣ стѣны, безъ мебели даже; за воду особенно платятъ, но у насъ передъ домомъ Фонтанка. Здѣсь берутъ за наемъ одной комнаты до 200 даже руб. ассигнаціями. Намъ каждому квартира со столомъ и дровами обходится въ мѣсяцъ по 60 руб. ас. За наемъ домовъ получаютъ здѣсь по полтораста, двѣсти и больше тысячъ. Если бы я зналъ здѣшнюю дороговизну, не разстался бы съ вами, милые друзья. Тутъ житье тѣмъ, которые имѣютъ домы, купцамъ, ремесленникамъ. Но тому, кто живетъ жалованьемъ, или получаетъ изъ деревни, разумѣю не тысячи, трудно. Здѣсь почти всѣ чиновники живутъ очень скромно. Представь себѣ, пара самыхъ средственныхъ полусапожекъ 20 руб. ас., хорошіе же— 30, 35.

Въ прошлое воскресенье назначено быть параду на Царицыномъ лугу (это площадь возлѣ Мраморнаго дворца) и молебствіе о покореніи Польши; тамъ устроенъ былъ балдахинъ; мы пошли туда тоже...

На-дняхъ познакомился съ однимъ поэтомъ, который участвуетъ въ «Сынѣ Отечества», Печеринымъ [1]). Онъ здѣсь въ университетѣ, кажется, читаетъ латинскій языкъ. Онъ обожатель Шиллера и живетъ въ мірѣ идеаловъ. Самъ онъ, кажется, въ литературномъ отношеніи много значитъ. Съ Аладьинымъ [2]) я бы могъ познакомиться въ книжной лавкѣ, но не хотѣлъ, отложилъ впредь.

Описывать ли тебѣ здѣшнія зданія? Ихъ такъ много, что я еще не могъ успѣть всѣхъ видѣть. Скажу слово о Казанскомъ соборѣ. Это зданіе меня поражаетъ и наводитъ на душу какія-то меланхолическія думы. Въ колоннадѣ, которая сдѣлана полукругомъ подлѣ него, находятъ колонны не такъ большими, но я не хочу замѣчать сего недостатка. Видъ отъ Невскаго къ набережной между Зимнимъ дворцомъ и Адмиралтействомъ прелестный; тутъ мостъ на Васильевскій островъ на островѣ биржа, тамъ Петропавловская крѣпость, корабли... прелестно, прелестно. Но описанія откладываю впредь.

Мы перешли на квартиру уже третій день; комнаты наши на 5-мъ этажѣ. У насъ квартира самая покойная, только не отъ стука экипажей; отъ утра за глубокую полночь раздается гулъ, какъ будто подлѣ насъ шумятъ сотни мельницъ.

---

[1]) Вл. Серг. Печеринъ (р. 1808 † 1880-хъ гг.)—профессоръ греческой словесности въ Московскомъ университетѣ, впослѣдствіи ревностный католикъ-іезуитъ.

[2]) Егоръ Васильевичъ Аладьинъ (р. 1796 † 1860).

2.

22-го октября 1831 г.

. . . Мои любимыя прогулки: 1) по набережной Невы, виды прелестные: Петропавловская крѣпость, Васильевскій островъ, дворцы, громады зданій, барки—все это ново для меня и прелестно; но все это чуждо, дико; 2) по проспектамъ, особенно по Невскому; здѣсь Публичная библіотека, театръ, малый Аничковскій дворецъ наслѣдника престола, гостинный дворъ, Казанскій соборъ, магазины, словомъ огромнѣйшія зданія, и въ перспективѣ адмиралтейство съ ярко вызолоченнымъ огромнымъ шпицемъ. Это мое любимое гулянье; здѣсь не разминешься съ прохожими и гуляющими, лучше сказать, съ зѣвающими на окна магазиновъ, гдѣ выставлены самыя лучшія издѣлія, фарфоръ, картины въ сладострастныхъ положеніяхъ..., прибавь къ этому два ряда экипажей, отъ ихъ стука ничего совершенно не слышно, хоть во все горло кричи.

Вчера я ходилъ съ А. А. Времевымъ по Фонтанкѣ, гдѣ она впадаетъ въ заливъ. Еще издали намъ представился лѣсъ мачтъ и какія-то черныя и бѣлыя пятна, какъ будто въ туманѣ подходишь къ заливу. Не могу тебѣ выразить, какія чувства наполнили мою душу. Это былъ вдали не туманъ, а заливъ, отражающій въ себѣ здѣшнее сѣрое небо. Онъ уподобляется необъятной поверхности перламутроваго цвѣта, по которой въ разныхъ направленіяхъ неслись на всѣхъ парусахъ корабли. Это новое зрѣлище меня поразило, и я въ то время по чувствамъ моимъ былъ полный поэтъ. Мои взоры стремились за улетающими кораблями быть можетъ на край свѣта, я какъ будто хотѣлъ напечатлѣть мои взоры на парусахъ, чтобы и они также полетѣли на край свѣта. Долго бы я любовался очаровательною картиною, но Времевъ напомнилъ, что уже 4-й часъ, пора домой обѣдать...

Про Исакіевскій соборъ я тебѣ еще ничего не сказалъ; здѣсь обычай обгораживать мѣста, гдѣ строится что-нибудь, и я только видѣлъ огромныя колонны изъ гранита, блестящія, какъ зеркало; онѣ уже поставлены. Да, здѣсь будетъ воздвигнутъ памятникъ Александру Павловичу передъ Зимнимъ дворцемъ; онъ будетъ состоять изъ колонны гранитной; эта ужасная громада имѣетъ въ діаметрѣ 12 футовъ, а въ вышину 84 фута; ее уже везутъ сюда изъ Финляндіи; говорятъ, что это цѣлая скала; государь ѣздилъ нарочно смотрѣть, какъ ее отбивали отъ горы; перевозка отъ мѣста до мѣста стоитъ болѣе 170.000 руб. ассиг. Нынѣшній государь чрезвычайно украшаетъ Петербургъ огромнѣйшими зданіями, какихъ въ Москвѣ нѣтъ, и, я думаю, нигдѣ.

Про литераторовъ здѣшнихъ не знаю, что тебѣ сказать. Я обязанъ своей лѣни, что незнакомъ до сихъ поръ съ Печериным. Булгарина здѣсь нѣту, онъ въ своей мызѣ подъ Нарвою; онъ отсюда высланъ, за что навѣрно не знаю; онъ теперь не издатель ни «Сѣверной Пчелы», ни «Сына Отечества». Гречъ, говорятъ, ему обязался платить по 20 тысячъ рублей въ годъ за участіе въ журналахъ, и теперь онъ одинъ выпускаетъ изъ своего улья въ день по одной пчелкѣ. Подолинскій служитъ въ почтамтѣ; онъ имѣетъ страсть къ картамъ, проигрываетъ даже экземпляры бѣдныхъ своихъ поэмокъ, а теперь онъ въ Кіевѣ. Пушкинъ живетъ въ Царскомъ Селѣ; онъ остепенился, и пишетъ, какъ, ты думаешь, что? Поэму?—нѣтъ! Трагедію?—нѣтъ! Сказать ли? Любопытно ли тебѣ знать? Ну, слушай. Ему открыты всѣ архивы, и онъ пишетъ исторію Петра Великаго. Каково! Ты не ожидалъ сего отъ Пушкина. Новая геніальная способность!

Если тебѣ наскучила моя сухая проза, то я отдаленнаго друга готовъ угостить стихами: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ; если и они покажутся тебѣ приторными, не гнѣвайся. Я радъ тебя угощать всѣмъ: что есть въ печи, то на столъ мечи. Вотъ мои риѳмованныя чувства, волновавшія меня въ одной изъ моихъ прогулокъ.

К ъ ю г у [1]).

Ты ужъ мнѣ теперь чужой,
Поневолѣ я съ тобою
Разлученъ моей судьбою,
Югъ прекрасный, югъ родной!
Память сердца прошлыхъ дней
Сѣверъ грустью омрачаетъ!
Что жъ мнѣ рокъ здѣсь назначаетъ?
Скрыто въ мракѣ отъ очей!
Съ грустью тайною брожу
Я безъ друга одинокій
По брегамъ Невы широкой
И разсѣянно гляжу
На палаты и гранитъ;
Всюду вижу дань искусства,
Но куда стремятся чувства
Мнѣ ничто не говоритъ!
Сѣверъ мрачный! Ты молчишь
О странѣ чудесной юга!
За любовь родныхъ и друга
Чѣмъ меня ты наградишь?

Сейчасъ возвратился я изъ прогулки по Невскому проспекту. Что видѣлъ? спросишь ты. Ничего тебѣ не могу сказать: точно какъ ки-

[1]) Стихотвореніе это было напечатано въ „Сѣверныхъ цвѣтахъ“ 1832 г.

тайскія тѣни мелькаетъ у меня все въ головѣ. Но постараюсь кое-что припомнить. За Казанскимъ мостомъ видѣлъ я и любовался двумя модными магазинами; на сей вечеръ окна въ одно стекло были убраны страусовыми перьями разныхъ цвѣтовъ, свѣчи горѣли тускло; издали я почелъ это за картины и былъ очарованъ. Въ окнахъ картиннаго магазина выставлены были картины, изображающія африканокъ и американокъ съ обнаженными прелестями. Жаль, что хозяинъ не стоялъ у дверей и не кричалъ:

Войди въ шалашъ мой, чужестранецъ,
На африканку посмотри.
Глаза у ней какъ смоль, румянецъ
Агата розоваго глянецъ и пр.

Прелестныя картины! Разсматривая здѣшній Magazino Italiano, я думалъ, что я нахожусь въ Венеціи или Римѣ. Магазинъ статуй наполнилъ душу мою самыми романтическими чувствами. Представь себѣ статуи, изображающія собою красоту, добродѣтель, геройство, порокъ; греческіе боги подземные, небесные, морскіе, словомъ вся миѳологія; бюсты, урны; и все это въ огромныхъ комнатахъ скрыто освѣщено, и слабый свѣтъ разливается. Представь себѣ это въ воображеніи, и тебѣ представится и тайное Аугсбургское судилище, и Парнасъ, и пр. и пр.

Заходилъ я въ книжныя лавки. Разсматривалъ въ десятый разъ повѣсти, изданныя пасечникомъ Рудымъ Панькомъ или Яновскимъ (его фамилія двойная, дальше не помню). Здѣшнія книжныя лавки великолѣпнѣе московскихъ. Дѣло пошло о книгахъ, не лишнее будетъ, если я тебѣ скажу, что я купилъ за 47 р. 60 коп. ассиг. слѣдующія книги: «Сѣверные цвѣты» на 1825, 1827, 1828, 1829, 1830 и 1831 годы, «Сѣверный архивъ» на 1825 г., «Невскій Альманахъ» на 1828 и 1830 г., «Альціона» на 1831 г., «Царское Село» на 1830 годъ, «Полярная звѣзда» на 1824 г., «Наталью Долгорукую» Козлова, журналъ Аладьина «С.-Петербургскій вѣстникъ» и «Соревнователь просвѣщенія» на 1825 г. И всѣ книжки, какъ съ иголочки, чистенькія, даже неразрѣзанныя. На толкучемъ рынкѣ книжныхъ лавокъ нѣсколько десятковъ. Тамъ находятся книги на всѣхъ языкахъ и очень дешево. Если хотите имѣть книги или журналы за дешевую цѣну и какія именно или въ какомъ родѣ, то высылайте деньги, и книги вамъ будутъ доставлены, и не думайте, чтобы онѣ были избиты; нѣтъ. За нѣкоторыя книги пересылка будетъ стоить дороже, чѣмъ плата за нихъ. Я видѣлъ тысячи книгъ превосходнѣйшихъ авторовъ на французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, итальянскомъ, латинскомъ и греческомъ языкахъ и ужасно дешево. Здѣсь, если имѣть лишнія деньги, то очень за дешевую сумму можно составить отличную библіотеку. Не думай, чтобы здѣсь были книги все краденыя; нѣтъ, по большей части купленыя съ

аукціона или вымѣненныя. Я познакомился съ однимъ букинистомъ-разносчикомъ книгъ; онъ продаетъ, мѣняетъ книги на что хочешь, вещи, платье и старыя книги; жаль, что твоихъ здѣсь нѣту книгъ, которыя покрыты слоемъ пыли и годятся только, чтобы раскуривать ими трубку; онъ бы съ радостью взялъ ихъ и надѣлилъ тебя хорошими книгами, на какомъ языкѣ хочешь, и очень сходно. Этотъ букинистъ (его рекомендовалъ мнѣ Чижовъ) удивительный человѣкъ; онъ ученѣе, не говорю какого-нибудь студента, но профессора; читаетъ на всѣхъ языкахъ (но какъ произноситъ—Богу извѣстно), знаетъ должное достоинство каждой книги. Если ты не читалъ статьи въ «Сѣверной Пчелѣ» за 1831 г. Буквенистъ, то прочти; тамъ изъ его достоинствъ кое-что еще упущено. На наличныя деньги книги онъ тоже очень дешево отдаетъ,—за половину, треть, четверть, пятую или шестую часть цѣны, напримѣръ стихотворенія мелкія Козлова за 2 руб. 50 коп. ассиг., новыя, неразрѣзанныя. Это мудрецъ.

3.

4-го декабря 1831 г.

Вчера я съ Лыгинымъ и Времевымъ были въ театрѣ; на Маломъ играли трагедію Кребильона «Атрей и Ѳіестъ». Каратыгинъ Старшій былъ Атрей; какъ онъ выполнялъ свою роль злодѣя—надобно было видѣть; Ѳіеста игралъ Борецкій тоже хорошо, по столичному, но не по московски; Григорьевъ—его сына, очень хорошо; Семенова—его дочь, превосходно. Потомъ играли новую комедію въ одномъ дѣйствіи «Проказы ревнивыхъ», сочиненіе Вл. Ш...,[1]) премилую пьесу; сочинителя вызывали на сцену. Здѣсь отличались Каратыгинъ Младшій, Борецкій и извѣстный превосходнѣйшій комикъ, лучше Щепкина—Сосницкій; Семенова и Шаликова Младшая отлично сыграли; ихъ игра такъ же была превосходна, какъ ихъ лица. Надобно сказать, что здѣшнія актрисы, если не всѣ красавицы, то очень хороши. Въ заключеніе были разные танцы и пѣніе; здѣсь отличались Воротниковъ, Дюръ и извѣстная танцовщица Телешева. Здѣшнія труппы русская, французская и нѣмецкая играютъ ежедневно на Большомъ, на Маломъ и на Семіоновскомъ театрѣ, а на Новомъ театрѣ еще не играютъ; Малый театръ сломается и перенесется на Васильевскій островъ. Подлѣ Михайловскаго дворца строится вновь Малый театръ. Новый театръ—превосходное зданіе. На Елагиномъ островѣ—лѣтній театръ. Большой театръ несравненно больше Большаго Московскаго, но наружностью невклюжъ, за то въ серединѣ расположенъ лучше.

---

[1]) В. Шипулинскій.

4.

26-го февраля 1832 г.

. . . . Гдѣ всѣ мечты, которыя прежде роились въ моей головѣ? Все, все подавляетъ существенность. Да, другъ мой, служба для литературы тоже... тоже... видишь, и выраженія сравнительнаго не найду..., но, не смотря на это, сколько чувствъ и мыслей волнуется въ груди и головѣ; они мнѣ не даютъ покоя и каждую минуту готовы, кажется, вылиться изъ сердца, но... служба... У насъ ужасъ сколько дѣла, праздниковъ нѣтъ, и воскресенья не всегда свободны, а въ будни часто и дома по вечерамъ работаю; но со временемъ я, можетъ быть, перейду, гдѣ будетъ и хорошо, и больше времени. И точно, представь себѣ, у насъ въ отдѣленіи всего съ начальникомъ 15 человѣкъ и, повѣришь ли, мы должны заниматься на всю Россію дѣлами по уголовной части, дѣлами не терпящими медленности, отъ которой иногда зависитъ честь или участь на всю жизнь человѣка; сверхъ того, дѣла по высочайшему повелѣнію. Да, любезный другъ, трудно служить, т. е. вѣрою и правдою, а не такъ, чтобы по департаменту ослоняться (московское выраженіе) Но, несмотря на все это, я урывками занимаюсь тѣмъ, что близко сердцу. Одну мою мечту уже осуществляю: первое дѣйствіе приходитъ къ концу—это комедія «Вражда». Кончивши первое дѣйствіе перепишу и пришлю тебѣ. Но, когда перейду служить въ другое мѣсто, тамъ надѣюсь больше посвящать времени. А перейдти на выгоднѣйшее несравненно легче, чѣмъ пріѣхать бѣдному провинціалу и опредѣлиться—это составляетъ важный шагъ...

Да, другъ мой, ты счастливъ въ своей уединенной и безмятежной жизни; не то со мною. Пріятно пріѣхать въ сѣверную Пальмиру, погостить или хоть и жить, но какъ я, и ты, и Іосифъ Аѳанасьевичъ, жили и живете въ незабвенной Украинѣ; но быть обязаннымъ службою половины удовольствій нѣту. Точно нѣтъ удобствъ въ жизни; удовольствія, независимость и инкогнито въ многолюдномъ городѣ не замѣнитъ ничего, всякъ думаетъ о себѣ. Повѣришь ли, я до сихъ поръ никого не знаю, кто квартируетъ со мною въ одномъ домѣ, а живущихъ въ ономъ около 800 душъ. Знаю только одну, но какъ она мила; наши номера въ сосѣдствѣ. Я любуюсь моею Эдою—это олицетворенная невинность; не думай, чтобы я сдуру влюбился, нѣтъ: я какъ художникъ любуюсь изящнымъ произведеніемъ неподражаемаго художника. Здѣсь, сколько есть много хорошенькихъ въ среднемъ классѣ, столько мало въ высшемъ. И какъ отлично всѣ здѣсь одѣваются, и простыя. Когда Хлудовъ въ декабрѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ сюда,

то я повелъ его по Питеру; онъ, удивляясь, сказалъ мнѣ: здѣсь, вѣрно, народонаселеніе женскаго пола вдвое больше, прибавляя, что онъ не видитъ почти ни одной женщины, одѣтой, какъ крестьянки ходятъ. Онъ судилъ по Москвѣ. Здѣсь, можно положить, десятая женщина вмѣняетъ себѣ въ необходимость имѣть шляпку съ вуалемъ, а о салопахъ и плащахъ нечего и говорить, рѣдкая нищая не имѣетъ его.

Говорить ли тебѣ о веселостяхъ здѣшней масленицы, о устроенныхъ балаганахъ на площади Зимняго дворца и ледяныхъ горкахъ, устроенныхъ тамъ же и на Елагиномъ островѣ. О балаганахъ прочитай въ «Сѣверной Пчелѣ»: балаганы—это обидное слово для этихъ волшебныхъ замковъ. Цѣлую недѣлю знаменитый Леманъ, Раппо и другіе тѣшили народъ. Представь себѣ десять балагановъ величиною каждый въ харьковскій театръ, только не такіе безобразные и не изъ холста, но изъ досокъ..., съ башнями, куполами, колоннами и проч. Въ каждомъ оркестръ музыки гремитъ, тысячи веселящихся и глядящихъ на нихъ съ булевара и безконечные ряды катающихся по набережнѣ Невы, по площади и по Милліонной. Надобно все это видѣть; я смотрѣлъ, любовался, но мыслями былъ далеко, въ Украинѣ, сравнивалъ харьковское каррикатурное и бѣдное катанье; но, не смотря на это, я бы промѣнялъ всѣ здѣшнія веселости, чтобъ хоть на нѣсколько часовъ побывать въ Харьковѣ и поговорить съ тобою (потому что вѣрно не наговоримся въ нѣсколько часовъ).

Здѣсь праздновали столѣтній юбилей перваго кадетскаго корпуса. Иллюминація была великолѣпная, отъ которой небо, какъ отъ страшнаго пожара, покрылось заревомъ. Съ какимъ вкусомъ была сдѣлана иллюминація! Это не домъ иллюминовали, но нарочито было построено для этого впереди корпуса. Представь все въ очаровательныхъ огняхъ, все освѣщено не плошками, а стаканчиками. Говорятъ, что иллюминація стоила 30 тысячъ; не знаю, правда ли это. Къ концу масленицы былъ, разумѣется, театръ по два раза въ день; въ эти дни народъ не веселился, но бѣсился отъ веселости... Да, вчера я Пушкина видѣлъ...,

---

5.

28-го февраля 1831 г.

. . . . Петербургъ можно похвалить за то, что здѣсь не соблюдается пустыхъ церемоній, но деликатность доведена до совершенства и соединяется, между прочимъ, съ совершенною свободою. Ты не вѣрь, что говорятъ много худаго про негостепріимство здѣшнее; это провинціалы оттого заключаютъ, что тебя не упрашиваютъ ни ѣсть, ни пить, ни чаще ходить. Если тебѣ пріятно бывать въ какомъ-нибудь домѣ, ходи

хоть два раза въ недѣлю, а если нѣтъ, то въ два мѣсяца разъ, тебѣ не покажутъ ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ неудовольствія. Этотъ городъ, можно сказать, наполненъ эгоистами; всякъ думаетъ о себѣ, о своихъ удовольствіяхъ. И отъ того не видно той принужденности. Напр., я бываю здѣсь въ одномъ домѣ; мужъ занятъ службою, и потому я его если вижу, то на короткое время; онъ уходитъ, оставляя меня съ женою (молоденькою) часто глазъ-на-глазъ, и у насъ разговоры бываютъ такіе, что жительница не Петербурга вѣрно бы краснѣла...

Въ Петербургѣ, какъ я разсматриваю, жить не такъ еще дорого, какъ я думалъ. Мы не имѣемъ стола, а беремъ у повара; здѣсь большая часть чиновниковъ такъ дѣлаетъ. Въ мѣсяцъ платишь ты за порцію обѣда съ хлѣбомъ (отличнымъ) 25 р. ас., получаешь 30 билетовъ; если дома не обѣдаешь, у тебя остается билетъ. Одною порціею могутъ быть довольны два человѣка. Порція состоитъ изъ 4-хъ блюдъ: супъ, соусъ или холодное, жаркое и пирожное, и все это отлично сдѣлано. На жаркое мнѣ онъ еще не подавалъ ни разу говядины: или заяцъ, или рябчикъ, или тетеревъ и проч. Мы беремъ полторы порціи, и на трехъ человѣкъ предостаточно, платимъ 37 р. 50 к. Итакъ, будешь ли ты имѣть въ Харьковѣ обѣдъ такой за 12 р. 50 к. на человѣка. Столъ вашъ ни мало не уступитъ столу Матузка, если ты обѣдалъ у него. Эти повара готовятъ человѣкъ на 50, 80 и 100, и ему та выгода, что онъ отлично одѣтъ и хорошо ѣстъ, бываетъ въ театрѣ и проч., напр. нашъ поваръ: ты, повстрѣчавши его гдѣ-нибудь, исключая кухни, ни за что не подумаешь, что онъ жрецъ Кома: платье у него самаго тонкаго сукна, бобровый сюртукъ, бѣлье батистовое. Сахаръ здѣсь съ новаго года немного вздорожалъ: лучшій я покупаю по 94 к. за фунтъ. Даже и сапоги по ихъ добротѣ здѣсь недороги: съ октября я еще не сносилъ ни одной пары, на годъ довольно двухъ, а много трехъ паръ сапогъ. Здѣсь всякій мужикъ вмѣняетъ себѣ въ необходимость пить чай, а женщины, даже куховарки и работницы прачекъ и проч. пьютъ два раза на день кофе, изъ фарфоровыхъ чашекъ расписанныхъ золотомъ, съ нарисованнымъ амуромъ, или съ вензелемъ своимъ или миленькаго дружка своего. Кстати о кофе, я тебѣ еще ничего не сказалъ о здѣшнихъ кондитерскихъ. Тамъ отлично готовятъ кофе. Извѣстнѣйшія здѣсь кондитерскія: Амбіела, Малинари, А-ла-реноме и О-берже-фидель; объ одной изъ нихъ упоминаетъ Загоскинъ (въ Рославлевѣ). Ты входишь, тебя привѣтствіемъ встрѣчаетъ миленькая француженка, нѣмка или италіанка, требуешь стаканъ кофе, берешь журналъ, безъ всякаго принужденія разсядешься себѣ; иногда собирается человѣкъ тридцать и больше и, если нѣту какого-нибудь чичероне, то всякъ занятъ своимъ дѣломъ; хочешь, садись за фортепіано; если отлично играешь, тебя съ удовольствіемъ будутъ слушать; тебѣ

*

приносятъ кофе, на особомъ блюдечкѣ сахаръ, молочникъ крошечный со сливками и пѣнкою, бисквиты, и все это стоитъ 50 к. Потребовавши стаканъ кофе, ты можешь просидѣть цѣлый день. Трубокъ здѣсь и заведенія нѣту, а цыгары употребляютъ, но въ второклассныхъ кондитерскихъ.

Весна и лѣто здѣсь въ тысячу разъ пріятнѣе. Гулянье на Елагиномъ, Крестовскомъ островахъ, въ Лѣтнемъ саду, Таврическомъ, на загородныхъ дачахъ у вельможъ и богачей, и вездѣ толпы, и вездѣ музыка, и не по одному оркестру, богатые фейерверки и проч. Весною и лѣтомъ я все тебѣ опишу, буду въ Царскомъ Селѣ, Петергофѣ, Павловскѣ и проч. Лѣтомъ здѣсь очень удобно вездѣ бывать, или въ омнибусѣ, или пѣшкомъ, или въ дилижансѣ, который въ Царское Село ходитъ каждый день, или, если въ Петергофъ, то можно водою на пароходѣ 25 верстъ прокатиться. Коляску можно нанять здѣсь на сутки за 8 и 10 руб. ас., четыре человѣка очень могутъ помѣститься. Здѣсь извозчики не дороже московскихъ, а лучшіе извозчики дешевле; напримѣръ, я бываю въ одномъ домѣ за Таврическимъ садомъ (это отъ меня не менѣе четырехъ верстъ) и меня за 40, а иногда за 20 копѣекъ везетъ. О разстояніяхъ ты можешь посмотрѣть на картѣ. Я квартирую между Обуховскимъ и Семеновскимъ мостами.

Почти всякому, кто пріѣзжаетъ въ Петербургъ, онъ понравится только своими зданіями, но не жителями, но кто въ немъ пріобыкнетъ, тотъ не захочетъ съ нимъ разстаться. Петербургъ не такъ, какъ Москва и Харьковъ, построенные на горахъ и равнинахъ: онъ раскинулся на равнинѣ. Здѣсь зима ничуть не холоднѣе украинской, только продолжительнѣе; на второй день Рождества былъ самый большой морозъ въ 20 градусовъ, но въ январѣ и февралѣ почти не было и 10-ти-градусныхъ морозовъ. Хотя бы былъ желѣзный морозъ, чуть подуетъ вѣтеръ съ моря, онъ тотчасъ исчезаетъ: съ перваго дня поста было постоянно отъ 5 до 8 градусовъ; вчера подулъ вѣтеръ, и теперь не больше 2-хъ градусовъ. Но какое ясное теперь небо, какъ солнце свѣтитъ; я увѣренъ, что на Невскомъ проспектѣ не кучами, но стаями прохаживаются; тамъ иногда трудно ходить: цѣлою толпою только движутся.

6.

24-го августа 1832 г.

Письмо твое отъ 5-го іюня я получилъ 17-го того же мѣсяца. Медлилъ къ тебѣ писать не потому, что не хотѣлось, а не имѣлъ почти

денегъ, служа въ министерствѣ юстиціи на ограниченномъ жалованьи (420 р. асс.), коего надобно втрое, чтобъ жить въ столицѣ какъ-нибудь); хотя я и былъ обнадеженъ родителями, но до сихъ поръ не получая ничего, я принужденъ былъ задолжать; не смотря, что я долженъ людямъ, которые меня любятъ и готовы мнѣ помогать, но все тягостно быть должнымъ; желая самому себѣ быть всѣмъ обязаннымъ, я рѣшился—и перешелъ въ военное министерство, въ департаментъ коммиссаріатскій; хотя здѣсь и больше дѣла, но за то штатное мѣсто, и къ будущей веснѣ или и прежде буду получать до 2.000 р. асс. Но это меня не утѣшаетъ, я бы все промѣнялъ на скудную пищу, еслибъ я былъ свободенъ только, независимъ, могъ предаться моимъ мечтамъ. Теперь я начинаю чувствовать мои силы, теперь я смотрю на всѣ предметы, какъ должно смотрѣть; но я связанъ, я не могу сказать самъ себѣ какъ Веневитиновъ:

Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый мигъ въ ней воскрешай,
На каждый звукъ ея призывный
Отзывной пѣснью отвѣчай [1]).

Исполняя только волю родителей, я служу; иначе бы, я пошелъ дорогою свободной

Куда влечетъ меня свободный умъ.

7.

2-го сентября 1832 г.

Третьяго дня ставили колонну. Описывать ли тебѣ блистательный поѣздъ царской фамиліи и всего двора съ посланниками, говорить ли тебѣ о безчисленномъ стеченіи народа? Безъ увеличенія можно сказать, что было болѣе ста тысячъ; крыши, окна, словомъ, гдѣ только можно было стоять, все было наполнено народомъ. Два часа ставили колонну. Но объ ней прочтешь въ Вѣдомостяхъ. Вчера открыли Новый театръ; играли «Пожарскаго» и «Испанскій праздникъ», балетъ. Невозможно было и думать пробраться туда. Театръ и площадь названы во имя государыни—Александринскими...

Не сердись, что я не отвѣчаю теперь тебѣ ничего о книгахъ, о которыхъ ты писалъ ко мнѣ. Здѣсь службою я еще больше занятъ; въ юстиціи бывалъ съ 11-го часу до 2-хъ или до 3-хъ часовъ, а здѣсь съ 9-ти и почти до 4-хъ часовъ и послѣ обѣда съ 7-ми или 8-ми до 10-ти, а иногда и за полночь. Ахъ, любезный другъ, еслибъ я могъ

[1]) Изъ стихотворенія: „Я чувствую, во мнѣ горитъ“.

предаться тому, къ чему влечетъ меня—и самъ не знаю, что... Если бъ не огорчить родителей, то я былъ бы счастливѣйшимъ человѣкомъ, съ мѣстомъ учителя, а здѣсь такъ легко имѣть хорошее мѣсто въ отъѣздъ въ деревню, а иногда и за границу. Посмотрю, куда судьба меня поведетъ.

Изъ семинарскихъ нравовъ 70-хъ годовъ.

Дьячекъ села Рюминскаго Петръ Кузьмичъ Крестовоздвиженскій и жена его Татьяна Ивановна сидѣли за кипящимъ самоваромъ вдвоемъ, въ сумерки воскреснаго зимняго дня.

Петръ Кузьмичъ и Татьяна Ивановна были счастливые супруги. Приходъ у нихъ былъ большой, доходный; семьей—дѣтьми они обременены не были. У нихъ былъ единственный сынъ Василій, составлявшій для нихъ предметъ радости и гордости, любви и утѣшенія, такъ какъ онъ учился уже въ шестомъ, послѣднемъ, классѣ семинаріи, и въ спискахъ значился подъ номеромъ первымъ, а это обстоятельство давало родителямъ полное основаніе предполагать, что ихъ единственный сынъ назначенъ будетъ въ духовную академію. Въ этомъ увѣренъ былъ и молодой Крестовоздвиженскій.

Мечты объ академіи болѣе и чаще всего занимали Петра Кузьмича, одержимаго нѣкоторымъ тщеславіемъ.

Эти мечты онъ передавалъ иногда и Татьянѣ Ивановнѣ, но она хотя и сочувствовала во всемъ супругу своему, но, пораженная его ученостью, кротко отвѣчала: «какъ Богъ дастъ; безъ воли Божіей, ничего не устроишь».

— Я тебѣ и говорю: по премудрому Божію произволенію, сіе и обозначаетъ токмо то, что Богъ дастъ, что Ему угодно.

Сидя за самоваромъ и выпивъ чашекъ по пяти чайку, счастливые супруги потревожены были стукомъ въ окно.

— Должно-быть, съ требой кто-нибудь,—замѣтилъ Петръ Кузьмичъ и, не очень довольный, пошелъ въ сѣни отпереть крыльцо.

Безпокойство Петра Кузьмича было напрасное, требы никакой не было: стучалъ въ окно сторожъ волостнаго правленія, Ѳедотъ, принес-

шій письмо, адресованное на имя Петра Кузьмича, привезенное изъ города съ почты волостнымъ писаремъ. Получивъ изъ рукъ Ѳедота письмо, Петръ Кузьмичъ не безъ трепета взошелъ въ домъ, отыскалъ свои очки, обыкновенно висѣвшія подъ зеркаломъ, а на этотъ разъ, какъ на грѣхъ, «запропастившіяся» и найденныя имъ въ Тріоди постной, читанной имъ передъ чаемъ.

Взглянувъ на конвертъ письма, Петръ Кузьмичъ узналъ почеркъ своего сына и, дрожащими руками взявъ ножницы, разрѣзалъ конвертъ, и сначала про себя, а затѣмъ вслухъ, для Татьяны Ивановны, прочиталъ сыновнее письмо, которое заключало въ себѣ слѣдующія строки:

«Симъ извѣщаю васъ, что я, по милости Божіей, живъ и здоровъ, нужды особой ни въ чемъ не имѣю, съ учебными дѣлами справляюсь и ими не тягощусь. На-дняхъ намъ объявили распоряженіе начальства о томъ, что мы, пять человѣкъ воспитанниковъ шестаго класса, назначены къ посвященію въ стихарь въ праздникъ Срѣтенія, при чемъ я назначенъ произнести «слово» во время литургіи. Вотъ хорошо было бы вамъ пріѣхать къ этому времени ко мнѣ, посмотрѣть на архіерейское служеніе и на мое посвященіе въ низшую степень клира. Право, соберитесь-ка; теперь у васъ особыхъ дѣлъ нѣтъ, и батюшка, вѣроятно, задерживать не будетъ, дастъ разрѣшеніе на отлучку.

«Моля Бога о здравіи вашемъ и прося вашего благословенія, остаюсь любящій и покорный сынъ вашъ Василій Крестовоздвиженскій».

Петръ Кузьмичъ, прочитавъ письмо, молчалъ и вопросительно смотрѣлъ на Татьяну Ивановну.

— Ну, вотъ, замѣтила она, а мнѣ въ сей ночи грезилась новина, будто я во всю усадьбу разостлала новину, а матушка-попадья будто-бы идетъ и говоритъ: ишъ, Ивановна, какую большую новину-то выткала. Проснулась я и думаю: быть дорогѣ, ну, вотъ оно такъ и выходитъ. Какъ увидишь новину во снѣ—быть дорогѣ, сколько разъ я примѣчала.

— Ты думаешь о своихъ снахъ да примѣтахъ, а я помышляю совсѣмъ объ иномъ.

— О чемъ ты еще помышляешь?

— Помышляю я о той красотѣ слога и склада, которыми преизбыточествуетъ письмо сына. Читаю письмо Василія, роднаго нашего сына, а мнѣ мнится, будто читаю оду Державина или исторію Государства Россійскаго—Карамзина. Ты въ дѣлахъ сихъ несвѣдуща, тебѣ и толковать нечего. А я, вотъ, не могу и невольно возношусь душой своей къ симъ великимъ мужамъ, подобныхъ которымъ во дни наши нѣтъ и не будетъ. Ибо нынѣшняя наука противъ прежней не стоитъ и десятой доли.

— А какъ же ты говоришь на счетъ Васи-то, что онъ не хуже прежнихъ ученыхъ.

— Вотъ, вотъ, меня сіе и радуетъ и удивляетъ, что сынъ нашъ пишетъ, какъ истинно ученый человѣкъ, что онъ не чета прочимъ другимъ.

— Ну, Богъ съ ней, съ ученостью-то.... Поѣдемъ, правду, посмотримъ, какъ сыночка посвящать будутъ въ стихарь; помолимся угодникамъ Божіимъ; на служеніе владыки посмотримъ.

— Хотя рѣчь твоя подобна словесамъ жены мудрыя, но не такъ легко привести въ исполненіе желаемое, ибо Срѣтеніе Господне—праздникъ дванадесятый, и сомнительно, чтобы батюшка разрѣшилъ отлучку отъ такого великаго праздника.

— А ты объясни, по какому случаю просишься, думаю, и у него сердце не каменное, восчувствуетъ и отпуститъ....

Батюшка «восчувствовалъ» и отпустилъ Петра Кузьмича безъ всякой задержки, такъ какъ въ праздникъ Срѣтенія онъ могъ отправить службу съ нѣкоторыми прихожанами, знавшими порядокъ церковной службы.

Веселые и довольные ѣхали на сытой рыженькой лошадкѣ Петръ Кузьмичъ и Татьяна Ивановна къ своему сынку въ губернскій городъ. Ѣхать имъ нужно было около ста верстъ. Можно было бы отправиться и по желѣзной дорогѣ, но Петръ Кузьмичъ, держась преданій «старины глубокой», предпочиталъ, вообще, ѣзду на лошади. Татьяна Ивановна напекла сыну цѣлую сотню сдобныхъ лепешекъ, не жалѣя ни масла, ни сметаны, и всю дорогу оберегала кузовъ, наполненный лепешками. Въ свою очередь Петръ Кузьмичъ, управляя лошадкой, зорко смотрѣлъ за узломъ, въ которомъ находилось лучшее его суконное полукафтанье, сшитое еще во дни его молодости и употребляемое имъ не болѣе двухъ-трехъ разъ въ годъ. Ночевавъ въ дорогѣ одну ночь, счастливые супруги благополучно прибыли, въ половинѣ дня, наканунѣ Срѣтенія, въ губернскій городъ. Остановились они въ квартирѣ сына, который, придя изъ семинаріи, къ великой своей радости, встрѣченъ былъ у воротъ квартиры своими родителями. Петръ Кузьмичъ съ нѣкотораго рода авторитетомъ, родителю приличествующимъ, а Татьяна Ивановна со слезами радости и умиленія, облобызали своего сына-богослова и направились въ его квартиру. Но Василію Петровичу не долго пришлось побесѣдовать съ родителями. Послѣ обѣда, онъ тотчасъ долженъ былъ идти въ архіерейскій монастырь, гдѣ всѣ ученики, предназначенные къ посвященію въ стихарь, должны были отстоять вечерню, исповѣдоваться у архіерейскаго духовника, выслушать правило, а за тѣмъ отстоять всенощную.

Василій Петровичъ, такъ его величали и отецъ и мать, по переходѣ

сына въ богословскій классъ, объяснилъ родителямъ, что онъ весь вечеръ проведетъ въ церкви архіерейскаго монастыря, куда выразили желаніе слѣдовать вмѣстѣ съ нимъ и родители.

Пока молодой семинаристъ приводилъ свой туалетъ въ порядокъ: чистилъ сапоги, надѣвалъ, ради важности случая, крахмаленую рубашку, маслилъ голову репейнымъ масломъ,—и Петръ Кузьмичъ старался не ударить лицомъ въ грязь. Онъ вынулъ изъ узла свое суконное полукафтанье, исправилъ на немъ измявшіяся мѣста, позаимствовалъ у сынка репейнаго масла, умастилъ имъ волосы своей главы и, тщательно расчесавъ, распустилъ ихъ по самыя плечи. Одно было досадно Петру Кузьмичу: не имѣлъ онъ права надѣвать рясу. Онъ хотя вышелъ или выключенъ былъ изъ философскаго класса семинаріи и имѣлъ право на діаконство, но ему не хотѣлось выходить изъ своего родоваго мѣста, такъ онъ и служилъ многіе годы въ должности дьячка въ селѣ Рюминскомъ, въ которомъ по штату не полагалось діакона. Татьяна Ивановна также одѣлась во все благолѣпіе, какое только у нея имѣлось: и въ дердедамовое пальто и въ ковровую шаль.

У вечерни народа почти никакого не было, но самый храмъ съ его вызолоченнымъ иконостасомъ, съ золоченными иконами, громаднымъ паникадиломъ, архіерейскимъ амвономъ среди храма,—все это составляло предметы удивленія для ничего подобнаго не видавшей Татьяны Ивановны.

Петръ Кузьмичъ, какъ человѣкъ «бывалый», ничему не удивлялся и даже строго сдерживалъ порывы удивленія Татьяны Ивановны. Но когда ударили въ большой монастырскій колоколъ ко всенощной, когда прибыло въ храмъ высшее монастырское сановитое духовенство и встало рядами у входныхъ дверей храма для встрѣчи владыки, тогда и у смѣлаго Петра Кузьмича дрогнуло сердце, и, по его выраженію, какъ онъ разсказывалъ самъ послѣ, объяла его нѣкоторая несвойственная ему робость. Когда тихой поступью взошелъ въ двери храма престарѣлый владыка, которому встрѣчавшее его духовенство воздало земной поклонъ, Татьяна Ивановна не могла удержаться отъ слезъ умиленія, видя преосвященнаго въ самыя очи, на полуаршинномъ отъ себя разстояніи. Въ этотъ моментъ она ни о чемъ не размышляла, она находилась въ блаженномъ оцѣпенѣніи, доступномъ и свойственномъ исключительно простымъ вѣрующимъ душамъ, умаляющимся, по слову Господню, до степени дѣтства.

Когда сынъ ихъ Василій Петровичъ, предназначенный къ посвященію въ стихарь, вышелъ на средину храма для чтенія шестопсалмія, то родители ощущали въ себѣ и робость, и радость, и смущеніе, и восхищеніе.

Но вотъ окончилось продолжительное богослуженіе, усердные бого-

мольцы дождались выхода преосвященнаго, съ благоговѣніемъ принимали благословеніе маститаго архипастыря. Петръ Кузьмичъ и Татьяна Ивановна съ учащеннымъ біеніемъ сердца подошли къ благословенію владыки и хотя уставшіе, но удовлетворенные всѣмъ тѣмъ, что̀ видѣли во храмѣ, ожидали у дверей храма своего сына.

Молодой Крестовоздвиженскій выходилъ изъ церкви со своими товарищами, назначенными на завтра къ посвященію съ нимъ въ стихарь. Всѣ товарищи Крестовоздвиженскаго, какъ и онъ самъ, не напоминали великовозрастныхъ философовъ и богослововъ, а были юноши-подростки, старавшіеся казаться щеголеватыми.

Разойдясь по квартирамъ, семинаристы тотчасъ же легли спать. Но Крестовоздвиженскій, уложивъ своего родителя на полу—рядомъ съ Татьяной Ивановной, нѣсколько разъ прочиталъ «слово», предназначенное къ произношенію съ церковной каѳедры—при архіерейскомъ богослуженіи, въ присутствіи массы молящихся. Крестовоздвиженскій не робѣлъ: онъ зналъ все «слово» наизусть, но ему крайне не нравились тѣ вставки въ это «слово», которыя сдѣланы были рукой преподавателя «гомилетики», и затѣмъ еще сверхъ оныхъ рукой ректора. Все, что оживляло «слово» молодаго проповѣдника, все, что составляло, по его авторскому мнѣнію, лучшія мѣста проповѣди, какъ болѣе независимыя, по выраженію мысли, искреннія и правдивыя, были со всей тщательностью вычеркнуты черными чернилами рукой «профессора», и крестообразно красными чернилами благословенной рукою о. ректора.

«Слово» въ исправленномъ видѣ казалось юному проповѣднику и схоластичнымъ, и отвлеченнымъ, и не литературнымъ. Но со всѣми этими печалями нужно было смириться.

Свернувъ въ трубочку свое «слово», Крестовоздвиженскій, ходя по небольшой комнаткѣ своей квартиры, продекламировалъ это духовное творчество, не запинаясь и не обращаясь къ тексту подлинника. Легъ онъ около двѣнадцати часовъ ночи и спалъ неспокойнымъ сномъ, волнуясь относительно завтрашняго дня; но это волненіе, столь естественное, вызывало еще чувство или предчувствіе какой-то особой напасти, которой никакъ не ожидалъ Крестовоздвиженскій, но которая, тѣмъ не менѣе, предчувствовалась молодымъ человѣкомъ. Не даромъ говорятъ: «сердце-вѣщунъ». Оно не обмануло и Крестовоздвиженскаго. Оно предвѣщало ему горе, и горе это его не миновало!

За цѣлый часъ до звона къ поздней обѣднѣ Крестовоздвиженскій съ товарищами пришли въ старинный громадный соборъ, гдѣ читали утреннее правило, положенное предъ причащеніемъ.

Соборъ, по случаю праздника, былъ переполненъ молящимися.

Посвященіе въ стихарь Крестовоздвиженскаго и его товарищей, по уставу, совершено было во время чтенія часовъ, когда еще въ храмѣ,

относительно, было просторно. Когда настало время произношенія проповѣди, молодое сердце семинариста Крестовоздвиженскаго учащенно забилось. На амвонѣ поставленъ былъ аналой, и Крестовоздвиженскій, принявъ благословеніе владыки, долженъ былъ при торжественной обстановкѣ праздничнаго архіерейскаго богослуженія, предъ тысячей молящихся, произнести, первый разъ въ своей жизни, съ церковной каѳедры «слово». Такова была воля или капризъ владыки, не отступавшаго отъ установленныхъ имъ обычаевъ и распоряженій.

Замѣтно поблѣднѣвъ, Крестовоздвиженскій вышелъ изъ алтаря, помолился, по установленному обычаю, предъ мѣстной иконой Спасителя и, ставъ на возвышенный амвонъ, оказался лицомъ къ лицу съ тысячной массой молящихся, при чемъ именитое населеніе губернскаго города стало въ самомъ близкомъ разстояніи отъ молодаго проповѣдника, за которымъ съ лѣваго крилоса слѣдилъ зоркій взглядъ семинарскаго преподавателя «гомилетики».

Съ отчаяніемъ, какъ будто бы бросаясь съ высоты моста въ громадную пропасть омута, началъ свое «слово» юноша Крестовоздвиженскій, впрочемъ громко и отчетливо, какъ поучалъ премудрости ораторскаго искусства, самъ лишенный этого таланта, преподаватель «гомилетики». Но каково же было удивленіе этого преподавателя, какой его объялъ ужасъ, какую онъ почувствовалъ злую досаду, когда проповѣдникъ началъ свое «слово» не по исправленному тексту его, преподавателя, а по своему первоначальному составленію. Самъ тупой и забитый, преподаватель пришелъ въ чистое отчаяніе, но помочь горю уже никоимъ образомъ было невозможно. Семинаристъ Крестовоздвиженскій четко и отчетливо, громко и внятно, не заглядывая въ свою тетрадку, довольно смѣло говорилъ: «Съ этой каѳедры первенствующаго во епархіи собора, вы, православные христіане, слыхали поученія, слова и рѣчи и отъ епархіальныхъ святителей, и отъ знаменитыхъ епархіальныхъ проповѣдниковъ, и отъ ученыхъ докторовъ и магистровъ богословія; слушая ихъ, вы, конечно, внимали ихъ, достойнымъ вниманія, словесамъ. Что же послѣ такихъ великихъ и славныхъ учителей можетъ сказать вамъ ученикъ, жизни не вѣдающій. Ни научать, ни вразумлять, ни обличать, ни наставлять мнѣ не подобаетъ васъ, благочестивые слушатели; но есть предметъ, доступный пониманію моему—это исторія сегодняшняго праздника, съ тѣми подробностями оной, которыя, быть можетъ, и не всѣмъ находящимся извѣстны. Съ исторіи сегодняшняго праздника я и начну сіе первое слово мое».

Насколько возрасталъ ужасъ учителя «гомилетики», настолько возрасталъ у слушателей интересъ къ юному проповѣднику.

«Слово» Крестовоздвиженскаго произвело чарующее впечатлѣніе на слушателей. Заведенный обычай разговаривать или вовсе уходить изъ

храма во время проповѣди измѣнился въ безмолвное вниманіе слушателей. По выраженію Петра Кузьмича, слышно было бы, если бы муха пролетѣла, когда сынъ его проповѣдывалъ.

«Слово» Крестовоздвиженскаго имѣло не только въ городѣ успѣхъ и вызвало похвалы, но оно удостоилось и одобренія преосвященнаго владыки, который, въ знакъ своего благоволенія къ молодому проповѣднику, собственноручно далъ ему просфору. Преподаватель «гомилетики», удивленный такимъ вниманіемъ преосвященнаго къ ученику-проповѣднику, долженъ былъ смириться и удержать въ себѣ злобу, готовившуюся излиться на Крестовоздвиженскаго.

По окончаніи богослуженія, получивъ благословеніе владыки и проводивъ его изъ храма, Крестовоздвиженскій вмѣстѣ со своими товарищами и родителями намѣренъ былъ, не заходя въ квартиру, отправиться въ гостиницу на поздравку съ посвященіемъ въ стихарь, установленную въ духовныхъ семинаріяхъ съ давнихъ временъ, но зоркій глазъ семинаристовъ замѣтилъ еще болѣе бдительное око—Ѳедора Дмитріевича Ключарева, одного изъ помощниковъ семинарскаго инспектора, слѣдившаго за тѣмъ, куда только-что посвященные въ стихарь семинаристы отправятся.

Крестовоздвиженскій и его товарищи смѣтили уловку Ключарева, распростились, и всѣ разошлись по своимъ квартирамъ. Нѣсколько времени спустя, какъ и предполагали семинаристы, въ квартирахъ ихъ явилась тучная фигура помощника инспектора Ключарева, жаждущаго «открытія» противозаконныхъ дѣяній семинаристовъ, въ видѣ поздравки съ посвященіемъ въ стихарь. Трудно сосчитать число семинаристовъ, погубленныхъ бдительностью Ѳедора Дмитріевича Ключарева и его неумолимостью. Казалось, въ этомъ человѣкѣ все заплыло жиромъ, и никакой вопль юношей и ихъ родителей не трогалъ ожирѣвшее сердце помощника инспектора. Ключаревъ открывалъ семинарскіе проступки, доносилъ о нихъ инспектору Якову Васильевичу Шиповникову, также жесткому, безсердечному, неумолимому, какъ и Ключаревъ. Сдѣланныя открытія въ области нарушенія семинаристами семинарскаго устава немедленно докладывались инспекторомъ правленію, налагающему кару на виновныхъ, и, въ важныхъ случаяхъ журналы правленія докладывались ректоромъ семинаріи сердечному и гуманному старцу владыкѣ, и нерѣдко дѣло получало болѣе или менѣе благопріятный оборотъ для виновныхъ семинаристовъ.

Найдя Крестовоздвиженскаго и его товарищей на своихъ квартирахъ въ должномъ порядкѣ, скромно пьющими чай, Ѳедоръ Дмитріевичъ остался не очень доволенъ исправностью учениковъ, такъ какъ ихъ исправность лишала его возможности отличиться. Не спѣша, шелъ онъ въ свою одинокую квартиру, помѣщавшуюся въ общественномъ семи-

нарскомъ корпусѣ, затѣмъ отправился въ квартиру инспектора, которому доложилъ о нахожденіи семинаристовъ, посвященныхъ въ стихарь, въ должномъ порядкѣ, затѣмъ пошелъ въ столовую къ обѣду казенныхъ учениковъ. Здѣсь тоже, къ великой досадѣ Ѳедора Дмитріевича, ничего достойнаго къ начинанію дѣла не представлялось.

Получивъ докладъ отъ Ѳедора Дмитріевича о томъ, что посвященные въ стихарь ученики всѣ въ должномъ порядкѣ, инспекторъ Шиповниковъ, по обыкновенію, промычалъ только подъ свой носъ: у, у! Но въ это же самое время лукавая улыбка озарила рябое лицо Шиповникова. Въ его магистерской головѣ явилась геніальная мысль: «поймаю», и въ этомъ направленіи начала работать инспекторская голова магистра. Между тѣмъ, проводивъ помощника инспектора Ключарева, семинаристы немедленно собрались въ квартирѣ Крестовоздвиженскаго, гдѣ, съ общаго согласія, по всестороннемъ обсужденіи вопроса, рѣшили «поздравку учинить» не въ гостиницѣ, а въ квартирѣ Крестовоздвиженскаго, такъ какъ помощникъ инспектора обошелъ уже ихъ квартиры и не было основаній предполагать, чтобы ученики и ихъ квартиры подверглись въ тотъ же день вторичному осмотру.

Какъ рѣшили, такъ и сдѣлали. Послали въ гостиницу за закуской и за водкой въ ближайшую винную лавку.

Началась скромная, но запрещенная, пирушка. Петръ Кузьмичъ, какъ старшій по возрасту, сидѣлъ въ переднемъ углу и опытной рукой наливалъ въ рюмки водку, а Татьяна Ивановна разливала чай. Чокнулись и выпили по рюмочкѣ; но Петръ Кузьмичъ изрекъ мудрую пословицу,—что «по первой—не закусываютъ», и тотчасъ же налилъ по другой. Выпили и по другой. Татьяну Ивановну заставили, ради важности случая, выпить рюмочку вишневочки. Всѣ повеселѣли. Начался оживленный разговоръ: и о только-что совершившемся посвященіи въ стихарь, и о проповѣди Крестовоздвиженскаго, и о порядкахъ семинарскихъ.

Поговорили, посмѣялись и налили по третьей рюмочкѣ. За третьей скоро послѣдовала четвертая, и разговоры смѣнились пѣніемъ.

Въ это время дверь квартиры безшумно отворилась, и предъ господами богословами, лицомъ къ лицу, предсталъ инспекторъ семинаріи, Яковъ Васильевичъ Шиповниковъ, въ сопровожденіи своего помощника—Добросердова... Ученики обомлѣли.

Инспекторъ, не снимая ни шубы, ни калошъ, быстро пересчиталъ учениковъ, бывшихъ на поздравкѣ (ихъ оказалось восемь человѣкъ), повернулся и неуклюжими шагами пошелъ изъ квартиры. Видя гибель неминучую, первымъ нашелся и прервалъ молчаніе Крестовоздвиженскій.

— Яковъ Васильевичъ, простите!—началъ онъ, обращаясь къ инспектору.

— Я не могу; это не мое дѣло; дѣло правленія, сухо и грубо отвѣтилъ инспекторъ.

— Яковъ Васильевичъ, Христа ради, не губите; мы ничего худаго никому не сдѣлали и сію минуту рѣшили разойтись и приняться за уроки. Здѣсь мои родители, согласитесь, что мы ничего дурнаго не сдѣлали. Немного поздравились и болѣе ничего, такъ, вѣдь, уже изстари ведется, такой обычай...

— Дурные обычаи на моей обязанности искоренять, а не поощрять!

— Да мы просимъ о прощеніи, а не поощреніи. Бога ради, Яковъ Васильевичъ, сжальтесь, простите!

— Не могу.

— Ваше превосходительство, смилуйтесь, простите, поклонившись въ ноги инспектора, обратился къ нему Петръ Кузьмичъ.

Но и это не помогло. Яковъ Васильевичъ опять настойчиво и уклончиво отвѣтилъ, что это дѣло семинарскаго правленія, а не его.

На утро этого роковаго дня, особыми повѣстками, собраны были члены семинарскаго правленія, для обсужденія важнѣйшаго, нетерпящаго отлагательства дѣла, какъ значилось въ пригласительныхъ повѣсткахъ.

Обстоятельства дѣла докладывалъ правленію инспекторъ Шиповниковъ. Тяжелое впечатлѣніе произвелъ этотъ докладъ на членовъ правленія. По буквѣ устава о духовныхъ семинаріяхъ, каждый частный случай выпивки водки семинаристами влечетъ за собою исключеніе ихъ изъ семинаріи, на которомъ инспекторъ Шиповниковъ и настаивалъ, и какъ инспекторъ, и какъ докладчикъ, и какъ открыватель!...

— Помилуйте, Яковъ Васильевичъ,—возразилъ инспектору очень молодой о. ректоръ, недавно принявшій монашество и назначенный на должность ректора;—уволить восемь человѣкъ изъ семинаріи первыхъ воспитанниковъ старшаго класса, которые черезъ три мѣсяца кончаютъ курсъ и, конечно, должны поступить въ академію; это ужасно, это невозможно!

— Вы мало знакомы съ уставомъ семинаріи, такъ и разсуждаете несогласно уставу, отвѣтилъ грубо инспекторъ ректору.

Отецъ ректоръ промолчалъ, но его сторону приняли члены правленія.

Послѣ долгихъ пререканій составленъ былъ журналъ, при чемъ большинствомъ членовъ правленія предположено было виновныхъ учениковъ семинаріи, замѣченныхъ г. инспекторомъ въ состояніи незамѣтной нетрезвости, какъ показалъ, сопровождавшій инспектора, помощникъ его г. Добросердовъ,—подвергнуть аресту въ карцерѣ на двои сутки; а о причетникѣ Петрѣ Кузьмичѣ Крестовоздвиженскомъ, какъ семинарскому правленію неподвѣдомомъ, сужденія не имѣть. Инспекторъ Шиповниковъ написалъ отдѣльное мнѣніе, въ которомъ выразилъ несогласіе этого журнальнаго постановленія, по его выраженію, съ

яснымъ смысломъ семинарскаго устава, по которому всѣ ученики, замѣченные въ выпивкѣ водки, должны быть немедленно удалены изъ семинаріи съ поведеніемъ «два».

Какъ журнальное постановленіе, такъ и обстоятельства дѣла должен, въ тотъ же день, доложить преосвященному о. ректоръ. Съ болью въ сердцѣ, робостью и нерѣшительностію входилъ молодой о. ректоръ въ покои маститаго владыки.

По установившейся этикѣ, какъ подчиненный военный военному, такъ и монашествующій монашествующему, обыкновенно, открываетъ всю сущую правду, со всѣми ея подробностями, докладывая обстоятельства какого-либо дѣла или происшествія. Строго слѣдуя этой этикѣ: о. ректоръ, со всею подробностію, изложилъ предъ преосвященнымъ всю суть дѣла и все то, что говорилось по поводу его въ семинарскомъ правленіи.

Владыка, выслушавъ о. ректора, далъ ему знакъ рукою сѣсть въ кресло и, взявъ отъ него журнальное постановленіе, наложилъ на немъ слѣдующую резолюцію: «Семинаристовъ, за ихъ погрѣшность, въ карцерѣ двое сутокъ выдержать,—на это согласенъ. Семинарскому инспектору внушить, чтобы онъ правду, по слову апостола, растворялъ любовію, иначе, какой же онъ магистръ богословія, когда не знаетъ слова Божія, а если знаетъ, и не исполняетъ, то подлежитъ за сіе суду Божію. Дьячка Крестовоздвиженскаго, какъ излишне веселящагося, оставить на недѣлю въ моемъ монастырѣ разметать снѣгъ, дабы онъ, разметая, вспоминалъ стихъ изъ псалма пророка и царя Давида: «и паче снѣга убѣлюся!»...

Резолюція владыки всѣми признана была и мудрой, и милостивой, и не лишенной юмора. Такъ кончилось посвященіе въ стихарь богослова Крестовоздвиженскаго, сына «философа» Петра Кузьмича, дьячка села Рюминскаго.

Н. И. Соловьевъ.

Записки графа Л. Л. Беннигсена
о
войнѣ съ Наполеономъ 1807 года.

XVII [1]).

Приближеніе Наполеона съ арміею.—Отступленіе Беннигсена къ Гейльсбергу.—Дѣло при Деппенѣ, Беверникѣ, Лауденѣ.—Сраженіе при Гейльсбергѣ.—Движеніе Беннигсена къ р. Прегель, а Наполеона—къ Кёнигсбергу.

Послѣ дѣла при Анкендорфѣ, 26-го мая (7-го іюня), я занялъ съ моею арміею позицію на берегахъ Пассарги отъ Деппена до Гутштадта.

Въ ночь, 25-го мая (6-го іюня), я получилъ неоднократныя извѣщенія и донесенія, что Наполеонъ лично, со всѣми войсками, находившимися въ окрестностяхъ Данцига, а также на Вислѣ, рѣшительно наступаетъ на мою армію. Рано утромъ, 26-го мая (7-го іюня), князь Багратіонъ, стоявшій съ авангардомъ на правомъ берегу Пассарги, противъ Деппена, далъ мнѣ знать, что на обширной равнинѣ, разстилавшейся на другой сторонѣ рѣки, весьма ясно видна линія непріятельской кавалеріи, состоявшая свыше ста эскадроновъ. Судя по значительной свитѣ лица, осматривавшаго эту кавалерію, и по восторженнымъ крикамъ, раздававшимся при осмотрѣ, князь Багратіонъ высказывалъ предположеніе, что самъ Наполеонъ объѣзжалъ войска. Получивъ это извѣстіе, я лично отправился въ авангардъ, чтобы осмотрѣть приближающагося непріятеля.

[1]) См. „Русскую Старину“ январь 1900 г.

При моемъ прибытіи, большая часть этой кавалеріи уже разошлась, но не подлежало никакому сомнѣнію, что предо мною была резервная кавалерія подъ начальствомъ герцога Бергскаго (Мюрата), прибывшая изъ окрестностей Страсбурга, гдѣ она была расположена ранѣе. Мнѣ предстояло поэтому ожидать, что наступательныя дѣйствія непріятеля не замедлятъ обнаружиться тотчасъ по прибытіи Наполеона въ этотъ отрядъ.

Осторожность и благоразуміе предписывали мнѣ воздерживаться отъ всякаго рѣшительнаго столкновенія съ превосходными силами непріятеля, до пріисканія выгодной для себя позиціи, лучше которой я не могъ найти, какъ въ окрестности Гейльсберга, гдѣ уже нѣкоторое время производились разныя работы съ цѣлью еще болѣе укрѣпить эту прекрасную позицію. Вслѣдствіе этого, я сдѣлалъ всѣ распоряженія, чтобы снова отступить къ Гейльсбергу и принять сраженіе въ этомъ мѣстѣ. Въ то же время я приказалъ послать генералуЛестоку подробное извѣщеніе о всѣхъ уже совершившихся событіяхъ и о тѣхъ, которыя, вѣроятно, неизбѣжно за ними послѣдуютъ въ скоромъ времени, а также и о своихъ предположеніяхъ на время сосредоточить всѣ ввѣренныя мнѣ войска около Кветца и Гутштадта, чтобы дѣйствовать сообразно движеніямъ непріятеля. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я просилъ Лестока доставлять мнѣ всѣ извѣстія, которыя могутъ быть имъ получены о движеніи непріятеля, находящагося передъ нимъ, и, обращая особенное его вниманіе на движенія корпуса маршала Сульта, предлагалъ ему, коль скоро сей послѣдній начнетъ переправу чрезъ Пассаргу, у Эльдитента, стараться двинуться ему во флангъ. Вслѣдствіе этого извѣстія, генералъ Лестокъ выслалъ впередъ генералъ-маіора Каменскаго съ отрядомъ, пришедшимъ съ нимъ изъ-подъ Данцига, присоединивъ къ нему и отряды прусскихъ войскъ подъ начальствомъ генераловъ: Притвица, Рембова и Базкова (Bazkow). Этотъ отрядъ достигалъ цифры 6.000 человѣкъ.

Корпусъ маршала Бернадотта былъ изъ первыхъ открывшій наступательныя дѣйствія общею атакою на всю линію аванпостовъ корпуса генералъ-лейтенанта Лестока, который, однако, замѣтивъ скоро, что непріятель только преслѣдуетъ одну цѣль—привлечь наше вниманіе въ эту сторону—не дѣлалъ никакихъ перемѣнъ въ занимаемыхъ имъ позиціяхъ.

Скоро мнѣ донесли, что непріятельскій отрядъ занялъ Вольфсдорфъ. Я послалъ генерала Юрковскаго съ кавалеріею праваго крыла выбить непріятеля, что̀ и было имъ исполнено.

27-го мая (8-го іюня) непріятель занялъ весьма сильно высоты позади деревни Каллистенъ, противу Деппена; нѣсколько колоннъ французскихъ спустились съ высотъ и подошли къ берегамъ Пассарги. Сильный отрядъ кавалеріи переправился чрезъ рѣку, но скоро под-

вергся нападенію бригады генерала Раевскаго. Полковникъ Вуичъ съ 25-мъ полкомъ и полковникъ Эриксонъ съ 26-мъ двинулись навстрѣчу французской кавалеріи и мѣткимъ ружейнымъ огнемъ принудили ее переправиться обратно въ весьма скоромъ времени. Я впослѣдствіи узналъ, что французы дѣлали только развѣдку, съ цѣлью узнать, охраняемъ ли мы переправу черезъ Пассаргу у Деппена.

Непріятель вскорѣ произвелъ вторую попытку, подъ прикрытіемъ сильнаго артиллерійскаго огня съ высотъ занимаемой имъ позиціи. Но и эта попытка ему не удалась.

Императоръ Наполеонъ сосредоточилъ бо́льшую часть своихъ войскъ подъ Деппеномъ; именно, корпуса: Ланна, Нея, Бессьера съ гвардіею, Удино съ резервами, корпусъ Даву и резервную кавалерію великаго герцога Бергскаго. За всѣми этими корпусами слѣдовалъ корпусъ Мортье. Маршалъ Сультъ съ своими войсками перешелъ Пассаргу у Эльдиттена. Генералъ Викторъ, получившій начальствованіе надъ первымъ корпусомъ послѣ того, какъ Бернадоттъ, будучи раненъ, принужденъ былъ оставить командованіе, остался стоять противъ войскъ генерала Лестока.

По неоднократнымъ донесеніямъ о движеніяхъ непріятельской арміи, я не сомнѣвался болѣе въ намѣреніи Наполеона перейдти со всѣми силами рѣку Пассаргу. Я поэтому немедленно послалъ генералъ-лейтенанту князю Горчакову приказаніе покинуть Гутштадтъ, двинуться со всѣмъ корпусомъ къ Гейльсбергу и занять всѣ наши позиціи на лѣвомъ берегу рѣки Алле.

Подобное же приказаніе было дано и генералу графу Каменскому. Съ отрядомъ, присланнымъ отъ генерала Лестока, онъ долженъ былъ спѣшить къ Гейльсбергу.

Его императорское высочество великій князь (Константинъ Павловичъ) приказалъ генералъ-лейтенанту Кологривову, съ Кавалергардскимъ полкомъ, баталіономъ лейбъ Гусарскаго полка и четырьмя орудіями гвардейской артиллеріи двинуться къ Лонау, занять этотъ постъ и производить оттуда частыя развѣдки по всѣмъ направленіямъ и дорогамъ, идущимъ со стороны Пассарги, въ особенности отъ Вольфсдорфа.

Я приказалъ генералу Дохтурову оставить занимаемый имъ постъ въ Варлакѣ и двинуться съ отрядомъ въ Лингнау, съ тѣмъ, чтобы прикрывать дорогу изъ Вольфсдорфа въ Гутштадтъ до прибытія всей арміи къ этому мѣсту.

Князь Багратіонъ получилъ съ аванпостовъ нашего праваго крыла донесеніе, что непріятель покинулъ всѣ свои позиціи, которыя занималъ на лѣвомъ берегу Пассарги, за исключеніемъ позиціи въ Эльдиттенѣ, гдѣ замѣчается значительное скопленіе непріятельскихъ войскъ.

Чтобы еще лучше разузнать это, князь Багратіонъ послалъ обоихъ генераловъ Иловайскихъ (2-го и 4-го) съ ихъ казачьими полками, которые, прибывъ въ деревню Клейнфельдъ, нашли тамъ полковника Грекова, съ полкомъ своимъ, занимавшимъ линію аванпостовъ въ этомъ направленіи; онъ велъ уже сильную перестрѣлку съ отрядомъ непріятельской кавалеріи, за которою, въ нѣкоторомъ разстояніи, двигалась непріятельская пѣхотная колонна. Не желая дать этой пѣхотѣ время присоединиться къ ея кавалеріи, наши казачьи полки ни мало не медля понеслись въ атаку, съ пиками на-перевѣсъ, на пѣхоту, разстроили ее, убили нѣсколько человѣкъ и захватили въ плѣнъ полковника, нѣсколько офицеровъ и болѣе сотни рядовыхъ. Потеря же казаковъ была очень незначительна, человѣкъ пять ранеными. Съ заходомъ солнца казаки двинулись къ Вальтерсмюле, гдѣ и оставались всю ночь, чтобы наблюдать за движеніями корпуса маршала Сульта.

Вечеромъ того же дня, я сосредоточилъ свои войска на высотахъ впереди Гутштадта, чтобы выждать результаты движенія непріятеля и дальнѣйшее раскрытіе его намѣреній.

Утромъ 28-го мая (9-го іюня), когда авангардъ подходилъ къ окрестностямъ Гутштадта, я приказалъ войскамъ, стоявшимъ на позиціяхъ впереди этого города, перейдти на правый берегъ р. Алле, послѣ чего они продолжали свое движеніе къ Гейльсбергу.

Отрядъ непріятельской резервной кавалеріи сильно тѣснилъ нашъ арріергардъ при его приближеніи къ позиціи, только-что покинутой нашею арміею Узнавъ объ этомъ, я выслалъ кавалерію лѣваго крыла на помощь нашему арріергарду, и онъ благополучно занялъ назначенную ему позицію.

Генералъ Платовъ, убѣдившись, что весь нашъ арріергардъ прошелъ уже чрезъ Гутштадтъ, продолжалъ съ своимъ летучимъ отрядомъ дальнѣйшее движеніе по лѣвому берегу Алле и уничтожалъ мосты вездѣ, гдѣ только они попадались на этой рѣкѣ на протяженіи отъ Гутштадта до Гейльсберга. Въ то же время онъ отрядилъ генерала Денисова 6-го съ четырьмя казачьими полками, прикрывать окрестности со стороны Аренсдорфа. Этотъ отрядъ очень много способствовалъ движенію генералъ-маіора графа Каменскаго.

Едва графъ Каменскій сталъ на избранную позицію, какъ получилъ мое приказаніе двинуться со всѣмъ отрядомъ къ Гейльсбергу, чтобы участвовать въ сраженіи, которое я намѣренъ былъ принять въ этомъ мѣстѣ. Поэтому онъ снова выступилъ, направляясь сперва на Мигененнъ, потомъ на Реймерсвальдъ, откуда, давъ своимъ войскамъ отдыхъ, двинулся двумя колоннами къ Гейльсбергу.

Какъ скоро войска, прошедшія чрезъ Гутштадтъ, собрались въ окрестностяхъ Гейльсберга, я приказалъ имъ занять позиціи по обѣимъ

берегамъ рѣки Алле. Князь Багратіонъ со своимъ арріергардомъ остался на правомъ берегу возлѣ деревни Рейхенбергъ. Зебургъ былъ занятъ легко-конным татарскимъ полкомъ подъ начальствомъ полковника Кнорринга и однимъ казачьимъ полкомъ для поддержанія, по возможности, прямыхъ сообщеній съ Наревомъ, гдѣ находился корпусъ графа Толстаго.

Князю Багратіону было приказано, коль скоро онъ будетъ атакованъ превосходнѣйшими силами непріятеля, отступить къ нашей позиціи, а генералу Платову—предписано высылать частые и сильные отряды казаковъ по всѣмъ тѣмъ дорогамъ, на обѣихъ сторонахъ рѣки Алле, по которымъ непріятель могъ приближаться къ намъ. Получая своевременно извѣстія о намѣреніяхъ французовъ, я былъ въ состояніи дѣлать соотвѣтствующія свои распоряженія; это представлялось до чрезвычайности важнымъ, чтобы не раздроблять безцѣльно мои силы, которыя я долженъ былъ противопоставить по возможности сосредоточенными главнымъ атакамъ непріятеля.

Мнѣ надлежало всего болѣе опасаться того, чтобы императоръ Наполеонъ не направилъ значительный отрядъ въ обходъ моей позиціи. Онъ могъ чрезъ Гутштадтъ зайдти намъ въ тылъ на правомъ берегу Алле; значительное превосходство силъ Наполеона дозволяло ему совершить подобное движеніе въ то время, какъ съ главными своими силами онъ двинулся бы на наши позиціи на лѣвомъ берегу рѣки. Это могло поставить меня въ величайшее затрудненіе, такъ какъ при подобномъ случаѣ я былъ бы принужденъ, держась на обоихъ берегахъ, раздѣлить по необходимости свои силы.

Предвижу, что мнѣ могутъ сдѣлать сейчасъ вопросъ: развѣ не было мнѣ извѣстно заранѣе о значительныхъ силахъ, собранныхъ Наполеономъ противъ насъ въ началѣ открытія этой второй кампаніи? Отвѣтъ на это завлекъ бы меня слишкомъ далеко; въ настоящую минуту, скажу, что только послѣ сраженія подъ Гутштадтомъ я узналъ, что французская армія гораздо многочисленнѣе, нежели я могъ ожидать, хотя я и налъ, что она численностью значительно превосходила нашу.

Рано утромъ 29-го мая (10-го іюня), изъ донесеній развѣдочныхъ разъѣздовъ, высланныхъ навстрѣчу приближавшемуся непріятелю, я узналъ, что онъ наступаетъ въ значительныхъ силахъ по лѣвому берегу рѣки Алле. Это побудило меня приказать князю Багратіону поскорѣе перейти эту рѣку съ арріергардомъ по мосту, сдѣланному изъ различныхъ лодокъ, пониже зданія окружнаго правленія въ Гейльсбергѣ, и занять прежнюю его авангардную позицію въ Лонау. Я присоединилъ къ нему еще нѣсколько казачьихъ полковъ и повторилъ приказаніе при наступленіи непріятеля въ превосходнѣйшихъ силахъ не вступать съ

нимъ въ какое-либо серьезное дѣло, но отступить и стараться привлечь къ нашей позиціи.

Наканунѣ еще я предписалъ князю Горчакову занять Лонау отрядомъ, настолько значительнымъ, чтобы имѣть возможность поставить посты въ Зехернѣ и Петерсвальде, откуда должно было высылать частыя развѣдки: изъ Зехерна—по дорогѣ къ Гутштадту, а изъ Петерсвальде—въ правую сторону къ Аренсдорфу. Этотъ отрядъ находился подъ начальствомъ генерала Бороздина, который, согласно даннымъ ему инструкціямъ, скоро отступилъ, рано утромъ, при приближеніи французскихъ войскъ.

Князь Багратіонъ не могъ, такимъ образомъ, проникнуть до Лонау и встрѣтилъ у Беверника генераловъ Бороздина и Львова, совершавшихъ отступленіе съ большою осмотрительностью въ виду непріятеля.

Багратіонъ выстроился въ боевой порядокъ позади деревни Беверникъ и сильно занялъ пѣхотою эту деревню, а также и другую—Лэнгевизе.

Узнавъ о всемъ этомъ, я послалъ генералу Уварову приказаніе двинуться съ частью кавалеріи праваго крыла на подкрѣпленіе нашего авангарда и прикрыть его отступленіе отъ натисковъ многочисленной непріятельской кавалеріи, съ великимъ герцогомъ Бергскимъ во главѣ, поддерживавшей непрестанно атаки французскаго авангарда. Генералъ Уваровъ выступилъ съ тремя кавалерійскими полками и ротою конной артиллеріи полковника Ставицкаго.

Генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ былъ посланъ съ частью кавалеріи лѣваго крыла въ Лоуденъ, чтобы еще болѣе прикрыть правый флангъ нашего авангарда при его отступленіи.

Наша позиція, какъ я уже сказалъ, была расположена на обоихъ берегахъ рѣки Алле, при чемъ самая мѣстность была пересѣчена множествомъ овраговъ, надъ которыми господствовали различныя возвышенности. На сихъ послѣднихъ были возведены весьма сильныя фортификаціонныя сооруженія. Непріятель, приближаясь къ фронту нашей позиціи для ея атаки, никакъ не могъ избѣгнуть сильнаго огня этихъ сооруженій, состоявшихъ изъ немалаго числа редутовъ, небольшихъ батарей и флешей, служившихъ обороною пространствъ (интерваловъ) между редутами. Необходимо присовокупить здѣсь, что въ началѣ марта мѣсяца я ѣздилъ въ Гейльсбергъ для осмотра позиціи, выбранной для сосредоточенія моей арміи, въ случаѣ нападенія французовъ. Въ числѣ различныхъ сдѣланныхъ мною тогда распоряженій находилось, между прочимъ, и приказаніе: соорудить два плавучихъ моста на лодкахъ въ окрестностяхъ Гейльсберга, съ цѣлью поддерживать прямое сообщеніе между войсками, расположенными по обоимъ берегамъ р. Алле. Для лучшей защиты этихъ мостовъ я выбралъ двѣ высоты, на которыхъ

приказалъ устроить батареи. Перекрестный огонь этихъ батарей въ состояніи былъ удержать непріятеля при его намѣреніи приблизиться къ мостамъ. Я поручилъ всѣ эти работы подполковнику генеральнаго штаба Ренье, приказавъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ, если только дозволитъ время, укрѣпить также главныя высоты по фронту нашей позиціи. Такъ какъ погода значительно уже поправилась, стало тепло и представлялась возможность легко производить земляныя работы, то до самаго конца апрѣля мѣсяца возводились различныя фортификаціонныя сооруженія, которыми въ дѣйствительности и были покрыты всѣ высоты, господствовавшія надъ мѣстностью по всей длинѣ нашей позиціи. Подполковникъ Ренье исполнилъ данное ему приказаніе очень хорошо и проявилъ при этомъ большія военныя познанія. Прибавляю, впрочемъ, что позиція наша по фронту была слишкомъ для насъ выгодна, чтобы я могъ льстить себѣ надеждою, что непріятель вздумаетъ атаковать насъ.

Правое крыло нашей позиціи упиралось въ деревню Конегенъ, откуда линія тянулась до рѣки Алле, впереди Амтъ-Гейльсбергъ, и продолжалась на правой сторонѣ рѣки, гдѣ занимала дорогу, идущую изъ Гутштадта. Такъ какъ правое крыло тянулось по мѣстности ровной и открытой, то я поставилъ здѣсь бо́льшую часть нашей кавалеріи (какъ праваго, такъ и лѣваго крыла арміи), оставивъ только одну резервную кавалерію на лѣвомъ берегу рѣки, чтобы поддержать при надобности нашу пѣхоту, въ случаѣ, если бы непріятель захотѣлъ сдѣлать на насъ нападеніе съ этой стороны. Я долженъ былъ опасаться, что онъ произведетъ это съ значительными силами, съ цѣлью прервать наше сообщеніе съ обоими берегами рѣки Алле и тѣмъ раздѣлить наши силы. Поэтому я приказалъ нашему авангарду занять эту мѣстность. Его императорское высочество принялъ на себя поддерживать оный своимъ резервомъ, если бы этого потребовали обстоятельства.

Эта мѣстность,—одна изъ важнѣйшихъ въ нашей позиціи,—была такъ сильно занята нами и такъ укрѣплена, что непріятель, несмотря на всѣ свои усилія, никогда не могъ быть въ состояніи занять оную. Я выбралъ для себя эту позицію при Гейльсбергѣ преимущественно съ тою цѣлью, чтобы во всякомъ случаѣ обезпечить за собою сообщеніе съ рѣкою Прегель и имѣть возможность защитить и прикрыть, насколько можно, самый Кёнигсбергъ.

Графъ Каменскій, съ своимъ корпусомъ, сталъ влѣво отъ нашей кавалеріи. Влѣво отъ войскъ Каменскаго стоялъ отрядъ генерала Кнорринга, а затѣмъ были расположены: осьмая дивизія подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Эссена 3-го и корпусъ генералъ-лейтенанта князя Горчакова.

Князь Багратіонъ едва успѣлъ развернуть свои колонны позади

деревни Беверникъ, какъ замѣтилъ приближеніе части французской арміи, съ намѣреніемъ его атаковать. Этотъ передовой отрядъ, подъ начальствомъ великаго герцога Бергскаго, состоялъ изъ корпусовъ: Сульта и Ланна, а также гвардіи, резервной пѣхоты и большей части резервной кавалеріи, съ многочисленною артиллеріею. Численность всего отряда доходила до 60 тыс. человѣкъ.

Согласно данному приказанію не вступать въ серьезное дѣло съ непріятелемъ, но при его приближеніи отступить къ нашей позиціи, князь Багратіонъ сталъ приводить это въ исполненіе и отступалъ въ шахматномъ порядкѣ, въ то самое время, когда къ нему подходило подкрѣпленіе, состоявшее изъ кавалеріи нашего крыла. По недоразумѣнію князь Багратіонъ былъ задержанъ въ своемъ отступленіи и вскорѣ принужденъ вступить въ дѣло съ непріятелямъ, которое только могло стоить намъ напрасной потери въ людяхъ. Поэтому, послѣ храбраго, но краткаго сопротивленія, продолжавшагося не болѣе часа времени, князь Багратіонъ былъ принужденъ поспѣшно отступить. Прикрывать это отступленіе поручено было генералу Багговуту съ егерскими полками: 4-мъ, 7-мъ, 24-мъ и 26-мъ.

Непріятель, видя отступленіе нашего авангарда, не замедлилъ начать быстрое наступленіе по всей линіи. Чтобы нѣсколько задержать французовъ, генералъ Кожинъ, во главѣ Кирасирскаго его величества полка, произвелъ кавалерійскую атаку, въ которой мы имѣли несчастье потерять этого храбраго генерала, такъ отличившагося въ сраженіи подъ Пултускомъ. Дежурный генералъ Фокъ, къ великому сожалѣнію, былъ тяжело раненъ.

Полковникъ князь Яшвилль, поддерживавшій эту атаку своею конно-артиллерійскою ротою, проявилъ въ этомъ дѣлѣ новыя доказательства своей храбрости. Полковникъ Панчулидзевъ также отличился въ этой атакѣ во главѣ Ингерманландскаго драгунскаго полка. Генералъ-маіоръ баронъ Корфъ съ Псковскимъ драгунскимъ полкомъ и князь Михаилъ Долгорукій съ Курляндскимъ драгунскимъ полкомъ заняли позицію позади деревни Лауденъ. Сильная колонна непріятельской кавалеріи пыталась обойдти нашъ отрядъ съ праваго фланга. Храбрый полковникъ Ермоловъ съ двумя орудіями своей конно-артиллерійской роты выдвинулся впередъ и перебилъ много людей у французовъ, бросившихся на эту маленькую батарею и скоро ею овладѣвшихъ. Генералъ Корфъ немедленно атаковалъ непріятеля, въ свою очередь, опрокинулъ его и взялъ обратно наши два орудія, одно мгновеніе находившіяся въ рукахъ французовъ.

Тѣмъ временемъ я выслалъ одного офицера навстрѣчу князя Багратіона, съ тѣмъ же приказаніемъ отступать къ нашей позиціи. Когда князь подошелъ къ мостамъ при Амтъ-Гейльсбергѣ, онъ пере-

правилъ по нимъ часть своего отряда на правую сторону рѣки Алле, а другою—занялъ оба берега рѣки впредь до того, когда обстоятельства потребуютъ, чтобы этотъ авангардъ занялъ указанное ему мѣсто въ нашей позиціи.

Непріятель въ нѣсколькихъ колоннахъ близко слѣдовалъ за нашимъ авангардомъ по дорогѣ въ Лаунау, по направленію оврага на лѣвомъ берегу р. Алле. Когда онъ подошелъ подъ выстрѣлы нашихъ батарей, 27 артиллерійскихъ орудій, поставленныя въ оврагѣ, открыли огонь по непріятельскимъ колоннамъ, которыя одновременно подверглись также сильному перекрестному огню съ различныхъ устроенныхъ нами укрѣпленій, при чемъ въ двухъ, на правомъ берегу рѣки, по приказанію его императорскаго высочества, было поставлено по восьми орудій гвардейской артиллеріи. Эти батареи оказали намъ большую помощь въ продолженіе всего сраженія. Кромѣ того, по берегу рѣки въ кустахъ и тростникахъ были, по приказанію великаго князя, разсыпаны стрѣлки впереди батарей; они также много содѣйствовали пораженію непріятеля. По всѣмъ этимъ причинамъ атака французовъ была непродолжительна. Въ полчаса времени, они потеряли нѣсколько тысячъ человѣкъ; головы ихъ колоннъ были совершенно разстроены и принуждены отступить въ безпорядкѣ. Наши баталіоны, пустившись ихъ преслѣдовать, привели ихъ въ еще бо́льшее разстройство и отбили охоту возобновить атаку на этомъ пунктѣ.

Послѣ этого, французы направили свои главныя силы въ нѣсколькихъ колоннахъ на нашъ центръ. Князь Горчаковъ, замѣтивъ это движеніе въ то время какъ непріятель былъ еще въ значительномъ отъ насъ разстояніи, увѣдомилъ меня объ этомъ во́-время. Я немедленно вызвалъ съ праваго берега р. Алле генералъ-лейтенанта Дохтурова съ его 7-ю дивизіею и приказалъ ему стать на лѣвомъ берегу и поддерживать центръ нашей позиціи. Вскорѣ послѣ этого я далъ такое же приказаніе 3-й и 14-й дивизіямъ и поставилъ ихъ въ резервъ нашего центра.

Генералъ Платовъ мнѣ въ то же самое время сообщилъ, что развѣдочныя партіи высланныхъ имъ казаковъ доносятъ, что непріятель не подвигается по правой сторонѣ рѣки Алле со стороны Гутштадта и его не видать по этой дорогѣ. Согласно этому сообщенію, я измѣнилъ позицію этого генерала, приказавъ ему съ его летучимъ отрядомъ перейдти на правое крыло нашей кавалеріи.

Едва эти войска успѣли стать на назначенныя имъ мѣста, какъ непріятель появился предъ фронтомъ нашего центра. Французы первоначально устремились на редутъ № 6-й и выказывали намѣреніе овладѣть имъ приступомъ. Этотъ редутъ принужденъ былъ долгое время выдерживать сильный огонь болѣе тридцати орудій, стрѣлявшихъ по

немъ сперва ядрами, а потомъ картечью, но когда непріятель подошелъ близко къ оборонявшей его пѣхотѣ, тогда генералъ Горчаковъ выслалъ ему навстрѣчу генерала Рахманова съ Низовскимъ, а полковника Тучкова 4-го съ Ревельскимъ пѣхотными полками, которыхъ поддерживалъ Митавскій драгунскій полкъ, подъ начальствомъ генерала Алексѣева. Генералъ-лейтенантъ Дохтуровъ приказалъ нѣкоторымъ баталіонамъ ввѣренной ему дивизіи поддерживать эту атаку. Наша пѣхота, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, бросилась въ штыки на непріятельскія колонны, находившіяся уже вблизи редута, опрокинула ихъ и принудила отступить съ быстротою и значительною потерею убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ. Послѣ этихъ двухъ неудавшихся попытокъ, непріятель направилъ свои усилія на редутъ № 7-й. Сильныя французскія колонны съ застрѣльщиками гвардіи впереди и имѣя позади себя другія колонны, и поддерживаемыя огнемъ многочисленной артиллеріи, двинулись на приступъ. Тутъ завязалось дѣло еще болѣе кровопролитное, потому что съ нашей стороны рѣшено было встрѣтить непріятеля съ твердостью и дать ему почувствовать, что русскія войска защищаютъ упорно занимаемыя ими позиціи. Въ нѣкоторомъ разстояніи эти наступавшія колонны были встрѣчены ядрами и картечью изъ орудій со всѣхъ сооруженій, возведенныхъ по фронту нашей позиціи, а также и остальной артиллеріи, находившейся вблизи этого мѣста. Несмотря на значительныя потери въ людяхъ, понесенныя французами во время наступленія къ редуту, они попытались его штурмовать. Капитанъ и нѣсколько солдатъ непріятельскихъ достигли парапета и даже спустились въ редутъ,—но всѣ погибли. Число атаковавшихъ, однако, съ минуты на минуту все увеличивалось, несмотря на то, что всѣ предшественники ихъ лежали мертвыми и имъ приходилось идти по трупамъ убитыхъ. Я приказалъ графу Каменскому зайдти во флангъ этой французской колоннѣ. Онъ послалъ генерала Варнека, который во-время подошелъ съ полками: Сѣвскимъ, Перновскимъ и Калужскимъ. Атака этого храбраго генерала была рѣшительная. Его полки дѣйствовали исключительно любимымъ оружіемъ русской пѣхоты—штыкомъ. Въ одно мгновеніе французскія колонны были смяты, частію истреблены, частію отражены и преслѣдуемы на далекое разстояніе отъ нашего фронта. Князь Горчаковъ, видя наступленіе генерала Варнека, выдвинулъ впередъ генерала Кнорринга съ нѣсколькими пѣхотными полками его отряда. Генералъ Дохтуровъ выслалъ къ нему еще генерала Титова, съ 5-ю дивизіею, и поставилъ въ первую линію 7-ю дивизію, чтобы занять мѣста, оставленныя выступившими впередъ войсками. Всѣ эти полки, одушевленные желаніемъ принять участіе въ атакѣ генерала Варнека, ускорили шагъ и прибыли во-время, чтобы завер-

шить пораженіе непріятеля и увеличить значительную потерю его при отступленіи послѣ этой третьей и также неудавшейся атаки.

Мы имѣли несчастіе потерять достойнаго генерала Варнека, убитаго пулею въ грудь. Эту потерю глубоко почувствовала вся армія, выразившая самыя искреннія по сему поводу сожалѣнія. Во всѣхъ военныхъ дѣлахъ этотъ генералъ отличался своею храбростію и распорядительностію. Его добрый и благородный характеръ снискалъ ему любовь всѣхъ, близко его знавшихъ.

Я долженъ также отдать должную справедливость начальнику штаба генералъ-маіору Штейнгелю, который въ продолженіе этихъ атакъ находился то на правомъ крылѣ, то въ центрѣ, и руководилъ съ большимъ искусствомъ движеніями войскъ.

Къ концу сраженія, непріятель опять наступалъ нѣсколькими колоннами на наше правое крыло. Но это была послѣдняя попытка непріятеля, который въ четырехъ различныхъ атакахъ, сосредоточилъ всѣ свои силы, наступая съ тою увѣренностію, которую вселяла въ французскомъ солдатѣ привычка побѣждать, прибавлю, впрочемъ, до этой войны съ русскими. Значительное численное превосходство французской арміи, конечно, могло внушать ей такую увѣренность.

Сраженіе подъ Гейльсбергомъ не было столь кровопролитно и не могло доставить такихъ же результатовъ, ни имѣть подобныхъ послѣдствій, какъ сраженіе при Прейсишъ-Эйлау и даже при Пултускѣ. Тѣмъ не менѣе оно было столь же блестяще, какъ по искусству, проявленному французами, такъ и по численному ихъ превосходству; общее число войска непріятельскаго, участвовавшаго въ этомъ сраженіи, превосходило болѣе нежели въ два раза число нашихъ войскъ. Это сраженіе началось въ часъ по полудни и продолжалось до десяти вечера; тогда непріятель, отступившій, чтобы устроить свои ряды, подвергся преслѣдованію съ нашей стороны на разстояніи четырехъ верстъ отъ поля битвы.

Одно изъ главнѣйшихъ лицъ французской арміи, въ бесѣдѣ во время переговоровъ въ Тильзитѣ, признало, что потеря французовъ въ этотъ день простиралась до 13.000 человѣкъ. Наша убыль ранеными и убитыми доходила до 6.000 человѣкъ, въ томъ числѣ убиты два генерала и ранено—трое.

По окончаніи сраженія, я поручилъ князю Багратіону стать съ авангардомъ въ нѣкоторомъ разстояніи впереди нашего фронта и прикрывать нашу позицію. Ночь прошла спокойно, и я имѣлъ основаніе полагать, что съ разсвѣтомъ непріятель возобновитъ свои атаки.

Въ 6 часовъ утра французскія колонны пришли въ движеніе, и мы готовились ихъ встрѣтить, какъ наканунѣ. Но скоро обнаружилось, что онѣ принимаютъ направленіе влѣво. Это заставило меня предпо-

ложить, что онѣ попытаются обойдти и атаковать наше правое крыло. Колонны, движеніе которыхъ мы могли всего яснѣе разглядѣть, направлялись на высоты: одна—двигалась на Гроссендорфъ, а другая—шла чрезъ Ретчъ. Лишь только я замѣтилъ, что непріятель тщательно старается избѣжать приближенія къ нашей линіи и находится невдалекѣ отъ деревни Гроссендорфъ, оставленной имъ нѣсколько правѣе, я не могъ уже болѣе сомнѣваться въ томъ, что онъ имѣетъ намѣреніе: 1) или побудить насъ покинуть выгодную позицію и атаковать ее на высотахъ, по которымъ онъ направлялъ свое движеніе; 2) или же продолжать свое движеніе по дорогѣ къ Ландсбергу и Прейсишъ-Эйлау, чтобы проникнуть къ Кёнигсбергу. Въ этомъ послѣднемъ намѣреніи онъ, быть можетъ, также надѣялся, что мы сдѣлаемъ на него нападеніе во время движенія. Тѣмъ временемъ, я приказалъ генералу Дохтурову перейдти на нашъ правый флангъ съ резервомъ, бывшимъ въ центрѣ и состоявшимъ изъ четырехъ пѣхотныхъ дивизій, и по возможности приблизиться къ деревнѣ Гроссендорфъ и стараться снова привлечь непріятеля къ нашей позиціи. Генералъ Дохтуровъ завязалъ дѣйствительно ружейную перестрѣлку, а потомъ и незначительный артиллерійскій огонь, но непріятель упорно держался своего плана—избѣгать сраженія съ нами и продолжалъ свое движеніе. Генералъ Платовъ со своимъ летучимъ отрядомъ слѣдовалъ за французами по пятамъ и неоднократно вступалъ съ ними въ стычки, при чемъ взялъ въ плѣнъ одного капитана и восемьдесятъ рядовыхъ. Они всѣ единогласно показывали, что во главѣ колонны находился корпусъ маршала Даву, направившійся вмѣстѣ съ остальными войсками къ Ладсбергу; это была прямая дорога къ Кёнигсбергу.

Узнавъ, такимъ образомъ, положительно о намѣреніяхъ Наполеона, я, должно признаться, былъ поставленъ настолько въ крайнее затрудненіе, на что́ мнѣ рѣшиться теперь, насколько былъ вполнѣ увѣренъ и спокоенъ вчера во время битвы. А между тѣмъ, обстоятельства вынуждали принять скорое рѣшеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обдуманное, чтобы не подвергнуть опасности армію, а можетъ быть даже и государство, вслѣдствіе неправильныхъ соображеній или неосновательныхъ распоряженій.

Въ такомъ нерѣшительномъ состояніи, я счелъ своею обязанностію обратиться къ великому князю и изложить ему какъ истинное положеніе, въ которомъ находится армія, такъ и послѣдствія, могущія оказаться отъ принятія того или другаго рѣшенія, на которое мнѣ надлежало отважиться. Мнѣ предстояло выбрать одно изъ двухъ: или покинувъ нашу укрѣпленную позицію, доставившую намъ наканунѣ славную побѣду, двинуться на непріятеля, хотя и болѣе нежели вдвое превосходившаго насъ своею численностью, и атаковать его на высо-

тахъ, по которымъ онъ направлялъ свое движеніе. Этимъ, безъ сомнѣнія, наши войска обрекались, несмотря на ихъ храбрость, почти на вѣрное пораженіе, а, слѣдовательно, только самое отчаянное положеніе дѣлъ могло побудить насъ рѣшиться на подобное дѣйствіе. Несмотря на нашу относительную малочисленность, мы отнюдь не находились въ отчаянномъ положеніи. Или же можно было рѣшиться на слѣдующее: слѣдовать за французскою арміею, чтобы воспрепятствовать ей приближеніе къ Кёнигсбергу. Но это мѣропріятіе было еще опаснѣе перваго, такъ какъ мы скоро были бы принуждены вступить въ сраженіе, при неблагопріятныхъ для насъ условіяхъ мѣстности и при томъ въ сраженіе генеральное, исходъ котораго могъ быть только пагубенъ для насъ и обошелся бы дорого, вслѣдствіе затруднительнаго отступленія. Но былъ еще и третій исходъ, именно: покинуть нашу занимаемую позицію, стать позади рѣки Прегеля, выжидать дальнѣйшихъ дѣйствій нашего противника, а вмѣстѣ съ тѣмъ находиться нѣсколько ближе къ спѣшившимъ къ намъ значительнымъ подкрѣпленіямъ, которыя значительно увеличивали силы нашей арміи и давали возможность снова перейдти въ наступленіе, не подвергая судьбу арміи опасности, вслѣдствіе ея малочисленности. Получивъ отъ меня завѣреніе, что съ этого момента я буду избѣгать всякаго серьезнаго столкновенія съ непріятелемъ, его высочество вызвался ѣхать немедленно къ его величеству и довести до его свѣдѣнія какъ о состояніи арміи и занимаемой ею позиціи, такъ и о причинахъ, меня побуждающихъ предпринять отступленіе за рѣку Прегель.

Немедленно по отъѣздѣ его высочества я сдѣлалъ слѣдующія распоряженія, необходимыя для предположеннаго движенія за Прегель.

Прежде всего я поспѣшилъ отправить генерала графа Каменскаго съ его отрядомъ обратно къ корпусу генерала Лестока и сдѣлалъ распоряженія о порядкѣ отступленія всей нашей арміи на Велау и далѣе къ Тильзиту.

Здѣсь я сдѣлаю нѣсколько замѣчаній относительно движенія французской арміи по дорогѣ къ Кёнигсбергу. Прошу тщательно разсмотрѣть на картѣ, чему она могла подвергнуться послѣ понесеннаго ею наканунѣ довольно значительнаго пораженія, если бы только наша армія была достаточно сильна, чтобы дѣйствовать наступательно. Французская армія вступала въ мѣстность, имѣя въ лѣвой рукѣ заливъ Фришгафъ, впереди себя—рѣку Прегель и Кёнигсбергъ, прикрытый войсками генерала Лестока, числомъ отъ 10 до 12 тысячъ человѣкъ; въ то же самое время русская армія, всего въ одинъ переходъ, могла зайти ей въ тылъ и отрѣзать отъ линіи ея сообщеній, отъ продовольственныхъ транспортовъ, отъ Пассарги и т. д. Какимъ образомъ могъ Наполеонъ рѣшиться на такое отважное движеніе, если бы не имѣлъ

самыхъ точныхъ свѣдѣній о силахъ русской арміи и ея положеніи, а также о разстояніяхъ, въ которыхъ находились отъ нея всѣ подкрѣпленія и транспорты?

Признаюсь, что, заботясь исключительно объ интересахъ одной Россіи и нисколько не принимая въ соображеніе интересовъ ея союзника—Пруссіи, я поступилъ бы гораздо лучше, направивъ свои движенія отъ Гейльсберга прямо на Бишофштейнъ, Россель, Арисъ, чтобы ожидать приближенія нашихъ подкрѣпленій въ хорошей позиціи среди озеръ; или же двинувшись прямо къ Нареву, на соединеніе съ корпусомъ графа Толстаго и двумя дивизіями, вновь сформированными, стоявшими въ незначительномъ отъ него разстояніи.

Направившись на Велау, я немного ближе слѣдовалъ за непріятелемъ и сохранялъ Кёнигсбергъ до тѣхъ поръ, пока въ состояніи былъ преграждать французамъ переправу черезъ Прегель, а, при движеніи на Тильзитъ, я могъ также притянуть къ арміи своей нѣкоторыя подкрѣпленія.

Скажу нѣсколько словъ о средствахъ шпіонства, къ которымъ прибѣгалъ, чтобы имѣть свѣдѣнія и указанія о состояніи французской арміи и ея движеніяхъ. Мнѣ было разрѣшено не щадить средствъ для вознагражденія тайныхъ агентовъ.

Необходимость ихъ имѣть признается всѣми, въ особенности же въ странѣ, въ которой я началъ войну, гдѣ обыватели расположены вообще къ французамъ, а, слѣдовательно, враждебно относясь къ намъ, были поощряемы при томъ всѣми мѣрами содѣйствовать успѣху французовъ.

При нашемъ прибытіи въ Варшаву, генералъ-лейтенантъ Колеръ, генералъ-губернаторъ города, сообщилъ мнѣ довольно точныя свѣдѣнія о движеніи французскихъ войскъ. Генералъ Лестокъ, начальствовавшій ранѣе аванпостами на нижнемъ теченіи Вислы, указалъ мнѣ лицъ, на которыхъ я могъ также вполнѣ положиться. Впослѣдствіи, я принужденъ былъ прибѣгать къ евреямъ, служившимъ, однако, намъ худо, не потому, чтобы они вели двойную игру, но потому, что трусость и боязнь мѣшали имъ подвергаться личной опасности, и они сообщали мнѣ только разные разговоры и слухи, доходившіе до нихъ въ корчмахъ и кабакахъ отъ разныхъ прохожихъ, такъ что нерѣдко я, истративъ нѣсколько сотъ червонцевъ, ничего для себя новаго не узнавалъ. Я скоро замѣтилъ, что при такомъ порядкѣ я истрачу очень много денегъ, безъ всякой для себя пользы. Тогда я обратился къ прусскому генералу Хлѣбовскому, тому самому, который былъ присланъ прусскимъ королемъ еще ранѣе въ мою главную квартиру[1]). Я ему сообщилъ

[1]) Генералъ Хлѣбовскій былъ присланъ въ главную квартиру королемъ прусскимъ, чтобы пересылать сообщенія мои его величеству и доставлять мнѣ приказанія короля, отдаваемыя имъ генералу Лестоку, а также и для

вышеизложенные доводы, побуждавшіе меня не прибѣгать болѣе къ содѣйствію неизвѣстныхъ лицъ при шпіонствѣ, и выразилъ при этомъ надежду получать отъ него всѣ необходимыя свѣдѣнія о непріятельской арміи вообще, такъ какъ мы находимся въ странѣ подвластной его королю, и ему, Хлѣбовскому, гораздо легче, нежели намъ, выполнить это и собирать необходимыя свѣдѣнія, такъ какъ вездѣ, даже въ тылу французской арміи, находились различные прусскіе чиновники, которые, изъ преданности къ королю и отечеству, не откажутъ доставлять всѣ необходимыя для насъ свѣдѣнія. Генералъ Хлѣбовскій увѣрялъ меня, что получилъ уже въ этомъ отношеніи надлежащія приказанія короля, и не замедлитъ сдѣлать всѣ требуемыя по сему предмету распоряженія. Такимъ образомъ, я, правда, пересталъ тратить напрасно деньги для полученія свѣдѣній о непріятелѣ, но зато и не получалъ вѣрныхъ свѣдѣній, въ особенности касавшихся наличнаго состава различныхъ французскихъ корпусовъ. Такъ, напримѣръ, сообщали, что корпусъ Даву состоитъ изъ 8.000 человѣкъ, а маршала Нея—изъ 9.000 человѣкъ и т. д., а между тѣмъ оказывалось, что первый состоялъ изъ 3.000, а второй—изъ 16.000 человѣкъ. Только послѣ дѣла подъ Гутштадтомъ, я узналъ дѣйствительный составъ французской арміи, и это чрезъ французскаго офицера, взятаго въ плѣнъ въ этомъ дѣлѣ, который имѣлъ самыя точныя объ этомъ свѣдѣнія. Въ разговорѣ съ генераломъ барономъ Корфомъ, онъ, между прочимъ, сказалъ послѣднему: «вы увидите, что наша армія гораздо многочисленнѣе, нежели вы это предполагаете», и сообщилъ ему нѣкоторыя подробности въ этомъ отношеніи. Баронъ Корфъ не замедлилъ мнѣ передать все услышанное имъ отъ этого офицера. Это побудило меня въ сраженіи при Гейльсбергѣ обратить, насколько только возможно было, вниманіе на силы непріятеля, и я собственными глазами убѣдился, что этотъ офицеръ не хвастался, какъ это впослѣдствіи и подтвердили бумаги, найденныя въ канцеляріи маршала Нея.

разныхъ военныхъ сношеній моихъ съ губернскими управленіями. Король прусскій и вся его армія рано лишились этого храбраго генерала, похищеннаго болѣзнію вскорѣ послѣ заключенія мира. Онъ съ большимъ отличіемъ и великою преданностью служилъ королю въ генеральномъ штабѣ. Король впослѣдствіи сдѣлалъ его командиромъ пѣхотнаго своего имени полка. Хлѣбовскій не покидалъ меня во все время этой войны, что дало мнѣ возможность узнать всѣ его прекрасныя качества. Постояннымъ чтеніемъ и основательнымъ образованіемъ онъ пріобрѣлъ обширныя познанія въ военномъ дѣлѣ. Онъ исполнялъ свои служебныя обязанности съ величайшимъ рвеніемъ и усердіемъ. Король прусскій удостоилъ его ордена „За отличіе“ (pour le mérite), а императоръ Александръ I, желая выразить ему благодарность за услуги, оказанныя имъ нашей арміи, пожаловалъ ему орденъ Св. Анны первой степени. Примѣч. Беннигсена.

Самыя точныя и самыя достовѣрныя извѣстія получались нами изъ Варшавы, исправно два раза въ недѣлю, изъ весьма хорошаго источника, и проходили чрезъ руки генерала Эссена 1-го, находившагося тогда на Наревѣ.

Что же касается свѣдѣній о движеніяхъ непріятельской арміи, получаемыхъ чрезъ лазутчиковъ, то русская армія можетъ совершенно обойтись безъ нихъ. Бдительность нашихъ казаковъ дѣлаетъ такихъ лазутчиковъ излишними. Маршалъ Ней, въ рапортѣ своемъ отъ 2-го февраля новаго стиля къ военному министру, жалуется на казаковъ и говоритъ, между прочимъ: «очень непріятно, что невозможно скрыть отъ непріятеля малѣйшее движеніе войскъ» и т. д. Наши казаки, среди непріятельскихъ колоннъ, находившихся въ движеніи, захватили (близъ Лаутербурга) депеши, которыя везъ офицеръ французскаго генеральнаго штаба отъ военнаго министра къ князю Понте-Корво, содержавшія въ себѣ общій планъ наступательныхъ дѣйствій противъ насъ. Эти депеши дошли скорѣе до меня, чѣмъ могли дойдти по назначенію къ генералу непріятельской арміи, и несравненно скорѣе и вѣрнѣе, чѣмъ могъ мнѣ доставить ихъ содержаніесамый ловкій и искусный лазутчикъ.

Сообщилъ П. **Майковъ**.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Издатель С. **Зыковъ**. Редакторъ Н. **Дубровин**

грамотъ именуются татарами или черемисами, а нерѣдко въ одной и той же грамотѣ—то татарами, то чувашами. Для подкрѣпленія своего отзыва о чувашахъ В. К. Магницкій ссылается на изслѣдованіе академика А. Куника «О родствѣ хагано-болгаръ съ чувашами по славяно-болгарскому Именику», Извѣстія Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и славянахъ (Прилож. къ XXXII т. Записокъ Императ. Академіи наукъ).

Интересна небольшая статья А. В. Смирнова: «Плѣнные шведы въ Нижнемъ Новгородѣ (1710—1712 гг.)». Значительная часть шведской арміи, сложившей оружіе послѣ Полтавской битвы, была направлена Петромъ Великимъ въ Казанскую губернію для расквартированія по городамъ. 17-го января 1710 г. было послано изъ Москвы, по царскому указу, въ разные города Казанской губ. 800 плѣнныхъ шведскихъ оберъ-офицеровъ и 2.000 чел. нижнихъ чиновъ. Нижній Новгородъ въ то время входилъ въ составъ Казанской губ., и въ Нижній было назначено 80 оберъ-офицеровъ, о чемъ было сообщено нижегородскому стольнику и воеводѣ Ив. Ив. Леонтьеву указомъ отъ 24-го января. Указъ этотъ, прибывшій въ Нижній Новгородъ 29-го января «въ почивальномъ часу ночи», содержалъ въ себѣ инструкцію о порядкѣ расквартированія плѣнныхъ шведовъ и содержаніи ихъ подъ карауломъ. «И тебѣ ихъ»,—читаемъ въ указѣ,—«въ Нижнемъ Новѣ городѣ велѣть держать за крѣпкимъ карауломъ, чтобы изъ нихъ кто какова дурна не учинилъ и никуда не ушли; въ караулѣ у плѣнныхъ быть нижегородскимъ солдатамъ, колкимъ человѣкомъ пристойно, по разсмотрѣнію, а на дворѣхъ тѣхъ полоненниковъ поставить у посадскихъ и всякихъ чиновъ у людей, человѣка по 3 по 4, а меньше того и по одному на дворѣ особно не ставить».

Въ третьемъ отдѣлѣ напечатаны, между прочимъ, сообщенные И. И. Вишневскимъ матеріалы подъ заглавіемъ: «Мѣры правительства къ пресѣченію Пугачевскаго бунта въ 1774 г.» Преосвященный Антоній получилъ 23-го августа 1774 г. отъ губернатора Ступишина для распубликованія во всей епархіи по церквамъ 50 экз. увѣщаній къ народу,—«въ пресѣченіе бунта, происходящаго отъ государственнаго злодѣя и варвара Пугачева»,—въ которыхъ ставилось условіемъ, чтобы священноцерковнослужители въ воскресные и праздничные дни читали съ довольнымъ и внятнымъ истолкованіемъ при собраніи народа, дабы изъ крестьянства и приходу ни одинъ человѣкъ даже «до сущаго младенца» безъ слышанія увѣщаній не остался, для чего и велѣлъ губернаторъ губернской канцеляріи всѣмъ частнымъ смотрителямъ сдѣлать подтвержденіе, чтобы они въ тѣ воскресные и праздничные дни порученныхъ имъ въ смотрѣніе селеній обывателямъ къ божественной литургіи и слушанію объявленій приказывали ходить непремѣнно, а священниковъ къ прочитыванію оныхъ побуждали, дабы изъ обывателей ни одинъ человѣкъ невѣдѣніемъ отговариваться не могъ.

8-го сентября 1774 г. тѣмъ же преосвященнымъ получены были для распубликованія два рода увѣщаній: первое—духовнымъ лицамъ, такъ какъ они, не взирая на ужасы грядущаго на нихъ осужденія «пріобщаясь ктому жъ отверженнаго отъ церкви и проклятаго Пугачева имя вслужбѣ Божіей поминать и куда тотъ злодѣй входитъ оного встрѣчать, чрезъ что они вмѣсто пастырей душевныхъ къ погибельному пути простому народу большой поводъ подаютъ».

Второе увѣщаніе было обращено къ народу. «Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ для обращенія происходящихъ отъ злодѣйственнѣйшаго разбойника и бунтовщика бѣглаго донского казака Емельяна Пугачева народныхъ возмущеній, разоренновъ и убивствъ въ Казанской и Тобольской епархіяхъ хотя и опубликованы отъ Свят. Правит. Синода къ лицу священноцерковнослужителей и народа печатные увѣщанія; но какъ Свят. Синоду дошло до свѣдѣнія, что нетокмо оной государственной злодѣй Пугачевъ и доднесь злодѣйскихъ и вредныхъ государству поступокъ чинить не перестаетъ, но нѣкоторые вмѣсто того чтобъ употребить стараніе и ревность свою къ конечному сего врага истребленію дерзнули по невѣжеству своему поползнутся къ богопротивнымъ его начинаніямъ». Тѣхъ и другихъ увѣщаній было прислано по 900, и они были разосланы въ монастыри и духовныя правленія и къ смотрителямъ.

Не лишены также интереса два документа о чумѣ въ Нижегородской губерніи въ XVII ст., разобранные А. Я. Садовскимъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе третьяго тома Сборника.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1900 г.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.- въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ три книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова) Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „**Русская Старина**", Фонтанка, д. № 145, кв. № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Живописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ Можно получать въ конторѣ редакціи **Русскую Старину** за слѣдующіе годы: 1876—1880, по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1899 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **безплатно**.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXI-й. МАРТЪ. 1900 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Императоръ Николай I и Польша въ 1825—1831 г.г.** Н. К. Шильдера.... 517—544

II. **Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.**..... 545—588

III. **Черновой набросокъ письма А. С. Пушкина къ виконту д'Аршіаку отъ 27-го января 1837 года.** Сообщ. Пав. Кубасовъ. .... 589—592

IV. **Въ Болгаріи** (Воспоминанія офицера генеральнаго штаба). П. Д. Паранесова. 593—602

V. **Иванъ Никитичъ Скобелевъ** (Окончаніе). Пав. Кубасовъ..... 603—616

VI. **П. Пазаровіусъ и газета „Русскій Инвалидъ".** Собственноручное письмо П. Пазаровіуса гр. Аракчееву Сообщ. Н. О. Дубровинъ. 617—618

VII. **Цесаревичъ Константинъ Павловичъ** (Историческая характеристика). П. .. 619—641

VIII. **Архивъ графа П. Д. Киселева:** Письма И. Сеславина—П. Д. Киселеву. . 643—659

IX. **Воспоминанія князя Эмиля Витгенштейна.** . . . 661—683

X. **Находчивый квартальный** (Легенда изъ цик. Николай I). П. Потѣхинъ. 685—687

XI. **Наша Вандея.** А. Фаресовъ..... 689—692

XII. **Палладій, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій.** П. О. Вышеславцева..... 693—712

XIII. **Бурбоны въ изгнаніи въ Митавѣ и въ Варшавѣ** (Окончаніе). Переводъ В. В. Тихощукъ. . . . . 713—743

XIV. **Записки графа Л. Л. Бенигсена о войнѣ съ Наполеономъ 1807 г.** (Окончаніе). Сообщ. И. М. Майковъ. 745—767

XV. **Памяти Б. И. Сципіорскаго.** М. Столярова. . . 769—772

XVI. **Записная книжка „Русской Старины":** Обвиненіе графа Аракчеева въ государственномъ преступленіи 1823—1826 гг. (стр. 642).—Нева прилетствуетъ исполненію высочайшаго повелѣнія. Письмо князя А. Куракина къ М. М. Сперанскому отъ 3-го ноября 1809 г. (660).—Быстрая распродажа Исторіи Н. М. Карамзина. Письма Н. М. Карамзина къ В. Н. Каразину, 27 февраля 1818 г. (684).—Стихи Ѳ. Н. Глинки Валентинѣ Жилевской, при посылкѣ ей кабинетнаго портрета, 23 августа 1877 г. (688).—Объ употребленіи исключительно русской бумаги и русскаго сюргуча. 1810—1811 гг. (744).—Запорожская Сѣчь на Дунаѣ. Рескриптъ ген.-отъ-кавалер. Михельсону, 20-го іюля 1807 г. (768).

XVII. **Библіографическій листокъ** (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ: **Иванъ Никитичъ Скобелевъ.** Грав. И. Хелминскій.

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1900 г.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ подписки и редакц. во понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза",

Большая Подъяческая, 39.

1900.

Библіографическій листокъ.

Д. И. Эварницкій. Исторія запорожскихъ казаковъ. Томъ третій. С.Петербургъ.

Своими трудами по исторіи запорожскаго казачества г. Эварницкій уже давно пріобрѣлъ вполнѣ заслуженную извѣстность.

На основаніи неизданныхъ документовъ, хранящихся въ трехъ московскихъ архивахъ: архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, министерства юстиціи и отдѣленіи архива главнаго штаба, и пользуясь нѣкоторыми документами архива короннаго скарба при Варшавской казенной палатѣ, писанными на польскомъ языкѣ, Д. И. Эварницкій въ третьемъ томѣ своего труда раскрываетъ предъ читателемъ полную картину жизни и дѣятельности запорожскаго казачества за періодъ времени съ 1686 по 1734 г. Тутъ мы встрѣчаемъ подробное описаніе такихъ событій, какъ походы запорожцевъ, вмѣстѣ съ русскими войсками, на Крымъ; участіе ихъ въ походахъ Петра на Азовъ; походы подъ турецкіе городки Тавань, Кызыкерменъ и другіе, на низовье Днѣпра; участіе въ Полтавскомъ боѣ, вмѣстѣ съ гетманомъ Мазепой удаленіе въ предѣлы крымскаго ханства и, наконецъ, продолжительныя и усиленныя хлопоты ихъ о возвращеніи изъ «мѣстъ агарянскихъ» въ родныя мѣста.

Въ концѣ книги помѣщены преданія о кошевомъ атаманѣ Иванѣ Сиркѣ [1]), записанныя авторомъ въ поѣздку его по Запорожью лѣтомъ 1896 г. По одному изъ преданій, Сирко три разы умиравъ у семидесяты годахъ, а всій его жисти було 210 годовъ. Винъ якъ умира, то каже було: «Оце вамъ тры пузырьки зъ водою,—першимъ пузырькомъ спрысныте—оживу; другымъ спрысныте—стану дывытьця, а третьимъ спрысныте—устану и пиду у трыдцяты годахъ».

На могилѣ кошеваго Ивана Дмитр. Сирка стоитъ памятникъ съ интересною надписью, которая и воспроизведена буква въ букву и разобрана авторомъ.

Книга, по принятому за послѣднее время обыкновенію, снабжена алфавитнымъ указателемъ собственныхъ именъ.

Н. И-ш-ъ.

Записки Приамурскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества, т. V, вып. I. Камчатка и ея обитатели. Съ рисунками, картою Камчатки и планомъ укрѣпленія Петропавловска въ 1854 г. В. Маргаритова. Хабаровскъ. 1899 г.

Трудъ г. Маргаритова состоитъ изъ трехъ главъ.

[1]) Сирко,—по словамъ автора,—умѣвшій до нѣкоторой степени ужиться независимымъ между Турціей и Крымомъ съ одной стороны, Россіей и Польшей—съ другой,—пользовался славою непобѣдимаго героя.

Въ первой главѣ помѣщенъ обстоятел
составленный историческій очеркъ Камч
скаго полуострова. Первыя извѣстія объ это
полуостровѣ, сохраненныя въ историч
документахъ, относятся къ 1695 году, ко
казаки, дойдя, въ своемъ поступательномъ дв
женіи на востокъ, до Великаго океана, ста
искать удовлетворенія своихъ воинствен
наклонностей въ сосѣднихъ дикихъ стран
лежащихъ на югъ и сѣверъ отъ пройденн
пути.

Движеніе вольницы казачьей, начавш
въ XVI столѣтіи и имѣвшее вначалѣ престу
ный характеръ, вскорѣ приняло видъ дѣйст
не только не преслѣдуемый, но даже поощ
емый правительствомъ.

Указами Петра Великаго всѣмъ восточ
сибирскимъ властямъ, между прочимъ, вмѣ
лось:...« и приложить тщаніе о сыску ино
народовъ богатыхъ, которыхъ рѣки въ мо
(sic) океана Восточнаго впали, и живутъ н
островахъ, и провѣдывать про нихъ ласко
учинить съ ними дружбу и торговые промы
И про тѣ народы всякую вѣдомость писат
какіе у нихъ товары и богатства, и что мо
изъ Сибири годны какихъ товаровъ, и про
правленіе и силу и оружіе и обычаей, и въ
чьей они власти»... и чертежъ, возвратясь
приказной палатѣ подать».

Въ 1847 году императоръ Николай I вы
сказалъ мысль, что на Камчатку должно см
трѣть не въ настоящемъ этого края положені
но въ будущемъ ея предназначеніи, т. е., к
на важный пунктъ для развитія торговли
Америкой и съ прилежащими странами. Кам
чатка была выдѣлена въ особую область
управлялась военнымъ губернаторомъ.

Съ конца 1855 г. центромъ вниманія пр
вительства сдѣлался Амуръ и его устье,
Камчатка мало-по-малу утрачивала свое зн
ченіе, будучи преобразована въ округъ, по
управленіемъ исправника. Въ послѣднее вр
мя, когда весь вообще Приамурскій край, бл
годаря великому сибирскому рельсовому пут
входитъ въ роль всесвѣтнаго торговаго рын
вниманіе къ Камчаткѣ, съ ея естественным
богатствами, начинаетъ снова возростать.

Вторая глава заключаетъ въ себѣ геогр
фію Камчатскаго полуострова: здѣсь мы на
димъ свѣдѣнія по орографіи и геологіи стр
ны, объ ея климатѣ, фаунѣ и флорѣ. Въ ко
цѣ этой главы помѣщены подробные списк
млекопитающихъ, птицъ, рыбъ и расте
полуострова, составленные по иностранны
источникамъ.

Въ третьей, заключительной, главѣ авто
говоритъ о народонаселеніи Камчатки, обраща
особенное вниманіе на современное состоя
жителей.

По внѣшности книга издана удовлетвор
тельно; исполненные по способу фототипі
рисунки довольно удачны; но, какъ въ бол
шинствѣ провинціальныхъ изданій,—въ ней
много опечатокъ.

Н. И-ш-ъ.

ИВАНЪ НИКИТИЧЪ

СКОБЕЛЕВЪ.

Императоръ Николай I и Польша [1].

1825—1831 гг.

III.

ля военныхъ дѣйствій въ Европейской Турціи предназначена была вторая армія, подъ предводительствомъ фельдмаршала графа Витгенштейна. Съ первыхъ же дней воцаренія императора Николая началась подготовка этихъ войскъ къ предстоявшему имъ трудному подвигу. Но приведеніе ихъ на военное положеніе или, выражаясь современнымъ языкомъ, мобилизація этой арміи, а также другихъ частей русскихъ войскъ и польской арміи, прошло черезъ различные колебательные фазисы, въ зависимости отъ политическихъ теченій данной минуты и нескрываемой правительствомъ надежды сохранить миръ, дѣйствуя въ согласіи со своими союзниками [2].

---

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль 1900 г.

[2]) Одинъ изъ такихъ фазисовъ обозначился, напримѣръ, въ слѣдующемъ письмѣ графа Нессельроде къ графу Дибичу отъ 4-го декабря 1827 года: „Je vous restitue, mon cher comte, le rapport du comte Wittgenstein, qui me semble s'exagérer extrêmement les difficultés de l'occupation des principautés. L'idée d'une explication préalable avec l'Autriche a été, comme vous devez vous en rappeler, prise en mûre considération et rejettée comme déplacée et même, je vous l'avouerai, comme un peu ridicule. D'après ma plus intime conviction, il m'est impossible de lui supposer l'intention de nous prévenir dans l'occupation des principautés. Ce sont de ces mesures que pourrait prendre Bonaparte, d'audacieuse mémoire, mais ni l'empereur François, ni même son principal ministre, n'ont fait preuve jusqu'ici d'une pareille témérité. D'ailleurs,

«Ce ne sera pas moi qui commencerai»,—писалъ государь къ цесаревичу даже послѣ Наваринскаго сраженія [1]).

Наконецъ, сами турки, обнародованіемъ Гатти-Шерифа, оказали,—по мнѣнію императора Николая,—Россіи истинную услугу и помогли намъ выйти изъ этого неопредѣленнаго положенія [2]). Окончательныя распоряженія были сдѣланы, и войска двинулись въ походъ, который оттягивался, начиная съ 1821 года.

Готовясь къ разрыву съ Турціею, императоръ Николай имѣлъ намѣреніе привлечь къ предстоявшей Россіи войнѣ и польскую армію. Трудно сказать, какой оборотъ приняли бы политическія событія въ Европѣ, если бы планъ государя былъ приведенъ въ исполненіе [3]). Но воля императора встрѣтила упорное противодѣйствіе въ лицѣ цесаревича Константина Павловича; онъ не сочувствовалъ направленію, принятому нашей восточной политикой послѣ кончины императора Александра, и, неизмѣнно оставаясь безусловнымъ сторонникомъ мира, упорно отстаивалъ ввѣренную ему польскую армію отъ привлеченія ея къ ненавистному для него дѣлу [4]).

---

je ne comprendrai même pas trop, comment ils pourraient effectuer une opération aussi hardie. Il faudrait pour cela qu'ils eussent muni leurs généraux sur les frontières d'ordres éventuels et d'une latitude qui ne sont pas dans leurs habitudes. Je ne doute donc pas qu'une colonne poussée avec vigueur de Reni sur Boucarest, n'ait le temps de les prévenir partout. Au reste, d'après les derniers rapports de Ribeaupierre, il paraît que la Porte, tout en laissant partir les représentants, continuera à éviter soigneusement de nous fournir aucun grief direct. L'entrée de nos troupes sur le territoire turc devra donc nécessairement être arrêtée en commun avec nos alliés, ce qui nous donnera également le temps d'éclaircir davantage l'attitude que l'Autriche sera disposée à prendre au milieu de cette complication. D'après cette considération il me semble, que d'autoriser le comte Wittgenstein à mettre son armée dès à présent sur le pied de guerre serait prématuré". („Военно-ученый архивъ". Отд. 2. № 2563).

[1]) Tout jusqu'à ce moment est tranquille sur la frontière turque, et ce ne sera pas moi qui commencerai, à moins que je n'y sois forcé par les circonstances prévues par le traité". (Императоръ Николай къ цесаревичу Константину Павловичу 23-го ноября (5-го декабря) 1827 года).

[2]) „Mes résolutions sont prises; elles sont irrévocables et en cela les turcs nous ont rendu un vrai service", писалъ императоръ Николай цесаревичу Константину Павловичу 17-го февраля 1828 года.

[3]) Принцъ Евгеній, ничего не знавшій объ этихъ намѣреніяхъ императора Николая,—замѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что если бы государь послалъ польскую армію въ Турцію, то въ 1830 году въ Польшѣ не вспыхнула бы революція. „На полѣ битвы быстро заключается братскій союзъ",—пишетъ принцъ,—„къ тому же, поляки храбрые солдаты, а безъ нихъ содѣйствія возстаніе было бы немыслимо".

[4]) 15-го (27-го) февраля 1828 года цесаревичъ Константинъ Павловичъ писалъ фельдмаршалу графу Сакену, что, находясь въ Петербургѣ, „ни мало

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ былъ вообще того убѣжденія, что война съ Турціею есть неполитическое и несвоевременное дѣло и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предпріятіе предосудительное для легитимности. «Эта война лишь дѣло либерализма»,—писалъ цесаревичъ,—«и потому столь превозносится тѣми, которые ему покровительствуютъ, и мнѣнія которыхъ (горжусь тѣмъ) я не раздѣляю теперь, быть можетъ, болѣе, чѣмъ когда-либо. По слабому моему разумѣнію, не съ востока можемъ мы ожидать зла, но съ запада, изъ этого очага всякихъ возмутительныхъ мыслей» [1]).

При такихъ взглядахъ великаго князя на восточную политику императора Николая, легко себѣ представить, въ какой ужасъ привело цесаревича намѣреніе государя двинуть польскую армію въ Турцію, чтобы она сражалась тамъ, рядомъ со своими русскими собратьями, за правое христіанское дѣло. Для выигрыша времени государь намѣревался двинуть польскую армію къ Дунаю, а въ Варшаву направить изъ Петербурга гвардейскій корпусъ.

Предварительный обмѣнъ мыслей по этому предмету между государемъ и цесаревичемъ произошелъ, вѣроятно, во время пребыванія Константина Павловича въ началѣ 1828 года въ Петербургѣ. Затѣмъ, дальнѣйшіе фазисы этого вопроса можно прослѣдить по личной перепискѣ императора Николая съ цесаревичемъ, при чемъ слѣдуетъ вообще замѣтить, что императоръ дѣйствовалъ вполнѣ независимо отъ совѣтовъ старшаго брата, но вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгалъ, по возможности, предпринимать что-либо ему непріятное [2]). Послѣднее обстоятельство

не скрывая, откровенно и гласно" высказывалъ мнѣніе, „начиная сіе предъ самимъ государемъ императоромъ, что имѣть намъ войну нѣтъ никакой въ виду пользы. Начать оную весьма легко; какой же будетъ конецъ, одному только Богу извѣстно. Надѣяться на свою силу не можно. Наполеонъ показалъ надъ собою разительный примѣръ: при всемъ могуществѣ его какія вышли послѣдствія". („Военно-ученый архивъ". Отд. 1. № 410).

[1]) Письмо цесаревича Константина Павловича къ Вильгельму Николаевичу Оливъ, отъ 20-го августа (1-го сентября) 1829 года, изъ Франкфурта-на-Майнѣ. „Русскій Архивъ" 1870 года, стр. 425.

[2]) Для характеристики отношеній между обоими братьями приведемъ здѣсь слѣдующія строки изъ двухъ писемъ императора Николая къ цесаревичу.

Отъ 15-го (27-го) сентября 1827 года:

„Je puis vous assurer, que toute ma vie mon seul désir est d'être constamment digne de vous; s'il m'arrive quelquefois d'être dans le cas d'émettre une opinion, qui diffère de la vôtre, croyez toujours, que j'agis d'après ma conscience, le sentiment de l'énorme responsabilité dont je suis accablé, et la conviction, que toute autre manière de m'acquitter de mes devoirs serait blâmable et ne mériterait pas votre estime, chose, à laquelle je tiens plus qu'à toute chose!"

Отъ 2-го (14-го) ноября 1827 года:

„Je voudrais, que vous puissiez lire dans mon coeur et vous trouveriez le

нашло свое выраженіе и въ перепискѣ между Петербургомъ и Варшавою по поводу участія польской арміи въ предстоявшей тогда Россіи войнѣ.

Въ числѣ причинъ, которыя выставлялись для удержанія польской арміи въ бездѣйствіи въ царствѣ, главную роль играло возбужденіе преувеличенныхъ опасеній на счетъ предстоявшихъ враждебныхъ дѣйствій противъ насъ какъ Австріи, такъ и Пруссіи. На послѣднюю обрушилось все вниманіе цесаревича, систематически старавшагося внушить императору недовѣріе къ намѣреніямъ прусскаго правительства. Наконецъ, Константинъ Павловичъ, предостерегая брата отъ опрометчивыхъ рѣшеній, припомнилъ даже Суворова, который говорилъ: «глазъ впередъ, глазъ назадъ, глазъ направо, глазъ налѣво», и прибавлялъ къ этому, не смотря на свою ненависть къ отступленіямъ, что прежде, чѣмъ сдѣлать шагъ впередъ, нужно посмотрѣть назадъ, чтобы убѣдиться, не слѣдуетъ ли сдѣлать въ этомъ направленіи два шага или даже четыре [1]).

Цесаревичъ обвинялъ прусское правительство въ приготовленіяхъ къ войнѣ, въ поощреніи какихъ-то полонофильскихъ тенденцій, сообщалъ также свѣдѣнія о мобилизаціи 5-го и 6-го корпусовъ, объ укрѣпленіи Познани и проч.

Всѣ опасенія, высказанныя Константиномъ Павловичемъ насчетъ коварныхъ намѣреній нашихъ сосѣдей, оказались напрасными. Австрія и Пруссія не двинулись съ мѣста, а Фридрихъ-Вильгельмъ поручилъ даже посланному въ русскую главную квартиру генералу Ностицу передать государю, что если австрійцы осмѣлились бы только когда-либо напасть на насъ, то это послужило бы для него сигналомъ немедленно двинуться противъ нихъ. (Si jamais les Autrichiens s'avisaient de tomber sur nous, c'était pour lui le signal de marcher de suite contre eux) [2]).

Не мало вліянія на рѣшенія императора Николая, въ дѣлѣ

---

désir ardent, que chaque geste, chaque mot, enfin tout ce que je fais, puisse me mériter vos bontés, votre satisfaction—c'est là le but de mon existence: que ne m'est-il toujours possible de vous en donner des preuves! C'est du moins là tout ce que je désire".

[1]) Permettez-moi de vous répéter les paroles du maréchal Souvorow qui disait: глазъ впередъ, глазъ назадъ, глазъ направо, глазъ налѣво, et ajoutait à ceci, malgré son horreur des retraites, en prétendant qu'il ne devait pas y en avoir, qu'avant de faire un pas en avant, il fallait regarder en arrière pour voir si on pouvait en faire deux et même quatre". (Цесаревичъ Константинъ Павловичъ къ императору Николаю изъ Варшавы отъ 28-го февраля (11-го марта) 1828 года).

[2]) Письмо императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 9-го (21-го) іюня 1828 года, изъ лагеря близъ Троянова вала.

предназначенія польской арміи активной роли въ предстоявшей войнѣ, оказали также внушенія цесаревича относительно того, что настоящее зло грозитъ Россіи не съ востока, а съ запада, и что этотъ враждебный намъ западъ, втянувъ Россію въ войну съ Турціею, освободится, такъ сказать, отъ нашего наблюденія (il s'est soustrait pour ainsi dire de notre surveillance) [1]). Подобныя предостереженія могли дѣйствительно поколебать начала истинно русской политики, проводимыя молодымъ государемъ, такъ какъ внушенія цесаревича совпадали съ задушевными мыслями и симпатіями императора Николая; они грозили увлечь государя на ложный, роковой путь, на который онъ, подъ вліяніемъ позднѣйшихъ политическихъ обстоятельствъ, не замедлилъ вступить въ ущербъ своей собственной славѣ.

Прочитавъ политическія разсужденія цесаревича, императоръ Николай поспѣшилъ отвѣтить брату и писалъ ему 8-го (20-го) марта 1828 года:

«Прежде всего примите мою искреннюю благодарность за доброту и довѣріе, съ которыми вамъ угодно говорить со мною; я живо чувствую ихъ, и вѣрьте, что пользуюсь ими, насколько могу; иногда внѣшность можетъ заставлять предполагать обратное, тогда какъ въ сущности я вполнѣ слѣдую началамъ, которыя вы намѣчаете мнѣ (quelquefois les apparences feraient croire le contraire, quand au fond je suis bien réellement les principes que vous me tracez)».

Цесаревичъ своимъ отвѣтомъ еще болѣе усилилъ впечатлѣніе, произведенное на государя политическими разсужденіями предыдущаго письма, признавшись вдругъ, что, преподавая брату приведенные совѣты, онъ исполнилъ только завѣтъ, оставленный ему императоромъ Александромъ.

---

[1]) „Quant aux affaires de l'Orient et puisque vous m'en parlez, je crois de mon honneur et de mon devoir de ne pas vous cacher en rien mon opinion, qui est celle d'éviter toute rupture formelle avec les turcs et ne le faire qu'à la dernière extrémité et sans précipitation. Le mal ne viendra pas de ce côté, mais s'il vient, il viendra de l'occident; c'est pour cela qu'il fait tout son possible pour nous occuper tant en Perse, contre les turcs et pour les grecs. L'occident craignait notre force physique, prête à fondre sur lui, s'il bougeait; maintenant que ces forces sont nécessairement divisées, elles imposent moins et nos ennemis d'occident pourront agir à leur aise. Par cet état de chose, il s'est soustrait pour ainsi dire de notre surveillance. Je parle de ceci généralement, puisque tout bouleversement, n'importe quel, est une atteinte portée à votre dignité et à votre puissance. L'occident a voulu nous donner de la tablature en orient et y a réussi parfaitement. Nous y sommes par nos moyens, nos intérêts et notre bonne foi et risques, lorsque l'occident se soucie fort peu de nous et ayant réussi à détourner notre surveillance de dessus lui, pourra se réunir, dans le sens tel qu'il voudra. Mais en tout état de choses, du calme, pas de précipitation et pas de légèreté". (Изъ письма цесаревича къ императору Николаю отъ 28-го февраля (11-го марта) 1828 года).

«Я никогда не позволю себѣ, дорогой братъ»,—писалъ цесаревичъ,—«намѣчать вамъ начала, которыхъ вы должны придерживаться, какъ вы пишете объ этомъ въ вашемъ послѣднемъ письмѣ; и если иногда я высказываю вамъ съ присущею мнѣ откровенностью истину,—то, что я признаю истиною въ душѣ,—это является ничѣмъ инымъ, какъ слѣдствіемъ привычки, привитой обыкновеніемъ поступать такъ въ отношеніи нашего покойнаго безсмертнаго императора и побуждающей меня дѣйствовать подобнымъ образомъ,—слѣдствіемъ священнаго слова, даннаго ему мною поступать такъ и въ отношеніи васъ, какъ только его не станетъ,—что было потребовано имъ отъ меня подъ клятвою» [1]).

Благодаря сочетанію этихъ противорѣчивыхъ мнѣній, взглядовъ и внушеній, моментъ для своевременнаго появленія польской арміи на театрѣ военныхъ дѣйствій былъ упущенъ, и дѣло замолкло. Но императоръ Николай не сразу отказался отъ своей любимой мысли создать для двухъ соединенныхъ подъ его скипетромъ народовъ братство по оружію. Онъ обратился къ полумѣрѣ и потребовалъ, по крайней мѣрѣ, хотя бы посылки въ дѣйствовавшую на Дунаѣ армію нѣкотораго числа польскихъ офицеровъ «pour croiser et fraterniser les uniformes» [2]). Но и это скромное желаніе государя встрѣтило противодѣйствіе со стороны цесаревича; на этотъ разъ императоръ настоялъ, однако, на своемъ. Цесаревичъ долженъ былъ покориться высочайшей волѣ; польскіе офицеры, хотя и въ ограниченномъ числѣ (18-ть офицеровъ квартирмейстерской части и инженернаго корпуса), къ величайшему удовольствію государя, явились среди русской арміи на Балканскомъ полуостровѣ [3]).

---

[1]) „Je ne me permettrai jamais de vous tracer des principes que vous devez suivre, cher frère, comme vous le dites dans votre lettre, et si la vérité, que je crois être telle d'après ma conscience, vous est parfois exprimée par moi avec toute la franchise qui me caractérise, ce n'est que l'habitude que j'ai contractée de le faire auprès de feu notre immortel Empereur, qui m'y engage et la parole sacrée que je lui ai donnée d'en user de même envers vous, une fois qu'il n'existerait plus et ce qu'il a exigé de moi sous serment". (Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 24-го марта (5-го апрѣля) 1828 года).

[2]) Императоръ Николай впервые упомянулъ о своемъ желаніи имѣть у себя польскихъ офицеровъ въ письмѣ къ цесаревичу отъ 19-го апрѣля (1-го мая) 1828 года: „J'allais oublier de vous demander, si vous ne trouveriez pas très convenable de m'envoyer pour la campagne quelques officiers polonais, pour être près de moi la première fois que depuis la réunion nous avons guerre; si c'est faisable, je l'aimerai bien".

[3]) „Je ne puis assez me louer des officiers que vous avez bien voulu m'envoyer; ils se distinguent partout où l'on les emploie et plusieurs méritent déjà des récompenses. J'espère qu'ils sont contents de leurs camarades qui sont vraiment frères avec eux". (Императоръ Николай къ цесаревичу Константину Па-

Такимъ образомъ, благой мысли императора Николая не суждено было осуществиться; польская армія осталась нетронутою въ царствѣ и, по-прежнему, продолжала спокойно упражняться во всѣхъ тонкостяхъ гарнизонной службы подъ требовательнымъ окомъ своего главнокомандующаго, а тайныя общества могли безпрепятственно продолжать въ рядахъ ея свою подпольную разлагающую работу, которая, благодаря близорукому упорству цесаревича, привела ко взрыву 1830 года.

IV.

Варшавскій слѣдственный комитетъ, учрежденный для открытія польскихъ тайныхъ обществъ, окончилъ свои занятія значительно позже петербургскаго [1]); онъ представилъ цесаревичу Константину Павловичу свое донесеніе только 22-го декабря 1826 года (3-го января 1827 года). Правительству предстояло тогда рѣшеніе весьма важнаго вопроса, какимъ образомъ вести дѣло далѣе и какой учредить судъ надъ привлеченными къ отвѣтственности лицами?

Первоначально императоръ Николай выказалъ желаніе учредить по этому случаю въ Варшавѣ судъ на началахъ, сходныхъ съ тѣми, которыя были положены въ основаніе петербургскаго верховнаго уголовнаго суда. Въ письмѣ къ цесаревичу отъ 15-го (27-го) сентября 1826 года императоръ Николай припомнилъ, что онъ подалъ въ Россіи примѣръ почти представительнаго образа веденія дѣла, «которое тѣмъ самымъ показало передъ лицемъ всего міра, насколько наше дѣло было просто, ясно, священно»; между тѣмъ въ Польшѣ, въ странѣ конституціонной, государь, къ сожалѣнію своему, видитъ себя вынужденнымъ учредить судъ, по его мнѣнію, почти некомпетентный для того, чтобы судить государственныхъ преступниковъ. «Явится ли это»,—

вловичу 18-го іюля 1828 года изъ лагеря противъ Шумлы. То же самое повторено было въ кампанію 1829 года: цесаревичъ прислалъ въ распоряженіе главнокомандующаго 19 офицеровъ).

[1]) 28-го іюня 1826 года генералъ-адъютантъ Дибичъ донесъ цесаревичу рапортомъ, что государь проситъ его высочество „всѣхъ прикосновенныхъ къ слѣдствію Варшавскаго Комитета лицъ, принадлежащихъ къ Россійскимъ губерніямъ, отъ Польши присоединеннымъ, по совершенному окончанію производящагося объ нихъ изысканія, приказать отправить въ С.-Петербургъ ко мнѣ, для посаженія ихъ въ крѣпость и преданія суду на основаніи Россійскихъ узаконеній“.

замѣчаетъ императоръ,—«болѣе вѣрнымъ средствомъ охранить страну отъ всякихъ волненій и закрыть ротъ тѣмъ, которые пожелали бы видѣть несправедливость въ карѣ, которую предстоитъ наложить на виновныхъ! У меня нѣтъ ни знанія мѣстныхъ условій, ни опытности, поэтому я говорю совершенно зря и единственно по долгу безусловнаго довѣрія къ моему брату, моему лучшему другу; такимъ образомъ, дорогой Константинъ, примите это за то, чѣмъ оно есть, какъ исповѣдь сердца, а что касается прочаго, будьте увѣрены, что я исполню то, на что вы укажете мнѣ какъ на необходимое и неизбѣжное». Въ заключеніе государь присовокупилъ, что будетъ съ нетерпѣніемъ ожидать донесенія комитета по дѣлу, о которомъ онъ имѣетъ лишь общее и смутное представленіе.

По поводу предположеній, высказанныхъ императоромъ Николаемъ въ упомянутомъ нами письмѣ, цесаревичъ написалъ самое рѣшительное возраженіе и подвергъ критикѣ петербургскій верховный уголовный судъ. «Я позволю себѣ»,—читаемъ въ письмѣ Константина Павловича отъ 12-го (24-го) октября 1826 года,—«представить вамъ, что составъ суда, въ родѣ того, какъ было сдѣлано у васъ, не можетъ имѣть мѣста у насъ безъ нарушенія всѣхъ конституціонныхъ началъ, потому что спеціальные суды не допускаются, а петербургскій судъ былъ именно такимъ, потому что, на-ряду съ Сенатомъ, въ составъ его введены были члены, назначенные особо для даннаго случая; въ конституціонныхъ странахъ уже отвергаютъ компетентность и правосудіе петербургскаго суда и называютъ его чѣмъ-то въ родѣ военнаго суда (cour prévôtale); сверхъ того, самое судопроизводство представляется имъ незаконнымъ, такъ какъ въ немъ не было допущено гласной защиты, виновные же или подсудимые были осуждены, не бывъ, такъ сказать, ни выслушаны публично, ни защищены тѣмъ же путемъ; въ конституціонныхъ странахъ дѣйствуютъ учрежденные на то суды, при гласной защитѣ... Впрочемъ, я приказалъ составить для васъ по этому поводу записку, которая, надѣюсь, можетъ оказаться полезною и вполнѣ поставитъ васъ въ извѣстность о томъ, что можно будетъ сдѣлать для того, чтобы, насколько возможно, остаться на законной почвѣ».

Императоръ Николай отвѣтилъ цесаревичу: «Съ нетерпѣніемъ ожидаю записки, о которой вы говорите мнѣ; само-собою разумѣется, что родъ суда, подобный здѣшнему, не можетъ быть примѣненъ въ Польшѣ, и это тѣмъ болѣе безполезно, что польскій сенатъ состоитъ изъ сенаторовъ, взятыхъ изъ всѣхъ отраслей службы; поэтому я никогда не имѣлъ въ виду чего-либо другаго, какъ придерживаться въ этомъ отношеніи требованій закона; здѣсь, гдѣ не существуетъ ничего подобнаго, нужно было дѣйствовать насколько только возможно законнымъ обра-

зомъ (aussi légalement que possible) и, слѣдовательно, ничего не выдумывать, а руководствоваться примѣрами прошлаго [1]).

Переписка по этому дѣлу между Петербургомъ и Варшавою кончилась тѣмъ, что члены польскихъ тайныхъ обществъ были, согласно конституціи, по статьѣ 152-й, преданы с е й м о в о м у с у д у, образованному изъ всѣхъ членовъ сената; тѣ же изъ поляковъ, которые состояли русскими подданными, подверглись суду Правительствующаго Сената.

Засѣданія сеймоваго суда начались въ Варшавѣ 3-го (15-го) іюня 1827 года. Цесаревичъ выражалъ государю надежду, что судъ докажетъ направленіемъ дѣла, насколько общественное мнѣніе страны стоитъ на должной высотѣ, безъ всякаго оттѣнка раболѣпства; вмѣстѣ съ тѣмъ Константинъ Павловичъ полагалъ, что при этомъ случаѣ убѣдятся въ Петербургѣ, насколько несостоятельно воззрѣніе, по которому королевство изображалось находящимся въ состояніи броженія или даже революціи. «Не знаю, что выйдетъ изъ этого въ будущемъ»,—писалъ цесаревичъ 26-го мая 1827 года,—«но ручаюсь, что въ настоящее время нѣтъ ни тѣни броженія, и, если съумѣютъ взяться за это, то и въ будущемъ можетъ не произойти ничего подобнаго».

Предсказанія цесаревича не оправдались. Весь край не замедлилъ покрыться густою сѣтью тайныхъ обществъ и заговоровъ; началась усиленная революціонная пропаганда, чтобы воздѣйствовать на умы населенія въ пользу людей, виновныхъ, какъ выражались тогда, въ томъ, что въ глубинѣ сердца они питали желаніе независимости отечества. Немногочисленные противники подобнаго воззрѣнія признавались отщепенцами общества, покидались своими друзьями, подвергались оскорбленіямъ на улицахъ города. Прокламаціи, расклеенныя въ публичныхъ мѣстахъ, съ самаго открытія засѣданій сеймоваго суда, грозили плохимъ патріотамъ местью народа. Памфлеты и подпольныя изданія разжигали страсти. Малѣйшій поводъ служилъ предлогомъ для шумныхъ манифестацій, устраивавшихся молодежью, съ каждымъ днемъ все болѣе совращаемой агитаторами, и которую наконецъ стало столь трудно сдерживать, что власти, убѣдившись въ своемъ безсиліи, перестали бороться противъ нея [2]).

Если бы польское общество того времени было болѣе зрѣло и вѣрнѣе оцѣнило бы свои истинныя выгоды, то оно, довольствуясь настоящимъ, уповая на лучшее будущее, спокойно перенесло бы временныя

[1]) Une haute cour nationale connaîtra des crimes d'état et des délits commis par les grands fonctionnaires du royaume, dont le Sénat décrète la mise en jugement d'après l'article 116. La haute cour est composée de tous les membres du Sénat. (Article 152).

[2]) Lisicki: Le marquis Wielopolski.—Vienne 1880. T. I, p. 76.

невзгоды, на которыя жаловались патріоты. Но какъ справедливо отмѣтилъ одинъ писатель: «всѣ мысли народа витали не въ настоящемъ, а въ прошедшемъ». Передовые дѣятели страны стремились къ одной цѣли, къ политической реставраціи прежней Польши, а подобное направленіе польской интеллигенціи могло только привести къ крушенію системы, которую Александръ I осуществилъ съ такимъ трудомъ въ 1815 году.

Сеймовому суду, на основаніи королевскаго декрета отъ 7-го (19-го) апрѣля 1827 года, преданы были восемь человѣкъ: Кршижановскій, графъ Солтыкъ, Маевскій, ксендзъ Дембекъ, Заблоцкій, Гржимайло, Плихта, графъ Залусскій. Предсѣдателемъ суда назначенъ былъ Бѣлинскій, старшій сенаторъ, замѣнившій собою настоящаго предсѣдателя Сената графа Замойскаго, отстраненнаго отъ дѣла, такъ какъ онъ былъ членомъ Варшавскаго слѣдственнаго комитета.

Здѣсь не мѣсто войти въ подробности относительно дѣйствій суда, открывшаго свои засѣданія въ Варшавѣ въ іюнѣ 1827 года.

Императору Николаю приходилось, во время хода этого политическаго процесса, либо сдерживать порывы неудовольствія цесаревича, либо выслушивать, съ его стороны, взгляды совершенно противоположнаго свойства, клонившіеся къ оправданію польскихъ подсудимыхъ. Такъ, напримѣръ, государь остался недоволенъ обвинительнымъ актомъ; цесаревичъ призналъ его слабо редактированнымъ (je l'ai trouvé faiblement rédigé), а затѣмъ высказалъ слѣдующія соображенія въ пользу подсудимыхъ, идущія совершенно въ разрѣзъ съ исходной точкой, которой придерживался въ этомъ дѣлѣ императоръ Николай.

«Что касается того»,—пишетъ Константинъ Павловичъ,—«что вы говорите мнѣ, что не можете понять, какъ можно назвать отдаленной попыткой (tendance éloignée) знаніе заговора, имѣвшаго цѣлью убійство короля и его семьи, то это можетъ казаться такъ на первый взглядъ; но преступленіе тѣхъ, которые знали объ этомъ, можетъ быть названо, по существующимъ законамъ, лишь сокрытіемъ,—понятіе вполнѣ опредѣленное и предусмотрѣнное кодексомъ. Что же касается самаго убійства, къ которому подстрекали русскіе, то, на основаніи показаній подсудимыхъ, какъ русскихъ, такъ и поляковъ, дознано, что послѣдніе постоянно отказывались отъ дѣлаемыхъ имъ предложеній и даже не хотѣли слушать разговоровъ объ этомъ, выставляя тотъ доводъ, что никогда еще цареубійство не запятнало польскаго народа. Поэтому, преступленіе состоитъ исключительно въ сокрытіи этого факта. Такимъ образомъ, отдаленная попытка (tentative éloignée), о которой упоминается, безусловно относится къ желанію низвергнуть настоящее правительство, пользуясь для осуществленія этой цѣли перемѣнами,

которыя могли бы произойти въ Россіи, а такъ какъ время для совершенія этихъ перемѣнъ не было установлено, то оно и не могло быть названо иначе, какъ это сдѣлано было прокуроромъ, въ особенности, въ виду показаній самихъ русскихъ, откладывавшихъ осуществленіе своихъ намѣреній изъ года въ годъ» [1]).

Изъ Петербурга присланы были делегаты Правительствующаго Сената, и снова привезены оттуда участники польскихъ тайныхъ обществъ, состоявшіе въ русскомъ подданствѣ. Дѣло продолжалось безконечно долго и кончилось лѣтомъ 1828 года оправданіемъ подсудимыхъ, изъ которыхъ только нѣкоторые приговорены были къ незначущимъ тюремнымъ заключеніямъ, съ зачетомъ времени, проведеннаго подъ арестомъ. Предсѣдатель суда, Бѣлинскій, сказалъ:—«Мое сердце препятствуетъ мнѣ осудить національное чувство!»—Приговоръ суда какъ бы торжественно оправдывалъ въ прошедшемъ всѣ попытки, которыя были направлены къ низверженію существовавшаго законнаго порядка, и какъ бы разрѣшалъ въ будущемъ всѣ дальнѣйшіе заговоры и попытки подобнаго рода.

Когда состоялся этотъ приговоръ, императоръ Николай находился въ Турціи при дѣйствующей арміи, озабоченный исходомъ находив-

---

[1]) Quant à ce que vous me dites de ce que Vous ne pouvez comprendre, comment est-ce que l'on peut qualifier de tendance éloignée la connaissance d'un complot qui avait pour but l'assassinat du Roi et de sa famille, ceci peut paraître au premier aperçu; mais le crime de ceux qui le servaient, d'après les lois existantes ne peut être qualifié que de non révélation, chose tout à fait distincte et prévue par le code. Quant à l'assassinat même et que les Russes provoquaient, il est prouvé par les dépositions des prévenus tant russes que polonais que ces derniers s'y sont constamment refusés et n'ont pas voulu seulement entendre parler, mettant en avant qu'aucun régicide n'a entaché la nation polonaise. Le crime donc consiste purement dans la non révélation de ce fait. La tentative éloignée dont il est fait mention, se rapporte donc purement et simplement au désir du renversement du gouvernement actuel en profitant pour l'exécuter sur les changements qui auraient pu arriver en Russie et, comme l'époque n'en était pas fixée, il ne peut donc être autrement dénommé comme il l'a été par le procureur général, surtout vu les dispositions même des russes qui le remettaient d'année en année". (Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 30-го ноября (12-го декабря) 1827 года).

Въ письмѣ императора Николая къ цесаревичу отъ 23-го ноября (5-го декабря) 1827 года, на которое ссылается Константинъ Павловичъ, государь писалъ: „J'ai achevé la lecture de la première partie de l'acte d'accusation... Je ne cache donc pas à Grabowski que cette lecture ne m'a entièrement satisfait, car je ne comprends pas la manière dont on peut qualifier de tentative éloignée la connaissance d'un complot (par quelques uns des prévenus) dont le but avoué, permanent, était l'assassinat de leur roi et de sa famille. Il y a d'autres expressions aussi que je ne trouve pas bien choisies"

шейся въ полномъ разгарѣ войны съ Портою. Разсказываютъ, что государь, узнавъ о столь неожиданномъ исходѣ варшавскаго политическаго процесса, воскликнулъ: «Несчастные! они спасли виновныхъ, но погубили отечество!» Цесаревичъ приведенъ былъ приговоромъ сеймоваго суда въ состояніе сильнѣйшаго гнѣва; письма къ государю во время суда испещрены выраженіями: «Notre sot et imbécile sénat», «la vielle ganache de président», «l'insigne bêtise de Bielinski» и т. п. Константинъ Павловичъ готовъ былъ прибѣгнуть даже къ крайнимъ мѣрамъ, быстро позабывъ свои недавнія назидательныя конституціонныя наставленія, сообщенныя брату. Благоразуміе императора Николая отклонило всякія неосмотрительныя рѣшенія. Повелѣно было административному совѣту королевства высказать свое мнѣніе по поводу судебнаго приговора и поведенія сената въ этомъ дѣлѣ; затѣмъ приговоръ остался неутвержденнымъ, и сенаторамъ воспрещено отлучаться изъ Варшавы. Снова потребовались недѣли, обратившіяся въ мѣсяцы, для новой работы, возложенной на польскихъ государственныхъ людей. Административный совѣтъ пришелъ къ заключенію, что приговоръ сената слѣдуетъ приписать не злонамѣренности его членовъ, но неудовлетворительности существовавшаго тогда уголовнаго законодательства. Такимъ образомъ административный совѣтъ въ сущности оправдалъ рѣшеніе, постановленное сеймовымъ судомъ. Заключеніе совѣта было препровождено императору Николаю въ декабрѣ 1828 года.

Въ слѣдующемъ, 1829 году столь плачевное и безконечное пререканіе между властями наконецъ кончилось. Государь повелѣлъ прочесть сенату высочайшій выговоръ, а затѣмъ утвердилъ приговоръ суда, который и вступилъ въ законное дѣйствіе. 14-го (26-го) марта послѣдовало закрытіе сеймоваго суда, но зло, нанесенное этимъ политическимъ процессомъ странѣ, было непоправимо.

Между тѣмъ 22-го февраля (6-го марта) умеръ предсѣдатель сеймоваго суда сенаторъ Бѣлинскій. Ему устроили пышныя похороны, которыя сопровождались нѣкоторыми безпорядками со стороны учащейся молодежи и послужили къ еще большему возбужденію умовъ.

9-го (21-го) марта 1829 года цесаревичъ писалъ государю:

«Выговоръ (la mercuriale) былъ принятъ съ почтительностью и покорностью, но не съ убѣжденіемъ, какъ это видно изъ донесеній, получаемыхъ мною со всѣхъ сторонъ; впрочемъ, чего же можно ожидать отъ подобныхъ существъ и отъ сброда, какимъ являются въ большинствѣ сенаторы этой страны. Тѣмъ не менѣе, нужно быть справедливымъ и сказать, что среди нихъ есть такіе, которые сознаютъ, что сдѣлали ложный шагъ, и раскаиваются. Вмѣсто того, чтобы чувствовать деликатность вашего образа дѣйствій, выразившагося въ приказаніи сдѣлать имъ выговоръ при закрытыхъ дверяхъ, встрѣчаются такіе, которые ви-

дятъ въ этомъ опасеніе дѣйствовать публично, и что во всякомъ случаѣ они восторжествовали, освободивъ патріотовъ, которые жертвовали для отечества. Подобное толкованіе распространено между праздною молодежью и, въ особенности, среди студентовъ; со дня на день они становятся все болѣе дерзкими и болѣе смѣлыми и, въ особенности, послѣ погребенія Бѣлинскаго. Я уже предупредилъ правительство объ этомъ и о крайней необходимости водворить порядокъ среди всей этой неугомонной молодежи; всѣ добромыслящіе люди чувствуютъ это и держатся моего мнѣнія; но не знаю, чѣмъ это можно объяснить: мѣры, которыя считаютъ возможнымъ принять, не отвѣчаютъ безотлагательнымъ потребностямъ даннаго случая. Слѣдуетъ замѣтить, что съ нѣкотораго времени учащаяся молодежь усвоила крайне замѣтную наклонность ко злу. Я склоненъ думать, что она получаетъ руководство извнѣ, а именно изъ Познанскаго герцогства и изъ Франціи» [1]).

Совершенно иначе сложилась судьба поляковъ, русскихъ подданныхъ, замѣшанныхъ въ заговорѣ тайныхъ обществъ. Ихъ судили въ Правительствующемъ Сенатѣ, а затѣмъ дѣло о нихъ поступило въ Государственный Совѣтъ, и, на основаніи высочайше утвержденнаго 24-го февраля (8-го марта) 1829 года мнѣнія онаго, виновные, по степени ихъ преступленія, были подвергнуты наказаніямъ:

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Ромеръ, по лишеніи чиновъ и орденовъ, выдержанъ годъ въ крѣпости и отданъ подъ надзоръ навсегда; графъ Ворцель и графъ Карвицкій, по лишеніи чиновъ и графскихъ достоинствъ, написаны въ рядовые до выслуги; отставной маіоръ

---

[1]) „La mercuriale a été reçue avec respect et soumission, mais pas avec persuasion, d'après tous les rapports qui me parviennent de différentes parts; au reste, à quoi peut-on s'attendre d'êtres semblables et à un ramassis comme le sont les sénateurs dans la majorité de ce pays-ci. Pourtant il faut être juste qu'il y en a entre eux qui sentent le faux pas qu'ils ont fait et sont repentants. Au lieu de sentir la délicatesse de votre procédé envers eux, en leur faisant faire des reproches à huis-clos, il y en a qui l'attribuent à ce que l'on n'a pas osé le faire publiquement et qu'au reste ils ont emporté la prise en délivrant des patriotes qui faisaient tout pour la patrie. C'est l'interprétation qui court entre la jeunesse oiseuse et, surtout, entre les étudiants; ils deviennent de jour en jour plus insolents et plus audacieux et surtout depuis l'enterrement du palatin Bielinski. J'en ai déjà prévenu le gouvernement et de la grande urgence qu'il y a de remettre toute cette jeunesse turbulente à l'ordre; tous les êtres bien pensants le sentent et sont de mon avis; mais je ne sais à quoi cela tient, les mesures que l'on croît pouvoir prendre ne répondent pas à l'urgence du cas. Il est à remarquer que la jeunesse studieuse a pris une tendance très remarquable pour le mal depuis peu, et je serai assez porté à le croire, qu'elle est guidée du dehors et nommément du duché de Posen et de la France; au reste, tout le monde dirigeant est averti et l'on fait tout son possible pour prévenir et réprimer le mal s'il venait à se manifester d'une manière plus hostile".

Ивашкевичъ, графъ Мошинскій и Гродецкій, по лишеніи чиновъ, графскаго достоинства и дворянства, сосланы въ Сибирь на поселеніе, первый на 8, второй на 10 и третій на 15 лѣтъ; отставной штабъ-ротмистръ Пулавскій, помѣщикъ Билевичъ, губернскій регистраторъ Новомейскій, титулярный совѣтникъ Струмило, дворяне Завиша, Вагнеръ и Тышковскій, по вмѣненіи имъ въ наказаніе трехлѣтнее содержаніе въ крѣпости, первые трое освобождены, а послѣдніе отданы подъ надзоръ полиціи на годъ; Сабанскій и графъ Тарновскій, по выдержаніи еще мѣсяцъ въ крѣпости, отданы подъ надзоръ на два года; Цишевскій, Чарковскій, Ходзько, Іомейко, графъ Оссолинскій, Карвицкій, Гружевскій и Чарковскій, по выдержаніи еще нѣкотораго опредѣленнаго времени въ крѣпости, отданы подъ надзоръ полиціи на разные сроки, а послѣдній навсегда. Всѣмъ поименованнымъ лицамъ воспрещенъ былъ въѣздъ въ столицы и въ Варшаву.

Въ заключеніе остается сказать еще нѣсколько словъ о князѣ Антонѣ Яблоновскомъ, который своими разоблаченіями привелъ бывшихъ членовъ тайныхъ обществъ на скамью подсудимыхъ. Онъ былъ приговоренъ къ лишенію княжескаго достоинства и дворянства и пожизненной ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, но въ уваженіе чистосердечнаго признанія и раскаянія, Яблоновскій удостоился получить всемилостивѣйшее прощеніе.

Сверхъ того, на основаніи высочайше утвержденнаго въ сентябрѣ 1829 года положенія Комитета министровъ, подвергнуты были секретному надзору оказавшіеся прикосновенными къ дѣлу о польскихъ тайныхъ обществахъ еще 15 человѣкъ [1]).

«Наконецъ, этотъ безконечный польскій процессъ оконченъ»,—писалъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ,—«тѣ изъ заключенныхъ, которые были освобождены, искренно тронуты милосердіемъ императора. Яблоновскій, самъ признающій, что заслужилъ смертную казнь, былъ внѣ себя отъ радости, когда узналъ о своемъ прощеніи. Онъ залился слезами и бросился цѣловать портретъ императора» [2]).

---

[1]) Графъ Грабовскій, Шабанскій, Родовицкій, Оскерко, Іосифъ Булгаринъ, Сержпутовскій, Довнаровичъ, Дочевскій, Кленковскій, Дерамеръ, Денискo, графъ Грохольскій, Ленкевичъ, Рокицкій и графъ Мощенскій.

[2]) Письмо генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ графу Дибичу отъ 9-го (21-го) марта 1829 года. („Военно-Ученый Архивъ". Отд. I. № 961.

V.

Съ самаго воцаренія императора Николая на очереди стоялъ вопросъ о коронованіи его какъ польскаго короля. Сначала оборотъ, принятый судомъ надъ членами польскихъ тайныхъ обществъ, а затѣмъ и война 1828 года, препятствовали императору посѣтить Варшаву и осуществить 45-й параграфъ конституція, дарованной королевству Александромъ I, который гласилъ: «Всѣ наши преемники въ королевствѣ польскомъ обязаны короноваться себя королями польскими въ столицѣ, по обряду, который мы установимъ, и они будутъ приносить слѣдующую присягу: «Я клянусь и обѣщаю передъ Богомъ и на Евангеліи поддерживать и всею моею властью побуждать къ выполненію конституціонной хартіи» [1]).

Рѣшивъ этотъ вопросъ по существу, императоръ Александръ не установилъ однако въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ ни способа коронованія, ни подробностей предначертаннаго имъ обряда; для преемника его остался такимъ образомъ въ силѣ одинъ 45-й параграфъ конституціи.

Когда въ 1826 году возникъ вопросъ о коронаціи въ Варшавѣ, то разсказывали, что будто бы императоръ Николай замѣтилъ князю Ксаверію Францовичу Друцкому-Любецкому: «Понимаю, что, короновавшись уже императоромъ русскимъ, мнѣ надо еще короноваться и королемъ Польскимъ, потому что этого требуетъ ваша конституція, но не вижу, почему такая коронація должна быть непремѣнно въ Варшавѣ, а не въ Петербургѣ, или Москвѣ: въ конституціи сказано глухо, что этотъ обрядъ совершается въ столицѣ».

— Такъ точно,—отвѣчалъ Любецкій въ шутку,—и нѣтъ ничего легче какъ исполнить вашу волю: стоитъ только объявить, что конституція, въ которой это постановлено, распространяется и на русскія ваши столицы.

Но переходя отъ анекдотическаго міра къ міру дѣйствительному, нужно сказать, что истинныя воззрѣнія императора Николая на этотъ вопросъ слѣдуетъ искать въ письмахъ его къ цесаревичу Константину Павловичу; въ нихъ государь высказалъ вполнѣ откровенно, какъ онъ смотрѣлъ на политическій актъ, предстоявшій ему совершить въ Варшавѣ.

---

[1]) „Tous nos successeurs au Royaume de Pologne sont astreints à se faire couronner Rois de Pologne dans la capitale, suivant la forme que nous établirons, et ils prêteront le serment ci-après:

„Je jure et promets devant Dieu et sur l'Evangile de maintenir et faire exécuter de tout mon pouvoir la charte constitutionnelle".

Еще задолго до московской коронаціи, императоръ Николай поручилъ Ф. П. Опочинину спросить мнѣніе цесаревича относительно Варшавской коронаціи. 24-го мая (5-го іюня) 1826 года, Константинъ Павловичъ писалъ государю, что онъ по коронаціи не въ состояніи высказать никакого мнѣнія, такъ какъ со стороны императора Александра вопросъ не былъ рѣшенъ: затѣмъ цесаревичъ испрашивалъ разрѣшенія посовѣтоваться съ Новосильцовымъ [1]). Государь изъявилъ свое согласіе, прибавивъ: «Я очень желаю, чтобы это могло произойти съ возможно меньшими церемоніями, и въ остальномъ полагаюсь на васъ; что касается духовной церемоніи, то само собою разумѣется, что это совершенно невозможно»... [2]). «Чѣмъ меньше будетъ шутовства, тѣмъ это будетъ лучше для меня (le moins il y aura de farces, le mieux cela vaudra pour moi)» [3]).

Записка, выработанная Новосильцевымъ, въ которой предлагалось разыграть церемонію на Вольскомъ полѣ, не была одобрена императоромъ Николаемъ, сдѣлавшимъ контръ-предложеніе:

«Я заранѣе принесъ присягу, требуемую закономъ; я далъ ее по собственному побужденію и добровольно, какъ лучшій залогъ искренности моихъ намѣреній въ отношеніи польскихъ подданныхъ императора и

---

[1]) „Opotchinine m'a parlé de votre couronnement d'ici et m'a dit que vous désiriez avoir mon avis à ce sujet; avec toute la franchise que vous me connaissez et avec la meilleure volonté possible de satisfaire en vous énonçant mon opinion, je ne saurais le faire, puisque la charte constitutionnelle de ce pays parle bien de l'obligation du couronnement pour les successeurs de celui qui l'a octroyée, en y ajoutant la clause, qu'il se fera d'après ce qui aura été établi, mais comme rien ne l'a été, je suis dans le plus cruel embarras de vous rien dire de positif; veuillez me permettre d'agir d'après ma façon de faire du temps de feu l'Empereur, alors j'en parlerai à Novossiltzoff, ce que je n'ai pu faire sans votre consentement, et nous arrangerons la chose ensemble pour vous la soumettre. J'attends vos ordres; j'avoue ma bêtise dans des cas pareils". (Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю, отъ 24-го мая (6-го іюня) 1826 года).

[2]) „Vous désirez vous aboucher avec Novossiltzoff pour l'affaire du couronnement à Varsovie; veuillez le faire et m'informer des résultats. Je tiens beaucoup à ce que cela puisse se faire avec le moins de formes possibles et m'en remets à vous sur tout le reste; pour une cérémonie religieuse, il s'entend bien que c'est complétement impossible". (Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу, отъ 6-го (18-го) іюня 1826 года).

[3]) Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу, отъ 23-го іюня (5-го іюля) 1826 года. Вообще въ перепискѣ съ цесаревичемъ императоръ Николай высказывалъ относительно варшавской коронаціи слѣдующіе взгляды: „La cérémonie qui se répète à Varsovie n'est pas un sacre, mais la répétition pour les Polonais du couronnement seul". Или же: „Le couronnement pour les Russes du roi de Pologne s'est fait à Moscou et ne se répète à Varsovie que pour les Polonais".

короля, поэтому я считаю себя выполнившимъ въ отношеніи ихъ все то, что статья хартіи представляетъ для меня обязательнаго по части формы. Что же касается способа коронованія, то всякая церемонія, которую мнѣ заблагоразсудится избрать, будетъ имѣть силу закона; такимъ образомъ, если я созову чрезвычайный сеймъ и повторю присягу, уже данную мною народу, и если затѣмъ, въ завершеніе, предпишу отслужить по римскому обряду благодарственное молебствіе на открытомъ полѣ, чтобы избѣжать этого въ соборѣ и имѣть возможность произвести службу въ присутствіи войскъ—всего сказаннаго довольно, какъ мнѣ думается; если же прибавить еще торжественный въѣздъ и обычныя празднества въ городѣ, то оно хватитъ съ меня, вашего бѣднаго брата. Вотъ откровенное изложеніе моей мысли для васъ, которую я вамъ представляю» [1]).

Когда политическій процессъ надъ членами польскихъ тайныхъ обществъ, «cette éternelle et odieuse affaire»,—какъ называлъ его императоръ Николай,—наконецъ кончился, то государь сообщилъ цесаревичу, что онъ пріѣдетъ въ Варшаву, «дабы не оставаться вѣчно чуждымъ странѣ, въ которой я не могу быть отвѣтственнымъ за что бы то ни было, такъ какъ я едва знаю ее и еще менѣе знаю лицъ, дѣйствующихъ тамъ моимъ именемъ, и, конечно, ужъ не желаніе отсутствовало у меня для сего» [2]).

Отказавшись отъ личнаго участія во второй турецкой кампаніи, ничто уже болѣе не препятствовало императору Николаю назначить

[1]) „J'ai prêté d'avance le serment exigé par la loi; je l'ai fait spontanément et de bon gré, comme le meilleur gage de la sincérité de mes intentions envers les sujets Polonais, de l'Empereur et Roi; je me tiens donc quitte vis à vis d'eux, pour tout ce que l'article de la charte avait de formes obligatoires pour moi; quant au mode de couronnement, telle cérémonie que bon me semble aura force de loi; ainsi si j'ordonne une diète extraordinaire et que je réitère le serment déjà prêté par moi à la nation et que je le fasse ensuite suivre d'un Te Deum romain en actions de grâce, en plein champ pour éviter de le faire à la cathédrale et pour pouvoir y faire assister les troupes, en voilà bien assez je le pense, si nous y ajoutons un entrée solennelle et les fêtes de rigueur en ville, il y en aura assez pour moi, votre pauvre diable de frère. Voilà franchement ma pensée pour vous que je vous soumets". (Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу, отъ 3-го (15-го) августа 1826 года изъ Москвы).

[2]) „J'espère que sous peu tout sera fini et cette éternelle et odieuse affaire terminée. J'espère alors que je pourrai enfin me rendre chez vous et voir de mes yeux ce qu'il est bien temps que je puisse voir et entendre pour ne pas rester éternellement étranger à un pays ou je ne puis être responsable de rien, ne le connaissant qu'à peine et encore moins les individus qui y agissent en mon nom, et certes, ce n'est pas l'envie qui m'a manqué pour le faire" (Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу, отъ 2-го (14-го) января 1829 года).

въ маѣ 1829 года намѣченную съ самаго воцаренія коронацію въ Варшавѣ.

Готовясь къ отъѣзду въ польскую столицу, императоръ Николай обратился къ брату съ слѣдующими трогательными строками:

«Прошу позволенія выразить вамъ чистосердечное и горячее желаніе найти васъ въ Варшавѣ тѣмъ же по отношенію ко мнѣ, какъ и въ прошломъ: превосходнымъ братомъ и безупречнымъ другомъ (excellent frère et parfait ami); будьте снисходительны ко мнѣ и поймите всю затруднительность моего положенія, единственнаго въ мірѣ (unique au monde) и болѣе труднаго тамъ, возлѣ васъ, въ мѣстѣ вашего обычнаго пребыванія, чѣмъ каково оно уже всюду въ другихъ мѣстахъ! Пусть ваша снисходительная дружба будетъ моимъ руководителемъ и моею поддержкою, чтобы я могъ черпать въ ней бодрость и чтобы я нашелъ въ ней поощреніе, въ которомъ часто нуждаюсь, когда мой духъ слабѣетъ подъ тяжестью заботъ. Я надѣюсь на Бога; Онъ знаетъ мои добрыя намѣренія; они чисты, такъ какъ это намѣренія брата, посвятившаго вамъ свое существованіе; Онъ вдохновитъ также и васъ» [1]).

Незадолго до отъѣзда императора Николая религіозная сторона коронаціи въ Варшавѣ снова была затронута въ его перепискѣ съ цесаревичемъ. Великій князь въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ настаивалъ на необходимости для государя присутствовать на молебствіи въ католическомъ соборѣ, между тѣмъ какъ Николай Павловичъ полагалъ возможнымъ ограничиться молебствіемъ во дворцѣ.—Константинъ Павловичъ сопровождалъ свои доводы слѣдующими разсужденіями:

«Богъ призвалъ васъ царить надъ народомъ другой вѣры, чѣмъ ваша, поэтому вамъ слѣдуетъ защищать ее, уважать и поддерживать, а не подвергать ее, такъ сказать, съ вашей стороны запрещенію (de votre index). Вамъ не предоставлено, какъ кому бы то ни было другому, вмѣшиваться въ споры; оставьте людямъ ихъ вѣрованія, отъ этого они не будутъ менѣе вѣрны и признательны вамъ; помимо того молебствіе не таинство,

---

[1]) „Permettez que je vous expose le voeu sincère et ardent de vous trouver à Varsovie le même pour moi comme par le passé: excellent frère et parfait ami; soyez indulgent pour moi et sentez toute la difficulté de ma position, unique dans le monde et plus difficile là, près de vous, dans le lieu de votre séjour habituel, qu'elle ne l'est déjà partout ailleurs! Que votre indulgente amitié soit mon guide et mon soutien, que j'y puise le courage et que j'y trouve l'encouragement dont j'ai souvent besoin, quand mon moral fléchit sous le poids de mes peines. J'espère en Dieu; Il connaît mes bonnes intentions; elles sont pures, car elles sont celles d'un frère qui vous a dévoué son existence; Il vous inspirera aussi". (Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу, отъ 20-го марта (1-го апрѣля) 1829 года.

вы будете тамъ въ качествѣ присутствующаго. Вотъ мое мнѣніе, и я не могу измѣнить его» [1]).

Императоръ Николай покорился желанію цесаревича и согласился на молебствіе въ католическомъ соборѣ, разъ оно со стороны брата признано было необходимымъ (dès que vous le trouvez opportun).

Въ Россіи извѣстіе о предстоявшей варшавской коронаціи не было встрѣчено съ сочувствіемъ; говорили, что не было примѣра, чтобъ два раза короновались цари, а особенно въ покоренныхъ царствахъ; въ самомъ торжествѣ усматривали умаленіе императорскаго достоинства и негодовали, что помазанника Божія коснется рука нечестивца.

«Слухъ о коронаціи оживилъ новыми надеждами жителей возвра-

---

[1]) „Je pense qu'aucun acte religieux ne peut avoir lieu dans la salle du sénat, sans porter préjudice à la religion elle-même, n'importe le rite, puisque l'on n'est que trop enclin à éliminer tout culte chrétien et ne l'envisager que comme une vaine cérémonie, et cette manière de faire n'encouragerait que trop les esprits à un ordre ou bien désordre semblable. A mon avis, tout en invitant processionnellement le clergé à se rendre au sein du sénat et votre serment prêté, vous devrez vous rendre pour le Te Deum dans la cathédrale, ce qui prouverait tolérance et protection de tous les cultes... Dieu vous a appelé à régner sur un peuple d'un autre rite que le votre, c'est à vous à le protéger, à le respecter et à le maintenir, et à ne pas le frapper pour ainsi dire de votre index. Il ne vous est pas donné comme à qui que ce soit de vous immiscer dans des controverses, laissez les croyances aux hommes, ils ne vous en seront pas moins fidèles et reconnaissants; au plus, assister à un Te Deum n'est pas un sacrement, vous y serez comme assistant... Voilà mon opinion et je ne puis la changer. Nos troupes russes agistent dans les grandes solennités aux messes catholiques-romaines au camp et font ce que font les troupes polonaises; tel est l'ordre établi par feu notre immortel Empereur et personne n'a rien à y redire; vous l'avez vu vous même lors de votre premier séjour ici à la St. Alexandre; votre femme y a aussi assisté. Suivez mon conseil et vous-vous en trouverez bien, j'en ai la conviction". (Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю, отъ 30-го марта (11-го апрѣля 1829 года).

Цесаревичъ не довольствовался приведенными здѣсь доводами и въ письмѣ къ государю, отъ 16-го (28-го) апрѣля 1829 года, еще разъ возвратился къ защитѣ своей точки зрѣнія и продолжалъ настаивать на необходимости молебствія въ католическомъ соборѣ: „Le clergé catholique assistant dans la salle du château prouverait parfaitement que le couronnement ne s'est pas fait à l'église catholique et personne n'y aurait rien à redire. Je dirai plus, que si, comme grand Duc de Finlande, il y aurait dû y avoir un couronnement, je serai d'avis que vous assistiez au sermon luthérien comme un hommage rendu au culte professé par le peuple sur lequel la volonté de Dieu vous a appelé à régner et en prouvant une tolérance générale et universelle, sans vous arroger le droit de vous immiscer dans les affaires de conscience. Voilà mon avis, cher et excellent frère, d'après mon coeur et la pureté qui y règne devant Dieu et les hommes. J'y ajoute que tout ceci coincidera fort bien avec l'émancipation qui vient d'avoir lieu en Angleterre".

*

щенныхъ отъ Польши губерній и не порадовалъ русскихъ», замѣчаетъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ [1]).

25-го апрѣля (7-го мая) императоръ Николай въ сопровожденіи великаго князя Михаила Павловича отправился изъ Царскаго Села въ Динабургъ, гдѣ по прибытіи немедленно занялся осмотромъ укрѣпленій. 29-го апрѣля (11-го мая) сюда прибыла императрица Александра Ѳеодоровна съ наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ. При наслѣдникѣ находились генералъ Мердеръ и В. А. Жуковскій. Изъ Динабурга императрица съ сыномъ продолжали свой путь прямо на Варшаву, а государь посѣтилъ еще Вильно, Гродно и Бѣлостокъ. По свидѣтельству Бенкендорфа, «повсюду происходили представленія, парады и осмотры общественныхъ учрежденій, что значитъ, что мы ничего не видѣли. Отчасти это составляло цѣль государя, который опасался видѣть то, чего онъ не желалъ бы видѣть; нужно было пріѣхать въ Варшаву довольнымъ, и такъ оно и случилось» [2]).

Выѣхавъ изъ Динабурга, государь слѣдовалъ безостановочно до Бѣлостока, гдѣ былъ первый ночлегъ. Затѣмъ императоръ Николай съ гене-

---

[1]) Въ письмѣ къ графу Дибичу, отъ 13-го (25 го) апрѣля 1829 года, генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ выразилъ ту же мысль въ болѣе рѣзкой и опредѣленной формѣ: „Les fouguex patriotes y voient l'abaissement de la dignité impériale, les nuls s'occupent à discuter les fêtes. les cérémonies et les récompenses qu'il y aura à cette occasion; les raisonnables et les vrais amis de notre maître sentent l'urgence de ce voyage et font des voeux pour qu'il tourne au profit de la tranquillité et de la bonne harmonie; moi, je crains autant que j'espère et je plains de toute mon âme l'Empereur, car je prévois les grandes difficultés qui se présenteront à lui, lorsqu'il s'agira de conclure en dernière analyse; elle est simple, mais l'exécution en est difficile: 1) Novossilzow et... éloignés; 2) de bons remplaçants!!; 3) les provinces polonaises mises sur pied du reste de l'empire; 4) le royaume se gouvernant sans secousses arbitraires. Tout cela est aisé à dire. Que le ciel protège l'Empereur". (Изъ письма генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ графу Дибичу отъ 13-го (25-го) апрѣля 1829 года. „Военно-Ученый Архивъ". Отд. 1. № 961).

[2]) Partout présentation, parade et courses dans les établissements publics, c'est à dire que nous n'avons rien vus. C'était un peu le but de sa Majesté, l'Empereur qui craignait de devoir voir ce qu'il n'aurait pas voulu voir; il fallait arriver satisfait à Varsovie, et c'est ce qui a été: partout une population heureuse de voir son souverain; des démonstrations de joie sincère, de l'ordre, de belles troupes, enfin ce qui plaît à l'oeil, et doit réjouir le coeur d'un maître, mais qui en même temps doit lui prouver qu'on attend tout de lui, et qu'il a une tâche bien sacrée à remplir, celle de justifier les grandes espérances de ses sujets". (Изъ письма генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ графу Дибичу, отъ 16-го (28-го) мая 1829 года, изъ Варшавы. „Военно-Ученый Архивъ". Отд. I № 961).

Великій князь Михаилъ Павловичъ, по просьбѣ цесаревича, изъ Динабурга прямо прослѣдовалъ въ Варшаву.

ралъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ направился къ Тыкочину, расположенному на границѣ Имперіи съ королевствомъ.

«Хотя я не видалъ этихъ мѣстъ съ войны 1806 и 1807 годовъ», пишетъ Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ, «однако не сомнѣвался, что тотчасъ узнаю мѣстности, изъѣзженныя мною верхомъ, съ небольшимъ за двадцать лѣтъ, во всѣхъ направленіяхъ, и даже увѣрялъ государя, что объясню ему по дорогѣ всѣ позиціи, сраженія и марши нашихъ войскъ. Каково же было мое удивленіе, когда съ самаго выѣзда изъ Бѣлостока, насъ, вмѣсто тогдашнихъ сыпучихъ песковъ и бездонныхъ болотъ, повезли по чудесному шоссе. Точно также измѣнилась мѣстность передъ Тыкочиномъ, самое мѣстечко приняло видъ опрятности и довольства. Все преобразилось; край самый бѣдный и самый грязный въ мірѣ, чуждый всякой промышленности, былъ превращенъ, какъ бы волшебствомъ, въ страну богатую, чистую и просвѣщенную. Роскошныя почтовыя дороги, опрятные города, обработанныя поля, фабрики, общее благосостояніе, наконецъ, все, чего мудрое и отеческое правительство можетъ достигнуть развѣ послѣ полувѣковыхъ усилій, было сдѣлано императоромъ Александромъ въ пятнадцать лѣтъ. Самая закоренѣлая неблагодарность молодыхъ польскихъ патріотовъ вынуждена была, очевидностью, воздать дань истинѣ и сознаться, что покойный императоръ пересоздалъ эту часть Польши.

«На полѣ сраженія близъ Пултуска я не могъ, въ разговорѣ съ государемъ, не перенестись воображеніемъ къ тому, что было двадцать три года тому назадъ и что съ тѣхъ поръ произошло. Тогда Наполеонъ торжествовалъ въ Варшавѣ и угрожалъ Россіи; поляки предавались мечтамъ о своемъ возрожденіи, а наши войска, отступавшія къ своимъ границамъ, находились въ состояніи полнаго унынія и изнеможенія. А теперь? Наполеонъ уже давно перешелъ въ область исторіи; Парижъ видѣлъ наши побѣдоносныя знамена; поляки же—русскіе подданные и обязанные своимъ благосостояніемъ единственно великодушію русскаго императора, а я—въ коляскѣ возлѣ могущественнаго преемника этого государя, короля той же самой Польши, гдѣ въ то время я воевалъ для защиты собственныхъ нашихъ границъ! Мы философствовали объ этихъ міровыхъ переворотахъ до самой той минуты, пока не остановились на городской площади, для принятія назначеннаго для встрѣчи государя почетнаго караула. Спустя нѣсколько минутъ пріѣхала императрица съ наслѣдникомъ, и мы, переночевавъ въ Пултускѣ, на другой день всѣ вмѣстѣ отправились въ Варшаву».

4-го (16-го) мая цесаревичъ ожидалъ императора Николая въ загородномъ дворцѣ князя Понятовскаго Яблонѣ. Сюда же прибыла княгиня Ловичъ, и оба брата съ своими супругами провели здѣсь вмѣстѣ оста-

токъ дня; свиданіе отличалось самой сердечной другъ къ другу пріязнію. Великій князь Михаилъ Павловичъ также здѣсь находился.

На слѣдующій день 5-го (17-го) мая, въ воскресенье долженъ былъ произойти торжественный въѣздъ императора въ Варшаву. Шествіе, при звонѣ колоколовъ и громѣ пушекъ, началось отъ Пражской заставы, среди войскъ, разставленныхъ по пути шпалерами; прекраснѣйшая погода благопріятствовала блеску церемоніи. По словамъ очевидца, въ ту минуту какъ государь со всею свитою проѣхалъ на мостъ, лошадь цесаревича Константина Павловича вдругъ повернула назадъ и, несмотря на всѣ усилія всадника, не захотѣла ему повиноваться. Взбѣшенный великій князь долженъ былъ сойти съ нея и слѣдовать по мосту и отчасти по городу пѣшкомъ, пока привели заводную лошадь въ замѣнъ той, которая теперь заупрямилась такъ некстати. Командуя парадомъ и слѣдуя за государемъ, съ опущенною шпагою, цесаревичъ отъ этой непріятной случайности потерялъ все удовольствіе, которое онъ ощущалъ при представленіи своихъ блестящихъ польскихъ войскъ. Черты лица его совершенно измѣнились, и привычные къ вспышкамъ его гнѣва подчиненные легко могли угадать, что ихъ ожидаетъ. Эта нечаянная случайность, какъ она ни была маловажна сама по себѣ, набросила облако на все торжество и болѣе или менѣе всѣхъ поразила.

По разсказу того же очевидца войско и народъ встрѣчали государя радостными криками, дамы у оконъ и на балконахъ махали платками и казались въ восторгѣ отъ красоты императора, отъ безподобнаго личика его сына, отъ привѣтливыхъ поклоновъ и всей очаровательной осанки императрицы; однимъ словомъ, глазъ самый наблюдательный не открылъ бы въ варшавской встрѣчѣ ничего, кромѣ радости и привязанности къ своему монарху народа. «Таковъ сей послѣдній намъ представился; таковъ онъ былъ и въ сущности, по крайней мѣрѣ относительно массы», говоритъ въ заключеніе Бенкендорфъ.

Примасъ, окруженный духовенствомъ столицы, ожидалъ ихъ величества на паперти церкви францискановъ. Государь остановился и, выслушавъ молитвы, принялъ тутъ святую воду, къ общему удовольствію присутствовавшихъ.

Сойдя съ лошади у входа въ королевскій замокъ, императоръ Николай остановился, чтобы подождать императрицу. Княгиня Ловичъ и знатнѣйшія польскія дамы встрѣтили свою королеву внизу лѣстницы. Во дворцѣ ожидали государя сенатъ и главныя начальствующія лица. Затѣмъ ихъ величества присутствовали еще при молебствіи въ грекороссійской церкви замка.

Послѣ обѣда государь пошелъ къ цесаревичу въ Брюлевскій дворецъ, пѣшкомъ объ руку съ императрицею, одинъ, безъ всякаго конвоя или свиты. Этотъ знакъ довѣрія и эта простота очаровали всѣхъ жителей;

единодушные виваты долго сопровождали августѣйшую чету по улицѣ.

На слѣдующее утро 6-го (18-го) мая императоръ Николай присутствовалъ у развода на Саксонской площади; несмѣтная толпа ожидала тамъ прибытіе государя. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ старался подавать собою примѣръ почтительности и усердія. У развода онъ суетился какъ бы простой генералъ, устрашенный высочайшимъ присутствіемъ; при церемоніальномъ маршѣ становился самъ на правый флангъ и при второмъ проходѣ войскъ шелъ въ замкѣ, съ карманною книжкою въ рукѣ, для отмѣтки тутъ же высочайшихъ приказаній."

Послѣ развода главнокомандующій польской арміи, цесаревичъ представилъ государю въ залахъ замка генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ; представленіе сенаторовъ, нунціевъ и депутатовъ послѣдовало тогда же. На другой день одни военные чины представлялись императрицѣ, при чемъ наслѣдникъ Александръ Николаевичъ находился предъ корпусомъ офицеровъ 1-го конно-егерскаго его имени полка.

Въ слѣдующіе затѣмъ дни до коронаціи, неизбѣжные разводы повторялись ежедневно, а 9-го (21-го) мая состоялся большой парадъ и смотръ войскамъ, собраннымъ въ Варшавѣ.

11-го (23-го) мая герольды, предводимые церемоніймейстеромъ и сопровождаемые отрядами гвардейскаго польскаго егерскаго полка, разъѣзжая по улицамъ Варшавы, возвѣщали народу предстоявшее коронованіе ихъ величествъ.

Въ воскресенье 12-го (24-го) мая совершился обрядъ коронованія въ королевскомъ замкѣ, въ залѣ сената. На одномъ концѣ ея воздвигнутъ былъ тронъ, а посреди залы возвышался крестъ. Послѣ того какъ архіепископъ примасъ произнесъ молитву, государь возложилъ на себя императорскую корону, надѣлъ порфиру, украсилъ цѣпью ордена Бѣлаго орла императрицу и принялъ въ руки державу и скипетръ. Когда же затѣмъ, по принесеніи присяги монархомъ, примасъ провозгласилъ троекратно: «Vivat rex in aeternum», присутствовавшіе сенаторы, нунціи и депутаты воеводствъ не повторили этихъ установленныхъ обычаемъ словъ; говорили, что ихъ объ этомъ не предупредили. «Эта черта», по мнѣнію одного польскаго историка, свидѣтельствовала о холодности, которую противоставили предупредительности Николая, и соединеніе всѣхъ симптомовъ не оставляло никакого сомнѣнія какъ на счетъ настоящаго, такъ и на счетъ будущаго: разрывъ между поляками и династіей въ духовномъ отношеніи совершился» [1]).

[1]) „Ce trait accuse la froideur que l'on opposa aux avances de Nicolas e l'ensemble des symptomes ne laissait aucun doute quant au présent et à l'avenir: la rupture entre les Polonais et la dynastie était moralement consommée". Lisicki: Le marquis Wielopolski, T. I., p. 82.

По прочтеніи примасомъ молитвы за короля и благоденствіе его державы, ихъ величества въ коронахъ и порфирахъ, а государь съ скипетромъ и державою въ рукахъ, сопровождаемые августѣйшими братьями его, великимъ княземъ наслѣдникомъ, княгинею Ловичъ и всѣми присутствовавшими при коронаціи сенаторами, нунціями и депутатами шествовали въ соборъ св. Іоанна, гдѣ воспѣтъ былъ благодарственный молебенъ.

«Въ соборѣ», пишетъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, подъ «древними сводами котораго столько королей воспринимали корону и столько поколѣній поклонялись своимъ владыкамъ, поляками не могло не овладѣть нѣкоторое самодовольство, при видѣ потомка Петра Великаго, отдающаго почесть вѣроисповѣданію ихъ края, и католическое духовенство не могло не ощущать страннаго чувства, вознося молитвы о возведенномъ на престолъ православномъ королѣ. На насъ, напротивъ, все это произвело какое-то тягостное впечатлѣніе, какъ бы предзнаменовавшее ту неблагодарность, которою этотъ легкомысленный и тщеславный народъ отплатитъ со временемъ за довѣріе и честь, оказанныя ему русскимъ императоромъ. Возвратившись во внутреннія комнаты замка, государь послалъ за мною. При видѣ моего духовнаго смущенія, онъ не скрылъ и своего. Онъ принесъ присягу съ чистыми помыслами и съ твердою рѣшимостью свято ее соблюдать. Рыцарское его сердце всегда чуждалось всякой затаенной мысли» [1]).

Сами поляки признаютъ теперь, что императоръ Николай не нарушилъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ какъ конституціоннаго короля Польши. «Онъ сдѣлалъ это къ тому же съ полною предупредительностью, предоставляя полякамъ прекрасный случай загладить ихъ ошибки и съ своей стороны набросить на прошлое покровъ забвенія. Онъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи столь неумолимо суровымъ въ отношеніи поляковъ, тогда прилагалъ всѣ усилія лично понравиться имъ, вызвать славныя воспоминанія нашей исторіи и превозносить во всеуслышаніе свой титулъ короля польскаго» [2]).

---

[1]) 21-го мая (2-го іюня) 1829 года, генералъ-адъютантъ Нейдгардтъ писалъ графу Дибичу изъ Тульчина: „Благодареніе небу, въ Варшавѣ все прошло благополучно и продолжаетъ идти какъ нельзя лучше. Тѣмъ не менѣе все вообще является чѣмъ-то уродливымъ. Черный двуглавый орелъ—отецъ бѣлаго одноглаваго; они различны по природѣ и останутся таковыми (Doch ist das ganze eine Missgeburt. Der schwarze zweiköpfige Adler ist der Vater eines einköpfigen; sie sind verschiedener Natur und werden es bleiben"). Военно-Ученый Архивъ". Отд. I. № 959.

[2]) „Un homme d'un caractère aussi entier avait dû se sentir obligé dans son for intérieur à satisfaire aux devoirs qu'il avait contractés envers la Pologne, lors de son avénement au trône. Il le fit d'ailleurs avec une bonne grâce parfaite, offrant aux Polonais une excellente occasion d'effacer leurs torts, et de

Но всѣ эти старанія не принесли желаемыхъ плодовъ и оказались напрасными. Въ то самое время когда Варшава, повидимому, ликовала и все принимало обликъ преданности и восторга,—существовалъ заговоръ, имѣвшій цѣлью путемъ злодѣянія разорвать на вѣчныя времена связь и единеніе между Польшею и Россіею. Но Провидѣніе спасло Польшу отъ подобнаго позора; между заговорщиками произошелъ разладъ, колебаніе, и на этотъ разъ твореніе Александра I уцѣлѣло отъ гибели.

Между тѣмъ балы, иллюминаціи, смотры, разводы и народныя увеселенія не прерывались и шли своимъ чередомъ.

16-го (28-го) мая устроено было для народа угощеніе на Уяздовскомъ полѣ. Государь съ императрицею изъ особой бесѣдки, украшенной цвѣтами, надъ куполомъ которой возвышался польскій орелъ, любовались зрѣлищемъ увеселенія народа. Затѣмъ императрица въ экипажѣ, а государь верхомъ, со свитою, объѣхали всю площадь; на ста длинныхъ столахъ, накрытыхъ скатертями, разставлены были кушанья всякаго рода, а напитки разливались подлѣ столовъ и били фонтанами.

При оцѣнкѣ событій, разыгравшихся въ Варшавѣ до революціи 1830 года, исторія должна принять во вниманіе особенное, вполнѣ исключительное положеніе, въ которое судьба поставила императора Николая относительно своего старшаго брата; стѣсненія, налагаемыя этими отношеніями, должны были вліять на свободу рѣшеній и дѣйствій государя, когда она касалась предѣловъ власти, предоставленной цесаревичу еще въ царствованіе императора Александра въ королевствѣ и въ прилегавшихъ русскихъ губерніяхъ.

По наружности между обоими братьями царствовало полнѣйшее согласіе, и Николай Павловичъ прилагалъ всѣ силы, чтобы его поддерживать и ничѣмъ не поколебать. Но при всемъ томъ, пребываніе государя въ Варшавѣ тяготило цесаревича, привыкшаго въ продолженіе почти пятнадцати лѣтъ не нести иныхъ обязанностей, кромѣ тѣхъ, которыя онъ самъ на себя налагалъ, и повелѣвать какъ первое лицо, тогда какъ теперь ему приходилось, по крайней мѣрѣ внѣшнимъ образомъ, подавать примѣръ покорности. Очевидцы упоминаютъ о тогдашней его «humeur massacrante». Сознавая прекрасно, что не одинъ голосъ поднимется противъ его самовластнаго образа дѣйствій и противъ его произвольной, часто переходившей всякую мѣру строгости, онъ страшился проницательнаго взгляда своего брата. Ближайшіе изъ наперсниковъ цесаревича также опасались подпасть заслуженной отвѣтственности, между тѣмъ

---

jeter de leur côté un voile d'oubli sur le passé. Lui, plus tard si impitoyablement dur à l'égard des Polonais, s'évertuait pour lors à leur plaire personnellement, à évoquer les souvenirs glorieux de notre histoire, et à faire sonner bien haut son titre de roi de Pologne". Lisicki. T. I, p. 81

какъ поляки разсчитывали на измѣненіе установленнаго образа управленія и въ особенности надѣялись увидѣть ограниченіе власти великаго князя. Бенкендорфъ разсказываетъ, что когда во время торжественнаго обѣда ему пришлось сидѣть между нунціями, они жаловались ему на нестерпимую грубость цесаревича и превозносили привѣтливость новаго ихъ короля, увѣряя, что они охотно отдали бы послѣднему свою конституціонную хартію со всѣми ея привилегіями, лишь бы онъ управлялъ ими непосредственно, какъ управляетъ Россіею [1]).

Вся эта ненормальная обстановка крайне смущала и затрудняла императора Николая. Избрать средній путь между двумя крайними теченіями представлялось невозможнымъ: надо было или поссориться съ старшимъ братомъ, котораго самъ онъ нѣкогда призналъ своимъ монархомъ, но уступившимъ ему престолъ, или же отдавая предпочтеніе братскимъ связямъ передъ благосостояніемъ края, уронить себя въ глазахъ своихъ польскихъ подданныхъ. Николай Павловичъ съумѣлъ, конечно лишь временно, выйти изъ этого двусмысленнаго положенія благородною твердостію въ отклоненіи разныхъ желаній своего брата и тою внимательностію, съ которою онъ занялся дѣлами по управленію королевства.

Любопытно указать здѣсь, какимъ образомъ отразилось коронованіе императора въ Варшавѣ на настроеніе умовъ жителей австрійскихъ владѣній. Въ Венгріи стало замѣтно нѣкоторое возбужденіе умовъ, и въ большихъ собраніяхъ часто провозглашались тосты въ честь короля польскаго Николая, при чемъ памятовали Владислава, короля венгерскаго

---

[1]) Въ письмѣ къ графу Дибичу, отъ 16-го (28-го) мая, изъ Варшавы, генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ пишетъ: „J'ai trouvé l'esprit raisonnable et préparé à recevoir les volontés du Souverain: dans les provinces russes-polonaises comme dans le royaume on ne compte plus sur la réunion; on demande dans les premières le terme du régime militaire en temps de paix, dans le second, la fin de l'arbitraire qui s'y est glissé et qui effraye toutes les classes. Tout cela paraît aisé et est bien difficile à obtenir. L'Empereur est adoré par ses manières nobles et franches; hommes et femmes sont dans l'enthousiasme de lui, de l'amabilité de l'Impératrice, des espérances futures que donne l'Héritier. Varsovie est dans l'ivresse et Vienne je crois très désapointée... Nous sommes dans une c a p i t a l e sous tous les rapports; la population est augmentée d'une foule de peuple arrivé des environs, de seigneurs et de dames venues jusque de Paris, pour voir le roi de Pologne. Le couronnement a été sous ce rapport l'acte le plus politique possible; les Polonais datent de ce moment seulement la sécurité de leur existence nationale et les espérances dans l'avenir; ils disent, en parlant des provinces russes-polonaises, nous ne devons plus regarder derrière nous, c'est en avant que notre ambition et la gloire de notre souverain doit nous faire porter nos regards". („Военно-Ученый Архивъ". Отд. 1. № 961).

и польскаго, погибшаго сражаясь за христіанство, и чествовали его преемниковъ; между словаками также замѣчался большой энтузіазмъ [1]).

«Здѣсь я вполнѣ доволенъ всѣмъ, и войска, дѣйствительно, безподобны», писалъ императоръ Николай графу Дибичу изъ Варшавы [2]).

По полученіи этого милостиваго отзыва государя, графъ Дибичъ отвѣтилъ слѣдующими нравоучительными разсужденіями:

«Дай Богъ, чтобы удовольствіе, испытанное вашимъ императорскимъ величествомъ въ Варшавѣ, оставалось всегда прочнымъ и неизмѣннымъ. Я убѣжденъ въ этомъ, по сколько это касается превосходной польской арміи; но вслѣдствіе частыхъ сношеній, которыя мнѣ пришлось имѣть, я хорошо и съ различныхъ сторонъ знаю самый народъ и увѣренъ, что онъ тоже надѣленъ превосходными качествами, но въ обращеніи съ нимъ, болѣе чѣмъ въ отношеніи ко всякому другому народу, необходимо совмѣщать постоянно великодушное благородство съ большою твердостію и даже строгостію; особенно же надо остерегаться попасть въ западню благодаря кажущемуся прямодушію высшихъ классовъ, являющемуся слѣдствіемъ громадной власти, присущей въ этой странѣ полу, который здѣсь еще болѣе, нежели въ другихъ странахъ, помимо всѣхъ своихъ прекрасныхъ качествъ, надѣленъ чѣмъ-то вродѣ рыцарскаго духа, яко бы народнаго, весьма мало похожаго, однако, на духъ рыцаря безъ страха и упрека. Простите мнѣ, государь, если я осмѣлился включить въ мое письмо эти разсужденія, но переживаемое время представляется мнѣ слишкомъ важнымъ, чтобы не высказать вамъ всего того, что внушаетъ мнѣ мое сердце» [4]).

---

[1]) Заграничныя свѣдѣнія, доставленныя цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, отъ 6-го (18-го) іюля и 6-го (18-го) октября 1829 года. (Архивъ канцеляріи военнаго министерства).

[2]) „Je suis parfaitement satisfait ici de tout, et les troupes sont réellement superbes". (Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу, отъ 7-го (19-го) мая 1829 года изъ Варшавы. „Военно-Ученый Архивъ". Отд. 2, № 2895[б]).

[3]) Dieu veuille que le contentement que Votre Majesté Impériale a éprouvé à Varsovie soit toujours stable et sans variations. J'en suis persuadé pour l'excellente armée Polonaise, mais connaissant par des relations fréquentes que j'ai eues beaucoup et sous différents rapports la nation même, je suis persuadé qu'elle a aussi d'excellentes qualités, mais qu'il faut toujours lier à une générosité magnanime beaucoup de fermeté et même de sévérité, beaucoup plus qu'avec toute autre, et qu'il faut surtout se garder de tomber avec les individus des classes élevées dans le piège d'une loyauté apparente, qui est une suite du pouvoir immense qu'exerce dans ce pays un sexe qui à toutes ses belles qualités joint dans ce pays là encore plus que dans les autres une espèce d'esprit chevaleresque, soi-disant national, et qui est bien loin de ressembler à l'esprit du chevalier sans peur et sans reproche. Pardonnez moi, Sire, si j'ai osé faire entrer ces reflexions dans ma lettre, mais je crois l'époque trop importante pour ne pas

«Я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе на счетъ поляковъ» [1]), отвѣтилъ императоръ Николай по прочтеніи письма графа Дибича.

Н. Шильдеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

vous dire tout ce que mon coeur m'inspire". (Изъ письма графа Дибича къ императору Николаю, отъ 16-го (28-го) мая 1829 года, изъ лагеря близъ Силистріи. „Военно-Ученый Архивъ". Отд. 2, № 28951[a]).

Письмо графа Дибича получено было въ Варшавѣ послѣ отъѣзда государя въ Берлинъ. Цесаревичъ, уполномоченный вскрывать письма главнокомандующаго и по прочтеніи его, писалъ императору Николаю 23-го мая (4-го іюня) 1829 года: „D'après vos ordres, cher et excellent frère, j'ai décacheté les lettres en mains propres que vous adresse le général Diebitsch et qui, grâce à Dieu, sont assez satisfaisantes, hormis les progrès de la maladie contagieuse. Ayant lu avec la plus grande attention la lettre autographe du général Diebitsch, j'y ai vu les observations et les idées d'un homme de bien et je ne puis que partager entièrement ses conclusions au sujet de la nation polonaise et vous me rendrez justice, cher et excellent frère, qu'elles furent constamment les miennes".

[1]) „Je partage parfaitement votre opinion à l'égard des Polonais". (Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу, отъ 26-го мая (7-го іюня) 1829 года, изъ Берлина.

Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

XVI [1]).

1848.

Назначеніе гр. Левашева предсѣдательствующимъ въ Государственномъ Совѣтѣ.—Крещенскій праздникъ.—Разговоръ барона М. Корфа съ наслѣдникомъ о событіяхъ 14-го декабря 1825 г.—Пятидесяти-лѣтній юбилей великаго князя Михаила Павловича.—Болѣзнь императора Николая I.—Масляница.—Кончина адмирала Папахристо.

Еще въ продолженіе болѣзни князя Васильчикова, а тѣмъ болѣе послѣ его кончины, всѣ разговоры, не только въ высшемъ обществѣ и въ кругу административномъ, но и во всей петербургской публикѣ, были сосредоточены на разрѣшеніи важнаго вопроса: кто будетъ его преемникомъ? Между тѣми лицами, которыхъ этотъ вопросъ интересовалъ, болѣе или менѣе, непосредственно, произошла настоящая сумятица, почти революція, впрочемъ самая мирная, потому что она ограничивалась лишь словами, догадками и вымыслами. Надо было жить, подобно мнѣ, въ этомъ кругу, чтобы видѣть и вполнѣ оцѣнить волненіе, произведенное сказаннымъ вопросомъ, и чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдить, какъ всякій выдумывалъ свое и какъ рождалось почти столько же разнообразныхъ предположеній, сколько было головъ. Первымъ кандидатомъ, если и не по степени дарованій, то по нѣкоторому виду права, называли

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль 1900 г.

графа Левашева; основаніе же къ его праву заключалось въ томъ, что онъ, въ качествѣ старшаго изъ предсѣдателей департаментовъ Государственнаго Совѣта, нѣсколько уже лѣтъ, при частыхъ болѣзняхъ или въ отсутствіе Васильчикова, исправлялъ его должность. Другими кандидатами публика по своимъ соображеніямъ назначала князя Варшавскаго, графа Орлова и графа Блудова; о послѣднемъ вѣсти перешли даже и въ иностранныя газеты. Наконецъ, въ обществѣ передавались слова, сказанныя будто бы государемъ, что хотя ему извѣстны городскія комбинаціи, но онъ сдѣлаетъ такое назначеніе, которое всѣхъ удивитъ. Между тѣмъ прошли и Пасха, и всѣ весенніе и лѣтніе царскіе праздники, а назначенія не послѣдовало. Графъ Левашевъ продолжалъ исправлять должность предсѣдателя, но все только по закону, какъ старшій, на что не требовалось даже и особаго высочайшаго повелѣнія; отзывы же и дѣйствія государя, вопреки всѣмъ толкамъ публики, не давали никакого повода заключать, чтобы выборъ его уже остановился на комъ-нибудь. При извѣстности ему всѣхъ носившихся въ городѣ слуховъ, равно какъ и общаго напряженнаго ожиданія, нельзя не допустить мысли, что онъ преднамѣренно отлагалъ рѣшеніе этого вопроса, находя нѣкоторое удовольствіе въ зрѣлищѣ разгара страстей и ложныхъ догадокъ. Подъ конецъ лѣта, когда одна дама, наведя разговоръ на этотъ предметъ, отважилась, прикрываясь щитомъ своего пола, на прямой вопросъ: кто же будетъ предсѣдателемъ Совѣта, государь отвѣчалъ:

— Богу одному извѣстно и ему я и предоставляю рѣшить.

Еще прежде того, графъ Левашевъ, подъ предлогомъ, что занятія по должности предсѣдателя Совѣта поглощаютъ все его время, просилъ освободить его отъ предсѣдательства въ департаментѣ экономіи и когда на это косвенное напоминаніе послѣдовало просто сухое соизволеніе, то наслѣдникъ цесаревичъ замѣтилъ своимъ приближеннымъ: «неудачная попытка!»—Самъ Левашевъ изъяснялся передъ своими пріятелями «qu' il lui était inpossible de dire que l'Empereur se soit compromis envers lui par le moindre mot de promesse ou d'espoir», но что однако его величество не разъ говорилъ съ нимъ о разныхъ б у д у щ и х ъ своихъ видахъ по Государственному Совѣту, какъ бы о предметѣ, непосредственно до него, Левашева, касающемся. Такимъ образомъ, весь 1847 годъ прошелъ, не разрѣшивъ задачи, такъ всѣхъ занимавшей. Между тѣмъ къ новому году надлежало, по учрежденію Совѣта, явиться двумъ высочайшимъ указамъ: одному о подтвержденіи на мѣстахъ предсѣдателей и членовъ по департаментамъ, другому—о возобновленіи на тотъ годъ назначенія предсѣдателя Совѣта. Слѣдственно, вопросъ, во всякомъ случаѣ, долженъ былъ развязаться: или назначеніемъ, наконецъ, настоящаго предсѣдателя, или, ежели бы Левашевъ оставленъ былъ въ

званіи предсѣдателя департамента экономіи, указаніемъ, что государь имѣетъ въ виду назначить предсѣдателемъ Совѣта не его, а другаго.

Въ послѣднихъ дняхъ декабря великій князь Константинъ Николаевичъ, раздѣлявшій общую неизвѣстность и общее любопытство, спросилъ меня, кто будетъ предсѣдателемъ Совѣта? Я отвѣчалъ, что если не знаетъ онъ, то еще менѣе можно знать мнѣ, но въ числѣ городскихъ кандидатовъ назвалъ, разумѣется, и Левашева.

— Какъ, помилуйте, изъ полицейскихъ драгуновъ?

— Что же, у насъ былъ однажды военный министръ даже изъ рекрутовъ (графъ Вязмитиновъ).

— Нѣтъ, это совсѣмъ другое, а ужъ предсѣдатель Государственнаго Совѣта изъ полицейскихъ крючковъ, тутъ, право, не было бы никакого приличія.

— Во-первыхъ, ваше высочество, онъ давно уже предсѣдателемъ de fait, а во-вторыхъ, нисколько еще не доказано, чтобы онъ служилъ когда-нибудь въ полиціи; это одна молва, одно преданіе, а въ формулярѣ значится только, что онъ началъ службу въ штатѣ военнаго генералъ-губернатора.

— Нѣтъ, ужъ извините: мнѣ самъ папа сказывалъ, что онъ служилъ въ полицейскихъ драгунахъ.

Въ моихъ глазахъ слова великаго князя ужасно роняли акціи Левашева, независимо отъ всего другаго, уже и по тому одному, что сказывалъ это—государь.

И, при всемъ томъ, вопросъ долженъ былъ рѣшиться въ пользу этого кандидата....

При воспослѣдованіи упомянутыхъ указовъ былъ назначенъ на 1848 годъ хотя и не предсѣдателемъ, а предсѣдательствующимъ Совѣта именно графъ Левашевъ, съ оставленіемъ его, однако же, и предсѣдателемъ департамента экономіи.

— Ce n'est que le titre qui manque—говорилъ онъ мнѣ самъ—mais du reste c'est avec toutes les prérogatives de la place et avec le travail personnel.

— Je vous avoue—продолжалъ онъ—que ma position était intolérable et que ce n'est qu'à présent, qu'ayant les coudées franches, je pourrai agir comme je le crois de mon devoir».

Многіе изъ насъ не раздѣляли этого мнѣнія и, дивясь, отъ чего задача, такъ долго тревожившая умы въ Совѣтѣ и въ публикѣ, не получила той же развязки уже за десять мѣсяцевъ передъ тѣмъ, находили, что въ сущности ничего не перемѣнилось: ибо и по титулу, и по редакціи указа, все осталось, по-прежнему, временнымъ, тѣмъ болѣе, что Левашевъ былъ оставленъ и при прежней должности предсѣдателя департамента.

День Богоявленія въ 1848 году былъ празднованъ особеннымъ образомъ. Ни государю, ни наслѣднику состояніе ихъ здоровья не позволило сдѣлать большаго выхода, и, вслѣдствіе того, они слушали обѣдню въ малой дворцовой церкви, куда были приглашены только военная свита и высшіе придворные чины; въ придворномъ же соборѣ совершалъ торжественную литургію, почти передъ пустыми стѣнами, архіепископъ курскій Иліодоръ. За тѣмъ, въ дворцовыхъ залахъ размѣщены были, по обыкновенію, отряды[1]) гвардейскихъ полковъ съ знаменами и все городское духовенство, которые послѣ совершили парадный выходъ на Іордань, точно какъ бы въ высочайшемъ присутствіи. За крестнымъ ходомъ шли великіе князья Михаилъ Павловичъ и Константинъ Николаевичъ и герцогъ Лейхтенбергскій, а государь съ наслѣдникомъ и царственными дамами смотрѣли на церемонію изъ оконъ большой (мраморной) аванзалы.

Въ этотъ же самый день Богоявленія 1848 года случайно было положено начало описанію одной изъ самыхъ яркихъ страницъ въ біографіи императора Николая. Сверхъ того я познакомился со взглядомъ наслѣдника цесаревича на образъ дѣйствій августѣйшаго родителя.

Я говорилъ уже, что, въ предшедшемъ декабрѣ, въ одну изъ бесѣдъ моихъ съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, цесаревичъ прочелъ намъ собственноручную записку государя о происшествіяхъ, ознаменовавшихъ конецъ 1825 года. Въ то же время его высочество изъявилъ желаніе видѣть составленную мною и одобренную государемъ историческую записку о самодержавіи въ Россіи. Я поспѣшилъ исполнить эту волю, но записка моя пришла къ цесаревичу уже наканунѣ того дня, когда началась жестокая его болѣзнь и, вслѣдствіе того, она была прочитана имъ и выслана мнѣ обратно только по оправленіи его въ первыхъ числахъ января. Въ заключеніи записки я помѣстилъ извѣстный манифестъ 1826 года, обнародованный по окончаніи суда надъ заговорщиками 14-го декабря, и назвалъ его тутъ «величественною программою нынѣшняго царствованія».

6-го января, подойдя ко мнѣ послѣ обѣдни въ малой церкви, за которою и я находился, и повторивъ мнѣ благодарность свою за записку, прежде изъявленную весьма милостивою на ней надписью [2]), цесаревичъ прибавилъ:

— И какъ превосходенъ этотъ послѣдній манифестъ! Какъ выразилась въ немъ вся великая душа государя! Невозможно читать безъ слезъ: представьте же, что я до сихъ поръ совсѣмъ его не зналъ?

---

[1]) Императоръ Александръ II написалъ: „Отрядовъ не было, а были одни только знамена, которыя и слѣдовали за церковною процессіею".

[2]) „Весьма благодаренъ; я прочелъ все съ особеннымъ интересомъ".

— Манифестъ былъ, однакоже, въ свое время напечатанъ.

— Да, но я тогда былъ ребенкомъ, а послѣ онъ мнѣ не попадался; къ тому же эти вещи у насъ такъ скоро забываются.

Потомъ, промолчавъ съ минуту, цесаревичъ продолжалъ:

— Я просилъ бы васъ зайти ко мнѣ сегодня послѣ церемоніи; мнѣ надо съ вами переговорить.

Предполагая, что я услышу тутъ продолженіе того же разговора, и нимало не предугадывая, что мнѣ предстоитъ, я, по разъѣздѣ всѣхъ бывшихъ во дворцѣ, пошелъ въ переднюю наслѣдника и спокойно тамъ ожидалъ его прибытія. Онъ пришелъ черезъ нѣсколько минутъ и, взявъ меня за руку, ввелъ въ свой кабинетъ.

— У меня—сказалъ онъ—есть къ вамъ просьба. Вы, конечно, помните государеву записку о 14-мъ декабрѣ, которую я вамъ прочелъ; въ ней есть много такого, что̀ вамъ прежде не было извѣстно; между тѣмъ и въ вашей тогдашней запискѣ (о престолонаслѣдіи), которую мы тоже вмѣстѣ читали, есть такія вещи объ этомъ происшествіи, которыхъ нѣтъ въ государевой. Если бы все это вмѣстѣ, пополнивъ одно другимъ и еще изъ другихъ матеріаловъ, редижировать настоящимъ образомъ, то могла бы выдти вещь чрезвычайно любопытная. Событія эти такъ важны, что имъ не должно умирать для исторіи, или, что̀ еще хуже, переходить въ нее искаженными отъ превратныхъ толковъ. Потому я хочу отдать вамъ государеву записку и попросить, чтобы вы, исключивъ изъ нея все, что̀, касаясь собственно до его лица̀, не входитъ прямо въ самую исторію происшествія, и дополнивъ изъ вашихъ матеріаловъ и вообще всѣмъ, что найдете еще нужнымъ, составили, по этимъ даннымъ, полный и отчетливый разсказъ. Окончивъ его, мы покажемъ государю и попросимъ, чтобы онъ поправилъ и дополнилъ по своимъ воспоминаніямъ, и такимъ образомъ будетъ у насъ самое достовѣрное цѣлое, если не для современниковъ, такъ по крайней мѣрѣ для потомства.

Потомъ цесаревичъ вошелъ въ разныя подробности относительно главной идеи работы, ея плана, источниковъ, изъ которыхъ можно было бы извлечь дополнительные еще матеріалы и пр. и, отдавая мнѣ на выборъ, взять ли подлинную записку государевой руки, или копію, списанную имъ и великою княгинею Маріею Николаевною (я предпочелъ послѣднее, тѣмъ болѣе, что въ оригиналѣ мѣстами уже стерся карандашъ), заключилъ такъ:

— Мнѣ не нужно просить, чтобы все это оставалось между нами: довѣряя вамъ, я какъ бы довѣряю самому себѣ.

Разсуждая мысленно о томъ, достанетъ ли у меня силъ, чтобы вести столько важныхъ и достовѣрныхъ порученій рядомъ, я думалъ, что тѣмъ и кончится моя аудіенція; но цесаревичъ продолжалъ еще разговоръ,

обратясь къ сравненію дѣйствій обоихъ братьевъ по кончинѣ императора Александра.

— Поступокъ Константина Павловича—сказалъ онъ—заслуживалъ, конечно, всякой похвалы, особенно въ томъ, что онъ настоялъ на своемъ отреченіи и тогда уже, когда ему присягнула вся Россія; но если взять въ соображеніе положеніе батюшки, то нельзя не согласиться, что его жертва была еще больше, поведеніе еще выше.

Затѣмъ, развивъ этотъ предметъ разными подробностями, цесаревичъ продолжалъ:

—. И нѣтъ сомнѣнія, что рѣшимость принять на себя бремя правленія уже сама по себѣ была величайшею изъ всѣхъ возможныхъ жертвъ. Увѣряю васъ, что это дѣло—нелегкое, и только тотъ, кто видитъ и знаетъ дѣйствія государя, какъ я, можетъ вполнѣ оцѣнить его тягость. L'Empereur est méconnu[1]), je le sais; mais il viendra un temps où l'histoire rendra une justice éclatante à sa mémoire, и тогда замолчатъ клевета и неблагонамѣренность. Величайшій изъ недостатковъ батюшки тотъ, что высокая душа его слишкомъ довѣрчива, и что онъ, въ благородствѣ своихъ чувствъ и при убѣжденіи, что всѣ, подобно ему, стремятся къ общему благу, нисколько не подозрѣваетъ, какъ обманываютъ его иногда своекорыстіе и неблагодарность самыхъ приближенныхъ.

Дальнѣйшее содержаніе этого разговора, исполненное незабвенной для меня благости и самаго лестнаго довѣрія, относилось исключительно домоего лица и потому не должно имѣть мѣста въ настоящихъ листахъ.

Во второй половинѣ января, и государь, и наслѣдникъ цесаревичъ совершенно выздоровѣли. Оба возвратились къ обыкновенному своему образу жизни и начали снова выѣзжать и въ театръ, и на балы и маскерады. Неоднократно видясь въ это время съ государемъ, я слышалъ отъ него милостивые отзывы о ходѣ и успѣхѣ моихъ занятій съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ и, кромѣ того, онъ часто бесѣдовалъ со мною о возложенномъ на меня цесаревичемъ порученіи. Въ одну изъ такихъ бесѣдъ, рѣчь зашла объ извѣстныхъ сочиненіяхъ Шницлера и Устрялова, касающихся также частію событій 14-го декабря 1825 года. Разсказывая, что въ послѣднемъ, при просмотрѣ его, онъ сдѣлалъ нѣкоторыя прибавки и дополненія и вымаралъ разныя «комплименты», государь очень хвалилъ книгу Шницлера и достовѣрность его разсказа. Я осмѣлился возразить que dans beaucoup de choses cependant il n'était qu'à coté de la vérité, что нѣкоторые изъ его анекдотовъ прикрашены и что тѣ матеріалы, изъ которыхъ я извлекаю мое сочиненіе. представляютъ многія обстоятельства въ другомъ видѣ. Государь отвѣ-

---

[1]) Разговоръ шелъ, попеременно, то по-русски, то по-французски.

чалъ, что съ нетерпѣніемъ ожидаетъ моей книжки, и желалъ бы имѣть болѣе времени для чтенія другихъ моихъ произведеній, т. е. лекцій, приготовляемыхъ для Константина Николаевича. Въ другой разъ я получилъ повелѣніе свезти великаго князя въ коммерческій судъ, чтобы дать ему понятіе о производящемся словесномъ разборѣ тяжбъ.

28-го января великому князю Михаилу Павловичу минуло 50 лѣтъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ былъ празднованъ пятидесятилѣтній юбилей его службы въ званіи генералъ-фельдцейхмейстера. Къ этому дню государь пожаловалъ своему брату эполеты, съ изображеніемъ двухъ крестообразно положенныхъ пушекъ, выразясь при томъ, что, не умѣя ничѣмъ достойно вознаградить его заслуги и доблести, старался, по крайней мѣрѣ, придумать для подарка такую вещь, какой никто ни прежде не имѣлъ, ни послѣ имѣть не будетъ. Кромѣ того, велѣно гвардейской артиллеріи отдавать впредь великому князю такую же честь, какъ лицу самого императора, о чемъ возвѣщено исполненнымъ благосклонности и сердечнаго чувства рескриптомъ, и наконецъ пожалованы для его арсенала двѣ пушки, вылитыя въ годъ его рожденія, которыя государь приказалъ предварительно выставить въ Михайловскомъ манежѣ, на показъ для царской фамиліи, съ прислугою изъ 15-ти человѣкъ артиллеристовъ. одѣтыхъ въ полную форму 1798 года, что̀, при разности ея съ современною, имѣло совершенно видъ маскераднаго наряда. За тѣмъ, весь церемоніалъ этого дня былъ устроенъ по непосредственному указанію государя. Утромъ, выйдя въ большой свой кабинетъ, великій князь нашелъ въ немъ наслѣдника цесаревича и великаго князя Михаила Николаевича, въ артиллерійскихъ мундирахъ, вмѣстѣ со всѣми артиллерійскими генералами. Цесаревичъ вручилъ ему упомянутый выше рескриптъ, а старшій генералъ поднесъ описаніе всѣхъ улучшеній, введенныхъ въ нашу артиллерію въ тридцатилѣтнее управленіе ею великаго князя, и списокъ всѣхъ ея чиновъ, участвовавшихъ въ подпискѣ на сооруженіе его бюста для Артиллерійскаго училища [1]). Въ другой комнатѣ подали ему: фельдмаршалъ князь Варшавскій рапортъ о состояніи арміи, а военный министръ князь Чернышевъ — высочайшій приказъ того дня, начинавшійся пожалованіемъ «согласно желанію его высочества» великаго князя Михаила Николаевича шефомъ лейбъ-гвардіи 2-й артиллерійской бригады и причисленіемъ старшаго сына наслѣдника къ гвардейской конной артил-

---

[1]) Бюстъ этотъ, работы Витали и Клота, вылитъ, по волѣ государя, изъ пушекъ, взятыхъ на стѣнахъ Браилова при покореніи сей крѣпости великимъ княземъ въ 1828 году.

*

леріи [1]). Вслѣдъ за симъ юбиляръ принималъ Главный штабъ и весь гвардейскій корпусъ, въ рядахъ котораго стояли всѣ великіе князья. Къ обѣднѣ, отправлявшейся въ дворцовой его церкви, пріѣхалъ самъ государь со всею царскою фамиліею. Послѣ обѣдни, происходило въ Михайловскомъ манежѣ молебствіе съ церковнымъ парадомъ [2]), при которомъ старшій братъ принялъ младшаго, стоя на флангѣ, и первый прокричалъ: «ура!» На молебнѣ, за обычнымъ многолѣтіемъ царственному дому, протодіаконъ провозгласилъ вѣчную память императору Павлу, которымъ великій князь былъ пожалованъ въ генералъ-фельдцейхмейстеры, и многолѣтіе всему русскому воинству. При послѣднемъ раздались выстрѣлы изъ пушекъ, поставленныхъ у памятника Петра Великаго передъ Инженернымъ замкомъ, и въ эту же минуту должны были грѣмѣть такіе же выстрѣлы по лицу цѣлой Россіи, гдѣ только имѣлись пушки. Послѣ молебна и семейнаго завтрака, великій князь продолжалъ принимать поздравленія, что̀ заняло все время до обѣда. Тутъ являлись поперемѣнно: вся артиллерія, весь Государственный Совѣтъ (in corpore), депутація отъ дворянства съ губернскимъ предводителемъ, депутація отъ биржеваго купечества съ городскимъ главою и пр. Всѣмъ великій князь повторялъ, что не знаетъ какъ и чѣмъ впредь заслужить излитыя на него государемъ милости; всѣхъ благодарилъ отъ души за оказанную ему честь, говоря, что, послѣ расположенія государева, выше всего цѣнитъ эти знаки общей внимательности, возвышающіе его въ собственныхъ глазахъ и налагающіе на него еще болѣе обязанностей; для каждаго находилъ ласку и привѣтливое слово и вообще принималъ поздравленія глубоко растроганный, съ слезами на глазахъ. Многихъ изъ насъ онъ цѣловалъ, а биржевыхъ депутатовъ числомъ до сорока перецѣловалъ рѣшительно всѣхъ, каждаго трижды. Въ 4 часа былъ торжественный обѣдъ въ Гербовомъ залѣ Зимняго дворца, на 500 человѣкъ, впрочемъ только для военныхъ [3]), и день окончился спектаклями во всѣхъ театрахъ, въ которыхъ отведены были даровыя мѣста для воспитанниковъ артиллерійскаго училища и нижнихъ чиновъ всѣхъ артиллерійскихъ командъ.

Какъ продолженіе этого празднества, на другой день былъ балъ у наслѣдника цесаревича, огромный и роскошный, на 800 человѣкъ. На этомъ балѣ великій князь Михаилъ Павловичъ неумолчно разсказывалъ

---

[1]) Императоръ Александръ II „поправилъ“: Втораго (сына) великаго князя Александра Александровича.

[2]) Императоръ Александръ II прибавилъ: „Отъ л.-гв. 1-й артиллерійской бригады и Конной артиллеріи“.

[3]) Императоръ Александръ II замѣтилъ: „Для всѣхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ всей артиллеріи“.

о томъ, сколько былъ осчастливленъ видимыми знаками общаго къ вниманія [1]).

— Теперь только я понялъ—сказалъ онъ, между прочимъ, м что жизнь моя прошла не даромъ, и этотъ день останется навсегда нимъ изъ самыхъ счастливѣйшихъ моихъ воспоминаній. Но предс те, какъ и самыя сладкія впечатлѣнія могутъ дѣйствовать даже на кую крѣпкую натуру, какова моя. Сегодня утромъ мнѣ надо было нять опять новый знакъ внимательности и ѣхать въ Артиллерій училище, для присутствованія при открытіи тамъ моего бюста; вд въ ту минуту какъ садиться въ сани, мнѣ сдѣлалось такъ дурно, я чуть не упалъ и только съ помощью доктора кое-какъ опять о вился.

Наконецъ празднованіе юбилея великаго князя заключилось двумя у обѣдами: однимъ, 8-го февраля, въ присутствіи царской фамиліи, всѣхъ офицеровъ артиллерійскаго вѣдомства, которыхъ собралос 600 человѣкъ; другимъ, 10-го числа, для нижнихъ чиновъ того же вѣ ства, которыхъ было по семи отъ каждой батареи.

Въ февралѣ государь снова былъ нездоровъ. Мы уже нѣско времени замѣчали, что онъ, на ходьбѣ, какъ-то неловко ступалъ л ногою, а тутъ узнали, что на ней рана. По странной привычкѣ, при панталонахъ безъ подкладки, не носилъ и подштанниковъ, отъ натеръ себѣ ногу повыше колѣна, а послѣ, продолжая ходить и ствовать, какъ всегда, растравилъ эту рану до того, что принуж былъ, для заживленія ея, просидѣть нѣсколько дней взаперти, безъ ис няго платья. Въ публикѣ многіе уже въ то время кричали про Мандта, утверждая, что государь, съ тѣхъ поръ какъ находится на рукахъ, безпрестанно хвораетъ; но извѣстно, что обвиненія всегда даютъ на врачей, а съ такимъ неосторожнымъ больнымъ, какимъ да мы знавали императора Николая, трудно было кому-нибудь за отвѣчать.

По окончаніи моей работы о 14-мъ декабрѣ, цесаревичъ, въ п винѣ февраля, представилъ ее государю, который сдѣлалъ въ ней, ственноручно, разныя, довольно многочисленныя перемѣны и допо нія, относившіяся, впрочемъ, не къ плану или редакціи, а къ под ностямъ самаго событія, вызваннымъ, по мѣрѣ чтенія, новыми во минаніями.

— Я думалъ—сказалъ мнѣ цесаревичъ—что вамъ пріятно бу

---

[1]) Къ графу Левашеву великій князь заѣзжалъ лично, съ просьбою явить членамъ Государственнаго Совѣта, какъ глубоко онъ тронутъ пока ными ему участіемъ и привязанностію.

сохранить у себя, какъ историческій документъ, тотъ экземпляръ вашей работы, на которомъ государь сдѣлалъ теперь свои отмѣтки, потому я велѣлъ покрыть его карандашъ гуммиарабикомъ, и оставьте все это у себя, а для меня, сдѣлавъ соотвѣтственныя отмѣткамъ перемѣны, велите переписать другой экземпляръ [1]).

Цесаревичъ прибавилъ, что государю желательно было бы имѣть описанными такимъ же образомъ, въ видѣ продолженія, ночь съ 14-го на 15-ое декабря и самое 15-ое число, какъ представлявшія также очень любопытные моменты и что онъ уже началъ приготовлять нужные для того матеріалы. Дѣйствительно, впослѣдствіи цесаревичъ прочелъ мнѣ нѣсколько страницъ, набросанныхъ съ этою цѣлію государемъ; но императоръ Николай потомъ, за недосугомъ, уже не возвращался къ прежней мысли и сохранились ли и гдѣ находятся упомянутыя первыя страницы, мнѣ не извѣстно.

Въ 1848-мъ году масляница въ Петербургѣ была проведена шумно и весело по обыкновенію. Начало удовольствіямъ было положено въ воскресеніе передъ этою недѣлею, 15-го февраля, огромнымъ баломъ для первыхъ четырехъ классовъ въ Гербовомъ залѣ Зимняго дворца. Государь думалъ устроить балъ въ меньшихъ размѣрахъ въ Концертномъ залѣ; но императрица предпочла этотъ bal-monstre, съ цѣлію дать бо́льшему числу людей возможность увидѣть августѣйшую невѣсту. Затѣмъ, въ понедѣльникъ слѣдовали: великолѣпный балъ у управляющаго дворомъ великаго князя Константина Николаевича, графа Кушелева, на который, сверхъ Константина Николаевича, пріѣхали и цесаревичъ съ супругою, и великая княгиня Марія Николаевна, и маскерадъ-аллегри въ Большомъ театрѣ, гдѣ присутствовалъ государь. Во вторникъ былъ балъ для царской фамиліи, въ небольшомъ обществѣ, въ Михаиловскомъ дворцѣ, къ которому приглашенія разсылались отъ имени великаго князя и его дочери, такъ какъ великая княгиня Елена Павловна носила трауръ по ея родительницѣ и, участвуя только въ пріемѣ гостей, съ началомъ танцовъ удалилась. Въ середу—балъ у графа Закревскаго, для государя и цесаревича, и балъ-маскерадъ въ Дворянскомъ собраніи, на который они также явились. Въ четвергъ—домашній спектакль и балъ для царской фамиліи у графа Клейнмихеля. Въ пятницу—маленькій балъ для избранныхъ, въ собственныхъ комнатахъ государя, т. е. передъ его кабинетомъ. Въ субботу—балъ у князя Юсупова и снова маскерадъ-аллегри въ Большомъ театрѣ. Наконецъ

---

[1]) Не возвращаясь болѣе къ этому сочиненію, упомяну здѣсь только, что исторія дальнѣйшихъ въ немъ поправокъ, его напечатанія и пр. разсказана въ предисловіи во второму изданію, вышедшему, въ 25-ти экземплярахъ, въ 1854 году.

въ воскресенье 22-го февраля—folle journée у наслѣдника цесаревича. Кромѣ того во всю недѣлю: катанье съ горъ въ Таврическомъ, утренніе и вечерніе спектакли во всѣхъ театрахъ, балаганы, блины..... Перечисляю все это подробно въ доказательство, какъ мало Петербургъ предчувствовалъ,—можно сказать уже почти наканунѣ,—страшную политическую грозу, которая должна была разразиться надъ всею Европою (я въ слѣдъ за симъ буду о ней говорить) и которая въ совокупности съ жестокимъ вторженіемъ холеры въ сѣверную столицу, надолго погасила всѣ праздничные огни и повергла умы въ самое тревожное волненіе.

На большомъ балѣ 15-го февраля въ Зимнемъ дворцѣ случилось трагическое происшествіе. Старый адмиралъ Папахристо, командовавшій въ 1828 году кораблемъ [1]), на которомъ совершился памятный, по своимъ опасностямъ, переѣздъ государя изъ Одессы въ Варну [2]), слѣдственно лицо нѣкоторымъ образомъ историческое, послѣ ужина почувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо и пошелъ отдохнуть на главную гауптвахту; но тамъ ему сдѣлалось еще хуже и его перенесли въ комнату швейцара половины наслѣдника, гдѣ, несмотря на немедленную врачебную помощь и кровопусканіе, онъ внезапно умеръ. Такимъ образомъ изъ дворца вывезли уже бездыханный трупъ,—еще съ конфетами въ карманѣ, которыя Папахристо взялъ за ужиномъ для своихъ внучатъ.

XVII.

1848 годъ.

Французская революція.—Первыя извѣстія объ отреченіи Людовика-Филиппа отъ престола.—Мнѣніе императора Николая о французскихъ событіяхъ.—Состояніе общества.—Вопросъ о пріобрѣтеніи крестьянами недвижимыхъ имуществъ.—Князь Паскевичъ.—Манифестъ, написанный императоромъ Николаемъ.—Толки въ народѣ.—Выступленіе первыхъ русскихъ войскъ на Западъ.—Окончаніе занятій М. Корфа съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ.—Учрежденіе негласнаго цензурнаго комитета.—Разсказы императора о лицеѣ и А. С. Пушкинѣ.—Тріо: „Спаси, Господи, люди твоя".—Утреня и обѣдня во Дворцѣ въ Свѣтлое Воскресенье.—Мнѣніе императора Николая о русской литературѣ.—Открытіе Пассажа.—Холера.—Оберъ-священникъ Музовскій.—Бракосочетаніе великаго князя Константина Николаевича.—Сонъ Государя.—Фанни Эльслеръ.—Похороны адмирала Моллера и князя Долгорукаго.—Кончина графа Левашева.—Графъ Закревскій и назначеніе его московскимъ генералъ-губернаторомъ.—Отреченіе австрійскаго императора.—Награда Виндишгрецу и Іелашичу.

21-го февраля, въ субботу той же масляницы и въ годовщину кончины князя Васильчикова, къ панихидѣ, совершавшейся въ домовой его церкви, собралось почти столько же людей, сколько бывало на по-

[1]) Императоръ Александръ II прибавилъ: „Парижъ".

[2]) Императоръ Александръ II поправилъ: „изъ Варны въ Одессу"

нихидахъ погребальныхъ. Но при богослуженіи слухъ всѣхъ присутствовавшихъ обращенъ былъ къ словамъ лица, рѣдко занимавшаго собою общее вниманіе, именно престарѣлаго статсъ-секретаря Лонгинова. Онъ пріѣхалъ прямо отъ императрицы, которой докладывалъ по дѣламъ ея учебныхъ заведеній, и отъ него первыя мы узнали о телеграфической депешѣ изъ Варшавы, принесшей вѣсть, что послѣ безпокойствъ въ Парижѣ, уже извѣстныхъ намъ по журналамъ, король Людовикъ-Филиппъ отказался отъ престола въ пользу своего малолѣтняго внука, графа Парижскаго, съ назначеніемъ регентства въ лицѣ матери послѣдняго, вдовствовавшей герцогини Орлеанской. Отсюда извѣстіе это разнеслось по городу, естественно, съ быстротою молніи; но никто не предугадывалъ, что такъ уже близка и окончательная, ужасная развязка или, лучше сказать, что такъ близко начало грозной развязки.

— Vous verrez que dans deux mois ils auront une révolution complète [1])—говорилъ всѣмъ великій князь Михаилъ Павловичъ и ошибся—двумя мѣсяцами!

Между тѣмъ, въ то же самое утро одинъ изъ пріятелей моихъ, генералъ Александръ Дюгамель, незадолго передъ симъ назначенный въ свиту его величества и получившій порученіе ѣхать въ Копенгагенъ для принесенія поздравленій новому королю со вступленіемъ его на престолъ, явился откланяться къ наслѣднику цесаревичу.

— Нѣтъ,—сказалъ ему цесаревичъ,—вы уже не поѣдете; государь считаетъ нужнымъ, чтобы, въ настоящихъ обстоятельствахъ, военные оставались всѣ здѣсь и, приказалъ графу Нессельроде послать въ Копенгагенъ, вмѣсто васъ, кого-нибудь изъ чиновниковъ его вѣдомства [2]).

21-е февраля прошло безъ дальнѣйшихъ извѣстій. Телеграфъ молчалъ, а иностранная почта не привезла никакихъ французскихъ газетъ; въ берлинскихъ же разсказъ о случившемся въ Парижѣ останавливался на той минутѣ, когда Людовикъ-Филиппъ призвалъ къ себѣ графа Молѐ, для образованія новаго министерства, вмѣсто министерства Гизо.

22-го февраля, въ заключительное воскресенье масляницы, folle journée назначенъ былъ, какъ я уже говорилъ, у наслѣдника цесаревича. Танцующіе званы были къ 2-мъ часамъ передъ обѣдомъ, а въ

---

[1]) „Вы увидите, что черезъ два мѣсяца они (французы) будутъ имѣть полную революцію, говорилъ великій князь Михаилъ Павловичъ.

[2]) Дюгомель впослѣдствіи былъ назначенъ секретнымъ нашимъ агентомъ въ Вѣну и австрійскую Италію, но эта посылка также не состоялась, за пришедшимъ наканунѣ его отъѣзда извѣстіемъ, что и Австрія увлеклась общимъ потокомъ революціи. Наконецъ, уже въ апрѣлѣ, онъ былъ отправленъ въ Дунайскія княжества, для содѣйствія мѣстному правительству въ усмиреніи тамъ умовъ.

9 часовъ вечера должны были присоединиться къ нимъ и прочіе приглашенные. Въ 5 часовъ, въ залу, гдѣ шли танцы, вдругъ входитъ государь, съ бумагами въ рукѣ, произнося какія-то невнятныя для слушателей восклицанія о переворотѣ во Франціи, о бѣгствѣ короля изъ Парижа и т. п. Сперва царская фамилія, а потомъ, мало-по-малу, и всѣ присутствовавшіе устремились за государемъ въ кабинетъ наслѣдника. Здѣсь государь громко прочелъ депешу, полученную отъ посланника нашего въ Берлинѣ, барона Мейендорфа, а вслѣдъ затѣмъ заставилъ принца Александра Гессенскаго (брата цесаревны) прочесть, также громко, чрезвычайное прибавленіе къ Берлинской газетѣ, присланное при этой депешѣ. Въ послѣдней было сказано, что изъ Парижа нѣтъ ни газетъ, ни писемъ, но что пріѣхавшій оттуда въ Брюссель путешественникъ сообщилъ вѣсти, которыя находящійся въ этомъ городѣ прусскій повѣренный въ дѣлахъ передалъ своему двору, а Мейендорфъ спѣшитъ представить государю съ особою эстафетою.

Во Франціи была республика...

Вечеромъ, когда и мы всѣ собрались на балъ, къ которому государь вышелъ гораздо позднѣе, первые, кто попались ему на глаза, были стоявшіе вмѣстѣ: князь Меншиковъ, нашъ посланникъ въ Вѣнѣ, графъ Медемъ и я.

— Qu'en dites-vous,—сказалъ онъ намъ, обращаясь преимущественно къ Медему,—voilà donc la comédie jouée et finie et le coquin à bas. Voilà bientôt dix huit ans qu'on me taxe d'imbécile quand je dis que son crime trouvera sa punition encore ici bas, et pourtant mes prévisions viennent de s'accomplir [1]): и по дѣломъ ему, прекрасно, безподобно! Il sort par la même porte par laquelle il est entré... [2]).

Государь продолжалъ еще говорить нѣсколько времени въ этомъ тонѣ и, какъ я слышалъ послѣ отъ другихъ, повторялъ то же самое въ разныхъ концахъ залы, привѣтствуя особенно милостиво командировъ гвардейскихъ полковъ, но прибавляя, что «даетъ слово, что за этихъ бездѣльниковъ французовъ не будетъ пролито ни одной капли русской крови». Далѣе государь говорилъ намъ, какъ любопытно бы знать, что̀ скажетъ обо всемъ случившемся Англія и какъ желательно было бы, чтобъ французы, въ минутномъ неистовствѣ своемъ, тотчасъ устремились на Рейнъ.

---

[1]) Что вы объ этомъ скажете,—сказалъ онъ, обращаясь преимущественно къ Медему,—вотъ, наконецъ, комедія сыграна и кончена, и бездѣльникъ свергнутъ. Вотъ скоро восемнадцать лѣтъ, что меня называютъ глупцомъ, когда я говорю, что его преступленіе будетъ наказано еще на этомъ свѣтѣ, и однако жъ мои предсказанія уже исполнились.

[2]) Онъ выходитъ въ ту же самую дверь, въ которую вошелъ.

— Тогда,—сказалъ онъ,—нѣмцы воспротивятся имъ изъ національной гордости, а не то, если французы завяжутъ дѣло у себя и дадутъ нѣмцамъ опомниться, то коммунисты и радикалы между послѣдними легко могутъ, пожалуй, затѣять что-нибудь подобное и у себя.

Наслѣдникъ цесаревичъ, подойдя къ нашей группѣ, съ своей стороны замѣтилъ, что если, вообще, нечего много жалѣть Людовика-Филиппа, то важенъ тутъ «le prіncіpe» и отвратителенъ тотъ вандализмъ, съ которымъ французы посягнули на истребленіе королевскихъ дворцовъ, галлерей и пр.

Великій князь Константинъ Николаевичъ былъ весь исполненъ воинской отваги и говорилъ, что мы себя не выдадимъ! Во время танцовъ, онъ, оставляя ихъ, въ нѣсколько пріемовъ подбѣгалъ ко мнѣ потолковать о происшедшемъ; при чемъ, по обыкновенію, восхваляема была имъ до-Петровская Русь, гдѣ, говорилъ онъ, мы были такъ отдалены отъ Европы и такъ исполнены преданности и религіозности, что подобное событіе прошло бы для насъ совсѣмъ незамѣтнымъ. Не привожу здѣсь моихъ возраженій противъ этихъ мыслей, что составляло, въ то время, предметъ всегдашняго, хотя и очень мирнаго, нашего спора. Императрица, которая, сидя въ кабинетѣ цесаревны за особымъ столикомъ, кушала чай съ нѣсколькими дамами, подозвала меня къ себѣ и, посадивъ за тотъ же столикъ, разговаривала съ четверть часа о разныхъ постороннихъ предметахъ. Только-что она встала и маленькое наше общество разошлось, Константинъ Николаевичъ опять подбѣжалъ ко мнѣ съ вопросомъ:

— Вы долго сидѣли съ императрицею: вѣрно она говорила съ вами тоже о сегодняшнихъ вѣстяхъ?

— Напротивъ, ваше высочество, ни слова; она, я думаю, ужъ дотого утомилась этими разговорами, гдѣ всѣ мы, зная такъ мало положительнаго, переливаемъ à peu-prѐs изъ пустаго въ порожнее, что нарочно хотѣла перемѣнить рѣчь и развлечься чѣмъ-нибудь другимъ.

Государь оставался на балѣ очень недолго и, съ восклицаніемъ «ah, voilà mon chandelier» (такъ онъ называлъ канцлера Нессельрода), удалился съ нимъ во внутреннія комнаты. Разумѣется, впрочемъ, что среди лихорадочнаго чувства, которымъ всѣ были исполнены, самый балъ уже имѣлъ видъ какой-то аномаліи. Хотя танцы и продолжались, но, повидимому, сама даже молодежь участвовала въ нихъ одними внѣшними движеніями, а изъ нетанцовавшихъ образовались во всѣхъ углахъ залы болѣе или менѣе многолюдные кружки, гдѣ толковали о случившемся до пресыщенія. Все было кончено въ четверть перваго, и на этотъ разъ никто, кажется, не пожалѣлъ, что такъ рано.—Високосный годъ взялъ таки свое, говорили многіе. Другіе вспоминали, что важнѣйшія трагическія извѣстія приходятъ всегда на балахъ царской фа-

миліи, какъ, напримѣръ, за два года передъ тѣмъ, вѣсть о Краковскомъ бунтѣ разгласилась на вечерѣ у великой княгини Маріи Николаевны. Были, наконецъ, и такіе, которые до тѣхъ поръ не понимали движенія духа времени, не замѣчали никакихъ его признаковъ, витали какъ слѣпые, или какъ бы въ другомъ мірѣ. Не можетъ быть, восклицали эти, статочное ли дѣло: все казалось такъ спокойно, мы были увѣрены, что живемъ въ самой прозаической, прѣсной эпохѣ, и вдругъ, нечаянно, попали во весь разгаръ революціи 1789 года!...

На другой день, въ чистый понедѣльникъ, было обычное засѣданіе Государственнаго Совѣта, но и оно, какъ балъ у цесаревича, вовсе не имѣло обыкновеннаго своего характера. Никто не слушалъ предложенныхъ дѣлъ, и шопотъ съ сосѣдями объ извѣстіяхъ изъ Парижа становился почти громкимъ разговоромъ. Вообще, переходъ отъ масляницы къ великому посту, который всегда знаменуется у насъ такимъ внезапнымъ переломомъ бѣшенаго веселія на совершенное затишье, въ 1848 году прошелъ почти совсѣмъ незамѣченнымъ. Общественное вниманіе такъ сосредоточивалось на парижскихъ происшествіяхъ, всѣ такъ были заняты высшими интересами, такъ жаждали развязки грозной драмы, что почти не оставалось мѣста ни другимъ разговорамъ, ни другимъ помысламъ, и каждый очень легко и скоро забылъ о спектакляхъ, танцахъ, блинахъ, балаганахъ и балахъ. Въ первые дни великаго поста весь городъ былъ, такъ сказать, на ногахъ; всѣ скакали изъ дома въ домъ за новыми вѣстями, осаждали газетную экспедицію, и тѣмъ болѣе, недоумѣвали и тревожились, что самыя газеты, ожидаемыя съ нетерпѣливою жадностью, приносили одни противорѣчія, недомолвки, или извѣстія мало достовѣрныя [1]). За поврежденіемъ желѣзныхъ дорогъ вокругъ Парижа, журналисты ничего не узнавали иначе, какъ изъ разсказовъ путешественниковъ, или черезъ короткія и неясныя телеграфическія депеши.

23-го февраля государь пригласилъ къ себѣ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Мерсье, котораго онъ очень жаловалъ и который вдругъ сдѣлался лицомъ безъ образа. Смотря на него уже какъ на частнаго человѣка, императоръ Николай впервые высказалъ ему тутъ, со всею откровенностью, истинныя мысли свои о Людовикѣ-Филиппѣ, и Мерсье во многомъ долженъ былъ согласиться. Іюльская монархія рушилась, какъ и возникла; одного дня довольно было, чтобы ее низвергнуть. Императрица говорила, что бывшій король, въ бѣгствѣ своемъ изъ Парижа, вѣрно, не разъ вспоминалъ о нашемъ государѣ и что образъ

---

[1]) Вскорѣ затѣмъ, вмѣсто пяти дней въ недѣлю, въ которые до тѣхъ поръ получалась въ Петербургѣ заграничная почта, установленъ былъ приходъ ея и въ остальные два дня, подъ названіемъ эстафеты.

императора Николая долженъ былъ преслѣдовать его, какъ страшный призракъ. Въ тотъ же день, когда Мерсье имѣлъ свою аудіенцію, всѣ находившіеся въ Петербургѣ французы были собраны къ шефу жандармовъ графу Орлову. Онъ удостовѣрилъ ихъ именемъ государя, что они будутъ продолжать пользоваться прежнимъ покровительствомъ нашего правительства, разумѣется, при соблюденіи, съ ихъ стороны, совершенной тишины и спокойствія, но что, впрочемъ, каждому изъ нихъ, кто самъ пожелаетъ, предоставляется свобода выѣхать изъ Россіи. Между тѣмъ, эти огромные интересы, которые въ публикѣ поглощали на время участіе ко всему другому, для императорской фамиліи нисколько не служили препятствіемъ къ отправленію дѣлъ, даже и второстепенныхъ. Такъ, напримѣръ, 24-го числа, императрица лично ввела въ Патріотическій институтъ новую его начальнину, перемѣщенную изъ Полтавскаго, а государь присутствовалъ при молебствіи, совершенномъ по этому случаю въ институтѣ.

Въ книгѣ моей «Императоръ Николай въ совѣщательныхъ собраніяхъ» [1]) подробно изложены исторія и окончательная участь надѣлавшаго въ свое время много шума указа 8-го ноября 1847 года, о предоставленіи помѣщичьимъ крестьянамъ выкупаться на волю при продажѣ имѣній съ публичныхъ торговъ. Между тѣмъ, въ концѣ 1847 года возникла мысль, принадлежавшая къ тому же кругу понятій, но, въ существѣ и по объему ея, гораздо болѣе важная, именно о предоставленіи крѣпостнымъ людямъ права пріобрѣтать въ собственность движимое имущество. Непосредственнымъ поводомъ къ этой мысли послужило разсказанное мною пріобрѣтеніе въ казну, у графини Самойловой, «Графской Славянки», крестьяне которой объявили, что между землями, принадлежащими къ сему имѣнію, находятся и купленныя ими для себя на собственныя деньги. Отсюда Комитетъ министровъ возбудилъ общій вопросъ, который, по высочайшей волѣ, былъ переданъ во II-е отдѣленіе собственной его величества канцеляріи. Онъ поступилъ туда еще въ мое управленіе, но я успѣлъ лишь войти въ переписку о немъ съ министромъ юстиціи, а окончательное представленіе въ Государственный Совѣтъ пришло уже по вступленіи снова въ должность графа Блудова. Государь гласно и неоднократно говорилъ разнымъ лицамъ, что если въ Совѣтѣ возникнетъ хотя одинъ голосъ противъ предложенной мѣры, то это установленіе потеряетъ въ его глазахъ всякое къ себѣ довѣріе, а при такомъ указаніи вопросъ предлежалъ уже не о томъ: быть или не быть дѣлу, а о томъ лишь: какъ бы лучше его обставить и привести въ исполненіе? Проектъ графа Блудова подверг-

---

[1]) См. „Сборникъ Императорскаго историческаго общества", т. 98.

нулся въ департаментѣ законовъ разнымъ измѣненіямъ, но каждый изъ насъ понималъ, что если никакой законъ не можетъ имѣть полнаго дѣйствія безъ санкціи, то и законъ о предоставленіи крѣпостнымъ людямъ пріобрѣтать собственность, пока съ нимъ не будетъ соединено право охранять эту собственность отъ притязаній помѣщика, т. е. судиться съ помѣщикомъ, останется почти одною мертвою буквою; дать же такое право при сохраненіи въ своей силѣ прочихъ отношеній владѣльца къ его людямъ невозможно. Поэтому, всѣ болѣе или менѣе соглашались, что новый законъ будетъ лишь—полумѣрою. Оставался вопросъ о формѣ его обнародованія. Графъ Блудовъ и, согласно съ нимъ, департаментъ законовъ, полагали законъ сей, окруживъ его, для избѣжанія вопросовъ, разными подробностями, ввести прямо въ продолженіе Свода, но въ общемъ собраніи Совѣта эта мысль была встрѣчена сильною оппозиціею и, наконецъ, единогласно положено: вмѣсто внезапнаго помѣщенія даруемаго крѣпостнымъ людямъ права въ продолженіе Свода, обнародовать его особымъ указомъ, но самымъ короткимъ, оставя подробности—времени и будущему развитію. Такъ и сдѣлалось, и указъ въ этомъ видѣ былъ подписанъ государемъ.

Во время засѣданія о семъ Совѣта, происходившаго вслѣдъ за парижскими извѣстіями, многіе члены, въ частныхъ между собою разговорахъ, замѣчали, что теперь, въ виду такихъ событій, едва-ли время издавать подобное постановленіе, но это замѣчаніе не имѣло никакихъ послѣдствій и осталось только въ кругу разговаривавшихъ.

По мѣрѣ того, какъ послѣ извѣстія о французской революціи слѣдовали, одна за другою, вѣсти о возстаніяхъ въ Германіи, умы въ Петербургѣ все болѣе и болѣе приходили въ напряженное состояніе, хотя собственно въ Россіи все, благодаря Бога, продолжало обстоять по-старому. При такомъ расположеніи умовъ, все казавшееся, еще за двѣ недѣли до того, предметомъ первостепенной важности, отодвинулось вдругъ на послѣдній планъ и лишилось всякаго значенія. И интересы, и направленія, и мысли, и оцѣнка вещей—все, въ эти роковыя двѣ недѣли измѣнилось до такой степени, что настоящее представлялось какъ бы тяжелымъ сномъ, а близкое прошедшее—отдалившимся на цѣлые годы. Всѣ ходили озабоченные, въ какомъ-то неопредѣленномъ страхѣ. Гдѣ только сходилось два человѣка, тамъ непремѣнно шла рѣчь о современныхъ событіяхъ на западѣ. Публично слышался вездѣ одинъ лишь голосъ негодованія и омерзѣнія. Войско одушевлено было превосходнымъ духомъ, и всѣ офицеры, вся молодежь, страстно желали одного—войны. Купечество горевало объ участи 50 милл. руб., за годъ передъ тѣмъ ввѣренныхъ нашимъ правительствомъ французскому. Говорили и кричали болѣе всего въ бюрократіи, но въ ней никогда не было у насъ ни единодушія, ни силы. Въ училищахъ являлись разныя партіи, между ними и партія красныхъ, меч-

тавшихъ о республикѣ даже и для Россіи, но тутъ расправа была не трудна. Все это не представляло никакихъ серьезныхъ элементовъ для опасеній, тѣмъ болѣе, что господствовавшія тогда на Западѣ идеи: свобода книгопечатанія, народное представительство, національное вооруженіе и пр. составляли для девяти-десятыхъ нашего населенія одинъ пустой, лишенный всякаго смысла, звукъ. Болѣе другихъ страшился и, можетъ статься, одинъ имѣлъ поводъ страшиться классъ помѣщиковъ, передъ вѣчнымъ пугалищемъ крѣпостнаго нашего состоянія. Но для правительства существовали и другіе предметы опасеній: наши западныя губерніи и Царство Польское, гдѣ революціонныя идеи, при посредствѣ всемірной пропаганды и эмиссаровъ парижскихъ, познанскихъ, галиційскихъ, находили для себя болѣе пріуготовленное поле.

Въ это время, я очень часто видѣлся съ двумя лицами, которыя, съ своей стороны, ежедневно видѣлись съ государемъ, пользовались полнымъ его довѣріемъ, находились у источника дѣлъ и первые знали о всемъ происходившемъ. Я говорю о графахъ Орловѣ и Киселевѣ, которые, оба согласно, разсказывали, что сначала государь былъ въ самомъ воинственномъ расположеніи духа, но потомъ благоразуміе и государственная предусмотрительность одержали въ немъ верхъ надъ этими порывами личнаго мужества. Онъ остановился на томъ, чтобы отнюдь не предпринимать ничего ни противъ Франціи, ни противъ другихъ государствъ, пока они будутъ ограничиваться одними внутренними своими дѣлами, но быть всегда готовымъ на случай, если бы дѣйствія ихъ нарушили внѣшній миръ.

— Ne vous laissez seulement pas aller à un mouvement de générosité en faveur de Vos alliés,—говорилъ ему Киселевъ [1]).

Въ этомъ отношеніи онъ былъ, конечно, совершенно правъ, ибо кто же изъ этихъ союзниковъ отвѣчалъ бы намъ взаимною помощью, еслибъ она потребовалась, а поддерживать монархическое начало внѣ Россіи было уже слишкомъ поздно. Слѣдуя правилу быть на-готовѣ, государь предназначилъ выдвинуть съ весны сильную армію на западныя наши границы. Въ этомъ же смыслѣ даны были инструкціи отправленному къ своему посту въ Вѣну графу Медему и находившемуся здѣсь въ то время въ отпуску и также возвращенному къ своему посту секретарю парижской нашей миссіи Балабину, а управлявшему нашимъ посольствомъ въ Парижѣ (брату графа Киселева) велѣно немедленно выѣхать оттуда и ждать дальнѣйшей развязки на Рейнѣ, вызвавъ изъ Парижа и всѣхъ находившихся тамъ русскихъ подданныхъ. Графъ Киселевъ, къ которому очень благоволилъ князь Варшавскій, находившійся въ эту

---

[1]) Не поддавайтесь только великодушію въ пользу вашихъ союзниковъ, говорилъ ему Киселевъ.

эпоху въ Петербургѣ, разсказывалъ мнѣ, что въ фельдмаршалѣ явно отражались тѣ же фазы, черезъ которыя прошелъ и государь. Сперва онъ дышалъ самымъ восторженнымъ героическимъ духомъ и одною лишь войною.

— Къ веснѣ—говорилъ онъ—мы можемъ выставить 370 тысячъ войска, а съ этимъ пойдемъ и раздавимъ всю Европу!

— Очень хорошо, да гдѣ жъ возьмете вы на эту армію денегъ?

— Деньги! всякій дастъ, что у него есть, и я самъ пошлю продать послѣдній мой серебряный сервизъ.

— Ну, не велики еще будутъ эти деньги; да другой вопросъ: кому жъ командовать вашей арміей?

— Кому? А на что жъ Паскевичъ? Кто поправилъ Ермолова грѣхи, кто Дибичевы? кто, во всей новѣйшей исторіи, счастливо и съ полнымъ успѣхомъ совершилъ пять штурмовъ? Все тотъ же Паскевичъ. Авось Богъ дастъ ему и теперь не ударить лицомъ въ грязь!

Но прошло нѣсколько дней, и Паскевичъ совсѣмъ перемѣнилъ тонъ; онъ уже началъ говорить о безполезности внѣшнихъ съ нашей стороны дѣйствій, о бо́льшей необходимости охранять внутреннее спокойствіе и пр. Словомъ, при своемъ отъѣздѣ, 29-го февраля, въ Варшаву, фельдмаршалъ уже былъ настроенъ совсѣмъ на другой ладъ.

Въ эти смутныя времена положеніе императора Николая было, конечно, однимъ изъ самыхъ тягостныхъ. Съ его привязанностію къ монархическому началу, имѣя близкихъ ему, или его семьѣ, почти во всѣхъ дворахъ Германіи, а въ одномъ изъ нихъ и родную дочь, онъ принужденъ былъ бездѣйственно смотрѣть, ка́къ падали вокругъ него цари и престолы и ка́къ, отъ дерзостнаго буйства народныхъ страстей, разрушалась вся святыня испоконныхъ политическихъ вѣрованій; смотрѣть и бдительно между тѣмъ бодрствовать надъ покоемъ собственной своей державы. Но, поистинѣ, тутъ мы и научились познавать все величіе духа нашего монарха, особенно при сравненіи презрѣннаго малодушія нѣмецкихъ государей съ блестящимъ мужествомъ и твердостію, явленными Николаемъ въ день 14-го декабря 1825 года, или въ въ 1830 году при холерѣ въ Москвѣ, или въ 1831 году посреди буйной черни на Сѣнной и кроваваго бунта въ военныхъ поселеніяхъ. И въ эту новую страшную годину не только не ослабѣвали ни на минуту его привычная дѣятельность и энергія, но онъ находилъ еще въ себѣ достаточно духа казаться веселымъ и даже шутить. Разъ за обѣдомъ, при мнѣ, онъ обратился съ вопросомъ къ своему французскому метръ-д'отелю:

— Eh bien, citoyen, avez-vous déjà envoyé votre adhésion à votre

nouveau seigneur et maitre, Chrysoprope I? [1]) Это шуточное прозваніе дано было великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ одному изъ членовъ тогдашняго временнаго французскаго правительства, ouvrier-méchanicien Альберу (Albert) [2]).

Извѣстно, какъ быстро, въ эту грозную эпоху, парижскій пожаръ охватилъ всю Германію. Вслѣдъ за государственными переворотами въ маленькихъ тамошнихъ державахъ, они очень скоро совершились и въ большихъ: Австріи и потомъ Пруссіи. Каждая телеграфическая депеша сообщала, каждый курьеръ привозилъ вѣсть о новыхъ требованіяхъ народовъ, о новыхъ уступкахъ правительствъ. Революція вездѣ торжествовала.

9-го марта, возвращаясь пѣшкомъ домой послѣ занятій моихъ съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, я почти наткнулся въ Большой Морской на государя. Онъ сперва прошелъ со мною нѣсколько шаговъ, а потомъ продолжалъ разговоръ остановясь.

— Ну что,—сказалъ онъ—хороши вѣнскія штуки! Я сбираюсь позвать тебя къ себѣ и поручить новую работу. Надо будетъ написать манифестъ, въ которомъ показать, какъ всѣ эти гадости начались, развились, охватили всю Европу и, наконецъ, отпрянули отъ Россіи. Le tout ne doit pas être long, mais énoncé avec dignité et énergie [3]), чтобъ было порѣзче. Подожду еще нѣсколько, посмотримъ, какія будутъ дальше извѣстія, а тамъ позову тебя и надѣюсь, что ты не откажешься отъ этого труда.

Возвѣщенный призывъ послѣдовалъ не ранѣе 13-го числа, къ 12-ти часамъ. Ѣду и беру съ собою написанный мною между тѣмъ, по упомянутому предварительному разговору, проектъ манифеста. На верху, передъ кабинетомъ государя, встрѣчается мнѣ только-что вышедшій отъ него графъ Нессельродъ.

— L'Empereur veut vous charger d'écrire un manifeste approprié aux circonstances [4]).

— Je le sais [5]), и я разсказалъ ему какъ о встрѣчѣ нашей, такъ и о приготовленномъ мною проектѣ.

Отвѣтомъ было, что и у государя уже написанъ свой, котораго Нессельродъ впрочемъ еще не читалъ; но что онъ, Нессельродъ, просилъ государя приказать во всякомъ случаѣ сообщить ему окончатель-

---

[1]) И такъ, гражданинъ, послали ли уже ваше одобреніе вашему новому властителю и господину Хризопомпу I.

[2]) Механику Альберу.

[3]) Все это не должно быть длинно, но объявлено съ достоинствомъ и энергіею.

[4]) Императоръ желаетъ поручить вамъ написать манифестъ, подходящій къ обстоятельствамъ.

[5]) Я это знаю.

ную редакцію, для соображенія ея въ видахъ дипломатическихъ. Тогда я предложилъ графу выслушать мой проектъ, и старый нашъ канцлеръ не только вполнѣ его одобрилъ, но и просилъ доложить государю, что не видитъ надобности перемѣнять въ немъ ни одного слова. Спустя нѣсколько минутъ, когда Нессельродъ уже уѣхалъ и въ секретарской комнатѣ оставался я одинъ, отъ государя выбѣгаетъ графъ Орловъ, въ какомъ-то восторженномъ положеніи, утирая рукою слезы.

— Ахъ, Боже мой—вскричалъ онъ—что за человѣкъ этотъ государь! Какъ онъ чувствуетъ, какъ пишетъ! Сейчасъ прочелъ онъ мнѣ свои идеи къ манифесту, который хочетъ поручить вамъ написать; я отвѣчалъ, что это не идеи, а уже совсѣмъ готовый манифестъ и что лучше, конечно, никто не напишетъ. Et effectivement, vous pourriez y mettre peut être un peu plus de style, plus d'élégance, mais jamais personne ne pourra parler avec autant d'énergie, de sentiment et de coeur. C'est juste ce qu'il faut pour notre nation.—Impossible de faire mieux [1])!

Едва графъ успѣлъ это сказать, какъ меня позвали къ государю. Онъ стоялъ въ кабинетѣ у письменнаго стола.

— Это что такое—было первымъ его словомъ—pourquoi ce chapeau? Je vous prie de vous en débarrasser [2]). Qu'est ce que vous avez là [3])?

У меня былъ въ рукахъ мой проектъ.

— Comme Vous avez daigné m'énoncer Vos idées au sujet du manifeste, Sire, j'ai cru de mon devoir d'en tracer un canevas [4])...

— Гмъ! ну хорошо, nous verrons celà après [5]), а теперь я прочту тебѣ свои идеи, которыя ты потомъ потрудишься привести въ порядокъ.

И государь началъ читать мнѣ свой проектъ, прерывая нѣсколько разъ чтеніе для словесныхъ объясненій. Многозначительность предмета, торжественность минуты, выражавшіяся въ проектѣ высокія чувства, образъ чтенія, наконецъ, можетъ быть, и то впечатлѣніе, подъ вліяніемъ котораго, отъ словъ Орлова, я вошелъ въ кабинетъ, привели и меня въ невольный восторгъ. Когда государь кончилъ, я бросился къ его рукѣ, но онъ не допустилъ и обнялъ меня.

---

[1]) Конечно, вы могли бы употребить стиль болѣе изящный, но никогда никто не будетъ въ состояніи высказаться съ такою энергіею, чувствомъ и сердцемъ.—Это именно то, что нужно для нашего народа.—Невозможно сдѣлать лучше.

[2]) Государь любилъ, чтобы къ нему входили съ докладомъ безъ шляпы; но такъ какъ я явился въ этотъ разъ не для доклада, а за приказаніемъ, то и не оставилъ шляпы въ передней.

[3]) Для чего эта шляпа, я прошу васъ отъ нея избавиться. Что у васъ тутъ?

[4]) Какъ вы соблаговолили изложить ваши идеи о сущности манифеста, государь, то я счелъ своимъ долгомъ набросать канву.

[5]) Мы увидимъ это послѣ.

— Какое счастіе, какое благословеніе неба—вскричалъ я,—что въ эти страшныя минуты Россія имѣетъ васъ, государь, васъ, съ вашею энергіею, съ вашею душою, съ вашею любовію къ намъ!...

Содержаніе отвѣта его состояло въ томъ, что мыслимъ и чувствуемъ мы всѣ одинаково, а бывъ поставленъ во главѣ, онъ, конечно, не можетъ оставить и никогда не оставитъ тѣла. Но моего проекта государь не спросилъ и болѣе о немъ не вспоминалъ.

— Теперь—сказалъ онъ—поѣзжай домой и уложи все это хорошенько на бумагу.

— И потомъ прикажете прислать къ вашему величеству?

— Нѣтъ, привези опять самъ. Я буду дома въ три часа, или, пожалуй, и вечеромъ.

Въ передней камердинеръ объявилъ мнѣ волю наслѣдника цесаревича, чтобы отъ государя я зашелъ къ его высочеству. Цесаревичъ уже зналъ, зачѣмъ я былъ у государя, но, кажется, еще не видалъ проекта; по крайней мѣрѣ, взявъ его отъ меня, тутъ же прочелъ про себя и прослезившись сказалъ:

— Я очень радъ, что выборъ государевъ въ этомъ дѣлѣ палъ на васъ; вотъ вамъ еще одно драгоцѣнное воспоминаніе на цѣлую жизнь.

Дома, въ тиши кабинета и съ перомъ въ рукѣ, нѣкоторыя изъ выраженій проекта, казавшіяся мнѣ, при живомъ чтеніи государя и при собственной моей восторженности, превосходно-умѣстными, предстали въ другомъ свѣтѣ. Иное имѣло видъ вызова къ войнѣ; другое какъ бы указывало на угрозы намъ извнѣ, которыхъ ни отъ кого не было; третье, наконецъ, проявляло надежды на побѣду, когда не имѣлось еще въ виду никакой брани. Но такъ какъ собственный мой проектъ, веденный отъ другой основной идеи, остался непрочитаннымъ, то мнѣ и надо уже было, въ качествѣ просто редактора, ограничиться однимъ изложеніемъ даннаго эскиза, съ сохраненіемъ, по возможности, даже самыхъ его словъ. Въ три часа я былъ опять во дворцѣ. Поутру государь принялъ меня въ оффиціальномъ своемъ кабинетѣ, на верху, а въ это время—въ домашнемъ, о которомъ я уже упоминалъ [1]), въ бывшихъ покояхъ великой княгини Ольги Николаевны.

— Какъ, ты уже готовъ?—спросилъ онъ, увидѣвъ меня.

— Мой трудъ, государь, былъ не великъ: мнѣ оставалось почти только переписать написанное вами.

— Ну, нѣтъ, я, признаюсь, не великій мастеръ на редакторство: voyons.

И я, вслѣдъ затѣмъ, прочелъ привезенную бумагу, а кончивъ, взглянулъ на государя. У него текли слезы. Видно было, что онъ всею душою слѣдилъ за этимъ выраженіемъ завѣтныхъ его мыслей и чувствъ.

[1]) Императоръ Александръ II прибавилъ: „внизу“.

— Очень хорошо—сказалъ онъ—передѣлывать тутъ, кажется, нечего.

— Дозвольте, государь, повергнуть на ваше усмотрѣніе одну только мысль.

— Что такое? Говори!

— Не позволите ли включить въ манифестъ хоть два слова о дворянствѣ: оно всегда окружало престолъ своею преданностію, и особенный призывъ отъ васъ польститъ лучшему его чувству.

— Я самъ объ этомъ думалъ, и сперва, въ черновомъ моемъ проектѣ, именно сказано было: всѣ государственныя сословія; но послѣ мнѣ показалось, что слово сословіе не совсѣмъ умѣстно при теперешнемъ духѣ и обстоятельствахъ. Гдѣ же полагалъ бы ты сказать о дворянствѣ?

Я указалъ мѣсто. Онъ перечелъ раза два или три громко это мѣсто и, пробѣжавъ потомъ снова про себя весь проектъ, сказалъ:

— Нѣтъ, право, и такъ очень хорошо; если упоминать отдѣльно о дворянствѣ, то прочія состоянія могутъ огорчиться, а вѣдь это еще не послѣдній манифестъ; вѣроятно, что за нимъ скоро будетъ второй, уже настоящее воззваніе, и тогда останется время обратиться къ дворянству, а теперь—пусть будетъ какъ есть. Я попрошу тебя только съѣздить къ Нессельроду и показать ему нашъ проектъ; онъ очень взыскателенъ на выраженія и, въ теперешнихъ обстоятельствахъ, совершенно въ томъ правъ. Если онъ сдѣлаетъ какія-нибудь замѣчанія, то пріѣзжай опять ко мнѣ сказать о нихъ; если жъ нѣтъ, такъ отдавай съ Богомъ въ переписку, или... знаешь что, перепиши лучше самъ, своею рукою; а теперь, покуда, прощай и большое спасибо.

Нессельродъ, прочитавъ проектъ, остановился именно на тѣхъ же замѣчаніяхъ, которыя и я прежде про себя сдѣлалъ; но какъ они относились къ основнымъ идеямъ, отъ которыхъ, по его предположенію, государь ни въ какомъ случаѣ не отступилъ бы, то онъ и предпочелъ оставить какъ было написано.

Манифестъ, переписанный моею рукою, былъ подписанъ въ тотъ же день, 13-го; но государь, не знаю почему, выставилъ 14-е. Въ ночь успѣли его и напечатать.

Все это происходило въ субботу. Въ воскресенье рано утромъ у наслѣдника цесаревича всегда собирались полковые командиры и адъютанты всей гвардейской пѣхоты, которою онъ въ то время начальствовалъ. Цесаревичъ самъ прочелъ имъ манифестъ. По мѣрѣ чтенія все болѣе и болѣе, видимо для всѣхъ, возрастало его волненіе, такъ что послѣднія строки были произнесены совершенно дрожавшимъ и прерывавшимся голосомъ. Съ окончаніемъ манифеста онъ первый возгласилъ у р а! Тутъ раздался общій, нескончаемый крикъ. Всѣ бросились цѣловать ему руки, и сцена достигла высшей степени умиленія...

*

— Dans notre enthousiasme—разсказывалъ мнѣ одинъ изъ соучастниковъ—nous étions sur le point de le berner [1])!

Между тѣмъ, находившіяся тутъ же маленькія дѣти цесаревича, испуганныя страшнымъ крикомъ, съ своей стороны также начали громко плакать, такъ что пришлось ихъ унести.

Въ то же воскресенье, манифестъ былъ прочитанъ всенародно во всѣхъ петербургскихъ церквахъ и, вслѣдъ за нимъ, пропѣтъ вездѣ тропарь: «Спаси, Господи, люди твоя!» Эта прекрасная идея принадлежала также поэтической душѣ государя. Въ Казанскомъ соборѣ, гдѣ, по случаю начинавшихся въ то время срочныхъ выборовъ, дворянство приводилось къ присягѣ, викарный епископъ Иоаннаилъ сказалъ сочиненное за ночь слово, въ которомъ онъ соединилъ оба предмета: и присягу, и манифестъ.

Посреди превращенія прежняго міра въ новый, разрушенія всего, что дотолѣ считалось святымъ и завѣтнымъ, ниспроверженія и попранія троновъ, властей, присяги, всѣхъ условій и основъ общежитія, время влачилось какими-то свинцовыми шагами. По виду дни текли, слѣдуя общему закону природы; а, между тѣмъ, эти колоссальныя событія такими гранями отдѣляли ихъ между собою, что казалось, будто бы человѣкъ и человѣчество проживаютъ мигомъ цѣлое столѣтіе. Разумѣется, что шумъ бурнаго моря, волновавшаго въ это время Европу, явственно, несмотря на всѣ вырѣзки изъ газетъ, доносился и до Петербурга. Особенно событія въ сопредѣльной и дотолѣ союзной намъ Пруссіи возбуждали здѣсь такой живой и жгучій интересъ, что заставили совсѣмъ забыть о парижскихъ. Послѣдствіемъ ихъ было появленіе между нами и преимущественно среди высшей аристократіи немалаго числа трусливыхъ, которымъ видѣлись уже вездѣ и у насъ возмущеніе, поджоги, убійства, и которые нескрытно проповѣдывали о наступленіи времени каждому готовиться къ послѣднему часу и къ мученической смерти. Не было также недостатка въ легкомысленныхъ и легковѣрныхъ, частію, можетъ быть, и въ злонамѣренныхъ, которые распускали и разносили всякіе вздорные слухи, съ преувеличеніемъ еще дѣйствительности, какъ будто бы мало было и ея одной. Манифестъ 14-го марта не способствовалъ къ успокоенію умовъ. Одни видѣли въ немъ воззваніе къ войнѣ, слѣдственно начало войны, другіе—начало безпокойствъ и смутъ, уже и внутри самой Россіи, многіе же признавали его во всякомъ случаѣ преждевременнымъ. А между тѣмъ, для людей, ближе знавшихъ императора Николая, какъ понятно, какъ легко объяснимо было побужденіе или внутреннее влеченіе, исторгнувшее у него этотъ актъ, полный

[1]) Въ нашемъ восторгѣ, разсказывалъ мнѣ одинъ изъ соучастниковъ, мы готовы были его качать.

энергіи, огня, силы. Ему хотѣлось дѣйствовать, разить, мощною своею рукою водворить снова вездѣ порядокъ; ему, такъ сказать, стыдно и совѣстно было за прочихъ монарховъ; а какъ не открывалось еще ни поля, ни прямыхъ предметовъ дѣйствія, то его невольно влекло по крайней мѣрѣ высказаться...

Въ числѣ множества разсказовъ, ходившихъ въ это время по городу, было и нѣсколько очень забавныхъ, если не совсѣмъ правдивыхъ, то ловко придуманныхъ.. Такъ, напримѣръ, приводили слѣдующее истолкованіе нашими солдатами значенія слова и смысла тогдашней французской республики. Государь нашъ,—говорили они—далъ французскому королю денегъ взаймы. Наступилъ срокъ уплаты, король не платитъ. Нечего дѣлать, государь пишетъ, пишетъ, а все толку нѣтъ; вотъ напослѣдокъ онъ и велѣлъ написать французскому народу, что дескать вашъ король занялъ у меня деньги, и срокъ прошелъ, а уплаты все нѣтъ, заставьте же его. И народъ разсудилъ, что государь требуетъ дѣло, и приступилъ къ своему королю: заплати да заплати, а король взялъ да и убѣжалъ съ деньгами. Вотъ народъ и разсердился, что король его такой невѣрный въ своемъ дѣлѣ; потолковали промежь себя и положили распубликовать его по всей землѣ, сдѣлали р а с п у б л и к у... Недурна также была каррикатура, которая, увѣряли, продавалась тайкомъ въ лавкахъ, хотя, разумѣется, нигдѣ нельзя было ее купить. Представлены три бутылки: одна съ шампанскимъ; пробка вылетѣла и въ искристомъ фонтанѣ вышибаетъ изъ бутылки корону, тронъ, конституцію, короля, принцевъ, министровъ и пр. Это Франція. Другая съ чернымъ густымъ пивомъ; изъ мутной влаги выжимаются короли, гросгерцоги, герцоги и т. п. Это Германія. Наконецъ третья бутылка съ русскимъ пѣнникомъ. На этой пробка, обтянутая крѣпкой бичевкой, и на ней казенная печать съ орломъ. Не нужно прибавлять, что это—Россія.

19-го марта, въ годовщину занятія нашею арміею Парижа въ 1814 г., выступили изъ Петербурга къ западной границѣ, на случай возможной войны, первыя войска: Гвардейскій и Атаманскій наслѣдника цесаревича казачьи полки [1]). Они были выстроены на площади у Александровской колонны. Ровно въ часъ, государь съ своими сыновьями и многочисленною свитою объѣхалъ ихъ ряды; послѣ чего полки [2]), предводительствуемые своимъ наказнымъ атаманомъ, наслѣдникомъ цесаревичемъ, прошли передъ государемъ и передъ императрицею, сидѣвшею въ коляскѣ съ августѣйшею невѣстою. Еще до того, государь вызвалъ

[1]) Императоръ Александръ II исправилъ: „дивизіоны Гвардейскаго и Атаманскаго наслѣдника цесаревича казачьихъ полковъ“.

[2]) Императоръ Александръ II исправилъ: „дивизіоны“.

передъ себя изъ фронта всѣхъ офицеровъ и сказалъ имъ нѣсколько прощальныхъ словъ. Площадь была усѣяна многими тысячами народа, и полиція распоряжалась чрезвычайно либерально, такъ что государь стоялъ почти посреди толпы. И вдругъ эти дивные казаки двинулись мимо него, при безмолвіи всѣхъ окружавшихъ, съ русскими, заунывно-удалыми пѣснями, и весь народъ, снявъ шапки, началъ креститься русскимъ широкимъ крестомъ По мѣрѣ того, какъ одинъ взводъ подвигался за другимъ, государь кричалъ каждому: «Прощайте, ребята» и люди отвѣчали: «Счастливо оставаться вашему величеству», а народъ все крестился. Минута была торжественная и многознаменательная. Эта чудная рать, идущая на бой съ пѣснями, эта православная Русь, одна, на всемъ пространствѣ Европы, вѣрная, неподвижная, чуждая, и дѣломъ и помысломъ, смятеніямъ Запада, знаменующаяся крестомъ на спасеніе своихъ собратій; весеннее солнце, обливающее своими лучами великолѣпную картину [1]); наконецъ, величественная, почти исполинская фигура императора Николая, который одинъ высился надъ развалинами монархизма, одинъ, недоступный страху и вѣрный призванію совѣсти и долга, господствовалъ, какъ несокрушимая скала, надъ взволнованнымъ моремъ Европы,—нельзя и нѣзачѣмъ было удерживаться отъ слезъ! Когда войско прошло и государь повернулъ ко дворцу, вслѣдъ ему загремѣло единодушное у р а многотысячной толпы,—явленіе очень обыкновенное въ Москвѣ и чрезвычайно рѣдкое въ дисциплинированномъ Петербургѣ.

Въ тотъ же день, былъ обычный концертъ въ пользу инвалидовъ, на которомъ присутствовала вся императорская фамилія. Въ то время, какъ въ чужихъ краяхъ раздавались одни звуки «Марсельезы», у насъ ч е т ы р е р а з а заставили повторить «Боже, царя храни», при восторженныхъ крикахъ публики. Эти изъявленія не могли не быть отрадны сердцу государя въ той горестной тревогѣ, которая, безъ сомнѣнія, такъ часто помрачала тогда его думы, хотя онъ нисколько ее не обнаруживалъ. Вообще, поведеніе и его и всей царской семьи, въ эту эпоху, являлось истинно геройскимъ. При увѣренности въ массѣ народа, трудно было ручаться за каждое отдѣльное лицо и, при всемъ томъ, не только не было усилено никакихъ внѣшнихъ мѣръ предосторожности, карауловъ и проч, не только позволялось свободно, какъ всегда, входить во дворецъ и расхаживать по его заламъ, но и самъ государь всякій день с о в е р ш е н н о о д и н ъ прохаживался пѣшкомъ по улицамъ, наслѣдникъ также, а царственныя дамы катались, по цѣлымъ часамъ, въ открытыхъ экипажахъ. Разумѣется, впрочемъ, что это не ослабляло и не должно было ослаблять тайныхъ мѣръ надзора. Осматривая ежедневно

[1]) Въ этотъ день, вспомнимъ, 19-го марта, было 10° тепла въ тѣни

во дворцѣ собранныхъ на службу безсрочныхъ отпускныхъ, государь, при одномъ такомъ смотрѣ, вызвалъ вдругъ изъ фронта одного солдата по имени и сталъ упрекать его въ какихъ-то дерзкихъ рѣчахъ, которыя тотъ наканунѣ позволилъ себѣ въ кабакѣ.

— Еслибъ я выдалъ тебя,—прибавилъ онъ,—товарищи сейчасъ разорвали бы тебя въ куски. Но я поступлю иначе и дамъ тебѣ средства обмыть твою вину кровью. При первомъ дѣлѣ тебя выставятъ въ первый огонь. Помни же эту милость!

Занятія мои съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ окончились 30-го марта. На всеподданнѣйшемъ донесеніи моемъ о томъ государь благоволилъ надписать: «Душевно благодарю за сіе новое доказательство вашей ко мнѣ привязанности». Сверхъ того, я удостоился получить золотую табакерку съ осыпаннымъ бриллiантами портретомъ его величества [1]). Объ этихъ обстоятельствахъ, хотя и относящихся болѣе до моего лица, упоминаю здѣсь потому, что они показываютъ, какимъ искусствомъ обладалъ императоръ Николай въ выборѣ наградъ по характеру заслугъ. Пріобщивъ меня къ отеческой заботѣ своего сердца, онъ наградилъ именно тѣмъ, что̀ знаменовало внутреннюю, такъ сказать, домашнюю услугу, а милостивая его надпись на моемъ донесеніи не могла не осчастливить вѣрнаго подданнаго выше всякой мѣры.

Среди жгучей тревоги, вдругъ овладѣвшей всѣми нами вслѣдствіе парижскихъ вѣстей, нельзя было не обратить вниманія на нашу журналистику, въ особенности же на два журнала «Отечественныя Записки» и «Современникъ». Оба, пользуясь малоразумiемъ тогдашней цензуры, позволяли себѣ печатать Богъ знаетъ что̀ и по провѣдуемымъ ими, подъ разными иносказательными, но очень прозрачными для посвященныхъ, формами, коммунистическія идеи могли сдѣлаться не безопасными для общественнаго спокойствія. Безпрерывно размышляя о томъ, чѣмъ можно было бы это оградить и упрочить въ виду судорожныхъ движеній Запада, я набросалъ нѣсколько мыслей о дѣйствіяхъ нашихъ періодическихъ изданій и цензуры; но долго колебался дать имъ ходъ, изъ опасенія явиться въ глазахъ другихъ, а еще болѣе въ своихъ собственныхъ, какимъ-то доносникомъ. Разсудивъ, однако, что жертвовать на общее благо ничтожною своею личностью есть священный долгъ каждаго изъ насъ, въ такое опасное время еще болѣе, чѣмъ когда-либо; что я буду тутъ дѣйствовать не какъ частный человѣкъ, а въ качествѣ члена правительства и что, говоря лишь о фактахъ, а не о лицахъ, удалю отъ

---

[1]) Самъ великій князь почтилъ меня превосходнымъ акварельнымъ своимъ портретомъ, писаннымъ съ натуры живописцомъ Гау.

себя, въ собственной совѣсти, всякое нареканіе въ презрѣнномъ доносѣ, я рѣшился отвезти мою записку къ наслѣднику цесаревичу. Не заставъ его высочества, я зашелъ съ нею къ великому князю Константину Николаевичу, который остался чрезвычайно доволенъ моею запискою и совѣтовалъ непремѣнно отослать къ наслѣднику, не теряя времени, что я и исполнилъ на другой же день послѣ полученія извѣстія о французской республикѣ, т. е. 23-го февраля, вечеромъ. На слѣдующее утро, явился посланный съ приглашеніемъ меня обѣдать къ цесаревичу. За утомленіемъ цесаревны отъ говѣнія, она не вышла къ столу, и насъ было тутъ, сверхъ хозяина и принца Александра Гессенскаго, только графъ Медемъ, генералъ-адъютантъ графъ Сергій Строгановъ и я. Едва только мы вошли въ первый кабинетъ наслѣдника, гдѣ накрытъ былъ обѣдъ, какъ онъ привѣтствовалъ меня перваго словами:

— Искренно благодарю, получили вы уже бумагу?

— Какую, ваше высочество? я никакой бумаги не получалъ.

— Ну, такъ еще получите. Государь учредилъ особый Комитетъ изъ князя Меншикова, васъ, графа Александра Строганова (бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ) и Д. П. Бутурлина. Ваша записка пришла какъ нельзя больше кстати. Вчера вечеромъ у государя былъ разговоръ именно объ этомъ, а воротясь къ себѣ и найдя вашу бумагу, я сегодня же отнесъ ее къ батюшкѣ, и онъ, прочитавъ, оставилъ у себя, для объясненія съ Орловымъ, котораго ждалъ въ эту минуту.

Дѣйствительно, 27-го числа я получилъ отъ графа Орлова слѣдующую оффиціальную бумагу:

«По дошедшимъ до государя императора изъ разныхъ источниковъ свѣдѣніямъ о весьма сомнительномъ направленіи нашихъ журналовъ, его императорское величество на докладѣ моемъ по сему предмету собственноручно написать изволилъ: «Необходимо составить особый Комитетъ, чтобы разсмотрѣть, правильно ли дѣйствуетъ цензура и издаваемые журналы соблюдаютъ ли данныя каждому программы? Комитету донести мнѣ съ доказательствами, гдѣ найдетъ какія упущенія цензуры и ея начальства, т. е. министерства народнаго просвѣщенія, и которые журналы и въ чемъ вышли изъ своей программы. Комитету состоять подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта князя Меншикова, изъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бутурлина, статсъ-секретаря барона Корфа, генералъ-адъютанта графа Строганова 2-го и статсъ-секретаря Дегая [1]). Увѣдомить о семъ кого слѣдуетъ и занятія Комитета начать немедля».

Занятія этого Комитета продолжались слишкомъ мѣсяцъ и, сверхъ

[1]) Впослѣдствіи къ составу Комитета присоединенъ былъ еще начальникъ штаба корпуса жандармовъ, генералъ Дубельтъ. Объ этомъ Комитетѣ см. также „Русскую Старину“ 1899 г., № 10, „Отголоски старой памяти“, К. Веселовскаго.

нѣкотораго дополненія цензурныхъ правилъ, заключались во внушеніяхъ редакторамъ журналовъ и цензорамъ и проч. Но, въ заключеніе, изо всего этого родилась у государя мысль учредить, подъ непосредственнымъ своимъ руководствомъ, всегдашній безгласный надзоръ за дѣйствіями нашей цензуры. Съ сею цѣлью, вмѣсто прежняго временнаго Комитета, учрежденъ былъ, 2-го апрѣля, постоянный, изъ члена Государственнаго Совѣта Д. П. Бутурлина, статсъ-секретаря Дегая и меня, съ обязанностью представлять всѣ замѣчанія и предположенія свои непосредственно государю. Сначала надзоръ этого Комитета предполагалось ограничить одними лишь періодическими изданіями; но потомъ онъ распространенъ на всѣ вообще произведенія нашего книгопечатанія. Призвавъ передъ себя Бутурлина и меня, государь объявилъ, что поручаетъ намъ это дѣло по особому, какъ онъ выразился, безграничному своему довѣрію.

— Цензурныя установленія,—продолжалъ онъ,—остаются всѣ какъ были; но вы будете—я, т. е. какъ самому мнѣ нѣкогда читать всѣ произведенія нашей литературы, то вы станете дѣлать это за меня и доносить мнѣ о вашихъ замѣчаніяхъ, а потомъ мое уже дѣло будетъ расправляться съ виноватыми.

Комитетъ этотъ, родъ нароста въ нашей администраціи, продолжалъ существовать, подъ именемъ Комитета 2-го апрѣля и съ измѣнявшимся нѣсколько разъ личнымъ составомъ [1]), во все остальное время царствованія императора Николая. Учрежденіемъ его образовалась у насъ двоякая цензура: предупредительная, въ лицѣ обыкновенныхъ цензоровъ, просматривавшая все до печати, и взыскательная или карательная, подвергавшая своему разсмотрѣнію только уже напечатанное и привлекавшая, съ утвержденія и именемъ государя, къ отвѣтственности какъ цензоровъ, такъ и авторовъ за все, что̀ признавала предосудительнымъ или противнымъ видамъ правительства. Если въ эпоху своего учрежденія, когда министерствомъ народнаго просвѣщенія управлялъ еще графъ Уваровъ, цѣль и надобность особаго тайнаго надзора оправдывались тѣмъ, что министръ утратилъ прежнее къ нему довѣріе государя и если, въ началѣ своего существованія, Комитетъ нашъ, по глубокому моему убѣжденію, принесъ большую и существенную пользу, то дальнѣйшее продолженіе этого внѣшняго посторонняго надзора, при преемникахъ Уварова, когда все постепенно вошло въ законные предѣлы, сдѣлалось уже совершенною аномаліею и только парализировало дѣйствія и власть самаго министерства, вредя, косвенно, всякому полезному развитію и успѣхамъ отечественной письменности. Эти обстоятельства были удо-

[1]) Я оставался сперва членомъ, а потомъ предсѣдателемъ Комитета, до самаго упраздненія его въ 1856 году.

стоены высочайшаго вниманія нынѣ благополучно царствующаго императора [1]) и, вслѣдствіе того, Комитетъ 2-го апрѣля, по всеподданнѣйшему докладу моему, закрытъ.

Однажды, за небольшимъ обѣдомъ у государя, при которомъ и я находился [2]), было много говорено о Лицеѣ, прежнемъ и нынѣшнемъ, и еще болѣе о Пушкинѣ. Государь разсказывалъ (слышанное уже мною, впрочемъ, и прежде, отъ великаго князя Михаила Павловича), что и его и великаго князя предназначали помѣстить въ Лицей и что только Наполеонъ, съ замышленною въ это время противъ насъ войною, побудилъ оставить этотъ планъ неисполненнымъ. Разсказъ о Пушкинѣ, обращенный непосредственно ко мнѣ, какъ къ прежнему соученику нашего великаго поэта, былъ чрезвычайно любопытенъ.

— Я,—говорилъ государь,—впервые увидѣлъ Пушкина, послѣ моей коронаціи, когда его привезли изъ заключенія ко мнѣ въ Москву совсѣмъ больнаго и покрытаго ранами—отъ извѣстной болѣзни. Что сдѣлали бы вы, если бы 14-го декабря были въ Петербургѣ,—спросилъ я его между прочимъ?—Сталъ бы въ ряды мятежниковъ,—отвѣчалъ онъ. На вопросъ мой, перемѣнился ли его образъ мыслей и дастъ ли онъ мнѣ слово думать и дѣйствовать иначе, если я пущу его на волю, онъ наговорилъ мнѣ пропасть комплиментовъ насчетъ 14-го декабря, но очень долго колебался прямымъ отвѣтомъ и только послѣ длиннаго молчанія протянулъ руку, съ обѣщаніемъ—сдѣлаться другимъ. И что же? Вслѣдъ за тѣмъ, онъ, безъ моего позволенія и вѣдома, ускакалъ на Кавказъ! Къ счастью, тамъ было кому за нимъ присмотрѣть. Паскевичъ не охотникъ шутить. Подъ конецъ жизни Пушкина, встрѣчаясь часто въ свѣтѣ съ его женою, которую я искренно любилъ и теперь люблю, какъ очень добрую женщину, я совѣтовалъ ей быть сколько можно осторожнѣе и беречь свою репутацію и для самой себя, и для счастья мужа, при извѣстной его ревнивости. Она, вѣрно, разсказала это мужу, потому что, увидясь гдѣ-то со мною, онъ сталъ меня благодарить за добрые совѣты его женѣ.—Развѣ ты и могъ ожидать отъ меня другаго?—Спросилъ я.—Не только могъ,—отвѣчалъ онъ,—но, признаюсь откровенно, я и васъ самихъ подозрѣвалъ въ ухаживаніи за моею женою. Это было за три дня до послѣдней его дуэли [3]).

---

[1]) Императора Александра II.

[2]) Такіе небольшіе обѣды, къ которымъ приглашались двое или трое приближенныхъ, бывали у императора Николая чрезвычайно часто, почти ежедневно. Самъ онъ являлся тутъ обыкновенно въ сюртукѣ безъ эполетъ; военные, въ Петербургѣ, въ мундирахъ, а въ лѣтнихъ резиденціяхъ, также въ сюртукахъ; статскіе же—вездѣ единообразно въ мундирныхъ фракахъ, бѣлыхъ галстухахъ и лентахъ по камзолу.

[3]) Этотъ разсказъ критически разобранъ Л. Н. Майковымъ, въ его статьѣ „Пушкинъ въ изображеніи М. А. Корфа". См. „Русск. Стар." 1899 г., № 8.

За тѣмъ же обѣдомъ государь разсказывалъ, что онъ по утру (это было въ первыхъ числахъ апрѣля) получилъ англійское письмо, изъ Лондона, безъ подписи, въ которомъ выражали надежду, что онъ не послѣдуетъ примѣру прочихъ европейскихъ монарховъ и, въ случаѣ какихъ-нибудь безпокойствъ у насъ, «qu'il tapera durement sur la foule».

Наконецъ, послѣ обѣда, когда хозяинъ отошелъ въ сторону съ графомъ Орловымъ,—Вронченко, также съ нами обѣдавшій, разсказалъ мнѣ, что въ это же самое утро, во время его доклада, при рѣчи о какомъ-то благопріятномъ биржевомъ извѣстіи, государь вдругъ запѣлъ густымъ своимъ басомъ: «Спаси, Господи, люди твоя», къ чему присоединились тотчасъ присутствовавшіе при докладѣ: наслѣдникъ цесаревичъ и великій князь Константинъ Николаевичъ, и такимъ образомъ составилось прекрасное тріо.

Лихорадочное сотрясеніе умовъ, возбужденное въ Россіи западными происшествіями, продолжалось весьма недолго. Чѣмъ болѣе время подвигалось впередъ, не производя никакого видимаго волненія въ нашемъ общественномъ спокойствіи, тѣмъ болѣе и бесѣды и помыслы стали обращаться снова къ обыкновеннымъ интересамъ. Политика и современные огромные перевороты, когда они не касаются непосредственно нашей личности, пріѣдаются, какъ и все другое на свѣтѣ... Въ Свѣтлое воскресенье, 11-го апрѣля, все шло уже своимъ порядкомъ и еслибъ кто, проспавъ семь недѣль поста, пріѣхалъ вдругъ въ нашъ дворецъ къ утренѣ и обѣднѣ, тотъ, конечно, ни по чему не догадался бы, что въ эти семь недѣль остальная Европа была объята такимъ всеобщимъ, все еще и послѣ нихъ съ одинаковою силою продолжавшимся, пожаромъ.

Съ открытіемъ навигаціи въ 1848 году, великому князю Константину Николаевичу опредѣлено было идти въ море, на первый разъ въ Стокгольмъ [1]). Императорская фамилія въ то время имѣла свое пребываніе въ Царскомъ Селѣ, и въ день, назначенный для выѣзда великаго князя, именно 7-го мая, государь и наслѣдникъ цесаревичъ поѣхали провожать его въ Петербургъ и оттуда въ Кронштадтъ. Перебравшись уже на дачу въ Царское Село въ первыхъ числахъ мая, я въ этотъ день также долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ и на Царскосельской станціи желѣзной дороги нашелъ государя прохаживавшимся по галлереѣ, въ ожиданіи великаго князя, нѣсколько опоздавшаго. Протянувъ мнѣ руку, государь продолжалъ свою прогулку по галлереѣ вмѣстѣ со мною и началъ говорить о дѣлахъ нашего цензурнаго комитета.

[1]) Изъ Стокгольма онъ ѣздилъ въ Копенгагенъ, а оттуда доходилъ до береговъ Пруссіи.

— Послѣднее замѣчаніе ваше объ анекдотѣ въ «Сѣверной Пчелѣ»,— сказалъ онъ,—не важно; однако хорошо, что и это отъ васъ не ускользнуло.

— Государь,—отвѣчалъ я,—мы вмѣняемъ себѣ въ обязанность доводить до вашего свѣдѣнія о всѣхъ нашихъ замѣчаніяхъ, даже и мелочныхъ, предпочитая представить что-нибудь мелочное, чѣмъ пропустить важное.

— Такъ, такъ и надо; прошу и впередъ также продолжать; ну, а что теперь Краевскій съ своими «Отечественными Записками», послѣ сдѣланной ему головомойки?

— Я въ эту минуту, именно читаю майскую книжку и нахожу въ ней совершенную перемѣну, совсѣмъ другое направленіе, и нѣтъ уже слѣда прежняго таинственнаго аргò. Повѣшенный надъ журналистами Дамокловъ мечъ, видимо, приноситъ добрые плоды.

— Надѣюсь; и признаюсь, не могу только надивиться, какъ прежде допустили вкрасться противному.

Продолжая рѣчь о томъ же предметѣ,—государь сказалъ еще:

— Больше всего мнѣ досадны глупые возгласы противъ Петра Великаго; досадно, когда и говорятъ, а тѣмъ больше нестерпимо, когда печатаютъ. Петръ Великій сдѣлалъ, что могъ и даже болѣе, чѣмъ могъ, и въ правѣ ли мы теперь, при такомъ отдаленіи отъ той эпохи и въ нашемъ незнаніи тогдашнихъ обстоятельствъ, критиковать его дѣйствія и унижать его славу, и славу самой Россіи!

Между тѣмъ, пріѣхали цесаревичъ и великій князь, и государь, входя въ вагонъ желѣзной дороги, велѣлъ мнѣ сѣсть вмѣстѣ съ нимъ и его сыновьями. Такимъ образомъ насъ было въ томъ отдѣленіи вагона всего лишь четверо, и 25 минутъ отъ Царскаго Села до Петербурга пролетѣли для меня, какъ мигъ, въ неистощавшейся бесѣдѣ государя, предметами которой были: Сперанскій, Новосильцовъ, Гежелинскій, Аракчеевъ, архимандритъ Фотій, мемуары массона и другая старина. Я тутъ снова удивлялся и памяти государя на малѣйшія подробности, и самому знанію имъ этихъ подробностей, изъ числа которыхъ многія, казалось, совсѣмъ не могли бы и достигнуть той сферы, въ которой развивалась и протекала его жизнь.

Начало мая въ 1848 году было совершенно феномальнымъ. Съ первыхъ чиселъ доходило до 23° въ тѣни и, при благодатныхъ дождяхъ и нѣсколькихъ грозахъ, растительность развилась такъ, какъ бываетъ у насъ, обыкновенно, только въ половинѣ іюня. 9-го числа, въ воскресенье, послѣ обѣдни въ Царскомъ Селѣ, присутствовавшихъ при ней придворныхъ пригласили къ цесаревичу на завтракъ. Онъ былъ устроенъ на площадкѣ Камероновской галлереи, и въ продолженіе его играла внизу, въ садовой аллеѣ, военная музыка. Государь, въ разговорѣ со

мною, коснувшись моего, а потомъ и своего здоровья, сказалъ, между прочимъ, что стоящіе на дворѣ жары очень благодѣтельно на него дѣйствуютъ, а на вопросъ мой, каковъ его сонъ,—отвѣчалъ:

— Этимъ я, благодаря Богу, до сихъ поръ жаловаться не могу сплю прекрасно, но это—для меня и дѣло первой важности; безъ ѣды, или съ ѣдою самою скудною, я могу, пожалуй, обойтись хоть пять дней кряду; но спать мнѣ необходимо, и я свѣжъ и готовъ явиться на службу только тогда, когда высплюсь по крайней мѣрѣ семь или восемь часовъ въ сутки, хоть бы и не вдругъ, а съ перерывами.

Въ тотъ же день, 9-го мая, торжественно открытъ былъ Штейнбоковскій пассажъ, первый по времени построенія въ Петербургѣ, а по размѣрамъ и красотѣ одинъ изъ первыхъ въ цѣлой Европѣ. Послѣ молебствія съ водоосвященіемъ, завтрака для приглашенныхъ гостей и обѣда для рабочихъ, впустили публику; но этотъ впускъ въ первые три дни былъ только на извѣстные часы, и не даромъ, а съ платою по 50 коп. съ человѣка, за что играли постоянно два оркестра музыки и пѣлъ хоръ московскихъ цыганъ. Хозяиномъ этого пассажа былъ графъ Эссенъ-Штейнбокъ-Ферморъ, служившій нѣкогда въ Конной гвардіи и женатый на единственной дочери покойнаго петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, которая, вмѣстѣ съ графскимъ титуломъ и фамиліею Эссенъ, принесла ему и весьма значительное состояніе.

Весь май Петербургъ веселился напропалую, несмотря ни на приближавшуюся отовсюду эпидемическую холеру, ни на продолжавшую корчить всю Европу холеру моральную, въ началѣ и насъ такъ перепугавшую. Вездѣ на всѣхъ островахъ, на всѣхъ загородныхъ гуляньяхъ, гремѣли оркестры музыки, составленные всѣ, кромѣ военныхъ, изъ пріѣзжихъ иностранныхъ музыкантовъ. Политика, продолжавшая болѣе или менѣе занимать только самые высшіе классы, для всѣхъ прочихъ отошла далеко въ тѣнь, и Петербургъ, какъ бы не обращая вниманія ни на что внѣшнее, зажилъ во всемъ прежнею своею жизнію. 31-го мая желѣзная дорога привезла въ Павловскъ необъятныя толпы народа. Тамъ у великаго князя Михаила Павловича, предъ Константиновскимъ дворцомъ, вились съ пѣснями многочисленные хороводы крестьянъ изъ его Ѳедоровскаго посада и пѣли московскіе цыгане, между тѣмъ какъ въ вокзалѣ игралъ обыкновенный оркестръ Гунгля, а въ саду раздавался еще хоръ военной музыки. Цѣлое море музыки и при томъ самой разнородной, если сравнить попурри Гунгля и марши военнаго оркестра съ пискливымъ воемъ, какъ отъ немазанныхъ колесъ, русскихъ красныхъ дѣвушекъ и съ дикими, фантастическими мелодіями цыганъ.

Вдругъ пробилъ часъ холеры...

Первый заболѣлъ 4-го іюня, прибывшій на лодкѣ изъ Новой Ладоги дьяконъ Ивановъ, который однако же выздоровѣлъ. 5-го и 6-го новыхъ

случаевъ не было; но съ 7-го числа болѣзнь стала распространяться въ видѣ эпидеміи и съ 10-го чрезвычайно быстро разлилась по всѣмъ частямъ города. Заболѣвавшіе умирали, большею частію, въ нѣсколько часовъ. 17-го уже занемогло, въ одинъ день, 719 и умерло 356 человѣкъ; 23-го—1.086 и 548; 25-го—1.017 и 576. Съ этого числа эпидемія начала нѣсколько, хотя и незначительно, уменьшаться. Въ первые дни, газеты, извѣщая о числѣ заболѣвавшихъ, находили еще возможность скрашивать дѣло фразою: «Больныхъ, имѣющихъ признаки, схожіе съ признаками холеры»; но вскорѣ страшная смертность и общій ужасъ не дозволили болѣе употреблять никакихъ секретовъ и успокоительныхъ выраженій. Кто только могъ, бѣжалъ изъ города, но и за городомъ, во всѣхъ окрестностяхъ: въ Павловскѣ, въ Петергофѣ, въ Гатчинѣ; даже въ славящемся чистотою воздуха Царскомъ Селѣ, бывали частые холерные случаи; въ Кронштадтѣ же и Ораніембаумѣ болѣзнь дѣйствовала очень сильно. Кромѣ высшихъ классовъ, Петербургъ оставили и многія тысячи чернорабочихъ, пришедшихъ туда на лѣтнія работы. Объятые естественнымъ страхомъ, они, бросая всѣ надежды прибытковъ, стремились обратно на родину и умирали сотнями на дорогѣ. Гвардія, по обыкновенію, была выведена въ Красносельскій лагерь, и не въ лѣтнемъ, а въ суконномъ исподнемъ платьѣ, а военно-учебныя заведенія переправлены въ лагерь Петергофскій, прежде срока и не пѣшкомъ, какъ всегда бывало, а на пароходахъ; вступившую же въ Петербургъ, въ замѣнъ гвардіи, дивизію Гренадерскаго корпуса размѣстили не по казармамъ, а также лагеремъ на Царицыномъ лугу, Семеновскомъ плацѣ и пр. Не обошлось, какъ ожидать должно было, и безъ народнаго волненія, направленнаго впрочемъ не противъ мѣръ правительства, какъ въ 1831 году, а прямо противъ мнимыхъ отравителей [1]). Разумѣется, что тутъ не обошлось также безъ новыхъ подвиговъ со стороны нашего героя, нашей ограды, нашего великаго государя, вездѣ и всегда себѣ равнаго. Пріѣхавъ немедленно изъ Петергофа въ столицу, онъ увѣщевалъ здѣсь толпы народныя, обращая ихъ къ покорности и молитвѣ, обуздывалъ дикія страсти черни, обхаживалъ лично мясныя лавки, вразумляя о необходимости особенной въ нихъ опрятности и пр. Не могу не повторить снова, что во всякой напасти, всѣ надежды, всѣ чаянія постоянно обращались къ энергической и теплой душѣ государя, и что на немъ одномъ покоились всѣ наши упованія.

Въ Петергофѣ не было не только празднествъ, но и простаго пріема, ни 25-го іюня, ни 1-го іюля. Вслѣдствіе холеры, политическихъ

---

[1]) Не касаюсь здѣсь ни этихъ событій, ни учрежденнаго въ то время въ Петербургѣ торжественнаго крестнаго хода, потому что все это подробно описано въ современныхъ газетахъ.

обстоятельствъ и недавней кончины родителя цесаревны, дворъ провелъ эти дни въ совершенномъ уединеніи.

Но, постепенно, и испугъ отъ холеры миновался точно такъ же, какъ испугъ отъ политическихъ событій.

Лишь только унялось народное волненіе,—а оно унялось тотчасъ по появленіи государя,—все опять пошло, по наружности, какъ бы обыкновеннымъ своимъ порядкомъ, хотя въ городѣ на каждомъ шагу встрѣчался гробъ и надъ всѣми другими одеждами преобладала траурная; однако публичныя гулянья стали наполняться не менѣе прежняго; вездѣ опять раздавалась музыка, и та часть населенія, которой не поразилъ еще злой недугъ въ ея семействахъ или близкихъ, старалась, повидимому, забыться въ этихъ мнимыхъ веселіяхъ... Оффиціальное теченіе дѣлъ и управленія также не прерывалось, и ни одно изъ присутственныхъ мѣстъ не было закрыто, хотя, среди общей тревоги и множества смертныхъ случаевъ, все это шло очень вяло и большею частію только по имени.

Въ августѣ умеръ, но не отъ холеры, хотя она все еще продолжала свирѣпствовать, а отъ старческаго изнеможенія, Николай Васильевичъ Музовскій, протопресвитеръ, Александровскій кавалеръ, оберъ-священникъ гвардіи и духовникъ государя, императрицы и великой княгини Елены Павловны—почти столѣтній старецъ, о которомъ мнѣ уже не разъ случалось упоминать. Тонкій и ловкій придворный и вообще умный человѣкъ, онъ, однако, не былъ, какъ называютъ наши духовные, изъ ученыхъ и не отличался ни особеннымъ даромъ слова, ни блескомъ пера. Впрочемъ самый характеръ его духовнаго сына не давалъ Музовскому никакого надъ нимъ вліянія, и все значеніе духовника оканчивалось вмѣстѣ съ исповѣдью; отъ того и публика отдавала ему лишь почетъ, приличный его сану, отнюдь не считая его за человѣка случайнаго.

По случаю предстоявшаго бракосочетанія великаго князя Константина Николаевича, дворъ переѣхалъ 28-го августа изъ Петергофа на Елагинъ островъ, и затѣмъ самое празднество происходило въ Петербургѣ, по обычному церемоніалу, 30-го августа. Въ публикѣ, впрочемъ, нѣкоторые сіе порицали, говоря, что въ этотъ день, т. е. въ праздникъ Александра Невскаго, народъ издавна привыкъ видѣть православный царственный домъ у единственныхъ въ Петербургѣ мощей. Обрядъ бракосочетанія впервые совершалъ новый государевъ духовникъ Васильковъ, послѣ чего были трехклассный обѣдъ и парадный балъ, а на другой день утромъ разводъ передъ Зимнимъ дворцомъ и вечеромъ парадный спектакль, въ который давали балетъ «Пахиту». На меня, какъ,

вѣроятно, и на многихъ другихъ, особенное впечатлѣніе при брачной церемоніи произвели двѣ вещи. Съ одной стороны общее, обыкновенное усердіе и участіе всей большой народной семьи въ царственномъ праздникѣ. Разумѣется, что въ огромномъ стеченіи народа и передъ дворцомъ, и цѣлый день на улицахъ, участвовало отчасти и любопытство; но все же, въ ту пору судорожнаго распаденія Европы, зрѣлище этой державы, которая одна устояла неподвижно и неизмѣнно въ своихъ основахъ, этого народа, вездѣ, толпою, съ прежними криками радости и почти богопочтенія устремлявшагося на срѣтеніе своему царю; этой иллюминаціи, зажженой не въ честь революціонныхъ завоеваній (Errungenschaften—одно изъ тогдашнихъ модныхъ словечекъ), а на радость царственную, хотя бы то было и по приказанію полиціи; этого дивнаго порядка и тишины, которыхъ ничѣмъ и ни на минуту не нарушало стеченіе огромныхъ массъ; наконецъ, посреди и надъ всѣмъ этимъ, того могучаго моральнаго колосса, той единицы, которою держались милліоны, лежавшіе у его ногъ по-прежнему—все это не могло не дѣйствовать чрезвычайно поразительно, и отъ того празднество бракосочетанія великаго князя Константина Николаевича имѣло совсѣмъ другой характеръ, нежели всѣ ему предшедшіе. Но, сколько это явленіе было отрадно, столько, съ другой стороны, казалась тутъ печальною роль иностраннаго дипломатическаго корпуса, который, съ тѣхъ поръ, что правленіе вездѣ перешло изъ рукъ монарховъ въ руки народовъ, продолжалъ существовать почти только по имени. Разумѣется, что всѣмъ этимъ, блиставшимъ въ вышитыхъ мундирахъ господамъ и въ этотъ день отдавался обыкновенный внѣшній почетъ, но какое же оставалось при нихъ, въ то время, внутреннее значеніе и какъ жалки и смѣшны они должны были казаться себѣ въ собственныхъ глазахъ, особенно при такой совокупной и публичной ихъ выставкѣ!... Изъятіе составлялъ развѣ одинъ только англійскій министръ, лордъ Блумфильдъ, котораго вѣсъ поднялся въ соразмѣрность съ упадкомъ прочихъ. Всѣхъ жальче былъ посланникъ виртембергскій, принцъ Гогенлоэ, пріѣхавшій къ намъ за 24 года передъ тѣмъ, у насъ влюбившійся, вступившій въ бракъ, опять овдовѣвшій, состарѣвшійся, отчужденный, черезъ долговременное пребываніе въ Россіи, отъ своего отечества и отъ всѣхъ въ немъ связей и, вдругъ, какъ человѣкъ de l'ancien régime, лишаемый своего поста, отзываемый восвояси [1]), безъ пенсіи и безъ всякаго состоянія, потому что онъ жилъ почти однимъ посланническимъ своимъ содержаніемъ. Бѣдный человѣкъ, какъ онъ печально разсказывалъ это всѣмъ, кому только угодно было его слушать!

Я сказалъ, что праздникъ происходилъ по обычному церемоніалу.

---

[1]) Онъ впослѣдствіи, оставивъ службу, навсегда остался въ Россіи.

Это такъ, но были нѣкоторыя изъятія изъ того, что̀ велось искони въ дворцовыхъ преданіяхъ. Такъ, напримѣръ, за обѣдомъ, по особому повелѣнію государя, не подавали ни стерлядей, ни трюфелей, ни мороженаго, изъ предосторожности противъ холеры, все еще не прекращавшейся, но не помѣшавшей однако разлиться тутъ цѣлому морю шампанскаго, какъ и вообще не замѣтной по движенію и беззаботному веселію народа, хотя еслибъ свадьба случилась три мѣсяца раньше, при ней присутствовало бы пятнадцатью тысячами зрителей болѣе,—число жертвъ унесенныхъ эпидеміею, въ этотъ короткій промежутокъ, въ одномъ Петербургѣ. Со страхомъ исчезли и полезныя напоминанія смертоноснаго недуга, хотя на другой день можетъ быть и изъ этой веселой толпы пало нѣсколько десятковъ новыхъ его жертвъ. Другое изъятіе состояло въ томъ, что не послѣдовало ни одной награды придворной, какъ и вообще ни одной, изшедшей непосредственно отъ государя. Касательно первыхъ онъ отозвался, что не будетъ никому ничего, потому что при дворѣ и безъ того довольно случаевъ къ наградамъ, и лица, состоявшія при великомъ князѣ, остались только съ тѣмъ, что̀ каждый изъ нихъ получилъ ко дню его совершеннолѣтія.

18-го сентября, за маленькимъ обѣдомъ во дворцѣ государь очень разсмѣшилъ всѣхъ насъ и самъ очень смѣялся, разсказывая сонъ свой въ предшедшую ночь.

— Я видѣлъ,—говорилъ онъ,—будто мнѣ кѣмъ-то поручено удостовѣриться: настоящій ли у герцога Веллингтона носъ, или картонный, и что для этого я щелкалъ его по носу, который, казалось, звучалъ точно картонный!

Послѣ обѣда государь былъ безподобенъ. Привели дѣтей цесаревича, и онъ игралъ, валялся и кувыркался съ ними, на огромномъ *tapé*, какъ самая нѣжная нянька, приговаривая нѣсколько разъ, что не знаетъ счастія выше этого.

На зиму 1848 года ангажирована была нашею театральною дирекціею знаменитая танцовщица Фанни Эльслеръ. Государь изъявилъ желаніе, чтобы первый дебютъ ея былъ передъ дворомъ въ Царскомъ Селѣ, что̀ и послѣдовало 19-го сентября. Хотя тамъ есть особый и очень хорошенькій театръ, но императоръ Николай, не знаю почему, не жаловалъ, чтобы въ немъ играли, и оттого спектакли, бывавшіе въ Царскомъ Селѣ, во время осенняго пребыванія императорской фамиліи, обыкновенно каждое воскресенье, давались въ Большомъ дворцѣ, въ особо устроенной для нихъ залѣ, сцена которой была очень удобна для комедій и водевилей, но слишкомъ мала для піесъ «съ великолѣпнымъ

спектаклемъ», въ особенности же для балетовъ. Оттого дебютъ Фанни Эльслеръ ограничился единственно качучею, исполненною между французскою и русскою піесами. Въ присутствіи государя придворный этикетъ запрещалъ аплодировать прежде него; но и вслѣдъ за нимъ, по нѣкоторой робости, аплодировали лишь очень немногіе и очень слегка. Вслѣдствіе того, передъ появленіемъ нашей танцовщицы, объявлено было присутствовавшимъ, изустно, семиоффиціальное повелѣніе хлопать погромче, parce que l'Empereur se plaignait qu'il restait toujours tout seul. Разумѣется, что этого достаточно было для возбужденія самыхъ громкихъ аплодисментовъ, и Эльслеръ заставили даже повторить ея качучу.

Въ октябрѣ 1848 года одна изъ прогулокъ государя, въ 7-мъ часу послѣ обѣда, по царскосельскимъ садамъ, дала поводъ къ забавному анекдоту. При довольно сильномъ туманѣ, онъ вдругъ замѣтилъ, сквозь обыкновенную нашу осеннюю мглу, огненный шаръ, носившійся, казалось, высоко въ небесахъ и ежеминутно мѣнявшійся въ цвѣтѣ. По возвращеніи во дворецъ, государь тотчасъ послалъ фельдъегеря на Пулковскую обсерваторію спросить: замѣчено ли тамъ это явленіе и обращено ли на него должное вниманіе? Отвѣтъ былъ, что ничего не видѣли и что при томъ густой туманъ не позволялъ вообще никакихъ наблюденій. Позже, когда придворные собрались на обыкновенный вечеръ у императрицы, государь разсказалъ передъ всѣми о видѣнномъ имъ феноменѣ, и что же оказалось? Гофмаршалъ цесаревича, Олсуфьевъ, чистосердечно сознался, что это былъ воздушный шаръ изъ разноцвѣтной бумаги, освѣщенный извнутри нѣсколькими свѣчами и пущенный имъ для забавы своихъ дѣтей! Отъ тумана онъ принималъ разныя фантастическія формы и при томъ представлялся по виду въ гораздо большемъ отдаленіи.

Осенью 1848 года государю безпрестанно приходилось быть на похоронахъ. 9-го октября, онъ присутствовалъ на погребеніи стараго адмирала Моллера, занимавшаго нѣкогда постъ морскаго министра, а 11-го почтилъ опять своимъ присутствіемъ отпѣваніе тѣла князя Долгорукаго, генералъ-адъютанта и начальника штаба генералъ-фельдцейхмейстера. Послѣдняя церемонія едва не сдѣлалась, косвенно, причиною несчастія. Всходя, передъ похоронами, на лѣстницу въ Зимнемъ дворцѣ, крѣпко налощенную, государь поскользнулся и упалъ на то самое плечо, въ которомъ уже прежде была у него переломлена ключица. Ушибъ обошелся, однако, безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, хотя государь и сказывалъ, что боль отъ него была въ этотъ разъ гораздо чувствительнѣе, чѣмъ тогда, когда онъ сломалъ себѣ ключицу.

Въ первой половинѣ сентября, у графа Левашова, послѣ съѣденной имъ дыни, сдѣлался жестокій припадокъ холеры. Этотъ припадокъ постигъ его въ купленномъ имъ незадолго передъ тѣмъ имѣніи Осиновой рощѣ (за Парголовымъ); но потомъ признаки холеры миновались, и больнаго, хотя онъ и находился еще въ смертельной слабости, сочли возможнымъ перевезти въ Петербургъ. Между тѣмъ, наступилъ срокъ къ возобновленію засѣданій Государственнаго Совѣта, послѣ вакантнаго времени и, по законамъ Совѣта, оно должно было послѣдовать, за болѣзнію Левашова, подъ предсѣдательствомъ старшаго изъ предсѣдателей департаментовъ. Дѣйствительно, дней за пять до понедѣльника, упавшаго въ тотъ годъ на 20-е сентября, разосланы были повѣстки о назначеніи на этотъ день засѣданія, какъ вдругъ, наканунѣ его, мы получили новыя повѣстки, объявившія, что «объ открытіи засѣданій Совѣта послѣ вакантнаго времени имѣетъ послѣдовать особое извѣщеніе». Впослѣдствіи государственный секретарь Бахтинъ сказывалъ мнѣ, что это измѣненіе состоялось по особому, имъ написанному, докладу Левашова, имѣвшаго, впрочемъ, при отданіи приказанія о томъ, видъ человѣка, которому на слѣдующій понедѣльникъ скорѣе предстоитъ смерть, нежели выздоровленіе, особливо въ такой степени, чтобы ѣхать въ Совѣтъ. Государь принялъ этотъ докладъ съ крайнимъ неудовольствіемъ, какъ вещь, выходившую изъ общаго порядка, и хотя возвратилъ его съ надписью: «Совершенно согласенъ», но потому собственно, какъ онъ выразился, чтобы не убить окончательно человѣка, безъ того уже, вѣроятно, обреченнаго на смерть. Вслѣдъ затѣмъ Левашову сдѣлалось гораздо хуже. Наслѣдникъ цесаревичъ и самъ государь нарочно пріѣзжали изъ Царскаго Села съ нимъ проститься, и, наконецъ, 23-го сентября окончились его страданія. Онъ умеръ въ полной памяти, но не имѣвъ утѣшенія видѣть себя настоящимъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, что̀, безъ сомнѣнія, послѣдовало бы, еслибъ онъ дожилъ только до новаго года. Отличительными чертами графа, при усердномъ и безотчетномъ исполненіи воли царской, были: тираническій деспотизмъ надъ всѣмъ, отъ него зависѣвшимъ, и, несмотря на очень ограниченную способность къ дѣлу, безмѣрное тщеславіе. Государь выразился о немъ такъ: «Душевно жалѣю о Левашовѣ, потому что видѣлъ съ его стороны всегда самое строгое и ревностное исполненіе моихъ приказаній». Въ публикѣ онъ не пользовался ни особымъ довѣріемъ, ни большимъ уваженіемъ. Кто-то дивился, ка́къ онъ могъ подпасть холерѣ при своемъ постоянно умѣренномъ образѣ жизни.

— Да,—отвѣчалъ одинъ изъ нашихъ остряковъ,—надо ему отдать справедливость: онъ всегда былъ у м ѣ р е н ъ и не только въ образѣ жизни, но во всемъ: въ умѣ, въ способностяхъ, въ правилахъ. . . . .

Замѣчательно, ка̀къ тщеславіе Левашова выразилось даже въ одномъ

изъ предсмертныхъ его распоряженій. Онъ завѣщалъ положить себя въ гробъ—въ новомъ парикѣ, въ которомъ не было бы ни одного сѣдаго волоса. «Хочу,—говорилъ онъ,—лечь и въ землю молодцомъ». Въ самомъ дѣлѣ, хотя ему слѣдующаго 10-го октября исполнилось бы 66 лѣтъ, онъ, здоровый, былъ еще совершеннымъ молодцомъ, даже со всѣми пріемами молодаго человѣка, которымъ вполнѣ соотвѣтствовали его фигура и весь наружный видъ.

Съ Левашовымъ угасъ послѣдній членъ того тройственнаго союза (состоявшаго изъ Васильчикова, Дашкова и его, Левашова), который еще такъ недавно стоялъ во главѣ нашего управленія и которому одинъ забавникъ давалъ имя фамильнаго—(вмѣсто Государственнаго) Совѣта.

При выносѣ тѣла изъ дому въ Невскую Лавру присутствовали: государь, цесаревичъ и великій князь Михаилъ Павловичъ, которые и провожали потомъ гробъ верхами до Литейной. На отпѣваніи ихъ не было.

Вопросъ о вновь упразднившемся, со смертію графа Левашова, мѣстѣ разрѣшился на этотъ разъ гораздо скорѣе, чѣмъ въ предшедшемъ году и при томъ совсѣмъ иначе, нежели предвидѣла большая часть публики. Вмѣсто, какъ думали, графа Блудова, предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ былъ назначенъ, 2-го ноября, военный министръ князь Чернышевъ, съ оставленіемъ и въ прежнемъ званіи. При этомъ случаѣ князь разсказалъ мнѣ объ одномъ, очень примѣчательномъ словѣ, отлично характеризовавшемъ императора Николая.

— Въ публикѣ,—сказалъ онъ Чернышеву,—думаютъ, что ты мнѣ служишь; ну, пусть себѣ такъ и думаютъ, а мы про себя знаемъ, что оба вмѣстѣ служимъ одному общему, высшему монарху — благу Россіи!

Зимою 1844 года я часто видѣлся и бесѣдовалъ съ бывшимъ, въ концѣ двадцатыхъ и въ началѣ тридцатыхъ годовъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ, графомъ Арсеніемъ Андреевичемъ Закревскимъ. Состоявъ прежде дежурнымъ генераломъ Главнаго штаба, а потомъ финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, онъ, при назначеніи его министромъ, принесъ съ собою въ управленіе, несмотря на недостатокъ высшаго образованія, очень много усердія, добросовѣстности и правдивости и, сверхъ того, очень энергическій характеръ, доходившій, въ незнаніи угодливости сильнымъ, нерѣдко до строптивости. Возстановивъ противъ себя черезъ эту черту всѣхъ пользовавшихся властію (въ особенности предсѣдателя Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ, князя Кочубея), Закревскій, естественно, не могъ долго удержаться на мѣстѣ.

Начало его опалѣ положено было знаменитымъ проектомъ закона о состояніяхъ, разсматривавшимся въ Государственномъ Совѣтѣ въ 1830 году.

— Я не только,—разсказывалъ онъ мнѣ,—сопротивлялся всѣми силами этому нелѣпому проекту, но и осмѣлился даже въ Совѣтѣ, въ присутствіи государя, собиравшагося тогда за границу, сказать, что первымъ условіемъ для изданія новаго закона считаю—присутствіе его величества въ столицѣ.

— Почему же? — спросилъ государь съ весьма раздраженнымъ видомъ.

— Потому,—отвѣчалъ я,—что невозможно предвидѣть, какія послѣдствія будетъ имѣть этотъ государственный переворотъ, и я, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, не могу принять на себя отвѣтственности за сохраненіе народнаго спокойствія въ отсутствіе вашего величества.. Прямаго возраженія не послѣдовало, и хотя проектъ былъ отложенъ и потомъ совсѣмъ взятъ назадъ, однако, съ тѣхъ именно поръ государь видимо ко мнѣ охладѣлъ, а Кочубеи, мужчины и женщины, во всѣхъ поколѣніяхъ и во всей ихъ роднѣ, еще болѣе на меня озлобились, потому что проектъ, какъ вы знаете, былъ созданіемъ этой ватаги, вмѣстѣ съ Сперанскимъ. Потомъ, при появленіи у насъ впервые холеры, государь командировалъ меня, какъ вы тоже знаете, во внутрь Россіи, для мѣстныхъ распоряженій, а позже назначилъ главнымъ распорядителемъ по всѣмъ мѣрамъ противъ болѣзни въ столицѣ. Здѣсь, увидясь со мною на другой день послѣ несчастныхъ іюньскихъ (въ 1831 году) происшествій на Сѣнной, онъ спросилъ: чему я приписываю народное волненіе?

— Единственно распоряженіямъ и злоупотребленіямъ полиціи.

— Это что значитъ?

— То, государь, что полиція силою забираетъ и тащитъ въ холерныя больницы и больныхъ, и здоровыхъ, а потомъ выпускаетъ только тѣхъ, которые отплатятся.

— Что это за вздоръ,—закричалъ государь, видимо разгнѣванный,— Кокошкинъ [1]), доволенъ ли ты своею полиціею?

— Доволенъ, государь.

— Ну и я совершенно тобою доволенъ.

Съ этимъ словомъ онъ отвернулся и ушелъ въ другую комнату.

— Тутъ я еще болѣе убѣдился, продолжалъ Закревскій, что мой часъ насталъ: такая очная ставка съ подчиненнымъ и такое предпочтеніе его передо мною ясно доказывали, что мнѣ уже не оставаться министромъ. Я хотѣлъ только докончить нѣкоторыя, особо мнѣ данныя

---

[1]) Императоръ Александръ II написалъ вмѣсто ноября: „октября“.

порученія, а потомъ откланяться. Между тѣмъ, дѣло нѣсколько оттянулось оттого, что государь велѣлъ мнѣ ѣхать въ Финляндію [1]), для наблюденія за расположеніемъ тамъ умовъ по случаю революціи въ Польшѣ. Я остался въ Финляндіи до извѣстія объ окончаніи польскаго мятежа и, воротясь въ концѣ ноября [2]) (1831 г.), въ самую минуту отъѣзда государя изъ Петербурга, послалъ просьбу объ отставкѣ, застигшую его еще въ Царскомъ Селѣ. Отставка дана мнѣ была тотчасъ же, безъ затрудненій, безъ объясненій и даже безъ личнаго свиданія.

Съ моей стороны, думаю, что немилости, въ которую впалъ тогда Закревскій, наиболѣе способствовали слишкомъ крутыя мѣры, принятыя имъ во время объѣзда Россіи по случаю холеры [3]). Помню, что въ то время было много неудовольствій и жалобъ, и въ числѣ моихъ бумагъ за ту эпоху встрѣчаю слѣдующія строки князя Кочубея:

«Изъ докладной записки г-на министра внутреннихъ дѣлъ вы увидите, что онъ наконецъ и самъ почувствовалъ все неудобство мѣръ, прежде имъ къ охраненію отъ холеры предписанныхъ. Я совершенно раздѣляю мнѣніе Комитета по сему предмету (эта записка была отъ 4-го іюля 1831 года, когда Кочубей жилъ, по случаю холернаго карантина, въ Царскомъ Селѣ). Страшно подумать, что по одному Московскому тракту скопилось въ карантинахъ до 12 тыс. душъ. Нѣтъ добрѣе и смирнѣе нашего народа!»

Какъ бы то ни было, но, съ самаго своего увольненія, Закревскій, не доискиваясь утраченной милости, не домогаясь вступленія снова въ службу, при огромномъ состояніи довольный своимъ положеніемъ, многіе годы проводилъ то въ Москвѣ, то въ чужихъ краяхъ, то въ Петербургѣ, гдѣ въ сороковыхъ годахъ перестроилъ и великолѣпно отдѣлалъ и убралъ домъ свой, на площади противъ Исаакіевскаго собора. Уважаемый за прямоту характера, любимый по русской привѣтливости и простотѣ въ обращеніи, радушный хозяинъ и пріятный собесѣдникъ по множеству интересныхъ воспоминаній, онъ жилъ въ большомъ свѣтѣ, не гнушаясь, впрочемъ, и старинными знакомыми.

— Когда же вы впервые свидѣлись съ государемъ послѣ вашего увольненія?—спросилъ я однажды у графа.

— Не прежде какъ черезъ д е в я т ь лѣтъ. Бывавъ часто въ это время въ Петербургѣ, я всегда избѣгалъ свиданія съ нимъ и съ намѣреніемъ не являлся даже на тѣ частные балы, гдѣ ожидали его при-

---

[1]) Закревскій, при должности министра внутреннихъ дѣлъ, продолжалъ сохранять и званіе финляндскаго генералъ-губернатора.

[2]) Оберъ-полиціймейстеръ, тутъ же находившійся.

[3]) Императоръ Александръ II написалъ: „Справедливо, и я то же слышалъ отъ батюшки".

сутствія. Но однажды мы встрѣтились на вечерѣ у Юсупова, куда онъ пріѣхалъ изъ театра. Замѣтивъ меня за партіею, онъ самъ подошелъ, обнялъ меня и привѣтствовалъ нѣсколькими ласковыми вопросами о здоровьи, на которые я отвѣчалъ, что чувствую себя лучше, чѣмъ когда-нибудь. Съ тѣхъ поръ мы уже часто стали видѣться, но всегда только въ публикѣ. Онъ говорилъ мнѣ тутъ обыкновенно нѣсколько милостивыхъ словъ, но покушеній къ сближенію не было никогда ни съ его, ни съ моей стороны.

Вскорѣ послѣ того, графъ Закревскій началъ давать во вновь отдѣланномъ своемъ домѣ прекрасные балы, на которые являлся весь большой свѣтъ и, во главѣ его, великій князь Михаилъ Павловичъ, а въ 1847 году, неожиданно для публики, если не для самого хозяина, пріѣхали и государь съ наслѣдникомъ цесаревичемъ, что повторилось также зимою 1848 года. Въ это время князь Щербатовъ, единожды уже, какъ я разсказывалъ, оставившій службу по оскорбленному честолюбію, снова огорчился пожалованіемъ въ статсъ-дамы, къ тезоименитству императрицы, графини Левашовой и Мятлевой, которыя обѣ, по званію мужей, стояли ниже его жены, и вслѣдствіе того, въ маѣ прислалъ просьбу объ увольненіи его отъ званія московскаго военнаго генералъ-губернатора. Она была принята, съ оставленіемъ его только членомъ Государственнаго Совѣта. Но кто былъ назначенъ на его мѣсто? Тотъ самый графъ Закревскій, который уже за пятнадцать лѣтъ прежде занималъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ и, казалось, навсегда отказался отъ службы... Петербургская публика приняла этотъ выборъ съ большимъ одобреніемъ, и никто не сомнѣвался, что Закревскій, честный, энергическій, богатый русскій баринъ, придется Москвѣ совершенно по плечу; удивлялись только, какъ самъ онъ, избалованный долговременною свободою жизни и ни въ чемъ не нуждаясь, согласился взять на себя постъ, по сравненію ниже его прежняго, и считали это почти за такую же жертву волѣ государя, какъ передъ тѣмъ принятіе Воронцовымъ кавказскаго мѣста. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Закревскому возвращено было прежнее званіе генералъ-адъютанта, а 2-го ноября того же года онъ пожалованъ и въ члены Государственнаго Совѣта.

Одновременно съ извѣстіемъ объ отреченіи герцога Альтенбургскаго пришло и другое, въ сравненіи и безъ сравненія съ первымъ колоссальное—о такомъ же отреченіи отъ своей короны австрійскаго императора Фердинанда, этого бѣднаго юродиваго, который, среди тогдашнихъ громадныхъ переворотовъ, требовавшихъ необыкновенной энергіи, ума и характера, сдѣлался, такъ сказать, невозможнымъ на престолѣ. Генералъ-адъютантъ баронъ Ливенъ, посланный въ Вѣну съ нашими орденами для Виндишгреца и Іеллашича и только-что воротившійся съ

благодарственными отъ нихъ письмами, ничего не зналъ о готовившемся, какъ вдругъ въ ночь съ 26-го на 27-е ноября прискакалъ въ Петербургъ эрцгерцогъ Вильгельмъ, съ извѣстіемъ о вступленіи на австрійскій престолъ, 20-го ноября (2-го декабря), слѣдственно въ тотъ самый день, въ который праздновалось восшествіе на престолъ нашего государя, молодаго эрцгерцога Франца-Іосифа. Вѣстникъ этой перемѣны остановился въ такъ называемомъ запасномъ домѣ, на Дворцовой набережной, и 27-го числа уже присутствовалъ на большомъ парадѣ гвардейскаго корпуса, предназначенномъ на этотъ день тогда еще, когда никому не приходило на мысль ожидать пріѣзда эрцгерцога. Привезенное имъ извѣстіе, несмотря на всю его важность, не произвело на нашу публику ни особеннаго, ни продолжительнаго впечатлѣнія. Она такъ уже была блазирована исполинскими происшествіями того года, что никакое новое событіе не казалось ей болѣе ни поразительнымъ, ни неожиданнымъ.

Съ отвѣтомъ на миссію эрцгерцога Вильгельма, т. е. съ поздравленіемъ новаго императора, государь послалъ въ Вѣну [1]) великаго князя Константина Николаевича.

Баронъ Ливенъ, о посылкѣ котораго въ Вѣну я сейчасъ упомянулъ, отвезъ фельдмаршалу Виндишгрецу орденъ Св. Апостола Андрея съ брильянтами и Бану Іеллашичу орденъ Св. Владиміра 1-й степени. Эти награды пожалованы имъ были императоромъ Николаемъ за укрощеніе революціонно-анархическихъ движеній въ Австріи и за взятіе взбунтовавшейся Вѣны. Отправляя Ливена, государь замѣтилъ, что какъ орденскіе знаки съ брильянтами носятся только въ торжественныхъ случаяхъ, то Виндишгрецу нужна, для обыкновенныхъ дней простая звѣзда; вслѣдствіе чего велѣлъ снять такую съ надѣваннаго имъ въ тотъ день мундира.

— Отдай ее князю — прибавилъ онъ, обращаясь къ Ливену — и скажи ему, что я самъ носилъ на себѣ эту звѣзду шесть лѣтъ.

Виндишгрецъ отвѣчалъ прекраснымъ письмомъ, въ которомъ, благодаря государя, писалъ, что эта звѣзда будетъ обращена имъ въ зазвѣтный маіоратъ, долженствующій навсегда сохраняться въ старшемъ поколѣніи его дома. Іеллашичъ, съ своей стороны, принимая отъ Ливена Владимірскій орденъ, сказалъ: «que cela lui prouvait que Pétersbourg était plus près de Vienne qu'Olmutz [2]). — Въ самомъ дѣлѣ, и онъ, и Виндишгрецъ, получили за свои подвиги австрійскіе ордена уже гораздо позже нашихъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Императоръ Александръ II исправилъ: „въ Ольмюцъ, гдѣ послѣ вѣнскихъ смутъ находилась тогда вся императорская семья".

[2]) Что это ему доказываетъ, что Петербургъ былъ ближе отъ Вѣны, чѣмъ Ольмюцъ.

Черновой набросокъ письма А. С. ПУШКИНА

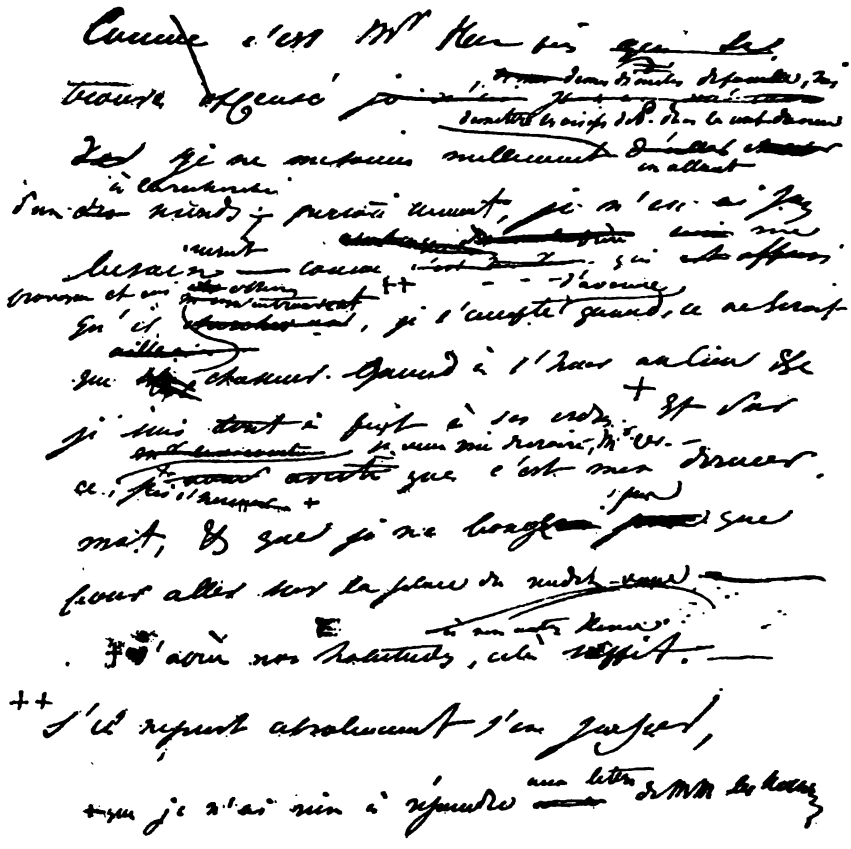
къ виконту д'Аршіаку отъ 27-го января 1837 года.

Второй найденный нами въ архивѣ Брюлловыхъ автографъ А. С. Пушкина, снимокъ съ котораго помѣщаемъ ниже, написанъ на полулистѣ бѣлой не высокаго качества писчей бумаги (фабрики Гончарова) [1]), представляющемъ часть обложки стихотвореній поэта [2]). Автографъ этотъ—черновой набросокъ письма Пушкина къ виконту д'Аршіаку отъ 27-го января 1837 г., письма, которымъ закончились письменные переговоры поэта съ секундантомъ Дантеса о дуэли, состоявшейся, какъ извѣстно, вечеромъ того же дня. Въ началѣ десятаго часа утра (27-го января) получивъ записку д'Аршіака, требующую, очевидно, немедленнаго отвѣта, Пушкинъ тотчасъ взялъ первый попавшійся подъ руку листокъ бумаги и набросалъ слѣдующія строки.

---

[1]) Водяные знаки: А. Г.

[2]) На обратной сторонѣ автографа написано: Стихотворенія Пушкина. II.



Набросокъ этотъ—документъ во многихъ отношеніяхъ любопытный.

Во-первыхъ, самая внѣшность его краснорѣчиво говоритъ и о томъ состояніи, въ которомъ писалъ Пушкинъ это роковое письмо, и о той не легкой работѣ, которую пришлось употребить поэту на его составленіе. Онъ писанъ неровнымъ почеркомъ, весь испещренъ помарками, въ немъ не оставлено ни одного выраженія не передѣланнаго; зачеркнуты не разъ однѣ и тѣ же фразы (порой лишь начатыя), одни и тѣ же слова, рядомъ поставленныя; сдѣлано нѣсколько выносокъ, въ свою очередь подвергнутыхъ поправкамъ или выпущенныхъ при переписке... Очевидно, Пушкину стоило немалыхъ усилій дать послѣдній отвѣтъ секунданту своего противника, отвѣтъ, который онъ не рѣшился написать прямо на-бѣло.

Во-вторыхъ, содержаніе этого чернового наброска, въ общемъ сходное съ бѣловымъ, различествуетъ съ послѣднимъ въ частностяхъ и заключаетъ въ себѣ немало цѣнныхъ особенностей и варіантовъ.

Письмо въ окончательной редакціи, въ которой оно было послано къ д'Аршіаку, читается такъ:

«Monsieur le vicomte! Je ne me soucie nullement de mettre les oisifs
e Pétersbourg dans la confidence de mes affaires de famille; je me re-
use donc à tout pour parler entre seconds. Je n'amènerai le mien que
ur la place du rendez-vous. Comme c'est m-r Heckeren qui me provoque
t qui est offensé, il peut m'en choisir un, si cela lui convient; je l'ac-
epte d'avance, quand ce ne serait que son chasseur. Quant à l'heure, au
eu, je suis tout-à-fait à ses ordres. D'après nos habitudes à nous autres
usses cela suffit. Je vous prie de croire, m-r le vicomte, que c'est mon
ernier mot, et que je n'ai de plus à répondre à rien de ce qui con-
erne cette affaire, et que je ne bouge plus que pour aller sur place.
euillez accepter l'assurance de ma parfaite considération.—A. Ponch-
ine» [1]).

Обратимся къ черновику. Онъ начинается рѣшительной фразой, на-
ертанной рѣшительнымъ почеркомъ: «Comme c'est monsieur Heckeren
s qui se trouve offensé», затѣмъ слѣдовало выраженіе, начинающееся
овами «je n'ai», при чемъ это «je n'ai» было зачеркнуто и написано
новь съ прибавкой «nullement de»; наконецъ, все это начало главнаго
редложенія зачеркнуто и замѣнено другимъ: «je ne me soucie nulle-
ent d'aller à la recherche [2]) d'un second» [3]); затѣмъ слѣдуетъ фраза:
ersonnellement, je n'en ai pas besoin» [4]). Если предположить, что
ервое придаточное предложеніе («comme c'est monsieur Heckeren fils
ui se trouve offensé») зачеркнуто, а поправки, внесенныя надъ главнымъ
редложеніемъ (je ne me soucie nullement и т. д.) сдѣланы послѣ, то
ачало письма въ первой редакціи легко возстановляется, и его можно
рочесть такъ: «Comme c'est monsieur Heckeren fils qui se trouve offen-
é, je ne me soucie nullement d'aller à la recherche d'un second; person-
ellement, je n'en ai pas besoin», то-есть: «Такъ какъ господинъ Гек-
ернъ-сынъ считаетъ себя оскорбленнымъ, то совсѣмъ не моя забота—
скать какого бы то ни было секунданта; я, собственно, въ немъ не
уждаюсь». Какъ видимъ, фраза—вполнѣ опредѣленнаго смысла и като-
орическаго характера. Поэтъ, очевидно, не желалъ признавать себя
скорбителемъ Дантеса (онъ написалъ: «Comme c'est m-r Heckeren fils
ui se trouve offensé»), готовъ былъ считать дуэль не имѣющей до-
таточныхъ основаній и во всякомъ случаѣ рѣшительно отказывался
ъ обязанности искать какихъ бы то ни было секундантовъ, каковая
ысль выражена ясно въ двухъ послѣднихъ предложеніяхъ.

Таково было начало письма, за которымъ, смѣемъ думать, предпо-

---

[1]) Сочиненія А. С. Пушкина. С.-Пб. 1887 г., т. VII, стр. 419—420. Переводъ помѣщенъ тамъ же, стр. 437.

[2]) Поправлено вмѣсто некрасиваго выраженія: „d'aller chercher".

[3]) Первоначально было: „des seconds".

[4]) Слово, находящееся надъ словомъ besoin,—неразобрано.

лагалось сдѣлать и скорый конецъ. Но, набросавъ только-что приведенныя строки, Пушкинъ остановился. Вспомнивъ свое рѣзкое письмо къ Геккерну-отцу, посланное имъ 25-го января того же года (то-есть за два дня передъ настоящимъ) [1]), въ которомъ онъ называлъ его сына своего будущаго убійцу, не иначе qu'un pleutre et qu'un chenapan («дрянью и негодяемъ») и т. п., а дѣйствія самого барона уподоблялъ продѣлкамъ «une obscène vieille» («старой развратницы»); вспомнивъ тѣ до невозможности подлыя интриги, которыми преслѣдовали его въ послѣдніе дни, наконецъ, двѣ, одна за другой слѣдовавшія, настойчивыя записки услужливаго виконта, поэтъ понялъ, что отступать передъ нахальными дѣйствіями задѣтыхъ имъ по-дѣломъ своихъ враговъ, разыгравшихъ изъ себя оскорбленныхъ, невозможно, какъ невозможно было идти по иной дорогѣ, чтобы выбраться изъ этого тяжелаго положенія, кромѣ той, на которую его толкали; къ тому же первый шагъ по ней былъ сдѣланъ самимъ поэтомъ.

И онъ перестраиваетъ письмо, внося въ него, между прочимъ, важную поправку: вмѣсто прежняго «comme c'est m. Heckeren fils qui se trouve offensé» онъ пишетъ «comme c'est m. Heckeren qui me provoque et qui est offensé и набрасываетъ вновь въ формѣ приблизительно сходной съ той, въ которой оно было написано на-бѣло.

Намъ остается отмѣтить лишь слѣдующія особенности: въ бѣловомъ наброскѣ есть фразы, которыхъ нѣтъ въ черновомъ и наоборотъ. Такъ, при перепискѣ вышущена такая любопытная фраза, поставленная подлѣ только-что выраженнаго желанія принять секунданта противника, «s'il (то-есть Дантесъ) ne peut absolument s'en passer» [2]), кромѣ того вмѣсто фразы: «je n'ai de plus à répondre à rien de ce qui concerne cette affaire», въ черновомъ читаемъ «je n'ai rien à répondre aux lettres des messieurs les Heckerens» [3]).

Сообщилъ **Ив. Кубасовъ.**

---

[1]) Сочиненія А. С. Пушкина, ст. VII, стр. 416—417.

[2]) „Если онъ совершенно не можетъ обойтись безъ этого".

[3]) Изъ вновь опубликованныхъ матеріаловъ относительно послѣдней дуэли Пушкина и перепискѣ, ей предшествовавшей, см.: „Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ.—Подлинное военно-судное дѣло 1837 г.", Спб. 1900; „Пушкинъ. Документы Государственнаго и Спб. главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ", Спб. 1900; см. также статью Б. В. Никольскаго „Послѣдняя дуэль Пушкина" („Историч. Вѣстникъ" 1899, XI), замѣтку Е. Ляцкаго въ „Русск. Старинѣ" 1900, кн. I.

ВЪ БОЛГАРІИ.

(Воспоминанія офицера генеральнаго штаба).

IV [1]).

Политическія партіи въ Болгаріи.—Представители Россіи: А. П. Давыдовъ и полковникъ А. А. Шепелевъ.—Графъ Кёвенгюллеръ, представитель Австріи, и его интриги.—Драганъ Цанковъ.

Я упомянулъ уже имя г. Давыдова, нашего дипломатическаго агента въ Болгаріи. Человѣку этому суждено было играть большую роль въ первые мѣсяцы правленія князя Александра и къ сожалѣнію роль, не полезную ни для Болгаріи, ни для Россіи. Воспитанникъ Московскаго университета, связанный родственными связями съ знатными русскими домами и весьма этимъ гордившійся [2]), Александръ Петровичъ Давыдовъ большую часть своей дипломатической службы провелъ за границей на западѣ Европы и много лѣтъ жилъ въ Англіи. Востока вообще, а Болгаріи въ частности не зналъ и ею не интересовался, даже наоборотъ: назначеніе на постъ представителя Россіи въ Болгаріи принято было имъ съ нескрываемымъ неудовольствіемъ. Пожилой холостякъ, избалованный комфортомъ европейскихъ городовъ, Давыдовъ крайне брюзгливо относился къ условіямъ жизни въ Софіи и къ самымъ болгарамъ. Большой баринъ по взглядамъ и считавшій себя аристократомъ по происхожденію, Давыдовъ не переваривалъ болгарскихъ порядковъ; болгарскій демократизмъ былъ для него

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль 1900 г.

[2]) Онъ любилъ повторять въ разговорѣ: „мой братъ“ (единоутробный) „графъ Орловъ-Давыдовъ“, „моя тетка княгиня Z“ и т. п.

невыносимъ, и онъ естественно давалъ предпочтеніе тѣмъ лицамъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ, которыя усвоили себѣ европейскій обликъ, приличную внѣшность и манеры. Будучи довольно откровененъ, а иногда и рѣзокъ въ сужденіяхъ, Давыдовъ не скрывалъ своихъ воззрѣній, а София, хотя и столица, была все же маленькимъ городкомъ, со всѣми условіями провинціи. Благодаря крутой перемѣнѣ въ народной жизни, очень либеральной конституціи, свободѣ печати, политиканство развилось въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Народилась масса газетъ всевозможныхъ оттѣнковъ; всѣ занимались политикой и конечно ловили на-лету слова и сообщенія наиболѣе высоко стоявшихъ лицъ, часто криво ихъ истолковывая. Весьма скоро всѣмъ стало извѣстно, что Давыдовъ врагъ болгарской конституціи, а этого было довольно, чтобы считать его врагомъ болгарской самобытности, а затѣмъ врагомъ и Болгаріи.

Еще во время Тырновскаго учредительнаго собранія, созванные для выработки конституціи депутаты раздѣлились на двѣ главныя группы: одна, стремившаяся къ учрежденію 2-хъ палатъ и къ ограниченію конституціи, другая, стремившаяся къ расширенію конституціонныхъ правъ, свободѣ печати, собраній, одной палатѣ и т. д. Послѣдняя партія называлась одно время народной, а представители ея—народниками. Была версія и довольно правдоподобная, что названіе консерваторовъ и либераловъ, данное этимъ двумъ партіямъ (при чемъ, понятно, народники названы либералами), исходило отъ Давыдова. Консерваторъ по природѣ, по предшествующей службѣ и по родственнымъ связямъ, Давыдовъ не взлюбилъ либераловъ и хотя не особенно благоволилъ къ болгарскимъ консерваторамъ, но все же держалъ ихъ сторону. На бѣду консерваторовъ надо было считать всего десятками, огромное же большинство принадлежало къ либераламъ, преимущество которыхъ заключалось еще и въ томъ, что на ихъ сторонѣ было большинство способныхъ людей.

Чтобы очертить подробнѣе личность Дывыдова,—а это необходимо для объясненія свойства его вліянія,—я вынужденъ зайти нѣсколько впередъ.

Представитель державы-освободительницы, человѣкъ безспорно умный, только смотрѣвшій на Болгарію черезъ очки предвзятаго нерасположенія, Давыдовъ несомнѣнно долженъ былъ имѣть и имѣлъ вначалѣ большое вліяніе на князя, и несомнѣнно, что ему Болгарія, въ значительной степени, обязана сформированіемъ перваго консервативнаго министерства. Болгарію вообще онъ не любилъ, постоянно повторяя: «хотя бы меня отсюда убрали», но какъ я сказалъ уже, нѣсколько мирился съ консерваторами, и изъ лицъ, стоявшихъ у власти, отдавалъ предпочтеніе Стоилову, Грекову и Начевичу, видя въ нихъ евро-

пейцевъ. Каравелова Давыдовъ прямо не выносилъ, называя—неумытымъ, нечесаннымъ, чумичкой. Между тѣмъ ни у Стоилова, ни у Начевича, ни тѣмъ болѣе у Грекова, чистота болгарскаго происхожденія котораго подвергалась сомнѣнію, никакой партіи тогда не было, Каравеловъ же былъ извѣстенъ всей Болгаріи отчасти благодаря своему брату Любену, отчасти потому, что еще во время учредительнаго собранія, будучи виднымъ представителемъ народниковъ, онъ пріобрѣлъ популярность. Устраненіе Каравелова отъ министерства тоже послужило ему на пользу, вызвавъ къ нему сочувствіе. Нерасположеніе Давыдова къ Каравелову доходило до того, что первый забывалъ или не хотѣлъ знать обыкновенныхъ приличій. Когда Каравеловъ былъ избранъ президентомъ перваго очереднаго народнаго собранія, всѣ дипломатическіе агенты сдѣлали ему визитъ; одинъ Давыдовъ не поѣхалъ, говоря, не стѣсняясь: «не поѣду я къ этой чумичкѣ, не могу я подать руку этому неумытому» и т. п. Понятно, что Каравеловъ это узналъ, и конечно вознегодовалъ, но еще болѣе вознегодовала его партія и его приверженцы.—При каждомъ удобномъ случаѣ они выказывали Давыдову свое нерасположеніе, характернымъ примѣромъ котораго можетъ служить слѣдующій эпизодъ: въ виду того, что въ Софіи, да и вообще въ Болгаріи было много болгаръ, воспитанниковъ Московскаго университета, Татьянинъ день 12-го января всегда праздновался, какъ и въ Россіи. Давыдовъ, какъ московскій студентъ, желалъ отпраздновать этотъ день обѣдомъ у себя на квартирѣ и пригласилъ къ себѣ всѣхъ бывшихъ московскихъ студентовъ. Такимъ образомъ на обѣдъ этотъ долженъ былъ прійти и Каравеловъ, но при отношеніяхъ, которыя существовали между имъ и Давыдовымъ—онъ отказался. Ближайшіе его сторонники рѣшили послѣдовать его примѣру, мало того, они хотѣли снарядить депутацію, но затѣмъ ограничились посылкой одного только доктора Браделя, тоже бывшаго московскаго студента, который, явившись къ Давыдову, объявилъ отъ лица всѣхъ приглашенныхъ, что они согласны прійти къ нему обѣдать только при условіи, что онъ возьметъ съ нихъ деньги за обѣдъ.—Другими словами заявили, что они смотрятъ на домъ Давыдова, какъ на трактиръ. Понятно, что обѣдъ не состоялся, но каковы же были отношенія и можно себѣ представить, каковы были при этихъ условіяхъ донесенія, посылаемыя Давыдовымъ въ Петербургъ? Кромѣ того, замкнувшись въ тѣсный кругъ князя, Стоилова, Грекова и Начевича, Давыдовъ, потерявъ связь съ лицами другихъ лагерей, естественно смотрѣлъ на все односторонне и недоброжелательно, мечтая поскорѣй уйти. Несмотря на все это, будучи хорошимъ и честнымъ человѣкомъ, Давыдовъ не любилъ князя, называлъ его фальшивымъ человѣкомъ, которому вѣрить нельзя и противъ котораго надо всегда имѣть камень за пазухой. Давыдовъ выдумалъ про насъ русскихъ фразу: «nous

sommes ici pour le Prince» [1]); я никогда самъ съ этимъ не соглашался, возражая, что le Prince est ici par nous et pour nous [2]), а не наоборотъ. Вступивъ въ должность въ іюлѣ, Давыдовъ уже въ сентябрѣ просилъ отозванія и наконецъ былъ уволенъ въ январѣ 1880 г.

Мнѣ прійдется еще неоднократно въ теченіе моего разсказа вернуться къ Давыдову и его дѣятельности, теперь же закончу, высказавъ мое глубокое убѣжденіе, что, будучи человѣкомъ хорошимъ, образованнымъ и честнымъ, Давыдовъ, благодаря своимъ взглядамъ на болгаръ и своему къ нимъ отношенію, былъ безспорно злымъ геніемъ, положившимъ начало колебанію хорошихъ отношеній Россіи къ Болгаріи и особенно Болгаріи къ Россіи, а что̀ еще хуже, такъ это то, что, увлекаясь своей партійностью, Давыдовъ, самъ не замѣчая того, игралъ въ руку иностранной дипломатіи къ особенной радости представителя Австро-Венгріи, блистательнаго графа Кёвенгюллера. Ближайшимъ помощникомъ Давыдова въ нашемъ консульствѣ былъ г. Л., человѣкъ молодой и, какъ выразился про него П. А. Матвѣевъ [3]), «повидимому, довольно легкомысленный»; я же прибавлю: человѣкъ безъ иниціативы, трудолюбивый, но не энергичный. Въ то кипучее время, когда приходилось постоянно создавать новое, упрочивать уже созданное, зорко слѣдить за людьми и событіями, когда разгорались страсти мѣстныхъ партій, когда западъ работалъ дружно противъ русскаго вліянія, такія свойства г. Л. надо несомнѣнно признать отрицательными и вредными. Давыдовъ относился къ Л. пренебрежительно-снисходительно, а Л. боялся Давыдова, раболѣпно повторяя его фразу: «nous sommes ici pour le Prince» [4]).

Описанныя выше отрицательныя свойства г. Л., понятно, имѣли особое значеніе тогда, когда онъ оставался управлять агентствомъ въ отсутствіе дипломатическаго агента.

Совершенную противоположность Давыдову представлялъ изъ себя военный представитель Россіи, флигель-адъютантъ полковникъ Шепелевъ. Александръ Александровичъ Шепелевъ долженъ быть несомнѣнно поставленъ въ числѣ самыхъ выдающихся представителей нашего генеральнаго штаба. Попавшій, какъ это случается въ генеральномъ штабѣ, изъ строя въ администрацію, и затѣмъ въ дипломатическую сферу, Шепелевъ, не будучи оффиціальнымъ членомъ дипломатическаго корпуса, тѣмъ не менѣе много и вполнѣ успѣшно работалъ на этомъ поприщѣ въ Восточной Румеліи и Болгаріи. Отлично одаренный отъ природы, образованный, благовоспитанный, съ громаднымъ тактомъ и

[1]) Мы здѣсь для (ради) князя.
[2]) Князь здѣсь благодаря намъ и для насъ.
[3]) „Болгарія послѣ Берлинскаго конгресса“. П. А. Матвѣевъ.
[4]) Мы здѣсь для (ради) князя.

выдержкой, необычайно симпатичный, Шепелевъ, не будучи зараженъ ни рутиной, ни западничествомъ, пользовался у болгаръ огромной популярностью. Ему же вполнѣ довѣряли бывшій нашъ военный министръ, графъ Д. А. Милютинъ, и начальникъ главнаго штаба, генералъ-адъютантъ Н. Н. Обручевъ,—оба принимавшіе близкое участіе въ болгарскихъ дѣлахъ. Князь боялся Шепелева, не любилъ его, но тѣмъ не менѣе хватался за него въ критическія минуты, какъ за якорь спасенія и конечно нехотя, но все же иногда слушался его.

Мнѣ остается теперь упомянуть о представителяхъ западныхъ державъ, но предварительно я позволю себѣ сдѣлать выписку изъ статьи «Россія и Болгарія. Историческая справка» С. С. Татищева.

«Уже въ первомъ собраніи болгарскихъ именитыхъ людей,—пишетъ Татищевъ,—созванномъ въ Тырновѣ императорскимъ коммиссаромъ для обсужденія и принятія органическаго статута княжества, обозначились двѣ политическія партіи: одна либеральная и народная, къ которой принадлежало подавляющее большинство собранія, и другая—весьма немногочисленная, подъ названіемъ консервативной, но въ сущности отличающаяся отъ первой предпочтеніемъ, явно оказываемымъ ею западу и выработавшимся тамъ началамъ государственной и общественной жизни. Во главѣ первой партіи стояли наиболѣе вліятельные изъ болгарскихъ дѣятелей, Цанковъ и Каравеловъ, вторая же сплотилась вокругъ пресловутаго тріумвирата, состоящаго изъ Стоилова, Начевича и Грекова. Между противными партіями естественно должна была возгорѣться упорная и ожесточенная борьба. Сочувствіе князя Александра было на сторонѣ консерваторовъ, которые во внутренней политикѣ стремились къ ограниченію правъ народнаго представительства и къ усиленію власти князя, въ политикѣ внѣшней—къ сближенію съ западными державами, въ частности съ Австріею и Англіею, и къ постепенному освобожденію изъ-подъ вліянія Россіи. Стремленія эти отвѣчали не только его интересамъ, но и личнымъ наклонностямъ. Нѣмецъ по рожденію и воспитанію, протестантъ по вѣрѣ, онъ не могъ увлечься идеею болгарской самобытности, исповѣдуемой народниками, и видѣлъ въ нихъ лишь опасную помѣху къ осуществленію своихъ властолюбивыхъ замысловъ. Этимъ достаточно объясняется составъ перваго его министерства, въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ безцвѣтнаго Бурмова, заняли мѣста Начевичъ, Грековъ и ихъ политическіе друзья, тогда какъ Стоиловъ былъ назначенъ на созданную спеціально для него вліятельную должность завѣдывающаго политической канцеляріею князя. Неудивительно, что составленный такимъ образомъ болгарскій кабинетъ пользовался содѣйствіемъ и поддержкой пребывающихъ въ Софіи дипломатическихъ агентовъ великихъ державъ Запада.

«Изъ русскихъ дѣятелей, находившихся въ то время въ Болгаріи,

иначе отнеслись къ нему состоявшій при особѣ князя въ качествѣ довѣреннаго совѣтника полковникъ Шепелевъ и генералъ Паренсовъ, военный министръ, бывшій самъ членомъ кабинета. Имъ ясно было, что дѣйствія консервативнаго министерства направлены къ подорванію и искорененію въ Болгаріи русскаго вліянія. Но мнѣніе это не раздѣлялъ нашъ дипломатическій агентъ А. П. Давыдовъ. Всю службу свою онъ провелъ на Западѣ и при назначеніи на Софійскій постъ вовсе не былъ знакомъ съ Востокомъ и его политическими особенностями. Воспитанный въ преданіяхъ старой дипломатической школы, онъ главную задачу свою въ Болгаріи полагалъ, во-первыхъ, въ поддержаніи монархическаго и охранительнаго начала, а во-вторыхъ, въ соблюденіи полнаго согласія съ товарищами своими, представителями прочихъ великихъ державъ. Онъ былъ также искренно убѣжденъ, что консерваторы одни способны установить въ странѣ прочный порядокъ во внутреннихъ дѣлахъ, а во внѣшнихъ—удержать ее отъ увлеченія въ смыслѣ стремленія къ востановленію «цѣлокупной» Болгаріи. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, онъ не только выступилъ на мѣстѣ опорою консервативнаго министерства, но и защищалъ его, въ донесеніяхъ своихъ въ Петербургъ, отъ обвиненій нашихъ военныхъ дѣятелей, оправдывая его поступки и ручаясь за чистоту его намѣреній» [1]).

Изъ представителей иностранныхъ державъ на первое мѣсто по вліянію на дѣла слѣдуетъ поставить австро-венгерскаго дипломатическаго агента и генеральнаго консула графа Рудольфа Кёвенгюллера-Мечъ. Красавецъ собой, рѣзкій брюнетъ, съ демоническимъ выраженіемъ лица, ловкій, молодой, энергичный, хитрый и пронырливый, образованный и съ весьма изящными манерами, всегда одѣтый съ иголочки, графъ Кёвенгюллеръ происходилъ изъ весьма старинной фамиліи чешской аристократіи. Будучи кавалеромъ мальтійскаго ордена Іоанитовъ, онъ былъ связанъ обѣтомъ безбрачія, но за то получалъ 40 тысячъ флориновъ въ годъ отъ ордена и кромѣ того былъ богатъ самъ по себѣ. Всѣ эти обстоятельства дѣлали конечно изъ графа Кёвенгюллера блестящаго кавалера, и онъ вездѣ былъ кумиромъ женщинъ, что пригодилось ему даже въ Софіи. Находясь долго при австро-венгерскомъ посольствѣ въ Петербургѣ, графъ Кёвенгюллеръ хорошо зналъ наше министерство иностранныхъ дѣлъ, а также наше высшее общество и такимъ образомъ явился во всѣхъ отношеніяхъ блистательнымъ и дѣятельнымъ представителемъ австрійской дипломатіи, драгоцѣннымъ для нея и вреднымъ для Болгаріи, а въ особенности для Россіи.

Впослѣдствіи графъ Кёвенгюллеръ, переведенный съ повышеніемъ въ Бѣлградъ, оказался роковымъ человѣкомъ и для Сербіи, устро-

[1]) „Россія и Болгарія". С. С. Татищевъ.

ивъ съ одной стороны сближеніе ея съ Австріей, а съ другой—толкнувъ ее въ войну съ Болгаріей. Онъ же игралъ выдающуюся роль во время заключенія перемирія Сербіи съ Болгаріей и онъ же, еще ранѣе того, подготовилъ государственный переворотъ 1881 года въ Болгаріи, отдавшій эту страну въ полновластное управительство князя Александра, переворотъ, явившійся сюрпризомъ для нашего правительства, хотя и совершившійся при дѣятельномъ участіи и даже руководительствѣ тогдашняго болгарскаго военнаго министра, русскаго генерала Эрирота, моего преемника. Графъ Кёвенгюллеръ пользовался большимъ вліяніемъ на князя, котораго влекли къ нему личныя симпатіи, симпатіи вообще къ Австріи и обоюдная ихъ антипатія къ Россіи. Графъ Кёвенгюллеръ, какъ и слѣдовало хорошему австрійскому дипломату, былъ неразборчивъ въ средствахъ для достиженія цѣли. Въ Софіи проживала въ то время очень красивая и еще весьма молодая особа, бывшая замужемъ за однимъ служащимъ и хорошо поставленнымъ лицомъ, и занимавшая, слѣдовательно, извѣстное положеніе въ обществѣ. Иностранка изъ семьи коммерсантовъ, блондинка съ голубыми глазами, темными бровями и чудеснымъ цвѣтомъ лица, въ родѣ севрскихъ куколокъ, граціозная, она очень нравилась князю, и сближеніе ихъ состоялось, кажется, безъ особыхъ проволочекъ и затрудненій, но такъ какъ по поговоркѣ: chassez le naturel, il revient au galop, госпожа эта, сдѣлавшись членомъ лучшаго софійскаго общества, не переставала быть въ душѣ коммерсанткой, то главною ея цѣлью сдѣлалась нажива, которую она и получала отъ князя за любезность, а отъ графа Кёвенгюллера и за любезность, и за службу, состоя негласнымъ агентовъ австрійской дипломатіи для вывѣдыванія, сообщенія и вліянія. По роковой случайности, особа эта была весьма близка къ одному изъ второстепенныхъ лицъ русскаго консульства; послѣдствія не требуютъ съ моей стороны объясненій. Остальные иностранные агенты великихъ державъ, въ первое время правленія князя Александра, не играли выдающейся роли. Германскій агентъ, Тилау, очень серьезный, скромный, порядочный человѣкъ, велъ себя тихо, вѣроятно получивъ соотвѣтственное наставленіе отъ князя Бисмарка, громогласно заявившаго въ прусскомъ парламентѣ о необходимости въ восточномъ вопросѣ беречь кости померанскихъ гренадеръ. Французскій агентъ Шеферъ проявилъ свою дѣятельность гораздо позже, поддерживая затѣянный княземъ переворотъ 1881 г., вначалѣ же держался въ сторонѣ, принявъ видъ добродушнаго биржуа и угощая за своими обѣдами отличными vol au vent, изготовляемыми состоявшей при немъ, пожилой уже француженкой.

Перечисляя выдающихся лицъ того времени, необходимо упомянуть

*

еще о Драганѣ Цанковѣ [1]). Цанковъ сталъ извѣстенъ своею дѣятельностью на пользу освобожденія Болгаріи еще въ 50-хъ годахъ и выступилъ на почвѣ религіознаго вопроса, во время борьбы болгарской церкви съ греческимъ (фанаріотскимъ) духовенствомъ и Константинопольской патріархіей, издавая газету «Болгарія» на французскомъ и болгарскомъ языкахъ. Потерявъ надежду на улучшеніе участи своихъ единоплеменниковъ и возстановленіе самобытности Болгаріи руками Россіи, Цанковъ задумалъ достичь своей цѣли посредствомъ Франціи, имѣвшей въ концѣ 50-хъ годовъ преобладающее вліяніе на востокѣ, и для этого явился проповѣдникомъ уніи болгарской церкви съ латинскою. Газета его сдѣлалась органомъ католической пропаганды среди болгаръ, самъ же онъ ѣздилъ въ Римъ, представлялся папѣ и, по весьма достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, лично перешелъ въ католичество. Впослѣдствіи, когда наша дипломатія, въ лицѣ графа Игнатьева, въ церковномъ вопросѣ открыто стала на сторону болгаръ и энергично поддержала ихъ стремленія къ образованію самостоятельной церкви и экзархата, Цанковъ, довольно индифферентный къ религіи, прекратилъ уніатскую пропаганду и публично отрекся отъ католицизма. На перемѣну религіозныхъ воззрѣній и стремленій Цанкова несомнѣнно и прежде всего вліяла политическая обстановка Европы; въ 1870-мъ году, послѣ Садовой, Франція потеряла вліяніе на Востокѣ, а въ Россіи начали болѣе интересоваться Балканскимъ полуостровомъ вообще и Болгаріей въ частности. Очевидно, что политическія роли мѣнялись, и Цанковъ, который недаромъ слылъ за самаго хитраго изъ болгаръ, перемѣнилъ фронтъ и сталъ искать сближенія съ Россіей. Я познакомился съ нимъ еще до войны въ Букарестѣ, гдѣ онъ стоялъ во главѣ болгарскихъ патріотическихъ (революціонныхъ по отношенію къ Турціи) комитетовъ; въ то время онъ былъ уже вполнѣ руссофиломъ и по объявленіи войны сталъ во главѣ тѣхъ лицъ изъ болгаръ, которые признавали дальнѣйшее существованіе Болгарскихъ комитетовъ неумѣстнымъ, разъ какъ Россія взяла судьбы Болгаріи въ свои руки. Стремленіе Цанкова прекратить дѣятельность комитетовъ встрѣтило однако препятствіе со стороны болѣе молодыхъ, горячихъ и менѣе опытныхъ членовъ, и мнѣ пришлось однажды, въ апрѣлѣ или маѣ 1877 г., въ Букарестской гостиницѣ «Hôtel Boulevard», по порученію князя Черкасскаго и по просьбѣ самого Драгана Цанкова, убѣждать двухъ выдававшихся молодыхъ дѣятелей: К. Цанкова (племянника Драгана) и Иванова повліять на молодежь и урезонить ихъ. Впослѣдствіи, во время русскаго управленія, Цанковъ занималъ послѣдовательно посты вице-губернатора въ Тырновѣ и гу-

[1]) Подробныя свѣдѣнія о Цанковѣ помѣщены въ книгѣ П. А. Матвѣева: „Болгарія послѣ Берлинскаго конгресса“.

бернатора въ Варнѣ. Цанковъ былъ однимъ изъ весьма дѣятельныхъ работникомъ въ Тырновскомъ учредительномъ собраніи, находясь, вмѣстѣ съ Каравеловымъ, во главѣ партіи народниковъ и помогая князю Дондукову своимъ вліяніемъ на другихъ депутатовъ, а въ началѣ 1880 г., послѣ паденія министерства Бурмова-Балабанова и вступленія во власть либераловъ, Д. Цанковъ былъ президентомъ совѣта министровъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ. Въ декабрѣ 1880 года, князь, не любившій Цанкова, настоялъ на его удаленіи, при чемъ требованіе это было поддержано временно завѣдывавшимъ нашимъ консульствомъ, г Л., къ вящшему удовлетворенію и удовольствію пресловутаго гр. Кёвенгюллера. Въ дальнѣйшемъ однако Д. Цанкову представился еще разъ случай измѣнить направленію, имъ принятому по объявленіи нами войны, т. е. направленію русскому. Когда, къ великому сюрпризу для Петербурга и Россіи, князь Александръ совершилъ свой переворотъ 27 апрѣля 1881 года, то естественно, никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы этотъ coup d'Etat могъ быть произведенъ безъ вѣдома, согласія и одобренія державы-освободительницы. Понятно, что если этому не вѣрили въ Россіи, то тѣмъ болѣе не вѣрили въ Болгаріи, видя русскихъ людей, разрушающихъ собственное созданіе. Къ довершенію несчастія, Россія, вынужденная примириться съ совершившимся фактомъ, оказалась вынужденной идти и дальше по этому пути, а именно: вновь назначенному дипломатическому агенту, М. А. Хитрово, находившемуся во время переворота еще въ Вѣнѣ, по дорогѣ въ Болгарію и имѣвшему въ своемъ портфелѣ инструкціи поддерживать существующій въ Болгаріи порядокъ, т. е. Тырновскую конституцію, и удерживать князя на конституціонномъ пути, по полученіи извѣстія о совершившемся переворотѣ, предписано было признать таковой и «поддерживать князя» въ его стремленіяхъ, направленныхъ ко «благу народа». Мало того, князь задумалъ послѣ переворота объѣздъ страны и выпросилъ согласія нашего правительства, чтобы Хитрово сопровождалъ его въ этомъ торжественномъ шествіи, побѣдномъ для Австріи, Кёвенгюллера и всѣхъ враговъ Россіи. Что же могъ думать болгарскій народъ, видя князя, совершившаго «превратъ», рядомъ съ представителемъ русскаго государя? Да еще какимъ представителемъ: М. А. Хитрово, столь извѣстнымъ и популярнымъ среди балканскихъ славянъ. Для болгаръ очевидно и несомнѣнно было, что Россія того хотѣла и что ставленникъ русскій, «момче» царя Александра, сдѣлалъ только то, что было угодно повелителю Россіи и покровителю Болгаріи. Либералы должны были притихнуть, а главари ихъ скрыться: Каравеловъ бѣжалъ въ Филиппополь и сдѣлался тамъ издателемъ газеты «Независимость», полной самыхъ рѣзкихъ нападокъ на Россію. Цанковъ тоже скрылся изъ Софіи,

пославъ нашему дипломатическому агенту открытое письмо, въ которомъ между прочимъ заявилъ, что Болгаріи не нужно «ни русскаго меда», «ни русскаго жала».

Какъ не вспомнить при этомъ еще разъ слова митрополита Григорія, поставленныя мною эпиграфомъ къ настоящимъ запискамъ.

П. Паренсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Иванъ Никитичъ Скобелевъ.

II [1]).

Исключительное положеніе Скобелева, какъ писателя; характеристика его литературныхъ пріемовъ; оригинальныя черты въ произведеніяхъ Скобелева и главное содержаніе послѣднихъ.—Взгляды Скобелева на русскаго солдата, службу и пр.—Основныя черты его міровоззрѣнія.—Скобелевъ—цѣлый типъ.

Прослѣдивъ жизнь И. Н. Скобелева, невольно является вопросъ, что выдвинуло его и подняло на такую высоту? Конечно, много значила эпоха, въ которую дѣйствовалъ Скобелевъ, эпоха отечественной войны, когда чины шли не за выслугу лѣтъ, но за подвиги; но еще бо́льшее значеніе имѣли тутъ личныя качества Ивана Никитича, вытекавшія изъ его нехитраго, но цѣлостнаго и рано сложившагося міровоззрѣнія, изъ убѣжденій, добытыхъ путемъ непосредственныхъ опытовъ жизни. А каковы были эти убѣжденія, подъ вліяніемъ которыхъ Скобелевъ презиралъ опасности, ставилъ жизнь въ копѣйку и доходилъ въ дѣлѣ службы до фанатизма,—это ясно обнаружится при болѣе близкомъ знакомствѣ съ его сочиненіями.

Скобелевъ писатель исключительно военный: для военныхъ, или, лучше сказать, для солдатъ Иванъ Никитичъ, выражаясь его словами, «промѣнялъ штыкъ на перо», и имъ именно завѣщалъ онъ свое литературное наслѣдіе. Дѣйствительно, всѣ его сочиненія имѣютъ главными и исключительными темами — походы, геройскіе подвиги ратныхъ людей, начиная съ солдата и кончая генераломъ, разъ-

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль 1900 г.

ясненіе обязанностей службы и т. п. Но въ то же время, несмотря на такое кажущееся однообразіе и исключительный характеръ сюжета, произведенія Скобелева не утомляютъ читателя: все выходило изъ-подъ пера «русскаго инвалида» въ увлекательной оригинальной формѣ, все представляетъ горячую и убѣдительную проповѣдь энтузіаста-патріота или любопытныя, но правдивыя «росказни» героя, не разъ бывавшаго въ дѣлахъ, наброски, не лишенные и литературныхъ достоинствъ, но, конечно, suo genere. Не надо забывать, что образованія вообще и литературнаго въ частности [1]) Скобелевъ не получилъ: въ формулярѣ его сказано лишь, что онъ «россійской грамотѣ знаетъ, ариѳметикѣ и татарскому языку учился», да и то эти познанія онъ пріобрѣлъ «держа въ одной рукѣ штыкъ, въ другой—указку» [2]), т. е., уже поступивъ на военную службу, при томъ на 19-мъ году и то «въ силу необходимости» [3]); затѣмъ, условія дальнѣйшей его походной жизни на поляхъ брани также не могли благопріятствовать его образовательнымъ стремленіямъ (если только таковыя были); лишь «втискавшись въ литераторы», услышалъ онъ о Сумароковѣ, Грибоѣдовѣ, Крыловѣ, о «плѣнительныхъ переводахъ Радклифъ и Жанлисъ», узналъ онъ, что «Карамзинъ разжевалъ русское слово, да въ ротъ положилъ, но нашлись же люди, что и его побраниваютъ» [4]); но, конечно, эти подслушанныя, подхваченныя на лету свѣдѣнія нельзя считать за образованіе, которое такъ-таки и не далось Ивану Никитичу до могилы. Не мудрено поэтому, что онъ не понималъ ни Пушкина, ни Чаадаева [5]), что «Иванъ Выжигинъ» представлялся ему чуть ли не геніальнымъ произведеніемъ [6]). Впрочемъ, Скобелевъ самъ чувствовалъ всю оригинальность своего положенія среди писателей и потому былъ невысокаго и, во всякомъ случаѣ, скромнаго мнѣнія о своихъ литературныхъ опытахъ: «Втискавшись насильно въ литераторы, вопреки всѣхъ правъ, образованіемъ и воспитаніемъ предписанныхъ, я свильнулъ на чужую»,—говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ разсказовъ; въ другомъ мѣстѣ онъ прямо на-

---

[1]) Первой „свѣтской“ книгой, прочитанной Иваномъ Никитичемъ, какъ онъ самъ говоритъ въ письмѣ къ Ѳ. В. Булгарину (отъ 1830 г.), былъ „тріанафемскій романъ „Марія-Луиза—бранденбургская маркграфиня, или милордъ англійскій Георгъ; съ присовокупленіемъ Марцимариса—повѣсти турецкой“ (См. „Русск. Стар.“ 1895 г., т. 84, ноябрь, стр. 45).

[2]) „Переписка“, стр. 193.

[3]) „Бесѣды“, ч. I, стр. 132.

[4]) „Переписка“, стр. 189, 207 и 227. „Бесѣды“, ч. I, стр. 146. „Сцены въ Москвѣ“, стр. 56.

[5]) „Рус. Вѣстн.“ 1875 г., № 9, стр. 145.

[6]) „Рус. Стар.“ 1895 г., т. LXXXIV, стр. 45.

зываетъ себя «безграмотнымъ» [1]), въ третьемъ—«писателемъ 14-й стеени». Но питая глубокое уваженіе къ печатному слову и сознавая, что если

„Штыкомъ . . . . проштыкнешься,
Такъ увернешься безъ вреда,
Перомъ же если промахнешься,
Ужъ неизбѣжная бѣда“ [2]),

Иванъ Никитичъ всячески старался избѣгать въ своихъ произведеніяхъ грубыхъ ошибокъ и нескладностей, постоянно извинялся за промахи [3]), наконецъ, отдавалъ на поправку свои сочиненія какому-нибудь литературному пріятелю, обыкновенно Н. И. Гречу, въ типографію котораго онъ и просилъ «всѣхъ храбрыхъ литературнаго поля витязей направлять стрѣлы [4]) за грамматическія ошибки» [5]), встрѣчающіяся въ его трудахъ. И публика, читавшая или слушавшая «Бесѣды русскаго инвалида», или «Кремнева», охотно «извиняла на первыхъ порахъ» герою, «изрядненько, бывало, писавшему штыкомъ» [6]); для всѣхъ были такъ полны интереса и любопытства оригинальныя творенія «русскаго инвалида». Впрочемъ, говоря объ оригинальности произведеній Скобелева, считаемъ необходимымъ оговориться. Правда, произведенія его оригинальны, но нельзя сказать, чтобы Скобелевъ не имѣлъ учителей или, по крайней мѣрѣ, предшественниковъ и чтобъ онъ не избѣгнулъ подражательности. Такъ, присматриваясь къ произведеніямъ Ивана Никитича вообще и особенно къ приказамъ, нельзя не замѣтить близкаго сходства какъ въ манерѣ выражаться, такъ даже во взглядахъ (до частностей) съ языкомъ и содержаніемъ приказовъ извѣстнаго героя Я. П. Кульнева, что̀ подтверждается легко простымъ сличеніемъ приказовъ этихъ обоихъ генераловъ. Я. П. Кульнева Скобелевъ хорошо зналъ по шведской кампаніи, передъ нимъ нуть ли не благоговѣлъ, часто вспоминалъ въ своихъ сочиненіяхъ,

---

[1]) „Переписка“, стр. 193, 229—230 и 247. Вотъ образчикъ его орѳографіи: . . .„Весть грустную, что на мѣня апять подулъ сѣверный вѣтръ, могъ бы я принять легче, если бъ зналъ, что ваше превосходительство, какъ виновникъ мгновѣчной комне довѣренности, не встрѣтилъ за облагодетельствованнаго вами страдальца какого-либо неудовольствія; и это одно, что особенности поражаетъ душу, какъ собствѣнность вашу, вомне обитающую;—кнротчемужъ затемъ, во времена, столь для добра и зла равномерно мрачные, я ровнодушенъ“... (Изъ письма Скобелева къ А. Х. Бенкендорфу отъ 15-го мая 1826 г. См. „Русск. Стар.“, 1886 г., т. 52, стр. 590).

[2]) „Кремневъ“, стр. 25.

[3]) Ср. „Переписка“, стр. 193 и 229.

[4]) По первому изданію „бранскугели“.

[5]) „Переписка“, стр. XIV.

[6]) Заключительныя слова „Кремнева“, стр. 93.

посвятилъ ему не мало горячихъ строкъ въ своей «Перепискѣ» и вообще относился съ глубочайшимъ уваженіемъ къ этому славному ученику и подражателю Суворова, которому Иванъ Никитичъ и самъ, въ свою очередь, не мало подражалъ. Обращаясь къ драматическимъ опытамъ Скобелева, отмѣтимъ, во-первыхъ, что подобныхъ имъ произведеній съ патріотическимъ элементомъ у насъ было не мало и въ концѣ XVIII вѣка и въ эпоху Александра I (особенно послѣ войны 1812 года) [1]); во-вторыхъ, самый типъ солдата Кремнева, именемъ котораго названа первая пьеса Скобелева и который фигурируетъ такъ часто во всѣхъ сочиненіяхъ «русскаго инвалида», не новъ: онъ могъ быть заимствованъ нашимъ писателемъ изъ трехъ-актной комедіи Н. И. Ильина «Лиза или торжество благодарности» [2]), пользовавшейся въ свое время громаднымъ успѣхомъ; кромѣ того, тотъ же типъ Кремнева, съ тѣми же качествами «строгаго въ правилахъ службы солдата», беззавѣтно любящаго штыкъ, является героемъ повѣсти Ѳ. В. Растопчина «Охъ французы!», напечатанной впервые въ 1842 году [3]), но написанной, какъ полагаетъ Н. С. Тихонравовъ [4]), еще до 1812 года. Кромѣ того, мы имѣли до Скобелева цѣлый рядъ пьесъ, въ которыхъ главнымъ содержаніемъ было восхваленіе русскаго солдата [5]). Но, какъ бы то ни было, фактъ подражанія и заимствованій нисколько не умаляетъ значенія литературной дѣятельности Скобелева: произведенія его пера отличались современниками и пользовались заслуженнымъ успѣхомъ не только среди образованной публики, но и среди тѣхъ, кому они собственно предназначались, т. е. въ средѣ солдатъ. Это и не удивительно: зная солдата, «какъ свои три пальца на послѣдней рукѣ» [6]), самъ-солдатъ [7]), Скобелевъ зналъ какъ говорить съ своими друзьями и на какихъ струнахъ играть. Онъ *писалъ* такъ, какъ *говорилъ*, а говорилъ онъ живымъ простонароднымъ языкомъ; его рѣчь, пересыпанная блестками чисто-солдатскаго юмора и остроумія, шутками, прибаутками, пословицами, чисто-солдатскими выраженіями галантерейности, передѣлками собственныхъ именъ и пр., при всемъ томъ не носитъ характера поддѣлки подъ солдатскій языкъ, какъ вѣрно отмѣтилъ еще Н. И. Гречъ [8]), поставившій нашего

[1]) См. П. Араповъ „Лѣтописи русскаго театра", Спб., 1861 г.

[2]) Напеч. въ Спб. 1803.

[3]) „Отеч. Записки" 1842 г., т. XXIV, № 10 (въ Смирдинскомъ изд. соч. Ѳ. В. Растопчина повѣсть эта опущена).

[4]) Сочиненія Н. С. Тихонравова, т. III, ч. I, М. 1898, стр. 375.

[5]) См. Лѣтописи русскаго театра.

[6]) „Переписка", стр. 228.

[7]) Его постоянное выраженіе.

[8]) „Вы, вѣроятно, читали",—писалъ онъ Я. Н. Толстому",—и съ удовольствіемъ повѣствованіе франц. солдата о Наполеонѣ въ „Europe Littéraire" и

писателя — солдатскаго сердцевѣда, выше Бальзака. Проф. С. П. Шевыревъ, говоритъ, что Скобелевъ «въ своемъ военномъ слогѣ нараспашку открылъ новый сильный источникъ для устной русской рѣчи» [1]), и наконецъ, корифей нашей критики, В. Г. Бѣлинскій, встрѣчалъ каждое новое произведеніе Скобелева весьма сочувственнымъ, дружелюбнымъ отзывомъ, хотя и признавалъ, что творенія «русскаго инвалида» «не подлежатъ критикѣ въ ученомъ смыслѣ этого слова». Вотъ что говоритъ нашъ критикъ по поводу «Сценъ въ Москвѣ» [2]). «Это новое произведеніе русскаго инвалида, который въ короткое время взялъ приступомъ литературную славу, какъ прежде военную, не подлежитъ критикѣ въ ученомъ значеніи этого слова. Оно говоритъ русскому сердцу, и русское сердце горячо и сильно бьется, слушая его. Пристрастіе есть благородное чувство, когда вытекаетъ не изъ личности, а изъ любви: поэтому насъ не обвинятъ въ пристрастіи къ пламеннымъ, увлекающимъ произведеніямъ русскаго инвалида. Кто ихъ не любитъ, съ тѣмъ мы спорить не стали бы, какъ съ слѣпымъ о цвѣтахъ, а только попросили бы предоставить намъ восхищаться тѣмъ, отчего горитъ и трепещетъ наше сердце, вопреки всѣмъ выдуманнымъ правиламъ искусства. Что же касается до языка «Сценъ въ Москвѣ» — грамматическимъ педантамъ онѣ даютъ богатую жатву, но кто понимаетъ живое, изустное, а не одно книжное слово, для того языкъ русскаго инвалида лучше всякой грамматики».

Скобелевъ зналъ русское слово, которое, по его мнѣнію, было «прекрасно, пространно и богато» [3]) и зналъ тайну дѣйствовать имъ на сердце солдата, что̀ онъ считалъ величайшимъ дѣломъ. Будучи убѣжденъ, «что хвалить и подстрекать русскаго солдата—тяжелая обида» [4]),

---

въ „Médécin de Camagne“ Бальзака? У насъ есть такое же, или е щ е л у ч ш е е произведеніе въ семъ родѣ (говорится о „Подаркѣ“ Скобелева). Это по истинѣ—первая у насъ народная книга“ („Библ. для Чтенія“ 1834 г., № 1, стр. 170; см. также сочин. Н. И. Греча, Спб., 1855 г. стр. 353).

[1]) „Москвитянинъ“ 1842 г., № 3, „Взглядъ на современную русскую литературу“, стр. 185.

[2]) Отзыва этого (см. „Отеч. Зап.“ 1840 г., кн. I, отд. VI, стр. 12), равно какъ и отзыва о „Подаркѣ“ И. Н. Скобелева, нѣтъ въ собр. сочин. В. Г. Бѣлинскаго. „Авторъ не литераторъ, говоритъ критикъ о „Подаркѣ“, и настоящее его оружіе не перо, а штыкъ, но онъ и перомъ владѣетъ не хуже, чѣмъ штыкомъ, а простота и безыскусственность литературнаго изложенія придаетъ еще бо̀льшую прелесть его пламеннымъ, живымъ и благороднымъ мыслямъ, чувствамъ и разсказамъ. Во всѣхъ отношеніяхъ „безрукій инвалидъ“ въ правѣ ожидать искренняго спасибо за свою книгу“. (См. „Москов. Набл.“ 1838 г., № 12, стр. 412—418). Кромѣ этого отзыва, см. сочин. В. Г. Бѣлинскаго“ т. II, Спб., 1861, стр. 257.

[3]) „Бесѣды“, ч. I, стр. 180.

[4]) Приказы 1836 г., стр. 1.

что «краснорѣчіе не нужно для героевъ», каковыми онъ считалъ своихъ соратниковъ, и что для нихъ самое важное дѣло — примѣръ. Онъ держался этихъ взглядовъ и въ своихъ сочиненіяхъ, которыя въ большинствѣ случаевъ—не что иное, какъ изложеніе примѣровъ, характеристики подвиговъ и лицъ, въ изобиліи твердо хранимыхъ Скобелевымъ въ своей памяти. Такъ, желая вызвать въ своихъ читателяхъ чувство патріотизма и любви къ долгу, онъ даетъ сжатыя, но блестящія, мѣткія характеристики героевъ изъ солдатъ и генераловъ или рисуетъ въ яркихъ краскахъ цѣлый рядъ войнъ и битвъ, среди которыхъ центральное мѣсто занимаетъ, конечно, отечественная война и подвиги ея героевъ. Въ своемъ увлеченіи подвигами русскихъ ратныхъ людей, онъ даже иногда признается въ безсиліи своего «неискуснаго» пера: «подобныхъ подвиговъ»,—говоритъ онъ по поводу К. И. Бистрома,—«нельзя описать солдатскимъ перомъ. Это—поэзія, какъ говорятъ сочинители: здѣсь нужна огненная голова, горящій языкъ, пламенное сердце и вмѣсто чернилъ—кипящая кровь» [1]). Правда, отъ его болѣе патетическихъ строкъ отдаетъ иногда риторикой, но и въ ней слышится біеніе искренняго сердца горячаго патріота. «Жаль»,—говоритъ одинъ изъ его героевъ, глядя на поднимающееся зарево московскаго пожара,—«съ древней первопрестольной горятъ цѣлые вѣка!». «Они воскреснутъ изъ пепла»,—отвѣчаетъ другой,—«и вмѣстѣ съ Москвою, кровію умытою, загремятъ новою славой, озарятся новымъ блескомъ къ удивленію и къ изумленію всѣхъ грядущихъ вѣковъ! Этотъ священный огонь изъ рода въ родъ будетъ освѣщать величіе Русскаго Царя и сыновнюю преданность къ нему русскаго народа» [2]).

Какъ характерную черту въ писательствѣ русскаго инвалида отмѣтимъ, что Скобелевъ, имѣя въ виду какъ незначительность свободнаго времени для чтенія у солдатъ, такъ и непривычку такихъ читателей къ продолжительному занятію съ книгой, облекалъ свои произведенія въ такую форму, которая бы не утомляла читателя и въ то же время позволяла ему отрываться отъ книги; дѣйствительно, сочиненія Скобелева (выключая драматическія) — рядъ писемъ, бесѣдъ или коротенькихъ разсказовъ, самый большой изъ которыхъ даже и по складамъ можно прочитать въ незначительный промежутокъ времени. Не лишено важности отмѣтить къ чести Скобелева-писателя и то, что, давая въ руки солдата свою книгу, онъ даже и передъ такимъ невзыскательнымъ читателемъ исповѣдывался въ своихъ литературныхъ недостаткахъ, и лишь мысль, что его слабый трудъ будетъ поводомъ къ появленію

---

[1]) „Бесѣды“, стр. VII.
[2]) „Сцены въ Москвѣ“, дѣйств. I, стр. 43—44.

лучшихъ со стороны болѣе искусныхъ писателей, придавала ему рѣши-мость дѣлать новые «подарки» для своего рода «малыхъ сихъ» [1]).

Когда Скобелевъ принялся за перо, на немъ былъ генеральскій сюр-тукъ, его окружала барская обстановка человѣка, занимавшаго видный пость; но Иванъ Никитичъ ни на минуту не забывалъ, что на плечахъ его была когда-то солдатская шинель, что «лучшіе годы» его юности прошли въ казармахъ среди такихъ же, какъ онъ, рядовыхъ, и онъ съ любовью обращался къ своему прошлому, къ товарищамъ своихъ далекихъ дней, друзьямъ и соратникамъ, взлелѣявшимъ его ратную славу.—«Я люблю вѣкъ моей молодости»,—говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ сочине-ній—«помню хорошее, помню и дурное, но признаюсь,—не помню ни-чего лучше русскаго солдата». «Въ сотовариществѣ съ солдатомъ отцвѣли лучшіе дни моей жизни»,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ—«съ солдатомъ встрѣчалъ я радости и печали, съ нимъ дѣлилъ горькое и сладкое, съ нимъ умиралъ, торжествовалъ побѣды, и на ратномъ кро-завомъ полѣ, обливаясь слезами умиленія, возсылалъ къ Царю царей искреннія молитвы за спасеніе жизни, при явной опасности уцѣ-лѣвшей. Рука солдата и не однажды отражала смертельный ударъ, въ грудь мою направленный». Отсюда понятно, почему «разстояніе сол-дата отъ его сердца» было «недалѣе рубахи» и почему «хорошихъ» солдатъ Скобелевъ любилъ, «какъ душу». Для него имя солдата—«имя знаменитое», солдатъ, по его мнѣнію, «образцовое славное со-зданье, мгновенно готовое на славное великое дѣло», «существо, до-стойное любви», котораго нравственность и безкорыстіе примѣрны; русскій солдатъ разсудителенъ и «умственными способностями стоитъ если не выше, то и не ниже людей равнаго званія всѣхъ извѣстныхъ державъ»; нѣтъ нужды, что онъ молчитъ, но онъ «знаетъ цѣну су-щему дѣлу, любитъ строгаго, справедливаго и безкорыстнаго началь-ника и ни за что не уступитъ ему перваго мѣста къ смерти», ибо жизнь для него — копѣйка, смерть — ничто, и на смерть въ бою онъ идетъ, какъ на свѣтлый праздникъ. Русскій солдатъ, по остроум-ному выраженію Скобелева,—до гробовой доски монета царская ходя-чая, вѣрный слуга, не только безгранично преданный своему царю, какъ хозяину, но и вообще привыкшій уважать представителей вер-ховной власти какихъ бы то ни было народовъ: «русскій солдатъ ско-рѣе самъ умретъ, чѣмъ подниметъ руку на державнаго, хотя бы онъ былъ изъ-за тридевяти земель». Преданность его службѣ и присягѣ поразительны: «русскаго солдата хоть распили, а правды врагамъ онъ не скажетъ» [2]) и въ довершеніе всего его храбрость—невыразима:

[1]) „Переписка“, стр. 230.

[2]) См. „Бесѣды“, ч. I, стр. 4, 11 и 133. „Переписка“, стр. 7, 11, 51, 57, 133, 145, 180, 190, 228 и 229. „Сцены въ Москвѣ“, стр. 23.

«... невозможность для русскихъ солдатъ еще не придумана,... невозможность—мечта.... Невозможность—чужое слово... Гдѣ жъ невозможность? высылай ее къ намъ на волахъ или на корабляхъ, у насъ она тотчасъ запляшетъ въ присядку». Держась такихъ взглядовъ на русскихъ солдатъ, Скобелевъ всегда относился къ нимъ, какъ къ своимъ «закадычнымъ друзьямъ», дѣлилъ съ ними монаршее къ нему благоволеніе, и его радость обращалась въ радость солдатъ; одинъ взоръ на нихъ «молодитъ» ихъ «отца и командира», они—«утѣха его старческихъ лѣтъ». Вотъ почему онъ всегда такъ горячо вступается за солдатъ и ихъ интересы и въ приказахъ своихъ по полкамъ рекомендуетъ, чтобъ начальники «радѣли только о пользѣ солдатъ», заботились объ ихъ здоровьи, такъ какъ забота о послѣднемъ есть «священнѣйшая обязанность командировъ», нерадѣнье же о солдатскихъ интересахъ и что̀ еще хуже, «гнусная и блудная поживишка солдатскою собственностью»—вина, равная уголовному преступленію. Отмѣтимъ также, что Скобелевъ требуетъ гуманнаго обращенія съ солдатами, рекомендуетъ мягкія мѣры, между прочимъ,—«пролагать путь къ сердцу солдата словомъ, а у заблудившагося согрѣть сердце религіей» [1]); неоднократно онъ напоминаетъ въ приказахъ командирамъ, что «рожденный быть начальникомъ простаго воина долженъ умѣть развернуть понятіе солдата, украсить умъ и сердце его военными добродѣтелями... и пріучить въ мирное время къ труду, въ военное—къ мужеству и славной смерти».

Познакомившись съ взглядами Скобелева на русскаго солдата и съ личными отношеніями къ нему нашего писателя, не безъинтересно познакомиться и съ тѣми требованіями, какія предъявлялъ къ солдатамъ ихъ «отецъ и командиръ». Послѣдними словами, писанными Иваномъ Никитичемъ для солдатъ, были: «Многіе скажутъ, что внукамъ, рожденнымъ для царской службы, мнѣ бы надобно написать цѣлую книгу. Напрасный былъ бы трудъ! весь законъ солдатъ въ слѣдующихъ четырехъ только словахъ св. апостола: «нѣсть власть, аще не отъ Бога». Исполняя волю Отца небеснаго, служите государю вѣрою, покоряйтесь волѣ поставленнаго надъ вами начальства безусловно и храните въ памяти твердо, что всякая противная присягѣ увертка и преступное уклоненіе отъ возложенныхъ на васъ обязанностей есть безчестное пятно, которое стирается однимъ только саваномъ и прикрывается гробовою доской» [2]). Итакъ, первый долгъ солдата—вѣрная служба госу-

---

[1]) Приказы 1834 г., стр. 6—7; 1835 г., стр. 42, 108, 123—128, 142, 152; 1836 г., стр. 1—3, 9. „Переписка", стр. 91.

[2]) „Вечеръ чесменск. инвалидовъ" (см. „Переписка и разсказы", изд. 1844 г., ч. II, стр. 239).

дарю, безусловная покорность начальству и вѣрность присягѣ; слѣдованіе этому долгу есть слѣдованіе волѣ Отца Небеснаго, иначе говоря,—исполненіе службы есть исполненіе одного изъ божественныхъ предначертаній. «Служба есть величественнѣйшій и священнѣйшій храмъ вѣры, чести и славы русскаго народа. Онъ сооруженъ вѣками, скрѣпленъ силою христіанской религіи и огражденъ непреложною волею Всемогущаго Творца». «Фундаментъ этого удивительнаго храма»—продолжаетъ онъ—«основанъ на костяхъ предковъ нашихъ, матеріалъ къ усовершенствованію его употребленъ: чистая пламенная любовь къ Богу и государю, искренняя дѣтская приверженность къ отечеству, слѣпое безусловное повиновеніе властямъ и мгновенная готовность къ смерти» [1]). Не представляя службы иначе, какъ лишь въ религіозной окраскѣ и полагая вѣру главнымъ камнемъ въ фундаментѣ величественнаго храма, именуемаго имъ службой, Скобелевъ прежде всего требовалъ отъ солдата религіозности, вѣры. Вѣра,—это, слово «манящее героевъ въ объятія смерти» [2]), та же вѣра—средство примирить человѣка съ жизнью и сдѣлать изъ негодяя—порядочнаго; она же главное утѣшеніе, главное блаженство людей. И горе тому, кто посягнетъ на предметъ вѣры, оскорбитъ святыню, Божій храмъ и пр.: во вѣкъ не помирится солдатъ-христіанинъ съ поднявшимъ руку на что-либо посвященное Тому, въ чьихъ рукахъ находится все, величественнѣе кого нѣтъ въ мірѣ [3]). О преступившемъ же присягу, этотъ «священнѣйшій узелъ, коимъ человѣкъ-христіанинъ прикрѣпленъ къ Богу», нельзя и говорить, какъ о человѣкѣ, ибо таковой преступникъ «хуже всякой презрѣнной твари» [4]) существо, недостойное ни малѣйшаго сожалѣнія. Но преклоненіе предъ волей Божества, составляющее первый и основной долгъ добраго солдата-слуги отечества, должно исходить и изъ самаго понятія солдата-христіанина: онъ долженъ помнить, что онъ прежде всего—сынъ церкви и что «въ небесахъ—наше счастье, ибо земной бытъ не конецъ житья, а конецъ земнаго бытія—смерть есть дѣло Божіе». Кто, не надѣясь на собственныя силы и разумъ, слѣпо ввѣритъ себя святой волѣ Царя Небеснаго» тотъ солдатъ—добрый солдатъ, «прочнѣе булата, вѣрнѣе цѣли, который слѣпо на святую волю Господа Бога исключительно надѣется»...

Отъ требованія слѣпой вѣры въ Царя Небеснаго и безотчетнаго подчиненія Его волѣ не трудно было уже перейти Скобелеву и къ

---

[1]) Приказы 1835 г., стр. 105 и 106.
[2]) „Переписка", стр. 17. „Бесѣды", ч. I, стр. XVII.
[3]) Приказы 1835 г., стр. 138—139, 142, ср. „Переписка", стр. 115—116, 119.
[4]) „Бесѣды", ч. II, стр. 135.

требованію слѣпого подчиненія царю земному и вообще представителямъ власти, начальникамъ и т. д. [1]).

Въ частности, по отношенію къ царю, солдатъ долженъ «боготворить» его, ибо царь—«отецъ подданныхъ; онъ подобенъ солнцу, изливающему теплоту на всю вселенную»; онъ «горитъ къ намъ любовію, свѣтитъ мудростію и служитъ примѣромъ. Гонимая невинность и добродѣтель обрѣтаетъ въ немъ защиту, заслуги и достоинства—награду, одряхлѣлое и изнемогшее воинство—пріютъ и пищу, а наконецъ и самый даже порокъ — исправленіе, пощаду и помилованіе»; солдатъ — «неотъемлемая собственность царя», для смерти за котораго онъ долженъ быть «готовѣе курка, на послѣдній взводъ поставленнаго» [2]). Слѣпую же довѣренность къ начальству, особливо къ вождю, солдаты должны питать потому, что на такой именно довѣренности «основывается все ихъ мужество», въ ней кроется секретъ побѣды: «Подъ командой безсмертнаго Суворова никто не сомнѣвался въ побѣдѣ и никто не зналъ, что значитъ быть побѣжденнымъ» потому—говоритъ Скобелевъ,—что этотъ генералиссимусъ «умѣлъ вдохнуть слѣпую, сердечную къ себѣ довѣренность» [3]); наоборотъ, «гдѣ нѣтъ слѣпого къ властямъ повиновенія, тамъ нѣтъ порядка, тамъ нѣтъ побѣдъ и славы» [4]).

Итакъ вотъ къ чему сводились основныя требованія Скобелева отъ солдата, вотъ каковы были его взгляды на службу, въ которыхъ, въ сущности, выражается все его міровоззрѣніе, отзывающееся, какъ легко можно замѣтить, крайне широко развитымъ чувствомъ религіозности, фанатизмомъ и патріотизмомъ.

«Патріотизмъ»—говоритъ онъ—«въ мирное время намъ мало понятенъ, въ мирное время у насъ языку только работа» и «только на полѣ (битвы) и красна жизнь солдатская [5]).

При такомъ пониманіи чести и патріотизма неудивительна симпатія нашего героя, его любовь къ «штыку молодцу», которому онъ посвятилъ немало горячихъ строкъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, написалъ о немъ цѣлый разсказъ и даже стихи [6]).—Безъ войны такимъ сынамъ отечества скучно: они не знаютъ, на что примѣнить свои силы, на чемъ доказать всю любовь своего молодецкаго сердца

---

[1]) „Переписка", стр. 29, 30, 54, 187, 221 и др. „Бесѣды", ч. II, стр. 55 и 118; Приказы, 1835 г., стр. 38.

[2]) „Бесѣды", ч. I, стр. 10, 81—82, ч. II, стр. 50.

[3]) „Переписка", стр. 187.

[4]) „Кремневъ", стр. 14.

[5]) Приказы 1835 г., стр. 117. „Бесѣды". ч. II, стр. 5. „Переписка", изд. 1844 г., ч. II, стр. 154.

[6]) „Штыкъ" (см. „Переписка", стр. 149—163). „Кремневъ", стр. 58—59.

къ отчизнѣ, свою фанатическую ей преданность, примѣры чему мы видѣли и на свѣтлыхъ и мрачныхъ страницахъ жизни «русскаго инвалида».

Впрочемъ, было бы ошибочно думать, что герой нашъ не признавалъ «мирныхъ добродѣтелей», или ставилъ ихъ ниже военныхъ: «Есть мирныя добродѣтели»,—обмолвился однажды Иванъ Никитичъ—«которыя не только не уступаютъ военнымъ доблестямъ, но и превосходятъ ихъ». Но и онѣ въ поученіяхъ Скобелева носятъ религіозный характеръ и исходятъ изъ понятія патріота-христіанина, для котораго послѣ Бога, государя и отечества, т. е. послѣ службы, «все прочее—вздоръ, суета и соблазнъ». Истинный сынъ своего отечества, будь то солдатъ, или мирный гражданинъ, долженъ прежде всего принадлежать своей родинѣ, долгъ каждаго, если только онъ христіанинъ,—слѣдовать внушеніямъ святой вѣры, изъ которой проистекаютъ всѣ добродѣтели и всѣ обязанности; она же указуетъ долгъ и въ ней же награды за исполненіе его.

Изъ этого сознанія неизбѣжной необходимости вѣры для человѣка и солдата вытекаетъ все міровоззрѣніе Скобелева и имъ же замыкается: «Нѣтъ ничего величественнѣе Бога!»—восклицаетъ онъ—«и нѣтъ ничего утѣшительнѣе, какъ уповать на его всесвятую благость, жить безъ порока и умирать безъ страха. Вотъ всѣхъ наукъ хозовой конецъ!» [1]). Въ вѣрѣ и неуклонномъ исполненіи ея требованій—самое вѣрное благополучіе человѣка, она—одно изъ неистощимыхъ богатствъ смертныхъ: «Ликуй народъ!»—слышалось въ звонѣ колоколовъ московскихъ замечтавшемуся русскому инвалиду—«но помни, что на землѣ нѣтъ вѣрнаго благополучія, что прочныя радости и неотъемлемое, неистощимое богатство смертныхъ—вѣра, незазорная честь и нагая справедливость» [2]).—Убѣждая въ каждомъ своемъ сочиненіи, что «за Богомъ молитва, за царемъ служба не пропадетъ» [3]) и представляя своимъ читателямъ разительные тому примѣры (между прочимъ—собственную личность), нашъ писатель въ то же время часто оговаривается, что не чаяніе наградъ должно быть для благочестиваго сына отечества стимуломъ къ совершенію подвиговъ, но сознаніе вѣрности своему долгу, которое обезпечиваетъ все послѣдующее существованіе человѣка незамѣнимой наградой—обладаніемъ чистой спокойной совѣстью; кто «бережетъ эту небесную гостью, тому легко, весело и просторно» [4]), «съ ней человѣкъ» всегда собой доволенъ и всюду счастливъ [5]). Вотъ къ

---

[1]) Приказы 1834 г., стр. 147—148; 1835 г., стр. 141.

[2]) См. его статью „Мечты въ Москвѣ“ („Переписка“ стр. 286).

[3]) „Переписка“, стр. 151, 302. „Приказы“, стр. 24, 110. „Сц. въ Москвѣ“, стр. 75. „Бесѣды“ ч. I, стр. 47 и т. д.

[4]) „Вечеръ чесм. инвалидовъ (См. „Переписка“ изд. 1844 г., ч. II, стр. 153).

[5]) „Сц. въ Москвѣ“, стр. 45 (Ср. „Кремневъ“ стр. 12).

достиженію этого-то именно блага и должны мы употреблять всѣ наши силы, для управленія которыми Провидѣніе дало человѣку два могущественныхъ средства: сердце и умъ. «Умъ»—говоритъ Скобелевъ—«даръ неба, и сокровище сіе ввѣряется намъ къ общей пользѣ человѣчества!» Науки же, это — «кладъ: онѣ полируютъ человѣка, открываютъ въ немъ понятія и способности; науками пріобрѣтается избытокъ и изобиліе, составляющіе счастье людей всѣхъ вмѣстѣ и розно каждаго»; въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Всѣ умные люди давно смекнули, что науки и просвѣщеніе неоспоримо полезны, что, во всякомъ случаѣ, онѣ берутъ верхъ и торжествуютъ надъ простыми, неотесанными понятіями нашего брата». Признавая, такимъ образомъ, неоспоримое значеніе науки и откровенно заявляя, что «люди, обладающіе науками, больше насъ знаютъ, далѣе насъ видятъ», Скобелевъ убѣжденъ, что «съ просвѣщеніемъ надо поспѣшить», надо придти на помощь съ нимъ къ своимъ друзьямъ—солдатамъ. Движимый этимъ убѣжденіемъ, онъ пишетъ горячую статью «О необходимости истиннаго просвѣщенія для простолюдиновъ» [1]) и, желая, вѣроятно, чтобъ на нее обратили бо́льшее вниманіе, посвящаетъ ее (какъ полагаемъ) [2]) тогдашнему военному министру А. И. Чернышеву. Убѣдительно доказывая, что «грамота не ждетъ, что она штурмомъ врывается въ каждое село, въ каждую деревню, авторъ статьи рекомендуетъ немедля отвѣтить «на потребность времени и обезпечить быть необразованныхъ соотечественниковъ, созидая полезное чтеніе для солдатъ и мужиковъ». Тутъ же предлагаетъ онъ и оригинальное средство сѣянія просвѣщенія, именно—газету. «Сѣверная Пчела» жужжитъ въ барскихъ палатахъ», говоритъ Скобелевъ—«почему жъ бы какому-нибудь «Сѣверному Соловью», народному журналу, не пѣть въ сельскихъ хижинахъ?» Прекрасная въ принципѣ идея народнаго періодическаго органа, какъ лучшаго поборника просвѣщенія съ невѣжествомъ въ «сѣрой» массѣ, казалась «русскому инвалиду» легкой и для выполненія. Проводя ее въ подробностяхъ въ своей статьѣ, онъ ручается, что найдутся и средства и сотрудники, и подписчики на такое изданіе: «стоитъ»—говоритъ онъ—«только откликнуться редактору и опредѣлить цѣну журналу, во что обойдется бумага и типографскія издержки». Что же касается сотрудниковъ, то за этимъ дѣло не станетъ: «и писатели 14-й степени, т. е. наша братья, свинцовая масть, не ударитъ себя лицомъ въ грязь!» За успѣхъ журнала (особливо-нравственный) также можно ручаться: «русскій народъ любопытенъ и понятливъ, а этихъ условій слиш-

[1]) „Переписка", стр. 119, 120, 225—253. „Бесѣды", ч. I, стр. 10, 11.

[2]) На основаніи инціаловъ, поставленныхъ въ посвященіи: „Посвящается Е. С. Г. А. И. Ч."

комъ достаточно, чтобъ на пустой нынѣ нивѣ произвесть полезные плоды»; въ матеріалѣ недостатка быть не можетъ: «за море за матеріаломи не поѣдемъ: лѣтъ на десятокъ хватитъ одной старины». «Сообщать примѣры благочестія, преданности къ престолу, самоотверженія, великодушія; описывать подвиги предковъ, знакомить съ отечествомъ нынѣ понятію имъ чуждымъ, со свойствами его, съ выгодами, съ нуждами, указывать на господствующіе пороки, изображать вредъ отъ нихъ происходящій и въ частномъ человѣкѣ и въ массѣ людей, искоренять нелѣпые, а часто и пагубные предразсудки, въ случаяхъ же важныхъ, какъ-то: во время войны, повальныхъ болѣзней, голода и пр., и пр., утѣшать, успокаивать, ободрять народъ, направлять мысли и дѣйствія къ общему благу, внушать любовь и довѣренность къ правительству» [1])—вотъ въ общемъ программа Скобелева. Но, рѣшивъ въ принципѣ необходимость просвѣщенія для простолюдина и предлагая даже средства къ распространенію онаго, Скобелевъ все-таки спѣшитъ сдѣлать кое-какія оговорки. Убѣжденный, что «ученье-свѣтъ, а неученье—тьма», а по опыту знающій, что «грамота то же, что быстрый потокъ, которому можно дать полезное направленіе», и что, если не будетъ послѣдняго, то грамота можетъ быть даже пагубнымъ, развращающимъ средствомъ, Скобелевъ прежде всѣхъ наукъ требуетъ твердости въ вѣрѣ: «при всѣхъ высокихъ наукахъ»—говоритъ онъ—«отнюдь не слѣдуетъ умъ и сердце отучать отъ святой вѣры, главнѣйшее блаженство людей составляющей», ибо все это (т. е. науки и пр.)—есть «дѣло людское, святая же вѣра есть дѣло Божественное» [2]); если же человѣкъ одаренъ умомъ, постигъ науку, то онъ «неизбѣжно поставленъ въ священную обязанность уплатить долгъ Творцу, сливая пестрыя понятія людей ограниченныхъ, недальнихъ въ общій сосудъ вѣры, надежды и любви; иначе, подобный человѣкъ не стоитъ выѣденнаго яйца»; не стоятъ выѣденнаго яйца и самыя «науки, воспитаніе и просвѣщеніе», если въ человѣкѣ нѣтъ вѣры и чести, ибо первыя «хороши» только въ человѣкѣ, обладающемъ послѣдними [3]). Ставши на такую точку зрѣнія на науки и просвѣщеніе, Скобелеву недолго было при его прямолинейности дойти и до убѣжденія, что можно обойтись вѣрующему человѣку и безъ грамоты: «Грамота не далась»,—говоритъ Скобелевъ, и Богъ съ нею! Отъ этого мы не менѣе герои, не менѣе честные люди и не менѣе христіане; намъ никто не мѣшаетъ заслужить похвалу земную, а постоянными богоугодными поступками удостоиться даже и царствія небеснаго!» [4]).

---

[1]) „Переписка", стр. 246—247.
[2]) „Переписка", стр. 119 (далѣе идутъ на нѣсколькихъ страницахъ любопытныя доказательства безсилія науки передъ вѣрой).
[3]) Приказы 1835 г., стр. 92.
[4]) „Бесѣды", ч. I, стр. XVIII.

На этомъ разсужденіи нашего писателя, обличающемъ въ немъ беззавѣтно преданнаго правиламъ службы христолюбиваго воина, мы и разстанемся съ Иваномъ Никитичемъ, который, при всѣхъ своихъ достоинствахъ и недостаткахъ, представляетъ одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ примѣровъ «цѣльнаго типа» русскаго человѣка, которыми такъ богата минувшая эпоха [1]).

Ив. Кубасовъ.

---

[1]) Приложенный при настоящей книжкѣ портретъ гравированъ по раскрашенной литографіи, принадлежащей княгинѣ Н. Д. Бѣлосельской-Бѣлозерской, и обязательно доставленъ намъ при любезномъ содѣйствіи Ф. П. Нарышкиной.

Отдѣльно изданы слѣдующія сочиненія И. Н. Скобелева: „Подарокъ товарищамъ или Переписка русскихъ солдатъ въ 1812 году". Спб. 1833 (стр. XVI+205); „Собраніе приказовъ, отданныхъ инспекторомъ резервной пѣхоты генералъ-лейтенантомъ Скобелевымъ по ввѣреннымъ ему войскамъ съ 1834 по 1836 годъ". Нижній-Новгородъ 1836 г.; „Бесѣды русскаго инвалида, или Новый подарокъ товарищамъ". Спб. 1838, въ 2-хъ частяхъ (ч. I, стр. XIX+176; ч. II, стр. 144); „Переписка и разсказы русскаго инвалида". Спб. 1838 (стр. XIV+306); То же сочиненіе, 2-е изд. Спб. 1841 (стр. XIV+308); То же сочиненіе, изд. А. А. Фарикова. Спб. 1844, въ двухъ частяхъ (съ рисунками и безъ нихъ); „Кремневъ—русскій солдатъ. Оригинальное драматическое представленіе въ 3-хъ дѣйствіяхъ". Спб. 1839; „Сцены въ Москвѣ въ 1812 году. Народное драматическое представленіе". Спб. 1839: „Письмо изъ Бородина отъ безрукаго къ безногому инвалиду". Спб. 1839. Нѣкоторыя изъ своихъ сочиненій И. Н. Скобелевъ печаталъ предварительно въ „Библіотекѣ для Чтенія" (См. „Библ. для Чтенія", 1834 г., т. I, отд. I, стр. 149—158, разсказъ „Штыкъ", т. II, отд. I, стр. 75—92, „Разсказы стараго инвалида"; т. IV, отд. I, стр. 55—64, „Старые анекдоты"; № 30, отд. I, стр. 240—246 и др.) и „Отеч. Запискахъ" (См. „Отеч. Зап.", 1841, т. 16, отд. III, стр. 77—91, „Бесѣда въ лазаретѣ"). Нѣкоторыя его сочиненія перепечатывались въ позднѣйшее время въ журналахъ: „Русская Старина" („Русск. Стар.", 1885, т. 44, стр. 720—722, 1898 г., стр. 61—64), „Русск. Архивъ" (См. „Русск. Арх.", 1878, т. I, стр. 222—231; 1882, т. III, стр. 144—145) и „Историч. Вѣстникъ", (См. „Истор. Вѣсти.", 1885, т. XIX, стр. 224—225).

II. Незаровіусъ и газета «Русскій Инвалидъ».

Собственноручное письмо Павла Незаровіуса—графу Аракчееву.

20-го сентября 1820 г.

Съ 1813 года февраля 1-го дня, когда я приступилъ къ изданію «Русскаго Инвалида», продолжалъ я оное по сіе время, т. е. безъ малаго 8 лѣтъ, не взирая на всѣ непріятности, сопряженныя съ таковымъ занятіемъ. Съ февраля нынѣшняго года, когда цензура иностранныхъ политическихъ статей высочайше поручена была его сіятельству графу Нессельроде, надѣялся я, что теперь уже оставятъ меня въ покоѣ, зная, что всѣ иностранныя статьи въ Инвалидѣ разсматриваются столь просвѣщеннымъ и опытнымъ цензоромъ, коего благородное и ласковое со мною обхожденіе никогда не изгладится изъ моей памяти, и который въ случаѣ надобности не оставитъ засвидѣтельствовать, какъ осторожность мою, такъ и правильность моихъ сужденій о нынѣшнихъ политическихъ происшествіяхъ, неоднократно удостоенныя его одобренія. Но со всѣмъ тѣмъ замѣчанія и сужденія на счетъ редактора, къ сожалѣнію, все еще продолжаются.

Я знаю, что во всякой службѣ непріятности неизбѣжны и что ревностный служитель государства долженъ преодолѣвать оныя удвоеннымъ усердіемъ въ исполненіи обязанностей своихъ. Но съ другой стороны сей самый служитель долженъ поспѣшать оставить службу свою, коль скоро онъ предвидитъ, что какими-либо обстоятельствами можетъ подвергнуться подозрѣнію, отъ коего нѣтъ даже возможности совершенно очиститься. Такому роду подозрѣнія подвергаюсь и я, по причинѣ крика и замѣчаній разныхъ людей на разныя политическія статьи, кои то тому, то другому не нравятся, хотя оныя обработаны со всевозможною осторожностью и одобрены столь же просвѣщеннымъ и опытнымъ въ политическихъ отношеніяхъ цензоромъ, каковъ графъ Нессельроде. Но

сужденія нашихъ критиковъ, обращающіяся противъ одного только редактора безпрестаннымъ оныхъ повтореніемъ составляютъ, наконецъ нѣкоторый родъ невыгоднаго для него общаго мнѣнія, такъ что впослѣдствіи рѣдко кто уже беретъ на себя трудъ изыскивать, основательно ли таковое мнѣніе или нѣтъ. Все сіе вмѣстѣ съ ослабленіемъ глазъ моихъ заставляетъ меня всепокорнѣйше просить ваше сіятельство, яко почтенную особу, черезъ которую утвержденъ я въ званіи редактора «Русскаго Инвалида» и опредѣленъ членомъ комитета [1]), исходатайствовать у всемилостивѣйшаго государя императора увольненія меня отъ должности редактора. Я знаю, что этотъ шагъ лишаетъ меня всего моего жалованья, но я твердо увѣренъ, что Богъ меня не оставитъ. При томъ же остается у меня пенсія 1.500 руб., коею я никому не обязанъ кромѣ вашего сіятельства, по свойственному вамъ великодушію, обратившаго вниманіе на человѣка, никогда ничего для себя не просившаго, и наконецъ сладостное для меня утѣшеніе, что заведеніе «Русскаго Инвалида» было нѣсколько полезнымъ и съ самаго начала до нынѣшняго дня не стоило казнѣ ни одного рубля.

Рукою Аракчеева написано: «Прошу отвѣчать и прислать къ подписанію, что его воля въ ономъ, но что слѣдуетъ ему объ этомъ предложить въ Комитетѣ».

Сообщилъ Н. **Дубровинъ**.

---

[1]) Нынѣ Александровскаго Комитета о раненыхъ.

Цесаревичъ Конетантинъ Павловичъ.

(Историческая характеристика).

Недавно вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ трудъ покойнаго Е. П. Карновича «Цесаревичъ Константинъ Павловичъ». Первоначально это сочиненіе появилось на страницахъ «Русской Старины» (въ 1877 и 1878 годахъ), а нынѣ оно переиздано А. С. Суворинымъ подъ редакціей Н. К. Шильдера, при чемъ пропуски, сдѣланные авторомъ по независѣвшимъ отъ него причинамъ, возстановлены, нѣкоторыя мѣста исправлены по новымъ даннымъ, а текстъ дополненъ и разъясненъ примѣчаніями. Сверхъ того Н. К. Шильдеръ напечаталъ въ приложеніяхъ нѣсколько документовъ, изъ которыхъ особенный интересъ представляютъ появляющіяся впервые въ печати письма великаго князя Константина Павловича и графа Дибича. До настоящаго времени трудъ Карновича является единственнымъ серьезнымъ біографическимъ очеркомъ, посвященнымъ цесаревичу Константину Павловичу, такъ какъ изданная вскорѣ послѣ его кончины книжка подъ громкимъ заглавіемъ «Жизнь его императорскаго высочества цесаревича и великаго князя Константина Павловича или полное и вѣрное описаніе его дѣяній съ 1799 года по самую кончину»,—является лишь сборникомъ оффиціальныхъ реляцій и писемъ, приправленнымъ извѣстнымъ количествомъ анекдотовъ.

Между тѣмъ, пишетъ Н. К. Шильдеръ въ своемъ предисловіи къ біографическому очерку Карновича,—«цесаревичъ игралъ такую крупную и вліятельную роль въ исторіи Россіи за первое тридцатилѣтіе XIX столѣтія, что стоило бы взяться за перо, чтобы обрисовать эту въ высшей степени своеобразную личность, представляющую и въ психологическомъ отношеніи не мало любопытныхъ сторонъ для изслѣдователя». Мимоходомъ Н. К. Шильдеръ нѣсколькими мѣткими строками

указываетъ на роковое значеніе цесаревича Константина Павловича въ исторіи Россіи. «Совоспитанникъ Александра Павловича,—пишетъ онъ,—ученикъ Лагарпа, сподвижникъ Суворова и ревностный служака въ царствованіе Павла Петровича, цесаревичъ есть невольная причина разъединенія Польши съ Россіей (1815—1830 гг.) и жертва ослѣпленія поляковъ, которымъ всегда такъ сердечно сочувствовалъ. Тотъ же цесаревичъ, вслѣдствіе отреченія своего отъ всероссійскаго престола, является невольною причиною роковыхъ событій 14-го декабря: каждая жертва, имъ приносимая благу отечеству, влечетъ за собою мятежи и искупается тысячами другихъ жертвъ».

Помимо труда Карновича много богатаго матеріала для характеристики личности цесаревича Константина Павловича заключается въ недавно законченномъ печатаніемъ сочиненіи Н. К. Шильдера «Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе». Нѣсколько характерныхъ для цесаревича данныхъ приведено также и въ запискахъ графини Головиной, напечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Пользуясь всѣми этими матеріалами, мы и попытаемся обрисовать для читателя несомнѣнно своеобразную личность Константина Павловича.

I.

«Человѣкъ предполагаетъ, Богъ располагаетъ», говоритъ мудрая русская поговорка. И справедливость ея рѣзко подтвердилась на судьбѣ великаго князя Константина Павловича, втораго сына императора Павла. Цѣлый дождь коронъ готовился пролиться на него, и не одна изъ нихъ не увѣнчала его. Онъ былъ еще въ колыбели, а для него уже предназначали престолъ бывшихъ византійскихъ императоровъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, его въ младенчествѣ окружали греками: его кормилицей была гречанка, первымъ слугою—грекъ, товарищами его дѣтскихъ игръ—греки. Уже съ этихъ поръ его учили греческому языку, на которомъ впослѣдствіи онъ говорилъ очень недурно. Его крестнымъ отцомъ, по словамъ Екатерины, могъ бы быть только лучшій ея другъ. Абдулъ-Гамидъ, наслѣдіе котораго—св. Софія перешла бы къ его крестнику. «Но такъ какъ турокъ не можетъ крестить христіанина,—писала Екатерина,—то, по крайней мѣрѣ, окажемъ ему почетъ, назвавъ младенца Константиномъ.» И новорожденному великому князю дали имя Константина—имя перваго основателя Константинополя на мѣстѣ древней Византіи, и имя, которое носилъ также послѣдній греческій императоръ изъ дома Палеологовъ. Даже въ мелочахъ Екатерина была

готова видѣть предзнаменованіе судьбы, которую она готовила своему второму внуку. Разсказывая въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Гримму о рожденіи Константина Павловича, она писала: «этотъ послабѣе старшаго брата, и чуть коснется его холодный воздухъ, онъ прячетъ носъ въ пеленки, онъ ищетъ тепла»; точно его инстинктивно въ колыбели тянуло туда, подъ благодатное небо юга, на берега Босфора. По случаю рожденія великаго князя Константина Павловича была выбита особая медаль, тоже выдававшая завѣтныя мечты Екатерины о возстановленіи Греческой имперіи. На лицевой сторонѣ медали, между изображеніями Вѣры и Надежды, помѣщена Любовь, держащая на рукахъ младенца; всѣ эти изображенія озаряются свыше лучами съ надписью «съ сими». Вдали, вправо, виднѣется Константинопольскій соборъ св. Софіи, а влѣво—море и восходящая на горизонтѣ звѣзда. Къ младенцу Константину являлась одна греческая депутація, выразившая ему желаніе, чтобы онъ занялъ престолъ Константина Палеолога. Въ бумагахъ воспитателя Константина Павловича гр. Н. И. Салтыкова сохранилось письмо нѣкоего грека Пангала, адресованное «его высочеству, кротчайшему греческому самодержцу Константину III». По мысли и заказу Екатерины былъ сдѣланъ слѣдующій аллегорическій портретъ обоихъ юныхъ великихъ князей: Александръ Павловичъ былъ представленъ съ мечемъ въ рукахъ разсѣкающимъ Гордіевъ узелъ (восточный вопросъ), а Константинъ Павловичъ—въ одѣяніи византійскихъ кесарей, осѣненный крестомъ изъ семи звѣздъ, подобіемъ креста, который, по сказаніямъ, явился на небѣ императору Константину Великому въ ночь передъ битвой его съ Максенціемъ на Мильвійскомъ мосту.

Пока Константинъ подросталъ, Екатерина, по ея образному выраженію, занялась «ломкой роговъ» мусульманскаго полумѣсяца. Въ цѣляхъ подготовки болѣе вѣрной почвы для осуществленія своихъ замысловъ, она приняла цѣлый рядъ мѣръ, которыя приручили бы грековъ къ Россіи: въ Петербургѣ былъ учрежденъ греческій кадетскій корпусъ, въ Новороссійскомъ краѣ, на пути къ Константинополю, учреждались города съ греческими названіями, сама императрица стала носить и ввела въ моду дамскій нарядъ, называвшійся «гречанкою».

Помимо византійской короны Константину Павловичу предназначались разновременно и другія короны. Такъ, возникала мысль о возведеніи его на шведскій престолъ, предполагалось оставить независимыми Молдавію и Валахію и, объединивъ ихъ подъ названіемъ Дакіи, включить впослѣдствіи въ составъ Греческой имперіи. Заботливость Екатерины о внукѣ простиралась такъ далеко, что Потемкинымъ былъ составленъ проектъ объ обезпеченіи царскимъ вѣнцомъ даже «будущаго наслѣдника великаго князя Константина Павловича». Въ

этихъ цѣляхъ предлагалось, воспользовавшись персидскими неустройствами, занять Баку и Дербентъ и, присоединивъ къ нимъ Гилянь, назвать все это Албаніею.

Позднѣе, послѣ смерти Екатерины, могло казаться, что сама судьба приняла на себя заботу подготовлять престолы для цесаревича Константина. Супружество императора Александра оставалось бездѣтнымъ, и въ глазахъ всей Россіи Константинъ являлся естественнымъ и прямымъ его наслѣдникомъ. Послѣ смерти Александра вся Россія присягнула Константину какъ своему законному государю. Указы Сената посылались именемъ императора Константина I, на монетахъ появилось его изображеніе, въ церквахъ возносились моленія о немъ, какъ о царствующемъ государѣ. Но и здѣсь сказался верховный приговоръ судьбы: фактически Константинъ не пользовался громадною, дававшеюся ему властью ни одного мгновенія.

Наконецъ, еще позднѣе, въ роковой для цесаревича 1830 годъ, предводители возмутившихся поляковъ предлагали ему корону королевства польскаго.

II.

Главною особенностью Константина Павловича, подавлявшею и заслонявшею всѣ его прочія индивидуальныя особенности, была его страсть къ военнымъ ученіямъ, мелочной сторонѣ военнаго дѣла, его «экзерцирмейстерство», «парадоманія». Ихъ онъ унаслѣдовалъ съ кровью своего отца и остался имъ вѣренъ до гробовой доски. Задатки подобныхъ наклонностей стали проявляться у него въ раннемъ дѣтствѣ. Уже съ пяти лѣтъ онъ, по словамъ Лагарпа, былъ постоянно занятъ только «своими ружьями, знаменами и алебардами» и думалъ «только объ играхъ въ солдаты, какъ во время, такъ и послѣ урока». И, къ сожалѣнію, судьба позволила ему продолжать эту игру въ солдаты во всю его жизнь. Къ пятнадцатилѣтнему возрасту Константинъ Павловичъ все свое свободное время сталъ употреблять на занятія «ружейными пріемами». Какъ разъ около этого времени въ его распоряженіе предоставили 15 человѣкъ гренадеръ, которыхъ онъ обучалъ фронту и которыхъ, въ пылу увлеченія, мучилъ цѣлыми днями. Къ этому же времени особенно возросло вліяніе на Константина императора Павла. По словамъ графа С. Р. Воронцова, императоръ Павелъ былъ недоволенъ тою утонченностью, съ которою велось дѣло воспитанія его старшаго сына, и въ отношеніи къ Константину, насколько возможно, пытался дер-

жаться совершенно противоположнаго направленія. Два раза въ недѣлю Константинъ, какъ и его старшій братъ, долженъ былъ присутствовать на военныхъ упражненіяхъ въ Павловскѣ, и, основываясь на показаніяхъ современниковъ, слѣдуетъ заключить, что это обстоятельство пріучало его «къ мелочной и ничтожной тактикѣ, уничтожая болѣе широкое пониманіе военнаго дѣла». Разсказывая о своихъ служебныхъ похожденіяхъ въ «гатчинской кордегардіи», «этомъ особомъ мірѣ, сильно походившемъ на каррикатуру», оба великіе князья съ удовольствіемъ замѣчали: «это по-нашему, по-гатчински».

Страсть Константина Павловича ко всему военному отразилась и на отношеніи его къ своей невѣстѣ, принцессѣ Юліи Кобургской. Зимою онъ являлся къ ней завтракать въ шесть часовъ утра, приносилъ съ собою барабанъ и трубы и заставлялъ ее играть на клавесинѣ военные марши, аккомпанируя ей принесенными съ собою шумными инструментами. По словамъ записокъ графини В. Н. Головиной, это было единственнымъ выраженіемъ его любви къ ней.

Съ воцареніемъ императора Павла увлеченіе фронтами, солдатской выправкой—должно было окрѣпнуть въ Константинѣ, но съ особенной пышностью оно распустилось послѣ смерти Павла Петровича, когда императоръ Александръ предоставилъ брату полную свободу распоряжаться по-своему. Теперь мѣсто Гатчины заступила Стрѣльна. Лѣтомъ цесаревичъ жилъ большею частью въ Стрѣльнѣ и тамъ усердно занимался военными упражненіями съ расположенными около Стрѣльны войсками. По этому поводу проживавшій въ 1803 году, близъ Стрѣльны, у Сергія, іеромонахъ, впослѣдствіи извѣстный митрополитъ кіевскій Евгеній Болховитиновъ, жаловался въ письмѣ къ своему пріятелю Македонцу, что Константинъ Павловичъ не даетъ ему спать; открывая у себя по ночамъ съ 11-ти или 12-ти часовъ страшнѣйшую пушечную пальбу. «Ужасный охотникъ до пальбы и до экзерцицій», писалъ между прочимъ Евгеній о своемъ безпокойномъ сосѣдѣ.

Цесаревичъ являлся грозою ученій, смотровъ, разводовъ, карауловъ и парадовъ, и его стрѣльнинскимъ увлеченіямъ Ѳаддей Булгаринъ посвятилъ слѣдующіе стихи:

„Трепещетъ Стрѣльна вся: повсюду ужасъ, страхъ.
„Неужели землетрясенье?
„Нѣтъ, нѣтъ! Великій князь ведетъ насъ на ученье...“

Карновичъ въ своемъ сочиненіи прекрасно охарактеризовалъ главную особенность цесаревича Константина: «Обученіе и организація войска были любимымъ и, можно сказать, даже единственнымъ занятіемъ цесаревича. Занятіе этими предметами составляло въ немъ господствующую страсть, и надобно отдать ему справедливость въ томъ, что онъ, по избранной имъ части, былъ не только знатокомъ, но чрезвычайно

добросовѣстнымъ и неутомимымъ дѣятелемъ. Но и здѣсь проявлялась у него странная односторонность взгляда: онъ признавалъ идеаломъ войска не боевую силу, но строго дисциплинированную и отлично обученную плацпарадную машину. Онъ находилъ, что война только портитъ, но никакъ не улучшаетъ армію, т. е., въ сущности, отвергалъ практическую пригодность войска для той цѣли, для которой оно собственно содержится, дисциплинируется и обучается. Руководствуясь этимъ взглядомъ, онъ воспротивился благому намѣренію императора Николая Павловича двинуть польскую армію въ Турцію и тѣмъ самымъ едва-ли не болѣе всего способствовалъ вооруженному возстанію Польши».

Вообще, въ военномъ дѣлѣ цесаревичъ, по словамъ поэта, любилъ лишь

„...воинственную живость
„Потѣшныхъ Марсовыхъ полей,
„Пѣхотныхъ ратей и коней,
„Однообразную красивость".

Взглядъ цесаревича на войско и его задачи долженъ былъ особенно непріятно поражать въ военное время, и Ермоловъ не безъ горечи замѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что съ прибытіемъ цесаревича къ аррьергарду арміи въ февралѣ 1807 года, «начались разводы и щегольство, а въ авангардѣ съ тощими желудками принялись за перестройку аммуниціи».

То же отношеніе цесаревича къ войскамъ въ военное время непріятно поразило Шишкова въ 1812 году. Ему случайно пришлось быть свидѣтелемъ, какъ великій князь показывалъ солдатамъ, въ какомъ положеніи держать тѣло, голову, грудь, гдѣ у ружья быть рукѣ и пальцу, какъ красивѣе шагать, повертываться и тому подобные пріемы. Какъ, думалъ Шишковъ, то ли теперь время, чтобы заниматься такими пустыми мелочами? «Казалось,—записалъ Шишковъ,—великій князь угадалъ мою мысль, потому что, взглянувъ на меня, сказалъ мнѣ: «Ты вѣрно смотришь на это какъ на дурачество?» «Вопросъ сей такъ смутилъ меня, что я, ничего не отвѣчая, только низко поклонился».

Иногда фронтовыя увлеченія цесаревича проявлялись въ формѣ, принимавшей характеръ смѣшнаго. Такъ однажды, во время пребыванія императора Александра въ Парижѣ, въ домѣ Талейрана, гдѣ жилъ государь, услышали сильный шумъ. Шумъ этотъ страшно перепугалъ всѣхъ, такъ какъ въ Парижѣ неоднократно проносились слухи о готовившихся покушеніяхъ на жизнь русскаго императора. Приближенные государя и его прислуга бросились на раздавшійся шумъ, и ихъ взорамъ представилась слѣдующая картина: нѣсколько высокопоставленныхъ въ русской арміи лицъ маршировали по залѣ, а Константинъ

Павловичъ, обучая ихъ маршировкѣ, въ одно и то же время командовалъ и по-русски, и по-польски, и по-французски, дѣлая имъ запальчиво свои начальническія замѣчанія.

Во время ученій цесаревичъ отбивалъ тактъ, ударяя себя по кляжкѣ, отчего она вся превратилась въ сплошной синякъ, и онъ съ гордостью показывалъ ее всѣмъ, кто только выражалъ желаніе видѣть ее.

Все, что только относилось къ военному ремеслу, привлекало первенствующее вниманіе великаго князя, и императоръ Александръ, по поводу пребыванія въ Парижѣ цесаревича, разсказывалъ съ удивленіемъ: «Видано ли было, чтобы кто-либо, на слѣдующій же день своего пріѣзда въ Парижъ, отправился осматривать конюшни? А такъ поступилъ великій князь Константинъ».

Цесаревичъ до такой степени отдавался своей страсти, что у него даже костюмъ, въ которомъ онъ выходилъ къ являвшимся къ нему лицамъ, служилъ барометромъ его настроенія. «Если цесаревичъ,—пишетъ Карновичъ,—былъ въ своемъ обычномъ бѣломъ холстинномъ халатѣ, то не было никакого сомнѣнія въ его отмѣнной благосклонности къ тѣмъ, кого онъ принималъ въ такомъ нарядѣ. Если онъ былъ въ сюртукѣ безъ эполетъ, то это, относительно его расположенія, означало ни то, ни сё; при эполетахъ на плечахъ цесаревича—дѣло становилось плохо; но когда онъ выходилъ въ мундирѣ, а тѣмъ болѣе въ парадной формѣ, то въ первомъ случаѣ надо было ожидать бурю, а въ послѣднемъ страшнаго урагана. При этомъ лицо цесаревича принимало грозное выраженіе». Объемъ требованій, предъявлявшихся къ арміи цесаревичемъ, «слѣдовавшимъ павловскимъ преданіямъ», и, такъ сказать, его великій идеалъ лучше всего видны изъ слѣдующихъ его отзывовъ о трехъ разводныхъ ученіяхъ, произведенныхъ имъ въ Варшавѣ въ 1816 году. «Литовскій баталіонъ далъ разводъ и учился на два баталіона. Ученіе сіе происходило столь совершенно во всѣхъ отношеніяхъ, что удивило всѣхъ зрителей, а захожденіе плечомъ цѣлыми баталіонами, маршированіе рядами и полуоборотомъ цѣлымъ фронтомъ столь было совершенно, и таковая соблюдалась осанка, что я съ сердечнымъ удовольствіемъ отдалъ имъ въ полной мѣрѣ справедливость въ томъ, что сего превзойтить невозможно»... «Послѣ сего на другой день былъ разводъ Финляндскаго баталіона и ученіе на два баталіона, и должно признаться, что не токмо ни въ чемъ не уступилъ литовскимъ, но совершенно чудо, необычайная тишина, осанка, вѣрность и точность безпримѣрны, маршировка цѣлымъ фронтомъ и рядами удивительна, а въ перемѣнѣ фронта взводы держали ногу и шли параллельно столь славно, что должно уподоблять движущимъ стѣнамъ, и вообще должно сказать, что не маршируютъ, но плывутъ, и, словомъ, черезъ

чуръ хорошо, и право; славные ребята и истинное чудо россійской лейбъ-гвардіи».

Не менѣе любопытенъ слѣдующій разсказъ цесаревича: «30-го сентября разводъ былъ Польскаго гвардейскаго гренадерскаго баталіона и 1-го пѣхотнаго полка обоихъ баталіоновъ, съ ученіемъ гренадерскому баталіону, которое чрезвычайно было хорошо, и государь императоръ совершенно былъ доволенъ и при томъ изволилъ замѣтить и хвалить, что въ построеніи колоннъ и деплоядахъ, равно и въ другихъ построеніяхъ, гдѣ движеніе происходило рядами, то люди во всѣхъ трехъ шеренгахъ такъ вѣрно держали плечи и равнялись взаимно на передовыхъ, что слѣды на землѣ означали три черты, совершенно прямыя и параллельныя, чѣмъ доказывалось, что не было никакого волненія въ сторону и отрыванія и толканія локтями, а отъ соблюденія вѣрности въ плечахъ не происходило никакого криволинейнаго направленія».

До какой степени цесаревичу удалось воплотить свой идеалъ въ дѣйствительности, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ императора Александра, сказанныхъ имъ при прохожденіи русскихъ и польскихъ войскъ на большомъ парадѣ въ Варшавѣ въ 1816 году: «Это точно такъ, какъ польскіе графленые въ клѣточкахъ рапорты».

Подобный отзывъ долженъ былъ явиться высшей наградой для великаго князя Константина Павловича. Съ нимъ могли бы лишь сравняться слова, сказанныя государемъ позднѣе, въ 1818 году, тоже по поводу большаго парада варшавскимъ войскамъ: «Я весьма бы желалъ, если бы у меня въ Петербургѣ и гвардія такъ прошла».

Какъ уже упомянуто выше, Константинъ Павловичъ держался взгляда, что война портитъ войска. Помимо того, цесаревичъ вообще не любилъ войны. Несмотря на это,—пишетъ Карновичъ,—онъ «съ увлеченіемъ исполнялъ обязанности начальника мирной арміи, для усовершенствованія которой единственнымъ средствомъ считалось тогда постоянное и неутомимое занятіе строевыми эволюціями, маршировкой, выправкой, пригонкой аммуниціи и вообще такими предметами, которые во время войны неизбѣжно отодвигаются на второй планъ. Великій князь не гнался за лаврами полководца, но желалъ и быть и слыть замѣчательнымъ организаторомъ арміи, къ чему влекли его и наклонности, обнаруженныя имъ съ самаго дѣтства, и привычки, усвоенныя имъ съ той же поры. Подобно тому какъ отецъ его съ безпримѣрной энергіею старался объ устройствѣ модельнаго войска изъ гатчинскихъ баталіоновъ по образцу нѣмецкихъ пудреныхъ дружинъ—Константинъ Павловичъ трудился надъ тѣмъ, чтобы всѣ ввѣренныя ему части войска были «модельными». Разница же въ этомъ случаѣ между занятіями отца и занятіями сына была та, что первый изъ нихъ безусловно слѣдовалъ прусскому, какъ идеалу всего лучшаго по части обученія и

обмундированія войскъ, тогда какъ Константинъ Павловичъ дѣйствовалъ вполнѣ самостоятельно по собственнымъ своимъ соображеніямъ, улучшая всѣ части въ тѣхъ командахъ, которыя состояли подъ его начальствомъ. Къ этому ему представлялась полная возможность, такъ какъ, въ царствованіе Александра Павловича, почти исключительно отъ него зависѣли и введеніе и отмѣна по всему войску какъ фронтовыхъ, такъ и хозяйственныхъ порядковъ. Кромѣ того, къ гвардіи изъ армейскихъ полковъ прикомандировывались офицеры, которые, живя въ Стрѣльнѣ, обучались подъ надзоромъ великаго князя фронтовымъ эволюціямъ, и по окончаніи тамъ обученія возвращались въ свои команды, которыя и перенимали черезъ нихъ все то, что было заведено въ Стрѣльнѣ.

Нелюбовь цесаревича къ войнѣ, при его увлеченіи экзерцирмейстерствомъ и военнымъ ремесломъ въ мирное время, должна быть объяснена исключительно неуспѣшностью всѣхъ его попытокъ выступить въ качествѣ военачальника. Точно какой-то рокъ преслѣдовалъ всѣ его начинанія на полѣ битвы. Двадцатилѣтній Константинъ Павловичъ былъ несомнѣннымъ виновникомъ неудачи русскихъ войскъ при Бассиньяно, въ Италіи, въ 1799 году. Позднѣе, въ 1805 году, командуя русскою гвардіей и участвуя съ нею въ Аустерлицкомъ сраженіи, цесаревичъ принялъ непріятельскія войска за часть союзныхъ войскъ и, желая поддержать ихъ, построилъ свой резервъ въ боевой порядокъ. Ошибка была обнаружена лишь тогда, когда мнимые союзники открыли по немъ канонаду. Въ этомъ сраженіи цесаревичъ былъ отрѣзанъ отъ центра союзной арміи. Для того, чтобы возстановить его связь съ центромъ, преображенцы ходили въ штыки, конногвардейцы, кавалергарды и лейбъ-казаки бросались въ атаку, но всѣ попытки оказались тщетными. Атаки эти сопровождались огромными потерями, и Константинъ Павловичъ былъ вынужденъ отвести свои войска обратно за Раусницкій ручей.

Послѣ этого вполнѣ естественно, что цесаревичъ, при всей его личной храбрости, долженъ былъ почувствовать нерасположеніе къ войнѣ. Помимо того, подъ вліяніемъ его неудачъ, въ немъ могло зародиться убѣжденіе въ своей неспособности предводительствовать, и самолюбіе, сильно развитое у него, побуждало его избѣгать возможности снова подвергать себя случайностямъ военнаго счастья.

По словамъ Карновича, нелюбовью цесаревича къ войнѣ слѣдуетъ объяснить то обстоятельство, что «онъ не принималъ участія ни въ австрійской, ни въ шведской, ни въ турецкихъ войнахъ, которыя вела Россія по заключеніи Тильзитскаго мира, но, живя то въ Петербургѣ, то въ Стрѣльнѣ, и здѣсь и тамъ занимался дѣятельно обученіемъ войска въ манежахъ, на плацпарадахъ и маневрахъ и былъ самымъ бдитель-

нымъ блюстителемъ по исполненію всѣми чинами тогдашняго воинскаго устава».

Ревностный служака, цесаревичъ былъ крайне требователенъ къ своимъ подчиненнымъ. Требовательность эта отягощалась безпощадно строгимъ взглядомъ Константина Павловича на дисциплину и на отношеніе начальниковъ къ подчиненнымъ. Еще пятнадцатилѣтнимъ юношей онъ высказывалъ мнѣніе, что «офицеръ есть не что иное, какъ машина», что «все то, что командиръ приказываетъ своему подчиненному, должно быть исполнено, хотя бы это была жестокость». Въ силу этого правила, онъ «вдавался въ самые крайніе выводы о необходимости поддержанія дисциплины, давая просторъ—въ своихъ фантастическихъ замѣткахъ,—самому неограниченному произволу начальниковъ въ ихъ отношеніяхъ къ подчиненнымъ. Такъ, напримѣръ, Константинъ Павловичъ полагалъ, что «фантазія начальника можетъ сдѣлать подчиненнаго своимъ слугою, который и можетъ быть употребляемъ на все». Этими взглядами, въ большей или меньшей степени, онъ руководился всю свою жизнь. Вообще, какъ передаетъ Веригинъ въ своихъ «Запискахъ»—«цесаревичъ любилъ покорность безъ разсужденій». «При исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей,—повѣствуетъ его первый біографъ,—онъ иногда примѣнялъ къ дѣлу свои теоретическія воззрѣнія, будучи чрезвычайно строгъ и вспыльчивъ въ обращеніи со всѣми. На ученіяхъ онъ поворачивалъ каждаго рекрута налѣво и направо, заставлялъ шагать его взадъ и впередъ, приподнималъ ему подбородокъ, подтягивалъ портупею и ремни у ранца, поправлялъ на головѣ его шляпу, давая по временамъ чувствительно понять неудовольствіе свое противъ неуклюжихъ или неповоротливыхъ служивыхъ. То же самое, кромѣ развѣ послѣдней прибавки, онъ дѣлалъ и съ офицерами, при чемъ переходилъ очень часто границы предоставленныхъ ему по «военному уставу» правъ».

При всемъ томъ у цесаревича выработался совершенно оригинальный взглядъ на отвѣтственность начальствующихъ лицъ. «Если,—пишетъ Веригинъ въ своихъ «Запискахъ»,—полковой командиръ заслуживалъ гнѣва своего царственнаго начальника, то при первомъ ученіи весь полкъ терпѣлъ одинаково со своимъ полковымъ командиромъ; если ротный начальникъ вызывалъ въ немъ неудовольствіе, то вся рота никуда не годилась; если прапорщикъ вдавался въ либерализмъ (?), то великій князь взыскивалъ не только съ него, но и съ его взвода».

Самъ цесаревичъ нисколько не обманывался на счетъ всей суровости своихъ служебныхъ требованій. Въ одномъ изъ писемъ къ Опочинину онъ прямо писалъ, что у него въ арміи «строго и жутковато», а какъ-то въ письмѣ къ Сипягину признавался, что «у насъ бываетъ иногда съ шумомъ и крикомъ, но нечего дѣлать, обойтиться нельзя». При этомъ, достигнутые успѣхи не только не ослабляли строгости цесаре-

вича, но дѣлали его еще болѣе требовательнымъ. «Дабы не мечтали, что уже дошли до совершенства и оттого не опустились, у насъ страшная пошла строгость», малѣйшая вина виновата, и за малѣйшую ошибку по ефрейторской службѣ арестами отвѣчаютъ».

Конечно, все это не могло не вызывать ропота въ арміи и, въ частности, среди офицеровъ. Русскіе офицеры, по словамъ «Записокъ» Веригина,—нерѣдко составляли оппозицію противъ великаго князя. Особаго шума надѣлала исторія капитана лейбъ-гвардіи Литовскаго полка Пущина, котораго цесаревичъ «за дерзкія объясненія отдалъ подъ судъ. Узнавъ объ этомъ, всѣ капитаны Литовскаго полка заявили, что они участники въ отвѣтахъ и возраженіяхъ Пущина, и просятъ отдать ихъ подъ судъ вмѣстѣ съ Пущинымъ. Эта сильная оппозиція заставила одуматься великаго князя». Въ другомъ случаѣ,— разсказываетъ Веригинъ,—«офицеры сговаривались не дотрогиваться ни до чего за завтракомъ, который долженъ былъ быть въ этотъ день у главнокомандующаго, и не пить за его здоровье. Уговоръ между ними былъ исполненъ, и, когда цесаревичъ съ бокаломъ въ рукѣ сталъ среди залы, никто изъ офицеровъ не подошелъ къ нему. Онъ подождалъ ихъ нѣкоторое время, а между тѣмъ графъ Красинскій подталкивалъ то того, то другаго, но никто не шелъ. Увидавъ это, цесаревичъ вспыхнулъ отъ гнѣва, схватилъ шляпу и быстро вышелъ изъ залы».

Наконецъ, дѣло дошло до того, что выходки цесаревича привели къ цѣлому ряду самоубійствъ среди польскихъ офицеровъ.

Говоря о взглядѣ цесаревича на отношенія къ подчиненнымъ, необходимо прибавить, что онъ рѣдко разграничивалъ сферу служебныхъ отношеній отъ отношеній внѣслужебныхъ. При этомъ вся суровость требованій цесаревича была обращена исключительно на военныхъ. Поэтому-то, по свидѣтельству Карновича, за все время нахожденія цесаревича въ царствѣ Польскомъ, ни гражданскіе чиновники, ни обыватели вообще не имѣли никакого повода жаловаться на его строгое или надменное съ ними обращеніе, и, если войска были раздражены имъ, то населеніе края вообще, хотя и недовольное господствовавшими порядками, не питало непріязни лично къ великому князю и скорѣе почувственно, нежели враждебно, относилось къ нему.

Строго смотря на значеніе дисциплины въ военномъ дѣлѣ, цесаревичъ самъ лично, къ сожалѣнію, не умѣлъ подчиняться ея требованіямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, по обстоятельствамъ дѣла, при томъ, въ военное время, это представлялось необходимымъ. Наиболѣе яркимъ примѣромъ этого можетъ служить слѣдующій случай. Генералъ Жиркевичъ разсказываетъ въ своихъ «Запискахъ», что онъ «своими ушами слышалъ, какъ при отступленіи отъ Смоленска великій князь Константинъ Павловичъ, подъѣхавъ къ его, Жиркевича, батареѣ, около

которой стояло много смольянъ, говорилъ: «что дѣлать, друзья! Мы не виноваты, не допустили насъ выручить васъ. Не русская кровь течетъ въ томъ, кто нами командуетъ, а мы, хоть намъ и больно, да должны слушать его. У меня не менѣе вашего сердце надрывается».

III.

Константинъ Павловичъ былъ человѣкомъ первыхъ впечатлѣній, совсѣми хорошими и дурными послѣдствіями подобнаго свойства: необычайною живостью, горячностью, быстрыми переходами отъ одного настроенія къ другому и пр. Въ этомъ особенно сказывалось его сходство съ отцомъ, императоромъ Павломъ. Этой же его особенностью слѣдуетъ объяснить и преимущественную любовь къ нему императора Павла.

Уже въ дѣтствѣ Константинъ Павловичъ обнаруживалъ крайнія живость и неровность характера. По словамъ Лагарпа, рѣдко можно встрѣтить дѣтей до такой степени живыхъ, какимъ былъ великій князь Константинъ. У него не было ни одной минуты покоя, онъ постоянно былъ въ движеніи и, по образному выраженію его воспитателя, непремѣнно выпрыгнулъ бы изъ окна, если бы за нимъ не слѣдили. Минуты, въ которыя удавалось сосредоточить его вниманіе на чемъ-либо одномъ, выдавались крайне рѣдко, и невниманіе его въ дѣтствѣ было такъ велико, что онъ, по словамъ его біографа, безпрестанно переходилъ отъ одного предмета къ другому и интересовался только разнообразіемъ и быстрой смѣной впечатлѣній, производимыхъ окружавшими его предметами. Кромѣ того, по наблюденію Лагарпа, въ немъ ежедневно замѣчалось колебаніе мнѣній объ одномъ и томъ же предметѣ, и его вѣтренность должна была внушать опасеніе за его будущій характеръ. Этого слѣдовало ожидать въ виду того, что маленькій Константинъ отличался капризами, нетерпѣніемъ и упрямствомъ; что вспышки раздраженія проявлялись у него часто и неожиданно и сопровождались такими припадками злобы, что ихъ нельзя было оставить безъ вниманія. Онъ часто поступалъ наперекоръ своему наставнику, прямо отказывался исполнять его требованія, бросалъ книги, бумагу и перья на полъ, стиралъ ариѳметическія задачи, написанныя на его черномъ столѣ, и эти проявленія непослушанія сопровождались гнѣвными движеніями и сильною яростью. При этомъ припадки вспыльчивости проявлялись у Константина Павловича столь быстро и неожиданно, что, по словамъ Лагарпа, предупредить ихъ было весьма трудно и даже вовсе не во

можно. Въ довершеніе всего, они отличались какою-то злобностью, свидѣтельствовавшей, что гдѣ-то, въ глубинѣ его натуры, таятся дикіе, необузданные инстинкты. Такъ, однажды, въ возмездіе за полученный выговоръ, онъ, въ припадкѣ бѣшенства, укусилъ Лагарпу руку. Смѣсь ласки и неудержимаго стремленія причинить физическое страданіе проявлялась у Константина Павловича и въ его отношеніяхъ къ невѣстѣ, принцессѣ Юліи Кобургской, впослѣдствіи великой княгини Анны Ѳеодоровны. По словамъ графини В. Н. Головиной, юная принцесса подвергалась одновременно и его грубостямъ, и его нѣжностямъ, «которыя одинаково были оскорбительны. Онъ ей ломалъ иногда руки, кусалъ ее, но это было только предисловіе къ тому, что ожидало ее послѣ замужества».

Вообще черты жестокости, проявлявшіяся въ характерѣ юнаго Константина Павловича, наводили многихъ изъ его современниковъ на грустныя размышленія. «Съ каждымъ днемъ, писалъ о немъ Растопчинъ въ 1796 году,—онъ обнаруживалъ все болѣе и болѣе недобрыхъ качествъ и обѣщаетъ уподобиться Петру Жестокому и Діонисію Сиракузскому. Въ маскарадѣ, данномъ по случаю его брака, онъ позволялъ себѣ выходки и дерзости, а во дворцѣ, назначенномъ для его жительства послѣ свадьбы, отвелъ холодную комнату для того, чтобы сажать туда подъ арестъ своихъ неисправныхъ придворныхъ кавалеровъ».

Даже великій князь Александръ Павловичъ, чрезвычайно любившій Константина, и тотъ писалъ о немъ Лагарпу 21-го февраля 1796 г.: «онъ меня часто огорчаетъ, онъ теперь горячъ болѣе, чѣмъ когда-либо, весьма своеволенъ, и часто прихоти его не согласуются съ здравымъ разсудкомъ. Военное ремесло вскружило ему голову, и онъ иногда жестоко обращается съ солдатами своей роты, которую онъ образовалъ, и начало которой вы видѣли». На одномъ изъ бывшихъ у императрицы Екатерины вечернихъ собраній, отличавшихся, какъ извѣстно, при полной свободѣ обращенія, чрезвычайною вѣжливостью и утонченнымъ обхожденіемъ, Константинъ Павловичъ, бывши уже взрослымъ мальчикомъ, вздумалъ бороться съ графомъ Штакельбергомъ и, пользуясь своею физическою силою, обошелся съ этимъ старикомъ слишкомъ немилосердно: грохнулъ его на полъ и сломалъ ему руку. Послѣ своей женитьбы великій князь Константинъ Павловичъ сталъ забавляться тѣмъ, что въ манежѣ Мраморнаго дворца стрѣлялъ изъ пушки, заряженной живыми крысами. Въ одномъ случаѣ проявленіе жестокости со стороны Константина Павловича чуть не довело императрицу Екатерину до болѣзни. Въ чемъ заключался поступокъ будущаго цесаревича, въ точности не извѣстно. Объ этомъ случаѣ графиня В. Н. Головина передаетъ въ своихъ запискахъ только слѣдующее: «на одномъ изъ воскресныхъ баловъ воспитательница молодыхъ великихъ княженъ

*

Ливенъ попросила разрѣшенія у императрицы поговорить съ ней. Императрица усадила ее возлѣ себя, и Ливенъ сообщила ей о поступкѣ великаго князя Константина съ однимъ гусаромъ, съ которымъ онъ очень жестоко обошелся. Этотъ жестокій поступокъ былъ совершенною новостью для императрицы; она сейчасъ же призвала своего довѣреннаго камердинера и приказала ему собрать всевозможныя свѣдѣнія объ этомъ происшествіи. Онъ вернулся съ подтвержденіемъ доклада Ливенъ. Ея величество была такъ огорчена, что чуть не заболѣла; я узнала потомъ, что, когда она вернулась въ свою комнату, съ ней сдѣлалось нѣчто вродѣ удара. Она написала великому князю Павлу о всемъ случившемся, прося его наказать сына, что онъ и исполнилъ со всей строгостью, но не такъ, какъ бы слѣдовало. Затѣмъ императрица велѣла посадить его подъ арестъ».

На основаніи записокъ графини Головиной можно придти къ заключенію, что она была склонна думать, что этотъ случай съ Константиномъ Павловичемъ, повлекшій за собою «нѣчто въ родѣ удара», послужилъ исходной точкой болѣзни императрицы.

Съ теченіемъ лѣтъ въ характерѣ Константина Павловича, уже цесаревича, не произошло значительныхъ перемѣнъ. Овладѣвавшіе имъ припадки необузданнаго гнѣва искали немедленнаго удовлетворенія. Извѣстенъ между прочимъ слѣдующій случай. Однажды цесаревичъ производилъ смотръ воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній, какъ вдругъ лошадь его чего-то испугалась и бросилась въ сторону. Тогда цесаревичъ выхватилъ палашъ и ударами его изранилъ лошадь. Разница съ прошлымъ заключалась главнымъ образомъ лишь въ томъ, что цесаревичъ получилъ возможность наказывать не однихъ только своихъ придворныхъ кавалеровъ. Съ назначеніемъ его въ царство Польское, сфера его воздѣйствія на подчиненныхъ особенно расширилась. По свидѣтельству его біографа, «Константинъ Павловичъ и въ званіи главнокомандующаго польскою арміею проявлялъ тѣ же недостатки, коими отличался еще съ дѣтства: вспыльчивость и рѣзкость, переходившая предѣлы предоставленной ему власти, проявлялись безпрестанно въ служебныхъ его отношеніяхъ къ подчиненнымъ. Какъ на службѣ, такъ и по поводу какихъ-либо служебныхъ дѣлъ, налагаемыя имъ взысканія были не только строги, но и чрезвычайно оскорбительны: они унижали и служебное, и личное достоинство тѣхъ, къ кому примѣнялись, а такъ какъ распоряженія о взысканіяхъ дѣлались въ припадкахъ сильнаго гнѣва, переходившаго въ безотчетную ярость, то въ большинствѣ случаевъ они были не только несправедливы, но и вовсе незаслуженны».

Въ послѣдніе годы жизни цесаревича только вліяніе его второй жены, княгини Ловичъ, нѣсколько умѣряло бурные порывы Констан-

тина Павловича. По счастливому выраженію К. П. Колзакова, «левъ былъ побѣжденъ голубицею». Цесаревичъ какъ бы сознавалъ все значеніе для себя вліянія своей красавицы-жены. «Предокъ мой, Петръ Великій,—сказалъ онъ въ одномъ случаѣ, когда былъ вынужденъ начать свое отступленіе отъ Варшавы въ 1830 году,—находился при Прутѣ въ такомъ же бѣдственномъ положеніи, въ какомъ нахожусь я теперь; онъ былъ спасенъ своею женою; надѣюсь, что моя спасетъ меня». Княгиня Ловичъ,—пишетъ Карновичъ,—не могла, разумѣется, поправить все то, что было сдѣлано прежде; но она заботилась, чтобы своимъ вліяніемъ на мужа предотвратить хотя на будущее время тѣ неудовольствія и ту къ нему непріязнь, какія онъ возбуждалъ противъ себя, какъ среди поляковъ, такъ и среди русскихъ своею необузданною горячностью. Постояннымъ внушеніемъ ея—какъ разсказываетъ въ своихъ «Запискахъ» знатная польская дама—было: «Константинъ! надобно прежде подумать, а потомъ дѣлать, а ты поступаешь совершенно наоборотъ!» Этимъ внушеніемъ она сдерживала его въ минуты самой страшной запальчивости. Цесаревичъ смирялся и сознавалъ свои ошибки и свою несправедливость.

При наклонности Константина Павловича къ гнѣвнымъ вспышкамъ, необузданнымъ порывамъ, въ немъ не было задатковъ непоколебимой гордости, цѣльности характера, которыя свидѣтельствовали бы о натурѣ хотя неуравновѣшенной, но сильной. Напротивъ того, во многихъ случаяхъ въ характерѣ цесаревича обнаруживались проявленія слабости духа. Такъ, императрица Екатерина замѣтила однажды, что у него отъ страха сдѣлалась лихорадка. Извѣстно также, что Константинъ Павловичъ смертельно боялся своего отца, и, если тотъ хоть сколько-нибудь сердито взглядывалъ на него, онъ блѣднѣлъ и дрожалъ. Подъ вліяніемъ своего страха къ отцу, онъ даже находилъ возможнымъ искать покровительства у лицъ, приближенныхъ къ Павлу Петровичу, не усматривая въ этомъ ничего унизительнаго для своего высокаго званія. При своей горячности, Константинъ Павловичъ часто переступалъ за предѣлы власти, предоставленной ему «воинскимъ уставомъ». Но, допуская нарушеніе воинскаго устава въ пользу своей личной власти и зная, что государь не терпитъ подобныхъ нарушеній, Константинъ Павловичъ побаивался попасть за это подъ военный судъ. По этому поводу Саблуковъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что эта боязнь великаго князя служила ему, Саблукову, щитомъ противъ вспыльчивости и горячности Константина Павловича. «Одно упоминаніе о военномъ судѣ было, по словамъ Саблукова, для великаго князя медузиною головою, которая оцѣпеняла ужасомъ его императорское высочество». Тотъ же Саблуковъ передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что въ одномъ случаѣ, когда императоръ Павелъ неожиданно вошелъ въ комнату, гдѣ находился цесаревичъ съ великимъ княземъ Александ-

ромъ Павловичемъ и Саблуковымъ (это было наканунѣ смерти императора Павла, когда оба великіе князья были снова приведены къ присягѣ на вѣрность своему государю, а затѣмъ арестованы домашнимъ арестомъ), Константинъ Павловичъ до такой степени перепугался, что стоялъ пораженный, безъ слова, съ руками, бьющими по карману, «словно безоружный человѣкъ, который встрѣтился съ медвѣдемъ». Характерно также отношеніе Константина Павловича къ Суворову. Какъ уже упомянуто выше, цесаревичъ былъ виновникомъ неудачи русскихъ войскъ при Бассиньяно. Когда вслѣдствіе этого великій полководецъ обнаружилъ свое недовольство образомъ дѣйствій юнаго великаго князя, послѣдній сталъ выказывать ему знаки особеннаго уваженія.

Какъ и большинству людей первыхъ впечатлѣній, цесаревичу были свойственны порывы великодушія и благородства. Приведемъ нѣсколько подобныхъ случаевъ, живо характеризующихъ съ этой стороны Константина Павловича. Мы упомянули выше, что обращеніе цесаревича съ подчиненными привело къ ряду самоубійствъ среди польскихъ офицеровъ. Вызвано это было слѣдующими обстоятельствами. Однажды, на разводѣ, цесаревичъ приказалъ двумъ офицерамъ 3-го полка взять ружье и стать въ ряды. Офицеры исполнили это приказаніе и промаршировали два раза вокругъ Саксонской площади; вслѣдъ затѣмъ великій князь приказалъ имъ отдать оружіе и занять свои прежнія мѣста. Тотчасъ послѣ развода общество офицеровъ 3-го полка объявило, что они не могутъ служить съ этими двумя офицерами, считая ихъ разжалованными, такъ какъ подобнаго случая никогда еще не бывало въ арміи. Принявъ это рѣшеніе, офицеры ожидали, что генералы войдутъ объ этомъ случаѣ съ представленіемъ къ великому князю, съ тѣмъ, чтобы побудить его загладить свой необдуманный поступокъ. Но когда этого не случилось, капитанъ Вильчекъ, адъютантъ генерала Красинскаго, явился въ собраніе генераловъ и сталъ упрекать ихъ въ томъ, что они заботятся только о своихъ собственныхъ выгодахъ, забывая отечество и своихъ подчиненныхъ; что они въ сношеніяхъ съ русскими держатъ себя съ такимъ же малодушіемъ и покорностью, какую они выказали относительно французовъ, и что, будучи лишь капитаномъ, онъ считаетъ однако своимъ долгомъ дѣйствовать такъ, какъ подобало бы дѣйствовать генераламъ, если бы они сознавали долгъ чести. Генералъ Красинскій, возмущенный этими неприличными выраженіями, арестовалъ капитана домашнимъ арестомъ. Какъ только это стало извѣстнымъ, офицеры собрались къ своему защитнику и дали другъ другу слово умереть за благо отечества и за своихъ товарищей, если съ ними не перемѣнятъ обращенія.

Вслѣдствіе этого въ теченіе трехъ дней лишили себя жизни пять офицеровъ, въ томъ числѣ и Вильчекъ.

Эти самоубійства, послѣдовавшія одно за другимъ, чрезвычайно встревожили цесаревича; онъ навелъ точныя справки и тогда узналъ, наконецъ, настоящую причину, которой и не подозрѣвалъ. Желая успокоить встревоженные умы, великій князь поручилъ генералу Тулинскому извиниться, въ присутствіи всего полка, въ его опрометчивости передъ тѣми двумя офицерами, которые должны были встать подъ ружье. Когда тотъ спросилъ ихъ, удовлетворены ли они этимъ, то одинъ изъ нихъ, по фамиліи Шуцкій, отвѣчалъ, что теперь это дѣло общества офицеровъ, но уже не его. Это заявленіе побудило генерала обратиться къ обществу офицеровъ, которые были успокоены этимъ и единогласно объявили считать случившійся прискорбный фактъ якобы несовершившимся. Тогда генералъ Тулинскій снова обратился къ Шуцкому съ вопросомъ, удовлетворенъ ли онъ теперь? Онъ отвѣчалъ, что нѣтъ, пояснивъ, что общество офицеровъ, разумѣется, должно быть удовлетворено объясненіемъ великаго князя, такъ какъ онъ своимъ заявленіемъ смываетъ оскорбленіе, нанесенное имъ офицерскому званію. «Но для моей чести»—прибавляетъ онъ,—«этого мало, и я прошу удовлетворенія для себя лично». Взволнованный генералъ спросилъ: «Ужъ не хотите ли вы стрѣляться съ великимъ княземъ?» «Да, разумѣется», отвѣчалъ Шуцкій. «Вы арестованы», сказалъ генералъ, «адъютантъ, возьмите его шпагу и отведите на квартиру». «И такъ и мой часъ насталъ, и я послѣдую за моими товарищами, но, къ сожалѣнію, умру, не получивъ удовлетворенія», заключилъ разговоръ Шуцкій.

Чтобы предотвратить новыя самоубійства, къ Шуцкому былъ приставленъ офицеръ, когда же послѣдній какъ-то на минуту задремалъ, Шуцкій воспользовался этимъ и, снявъ съ себя галстухъ, повѣсился на немъ. Хрипѣніе его разбудило офицера, призвавшаго помощь, и Шуцкаго сняли съ петли; затѣмъ полковой командиръ перевелъ его на гауптвахту.

Какъ только цесаревичъ узналъ объ этомъ происшествіи, онъ поспѣшилъ на гауптвахту, повелѣлъ созвать офицеровъ 3-го полка и обратился къ Шуцкому со словами: «Вы объявили, что желаете стрѣляться со мною. Генералъ Тулинскій арестовалъ васъ и тѣмъ не исполнилъ моего порученія такъ, какъ я того желалъ. Я явился сюда, чтобы исполнить ваше желаніе; смотрите на меня не какъ на брата вашего монарха, не какъ на генерала, а какъ на товарища, который очень сожалѣетъ, что оскорбилъ такого хорошаго офицера. Всѣ мои дѣла въ порядкѣ, и генералъ Курута получилъ мои указанія на случай моей смерти, какъ распорядиться всѣмъ тѣмъ, что я желалъ бы еще устроить». Шуцкій, тронутый снисхожденіемъ великаго князя, сталъ увѣрять его, что теперь онъ болѣе нежели доволенъ, и что милость, оказанная ему, составляетъ для него полное удовлетвореніе. Но когда

великій князь продолжалъ настаивать на томъ, чтобы состоялся поединокъ, то противъ этого возстали какъ Шуцкій, такъ равно и корпусъ офицеровъ.

— Ну, если вы этимъ удовлетворены, то обнимите же меня,—сказалъ цесаревичъ,—и докажите этимъ, что вы мнѣ другъ; только обнимитесь по русскому обычаю, поцѣловавшись въ губы, что̀ и было исполнено.

Не довольствуясь этимъ, великій князь на другой день на смотру еще разъ попросилъ у Шуцкаго извиненія и обнялъ его передъ всѣмъ полкомъ [1]).

Другой случай рисуетъ цесаревича съ тѣмъ болѣе выгодной стороны, что, при его страхѣ передъ Павломъ Петровичемъ, онъ дѣйствовалъ, рискуя подпасть подъ гнѣвъ государя. Однажды императоръ Павелъ дѣлалъ смотръ Конногвардейскому полку, которымъ командовалъ великій князь Константинъ Павловичъ. При въѣздѣ въ манежъ обыкновенная команда была: дирекція направо; на этотъ разъ государь скомандовалъ: дирекція налѣво. Первый и второй эскадронъ разслышали команду и исполнили волю государя, но офицеръ третьяго эскадрона, бывшій еще на площади при въѣздѣ въ манежъ, приказалъ по-прежнему принять дирекцію направо. Императоръ разгнѣвался; раздались грозныя слова: «Непослушаніе! снять его съ лошади, оборвать его, дать ему сто палокъ!» Несчастнаго офицера, по фамиліи Милюковъ, тотчасъ же стащили съ лошади и увели. По словамъ современниковъ, никто лучше Константина Павловича не умѣлъ угадать, въ какомъ расположеніи духа императоръ, въ гнѣвномъ или милостивомъ; однажды великій князь входитъ въ Мраморную залу Зимняго дворца, съ другой стороны показывается императоръ со всѣми признаками благопріятнаго настроенія. Великій князь, дойдя до половины залы, сталъ на колѣни и сказалъ: «Государь и родитель! дозвольте принесть просьбу». При словѣ «государь» Павелъ остановился и, принявъ величественную осанку, отвѣтилъ: «Что, сударь, вамъ угодно?» «Государь и родитель, вы обѣщали мнѣ награду за Итальянскую кампанію; этой награды я еще не получалъ».—«Что же вы желаете, ваше высочество?»—«Государь и родитель, удостойте принять вновь на службу того офицера, который навлекъ на себя гнѣвъ вашего величества на смотру Конногвардейскаго полка».—«Нельзя, сударь, онъ битъ палками».—«Виноватъ, государь, этого приказанія вашего я не исполнилъ». «Благодарю, ваше высочество, Милюковъ принимается на службу и повышается двумя чинами».

---

[1]) Н. К. Шильдеръ. „Императоръ Александръ I“, т. IV.

IV.

Въ жизни встрѣчаются люди, которыхъ называютъ неудачниками. Въ большинствѣ случаевъ у такихъ людей совершенно особенный характеръ. Онъ производитъ впечатлѣніе чего-то надломленнаго, страннаго. Чувствуется, что въ такомъ человѣкѣ кроются задатки чего-то другаго, чѣмъ то, чѣмъ онъ сталъ, и это вызываетъ состраданіе къ нему, иногда онъ кажется просто жалкимъ. Къ числу такихъ характеровъ слѣдуетъ отнести и характеръ цесаревича Константина Павловича. Уже въ дѣтствѣ онъ поражаетъ странностью своихъ идеаловъ, высказываемыхъ имъ сужденій. Правда, нѣкоторая доля рисовки и прямодушная откровенность, съ которою онъ раскрывалъ свои стремленія, отчасти смягчаютъ то непріятное впечатлѣніе, которое онѣ неизбѣжно произвели бы при другихъ условіяхъ. Въ этомъ отношеніи, для характеристики его, любопытны письма его къ Лагарпу. Въ одномъ изъ такихъ писемъ, безъ означенія числа и года, Константинъ прямо заявляетъ, что онъ не только не хочетъ дать себѣ труда отвѣчать, но довелъ свою лѣнь до того, что не старался вспомнить урока и говорилъ, не зная, что говоритъ. Къ этому онъ прибавлялъ: «Я увѣренъ, что, продолжая такимъ образомъ, я сдѣлаюсь весьма смышленымъ человѣкомъ, потому что это не стоитъ никакого труда, и лишь бы на мои глаза я былъ совершеннымъ и мнѣ дѣла нѣтъ, если разсудительные люди будутъ сожалѣть о моемъ невѣжествѣ». Затѣмъ онъ высказалъ слѣдующее заключеніе: «Такъ пріятно нисколько не трудиться, что я желалъ бы даже, чтобы другіе могли за меня ходить, ѣсть, пить, говорить; ничего такъ не желаю, какъ быть похожимъ на статую».

Въ другомъ письмѣ онъ откровенно сообщалъ: «я такой же невѣжда, какимъ былъ въ началѣ, что мнѣ нисколько не стыдно. Лишь бы я съѣлъ свой хлѣбъ, и я буду очень доволенъ собою».

Еще безцеремоннѣе объяснялся подроставшій великій князь со своимъ наставникомъ въ письмѣ, относящемся къ 1791 г. Въ этомъ письмѣ онъ писалъ: «Въ двѣнадцать лѣтъ я ничего не знаю, не умѣю даже читать. Быть грубымъ, невѣжливымъ, дерзкимъ—вотъ къ чему я стремлюсь. Знаніе мое и прилежаніе достойны армейскаго барабанщика. Словомъ, изъ меня ничего не выйдетъ во всю мою жизнь».

Подъ однимъ изъ своихъ писемъ къ Лагарпу, относящимся уже къ 1796 году, онъ подписался «оселъ Константинъ», а въ припискѣ къ этому письму, говоря о самомъ себѣ, прибавилъ слѣдующія строки: «вы—оселъ, осломъ останетесь, тщетно журить осла, всѣ труды пропадутъ даромъ: нельзя заставить пить осла, не ощущающаго жажды».

То, что Константинъ Павловичъ съ такою откровенностью высказы-

валъ въ своихъ письмахъ къ Лагарпу, онъ примѣнялъ къ своему поведенію въ дѣйствительности, въ особенности, въ молодые годы, пока четырехъ-лѣтнее царствованіе Павла Петровича, а затѣмъ и болѣе зрѣлый возрастъ не сдѣлали его нѣсколько болѣе воздержаннымъ. По свидѣтельству Карновича, во время пребыванія шведскаго короля Густава IV въ Петербургѣ, въ 1796 году, Константинъ Павловичъ при всякомъ случаѣ позволялъ себѣ самыя странныя выходки. Въ это время неудовольствіе императрицы противъ Константина Павловича было чрезвычайно сильно. Въ письмѣ къ графу Н. И. Салтыкову отъ 29-го августа 1796 г. она писала: «Я хотѣла сегодня говорить съ моимъ сыномъ и разсказать ему все дурное поведеніе Константина Павловича, дабы всѣмъ родомъ сдѣлать общее дѣло противу вертопраха и его унять, понеже поношенія нанести можетъ всему роду, буде не уймется, и я при первомъ случаѣ говорить сбираюсь и увѣрена, что великій князь со мною согласенъ будетъ. Я Константину конечно потакать никакъ не намѣрена. А какъ великій князь уѣхалъ въ Павловское, и нужно унять хоть Константина, какъ возможно скорѣе, то скажите ему отъ меня и именемъ моимъ, чтобы онъ воздержался впередъ отъ злословія, сквернословія и безпутства: буде онъ не захочетъ до того допустить, чтобы я надъ нимъ сдѣлала примѣръ. Мнѣ извѣстно безчинное, безчестное и непристойное поведеніе его въ домѣ генералъ-прокурора, гдѣ онъ не оставлялъ ни мужчину, ни женщину безъ позорнаго ругательства, даже обнаружилъ и къ вамъ неблагодарность, понося васъ и жену вашу, что столь нагло и постыдно и безсовѣстно имъ произнесено было—что не токмо многіе изъ нашихъ, но даже и шведы безъ соблазна, содроганія и омерзѣнія слышать не могли. Сверхъ того онъ со всякою подлостью вездѣ, даже и по улицамъ, обращается съ такой непристойной фамильярностью, что я того и смотрю, что его гдѣ ни есть прибьютъ къ стыду и крайней непріятности. Я не понимаю, откудова въ немъ вселилось таковой подлый «sansculottisme», передъ всѣми унижающій. Повторите ему, чтобы онъ исправилъ поведеніе свое и во всемъ поступалъ прилично роду и сану своему, дабы въ противномъ случаѣ, есть ли еще посрамитъ оное, я бы не нашлась въ необходимости взять противу того строгія мѣры».

Личность цесаревича Константина Павловича возбуждаетъ несомнѣнный интересъ въ обществѣ. Интересъ этотъ обусловливается главнымъ образомъ фактомъ его отреченія отъ престола, которымъ воспользовались члены тайныхъ обществъ для возмущенія части войскъ 14-го декабря 1825 года. До настоящаго времени всѣ обстоятельства, сопровождавшія отреченіе Константина Павловича, еще не выяснены исторіей. Въ общемъ, большинство склонно видѣть въ немъ рѣдкій примѣръ отсутствія властолюбія и потому готово преклоняться передъ

великодушіемъ подобнаго рѣшенія. Карновичъ совершенно справедливо замѣчаетъ въ своей біографіи цесаревича Константина Павловича, что «собственно, въ данномъ случаѣ, великодушія со стороны старшаго брата, уступавшаго корону младшему, не могло быть никакого. Здѣсь со стороны перваго изъ нихъ могло быть одно лишь побужденіе, а именно: Константинъ Павловичъ, считая, по какимъ бы то ни было причинамъ и соображеніямъ, верховную власть неудобоносимымъ для себя бременемъ, для собственнаго своего спокойствія, слѣдовательно, съ хладнокровнымъ разсчетомъ, а не въ порывѣ охватившаго его великодушія, возлагалъ это бремя на другаго. Такимъ образомъ, здѣсь скорѣе всего проявляется своего рода эгоизмъ, то-есть, желаніе уклониться отъ предстоявшихъ трудныхъ обязанностей и стремленіе обставить свою жизнь такъ, чтобы избавиться отъ положенія, которое не соотвѣтствовало ни врожденнымъ наклонностямъ, ни усвоеннымъ привычкамъ. Можно, пожалуй, въ отреченіи Константина Павловича отыскать и порывъ великодушія, но только совершенно въ иномъ направленіи, такъ какъ можно предполагать, что онъ промѣнялъ блескъ императорской короны на тихую супружескую жизнь съ страстно-любимою имъ женщиной».

Конечно, можно смотрѣть на дѣло и съ другой стороны: власти свойственно обаяніе, неудержимо влекущее и опьяняющее людей. Обладаніе властью рисуетъ воображенію такія заманчивыя перспективы, такую широкую возможность удовлетворенія всѣхъ какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ запросовъ своего собственнаго «я»,—что отказаться отъ такой возможности значило бы отказаться отъ очень могущественныхъ побужденій человѣческой натуры, и подобный отказъ несомнѣнно свидѣтельствовалъ бы если не о великодушіи, то, во всякомъ случаѣ, о крайней исключительности натуры человѣка, способнаго на него. Но, конечно, главнымъ и необходимымъ условіемъ для этого должно быть, чтобы такой отказъ былъ вполнѣ добровольнымъ, а этому-то условію, повидимому, и не удовлетворялъ отказъ Константина Павловича отъ правъ на русскій престолъ. Напротивъ того, сближеніе различныхъ данныхъ даетъ основаніе придти къ заключенію, что фактъ отреченія цесаревича является величайшей заслугой императора Александра, сознавшаго, что, при характерѣ, наклонностяхъ и способностяхъ Константина Павловича, его царствованіе не послужило бы ко благу Россіи.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, по натурѣ своей, не принадлежалъ къ разряду людей, могущихъ не любить власть. Какъ-то еще въ дѣтствѣ, когда мысль о возможности занять русскій престолъ не могла являться ему даже въ воображеніи, онъ сказалъ въ одномъ случаѣ, говоря о своемъ старшемъ братѣ: «Онъ—царь, а я солдатъ; что мнѣ перенимать у него?» Въ словахъ этихъ пробивается какая-то горечь, и ее нельзя объяснить иначе, какъ недовольствомъ, быть можетъ, без-

сознательнымъ, которое шевелилось въ самолюбивомъ мальчикѣ при мысли о неравенствѣ положенія его и старшаго брата.

Постепенно, съ годами, когда становилось все болѣе очевиднымъ, что у императора Александра не будетъ прямыхъ наслѣдниковъ, Константинъ Павловичъ не могъ не останавливаться на мысли о будущности, которая, казалось, ожидала его. Такъ, въ 1814 году, убѣждая свою жену, великую княгиню Анну Ѳеодоровну, вернуться къ нему въ Россію, онъ выражалъ между прочимъ надежду, что ихъ потомство будетъ на русскомъ престолѣ. Но, съ другой стороны, онъ, повидимому, ничего не дѣлалъ для того, чтобы подготовиться къ будущности, которая, по всей вѣроятности, ожидала его, что̀ и подало поводъ императору Александру сказать въ 1819 году, что̀ цесаревичъ никогда не заботился о престолѣ.

Всеобщія опасенія, которыя возбуждало въ русскомъ обществѣ отсутствіе у Александра Павловича прямаго наслѣдника, не могли не озабочивать государя и императрицу Марію Ѳеодоровну. Поэтому вполнѣ естественно, что, когда представился удобный случай обезпечить будущность Россіи и упрочить положеніе династіи, они воспользовались имъ. Такой случай представился, когда Константинъ Павловичъ, влюбленный въ Іоанну Грудзинскую, сталъ добиваться ихъ согласія на разводъ съ своею первою женою и на вступленіе во второй бракъ. Онъ добился этого согласія, «но не иначе, какъ давъ отреченіе отъ престола». Помимо этого, цесаревичъ неоднократно подчеркивалъ въ своихъ письмахъ и разговорахъ, что, отказываясь отъ правъ на престолъ, онъ поступалъ не по собственному побужденію. Въ запискахъ цесаревича, найденныхъ послѣ смерти и озаглавленныхъ имъ: «любезнѣйшимъ своимъ соотчичамъ отъ его императорскаго высочества великаго князя торжественное объясненіе», — причиною отреченія цесаревича отъ престола выставляется воля императора Александра Павловича, чтобы, въ случаѣ его кончины, ему наслѣдовалъ великій князь Николай Павловичъ. Высказывая въ письмѣ къ князю Волконскому отъ 24-го января 1826 года свой взглядъ на событія, приведшія ко дню 14-го декабря, цесаревичъ писалъ: «воля покойнаго государя императора, какъ при жизни его, такъ и по кончинѣ, была и будетъ для меня священна». Ту же мысль Константинъ Павловичъ высказалъ и въ своемъ неоффиціальномъ письмѣ къ Николаю Павловичу, написанномъ непосредственно вслѣдъ за полученіемъ извѣстія о кончинѣ императора Александра. «Его намѣренія и его воля,—писалъ цесаревичъ,—были и будутъ, несмотря на то, что его не существуетъ болѣе, неизмѣнно священными для меня, и я буду повиноваться имъ до конца дней моихъ....

Когда императоръ Александръ заболѣлъ, и стало очевидно, что при-

ближается время осуществить данное обязательство, Константинъ Павловичъ, вполнѣ естественно, не могъ относиться спокойно къ приближавшимся событіямъ. Въ дни, въ которые цесаревичъ съ минуты на минуту ждалъ извѣстія о кончинѣ своего державнаго брата, какой-то мрачный духъ овладѣлъ его душою; онъ сталъ удаляться отъ всѣхъ, даже отъ горячо любимой имъ жены, какія-то невысказанныя никому мысли обуревали его душу; невольно чувствуется, что въ немъ происходила какая-то борьба. Наконецъ, когда это извѣстіе пришло, и нѣкоторые, обращаясь къ нему, сопровождали свое обращеніе титуломъ «Величества», это видимо раздражало, сердило его, точно напоминаніе и чемъ-то непріятномъ ему. Онъ объявилъ собравшимся во дворцѣ лицамъ о своемъ отреченіи отъ престола, и это объявленіе, въ связи съ хранившимися въ различныхъ учрежденіяхъ актами, подписанными императоромъ Александромъ, отрѣзало цесаревичу всякое отступленіе въ будущемъ, засвидѣтельствовавъ о его вѣрности разъ принятому рѣшенію. Въ этомъ отношеніи Константинъ Павловичъ былъ совершенно правъ, когда сказалъ великому князю Михаилу Павловичу 26-го ноября 1825 г., отправляя его въ Петербургъ съ письмами къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и Николаю Павловичу: «Я исполнилъ свой обѣтъ и свой долгъ; я чистъ передъ священною для меня памятью его (Александра) и передъ собственною совѣстью». Но, подтвердивъ свое отреченіе, цесаревичъ въ то же время не сдѣлалъ ничего, что могло бы облегчить трудное положеніе его младшаго брата. На просьбы Николая Павловича пріѣхать въ Петербургъ, чтобы своимъ присутствіемъ разсѣять вздорные слухи о насильственномъ отстраненіи его отъ престола, чѣмъ устранилось бы само событіе 14-го декабря со всѣми его послѣдствіями, цесаревичъ отвѣчалъ, что, если его не оставятъ въ покоѣ, то онъ уѣдетъ еще на 2.000 верстъ далѣе отъ Петербурга. Характерно также поведеніе цесаревича въ Москвѣ во время коронаціи императора Николая. Во все время своего пребыванія въ первопрестольной столицѣ цесаревичъ былъ сумраченъ и скучалъ. Обратили вниманіе на то, что, являясь на балы и общественныя собранія, онъ постоянно уѣзжалъ ранѣе императора. Для обрисовки личности Константина Павловича не лишены значенія и слѣдующія слова, сказанныя имъ Опочинину при выходѣ изъ Успенскаго собора по окончаніи коронованія: «Теперь я отпѣтъ». Слова эти проникнуты несомнѣнною горечью.

П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Обвиненіе графа Аракчеева въ государственномъ преступленіи.

1823–1826 г.г.

Судившійся за разнаго рода преступленія въ ярославской уголовной палатѣ коллежскій регистраторъ Иванъ Андреевъ Васильевъ, въ августѣ 1826 года прислалъ прошеніе на высочайшее имя, въ которомъ обвинялъ ярославскаго гражданскаго губернатора Безобразова въ разныхъ злоупотребленіяхъ, присовокупляя, что онъ можетъ только «во дворцѣ изобличить его лично». Вытребованный въ Москву Васильевъ былъ по высочайшему повелѣнію допрошенъ генералъ-адъютантомъ Чернышевымъ и показалъ, что былъ посаженъ въ тюрьму безъ всякой вины, по одной злобѣ губернатора.

«Злоба гражданскаго губернатора Безобразова на меня,—показывалъ Васильевъ, — происходитъ отъ слѣдующаго случая, открывшаго мнѣ ужасную тайну. Во время пребыванія въ Бозѣ почивающаго государя императора въ городѣ Ярославлѣ въ 1823 году, на балѣ въ Благородномъ собраніи, губернаторъ Безобразовъ, удалившись отъ общества съ графомъ Аракчеевымъ, имѣли между собою слѣдующій разговоръ: Безобразовъ спрашивалъ у графа, скоро ли произведено будетъ въ дѣйствіе покушеніе на жизнь блаженной памяти государя императора, на что графъ Аракчеевъ отвѣчалъ, что теперь не настало еще на сіе удобное время. Безобразовъ же возразилъ ему: «я готовъ за благодѣянія вашего сіятельства произвесть сіе собственно самъ и здѣсь, въ Ярославлѣ». На сіе графъ Аракчеевъ сказалъ: «тѣмъ лучше, если въ ономъ успѣть надѣетесь».

«Тутъ Безобразовъ, замѣтивъ, что я нахожусь одинъ въ близости и могъ слышать ихъ разговоръ, съ сердцемъ спросилъ меня: кто я таковъ, и когда ему назвалъ себя, то онъ сказалъ, что мнѣ тутъ не мѣсто и приказалъ выдти вонъ, что я и исполнилъ.

«Въ подкрѣпленіе сего, по несчастью, не имѣю никого представить въ свидѣтели, ибо, какъ я выше показалъ, находился я при семъ одинъ, но истину словъ моихъ готовъ подтвердить присягою на святомъ Крестѣ и Евангеліи».

Императоръ Николай приказалъ для курьеза послать это показаніе на прочтеніе графу В. П. Кочубею. Послѣдній видѣлъ въ Васильевѣ «самаго гнуснаго человѣка, преданнаго весьма правильно суду и подлежащаго нынѣ, независимо отъ прежнихъ его преступленій, строжайшему наказанію» [1]).

[1]) Письмо графа Кочубея барону И. И. Дибичу 2-го сентября 1826 г.

Архивъ графа П. Д. Киселева [1]).

Письма Н. Селявина—П. Д. Киселеву [2]).

1

18-го марта 1819 г. С.-Петербургъ.

Любезнѣйшій товарищъ по службѣ, Павелъ Дмитріевичъ, узнавъ о желаніи твоемъ, чрезъ капитана Бурцова, имѣть карту Константинопольскаго и Дарданельскаго проливовъ и прочихъ мѣстъ Турціи, я докладывалъ о семъ его сіятельству князю Петру Михайловичу (Волконскому), и сія карта вмѣстѣ съ маршрутною къ тебѣ при семъ посылается.

Г. Бурцовъ сдѣлалъ выписку о матеріалахъ, какіе у насъ имѣются относительно до бывшихъ кампаній противъ турокъ. Все, что заблаго-разсудите изъ нихъ потребовать, будетъ доставлено.

Бывши въ худомъ расположеніи духа отъ дурной погоды, весьма впрочемъ обыкновенной въ петербургскомъ суровомъ климатѣ, не могу на сей разъ украсить прозу мою стихами, предоставляя тебѣ, имѣвшему случай дышать однимъ почти воздухомъ съ Овидіемъ, въ свободные часы отъ службы, настраивать свою лиру, не забывая при томъ искренно тебѣ преданнаго Н. Селявина.

---

[1]) О значеніи этого архива мы имѣли уже случай заявить нашимъ читателямъ (см. „Русскую Старину“ 1896 г. № 12, стр. 677); здѣсь же считаемъ долгомъ вновь принести нашу глубокую благодарность просвѣщенному вниманію графа Дмитрія Алексѣевича Милютина, получившаго по наслѣдству бумаги графа П. Д. Киселева и разрѣшившаго ихъ печатаніе. Ред.

[2]) Генералъ-маіоръ Николай Ивановичъ Селявинъ въ то время состоялъ при начальникѣ главнаго штаба по квартирмейстерской части и въ то же время былъ членомъ совѣта военнаго министерства.

2.

21-го августа 1819 г. С.-Петербургъ.

Письмо твое, любезнѣйшій товарищъ Павелъ Дмитріевичъ, отъ 12-го августа, дошло до меня 21-го сего же мѣсяца. Прочитавъ оное съ тѣмъ же самымъ удовольствіемъ, съ какимъ читаю всѣ твои письма, душевно благодарю, что ты и въ самомъ отсутствіи болѣе меня помнишь, нежели какъ многіе, съ коими служу вмѣстѣ, хотя, по совѣсти моей, я ни въ чемъ предъ ними не проступился. Скажу, что не такъ легко найти желаемаго тобою чиновника; однакожъ я всячески постараюсь услужить тебѣ по сему предмету.

Сочинитель негладкой бумаги мнѣ весьма извѣстенъ, я думаю, что и тебѣ онъ не незнакомъ. Грубый его характеръ или, сказать по-русски, нравъ, а при томъ и необразованность, обнаруживаются на словахъ и на бумагѣ. Я говорилъ о семъ съ кѣмъ слѣдуетъ, и надѣюсь, что впредь не случится того, что, къ сожалѣнію, уже произошло, по крайней мѣрѣ я такъ думаю; но ручаться могу лишь за себя; отвѣчаю, что по управленію квартирмейстерской части такихъ бумагъ никогда не проходило чрезъ мои руки и проходить не будетъ; ибо я по себѣ живо чувствую, какъ непріятно сносить грубости отъ какого бы то ни было лица, тому, кто имѣетъ сердце и душу, разумѣется, не низкую.

Князь Петръ Михайловичъ [1]) находится въ вояжѣ и не прежде возвратится, какъ 3-го будущаго мѣсяца; а 6-го опять отправится въ Варшаву, и обратный пріѣздъ его въ столицу послѣдуетъ въ исходѣ октября мѣсяца.

Князь Меншиковъ возвратился изъ Архангельска 14-го сего мѣсяца, съ обновою—онъ получилъ ленту св. Анны.

Время года у насъ необыкновенное! Жары такъ велики, какихъ не было и въ іюнѣ мѣсяцѣ.—Театръ нашъ обогатился вновь принятою французскою труппою изъ театра Федо; хотя мы и не видали еще актеровъ на сценѣ, но полагать должно, что они хороши, бывъ призваны изъ лучшаго опернаго парижскаго театра. Въ томъ лишь многимъ хлопоты, что театральная наша дирекція не соглашается иначе раздавать ложи и кресла, какъ на годовую абонировку на французскіе и русскіе спектакли, что̀ составляетъ не малозначущую цѣну. Если театръ нашъ существуетъ для пользы казны, то дирекція права̀, будѐъ онъ долженъ служить къ удовольствію публики, то стѣснять ее не должно.

Приписку твою на письмѣ, ко мнѣ писанномъ отъ 12-го іюля, отно-

[1]) Волконскій.

сительно до совѣтовъ, данныхъ тебѣ княземъ Петромъ Михайловичемъ, и о послѣдствіи, я намѣренъ показать ему по возвращеніи его изъ вояжа. Онъ, право, добръ и тебя любитъ при всемъ своемъ хладнокровіи.

Боясь наскучить тебѣ продолжительнымъ моимъ письмомъ и помѣшать твоимъ занятіямъ по службѣ, сокращаю оное, прося не забывать, искренно преданнаго тебѣ на всегда Н. Селявина.

P. S. Сейчасъ я читалъ ту бумагу, о которой мнѣ пишешь. Правда, что она написана жестко. Но я слышалъ, что было къ сему поводомъ требованіе со стороны вашей разрѣшенія на тотъ предметъ, который былъ уже разрѣшенъ. По мнѣнію моему выходило mesentenduесъ обѣихъ сторонъ. Со всѣмъ тѣмъ я въ полной мѣрѣ согласенъ, что слѣдовало бы писать помягче. Но что уже случилось, нельзя перемѣнить. Заключу сіи строки статьею изъ священнаго писанія: Блаженны миротворцы, якотѣ сынами Божіими нарекутся. Боюсь, чтобы ты не возразилъ: Ce le diable qui preche la morale. Но это будетъ не справедливо. – Я менѣе всего ханжа и въ душѣ моей, а не по наружности, прямой христіанинъ.

3.

16-го октября 1819 г. С.-Петербургъ.

Любезнѣйшій и почтенный товарищъ по службѣ, а командиръ по мѣсту, Павелъ Дмитріевичъ. Изъ предписанія, посланнаго вмѣстѣ съ симъ къ г. генералъ-маіору Хоментовскому, узнаешь о жалкой участи, предстоящей бѣдному полковнику Штегеману, почему убѣдительнѣйше тебя прошу, зная доброе твое сердце, помочь ему, отвративъ грозную тучу, висящую, такъ сказать, надъ его головою. Мнѣ извѣстно, что онъ человѣкъ честный и обремененъ семействомъ, а будущая участь его неминуемо всѣхъ ихъ подвергнетъ нищетѣ, невзирая на сорока-лѣтнюю его службу; тронься его положеніемъ и будь за него ходатаемъ! Добрыя дѣла не остаются безъ должной награды.

Письмо твое отъ 25-го сентября, сейчасъ мною полученное, прочитавъ съ сердечнымъ удовольствіемъ, скажу тебѣ относительно до Михаила Федоровича Орлова, что я на него сержусь за лѣность его отвѣчать на мои письма и потому прекратилъ мою съ нимъ переписку. Несмотря на то я душевно его люблю и увѣренъ даже, что и онъ меня не ненавидитъ, относя молчаніе его къ одной только безпечности, то-есть лѣности.

О женитьбѣ шестидесятилѣтняго старца, le ci—devant jeune-homme, и здѣсь уже есть слухи. Прочитавъ l'éloge de la Folie par Gerasme, меня ничто странное не удивляетъ. Съ нимъ сбудется пословица: сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро. Еслибъ я былъ

въ хорошемъ расположеніи духа, то написалъ бы залпъ стиховъ; а теперь склоню къ нему одинъ только стихъ, который оторву отъ большаго числа:

И какъ ты думаешь, жениться для себя?
Женись, и вдругъ съ женой сосѣди у тебя!....

Погода у насъ прекрасная! Тепло, какъ въ августѣ мѣсяцѣ. Полагать должно, что зима будетъ весьма холодная. Изъ теплыхъ отдаленныхъ отъ насъ мѣстъ навезено такое множество фруктовъ, что продаютъ ихъ, по соразмѣрности дорогихъ цѣнъ на всѣ почти съѣстные припасы, почти за безцѣнокъ.

Князь Петръ Михайловичъ (Волконскій) возвратился изъ вояжа 13-го сего мѣсяца. Дочь его взята ко двору во фрейлины.

Копію съ отношенія, о коемъ мнѣ пишешь, я читалъ и сознаюсь, что mesentendue никакого не было. Ни слова о семъ болѣе. Прильпни языкъ къ гортани моей.

Писалъ бы гораздо болѣе, но предстоящее на сей разъ занятіе по службѣ лишаетъ меня сего удовольствія, оставляя однакожъ во мнѣ надежду, что впредь онымъ воспользуюсь.

Поручивъ себя твоей памяти, остаюсь на всегда твой искренный Селявиниъ.

4.

24-го ноября 1819 г. С.-Петербургъ.

Письмо твое, любезнѣйшій и почтеннѣйшій товарищъ по службѣ Павелъ Дмитріевичъ, присланное изъ Тульчина отъ 15-го ноября, дошло ко мнѣ 22-го, сего же мѣсяца.—Увидя изъ письма твоего о смертности, происшедшей въ Бессарабіи отъ заразы, которая прибираетъ однихъ только бѣдныхъ и, вѣроятно, добрыхъ поселянъ (гдѣ тонко, тамъ и рвется), не касаясь отнюдь до безсовѣстныхъ бояръ—я вспомнилъ, что мысль твоя о Провидѣніи встрѣтились съ моею, изложенною мною въ одной изъ моихъ одъ. Я повторяю тебѣ тѣ строки, чтобы показать образецъ дурачества молодыхъ, увы! прошедшихъ и невозвратныхъ уже моихъ лѣтъ.

Почто же лѣтами согбенна
Въ болѣзняхъ старость дни влачитъ,
А младость здравьемъ одаренна
Во гробѣ свой скрываетъ видъ?—
Чудовища, тираны свѣта,
Живутъ возвышенны судьбой,
А добродѣтель въ юны лѣта
Падетъ злой смерти подъ косой?
Гдѣ жъ даръ добру и казнь пороку?

Примусь опять за прозу. Узнавъ, что моральное твое положеніе не весьма пріятное, скажу во утѣшеніе, что прямаго счастія на землѣ существовать не можетъ!—Оно въ землѣ и на небесахъ, въ чемъ однакожъ я самъ желалъ бы удостовѣриться.

Болѣе трехъ недѣль, какъ мы уже пользуемся совершенною зимою. Снѣгу выпало съ избыткомъ. Съ начала зимы погода была весьма перемѣнчива: переходы отъ 12-ти градусовъ холода до 2-хъ градусовъ теплоты дѣлались въ продолженіе сутокъ. Но съ нѣкоторыхъ дней морозы отъ 13-ти до 17-ти градусовъ установились.

Хотя я менѣе всего завистливъ, но сознаюсь, что завидую тѣмъ людямъ, которые имѣютъ случай пользоваться хорошимъ климатомъ! Петербургскій суровый климатъ меня убиваетъ! Не бывши честолюбивымъ, я доволенъ политическимъ моимъ положеніемъ; о моральномъ ни слова, боясь, что описаніемъ онаго я причиню себѣ огорченіе. Не надѣясь на людей, возлагаю упованіе мое на Бога. Онъ заступникъ правоты и покровитель смиренныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противникъ гордыхъ.

Объ оффиціальныхъ твоихъ бумагахъ къ его сіятельству князю Петру Михайловичу (Волконскому) и ко мнѣ, для того ничего не писалъ, что на нихъ будутъ отвѣты тою же формою. Скажу въ короткихъ словахъ: рапортъ твой къ князю Петру Михайловичу объ отобраніи отъ нѣкоторыхъ комендантовъ матеріаловъ, до войны съ турками относящихся, отданъ князю Меншикову для исполненія. На оффиціальное жъ ко мнѣ отношеніе о доставленіи послѣднихъ матеріаловъ, имъ собранныхъ, вмѣстѣ съ симъ посылаю отвѣтъ оффиціальный.

Въ заключеніе сего прошу не забывать искренно тебя любящаго и почитающаго (кого не можемъ мы уважать, того и либить не можно, кого жъ любишь, того и почитаешь).

5.

14-го ноября 1824 г. С.-Петербургъ.

Милостивый Государь, Павелъ Дмитріевичъ!

Пріятнѣйшее письмо вашего превосходительства, отъ 15-го октября, имѣлъ честь получить 10-го сего ноября мѣсяца. Спѣшу усерднѣйше благодарить васъ и прозою и прилагаемыми стихами за купленный табакъ, который скоро получить надѣюсь.

О большомъ наводненіи С.-Петербурга, бывшемъ 7-го сего мѣсяца, о бѣдовыхъ послѣдствіяхъ не могу васъ увѣдомить подробно, по неполученію вѣрныхъ объ ономъ свѣдѣній. Всякое о семъ описаніе будетъ походить на поэзію. Скажу только, что нынѣ вода была выше противу

наводненія, бывшаго въ 1777 году, на 2¼ фута. Посудите жъ, какой вредъ сіе причинило!

Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію, милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Николай Селявинъ.

Его Превосходительству Павлу Дмитріевичу Киселеву.

Стократъ благодарю за купленный табакъ,
Который получить я остаюсь въ надеждѣ!...
Съ верьховой лошадью случилося не такъ,
Хотя обѣщано четыре года прежде.
Спасибо и ему [1]: мечтою вѣкъ ласкаюсь,
И ходя на яву, я мысленно катаюсь!
Надеждой мы живемъ, бывъ съ нею рождены;
Коль прочь она отъ насъ, то въ жизни нѣтъ цѣны!...
Мой духъ химерами объятой и вскружонной
Даетъ богатство мнѣ и почести вселенной!
Все мало! Перлы брать со дна морей бѣгу...
Мечтанье сладкое пребудь всегда со мною!—
Я жизнь цѣню—когда воздушны замки строю!...
Прошу простить мой бредъ и не бранить стихи,
Какіе бъ тяжкіе въ нихъ ни были грѣхи.
По силамъ радъ служить. Вѣдь всѣ поэты бѣдны,
Толсты откупщики, а мы, какъ тѣни блѣдны!
Подумайте, къ чему сокровищъ намъ желать?
За деньги суждено блаженство потерять:
„Удобнѣе слону пройти въ игольны уши,
Богатыхъ нежели въ раи быть могутъ души“ [2]),
И такъ всѣмъ счастливымъ пути на небо нѣтъ!—
Крезъ сколько ни трудись, не будетъ онъ поэтъ...
Но что я говорю! Гармонія небесна,
Какъ пальцы на рукахъ, всѣмъ сдѣлалась извѣстна!
Вездѣ размножилось безграмотныхъ писцовь,
Которые архивъ надѣлали стиховъ,
А гласу лирному не могутъ и внимати,
Тащася на Парнасъ на ослей жеребяти!
Почто же мнѣ сдѣлать крылатаго коня?
Некрѣпко я сижу, онъ можетъ сбить меня.
Опасно въ гору лѣзть, спокойнѣе путь гладкій.
Копѣйныхъ нанимать не наши то достатки.
Кто и богатѣй насъ и лошадей беретъ

---

[1]) Умалчивается объ имени пославшаго мнѣ верьховую лошадь. Далѣе авторъ говоритъ, что это былъ А. Ѳ. Орловъ.

[2]) Изъ св Евангелія.

Чтобъ тамо побывать, и тотъ нерѣдко вретъ [1]).
Доволенъ малымъ кто, къ чему желать большаго?
Коль будетъ всякъ капралъ, не станетъ рядоваго.
На Лирѣ кое какъ давно брянчу и я:
Не лѣзу съ ней въ глаза, а тѣшу лишь себя.
Могу, какъ прочіе, кропать похвальны оды,
Съ безсмертными равнять въ нихъ изверговъ природы.
Чтобъ нѣжный полъ меня любезнымъ называлъ,
Эклоги я писалъ, сонеты, мадригалъ,
Идиліи и все, что клонится къ ихъ чести:
То дамы жалуютъ, что видъ имѣетъ лести.
Къ сатирамъ жаръ у всѣхъ давно уже погасъ:
Онѣ пороковъ бичъ, а правда колетъ глазъ.
Бранить и все и всѣхъ грѣшно и непристойно.
Я лучше жить хочу и мирно и спокойно.

14-го ноября 1824 года С.-Петербургъ.

6.

28-го января 1825 г. С.-Петербургъ.

Два пріятнѣйшія письма вашего превосходительства отъ 28-го декабря 1824 г. и 12-го января сего года и при одномъ изъ нихъ три жестянки прекраснаго французскаго табаку я имѣлъ особенное удовольствіе получить и за все приношу чувствительнѣйшую мою благодарность.

Пользуясь симъ случаемъ, имѣю честь поздравить васъ съ наступившимъ новымъ годомъ, пожелавъ вамъ искренно исполненія всѣхъ вашихъ желаній. Вложенные въ сіе письмо: карманный календарь и двѣ таблицы календаря съ старымъ и новымъ стилемъ, въ переплетахъ, равно какъ и слѣдующій къ оному свертокъ подъ литерою В. съ десятью такими жъ таблицами календаря на сей 1825 годъ, изданнаго при Главномъ штабѣ, подъ моимъ вѣдѣніемъ, покорнѣйше прошу принять благосклонно.

Теперь приступлю къ подробному отвѣту на всѣ статьи писемъ вашихъ.

Представленіе ваше о начатіи въ нынѣшнемъ году топографической съемки той части Кіевской губерніи, которая въ кругу расположенія войскъ 2-й арміи,—утверждено, что усмотрите изъ оффиціальной къ вамъ бумаги отъ Ивана Ивановича барона Дибича, при семъ посылаемой.

Посылаю при семъ опись класснымъ книгамъ, употребляемымъ при училищѣ топографовъ. Относительно жъ до плановъ и описанія маневровъ, произведенныхъ прошлаго года въ присутствіи государя императора

[1]) Капнистъ въ одѣ своей собирался взъѣхать на Парнасъ на копѣйныхъ лошадяхъ. Примѣч. Н. С.

гвардейскимъ и 2 пѣхотнымъ корпусомъ, весьма радъ бы служитъ вамъ оными, но первые отдѣлываются еще набѣло въ штабѣ гвардейскаго корпуса; однакожъ я всячески постараюсь достать ихъ для скопированія. Послѣднія жъ хотя и давно уже присланы были къ барону Дибичу и онъ приказывалъ снять съ нихъ двѣ копіи, но по неотысканію у него оригиналовъ, до сего времени остается сіе безъ исполненія. Впрочемъ и самую иголку сыскать можно, то есть надежда, что и сіи планы, о коихъ я часто ему напоминаю, наконецъ отыщутся, и тогда вмѣсто двухъ, прикажу снять съ нихъ три копіи и къ вамъ одну доставлю

Арсеній Андреевичъ Закревскій и полковникъ Шатиловъ подавали прошенія объ увольненіи ихъ отъ службы. Первому послѣдовалъ на сіе милостивый рескриптъ, и при ономъ пожалована табакерка съ портретомъ государя императора. Послѣ сего онъ вѣрно продолжать уже будетъ службу. Послѣднему жъ пожалованъ перстень съ шифромъ и вмѣсто отставки дано увольненіе въ отпускъ на годъ до излѣченія его болѣзни. Онъ точно по сему случаю и просилъ увольненія отъ службы. Чѣмъ зданіе огромнѣе, тѣмъ болѣе оное подвергается разрушенію, но не всею массою, а постепенно частями. По сему и я, составляющій частицу, хотя и самую малую, сего разрушающагося колосса, рано или поздно упасть долженъ буду!

Съ 7-го января начались при дворѣ малые балы и комнатные и эрмитажные спектакли (къ послѣднимъ охота во мнѣ еще не пропала), на кои и меня приглашаютъ, чѣмъ я обязанъ князю Петру Михайловичу Волконскому. Государь императоръ не бываетъ на сихъ увеселеніяхъ, даже не изволилъ быть 6-го января и на Іорданѣ; полагаютъ, что и сему причиною болѣзнь государыни императрицы Елизаветы Алексѣевны. Но, слава Богу, ея величеству гораздо лучше.

Ожидаютъ возвращенія изъ Берлина его высочества Николая Павловича и разрѣшенія отъ бремени великой княгини Елены Павловны.

Судя по письмамъ князя Петра Михайловича, коими онъ меня не забываетъ, и моя къ нему приверженность никогда не ослабѣетъ, я полагаю его уже въ Парижѣ. Въ началѣ іюня сего года онъ хотѣлъ возвратиться въ С.-Петербургъ. Дай Боже, чтобы это сбылось!

Карлъ Ѳедоровичъ баронъ Толь съ нѣкотораго времени у насъ проживаетъ. Почести и фортуна вздули его какъ гору. На меня онъ уже и не смотритъ. Правда, что и я мало на него гляжу.—Челомъ бить не учился.

Князь Никита Григорьевичъ Волконскій также въ столицѣ. Я часто съ нимъ вижусь, любя добрыхъ людей.

Я объявилъ Алексѣю Ѳедоровичу Орлову, что обѣщаніе его ссудить

меня верьховою лошадью, чего я жду четыре года и не могу дождаться, воспѣто уже въ стихахъ, которые посланы въ Тульчинъ.

У насъ безпрерывные вѣтры при теплой погодѣ и часто вода возвышается; и все это случается по ночамъ. Выставляемые съ огнемъ маяки и выстрѣлы изъ крѣпостныхъ пушекъ при возвышеніи воды, приводятъ въ страхъ робкихъ людей, которые забыть еще не могутъ наводненія, бывшаго 7-го ноября 1824 года. Я не боюсь за себя огня, воды и воровъ, зная, что у меня сгорѣть, утонуть и пропасть нечему.— Нѣтъ худа безъ добра.

Я бы писалъ къ вамъ чаще и свободнѣе, еслибъ зналъ способъ, какъ посылать вѣрнѣе мои письма.—Когда водитъ перомъ искренность, то непріятно ограничиваться.

Оставляя, по желанію вашему, церемоніальную форму, поручаю себя въ напоминовеніе ваше, оставаясь на всегда съ искренною приверженностію, покорнѣйшій слуга Н. Селявинъ.

7.

24-го апрѣля 1825 г. С.-Петербургъ.

Письмо ваше, почтеннѣйшій Павелъ Дмитріевичъ, отъ 12-го апрѣля, дошло до меня 23-го того же мѣсяца. Премного благодарю васъ за прекрасную, отнюдь не простую, парижскую табакерку. Лучше всего я цѣню то, что меня не забываете. Изъ сей табакерки я буду всегда нюхать вашъ же французскій табакъ: ее удобно носить въ узкихъ мундирныхъ карманахъ, которые какъ будто нарочно для меня придуманы потому что мнѣ класть въ нихъ нечего.

Крайне сожалѣю, что рѣшеніе о г. Руге не удовлетворительно. Впрочемъ, что отложено, то еще не потеряно, и онъ вѣрно въ непродолжительномъ времени получитъ желаемое.

Относительно до штабсъ-капитана Скалона, я объявилъ ему ваше предложеніе, сказавъ при семъ случаѣ, чтобы онъ самъ собою дѣйствовалъ, не ожидая никакого посторонняго посредства, а менѣе еще моего; я же стороною буду охотно ему способствовать къ исполненію желанія его получить мѣсто при главномъ штабѣ 2-й арміи.

Докладъ вашъ объ учрежденіи юнкерской школы при 2-й арміи и положеніе сей школы я прочиталъ съ большимъ вниманіемъ. Какъ должно солдату, безъ всякой лести скажу вамъ, что вы предприняли святое дѣло, и увѣренъ, что оно подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ вашимъ увѣнчается благополучнымъ успѣхомъ. Но какъ ничего нѣтъ на свѣтѣ вѣчнаго, почему и желаю, чтобы тѣ, кои въ продолженіе времени заступать будутъ ваше мѣсто, были бы такъ же внимательны къ

образованію юношества. Если жъ сей жребій падетъ на кого-либо изъ чудаковъ, подходящихъ къ сатирѣ Сумарокова, изъ коей помѣщаю нѣсколько строкъ:

Невѣжда говоритъ: я помню чей я внукъ,
По-дѣдовски живу, не надобно наукъ.
Пусть разоряются уча ребятовъ моты:
Мой мальчикъ не ученъ, а въ тѣ жъ идетъ вороты!

(часто у неучей шаги свободнѣе, нежели у ученыхъ людей), въ такомъ случаѣ доброму началу нельзя ожидать хорошаго конца.

Съ прапорщикомъ Болдыревымъ дѣлайте что вамъ угодно. Я увѣренъ, что все послужитъ къ его пользѣ. Повторяю только, что въ немъ можно ожидать хорошаго офицера, зная, что онъ имѣетъ добрую къ тому волю.

Желаемаго вами архитектора я готовъ отыскивать, только не оставьте меня увѣдомить, въ какой губерніи или имѣніи вашемъ онъ жить долженъ и какое содержаніе дать ему полагаете? Я знаю одного хорошаго, но бѣднаго архитектора, котораго согласить на то надѣюсь.

Съ прибывшимъ на-дняхъ фельдъегеремъ сдѣлалось извѣстнымъ, что государь изволилъ пріѣхать въ Варшаву 15-го сего мѣсяца.

Отъ князя Петра Михайловича (Волконскаго) я недавно получилъ письмо изъ Парижа. Онъ сожалѣетъ, что коронованіе короля отложено до 3-го (15-го) іюня. Ему бы хотѣлось поскорѣе сюда возвратиться. Видно, что ему тамъ скучно.

Въ заключеніе сего прошу принять удостовѣреніе въ совершенной къ вамъ моей преданности.

8.

31-го августа 1825 г. С.-Петербургъ.

Пріятнѣйшее письмо ваше, почтеннѣйшій Павелъ Дмитріевичъ, отъ 14-го августа, я имѣлъ честь и удовольствіе получить 22-го того же мѣсяца и нѣсколько замедлилъ отвѣтомъ для того, чтобы написать къ вамъ пообстоятельнѣе.

Начну теперь съ того, что князь Петръ Михайловичъ Волконскій прибылъ къ намъ 11-го августа и при пріѣздѣ своемъ получилъ назначеніе отправиться въ Таганрогъ при императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Государь императоръ изволитъ завтра отправиться въ вояжъ, а ея величество—3-го сентября. О путешествіи ихъ величествъ посылаю вамъ маршруты и прочія приложенія, прося держать ихъ про себя; въ противномъ случаѣ введете меня въ хлопоты.

Архитектору или лучше сказать каменному мастеру Везенбергу я

учтиво отказалъ, и отыскалъ уже вамъ не самозванца, а прямаго архитектора, котораго я коротко знаю, потому что онъ состоялъ при строительной коммиссіи дома Главнаго штаба и уволенъ по окончаніи строенія. Имя его Федосѣевъ. Онъ служитъ нынѣ при Кабинетѣ, 14-мъ классомъ. Что сей архитекторъ знаетъ свое дѣло, честенъ и дѣятеленъ, въ томъ я порукою. Онъ согласенъ на предлагаемое вами содержаніе, съ малымъ токмо измѣненіемъ, то-есть вмѣсто 1.200 р., по 1.500 р. въ годъ; квартира, прислуга, ординарія и фуражъ на 4 лошади; также на проѣздъ къ вамъ 600 рублей и столько же на обратный путь въ свое время. Но проситъ сдѣлать сіе актомъ, заключа съ нимъ обязательство на 2 или на 3 года. На все сіе буду ждать вашего отвѣта.

О коренномъ начальникѣ вашемъ [1]) ничего не могу сказать опредѣлительнаго, зная только одно, что онъ съ самаго пріѣзда живетъ въ Царскомъ Селѣ и сюда еще не въѣзжалъ. У насъ скоро начнутъ чихать и кашлять по секрету. Секретоманія съ ума насъ сводитъ.

На вопросъ вашъ, что дѣлаетъ и какъ принялся за дѣло новый нашъ начальникъ и какъ я съ нимъ, а онъ со мною. Я полагаю, что вы сіе пишете о томъ, кто недавно занялъ мѣсто высокопарнаго барона Толя по части ген. кварт. главнаго штаба его величества. Скажу вамъ только, что я благодарю судьбу, что не состою въ его зависимости, прибавя къ сему, что онъ тотъ самый, который предъ Отечественною войною вышелъ въ отставку и, помаясь 13-ть лѣтъ на островѣ Эзелѣ, 29-го апрѣля сего года принятъ опять на службу. Какъ онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры въ 1807 году, а вышелъ въ отставку въ 1812 г., то при вступленіи его въ службу отданы ему были 5 лѣтъ, кои служилъ въ генеральскомъ чинѣ, что было въ порядкѣ вещей. Но 30-го сего августа отдано ему все его старшинство и онъ считается теперь въ настоящемъ чинѣ 18 лѣтъ. Если бы онъ былъ изъ числа необыкновенныхъ людей, то и говорить бы было нечего; но какъ онъ человѣкъ менѣе нежели обыкновенный, то признаюсь, больно до крайности, что 13-ти-лѣтнее тунеядство его предпочтено службѣ другихъ, особенно тѣхъ, кои носятъ съ нимъ одинъ мундиръ. Сей случай побуждаетъ меня сократить мою службу, пріискавъ себѣ какую-либо хижину, гдѣ бы могъ умереть спокойно!

Поруча себя напоминовенію вашему, имѣю честь быть навсегда, вашъ вѣрно преданный Н. Селявинъ.

9.

23-го сентября 1825 г. С.-Петербургъ.

Пріятнѣйшее письмо ваше, почтеннѣйшій Павелъ Дмитріевичъ, отъ 13-го сего мѣсяца, дошло до меня 22-го числа. Искренно благодаря

[1]) Графъ Вингенштейнъ.

васъ за то, что меня помните, побуждаюсь при семъ также просить, чтобы письма ваши ко мнѣ посылали по летучей почтѣ въ конвертѣ на имя Константина Яковлевича Булгакова, а не съ фельдъегерями, отправляющимися отъ васъ въ С.-Петербургъ. Причиною къ сей просьбѣ то, что изъ попорченной на послѣднемъ письмѣ вашемъ печати, которую вмѣстѣ съ конвертомъ я берегу до прибытія вашего въ столицу, я подозрѣваю, что есть люди, имѣющіе любопытство читать чужія письма. Впрочемъ, можетъ быть, что сомнѣніе мое и напрасное; печать могла повредиться и въ дорогѣ, что объяснится, когда вы ее увидите.

Безъ всякой лести скажу вамъ, что искренно желаю, чтобы вы не оставляли занимаемаго вами мѣста, зная, какую сіе приноситъ пользу для службы. Въ семъ случаѣ коснусь Священнаго Писанія, которое говоритъ: Претерпѣвый до конца спасенъ будетъ.

Два ваши солитера будутъ храниться въ казначействѣ квартирмейстерской части до прибытія вашего въ С.-Петербургъ. Князь П. М. [1]), отъѣзжая въ Таганрогъ, оставилъ мнѣ своихъ вещей тысячъ на двѣсти и сверхъ того на 207 тыс. рублей ломбардныхъ билетовъ для храненія въ казначействѣ. Если собственныхъ денегъ и вещей не имѣю, то хотя не лишенъ удовольствія сохранять добро, принадлежащее тѣмъ, коихъ искренно почитаю.

Князь П. М., по письму вашему, жалуется на судьбу свою; а я въ душѣ моей жалуюсь на него, что онъ оставилъ меня безъ пріюта; и вмѣстѣ съ тѣмъ недоволенъ и собою, что я никогда ни о чемъ его не просилъ, оставляя нужды мои на его вниманіе, коего онъ не обратилъ по врожденному въ немъ равнодушію. Много онъ противъ меня согрѣшилъ. Но Богъ съ нимъ. Я все забываю, что готовъ ему доказать на опытѣ и даже доказываю.

Вашъ начальникъ, надѣюсь, скоро къ вамъ возвратится. Онъ смотрѣлъ поселенныя войска въ Новгородской губерніи.

О новостяхъ ничего вамъ не пишу, полагая, что отъ помянутаго пріѣзжаго объ нихъ узнаете.

Относительно до труфелей, не только что за присылку ко мнѣ оныхъ, но за одно даже предложеніе ихъ доставить много благодарю. Я до нихъ охотникъ, а у насъ они дороги потому, что, какъ вамъ извѣстно, суровый нашъ климатъ ихъ не производитъ, и мы получаемъ ихъ болѣе изъ Франціи.

Поручая себя напоминовенію вашему, остаюсь навсегда вамъ искренно преданный.

P. S. Что на послѣднихъ двухъ моихъ письмахъ я позабылъ выставить числа, въ томъ извиняюсь.

---

[1]) Волконскій.

10.

30-го ноября 1826 г. С.-Петербургъ.

Получивъ письмо ваше, почтеннѣйшій Павелъ Дмитріевичъ, отъ 15-го сего мѣсяца, начинаю съ того, что искренно благодарю васъ за участіе во мнѣ принимаемое; потомъ извиняюсь, что замедлилъ отвѣтомъ, чему причиною хлопоты по новой моей должности, въ которую вступилъ я съ 15-го числа. Если бы мѣста подвѣдомственныя Кабинету были такъ подручны, какъ стеклянныя и фарфоровыя его фабрики и прочія его мануфактуры, то легко бы можно было съ ними управляться; но какъ главные источники дохода Кабинета заключаются въ горныхъ рудокопныхъ заводахъ, состоящихъ въ Колывано-Воскресенскѣ и Нерчинскѣ, къ коимъ приписано 86 тыс. душъ казенныхъ крестьянъ и сверхъ того 17 тыс. работниковъ, то отдаленность мѣста и часто встрѣчающіяся тамъ хлопоты потому болѣе меня безпокоятъ, что на отвѣтственность мою многое поставлено, что усмотрите изъ инструкціи высочайше утвержденной, съ коей прилагаю копію. Прочее увидите изъ «Сенатскихъ Вѣдомостей» и приказовъ. Впрочемъ, я надѣюсь, что Богъ мнѣ поможетъ.

Хотя князь П. М. [1]) и не сдѣлалъ во мнѣ пріобрѣтенія; но нашелъ однако жъ не неблагодарнаго.

Сухтелену квартирмейстерская часть не подчинена, а поступилъ только подъ непосредственное его начальство Ф. А. Дурново, назначенный правителемъ дѣлъ канцеляріи управляющаго квартирмейстерскою частію и вмѣстѣ съ тѣмъ инспекторомъ дома.

Получа новое себѣ назначеніе, я сдалъ въ нѣсколько часовъ все мнѣ ввѣренное и между прочимъ 280 тыс. казенныхъ денегъ банковыми билетами, потомъ незамедля переѣхалъ на квартиру, нанятую мною близъ Кабинета. А какъ я надѣюсь, что почтеннѣйшій Павелъ Дмитріевичъ не забудетъ ветерана квартирмейстерской части, изъ коей я и нынѣ не исключенъ, то покорнѣйше прошу адресовать ко мнѣ письма въ Кабинетъ его величества, и по-прежнему давать мнѣ порученія, кои я съ удовольствіемъ исполнять всегда буду.

Поручая себя въ память вашу, остаюсь навсегда искренно преданный Н. Селявинъ.

11.

3-го января 1827 г. С.-Петербургъ.

Письмо ваше, почтеннѣйшій Павелъ Дмитріевичъ, отъ 24-го декабря, я получилъ 2-го сего мѣсяца и душевно благодарю за принимаемое въ

[1]) Волконскій.

судьбѣ моей участіе. Поздравляю искренно съ наступившимъ годомъ, пожелавъ отъ сердца всевозможныхъ благъ, включая въ оные все земное.

Судьбою моею я весьма доволенъ, служа подъ начальствомъ князя Петра Михайловича, къ коему я преданъ, право, безъ лести. О вельможествѣ отнюдь не думаю, зная, что я не имѣю достоинствъ, составляющихъ вельможу. Безсмертный Державинъ написалъ ихъ портретъ. Изъ сей оды я выпишу одну статью и самъ на себя сдѣлаю рецензію.

1) Вельможу долженъ составлять умъ здравый, сердце просвѣщенно;	1) Я имѣю каплю здраваго разсудка и сердце, можетъ быть, и доброе, но съ небольшимъ только просвѣщеніемъ.
2) Онъ долженъ всѣмъ собой являть, что званіе его священно! что онъ орудье власти есть, подпора царственныхъ всѣхъ зданій;	2) Сопряжено уже съ первымъ.
3) Вся мысль его, слова, дѣянья должны быть слава, правда, честь!	3) Я ничего не умышляю злова, слѣдственно зла и не дѣлаю; въ числѣ семъ я включаю и безчестныя дѣла. Но прославить ни себя, ни собою никакъ не могу.

Моя рецензія на сію картину ясно показываетъ, что я весьма худая съ нея копія; а потому и окончу сужденіе моими стихами:

Доволенъ малымъ я, къ чему желать большаго?
Коль будетъ всякъ капралъ, не станетъ рядоваго.

Князь Петръ Михайловичъ поручилъ мнѣ засвидѣтельствовать вамъ искреннюю его благодарность за то, что его помните. Съ того времени, какъ онъ началъ заниматься дѣлами, здоровье его совершенно поправилось. Видно, что занятія составляютъ его пищу. Со мною же случилось тому противное: съ того времени какъ я вступилъ въ новую мою должность, которая несравненно обширнѣе и хлопотливѣе прежней, здоровье мое терпитъ. Но я надѣюсь, что оное поправится, когда съ должностью моею познакомлюсь. Впрочемъ, настоящее меня не озабочиваетъ, но о будущемъ я гоню мысль, которая часто ко мнѣ приходитъ. Зная, что на землѣ нѣтъ прямаго счастья, по что искать философическаго камня?

Получа отъ васъ пятьдесятъ рублей, я тотчасъ послалъ живущаго у меня чиновника Баркисана, поручивъ ему, купя ихъ[1]) въ военно-топографическомъ депо, и уложа послать при семъ письмѣ въ казенномъ пакетѣ, куда велѣлъ положить и счетъ, къ вамъ, въ Тульчинъ, съ фельдъегеремъ, буде оный еще не уѣхалъ; въ противномъ случаѣ отпра-

[1]) Вѣроятно карты.

вить все по экстра-почтѣ, что вѣрно будетъ исполнено. Сомнѣваюсь, чтобы онъ купилъ новый мѣсяцословъ и стѣнные календари. До сего времени они еще не продаются. Коль же скоро выйдутъ въ свѣтъ, то непремѣнно доставлю.

У насъ начались праздники: 1-го числа былъ маскерадъ въ Таврическомъ дворцѣ, а 9-го будетъ спектакль въ Эрмитажѣ.

Вновь прибывшій актеръ Женье занимаетъ собою публику. Петербургъ никогда не имѣлъ такого таланта, онъ ученикъ Тальмы и въ иныхъ пьесахъ не уступаетъ своему наставнику. Къ тому же молодой человѣкъ и счастливой наружности.

Прощайте, любезнѣйшій товарищъ, и не забывайте искренно вамъ преданнаго Н. Селявина.

P. S. Фельдмаршалъ графъ Витгенштейнъ живетъ въ Зимнемъ дворцѣ. Увидя его при выходѣ, я нашелъ, что онъ постарѣлъ.

12.

22-го января 1827 г. С.-Петербургъ.

Прошу благосклоннаго себѣ извиненія, почтеннѣйшій Павелъ Дмитріевичъ, что я немного замедлилъ присылкою новыхъ мѣсяцословъ, кои недавно поступили и въ продажу. Надѣюсь, что карты и стѣнные календари, въ первыхъ числахъ сего мѣсяца чрезъ фельдъегера къ вамъ отправленные, до васъ уже дошли. Изъ денегъ вашихъ 52 р. 40 к. у меня въ остаткѣ 2 р., располагайте ими.

Князь Петръ Михайловичъ со дня на день становится здоровѣе, съ того времени, какъ началъ заниматься службою, чему я радуюсь, и желалъ бы то же сказать и о самомъ себѣ, но, право, не могу похвалиться моимъ здоровьемъ и началъ уже принимать изрѣдка извѣстное лекарство: l e K o y, которое иные хвалятъ, а другіе находятъ опаснымъ. До сего времени ни пользы, ни вреда я въ немъ не замѣчаю.

Арсеній Андреевичъ [1]) уѣхалъ на время въ Финляндію, которая, какъ мнѣ кажется, не такъ-то ему нравится.

Генералъ-квартирмейстеръ Бутурлинъ, прибывшій сюда изъ 1-й арміи, сказывалъ, что К. Ѳ. Толь, примѣтно толстѣетъ съ того времени, какъ потерялъ много крови отъ паденія въ Москвѣ съ лошади. Полагаютъ, что у него водяная болѣзнь. Хотя онъ и дѣлалъ мнѣ досады, но я о немъ сожалѣю, желая, чтобы болѣзнь его миновала. Съ княземъ А. С. Меншиковымъ и графомъ П. П. Сухтеленомъ дѣлается совсѣмъ противное: оба изсохли, какъ сѣрныя спички. Кажется, не привыкать имъ къ здѣш-

[1]) Закревскій.

нему климату. Какъ много на свѣтѣ варіацій, а въ натурѣ непостоянства! Не напрасно ли я ихъ виню, когда мы сами виноваты. Живи всякій изъ насъ воздержаннѣе и умѣряй ненасытное честолюбіе, тогда будетъ предѣломъ лѣтъ нашихъ почтенная старость покойнаго Сестренцевича, дожившаго почти до 100 лѣтъ.

При дворѣ начались спектакли въ Эрмитажѣ, которые для меня интересны. Въ публичномъ театрѣ я также нерѣдко бываю въ креслахъ министра двора. Прежде сего финансы мои нерѣдко меня удерживали отъ сего удовольствія. Воспитанникъ Тальмы, Женье, первый нынѣ актеръ парижскаго театра, случайно къ намъ прибывшій и ангажированный на три года, восхищаетъ собою публику. Такого таланта у насъ не бывало. Скоро, скоро придетъ великій постъ, и театры закроются, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратится на время единственное мое удовольствіе.

Прощайте, любезнѣйшій товарищъ, будьте здоровы и веселы, не забывая искренно вамъ преданнаго Н. Селявина.

P. S. Климатомъ вы насъ счастливѣе. У васъ дѣло идетъ уже къ веснѣ, а у насъ послѣ хорошей зимы началась гнилая зима.

13.

25-го апрѣля 1827 г. С.-Петербургъ.

Пріятнѣйшее письмо ваше, почтеннѣйшій Павелъ Дмитріевичъ, отъ 15-го апрѣля, я получилъ 23-го сего мѣсяца, и вмѣстѣ съ онымъ и превосходный султанскій курительный табакъ, за который приношу покорнѣйшую мою благодарность.

О неписаніи ко мнѣ благодарнаго письма за карты и календари [1]) походитъ нѣсколько на сатиру. Я для того въ послѣднемъ письмѣ моемъ о нихъ у васъ спрашивалъ, что не былъ увѣренъ, дошли ли оныя до васъ вѣрно, что иногда случается. Впрочемъ каковы бы ни были мои занятія, я всегда нахожу время бесѣдовать перомъ съ тѣми людьми, коихъ безъ лести почитаю. А если кто ссылается на недуги, сіе отношу къ недостатку доброй воли вести переписку.

Въ началѣ сего мѣсяца погода была у насъ совершенно весенняя. Доходило до 17 градусовъ теплоты въ тѣни. Но вскорѣ перемѣнилась: пошелъ снѣгъ, и холодъ до сего времени продолжается. Лучшаго нельзя и ждать въ суровомъ сѣверномъ климатѣ, особенно въ мѣстахъ, окруженныхъ болотами.

Князь Петръ Михайловичъ весьма васъ благодаритъ, что его вспомнили. Съ того времени, какъ онъ началъ заниматься дѣлами,

[1]) Не было причины и благодарить, потому что все куплено на ваши деньги, изъ коихъ 2 р. у меня еще осталось.

здоровье его примѣтно поправляется. Труды—его пища. О себѣ не могу того сказать.

Князя Меншикова я рѣдко вижу и о молчаніи его ничего не могу сказать ему въ извиненіе

Слухи, привезенные къ вамъ генераломъ Ротомъ, отчасти справедливы. Въ началѣ мая государь изволитъ ѣхать въ Вязьму осматривать войска. Графъ Аракчеевъ давно уже живетъ въ Грузинѣ, но совсѣмъ не слышно, чтобы ожидали его въ Петербургъ. Арсеній Андреевичъ живетъ въ столицѣ и по временамъ бываетъ въ Финляндіи. Здѣшняя публика, какъ и всякая другая, дѣлала ему многія назначенія, кои однако же не сбывались. Для блага общаго я искренно желаю, чтобы сей почтенный человѣкъ по уму и душѣ его получилъ приличное ему мѣсто въ столицѣ.

О болѣзни генерала Сабанѣева я не сожалѣю потому, что не имѣю никакой причины быть привязаннымъ къ здѣшней суетной жизни. Одни счастливцы могутъ ея придерживаться и даже дорожить ею. Хотя и смотрю безъ всякой зависти на людей, живущихъ въ изобиліи, которое пріобрѣли многіе самыми легкими средствами; не менѣе того, мнѣ больно всю жизнь терпѣть недостатки отъ того только, что принялъ себѣ за правило, пользуясь своимъ малымъ, не брать чужаго и не быть докучливымъ просителемъ. Мало нынѣ людей, которые входятъ въ положеніе другихъ!... Есть пословица: дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ. Но, по мнѣнію моему, хорошая мать должна предупреждать слезы ребенка—терпѣливаго.

Прощайте, почтеннѣйшій и любезный товарищъ, и, во ожиданіи личнаго съ вами свиданія, не забывайте искренно вамъ преданнаго Селявина.

Нева препятствуетъ исполненію высочайшаго повелѣнія.

Письмо А. Куракина къ М. М. Сперанскому, отъ 3-го ноября 1809 г.

Вслѣдствіе объявленной мнѣ въ отношеніи вашего превосходительства, отъ 2-го сего мѣсяца высочайшей воли, чтобъ рескриптъ его императорскаго величества о размѣнѣ ратификацій мирнаго трактата, между Франціею и Австріею заключеннаго, и о прекращеніи Россіею войны съ сею послѣднею державою, на имя мое отъ 1-го сего мѣсяца послѣдовавшій, напечатанъ былъ въ Вѣдомостяхъ въ будущую пятницу, непреминулъ я тогда препроводить въ Императорскую Академію наукъ для напечатанія списокъ съ означеннаго рескрипта; но какъ переправа чрезъ Неву рѣку за льдомъ въ то время прекратилась уже, то посланный и не могъ исполнить сдѣланнаго ему порученія.

Такимъ образомъ, есть ли переправа чрезъ Неву по льду по крайней мѣрѣ завтра къ вечеру не установится, то изъясненная высочайшая воля не можетъ приведена быть въ дѣйство прежде будущаго вторника.

Сообщая о семъ вашему превосходительству, я прошу васъ, милостивый государь мой, доложить о семъ его императорскому величеству.

Воспоминанія князя Эмилія Витгенштейна [1]).

Предъ нами два тома переписки генералъ-адъютанта императора Александра II, князя Эмиля Сайнъ-Витгенштейнъ-Берлебурга, обнимающіе собою его воспоминанія за длинный періодъ времени съ 1841—1878 г.г.

Состоя на русской службѣ съ 1849 г., вращаясь въ придворномъ кругу и находясь въ свитѣ императора Александра II, которому онъ былъ преданъ до фанатизма, князь Витгенштейнъ имѣлъ случай наблюдать и знать весьма близко многія подробности событій, занимавшихъ русское общество въ продолженіе почти двухъ царствованій. Онъ принималъ личное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ и въ усмиреніи польскаго мятежа. Одаренный отъ природы живымъ пытливымъ умомъ, тактомъ, необыкновенной энергіей и храбростью, увлекавшійся всѣмъ истинно великимъ и прекраснымъ, онъ передаетъ въ живомъ разсказѣ много интересныхъ эпизодовъ и фактовъ, характеризующихъ событія и лицъ того времени.

Хотя эти воспоминанія представляютъ, собственно говоря, интимную переписку князя съ его родными, но это придаетъ имъ еще большій интересъ въ томъ отношеніи, что они писались подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ только-что пережитаго или слышаннаго ихъ авторомъ, вслѣдствіе чего его разсказы чрезвычайно жизненны и правдивы, и носятъ отпечатокъ тѣхъ чувствъ, которыя волновали и одушевляли его въ извѣстный моментъ. Гдѣ бы ни находился князь, при дворѣ, въ дорогѣ или на полѣ битвы, онъ какъ преданный и почтительный сынъ и горячо любящій мужъ, не упускалъ случая подѣлиться съ близкими пере-

[1]) Souvenirs et correspondance du prince Emile de Sayn-Wittgenstein-Berlebourg, aide de camp général de S. M. l'empereur Alexandre II de Russie.

житымъ; поэтому въ его письмахъ, кромѣ подробностей придворной жизни, встрѣчаются яркія картины боевой жизни на Кавказѣ и весьма интересные факты о событіяхъ 1863 года. Мать князя говорила только по-французски, вслѣдствіе этого большая часть его писемъ писана на этомъ языкѣ, хотя душой онъ былъ истый нѣмецъ.

Рѣдко жизнь тажъ улыбается кому-либо съ самаго начала, какъ она улыбнулась князю Витгенштейну; благодаря своему имени и сильной протекціи онъ составилъ блестящую карьеру и уже въ молодыхъ лѣтахъ достигъ высшихъ чиновъ и отличій.

Старшій сынъ князя Августа Сайнъ-Витгенштейнъ-Берлебурга, онъ родился 21-го апрѣля 1824 г., въ Дармштадтѣ, гдѣ его отецъ командовалъ въ то время полкомъ легкой конницы.

Его воспреемникомъ отъ купели былъ принцъ Эмилій Гессенскій, братъ великаго герцога гессенскаго Людовика II, котораго издавна связывала съ его отцомъ самая тѣсная дружба. Они участвовали вмѣстѣ въ походахъ 1812 г. противъ Наполеона; князь Августъ Витгенштейнъ спасъ принцу Гессенскому жизнь при переправѣ черезъ Березину, и съ тѣхъ поръ друзья были неразлучны; принцъ Эмилій перенесъ свою привязанность и на его сына и всю жизнь покровительствовалъ ему.

Князь Эмилій Витгенштейнъ получилъ прекрасное образованіе подъ надзоромъ своей матери, женщины выдающейся по уму и красотѣ.

Шестнадцати лѣтъ онъ началъ свою военную карьеру, будучи назначенъ адъютантомъ великаго герцога Гессенскаго. Вскорѣ послѣ этого, въ 1841 г., онъ сопровождалъ своего крестнаго отца, принца Эмилія Гессенскаго, въ Петербургъ, по случаю бракосочетанія наслѣдника цесаревича съ принцессой Маріей Гессенской, впослѣдствіи императрицей Маріей Александровной. Это путешестіе произвело на молодаго Витгенштейна сильное впечатлѣніе и повліяло на его рѣшеніе переселиться въ Россію, что онъ и сдѣлалъ въ 1849 году, поступивъ на русскую службу.

Принятый капитаномъ въ драгунскій принца Виртембергскаго полкъ и произведенный въ декабрѣ того же года въ маіоры, князь Витгенштейнъ былъ назначенъ адъютантомъ къ главнокомандующему кавказской арміей, графу Воронцову, и уѣхалъ къ мѣсту служенія въ Тифлисъ. Вскорѣ былъ отозванъ въ Петербургъ и назначенъ флигель-адъютантомъ. Въ августѣ 1854 г. онъ снова возвратился на Кавказъ и участвовалъ въ дѣйствіяхъ противъ турокъ. Назначенный командиромъ казачьяго линейнаго полка, онъ совершилъ съ нимъ рядъ блестящихъ подвиговъ при осадѣ Карса, доставившихъ ему орденъ св. Георгія и, по окончаніи войны, въ январѣ мѣсяцѣ 1856 г., возвратился въ Петербургъ.

Въ апрѣлѣ того же года князь былъ посланъ въ Парижъ съ про-

токоломъ мирнаго договора, заключеннаго воюющими державами, познакомился тамъ съ княжною Пульхеріей Кантакузеной, дочерью князя Николая Кантакузена, которая жила въ Парижѣ съ своей матерью, и 15-го іюня 1856 г. обвѣнчался съ нею въ Висбаденѣ.

Слабое здоровье супруги заставило князя Витгенштейна взять въ 1857 г. отпускъ и провести нѣкоторое время въ ея помѣстьяхъ въ Молдавіи, а затѣмъ въ Германіи и Италіи. Весною 1863 г., когда началось возстаніе въ Польшѣ, князь возвратился въ Россію, былъ произведенъ въ генералы и принималъ дѣятельное участіе въ усмиреніи мятежа.

Послѣ кончины жены, князь въ 1866 году вышелъ въ отставку съ чиномъ генералъ-лейтенанта и вступилъ 28-го декабря того же года въ морганатическій бракъ съ дѣвицей Стефанской, которой великій герцогъ Гессенскій пожаловалъ титулъ баронессы Клейдорфъ, перешедшій къ ея дѣтямъ.

Купивъ виллу на берегу Рейна, князь прожилъ въ ней до 1875 г., но плохое состояніе здоровья заставило его переѣхать въ Веве. Когда же началась война съ Турціей, то онъ, несмотря на свои недуги, предложилъ императору свои услуги и принялъ участіе въ походѣ, состоя при императорской главной квартирѣ.

Князь Эмилій Вингенштейнъ скончался 16-го сентября 1878 г., на пятьдесятъ четвертомъ году жизни, въ Тегернзее, въ горахъ Баваріи, гдѣ онъ гостилъ у родныхъ.

Вотъ въ краткихъ чертахъ біографія автора, воспоминанія котораго мы предлагаемъ, въ извлеченіи, вниманію читателей «Русской Старины».

I.

Поѣздка князя Витгенштейна въ Петербургъ въ 1841 г.—Москва и Петергофъ.—Поѣздка на Кавказъ въ 1845 году.—Даргинская экспедиція.—Возвращеніе въ Петербургъ.

Поѣздка въ Россію, которую князь Витгенштейнъ совершилъ въ 1841 г., семнадцатилѣтнимъ юношею, сопровождая своего крестнаго отца, принца Гессенскаго, на бракосочетаніе наслѣдника цесаревича, весьма естественно крайне интересовала его. Пробывъ нѣсколько дней въ Берлинѣ, путешественники отправились далѣе въ «страну снѣговъ и полярныхъ льдовъ», составлявшую, какъ выразился князь Витгенштейнъ въ письмѣ къ матери, «цѣль столькихъ желаній, куда такъ многіе стремятся и на которую такъ много клевещутъ».

Послѣ утомительнаго путешествія, по плохимъ дорогамъ, на которыхъ ломались экипажи, утопая въ глубокомъ снѣгу, изъ котораго ихъ

*

съ трудомъ вывозила восьмерка лошадей, и вынужденные нѣсколько разъ останавливаться въ пути вслѣдствіе сильнаго разлива Вислы и Нѣмана, путешественники прибыли, наконецъ, въ Петербургъ 6-го апрѣля 1841 г. и были приняты какъ нельзя лучше.

«Князь Александръ (Гессенскій) обращается со мною какъ братъ,—писалъ князь Эмилій матери [1]),—великій князь (Александръ Николаевичъ) любезенъ до-нельзя. Я еще не представлялся императору, такъ какъ теперь Страстная недѣля, но былъ у Барятинскихъ; это прелестное семейство. Съ княземъ случилось маленькое несчастье. Онъ упалъ на больную руку, и ему пришлось поставить піявки, но теперь ему уже лучше.

«Барятинскіе со мною въ высшей степени любезны, я обѣдаю у нихъ почти ежедневно, княгиня относится ко мнѣ какъ мать, а ея дѣти—какъ братья и сестры. Марія Барятинская замѣчательно хороша собою и такъ любезна, что я безъ памяти влюбленъ въ нее; я признался ей въ любви; должно быть это было ей пріятно, такъ какъ она оказываетъ мнѣ всевозможное вниманіе.

«Императрица была ко мнѣ весьма милостива; она очень весела, естественна въ обращеніи и любезна; когда она шутитъ со мною, то мнѣ приходится постоянно думать о томъ, что передо мною императрица, чтобы не сказать что-нибудь лишнее.

«Обѣ великія княжны поразительно хороши собою; чрезвычайно веселы и держатъ себя просто».

Петербургъ, въ особенности набережная и Нева такъ очаровали молодаго князя, что онъ отдавалъ нашей столицѣ предпочтеніе передъ Парижемъ, но особенно сильное впечатлѣніе произвела на него Москва, куда онъ отправился вмѣстѣ съ дворомъ, вскорѣ послѣ бракосочетанія наслѣдника. Видъ на Замоскворѣчье, Кремль, своеобразный характеръ города и его жителей описаны имъ въ самыхъ восторженныхъ краскахъ.

«Пріятно было видѣть,—писалъ кн. Витгенштейнъ [2]),—восторгъ народа, когда цесаревичъ и цесаревна въѣзжали въ Москву. Я видѣлъ, какъ одинъ человѣкъ изъ простонародья, желая пробраться поближе къ каретѣ и прокричать «ура» такъ, чтобы быть услышаннымъ наслѣдникомъ, поплатился за это жизнью, попавъ подъ лошадей свиты. Другой, человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, увидавъ императора, плакалъ отъ радости и кричалъ «ура» что есть мочи. Женщины становились на колѣна и цѣловали землю. Другіе крестились и, несмотря на удары ногайкою, которые казаки сыпали направо и налѣво, хотя это было строго запрещено императоромъ, давка была такъ велика, что я и прочіе офицеры, ѣхавшіе верхомъ, едва

---

[1]) Письмо отъ 9-го апрѣля 1841 г.

[2]) Матери 12 іюня 1841 г.

могли двигаться. Графъ Бенкендорфъ, ѣхавшій подлѣ кареты цесаревны, былъ такъ прижатъ толпою, что былъ все время на-готовѣ соскочить съ лошади, ожидая ежеминутно, что онъ будетъ опрокинутъ. Я никогда не видалъ болѣе вѣжливой толпы; стоявшіе впереди падали подъ ноги нашимъ лошадямъ, такъ какъ на нихъ напирали бывшіе позади, и при этомъ извинялись. Принцъ Эмилій переѣхалъ двухъ человѣкъ; я едва не раздавилъ одного, но успѣлъ во-время удержать лошадь, когда онъ упалъ ей подъ ноги. Нельзя представить себѣ ничего торжественнѣе звона тысячи колоколовъ, сопровождаемаго возгласами толпы, пушечными выстрѣлами и звуками народнаго гимна».

Изъ Москвы дворъ переѣхалъ въ Петергофъ; «мы проводимъ тутъ время очень весело,—писалъ князь,—императрица очаровательна и такъ добра ко мнѣ, что я отъ души полюбилъ ее. Сюда пріѣхалъ герцогъ Лейхтенбергскій; онъ красивъ точно какъ же, какъ и его супруга, хотя она не такъ хороша, какъ другія великія княжны. Императрица сама представила меня великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, сказавъ:

— Вотъ маленькій Эмиль Витгенштейнъ, большой вѣтренникъ, онъ за всѣми ухаживаетъ, считаетъ себя отличнымъ конькобѣжцемъ и говоритъ по-французски, какъ англичанинъ.

«... Такой женщины, какъ императрица, болѣе нѣтъ на свѣтѣ: она весела, любезна и добра, какъ ангелъ. Вотъ примѣръ ея доброты. Мы были у нея на-дняхъ, вечеромъ, запросто, какъ это часто бываетъ, въ сюртукахъ, фуражкахъ и безъ шпаги. Играли въ petits jeux; между прочимъ, въ ту игру, когда всѣ держатся за веревку, а стоящій посереди круга долженъ стараться ударить одного изъ играющихъ по пальцамъ. Веревка была шелковая и очень туго натянутая. Императрица, стоявшая посреди круга, подошла ко мнѣ и хотѣла ударить меня по рукѣ; я выпустилъ веревку и, такъ какъ она была натянута, то сильно ударила императрицу, сбивъ на затылокъ ея шляпу. Всякая другая разсердилась бы на ея мѣстѣ, но она сказала шутя и какъ бы браня меня:

— Нѣтъ, это слишкомъ; съ этимъ Эмилемъ нельзя быть спокойной за свою жизнь. Положите сейчасъ же руки на веревку.

«Я повиновался; она сильно ударила меня нѣсколько разъ, и я долженъ былъ встать въ кругъ. Это было единственное мнѣ наказаніе съ ея стороны».

Проведя четыре мѣсяца въ Россіи, князь Витгенштейнъ возвратился на родину. Четыре года спустя мы застаемъ его снова на пути въ Россію, куда онъ сопровождалъ этотъ разъ принца Александра Гессенскаго, ѣхавшаго на Кавказъ, чтобы принять участіе въ походѣ противъ Шамиля, подъ начальствомъ графа Воронцова.

«Я живу вмѣстѣ съ принцемъ въ Зимнемъ дворцѣ,—писалъ князь своему отцу 28-го марта 1845 г.;—съ самаго нашего пріѣзда всевоз-

можныя празднества и обѣды чередуются безъ перерыва. Прошлый четвергъ я обѣдалъ у наслѣдника цесаревича, а вечеромъ были великолѣпныя живыя картины у Бибиковыхъ. Во вторникъ я обѣдалъ у княгини Барятинской, а вечеромъ былъ у Нарышкиныхъ, гдѣ, несмотря на великій постъ, танцовали до четырехъ часовъ утра. Въ среду при дворѣ былъ маленькій концертъ: г-жа Віардо, Рубини и Тамбурини пѣли восхитительно. Въ четвергъ я обѣдалъ у Ивана Толстаго, который пригласилъ меня на охоту на медвѣдя.

«Мы уѣзжаемъ (на Кавказъ) будущее воскресенье (писано 2-го апрѣля 1845 г.); дороги въ настоящее время, какъ говорятъ, совершенно непроѣздны, въ особенности въ Донскихъ степяхъ. Мы остановимся на нѣсколько дней въ Москвѣ; обмундируемся въ Ставрополѣ и отправимся въ Чечню. Говорятъ, будто графъ Воронцовъ намѣревается идти прямо на укрѣпленный аулъ Дарго, мѣстопребываніе Шамиля, расположенное среди лѣса, который тянется на нѣсколько сотъ верстъ и окруженъ отвѣсными горами. Говорятъ, туда не трудно будетъ проникнуть, но будто мы не увидимъ непріятеля, который устроитъ намъ на обратномъ пути всевозможныя засады.

«Наканунѣ отъѣзда [писано изъ Москвы 13-го (25-го) апрѣля 1845 г.] императоръ проэкзаменовалъ меня въ русскомъ языкѣ, предложивъ мнѣ различные вопросы. Я отвѣчалъ какъ умѣлъ, а когда онъ посовѣтовалъ мнѣ остерегаться, чтобы чеченки не научили меня своему языку, то я сказалъ, что напротивъ я постараюсь научить ихъ по-русски; это размѣшило императора.

«Великая княжна Ольга Николаевна просила меня нѣсколько дней тому назадъ привезти собственноручную подпись Шамиля (что я обѣщалъ ей самымъ серьезнымъ образомъ); ее такъ тревожитъ, чтобы я не принялъ ея желаніе за серьезное, что она умоляла меня не дѣлать подобной глупости и не рисковать напрасно жизнью. Императрица простилась со мною самымъ любезнымъ образомъ и совѣтовала мнѣ не рисковать жизнью, изъ желанія отличиться, и думать о моей матери всякій разъ, какъ мнѣ захочется сдѣлать какое-нибудь безразсудство».

Въ первыхъ числахъ мая князь уже былъ въ Ставрополѣ, откуда онъ отправился въ главную квартиру гр. Воронцова; по пути онъ заболѣлъ кавказскою лихорадкою, которая не оставляла его около трехъ недѣль, несмотря на усиленные пріемы хинина. 29-го мая (10-го іюня) графъ Воронцовъ выступилъ изъ форта Ташкичу.

«Вотъ уже шесть дней,—писалъ князь Витгенштейнъ матери [1]),— какъ мы ведемъ совершенно кочевую, но не могу сказать боевую жизнь, такъ

---

[1]) Отъ 5-го (17-го) іюня 1845 г.

какъ мы слышимъ выстрѣлы только издали. Шамиль отступаетъ, по мѣрѣ того, какъ мы углубляемся въ страну.

«Мы расположились со вчерашняго дня на чрезвычайно крутой горѣ, въ четырехъ верстахъ отъ разореннаго аула Буртунай, гдѣ поставленъ нашъ авангардъ. Вчера, на сосѣднихъ горахъ стояли непріятельскіе ведеты, но они скрылись, послѣ того какъ мы сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ. Самъ Шамиль, во главѣ 500 всадниковъ, атаковалъ нашъ авангардъ, но былъ очень скоро обращенъ въ бѣгство.

«Барятинскій [1]) командуетъ однимъ баталіономъ авангарда. Сегодня утромъ мы сопровождали графа на рекогносцировку. То тамъ, то здѣсь на разстояніи орудійнаго выстрѣла показывались небольшіе отряды кавалеріи, слѣдившіе за нами съ сосѣднихъ горъ. Ничто не можетъ быть смѣшнѣе казаковъ, когда они осыпаютъ бранью горцевъ, которые безцѣльно стрѣляютъ въ нихъ на слишкомъ большомъ разстояніи.

«Сегодня [7-го(19-го)іюня] мы были свидѣтелями того, какъ наши солдаты молодецки шли на приступъ. Мы наблюдали за ними, какъ въ театрѣ, съ высоты горъ. Три батальона взобрались по отвѣсному почти скату горы, подъ пулями, коими ихъ осыпали горцы, и, достигнувъ вершины, опрокинули непріятеля, который бѣжалъ въ страшномъ безпорядкѣ, понеся значительный уронъ. Пріятно было видѣть, какъ эти молодцы шли на приступъ, распѣвая пѣсни.

«Графъ Бенкендорфъ получилъ Георгія; его баталіонъ первый пошелъ на приступъ. Въ горахъ дотого холодно, что мы должны ходить въ шинеляхъ, но горный воздухъ дѣйствуетъ живительно.

«На бивуакахъ при Кыркѣ, гдѣ мы простояли три дня, мы перенесли настоящую снѣжную мятель и чертовскій холодъ; нечего сказать, пріятная погодка для іюня мѣсяца! Выступивъ съ этого бивуака, мы пошли по гребню горы, чтобы не быть застигнутыми непріятелемъ врасплохъ въ долинѣ; сильный туманъ и проливной дождь сопровождали насъ всю дорогу, но, несмотря на дождь и холодъ, мы всѣ здоровы. Князь Бебутовъ, одинъ изъ нашихъ генераловъ, угостилъ насъ вчера на славу икрою, пирожками и свѣжеиспеченымъ хлѣбомъ; всѣмъ этимъ приходится лакомиться здѣсь очень рѣдко.

«Сегодня насъ постигло большое разочарованіе. По словамъ шпіоновъ, непріятель засѣлъ въ Андійскомъ ущельѣ: узкомъ горномъ проходѣ, окруженномъ отвѣсными горами, гдѣ могутъ пройти не болѣе шести человѣкъ врядъ. У входа въ это ущелье они поставили три пушки. Графъ Воронцовъ, рѣшивъ прогнать непріятеля, приказалъ принцу Александру Гессенскому преслѣдовать непріятеля съ кавалеріей, какъ только въ непріятельскихъ окопахъ нами будетъ

[1]) Князь Александръ Ивановичъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ.

сдѣлана брешь. Лагерь былъ въ самомъ радостномъ настроеніи; солдаты чистили оружіе, распѣвая пѣсни; мы надѣли самое лучшее наше платье; расфранченныя, въ начищенныхъ сапогахъ—роскошь, которой мы не знали съ самаго начала похода,—мы двинулись впередъ съ генералами Гурко и Лидерсомъ во главѣ, чтобы осмотрѣть позицію непріятеля и облегчить дальнѣйшій путь. Подойдя къ ущелью, мы увидѣли непріятельскіе окопы, преграждавшіе путь въ ущелье. Мы шли впередъ медленно и остановились на разстояніи орудійнаго выстрѣла отъ ущелья. Казаки, посланные впередъ на развѣдку, возвратились съ извѣстіемъ, что непріятель оставилъ окопы и, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, ушелъ въ горы. При входѣ въ ущелье, горцы соорудили изъ плитъ стѣну высотою въ четыре метра и когда казаки сдѣлали въ ней брешь, то мы прошли черезъ нее со всевозможными предосторожностями, ожидая засады. По ту сторону стѣны передъ нами открылась волшебная панорама: у нашихъ ногъ разстилалась долина, окруженная ледниками, которые составляютъ водораздѣльную линію между Кавказомъ и Закавказьемъ; горы подымались уступами, на которыхъ были расположены черкесскіе аулы, утопавшіе въ зелени; но печальный контрастъ этой дивной природѣ составляло зарево пылавшихъ пяти ауловъ, подожженныхъ Шамилемъ съ тою цѣлью, чтобы задержать движеніе нашего отряда. Столбы пламени и дыма высоко взвивались къ небу, озаряя долину зловѣщимъ блескомъ. Мы нашли тутъ только нѣсколько стариковъ, женщинъ и дѣтей, сидѣвшихъ возлѣ своихъ пожитковъ, которые имъ удалось спасти, и смотрѣвшихъ съ нѣмымъ отчаяніемъ на пламя, которое пожирало ихъ хижины. Надобно слышать, какъ проклинаютъ горцы Шамиля за то, что онъ сжигаетъ ихъ аулы. Шамиль своей жескостью сталъ всѣмъ ненавистенъ; многія племена сражаются противъ насъ только потому, что они недостаточно сильны, чтобы ему сопротивляться. Осмотрѣвъ мѣстность, мы вернулись въ нашъ лагерь, гдѣ провели ночь; тѣмъ и окончились на этотъ разъ наши мечты о славѣ и георгіевскихъ крестахъ».

«Да здравствуетъ непріятель!—писалъ князь два дня спустя [16-го (28-го) іюня 1845 г.]; вчера совершилось мое крещеніе огнемъ; немногіе солдаты на Кавказѣ могутъ похвастать такимъ дѣломъ на первыхъ порахъ!

«Мы штурмовали гору, высотою въ четыре версты; хотя вокругъ насъ все время свистѣли пули и непріятель осыпалъ насъ градомъ камней, но благодаря Бога мы немного пострадали. Мы опрокинули съ нашими двумя тысячами солдатъ Шамиля со всѣмъ его войскомъ (шесть тысячъ человѣкъ). Земля была усѣяна трупами, которыхъ объятый страхомъ непріятель не успѣлъ подобрать, противъ своего обыкновенія. Милиціонеры-грузины отрѣзали у труповъ голову и правую руку—отвратительное зрѣлище, но которое не произвело на насъ въ тотъ мо-

ментъ никакого впечатлѣнія. Добравшись до верху по прошествіи нѣсколькихъ часовъ, я былъ чуть живъ отъ утомленія. Генералъ Гурко привѣтствовалъ меня, сказавъ, что онъ видѣлъ, какъ я влѣзалъ на гору однимъ изъ первыхъ. Я оставилъ нашихъ: Самсонова, принца и нѣкоторыхъ другихъ позади, но они нагнали меня, когда я выбился изъ силъ, и дружески замѣтили, что я напрасно такъ безразсудно подвергалъ свою жизнь опасности, такъ какъ я былъ одинъ въ свѣтломъ платьѣ.

«Барятинскій выказалъ себя настоящимъ героемъ, и весь отрядъ, какъ одинъ человѣкъ, говорилъ, что онъ заслужилъ Георгія на шею и генеральскій чинъ; но онъ получилъ только Георгія въ петлицу: полагаютъ, что императоръ, узнавъ, какъ было дѣло, наградитъ его по заслугамъ. У насъ около ста человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, а у непріятеля въ четыре раза болѣе».

«Послѣ одержанной нами 14-го числа блестящей побѣды, мы все еще стоимъ [письмо отъ 30-го іюня (12-го) іюля 1845 г.] въ той же долинѣ, въ ожиданіи провіанта, въ которомъ начинаетъ ощущаться сильный недостатокъ. Къ счастью, прибыло два небольшихъ транспорта, такъ что мы можемъ спокойнѣе ожидать прибытія главнаго. Какъ только онъ подойдетъ, мы пойдемъ прямо на Дарго, резиденцію Шамиля, находящуюся въ 25-ти верстахъ отсюда. Жители Анди, которыхъ Шамиль увелъ съ собою, сжегши ихъ аулы, для того чтобы мы ничѣмъ не могли воспользоваться, начинаютъ мало-по-малу возвращаться и переходятъ въ подданство Россіи. У насъ въ лагерѣ есть уже три или четыре семейства; не далѣе какъ сегодня утромъ явился горецъ съ пятьюдесятью баранами, которыхъ у него мигомъ раскупили. Одинъ человѣкъ, взятый нами на-дняхъ въ плѣнъ, пренаивно объявилъ, когда ему хотѣли возвратить свободу, что онъ былъ очень доволенъ попасть наконецъ къ намъ и предпочитаетъ остаться у насъ. Эти бѣдные люди достойны сожалѣнія, такъ какъ если они попадутъ снова во власть Шамиля, то навѣрно будутъ изрублены. Шамиль такъ безчеловѣченъ, что онъ велѣлъ обезглавить, передъ нашимъ пріѣздомъ, кади Андійскаго аула за то, что тотъ не позволялъ поджечь селенія; Шамиль приказалъ бросить тѣло кади при дорогѣ, запретивъ подъ страхомъ смертной казни хоронить его. Такъ какъ наши солдаты не хотятъ оказать убитому этой маленькой услуги, то теперь противно проходить по аулу и видѣть, какъ онъ валяется тутъ болѣе трехъ недѣль, издавая отвратительный запахъ.

«Каждую ночь около нашего лагеря раздаются крики и выстрѣлы непріятеля, который бродитъ около насъ; каждую ночь бываетъ нѣсколько человѣкъ убитыхъ или взятыхъ въ плѣнъ.

«Горцы, которыхъ у насъ превозносятъ какъ героевъ, защищающихъ свой очагъ и свою свободу, въ дѣйствительности трусы, которые обра-

щаются въ бѣгство, когда ихъ атакуютъ открыто, но зато они храбро нападаютъ на двухъ или трехъ человѣкъ, когда ихъ самихъ въ двадцать разъ больше».

«Мы все еще стоимъ лагеремъ въ томъ же самомъ мѣстѣ [письмо изъ лагеря при Анди, отъ 4-го (16-го) іюля 1845 г.]; единственное наше развлеченіе составляютъ небольшія стычки, происходящія между нашими разъѣздами и непріятелемъ.

«Перваго числа (іюля), въ день рожденія императрицы, у насъ былъ отслуженъ молебенъ. Въ тотъ моментъ, когда мы его служили, наши войска сражались на сосѣднихъ высотахъ, и мы видѣли, какъ три роты взяли приступомъ горную позицію; звуки ружейныхъ выстрѣловъ смѣшивались съ церковнымъ пѣніемъ.

«Наши лошади не стали съ нѣкоторыхъ поръ пить воду изъ ближайшаго къ лагерю ручья; мы также замѣтили, что эта вода имѣла отвратительный вкусъ. Казаки, посланные осмотрѣть ручей, нашли въ одной разсѣлинѣ три разложившихся лошадиныхъ трупа, брошенныхъ туда горцами. Можно себѣ представить, какое мы почувствовали омерзѣніе, сдѣлавъ это открытіе!

«Впрочемъ, мы стали дотого невзыскательны, что ѣдимъ съ аппетитомъ въ видѣ овощей крапиву, растущую на кладбищѣ. Жизнь въ этой роскошной странѣ не легка; великолѣпная картина снѣговыхъ горъ, коихъ вершины теряются въ облакахъ, не можетъ вознаградить за всѣ лишенія, какія мы терпимъ въ этой негостепріимной мѣстности. Ночью часто идетъ снѣгъ, но подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей его не остается днемъ и слѣда. Черезъ нѣсколько дней мы оставимъ этотъ лагерь и пойдемъ на Дарго, мѣстопребываніе Шамиля, которое хотятъ взять приступомъ, что́ меня очень радуетъ.

«Барятинскій поправляется; онъ ходитъ на костыляхъ, но я думаю, что Георгій придастъ ему новыя силы, и онъ скоро поправится».

Во время экспедиціи въ Дарго князь Витгенштейнъ цѣлыхъ три недѣли не переписывался съ родными. Первое его письмо, съ извѣщеніемъ объ окончаніи похода, помѣчено изъ аула Герзель отъ 21-го іюля (2-го августа) 1845 года.

«Сегодня ночью, первый разъ послѣ двухъ мѣсяцевъ, я спалъ подъ крышею,—пишетъ онъ.

«Мы взяли Дарго приступомъ 6-го числа, пройдя три версты по густому лѣсу и взявъ по пути въ штыки двадцать три баррикады, которыя непріятель защищалъ съ большимъ ожесточеніемъ. Хотя вокругъ насъ люди падали направо и налѣво, какъ мухи, но Господь сохранилъ насъ цѣлыми и невредимыми. Принцъ Гессенскій, ѣхавшій верхомъ, съ саблею наголо, взялъ первую баррикаду, оттѣснивъ непріятеля въ лѣсъ.

«Мы простояли лагеремъ у Дарго семь дней; 13-го числа мы выступили оттуда и пошли черезъ Ичкеринскій лѣсъ и Большую Чечню, отбиваясь цѣлые дни отъ непріятеля, который, прячась за деревья, какъ бѣшеный, стрѣлялъ въ насъ въ упоръ и врѣзывался въ нашу колонну, которая шла по такимъ непроходимымъ дорогамъ и ущельямъ, гдѣ могли пробиться только русскіе солдаты, коихъ храбрость и отвага всѣмъ извѣстны. Горцы хотѣли истребить насъ до послѣдняго человѣка и ранили весьма многихъ изъ нашего отряда. Къ счастью, принцъ Александръ и всѣ мы, не исключая нашихъ слугъ, вполнѣ здоровы; я даже иной разъ удивляюсь, видя, что я не раненъ, тогда какъ вокругъ меня всѣ ходятъ на костыляхъ и окутаны корпіей».

Въ началѣ августа 1845 г. молодой Витгенштейнъ вмѣстѣ съ принцемъ Гессенскимъ были уже въ Кисловодскѣ, откуда, послѣ небольшаго отдыха, они отправились въ Тифлисъ и затѣмъ въ Одессу и Николаевъ, посѣтивъ по пути южный берегъ Крыма.

9-го сентября въ Николаевъ прибылъ императоръ Николай I, съ наслѣдникомъ цесаревичемъ, чтобы присутствовать на маневрахъ въ Чугуевѣ.

На обратномъ пути съ юга дворъ и вмѣстѣ съ нимъ принцъ Гессенскій и князь Витгенштейнъ пробыли нѣкоторое время въ Москвѣ, среди баловъ, данныхъ первопрестольной въ честь высочайшихъ особъ.

Въ Царскомъ Селѣ, гдѣ находился дворъ по возвращеніи изъ Москвы, у цесаревича собиралось каждый вечеръ избранное общество.

«У насъ было два прелестныхъ бала,—писалъ князь изъ Царскаго Села 15-го (27-го) октября 1845 г.;—на второмъ изъ нихъ я танцовалъ съ обѣими великими княгинями: Маріей Александровной и Маріей Николаевной. Великая княгиня Марія Николаевна очаровательна. Эти балы начинаются въ $8^1/_2$ часовъ и кончаются въ 4 часа ночи; танцуютъ до упада. Нѣсколько дней тому назадъ великій князь Константинъ Николаевичъ уѣхалъ въ Италію, и передъ его отъѣздомъ мы помѣнялись съ нимъ на память саблями, давъ другъ другу слово быть всегда друзьями».

Весною 1846 г. князь Витгенштейнъ уѣхалъ изъ Петербурга и возвратился только въ 1849 г., когда рѣшился поступить на русскую службу.

II.

Поступленіе на русскую службу.—Представленіе императору.—Служба въ Образцовомъ полку.—Поѣздка въ Ревель.—Назначеніе адъютантомъ князя Воронцова.—Отъѣздъ на Кавказъ.—Генералъ Ротъ.—Назначеніе командиромъ дивизіона.—Подвиги Слѣпцова.—Пріѣздъ на Кавказъ наслѣдника цесаревича.

10-го (22-го) февраля 1849 г., въ 10 часовъ утра князь Витгенштейнъ пріѣхалъ на берега Невы и былъ встрѣченъ здѣсь весьма радушно. «Принцъ Александръ Гессенскій,—пишетъ онъ матери [1]),—тотчасъ предложилъ мнѣ помѣститься у него и отнесся ко мнѣ какъ родной братъ; великій князь и великая княгиня, узнавъ о моемъ пріѣздѣ, пригласили меня къ себѣ и приняли весьма радушно. Не слыша здѣсь разговоровъ о «мартовскихъ событіяхъ», о пролетаріатѣ, о правахъ народа и т. п., мнѣ кажется, что я попалъ въ рай.

«Два дня спустя послѣ моего пріѣзда, мнѣ было приказано явиться къ императору, коимъ я былъ принятъ такъ благосклонно, какъ я не смѣлъ и мечтать. Царь говорилъ со мною какъ родной отецъ съ сыномъ; онъ видимо одобряетъ мое намѣреніе служить на Кавказѣ. Спросивъ меня, въ какой полкъ я хотѣлъ бы поступить, онъ потребовалъ, чтобы я отвѣчалъ откровенно. Я назвалъ драгунскій принца Виртембергскаго полкъ, такъ какъ это самый доблестный полкъ кавказской арміи. Императоръ сказалъ на это:

— Прежде всего потрудитесь научиться по-русски; съ этой цѣлью я прикомандирую васъ временно къ Образцовому полку, который стоитъ въ Павловскѣ; у васъ будетъ очень снисходительный начальникъ и прекрасные товарищи; вамъ извѣстно, конечно, что въ русскомъ войскѣ не особенно долюбливаютъ иностранцевъ, но я увѣренъ, что своимъ поведеніемъ и ревностной службою вы скоро заставите позабыть о своемъ иностранномъ происхожденіи, и что вы оправдаете мое довѣріе.

«Императоръ подробно разспрашивалъ меня о дѣлахъ Германіи, и я удивляюсь сдержанности, съ какою онъ говорилъ о нихъ; въ его словахъ слышалось скорѣе сожалѣніе, нежели порицаніе.

«Когда императоръ простился со мною, я былъ тронутъ до слезъ. Нельзя не придти въ восторгъ, когда узнаешь его ближе; это достойный представитель монархической власти или, лучше сказать, идеалъ благороднаго принципа и прежняго доблестнаго рыцарскаго духа.—Можно гордиться, служа ему, и можно пожертвовать собою, въ полной увѣренности, что, исполнивъ честно свой долгъ, будешь всегда имѣть въ

---

[1]) Отъ 11-го (23-го) февраля 1849 г.

немъ поддержку и покровителя.—Онъ становится еще болѣе великъ, когда читаешь направленныя противъ него статьи и нападки нѣмецкихъ журналистовъ.—Невольно приходятъ на умъ слова Кернера: «Что за дѣло лунѣ, коль на нее лаетъ собака!»

«Я принятъ капитаномъ, ибо существуетъ законъ, воспрещающій принимать на русскую службу тѣмъ же чиномъ офицера, служившаго въ войскѣ маленькаго государства».

«Пишу вамъ подъ впечатлѣніемъ моего представленія императору въ качествѣ офицера русской службы, которое происходило вчера, по окончаніи обѣдни [1]). Его величество, противъ обыкновенія, приказалъ мнѣ явиться во дворецъ, чтобы видѣть меня въ новой формѣ; я ожидалъ его выхода въ ротондѣ, находясь въ толпѣ генераловъ и фрейлинъ, среди которыхъ я встрѣтилъ много старыхъ знакомыхъ; всѣ они дѣлали видъ, что имъ очень пріятно видѣть меня. Когда императоръ подошелъ ко мнѣ, я представился по-русски; это видимо понравилось ему, такъ какъ онъ поцѣловалъ меня при всѣхъ въ обѣ щеки и между прочими весьма милостивыми словами, сказалъ мнѣ:

— Мнѣ кажется, что вы оправдаете мои ожиданія!

«Возможно ли послѣ этого не быть душою и тѣломъ преданнымъ этому монарху и не гордиться тѣмъ, что можешь пожертвовать ему жизнью!

«Наслѣдникъ цесаревичъ, который всегда несказанно добръ ко мнѣ, подарилъ мнѣ первыя эполеты и шашку,—великолѣпный дамасскій клинокъ, оправленный въ серебро съ инкрустаціей и украшеніями.

«Я являлся также великому князю Михаилу Павловичу, принцу Виртембергскому, шефу моего полка и прочимъ начальствующимъ лицамъ и отправляюсь сегодня въ Образцовый полкъ въ Павловскъ.

«Теттенборнъ рекомендовалъ меня моему инструктору, капитану Лефлеру, австрійцу, принятому на русскую службу; это очень милый человѣкъ, съ которымъ я быстро сошелся и благодаря ему, надѣюсь, мнѣ будетъ въ Павловскѣ недурно».

Всѣмъ извѣстно обаяніе, которое производила на окружающихъ личность императора Николая I, обладавшаго даромъ однимъ ласковымъ словомъ или взглядомъ покорять сердца окружающихъ. Молодой Витгенштейнъ всецѣло поддался этому обаянію.

«Послѣ пріема, оказаннаго мнѣ императоромъ и наслѣдникомъ цесаревичемъ,—писалъ онъ въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ [22-го марта (3-го апрѣля) 1849 г.]—я былъ бы человѣкъ глупый и неблагодарный, если бы я не сдѣлалъ все возможное не только, чтобы сохранить ихъ милостивое расположеніе, но чтобы быть вполнѣ достойнымъ

---

[1]) Письмо принцу Эмилію Гессенскому 27-го февраля (11-го марта) 1849 г.

его и если бы я пожертвовалъ всѣми удовольствіями, свойственными моимъ лѣтамъ, всѣми своими привычками, всѣмъ на свѣтѣ, чтобы доказать, что я стою того, что мнѣ сказалъ императоръ, величайшій монархъ нашего времени.

«Поэтому я сижу безвыѣздно въ Павловскѣ, уѣзжая въ Петербургъ только по субботамъ и по воскреснымъ днямъ, и аккуратно исполняю свои служебныя обязанности, что̀ далеко не весело, особенно на первыхъ порахъ; я учусь также русскому языку и дѣлаю въ немъ замѣтные успѣхи.

«Я уже два раза дежурилъ цѣлыя сутки, въ полной формѣ, не смѣя раздѣться и отлучиться ни на минуту; пришлось сидѣть въ маленькой грязной комнаткѣ, украшенной еще болѣе грязнымъ диваномъ и безногимъ столомъ; днемъ и ночью надобно было нѣсколько разъ дѣлать обходъ конюшенъ и караулъ; впрочемъ, я исполнилъ все какъ слѣдуетъ, рапортовалъ по-русски и не сморгнувъ выслушивалъ рапорты унтеръ-офицеровъ, не понимая въ нихъ ни слова.

«На будущей недѣлѣ у насъ наступитъ затишье, такъ какъ дворъ уѣзжаетъ въ Москву, а за нимъ потянется и высшій свѣтъ. Пасхальныя празднества въ Москвѣ будутъ еще торжественнѣе вслѣдствіе присутствія царской фамиліи и роскошныхъ празднествъ, предстоящихъ въ Кремлѣ по случаю освященія новаго дворца. И теперь уже въ древнюю столицу наѣхало такое множество людей, что экипажъ, запряженный парою лошадей, стоитъ 40 руб. сер. въ день».

«Вы спрашиваете, что я дѣлаю въ Павловскѣ? [1]).

«Во-первыхъ, моя квартирка, помѣщающаяся въ первомъ этажѣ довольно хорошенькаго деревяннаго дома, состоитъ изъ передней, маленькой столовой, спальной, залы и хорошенькой кухни; прибавьте къ этому, что въ мои окна весь день свѣтитъ солнце и что въ мою квартиру ведетъ отдѣльный ходъ, и вы увидите, что я помѣстился очень недурно. Что же касается моего препровожденія времени, то оно довольно однообразно. По утру, до полудня я провожу время въ манежѣ; затѣмъ беру урокъ русскаго языка или учусь строевой службѣ, обѣдаю въ три часа, а вечеромъ играю въ вистъ съ нѣсколькими офицерами, которые составляютъ обыкновенно мое общество въ Павловскѣ.

«Въ числѣ ихъ назову во-первыхъ моего инструктора, капитана Лефлера, венгерца, состоявшаго прежде на австрійской службѣ, полковника Беклемишева, съ которымъ я былъ вмѣстѣ на Кавказѣ, молодаго кн. Радзивилла, Черткова, капитана Попова и старика маіора Бреверна. По субботамъ и воскресеньямъ бываю въ городѣ у Барятинскихъ, Волконскихъ, Нарышкиныхъ и т. д.

---

[1]) Письмо къ принцу Эмилю Гессенскому отъ 14-го (26-го) апрѣля 1849 г.

«Вообще въ Павловскѣ страшно сплетничаютъ. На-дняхъ говорили, будто я при смерти отъ холеры, тогда какъ я чувствую себя какъ нельзя лучше; графиня Адлербергъ присылала даже узнать о моемъ здоровьѣ. Вчера нѣсколько человѣкъ поздравляли меня съ производствомъ, тогда какъ я все еще нахожусь въ моемъ прежнемъ statu quo».

«...Здѣсь только и говорятъ о войнѣ [1]),—писалъ онъ мѣсяцъ спустя,—мамаши и сестры офицеровъ щиплютъ корпію, снабжаютъ своихъ любимцевъ крестиками и образками, папаши, морщась, даютъ деньги на экипировку, а любовницы со слезами на глазахъ вышиваютъ портсигары и кошельки. Всѣ мои друзья съ восторгомъ идутъ въ походъ; всюду видимъ сіяющія лица, я одинъ сижу съ вытянутымъ лицомъ за уроками русскаго языка и остаюсь въ своемъ Образцовомъ полку, мечтая въ будущемъ изловить Шамиля и развлекать лѣтомъ неутѣшныхъ вдовушекъ, которыя пріѣдутъ на дачу въ Павловскъ. Весело, нечего сказать: я прихожу въ отчаяніе, какъ подумаю, что я самъ избралъ эту участь, потерявъ такой прекрасный случай отличиться. Съ какою радостью я пошелъ бы сражаться съ венгерцами и съ нашими нѣмецкими республиканцами; хотѣлось бы посмотрѣть, какъ испугались бы эти франкфуртскіе крикуны, если бы на нихъ напустить казацкую сотню».

«Третьяго дня (писано 21-го іюня [3-го іюля] 1849 г.) происходили похороны бѣдной малютки великой княжны [2]). Самъ отецъ несъ гробъ; мать шла позади вся въ слезахъ. Это было раздирающее душу зрѣлище. Бѣдный цесаревичъ и его супруга находятся еще въ Царскомъ Селѣ... Великая княгиня переноситъ постигшее ее несчастье стоически; но они оба горько оплакиваютъ потерю своей маленькой дочки, ихъ первенца, очаровательнаго и всѣми любимаго ребенка».

Въ началѣ іюля наслѣдникъ цесаревичъ съ супругою отправились въ Ревель, по совѣту врачей, предписавшихъ великой княгинѣ эту поѣздку для укрѣпленія ея здоровья, потрясеннаго недавней болѣзнію и потерею любимой дочери. Свиту ея составляли принцъ Александръ Гессенскій, молодой князь Витгенштейнъ, получившій по просьбѣ наслѣдника десятидневный отпускъ, m-lle de-Grancey, княгиня Салтыкова, графиня Гауке, Олсуфьевъ съ семьею, Адлербергъ, графъ Ламбертъ, два врача и генералъ Зиновьевъ, воспитатель августѣйшихъ дѣтей. Всѣ эти лица и 80 человѣкъ прислуги размѣстились на двухъ пароходахъ. Прекрасная погода благопріятствовала путешествію. Ревель, гдѣ высокихъ гостей встрѣтили мѣстныя власти и густая толпа народа, произвелъ на князя пріятное впечатлѣніе видомъ

---

[1]) Съ Венгріею. Въ письмѣ къ матери, 4-го (16-го) мая 1849 г.

[2]) Старшей дочери цесаревича Александра Николаевича.

своихъ старинныхъ домовъ съ черепичными крышами, извилистыхъ улицъ и остроконечныхъ церквей. «Мнѣ,—пишетъ Витгенштейнъ,—отведено помѣщеніе во дворцѣ, небольшомъ зданіи временъ Петра Великаго съ великолѣпнымъ паркомъ; онъ переполненъ пріѣзжими; помѣщеніе дотого тѣсно, что многіе изъ насъ пріютились въ маленькихъ павильонахъ въ паркѣ. Мы живемъ очень уединенно, такъ какъ великая княгиня послѣ смерти своей дочери почти никуда не выходитъ и избѣгаетъ людей.

«Третьяго дня (4-го [16-го] іюля 1849 г.) сюда пріѣхала великая княгиня Марія Николаевна; по этому случаю къ цесаревнѣ была приглашена вечеромъ почти вся свита, m-lle Grancey, графиня Гауке, Адлербергъ и я. Мы играли съ великимъ княземъ въ вистъ; дамы занимались рукодѣліемъ. Сегодня вечеромъ я буду читать великой княгинѣ вслухъ, а на-дняхъ мы ѣдемъ въ Гельсингфорсъ»...

Князь Воронцовъ, пріѣзжавшій въ исходѣ 1849 г. съ Кавказа, обѣщалъ взять князя при первой вакансіи къ себѣ въ адъютанты и подалъ надежду, что ему удастся участвовать въ зимнемъ походѣ. Это чрезвычайно порадовало Витгенштейна, который стремился на Кавказъ и жаждалъ быть въ дѣлѣ: монотонная жизнь въ Образцовомъ полку уже нѣсколько прискучила ему, и его не удовлетворяло исполненіе служебныхъ обязанностей, къ которымъ онъ относился довольно критически.

Въ половинѣ ноября 1849 г. князь Воронцовъ, у котораго открылась вакансія адъютанта, просилъ назначить князя на это мѣсто, на что́ императоръ изъявилъ свое согласіе. Наслѣдникъ цесаревичъ, которому князь былъ въ значительной степени обязанъ столь быстрымъ повышеніемъ, самъ объявилъ ему объ этомъ и подарилъ ему эполеты и эксельбанты».

«Пишу тебѣ нѣсколько строкъ (письмо князя къ матери отъ 4-го [16-го] декабря 1849 г.), чтобы сказать, что я счастливъ, въ восторгѣ и просто-на-просто влюбленъ въ нашего императора. Я только-что представлялся ему, послѣ обѣдни.

— Ваше желаніе было служить на Кавказѣ,—сказалъ мнѣ императоръ,—поэтому я васъ отпускаю: хотя мнѣ жаль разставаться съ вами и я охотно оставилъ бы васъ здѣсь.

«Наслѣдникъ цесаревичъ, стоявшій позади и который всегда умѣетъ сказать ласковое слово, сказалъ мнѣ на ухо: «Мы все-таки найдемъ средство вернуть васъ обратно».

«Вчера (писано 7-го [19-го] декабря 1849 г.) въ день тезоименитства императора я произведенъ въ маіоры за отличіе по службѣ. Я обязанъ этимъ также наслѣднику; онъ дѣлаетъ все такъ деликатно и съ такою добротою, что нельзя не обожать его. Я могъ бы быть произведенъ только въ январѣ или въ маѣ; но великій князь, желая доставить мнѣ удовольствіе покрасоваться въ Петербургѣ въ густыхъ эполетахъ,

просилъ императора произвести меня въ слѣдующій чинъ теперь же, и дѣло уладилось въ четверть часа».

Выѣхавъ изъ Петербурга въ первыхъ числахъ января, князь черезъ мѣсяцъ былъ въ Тифлисѣ, откуда онъ писалъ матери 10-го (22-го) февраля 1850 г.:

«Здѣсь весна въ полномъ разгарѣ. Уѣхавъ изъ Петербурга зимою, я никакъ не могу освоиться съ тѣмъ, что я ѣзжу на восточныхъ лошадяхъ, безъ верхняго платья, что моя лошадь топчетъ своими копытами цвѣты; все это кажется мнѣ какимъ-то сновидѣніемъ. Здѣсь меня приняли всѣ, какъ заблудшую овцу, возвратившуюся подъ родной кровъ. До тѣхъ поръ пока я устроюсь, я буду жить у князя Воронцова. Въ день пріѣзда, черезъ два часа послѣ того какъ я слѣзъ съ телѣги, я уже танцовалъ у княгини и ухаживалъ за дамами, какъ коренной житель Грузіи; князь (Воронцовъ)самъ представилъ меня дамамъ. Два дня спустя я танцовалъ у князя Бебутова, и сегодня я также приглашенъ на танцы. Эти балы очаровательны; европейскіе танцы чередуются съ восточными; многія женщины, въ своемъ изящномъ восточномъ костюмѣ, очень хороши собою и всѣ безусловно граціозны. Въ ихъ манерахъ сказывается извѣстная аристократичность происхожденія, которая хорошо сохраняется въ Азіи въ нѣкоторыхъ знатныхъ семьяхъ. У насъ почти каждый день устроиваются кавалькады въ окрестности Тифлиса; сама княгиня Воронцова показывала мнѣ городъ».

«Здѣсь всѣ очень веселятся [1]). Почти каждый день бываютъ пріемы, обѣды, кавалькады, устроиваются поѣздки въ окрестные сады, охоты, и къ этому надо прибавить восхитительную мѣстность, прелестную погоду, великолѣпныхъ лошадей, красивыхъ женщинъ, отличное вино и изящные азіатскіе костюмы. Я былъ приглашенъ сегодня на охоту, но къ несчастью не могъ принять въ ней участіе, такъ какъ я былъ дежурный; охотники убили нѣсколько кабановъ, между прочимъ одного восьмилѣтняго, который, будучи выпотрошенъ, вѣсилъ 30 пудовъ; можно себѣ представить, что это былъ за молодецъ; онъ пробѣжалъ пять верстъ, переплылъ нѣсколько горныхъ ручьевъ вплавь, преслѣдуемый охотниками, зарѣзалъ по пути лошадь и нѣсколько собакъ и получилъ двадцать пуль и нѣсколько ударовъ саблею. Три человѣка едва принесли его тушу: онъ былъ ростомъ съ большаго быка; я никогда не видѣлъ подобнаго чудовища. На-дняхъ устроивается охота на антилопъ, въ которой я приму участіе...

«Я посѣщаю дома княгини Воронцовой, Софіи Гагариной и нѣкоторыхъ грузинскихъ дамъ; бываю также у Семена Воронцова (сына), князя Голицына, Васильчикова и Дундукова. Нашъ придворный штатъ,

[1]) Письмо къ дядю графу Герцъ отъ 7-го (19-го) марта 1850 г.

превосходящій численностью штатъ нѣкоторыхъ конституціонныхъ королей, состоитъ изъ очень хорошихъ людей. Я вижу часто генерала Рота, героя Ахты—это человѣкъ весьма энергичный, отличающійся чисто военной откровенностью; онъ знаетъ Кавказъ, какъ свои пять пальцевъ. Два года назадъ, будучи еще полковникомъ, онъ выдержалъ съ тремя стами человѣкъ въ крохотномъ фортѣ, защищенномъ только земляной насыпью и рвомъ, въ теченіе 8 дней натискъ тридцати тысячъ горцевъ, которые не давали ему покоя ни днемъ, ни ночью.

«Эта геройская защита напоминаетъ подвиги древнихъ временъ: гарнизону роздано 48 крестовъ, всѣ офицеры произведены въ слѣдующіе чины. Ротъ произведенъ въ генералы и получилъ пожизненную пенсію, а весь гарнизонъ—годовой окладъ жалованья».

«На-дняхъ,—пишетъ князь Витгенштейнъ,—я провелъ четыре дня на охотѣ въ Куракчайской степи. Насъ было всего 8 офицеровъ, человѣкъ пятнадцать линейныхъ казаковъ и около сорока смуглолицыхъ татарскихъ князей, въ роскошныхъ костюмахъ.

«Мы разбили палатки въ очаровательной мѣстности, на берегу горнаго ручья, подъ группою высокихъ деревьевъ; трудно себѣ представить что-либо живописнѣе нашего маленькаго лагеря, подъ чуднымъ кавказскимъ небомъ, въ тихую лунную ночь. Палатки на половину скрыты въ зелени, лошади привязаны къ кольямъ, костры причудливо освѣщаютъ расположившіяся вокругъ нихъ группы, убитая дичь привѣшена на сучьяхъ, въ лагерѣ царитъ веселье, раздаются пѣсни, которымъ вторитъ вой волковъ, шакаловъ и ночныхъ птицъ. Въ первый вечеръ мы испытали преинтересную тревогу: едва мы успѣли улечься, окутавшись въ свои бурки, и огни костровъ еще не успѣли погаснуть, какъ вдругъ насъ разбудилъ выстрѣлъ и окрикъ нашего часоваго: «къ оружію»; за этимъ послѣдовало еще нѣсколько выстрѣловъ и, когда мы выбѣжали изъ палатокъ съ шашками въ рукахъ и заряженными ружьями, то уже началась настоящая перестрѣлка. Мы увидѣли, что казаки, не успѣвшіе отвязать лошадей, бросились въ кусты; со всѣхъ сторонъ шла адская перестрѣлка; выстрѣлы блестѣли, какъ молніи въ ночной тишинѣ. Оказалось, что въ нашъ лагерь пробрался разбойникъ, перерѣзалъ путы моей лошади, вскочилъ на нее и, разстрѣлявъ всѣ свои патроны, носился взадъ и впередъ передъ нашимъ лагеремъ, ища брода. Такъ какъ лошадь была не взнуздана, то онъ не могъ заставить ее ускакать отъ лагеря и носился такъ минутъ съ десять, пока, наконецъ, ловкій выстрѣлъ не сбросилъ его съ коня. Тогда мы совершенно спокойно поймали лошадь, которая сама подошла къ намъ. О разбойникѣ никто болѣе не заботился; по утру мы увидѣли большую лужу крови на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ упалъ съ лошади.

«Мы дѣлали каждый день не менѣе 40 верстъ въ страшную жару,

все время галопомъ съ ружьемъ на перевѣсъ; только кавказскія лошади могутъ вынести подобную скачку. Хотя охота была весьма интересна, но надобно сознаться, что я совершенно измучился.

«Князь Воронцовъ прислалъ спросить меня, въ какой экспедиціи желалъ бы я участвовать весною: въ Дагестанѣ или на Лезгинской линіи. Я избралъ послѣднюю, такъ какъ это ближе къ Тифлису, къ тому же я былъ въ Дагестанѣ въ 1845 г.».

«Я внѣ себя отъ радости,—писалъ князь своимъ роднымъ два мѣсяца спустя [5-го (17-го) іюня 1850 г.], такъ какъ я назначенъ на лѣто командиромъ перваго дивизіона Сунженскаго полка. Всѣ суженцы лихіе ѣздоки, попадаютъ на всемъ скаку въ зайца и знаютъ отлично всѣ хитрости и секреты горной войны.

«Я нахожусь уже шестой день въ большой, прекрасной станицѣ, гдѣ живетъ начальство и штабъ моего полка, который славится на Кавказѣ своими подвигами. Всѣ, самыя дикія и воинственныя горныя племена этой мѣстности были вынуждены выдать заложниковъ командиру полка, знаменитому полковнику Слѣпцову[1]).

«Трудно себѣ представить, до какой степени храбръ и изобрѣтателенъ этотъ человѣкъ. Небольшаго роста, съ вида не особенно казистый, но съ огненными глазами, живой и энергичной рѣчью, онъ способенъ наэлектризовать слушателя и умѣетъ обходиться съ людьми деликатно, но энергично и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣжливо. Горцы считаютъ Слѣпцова колдуномъ, потому что онъ еще ни разу не потерпѣлъ пораженія. Въ душѣ этого человѣка пылаетъ священный огонь, и онъ совершитъ, я въ томъ увѣренъ, великіе подвиги. Въ 1846 году онъ преслѣдовалъ съ 80-ю человѣками Шамиля, врубившагося въ его колонну, и гналъ его на протяженіи 150-ти верстъ, не останавливаясь даже для того, чтобы накормить лошадей. Въ 1847 году онъ отразилъ съ 400-ми казаками натискъ двадцати тысячъ горцевъ, обратилъ ихъ въ бѣгство, отнялъ у нихъ знамена и обозъ; наконецъ, въ послѣднюю экспедицію, 12-го декабря прошлаго года, прибѣгнувъ къ замѣчательной военной хитрости, онъ выбилъ изъ неприступной позиціи 12.000 человѣкъ непріятеля, и горцы, устрашенные его смѣлостью, объятые паническимъ страхомъ, бросили оружіе и обозъ, и бѣжали, оставивъ на мѣстѣ 400 убитыхъ, 30 плѣнныхъ и болѣе 600 лошадей, не считая массы всевозможнаго оружія.

«Для примѣра образа дѣйствій Слѣпцова приведу слѣдующій случай:

«Послѣ только-что разсказаннаго славнаго дѣла, карабулахи, одно изъ самыхъ могущественныхъ (сосѣднихъ съ нами) и враждебныхъ

---

[1]) Слѣпцовъ, Николай Павловичъ, командиръ 1-го Сунженскаго полка, б. 1851 г.

намъ племенъ, изъявили свою покорность Россіи, и русскіе начали строить на ихъ землѣ укрѣпленіе. Въ одно прекрасное утро, къ Слѣпцову ввалилась съ шумомъ и криками депутація, изъ пятидесяти человѣкъ горцевъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы, которые заявили рѣшительнымъ тономъ, что они не желаютъ имѣть у себя крѣпости, и требуютъ, чтобы она была срыта. Слѣпцовъ, который былъ совершенно одинъ и безъ оружія, долго не думая, соскочилъ съ кровати, схватилъ говорившаго за горло и, что есть мочи, началъ бить его; остальные были до такой степени поражены подобнымъ лаконическимъ отвѣтомъ, что стояли разинувъ ротъ; когда же Слѣпцовъ хотѣлъ приняться за втораго, то, объятые суевѣрнымъ страхомъ, горцы поспѣшно вышли изъ комнаты, вскочили на своихъ коней и поскакали во весь духъ, какъ-будто за ними кто-нибудь гнался.

«На слѣдующій день явилась вторая депутація съ извиненіемъ по поводу требованій, предъявленныхъ первой, и заявила, что они очень довольны тѣмъ, что у нихъ строятъ крѣпость. Съ другой стороны горцы, даже самые враждебные намъ, обожаютъ Слѣпцова за то, что онъ позволилъ имъ въ неурожайный годъ пасти ихъ стада на казацкихъ пастбищахъ, и они столько же изъ благодарности, сколько изъ страха не позволяютъ себѣ относительно насъ никакихъ враждебныхъ дѣйствій, такъ что мы разъѣзжаемъ безъ конвоя, а старухи и дѣти выходятъ въ поле одни, безъ оружія».

Осенью 1850 года Кавказъ посѣтилъ наслѣдникъ цесаревичъ; 23-го сентября вечеромъ онъ прибылъ во Владикавказъ. Въ числѣ офицеровъ, встрѣтившихъ великаго князя въ этомъ городѣ, находился также князь Витгенштейнъ. Когда окончилась оффиціальная встрѣча, наслѣдникъ пригласилъ его къ себѣ и, обнявъ, повелъ въ приготовленный для него кабинетъ, разспрашивалъ подробно объ образѣ его жизни на Кавказѣ, о томъ, доволенъ ли имъ князь Воронцовъ. «Я ему сказалъ [1]), что не знаю, какъ благодарить за всѣ его милости.

«Цесаревна, слышавшая, что я потерялъ лѣтомъ часы и вмѣстѣ съ ними маленькій талисманъ, подаренный ею мнѣ при отъѣздѣ, прислала мнѣ другой, точно такой же талисманъ и маленькій золотой крестъ съ надписью на немъ по-русски: «спаси и сохрани». Въ коробочкѣ лежала бумажечка, на которой ею было написано собственноручно: «находя, что одного талисмана недостаточно для христіанина, присоединяю къ нему маленькій крестикъ, который принесетъ вамъ счастье, но прошу не носить его въ видѣ брелока». Кромѣ того, она прислала мнѣ тысячу превосходныхъ сигаръ, которыхъ здѣсь нельзя получить. Я сопровождалъ великаго князя въ Тифлисъ; нашъ путь

[1]) Письмо къ родителямъ изъ Тифлиса отъ 6-го (18-го) октября 1850 г.

походилъ на тріумфальное шествіе, всюду стояли войска, громко кричавшія «ура», изъ фортовъ производились салюты, возлѣ коляски, въ которой ѣхалъ наслѣдникъ, гарцовали туземцы, издавая восторженные крики, и стрѣляли изъ ружей; на всѣхъ были одѣты роскошные костюмы, кольчуги; маленькіе щиты, луки и стрѣлы, воткнутые въ роскошные колчаны; золотое шитье, галуны такъ и блестѣли на солнцѣ. Красивыя мужественныя лица конвоя сіяли радостью и восторгомъ. Въѣздъ наслѣдника въ Тифлисъ былъ настоящимъ торжествомъ. Все населеніе вышло ему на встрѣчу, съ музыкантами и хорами изъ туземцевъ во главѣ; вся эта пестрая толпа тѣснилась на его пути, махая древесными вѣтвями и флагами. Великаго князя всюду сопровождала почетная стража изъ 200 всадниковъ, въ числѣ которыхъ были все мѣстные князья и дворяне, въ своихъ живописныхъ національныхъ костюмахъ, сшитыхъ изъ бархата и кашемира; ихъ одежда, оружіе и сбруя чистокровныхъ лошадей блистали золотомъ, драгоцѣнными камнями и шитьемъ.

«Наслѣдникъ пробылъ въ Тифлисѣ четыре дня, которые были однимъ безконечнымъ празднествомъ; два изъ нихъ въ особенности своей восточной роскошью и поэтичностью, свойственной всему азіатскому, напоминали сказки «Тысячи и одной ночи»; но я долженъ прежде описать подробнѣе въѣздъ въ Тифлисъ. Вся мостовая города была усѣяна цвѣтами, во всѣхъ церквахъ звонили въ колокола, всѣ крыши были усѣяны женщинами, составлявшими въ своихъ яркихъ костюмахъ такія живописныя группы, которыя могли только присниться художнику. Изъ оконъ и съ балконовъ домовъ свѣшивались драгоцѣнные ковры и шали; живописная толпа, трепетавшая отъ радости, бросалась съ громкими криками подъ ноги нашимъ лошадямъ, чтобы взглянуть на великаго князя поближе. Надобно было видѣть огненную ленту, опоясавшую сосѣднія горы, надобно было видѣть безчисленные минареты и куполы, словно усѣянные горящими алмазами, и слышать выстрѣлы и дикую музыку, которою населеніе выражало свой восторгъ. Все время, пока великій князь былъ въ Тифлисѣ, народъ день и ночь толпился около дворца и, какъ только онъ показывался, всякій разъ раздавались радостные крики и шапки летѣли въ воздухъ.

«Возвращаюсь къ двумъ празднествамъ, о которыхъ я упомянулъ выше. Первое было дано дворянствомъ въ виноградникѣ, на берегу рѣки. Всѣ бесѣдки изъ виноградныхъ лозъ были иллюминованы разноцвѣтными бумажными фонариками, вездѣ были разостланы великолѣпные персидскіе ковры; посреди сада находился большой именно къ этому дню сооруженный павильонъ, въ восточномъ вкусѣ, весь сіявшій огнями; всюду виднѣлись яркихъ цвѣтовъ арабески, позолота, персидскія колоннады, большіе мягкіе диваны. Въ этомъ па-

вильонѣ красивыя туземныя женщины танцовали съ восточной граціей и нѣгой, а музыканты, сидѣвшіе на землѣ, играли на тамбуринахъ, мандолинахъ и другихъ мѣстныхъ инструментахъ. На рѣкѣ былъ сожженъ роскошный фейерверкъ; иллюминованныя лодки носились по водѣ, сотни всадниковъ то и дѣло переплывали рѣку взадъ и впередъ. Особенно красивое зрѣлище представлялъ садъ во время ужина: всѣ столы были накрыты на берегу рѣки подъ виноградными лозами. На большой эстрадѣ, отдѣльно отъ другихъ по-восточному, былъ накрытъ столъ для великаго князя; внизу, возлѣ этой эстрады за огромнымъ столомъ сидѣла его почетная стража. Всѣ эти роскошно одѣтые князья сидѣли, скрестивъ ноги на столѣ и, распѣвая пѣсни, опоражнивали залпомъ рога, наполненные виномъ. Внизу, на берегу рѣки, шелъ оживленный пиръ; приглашенные, расположившись вокругъ иллюминованныхъ виноградныхъ бесѣдокъ, ѣли и пили за здоровье великаго князя подъ оглушающіе крики толпы, выстрѣлы изъ ружей и звуки музыки. Я сидѣлъ рядомъ съ самой красивой изъ здѣшнихъ дамъ, княгиней Тархановой; это—настоящая восточная красавица, съ длинными черными косами, перевитыми жемчугомъ, въ роскошномъ національномъ костюмѣ, расшитомъ жемчугомъ и изумрудами.

«Второй праздникъ, данный купечествомъ, былъ, если возможно, еще роскошнѣе: весь громадный каравансарай и базаръ были задрапированы великолѣпными персидскими и индѣйскими матеріями, затканными золотомъ; колонны, поддерживающія галлереи, были украшены вышивками и цвѣтами; на полу были постланы самые дорогіе ковры; портьеры, отдѣлявшія одну галлерею отъ другой были сдѣланы изъ шалей и индѣйскихъ кашемировъ; по стѣнамъ были разставлены восточные диваны; дворы съ мраморными полами и фонтанами украшены цвѣтами; въ залахъ по угламъ были устроены фонтаны, въ которыхъ било вино; вокругъ нихъ стояли золотые и серебряные рога и кубки. Тутъ же были: музыканты, танцовщицы; пѣсельники-персы; съ наружной колоннады открывался роскошный видъ на сіявшій тысячью огнями залъ, иллюминованный разноцвѣтными фонарями, съ шелковыми кистями, которыя были подвѣшены къ потолку нитями коралловъ и янтаря. Прибавьте къ этому веселую шумную толпу народа. Лучшее украшеніе празднества составляли мѣстныя красавицы съ ихъ дивными черными глазами и классическими чертами лица, въ своихъ расшитыхъ камнями головныхъ уборахъ, съ бѣлыми вуалями и въ богатыхъ костюмахъ, напоминавшихъ нѣчто сказочное.

«Великій князь очаровывалъ всѣхъ и вызвалъ неистовый восторгъ. Онъ умѣлъ сказать каждому ласковое слово, и появленіе его благороднаго лица, оживленнаго ласковою улыбкою, всегда вызывало бурный энтузіазмъ. Я былъ свидѣтелемъ того, какъ у офицеровъ появились слезы

на глазахъ, когда, при представленіи ихъ наслѣднику, онъ сказалъ имъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ отъ имени императора и отъ себя лично.

«Наслѣдникъ путешествовалъ по Кавказу до 29-го октября; уѣзжая изъ Тифлиса, онъ простился со мною самымъ милостивымъ образомъ; я былъ готовъ дать все на свѣтѣ, чтобы сопровождать его, но это было немыслимо, такъ какъ онъ беретъ съ собою только одного адъютанта, по причинѣ недостатка въ лошадяхъ. Я очень огорченъ его отъѣздомъ и, для того чтобы нѣсколько развлечься, я принялъ приглашеніе князя Гуріеля отправиться вмѣстѣ съ нимъ на охоту.

«Художникъ Фришъ, живущій здѣсь (въ Тифлисѣ), получилъ отъ цесаревича великолѣпный заказъ: нарисовать альбомъ, изображающій различные эпизоды изъ его путешествія. Первые эскизы, набросанные имъ, великолѣпны (въ особенности одинъ, изображающій стычку, въ которой участвовалъ великій князь, когда онъ бросился впередъ такъ стремительно, что мы едва могли слѣдовать за нимъ); я увѣренъ, что когда этотъ альбомъ будетъ оконченъ, то Фришъ, пріобрѣтетъ этимъ извѣстность».

(Продолженіе слѣдуетъ).

Быстрая распродажа Исторіи Н. М. Карамзина.

Письмо Н. М. Карамзина къ В. Н. Каразину.

27-го февраля 1818 г. С.-Петербургъ.

Любезный и почтенный Василій Назарьевичъ! Искренно благодарю васъ за обязательное письмо, служащее доказательствомъ вашей ко мнѣ лестной пріязни, и немедленно отправлю къ вамъ экземпляръ моей Исторіи черезъ газетную экспедицію Московскаго почтамта; но получите его не прежде, какъ недѣли черезъ двѣ. Экземпляровъ остается уже весьма не много въ магазинахъ: почти все продано въ 26 дней. Это не доказываетъ достоинства книги, но доказываетъ любопытство публики или успѣхи нашего образованія. Вообразите, что въ числѣ сибирскихъ субскрибентовъ были крестьяне и солдаты отставные! Я съ искреннимъ удовольствіемъ читалъ вашу піесу въ Казанскомъ журналѣ и теперь не боюсь скораго преставленія свѣта. Простите, пишите, трудитесь, будьте здоровы и любите преданнаго вамъ покорнѣйшаго Н. Карамзина.

Находчивый квартальный

(Легенда объ императорѣ Николаѣ I).

Ѣдетъ скоро, ѣдетъ быстро
Императоръ... Гей, пади!...
Но еще быстрѣе мчится
Сватъ квартальный впереди.
Императоръ въ нетерпѣньи
Обогнать его велитъ,
А квартальный, не смущаясь,
Шибче прежняго летитъ....
«Стой, ни съ мѣста!» громогласно
Императоръ прокричалъ,
И смѣльчакъ, оторопѣлый,
Во мгновенье ока сталъ.
«Отчего царю дороги
Не давалъ ты впереди?»
— Оттого, что не видалъ я,
Какъ царь ѣхалъ позади.—
«А давно ли у квартальныхъ
Завелися рысаки?
По полиціи оклады,
Вѣдь, не очень велики?».
— Что окладъ?... окладъ пустое:
Съ нимъ однимъ не проживешь.
Въ нашемъ званьи безъ доходовъ
Просто съ голода умрешь.—
«Безъ доходовъ?.. значитъ, взятки
По полиціи берутъ,
Не взирая на законы,
Несмотря на строгій судъ?»

— О, нисколько!... и безъ взятокъ
Можетъ быть вездѣ доходъ;
Надо лишь имѣть сноровку
И блюсти во всемъ разсчетъ...
«Для тебя найдется должность
Безъ доходовъ у меня!»
— Государь! на всякомъ мѣстѣ
Есть доходная статья...
Во дворецъ къ себѣ вернувшись,
Проситъ царь вельможъ своихъ
Отыскать такое мѣсто,
Гдѣ доходовъ никакихъ.
Долго думали вельможи,
Наконецъ даютъ отвѣтъ:
«Мы нашли такую должность,
Что совсѣмъ доходовъ нѣтъ.
На дворѣ, близъ царской кухни,
Гдѣ коптятъ окорока,
У коптилки нѣтъ прибытка
Ни зерна, ни пятака».
И квартальнаго лихаго,
Что имѣетъ рысака,
Царь въ коптилки производитъ:
«Пусть коптитъ окорока...»
Дѣлать нечего, квартальный
Сталъ коптить окорока...
День коптитъ, другой и третій,
И беретъ его тоска...
Смотритъ: каплетъ сало на-земь,
Пропадаетъ ни по чемъ...
Понабралъ онъ черепочковъ
И подставилъ ихъ рядкомъ.
Каплетъ сало въ черепочки:
«Славный будетъ мнѣ доходъ».
Накопивъ побольше сала,
На базаръ его несетъ....
Черезъ мѣсяцъ призываетъ
Царь коптилку во дворецъ.
«Каковы теперь доходы?
Признавайся, молодецъ!»
— Ничего, доходъ имѣю
И царя благодарю:

За недѣлю я немало
Сала въ рынокъ продаю.—
Подивился императоръ,
Что догадливъ молодецъ,
И велѣлъ ему квартальнымъ
Быть въ участкѣ, гдѣ дворецъ...
Больше прежняго доходовъ
Сталъ квартальный получать,
Рысаковъ завелъ отборныхъ,
Такъ что лучше не сыскать.
Годъ проходитъ. Призываетъ
Царь квартальнаго къ себѣ:
«Каковы доходы нынѣ?
Хорошо ль теперь тебѣ?»
— Благодаренъ государю
Я за ласку и за честь,
А доходовъ по участку
Просто даже и не счесть.
Мнѣ отъ всѣхъ домохозяевъ
Благостыня хороша.
Отъ единаго лишь дома
Нѣтъ прибытка ни гроша.—
«Отъ какого жъ это дома
Нѣтъ прибытка молодцу?»
— Да проститъ мнѣ царь за смѣлость
Нѣтъ дохода по дворцу....
Угодилъ царю квартальный
Откровенностью своей:
Изъ дворца сталъ получать онъ
Въ годъ по тысячѣ рублей.
Съ той поры на тотъ участокъ
И до нашихъ даже дней
Изъ дворцовыхъ средствъ дается
Въ годъ по тысячѣ рублей.

П. Потѣхинъ.

Стихи Ѳ. Н. Глинки шестилѣтней дѣвочкѣ Валентинѣ Жизневской, при посылкѣ ей кабинетнаго портрета.

23-го августа 1877 г.

И пѣвуньѣ и плясуньѣ,
Милой дѣвочкѣ,
Посылаю мою карточку,
Съ пожеланіемъ:

«Выростай, моя малютка,
«Все такою жъ, какъ теперь;
«Жизнь,—узнаешь ты,—не шутка,
«Но молись, люби и вѣрь!

«Въ суетѣ и смутѣ свѣтской,
«Гдѣ туманъ страстей и мгла,
«Какъ теперь, съ душою дѣтской,
«Будь, какъ Божій день, свѣтла!»

Ѳедоръ Глинка.

Наша Вандея.

Русская исторія XIX в. хранится большею частію въ архивахъ правительственныхъ учрежденій и изрѣдка пополняется устными разсказами современниковъ. Къ сожалѣнію, эти разсказы не заносятся на бумагу и не попадаютъ въ печать. Историку трудно воспроизвести интереснѣйшіе анекдоты, легенды и дѣйствительные факты, могущіе прекрасно иллюстрировать переживаемое или минувшее время. Вотъ почему я охотно записалъ разсказъ очевидцевъ объ оригинальномъ народномъ бунтѣ, бывшемъ въ Тверской губерніи въ 1881 г. Въ Весьегонскомъ уѣздѣ, существуетъ заштатный городъ «Красный Холмъ». Это огромное селеніе, напоминающее уѣздный городокъ съ базаромъ и нѣсколькими церквами. Оно населено зажиточными крестьянами и торговцами, носящими до сихъ поръ на себѣ печать нравственной независимости и даже нѣкоторой удали. Благодаря исправнымъ платежамъ въ государственное казначейство, населеніе Краснаго Холма было всегда въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ съ начальствомъ. Чѣмъ менѣе было у него столкновеній съ властью и чѣмъ болѣе Красный Холмъ становился зажиточнѣе, тѣмъ идеальнѣе жители его и окрестныхъ селъ относились къ царю и закону. Извѣстіе о событіи 1 марта 1881 г. дошло въ Красный Холмъ нѣсколько позднѣе и вызвало большіе толки, особенно въ день Благовѣщенія, когда въ Красный Холмъ съѣзжается масса народу изъ сосѣднихъ мѣстечекъ поторговать и Богу помолиться. Повсюду скорбѣли о почившемъ императорѣ, и многіе обвиняли полицію, не умѣвшую сберечь Царя-Освободителя, а нѣкоторые обвиняли воображаемыхъ господъ, которые хотятъ вернуть крѣпостное право и повелѣвать самимъ царемъ.

Общее горе отразилось даже въ томъ, что мужики стыдились идти

въ кабакъ и пѣть пѣсни. Всѣ они пріѣхали изъ сосѣднихъ деревень въ Красный Холмъ безъ колокольчиковъ и бубенчиковъ. Извѣстно, что колокольчикъ—знакъ веселья; его подвязываютъ на свадьбахъ, на катаньяхъ на масляницѣ. Въ торжественную минуту, когда народъ только-что вышелъ изъ церкви и кучами стоялъ посреди Краснаго Холма, въ воздухѣ вдругъ, издалека, пронеслись дребезжащіе звуки валдайскаго колокольчика чьей-то тройки, смѣло мчавшейся съ большой дороги на главный трактъ заштатнаго городка. Ѣхалъ исправникъ. Народъ видѣлъ, какъ самъ онъ вышелъ изъ саней и отправился въ гостиницу, не подозрѣвая, какую смуту внесъ его колокольчикъ въ патріотическую массу.

— Что жь это, братцы!—послышалось въ разныхъ концахъ сельской площади,—царь скончался, а онъ, на-тка, съ двумя колокольчиками ѣздитъ?... Можно ли это допустить?

— Шесть недѣль не прошло, а онъ съ бубнами на тройкѣ...

— Ему и печали нѣтъ о царѣ!

Село волновалось. Кто-то крикнулъ, но такъ, что близъ стоявшіе услыхали и подхватили:

— Да, да, запретимъ ему ѣздить съ колокольчикомъ! Чего на него смотрѣть!

Струсилъ кучеръ исправника, — когда толпа трезвыхъ мужиковъ прихлынула къ подъѣзду гостиницы.

— Подвяжи колоколецъ,—сказали ему степенно передніе ряды.

— Не своя воля, братцы...

Толпа настаивала, чтобы онъ добровольно подвязалъ колокольчикъ къ дугѣ, а кучеръ блѣдный нерѣшительно указывалъ рукой на окна гостиницы, гдѣ находилось начальство.

Становой вышелъ на крыльцо и, узнавъ, въ чемъ дѣло, пошелъ доложить исправнику.

— Никакъ нельзя позволить имъ этого!—отвѣтилъ послѣдній.—Какъ-такъ! Мало-ли чего имъ хочется? Позволь имъ эту малость, они и до бо́льшаго доберутся!.. Сегодня не ѣзди съ колокольчиками, завтра не носи свѣтлыхъ пуговицъ, а потомъ и за податями не пріѣзжай. Да что вы, милѣйшій,—закричалъ онъ на станового,—это настоящій бунтъ: развѣ не видите... Я самъ выйду къ нимъ!... Чего собрались?—закричалъ онъ.—Что вамъ помѣшалъ мой колокольчикъ? Первый разъ, что-ли, я ѣзжу такимъ образомъ къ вамъ. Ишь обступили крыльцо, куда лѣзете?

Народъ напиралъ: каждый хотѣлъ слышать, что̀ онъ говоритъ и что̀ отвѣтятъ ему передніе ряды. Раздались отдѣльные голоса о томъ, что̀ шесть недѣль не прошло и ѣздить съ колокольчиками и бубнами—теперь нельзя.

— Что вы меня учите!—покрылъ исправникъ ихъ всѣхъ своимъ крикомъ. — Я знаю свои права... Полиція обязана ѣздить съ колокольчикомъ.

— Не въ такое время, — перебилъ его одинъ изъ сѣдыхъ торговцевъ.

— Точно! ты во всякое время имѣешь право ѣздить съ колокольцемъ, но не теперь,—подтвердили другіе. Ты знаешь ли, что съ царемъ-то сдѣлали? Какъ же такъ: нѣшто можно теперь съ колокольцемъ или гармоніей. Богу молиться надо. За грѣхи наши Господь допустилъ совершить такое дѣло!

Исправникъ горячился:

— Все это я знаю безъ васъ и лучше васъ!—остановилъ онъ мужиковъ. Что вы тутъ бунтуете? Расходитесь... Не то дамъ знать губернатору...

— А... Губернатору! Мы бунтовщики, а ты кто такой?

Шипящій гулъ перешелъ въ ревъ, и нѣсколько рукъ мгновенно протянулись къ погонамъ исправника. Тутъ же при одномъ словѣ «бунтовщики» нѣсколько камней и палокъ полетѣло въ стекла и рамы гостиницы. Исправникъ быстро приперъ желѣзной задвижкой крыльцо подъѣзда. Народное негодованіе охватило всю площадь, и тысяча голосовъ по-своему толковали слова исправника

— Солдатами грозилъ!—сочиняла народная фантазія.— Бунтовщиками называлъ. Онъ за-одно съ господами.... Царя нашего не почитаетъ! Полиція во всемъ виновата... Чего глядѣла? Гдѣ была?

Бабы и ребятишки присоединились къ мужикамъ. Крѣпкая гостиница трещала отъ камней, но крыльцо съ желѣзными запорами блестящимъ образомъ выдерживало блокаду. Исправникъ и становой забились на чердакъ и ожидали смерти, не надѣясь спрятаться отъ народнаго гнѣва.

Нашелся благоразумный мѣщанинъ, видѣвшій или слыхавшій о подобныхъ исторіяхъ. Онъ забрался на колокольню и ударилъ въ набатъ. Первые зловѣщіе звуки церковнаго колокола напомнили разъяренной толпѣ, что гдѣ-то пожаръ. Всѣ бросились къ своимъ телѣгамъ... Дыма нигдѣ не было видно, а между тѣмъ церковный набатъ продолжалъ бить тревогу. Жители Краснаго Холма разбѣжались по избамъ и на минуту забыли исправника и становаго. Несчастные узники воспользовались этимъ моментомъ и бѣжали, никѣмъ не замѣченные. Черезъ нѣсколько дней изъ уѣзднаго города пришла рота солдатъ съ офицерами. Солдаты удивленно посматривали на совершенно покойное, торговое село съ опустѣвшей площадью и полуразбитой гостиницей. Жители Краснаго Холма приняли войско съ хлѣбомъ-солью и по-божески разсказали, какъ было дѣло.

Конечно правосудіе не замедлило найти болѣе или менѣе виновныхъ въ этомъ событіи, но нужно сказать, что прокурорская власть и присяжные отнеслись весьма гуманно къ подсудимымъ, посмотрѣвъ на это дѣло, какъ на событіе, возникшее изъ самыхъ чистыхъ патріотическихъ намѣреній.

А. Фаресовъ.

ПАЛЛАДІЙ,

митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій.

(Біографическій очеркъ).

IV [1]).

Назначеніе Палладія въ Рязанскую епархію.—Прибытіе его въ г. Рязань.—Заботы преосвященнаго о духовно-учебныхъ заведеніяхъ.—Попечительство о бѣдныхъ ученикахъ.—Дѣятельность Палладія по улучшенію быта духовенства.—Церковно-историческій комитетъ.—Братство Св. Василія Муромскаго.—Сборы и пожертвованія въ 1877—1878 гг.—Назначеніе на Казанскую каѳедру.—Дѣятельность Палладія по управленію Казанскою епархіею.

Докладъ Св. Синода о назначеніи епископа Палладія изъ Тамбова въ Рязань высочайше утвержденъ 9-го сентября 1876 г. [2]).

По полученіи синодальнаго указа о своемъ перемѣщеніи, преосвященный назначилъ 10-го октября,—въ воскресенье,—совершить послѣднюю литургію въ каѳедральномъ соборѣ, куда, на сослуженіе съ нимъ, явилось городское и уѣздное духовенство, и собралось множество народа. Въ прощальномъ словѣ Палладій благодарилъ населеніе за любовь къ нему и расположеніе. «Прошу, возлюбленные братіе»,—говорилъ онъ,—«и отъ васъ себѣ мира, молитвъ и благожеланія, да миренъ будетъ исходъ мой. По мѣрѣ силъ моихъ, я старался исполнять пастырскій долгъ свой. Но дерзну ли сказать, что я осуществлялъ въ себѣ образъ пастыря добраго? Нѣтъ, со-

[1]) См. „Русскую Старину“ 1899 г., № VII. Поболѣзни автора, статья эта, начало которой было помѣщено въ прошломъ году, не могла появиться до настоящаго времени. Ред.

[2]) Послужной списокъ митрополита Палладія.

знаю себя далеко недостигшимъ высокаго пастырскаго совершенства. Да покроетъ любовь ваша мои ошибки и погрѣшенія предъ вами, дабы и Господь покрылъ всѣ наши погрѣшенія на судѣ Своемъ страшномъ. Если же кто считаетъ себя обязаннымъ мнѣ въ чемъ-либо, то пусть молится, чтобы Господь далъ мнѣ возможность болѣе и болѣе дѣлать добро. Я же не забуду, возлюбленные, любви вашей, не престану и на другой паствѣ считать васъ присными своими, молиться о васъ, о вашемъ преуспѣяніи во всемъ добромъ и о вашемъ спасеніи» [1]).

Сердечные проводы владыки выразились двумя обѣдами, данными въ честь его: 10-го октября—духовенствомъ и 12-го числа—городскимъ обществомъ. На первомъ обѣдѣ было собрано 500 р. на учрежденіе при мѣстной семинаріи стипендіи для одного изъ бѣднѣйшихъ воспитанниковъ, въ память управленія епископа Палладія Тамбовскою епархіею.

16-го октября преосвященный совершилъ послѣднюю литургію въ бывшемъ своемъ Казанскомъ монастырѣ, а 19-го числа на монастырской колокольнѣ раздался благовѣстъ къ напутственному молебну, совершенному въ Крестовой церкви. Благословивъ духовенство и прибывшихъ къ молебну гражданъ, Палладій, во второмъ часу по полудни, выѣхалъ изъ Тамбова, по желѣзной дорогѣ, въ Рязань.

Встрѣченный, въ исходѣ перваго часа, 20-го октября, на желѣзнодорожной станціи гражданскими властями, викарнымъ епископомъ и многими представителями духовенства, преосвященный, при колокольномъ звонѣ, прослѣдовалъ въ Успенскій соборъ, откуда направился въ соборы—Христорождественскій, гдѣ почиваютъ мощи святителя Василія Муромскаго и Рязанскаго, и Архангельскій, въ которомъ погребаются рязанскіе архіереи, и, затѣмъ, водворился въ архіерейскомъ домѣ.

22-го октября, въ день празднованія иконѣ Казанской Божіей Матери, епископъ Палладій, съ присущимъ ему благолѣпіемъ, совершилъ первую литургію въ Успенскомъ соборѣ. По ея окончаніи, онъ произнесъ слово, въ которомъ убѣждалъ паству твердо держаться православія и не слушать «тѣхъ лживыхъ рѣчей, которыя нынѣ нерѣдко, къ сожалѣнію, случается слышать:—будто все равно, какъ ни вѣровать, согласно ли съ православіемъ, или съ другимъ какимъ христіанскимъ исповѣданіемъ и обществомъ, или какъ кто хочетъ, по такъ называемому ложному убѣжденію. Такая холодность къ вѣрѣ—тяжкій и очень распространенный недугъ нашего времени».

Въ Рязани, подобно тому, какъ и въ Тамбовѣ, владыка обратилъ вниманіе на духовныя заведенія и, прежде всего, на женское епархіальное училище. По его указанію, духовенство купило усадьбу для по-

[1]) „Рязанск. Епарх. Вѣд." 1882 г., № 20.

стройки новаго дома, которая и была окончена къ концу сентября 1881 года. Женское училище преобразовано сначала—въ трехклассное, а потомъ—въ шестиклассное; для преподаванія же приглашены учителя семинаріи. Такимъ образомъ, неусыпными трудами святителя, рязанскому духовенству доставлена возможность давать дочерямъ и родственницамъ своимъ прекрасное образованіе, соединенное со многими, необходимыми въ жизни знаніями, каковы, напримѣръ: обученіе различнымъ домашнимъ рукодѣліямъ, кройкѣ, шитью, вязанью. Ходатайствуя о расширеніи училищной программы, неустанно заботясь о постройкѣ училищнаго зданія, преосвященный Палладій, вмѣстѣ съ тѣмъ, близко принималъ къ сердцу судьбу бѣдныхъ воспитанницъ и, всемѣрно стараясь имъ доставлять способы къ окончанію образованія, часто вносилъ за нихъ плату изъ собственныхъ средствъ.

Устройство общежитія при семинаріи и здѣсь явилось завѣтною мечтою владыки. По его настоянію, былъ купленъ насчетъ духовенства особый домъ, семинарія перестроена, и въ ней учреждены параллельные классы, а также особый классъ для ознакомленія съ ученіемъ о расколѣ.

Если въ губернскомъ городѣ наемныя квартиры у семинаристовъ были неудовлетворительны, то чего же можно ожидать отъ уѣздныхъ городовъ, по захолустьямъ которыхъ ютилась мелюзга духовныхъ училищъ?—конечно худшаго! Для доказательства возьмемъ, хотя бы напримѣръ, уѣздный городъ Скопинъ. Въ немъ, въ 1878 году, по словамъ училищнаго ревизора, всѣхъ ученическихъ квартиръ насчитывалось 15, а помѣщалось въ нихъ 104 ученика. Изъ 15-ти квартиръ—семь содержали лица духовнаго званія, а восемь—мѣщане. Молодые жильцы въ этихъ квартирахъ помѣщались кучками, по 3, по 5, по 12 и даже по 17 чел. Послѣдніе 17-ть жили ни болѣе, ни менѣе какъ въ кухнѣ [1])! Весьма естественно, что преосвященный не замедлилъ настойчиво побудить духовенство къ заведенію общежитій при духовныхъ училищахъ. Тамъ же, гдѣ они уже существовали, принимались всѣ мѣры къ ихъ поддержанію и улучшенію.

Сострадая о сиротахъ, епископъ Палладій писалъ рязанской консисторіи [2]): «Во ввѣренной мнѣ Рязанской епархіи есть немало сиротъ, дѣтей священно-церковно-служительскихъ, нерѣдко остающихся совершенно безъ родственнаго призора. Такія сироты часто не только лишаются возможности подготовиться къ поступленію въ духовныя училища соотвѣтственно требованіямъ устава училищъ, но иногда не имѣютъ даже насущнаго пропитанія». Озабочиваясь изысканіемъ средствъ къ улучшенію участи этихъ, поистинѣ жалкихъ дѣтей, преосвященный нашелъ,

---

[1]) „Ряз. Епарх. Вѣд." 1880 г. № 3.

[2]) 1-го января 1877 г., № 83.

что епархіальные монастыри, особенно болѣе состоятельные, могутъ оказать услугу, въ данномъ случаѣ, открытіемъ у себя сиротовоспитательныхъ пріютовъ съ училищами. Вслѣдствіе того, и предложено было монастырямъ учредить у себя такіе пріюты съ училищами, «на полномъ монастырскомъ иждивеніи». Каждая обитель обязывалась, на первое время, пріютить по 10-ти сиротъ, отъ 8-ми до 10-ти лѣтъ. Обученіе мальчиковъ указывалось вести такъ, чтобы они могли, потомъ, поступать въ духовныя училища. Къ тому же самому обязывались и нѣкоторые женскіе монастыри: здѣсь сироты-дѣвочки подготовлялись къ поступленію въ женское епархіальное училище [1]).

Въ то же самое время (23-го января 1877 г.) при семинаріи было открыто попечительство о бѣдныхъ ученикахъ и при немъ ссудная касса. Попечительство оказалось настолько многоплоднымъ учрежденіемъ, что къ 1881 г. имѣло уже въ своемъ распоряженіи, за всѣми расходами, до 12-ти слишкомъ тысячъ рублей. Излишне прибавлять, что эти благія начинанія сопровождались личными пожертвованіями владыки.

Для облегченія духовенства отъ усиленныхъ расходовъ на поддержку различнаго рода полезныхъ учрежденій и упроченія ихъ благосостоянія, устроенъ былъ свѣчной заводъ, изъ чистой прибыли котораго, за всѣми издержками, извѣстная доля долженствовала служить на воспособленіе различныхъ неотложныхъ нуждъ по епархіи [2]).

Попечительность владыки о духовенствѣ вызывала глубокую благодарность со стороны послѣдняго, особенно въ виду постоянно кроткихъ и ласковыхъ отношеній архипастыря. Эти отношенія, совсѣмъ незнакомыя духовенству, значительно поднимали его нравственное самосознаніе, вводили въ духъ дѣланія по любви, а не по страху, чѣмъ, собственно, лучше всего и объясняется та отзывчивость, съ какою рязанское духовенство шло на встрѣчу всѣмъ предложеніямъ владыки. Его слово считалось закономъ; его личные приговоры въ дѣлахъ судныхъ—желательнымъ рѣшеніемъ враждующихъ сторонъ. Свою любовь, преданность и благодарность архипастырю духовенство неразъ выражало адресами [3]). Между тѣмъ, было бы ошибочно предполагать, что усопшій святитель доводилъ свою снисходительность до потворства и распущенности. Ничуть не бывало. Всегда готовый выразить благодарность за всякое проявленіе полезной дѣятельности духовенства [4]), онъ, въ то же время, за малѣйшее невнимательное отношеніе священно-церковно-слу-

---

[1]) „Р. Епарх. В." 1877 г., № 10.

[2]) „Высокопреосв. Палладій" и пр. (къ 30-ти лѣтію служ. его въ свят. санѣ). Спб. 1896.

[3]) „Рязанск. Епарх. Вѣдом." 1877 г., № 21, и 1878 г., № 14.

[4]) „Ряз. Епарх. В." 1876 г., №№ 1, 3, 4, 6, 7, 9, и пр. 1877 г., №№ 9, 10, 21, 24 1878 г., №№ 2, 3, 4 и пр. и пр.

жителя къ своимъ обязанностямъ, подвергалъ виновнаго замѣчанію или взысканію, съ объявленіемъ о томъ въ мѣстныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ.

Нельзя пройти молчаніемъ стремленія владыки освободить духовенство отъ приниженности и зависимости отъ прихожанъ и, тѣмъ самымъ, поставить его на подобающую ему высоту. Онъ основательно считалъ существующій способъ полученія духовенствомъ содержанія несоотвѣтствующимъ времени и не мало вредящимъ установленію и сохраненію какъ болѣе правильныхъ отношеній между пастырями и пасомыми, такъ и пастырскаго вліянія первыхъ на прихожанъ. Поэтому, въ видахъ улучшенія средствъ содержанія приходскаго духовенства и для устраненія разныхъ нареканій и недоразумѣній между церковными причтами и прихожанами, архипастырь находилъ весьма полезнымъ, вмѣсто опредѣленной платы за каждую требу, собирать со всего прихода извѣстную, положенную сумму на содержаніе причтовъ, которая получалась бы ими изъ мѣстной земской управы или другаго мѣста, въ назначенные для того сроки. Весьма жаль, что столь живое дѣло, предложенное епархіальному съѣзду, ограничилось съ стороны послѣдняго одними разсужденіями и предположеніями о мѣрахъ къ выполненію желанія владыки [1]).

Еще въ 1850 году духовно-учебное управленіе представило Святѣйшему Синоду свои соображенія о церковно-историческомъ и статистическомъ описаніи епархій, какъ пособіи для изученія исторіи Россійской Церкви. Святѣйшій Синодъ, одобривъ такое представленіе, поручилъ собираніе подобныхъ свѣдѣній вести подъ наблюденіемъ епархіальныхъ архіереевъ.

Въ Рязанской епархіи, въ 1851 году, образовался церковно-историческій комитетъ, плодомъ трудовъ котораго явился «Сборникъ церковно-историко-статистическихъ свѣдѣній о Рязанской епархіи». Но, впослѣдствіи, дѣло собиранія свѣдѣній остановилось, самый комитетъ распался и прекратилъ свое существованіе вплоть до вступленія преосвященнаго Палладія въ управленіе Рязанскою епархіею. Вскорѣ по прибытіи въ Рязань, онъ обратилъ вниманіе на столь важное упущеніе на пользу исторической науки, и, въ 1879 г., снова былъ открытъ, подъ его предсѣдательствомъ, церковно-историческій комитетъ, труды котораго и начали печататься въ мѣстныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ [2]). Точно такъ же, въ тѣхъ же цѣляхъ развитія исторической науки о Русской Церкви, заведены были при покойномъ владыкѣ церковныя приходскія лѣтописи [3]).

[1]) „Ряз. Епарх. Вѣд." 1877 г., № 21.
[2]) „Ряз. Епарх. Вѣд." 1879 г., №№ 16 и 23.
[3]) „Ряз. Епарх. Вѣд." 1877 г., № 21.

Въ видахъ противодѣйствія распространенію въ епархіи раскола и отвращенія отъ него заблудшихъ, установлены были, при преосвященномъ Палладіи, воскресныя собесѣдованія священниковъ съ прихожанами, а по мѣстамъ, гдѣ представлялась къ тому возможность, и собесѣдованія съ раскольниками. Затѣмъ, въ декабрѣ 1877 года, состоялось въ присутствіи самого епископа Палладія, открытіе, весьма важнаго по цѣлямъ и благотворнаго по своимъ послѣдствіямъ, «Братства Св. Василія Рязанскаго» [1]),—отдѣленія, съ миссіонерскимъ характеромъ, при епархіальномъ комитетѣ православнаго миссіонерскаго общества. Согласно съ задачей братства, предметами дѣятельности его являются не одни только раскольники и магометане, но и вообще всѣ невѣрующіе во Христа [2]), неправовѣрующіе и всѣ темныя стороны среди православныхъ [3]).

Кромѣ того, преосвященный Палладій исходатайствовалъ, въ 1881 г., разрѣшеніе Святѣйшаго Синода: 1) совершать ежегодно въ каѳедральномъ соборѣ празднество въ честь здѣсь почивающаго покровителя братства, святителя Рязанскаго Василія — 3-го іюня, въ день его кончины, и 10-го іюля—въ память перенесенія мощей сего угодника Божія изъ Борисоглѣбскаго собора въ нынѣшній каѳедральный, и 2) напечатать въ небольшомъ числѣ составленный Св. Василію акаѳистъ, для чтенія при его мощахъ. На указѣ синодскомъ, по поводу сего разрѣшенія, владыка написалъ: «Слава Богу и благодареніе Святѣйшему Синоду за сіе разрѣшеніе» [4]).

Дѣятельность Палладія вызывала полное сочувствіе во всѣхъ слояхъ общества Рязанской епархіи. 28-го января 1878 г., въ день преподобнаго Палладія и именинъ преосвященнаго, послѣ имъ совершенной литургіи, въ соборѣ, къ архипастырю собралось множество именитыхъ гражданъ для принесенія поздравленій. Въ томъ числѣ прибыла и депутація отъ дворянства Рязанской губерніи, съ губернскимъ предводителемъ во главѣ, Л. М. Муромцевымъ. Поздравляя именинника, предводитель, между прочимъ, выразилъ, что его преосвященство, въ недолгое, сравнительно, служеніе въ Рязанской епархіи, успѣлъ пріобрѣсти любовь всѣхъ сословій, въ томъ числѣ и дворянства. При этомъ, въ знакъ глубокаго къ владыкѣ уваженія дворянства, г. Муромцевъ преподнесъ драгоцѣнную панагію.

Во время послѣдней Русско-Турецкой войны 1877—1878 гг., когда потребовалось напряженіе всѣхъ силъ государства и отовсюду стекались

---

[1]) Св. Василій—четвертый епископъ Муромскій и первый—Рязанскій, „мужъ праведный и благочестивый".

[2]) „Ряз. Епарх. Вѣд.", 1877 г., № 17.

[3]) Тамъ же, 1878 г., № 1.

[4]) „Ряз. Епарх. Вѣд.", 1881 г., № 12.

пожертвованія на Красный Крестъ, на больныхъ и раненыхъ воиновъ и на добровольный флотъ, преосвященный Палладій и самъ жертвовалъ много, и побуждалъ къ тому же и подвѣдомое ему духовенство. Мало того, нѣкоторые монастыри Рязанской епархіи изъявили готовность принять на полное содержаніе и воспитаніе по нѣсколько дѣтей-сиротъ павшихъ воиновъ, изъ числа рязанскихъ уроженцевъ, безъ различія сословій [1]).

Плодотворная дѣятельность Палладія не осталась безъ поощренія. Такъ, за пожертвованія имъ изъ собственныхъ средствъ въ пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ во время Восточной войны, 10-го мая 1878 г., изъявлена ему благодарность Ея Величества Государыни Императрицы; а за благотворное содѣйствіе мѣстному (рязанскому) комитету и за пожертвованіе на устройство добровольнаго флота, послѣдовала благодарность отъ имени Наслѣдника Цесаревича (того же года октября 4-го). Равнымъ образомъ, въ «ознаменованіе Монаршаго вниманія къ ревностнымъ трудамъ по управленію преемственно ввѣряемыми епархіями и вмѣстѣ къ пастырской заботливости о благоустройствѣ и благосостояніи мѣстныхъ духовныхъ учебныхъ заведеній», преосвященный Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра, 2-й степени большаго креста (1878 г. апрѣля 16-го) [2]).

Возведенный, 12-го апрѣля 1881 г., въ санъ архіепископа, Палладій, въ августѣ 1882 г., былъ назначенъ на Казанскую каѳедру, и 13-го октября, въ 8 часовъ вечера, прибылъ въ Казань. Послѣ молебна, владыка отправился въ архіерейскій домъ, гдѣ ему представились викарій, ректоры академіи и семинаріи, члены и секретарь консисторіи и соборное духовенство.

— Я считаю для себя,—сказалъ секретарь консисторіи,—и казанской епархіи величайшимъ счастіемъ то обстоятельство, что Господь привелъ меня дожить до того времени, когда одинъ изъ питомцевъ общей нашей almae matris, т. е. здѣшней академіи, сдѣлался іерархомъ Казанской епархіи.

— Да,—отвѣчалъ владыка,—по милости Божіей, я первый изъ воспитанниковъ здѣшней академіи сдѣлался преемникомъ первосвятителя Гурія [3]) въ его апостольскомъ служеніи. Да поможетъ намъ Господь продолжить это служеніе ко благу здѣшняго края [4]).

---

[1]) „Ряз. Епарх. Вѣд.“, 1878 г., № 3.

[2]) Послужной списокъ митрополита Палладія.

[3]) Въ мірѣ Григорій Руготинъ, первый казанскій архіепископъ, р. около 1500 г., въ небогатой боярской семьѣ; † 1563 г., декабря 5-го. Мощи его обрѣтены около 1595 г.

[4]) „Прав. Собесѣд.“ 1882 г., стр. 187—190.

Въ рѣчи къ паствѣ, произнесенной 17-го октября, въ каѳедральномъ соборѣ, преосвященный желалъ, чтобы общественная дѣятельность прониклась истинною благоговѣйною любовью и преданностью къ Державному Благоустроителю и Верховному Вождю Отечества.

Вѣрный своимъ административнымъ распоряженіямъ, Палладій, какъ питомецъ Казанской духовной академіи, прежде всего обратилъ на нее вниманіе: расширилъ зданіе болѣе чѣмъ вдвое и настолько же увеличилъ комплектъ студентовъ; учредилъ при ней «Общество вспомоществованія бѣднымъ своекоштнымъ студентамъ», своимъ крупнымъ пожертвованіемъ положивъ основаніе фонду этого общества. Кромѣ того, онъ оживилъ академическій журналъ «Православный Собесѣдникъ», заново реформировалъ всю его редакціонную постановку, вложивъ отъ себя значительную сумму на улучшеніе журнала. Изъ своихъ же личныхъ средствъ Палладій назначилъ премію за сочиненіе о митрополитѣ Филаретѣ Московскомъ, и множество своихъ книгъ подарилъ академической библіотекѣ. Заботами Палладія при семинарскомъ попечительствѣ открыта ссудная касса для семинаристовъ, а при духовномъ училищѣ—попечительство [1]). При Чебоксарскомъ [2]) и Чистопольскомъ духовныхъ училищахъ, стараніями владыки, съ личными его пожертвованіями, заведены общежитія. Имъ же основаны пріюты при монастыряхъ; увеличено число церковныхъ и братства Св. Гурія школъ.

Ради улучшенія быта духовенства, значительно усилены епархіальныя попечительства и положено начало мѣстнымъ благочинническимъ попечительскимъ совѣтамъ; учреждены двѣ богадѣльни для духовенства—мужская и женская [3]).

Для дѣла же религіозно-нравственнаго развитія паствы, въ Казани, заведены воскресныя чтенія, при чемъ участвовать въ нихъ привлекались преподаватели духовныхъ учебныхъ заведеній; священникамъ, кромѣ того, внушалось открывать воскресныя собесѣдованія. Учреждены четыре миссіонерскія школы и благоустроена крещено-татарская школа. Далѣе, основанъ наблюдательный комитетъ для надзора за правильнымъ писаніемъ иконъ. Учрежденіе этого комитета явилось послѣдствіемъ обзора владыкою церквей и замѣченной имъ неудовлетворительности иконныхъ изображеній въ частныхъ домахъ [4]).

Во время управленія Казанскою епархіею, Палладій присутствовалъ при коронаціи Императора Александра III, при чемъ на его долю выпало счастіе привѣтствовать Государя рѣчью. Въ день коронаціи, 15-го

---

[1]) „Изв. по Казанск. епархіи“ 1887 г., № 22.

[2]) Тамъ же, № 4.

[3]) Высокопреосвящен. Палладій (къ 30-лѣтію служенія его въ святительскомъ санѣ“). Спб. 1896 г., стр. 21.

[4]) „Изв. по Казанск. епархіи“, 1885 г., № 21.

мая 1883 года, ему пожалована была панагія, украшенная драгоцѣнными камнями. Въ 1885 году Палладій былъ предсѣдателемъ съѣзда архіереевъ въ Казани, имѣвшаго цѣлью обсудить мѣры для борьбы съ раскольниками, сектантами, магометанами и язычниками въ поволжскихъ и сѣверо-восточныхъ губерніяхъ. Награжденный 20-го марта 1886 года за свои труды по съѣзду орденомъ Св. Александра Невскаго, Палладій, 29-го сентября того же года былъ назначенъ экзархомъ Грузіи.

V.

Прибытіе Палладія въ Тифлисъ.—Рѣчь его паствѣ.—Задачи, предложенныя съѣзду духовенства.—Церковно-приходскія школы.—Миссіонерская дѣятельность.—Устройство древле-хранилищъ.—Епархіальная церковно-археологическая коммиссія въ Сухумѣ.—Высочайшій рескриптъ.—Основаніе журнала „Духовный Вѣстникъ Грузинскаго экзархата".—Холера въ Тифлисѣ.—Назначеніе Палладія митрополитомъ С.-Петербургскимъ и Ладожскимъ.

18-го ноября преосвященный Палладій прибылъ въ Тифлисъ и былъ встрѣченъ съ большою церемоніею, при огромномъ стеченіи народа. Здѣсь ему предстояли усиленные труды по административному устройству и многимъ религіознымъ вопросамъ. Экзархатъ нуждался въ великомъ труженникѣ, неусыпномъ и зоркомъ дѣятелѣ. Закавказское духовенство не было на высотѣ своего призванія: оно весьма нерадиво относилось къ исполненію своихъ обязанностей и отличалась скудостію знаній, иногда даже и въ исполненіи самыхъ обыкновенныхъ требъ. Къ тому же на сектантовъ, молоканъ, скопцовъ, хлыстовъ и другихъ отщепенцевъ, во множествѣ населяющихъ Кавказъ, духовная власть не обращала особаго вниманія. Запустѣніе и разрушенность храмовъ, слабость населенія въ православіи и развитіе сектантства—все это требовало непрерывныхъ усилій и попеченій. Грузинскій экзархатъ заключаетъ въ себѣ обособленный край, въ которомъ пять епархій съ самымъ разнообразнымъ и разноплеменнымъ населеніемъ.

Первое архіерейское служеніе Палладій совершилъ, 21-го ноября, въ Сіонскомъ соборѣ, въ день Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы. Въ рѣчи своей онъ заявилъ, что несетъ со собою «Божье благословеніе, миръ Христовъ, любовь духовную и молитвенныя благожеланія».—«Я пришолъ къ тебѣ»,—говорилъ экзархъ:—«богодарованная новая паства моя, съ посохомъ пастыря, отца, учителя на дѣло святое, отъ Бога мнѣ врученное: да проповѣдую, возвѣщая вамъ спасеніе, назидая души ваши ученіемъ вѣры, надежды и любви, преподавая вамъ миръ и благословеніе».

Онъ просилъ духовенство быть ему помощниками, «чтобы общими силами доброе и полезное здѣсь поддержали, недоконченное довершили, несовершенное исправили». Познакомившись съ положеніемъ дѣлъ, Палладій прежде всего обратилъ вниманіе на дѣятельность «Общества возстановленія православія между горскими племенами». При его посредствѣ, преосвященный рѣшилъ предпринять слѣдующія мѣры: 1) поддержать и возстановить, насколько позволяютъ средства Общества, всѣ церкви, особенно знаменитыя своею древностью, зодчествомъ или религіозными преданіями, какъ живыя свидѣтельницы нѣкогда процвѣтавшихъ между горцами христіанства и византійскаго зодчества, не обходя и древнѣйшихъ храмовъ, въ большинствѣ разсѣянныхъ по горамъ, скалистымъ утесамъ Кавказа и ущельямъ. 2) Снабдить эти храмы подобающими ихъ достоинству утварью, богослужебными книгами и книгами религіозно-нравственнаго содержанія, доступными пониманію простаго народа. Книги послѣдняго разряда экзархъ предназначалъ для чтенія священникамъ, съ церковной каѳедры, послѣ богослуженій, вмѣсто поученій. 3) Совѣту Общества возстановленія православія на Кавказѣ предложено было учредить три миссіонерскіе поста въ тѣхъ мѣстахъ инородческаго и сектантскаго населенія, гдѣ сектантство особенно упрочилось и пустило глубокіе корни,—и 4) увеличить число школъ, состоящихъ въ вѣдѣніи Общества съ 25-ти по крайней мѣрѣ до 50-ти [1]).

Затѣмъ, по распоряженію архипастыря, въ началѣ 1889 года, въ зданіи тифлисской семинаріи состоялся экстренный съѣздъ епархіальнаго духовенства, для изысканія мѣръ къ поддержанію въ должномъ порядкѣ и благолѣпіи храмовъ, знаменитыхъ своею древностью, святынями, въ нихъ находящимися, зодчествомъ и историческими воспоминаніями. Для выполненія этой задачи, владыка, между прочимъ, внушалъ съѣзду, дабы священники приглашали прихожанъ къ пожертвованіямъ при каждомъ удобномъ случаѣ: напримѣръ, при погребеніи покойниковъ въ церковныхъ оградахъ, каковой обычай весьма развитъ на Кавказѣ. Для той же цѣли—пожертвованій—преосвященный Палладій высказывалъ желаніе образовать «особый комитетъ», съ исключительною обязанностью знакомить все русское общество съ нуждами Грузинской Церкви, ея дорогими священно-историческими мѣстностями и святынями, находящимися нынѣ «въ прискорбномъ, жалкомъ состояніи запустѣнія и развалинъ».—Далѣе, предметами обсужденія на съѣздѣ, по предложенію владыки, были: 1) Неупустительность совершенія богослуженій во всѣ воскресные и праздничные дни, ради привлеченія прихожанъ въ храмы Божіи и къ участію въ чтеніи и пѣніи, а также и къ непремѣнному исполненію ими христіанскаго долга исповѣди и Св. Прича-

[1]) „Церк. Вѣстн." 1888 г., № 8.

стія. 2) Пріученіе дѣтей въ церковно-приходскихъ школахъ къ церковному внятному чтенію. 3) Настоятельность въ собесѣдованіяхъ не только въ храмахъ, но и при всякомъ удобномъ случаѣ, какъ-то: при молебнахъ и освященіи домовъ. 4) Снабженіе и обезпеченіе бѣдныхъ церквей необходимыми и приличными утварью и ризницею. Для восполненія послѣдняго недостатка, любящимъ благолѣпіе дома Господня предлагалось за необходимыми церковными вещами обращаться не только въ складъ при Сіонскомъ соборѣ, гдѣ хранится все потребное при богослуженіяхъ, пріобрѣтенное Обществомъ, но и къ самому архипастырю, получившему изъ Россіи нѣсколько священническихъ облаченій и другихъ богослужебныхъ принадлежностей. 5) Установленіе въ церквахъ чтенія религіозно-нравственныхъ сочиненій; напримѣръ: житій святыхъ, а особенно мѣстно-чтимыхъ, съ приличными разсужденіями о приложеніи прочитаннаго къ жизни пасомыхъ. 6) Устройство при церквахъ библіотекъ, а на первыхъ порахъ хотя бы при каждомъ благочиніи. 7) Учрежденіе церковныхъ попечительствъ, при чемъ вмѣнялось въ обязанность духовенству избирать въ попечители лицъ, пользующихся извѣстнымъ вліяніемъ въ обществѣ, князей, дворянъ и др., склонныхъ къ благотворительности. 8) Изысканіе духовенствомъ способовъ къ распространенію св. иконъ въ домахъ среди сельскаго люда и къ ношенію крестовъ на груди, такъ какъ въ большинствѣ населенія вышло изъ обычая имѣть въ домахъ иконы и носить кресты. По личному заявленію одного священника экзарху, оказалось, что даже при св. крещеніи на крестимыхъ не возлагаются кресты, за неимѣніемъ ихъ. То же самое происходитъ и съ вѣнчальными кольцами, при совершеніи браковъ. 9) Неукоснительно-правильное и тщательное веденіе всѣхъ церковныхъ документовъ вообще, метрическихъ книгъ въ особенности, ибо владыкою замѣчена въ этомъ отношеніи крайняя, со стороны духовенства, небрежность и невнимательность. 10) Открытіе въ наивозможно большемъ числѣ церковно-приходскихъ школъ съ обязательнымъ въ обученіи дѣтей участіемъ священно-церковно-служителей, прошедшихъ полный богословскій курсъ, и дѣвицъ, кончившихъ курсъ ученья въ тифлисскомъ женскомъ епархіальномъ училищѣ. 11) Постройка новаго зданія при тифлисской семинаріи для параллельныхъ классовъ, на что, по смѣтѣ архитектора, требовались до 40 тыс. рублей. 12) Увеличеніе дѣятельности свѣчнаго тифлисскаго завода и самаго сбыта церковныхъ свѣчъ, въ видахъ умноженія средствъ къ удовлетворенію различныхъ нуждъ экзархата и улучшенія быта духовно-учебныхъ заведеній. По этому предмету экзархъ поставилъ съѣзду въ обязанность выработать такія условія, чтобы не только всѣ епархіи экзархата обращались за свѣчами въ Тифлисскій заводъ, но и духовенство войсковыхъ частей,

расположенныхъ на Кавказѣ. 13) Ревизія свѣчнаго завода, и 14) Изданіе, при тифлисской семинаріи, журнала—органа Грузинскаго экзархата.

Съѣздъ духовенства отнесся ко всѣмъ, предложеннымъ экзархомъ, мѣропріятіямъ съ полнымъ сочувствіемъ и рѣшилъ принять всевозможныя мѣры къ постепенному ихъ осуществленію [1]).

Независимо отъ приведенныхъ, разсмотрѣнныхъ уже предложеній экзарха, представители духовенства постановили: въ одномъ изъ ближайшихъ съѣздовъ имѣть сужденіе еще о слѣдующихъ предложеніяхъ владыки: а) о пріобрѣтеніи зданія подъ церковно-грузинскій музей; б) о преобразованіи женскаго епархіальнаго училища изъ трехкласснаго въ шестиклассное и в) объ учрежденіи эмеритальной кассы.

Таковы были первыя дѣйствія преосвященнаго Палладія по управленію экзархатомъ. Большинство изъ этихъ мѣропріятій завершено еще въ бытность владыки на Кавказѣ. Въ особенности экзархомъ обращалось вниманіе на распространеніе просвѣщенія въ ввѣренной его попеченію паствѣ. Такъ, при прибытіи его на Кавказъ, всѣхъ церковно-приходскихъ школъ въ экзархатѣ существовало только 25-ть; въ его же управленіе число ихъ достигало болѣе ста. Церковно-приходскія школы заводились вездѣ, даже и въ самыхъ захолустныхъ мѣстахъ. Равнымъ образомъ, владыка, въ видахъ подготовленія добрыхъ и просвѣщенныхъ пастырей, всемѣрно старался, дабы воспитанники тифлисской семинаріи преимущественно посвящали себя духовному званію.

Заботы о подъемѣ уровня всеобщаго образованія въ духѣ православія не ограничивались личными мѣстными распоряженіями преосвященнаго; онъ не останавливался, для осуществленія предпріятій въ этомъ направленіи, ни предъ какими законными путями. По его ходатайству, для церковно-приходскихъ школъ экзархата отпущено было, на первое трехлѣтіе, изъ губернскихъ земскихъ повинностей Закавказья до 29.700 р. [2]).

Съ увеличеніемъ числа церковно-приходскихъ школъ, миссіонерское дѣло на Кавказѣ значительно подвинулось впередъ: мусульмане начали отдавать дѣтей своихъ въ приходскія школы, предпочитая ихъ своимъ школамъ.

Кромѣ того, Палладій поручилъ одному изъ миссіонеровъ приглядѣться, нѣтъ ли въ мѣстныхъ мусульманскихъ и грузинскихъ селеніяхъ какихъ-либо древнихъ христіанскихъ храмовъ, находящихся въ упадкѣ, но особенно почитаемыхъ народомъ. Если есть, то миссіонеръ обязывался доводить до свѣдѣнія экзарха, какъ отнеслись бы жители къ возстановленію подобныхъ храмовъ. По полученіи свѣдѣній о склонности

[1]) „Церковн. Вѣстн.“, 1888 г., № 12.

[2]) „Къ 30-ти-лѣтію служенія митрополита Палладія въ святител. санѣ“, 1896 г.

туземцевъ къ такому возстановленію, тотчасъ же отпускались суммы и заводились приходы; для молоканъ устраивались молитвенные дома, въ которыхъ каждый воскресный и праздничный день происходила служба и, по окончаніи ея, поученія въ духѣ православія. Жаждавшихъ поученія оказалось такъ много, что Палладій, на собственныя средства, расширилъ молитвенный домъ, устроилъ при немъ библіотеку, а потомъ на этомъ мѣстѣ возникла и церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы.

Для сохраненія памятниковъ нѣкогда процвѣтавшаго, со временъ апостольскихъ, православія на Кавказѣ, экзархомъ учреждено было при братствѣ Пресвятыя Богородицы древлехранилище, куда бы собирались, для сбереженія отъ разрушенія временемъ, расхищенія и уничтоженія невѣждами, предметы древности. Такъ, по учрежденіи древлехранилища, изъ Мцхетскаго собора, съ согласія причта и прихожанъ, взяты были: до 53 пергаментныхъ изданій, восходящихъ до IX вѣка; множество рукописей, персидскихъ и турецкихъ грамотъ; часть древнѣйшей колонны иконостаса, изъ кедроваго дерева, изящной работы, уцѣлѣвшей, по преданію, отъ временъ перваго Грузинскаго христіанскаго царя Миріама, выстроившаго въ Мцхетѣ деревянную церковь на мѣстѣ сокрытія хитона Господня, и, наконецъ, металлическій сосудъ для храненія мура, нѣкогда варившагося въ соборѣ патріархами-католикосами Грузіи [1]). Точно также въ Сухумѣ открыта была епархіальная церковно-археологическая коммиссія. Цѣль ея: всесторонне изученіе прошедшей жизни мѣстной Церкви, съ первыхъ вѣковъ христіанства до ближайшихъ дней,—во всѣхъ ея проявленіяхъ (т. е. возникновеніе христіанства въ Абхазіи, Самурзакани, Черноморскомъ побережьи включительно до г. Анапы; жизнь клира и мірянъ; ростъ Церкви и ея упадокъ; уклоненія въ магометанство, язычество, расколъ и сектантство и пр.) [2]).

Для большаго ознакомленія съ частями, подвѣдомственными Грузинскому экзархату, владыка, какъ и вездѣ дѣлалъ, счелъ за необходимое самъ лично обозрѣть ихъ. Послѣдствіемъ обзора экзархата явилось возобновленіе множества древнихъ храмовъ и устроеніе новыхъ. Неустанное церковностроительство длилось во все время служенія дѣятельнаго святителя на Грузинской каѳедрѣ. Изъ числа множества обновленныхъ, возстановленныхъ храмовъ упомянемъ лишь о главнѣйшихъ, таковы: Бодбійскій соборъ, съ учрежденнымъ при немъ, по опредѣленію Святѣйшаго Синода [31-го янв. (8-го февр.) 1889 г.], согласно представленію экзарха, женскимъ монастыремъ; Телавскій, Мцхетскій,

---

[1]) „Д. В. Груз. экзархата“ 1892 г., № 11.
[2]) Тамъ же, № 18.

Тигвскій; храмы—Никозскій въ Карталиніи, Самтавійскій—въ Сванетіи, Икортскій-Архангельскій—въ Гори, Курмухскій и многіе другіе. И все это совершалось при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ въ отношеніи денежномъ, при весьма скудныхъ, скорѣе совсѣмъ ничтожныхъ, пожертвованіяхъ со стороны мѣстнаго населенія. Много, въ данномъ случаѣ, оказало услугъ Общество возстановленія христіанства на Кавказѣ и совершенно стороннія приношенія.

Труды Палладія по возстановленію и распространенію православія въ краѣ не остались незамѣченными и, при посѣщеніи Кавказа Императоромъ Александромъ III, преосвященный, 25-го декабря 1888 года, удостоился слѣдующаго рескрипта: «Преосвященный экзархъ Грузіи, архіепископъ Карталинскій и Кахетинскій Палладій. Послѣ продолжительнаго служенія во внутреннихъ епархіяхъ Россіи, бывъ призваны къ управленію церковными дѣлами Кавказскаго и Закавказскаго края, при обстоятельствахъ, требовавшихъ особенной попечительности, вы въ желаемой мѣрѣ оправдываете это высшее и многотрудное назначеніе. При посѣщеніи въ текущемъ году Кавказа, Я могъ удостовѣриться, что архипастырское дѣйствованіе ваше, проникнутое духомъ мира и любви, и здѣсь, какъ въ прежнихъ мѣстахъ вашего служенія, успѣло снискать вамъ уваженіе и сыновнюю преданность разноплеменной паствы. Ревность ваша о духовныхъ ея нуждахъ и о преуспѣяніи многоразличныхъ учрежденій въ краѣ соединяется съ пастырскимъ попеченіемъ о благолѣпіи и благочиніи церковномъ и съ просвѣщенной заботливостью о сохраненіи и поддержаніи священныхъ памятниковъ христіанской древности, коими такъ обильна искони православная Грузія. Въ ознаменованіе Моего вниманія къ достойной и полезной дѣятельности вашей Всемилостивѣйше жалую вамъ, препровождаемый при семъ, брилліантовый крестъ для ношенія на клобукѣ».

Въ приведенномъ рескриптѣ говорится о снисканномъ святителемъ отъ ввѣренной ему паствы уваженіи и сыновней преданности.

Царскія слова выражаютъ полную дѣйствительность. Экзархъ въ короткое время такъ успѣлъ покорить своему вліянію еще недавно волновавшуюся паству, доходившую до совершенной озлобленности противъ духовенства и его главнаго начальника, что открытая вражда смѣнилась кроткимъ миролюбіемъ, разнузданность—покорностью, отчужденіе—стремленіемъ сблизиться съ архипастыремъ. Свидѣтельствомъ такого счастливаго оборота можетъ служить адресъ грузинскаго дворянства (отъ 28-го января 1888 г., въ день ангела экзарха), поднесенный преосвященному еще въ первую годину его пребыванія на Кавказѣ. Напомнивъ владыкѣ первыя его слова мира и любви, сказанныя при вступленіи на Грузинскую каѳедру, дворяне просили преосвященнаго сбли-

зиться съ ними, узнать ихъ нужды и снисходительно относиться къ немощамъ и недостаткамъ, и исправлять ихъ присущимъ ему духомъ кротости. Съ своей же стороны, «мы, грузинское дворянство», говорится въ адресѣ, «станемъ исполнять свято ваши архипастырскія указанія и наставленія, такъ какъ глубоко убѣждены, что они будутъ клониться къ духовнымъ потребностямъ и общему нашему благу и счастію» [1]).

На другой же годъ, тоже въ день ангела святителя, паства поднесла своему архипастырю адресъ совершенно инаго содержанія. Въ немъ уже ясно выражается любовь и благодарность къ экзарху, и, при томъ, не отъ малой кучки пасомыхъ извѣстнаго сословія, а отъ лица всего Грузинскаго экзархата. Адресъ этотъ покрытъ множествомъ подписей (до 2.000). Въ числѣ подписавшихся находятся: главный священникъ войскъ Кавказскаго округа, епископы экзархата, настоятели монастырей, священники, дьяконы, псаломщики, причетники, церковные старосты, предводители дворянства, именитые князья, различныхъ чиновъ, отъ полныхъ генераловъ до прапорщиковъ, военные; директоры, инспекторы, смотрители, учители различныхъ учебныхъ заведеній, купцы, чины гражданскаго и судебнаго вѣдомства, неслужащіе дворяне [2]).

Содержаніе адреса слѣдующее [3]):

«Ваше высокопреосвященство, милостивѣйшій архипастырь и отецъ!

«Ваше, хотя кратковременное, но въ высшей степени плодотворное, служеніе въ богодарованной вамъ грузинской паствѣ успѣло уже сдѣлать такіе глубокіе слѣды въ сердцахъ искренно почитающихъ васъ пасомыхъ, что они пребудутъ и останутся, доколѣ жить будетъ Грузинскій народъ. Память о васъ въ Грузинскомъ народѣ будетъ такъ же вѣчна, какъ вѣчна сама любовь, которою вы предварили ваше святительское служеніе, продолжаете и, уповаемъ, будете продолжать ко благу, душеспасенію и благоденствію вашихъ пасомыхъ. Съ любовію, миромъ и благословеніемъ вступили вы, какъ истинный пастырь, на вашу паству—и такою же любовію, такимъ же миромъ и благословеніемъ отозвались на ваши глубоко-искреннія чувства благодарности сердца грузинъ. Чувство чувствомъ вызывается, и вы на дѣлѣ доказали глубокое пониманіе этой истины. Вы полюбили народъ, и онъ,

---

[1]) „Церк. Вѣст.“ 1889 г., № 4.

[2]) Адресъ напечатанъ, въ два столбца, по-русски и по-грузински, на четырехъ страницахъ пергаментовиднаго листа, формата обыкновенной писчей бумаги, съ 19-ю страницами подписей, и переплетенъ въ темнолиловый каленкоръ съ золотымъ тисненіемъ.

[3]) Приводимый текстъ списанъ съ адреса-подлинника, хранящагося у сына усопшаго святителя, дѣйст. стат. совѣт. Н. О. Раева, директора высшихъ женскихъ курсовъ.

благословляемый вами, полюбилъ васъ. Вы неустанно заботитесь о его религіозно-нравственномъ преуспѣяніи, и онъ не перестаетъ возносить Всевышнему горячія молитвы о долгоденственномъ и благоденственномъ житіи вашемъ ко благу Церкви и Отечества. Народъ всегда любитъ любящихъ его. Любовь вѣнецъ совершенства, все объединяетъ въ союзѣ мира, милосердствуетъ, всему вѣру имѣетъ и все терпитъ. Любящее сердце ваше научило васъ угадать истинныя нужды, опредѣлить настоящіе недостатки духовно-руководимаго вами народа, а многоопытный умъ вашъ указуетъ вамъ вѣрныя средства къ удовлетворенію первыхъ и уврачеванію послѣднихъ. «Недостаточное докончить, несовершенное совершить»: — апостольскія сіи слова вы поставили правиломъ святительской своей дѣятельности съ перваго же дня вашего служенія въ нашей Иверіи,—и, дѣйствительно, съ неизмѣнною послѣдовательностью остаетесь вѣрными этимъ священнымъ словамъ апостола. И вотъ плоды вашего мудраго святительскаго служенія уже замѣтно сказываются во всѣхъ видахъ религіозно-нравственной жизни вашей обширной и многочисленной паствы. Возобновленіе древнихъ знаменитыхъ храмовъ, украшеніе новыхъ, постоянная заботливость о благочиніи и благолѣпіи церковнаго служенія, призывъ всего духовенства экзархата къ дружной и единодушной борьбѣ съ суевѣріями и предразсудками народа, къ назиданію, утвержденію и согрѣванію дѣятельной вѣры въ насомыхъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, страдающихъ религіознымъ индифферентизмомъ, къ поднятію христіанской нравственности въ массѣ, неустанная попечительность объ улучшеніи матеріальнаго быта служителей алтаря Господня, зоркое наблюденіе за успѣшнымъ ходомъ учебно-воспитательнаго дѣла въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ; усиленное стараніе объ умноженіи церковно-приходскихъ школъ и попечительствъ въ экзархатѣ,— все это лишь краткія указанія изъ вашей многосложной и разнообразной дѣятельности, проникнутой многими и многими еще благими предначертаніями и намѣреніями къ улучшенію и усовершенствованію быта и состоянія вашей паствы и къ возможно полному осуществленію намѣченной вами себѣ высокой задачи: недоконченное докончить и несовершенное исправить.

«Ваша высоконравственная жизнь, при вашемъ глубоковѣрующемъ сердцѣ и высокопросвѣщенномъ умѣ, съ высоты занимаемаго вами важнаго поста горитъ и свѣтитъ, какъ свѣтильникъ, по выраженію Св. Писанія, поставленный на свѣщницѣ, надъ всѣмъ экзархатомъ, подкрѣпляя живымъ примѣромъ вѣрующихъ и благочестивыхъ въ вѣрѣ и благочестіи и направляя невѣрующихъ и заблуждающихся на путь Евангельской паствы. А дѣйствіе вашихъ глубоконазидательныхъ словъ и по-

ученій, дышащихъ горячею любовію, искренней вѣрою и задушевной убѣдительностью, поистинѣ неизмѣримо своею внутреннею силою.

«Распространяя повсюду вокругъ себя миръ, любовь и благословеніе, вы одинаково расположили къ себѣ всѣ слои населенія Грузіи, всѣ классы и сословія Грузинскаго народа, начиная съ высшихъ, кончая низшими, не говоря уже о безпредѣльной преданности и признательности къ вамъ духовенства. Такое всеобщее уваженіе, довѣріе и любовь всего населенія экзархата **все растетъ и усиливается**, служа прочнымъ залогомъ искреннихъ взаимныхъ отношеній между нами и вами.

«Столь доблестное и достойное служеніе ваше въ издревле православной Грузіи обратило на себя Всемилостивѣйшее вниманіе и Благочестивѣйшаго Монарха нашего и Самодержца Русскаго, сердце котораго въ рукѣ Божіей, и засвидѣтельствовано имъ Высочайшимъ пожалованіемъ вашему высокопреосвященству брилліантоваго креста на клобукъ, при благоволительномъ для васъ и всѣхъ вашихъ насомыхъ рескриптѣ.

«Благостнѣйшій архипастырь! Грузинскій народъ, во времена давноминувшія, имѣлъ прекрасное обыкновеніе наиболѣе любимымъ и уважаемымъ своимъ первосвятителямъ подносить архипастырскій **жезлъ**, какъ вещественный знакъ своего глубокаго уваженія и преданности къ намъ. По примѣру благочестивыхъ предковъ своихъ, милостивѣйшій архипастырь-отецъ, позвольте и намъ, отъ имени пастырей и пасомыхъ экзархата, поднесть и вамъ святительскій посохъ [1]). Прими, владыка святый, сей вещественный жезлъ, какъ символъ жезла духовнаго, какъ залогъ навсегда непоколебимой связи между вами и вашею паствою и и въ знакъ глубочайшаго почитанія и искренняго уваженія.

«Пречистая Матерь Божія, священный удѣлъ который есть Грузія, да будетъ вамъ—молимъ усердно—покровомъ, заступленіемъ, спасеніемъ и помощью въ архипастырскихъ трудахъ и подвигахъ вашихъ во вся дни житія вашего къ истинному благу и духовному процвѣтанію страны нашей».

Чему иному приписать такой оборотъ въ отношеніяхъ паствы къ своему архипастырю, какъ только его знанію человѣческаго сердца, опытности въ наукѣ жизни и прирожденнымъ способностямъ административнымъ, основаннымъ на дѣйствованіи въ духѣ миролюбія безъ послабленія, кротости безъ унизительныхъ для власти уступокъ и стремленіи положить душу свою на пользу государственную «за люди своя», для ихъ блага.

Съ подчиненнымъ духовенствомъ экзархъ обращался кротко, но вразумительно; не крутыми мѣрами старался его исправить, но отеческими наставленіями, совѣтами, убѣжденіями. Провинившихся по неразумію и

[1]) Посохъ этотъ нынѣ хранится въ ризницѣ Александро-Невской Лавры.

недомыслію; власть имущихъ, но употреблявшихъ ее неумѣло,—архипастырь не изгонялъ съ безпощадною неумолимостію, но назначалъ на должности соотвѣтственно способностямъ и развитію. И духовенство, съ своей стороны, оживилось въ его управленіе экзархатомъ, поднялось духомъ, приложило всѣ старанія оправдать отеческія о немъ заботы архипастыря, что̀ и выразилось въ рѣчи одного изъ представителей духовенства, 21-го декабря 1891 года, по случаю двадцатипяти-лѣтія святительства преосвященнаго. «Духъ мира и любви, присущій вашему высокопреосвященству, началъ свѣтиться во всѣхъ сторонахъ нашей церковной жизни съ тѣхъ поръ, какъ грузинская паства впервые услышала отъ вашихъ священныхъ устъ привѣтствіе съ миромъ и благословеніемъ. Съ тѣхъ поръ миръ и братское единеніе устанавливаются среди большинства грузинскаго духовенства; миръ и тишина устанавливаются среди учащихся въ мирѣ и съ любовію; подъ мудрымъ вашимъ руководствомъ, созидаются, украшаются и обогащаются св. храмы Божіи... Духовенство съ любовію и невоздыхающе слѣдуетъ вашему опытному водительству и старается быть неукоснительнымъ исполнителемъ всѣхъ вашихъ предначертаній на пользу Церкви и Государства» [1]).

Дѣятельность Палладія обращала на себя все большее и большее вниманіе, и, 25-го мая 1892 года, ему были пожалованы брилліантовые знаки Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго.

Годъ пожалованія былъ послѣднимъ годомъ пребыванія Палладія на Грузинской каѳедрѣ. Ранѣе же сего, святитель успѣлъ осуществить, для блага Грузинскаго экзархата, одно изъ своихъ желанныхъ предначертаній, намѣченныхъ еще тотчасъ же по пріѣздѣ на Кавказъ: это—изданіе самостоятельнаго журнала «Духовнаго Вѣстника Грузинскаго экзархата». До него ничего подобнаго не существовало, хотя и обнаруживались въ этомъ направленіи кое-какія попытки. Такъ, въ 60-тыхъ годахъ, протоіерей Г. Хелидзе предпринялъ изданіе журнала «Духовный Вѣстникъ», а въ послѣднемъ десятилѣтіи другой протоіерей, Д. Гамбашидзе, началъ печатаніе журналовъ «Мцкемси» — на грузинскомъ языкѣ и «Пастыря»—на русскомъ; но «Духовный Вѣстникъ» Хелидзе, по своему слишкомъ научному содержанію, не отвѣчалъ запросамъ времени, а потому, не имѣя поддержки, къ прискорбію многихъ, долженъ былъ прекратиться. Большую распространенность получили журналы протоіерея Гамбашидзе, но какъ издающіеся не въ Тифлисѣ, а въ мѣст. Квирилы, Кутаисской губерніи, не въ состояніи были служить съ особенною пользою требованіямъ экзархата. По этой причинѣ, для восполненія въ данномъ отношеніи пробѣла, преосвященный Палладій вошелъ съ хо-

[1]) „Д. В. Гр. экз." 1892 г., № 23.

датайствомъ въ Св. Синодъ о разрѣшеніи издавать въ Тифлисѣ журналъ «Духовный Вѣстникъ Грузинскаго экзархата», согласно представленной программѣ. Ходатайство владыки Синодъ уважилъ, и съ 1891 года журналъ началъ выходить, сдѣлавшись какъ бы оффиціальною газетою экзархата.

Въ 1-й половинѣ 1892 года на Кавказѣ появилась холера, проникшая и въ Тифлисъ съ его окрестностями.

Не покидая города и отказавшись отъ переѣзда на дачу, Палладій проявилъ при этомъ особую дѣятельность по успокоенію населенія. По его распоряженію, на церковной землѣ устраивались холерные бараки, совершались крестные ходы и говорились проповѣди для ободренія упавшихъ духомъ.

«Ни наши тропическіе жары»,—писалось тогда въ «Тифлискомъ Листкѣ»,—«ни слишкомъ многотрудныя обязанности, свыше возложенныя на его высокопреосвященство, не останавливаютъ его на пути сердечной заботливости о народонаселеніи. Учащенныя богослуженія, крестные ходы съ личнымъ его участіемъ, частныя бесѣды и совѣщанія, и всегда для всѣхъ отпертая дверь» владыки «располагаютъ паству, переполняютъ сердца ея уваженіемъ къ своему духовному отцу и окружаютъ личность его высокопреосвященства всеобщею любовію».

Не довольствуясь всѣмъ приведеннымъ, экзархъ посѣщалъ больныхъ, безъ различія вѣроисповѣданія, забирался въ жилища мусульманъ, всюду оказывая помощь нравственную и вещественную.

Въ бытность же экзархомъ, владыка состоялъ: съ утвержденія Государыни Императрицы, почетнымъ членомъ Кавказскаго окружнаго правленія Общества спасанія на водахъ, и, затѣмъ, почетнымъ членомъ Археологическаго института [1]).

Въ октябрѣ 1892 года скончался въ Петербургѣ 93-хъ-лѣтній митрополитъ Исидоръ, а 18-го октября, Высочайшимъ указомъ Синоду, Палладій былъ назначенъ митрополитомъ С.-Петербургскимъ и Ладожскимъ и первенствующимъ членомъ Синода. Въ тотъ же день послѣдовалъ на его имя нижеслѣдующій Высочайшій рескриптъ Императора Александра III:

«Преосвященный митрополитъ Исидоръ, болѣе полувѣка потрудившійся въ святительскомъ санѣ во благо Св. Церкви, волею Всевышняго преставился. Въ заботливомъ попеченіи объ избраніи ему достойнаго преемника, Я обратилъ вниманіе на ваше многолѣтнее, столь для отечественной Церкви полезное архипастырское служеніе въ духѣ мира и любви, исполненное заботъ о благолѣпіи и благочиніи церковномъ, и посему нашелъ справедливымъ призвать васъ на каѳедру царствующаго града С.-Петербурга, съ возведеніемъ въ санъ митрополита и въ званіе

[1]) Послужной списокъ покойнаго митрополита.

*

первенствующаго члена Св. Синода. Твердо уповаю, что и въ семъ новомъ служеніи вы не престанете съ прежнею ревностію трудиться на пользу Церкви Россійской и приложете особое архипастырское попеченіе объ утвержденіи чадъ Петербургской паствы въ истинахъ православной вѣры и христіанской нравственности, непрестанными заботами о учительствѣ въ церкви и школѣ и о благолѣпіи церковныхъ служеній. Да поможетъ вамъ Всевышній своею благодатію въ предстоящемъ вамъ служеніи».

П. Вышеславцевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бурбоны въ изгнаніи въ Митавѣ и въ Варшавѣ.

XIII [1]).

Покровители королевской семьи.—Обмѣнъ писемъ между Людовикомъ XVIII и Бонапартомъ.—Окружное посланіе къ епископамъ.—Переговоры съ королемъ.—Проектъ отреченія отъ престола.—Планы интригъ.—О польской коронѣ.—Донесеніе варшавскаго шпіона.—Разговоръ съ президентомъ города Варшавы Майеромъ.

Милостивое отношеніе императора Александра I-го къ Бурбонамъ подало Людовику XVIII мысль обратиться къ государю вторично при посредствѣ герцога Серра Капріола съ просьбою о денежномъ вспомоществованіи. Просьбу короля поддержалъ этотъ разъ графъ Панинъ; его хлопоты увѣнчались успѣхомъ; императоръ повелѣлъ, по его ходатайству, возобновить выдачу королю пенсіи [2]) и кромѣ того отдалъ снова въ распоряженіе изгнанниковъ митавскій замокъ и хотѣлъ даже выхлопотать имъ отъ французскаго правительства вознагражденіе за конфискованное республиканскимъ правительствомъ имущество королевской семьи.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль 1900 г.

[2]) Объ этомъ былъ данъ слѣдующій указъ:

„Нашему дѣйствительному тайному совѣтнику и государственному казначею барону Васильеву.

Недоданныя за сентябрскую треть прошедшаго 1800 года находившемуся здѣсь при дворѣ министру короля французскаго графу Караману тысячу рублей серебромъ, дозволяя ему выдать, повелѣваемъ въ то же время и удержанные у короля французскаго на содержаніе его съ фамиліею и принадлежащими ему людьми 200 тыс. руб. ассигнаціями на сей годъ ему возобновить. Александръ. Марта 22-го дня 1801 г. С.-Петербургѣ“. Ред.

Людовикъ XVIII разъяснилъ въ письмѣ къ герцогу Серра Капріола, что эти земли не составляли наслѣдственной собственности королевской семьи, а принадлежали казнѣ, и что, вообще, принять какую бы то ни было помощь отъ консула Бонапарта было бы для него унизительно съ точки зрѣнія его легитимистскихъ принциповъ, и онъ никогда на это не согласится. Въ виду этого заявленія, императоръ Александръ повелѣлъ своимъ посланникамъ въ Вѣнѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и Неаполѣ войти къ правительствамъ, при которыхъ они были аккредитованы, съ представленіемъ о необходимости ассигновать сообща ежегодную пенсію «графу де-Лилль». Но этотъ шагъ не привелъ къ желаемому результату. Австрійскій императоръ обѣщалъ присылать съ этой цѣлью 50.000 флориновъ ежегодно, начиная съ 1-го іюля 1802 г., но ограничился однимъ обѣщаніемъ.

Англія отговорилась невозможностью обременить казну новыми субсидіями, такъ какъ она уже выдавала пособія графу д'Артуа, герцогу Ангулемскому, де-Берри, принцамъ Орлеанскимъ, Конде и прочимъ Бурбонамъ. Испанія отвѣтила то же, сославшись на ежегодную пенсію въ 330.000 ливровъ, которую она выдавала Бурбонамъ съ 1794 года.

Прусское правительство велѣло Гаугвицу дать русскому посланнику въ Берлинѣ уклончивый отвѣтъ.

Вопреки ожиданію, наибольшую готовность принять участіе въ этомъ дѣлѣ выказалъ французскій посланникъ въ Берлинѣ, генералъ Бернонвиль; несмотря на то, что къ нему никто не обращался съ просьбою, онъ заявилъ, что консулъ Бонапартъ былъ бы готовъ назначить изгнанникамъ-Бурбонамъ соотвѣтствующее ихъ званію содержаніе, если бы съ ихъ стороны былъ сдѣланъ надлежащій шагъ для признанія существующаго во Франціи новаго порядка вещей. Это извѣстіе подтвердилось донесеніемъ графа Маркова изъ Парижа, отъ 4-го іюля 1802 г., который высказалъ между прочимъ мысль, что это предложеніе сдѣлано первымъ консуломъ изъ желанія унизить въ глазахъ Франціи величіе королевскаго сана и лишить его того обаянія, которое придавала ему въ глазахъ народа настойчивость, съ какою Людовикъ XVIII отстаивалъ свои династическія традиціи. Прочитавъ донесеніе Маркова, императоръ Александръ отказался отъ своего намѣренія содѣйствовать сближенію перваго консула съ варшавскимъ изгнанникомъ [1]).

Бонапартъ и Людовикъ XVIII сдѣлали еще въ предъидущемъ году попытку вступить въ сношенія и обмѣнялись письмами.

---

[1]) Après avoir pris connaissance de cette lettre, l'empereur Alexandre fut édifié sur les mobiles, auxquelles, en cette circonstance, obéissait Bonaparte, et il renonça à ses desseins. (Прочитавъ это письмо, императоръ Александръ понялъ побужденія, коими руководствовался въ этомъ случаѣ Бонапартъ, и отказался отъ своего намѣренія).

Людовикъ XVIII, считая себя одного законнымъ монархомъ Франціи, предложилъ консулу Бонапарту, въ сентябрѣ 1800 г., свое содѣйствіе, если онъ согласится возвратить Бурбонамъ французскій престолъ и удовлетворится ролью правителя государства и блюстителя общественнаго порядка. Не получивъ отъ Бонапарта никакого отвѣта на письмо, посланное изъ Митавы, претендентъ написалъ ему вторично, восхваляя, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, геній перваго консула; но онъ напрасно льстилъ себя надеждою, что эти слова произведутъ на Наполеона ожидаемое впечатлѣніе.

«Я давно уже питаю къ вамъ, генералъ, глубокое уваженіе,—писалъ король...—что касается моихъ принциповъ, то я французъ, я не доступенъ мстительности. Разумъ повелѣваетъ мнѣ быть добрымъ и снисходительнымъ.

«Побѣдитель при Лоди, Кастиліоне и Арколѣ, завоеватель Италіи и Египта не пренебрежетъ славой ради пустой молвы.

«Не теряйте дорогаго времени! Дѣйствуя вмѣстѣ, мы могли бы обезпечить благоденствіе Франціи. Я говорю м ы потому, что мнѣ нужны услуги Бонапарта, а онъ безъ меня ничего не можетъ сдѣлать!

«Генералъ! На васъ обращены взоры Европы! Васъ ожидаютъ побѣды, я же горю нетерпѣніемъ обезпечить моему народу спокойствіе.

Людовикъ».

Съ нетерпѣніемъ ожидая отвѣта, король строилъ въ своемъ умѣ воздушные замки относительно того, какимъ путемъ онъ могъ бы придти къ соглашенію съ побѣдителемъ-корсиканцемъ; онъ предлагалъ ему Бельгію, графство Ницское или какое-нибудь обширное владѣніе въ Америкѣ... съ условіемъ, чтобы онъ отказался въ его пользу отъ власти, которую король хотѣлъ передать своимъ преемникамъ неприкосновенною.

Наконецъ получился давно ожидаемый отвѣтъ перваго консула; его содержаніе разбило въ прахъ всѣ фантастическіе планы короля.

«Я получилъ ваше письмо, Monsieur,—писалъ Бонапартъ,—благодарю васъ за выраженныя въ немъ лестныя для меня чувства.

«Я горячо желаю блага отечества. Я не могу быть равнодушнымъ къ несчастью, постигшему вашу семью, и мнѣ всегда будетъ пріятно слышать, что вы не нуждаетесь ни въ чемъ, что только можетъ доставить вамъ покой въ вашемъ уединеніи. Бонапартъ».

Король нашелъ содержаніе этого письма въ высшей степени оскорбительнымъ. Убѣдившись въ томъ, что съ этой стороны не на что было разсчитывать, онъ обнародовалъ окружное посланіе къ французскимъ епископамъ, напомнивъ французскому духовенству его обязанности по отношенію къ династіи Бурбоновъ, которыя не могли быть нарушены конкордатомъ, заключеннымъ апостольской столицею съ первымъ кон-

суломъ, такъ какъ духовенство должно было остаться преданнымъ законному монарху.

Когда кардиналъ Мори донесъ Людовику XVIII, что его святѣйшество, папа Пій VII, былъ непріятно пораженъ этимъ окружнымъ посланіемъ, то король долженъ былъ признать, что надежды, которыя онъ возлагалъ на поддержку католической церкви, оказались обманчивы; когда же, въ довершеніе всего, онъ прочелъ въ газетахъ описаніе торжественной мессы (обѣдни), отслуженной въ соборѣ Богоматери (Notre Dame), чтобы испросить благословеніе Божіе на республику и ея перваго консула, то король-изгнанникъ почувствовалъ, что этотъ разъ корона св. Людовика слетѣла съ головы Капетовъ надолго, если не навсегда.

Въ исходѣ 1802 г. прусское правительство вздумало возобновить попытку завести переговоры между Людовикомъ XVIII и Бонапартомъ, въ надеждѣ, что этотъ шагъ оправдаетъ до нѣкоторой степени гостепріимство; оказанное Бурбонамъ въ Варшавѣ, и будетъ свидѣтельствовать о желаніи Пруссіи устранить единственную помѣху, которую Бонапартъ видѣлъ на своемъ пути къ упроченію власти, въ особѣ упорнаго представителя древней королевской власти [1]).

Трудно прослѣдить всѣ перипетіи закулисныхъ интригъ, которыя велись въ то время съ вѣдома или безъ вѣдома и согласія варшавскаго изгнанника, съ цѣлью противодѣйствовать дальнѣйшимъ честолюбивымъ замысламъ перваго консула. Несомнѣнно одно, что всѣ сношенія, происходившія въ началѣ 1803 г. между Франціей и Пруссіей, вертѣлись около того, какъ бы привлечь Людовика XVIII на сторону Бонапарта, сдѣлавъ ему съ этой цѣлью какія-либо важныя уступки.

Любопытныя свѣдѣнія объ этомъ находятся въ запискахъ неизвѣстнаго автора, которыя были изданы въ 1834 г. въ тринадцати томахъ, подъ заглавіемъ: «Mémoires tirés des papiers d'un homme d'état» [2]).

---

[1]) On poursuivait à Berlin la réalisation du plan abandonné par l'empereur de Russie. Il est même permis de supposer, que, soit pour se rendre agréable au premier consul, soit pour se faire pardonner l'hospitalité qu'à la demande de sa femme il n'osait refuser au comte de Lille, le roi de Prusse avait pris envers le gouvernement français l'engagement de s'employer pour arracher à Louis XVIII la renonciation à ses droits (Daudet, „Les Bourbons").

Переводъ. Въ Берлинѣ продолжали работать надъ осуществленіемъ плана, оставленнаго русскимъ императоромъ. Можно даже предположить, что король прусскій, желая сдѣлать пріятное первому консулу или желая заслужить извиненіе за гостепріимство, въ которомъ онъ не могъ отказать графу де-Лилль, по просьбѣ своей супруги, принялъ по отношенію къ французскому правительству обязательство сдѣлать все возможное, чтобы заставить Людовика XVIII отречься отъ своихъ правъ.

[2]) Мемуары, извлеченные изъ записокъ государственнаго человѣка.

Вопросъ о томъ, кто былъ авторомъ этихъ записокъ, до сихъ поръ не разрѣшенъ и составляетъ предметъ многочисленныхъ изслѣдованій въ нѣмецкой литературѣ.

Ранке приписываетъ ихъ извѣстному прусскому министру Гарденбергу. Въ VIII томѣ «Записокъ государственнаго человѣка» (стр. 317, 528 и сл.) описана интрига, затѣянная министромъ Гаугвицемъ вмѣстѣ съ первымъ консуломъ съ цѣлью склонить прусское королевство уступить его польскія владѣнія Людовику XVIII, получивъ за это въ вознагражденіе Голландію, и добиться отъ короля отреченія отъ дальнѣйшихъ его видовъ на французскій престолъ...

«Въ мартѣ мѣсяцѣ 1803 г., пишетъ авторъ записокъ,—Бонапартъ призвалъ къ себѣ одного изъ своихъ тайныхъ агентовъ и приказалъ ему отправиться въ Варшаву съ цѣлью представить Людовику XVIII совмѣстно съ прусскимъ правительствомъ проектъ отреченія отъ его правъ въ пользу перваго консула.

«Если эти переговоры пойдутъ успѣшно, сказалъ агенту Наполеонъ,—вы предъявите данную вамъ инструкцію и полномочія. Я рѣшилъ дать претенденту и его семейству надлежащее вознагражденіе; я хочу отдать ему польскія владѣнія Пруссіи, которыя пріобрѣтутъ такимъ образомъ ихъ прежнее значеніе. Если претендентъ отвергнетъ это предложеніе, то я буду настаивать на томъ, чтобы король прусскій отказалъ ему въ дальнѣйшемъ гостепріимствѣ въ Варшавѣ. «Dans ce cas, j'aurais d'autres vues sur ce pays» (Въ такомъ случаѣ я буду имѣть на эту страну другіе виды). Проѣздомъ чрезъ Берлинъ вы можете говорить объ этомъ и о другихъ вопросахъ съ министромъ Гаугвицомъ, который вполнѣ намъ преданъ (qui est entièrement à nous) и которому хорошо извѣстны мои дальнѣйшіе виды относительно Польши... (qui connait mes vues ultérieures sur la Pologne). По пріѣздѣ въ Варшаву, повидавшись съ нашимъ агентомъ, донесите мнѣ о томъ, чѣмъ онъ занятъ въ Варшавѣ и имѣлъ ли Талейранъ когда-либо непосредственныя сношенія съ претендентомъ?»

По словамъ анонимнаго автора записокъ, графу де-Лилль были какъ нельзя лучше извѣстны намѣренія Бонапарта; онъ заключаетъ это изъ того, что король спросилъ одного изъ своихъ приближенныхъ, согласился ли бы онъ носить званіе польскаго камергера?

Этотъ смѣлый проектъ, походившій съ перваго взгляда на мистификацію, существовалъ однако въ дѣйствительности, какъ это видно изъ собственноручнаго письма Людовика XVIII къ кардиналу Мори (Maury), въ которомъ онъ на него намекаетъ; описавъ совѣщанія, происходившія по этому поводу въ домѣ Казановскихъ 23-го февраля 1803 г., Людовикъ XVIII говоритъ въ заключеніе:

«Le roi confie ces détails à la fidélité et à la discrétion de m. le

cardinal Maury, qui sentira sans doute que les égards dus au roi Prusse devaient aussi déterminer à garder le silence («Corresp. diplom. et mém. inédits du cardinal Maury». Lille, 1891, т. II, 262) [1]).

О слухахъ, ходившихъ по этому поводу между приближенными Людовика XVIII въ Варшавѣ, упоминаетъ агентъ Фуше, въ своемъ донесеніи отъ 11-го сентября (Док. 597, т. 323. Польша. «Арх. министерства иностр. дѣлъ» въ Парижѣ):

«On remarque que nos courtisans sont un peu mieux accueilli dans la société, depuis qu'on a rêvé la resurrection monarchique d'une partie de la Pologne.

«Comme ils savent à peu près à quoi s'en tenir à ce sujet, ils ont grand soin de répondre, à ce qu'on leur dit d'obligeant sur cette prétendue résurrection, que jamais leur maitre n'occupera d'autre trône, que celui—de ses ancêtres. Cependant, a travers toute leur indifférence, l'on apperçoit facilement, qu'ils ne sont pas fâché de l'espèce d'importance, que lui a donné cette rêverie» [2]).

Положеніе тогдашней Пруссіи по отношенію къ Франціи было таково, что всѣ три министра короля Фридриха Вильгельма: Гаугвицъ, Ломбардъ и Луккезини, работали исключительно на пользу Франціи и подобно тому, какъ Пруссія уступила Бонапарту въ дѣлѣ оккупаціи французами Ганновера и даже желала заключить съ нимъ союзъ, также точно и въ вопросѣ объ обмѣнѣ юго-восточныхъ провинцій Пруссіи на Голландію прусское правительство было готово послѣдовать совѣту Гаугвица, который хотѣлъ снискать этой цѣною расположеніе побѣдоноснаго властителя Франціи.

Этотъ планъ рѣшено было объявить Людовику XVIII не сразу. Сначала ему хотѣли предложить вознагражденіе въ Италіи, а если бы онъ не согласился на это, тогда только уполномоченному велѣно было начать переговоры о передачѣ королю прусскихъ земель въ Польшѣ. Людовикъ XVIII упоминаетъ въ своихъ запискахъ о томъ, что ему были предложены въ Италіи: Масса, Каррара и нѣсколько милліоновъ

---

[1]) Король довѣряетъ эти подробности кардиналу Мори, на преданность и скромность котораго онъ полагается, и который пойметъ, конечно, что уваженіе къ королю прусскому обязываетъ соблюдать тайну.

[2]) Съ тѣхъ поръ какъ начали мечтать о возстановленіи монархической власти въ нѣкоторой части Польши, нашихъ придворныхъ принимаютъ въ обществѣ радушнѣе.

„Такъ какъ они знаютъ приблизительно, въ чемъ дѣло, то они отвѣчаютъ на всѣ любезности, которыя имъ говорятъ по поводу мнимаго возстановленія королевства, что ихъ монархъ никогда не займетъ иного престола, кромѣ престола своихъ предковъ. Хотя они стараются казаться равнодушными, но видимо довольны тѣмъ, что эта мечта придаетъ имъ нѣкоторое значеніе.

дохода съ капитала, который обѣщали внести на имя короля въ лондонскій банкъ.

Издатель сочиненія: «Manuscrit inédit de Louis XVIII» Дези (Daizy, Парижъ, 1839, стр. 193), говоритъ, что вопросъ о Польшѣ былъ затронутъ нѣсколько позднѣе (un peu plus tard), когда пришлось отказаться отъ перваго неудавшагося проекта.

«Le trône de Pologne était offert à Louis XVIII! (Людовику XVIII былъ предложенъ польскій престолъ). Не придавая особаго значенія сущности этихъ переговоровъ, которые заслуживаютъ вниманія только въ силу ихъ необычайной оригинальности, приводимъ изъ записокъ Людовика XVIII описаніе первой аудіенціи, данной королемъ 23-го февраля 1803 г. президенту города Варшавы, Майеру.

Посредникомъ при этомъ свиданіи былъ ксендзъ Эджвортъ де-Фирмонъ; онъ ввелъ въ кабинетъ короля Майера, долженствовавшаго сдѣлать Людовику XVIII извѣстное уже намъ предложеніе отъ имени своего правительства.

Сущность этого сообщенія была передана Эджворту ранѣе зятемъ Майера, Бёме, секретаремъ посольства въ Берлинѣ.

Войдя въ кабинетъ, Майеръ просилъ позволеніе говорить съ королемъ безъ свидѣтелей.

Король изъявилъ на это свое согласіе; такъ какъ Майеръ, видимо смущенный, молчалъ, то Людовикъ XVIII, не вставая съ кресла, обратился къ стоявшему посреди комнаты президенту:

— И такъ, я слушаю.

— Ваше королевское величество,—сказалъ Майеръ,—я явился сюда съ сокрушеннымъ сердцемъ, чтобы переговорить съ вашимъ королевскимъ величествомъ о дѣлѣ величайшей важности.

— Въ настоящую минуту здѣсь нѣтъ монарха.... есть только президентъ г. Варшавы и графъ де-Лилль, эмигрантъ...

— Къ сожалѣнію,—отвѣчалъ Майеръ,—дѣло, порученное мнѣ, не касается графа де-Лилль...

— Прошу васъ говорить яснѣе...

— Съ разрѣшенія вашего королевскаго величества я скажу откровенно, въ чемъ дѣло... Первый консулъ Французской республики, желая задавить революціонную гидру, проситъ васъ чрезъ посредство берлинскаго посланника...

— Чтобы я уѣхалъ изъ Польши?—прервалъ его король.

— Нѣтъ, благодаря Бога, первый консулъ далекъ отъ желанія обречь ваше королевское величество непріятностямъ дальнѣйшей скитальческой жизни; онъ желаетъ, напротивъ, обезпечить вашему величеству и вашей семьѣ спокойную жизнь. Первый консулъ предлагаетъ вашему королевскому величеству, при посредствѣ моего монарха, въ полное

владѣніе Лукку, съ нѣсколькими тосканскими округами, княжествами Масса и Каррара и шесть милліоновъ ежегоднаго дохода съ капитала, который будетъ внесенъ въ лондонскій банкъ какъ собственность вашего королевскаго величества... Если ваше королевское величество не пожелаете взять Лукку, то онъ предлагаетъ вмѣсто нея: Іоническіе острова или какія-либо другія владѣнія, по выбору вашего величества...

— Что же онъ требуетъ взамѣнъ всего этого?... ибо я не допускаю, чтобы Бонапартъ былъ великодушенъ безъ всякаго повода...

— Первый консулъ полагаетъ,—сказалъ Майеръ несмѣло,—что ваше королевское величество и принцы вашего дома, убѣдившись въ безполезности дальнѣйшей борьбы, прекратите ее въ пользу республики и ея перваго консула...

При этихъ словахъ король вскочилъ съ кресла.

— Я не думаю, милостивый государь,—сказалъ онъ,—чтобы вашъ монархъ согласился сдѣлать мнѣ столь постыдное предложеніе.

— Ваше величество,—отвѣчалъ Майеръ,—я нахожусь здѣсь по личному повелѣнію моего двора. Умоляю ваше королевское величество покончить это дѣло миромъ; Европа перестала интересоваться дѣломъ вашего величества; ближайшіе родственники вашего королевскаго величества, короли испанскій и неаполитанскій, начали переговоры съ первымъ консуломъ; инфантъ, принцъ Пармскій, получаетъ изъ его рукъ корону, и Австрія намѣрена прекратить войну. Ваше величество видѣли уже, что Россія измѣнила свои намѣренія; южныя державы безсильны, король, мой монархъ, не измѣнитъ своей политики; войну продолжаетъ только одна Англія, но она совершенно одинока. Королевская Франція подчиняется мало-по-малу власти искуснаго вождя, стоящаго во главѣ ея. Судьба благопріятствуетъ первому консулу. Королю прусскому было бы пріятно...

— Господинъ президентъ,—прервалъ его король—не оскорбляйте своего монарха... Я не приму его посредничества иначе, какъ если вы представите мнѣ собственноручное его письмо...

— Я постараюсь сдѣлать это, ваше величество.

— Впрочемъ, это излишне. Моя рѣшимость не можетъ никѣмъ быть поколеблена. Король Франціи—вы были правы, говоря, что можете обратиться въ этомъ дѣлѣ только къ нему лично, король Франціи знаетъ слишкомъ хорошо свой долгъ по отношенію къ своему народу и къ своему сану, и поэтому рѣшительно отвергаетъ сдѣланное ему постыдное предложеніе. Я отправлюсь всюду, куда Провидѣніе направитъ мои стопы... Я буду искать помощи только у французскаго народа, съ нею я буду богаче, нежели принявъ сдѣланное мнѣ предложеніе. Такъ повелѣваетъ мнѣ отвѣтить честь. Я долженъ свято охранять ее.

Смущенный президентъ старался прервать этотъ потокъ стремитель-

ныхъ словъ. Король величественнымъ жестомъ не дозволилъ ему продолжать рѣчь:

— Довольно! Вопросъ покончен. Король французскій, коли вамъ желательно было говорить съ нимъ,—имѣетъ право и прусскому подданному приказать прекратить дальнѣйшій разговоръ...

Майеръ началъ оправдываться, говоря, что онъ только исполнилъ данное ему порученіе, и, сдѣлавъ глубокій поклонъ, удалился.

Графъ д'Авари, войдя въ кабинетъ, увидѣлъ, что король залился слезами.

Сообщивъ графу о томъ, съ какимъ предложеніемъ явился къ нему президентъ, король сѣлъ къ бюро, чтобы написать первому консулу письмо, но онъ вскорѣ бросилъ перо, сказавъ:

— Я не могу собраться съ мыслями, чтобы написать отвѣтъ въ надлежащихъ выраженіяхъ... Прошло время, когда узурпатора можно было потребовать къ отвѣту, но мои права неоспоримы, мнѣ даровало ихъ Провидѣніе, и никто не можетъ лишить ихъ меня. Мнѣ остается одно—подтвердить эти права торжественнымъ актомъ, что̀ я и сдѣлаю!

XIV.

Протестъ Людовика XVIII.—Требованіе, предъявленное ему прусскимъ правительствомъ.—Интрига Гаугвица.—Декларація Бурбоновъ.—Инструкція, данная французскимъ агентамъ.

Зная отношенія, существовавшія между королемъ прусскимъ и Бонапартомъ, Людовикъ XVIII былъ увѣренъ, что, отвѣчая отказомъ на предложеніе, сдѣланное ему первымъ консуломъ, при посредствѣ берлинскаго кабинета, онъ навлечетъ на себя этимъ большія непріятности, и что послѣдствіемъ этого можетъ быть изгнаніе Бурбоновъ изъ Варшавы.

Не желая снова подвергаться всѣмъ невзгодамъ скитальческой жизни, онъ рѣшилъ заблаговременно обезпечить себѣ гдѣ-либо пріютъ.

Императоръ Александръ I предлагалъ ему вторично гостепріимство въ митавскомъ замкѣ, но королю не хотѣлось ѣхать въ Митаву, такъ какъ Курляндія была чрезвычайно отдалена отъ Франціи; къ тому же мѣстныя условія жизни были не особенно пріятны для королевской семьи. Ему хотѣлось поселиться въ Швеціи; оттуда было бы удобнѣе имѣть сношенія съ Англіей, гдѣ проживалъ графъ д'Артуа и многіе приверженцы Бурбоновъ. Король шведскій, Густавъ IV, всегда относился сочувственно къ Бурбонамъ и въ Швеціи проживалъ, въ званіи королевскаго резидента де-Сенъ-Пріестъ—преданнѣйшій другъ королевской

семьи. Къ нему-то Людовикъ XVIII и обратился съ просьбою выхлопотать позволеніе поселиться въ Поморьѣ. При письмѣ на имя де-Сенъ-Пріеста было приложено подробное описаніе разговора Людовика XVIII съ президентомъ Майеромъ и торжественный протестъ короля противъ требованій, предъявленныхъ ему Бонапартомъ.

«Я не могу приравнять г. Бонапарта къ его предшественникамъ, говорилъ король въ этомъ протестѣ. Я высоко цѣню его храбрость, его военный талантъ, я благодаренъ ему за нѣкоторыя мѣры внутренняго управленія и всегда буду цѣнить добро, которое онъ дѣлаетъ моему народу, но г. Бонапартъ ошибается, полагая, что я пойду на какія-либо уступки въ томъ, что касается моихъ правъ.

«Мнѣ невѣдомы пути Провидѣнія, но я знаю обязанности, возложенныя на меня судьбою и тѣмъ положеніемъ, которое я занимаю. Какъ христіанинъ, я исполню эти обязанности до конца, какъ потомокъ Людовика Святаго, я послѣдую его примѣру, какъ потомокъ Франциска I-го, я буду въ состояніи повторить его слова: Tout est perdu fors l'honneur» [1]).

Король послалъ манифестъ, не подписавъ его, полагая, что по самому содержанію этого акта всему міру будетъ понятно, кѣмъ онъ написанъ.

Въ тотъ моментъ когда Людовикъ XVIII писалъ этотъ протестъ, въ его кабинетъ вошли герцогъ и герцогиня Ангулемскіе, которые были предупреждены графомъ д'Авари о происшедшемъ.

Герцогиня, глубоко растроганная при видѣ короля, который заливался слезами, сказала:

— Тотъ, кто отказался бы отъ короны Франціи, нарушилъ бы этимъ саллическій законъ... въ такомъ случаѣ я одна буду защищать его.

— Успокойся, дитя мое,—отвѣчалъ король.—Никто не уступитъ этого права корсиканцу. Саллическій законъ никогда не будетъ нарушенъ!

Герцогъ Ангулемскій просилъ короля, приписать внизу письма слѣдующія слова:

«Съ разрѣшенія короля и моего дяди, всей душою и сердцемъ подтверждаю вышеупомянутое заявленіе. Людовикъ-Антуанъ».

— Другъ мой,—сказалъ король, обращаясь къ графу д'Авари,—вручаю тебѣ отвѣтъ короля французскаго на предложеніе перваго консула. Отдай этотъ отвѣтъ его эмиссару, представителю прусскаго правительства, президенту г. Варшавы.

Исполнивъ это приказаніе, д'Авари донесъ королю о своемъ свиданіи съ Майеромъ въ Брюлевскомъ дворцѣ:

— По повелѣнію вашего королевскаго величества я отправился во дворецъ, занимаемый президентомъ, и велѣлъ доложить, что я пріѣхалъ по повелѣнію короля французскаго и наваррскаго; я былъ немедленно

---

[1]) Все потеряно кромѣ чести.

принятъ. Президентъ встрѣтилъ меня въ передней и повелъ въ свой кабинетъ, гдѣ я передалъ ему собственноручное письмо вашего королевскаго величества, незапечатанное, но снабженное малой королевской печатью. Прочитавъ его по моей просьбѣ, президентъ нахмурилъ брови и сказалъ: «Ваше сіятельство! Я удивляюсь величію души его королевскаго величества и доблестной твердости, съ какою онъ отвергаетъ всѣ дѣлаемыя ему предложенія, отстаивая свои права... Но я боюсь, чтобы этотъ отвѣтъ не оскорбилъ перваго консула и не заставилъ его сдѣлать все отъ него зависящее, чтобы ухудшить безъ того печальную участь его королевскаго величества.

— Господинъ президентъ,—отвѣчалъ я,—король, съ врожденнымъ ему тактомъ, выражается въ своемъ манифестѣ такъ осторожно, что нельзя придраться къ формѣ, въ какой онъ изложенъ. Что же касается содержанія, то трудно было бы требовать, чтобы оно было инымъ. Король не называетъ въ немъ Бонапарта ни узурпаторомъ, ни бунтовщикомъ, не желая оскорблять посредниковъ, которыхъ онъ глубоко уважаетъ, и навлечь на себя гнѣвъ человѣка, коего власть въ данную минуту неоспорима...

— Я сказалъ все это г. Майеру,—продолжалъ д'Авари,—такъ какъ я неоднократно слышалъ сказанное отъ вашего величества. Майеръ отвѣчалъ, что протестъ вашего королевскаго величества можетъ побудить короля прусскаго отказать вамъ въ дальнѣйшемъ гостепріимствѣ, ибо такова воля Бонапарта. Я выразилъ свое сожалѣніе по поводу того, что кто-либо изъ монарховъ готовъ подчиниться его волѣ, и удалился...

Увѣдомляя своихъ родныхъ о случившемся, Людовикъ XVIII писалъ графу д'Артуа:

«Дорогой братъ! если ты имѣешь намѣреніе уступить кому-нибудь свое королевство—то я могу рекомендовать тебѣ покупателя. Г. Бонапартъ полагаетъ, что онъ достаточно богатъ, чтобы пріобрѣсти отъ потомковъ Генриха IV наслѣдіе ихъ предковъ. Онъ предлагаетъ мнѣ уступить ему власть за княжество и нѣсколько милліоновъ денегъ. Управленіе города Варшавы не устыдялось принять участіе въ этомъ дѣлѣ, крайне позорномъ для его монарха. Мое рѣшеніе было непреклонно. Я отвергъ сдѣланное мнѣ предложеніе. Противъ него протестовали герцогъ и герцогиня Ангулемскіе. Я не сомнѣваюсь, что ты поступишь точно также и что твоему примѣру послѣдуютъ: герцогъ Беррійскій и прочіе принцы крови. Потрудись увѣдомить ихъ о сдѣланномъ мнѣ предложеніи. Отвѣчайте въ такой же формѣ, въ какой отвѣтили мы».

Графъ д'Артуа повиновался. Вотъ текстъ торжественной декларації, разосланной имъ всѣмъ сторонникамъ Бурбоновъ:

«Проникнутые тѣмъ же чувствомъ, какое одушевляетъ нашего мо-

нарха, его королевское величество короля Франціи и Наварры, Людовика XVIII, по поводу сдѣланнаго ему предложенія объ отреченіи отъ престола, а всѣмъ принцамъ крови объ отреченіи отъ ихъ исконныхъ правъ на наслѣдіе этого престола, мы объявляемъ: что наша преданность своимъ обязанностямъ и честь не позволяютъ намъ заключать никакихъ договоровъ, касающихся нашихъ правъ и преимуществъ, которые мы будемъ поддерживать всею душою и сердцемъ...

«Слѣдуя его примѣру, мы не сдѣлаемъ ни одного шага, который могъ бы повредить дому Бурбоновъ и уменьшилъ бы наши обязанности по отношенію къ самимъ себѣ, къ нашимъ предкамъ и преемникамъ.

«Если бы высшая сила, вопреки праву, возвела со временемъ на французскій престолъ кого-нибудь инаго кромѣ нашего законнаго короля и монарха, то всѣ мы съ твердостью и покорностью послѣдуемъ голосу чести, который повелѣваетъ намъ до послѣдняго издыханія пребывать въ надеждѣ и прибѣгать всегда къ помощи Бога и къ нашей шпагѣ».

Декларацію эту, разосланную 23-го апрѣля 1803 года изъ Ванстегуса, подписали: Карлъ Филиппъ французскій, Карлъ Фердинандъ д'Артуа, герцогъ Беррійскій, Людовикъ Филиппъ Орлеанскій, Антуанъ Филиппъ Орлеанскій, герцогъ Монпансье, Людовикъ Карлъ Орлеанскій, графъ де-Божоле, Людовикъ Іосифъ Бурбонъ, принцъ Конде. Людовикъ Генрихъ Іосифъ де-Бурбонъ Конде, принцъ Бурбонскій. Герцогъ Энгіенскій еще ранѣе подписалъ этотъ протестъ въ Эттенгеймѣ, гдѣ онъ проживалъ въ то время.

Въ шифрованномъ письмѣ, обнародованномъ недавно въ дипломатической перепискѣ кардинала де-Мори (Maury), Людовикъ XVIII упоминаетъ между прочимъ, что если бы онъ согласился на предложенія Бонапарта, то онъ могъ бы получить не только италіанскія княжества, но даже корону государства, не такъ давно еще вычеркнутаго изъ списка европейскихъ державъ...

Вотъ что онъ писалъ между прочимъ относительно этого въ высокой степени любопытнаго предложенія:

«Короли могутъ лишиться своихъ правъ двоякимъ образомъ: вслѣдствіе войны или революціи. Въ первомъ случаѣ, ихъ счастливые соперники называются побѣдителями, и ихъ права никто не оспариваетъ, во второмъ—ихъ называютъ узурпаторами. Если бы Дарій пережилъ упадокъ своей монархіи и Александръ, покоривъ Индію, предложилъ ему корону этого государства, то Дарій могъ бы принять ее, ибо исходъ войны рѣшилъ споръ между Греціей и Персіей. Но если бы Кромвель, завоевавъ Ямайку, предложилъ ее Карлу II, то послѣдній не могъ бы принять ее, ибо это было бы равносильно признанію надъ собою его протектората. Таково и мое положеніе. Я не могу признать законное

существованіе французской республики и ея перваго консула, и не могъ бы принять предложенную мнѣ польскую корону въ ея прежнемъ блескѣ, хотя бы даже въ ея Pacta conventa было оговорено, что въ случаѣ надобности я могъ бы оставить эту страну и вернуться во Францію. Это немыслимо потому, что для блага моихъ новыхъ подданныхъ мнѣ было бы необходимо поддерживать сношенія съ Франціей, а я не могъ бы этого сдѣлать, не уронивъ своего достоинства» («Corresp. dipl.» т. II, 271).

Когда въ Берлинѣ былъ полученъ отвѣтъ Людовика XVIII, то министръ Гаугвицъ былъ весьма смущенъ его формой и содержаніемъ и прежде, нежели препроводить его консулу, онъ велѣлъ передать королю, что этотъ отвѣтъ можетъ имѣть для него самыя серьезныя послѣдствія.

Съ другой стороны, когда тайный агентъ французскаго правительства донесъ въ Парижъ о томъ, что переговоры съ претендентомъ не имѣли успѣха, то ему была послана въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1803 года отъ тайной полиціи Фуше инструкція, коей повелѣвалось перехватывать письма ближайшихъ къ Людовику XVIII лицъ: де-ла-Шапелля и д'Авари, подкупивъ съ этой цѣлью варшавскихъ чиновниковъ почтоваго вѣдомства.

Въ той же инструкціи ему разрѣшалось даже произвести покушеніе на личность этихъ господъ и на самого претендента [1]).

---

[1]) Для характеристики эпохи приводимъ выдержку изъ источниковъ, въ коихъ упоминается объ этомъ планѣ:

„Постарайтесь захватить переписку де-ла-Шапелля и его самого, если это окажется возможнымъ, равно и графа д'Авари. Подкупите почтовыхъ чиновниковъ въ Варшавѣ, чтобы перехватить или по крайней мѣрѣ прочитывать письма, отправляемыя Людовикомъ XVIII и имъ получаемыя". (Manuscrit inédit, стр. 194).

Въ „Запискахъ государственнаго человѣка" читаемъ, что въ тайной инструкціи говорилось:

„Такъ какъ претендентъ отказался принять предложеніе, сдѣланное ему первымъ консуломъ, то вы похитите его силою, если же онъ окажетъ малѣйшее сопротивленіе, вы его убьете. Агенту это предложеніе внушило омерзеніе, онъ не исполнилъ того, что ему было приказано, и на его мѣсто былъ посланъ въ 1804 г., подъ вымышленнымъ именемъ, Рошжанъ, вмѣстѣ съ другимъ жандармскимъ офицеромъ. Что же касается агента, не исполнившаго данное ему гнусное порученіе, то онъ получалъ, въ правленіе Людовика XVIII и Карла X, отъ правительства ежегодно 1.800 франковъ, каковая пенсія выдавалась ему вплоть до 29-го іюля 1830 г.". („Mémoires tirés des papiers d'un homme d'état". Т. VIII, стр. 528).

XV.

Угрозы перваго консула.—Попытка вызвать возстаніе въ Польшѣ.—Смерть герцога Энгіенскаго.—Ксендзъ Эджвортъ.—Отчаяніе принцессы.—Кадудаль, Моро и Пишегрю. — Провозглашеніе Наполеона императоромъ. — Людовикъ XVIII возвращаетъ королю испанскому орденъ Золотаго Руна.—Вторичный протестъ Людовика XVIII.

Угрозы прусскаго кабинета, всецѣло преданнаго первому консулу, не были тотчасъ приведены въ исполненіе. Людовикъ XVIII остался въ Варшавѣ, но, предвидя, что на западѣ подготовлялась новая война, онъ лелѣялъ надежду воспользоваться ею, чтобы вернуть утраченный престолъ, и, для обсужденія дальнѣйшаго плана дѣйствій, рѣшилъ повидаться съ родными. Выборъ мѣста, гдѣ бы могло состояться это свиданіе, представлялъ большое затрудненіе.

Прусское правительство, въ силу своихъ отношеній къ Бонапарту, конечно, не допустило бы подобной манифестаціи. Людовикъ XVIII могъ разсчитывать только на Швецію, ибо шведскій король высказывалъ ему большое сочувствіе.

4-го марта 1804 г. Людовикъ XVIII обратился къ Густаву IV письменно съ просьбою, чтобы онъ приказалъ стральзундскому губернатору сдѣлать, въ величайшей тайнѣ, необходимыя приготовленія для того, чтобы бурбонская семья могла съѣхаться на свиданіе въ этомъ городѣ. Король шведскій обѣщалъ свое содѣйствіе, но совѣтовалъ Людовику XVIII обратиться предварительно къ императору Александру I съ просьбою дозволить Бурбонамъ съѣхаться на свиданіе въ его имперіи.

Эти переговоры тянулись нѣсколько мѣсяцевъ. Между тѣмъ, Бонапартъ разсердился на короля прусскаго за то, что онъ медлилъ изгнаніемъ Бурбоновъ изъ Варшавы и поддерживалъ этимъ надежды легитимистовъ; опасаясь въ то же время столкновенія съ Англіей, вслѣдствіе нарушенія Аміенскаго мирнаго договора, онъ рѣшилъ произвести диверсію къ границѣ Пруссіи и возбудить, при помощи французскихъ эмиссаровъ, возстаніе въ ея польскихъ провинціяхъ для того, чтобы отвлечь прусское правительство отъ новой коалиціи противъ Франціи, къ которой хотѣли привлечь Россію.

Прусская политика страдала въ то время отсутствіемъ единодушія и руководящей идеи: три прусскихъ министра орудовали въ пользу Бонапарта, тогда какъ король склонялся на сторону враговъ Франціи. Результатомъ этой двойственности была отставка Гаугвица, на мѣсто котораго былъ назначенъ Гарденбергъ [1]).

---

[1]) Бонапартъ дѣйствительно намѣревался возбудить, въ началѣ 1804 г., возстаніе въ Польшѣ; подстрекателями мятежа должны были явиться фран-

Въ то время, когда происходили эти закулисныя интриги, во Франціи постепенно возрождалась изъ пепла монархія. Сформированіе почетной стражи и назначеніе маршаловъ были несомнѣнными признаками монархизма, возрождавшагося въ лицѣ Наполеона. Избранный консуломъ сперва на три года, онъ былъ вскорѣ утвержденъ въ этомъ званіи на десять лѣтъ и затѣмъ пожизненно, съ правомъ назначить себѣ преемника. Духовенство, дворянство, народъ, войско, горожане,— всѣ сословія освоились мало-по-малу съ мыслію о новомъ политическомъ строѣ.

Англія тщетно подстрекала европейскія государства къ войнѣ съ Наполеономъ и составляла противъ него планъ обширнаго заговора. Булонская флотилія стала снаряжаться, готовясь къ нападенію на Великобританію.

Бонапартъ, идя неуклонно къ намѣченной имъ цѣли, выискивалъ вокругъ себя жертву, чтобы отомстить заговорщикамъ, которые осмѣлились предпочесть линію Бурбоновъ его императорской коронѣ. Открытіе заговора, составленнаго Пишегрю, Моро и Кадудалемъ, коихъ втайнѣ поддерживала Англія, дало ему случай обратить свою месть на представителя Бурбоновъ—герцога Энгіенскаго, который, по окончаніи неудавшейся кампаніи принца Конде, искалъ убѣжища въ Эттенгеймѣ, въ герцогствѣ Баденскомъ, гдѣ онъ проводилъ время въ обществѣ принцессы Каролины де-Роганъ-Рошефоръ, совершенно не вмѣшиваясь въ интриги дипломатіи.

Заговорщики Моро, Пишегрю и Кадудаль разсчитывали захватить Бонапарта по дорогѣ въ Сенъ-Клу, при помощи нѣсколькихъ сотъ вандейцевъ, переодѣтыхъ въ мундиры консульской гвардіи. Тайная полиція узнала объ этомъ замыслѣ и донесла о немъ первому консулу, который приказалъ схватить герцога Энгіенскаго, яко бы главнаго руководителя этого заговора, и разстрѣлять его. Генералы Ордоннеръ и Колинкоръ, коимъ было поручено исполнить это приказаніе, схватили герцога на нѣмецкой территоріи, нарушивъ этимъ международныя права. Герцогъ Энгіенскій, привезенный въ Страсбургъ, былъ препровожденъ въ Парижъ и по декрету военнаго совѣта разстрѣлянъ ночью во рву Венсенскаго форта.

цузскіе солдаты, посланные въ прусскія провинціи Польши подъ видомъ колонистовъ, но король прусскій, котораго хотѣли обмануть на счетъ этой колонизаціи, не согласился на ихъ переселеніе въ Пруссію, какъ это видно изъ письма Гаугвица къ тайному французскому агенту отъ 18-го октября 1803 г. Графъ Шулембургъ уволилъ нѣсколькихъ подкупленныхъ чиновниковъ, Гаугвицъ былъ удаленъ, и Гарденбергъ принялъ на короткое время завѣдываніе дѣлами въ свои руки („Mémoires tirés des papiers d'un homme d'état", т. VIII, 317).

*

Извѣстіе объ арестованіи герцога было получено въ Варшавѣ въ тотъ моментъ, когда Людовикъ XVIII, по совѣту Густава IV, думалъ обратиться къ русскому императору съ просьбою дозволить Бурбонамъ устроить свиданіе въ Россіи. Изъ донесенія тайнаго французскаго агента въ Варшавѣ, отъ 27-го жерминаля 1804 г., видно, что это покушеніе произвело на малый дворъ удручающее впечатлѣніе и вызвало опасеніе, чтобы заговоръ Кадудаля и Пишегрю не былъ приписанъ королевскимъ эмигрантамъ. Въ первый моментъ Людовикъ XVIII хотѣлъ даже обратиться къ королю прусскому съ просьбою заступиться за него передъ первымъ консуломъ.

«Его величество, король прусскій,—пишетъ Галлонъ Бойеръ,- сказавъ, что теперь уже не время думать о герцогѣ Энгіенскомъ, далъ понять, до какой степени онъ возмущенъ тѣмъ, что осмѣлились злоупотребить гостепріимствомъ, оказаннымъ монархомъ для того, чтобы въ его же владѣніяхъ затѣять заговоръ противъ перваго консула. Но графъ де-Лилль далъ честное слово, что ему ничего не было извѣстно о заговорѣ и что онъ не принималъ въ немъ ни малѣйшаго участія.

Когда, въ скоромъ времени, было получено извѣстіе о смерти герцога, то ксендзъ Эджвортъ взялъ на себя печальную обязанность подготовить къ этому грустному извѣстію его сестру, Марію Жозефину, принцессу Бурбонскую, жившую въ монастырѣ сакраментокъ, но не рѣшился сдѣлать это лично, а просилъ мать Розалію сдѣлать это. Мать Розалія вошла къ ней въ келію и, произнеся имя герцога Энгіенскаго, подала пораженной принцессѣ крестъ съ выраженіемъ глубокой скорби.

Принцесса угадала печальную истину и, бросившись на колѣни, воскликнула: «Боже милосердый, смилуйся надъ нами!» [1]).

Утѣшительницей принцессы въ ея скорби была герцогиня Ангулемская. Она писала принцу Конде, жившему въ то время въ Англіи:

«Я была сегодня въ монастырѣ и видѣла принцессу Людвику. Она нѣсколько успокоилась и покорилась волѣ Провидѣнія. Она все время думаетъ о васъ; слезы доставляютъ ей утѣшеніе въ ея скорби. Я не пишу отдѣльно принцу Бурбонскому, но надѣюсь, что вы явитесь передъ нимъ выразителемъ тѣхъ чувствъ, коими преисполнено мое сердце по поводу понесенной нами утраты».

Людовикъ XVIII написалъ, со своей стороны, соболѣзнующія письма убитому горемъ отцу и прочимъ членамъ семьи.

Роялистическій заговоръ помогъ Наполеону осуществить свои планы: многочисленные адресы, поднесенные ему по этому поводу, и просьбы побуждали его принять въ свои руки неограниченную власть; войско

---

[1]) „Vie de Louise Adelaïde", т. I, 167.

единогласно требовало, чтобы онъ исполнилъ волю народа. 16-го мая Наполеонъ Бонапартъ былъ провозглашенъ императоромъ французовъ.

Людовикъ XVIII полагалъ, что совершившійся во Франціи государственный переворотъ вызоветъ со стороны законныхъ монарховъ протестъ, хотя бы чисто формальнаго свойства. На дѣлѣ вышло иначе. Даже король испанскій, Карлъ IV, прямой наслѣдникъ Бурбоновъ, въ томъ случаѣ, если бы племянники Людовика XVIII сошли въ могилу бездѣтными, довелъ свою угодливость до того, что прислалъ Бонапарту орденъ Золотаго Руна нѣсколько дней спустя послѣ убійства герцога Энгіенскаго.

Глубоко оскорбленный этимъ, король-изгнанникъ возвратилъ испанскому королю свою орденскую ленту Золотаго Руна при письмѣ слѣдующаго содержанія:

«Король, мой братъ! Съ грустью возвращаю вашему королевскому величеству орденскіе знаки Золотаго Руна, коими меня удостоилъ вашъ отецъ. Между мною и злодѣемъ, возсѣвшимъ, благодаря своей наглости и счастью на моемъ престолѣ, обагренномъ кровью Бурбоновъ, не можетъ быть ничего общаго. Религія можетъ заставить меня простить убійцу, но тиранъ моего народа на-вѣки останется моимъ врагомъ. Провидѣніе, по неисповѣдимому промыслу своему, можетъ обречь меня на тяжкіе годы скитальческой жизни въ изгнаніи, но потомство и современники не будутъ въ правѣ сказать, что во время испытанныхъ мною превратностей судьбы, я оказался недостойнымъ престола моихъ предковъ».

Король испанскій отвѣчалъ Людовику XVIII, оправдывая свой поступокъ необходимостью, и высказалъ свое сожалѣніе по поводу того, что онъ оскорбилъ его. Возвращеніе Людовикомъ XVIII ордена Золотаго Руна возбудило всеобщее удивленіе; всѣ были поражены выказанной имъ твердостью.

Узнавъ о вступленіи Наполеона на престолъ, Людовикъ XVIII разослалъ во всѣ англійскія газеты и всюду, гдѣ гнѣвъ Наполеона былъ безсиленъ, слѣдующій протестъ:

Варшава, 5-го іюня 1804 г.

«Принявъ императорскій титулъ и желая сдѣлать его наслѣдственнымъ въ своей фамиліи, Бонапартъ увѣнчалъ этимъ свои узурпаторскіе поступки. Я не въ силахъ помѣшать этому революціонному акту, нарушающему мои права. Но, будучи отвѣтственъ за свои поступки передъ лицомъ всѣхъ монарховъ, права коихъ нарушены этимъ актомъ точно такъ же, какъ и мои, и престолы коихъ поколеблены тѣми принципами, кои провозглашены нынѣ французскимъ сенатомъ, будучи, наконецъ, отвѣтственъ передъ лицомъ всей Франціи, моей семьи и чести,

я счелъ бы себя измѣнникомъ, если бы я прошелъ этотъ фактъ молчаніемъ.

«Поэтому, я объявляю всѣмъ монархамъ Европы, что я не признаю императорскаго титула, принятаго нынѣ Бонапартомъ изъ рукъ учрежденія, не имѣющаго законной власти; я протестую противъ этого титула и противъ всѣхъ актовъ, къ которымъ онъ могъ бы впослѣдствіи подать поводъ. Людовикъ».

XVI.

Грозная нота Наполеона прусскому двору. — Людовикъ XVIII вызываетъ графа д'Артуа въ Варшаву. — Король собирается въ Гродно. — Покушеніе на жизнь Людовика XVIII. — Эмиссары. — Содержатель кофейни Кулонъ. — Сходки въ Мокотовѣ. — Письмо короля къ Гойму. — Интрига придворныхъ. — Дѣло Кулона. — Донесеніе судебнаго слѣдователя Гитцига.

Послѣдствіемъ протеста Людовика XVIII была рѣшительная нота, посланная императоромъ французовъ берлинскому двору, въ которой онъ требовалъ немедленнаго удаленія Людовика XVIII изъ Варшавы. Прусскіе министры, подкупленные обѣщанной имъ наградой или же опасавшіеся мести со стороны императора, были готовы исполнить это требованіе, но Фридрихъ-Вильгельмъ III и этотъ разъ не хотѣлъ отказать королю-изгнаннику въ пріютѣ. Единственною уступкою, сдѣланною имъ Наполеону, было приказаніе заключить въ крѣпость двухъ агентовъ Людовика XVIII, Преси и Имберта Коломеса, посланныхъ въ Байрейтъ. Ихъ бумаги были опечатаны и переданы французскому посланнику.

Между тѣмъ, Людовикъ XVIII былъ извѣщенъ графомъ д'Артуа о переговорахъ, начатыхъ Англіей съ императоромъ австрійскимъ, и о предложеніяхъ, сдѣланныхъ этою державою ему лично, которыя требовали совмѣстнаго ихъ обсужденія.

Людовикъ XVIII рѣшилъ немедленно отправиться для этого на свиданіе съ графомъ д'Артуа въ Швецію; извѣстивъ о томъ берлинскій дворъ, онъ поручилъ его покровительству «то, что у него осталось самаго дорогаго на свѣтѣ—жену и племянницу», которыя должны были ожидать въ Варшавѣ его возвращенія изъ поѣздки.

Король прусскій, боясь навлечь на себя неудовольствіе Наполеона, въ самыхъ ласковыхъ выраженіяхъ просилъ Людовика XVIII «не предпринимать ничего, что могло бы сдѣлать дальнѣйшее его пребываніе въ Варшавѣ невозможнымъ», но въ то же время, въ рескриптѣ на имя своего посланника въ Парижѣ, онъ старался усмирить гнѣвъ Наполеона

увѣреніемъ, что смерть герцога Энгіенскаго не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій.

Къ этому событію всего энергичнѣе отнесся русскій кабинетъ. Насиліе, совершенное Наполеономъ, возстановило противъ него общественное мнѣніе Россіи и вызвало охлажденіе между петербургскимъ и парижскимъ дворами. При русскомъ дворѣ былъ наложенъ трауръ по внукѣ принца Конде; по немъ вездѣ были отслужены панихиды.

По настоянію императора Александра I, Ратисбонскій сеймъ торжественно протестовалъ противъ нарушенія неприкосновенности баденской территоріи. Въ отвѣтъ на это, Талейранъ выразилъ представителю русскаго двора въ Парижѣ, Убри, свое сожалѣніе по поводу того, что императорскій дворъ надѣлъ трауръ «по человѣкѣ, который, дѣйствуя по наущенію Англіи, составилъ заговоръ противъ Франціи». Талейранъ напомнилъ при этомъ, что императоръ Павелъ, желая сблизиться съ Франціей, призналъ необходимымъ удалить графа де-Лилль изъ Россіи и что потворствованіе замысламъ Бурбоновъ можетъ повести къ разрыву между государствами, у которыхъ существуетъ такъ много общихъ интересовъ.

Эти слова были предвѣстникомъ военной грозы, которая разразилась въ скоромъ времени надъ Европою.

Императоръ Александръ I старался отдалить насколько возможно катастрофу, которую могъ повлечь за собою необдуманный шагъ Людовика XVIII; подтвердивъ ему еще разъ свою готовность оказать семьѣ Бурбоновъ пріютъ въ Россіи, онъ не совѣтовалъ королю ѣхать на свиданіе съ графомъ д'Артуа.

Въ то время, когда происходили эти переговоры и приготовленія къ отъѣзду, 25-го іюля 1804 г., въ Варшавѣ разнеслась вѣсть о покушеніи на жизнь Людовика XVIII.

По свѣдѣніямъ, которыя мы находимъ объ этомъ дѣлѣ въ польскихъ источникахъ, въ современныхъ англійскихъ газетахъ и въ донесеніи, представленномъ совѣтникомъ королевско-прусскаго уголовнаго суда, Юліемъ Гитцигомъ («Zeitschrift für die Criminal-Rechtspflege in den preuss. Staaten»), дѣло это представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1804 г., въ Варшаву прибыли два французскихъ эмиссара, съ намѣреніемъ отыскать кого-нибудь, кто согласился бы за извѣстное вознагражденіе отравить короля Людовика XVIII, его супругу, герцога и герцогиню Ангулемскихъ.

Они нашли подходящаго человѣка въ лицѣ нѣкоего Кулона, француза, содержавшаго въ Варшавѣ, на Новомъ мѣстѣ, кофейню и биллiардъ и который былъ хорошо знакомъ съ королевскою прислугою.

Во время эмиграціи Кулонъ служилъ въ Испаніи, подъ начальствомъ герцога де-Піенни, а впослѣдствіи былъ лакеемъ у королевскаго коню-

шаго барона Миллевиля. Французскимъ эмиссарамъ удалось подкупить Кулона, который былъ весь въ долгу. На разспросы эмиссаровъ объ образѣ жизни и привычкахъ королевскаго двора, Кулонъ, ничего не догадываясь, разсказалъ имъ все, что было ему извѣстно. Когда же эмиссары спросили его, чью собственность составляетъ содержимый имъ билліардъ.

— Онъ принадлежитъ мнѣ, отвѣчалъ Кулонъ, но я еще не уплатилъ всѣхъ слѣдуемыхъ за него денегъ.

— Вамъ никогда не удастся уплатить ихъ, но мы знаемъ способъ, который могъ бы доставить вамъ большую сумму денегъ... Васъ знаетъ прислуга Людовика XVIII, вы не возбудите ни въ комъ подозрѣнія. Вы имѣете доступъ на королевскую кухню, и если вы сдѣлаете то, что мы скажемъ, то ваше счастье будетъ обезпечено...

Кулонъ, попивая пуншъ, сдѣлалъ видъ, будто онъ соглашается на это предложеніе, но когда заговорщики назначили ему свиданіе на слѣдующій день, то онъ побѣжалъ къ своему бывшему хозяину и все открылъ ему. Баронъ де-Миллевиль тотчасъ отправился къ герцогу де-Піенн, а тотъ сообщилъ о заговорѣ графу д'Авари. Они велѣли Кулону продолжать переговоры и доносить имъ обо всемъ.

На слѣдующій день заговорщики подучили Кулона пойти въ королевскую кухню и бросить въ варившійся тамъ супъ снадобье, которое они ему дадутъ, пообѣщавъ ему за это 400 луидоровъ. Они уговорились встрѣтиться съ нимъ еще разъ за городомъ [1]). Когда Кулонъ отправился на другой день въ назначенное мѣсто, то лишь только онъ успѣлъ дойти до второй Лазенковской заставы, близъ Бельведера, какъ къ нему подошелъ какой-то неизвѣстный человѣкъ и вручилъ ему пакетъ и бутылку съ жидкостью, сказавъ, что эта жидкость придастъ ему смѣлость исполнить данное ему порученіе.

Въ таинственномъ пакетѣ оказались морковки, изъ коихъ была выдолблена сердцевина, и которыя были наполнены какимъ-то порошкомъ. Получивъ эти вещи, Кулонъ поспѣшилъ къ барону Миллевилю, который немедленно отправился въ Лазенки и передалъ пакетъ графу д'Авари и архіепископу Реймскому. Пакетъ вмѣстѣ съ бутылкою были опечатаны, и прусской полиціи было предъявлено требованіе арестовать Кулона и обоихъ эмиссаровъ и составить о случившемся протоколъ.

Когда графъ д'Авари донесъ объ этомъ Людовику XVIII, то король, занятый въ то время приготовленіями къ отъѣзду, былъ чрезвычайно взволнованъ при мысли объ опасности, угрожавшей его семьѣ, и обра-

---

[1]) Здѣсь опущены нѣкоторыя подробности довольно сбивчивыхъ показаній, данныхъ Кулономъ, какъ не представляющія особаго интереса и не разъясняющія самаго факта покушенія на жизнь Людовика XVIII. В. Т.

тился къ Гойму, президенту прусской камеры въ Варшавѣ, съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

«21-го іюня 1804 года. Меня увѣдомили о заговорѣ, составленномъ противъ меня. Если бы дѣло касалось меня лично, если бы опасность угрожала мнѣ одному, то привыкнувъ къ подобнымъ донесеніямъ, я не обратилъ бы на это вниманія. Но опасность угрожаетъ моей женѣ, моему племяннику и племянницѣ, моимъ вѣрнымъ подданнымъ. Пренебречь ею значило бы съ моей стороны пренебречь самыми святыми моими обязанностями. Тутъ приходится имѣть дѣло съ истинными злодѣями; но можетъ быть мое подозрѣніе неосновательно; во всякомъ случаѣ мнѣ необходимо посовѣтоваться съ вами. Поэтому, прошу васъ, милостивый государь, пріѣхать ко мнѣ сегодня вечеромъ».

На это письмо король не получилъ никакого отвѣта.

Настало 25-е іюля—день, назначенный для отъѣзда. Увѣдомивъ о случившемся герцога Ангулемскаго, Людовикъ XVIII велѣлъ держать это въ тайнѣ отъ герцогини и поручилъ графу де-ла-Шапеллю разслѣдовать дѣло.

Между тѣмъ, президентъ Гоймъ увѣдомилъ королевскій дворъ, что, не имѣя права вмѣшиваться въ это дѣло лично, онъ приказалъ разслѣдовать его полиціи. Тогда король потребовалъ, чтобы Кулонъ и его жена были арестованы и чтобы для освидѣтельствованія содержимаго въ пакетѣ были приглашены эксперты,

Президентъ и на это отвѣчалъ отказомъ. Было ясно, что прусскія власти не только не хотѣли вмѣшиваться въ это дѣло, но хотѣли даже покрыть замѣшанныхъ въ него лицъ.

Видя, что нельзя было разсчитывать на содѣйствіе властей, приближенные Людовика XVIII рѣшили сами произвести слѣдствіе и обратились къ двумъ практиковавшимъ въ то время въ Варшавѣ врачамъ съ просьбою изслѣдовать содержимое въ пакетѣ.

Въ немъ оказалась смѣсь трехъ родовъ мышьяка: бѣлаго, желтаго и краснаго.

Результатъ экспертизы, за подписью врачей, былъ врученъ начальнику полиціи, Тилли, который также отказался произвести слѣдствіе, подъ предлогомъ, будто это дѣло подлежало вѣдѣнію обыкновеннаго суда.

Видя столь двусмысленное поведеніе прусскихъ властей, приближенные короля сами допросили Кулона и когда, на основаніи данныхъ имъ показаній, берлинскому двору было послано донесеніе о существованіи заговора противъ королевской семьи, тогда только варшавскимъ властямъ было приказано произвести слѣдствіе. На слѣдствіи дѣло представилось нѣсколько въ иномъ свѣтѣ; а именно, оказалось, что въ заговорѣ принимали участіе не только заграничные эмиссары, но и самъ Кулонъ, который надѣялся получить за доносъ большое вознагражденіе.

Кулонъ и его жена были арестованы по приказанію варшавскаго коменданта, генералъ-поручика Рюитса.

На вторичномъ допросѣ, Кулонъ далъ столь сбивчивыя показанія, что когда ему замѣтили, что его показаніе, компрометтирующее французскаго торговаго агента Галлонъ Бойера, можетъ навлечь на него строгое наказаніе, если оно окажется ложнымъ, и что ему было бы лучше во всемъ сознаться откровенно, то Кулонъ признался, что онъ самъ выдолбилъ морковки, всыпалъ въ нихъ ядъ и отнесъ ихъ вмѣстѣ съ бутылкой къ барону де-Миллевилю, сказавъ, будто онъ получилъ все это отъ какихъ-то неизвѣстныхъ ему лицъ.

Впослѣдствіи онъ отрекся и отъ этого показанія и утверждалъ, что это дѣло было простою интригою, затѣянною барономъ де-Миллевилемъ, графомъ д'Авари и герцогомъ де-Піенн съ цѣлью скомпрометтировать Наполеона въ глазахъ Европы.

Прусская судебная палата въ Варшавѣ, приступая къ слѣдствію, надѣялась, что обнаруженіе правды могло имѣть весьма важныя послѣдствія, но дѣло оказалось чрезвычайно запутаннымъ; противъ французскаго агента Галлонъ Бойера, обвиненнаго Кулономъ, не оказалось прямыхъ уликъ, и прусская судебная камера, не входя въ дальнѣйшее разслѣдованіе интриги, которая, по ея мнѣнію, была затѣяна приближенными Людовика XVIII съ цѣлью оклеветать Наполеона, обвинила Кулона въ клеветѣ и присудила его къ четырехлѣтнему заключенію въ крѣпости. Тѣмъ дѣло о заговорѣ и кончилось.

Въ донесеніяхъ Галлонъ Бойера, вышеупомянутое дѣло представляется комедіей, разыгранной приближенными Людовика XVIII съ цѣлью усилить ненависть къ Наполеону, вызванную покушеніемъ на жизнь герцога Энгіенскаго.

Въ донесеніи отъ 14-го термидора (№ 608, loc. cit.), Бойеръ описываетъ въ шутливомъ тонѣ все это дѣло, въ которомъ выступаютъ на сцену три, начиненныя мышьякомъ морковки, предназначенныя для того, чтобы отправить малый дворъ какъ можно скорѣе въ рай.

Весьма вѣроятно, что французскому агенту пришлось бы самому розыграть въ вышеописанномъ случаѣ «une mauvaise comédie», если бы онъ не получилъ изъ Парижа приказаніе немедленно выѣхать изъ Варшавы.

XVII.

Отъѣздъ королевской семьи изъ Варшавы.—Гродно и Кольмаръ.—Празднества.—Съѣздъ Бурбоновъ.—Требованіе, предъявленное королемъ шведскимъ.—Изгнаніе Бурбоновъ изъ Варшавы.—Митава и Кіевъ.—Кончина ксендза Эджворта.—Отъѣздъ принцессы Конде въ Гданскъ.—Мечты и планы митавскихъ изгнанниковъ.—Ихъ отъѣздъ въ Англію.—Заключеніе.

Не ожидая окончанія слѣдственнаго дѣла, Людовикъ XVIII и герцогъ Ангулемскій выѣхали изъ Варшавы 25-го іюля 1804 г. въ Гродно.

По этому поводу въ Варшавской газетѣ (Gazeta Warszawska, 1804 г. № 65) появилась слѣдующая замѣтка:

«25-го іюля выѣхалъ въ Гродно гр. де-Лилль съ герцогомъ Ангулемскимъ и небольшою свитою. Говорятъ, будто онъ будетъ имѣть свиданіе съ нѣкоторыми членами своей фамиліи и затѣмъ вернется въ Варшаву, гдѣ остались графиня де-Лилль и герцогиня Ангулемская.

«Онъ держалъ себя у насъ такъ, что его возвращеніе будетъ принято населеніемъ съ большимъ удовольствіемъ».

Королева и madame Royale остались въ Лазенкахъ подъ защитою ксендза Эджворта де-Фирмонъ.

Въ свитѣ Людовика XVIII, который во время путешествія продолжалъ, по-прежнему, называться гр. де-Лилль, тогда какъ герцогъ Ангулемскій назывался гр. де-Шателлеро, находились: кардиналъ де-Монморенси, гр. д'Авари, герцогъ де-Піенн, маркизъ де-Вассе, докторъ, священникъ и три камердинера.

Отдохнувъ въ Бѣлостокѣ, путешественники прибыли 8-го августа въ Гродно [1]), гдѣ ихъ ожидало письмо императора Александра I, въ

---

[1]) Помѣщаемъ здѣсь нѣсколько дополнительныхъ матеріаловъ, относящихся къ этому времени и находящихся въ нашемъ распоряженіи.

1) Письмо Прокофія Базилевскаго графу В. П. Кочубею.

14-го августа 1804 г. № 1669. Вильно.

Покойнаго короля французскаго родной братъ прибылъ сюда изъ Гродны подъ именемъ графа де-Лилль проѣздомъ въ Ригу и, перемѣня только лошадей, отправился вчерашняго числа въ дальнѣйшій путь. О чемъ, въ отсутствіе господъ губернаторовъ литовскаго военнаго и виленскаго гражданскаго, честь имѣю вашему сіятельству всепокорнѣйше донести.

2) Отношеніе лифляндскаго гражданскаго губернатора дѣйствительнаго статскаго совѣтника Рихтера господину министру внутреннихъ дѣлъ дѣйствительному тайному совѣтнику графу В. П. Кочубею, отъ 3-го сентября 1804 г. № 2257.

Полагая, что его сіятельство господинъ генералъ-отъ-инфантеріи графъ Буксгевденъ отправился уже въ обратный сюда путь, имѣю честь вашему сіятельству донести, что господинъ графъ де-Лилль съ герцогомъ Ангулем-

которомъ онъ выражалъ свое неудовольствіе по поводу предполагаемаго свиданія графа де-Лилль съ графомъ д'Артуа; поэтому король-изгнанникъ не могъ разсчитывать на содѣйствіе русскаго двора и на русскій фрегатъ для переѣзда въ Швецію и былъ вынужденъ обратиться къ Густаву IV съ просьбою предоставить въ его распоряженіе шведскій корабль, чтобы совершить переѣздъ по Балтійскому морю изъ Риги въ Кольмаръ. Въ мызѣ Бланкфельдъ, на границѣ Литвы, путешественники прожили три недѣли въ ожиданіи отвѣта отъ короля шведскаго [1]).

скимъ подъ именемъ графа де-Шателлеро и поименованною въ подносимомъ у сего спискѣ свитою, 1-го сентября въ 4 часа по полуночи прибылъ въ здѣшнее Задвинское предмѣстье и, по перемѣнѣ лошадей, тотчасъ опять отправился въ Болдераа; а вчерашняго дня утромъ оттуда отправился въ Кольмаръ, что въ Швеціи. На основаніи полученнаго предписанія никакого пріема не было; я однако какъ по дорогѣ, такъ и во время пребыванія господина графа въ Лифляндской губерніи, всевозможно старался о пособствѣ ему въ проѣздѣ и о удобности повсюду и пособствовалъ также въ полученіи для него корабля, за что онъ мнѣ въ Болдераа, гдѣ засвидѣтельствовалъ я ему мое почтеніе. оказалъ совершенное свое удовольствіе.

Списокъ свиты господъ графовъ де-Лилль и де-Шателлеро.

Прибыли съ ними:	Отправились съ ними въ Швецію.
Г. герцогъ де-Піеннь.	Г. герцогъ де-Піеннь.
— маркизъ де-Вассé.	— маркизъ де-Вассé.
— аббатъ де-ла-Марръ.	— докторъ ле-Февръ.
— аббатъ Флеріель.	— аббатъ Флеріель.
— Гинье.	— Гинье.
— Гуверна.	— Кутанъ (Камердинеры гр. де-Лилля.)
— Бауеръ.	— Дю-Блель
— Буланже.	— Баптистъ Гастонъ (служители его.)
— Маркуа.	— Пикарь
— Дю-Брель.	— Гуверна, камерд. гр. де-Шателлеро.
— Баптистъ-Гастонъ.	— Маркуа (служители его.)
— Бриссонъ.	— Бриссонъ
— Рангъ.	— Бауеръ, хранитель вещей.
— Александръ Пикарь.	— Буланже, поваръ.
— Даніель.	— Андре, его помощникъ.
— Андре.	— Рангъ, слуга герцога де-Піеннь.
— Карль.	— Карлъ, слуга маркиза де-Вассé.
	— Даніель, слуга доктора. Р е д.

[1]) *Письмо графа Буксгевдена къ графу В. П. Кочубею, отъ 8-го сентября 1804 г. С.-Петербургъ.*

Его величество король французскій, прожившій три недѣли въ мызѣ Бланкфельдъ, 31-го минувшаго августа, съ герцогомъ Ангулемскимъ и весьма малою свитою проѣхалъ въ Ригу, черезъ городъ Митаву, гдѣ только перемѣнилъ лошадей, откуда безъ замедленія намѣренъ отправиться моремъ въ шведскій городъ Кольмаръ. О семъ извѣщая ваше сіятельство, честь имѣю быть съ совершеннымъ моимъ почтеніемъ и преданностію. Р е д.

Въ Ригѣ король получилъ извѣстіе, что серьезныя причины мѣшаютъ гр. д'Артуа пріѣхать въ Швецію и что его мѣсто на совѣщаніяхъ заступитъ принцъ Конде. Людовикъ XVIII выѣхалъ изъ Риги только 14-го сентября, увѣдомивъ о своемъ отъѣздѣ покровительствовавшіе ему россійскій и прусскій дворы, которыхъ онъ прбсилъ не отказать изгнанникамъ въ дальнѣйшемъ покровительствѣ по возвращеніи ихъ изъ путешествія.

Густавъ IV выслалъ на встрѣчу короля въ Кольмаръ генерала Анкарсварда, приказалъ отдать Людовику XVIII королевскія почести и выразить его сочувствіе королевской семьѣ; но, опасаясь столкновенія съ Франціей, онъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы протестъ Людовика XVIII противъ коронованія Наполеона, который изгнанникъ намѣревался разослать, не былъ обнародованъ въ Швеціи.

Пробывъ нѣсколько недѣль въ Кольмарѣ, гдѣ ему была оказана торжественная встрѣча, Людовикъ XVIII пришелъ къ убѣжденію, что его дѣло еще не проиграно окончательно, и что онъ можетъ на многое разсчитывать въ будущемъ. Эту надежду поддержалъ въ немъ гр. д'Артуа, прибывшій въ Швецію 6-го октября на англійскомъ суднѣ, въ сопровожденіи маркграфа де-Сегюръ и ксендза де-Латиль. Первые дни свиданія царственныхъ изгнанниковъ были посвящены воспоминанію о несчастіяхъ, пережитыхъ ими за послѣдніе годы; но главнымъ предметомъ ихъ бесѣдъ было, разумѣется, обсужденіе формы торжественнаго протеста, который они намѣревались разослать европейскимъ дворамъ противъ дѣйствій Наполеона; ихъ поощрялъ къ этому отъ имени короля Густава IV преданный семейству Бурбоновъ маршалъ де-Ферзенъ; впрочемъ, и онъ подтвердилъ запрещеніе короля обнародовать этотъ протестъ изъ Швеціи.

Людовикъ XVIII, благодаря Густава IV за гостепріимство, писалъ ему, что онъ не долго пробудетъ въ Швеціи, намѣреваясь возвратиться въ Варшаву, и между прочимъ увѣдомлялъ короля о томъ, что онъ ожидаетъ отъ Александра I отвѣта на свою просьбу, чтобы императоръ разрѣшилъ сенату принять на храненіе протестъ Бурбоновъ, подобно тому какъ императоръ Павелъ дозволилъ хранить въ сенатскомъ архивѣ актъ о бракосочетаніи герцога и герцогини Ангулемскихъ.

23-го октября 1804 г. король простился съ гр. д'Артуа и, не дождавшись отвѣта отъ русскаго императора, собрался ѣхать обратно въ Ригу, но, въ моментъ своего отъѣзда, онъ получилъ неожиданно письмо прусскаго министра Гарденберга, адресованное на имя графа д'Артуа.

Въ письмѣ этомъ говорилось, что Пруссія, признавъ съѣздъ, происшедшій въ Кольмарѣ съ дозволенія короля шведскаго, непріязненнымъ по отношенію къ французскому королю и слѣдовательно могущимъ повредить ему, извѣщаетъ его, что дальнѣйшее пребываніе гр. де-Лилль

въ Варшавѣ не согласовалось бы съ нейтралитетомъ, который король прусскій намѣренъ впредь соблюдать. Этотъ шагъ былъ вызванъ перемѣною, произшедшею въ настроеніи Фридриха Вильгельма III по отношенію къ Бурбонамъ, и опасеніемъ, чтобы покровительство, оказываемое имъ, не повело къ войнѣ съ Франціей. Еще 2-го октября 1804 г. король писалъ Гарденбергу изъ Потсдама:

«Я строго исполнялъ до сихъ поръ всѣ правила гостепріимства, но постоянные укоры, которые мнѣ приходится за это выслушивать, въ высшей степени мнѣ непріятны.

«Двусмысленное поведеніе моихъ гостей требуетъ, чтобы этому дѣлу былъ положенъ конецъ. Если они выѣхали изъ Пруссіи, для того чтобы играть иную роль, то имъ не для чего возвращаться въ мои владѣнія. Такъ какъ мои опасенія легко могутъ сбыться, то необходимо предупредить осложенія, которыя могутъ быть вызваны дальнѣйшимъ пребываніемъ этихъ принцевъ въ моей монархіи».

Гарденбергъ раздѣлялъ эти опасенія. «Дѣло это необходимо окончить какъ можно скорѣе,—писалъ онъ королю.—Даже враги Франціи порицаютъ поступки этихъ принцевъ. Въ Кольмарѣ несомнѣнно подготовляется манифестація, которая не можетъ понравиться императору и которая будетъ приведена въ исполненіе по возвращеніи гр. де-Лилль въ Варшаву. Теперь уже нѣтъ возможности предотвратить этого факта, но необходимо немедленно довести о рѣшеніи вашего величества до свѣдѣнія гр. де-Лилль, и это будетъ поручено Тарраху».

— Это письмо не требуетъ отвѣта,—сказалъ Людовикъ XVIII, прочитавъ его и измѣнивъ свой первоначальный планъ, онъ рѣшилъ въ первый моментъ остаться въ Кольмарѣ, гдѣ ему былъ обѣщанъ пріютъ; но, подумавъ о томъ, какое длинное и утомительное путешествіе пришлось бы совершить его супругѣ и герцогинѣ Ангулемской, онъ рѣшилъ поселиться снова въ Митавѣ, такъ какъ императоръ Александръ I еще за годъ передъ тѣмъ предлагалъ ему пріютъ въ митавскомъ замкѣ.

Въ первыхъ числахъ ноября король прибылъ въ Ригу [1]); но тутъ его снова ожидало непріятное извѣстіе; россійскій императоръ выразилъ желаніе, чтобы королевская семья поселилась на постоянное жи-

---

[1]) *Всеподданнѣйшій рапортъ генерала-отъ-инфантеріи графа Буксгевдена, отъ 29-го октября 1804 г. Рига.*

Минувшаго августа 2-го, отправившіеся отъ рижскаго порта на рижскомъ бригѣ „Киндеръ Киндерсѣ“ со шкипером Лай Лауренсономъ въ Швецію въ мѣстечко Кольмаръ, графъ де-Лилль и графъ де-Шателлеро со свитою, сего октября 26-го на томъ же бригѣ „Киндерсѣ“ и съ тѣмъ же шкипером обратно къ рижскому порту прибыли и въ Ригѣ остановились О чемъ вашему императорскому величеству имѣю счастіе всеподданнѣйше донесть.

Ред.

тельство не въ Митавѣ, а въ Кіевѣ [1]); и только въ виду поздняго времени года имъ было разрѣшено временное пребываніе въ Митавѣ [2]).

Очевидно, этотъ шагъ со стороны Россіи объяснялся вызывающимъ образомъ дѣйствій претендента противъ Франціи и противъ всѣхъ державъ, которыя подпали подъ вліяніе Наполеона.

---

[1]) *Письмо князя А. Чарторыйскаго графу В. П. Кочубею, 29-го ноября 1804 г.*

Милостивый государь, графъ Викторъ Павловичъ! Графъ де-Лилль письмомъ своимъ изъ Риги извѣщая государя императора о намѣреніи имъ принятомъ основать пребываніе свое въ Россіи со всей фамиліей и чинами, свиту его составляющими, испрашивалъ высочайшаго на то соизволенія, которое и послѣдовало съ назначеніемъ къ непремѣнному графу де-Лилль пребыванію города Кіева и съ дозволеніемъ при томъ занять нынѣ для его сіятельства Митавскій замокъ, буде пожелаетъ онъ остаться на нѣкоторое время въ Курляндіи. Его величеству угодно было мнѣ повелѣть вашему сіятельству сообщить, дабы благоволили вы, милостивый государь, снабдить соотвѣтственными тому предписаніями кого слѣдуетъ въ Митавѣ и въ Кіевѣ. Каковую высочайшую волю симъ исполнить поспѣшая, имѣю честь присовокупить къ сему для свѣдѣнія вашего копію съ письма государя императора по предмету сему къ графу де-Лиллю отправленнаго. Ред.

[2]) *Письмо графа Буксгевдена къ графу В. П. Кочубею, 20-го декабря 1804 г. № 3415. Рига.*

По высочайшему его императорскаго величества позволенію, его величество король французскій предполагаетъ занять отведенныя ему для пребыванія въ Митавскомъ замкѣ комнаты, о чемъ извѣщаю ваше сіятельство съ приложеніемъ списка находящимся въ свитѣ королевской особамъ; а при томъ, поелику нынѣ положеннаго для рѣдкаго топленія печей въ замкѣ количества дровъ недостанетъ на время пребыванія въ ономъ короля французскаго, то покорнѣйше васъ, милостивый государь, прошу снестись съ министромъ финансовъ объ отпускѣ потребнаго количества дровъ изъ курляндскаго форстдепартамента, или увѣдомить меня, не относится ль отапливаніе комнатъ на счетъ самого короля.

Списокъ находящимся въ свитѣ королевской особамъ.

Personnes principales attachées à Monsieur le Comte de l'Isle et à M-r et à Madame la Duchesse d'Angoulême.

Messieurs: L'Archevêque de Rheims; l'Abbé Edjvorth; le Duc d'Aumont; le Duc de Grammont; le Duc de Pienne; le Duc d'Havré; le Duc de Fleury; le Comte de la Chapelle; le Comte de Damas; le Comte Etienne de Damas; le Vicomte d'Agoult; le Marquis de Vassé; le Marquis de Bonnay; le Comte d'Avaray.

Mesdames: la Duchesse de Serent; la Comtesse de Narbonne; la Comtesse de Damas; mademoiselle de Choisy.

M-rs: Hue; Clerg; Pevronet; le Docteur le Fevre; Pilles; Colignon; l'Abbé Fleuriel.

Anciens Gardes du Corps: Delukerque; Maledent; Rivière.

Mesdames. Perronet; Preaule; Huë; Colignon; m-lle Clerg.

Mesdames: Turgy; Guignet. Ред.

Императоръ Александръ относился къ Людовику XVIII доброжелательно, но не желалъ, чтобы король злоупотреблялъ своимъ положеніемъ, какъ это видно изъ письма, посланнаго 8-го ноября 1804 г. русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, княземъ Чарторыйскимъ къ русскому посланнику въ Берлинѣ—Алопеусу, съ цѣлью выяснить отношеніе императора Александра къ графу де-Лилль. «Императоръ не отвѣчалъ на его вторичное письмо и не далъ военнаго судна для переѣзда графа въ Кольмаръ,—писалъ Чарторыйскій.—Императоръ не хотѣлъ скрѣпить своимъ позволеніемъ акта, котораго онъ не признаетъ; онъ вполнѣ увѣренъ, что этотъ поступокъ съ его стороны встрѣтитъ одобреніе его величества, короля прусскаго».

Разрѣшая Людовику XVIII дальнѣйшее пребываніе въ Россіи, русское правительство проявило несомнѣнно большую самостоятельность и выказало этимъ свое недоброжелательное отношеніе къ французскому правительству; поэтому удаленіе Людовика XVIII въ Кіевъ имѣло цѣлью только устранить короля на будущее время отъ участія въ текущихъ событіяхъ.

Королева Марія-Жозефина и герцогиня Ангулемская только въ апрѣлѣ 1805 г. могли выѣхать изъ Варшавы, чтобы соединиться съ королемъ въ Митавѣ [1]). Причиною этого запозданія было плохое состояніе здоровья королевы и недостатокъ денежныхъ средствъ.

---

[1]) Приводимъ документъ, коимъ было повелѣно привести Митавскій замокъ къ пріѣзду королевской семьи въ надлежащій порядокъ.

Отношеніе графа Буксгевдена къ г. министру внутреннихъ дѣлъ, дѣйств. тайн. совѣт. графу Кочубею, 11-го февраля 1805 г. № 338. Рига.

До полученія отношеній вашего сіятельства минувшаго января отъ 11-го и 27-го чиселъ, предписано отъ меня было уже, чтобы всѣ митавскаго замка покои, не оставляя нисколько, предоставлены были для пребыванія графа де-Лилль съ его свитою. Касательно-жъ недостатка мебели и нѣкоторыхъ другихъ, впрочемъ мелкихъ, въ замкѣ неисправностей, долгомъ моимъ считаю изъясниться о подлинности сего. Ибо, во-первыхъ: изъ отношенія вашего сіятельства видно, что мебели долженъ былъ его величество Людовикъ XVIII сбыть съ рукъ за весьма низкую цѣну при скоропостижномъ выѣздѣ своемъ изъ Митавы въ 1801 году. Во-вторыхъ будучи я въ Митавѣ, удостовѣрился о недостаткѣ мебели, поелику болѣе 100 комнатъ предоставлено графу де-Лиллю и его свитѣ, въ кои мебели нужно количество значущее, а теперь мебели хотя и есть, но разсѣяны оныя въ столь великомъ числѣ комнатъ и конечно въ нихъ крайній недостатокъ. Мнѣ отчасти извѣстно, что къ прежнему въ замкѣ семъ пребыванію Людовика XVIII мебели посланы были изъ С.-Петербурга отъ высочайшаго двора, при томъ конечно оставались прежде того бывшія, и положить, что нѣкоторые обветшали и разломались; но чтобъ знать, сколько ихъ было, куда иныя употреблены и нынѣ сколько оныхъ быть должно, я требовалъ отъ курляндской казенной палаты онымъ опись, каковой однакожъ въ палатѣ не оказалось, хотя бы и должно быть непремѣнно. Въ такомъ случаѣ о доставленіи объ оныхъ свѣдѣнія, отнесся я къ оберъ-

Король, въ письмахъ къ супругѣ, просилъ ее соблюдать строжайшую экономію. Согласно его желанію число королевской прислуги было уменьшено до двѣнадцати человѣкъ. Лошади и экипажи были проданы. Несмотря на это, по отъѣздѣ королевской семьи изъ Варшавы, у нея остались долги. Въ Митаву высокихъ путешественниковъ сопровождали только маркграфиня де-Бонне, ксендзъ Эджвортъ и нѣсколько прислугъ.

гофмаршалу графу Толстому. Между тѣмъ, поелику въ теченіи сего мѣсяца имѣютъ прибыть въ замокъ графиня де-Лилль и герцогиня Ангулемская съ ихъ свитами, и тогда недостатокъ въ мебеляхъ будетъ ощутительнѣйшій, то къ предупрежденію сего я получа отъ графа де-Лилля реестръ нужнымъ мебелямъ, приказалъ я закупить оныя, сколько можно было найти въ рижскихъ магазинахъ, и прочіе заказать сдѣлать. Какія жъ именно то мебели и коихъ суммою съ провозомъ на 903 руб., 1.362 тал. 20 мар., о семъ прилагаю вѣдомость. Такъ распорядилъ я безъ предварительнаго съ вашимъ сіятельствомъ сношенія потому, чтобъ скорый пріѣздъ графини де-Лилль и герцогини Ангулемской съ ихъ свитами предупредить доставленіемъ тѣхъ въ замокъ мебелей и основываясь на послѣднемъ отъ васъ отношеніи, что государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ, дабы учинены были распоряженія къ исправленію всего въ замкѣ, что по жительству тамъ графа де-Лилля необходимо будетъ нужно. И что его императорское величество желаетъ доставить графу де-Лиллю всякія возможныя удобности въ его помѣщеніи. Между тѣмъ ваше сіятельство предполагаете, что я уже и принялъ для того мѣры въ разсужденіи неисправностей замка, то оныхъ конечно быть бы не могло, есть ли бы на содержаніе онаго была особо ассигнованная сумма по примѣру тому, какъ таковая положена дворцамъ въ общій по двору штатъ не вошедшимъ. Оный нынѣ изъ вѣдомства казенной палаты отданъ и всѣ въ губерніи казенныя строенія въ вѣдомство гражданскаго губернатора, который за симъ замкомъ особаго надзора требующимъ не имѣетъ опредѣленнаго смотрителя. Судя по величинѣ замка и потому, что въ ономъ требуется соблюденіе чистоты и сохраненіе вещей къ оному принадлежащихъ, такъ же отапливаніе, я полагаю нужнымъ опредѣлить при замкѣ семъ одного смотрителя (шлосъ-фохта) и двухъ по крайности служителей или рабочихъ съ жалованьемъ въ годъ, первому 200 талеровъ, послѣднимъ каждому по 60 талеровъ, а также и особую ассигновать на содержаніе онаго сумму до 1.000 р., потому что нельзя отнюдь признать возможнымъ изъ 1.000 руб. въ годъ строительной суммы содержать и замокъ сей, слѣдственно вмѣсто частыхъ представленій о суммѣ на поддержаніе замка нужной былъ бы уже готовый всегда и въ свое время употребляемый съ должнымъ отчетомъ капиталъ. Что все и предоставляю благоразсмотрѣнію вашего сіятельства. Какія жъ нынѣ въ митавскомъ замкѣ потребны поправки, объ оныхъ смѣту у сего прилагая, покорнѣйше васъ, милостивый государь мой, прошу представить о недостаткѣ мебелей и о прочихъ неисправностяхъ государю императору, испросить высочайшее объ ассигнованіи той суммы повелѣніе и донесть его императорскому величеству, что какъ старыя мебели по приведеніи оныхъ въ гласность, такъ и вновь купленныя будутъ въ счету не по прежнему, по всей возможности, сбережены, при выѣздѣ изъ замка графа де-Лилля надлежащимъ образомъ приняты и останутся готовыми впредь на другіе подобные случаи". Ред.

Ксендзъ Эджвортъ де-Фирмонъ передъ отъѣздомъ изъ Варшавы написалъ завѣщаніе, оставивъ все свое небольшое имущество своему вѣрному слугѣ Буссету. «Онъ служилъ мнѣ десять лѣтъ,—писалъ завѣщатель,—сопровождалъ меня за границу въ то время когда во Франціи господствовалъ терроръ и когда я не могъ найти въ ней пріюта; его попеченію и преданности я обязанъ своимъ спасеніемъ. Онъ дѣлилъ со мною всѣ невзгоды, былъ моимъ довѣреннымъ лицомъ и моимъ товарищемъ въ несчастіи. Я не хочу, чтобы онъ терпѣлъ нужду послѣ смерти моей, и поэтому оставляю ему все, что я имѣю».

Еще ранѣе уѣхала изъ Варшавы принцесса Луиза-Аделаида де-Бурбонъ Конде, постриженная въ монахини и жившая въ монастырѣ сакраментокъ. Вмѣшательство прусскихъ гражданскихъ властей во внутреннія дѣла монастыря и присвоеніе ими себѣ права утверждать настоятельницу монастыря побудили принцессу обратиться къ проживавшимъ въ Лондонѣ епископамъ: Леону, де-Ваннъ и де-Нантъ, съ просьбою перевести ее въ монастырь, принадлежавшій тому же духовному ордену въ Англіи.

Принцесса выѣхала изъ Варшавы въ маѣ мѣсяцѣ 1805 г., съ надежными провожатыми въ Гданскъ, гдѣ она провела нѣсколько мѣсяцевъ въ монастырѣ бригитокъ до полученія отъ принца Конде извѣстія о существованіи въ Англіи монастыря бенедиктинокъ, находившагося подъ покровительствомъ княгини де Lewis de Migeroix. Въ исходѣ 1805 г. принцесса уѣхала изъ Гданска въ сопровожденіи неразлучной съ нею сестры Розаліи и посланнаго принцемъ Конде ей на встрѣчу графа де-Фротте. Послѣ реставраціи Бурбоновъ она вернулась во Францію и скончалась въ 1824 г. въ монастырѣ Тампль, основанномъ въ томъ мѣсяцѣ, одно названіе котораго вызывало въ душѣ Бурбоновъ столько горькихъ воспоминаній.

Во время вторичнаго пребыванія въ Митавѣ, надежда на скорую реставрацію Бурбоновъ не покидала Людовика XVIII ни на минуту. Онъ мечталъ о высадкѣ на берега Франціи и издавалъ новыя прокламаціи, которыя ни на кого не производили ни малѣйшаго впечатлѣнія. Митавскій изгнанникъ былъ всѣми забытъ, звѣзда Наполеона разгоралась все ярче, и радостные возгласы, которыми народъ привѣтствовалъ торжественный въѣздъ героя въ Вѣну и Берлинъ, заглушали безпомощныя жалобы потомковъ Людовика Святаго.

Въ довершеніе всѣхъ бѣдствій, побѣдоносный для Наполеона исходъ кампаніи 1806 г. не сулилъ королевской семьѣ ничего отраднаго, а кончина всѣми уважаемаго ксендза Эджворта де-Фирмонъ повергла ее въ большое горе, воспоминаніемъ о которомъ осталась могильная плита съ надписью на латинскомъ языкѣ, сооруженная Людовикомъ XVIII на

митавскомъ кладбищѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ покоятся останки его духовника.

Принявъ во вниманіе благопріятный оборотъ, совершившійся въ русской политикѣ по отношенію къ Франціи, и не желая ставить Александра I въ затруднительное положеніе, король вторично и навсегда выѣхалъ изъ Митавы въ октябрѣ мѣсяцѣ 1807 года и отправился въ Англію, гдѣ онъ прожилъ до 1814 г. въ Гартвеллѣ, въ графствѣ Букингамскомъ. 3-го мая 1814 г., по вступленіи союзныхъ войскъ во Францію, онъ пріѣхалъ въ Парижъ, какъ законный, милостью Божіей, король и издалъ прокламацію, обѣщая народу править имъ либерально, какъ того требовалъ духъ времени. Какъ извѣстно, онъ не сдержалъ своего слова. По возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы, Людовикъ XVIII вторично вступилъ въ 1815 г. въ Парижъ, подъ покровительствомъ войскъ Веллингтона. Слабый физически и умственно, онъ не оставилъ въ исторіи Франціи особенно замѣтнаго слѣда.

Людовикъ XVIII не имѣлъ случая выразить своей признательности къ полякамъ за ихъ отношеніе къ королевской семьѣ во время ея пребыванія въ Варшавѣ чѣмъ-либо иномъ, какъ посвятивъ имъ нѣсколько теплыхъ словъ въ своихъ воспоминаніяхъ, оставленныхъ потомству. Онъ не могъ доказать этой признательности на дѣлѣ, такъ какъ во время его царствованія съ 1815 по 1824 г. Польша пользовалась, благодаря великодушію императора Александра I, такимъ благосостояніемъ и въ ней произошелъ такой подъемъ общественной и политической жизни, на какой она не могла разсчитывать послѣ утраты своей самостоятельности; въ такомъ положеніи ей не было ни малѣйшей надобности добиваться благосклонности и сочувствія Бурбоновъ.

Перев. **В. В. Тимощукъ.**

Объ употребленіи исключительно русской бумаги и русскаго сюргуча.

1810—1811 гг.

Какъ противодѣйствіе ввозу иностранныхъ предметовъ и поощренія русскаго производства, въ декабрѣ 1810 года министръ внутреннихъ дѣлъ объявилъ Комитету министровъ, что императоръ, одобривъ представленные имъ образцы выдѣлываемой въ Россіи разныхъ сортовъ писчей бумаги, повелѣлъ, чтобы во всѣхъ министерствахъ и подвѣдомственныхъ имъ мѣстахъ никакой другой кромѣ русской бумаги употребляемо не было [1]). О таковомъ высочайшемъ повелѣніи было предписано Сенатомъ всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, а спустя полгода запрещено было употреблять другой сюргучъ «кромѣ того, который выдѣлывается въ Россіи и имѣетъ штемпель съ изображеніемъ россійскаго герба и съ означеніемъ имени фабриканта» [2]).

---

[1]) Журналъ Комитета министровъ 28-го декабря 1810 г.

[2]) Письмо О. П. Козодавлева А. Д. Балашеву, 6-го іюня 1811 г.

Записки графа Л. Л. Беннигсена

о

войнѣ съ Наполеономъ 1807 года.

XIX [1]).

Движеніе отъ Гейльсберга на Прегель чрезъ Бартенштейнъ и Шиппенбейль.— Сраженіе подъ Фридландомъ.

Утромъ 31-го мая (12-го іюня) наша армія собралась въ Бартенштейнъ и получила отъ передовыхъ разъѣздовъ извѣстія, что сильная непріятельская колонна подъ начальствомъ маршала Ланна направляется на Домнау. Въ тотъ же вечеръ я довелъ свою армію до Шиппенбейля, чтобы имѣть возможность воспрепятствовать непріятелю опередить меня на берегахъ рѣки Прегеля.

Князю Багратіону было поручено прикрывать это движеніе со стороны Гейльсберга и вдоль праваго берега р. Алле своимъ арріергардомъ, и уничтожить мостъ на р. Алле, послѣ того какъ онъ дойдетъ до деревни Гросъ-Золенъ.

Генералъ Платовъ долженъ былъ по-прежнему высылать частые разъѣзды казаковъ на лѣвый берегъ р. Алле, чтобы имѣть свѣдѣнія о движеніи непріятельской арміи.

Къ вечеру того же дня Наполеонъ прибылъ со всею своею главною квартирою въ Прейсишъ-Эйлау.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль 1900 г.

13-го іюня наши передовые разъѣзды донесли, что сильная непріятельская колонна направляется на Фридландъ.

Это побудило меня немедленно отправить генералъ-лейтенанта князя Голицына съ частію кавалеріи праваго крыла и уланскимъ его высочества великаго князя полкомъ, всего 20 эскадроновъ къ Фридланду.

Великій герцогъ Бергскій съ авангардомъ двигался къ Кёнигсбергу, а маршалъ Даву долженъ былъ слѣдовать за нимъ, чтобы поддержать его въ случаѣ надобности. Маршалъ Сультъ съ своимъ корпусомъ шелъ на Ландсбергъ къ Кёнигсбергу. Маршалы Ланнъ и Удино съ ввѣренными имъ войсками, а также генералъ Домбровскій съ польскими и двумя саксонскими полками направлялись къ Фридланду. По движенію этихъ непріятельскихъ войскъ я предположилъ, что императоръ Наполеонъ прежде всего намѣревается частію этихъ войскъ прикрыть Прейсишъ-Эйлау, а также движеніе великаго герцога Бергскаго и маршала Сульта къ Кёнигсбергу и въ то же время поддержать и другіе корпусы, которые должны были подходить и занимать лѣвый берегъ какъ рѣки Алле, такъ и Прегеля. Весьма скоро всѣ эти корпусы перемѣнили свое направленіе.

Генералъ-лейтенантъ Лестокъ, по полученіи свѣдѣнія о приближеніи французовъ въ значительномъ числѣ, рано утромъ 31-го мая (12-го іюня) отступилъ на Цинтенъ, чтобы быть ближе отъ войска генерала графа Каменскаго и по возможности соединиться съ нимъ.

Ночью генералъ Викторъ съ первымъ армейскимъ своимъ корпусомъ перешелъ Пассаргу, прошелъ Мельзавъ и оттѣснилъ всю цѣпь аванпостовъ по направленію Толькздорфа до самаго Шонлингена.

1-го (13-го) іюня генералъ Лестокъ узналъ, что непріятель подвигается со стороны Прейсишъ-Эйлау по большой дорогѣ въ Кёнигсбергъ. Не желая подвергнуться опасности быть отрѣзаннымъ отъ этого города, онъ рѣшился направиться въ Мансфельду и выслать отрядъ въ Виттенбергъ, который долженъ былъ доставлять свѣдѣнія о движеніи непріятеля съ этой стороны.

Въ тотъ же самый день генералъ Лестокъ былъ извѣщенъ, что графъ Каменскій прибылъ со своимъ корпусомъ въ Удервангенъ, позади рѣки Фришинга. Онъ послалъ ему приказаніе занять позицію въ Людвигсвальде, а самъ съ остальнымъ войскомъ направился на Голлау, гдѣ и сосредоточилъ оба корпуса. Въ то время какъ онъ ставилъ свои войска на позицію, французы, близко за нимъ слѣдовавшіе, должны были отступить съ поспѣшностью и были преслѣдуемы нашей кавалеріей до самаго Мансфельда.

1-го (13-го) іюня я двинулъ свою армію двумя колоннами по направленію къ Фридланду.

Князь Голицынъ, прибывъ съ кавалеріею къ окрестностямъ Фрид-

ланда, нашелъ, что три полка непріятельской кавалеріи, въ томъ числѣ два—саксонскихъ кирасиръ и одинъ—французскій уланскій, занимаютъ уже этотъ городъ. Отрядъ этой кавалеріи перешелъ уже мостъ на р. Алле, чтобы перебраться на правый берегъ рѣки и наблюдать за дорогами, по которымъ они могли ожидать нашего появленія. Завидя русскія войска, они быстро понеслись обратно въ городъ. Князь Голицынъ приказалъ полковнику Чаликову выслать эскадронъ уланъ его императорскаго высочества полка для преслѣдованія этого непріятельскаго отряда, который, разобравъ нѣсколько досокъ на мосту чрезъ р. Алле, намѣревался не допустить нашихъ уланъ проникнуть въ городъ, Но командиръ эскадрона, князь Манвеловъ, скоро исправилъ мостъ и несмотря на огонь непріятеля атаковалъ французовъ, опрокинулъ и прогналъ ихъ въ городъ, который уже очистили находившіеся въ немъ три полка. Они вышли изъ города и выстроились въ боевой порядокъ. Наши уланы, скоро подкрѣпленные двумя эскадронами того же полка подъ командою Мезенцова и двумя эскадронами Орденскаго кирасирскаго полка, снова атаковали французовъ, опрокинули ихъ и преслѣдовали до самой деревни Хейнсдорфъ. Тутъ непріятель хотѣлъ остановиться и выдвинулъ своихъ фланкеровъ, но наша кавалерія, подкрѣпленная еще тремя эскадронами уланскаго его высочества полка, снова опрокинула непріятеля и прогнала его, при чемъ онъ понесъ не малую потерю убитыми и ранеными; въ плѣнъ же были взяты 56 рядовыхъ и четыре офицера. Эти плѣнные были приведены ко мнѣ при моемъ прибытіи въ этотъ городъ и единогласно показывали, что тутъ (у Постена) изъ французскихъ войскъ находится только одинъ корпусъ маршала Удино, въ составѣ не болѣе десяти тысячъ человѣкъ, изъ числа которыхъ шесть тысячъ еще отстали; изъ польскихъ же войскъ генерала Домбровскаго тутъ находился одинъ кирасирскій полкъ, одинъ саксонскій легкой кавалеріи и одинъ уланскій № 9 французскій полкъ. На этомъ основаніи я рѣшился оставить впереди города кавалерію подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Голицына, къ которому присоединилъ еще весь отрядъ князя Багратіона, а также 7-ю и 8-ю дивизіи подъ начальствомъ генерала Дохтурова, съ тѣмъ чтобы они въ состояніи были отразить непріятельскій корпусъ, а тѣмъ самымъ дать нашей арміи возможность въ Фридландѣ имѣть день отдыха, который я желалъ ей доставить.

Изъ сдѣланнаго мною измѣненія въ пути моего движенія отъ Бартенштейна чрезъ Шиппенбейль и Фридландъ, единственно съ цѣлію сохранить рѣку Алле, какъ преграду между мною и непріятельскою арміею, можно уже убѣдиться въ моей твердой рѣшимости держаться строго обѣщанія, даннаго мною великому князю Константину Павло-

вичу, послѣ сраженія при Гейльсбергѣ, избѣгать всякаго столкновенія съ непріятелемъ.

2-го (14-го) іюня въ четыре часа утра войска, которыя я перевелъ на лѣвый берегъ р. Алле, были выстроены впереди города въ боевомъ порядкѣ въ двухъ линіяхъ слѣдующимъ образомъ.

На правомъ нашемъ крылѣ стояли генералъ Кологривовъ и Уваровъ съ кавалеріею напротивъ деревни Хейнрихсдорфъ; впереди нихъ были устроены батареи. Послѣ кавалеріи стояла пѣхота по дивизіямъ, именно: третья подъ начальствомъ генерала Титова, седьмая и осьмая подъ командою Дохтурова, вторая подъ начальствомъ генерала Сукина 2-го. Затѣмъ стоялъ корпусъ генералъ-лейтенанта князя Горчакова и авангардъ подъ начальствомъ князя Багратіона, составлявшій лѣвое крыло нашей позиціи.

Кавалерія, предводительствуемая княземъ Голицынымъ, должна была поддерживать центръ и лѣвое крыло нашей позиціи. Часть нашей артиллеріи, была расположена позади второй линіи. Наконецъ стоялъ резервъ, въ которомъ находились гвардейскіе полки: Семеновскій, Измайловскій и Конногвардейскій.

При приближеніи непріятеля удалось захватить нѣсколько плѣнныхъ, подтвердившихъ, что корпусъ маршала Ланна присоединился къ корпусу Удино и что Наполеонъ съ главными силами арміи направляется къ Кёнигсбергу.

Я не счелъ нужнымъ поэтому дѣлать какихъ-либо измѣненій въ расположеніи моихъ войскъ и оставилъ ихъ отдохнуть на правомъ берегу р. Алле, вполнѣ увѣренный, что находившихся со мною на лѣвомъ берегу вполнѣ достаточно для отраженія вышеупомянутыхъ двухъ непріятельскихъ корпусовъ, въ случаѣ ихъ на насъ нападенія.

Я упорно держался твердаго моего намѣренія всячески избѣгать значительнаго столкновенія съ непріятелемъ и хотѣлъ только до заката солнца оборонять позицію, занятую мною впереди города, а затѣмъ намѣревался перейти на правый берегъ рѣки Алле и рано утромъ продолжать свое дальнѣйшее движеніе на Велау.

Тѣмъ временемъ французы стянули свои силы противъ центра нашей позиціи. Сильная колонна двинулась впередъ и какъ бы показывала намѣреніе атаковать насъ въ штыки. Генералъ Дохтуровъ съ своей стороны приготовился ихъ встрѣтить и дать имъ сильный отпоръ. Онъ приказалъ генералу графу Кутайсову открыть артиллерійскій огонь, что̀ и было исполнено съ большимъ успѣхомъ. Тѣмъ не менѣе эта сильная французская колонна, съ величайшимъ хладнокровіемъ и безъ малѣйшаго выстрѣла, весьма близко подошла къ нашей пѣхотѣ; генералъ Дохтуровъ, видя, что она уже не ускользнетъ отъ русскихъ штыковъ, приказалъ генералу Энгельгардту двинуться ей на встрѣчу со своею

бригадою, которую поддерживали нѣкоторые полки 7-й и 8-й дивизій. Эта колонна французовъ, намѣревавшаяся рѣшительно прорвать нашъ центръ, скоро подверглась нападенію столь стремительному съ нашей стороны, что поколебалась и затѣмъ обратилась въ бѣгство до самаго лѣса. Наша пѣхота опять возвратилась на свою позицію, захвативъ около 32 плѣнныхъ и орла отъ 15-го линейнаго пѣхотнаго полка, взятаго нашимъ Шлиссельбургскимъ полкомъ.

По донесенію генерала Дохтурова, что непріятель усиливаетъ свои войска противъ нашего центра, я разрѣшилъ ему требовать подкрѣпленіе отъ ближайшихъ къ нему частей войскъ, смотря по ходу и направленію непріятельскихъ атакъ. На этомъ основаніи генералъ Дохтуровъ усилилъ свой центръ гвардейскимъ Гренадерскимъ полкомъ и отрядомъ генерала Алексѣева. Непріятель однако ограничился одною артиллерійскою стрѣльбою и не дѣлалъ дальнѣйшихъ попытокъ къ нападенію.

Въ это время ранены были исполнявшій должность дежурнаго генерала Эссенъ 1-й и генералъ-квартермистръ Штейнгейль и принуждены были покинуть строй въ то самое время, когда присутствіе ихъ было очень необходимо.

Французы сдѣлали еще нѣсколько демонстрацій противъ корпуса князя Горчакова, но, видя, что онъ усилилъ себя гвардейскими полками Измайловскимъ и Семеновскимъ, не продолжали дальнѣйшаго нападенія. При этомъ, къ великому сожалѣнію всей арміи, оторвало ядромъ ногу у храбраго генерала Сукина 2-го.

Во время этихъ непріятельскихъ атакъ, которыя были отражены, наша линія войскъ выдвинулась значительно впередъ. Но, узнавъ отъ плѣнныхъ, присланныхъ ко мнѣ генераломъ Дохтуровымъ, что эти атаки на нашъ центръ произведены частію войскъ корпуса маршала Даву, я немедленно далъ приказаніе нашимъ генераламъ возвратиться на прежнія позиціи, чтобы находиться ближе къ городу и къ тремъ плавучимъ мостамъ, устроеннымъ мною на рѣкѣ Алле съ цѣлію облегченія перехода нашихъ войскъ на правый ея берегъ.

Французы, принявъ наше передвиженіе за отступленіе, направили на насъ свою кавалерію, но она была отбита нашею конною гвардіею, поддержанною артиллеріею.

Противъ нашего праваго крыла непріятель значительно усилилъ свою кавалерію, и тутъ неоднократно происходили отдѣльныя схватки какого-либо непріятельскаго полка съ нашимъ, при чемъ не было рѣшительнаго успѣха ни съ той, ни съ другой стороны. Это продолжалось нѣсколько часовъ, пока французы рѣшились произвести общую атаку. Генералъ Уваровъ удачно отразилъ ихъ и принудилъ даже отойти за деревню Хейнрихсдорфъ.

Послѣ этого ружейный огонь по всей линіи совершенно прекратился, раздавались только по временамъ артиллерійскіе выстрѣлы въ разныхъ мѣстахъ. Я считалъ уже совершенно оконченнымъ дѣло, которое возгорѣлось гораздо сильнѣе, нежели я желалъ. Но вдругъ около семи часовъ вечера офицеры, размѣщенные на городской колокольнѣ для наблюденія за движеніями непріятеля, донесли мнѣ, что позади лѣса на разныхъ дорогахъ, идущихъ отъ Прейсишъ-Эйлау, виднѣются большіе столбы пыли, происходящіе очевидно отъ движенія сильныхъ непріятельскихъ колоннъ. Дѣйствительно, это подходилъ самъ Наполеонъ съ главными силами своей арміи. Получивъ въ ночь извѣстіе, что русская армія перешла рѣку Алле подъ Фридландомъ, онъ разомъ перемѣнилъ направленіе движенія всѣхъ своихъ корпусовъ, приказалъ имъ быстро двинуться къ этому городу, всѣмъ кромѣ корпуса маршала Сульта и нѣсколькихъ полковъ резервной кавалеріи, продолжавшихъ по-прежнему свое движеніе къ Кёнигсбергу.

Лишь только было получено вышеозначенное донесеніе, я немедленно приказалъ всю нашу тяжелую артиллерію перевести чрезъ городъ на правую сторону рѣки Алле и разослалъ нашимъ генераламъ приказанія немедленно отступать по мостамъ, устроеннымъ для этой цѣли. Но въ то же время показались изъ лѣса головы непріятельскихъ колоннъ, и одна изъ ихъ батарей въ 20 орудій, выставленная близъ деревни Постененъ (Postehnen), громила наше лѣвое крыло. По французскимъ свѣдѣніямъ, правое крыло первой непріятельской линіи занималъ маршалъ Ней, центръ ея—маршалъ Ланнъ, а на лѣвомъ крылѣ находился маршалъ Мортье. Остальные корпусы составляли вторую линію и резервы. Кавалерія подкрѣпляла фланги этихъ линій.

Тѣмъ временемъ наши войска начали совершать отступленіе въ порядкѣ, тихо, съ твердою рѣшимостью отразить непріятеля, если бы онъ сталъ насѣдать на нихъ. Корпусъ маршала Нея былъ первымъ испытавшимъ это. Онъ оставилъ позицію, занимаемую имъ прежде въ лѣсу, чтобы тревожить отступленіе нашего лѣваго фланга. Наши войска остановились, сильно отразили французовъ и опрокинули ихъ. Нашъ Конногвардейскій полкъ въ особенности отличился при этомъ; онъ опрокинулъ нѣсколько полковъ французской кавалеріи и много способствовалъ спокойному отступленію нашего лѣваго крыла, которое не подвергалось уже дальнѣйшему нападенію непріятеля. Этотъ полкъ потерялъ въ разныхъ атакахъ восемьдесятъ человѣкъ и нѣсколько офицеровъ погибшихъ въ бою.

Войска нашего центра совершали свое отступленіе въ столь внушительномъ порядкѣ, что не могли подвергнуться какому-либо рѣшительному нападенію со стороны непріятеля; онъ ограничился здѣсь

только артиллерійскимъ огнемъ и то на довольно значительномъ разстояніи.

Попытки противъ нашего праваго крыла, сдѣланныя преимущественно кавалеріею, также не сопровождались успѣхомъ; она постоянно была отражаема и наконецъ удалена съ поля сраженія.

Когда послѣднія части нашего арріергарда вступили въ городъ, то непріятельскія войска также въ него проникли, но нѣкоторые наши егерскіе полки кинулись на нихъ и прогнали изъ города съ потерею; французы послѣ этого не безпокоили наше отступленіе.

Непріятель, полагаясь на свое значительное численное превосходство, льстилъ себя надеждою, что наши войска не перейдутъ рѣку Алле безъ большаго урона. Но когда онъ отважился на рѣшительный ударъ, долженствовавшій опрокинуть наши ряды, онъ самъ былъ дотого сильно отраженъ, что возъимѣлъ еще бо́льшее уваженіе къ храбрости русскаго солдата, внушенной ему уже предшествовавшими сраженіями. Поэтому по окончаніи сраженія подъ Фридландомъ, ни одинъ непріятельскій солдатъ не отважился слѣдовать за нашими войсками. Доказательствомъ этого служитъ то, что генералъ-маіоръ графъ Ламбертъ, замыкавшій колонну нашего праваго крыла, найдя, что мостъ, по которому ему предстояло двигаться, обрушился, продолжалъ свое движеніе съ гусарскимъ Александрійскимъ полкомъ и 12-тью тяжелыми артиллерійскими орудіями по лѣвому берегу Алле до самаго Алленбурга, гдѣ только переправился на правый берегъ. Потеря этого моста задержала на долго переходъ одной изъ нашихъ колоннъ, но французы не слѣдовали за нашими войсками и имѣли полную возможность найти броды, по которымъ перешли на правую сторону рѣки.

Вся наша потеря убитыми и ранеными въ этотъ день составляла 4.832 человѣка, въ томъ числѣ два генерала убитыхъ и пять раненыхъ.

Мы захватили у французовъ орла и 87 плѣнныхъ, но лишились сами пяти орудій, которыя, будучи подбиты, остались на полѣ сраженія. Вслѣдствіе разрушенія нашего моста, устроеннаго на судахъ въ правой сторонѣ города, четыре орудія завязли въ рѣкѣ, откуда не было возможности ихъ вытащить. Число солдатъ, захваченныхъ у насъ французами въ различныхъ атакахъ, очень невелико. Въ концѣ сраженія многіе изъ нашихъ, слишкомъ тяжело раненые для того, чтобы слѣдовать за арміею, попали въ руки непріятеля.

Давъ отдохнуть войскамъ, я съ тремя колоннами направился далѣе по дорогѣ къ Алленбургу.

Князь Багратіонъ съ своимъ арріергардомъ занялъ позицію сперва впереди деревни Клошененъ, а впослѣдствіи впереди Кукшенена, которую и удерживалъ до 10-ти часовъ утра, чтобы идти за арміею и при-

крывать ея движеніе по правому берегу рѣки Адле. Генералъ Платовъ съ своимъ летучимъ отрядомъ прикрывалъ движеніе остальныхъ колоннъ. Насколько битвою подъ Фридландомъ непріятель былъ лишенъ охоты драться съ нами, можно убѣдиться изъ того, что даже на другой день онъ не преслѣдовалъ ни одинъ изъ нашихъ арріергардовъ.

Дѣло подъ Фридландомъ началось съ ранняго утра; оно разгоралось незамѣтно, безъ значительнаго пролитія крови, противъ нѣкоторыхъ французскихъ корпусовъ, мною выше поименованныхъ. Честь нашей арміи не дозволяла намъ уступать имъ поле сраженія. Добавлю къ этому, что мы были при томъ въ невѣдѣніи о приближеніи всей французской арміи.

Признаюсь охотно, по совѣсти, что поступилъ бы лучше, избѣгнувъ совершенно этого столкновенія; это вполнѣ отъ меня зависѣло, и я конечно остался бы вѣренъ моей рѣшимости не вступать ни въ какое серьезное дѣло, развѣ что оно явилось бы необходимымъ для обезпеченія дальнѣйшаго движенія нашей арміи, если бы только ложныя сообщенія, которымъ подверженъ всякій генералъ, не ввели бы меня въ заблужденіе и если бы всѣ показанія плѣнныхъ, схваченныхъ въ разное время и въ различныхъ мѣстахъ, не свидѣтельствовали единогласно, что по ту сторону Фридланда находятся только корпуса маршаловъ Ланна и Удино и отрядъ Домбровскаго съ иностранными полками, но что императоръ Наполеонъ со всею арміею двинулся по дорогѣ къ Кёнигсбергу.

Судите сами о томъ значеніи, какое можно давать этому дѣлу, и вы конечно будете убѣждены, что потеря, понесенная нами подъ Фридландомъ, не могла ослабить силъ русской арміи, большая часть которыхъ находилась еще въ сохранности въ нашемъ отечествѣ для его защиты, и что это не должно было быть причиною мира, вскорѣ послѣ того заключеннаго. Вы видѣли, что уже на второй день сраженія при Гейльсбергѣ я рѣшился приблизиться къ рѣкѣ Прегелю и перейти оную. Прослѣдите мои движенія по картѣ, и вы усмотрите, что сраженіе при Фридландѣ нисколько не отклонило меня отъ намѣченнаго мною пути и нисколько не ускорило даже моего движенія. При томъ, произошло ли бы сраженіе подъ Фридландомъ или нѣтъ, обстоятельства оставались бы все тѣ же самыя. Не въ моей власти было воспрепятствовать тому, чтобы непріятель съ своими силами, значительно превосходившими наши, не занялъ бы Кёнигсберга. Мнѣ необходимо было во всякомъ случаѣ отступить къ границамъ имперіи, чтобы приблизиться къ подкрѣпленіямъ, которыя подходили ко мнѣ изъ внутреннихъ губерній и могли

доставить нашей арміи возможность и средства бороться съ непріятельскою, при меньшемъ неравенствѣ силъ [1]).

XX.

Отступленіе отъ Фридланда къ Алленбургу и Велау.—Отступленіе Лестока къ Кёнигсбергу и его дѣйствія.—Сдача Кёнигсберга французамъ.—Присоединеніе отряда Лестока къ арміи Беннигсена.—Отступленіе къ Тильзиту.—Переправа чрезъ Нѣманъ.—Дѣйствія Толстаго на Наревѣ.

Армія совершила совершенно спокойно свое движеніе отъ Фридланда къ Алленбургу, а оттуда въ Велау, куда прибыла къ вечеру 3-го (15-го) іюня, перейдя рѣку Прегель; во все это время въ арріергардѣ не пришлось даже выстрѣлить ни разу изъ ружья;—таково было впечатлѣніе, произведенное сраженіемъ подъ Фридландомъ на французовъ.

Нашъ арріергардъ и летучій корпусъ генерала Платова оставались на лѣвомъ берегу Прегеля. Главная квартира князя Багратіона находилась въ Анкенѣ, а генерала Платова—въ Петерсдорфѣ. Сей послѣдній получилъ отъ меня приказаніе выслать три казачьихъ полка въ Таніау, чтобы наблюдать за движеніемъ непріятеля и разрушить мостъ, находящійся на Прегелѣ, а также уничтожить всѣ лодки, которыя могли бы послужить непріятелю къ переправѣ чрезъ эту рѣку. Исполненіе этого было возложено на генерала Иловайскаго 2-го.

При такихъ условіяхъ генералъ Лестокъ, не имѣя возможности удерживать за собою Кёнигсбергъ, получилъ отъ меня предложеніе покинуть этотъ городъ и направиться со своимъ корпусомъ на Мильлаукенъ, гдѣ я его и поджидалъ со всею арміею, чтобы обезпечить ему выходъ изъ дефиле, находящагося вблизи Баумвальдскаго лѣса, въ которомъ тянется плотина на пространствѣ полторы мили, затрудняющая до крайности проходъ войска. Необходимо было ожидать Лестока, чтобы не подвергнуть его корпусъ нападенію французовъ въ превосходныхъ силахъ, послѣдствіемъ котораго могла быть значительная потеря въ людяхъ.

3-го (15-го) іюня Лестокъ покинулъ Кёнигсбергъ и направился въ Мильлаукенъ. Онъ оставилъ въ Кёнигсбергѣ 200 солдатъ, чтобы зани-

---

[1]) На этомъ оканчиваются записки графа Беннигсена въ экземплярѣ, сохранившемся у наслѣдниковъ генерала А. Б. Фока. Но въ архивѣ военно-ученаго комитета въ бумагахъ Беннигсена имѣются еще дальнѣйшія главы, которыя мы и помѣщаемъ ниже.

мать посты и караулы у городскихъ воротъ, поручивъ начальнику этого небольшаго отряда вступить съ французами въ переговоры о сдачѣ города на выгодныхъ для обывателей условіяхъ. Это вполнѣ удалось, и на другой день рано утромъ была подписана капитуляція, по которой французы заняли Кёнигсбергъ.

Наша армія 4-го (16-го) іюня выступила изъ Велау и 5-го (17-го) іюня заняла позиціи въ Мильлаукенѣ и Попелекенѣ. Около одиннадцати часовъ утра 5-го (17-го) іюня показалась голова колонны генерала Лестока и стала выходить изъ дефиле. Я отправился тогда въ Мильлаукенъ, чтобы увидѣть Лестока и условиться съ нимъ о дальнѣйшемъ движеніи въ этотъ день. Войска его корпуса были очень утомлены тяжелымъ переходомъ, только-что ими совершеннымъ, а потому и было рѣшено, что Лестокъ съ своимъ корпусомъ остановится на нѣсколько часовъ въ Мильлаукенѣ, чтобы дать отдохнуть солдатамъ.

Въ полдень моя армія тремя колоннами двинулась далѣе и сдѣлала небольшой переходъ до Шиллупишкена, гдѣ и остановилась на ночь въ сильной позиціи, чтобы дать возможность генералу Лестоку тѣмъ временемъ подойти къ намъ поближе. Его войска тронулись въ походъ около трехъ часовъ по полудни и къ вечеру дошли въ Шилькойена, гдѣ и ночевали.

6-го (18-го) іюня наша армія выступила изъ Шиллупишкена и рано утромъ прибыла въ Тильзитъ. Такъ какъ два дня мы дѣлали весьма незначительные переходы, то надлежало ожидать, что непріятель въ значительныхъ силахъ подойдетъ къ нашему арріергарду и попытается на него обрушиться или же завязать общее дѣло до переправы нашей чрезъ Мемель (или Нѣманъ). Для предупрежденія всякихъ случайностей, я приказалъ войскамъ занять позицію передъ городомъ Тильзитомъ. Въ этой позиціи я рѣшился ожидать прихода нашего арріергарда и отнюдь не допускать, чтобы непріятель тѣснилъ его и препятствовалъ бы нашей переправѣ чрезъ Нѣманъ, а въ случаѣ его попытокъ въ этомъ—отразить его усилія. Хотя французы и успѣли еще довольно рано подойти къ Тильзиту, но не приблизились къ нашей позиціи; нашъ арріергардъ задержалъ ихъ; я же послалъ въ городъ приказаніе, чтобы все, принадлежащее къ составу арміи, немедленно было бы переправлено на другую сторону Нѣмана, чрезъ который имѣлся только одинъ мостъ. Это побудило меня еще дня два ранѣе послать прусскаго генерала Хлѣбовскаго въ Тильзитъ, чтобы побудить городское управленіе устроить въ возможной скорости другой мостъ изъ лодокъ; но, несмотря на всѣ старанія и усилія Хлѣбовскаго, онъ встрѣтилъ столько затрудненій, что къ устройству моста даже не было и приступлено, когда я подошелъ съ арміею.

Французы, слѣдовавшіе за арріергардомъ князя Багратіона, также не имѣли успѣха въ ихъ нападеніяхъ; они вездѣ встрѣчали грозное сопротивленіе. Князь Багратіонъ вездѣ умѣлъ очень удачно пользоваться мѣстностью, чтобы поддерживать свои послѣдніе эшелоны, которые непріятелю не удавалось разстроить.

Удостовѣрившись вполнѣ, что наши арріергарды въ состояніи задерживать непріятеля и препятствовать скорому его прибытію къ Тильзиту, я сдѣлалъ необходимыя распоряженія къ переправѣ арміи на правый берегъ Нѣмана. Эта переправа совершилась въ слѣдующемъ порядкѣ: сперва переправился весь резервъ подъ начальствомъ великаго князя и тяжелая артиллерія; за тѣмъ всѣ пѣхотныя дивизіи и отрядъ генерала Лестока. Послѣ этого—войска центра нашей арміи и вся кавалерія. По мѣрѣ того какъ войска оставляли позиціи, которыя занимали передъ городомъ, князь Багратіонъ и графъ Каменскій подходили къ городу. Они оба перешли рѣку только 7-го (19-го) іюня въ пять часовъ утра. Тогда генералъ Платовъ въ свою очередь подошелъ къ городу, и его отрядъ такимъ же образомъ сталъ перебираться на правый берегъ Нѣмана. Послѣ того какъ всѣ наши войска совершили переправу, я приказалъ сжечь мостъ, по которому прошла вся армія.

На переправу всей арміи чрезъ такую большую рѣку, какъ Нѣманъ, и при томъ по одному мосту, потребовалось всего только десять часовъ. Необычайнымъ порядкомъ при переходѣ чрезъ мостъ я обязанъ его высочеству. Охрана моста была возложена на заботливость дежурнаго генерала Уварова и генерала Лаптева.

Всѣ наши войска расположились въ позиціи на высотахъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки Нѣмана. Генералъ Лестокъ со своими войсками сталъ на нашемъ правомъ флангѣ, и я поручилъ ему занять сильно островъ, образуемый Нѣманомъ и впадающею въ него рѣчкою Гильгою.

Меня не станутъ обвинять въ самолюбіи, если скажу, что горжусь совершеннымъ отступленіемъ и считаю оное однимъ изъ наилучшимъ образомъ выполненныхъ военныхъ дѣйствій этой кампаніи; оно всего лучше осуществилось на самомъ дѣлѣ. Я сомнѣваюсь, чтобы можно указать мнѣ другое отступленіе, совершенное столь же удачно послѣ сраженія, исходъ котораго, не будучи рѣшительнымъ, былъ однако неблагопріятенъ. При этомъ отступленіе совершалось понемногу, небольшими переходами на разстояніи въ 12 миль, въ виду непріятеля, втрое насъ сильнѣйшаго, но у котораго, въ продолженіе пяти дней отступленія, мы захватили въ плѣнъ двѣнадцать офицеровъ и 180 солдатъ, не считая убитыхъ и раненыхъ, потерявъ съ нашей стороны всего убитыми и ранеными около двадцати казаковъ.

Военныя дѣйствія этой кампаніи, смѣю думать, составятъ эпоху въ лѣтописяхъ военной исторіи какъ по обилію событій, такъ и по храбрости, проявленной русскими и французскими солдатами и офицерами. Эта храбрость и стойкость войска доставляла мнѣ часто возможность, — признаю это отъ всей души съ величайшимъ удовольствіемъ,—противостоять значительному превосходству непріятеля, съ которымъ мнѣ приходилось нерѣдко сражаться, и смѣю думать, что я, съ моей стороны, пользовался этимъ достоинствами арміи своевременно и осмотрительно на пользу и славу Имперіи. Потомство не въ состояніи будетъ отрицать этого. Оно также должно будетъ признать, что судьба государства и его арміи были ввѣрены мнѣ и на мою отвѣтственность, при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ когда-либо находилась Россія со временъ Петра Великаго. Эта война можетъ послужить урокомъ для государствъ, которымъ придется еще разъ сражаться за неприкосновенность ихъ территоріи и честь всего народа. Каждый военный человѣкъ можетъ изучать все, что было сдѣлано хорошаго въ этой войнѣ, а также и совершенныя сторонами ошибки и извлечь для себя пользу, доставляемую намъ опытами и дѣйствіями другихъ лицъ.

Мнѣ кажется, что война 1806 и 1807 годовъ ни въ чемъ не похожа на предшествовавшія войны, которыя велъ даже самъ Наполеонъ. Поэтому одинъ изъ замѣчательныхъ французскихъ офицеровъ, пользующійся большимъ довѣріемъ по своимъ дарованіямъ и обширнымъ свѣдѣніямъ, выразился при мнѣ однажды слѣдующимъ образомъ: «Надо сознаться, генералъ, что это одна изъ самыхъ поучительныхъ войнъ, какую мы когда-либо вели». Конечно, она является таковою по необычайно обдуманнымъ движеніямъ, совершеннымъ войсками той и другой стороны, движеніямъ, которыя часто останавливали ту и другую армію въ исполненіи предположенныхъ ею дѣйствій. Русская армія вела эту войну противъ страшнаго врага, который, заставивъ уже трепетать Европу, угрожалъ неприкосновенности нашей Имперіи и желалъ предписать сѣверу законы, подобно тому, какъ онъ ихъ предписалъ государствамъ юга. Русская армія разсѣяла эти надежды Наполеона, сохранивъ вполнѣ славу, честь и неприкосновенность русской Имперіи, тогда какъ въ другихъ войнахъ Наполеонъ только, такъ сказать, поражалъ арміи непріятеля мимоходомъ, стремясь скорѣе занять столицу и овладѣть государствомъ.

XXI.

Переговоры о перемиріи.—Прибытіе Дюрока къ Беннигсену. — Заключеніе перемирія.—Прибытіе императора Александра въ Тильзитъ.—Свиданіе съ Наполеономъ.—Заключеніе мира.

Повидимому, я достаточно ясно доказалъ въ предшедшихъ главахъ, что сраженіе подъ Фридландомъ по существу своему вовсе не должно было внушать того впечатлѣнія, которое оно, повидимому, произвело. Случаются событія въ тысячу разъ болѣе гибельныя для народовъ, нежели потеря одного сраженія; Фридландское же не могло явиться бѣдствіемъ (calamité) для русскаго народа. Наши подкрѣпленія подходили къ арміи со всѣхъ мѣстъ обширной имперіи, и, выигравъ немного времени, я пріобрѣталъ возможность присоединить ихъ къ арміи, настроеніе которой было вовсе не плохое, такъ какъ русскій солдатъ одаренъ тою упорною храбростью, которую затрудненія и препятствія только раздражаютъ еще болѣе, но никогда не уменьшаютъ. Это можно было усмотрѣть изъ грознаго отступленія нами совершеннаго и стойкости нашихъ арріергардовъ, вездѣ задерживавшихъ и храбро отражавшихъ стремительные натиски непріятеля. Направляясь при моемъ отступленіи навстрѣчу приближавшимся ко мнѣ подкрѣпленіямъ, я счелъ своею обязанностью написать императору слѣдующее: «Смѣю увѣрить ваше императорское величество, что неудача этого дня ни въ чемъ не уменьшила храбрость, выказанную войсками въ предшествовавшихъ сраженіяхъ. Если обстоятельства потребуютъ, войска будутъ драться такъ же храбро, какъ будто бы и не происходило Фридландскаго сраженія. Хорошее мнѣніе непріятеля о нашемъ солдатѣ, внушенное ему его отвагою, нисколько не измѣнилось послѣ этой битвы. Тѣмъ не менѣе, я считаю, что было бы согласно съ осмотрительностью начать какіе-либо переговоры, хотя бы только для того, чтобы выиграть время».

На основаніи этого донесенія, я получилъ отъ императора разрѣшеніе вступить съ непріятелемъ въ переговоры о заключеніи перемирія и поручилъ князю Багратіону переслать начальнику французскаго авангарда собственноручное мое письмо, написанное ему по этому предмету, съ надежнымъ и толковымъ офицеромъ, но не ранѣе того, какъ послѣдніе наши отряды совершатъ переходъ чрезъ Нѣманъ. Письмо это было слѣдующаго содержанія:

«Послѣ потоковъ крови, пролитыхъ въ послѣднихъ битвахъ, столь же убійственныхъ, какъ и частыхъ, я желалъ бы облегчить бѣдствія этой губительной войны, предложивъ перемиріе, прежде нежели вступить въ новую борьбу, новую войну, быть можетъ еще болѣе жестокую,

нежели предшествовавшая. Я прошу ваше сіятельство довести до свѣдѣнія начальниковъ французской арміи объ этомъ съ моей стороны намѣреніи, которое можетъ повлечь весьма вѣроятно послѣдствія, тѣмъ болѣе плодотворныя, что идетъ рѣчь о всеобщемъ конгрессѣ и предотвратить безполезное пролитіе крови. О послѣдствіяхъ вашего сношенія ваше сіятельство не замедлите меня увѣдомить».

Какъ было принято мое предложеніе и съ какою готовностію Наполеонъ старался не только заключить перемиріе, но даже и м и р ъ— читатель увидитъ изъ нижеслѣдующаго изложенія.

Послѣ того, какъ самые послѣдніе отряды нашей арміи перешли на правый берегъ Нѣмана, князь Багратіонъ послалъ съ моимъ письмомъ маіора Щепина къ непріятельскимъ аванпостамъ. Этотъ офицеръ былъ приведенъ къ Мюрату, который сперва заподозрилъ, что все это— военная хитрость, съ цѣлью выиграть время, необходимое для переправы русскихъ войскъ на противоположную сторону рѣки. Когда же изъ словъ маіора Щепина Мюратъ убѣдился, что только на лѣвомъ берегу Нѣмана осталось не болѣе полусотни казаковъ, которые забавляли еще его авангардъ, а что вся наша армія перешла уже Нѣманъ, онъ сказалъ ему, что доставленное письмо будетъ препровождено немедленно къ Наполеону. Послѣ этого, Щепинъ возвратился къ намъ въ армію, а вскорѣ послѣ того, великій герцогъ Бергскій прислалъ ко мнѣ г. Талейрана (племянника извѣстнаго министра), адъютанта маршала Бертье, съ увѣдомленіемъ, что Наполеонъ въ самомъ непродолжительномъ времени пришлетъ ко мнѣ довѣренное лицо съ отвѣтомъ на сдѣланное мною предложеніе. Около десяти часовъ вечера въ тотъ же самый день въ мою главную квартиру прибылъ генералъ Дюрокъ, съ которымъ я былъ лично и хорошо знакомъ въ 1801 году, во время его пребыванія въ Петербургѣ, гдѣ онъ съумѣлъ пріобрѣсти всеобщее уваженіе. Послѣ первыхъ привѣтствій, генералъ Дюрокъ сталъ завѣрять меня, что Наполеонъ желаетъ вести переговоры не только о перемиріи, но и о м и р ѣ. Я отвѣтилъ ему, что не имѣю столь обширныхъ уполномочій и могу вести переговоры только о п е р е м и р і и и о прекращеніи на время военныхъ дѣйствій, а потому и прошу его сообщить мнѣ, какія можетъ онъ мнѣ предложить въ этомъ отношеніи условія. На это Дюрокъ выразилъ, что его императоръ для большей безопасности желаетъ, чтобы мы передали французамъ крѣпости: Пиллау, Грауденцъ и Кольбергъ. Я примѣрно отвѣтилъ на это слѣдующими словами: «Генералъ! Мы оба люди военные и знаемъ давно другъ друга; это даетъ мнѣ право говорить съ вами съ полною откровенностью и безъ всякихъ обиняковъ. Исходите изъ того, что въ условіяхъ предполагаемаго между нами перемирія не должно быть ничего унизительнаго для сторонъ. Мы не требуемъ отъ васъ ничего подобнаго и сами не находимся

въ положеніи, заставляющемъ насъ согласиться на нѣчто подобное. Если вы не можете заключить перемирія на другихъ условіяхъ, кромѣ только-что вами предложенныхъ, не будемъ говорить о перемиріи и станемъ продолжать войну. Вы меня увѣряли, что вашъ государь желаетъ вести переговоры не только о перемиріи, но и о мирѣ. Прекрасно. Будемъ толковать объ этомъ, а въ то же время будемъ сражаться, если вы этого желаете: мы на все готовы и согласны, но только не согласны принять какія-либо унизительныя для насъ условія».

Генералъ Дюрокъ сталъ увѣрять меня, что Наполеонъ искренно желаетъ сблизиться съ императоромъ Александромъ, но что необходимо сговориться. Онъ нѣсколько разъ повторилъ это послѣднее выраженіе, которое, по моему мнѣнію, намекало на личное свиданіе обоихъ императоровъ—желаніе, высказанное Дюрокомъ съ большимъ увлеченіемъ.

Дюрокъ еще намекнулъ мнѣ, что ему поручено спросить у меня объясненія относительно помѣщеннаго въ моемъ письмѣ выраженія: «новая война быть можетъ еще болѣе жестокая, нежели предшествовавшая». Я ему отвѣтилъ, что, по моему мнѣнію, смыслъ этого выраженія вполнѣ ясенъ: до настоящаго времени мы дрались только съ частію нашихъ силъ, и при томъ за союзника, и въ чужой землѣ, но что теперь театръ войны приближается къ предѣламъ имперіи; поэтому война дѣлается народною и что французамъ придется имѣть дѣло со всѣми нашими силами, которыя громадными наборами до чрезвычайности увеличены; что эти силы быстро подходятъ къ арміи, къ которой уже передовыя ихъ части и присоединились, что, конечно, не безъизвѣстно французамъ. Дюрокъ признался, что они все это знаютъ, и затѣмъ уѣхалъ, чтобы донести Наполеону о нашемъ съ нимъ разговорѣ.

Съ моей стороны, я также увѣрилъ его, что немедленно донесу императору Александру о данномъ мною отвѣтѣ на предложенныя условія о перемиріи, сказавъ, что заранѣе увѣренъ, что этотъ отвѣтъ удостоится высочайшаго одобренія. Я въ дѣйствительности и послалъ рапортъ о всемъ происходившемъ 7-го (19-го) іюня, при чемъ выразилъ, что считая предложенныя условія столь же преувеличенными, какъ и унизительными, я не счелъ себя обязаннымъ на нихъ соглашаться. Государь императоръ въ особомъ рескриптѣ удостоилъ мой образъ дѣйствій высочайшаго одобренія, предписавъ мнѣ и на будущее время руководствоваться этимъ отвѣтомъ.

Согласно обѣщанію, данному мною Дюроку, я на другой день 8-го (20-го) іюня утромъ послалъ въ главную французскую квартиру генерала князя Лобанова, присланнаго ко мнѣ государемъ для продолженія переговоровъ о мирѣ. По возвращеніи своемъ, князь Лобановъ сообщилъ мнѣ, что при первыхъ переговорахъ еще шла рѣчь о пере-

дачѣ вышеназванныхъ крѣпостей, вслѣдствіе чего, я въ тотъ же день вечеромъ послалъ его вторично во французскій лагерь съ слѣдующимъ письмомъ къ маршалу Бертье:

«Господинъ маршалъ! Князь Лобановъ только-что сообщилъ мнѣ, на какихъ основаніяхъ ваша свѣтлость предполагаете заключить перемиріе. Вы позволите замѣтить мнѣ, что не можетъ быть и рѣчи о какой-либо передачѣ крѣпостей или укрѣпленныхъ мѣстъ, потому что идетъ рѣчь только о пріостановкѣ военныхъ дѣйствій, а что передача крѣпостей составляетъ предметъ условій договора о мирѣ. Что же касается вообще условій предстоящаго соглашенія, князь Лобановъ вполнѣ уполномоченъ договориться о всемъ и ваша свѣтлость можете опредѣлить съ нимъ всѣ относящіяся до перемирія условія. Имѣю честь быть и проч.».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, я поручилъ князю Лобанову не соглашаться ни на какія предложенія объ уступкахъ съ нашей стороны, даже на то, чтобы переставлены были часовые на землѣ, занятой въ данную минуту нашими войсками; если же французы будутъ настаивать на первыхъ своихъ предложеніяхъ, то прервать переговоры и объявить о продолженіи военныхъ дѣйствій.

На этой второй конференціи и были опредѣлены условія перемирія; о передачѣ крѣпостей уже не было и рѣчи; обѣ арміи оставались каждая въ занимаемыхъ ими позиціяхъ безъ перемѣны, и сторона, почему-либо желающая нарушить перемиріе и начать военныя дѣйствія, обязана объ этомъ предупредить другую за мѣсяцъ ранѣе.

10-го (22-го) іюня около десяти часовъ вечера, генералъ Дюрокъ снова пріѣхалъ ко мнѣ для обмѣна условій перемирія, подписанныхъ договаривавшимися монархами.

Въ переговорахъ съ княземъ Лобановымъ было, между прочимъ, условлено, что оба императора будутъ имѣть свиданіе на рѣкѣ Нѣманѣ. Французы распорядились выстроить посреди рѣки паромъ съ двумя павильонами; днемъ же свиданія монарховъ было назначено 13-го (25-го) іюня.

12-го (24-го) іюня императоръ Александръ и король прусскій прибыли около двухъ часовъ по полудни въ Таурогенъ, въ армію. Ихъ величества остановились на квартирѣ въ деревнѣ Пюткупенен, вблизи Тильзита. Императоръ Наполеонъ прежде всего послалъ Дюрока привѣтствовать ихъ величества съ прибытіемъ; при этомъ было условлено, что первое свиданіе обоихъ императоровъ послѣдуетъ завтра въ двѣнадцать часовъ дня.

13-го (25-го) іюня императоръ Александръ и императоръ Наполеонъ прибыли въ назначенное время, каждый къ соотвѣтствующему берегу рѣки Нѣмана. Императора Александра сопровождали: его высо-

чество великій князь Константинъ Павловичъ, генералъ Беннигсенъ, графъ Ливенъ, Уваровъ, и князь Лобановъ. При Наполеонѣ находились принцъ Мюратъ, маршалы Бертье и Бесьеръ, генералы Дюрокъ и Бертранъ. Они всѣ сѣли въ лодки, которыя почти одновременно пристали къ парому, на который, однако, Наполеонъ успѣлъ вскочить немного ранѣе, чтобы встрѣтить Александра. Государи еще издали раскланялись, а теперь на плоту дружественно обнялись и вошли одни въ одинъ изъ павильоновъ, впереди котораго надъ входными дверями была помѣщена буква А, украшенная гирляндами. Монархи провели вмѣстѣ часъ три четверти, послѣ чего оба вышли, очень довольные, повидимому, первымъ свиданіемъ.

Императоръ Александръ представилъ Наполеону своего августѣйшаго брата великаго князя Константина Павловича, а затѣмъ и сопровождавшихъ лицъ. Наполеонъ подошелъ ко мнѣ, чтобы сказать мнѣ слѣдующія лестныя слова: «Мы уже встрѣчались, генералъ, и я нерѣдко находилъ васъ злымъ (méchant)». Послѣ этого Наполеонъ представилъ его величеству лицъ своей свиты, начавъ съ принца Мюрата, его близкаго родственника. Поговорили около получаса, а затѣмъ всѣ разъѣхались къ себѣ. На другой день послѣдовало второе свиданіе въ томъ же самомъ часу. При этомъ находился и король прусскій, котораго сопровождали генералы: графъ Калькрейтъ и Лестокъ и его адъютантъ, полковникъ Клейстъ.

Наполеонъ былъ украшенъ орденомъ Чернаго Орла, а король прусскій—орденомъ Почетнаго Легіона. Это второе свиданіе продолжалось полтора часа. Монархи изъ павильона вышли на паромъ, гдѣ поговорили еще нѣкоторое время, а затѣмъ разъѣхались.

Императоръ Александръ уступилъ просьбамъ Наполеона и согласился занять помѣщеніе въ г. Тильзитѣ, который былъ раздѣленъ на двѣ части, носившія названія, одна—русская часть, а другая—французская. Наполеонъ предоставилъ себѣ быть хозяиномъ и угощалъ высокихъ гостей. Императоръ Александръ, великій князь Константинъ Павловичъ и король прусскій разъ навсегда были приглашены ежедневно обѣдать у Наполеона.

Король прусскій, для котораго равнымъ образомъ были приготовлены помѣщенія, а также и для его свиты, не занялъ ихъ, однако; онъ остался жить по-прежнему въ Пютцупененѣ и ежедневно пріѣзжалъ къ обѣду Наполеона въ Тильзитъ, гдѣ баталіонъ прусскихъ войскъ занималъ караулъ при отведенной королю квартирѣ.

Въ то время, какъ князья: Куракинъ и Лобановъ — со стороны Россіи, и министръ Талейранъ и маршалъ Бертье—со стороны Франціи, подъ непосредственнымъ руководствомъ монарховъ, вырабатывали условія мира, Наполеонъ старался занимать августѣйшихъ гостей спо-

собами достойными монарховъ, преданныхъ военному дѣлу. Онъ ежедневно приглашалъ ихъ на ученія и маневры войскъ всякаго рода оружія. Я имѣлъ честь присутствовать при маневрахъ, исполненныхъ войсками 3-го корпуса подъ начальствомъ маршала Даву, въ которыхъ участвовала одна пѣхота въ числѣ 18-ти тысячъ человѣкъ. При нашемъ прибытіи войска уже были выстроены въ двѣ линіи и прекрасно выровнены. Наполеонъ самъ лично командовалъ, при посредствѣ своего генералъ-адъютанта Мутона, стоявшаго предъ нимъ и громкимъ голосомъ передававшаго приказанія Наполеона. Послѣ объѣзда монарховъ по фронту этихъ двухъ линій, войска сдѣлали перемѣну фронта, перестроились въ пять колоннъ и, совершивъ нѣсколько эволюцій, снова развернулись, а затѣмъ прошли церемоніальнымъ маршемъ предъ государями. Все это было исполненно съ большою точностью и въ отмѣнномъ порядкѣ.

Наполеонъ, обыкновенно послѣ двухъ часовъ по полудни, въ сопровожденіи герцога Бергскаго, пріѣзжалъ за императоромъ Александромъ, его братомъ и королемъ прусскимъ и увозилъ ихъ на подобныя военныя развлеченія. Затѣмъ, августѣйшіе гости обѣдали всѣ вмѣстѣ у Наполеона, который весьма часто снова пріѣзжалъ къ императору Александру часовъ въ десять или одиннадцать вечера и проводилъ съ нимъ въ кабинетѣ еще нѣсколько часовъ.

27-го іюня (9-го іюля) всѣ условія мирнаго договора были подписаны монархами. Это весьма важное для Европы завершеніе договора сопровождалось нѣкоторыми церемоніями, слѣдующаго рода.

Утромъ рано, императоры Александръ и Наполеонъ обмѣнялись взаимно высшими ихъ орденами и были облачены ими во все время церемоніи. Послѣ этого, орденъ Св. Андрея Первозваннаго былъ пожалованъ: Мюрату, маршалу Бертье и министру Талейрану. Орденъ же Почетнаго Легіона получилъ великій князь Константинъ Павловичъ, министръ Будбергъ, князь Куракинъ и князь Лобановъ. Войска русской гвардіи съ одной стороны улицы, а французская гвардія—съ другой, были выстроены на пространствѣ отъ помѣщенія, занимаемаго императоромъ Александромъ до квартиры Наполеона. На этой же улицѣ встрѣтились верхами оба монарха и направились затѣмъ въ помѣщеніе императора Александра, гдѣ и происходилъ обмѣнъ мирнаго условія, послѣ чего они снова сѣли на лошадей. Наполеонъ приблизился къ правому флангу русской гвардіи и перваго фланговаго солдата украсилъ орденомъ Почетнаго Легіона. Послѣ этой церемоніи оба монарха направились къ берегу Нѣмана, къ тому мѣсту, гдѣ была заготовлена лодка для отъѣзда императора Александра. Монархи обнялись и дружественно разстались. Императоръ Александръ поѣхалъ въ Петербургъ, а Наполеонъ—въ тотъ же самый день въ Кёнигсбергъ.

Великій князь Константинъ Павловичъ поѣхалъ съ своимъ августѣйшимъ братомъ. Я счелъ долгомъ повергнуть къ стопамъ его высочества чувство глубочайшаго моего уваженія въ письмѣ слѣдующаго содержанія:

«Ваше императорское высочество! Миръ только-что, къ счастью, заключенъ, и я спѣшу исполнить священный для меня долгъ—выразить вашему императорскому высочеству мою глубочайшую признательность за всѣ милости, которыми вамъ угодно было меня удостоивать въ продолженіе этой кампаніи. Память объ этомъ никогда не изгладится изъ моего сердца. Вся армія была свидѣтельницею того величія души, съ которымъ вы пожелали раздѣлять при всѣхъ случаяхъ тягости и лишенія солдата, и той храбрости, съ которою изволили преодолѣвать опасности, не разъ вамъ угрожавшія. Въ качествѣ главнокомандующаго, я болѣе всякаго другаго могъ оцѣнить мудрость вашихъ совѣтовъ и пользу оказываемой вами помощи, которыя не разъ склоняли успѣхъ сраженія на сторону прекрасныхъ войскъ нашего доблестнаго императора. Вездѣ, гдѣ встрѣчалась надобность въ подкрѣпленіяхъ, какъ напр. при Гутштадтѣ и Анкендорфѣ, ваше высочество ни мало немедля посылали ихъ съ благоразумною предусмотрительностью и разстраивали этимъ злокозненные замыслы непріятеля. Въ сраженіи при Гейльсбергѣ, сохраненіемъ въ цѣлости лѣваго крыла нашей арміи, мы обязаны единственно вѣрному и опытному взгляду вашего императорскаго высочества, усмотрѣвшему пунктъ, на который будутъ направлены всѣ усилія непріятеля. Вы изволили приказать вовремя соорудить батареи, поражавшія во флангъ сильныя колонны непріятельскія при ихъ послѣдующемъ наступленіи и совершенно разстроившія ихъ въ скоромъ времени тѣми опустошеніями, которыя въ рядахъ ихъ производили выстрѣлы этихъ батарей. Кромѣ этого успѣха, въ которомъ не малая часть падаетъ на долю резерва, находившагося подъ начальствомъ вашего высочества, должно присоединить еще вліяніе личнаго вашего присутствія. Многочисленные примѣры неустрашимости вашей, боевая опытность, пріобрѣтенная въ трехъ прошедшихъ кампаніяхъ, слава прежнихъ подвиговъ внушали довѣріе въ побѣдѣ всей арміи, которая вмѣстѣ со мною единогласно признавая высокія дарованія вашего высочества, проникнута справедливымъ къ вамъ удивленіемъ.

«Соблаговолите ваше императорское высочество принять искреннее въ томъ удостовѣреніе того, кто имѣлъ счастье на самомъ полѣ битвы быть личнымъ свидѣтелемъ вашихъ дѣйствій и считаетъ это наиболѣе блестящею эпохою своей жизни».

Въ то время ходила по рукамъ бумага, извлеченная, какъ говорили, изъ походной канцеляріи Наполеона и содержащая въ себѣ тай-

ныя условія Тильзитскаго мирнаго трактата между Франціею и Россіею. Не могу ручаться за достовѣрную подлинность этой бумаги, но сообщаю здѣсь эти условія, которыхъ было всего девять, именно:

Статья первая. Россія займетъ европейскую Турцію и распространитъ свои владѣнія въ Азіи настолько далеко, насколько признаетъ нужнымъ.

Статья вторая. Династія Бурбоновъ въ Испаніи, а также домъ Брагантскій въ Португаліи перестаетъ существовать. Принцу крови изъ семейства Бонапарта будетъ предоставлена корона этихъ двухъ королевствъ.

Статья третья. Свѣтская власть папы прекращается, и городъ Римъ съ принадлежащими землями присоединяется къ Италіанскому королевству.

Статья четвертая. Россія обязуется предоставлять въ распоряженіе Франціи свой флотъ, чтобы помочь ей овладѣть Гибралтаромъ.

Статья пятая. Города въ Африкѣ, какъ-то: Тунисъ, Алжиръ, будутъ заняты французами и, при заключеніи общаго мира, всѣ завоеванія, сдѣланныя къ тому времени французами въ Африкѣ, будутъ отданы въ видѣ вознагражденія королямъ Сардиніи и Сициліи.

Статья шестая. Французы займутъ островъ Мальту, и миръ съ Англіею никогда не будетъ заключенъ иначе, какъ съ условіемъ, что англичане уступаютъ островъ Мальту Франціи.

Статья седьмая. Французы займутъ также Египетъ, и по Средиземному морю будутъ имѣть право плавать только корабли, принадлежащіе нижеслѣдующимъ государствамъ: Франціи, Россіи, Испаніи и Италіи. Корабли всѣхъ прочихъ странъ не допускаются къ плаванію.

Статья восьмая. Данія получитъ вознагражденія земельныя въ сѣверѣ Германіи, и къ ней присоединяются вольные города, если только она согласится предоставить свой флотъ въ распоряженіе Франціи.

Статья девятая. Ихъ императорскія величества попытаются сдѣлать нѣкоторыя постановленія, въ силу которыхъ ни одно государство не въ правѣ будетъ имѣть торговыя суда на морѣ, если оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, не будетъ содержать извѣстнаго числа военныхъ судовъ.

Этотъ договоръ былъ подписанъ, какъ говорили, княземъ Куракинымъ и княземъ Талейраномъ.

Доведя мое изложеніе войны 1806—1807 годовъ до самаго окончанія военныхъ дѣйствій, мнѣ слѣдовало бы возобновить въ памяти читателей ошибки, сдѣланныя съ обѣихъ сторонъ, и указать причины

тѣхъ пораженій, которыя уничтожили прусскую армію, почти разрушили прусскую монархію и едва не повлекли за собою впослѣдствіи самыя плачевныя послѣдствія для русской имперіи.

Но простое изложеніе событій само указываетъ эти причины совершенно ясно. Достаточно припомнить колебанія прусскаго кабинета, который, этимъ самымъ опротививъ всѣмъ союзникамъ и нѣсколько разъ упустивъ благопріятный случай, самъ вдругъ кинулся на врага болѣе сильнаго, словно онъ имѣлъ намѣреніе самъ себя погубить.

Было вполнѣ очевидно, что война, такимъ образомъ начатая, не могла окончиться чѣмъ-либо инымъ, какъ пораженіями. Политика съ нашей стороны обусловливалась обстоятельствами; величіе души императора Александра увлекло его придти на помощь несчастному королю, въ то время, какъ интересы Россіи предписывали ему сопротивляться завоеваніямъ Наполеона на сѣверѣ Европы. Въ предъидущихъ главахъ было указано, что зависѣло не отъ насъ, чтобы Пруссія высказалась противъ Наполеона въ благопріятное тому время. Такимъ образомъ, не было съ нашей стороны ошибки, что мы принуждены были открыть кампанію при неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ и въ качествѣ помощниковъ союзника, уже разбитаго и уничтоженнаго. Но если легко оправдать политику, которая насъ вовлекла въ эту войну, то нельзя представить такихъ же извиненій и похвалъ способу, какимъ эта война была ведена.

Обязанные выдержать на себѣ *одни* всю тягость этой войны, мы должны бы съ самаго начала собрать всѣ силы Россіи, чтобы сокрушить непріятеля. Вмѣсто этого, мы выступили въ кампанію, имѣя всего 53 тысячи солдатъ; подкрѣпленія, подошедшія ко мнѣ въ послѣдующее время, никогда не доводили численность арміи выше 70.000 человѣкъ, сосредоточенныхъ въ одномъ мѣстѣ и подъ-ружьемъ, не считая при этомъ корпусъ генерала Эссена 1-го, стоявшій на Наревѣ.

Правда, что было сдѣлано распоряженіе о рекрутскихъ наборахъ и даже часть таковыхъ сдѣлана даже до начала войны для формированія новыхъ полковъ всякаго рода оружія, распредѣленныхъ на три дивизіи, изъ коихъ двѣ были предназначены въ армію, мнѣ ввѣренную, а третья — въ армію, дѣйствовавшую противъ турокъ. Но всѣ эти войска подошли слишкомъ поздно, чтобы принять участіе въ войнѣ.

Какая разительная была бы разница въ результатахъ войны, если бы эти резервы, о коихъ я просилъ, простиравшіеся до 60 тысячъ человѣкъ, были бы присланы ко мнѣ для пополненія эскадроновъ и баталіоновъ, немедленно послѣ сраженія при Прейсишъ-Эйлау. Я могъ бы тогда перейдти въ наступленіе рѣшительнымъ образомъ и непріятель принужденъ былъ бы перейдти обратно за Вислу. Вмѣсто этого посылая мнѣ подкрѣпленія *по частямъ*, въ небольшомъ числѣ, изъ

войскъ, только-что вновь сформированныхъ, меня заставляли терпѣть, какъ читатель, безъ сомнѣнія, замѣтилъ, недостатокъ въ предметахъ самыхъ необходимыхъ для веденія войны, именно: недостатокъ въ людяхъ и въ продовольствіи. Съ большимъ трудомъ повѣрятъ, что, дойдя до нашихъ собственныхъ границъ, я не встрѣтилъ ни одного провіантскаго склада, который въ состояніи былъ снабдить меня продовольствіемъ для моей арміи на нѣсколько дней; этимъ парализировали мои военныя дѣйствія и принуждали меня вести войну, состоявшую въ маневрированіи войсками, тогда какъ эта война должна была быть наступательною и рѣшительною.

Самъ непріятель удостовѣряетъ, что онъ не въ состояніи былъ бы противиться сильному нашему нападенію. Наполеонъ во время перемирія, говоря о сраженіи при Эйлау, выразился: «это было не сраженіе, но бойня (рѣзня); эта война слишкомъ убійственна, надо ей положить конецъ».

Столько храбрости было напрасно проявлено нашими войсками, столько крови оказывалось пролитой напрасно, коль скоро мы наступали на непріятеля не съ превосходными силами.

Но возможность къ этому была. Какъ я сказалъ, уже въ тылу нашемъ формировались новые корпуса, которые къ намъ никогда не подошли, а въ Петербургѣ держали напрасно значительный отрядъ войскъ, совершенно безполезный въ столицѣ, но который, придя вовремя на театръ войны, былъ бы въ состояніи склонить побѣду рѣшительнымъ образомъ въ нашу сторону.

Пруссія сдѣлала ту же самую ошибку. По прибытіи моемъ въ Тильзитъ, чтобы переправиться черезъ Нѣманъ, я нашелъ 14 новыхъ прусскихъ баталіоновъ, превосходно сформированныхъ, и которые въ состояніи были вполнѣ дѣйствовать на полѣ сраженія; но было бы несравненно лучше, если, не формируя изъ рекрутъ новыхъ баталіоновъ, послали бы ихъ своевременно къ Лестоку для укомплектованія полковъ его корпуса.

Вообще замѣчу, что при современномъ положеніи европейскихъ государствъ существуютъ двѣ системы, въ равной мѣрѣ разорительныя. Первая состоитъ въ томъ, что въ мирное время содержатъ арміи слишкомъ многочисленныя, которыя разстраиваютъ финансы страны и останавливаютъ развитіе народонаселенія, стращаютъ сосѣдей и порождаютъ тѣ нерасположенія, которыя могутъ легко приводить къ коалиціямъ. Другая система, не столько собственно система, какъ скорѣе послѣдствіе колебаній правительства, въ военное время теряетъ голову и вмѣсто того, чтобы направить всѣ свои силы на одно мѣсто, гдѣ онѣ необходимы для сокрушенія врага, разбрасываетъ

совершенно на-угадъ свои арміи и дѣлаетъ ихъ такимъ образомъ совершенно безполезными.

Какого можно было ожидать результата отъ войны, коль скоро средства, для веденія ея съ энергіею, были парализованы администраціею, которая только и дѣлала, что ошибки и заблужденія. Къ счастію, еще главная существенная цѣль была достигнута. Каждый благоразумный человѣкъ долженъ насъ поздравить, что намъ удалось оградить предѣлы нашего отечества отъ вторженія непріятеля. Остается надѣяться, что этотъ примѣръ послужитъ урокомъ, и будутъ дѣйствовать болѣе осмотрительно въ слѣдующую войну, которая не замедлитъ возникнуть, судя даже по условіямъ Тильзитскаго мира.

Сообщ. **П. Майковъ.**

Запорожская Сѣчь на Дунаѣ.

Рескриптъ генералу-отъ-кавалеріи Михельсону.

20-го іюля 1807 г.

По разнесшимся въ Новороссійскомъ краѣ слухамъ объ учрежденіи на Дунаѣ Запорожской Сѣчи, возникли между крестьянами разные безпокойства, непокорность и бѣгство въ Молдавію. Цѣлыя селенія оставляютъ мѣста ихъ жительства и вооруженною рукою, противясь дѣйствію земской полиціи, прорываются за границу.

Узнавъ о безпорядкахъ сихъ изъ донесеній мѣстныхъ начальствъ и находя, что учрежденіе сіе произведетъ въ пограничныхъ губерніяхъ между крестьянами вредныя послѣдствія, поручаю вамъ заведеніе на Дунаѣ Сѣчи остановить и все, что доселѣ было по сему предмету сдѣлано, отмѣнить, давъ знать отъ себя пограничнымъ нашимъ начальствамъ, что учрежденія таковаго нынѣ въ Молдавіи не существуетъ и принявъ вмѣстѣ съ тѣмъ строгія мѣры, дабы какъ прежніе бѣглые изъ Россіи въ Молдавію были отыскиваемы и высылаемы, такъ и вновь бѣгущіе были выдаваемы и къ поселенію тамъ никакъ не допускались.

Памяти Б. И. Сциборскаго.

Въ январской книжкѣ «Русской Старины» за нынѣшній годъ въ «Воспоминаніяхъ стараго педагога» приведена совершенно несправедливая характеристика покойнаго директора учительской семинаріи въ г. Ригѣ, Бориса Ивановича Сциборскаго.

Г. Овсянниковъ, служившій въ концѣ шестидесятыхъ годовъ вмѣстѣ со Сциборскимъ въ нижегородскомъ Александровскомъ институтѣ, взводитъ на бывшаго сослуживца своего слѣдующія обвиненія:

1. Сциборскій принадлежалъ къ числу «разныхъ неудачниковъ, съ темнымъ прошлымъ». «Себя онъ величалъ питомцемъ главнаго Педагогическаго института, якобы товарищемъ Добролюбова, сотрудникомъ журнала «Современникъ» по отдѣлу «Внутреннее обозрѣніе».

2. Сциборскій, «разгадавъ директора, сдѣлался его правою рукою. Годичные директорскіе отчеты, посылаемые въ округъ, составлялись и писались Сциборскимъ».

3. «Когда въ педагогическихъ совѣтахъ подымались мало-мальски жгучіе вопросы, Сциборскій уклонялся отъ какихъ бы то ни было преній, только язвительно улыбался».

4. «Все свободное отъ службы время проходило у Сциборскаго въ клубѣ за зеленымъ столомъ». «Это былъ человѣкъ хитрый, въ то же время крайне сдержанный, съ большимъ самообладаніемъ. Его поведеніе дѣйствовало самымъ растлѣвающимъ образомъ на среду воспитанниковъ, такъ какъ все въ немъ было ложно, фальшиво, неблагородно. Пресмыкательствомъ передъ Розингомъ (директоромъ), угодливостью Сциборскій выслуживалъ разныя денежныя подачки не въ примѣръ прочимъ». Въ заключеніе этой уничтожающей характеристики г. Овсянниковъ говоритъ: «Человѣкъ подобнаго закала могъ быть очень опасенъ, но къ

счастью института, Сциборскій проигрался и, получивъ большіе прогоны, отправился въ Омскій кадетскій корпусъ, оттуда переѣхалъ въ Иркутскъ, гдѣ получилъ мѣсто директора гимназіи; изъ Иркутска—въ Череповецъ директоромъ учительской семинаріи и, въ заключеніе, умеръ въ какомъ-то городишкѣ Западнаго края, однако на директорскомъ мѣстѣ» [1]).

Я, нижеподписавшійся, не былъ ни другомъ, ни сослуживцемъ, ни ученикомъ Сциборскаго и всего только одинъ разъ встрѣтился съ покойнымъ педагогомъ. Но отъ его сослуживцевъ и его учениковъ, русскихъ, латышскихъ и эстонскихъ народныхъ учителей, я слышалъ о Сциборскомъ такъ много хорошаго, что, прочитавъ обвинительный актъ, составленный г. Овсянниковымъ, долго не хотѣлъ вѣрить, что въ «Воспоминаніяхъ стараго педагога» говорится о Б. И. Сциборскомъ. Но данныя о служебной дѣятельности Сциборскаго, сообщаемыя г. Овсянниковымъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Б. А. Сциборскій «воспоминаній» и Борисъ Ивановичъ Сциборскій есть одно и то же лицо.

Въ интересахъ истины и справедливости я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ выступить защитникомъ покойнаго педагога.

Во-первыхъ Б. И. Сциборскій, дѣйствительно, былъ школьнымъ товарищемъ Добролюбова, хотя никогда не тщеславился этимъ. Въ «Матеріалахъ для біографіи Н. А. Добролюбова» (Москва, 1890) неоднократно упоминается имя Б. И. Сциборскаго, какъ члена того кружка студентовъ Педагогическаго института, къ которому принадлежалъ и знаменитый критикъ, и напечатанъ рядъ писемъ Добролюбова, изъ которыхъ видно, съ какимъ уваженіемъ онъ относился къ своему «якобы товарищу». Такъ, напримѣръ, въ письмѣ изъ Нижняго отъ 6-го іюля 1857 г. Добролюбовъ писалъ Сциборскому между прочимъ слѣдующее: «Я всегда считалъ тебя способнымъ на великодушіе для людей, которые его стоютъ». Заканчивается письмо такъ: «полный прежняго уваженія къ тебѣ Н. Добролюбовъ» («Матеріалы», с. 384). Изъ письма, написаннаго въ концѣ 1857 или въ началѣ 1858 г., видно, что знаменитый уже въ то время критикъ дорожилъ мнѣніями своего школьнаго товарища и посылалъ ему свои статьи. «Можетъ быть, изъ чтенія ихъ ты вынесешь и не столь дурное впечатлѣніе, какъ ожидаешь», писалъ Добролюбовъ и заканчивалъ свое письмо словами: «никогда не переставшій уважать тебя» (с. 412). Еще интереснѣе письмо, написанное Добролюбовымъ осенью 1869 года въ отвѣтъ на благодарность Сциборскаго за доставленную ему какую-то работу. «Ты расположенъ,—писалъ Добролюбовъ,—принимать за услугу то, что съ моей стороны было просто слѣдствіемъ собственной надобности: дѣло, за которое

[1]) На самомъ дѣлѣ Сциборскій умеръ директоромъ учительской семинаріи въ г. Ригѣ, а въ Западномъ краѣ не служилъ.

взялся ты, нужно же было поручить кому-нибудь; ты принялъ его на себя и этимъ обязалъ меня столько же, если не больше, чѣмъ я тебя. Слѣдовательно, здѣсь, какъ въ дѣлѣ обоюдномъ, не можетъ быть и рѣчи о какихъ-нибудь признательныхъ чувствахъ и одолженіяхъ»... «Мнѣ не хотѣлось бы, чтобы наша дружба имѣла основаніемъ только личныя отношенія, столько измѣнчивыя и шаткія... Я уже давно имѣю въ виду другія основанія, которыя могли бы меня связывать съ людьми, и надѣюсь, что на этихъ основаніяхъ наша дружба съ тобою можетъ быть крѣпче и чище, нежели просто по личнымъ отношеніямъ». «Въ твоемъ сердцѣ и совѣсти я нисколько не сомнѣваюсь. Жалѣю только объ одномъ: что мы съ тобой видѣлись такъ рѣдко и говорили такъ мало по душѣ. Много между нами осталось недосказаннаго и невыясненнаго; надѣюсь, что полная откровенность придетъ при слѣдующемъ свиданіи». Заканчивается это письмо такъ: «прощай, мой другъ, до свиданія. Твой Н. Добролюбовъ» (сс. 534—536).

Приведенныя выдержки изъ писемъ Добролюбова не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Сциборскій имѣлъ право называть себя не только школьнымъ товарищемъ, но даже прямо другомъ знаменитаго критика.

Во-вторыхъ, директоръ, котораго Сциборскій забралъ въ свои руки, по отзыву самого г. Овсянникова, былъ «отчаянный карточный игрокъ, глубоко невѣжественный человѣкъ, чуждый всякой педагогики, не читавшій даже газетъ». Вполнѣ естественно, что дѣятельный, энергичный и компетентный въ педагогическомъ дѣлѣ Сциборскій пріобрѣлъ вліяніе на своего начальника. Неудивительно также, что Сциборскій составлялъ отчеты по просьбѣ «глубоко невѣжественнаго» директора, тѣмъ болѣе, что Борисъ Ивановичъ былъ и «оффиціальнымъ секретаремъ». Нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что Сциборскій «за особые труды» получалъ «не въ примѣръ прочимъ» денежныя пособія, на которыя едвали кто смотритъ, какъ на «подачки». Во всѣхъ этихъ фактахъ, если даже они и были въ дѣйствительности, трудно усмотрѣть что-нибудь предосудительное.

Въ-третьихъ, язвительныя улыбки Сциборскаго, если онѣ не созданы воображеніемъ безпощаднаго прокурора, также находятъ себѣ объясненіе въ воспоминаніяхъ самого г. Овсянникова. По его свидѣтельству, составъ преподавателей и воспитателей въ Александровскомъ институтѣ былъ крайне неудовлетворительный, а «педагогическіе совѣты были сплошнымъ курьезомъ». Если самъ г. Овсянниковъ, не получившій спеціально-педагогическаго образованія, такъ пренебрежительно отзывается о своихъ сослуживцахъ, то каково же было положеніе на подобныхъ совѣтахъ бывшаго воспитанника главнаго Педагогическаго института!

Въ-четвертыхъ, Сциборскій съ молодыхъ лѣтъ, какъ видно, между прочимъ, изъ писемъ Добролюбова, и до конца своей жизни былъ большимъ любителемъ преферанса и винта, но всегда смотрѣлъ на карточную игру, какъ на недостойную человѣка слабость и жалѣлъ, что не можетъ отъ нея освободиться.

Я остановился на этихъ обвиненіяхъ только для того, чтобы показать, какъ пристрастно отнесся г. Овсянниковъ къ своему бывшему сослуживцу.

Что же касается ужасныхъ обвиненій Сциборскаго въ хитрости, пронырливости, двуличности, угодливости, фальшивости, однимъ словомъ, почти во всѣхъ порокахъ, свойственныхъ человѣческой натурѣ,—то, на основаніи восторженныхъ отзывовъ о покойномъ педагогѣ его сослуживцевъ и учениковъ, я смѣло могу заявить, что всѣ перечисленныя качества были чужды Борису Ивановичу. Судя по этимъ отзывамъ, Сциборскій, былъ необыкновенно добрый и простой человѣкъ. Это былъ человѣкъ, чуждый всякой угодливости съ корыстною цѣлью, а тѣмъ паче пресмыкательства, пронырливости и карьеризма. Вообще, Сциборскій оставилъ по себѣ самыя свѣтлыя, даже восторженныя воспоминанія, какъ прекрасный начальникъ, какъ вполнѣ благородный человѣкъ и какъ почти идеальный педагогъ.

Считаю долгомъ оговориться, что приведенные отзывы я слышалъ отъ лицъ, знавшихъ Сциборскаго въ послѣднее десятилѣтіе его жизни. Но трудно, почти невозможно, допустить, чтобы человѣкъ, въ молодости заслужившій такую лестную аттестацію Добролюбова и оставившій послѣ своей смерти такія свѣтлыя воспоминанія, могъ когда-нибудь имѣть что-нибудь общее съ нравственнымъ выродкомъ, изображеннымъ въ «Воспоминаніяхъ стараго педагога».

Надѣюсь, что лица, ближе знавшія Б. И. Сциборскаго, подтвердятъ высказанное мною мнѣніе по поводу пристрастныхъ обвиненій, позорящихъ дорогое для очень многихъ имя покойнаго педагога.

М. Столяровъ.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1900 г.

ТОМЪ СТО ПЕРВЫЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

Записки и Воспоминанія.

		стран.
I.	Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа. . .	25—56; 317—354; 545—588
II.	Записка М. М. Сперанскаго о вѣроятностяхъ войны съ Франціей послѣ Тильзитскаго мира. Сообщ. Н. Ѳ. Дубровинъ	57—65
III.	Въ Болгаріи. (Воспоминанія офицера генеральнаго штаба). П. Д. Паренсова.	107—127; 359—381; 593—602
IV.	Отрывки изъ записокъ бывшаго инженера. Б. Н.	133—166
V.	Изъ воспоминаній стараго педагога. А. Н. Овсянникова.	195—224
VI.	Записки графа Л. Л. Беннигсена о войнѣ съ Наполеономъ 1807 года. Сообщ. П. М. Майковъ. . .	259—272; 501—516; 745—767
VII.	Воспоминанія князя Эмилія Витгенштейна.	661—683

Портреты.

I. Портретъ Александра Баттенберга, перваго князя Болгаріи. Грав. И. И. Хелмицкій.
(При 1-ой книгѣ).

II. Портретъ Людовика XVIII Бурбона. Грав. И. И. Хелмицкій.
(При 2-ой книгѣ).

III. Портретъ И. Н. Скобелева. Грав. И. И. Хелмицкій.
(При 3-ей книгѣ).

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

		стран.
I.	Ссора между И. А. Гончаровымъ и И. С. Тургеневымъ въ 1859 и 1860 гг. Акад. Л. Н. Майкова.	5—23
II.	Мирное условіе между княгинею К. И. Лобановою-Ростовскою и Г. В. Гераковымъ	24
III.	Письмо М. И. Глинки—С. П. Шевыреву, 22-го ноября 1831 г.	66
IV.	Некрологи Пушкина въ нѣмецкихъ газетахъ 1837 года. М. А. Веневитинова	67—95
V.	Замѣтка о пребываніи А. С. Пушкина въ Оренбургѣ. Сообщ. М. Л. Юдинъ	96
VI.	Графъ А. А. Аракчеевъ: 1) Графъ Аракчеевъ нѣжный сынъ, дамскій кавалеръ, шутникъ и защитникъ артиллеріи. Сообщ. Н. Ѳ. Дубровинъ. 2) Графъ Аракчеевъ и князь С. С. Голицынъ. Сообщ. И. А. Шляпкинъ	97—106
VII.	Наблюденіе за приверженцами А. Суворова и Домбровскаго	128
VIII.	Суворовскій мостъ. Акад. И. И. Янжула . .	129—132
IX.	Въ защиту А. А. Чацкаго. Ѳ. А. Витберга.	167—170
X.	Изъ архива А. В. Никитенко. (Письма къ нему: графа Д. А. Толстаго, Ѳ. В. Булгарина, А. Ѳ. Писемскаго и князя Гр. Волконскаго)	171—186
XI.	Изъ дневника П. Г. Дивова (1832 г.). . . .	187—194
XII.	Графъ Минихъ въ Сибири. Сообщ. П. М. Майковъ.	225—228
XIII.	Бурбоны въ изгнаніи въ Митавѣ и Варшавѣ. Перев. В. В. Тимощукъ. 229—257; 445—475;	713—743
XIV.	Ѳедосѣй Мануковъ (дѣдъ Суворова). Сообщ. Г. К. Рѣпинскій	258
XV.	Замѣтка о дуэли А. С. Пушкина. Евг. Ляцкаго.	273—275
XVI.	Рескриптъ императора Александра I—барону Кампенгаузену 14-го мая 1817 г.	276
XVII.	Императоръ Николай I и Польша въ 1825—1831 гг. Н. К. Шильдера. . . 277—306;	517—544
XVIII.	Афиша въ помѣщичьемъ домѣ. Сообщ. кн. А. Л. Голицынъ	307—308
XIX.	Письмо И. И. Дмитріева—П. П. Свиньину, 13-го сентября 1833 г.	316
XX.	Къ біографіи графа Л. Н. Толстаго. (Просьба объ увольненіи въ отставку и экзаменный листъ). Сообщ. М. А. Янжулъ	355—357

		стран.
XXI.	Порученіе императора Павла охранять войска отъ вредныхъ сочиненій и пропаганды.—Рескриптъ императора Павла I—генералу Розенбергу, 4-го января 1799 г.	358
XXII.	Два указа императора Александра I—генералу-отъ-инфантеріи А. Г. Розенбергу. Сообщ. И. А. Шляпкинъ	382
XXIII.	Пушкинъ и Гоголь. В. И. Шенрока.	383—392
XXIV.	Иванъ Никитичъ Скобелевъ. Ив. Кубасова.	393—413; 603—616
XXV.	О дозволеніи иностранцамъ присутствовать на Бородинскихъ маневрахъ только съ разрѣшенія графа Бенкендорфа, 6-го августа 1839 г.	414
XXVI.	Николай Полевой и его отношенія къ цензурѣ. Н. К. Козьмина	415—432
XXVII.	Листки изъ дневника М. К. Мердеръ. Сообщ. Алексѣй Мерцаловъ.	433—443
XXVIII.	Указъ императора Павла I—барону Васильеву, 6-го іюля 1798 г.	444
XXIX.	Письмо графа фонъ-деръ-Палена—генералу барону Ферзену, 30-го декабря 1800 г.	—
XXX.	Предложеніе воздвигнуть памятникъ императору Александру I, 4-го декабря 1825 г.	476
XXXI.	Петербургъ въ 1831—1832 гг. (По письмамъ провинціала). Сообщ. В. И. Срезневскій.	477—490
XXXII.	Изъ семинарскихъ нравовъ 70-хъ годовъ. Н. И. Соловьева	491—500
XXXIII.	П. Пезаровіусъ и газета «Русскій Инвалидъ». Собственноручное письмо Павла Пезаровіуса—графу Аракчееву, 20-го сентября 1820 г. Сообщ. Н. Ѳ. Дубровинъ.	617—618
XXXIV.	Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. (Историческая характеристика). П.	619—641
XXXV.	Обвиненіе графа Аракчеева въ государственномъ преступленіи 1823—1826 г.	642
XXXVI.	Архивъ графа П. Д. Киселева. Письма Н. Селявина—П. Д. Киселеву.	643—659
XXXVII.	Нева препятствуетъ исполненію высочайшаго повелѣнія	660
XXXVIII.	Быстрая распродажа Исторіи Н. М. Карамзина. Письмо Н. М. Карамзина—В. Н. Каразину	684
XXXIX.	Находчивый квартальный. (Легенда объ императорѣ Николаѣ I). П. Потѣхина	685—687
XL.	Стихи Ѳ. Н. Глинки—шестилѣтней дѣвочкѣ Валентинѣ Жизневской, при посылкѣ ей кабинетнаго портрета, 23-го августа 1877 г.	688
XLI.	Наша Вандея. А. Фаресова	689—692
XLII.	Палладій, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій. (Біографическій очеркъ). П. Ѳ. Вышеславцева.	693—712

стран.

XLIII. Объ употребленіи исключительно русской бумаги и русскаго сюргуча 744
XLIV. Запорожская Сѣчь на западѣ. Рескриптъ генералу-отъ-кавалеріи Михельсону, 20-го іюля 1807 г. 768
XLV. Памяти Б. И. Сиборскаго. М. Столярова. 769—772
XLVI. Систематическое оглавленіе 101-го тома . . . 773—776

Исторія русской литературы.

I Вновь найденный черновой набросокъ стихотворенія Пушкина „Альфонсъ". Сообщ. Ив. Кубасовъ . . . . . 309—315
II. Черновой набросокъ письма А. С. Пушкина къ виконту д'Аршіаку, отъ 27-го января 1837 г. Сообщ. Ив. Кубасовъ. 589—592

Библіографическій листокъ.

1. Записки старой смолянки (императорскаго воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ) В. П. Быковой. Ч. I и II. Примѣч. и изд. свящ. К. Зн—скаго. Спб., 1898—1899 гг. Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ январьской книги).
2. Два года изъ жизни А. С. Пушкина (1824—1826 гг.). Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ. Рѣчь въ торжественномъ собраніи императорскаго Юрьевскаго университета 26-го мая 1899 г. орд. проф. Е. В. Пѣтухова. Юрьевъ, 1899 г. Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ февральской книги).
3. Дѣйствія Нижегородской губернской архивной комиссіи. Сборникъ статей, сообщеній, описей и документовъ. Нижній Новгородъ. Его же (тамъ же).
4. Ванъ-Мюйденъ. Исторія швейцарскаго народа. Перев. съ французскаго подъ редакціею Э. Л. Радлова. Выпускъ первый, съ 35-ю политипажами. Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ мартовской книги).
5. Д. И. Эварницкій. Исторія запорожскихъ казаковъ, т. III. Спб. Его же (тамъ же).
6. Записки Приамурскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. V, вып. I. Камчатка и ея обитатели. Съ рисунками, картою Камчатки и планомъ укрѣпленія Петропавловскъ въ 1854 г. В. Маргаритова. Хабаровскъ, 1899 г. Его же (тамъ же).

Вакъ-Мюйденъ. Исторія швейцарскаго народа. Переводъ съ французскаго подъ редакціею Э. Л. Радлова. Выпускъ первый; съ 35-тью политипажами.

Чрезвычайно сложный характеръ исторіи Швейцаріи,—говоритъ авторъ въ своемъ введеніи,—слѣдствіе различія расъ, нравовъ, религій и языка ея жителей,—въ соединеніи съ превратностями и революціями, для которыхъ она служила ареной, представляютъ поле чрезвычайно интересныхъ изслѣдованій для изучающихъ соціальныя явленія.

Съ XIV до XVI вѣка Швейцарія играла блестящую военную роль; затѣмъ она удалилась съ большой политической арены и стала спасительной землей, убѣжищемъ для изгнанниковъ; затѣмъ, отдавшись мирнымъ искусствамъ, она дала міру мыслителей, писателей и ученыхъ. Такъ какъ ея малоплодородная земля не могла пропитать ея жителей, она расширила свою промышленность и торговлю; во всѣ стороны, во всѣ большіе города Европы она послала трудолюбивые отряды, пріобрѣвшіе почетную извѣстность. Трудности, вытекающія изъ ея географическаго положенія, ея климата, изъ того, что она лежитъ далеко отъ моря и занимаетъ небольшое пространство, только подстрекнули ея энергію.

Не претендуя на оригинальность и прямо называя свой трудъ компиляціею, авторъ задался цѣлію набросать возможно точную и ясную картину развитія швейцарской національности въ ея послѣдовательныхъ фазахъ.

Первый выпускъ состоитъ изъ двѣнадцати главъ. Въ 1-й говорится о первыхъ обитателяхъ Швейцаріи: во 2-й и 3-й—о Гельвеціи подъ владычествомъ римлянъ; въ 4-й—о нашествіи германскихъ племенъ.

Гельвеція въ царствованіе Карловинговъ составляетъ предметъ 5-й и 6-й главъ. 7-я глава посвящена Германской имперіи въ X и XI вѣкахъ. Въ 8-й авторъ говоритъ о происхожденіи Церингеновъ и борьбѣ ихъ съ графами Савойскими. Предки Церингеновъ были простыми свободными людьми и жили въ замкѣ и городѣ Веллингенъ (къ востоку отъ Фрейбурга) и называли себя Веллингенами. Блескъ этого дома начинается съ Бертольда I, женившагося на богатой наслѣдницѣ герцоговъ Каринтскихъ и принявшаго въ 1078 году имя Церингенъ [1]). Родъ Церингеновъ прекратился въ 1218 году со смертію Бертольда V.

Въ 9-й главѣ разобранъ общественный строй въ эпоху феодализма; при чемъ авторъ подробно останавливается на рыцарствѣ и церкви; здѣсь же онъ говоритъ и объ основаніи монашескихъ орденовъ (клюнійцевъ, цистеріанцевъ, картузіанцевъ, премонтрезовъ, францискацевъ, кавалеровъ св. Іоанна, тевтонскихъ кавалеровъ, братьевъ госпитальеровъ, лазаритовъ, бегаровъ и бегиновъ). Удивительно,—замѣчаетъ авторъ,—какую притягательную силу имѣла созерцательная жизнь на населеніе въ ту эпоху. Монастыри не могли вмѣстить всѣхъ желающихъ, стучащихъ въ ихъ двери. Мужчины и женщины, не находившіе въ нихъ мѣста, или тѣ, которые, не чувствуя влеченія къ монастырской жизни, желали, однако, покинуть свѣтъ, отдавъ Богу свое имущество, собирались въ деревняхъ подъ руководствомъ священника, давали обѣтъ безбрачія и предавались напряженнымъ религіознымъ упражненіямъ. Они назывались **бегарами и бегинами**,—нѣчто вродѣ вольныхъ стрѣлковъ монастырской арміи. Эти стремленія къ монашеству, какъ и крестовые походы, не могутъ быть объяснены,—по словамъ автора—одними религіозными побужденіями: они являлись также результатомъ соціальнаго кризиса; многіе безпечные люди видѣли въ этомъ, въ сущности ненормальномъ образѣ жизни, средство избѣгнуть насущныхъ заботъ; что касается членовъ высшаго дворянства, принимавшихъ такое большое участіе въ основаніи монастырей, они въ нихъ находили иногда убѣжище послѣ тревожной жизни и особенно средство обезпечить хорошій доходъ младшимъ членамъ семьи и хилымъ родственникамъ, неспособнымъ къ военной службѣ.

10-я глава отведена авторомъ церковной архитектурѣ (древнія базилики; стили: романскій и готическій). Интересные, очень недурно воспроизведенные политипажи встрѣчаются почти на каждой страницѣ этой главы. По этимъ рисункамъ читатель можетъ получить представленіе о церкви аббатства Пайерн, о Лозанскомъ каѳедральномъ соборѣ (планъ и паперть, называемая апостольской: статуи Моисея, Іоанна Крестителя и св. Іосифа), о капителяхъ церкви Notre-Dame de Valère, о церкви св. Іоанна Крестителя въ Грансонѣ, о Цюрихскомъ соборѣ до окончанія его башенъ, о внутренности коллегіальной церкви св. Николая въ Фрейбургѣ и собора въ Бернѣ.

Въ 11-й главѣ говорится о правахъ XII и XIII вѣковъ, а въ 12-й, послѣдней,—о графахъ Кибургахъ, Савойскихъ и Габсбургскихъ. Заканчивается эта глава обзоромъ борьбы между Петромъ Савойскимъ и Рудольфомъ Габсбургскимъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе перваго выпуска разсматриваемой нами книги. Переводъ сдѣланъ хорошимъ литературнымъ языкомъ.

Н. К-ш-ъ.

---

[1]) Въ двухъ миляхъ къ сѣверу отъ Фрейбурга, въ Брисгау, при входѣ въ Шварцвальдъ, находится деревня Церингенъ, а неподалеку отъ нея, на послѣдней возвышености—развалины древняго замка, бывшаго колыбелью знаменитаго рода герцоговъ Церингенъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1900 г.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками порт
тами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За грани
ОДИННАДЦАТЬ руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщ
почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается
пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ въ С.-Пе
бургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжн
магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій пр
д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова**
(Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсано
Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, №
Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая у
Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☛Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ,
Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. №

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разска
цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII
XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русс
дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и с
скихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искус
переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.
V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія
Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго
мени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только пер
лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по получе
слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи пре
идущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ
случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобны
для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ унич
жаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой сч
не принимаетъ.

☛Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за сл
дующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885
и съ 1888—1899 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ
редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **безплатно**.

Acme
Bookbinding Co., Inc.
300 Summer Street
Boston, Mass. 02210